ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ) МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

На правах рукописи

Копылова Екатерина Алексеевна

ИНСТИТУТ ОБВИНЕНИЯ В РАМКАХ СУБСИДИАРНОЙ ПОДСУДНОСТИ ОРГАНАМ МЕЖДУНАРОДНОЙ УГОЛОВНОЙ ЮСТИЦИИ

Специальность 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Диссертация на соискание ученой степени
доктора юридических наук

Научный консультант:
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист
Российской Федерации
Волеводз Александр Григорьевич

Москва 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 6

ГЛАВА I. ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ. СТАНОВЛЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ СУБСИДИАРНОЙ ПОДСУДНОСТИ 64

§ I.1. Понятие и признаки международных уголовных судов 64

§ I.2. Полномочия международных уголовных судов 78

I.2.1. Доктрина естественных полномочий 80

I.2.2. Доктрина подразумеваемых полномочий 91

§ I.3. История современной системы органов международной уголовной юстиции 96

I.3.1. Прообразы международных уголовных судов 98

I.3.2. Теоретический период (вторая половина XIX в. – 1945 г.) 105

I.3.3. Практический период (1945 г. – настоящее время) 147

ГЛАВА II. СУБСИДИАРНАЯ ПОДСУДНОСТЬ ОРГАНАМ МЕЖДУНАРОДНОЙ УГОЛОВНОЙ ЮСТИЦИИ 229

§ II.1. Понятие и состав преступлений против отправления международного уголовного правосудия 229

II.1.1. Понятие и виды преступлений по международному праву 230

II.1.2. Понятие преступлений против международного уголовного правосудия 250

II.1.3. Объект преступлений против международного уголовного правосудия 261

II.1.4. Субъект преступлений против международного уголовного правосудия 266

II.1.5. Классификация преступлений против международного уголовного правосудия 299

§ II.2. Составы преступлений против отправления международного уголовного правосудия 303

II.2.1. Дача ложных показаний 303

II.2.2. Представление заведомо ложных или сфальсифицированных доказательств 325

II.2.3. Противоправное оказание воздействия на свидетеля, создание препятствий, устрашение или противоправное воздействие на должностное лицо суда с целью принудить или убедить должностное лицо не выполнять или выполнять ненадлежащим образом свои обязанности 360

II.2.4. Создание препятствий или помех присутствию свидетеля или даче им показаний 375

II.2.5. Действия в отношении свидетеля из мести за дачу им показаний или в отношении должностного лица суда из мести за исполнение этим или иным должностным лицом своих обязанностей 379

II.2.6. Уничтожение доказательств, их фальсификация или препятствование их сбору 384

II.2.6.1. Уничтожение доказательств 385

II.2.6.2. Фальсификация доказательств 389

II.2.6.3. Препятствование сбору доказательств 392

II.2.6.4. Заведомо неправильный перевод устной или письменной речи или записи устной речи 393

II.2.7. Вымогательство или получение взятки должностным лицом международного уголовного суда 399

II.2.8. Разглашение сведений, составляющих судебную тайну либо тайну следствия 411

II.2.9. Содействие заведомо обвиняемому лицу в покидании территории, на которую распространяется юрисдикция международного уголовного суда 427

II.2.10. Клевета в отношении судьи или другого должностного лица международного уголовного суда 434

II.2.11. Отказ или уклонение свидетеля от дачи показаний, неявка по вызову либо непредоставление документов по требованию суда 445

II.2.12. Злостное уклонение от исполнения приговора в виде уплаты штрафа 455

§ II.3. Ответственность за преступления против правосудия, связанные со злоупотреблением полномочиями должностными лицами международных уголовных судов 462

II.3.1. Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности 464

II.3.2. Реализация в национальных юрисдикциях ответственности за преступления против правосудия, связанные со злоупотреблением полномочиями должностными лицами международных уголовных судов ... 469

ГЛАВА III. ПРОКУРОР (ОБВИНИТЕЛЬ) *AMICUS CURIAE* КАК СУБЪЕКТ ОБВИНЕНИЯ В ОРГАНАХ МЕЖДУНАРОДНОЙ УГОЛОВНОЙ ЮСТИЦИИ 477

§ III.1. Институт *amicus curiae* 477

III.1.1. Институт *amicus curiae* в международном праве 477

III.1.2. Институт *amicus curiae* в международном уголовном праве 499

III.1.2.1. *Amicus curiae* как источник информации по вопросам права 501

III.1.2.2. Соотношение понятий *amicus curiae* и экспертный свидетель 520

III.1.2.3. *Amicus curiae* как гарант справедливого судебного разбирательства 527

§ III.2. Понятие прокурора (обвинителя) *amicus curiae* в международном уголовном праве. Аналоги в национальном уголовном процессе 538

III.2.1. Прокурор (обвинитель) *amicus curiae* как сторона международного уголовного процесса 539

III.2.2. Уставной орган обвинения международных уголовных трибуналов как участник международных уголовных процессов в качестве *amicus curiae* 548

III.2.3. Институт специального прокурора в национальных правопорядках 552

§ III.3. История и современное развитие института прокурора (обвинителя) *AMICUS CURIAE* 569

III.3.1. Институт прокурора (обвинителя) *amicus curiae* в международных уголовных трибуналах *ad hoc* 569

III.3.2. Институт прокурора (обвинителя) *amicus curiae* в Международном уголовном суде 580

ГЛАВА IV. ПОРЯДОК НАЗНАЧЕНИЯ, ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ПРЕКРАЩЕНИЯ ПОЛНОМОЧИЙ ПРОКУРОРА (ОБВИНИТЕЛЯ) *AMICUS CURIAE* 592

§ IV.1. Основания назначения прокурора (обвинителя) *AMICUS CURIAE*. 592

§ IV.2. Порядок назначения и требования к прокурору (обвинителю) *AMICUS CURIAE* 600

§ IV.3. Основания прекращения полномочий прокурора (обвинителя) *AMICUS CURIAE* 607

§ IV.4. Принципы деятельности прокурора (обвинителя) *AMICUS CURIAE* 611

§ IV.5. Международно-правовые иммунитеты и привилегии прокурора (обвинителя) *AMICUS CURIAE* 624

§ IV.6. Специализация обвинения в международных уголовных судах как альтернатива прокурору (обвинителю) *AMICUS CURIAE* 644

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 660

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СОКРАЩЕНИЙ 675

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ 677

ПРИЛОЖЕНИЕ 771

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность диссертационного исследования обусловлена: во-первых, непреходящим интересом государств, в т.ч. Российской Федерации, к международному уголовному правосудию как способу коллективной борьбы с наиболее серьезными нарушениями международного права[1]; во-вторых, массовостью преступлений (покушений на преступления) против международного уголовного правосудия в ходе международных уголовных процессов; в-третьих, ключевой ролью обвинения в предупреждении преступлений против правосудия и преследовании виновных в их совершении.

В классической теории международного права принято считать, что его нормы создаются посредством согласования воль государств[2]. Этот процесс не есть нечто застывшее; его динамика проявляется, в частности, в стремлении государств к выработке коллективных механизмов противодействия наиболее тяжким нарушениям международного правопорядка – геноциду, преступлениям против человечности, военным преступлениям, развязыванию агрессивной войны. Международное уголовное правосудие, понимаемое как учреждение и обеспечение надлежащего функционирования международных судебных органов для привлечения к уголовной ответственности лиц, виновных в совершении международных преступлений, представляет собой одно из важнейших направлений такого коллективного противодействия.

---

[1] См., например: *Медведев Д.А*. О необходимости создания специального международного трибунала для преступлений киевского режима [Электронный ресурс]. // РИА Новости. 2025. 28 апр. – URL: https://ria.ru/20250429/sud-2014071143.html (дата обращения: 30.04.2025); *Бастрыкин А.И.* Для украинских преступников надо создать военный трибунал [Электронный ресурс]. // Парламентская газета. 2025. 8 июня. – URL: https://www.pnp.ru/politics/bastrykin-dlya-ukrainskih-prestupnikov-nado-sozdat-voennyy-tribunal.html (дата обращения: 15.07.2027); *Слуцкий Л.Э.* О необходимости создания Нюрнбергского трибунала-2 по делу о преступлениях киевского режима [Электронный ресурс]. // Telegram-канал Л. Слуцкого. – 2025. – URL: https://t.me/s/slutsky_l?before=1529 (дата обращения: 12.09.2025).

[2] Концепция согласования воль государств как основы нормообразования в международном праве была наиболее полно разработана проф. Г.И. Тункиным. Несмотря на широкое признание, данная теория подвергалась и продолжает подвергаться серьезной критике как в отечественной, так и в зарубежной доктрине. Совокупность контраргументов показывает, что теория согласования воль, при всей ее научной ценности, не может претендовать на роль универсального объяснения нормообразования в международном праве.

Поддержание и восстановление нарушенного международного мира и безопасности является центральной задачей, стоящей перед современной межгосударственной системой. Именно эта задача была поставлена на первое место среди целей Организации Объединенных Наций, сформулированных в статье 1 ее Устава[3]. Российская Федерация, выступая правопреемником Советского Союза, последовательно заявляет о своей неукоснительной приверженности целям Устава ООН. Так, в Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229, указано: «В целях содействия адаптации мироустройства к реалиям многополярного мира Российская Федерация намерена уделять приоритетное внимание восстановлению роли ООН в качестве центрального координирующего механизма в согласовании интересов государств – членов ООН и их действий по достижению целей Устава ООН»[4].

Источники угрозы международному миру и безопасности многообразны. К наиболее очевидным из них относятся серьезные нарушения международного права – совершение геноцида, преступлений против человечности, военных преступлений, развязывание агрессивной войны. Совершенствование способов коллективной борьбы с ними должно составлять один из приоритетов всех субъектов международного права, и прежде всего государств. Результаты этой борьбы во многом зависят от эффективности многопланового межгосударственного сотрудничества, одним из важнейших направлений которого является организация отправления международного уголовного правосудия[5].

---

[3] «Организация Объединенных Наций преследует цели: 1. Поддерживать международный мир и безопасность и с этой целью принимать эффективные коллективные меры для предотвращения и устранения угрозы миру и подавления актов агрессии или других нарушений мира и проводить мирными средствами, в согласии с принципами справедливости и международного права, улаживание или разрешение международных споров или ситуаций, которые могут привести к нарушению мира».

[4] Пп. 3 п. 19 Указа Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 14. Ст. 2406.

[5] *Копылова Е.А.* Преступления против отправления международного уголовного правосудия : дис. … канд. юрид. наук. М., 2017. С. 4.

Трудно однозначно оценить деятельность существовавших до сих пор органов международной уголовной юстиции. Практически все они подвергались и продолжают подвергаться обвинениям в политизированности[6], с которыми порой невозможно не согласиться. Однобокая политика преследований Международного уголовного суда (далее – МУС) в рамках ситуации на Украине – яркое тому подтверждение. По информации из открытых источников, только в период с января по сентябрь 2023 г. в МУС было направлено более 500 сообщений о международных преступлениях, совершенных украинской стороной конфликта[7], однако ни одно из них не было расследовано. Проанализировав этот, а также ряд других факторов, члены Международно-правового совета при Министерстве иностранных дел Российской Федерации пришли к следующему выводу: «В своей деятельности МУС отошел как от своих первоначальных целей, заложенных Римским статутом, так и в целом от норм и принципов международного права. Налицо признаки его политизации и ангажированности. Совокупность допускаемых МУС и его прокурором нарушений международного права, процедурных упущений, вмешательства посторонних политических факторов, позволяет ставить вопрос об утрате Судом авторитета в глазах значительной части международного сообщества и как следствие – его легитимности»[8].

Недовольство деятельностью МУС выражают и другие государства. 21 ноября 2024 г. МУС выдал ордера на арест премьер-министра Израиля Б.Нетаньяху и бывшего министра обороны Израиля Й.Галланта, подозреваемых в совершении преступлений против человечности и военных преступлений в

---

[6] См., например: «Заместитель постоянного представителя России при ООН Геннадий Кузьмин заявил, что принятое в Гааге решение стало продолжением политизированного курса Международного трибунала по бывшей Югославии», цит. по: Миссия РФ при ООН прокомментировала решение подтвердить пожизненный приговор Младичу [Электронный ресурс]. // ТАСС: сайт. 2021. 9 июня. – URL: https://tass.ru/politika/11601365 (дата обращения: 01.02.2025).

[7] В МУС направили более 500 исков о преступлениях киевского режима. [Электронный ресурс]. // РИА Новости: сайт. 2023. 26 сен. – URL: https://ria.ru/20230926/ukraina-1898821722.html (дата обращения - 01.02.2025).

[8] Проблемы правомерности деятельности Международного уголовного суда: Заключение Международно-правового совета при МИД России. Москва: Дипломатическая академия МИД России, 2024. 64 с.

период с 8 октября 2023 г. по 20 мая 2024 г.[9] 6 февраля 2025 г. президент США Д.Трамп подписал указ о санкциях против МУС[10] . Согласно документу, процедура предварительного расследования МУС в отношении военных США и Израиля посягает «на суверенитет Соединенных Штатов и подрывает важнейшую деятельность правительства США и [их] союзников, включая Израиль, в области национальной безопасности и внешней политики». Санкции блокируют доступ МУС к банковским и платежным системам, а также к IT-инфраструктуре; по ряду оценок, блокировка облачной платформы *Microsoft Azure*, используемой судом для хранения доказательств, способна парализовать работу учреждения[11].

Вместе с тем было бы ошибочным – и с научной, и с практической точки зрения – заключать из критических позиций государств в отношении МУС о несостоятельности самой концепции международного уголовного правосудия, формировавшейся на протяжении более столетия. Напротив: обстоятельства, вызывающие столь острую негативную реакцию, подчеркивают необходимость устранения факторов, в том числе правовых, которые препятствуют коллективным усилиям государств в борьбе с серьезными нарушениями международного права, и указывают на потребность в совершенствовании этой системы.

Пример Международного Военного Трибунала[12] (далее – МВТ), который все же можно признать позитивным, оставив за скобками все трудности

---

[9] Situation in the State of Palestine: ICC Pre-Trial Chamber I rejects the State of Israel's challenges to jurisdiction and Iss.s warrants of arrest for Benjamin Netanyahu and Yoav Gallant. [Электронный ресурс]. // International Criminal Court: сайт. 2024. 21 ноя. - URL: https://www.icc-cpi.int/news/situation-state-palestine-icc-pre-trial-chamber-i-rejects-state-israels-challenges (дата обращения: 08.02.2025).

[10] Imposing Sanctions on the International Criminal Court. Executive Order. [Электронный ресурс]. // White House: сайт. – 2025. – 6 фев. – URL: https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/02/imposing-sanctions-on-the-international-criminal-court/ (дата обращения: 08.02.2025).

[11] Трамп ввел санкции против МУС. [Электронный ресурс]. // РБК: сайт. – 2025. – 7 фев. – URL: https://www.rbc.ru/politics/07/02/2025/67a538389a79470b867ba00a (дата обращения: 08.02.2025).

[12] Соглашение между Правительствами Союза Советских Социалистических Республик, Соединенных Штатов Америки, Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии и Временным Правительством Французской Республики о судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран оси. Устав Международного

межгосударственного взаимодействия в сложном послевоенном контексте, также позволяет надеяться на то, что международное уголовное правосудие как одно из направлений коллективного поддержания международного мира и безопасности не утратило свою актуальность. Более того, идея создания международного уголовного суда *ad hoc* для преследования лиц, виновных в совершении международных преступлений в ходе событий на территории Украины и России в период с 2014 г., неоднократно публично озвучивалась представителями правоохранительных органов Российской Федерации, а также общественными деятелями[13]. На перспективу его создания весь накопленный опыт международных уголовных трибуналов заслуживает внимательного изучения, в т.ч. в части, касающейся гарантий невмешательства в их деятельность.

Должное функционирование международных уголовных судов (органов международной уголовной юстиции) включает в себя разработку юридически грамотных и практически состоятельных механизмов отправления правосудия, а также реагирования на внешнее вмешательство в этот процесс[14]. Наиболее значимым из них является институт юридической ответственности за совершение преступлений против отправления международного правосудия. Под ними понимаются совершаемые физическими и юридическими лицами, международными организациями и государствами противоправные наказуемые деяния, посягающие на и угрожающие международному миру и безопасности, а также международным отношениям, которые: 1) складываются между государствами и/или международными организациями в связи с учреждением международных судебных органов для отправления правосудия по делам о международных преступлениях и обеспечению их деятельности; или 2)

Военного Трибунала Сборник действующих договоров соглашений и конвенций, заключенных СССР и иностранными государствами. – М.: Политиздат, 1955. - № 11. - С. 163 – 183.

[13] См., например: Бастрыкин предложил собрать международный трибунал над украинскими националистами. [Электронный ресурс]. // Следственный комитет Российской Федерации: сайт. 2022. 25 июл. – URL: http://sledcom.ru/press/smi/item/1709442/ (дата обращения: 01.02.2025); Бастрыкин призвал готовить международный суд над киевскими преступниками». [Электронный ресурс]. // РИА Новости: сайт. 2023. 17 мар. – URL: https://ria.ru/20230317/sud-1858610030.html (дата обращения: 01.02.2025).

[14] *Копылова Е.А.* Преступления против отправления международного уголовного правосудия. С. 5.

возникают в связи с расследованием и уголовным преследованием этими органами различных преступлений, назначением и исполнением наказаний за их совершение и ответственность за которые установлена международным правом[15].

Подсудность международным уголовным судам (органам международной уголовной юстиции) в отношении преступлений против отправления международного уголовного правосудия носит субсидиарный характер – в противовес основной подсудности дел о международных преступлениях. Однако это не означает, что они менее опасны. Преступления против отправления международного уголовного правосудия, по существу, способствуют уклонению от ответственности лиц, виновных в международных преступлениях, препятствуют эффективному уголовному преследованию и подрывают доверие к международному судопроизводству, создавая тем самым условия для повторения международных преступлений в будущем. Иными словами, они подрывают саму основу того коллективного механизма поддержания международного мира и безопасности, который с таким трудом выстраивался государствами на протяжении десятилетий.

Практика международных уголовных судов дает обширный и весьма тревожный материал, свидетельствующий о масштабности проблемы. Приведем лишь несколько примеров. Вследствие систематического противоправного воздействия ключевые свидетели обвинения по делу против вице-президента Кении У. Руто и соучастников, возбужденному МУС по факту совершения преступлений против человечности в 2007 г. в Кении, отказались в ходе судебных заседаний от показаний, данных на стадии предварительного расследования[16]. Это повлекло за собой прекращение дела.

Как отмечают судьи Международного уголовного трибунала по Руанде в контексте разбирательства по факту оказания противоправного влияния на свидетеля, «такие деяния должны быть наказаны, чтобы предупредить их

---

[15] Там же. С.108-109.

[16] См., например: *The Prosecutor v. William Samoei Ruto and Joshua Arap Sang*, Public redacted version of «Prosecution's request for the admission of prior recorded testimony of [REDACTED] witnesses» (ICC-01/09-01/11-1866-Red), 29 April 2015, §§ 5, 63 et seq.

совершение в будущем, будь это в рамках [Международного остаточного] [м]еханизма для международных уголовных трибуналов, руандийских или других судов. Более того, закрыть на них глаза – значит серьезно подорвать репутацию [Международного уголовного трибунала для Руанды] как вершителя правосудия в глазах общественности»[17].

Бывший Прокурор МУС Ф. Бенсуда, выступая 29 сентября 2015 г. на открытии процесса по делу «Прокурор против Ж.-П. Бемба Гомбо, Э. Килоло Мусамба, Ж.-Ж. Мангенда Кабонго, Ф. Бабала Ванду и Н. Аридо» (далее – дело «Бемба и другие»), отметила, что «те, кто извращает отправление правосудия, сами должны быть ему преданы»[18]. Она подчеркнула, что неуклонное расследование и преследование подобных деяний является одной из приоритетных задач Канцелярии Прокурора МУС по обеспечению эффективного выполнения Судом своих функций[19].

Преступления против отправления правосудия совершаются в ходе международных уголовных процессов несравнимо чаще, чем это отражает статистика их преследований. Профессор А. Вайтинг[20] пишет о «безудержно прогрессирующем количестве вмешательств [в отправление правосудия], угрожающем [Международному уголовному суду]»[21]. Предположительно посягательства на отправление международного уголовного правосудия совершались уже в рамках самого первого дела, рассмотренного МУС, – «Прокурор против Т.Лубанги». При этом под подозрение попали три посредника, сотрудничавших с Канцелярией Прокурора. Судьи предписали Прокурору

---

[17] *The Prosecutor v. Augistin Ngirabatware,* Decision on Allegations of Contempt (ICTR-99-54-T), 21 February 2013, § 14.

[18] *The Prosecutor v. Jean-Pierre Bemba, et al.,* Trial Transcript (ICC-01/05-01/13-T-10-Red-ENG), 29 September 2015, p. 27, lns. 15–16.

[19] *Ibid.*, lns. 19–12.

[20] Профессор Гарвардского университета (2013 г. – наст. вр.); глава Следственного департамента, Департамента уголовных преследований МУС (2010–2013 гг.); прокурор МТБЮ (2002–2007 гг.).

[21] *Whiting A.* Lenient Sentences in Int'l Criminal Court Obstruction Case Undermine Court's Authority. [Электронный ресурс]. // URL: https://www.justsecurity.org/ (дата обращения: 26.01.2025).

провести расследование, приняв меры к устранению конфликта интересов[22]. Прокурор обратился с соответствующей просьбой к прокурору из другого международного суда[23], который, очевидно, не обнаружил в ходе следственных действий оснований для возбуждения уголовного дела.

При этом масштабность преступлений против отправления международного уголовного правосудия неуклонно возрастает. Вышеупомянутое дело против У.Руто и соучастников показательно и с этой точки зрения. Так, по версии стороны обвинения, как минимум 16 из 42 свидетелей отказались от дальнейшего участия в процессе вследствие угроз и иных действий, направленных на их устрашение[24].

Не менее показательно первое дело о преступлениях против отправления правосудия, рассмотренное МУС, – *дело Бемба и другие*[25]. В его основу легла теория стороны обвинения о том, что в период с конца 2011 по ноябрь 2013 г. противоправному воздействию со стороны обвиняемых подверглись как минимум 14 из 31 свидетеля защиты по делу о военных преступлениях и преступлениях против человечности, возбужденному против бывшего вице-президента Демократической Республики Конго Ж.-П. Бемба Гомбо[26]. Иными словами, по мнению Прокурора, около половины свидетелей, вызванных для доказывания невиновности Ж.-П. Бемба, дали ложные показания с подачи обвиняемых. По итогам предварительного производства по этому делу судьи утвердили 180 пунктов обвинения, а 19 октября 2016 г. Седьмая судебная палата МУС признала всех пятерых обвиняемых виновными в разной степени в инкриминируемых им деяниях[27].

---

[22] *The Prosecutor v. Thomas Lubanga Dyilo,* Judgment Pursuant to Article 74 of the Statute (ICC-01/04-01/06-2842), 14 March 2012, § 483.

[23] *Ribeiro C.* Intervention at the International Bar Association Round table discussion ‘Witnesses Under Threat? Part 2: The International Criminal Court and managing/protecting witnesses’. [Электронный ресурс]. // URL: http://www.ibanet.org/ (дата обращения: 26.01.2025).

[24] *Ibid.,* § 10.

[25] *The Prosecutor v. Jean-Pierre Bemba, et al.* (ICC-01/05-01/13).

[26] *The Prosecutor v. Jean-Pierre Bemba* (ICC-01/05-01/08).

[27] *The Prosecutor v. Jean-Pierre Bemba, et al.*, Public Redacted Version of Judgment pursuant to Article 74 of the Statute (ICC-01/05-01/13-1989-Red), 19 October 2016 (*Bemba, et al.* Trial Judgment).

В общей сложности за все время функционирования Нюрнбергских военных трибуналов, действовавших в американской зоне оккупации в период с 1946 по 1949 г., было завершено три преследования по факту посягательств против отправления правосудия[28], двадцать четыре – в рамках Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии[29], два – в рамках Международного уголовного трибунала по Руанде[30], семь – в рамках Специального суда по Сьерра-Леоне[31], два – в рамках Специального трибунала по Ливану[32], одно – в Международном уголовном суде[33], и по итогам расследования еще двух этим же судом был выдан ордер на арест[34], одно – в Международном остаточном механизме для международных уголовных трибуналов[35], еще одно находится на рассмотрении[36], и еще одно было передано государству (Сербия) для осуществления преследования[37].

---

[28] См.: Trials of War Criminals before the Nuernberg Military Tribunals under Control Council Law № 10 (Nuremberg, October 1946 – April 1949) / International Military Tribunal. – Washington, D.C.: U.S. G.P.O., 1949–1953. – T. XV. – P. 965–1013.

[29] *Prosecutor v. Avramović and Simić* (IT-95-9-R77); *Prosecutor v. Beqaj* (IT-03-66-R77); *Prosecutor v. Bulatović* (IT-02-54/R-77.4); *Prosecutor v. Haraqija and Morina* (IT-04-84-R77.4); *Prosecutor v. Hartmann* (IT-02-54-R77.5); *Prosecutor v. Haxhiu* (IT-04-84-R77.5); *Prosecutor v. Jokić* (IT-05-88-R77.1); *Prosecutor v. Jović* (IT-95-14 and 14/2-R77); *Prosecutor v. Kabashi* (IT-04-84-R77.1); *Prosecutor v. Krstić* (IT-95-5/18-R77.3); *Prosecutor v. Margetić* (IT 95-14-R77.6); *Prosecutor v. Marijačić and Rebić* (IT-95-14-R77.2); *Prosecutor v. Milka Maglov* (IT-99-36-R77); *Prosecutor v. Nobilo* (IT-95-14/1-AR77); *Prosecutor v. Pećanac* (IT-05-88/2-R77.2); Prosecutor v. Petković (IT-03-67-R77.1-I); *Prosecutor v. Rašić* (IT-98-32/1-R77.2); *Prosecutor v. Šešelj* (IT-03-67-R77.2) First contempt case; *Prosecutor v. Šešelj* (IT-03-67-R77.3) Second contempt case; *Prosecutor v. Šešelj* (IT-03-67-R77.4) *Third contempt case; Prosecutor v. Tabaković* (IT-98-32/1-R77.1); *Prosecutor v. Tupajić* (IT-95-5/18-R77.2); *Prosecutor v. Vujin* (IT-94-1-A-R77); *Prosecutor v. Zečević* (IT-95-5/18-R77.1).

[30] *Prosecutor v. GAA* (ICTR-07-90-R77); *Prosecutor v. Nshogoza* (ICTR-07-91).

[31] *Independent Counsel v. Samura* (SCSL-05-02); *Independent Counsel v. Brima, Jalloh and Kamara* (SCSL-05-02); *Independent Counsel v. Kamara* (SCSL-05-03); *Independent Prosecutor v. Senessie* (SCSL-11-01-ES*); Independent Prosecutor v. Bangura, Kargbo, Kanu and Kamara* (SCSL-11-02); *In the Matter of Contempt Proceedings Arising from the Case of Prosecutor v. Taylor* (SCSL-12-01); *Independent Counsel v. Prince Taylor* (SCSL-12-02).

[32] *Re Al Jadeed [Co.] S.A.L./New TV S.A.L. (N.T.V.) and Karma Mohamed Thasin Al Khayat* (STL-14-05); *Re Akhbar Beirut S.A.L. and Mr Ibrahim Mohamed Ali Al Amin* (STL-14-06).

[33] *Prosecutor v. Bemba, Kilolo, Mangenda, Babala and Arido* (ICC-01/05-01/13) (далее – *Prosecutor v. Bemba, et al.*).

[34] *The Prosecutor v. Walter Barasa* (ICC-01/09-01/13).

[35] *The Prosecutor v. Anselme Nzabonimpa et al.* (MICT-18-116)

[36] *The Prosecutor v. Petar Jojić and Vjerica Radeta* (MICT-17-111-R90).

[37] *Šešelj et al.* (MICT-23-129-I)

Приведенная статистика указывает на несистемный подход к преследованию преступлений против отправления международного уголовного правосудия. К этому есть несколько предпосылок.

Во-первых, материальные и процессуальные правовые нормы, касающиеся института преступлений против отправления международного правосудия, – иными словами, основания и порядок их преследования, – сформировались не сразу. Их появление – это, во многом, результат судейского реагирования на обстоятельства, возникавшие по ходу рассмотрения конкретных дел.

Во-вторых, выявлению и документированию событий преступлений препятствуют сложнейшие политические, географические и правовые условия, в которых протекают международные уголовные процессы.

В-третьих, – и это обстоятельство представляется особенно существенным с точки зрения теории уголовного процесса, – институт обвинения по делам о преступлениях против международного уголовного правосудия остается недостаточно развитым. Такие деяния чаще всего совершаются участниками судопроизводства – непосредственно или опосредованно. Будучи одним из этих участников и располагая неограниченным усмотрением в вопросе о возбуждении уголовного дела, уставной орган обвинения может быть обоснованно заподозрен в предвзятости. Представители защиты неоднократно обращали внимание судей на политику «двойных стандартов» уставного органа обвинения: толерантность к представителям обвинения и более непримиримое отношение к представителям защиты[38].

Впервые на эту проблему обратили внимание судьи Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии в 2001 г. в деле против защитника З. Алексовски А. Нобило[39]. Для гарантии справедливости судопроизводства в таких случаях ими было предложено временно поручать функции следствия и обвинения третьему лицу, обладающему высокими моральными качествами и

[38] См., например: *The Prosecutor v. William Samoei Ruto and Joshua Arap Sang*, Public redacted version of «Ruto defence request to appoint an *amicus* prosecutor» (ICC-01/09-01/11-2028-Red), 2 May 2016 (Ruto Defence Request for an Amicus).

[39] *The Prosecutor v. Zlatko Aleksovski*, Judgment on Appeal by Anto Nobilo against Finding of Contempt, 31 May 2001, IT-95-14/1-AR77.

имеющему должную квалификацию по вопросам международного уголовного права и процесса, – прокурору (обвинителю) *amicus curiae*.

Практика подтверждает эти опасения. Многие сообщения о фактах преступлений против правосудия остаются без реагирования – в особенности те, к которым потенциально причастны лица, связанные с обвинением. В рамках вышеупомянутого дела против У. Руто и соучастников защита обращала внимание суда и Прокурора на обстоятельства, указывающие на потенциальную причастность лиц, связанных с Канцелярией Прокурора, к совершению посягательств на отправление международного уголовного правосудия свидетелями обвинения. Адвокат защиты первоначально ходатайствовал о проведении независимого расследования специально назначенным третьим лицом под непосредственным надзором Прокурора и ее заместителя[40]. После того, как Канцелярия Прокурора сочла данное предложение несвоевременным, защита обратилась к суду с просьбой поручить расследование прокурору (обвинителю) *amicus curiae*[41].

Обвиняемый по делу Бемба и другие Э.Килоло – бывший адвокат Ж.-П. Бемба по основному делу о военных преступлениях – также обращался в суд с ходатайством об отводе Прокурора, заместителя Прокурора и всех сотрудников Канцелярии, ссылаясь на их пристрастность[42]. Помимо прочего, он указывал также на наличие конфликта интересов в связи с одновременным участием Канцелярии Прокурора в качестве органа обвинения по основному и смежному делам.

Совпадение органа обвинения в рамках основной и субсидиарной подсудности органам международной уголовной юстиции действительно не вполне согласуется с международными стандартами справедливого правосудия. Процессы о преступлениях против правосудия зачастую открывают стороне

---

[40] *Ibid.*, §§ 6-7.

[41] *The Prosecutor v. William Samoei Ruto and Joshua Arap Sang*, Trial Transcript (ICC-01/09-01/11-T-189), 29 January 2015, p.106, ln.3-p.107, ln.21.

[42] *The Prosecutor v. Jean-Pierre Bemba, et al.*, Requête aux fins de récusation de l'Accusation dans le cadre de l'enquête et des poursuites visant M. Aimé Kilolo Musamba (ICC-01/05-01/13-233-Red), 5 mars 2014.

обвинения доступ к конфиденциальным материалам защиты по основному делу. При совпадении органов обвинения по обоим делам поступление этих материалов в распоряжение обвинителя нарушает право обвиняемого на защиту – одно из основополагающих прав, признаваемых всеми правовыми системами.

Практика показывает, что механизмы, к которым вынуждены прибегать международные уголовные суды во имя обеспечения этого права, далеки от совершенства. Например, в деле Бемба и другие МУС назначил третье лицо – «независимого адвоката»[43] – для предварительной выборки материалов, поступивших от государственных правоохранительных органов, во избежание попадания в распоряжение Прокурора информации, охраняемой адвокатской тайной по основному делу против Ж.-П. Бемба о военных преступлениях[44]. Не исключено, что непрозрачность критериев, которые применял независимый адвокат, неполнота его представления о теории обвинения и о типе искомой информации, лишила Прокурора важных доказательств.

Аналогично, попытка исключить контакты между сотрудниками Прокуратуры, в производстве которых находятся основное и смежное уголовные дела[45], не может рассматриваться в качестве действенного механизма обеспечения права обвиняемого на защиту. Во-первых, сам Прокурор и его заместитель имеют доступ ко всем материалам, приобщенным к делам, расследуемым Канцелярией, а также просматривают и подписывают все исходящие и являются адресатами всех входящих документов. Во-вторых, при невозможности взаимодействовать с коллегами обвинители по обоим делам лишаются ценного источника информации, а значит, возможности выполнять свои функции качественно и полноценно. Наконец, крайне затруднительно пресечь деловые контакты между сотрудниками, которые ежедневно работают в непосредственной близости друг к другу.

---

[43] Англ.: «*independent counsel*».

[44] *The Prosecutor v. Jean-Pierre Bemba, et al.*, Decision Appointing an Independent Counsel and Taking Additional Measures for the Purposes of the Forensic Acquisition of Material Seized in the Proceedings (ICC-01/05-01/13-41), 13 December 2013.

[45] В международной практике этот прием именуется «возведением Китайской стены».

Посягательства на правосудие представляют собой серьезный вызов для всей системы международного уголовного правосудия. Борьба с ними должна быть организованной, планомерной и основанной на твердой международно-правовой базе. Как показывает практика, непредвзятое и скрупулезное международное обвинение является обязательным условием эффективности этой борьбы.

В свете всего вышесказанного потребность в органе обвинения, беспристрастность и эффективность которого в отношении преследования посягательств на международное уголовное правосудие были бы вне подозрений, ощущается все более остро. Очевидной и насущной представляется научная разработка всеобъемлющего и детального регулирования института обвинения в рамках субсидиарной подсудности органам международной уголовной юстиции.

Теоретическое осмысление вопросов, связанных с институтом обвинения в международных уголовных судах, необходимо для того, чтобы государства – при учреждении новых или реформировании существующих органов международной уголовной юстиции – могли опираться на научно обоснованные и практически состоятельные решения. Отечественная наука международного права, продолжая традиции глубокого теоретического анализа и неразрывной связи с практикой, имеет все основания для того, чтобы внести весомый вклад в разработку этой проблематики, закрепив тем самым ведущие позиции российской правовой школы в одной из наиболее актуальных областей современного международного права.

Степень научной разработанности процессуального института обвинения в рамках субсидиарной подсудности органам международной уголовной юстиции остается весьма низкой как в России, так и за рубежом. Помимо публикаций автора настоящей диссертации, сегодня в отечественной и иностранной доктрине отсутствуют не только его комплексные и всеобъемлющие научные исследования, но даже и публикации, которые были бы посвящены изучению его отдельных аспектов.

Отсутствие научной разработки института прокурора (обвинителя) *amicus curiae* является серьезным пробелом в остальном глубоких трудов, посвященных институту *amicus curiae* в международном уголовном праве. Авторы изданной в 2020 г. монографии «*Amicus curiae* в международном уголовном правосудии» С.Вильямс, Х.Вулавер и Э.Палмер сделали осознанный выбор оставить его за рамками своего исследования, ссылаясь на некорректность использования латинского выражения «*amicus curiae*» в данном контексте. По их мнению, прокурор (обвинитель) *amicus curiae* не является подвидом *amicus curiae*[46]. В настоящей диссертации отстаивается противоположный подход. Видится, что исходное допущение указанных авторов носит методологически спорный характер: фактически отождествляется содержание понятия *amicus curiae*, сложившееся в англосаксонских правопорядках, с его международно-правовым содержанием и тем самым априори исключается возможность более широкого понимания этого института на уровне международного права.

Более обоснованным представляется иное решение: абстрагируясь от национально-правовых конструкций, следует исходить из практики международного правопорядка и выявить все случаи употребления термина *amicus curiae* в международных договорах, актах международных судов и трибуналов. Путем логической индукции возможно сгруппировать однородные казусы и тем самым уяснить международно-правовое содержание рассматриваемого понятия. При таком подходе – как будет показано в дальнейшем – прокурор (обвинитель) *amicus curiae*, несомненно, может и должен рассматриваться как один из видов *amicus curiae* в международном уголовном праве.

Характерно, что и в более ранней публикации С. Вильямс и Х. Вулавер, где затрагиваются особенности участия *amicus curiae* в производствах в международных уголовных трибуналах *ad hoc* в связи с посягательствами на

---

[46] *Williams S., Woolaver H.* The Role of the *Amicus curiae* before International Criminal Tribunals // International Criminal Law Review. 2006. Vol. 6, № 2. P.183; *Williams S., Woolaver H., Palmer E.* The *Amicus curiae* in International Criminal Justice. Oxford: Hart Publishing, 2020. P. 92.

отправление правосудия[47], авторы ограничиваются изложением фабулы двух дел и не переходят к собственно научному анализу данного правового феномена, вновь ссылаясь на некорректность употребления термина *amicus curiae* в рассматриваемом контексте. Тем самым практика международных уголовных трибуналов используется лишь фрагментарно и не становится объектом системного теоретического исследования.

Монография А. Виик «*Amicus curiae* в международных судах и трибуналах» (2017 г.) представляет собой детальное исследование международно-правового института *amicus curiae*, однако и в ней институт прокурора (обвинителя) *amicus curiae* фактически остается вне поля зрения, поскольку автор сознательно исключает из анализа практику органов международной уголовной юстиции[48].

Аналогичным образом Л. Крема в работе «Тестирование *amicus curiae* в международном праве: теория и практика» не обращается к опыту международных уголовных судов, что еще более подчеркивает существующую лакуну в доктрине[49].

Институту *amicus curiae* в праве международных судов и трибуналов посвящена одноименная статья Л.Бартоломеуша[50]. В отличие от предыдущих ученых он отдельно исследует практику его использования в контексте международных уголовных трибуналов. Однако даже здесь институт прокурора (обвинителя) *amicus curiae* остается фактически нерассмотренным, хотя к моменту выхода публикации в Международном уголовном трибунале по бывшей Югославии уже был завершен первый процесс с участием такого прокурора. Это еще раз свидетельствует о том, что наиболее специфические и одновременно принципиально важные аспекты участия *amicus curiae* в международном уголовном процессе до сих пор не получили надлежащего научного осмысления.

---

[47] *Williams S., Woolaver H., op.cit.,* p.159-164.

[48] *Wiik A. Amicus curiae* Before International Courts and Tribunals. Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft mbH & Co. KG, 2018. 734 p.

[49] *Crema L.* Testing *Amici curiae* in International Law: Rules and Practice // The Italian Yearbook of International Law. 2013. Vol. 22, Iss. 1. P. 91–132.

[50] *Bartholomeusz L.* The *Amicus curiae* before International Courts and Tribunals // Non-State Actors and International Law. 2005. Vol. 5. P. 209–286.

Одна из немногих работ, в которой прямо ставится вопрос об альтернативных уставному органу обвинения МУС механизмах уголовного преследования в рамках субсидиарной подсудности, – статья М. Хиераменте, Ф. Мюллера и Э. Фергюсон[51]. Авторы обращают внимание на модель, выработанную судьями Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии, допускающую судебное инициирование преследования, судебный контроль за его осуществлением, а также участие прокурора (обвинителя) *amicus curiae*, и ставят вопрос о возможности ее заимствования Международным уголовным судом. Тем самым фактически признается то, что институт прокурора (обвинителя) *amicus curiae* может служить важным элементом обеспечения объективности и беспристрастности обвинения при рассмотрении дел в рамках субсидиарной подсудности.

Среди работ, посвященных практике Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии, заслуживает упоминания статья проф. Г. Слоутера, в которой рассматриваются дела о посягательствах на отправление правосудия в рамках субсидиарной подсудности[52]. Автор ставит вопрос о наличии у трибунала юрисдикции в отношении таких посягательств и об альтернативных способах преследования виновных, включая передачу материалов компетентным органам принимающего государства.

Комментарий Ж. Мабанга, участника дела «Бемба и другие» в Международном уголовном суде, содержит критическую оценку отдельных аспектов исполнения ордеров на арест по этому делу[53] и подчеркивает необходимость пересмотра подхода к институту обвинения в рамках

---

[51] *Hiéramente M., Müller Ph., Ferguson E.* Barasa, Bribery and Beyond: Offences against the Administration of Justice at the International Criminal Court // International Criminal Law Review. 2014. Vol. 14, № 6. P. 1123–1149.

[52] *Sluiter G.* The ICTY and Offences against the Administration of Justice // Journal of International Criminal Justice. 2004. Vol. 2, № 2. P. 631–641.

[53] *Mabanga Gh.* Mise en œuvre des compétences répressives subsidiaires de la Cour pénale internationale // Lettre «Actualités Droits-Libertés» du CREDOF. – 2013. – 6 déc. [Электронный ресурс]. – URL: https://revdh.files.wordpress.com/2013/12/lettre-adl-du-credof-6-decembre-2013.pdf (дата обращения: 16.05.2025).

субсидиарной подсудности МУС в связи с риском конфликта интересов уставного органа обвинения.

Вопросы, связанные с реализацией юридической ответственности за совершение преступлений против отправления международного уголовного правосудия, получили более широкое освещение в доктрине, однако и здесь анализ, как правило, носит частичный характер. В отечественной науке монография автора настоящего исследования «Преступления против международного уголовного правосудия» (2019 г.) подробно раскрывает природу и составы соответствующих деяний[54].

Проф. И.С. Марусин исследует основания и порядок привлечения к ответственности за преступления против правосудия в международных судебных учреждениях, сопоставляя положения международных договоров, регулирующих деятельность Европейского Суда по правам человека, Суда Европейских Сообществ[55] и МУС, а также правил процедуры и доказывания МТБЮ и МУТР. Делается вывод о реальности угрозы посягательств на отправление правосудия и необходимости соответствующего правового регулирования на международном и национальном уровнях[56].

Отдельные аспекты защиты интересов правосудия в международном уголовном праве рассматриваются в статье доцента МГИМО МИД России Е.Н. Трикоз, где анализируется концепция «интересов правосудия» в Римском статуте МУС и закрепление в его статье 70 преступности посягательств на отправление правосудия[57].

---

[54] *Копылова Е.А.* Преступления против международного уголовного правосудия. М.: Бослен, 2019. 368 с.

[55] С вступлением в 2009 г. в силу Лиссабонского договора о внесении изменений в Договор о Европейском союзе и Договор об учреждении Европейского сообщества от 13 декабря 2007 г. – «Суд Европейского Союза».

[56] *Марусин И.С.* Основания и порядок привлечения к ответственности за преступления против правосудия в международных судебных учреждениях // Российский ежегодник международного права 2002. СПб.: Россия – Нева, 2002. С. 114–127.

[57] *Трикоз Е.Н.* Преступления против отправления правосудия в международном уголовном праве // Международное уголовное правосудие: современные проблемы. М.: Ин-т права и публичной политики, 2009. С. 227–236.

В зарубежной доктрине данная проблематика, по существу, сводится к комментариям к статье 70 Римского статута под редакцией У. Шаббаса[58], О. Триффтерера[59], Дж. Фернандеса и Кс. Пакро[60] и нескольким статьям, посвященным отдельным казусам. Эти комментарии, при всей их полезности, трудно считать полноценными научными исследованиями: они, как правило, ограничиваются текстуальным толкованием нормы, не используют в достаточной степени общенаучные и специальные методы познания и отличаются лаконичностью.

Н. Берназ анализирует решения Специального трибунала по Ливану об уголовной ответственности юридических лиц за проявление неуважения к суду и приходит к выводу о далеко идущих последствиях признания юрисдикции трибунала в отношении юридических лиц – прежде всего для вопроса о принципиальной возможности международного уголовного преследования юридических лиц в целом[61]. М. Бохландер рассматривает полномочия международных уголовных трибуналов наказывать посягательства на отправление ими правосудия в контексте доктрины естественных и подразумеваемых полномочий, делая вывод о том, что речь идет именно о подразумеваемых, а не о естественных полномочиях[62]. А.-М. де Броуэр исследует проблему воздействия на свидетелей в международных уголовных процессах, классифицируя методы такого воздействия и предлагая способы противодействия[63].

---

[58] *Schabas W.A.* The International Criminal Court: A Commentary on the Rome Statute (2nd ed.). Oxford: Oxford University Press, 2016. 1589 p.

[59] *Triffterer O., Ambos K.* Rome Statute of the International Criminal Court: A Commentary. Verlag C. H. Beck oHG, 2016.

[60] *Fernandez J., Pacreau X., Ubéda-Saillard M.* Statut de Rome de la Cour pénale internationale: commentaire article par article. A.Pedone, 2019.

[61] *Bernaz N.* Corporate Criminal Liability under International Law. The New TV S.A.L. and Akhbar Beirut S.A.L. Cases at the Special Tribunal for Lebanon // Journal of International Criminal Justice. 2015. Vol. 13, № 2. P. 313–330.

[62] *Bohlander M.* International Criminal Tribunals and Their Power to Punish Contempt and False Testimony // Criminal Law Forum. 2001. Vol. 12, № 1. P. 91–118.

[63] *De Brouwer A.-M.* The Problem of Witness Interference before International Criminal Tribunals // International Criminal Law Review. 2015. Vol. 15, № 4. P. 700–732.

Среди обзоров судебной практики международных уголовных трибуналов ad hoc по делам о посягательствах на отправление правосудия центральное место занимает фундаментальный труд под редакцией Г. Слоутера, Х. Фримана, С. Линтона и С. Васильева «Международное уголовное процессуальное право: принципы и правила»[64], а также серия «Аннотированные ключевые дела международных уголовных трибуналов», где отдельные решения анализируются с научно-практических позиций. Однако и здесь внимание, как правило, сосредоточено на конкретных процессуальных вопросах, а институт обвинения в рамках субсидиарной подсудности – особенно в его варианте прокурора (обвинителя) *amicus curiae* – рассматривается лишь эпизодически или вовсе не затрагивается.

Перечисленные научные работы, безусловно, свидетельствуют об устойчивом интересе научного сообщества к проблематике, затрагиваемой в настоящей диссертации. Вместе с тем нельзя не отметить фрагментарность и несистемный характер имеющихся исследований именно в той части, которая касается процессуального института обвинения в рамках субсидиарной подсудности органам международной уголовной юстиции и, в особенности, фигуры прокурора (обвинителя) *amicus curiae*. Это обстоятельство дополнительно подчеркивает актуальность избранной темы и позволяет говорить о насущной потребности в ее всесторонней теоретической разработке в рамках современной науки международного уголовного права и процесса.

Цель исследования заключается в формировании всестороннего и системного представления об органе обвинения в рамках субсидиарной подсудности органам международной уголовной юстиции, о его месте в системе органов международного уголовного правосудия, выявлении пробелов в правовом регулировании данного института и выработке научно обоснованных рекомендаций и предложений по их устранению, а также в целом по

[64] *Sluiter G., Friman H., Linton S., Zappala S., Vasiliev S.* (eds.) International Criminal Procedure: Principles and Rules. Oxford: Oxford University Press, 2013. 1681 p.

совершенствованию такого регулирования в порядке прогрессивного развития международного уголовного процесса.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих научных ***задач***:

— провести историко-правовой анализ процесса становления системы органов международной уголовной юстиции, включая определение круга подсудных им дел, их классификацию, исходя из объекта преступного посягательства;

— установить международно-правовое содержание понятия «субсидиарная подсудность» органам международной уголовной юстиции, круг дел, относимых к ней;

— проследить эволюцию подходов к институту обвинения в контексте субсидиарной подсудности органам международной уголовной юстиции в исторической ретроспективе;

— установить круг субъектов обвинения по делам, относящимся к субсидиарной подсудности органам международной уголовной юстиции;

— определить правовое содержание понятия «*amicus curiae*»;

— проанализировав, на основании материалов международных судебных процессов, обстоятельства участия *amicus curiae* в международном уголовном судопроизводстве, предложить функциональную классификацию *amicus curiae* в международном уголовном праве;

— определить правовое содержание или содержания понятия «прокурор (обвинитель) *amicus curiae*»;

— изучить соотношение понятий «прокурор (обвинитель) *amicus curiae*» и «*amicus curiae*» в контексте отрасли международного уголовного права;

— исследовать обстоятельства и порядок назначения прокуроров (обвинителей) *amicus curiae*, а также обстоятельства и порядок прекращения их полномочий;

— установить объем международно-правовых иммунитетов и привилегий, необходимых прокурору (обвинителю) *amicus curiae* для независимого отправления им своих полномочий;

— сформулировать принципы деятельности прокурора (обвинителя) *amicus curiae*;

— определить пределы компетенции прокурора (обвинителя) *amicus curiae*;

— раскрыть составы преступлений, подследственных прокурору (обвинителю) *amicus curiae*;

— выявить недостатки механизма *amicus curiae* как альтернативы уставному прокурору органов международной уголовной юстиции в рамках их субсидиарной подсудности и разработать предложения по их устранению.

Объектом исследования являются отношения в сфере международного уголовного процесса, связанные с отправлением функции обвинения в рамках субсидиарной подсудности органам международной уголовной юстиции.

В качестве вторичного объекта исследования можно рассматривать международные отношения в сфере поддержания и восстановления международного мира и безопасности посредством организации эффективного, беспристрастного и соответствующего иным международным стандартам обвинения в рамках международного уголовного судопроизводства.

В ***предмет исследования*** входит совокупность международно-правовых и уголовно-правовых принципов, договорных и обычных норм, регулирующих порядок назначения, прекращения полномочий, компетенцию, процессуальные права и обязанности субъекта обвинения в рамках субсидиарной подсудности органам международной уголовной юстиции, а также судебная практика по применению этих принципов и норм, зарубежная и отечественная доктрина по международному уголовному праву и процессу по исследуемой тематике.

Хронологические рамки исследования охватывают период со второй половины XIX в. до первой четверти XXI в. (настоящее время). Это обусловлено тем, что на вторую половину XIX в. приходится зарождение научного интереса к

концепции международного уголовного правосудия, который за относительно короткий временной промежуток превратится в полноценное доктринальное течение. Выбор же верхней границы исследования обусловлен продолжающейся активностью органов международной уголовной юстиции и актуальностью их практики для решения задач и достижения цели настоящего исследования.

Для полноты историко-правового анализа в диссертации будут приведены эпизоды, датируемые высоким и поздним Средневековьем.

Методологическими основами исследования являются сочетание философских и общенаучных методов познания, а также специализированных методов познания, характерных для юридической науки. Многообразие методов позволило глубже и всесторонне подойти к изучению заявленной проблематики, обеспечивая необходимую гибкость и адаптивность исследования и позволяя учитывать как исторический контекст, так и современные правоприменительные реалии международной уголовной юстиции.

Ниже представлены основные методы, примененные в диссертации, организованные по следующему принципу: философские методы, общенаучные методы и конкретно-научные методы, характерные для науки уголовного права, уголовного процесса и международного права. Для каждого из них указаны области исследования, в которых они использовались, а также результаты, достижению которых они способствовали.

Анализ эволюции института обвинения в контексте динамичных изменений международной политики и правоприменительной практики осуществлялся с использованием *диалектического метода*. Он способствовал выявлению внутренних противоречий, тенденций развития и взаимосвязанных факторов, влияющих на формирование явления субсидиарной подсудности международным уголовным судам.

Для установления круга субъектов обвинения по делам о посягательствах на отправление международного уголовного правосудия был применен *логический метод*, позволивший четко и однозначно структурировать понятия, вычленить и классифицировать правовые категории.

Для объективной оценки существующих теоретических концепций и практических способов преследования посягательств на международное уголовное правосудие использовался *критико-правовой метод*. Он помог выявить ограничения и недостатки в правовом регулировании института обвинения в рамках субсидиарной подсудности органам международной уголовной юстиции, обозначить пробелы и сформулировать направления для их преодоления, что имеет особое значение для совершенствования практики международных уголовных судов и повышения эффективности преследования таких нарушений.

Большое внимание в исследовании уделялось историко-правовому анализу, реализованному посредством *исторического метода*. С его помощью был, в частности, прослежен процесс становления и развития системы органов международной уголовной юстиции. Это позволило выявить ключевые этапы формирования институтов и принципов международного уголовного правосудия, а также установить влияние на указанный процесс крупных исторических событий – масштабных вооруженных конфликтов.

Для проверки гипотезы о несовпадении содержания понятия «*amicus curiae*» в международном и национальном праве в настоящем исследовании применялся *синергетический метод*.

Для установления объема международно-правовых иммунитетов и привилегий прокурора (обвинителя) *amicus curiae* применялся *метод аргументации по аналогии*. Он также использовался для выявления требований к квалификации прокурора (обвинителя) *amicus curiae.*

Целостное понимание места органа обвинения в системе международных судебных органов обеспечивалось через применение *системного метода*, позволившего рассмотреть институт обвинения во взаимосвязи с другими правовым институтами, имеющими отношение к отправлению правосудия, выявить закономерности функционирования и интеграции в общую модель международного уголовного правосудия.

Международный уголовный процесс представляет собой сложное и пока еще недостаточно изученное правовое явление. Он возник как сочетание национальных уголовных процессов, при этом на него в значительной мере влияют англо-саксонские концепции, а также уникальные аспекты международного права. Его развитие осуществляется через судейское нормотворчество, на которое существенно влияют культурные, социальные и личные убеждения судей международных уголовных судов. Поэтому при исследовании взаимодействия различных правовых систем и национальных подходов к уголовному праву и процессу в международном уголовном процессе использовался *метод компаративной правовой интеграции*. Этот метод объединяет традиционный сравнительно-правовой анализ с дополнительными компонентами: *теорией правовых трансляций и рецепции,* изучающей механизмы заимствования, адаптации и трансформации правовых норм одной системы в другой, с учетом культурного, исторического и институционального контекста; *интердисциплинарным подходом*, включающим элементы социологии права, юриспруденции и политологии, для анализа влияния социокультурных, политических факторов на процессы взаимодействия правовых традиций; *методом системного анализа*, который рассматривает международный уголовный процесс как сложную юридическую систему, в которой взаимодействуют различные правовые начала. Такой подход позволяет глубже раскрыть динамику процессов интеграции и взаимного влияния континентальной и англо-саксонской систем в международном уголовном судопроизводстве, выходя за рамки поверхностного сопоставления правовых норм.

Для анализа института уголовной ответственности за преступления против правосудия использовался комплекс экспериментальных прогрессивных методов. Во-первых, *метод системного моделирования и кибернетики права,* который позволил создать модели функционирования института уголовной ответственности как сложной системы, учитывающей обратные связи, управление поведением правоприменителей и динамику процессов правового регулирования и их адаптацию под социальные изменения. Во-вторых, *компаративно-*

динамический метод, совмещающий сравнение различных правовых систем с анализом исторического развития и трансформаций института уголовной ответственности, что помогло выявить не только разницу, но и механизмы перехода, современные тенденции реформирования и адаптации к вызовам времени. Наконец, *метод когнитивного анализа и нейронауки права*, направленный на изучение процессов восприятия и принятия решений участниками уголовного процесса, что позволило прогнозировать эффективность реализации института уголовной ответственности за преступления против правосудия с учетом человеческого фактора.

Основой для научного раскрытия правового содержания составов преступлений судсидиарной подсудности международным уголовным трибуналам послужил характерный для науки уголовного права *догматический метод*, основанный на системном изучении, толковании и комментировании уголовно-правовых норм. Данный метод применялся в совокупности с *социологическим* и *сравнительно-правовым подходами*, благодаря которым при раскрытии составов преступлений против правосудия были учтены социальные явления и тенденции, влияние национального уголовного законодательства и практики его применения, влияние других отраслей международного права, а также с *историко-правовым методом*, обеспечившим понимание эволюции смыслового наполнения норм.

Ввиду ограниченности судебной практики по делам о посягательствах на международное уголовное правосудие, при установлении их составов также широко использовался *метод правового моделирования*.

При написании параграфа, посвященного институту специального прокурора в уголовном процессе зарубежных стран, использовался *метод контекстуального интегративного синтеза*. Этот метод основан на комплексном анализе не только формально-юридических норм и моделей института, но и широком учете социально-политического, историко-культурного, экономического и психологического контекстов, в которых институт функционирует. Метод подразумевает поэтапное выявление и интеграцию

нескольких измерений: нормативного (тексты законов, практика), институционного (структура, полномочия, механизм реализации), социального и культурного восприятия (общественное доверие, культурные ценности, политическая зрелость), а также психологических и поведенческих механизмов субъектов (степень независимости и мотивированности). Это позволило глубже понять, как институт работает в конкретной среде, какие внешние факторы влияют на его эффективность.

На основе этого интегративного анализа была создана синтетическая модель, отражающая мультидисциплинарную природу института, которую можно сравнительно сопоставлять с международно-правовой моделью прокурора (обвинителя) *amicus curiae*.

Во многом достижению цели и решению задач настоящего исследования способствовал *метод юридической герменевтики*. Герменевтический подход к изучению судебных решений органов международной уголовной юстиции, предполагающий не только анализ текста, но и его контекстную интерпретацию, а также учет различных доктринальных точек зрения на его содержание, позволил сделать ключевые для диссертации выводы о причинах, обусловивших появление института прокурора (обвинителя) *amicus curiae*, и о его правовой природе.

Важную роль в анализе правового содержания и соотношения понятий «*amicus curiae*» и «прокурор *amicus curiae*» сыграл *формально-юридический метод* в сочетании с *теорией уголовно-процессуальных функций*[65]. Применительно к диссертации они опосредовали систематическое исследование действующих правовых норм, выявление полномочий и ролей данных институтов в отправлении международного и международного уголовного правосудия. *Метод, основанный на теории уголовно-процессуальных функций и их разделения*, позволил структурировать функции *amici curiae* в международном уголовном процессе, их процессуальные права и обязанности. В основе данного метода лежит гипотеза, согласно которой каждый участник уголовного процесса

[65] См., например: *Бозров В.М.* Основы теории уголовно-процессуальных функций. Общая часть: Монография. Екатеринбург: Издательский дом «Уральская государственная юридическая академия», 2012. 96 с.

выполняет закрепленные процессуальным правом функции – направленные действия с конкретным назначением и целью (например, обвинение, защита, содействие правосудию). Применение этой теории к *amici curiae* позволило выделить в них двух функциональных субтипов: одни выполняют функцию обеспечения защиты; другие – прокуроры (обвинители) *amici curiae* – реализуют функцию предварительного расследования и поддержания обвинения, т.е. функции обвинения в международном уголовном процессе. Эти функции присущи *amicus curiae* только в отрасли международного уголовного права и отличают его от института *amicus curiae* в отрасли мирного разрешения международных споров.

В эмпирической плоскости исследования сбор и систематизация данных о практике международных уголовных судов в сфере субсидиарной подсудности достигались посредством *конкретно-социологического метода* с применением *метода документального анализа*, что позволило осуществить глубокое изучение и объективную оценку реальных случаев и прецедентов.

Для установления содержания правовых понятий на иностранных языках (английский, французский, китайский, арабский) использовался *юрислингвистический подход* и присущие ему *методы дискурсивного, семантического и стилистического анализа.* Так, дискурсивный анализ способствовал установлению соотношения понятий «*amicus curiae*» и «прокурор *amicus curiae*» в международном уголовном процессе. Семантический анализ в сочетании с психолингвистическим методом позволил определить разницу в восприятии термина «*amicus curiae*» в национально-правовой (преимущественно англо-саксонской) и международно-правовой системах. Стилистический анализ путем изучения формулировок, структуры предложений и других стилистических элементов предмета исследования применялся для формулирования и раскрытия составов преступлений против отправления международного уголовного правосудия.

Также при изучении составов применялась *корпусная лингвистика*, позволившая выявить закономерности и тенденции в использовании правовых

терминов. С помощью анализа корпусов, в частности, была выявлена частота использования терминов «*amicus curiae*» и «прокурор *amicus curiae*» в практике международных судов и трибуналов, их сочетания и контекстуальные вариации.

В процессе исследования использовались также грамматическое, логическое, историческое, узуальное, нормативное, телеологическое и систематическое *толкование* международных договоров и иных актов, содержащих нормы и принципы, входящие в предмет настоящего исследования.

Наконец, при подготовке приложения к диссертации, в котором элементы преступлений против отправления международного правосудия представлены на шести официальных языках ООН, был применен *метод переводческой эквивалентности* – системный, многоаспектный процесс, сочетающий юридическую экспертизу и детальный лингвистический анализ, обеспечивающий точность, однозначность и адекватность перевода составов преступлений на английский, французский, испанский, китайский и арабский языки.

Теоретическая основа исследования. В ходе работы над диссертацией автор опирался на существующий объем научного знания по общей теории международного и уголовного права и процесса, а также в таких отраслях международного права как право международных договоров, международное гуманитарное право, право международных организаций, международное право прав человека, международное экономическое право, история международного права и др.

При изучении института *amicus curiae* были использованы фундаментальные исследования зарубежных ученых-международников С.Вильямса и Х.Вулавера[66], Л.Бартоломеуша[67], А.Виик[68], М.Ксяо[69], Л.Крема[70], П.Палчетти[71].

---

[66] *Williams S., Woolaver H., Palmer E.* The *Amicus curiae* in International Criminal Justice. Hart Publishing, 2020. 424 p.; *Williams S., Woolaver H.* The Role of the *Amicus curiae* Before International Criminal Tribunals // International Criminal Law Review. 2006. Vol. 6, № 2. Pp. 151–171; *Williams S.* Hybrid Courts and *Amicus curiae* Briefing / Weill S., Thuy Seelinger K., Bree Carlson K. (eds.). The President on Trial: Prosecuting Hissène Habré. Oxford University Press, 2020. 464 p.; *Williams S., Palmer E.* Civil Society and *Amicus curiae* Interventions in the International Criminal Court / Williams S., Woolaver H. (eds.). Civil Society and International Criminal Justice in Africa: Challenges and Opportunities. JUTA, 2016. Pp. 40–65; *Williams S., Woolaver H.* The Role of State *Amici curiae*

Для анализа мест преступлений против отправления международного уголовного правосудия в доктринальном делении преступлений на международные преступления и преступления международного характера использовались труды таких отечественных и зарубежных ученых, как Ш. Бассиони[72], Г.И. Богуш[73], И.П. Блищенко[74], А.Г. Волеводз[75], З.М. Гафаров[76], Л.Н.

---

in the Article 19(3) ICC Statute Proceedings // Journal of International Criminal Justice. 2020. Vol. 18. Pp. 891–904.

[67] *Bartholomeusz L.* The *Amicus curiae* before International Courts and Tribunals // Non-State Actors and International Law. 2005. Vol. 5. Pp. 209–286.

[68] *Wiik A. Amicus curiae* Before International Courts and Tribunals. Nomos/Hart, 2018. 360 p.

[69] *Xiao M.* The Function of *Amicus curiae* Participation by Legal Scholars: The Al-Bashir Appeal Case at the International Criminal Court as an Illustration // Chinese Journal of International Law. 2019. Vol. 18, № 2. Pp. 393–424.

[70] *Crema L.* Testing *Amici curiae* in International Law: Rules and Practice // The Italian Yearbook of International Law. 2013. Vol. 22, № 1. Pp. 91–132.

[71] *Palchetti P.* Opening the International Court of Justice to Third States: Intervention and Beyond // Max Planck Yearbook of United Nations Law. 2002. Vol. 6. Pp. 139–181.

[72] *Bassiouni Ch.* Introduction to International Criminal Law, 2nd Revised Version. Dordrecht: Martinus Nijhoff, 2012. 1122 p.

[73] *Богуш Г.И.* Актуальные проблемы международного уголовного права // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2008. № 5. С. 49–66.

[74] *Блищенко И.П., Жданов Н.В.* Международно-правовая борьба с терроризмом // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1975. № 1. С. 85–94; *Блищенко И.П., Каламкарян Р.А., Карпец И.И., Кудрявцев В.Н., Мюллерсон Р.А., Решетов Ю.А.* Международное уголовное право: учебное пособие. Москва: Наука, 1999. 688 с.; *Blishchenko I.P.* International Violence as a Special Problem of the Fight Against Crime // International Review of Criminal Policy. 1976. Vol. 32. Pp. 8–20.

[75] *Волеводз А.Г.* Международное уголовное правосудие: от идеи к современной системе // Вестник МГИМО-Университета. 2009. № 2 (5). С. 55–68; *Волеводз А.Г.* К вопросу о сущности и содержании международного сотрудничества в борьбе с преступностью // Международное уголовное право и международная юстиция. 2007. № 1. С. 11–20; *Волеводз А.Г., Волеводз В.А.* Исторические и международно-правовые предпосылки формирования современной системы международной уголовной юстиции // Международное уголовное право и международная юстиция. 2008. № 2. С. 2–9; *Волеводз А.Г., Волеводз В.А.* Современная система международной уголовной юстиции: понятие и множественность институциональных моделей // Международное уголовное право и международная юстиция. 2008. № 3. С. 3–13; *Волеводз А.Г.* Международный терроризм: национальная и международно-правовая криминализация // Библиотека уголовного права и криминологии. 2014. № 1 (5). С. 70–93; *Волеводз А.Г.* Международно-правовая криминализация международного терроризма // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 2 (35). С. 150–160; Волеводз А.Г. Геноцид в контексте территориальной юрисдикции // Российский военно-правовой сборник. 2006. № 8. С. 31–38; *Волеводз А.Г.* Международное уголовное правосудие и права человека: учебное пособие для магистрантов. – Москва, 2014; *Волеводз А.Г.* XIII конгресс ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию: некоторые итоги // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2015. № 6 (23). С. 268–282; *Ализаде В.А., Волеводз А.Г.* Принципы международного права, признанные уставом Нюрнбергского трибунала: семьдесят лет спустя // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2016. № 1 (24). С. 271–294; *Волеводз А.Г.* Международно-

Галенская[77], Ю.В. Григорович[78], П.С. Дагель[79], Г.А. Есаков[80], Н.В. Жданов[81], Г.В. Игнатенко[82], Р.А. Каламкарян[83], И.И. Карпец[84], А. Кассезе[85], И.И. Котляров[86], П.М. Курис[87], М.И. Лазарев[88], Д.Б. Левин[89], В.А. Мазов[90], А.А. Малиновский[91],

---

правовые основы противодействия боевикам-террористам и внутригосударственное право // Московский журнал международного права. 2017. № 1 (105). С. 98–109.

[76] *Гафаров З.М.* Преступления международного характера в глобализирующемся мире. – Москва, 2006. 160 с.

[77] *Галенская Л.Н.* Международные преступления и международно-правовая ответственность // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1965. № 1. С. 168-171; *Галенская Л.Н.* Международная борьба с преступностью. М., 1972; *Галенская Л.Н., Петровский Ю.В.* Ответственность физических лиц за совершение международных преступлений // Российский ежегодник международного права. 1973. Т. 1971. С. 117-127.

[78] *Григорович Ю.В.* Уголовная ответственность физических лиц за международные преступления: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2008. 24 с.; *Григорович Ю.В.* Уголовная ответственность индивидов за совершение международных преступлений // Московский журнал международного права. 2008. № 2 (70). С. 172–187.

[79] *Дагель П.С.* Избранные труды / науч. ред. и предисл. А.И. Коробеева. Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 2009. 352 с.

[80] *Есаков Г.А.* Обычное международное право как источник уголовно-правовых запретов // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 10 (35). С. 1271-1276.

[81] *Блищенко И.П., Жданов Н.В.* Международно-правовая борьба с терроризмом // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1975. № 1. С. 85-94.

[82] *Игнатенко Г.В.* Преступления международного характера и обязательства государств по борьбе с ними // Курс международного права: Отрасли международного права. В 7 томах. Т. 6 / под ред. И.Н. Арцибасова, Б.М. Ашавского, Г.В. Игнатенко, Н.Б. Крылова и др. Москва: Наука, 1992. С. 55–68.

[83] *Эриашвили Н.Д., Лобанов С.А., Каламкарян Р.А., Анянова Е.С.* Международно-правовой вклад органов международной уголовной юстиции в процесс укрепления современного правопорядка // Международный журнал гражданского и торгового права. 2022. № 1. С. 93-99; *Эриашвили Н.Д., Лобанов С.А., Каламкарян Р.А., Анянова Е.С.* Международно-правовая включенность российской федерации в систему органов международного уголовного правосудия как созидательный посыл мирового сообщества по обеспечению международной законности и правопорядка // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 2022. № 2. С. 83-89.

[84] *Карпец И.И.* Преступления международного характера. Москва: Юридическая литература, 1979. 264 с.

[85] *Cassese A., Delma-Marty M.* Crimes internationaux et juridictions nationales. Paris, Presses Universitaires de France, 2002. 680 p.

[86] *Котляров И.И.* Международное гуманитарное право: учебное пособие. Москва: Юрлитинформ, 2003. 304 с.; *Котляров И.И., Грицаев С.А.* Международные преступления против человечности и российское законодательство // Проблемы правоохранительной деятельности. 2005. № 1. С. 149-153.

[87] *Курис П.М.* Международные правонарушения и ответственность государства. Вильнюс: Минтис, 1973. 278 с.

[88] *Лазарев М.И.* Империалистические военные базы на чужих территориях и международное право. Москва: Издательство Института международных отношений, 1963. 256 с.

[89] *Левин Д.Б.* Проблема ответственности в науке международного права // Известия АН СССР. 1946. № 2. С. 252–256; *Левин Д.Б.* Ответственность государств в современном международном праве. Москва: Международные отношения, 1966. 152 с.

И.С. Марусин[92], Р.А. Мюллерсон[93], Р.В. Нигматуллин[94], Е.Г. Ляхов[95], В.П. Панов[96], Ю.А. Решетов[97], Ю.С. Ромашев[98], П.С. Ромашкин[99], В.Н. Русинова[100], Э.И. Скакунов[101], А.Ю. Скуратова[102], И.И. Синякин[103], А.Е. Сунцов[104], О.И.

---

[90] *Мазов В.А.* Международная уголовная ответственность физических лиц за преступления против международного права // Актуальные проблемы современного международного права. Сборник научных трудов. М.: Изд-во МГИМО, 1977, Вып. 7. С. 77-83; *Мазов В.А.* Ответственность в международном праве. Проблемы кодификации и прогрессивного развития норм и принципов международно-правовой ответственности. М.: Юрид. лит., 1979. 152 с.

[91] *Малиновский А.А.* Система международного уголовного права // Международное уголовное правосудие: современные проблемы. М.: Ин-т права и публичной политики, 2009. С. 47-55; *Малиновский А.А.* Система международного уголовного права // Московский журнал международного права. 2004. № 4. С. 246-255.

[92] *Марусин И.С.* Основания и порядок привлечения к ответственности за преступления против правосудия в международных судебных учреждениях // Российский ежегодник международного права 2002. СПб.: Россия: Нева, 2002. С. 114–127.

[93] *Лукашук И.И., Мюллерсон Р.А.* Международно-противоправное поведение // Проблемы осуществления основных прав граждан. Труды по правоведению. Тарту: Изд-во Тарт. ун-та, 1988. С. 38-51; *Мюллерсон Р.А.* Международная уголовная ответственность физических лиц // Международное право и современность. Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1984. С. 138-151.

[94] *Нигматуллин Р.В.* Борьба с преступностью в курсе современного международного права: учебное пособие. Уфа: УЮИ МВД России, 2012. 92 с.

[95] *Ляхов Е.Г.* Разработка и принятие ООН международных правовых норм и стандартов в сфере уголовной юстиции // Публичное и частное право. 2012. № II (XIV). С. 180-185; *Ляхов Е.Г.* Международные нормы и стандарты в сфере уголовной юстиции // Публичное и частное право. 2012. № II (XIV). С. 172-179; *Ляхов Е.Г., Ляхов Д.Е.* Понятие и место транснациональной преступности среди международных и национальных преступлений // Публичное и частное право. 2011. № III (XI). С. 35-45; *Линдэ А.О., Ляхов Е.Г.* Транснациональные преступления и угрозы объектам безопасности // Публичное и частное право. 2011. № IV (XII). С. 97-119; *Алексеева М.М., Ляхов Е.Г.* Транснациональная преступность в глобализирующемся мире // Публичное и частное право. 2011. № IV (XII). С. 32-36.

[96] *Панов В.П.* Сотрудничество государств в борьбе с международными уголовными преступлениями: учебное пособие. Москва: Юрист, 1993. 160 с.

[97] *Решетов Ю.А.* Борьба с международными преступлениями против мира и безопасности. М.: Междунар. отношения, 1983. 223 с.

[98] *Ромашев Ю.С.* Международное правоохранительное право. М.: Норма, 2010. 368 с.

[99] *Ромашкин П.С.* К вопросу о понятии и источниках международного уголовного права // Советское государство и право. 1948. № 3. С.21-30.

[100] *Русинова В.Н.* Нарушения международного гуманитарного права: индивидуальная уголовная ответственность и судебное преследование. М.: Юрлитинформ, 2006. 192 с.

[101] *Скакунов Э.И.* Классификация международных правонарушений // Правоведение. 1975. № 5. С. 70-79.

[102] *Скуратова А.Ю.* Международные преступления: современные проблемы квалификации: монография. М.: Норма, Инфра-М, 2012. 160 с.; *Скуратова А.Ю., Синякин И.И.* Международное уголовное право: учебное пособие / под ред. А.Н. Вылегжанина. Москва: Проспект, 2020. 560 с.

[103] *Синякин И.И.* Терроризм как международное преступление // Московский журнал международного права. 2009. № 3. С. 121-145.

[104] *Сунцов А.Е., Трунцевский Ю.В.* Теоретические проблемы имплементации норм международного уголовного права в России // Московский журнал международного права. 1997. № 2. С. 5–15.

Тиунов[105], А.Н. Трайнин[106], Е.Н. Трикоз[107], Ю.В. Трунцевский[108], Н.А. Ушаков[109], И.В. Фисенко[110], К. Хеллер[111], У. Шаббас[112] и др.

В процессе работы над диссертацией были использованы труды, посвященные установлению содержания понятия «преступление» в международном уголовном праве, таких отечественных ученых, как Р.А.

[105] *Тиунов О.И.* Международное гуманитарное право. Учебник для вузов.М.: Инфра-М-НОРМА, 1999. 328 с.

[106] *Трайнин А.Н.* Уголовная ответственность гитлеровцев. Москва, 1944. 120 с.; *Трайнин А.Н.* Избранные труды / сост., вступ. ст. Н.Ф. Кузнецова. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2004. 898 с.

[107] *Трикоз Е.Н.* Преступления против отправления правосудия в международном уголовном праве // Международное уголовное правосудие: современные проблемы. М.: Ин-т права и публичной политики, 2009. С. 227–236.

[108] *Трунцевский Ю.В.* Понятие транснационального преступления // Международное уголовное право и международная юстиция. // Юрист. 2014. № 3. С. 9-12.

[109] *Ушаков Н.А.* Основания международной ответственности государств. Москва: Международные отношения, 1983. 184 с.; *Ушаков Н.А.* Ответственность государств за международные преступления и правонарушения // Международное право на службе мира и сотрудничества государств. М.: Междунар. отношения, 1981. С. 56-69.

[110] *Блищенко И.П., Фисенко И.В*. Международный уголовный суд / Под ред.: Жданова Ю.Н. М.: МВШМ МВД России, 1994. 224 с.

[111] *Heller K.J.* The Nuremberg Military Tribunals and the Origins of International Criminal Law: Doctoral Dissertation, Leiden University, 16 June 2011. 560 pp.

[112] *Schabas W.A.* The International Criminal Court: A Commentary on the Rome Statute. Oxford; New York: Oxford University Press, 2010. LXX, 1259 p.

Адельханян[113], Л.В. Иногамова-Хегай[114], И.С. Лазарева[115], А.Г. Кибальник[116], А.П. Спиридонов[117], В.И. Курляндский[118] и др.

Изучению признаков международных судебных органов способствовали труды Ч. Брауна[119], Ч. Броэра[120], П.Л.Вакселя[121], Р. Вутзела[122], К. Дамгаард[123], Л.А.Камаровского[124], Х. Мослера[125], Ч. Романо[126], В.Л. Толстых[127], К. Томушчата[128], Б. Ференца[129], М. Хадсона[130] и др.

---

[113] *Адельханян Р.А.* Военные преступления как преступления против мира и безопасности человечества: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003. 430 с.; *Адельханян Р.А.* Преступность деяния по международному уголовному праву. Учебное пособие. М.: МЗ Пресс, 2002. 37 с.

[114] *Иногамова-Хегай Л.В.* Преступление по международному уголовному праву и его закрепление в национальном уголовном праве // Международное и национальное уголовное законодательство: проблемы юридической техники: материалы III Международной научно-практической конференции, состоявшейся на юридическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова, 29–30 мая 2003 г. Москва: ЛексЭст, 2004. С. 333–338; *Иногамова-Хегай Л.В.* Понятие преступления и субъекта преступления по международному уголовному праву // Уголовное право. 2004. № 1. С. 23–29.

[115] *Лазарева И.С.* Преступление по международному уголовному праву // Проблемы межгосударственного сотрудничества в борьбе с международными и транснациональными преступлениями: материалы студенческой научно-практической конференции. Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2013. С. 49-53.

[116] *Кибальник А.Г.* Понимание военных преступлений в решениях современных международных трибуналов // Российский ежегодник уголовного права. - С.-Пб.: ООО "Университетский издательский консорциум", 2014. С. 439-453; *Кибальник А.Г.* Развитие определения агрессии в международном праве // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2011. № 1. С. 181-188.

[117] *Спиридонов А.П.* Понятие преступления в международном уголовном праве // Вопросы правовой теории и практики: Сборник научных трудов. Омск: Изд-во Омск. акад. МВД России, 2011. Вып. 6. С. 33-44; *Спиридонов А.П.* Понятие транснационального преступления в современном праве // «Черные дыры» в Российском Законодательстве. Юридический журнал. 2005. № 1. С. 171-174; *Спиридонов А.П.* Понятие и признаки транснационального преступления // Проблемы противодействия организованной преступности в экономической сфере. Материалы научно-практической конференции. Ростов-на-Дону: Изд-во РГЭУ, 2003. С. 49-58.

[118] *Курляндский В.И.* Советская наука права о понятии международного уголовного преступления: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Москва, 1949. 28 с.

[119] *Brown C.* The Inherent Powers of International Courts and Tribunals // The British Yearbook of International Law. 2005. Vol. 76, № 1. P. 195–224.

[120] *Brower C.H.* Book Review and Note: The International Law Character of the Iran-United States Claims Tribunal by Moshen Mohebi // American Journal of International Law. 2000. Vol. 94, № 4. P. 813–815.

[121] *Waxel P.* L'armée d'invasion et la population: leurs rapports pendant la guerre étudiés au point de vue du droit des gens naturel. Dissertation inaugurale pour la promotion au grade de docteur à la faculté de philosophie de l'Université de Leipzig. Leipzig, 1874. 123 p.

[122] *Woetzel R.K.* The Nuremberg Trials in International Law / R.K. Woetzel. London, 1960. 287 p.

[123] *Damgaard C.* Individual Criminal Responsibility for Core International Crimes: Selected Pertinent Iss.s. Berlin: Springer Science & Business Media, 2008. 456 p.

[124] *Камаровский Л.А.* О международном суде. Москва, 1881. 542 с.

[125] *Mosler H.* Judgments of International Courts and Tribunals // Encyclopedia of Public International Law / ed. R. Bernhardt. Elsevier, Amsterdam, Lausanne, 1997. Vol. III.

Большую роль в настоящем исследовании сыграли работы о международно-правовой ответственности государств и международных организаций Д. Анцилотти[131], В.А. Василенко[132], Я. Броунли[133], Ф. Джессопа[134], П.-М. Дюпюи[135], К. Иглтона[136], Ю.М. Колосова[137], Д. Кэрона[138], И.И.Лукашука[139], Ю.В. Манийчук[140], А.В. Мелешникова[141], М.В. Митрофанова[142], Л.А. Моджорян[143],

---

[126] *Romano C.* The Proliferation of International Judicial Bodies: The Pieces of the Puzzle // New York University Journal of International Law and Politics. 1999. Vol. 31. P. 709–751.

[127] *Толстых В.Л.* Формирование системы международного правосудия и ее основные характеристики // Российский юридический журнал. 2011. № 1 (76). С. 62-70.

[128] *Tomuschat Ch.* International Courts and Tribunals with Regionally Restricted and/or Specialized Jurisdiction // Judicial Settlement of International Disputes: International Court of Justice, Other Courts and Tribunals, Arbitration and Conciliation: an International Symposium / Max-Planck Institut für Ausländisches Öffentliches Recht und Völkerrecht (ed.). Berlin; Heidelberg; New York: Springer-Verlag, 1974. P. 285–416.

[129] *Ferencz B.* An International Criminal Court, A Step Toward World Peace: A Documentary History and Analysis. 2 Vols. Dobbs Ferry, NY: Oceana, 1980. Vol. I: Half a Century of Hope. 538 p.; Vol. II: The Beginning of Wisdom. 674 p.

[130] *Hudson M.* International Tribunals: Past and Future. Washington: Carnegie Endowment for International Peace and Brookings Institution, 1944. 298 p.

[131] *Anzilotti D.* Teoria generale della responsabilità dello Stato nel diritto internazionale: in 2 vol. Padoue, 1956. Vol. 1. 187 p.

[132] *Василенко В.А.* Ответственность государства за международные правонарушения. Киев: Вища шк., 1976. 267 с.; *Василенко В.А., Селиванов В.Н.* О понятии ответственности в международном праве // Вестник Киевского университета. Международные отношения и международное право. 1975. № 1. С. 39-52.

[133] *Brownlie I.* International Law and the Use of Force by States. Oxford: Oxford University Press, 1963. xxviii, 532 p.; *Brownlie I.* Principles of Public International Law. 6th ed. Oxford: Oxford University Press, 2003. 784 p.

[134] *Jessup Ph.* Transnational Law. New Haven, Yale University Press, 1956. 113 p.

[135] *Dupuy P.-M., Kerbret Y.* Le droit international public. Editions Dalloz, 2012. 928 p.

[136] *Eagleton C.* International Organization and the Law of Responsibility // Recueil des Cours. 1950. Vol. 76. P. 319–423.

[137] *Колосов Ю.М.* Ответственность в международном праве. М.: Юрид. лит., 1975. 256 с.

[138] *Caron D.* The ILC Articles on State Responsibility: The Paradoxical Relationship between Form and Authority // The American Journal of International Law. 2002. Vol. 96, № 4 (Oct.). P. 857–873.

[139] *Лукашук И.И.* Кодификация права международной ответственности // Московский журнал международного права. 2002. № 3. С. 3-15.

[140] *Манийчук Ю.В.* Объем, виды и формы ответственности государства за международные правонарушения: дис. … канд. юрид. наук. Киев, 1982. 209 с.

[141] *Мелешников А.В.* Процессуальные вопросы международной ответственности // Актуальные проблемы юридического процесса в общенародном государстве. Сборник научных трудов. Ярославль: Изд-во Яросл. ун-та, 1980. С. 88-93.

[142] *Митрофанов М.В.* XXII ежегодное собрание Советской Ассоциации международного права // Советский ежегодник международного права, 1980. М.: Наука, 1981. С. 290-293.

[143] *Моджорян Л.А.* Ответственность в современном международном праве // Советский ежегодник международного права, 1970. М.: Наука, 1972. С. 143-153; *Моджорян Л.А.* Субъекты международно-правовой ответственности // Советское государство и право. 1969. № 12. С. 122-126.

Ю.В. Петровского[144], С.Б. Раскалей[145], Ю.М. Рыбакова[146], Э.А. Пушмина[147], Л.В. Савельевой (Вереиной)[148], Э.И. Скакунова[149], Л.В. Сперанской[150], Г.И. Тункина[151], М.Х. Фарукшина[152], С.В. Черниченко[153], Е.А. Шибаевой[154] и др.

Изучению естественных и подразумеваемых полномочий международных судов способствовали исследования П. Гаета[155], М. Бохландера[156], А. Оракхелашвили[157], Ф. Вейс[158], А. Асенсио[159], Х. Терлвей[160], Д. Сароши[161], Т. Спронкена[162], Э. Лаутерпахта[163], Дж. Фицмориса[164], Х. Бриггза[165] и др.

---

[144] *Петровский Ю.В.* Международно-правовая ответственность государств: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ленинград, 1968. 16 с.

[145] *Раскалей С.Б.* Объективная ответственность государств в международном праве / Отв. ред.: Василенко В.А. Киев: Наукова думка, 1985. 120 с.

[146] *Рыбаков Ю.М.* Вооруженная агрессия и ответственность за нее по современному международному праву: дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.10. Москва, 1982. 345 с.

[147] *Пушмин Э.А.* Международно-правовая ответственность: понятие, процессуальные вопросы реализации: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.10. Ярославль, 1985. 259 с.

[148] *Савельева Л.В.* Проблема объективной ответственности в международном праве: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.10. Москва, 1996. 181 с.

[149] *Курис П.М., Скакунов Э.И.* К теории ответственности государств в международном праве // Правоведение. 1973. № 2. С. 83-89.

[150] *Сперанская Л.В.* Проблема позитивной ответственности и охрана морской среды // Деятельность государств в мировом океане. Международно-правовые аспекты. М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1983. С. 89-102.

[151] *Тункин Г.И.* Проблема международно-правовой ответственности государства в Комиссии международного права ООН // Советский ежегодник международного права, 1960. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 92-104.

[152] *Фарукшин М.Х.* Вопросы общей теории юридической ответственности // Правоведение. 1969. № 4. С. 16-35.

[153] *Черниченко С.В.* Ответственность в современном международном праве (некоторые вопросы теории и договорной практики) // Советский Союз и международные договоры. Сборник статей. М., 1980, Вып. 8. С. 138-151.

[154] *Шибаева Е.А.* Право международных организаций. Вопросы теории. М.: Междунар. отношения, 1986. 160 с.

[155] *Gaeta P.* The Inherent Powers of International Courts and Tribunals // Man's Inhumanity to Man: Essays on International Law in Honour of Antonio Cassese. – Martinus Nijhoff Publishers, 2003. P. 353–372.

[156] *Bohlander M.* International Criminal Tribunals and Their Power to Punish Contempt and False Testimony // Criminal Law Forum. 2001. Vol. 12, № 1. P. 91–118.

[157] *Orakhelashvili A.* Judicial Competence and Judicial Remedies in the Avena Case // Leiden Journal of International Law. 2005. Vol. 18. P. 31–48; *Orakhelashvili A.* Questions of International Judicial Jurisdiction in the LaGrand Case // Leiden Journal of International Law. 2002. Vol. 15. P. 105–130; *Orakhelashvili A.* The Concept of International Judicial Jurisdiction: A Reappraisal // Law and Practice of International Courts and Tribunals. 2003. Vol. 3. P. 501–550.

[158] *Weiss F.* Inherent Powers of National and International Courts: The Practice of the Iran-US Claims Tribunal // International Investment Law for the 21st Century: Essays in Honour of Christoph Schreuer. Oxford University Press, 2009. P. 185–199.

Для изучения особенностей осуществления международными уголовными судами юрисдикции в отношении преступлений против отправления ими правосудия в настоящей диссертации использовались выводы, сделанные такими учеными, как М. Акехерст[166], Дж. Беале[167], Л.Н. Галенская[168], Б. Грефрат[169], А.

[159] *Ascensio H.* La notion de juridiction internationale en question // Société Française pour le Droit International, Colloque de Lille: La juridictionnalisation du droit international. Pedone, 2003. P. 192–195.

[160] *Thirlway H.* Dilemma or Chimera? – Admissibility of Illegally Obtained Evidence in International Adjudication // The American Journal of International Law. 1984. Vol. 78, Iss. 3. P. 622–641; *Thirlway H.* The Law and Procedure of the International Court of Justice 1960–1989: Parts Nine and Ten // The British Yearbook of International Law. 2010. Vol. 81, Iss. 1. P. 13–170.

[161] *Sarooshi D.* The Powers of the United Nations International Criminal Tribunals // Max Planck Yearbook of United Nations Law. 1998. Vol. 2. P. 141–167.

[162] *Spronken T.* Commentary // Annotated Leading Cases of International Criminal Tribunals, The International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia 2001 / A. Klip и G. Sluiter (eds.). Antwerp: Intersentia, 2005. Vol. 7. P. 1–150.

[163] *Lauterpacht H.* The Development of International Law by the International Court. London: Stevens and Sons, 1958. 408 p.

[164] *Fitzmaurice G.* Hersch Lauterpacht "The Scholar as Judge" // The British Yearbook of International Law. 1961. Vol. 37. P. 1–72.

[165] *Briggs H.* The Incidental Jurisdiction of the International Court of Justice as Compulsory Jurisdiction // Völkerrecht und Rechtliches Weltbild: Festschrift für Alfred Verdross. Springer-Verlag, 1960. P. 91–95.

[166] *Akehurst M.* Jurisdiction in International Law // British Yearbook of International Law. 1975. Vol. 46. P. 145-257.

[167] *Beale J.H. Jr.* Contempt of Court, Criminal and Civil // Harvard Law Review. 1908. Vol. 21 (3). P. 161-174.

[168] *Галенская Л.Н.* Основные направления сотрудничества государств по борьбе с преступностью (правовые проблемы): дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.10. Ленинград, 1979. 390 с.

[169] *Грефрат Б.* О месте принципов в системе современного международного права // Правоведение. 1969. № 2. С. 109-115.

Доннедье де Вабр[170], М. Иназуми[171], А.Р. Каюмова[172], Р. Крайер[173], Ф. Манн[174], Ф.Ф. Мартенс[175], С. Рингерт[176], М. Шоу[177] и др.

Ввиду специфики одного из основных методов исследования – толкование международных договоров и иных международно-правовых актов (например, акты международных организаций), – оно опирается на труды в сфере права международных договоров таких выдающихся отечественных и зарубежных юристов-международников, как А. Ауст[178], В.Г. Буткевич[179], Ш. де Вишер[180], Р. Гардинер[181], Н.В. Захарова[182], Г.В. Игнатенко[183], Г. Кек[184], М.А. Коробова[185], И.И. Лукашук[186], М. Ляхс[187], А. Макнейр[188], Б.И. Осминин[189], И.С. Перетерский[190], А.Н.

---

[170] *Donnedieu de Vabres H.* Le procès de Nuremberg: cours de doctorat professé à la faculté de droit de Paris. Paris: Éditions Domat, 1947. 284 p.; *Donnedieu de Vabres H.* Les principes modernes du droit international pénal. Paris: Editions Panthéon-Assas, 2004. 469 p.

[171] *Inazumi M.* Universal Jurisdiction in Modern International Law: Expansion of National Jurisdiction for Prosecuting Serious Crimes under International Law. Antwerp: Intersentia, 2005. 269 p.

[172] *Каюмова А.Р.* Уголовная юрисдикция государств в международном праве // Российский юридический журнал. 2004. № 1. С. 58-67; *Каюмова А.Р.* Понятие и содержание юрисдикции в доктрине международного и внутригосударственного права // Правоведение. 2011. № 4. С. 164-177.

[173] *Cryer R.* Prosecuting International Crimes: Selectivity and the International Criminal Law Regime. Cambridge University Press, 2005. 392 p.

[174] *Mann F.* The Doctrine of Jurisdiction in International Law // Collected Courses of The Hague Academy of International Law. Leiden; Boston: Brill, 1964. Vol. 111. 725 p.

[175] *Мартенс Ф.Ф.* Современное международное право цивилизованных народов. Санкт-Петербург, 1892–1905. Т. 1: 448 с.; Т. 2: Санкт-Петербург: Типография А. Бенке, 1905. 369 с.

[176] *Ryngaert C.* Jurisdiction in International Law. Oxford University Press, 2008. 272 p.

[177] *Shaw M.* International Law. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 1288 p.

[178] *Aust A.* Handbook of International Law. Cambridge University Press, 2005. 592 p.

[179] *Буткевич В.Г.* Советское право и международный договор. Киев: Вища школа, 1977. 259 с.

[180] *De Visscher C.* Coutume et traité en droit international public // Revue générale de droit international public. 1955. № 3. С. 353–369.

[181] *Gardiner R.* Treaties. Oxford University Press, 2023. 256 p.

[182] *Захарова Н.В.* Правопреемство международных договоров: автореф. дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.10. Москва, 1974. 31 с.; *Захарова Н.В.* Выполнение обязательств, вытекающих из международного договора / Отв. ред.: Миронов Н.В. М.: Наука, 1987. 139 с.

[183] *Игнатенко Г.В., Суворова В.Я.* Методика изучения международных договоров. Методические рекомендации по международному праву. Свердловск: Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1980. 43 с.

[184] *Coke E.* The Third Part of the Institutes of the Laws of England: Concerning High Treason, and Other Pleas of the Crown and Criminal Causes. Lawbook Exchange Ltd, 2012. – 320 p.

[185] *Коробова М.А* .Общий многосторонний договор и неучаствующие государства: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.10. М., 1979. 196 с.

[186] *Лукашук И.И.* Вопросы ответственности в праве договоров // Международное публичное и частное право. 2007. № 1. С. 2-11; *Лукашук И.И.* Международный договор и третьи государства // Международное публичное и частное право. 2003. № 5. С. 3-13.

Талалаев[191], О.И. Тиунов[192], Дж. Фицморис[193], В.М. Шуршалов[194], Н.Н. Ульянова[195].

Результаты исследования, представленного диссертантом ранее в порядке соискания ученой степени кандидата юридических наук на тему «Преступления против отправления международного уголовного правосудия»[196], также использованы в настоящей диссертации.

Нормативно-правовую базу исследования составили: международные договоры универсального и регионального характера в сфере международной безопасности, включая договоры, предметом которых является порядок привлечения к ответственности лиц, виновных в совершении международных преступлений; в сфере борьбы с преступлениями международного характера и транснациональными преступлениями; в сфере защиты прав человека; международно-правовые обычаи, касающиеся вопросов ответственности индивидов за совершение международных преступлений; общие принципы права, признанные цивилизованными нациями и имеющие отношение, в первую очередь, к отправлению правосудия и реализации уголовной ответственности;

---

[187] *Ляхс М.* Многосторонние договоры. Перевод с польского / Под ред. и с предисл.: Дурденевский В.Н.; Пер.: Калинкин Г.Ф. М.: Иностр. лит., 1960. 320 с.

[188] *McNair A.* The Law of Treaties. Oxford University Press, 1986. 800 p.

[189] *Осминин Б.И.* Заключение и имплементация международных договоров и внутригосударственное право: Монография. М.: Инфотропик Медиа, 2010. 400 с.

[190] *Перетерский И.С.* Толкование международных договоров / Отв. ред.: Крылов С.Б., Тункин Г.И. М.: Госюриздат, 1959. 172 с.; *Перетерский И.С.* Значение международного договора для третьего (не заключившего этот договор) государства // Советское государство и право. 1957. № 4. С. 71-80.

[191] *Талалаев А.Н.* Право международных договоров. Москва: Зерцало, 2011. Т. 1: Общие вопросы. 280 с.; Т. 2: Действие и применение договоров. Договоры с участием международных организаций. 504 с.

[192] *Тиунов О.И.* Об основании юридической силы международного договора // Государство, право, законность: Ученые записки № 284. Пермь, 1973, Вып. 4. С. 175-195.

[193] *Fitzmaurice G.* The Law and Procedure of the International Court of Justice. Cambridge: Grotius Publications, 1986. Vol. 2. 866 p.

[194] *Шуршалов В.М.* Основные вопросы теории международного договора / Отв. ред.: Евгеньев В.В. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 472 с.

[195] *Ульянова Н.Н.* Общие многосторонние договоры в системе международно-правового регулирования: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.10. Киев, 1982. 384 с.

[196] *Копылова Е.А.* Преступления против отправления международного уголовного правосудия: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.10. М., 2017. 233 с.

нормативные акты зарубежных стран в сфере уголовного права и уголовного процесса.

Эмпирическую и информационную основу диссертации составили:

акты международных организаций по учреждению международных судебных органов, по вопросам, связанным с порядком привлечения к ответственности за международные преступления, преступления международного характера, транснациональные преступления, посягательства на отправление международного правосудия;

внутренние акты международных судебных органов (правила процедуры и доказывания, кодексы поведения и этики сотрудников, отчеты о деятельности, практические руководства);

материалы производств по рассмотрению межгосударственных споров, включая арбитражные, и консультативных производств (6 споров, рассмотреных Постоянной палатой международного правосудия; 34 спора, рассмотренных Международным судом ООН; 8 споров, рассмотренных Международным трибуналом по морскому праву);

материалы производств, связанных с проверкой соблюдения государствами обязанностей по международным договорам о защите прав и свобод человека (6 производств в Суде Европейских сообществ; 34 производства в Европейском Суде по правам человека, из них 12 связаны с уголовной сферой (право на справедливое разбирательство, пытки, избрание меры пресечения и др.); 6 производств в Межамериканском суде по правам человека; 4 производства в Африканском суде по правам человека и народов);

материалы уголовных дел, находящихся в производстве международных уголовных судов (судебные решения, протоколы судебных заседаний, письменные и устные ходатайства сторон и иных участников процессов: 1 дело, рассмотренное МВТ; 1 дело – МВТДВ; 7 дел – малыми Нюрнбергскими трибуналами; 20 дел (59 судебных документов) – МТБЮ; 15 дел (23 судебных документа) – МТР; 5 дел – МОМУТ; 10 дел (17 судебных документов) – СТЛ; 7 дел (10 судебных документов) – СССЛ; 30 дел (81 судебный документ) – МУС);

материалы уголовных дел внутригосударственных судов;

практический опыт диссертанта по разработке элементов ряда преступлений против отправления правосудия в период работы в Канцелярии Прокурора МУС над делом «Бемба и другие».

Научная новизна диссертации состоит в том, что она представляет собой первое в отечественной и зарубежной правовой науке комплексное и всестороннее исследование института обвинения в рамках субсидиарной подсудности органам международной уголовной юстиции.

Впервые в российской доктрине приводится столь подробное аналитическое исследование истории становления международного уголовного правосудия, предлагается авторский подход к ее периодизации, соотнесенный с эволюцией механизмов преследования преступлений против отправления правосудия.

В работе доказательно пересматривается сложившееся в западной науке представление о правовой природе и сущности прокурора (обвинителя) *amicus curiae* и предлагается принципиально иной подход; формулируется авторское определение понятия «прокурор (обвинитель) *amicus curiae*» и устанавливается его соотношение с более широким понятием *amicus curiae* как вида и подвида.

Впервые совокупность норм и принципов, регулирующих порядок назначения и прекращения полномочий прокурора (обвинителя) *amicus curiae*, объем его прав и обязанностей, характер и пределы компетенции, обосновывается как самостоятельный отраслевой институт международного уголовного права.

Особое место отводится ранее не анализировавшимся в отечественной науке составам преступлений против отправления международного уголовного правосудия: определяется их круг, дается детальное и единообразно структурированное описание соответствующих составов.

Предложены рекомендации по совершенствованию института обвинения в рамках субсидиарной подсудности органов международной уголовной юстиции путем специализации обвинения.

Совокупность обоснованных по результатам исследования теоретических выводов и заключений, а также практических рекомендаций представляется решением крупной научной проблемы:

— установлено, что субъектом обвинения по делам, относящимся к субсидиарной подсудности органов международной уголовной юстиции, может выступать, помимо уставного органа обвинения, третье лицо – *amicus curiae*;

— раскрыто правовое содержание понятия «*amicus curiae*»;

— предложена функциональная классификация *amicus curiae* в международном уголовном праве;

— доказано, что понятие «прокурор (обвинитель) *amicus curiae*» соотносится с понятием «*amicus curiae*» в международном уголовном праве как подвид с видом;

— раскрыто правовое содержание понятия «прокурор (обвинитель) *amicus curiae*»;

— проведен анализ института прокурора (обвинителя) *amicus curiae* в исторической ретроспективе;

— установлены обстоятельства назначения и прекращения полномочий прокурора (обвинителя) *amicus curiae*;

— определены и раскрыты основные принципы деятельности прокурора (обвинителя) *amicus curiae*;

— обоснована необходимость предоставления прокурору (обвинителю) *amicus curiae* в международном уголовном праве международно-правовых иммунитетов и привилегий в том же объеме, в котором они предоставляются сотрудникам органов обвинения международных уголовных судов, для независимого выполнения им своих полномочий;

— определен круг преступлений против отправления международного уголовного правосудия, относящихся к компетенции прокурора (обвинителя) *amicus curiae*, раскрыты их составы;

— выявлены недостатки прокурора (обвинителя) *amicus curiae* как субъекта обвинения по делам, относящимся к субсидиарной подсудности органов международной уголовной юстиции;

— сформулированы предложения по совершенствованию механизмов борьбы с посягательствами на международное уголовное правосудие.

По результатам проведенного исследования сформулированы и ещиту следующие основные положения:

1. Результаты историко-правового анализа становления и развития современной системы международной уголовной юстиции в зависимости от степени институционализации международного уголовного правосудия позволяют разделить его на теоретический (вторая половина XIX в. – 1945 г.) и практический (1945 г. – первая четверть XXI в.) периоды.

Теоретический период характеризуется формированием правовых основ и доктринальных подходов к международному уголовному правосудию при фактическом отсутствии институциональных механизмов для его отправления. Практический период характеризуется созданием международных уголовных судов, поступательно возрастающей степенью институционализации системы международной уголовной юстиции, практическим применением международного уголовного права.

Становление и развитие международного уголовного правосудия не всегда было последовательным. Иногда последующие международно-правовые и уголовно-процессуальные институты не являлись результатом закономерного развития предыдущих. Вместе с тем в целом доминирующей выступает прогрессивная тенденция, заключающаяся в поступательном совершенствовании доктрины и правового регулирования системы международного уголовного правосудия и его органов. В силу этого эволюция международного уголовного правосудия представляет собой движение от менее сложных к более сложным судоустройственным формам, к совершенствованию и детализации международного материально-правового и процессуально-правового

регулирования. В некоторых аспектах это движение можно оценить положительно, в других – критически.

2. Результаты историко-правового анализа показывают, что ни научные публикации, проектировавшие модели международных уголовных судов в теоретический период (кроме модели Л.А.Камаровского), ни уставные документы международных трибуналов, функционировавших в первой половине практического периода, не регламентировали подсудность международным уголовным судам дел о посягательствах против отправления международного уголовного правосудия. Начала института ответственности за посягательства на отправление международного уголовного правосудия можно обнаружить в уставах Международного Военного Трибунала и Международного Военного Трибунала для Дальнего Востока, устанавливавших дисциплинарную ответственность за неподчинение требованиям суда. Судебные реалии вынудили одни из первых международных уголовных судов – последующие Нюрнбергские трибуналы – заявить о существовании у них естественного полномочия наказывать различного рода проявления неуважения к суду (*contempt of court*).

Эта позиция была впоследствии воспринята международными уголовными трибуналами *ad hoc*. Со временем неуважение к суду было кодифицировано в Правилах процедуры и доказывания этих трибуналов, в результате чего в международном уголовном праве появился материально-правовой состав преступления неуважения к суду, который характеризуется множественностью способов совершения.

Римский статут Международного уголовного суда стал первым международным договором, непосредственно закрепившим нормы о подсудности органу международной уголовной юстиции не только международных преступлений, но и преступлений против отправления международного правосудия. С учетом широкого международного участия в разработке текста Римского статута и предыстории института ответственности за совершение преступлений против отправления международного уголовного правосудия, можно говорить о том, что сегодня принцип подсудности международным

уголовным судам посягательств на отправление ими правосудия поступательно трансформируется в обычную норму международного права.

3. Формирование института ответственности за преступления против отправления международного уголовного правосудия требует научной квалификации этой новой категории дел, рассматриваемых международными уголовными судами. Институт подсудности, определяемой как круг дел, относящихся к ведению судебного учреждения, играет ключевую роль в этом процессе. Дела о международных преступлениях можно обозначить как дела основной подсудности, так как реализация ответственности за их совершение является смыслом существования международных уголовных судов. Подсудность дел о преступлениях против отправления международного правосудия следует именовать субсидиарной в силу их вспомогательного предназначения – способствовать отправлению правосудия по делам основной подсудности. Таким образом, субсидиарная подсудность охватывает уголовные дела, относящиеся к ведению международных уголовных судов помимо основной категории дел о международных преступлениях. На современном этапе развития международного уголовного права к субсидиарной подсудности органам международной уголовной юстиции относятся только дела о преступлениях против отправления международного уголовного правосудия.

4. Преступления против отправления международного уголовного правосудия сегодня нигде не кодифицированы. Несмотря на стремление к единообразию, характерному для международных уголовных трибуналов *ad hoc*, составы подсудных им посягательств разнятся, и их список открыт. В Римском статуте содержится собственный перечень составов таких преступлений.

Существует насущная потребность в такой кодификации; при этом в ее контексте важно учитывать следующие обстоятельства:

Во-первых, проблема вмешательства в отправление правосудия актуальна не только для деятельности международных уголовных судов, но и для международного правосудия в целом и более глобально для мирного разрешения международных споров (арбитраж). С учетом этого опыт соответствующих

органов (Международный суд ООН, Международный трибунал по морскому праву, Орган по разрешению споров Всемирной торговой организации) необходимо учитывать в процессе кодификации.

Во-вторых, практика международных уголовных судов позволяет выделить и раскрыть двенадцать известных международному уголовному праву составов преступлений против отправления международного правосудия: дача ложных показаний; представление заведомо ложных или сфальсифицированных доказательств; противоправное оказание воздействия на свидетеля, создание препятствий, устрашение или противоправное воздействие на должностное лицо суда с целью принудить или убедить должностное лицо не выполнять или выполнять ненадлежащим образом свои обязанности; создание препятствий или помех присутствию свидетеля или даче им показаний; действия в отношении свидетеля из мести за дачу им показаний или в отношении должностного лица суда из мести за исполнение этим или иным должностным лицом своих обязанностей; уничтожение доказательств, их фальсификация или препятствование их сбору; уничтожение доказательств; фальсификация доказательств; препятствование сбору доказательств; заведомо неправильный перевод устной или письменной речи или записи устной речи; вымогательство или получение взятки должностным лицом международного уголовного суда; разглашение сведений, составляющих судебную тайну либо тайну следствия; содействие заведомо обвиняемому лицу в покидании территории, на которую распространяется юрисдикция международного уголовного суда; клевета в отношении судьи или другого должностного лица международного уголовного суда; отказ или уклонение свидетеля от дачи показаний, неявка по вызову либо непредоставление документов по требованию суда; злостное уклонение от исполнения приговора в виде уплаты штрафа.

В-третьих, важный блок преступлений против отправления международного уголовного правосудия не предусмотрен в международном уголовном праве – преступления, связанные со злоупотреблением полномочиями должностными лицами международных уголовных судов. Один из наиболее

актуальных составов из данного блока – привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности.

5. Ввиду процессуальных особенностей реализации ответственности за совершение преступлений против отправления международного уголовного правосудия субъектами обвинения в рамках субсидиарной подсудности органам международной уголовной юстиции исторически являлись судьи соответствующего международного уголовного суда. По мере увеличения количества дел о международных преступлениях в производстве международных уголовных судов, случаи посягательств на отправление международного уголовного правосудия в ходе их рассмотрения учащались, усложнялись и принимали новые формы. Это обусловило появление новых подходов к реализации института обвинения в делах о преступлениях против отправления международного уголовного правосудия: первоначально полномочия выступать субъектом обвинения по таким делам получил уставной обвинитель международного уголовного суда, а затем назначаемое судом третье лицо – *amicus curiae.*

6. Авторское определение, согласно которому под институтом *amicus curiae* в международном уголовном праве понимается совокупность процессуальных норм, регулирующих порядок участия в международном уголовном судопроизводстве физических и юридических лиц, а также субъектов международного права, которые: 1) по запросу международного уголовного суда или инициативно и с его санкции представляют письменные либо устные замечания (разъяснения) по вопросам права; либо 2) по поручению международного уголовного суда выполняют процессуальные действия, призванные гарантировать справедливость международного уголовного судопроизводства.

В качестве гарантов справедливости международного уголовного судопроизводства *amici curiae* могут представлять интересы защиты или осуществлять процессуальные действия в рамках предварительного

расследования и поддержания обвинения. В последнем случае в доктрине и судебной практике они именуются «прокуроры (обвинители) *amici curiae*».

7. Институт *прокурора (обвинителя) amicus curiae* сформировался в результате нормотворческой деятельности судей Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии. В процессе правоприменения ими была выявлена потребность в независимом субъекте обвинения по делам о посягательствах на отправление международного уголовного правосудия для обеспечения международных стандартов уголовного преследования. Основанием судейского нормотворчества стала доктрина естественных полномочий международных судов, согласно которой международные суды обладают рядом процессуальных полномочий по своей природе и независимо от их закрепления в учредительных документах. Судьи Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии признали полномочие поручать обвинение по делам субсидиарной подсудности прокурору (обвинителю) *amicus curiae* естественным полномочием. С этой позицией согласились судьи последующих международных уголовных трибуналов *ad hoc*.

8. *Прокурор (обвинитель) amicus curiae* – особый подвид *amicus curiae* в международном уголовном праве. Три ключевых критерия позволяют отличать прокурора (обвинителя) *amicus curiae* от остальных *amici curiae*: субъектность, профессиональная квалификация и статус непосредственно в международном уголовном процессе.

Во-первых, в отличие от иных *amici curiae*, которыми могут быть физические и юридические лица, а также субъекты международного права, в качестве *прокурора (обвинителя) amicus curiae* может выступать только физическое лицо.

Во-вторых, в отличие от других *amici curiae*, к квалификации которых не предъявляется особых требований, *прокурор (обвинитель) amicus curiae* должен обладать высокими моральными качествами и необходимыми познаниями и опытом правоприменения в сфере международного уголовного права и процесса.

В-третьих, в отличие от других *amici curiae*, не имеющих заинтересованности в международном уголовном разбирательстве, *прокурор (обвинитель) amicus curiae* является его стороной.

9. Авторское определение, согласно которому под институтом *прокурора (обвинителя) amicus curiae* понимается совокупность процессуальных норм, регулирующих порядок назначения и прекращения полномочий, компетенцию, процессуальные права и обязанности комплементарного по отношению к органу обвинения международных уголовных судов внесистемного органа следствия и поддержания обвинения в рамках субсидиарной подсудности органам международной уголовной юстиции.

10. Компетенция прокурора (обвинителя) *amicus curiae* охватывает только категорию дел, относящихся к субсидиарной подсудности органов международной уголовной юстиции, т.е. связанных с посягательствами на отправление международного уголовного правосудия. Обвинение по делам основной подсудности относится к исключительной компетенции уставного обвинителя соответствующего международного уголовного суда. Участие *прокурора (обвинителя) amicus curiae* в обвинении по делам основной подсудности лишало бы смысла существование уставного органа обвинения.

11. *Прокурор (обвинитель) amicus curiae* может являться субъектом обвинения по делам субсидиарной подсудности международным уголовным судам только в трех случаях, а именно: (1) если у уставного органа обвинения имеется конфликт интересов в отношении деяния, являющегося объектом расследования или обвинения; (2) при высокой степени загруженности уставного органа обвинения; (3) при самоотводе уставного органа обвинения. *Прокурор (обвинитель) amicus curiae* в своей деятельности руководствуется принципами независимости, объективности (беспристрастности), конфиденциальности, ответственности и уважения прав человека. Для независимого и эффективного исполнения полномочий *прокурор (обвинитель) amicus curiae* наделяется международно-правовыми иммунитетами и привилегиями в объеме, предоставляемом сотрудникам обвинения международных уголовных судов. Это

обусловлено тождественностью их функций и, как следствие, равной потребностью в гарантиях независимости. Основаниями прекращения полномочий *прокурора (обвинителя) amicus curiae* являются: 1) завершение его мандата; 2) добровольная отставка; 3) принудительная отставка; 4) отвод, заявленный подозреваемым или обвиняемым.

12. *Институту прокурора (обвинителя) amicus curiae* присущ ряд недостатков, влияющих на эффективность борьбы с посягательствами на отправление международного уголовного правосудия.

Во-первых, *прокурор (обвинитель) amicus curiae* располагает ограниченными ресурсами. Кроме того, время, требуемое для их полной мобилизации, отнимается у следствия.

Во-вторых, характер *ad hoc* института *прокурора (обвинителя) amicus curiae* несовместим с задачей по предупреждению посягательств на отправление международного уголовного правосудия.

В-третьих, отсутствие преемственности в работе *прокуроров (обвинителей) amicus curiae* препятствует формированию устойчивой практики уголовного преследования лиц, виновных в посягательствах на международное уголовное правосудие.

В-четвертых, участие *прокуроров (обвинителей) amicus curiae* в международных уголовных процессах носит ситуативный характер и не предполагает постоянный системный мониторинг преступлений против отправления международного уголовного правосудия. Системный пробел в их обнаружении и пресечении приводит к значительному числу случаев безнаказанности.

13. Существует объективная потребность в систематизации на уровне субъектов международного права принципов, целей, задач, направлений, методов и перспектив борьбы с преступлениями против отправления международного уголовного правосудия в единую политику защиты целостности международного уголовного правосудия.

14. В порядке прогрессивного развития международного уголовного процесса и для повышения эффективности международного сотрудничества в обеспечении международного мира и безопасности представляется целесообразной отраслевая специализация органов обвинения в международных уголовных судах. Она предполагает сосуществование в системе органов международной уголовной юстиции прокуроров (обвинителей) по делам о международных преступлениях (основная подсудность) и прокуроров по делам о преступлениях против отправления международного уголовного правосудия (субсидиарная подсудность).

Отраслевое разделение функций органов обвинения характерно для большинства национальных юрисдикций, включая Российскую Федерацию, где существуют специализированные прокуратуры (военная, транспортная, природоохранная, по надзору в закрытых административных территориальных образованиях и на особо режимных объектах и другие). Применение этого принципа в международном уголовном процессе может иметь ряд преимуществ: повышение качества обвинения за счет углубленных знаний и опыта отраслевых прокуроров; оптимизация человеческих и материальных ресурсов; минимизация риска злоупотреблений.

Теоретическая значимость исследования заключается в его вкладе в углубление теоретических основ международного уголовного процесса посредством:

— систематизации и структурирования научных знаний об истории становления международного уголовного правосудия;

— формулирования и раскрытия содержания новой теоретической концепции субсидиарной подсудности органам международной уголовной юстиции;

— систематизации и структурирования научных знаний об институте обвинения в рамках субсидиарной подсудности органам международной уголовной юстиции;

— введения в правовой оборот нового понятия «*прокурор (обвинитель) amicus curiae*», сокращения «PAC» (***p**rosecutor **amicus curiae**, **p**rocureur **amicus curiae***) для использования в иностранных исследованиях; обоснования группирования совокупности процессуальных норм, касающихся статуса и деятельности прокурора (обвинителя) *amicus curiae* в новый институт международного уголовного процесса;

— критики принимаемого за аксиому в западной доктрине представления о соотношении правовых институтов *amicus curiae* и *прокурора (обвинителя) amicus curiae;*

— расширения и углубления понимания составов посягательств на международное уголовное правосудие;

— определения в качестве актуальной проблемы международного уголовного права и серьезного пробела в регулировании ответственности за преступления против отправления международного уголовного правосудия отсутствие их кодификации; формулирования теоретической основы для дальнейшей кодификационной работы;

— предложения модели обвинения для международных уголовных судов, основанной на принципе отраслевой специализации.

Практическая значимость исследования заключается в том, что содержащиеся в нем выводы и сформулированные на их основе предложения могут быть использованы при совершенствовании структуры действующих и проектировании будущих органов международной уголовной юстиции с целью повышения эффективности борьбы с посягательствами на отправление международного уголовного правосудия и более полного выполнения задачи по поддержанию и восстановлению международного мира и безопасности.

Систематизация составов преступлений против отправления международного уголовного правосудия формирует необходимую доктринальную базу для их последующей кодификации в универсальных и региональных международных договорах, а также в национальном законодательстве.

Выводы, касающиеся существования недостатков действующего правового регулирования могут учитываться в качестве доктринального источника компетентными органами Российской Федерации, такими как Министерство иностранных дел Российской Федерации, Министерство юстиции Российской Федерации, Следственный комитет Российской Федерации, Генеральная прокуратура Российской Федерации, а также специальными дипломатическими миссиями при формулировании инициатив по его совершенствованию или реагировании на соответствующие инициативы других субъектов международного права, при подготовке международно-правовых документов и применении их положений.

Практическая значимость работы определяется также тем, что комплексное фундаментальное исследование института прокурора (обвинителя) *amicus curiae* впервые выполнено в рамках российской правовой школы; внедрение ее выводов в практику международных уголовных судов и дискуссии в универсальных международных организациях способно укрепить позиции Российской Федерации в соответствующих переговорных и экспертных форматах.

Основные положения диссертационной работы могут быть использованы в научной деятельности и образовательном процессе при разработке и чтении учебных курсов по уголовному праву, уголовному процессу, международному уголовному праву, праву международных организаций, международному праву прав человека, международному сотрудничеству в сфере уголовного судопроизводства и другим смежным отраслям.

Апробация результатов исследования. Диссертация подготовлена на базе кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики МГИМО МИД России. Материалы диссертации были предметом обсуждения профессорско-преподавательского состава кафедры в ходе ее заседаний.

Ключевые выводы, полученные по результатам исследования, нашли отражение в следующих научных публикациях диссертанта, включая публикации в зарубежных научных изданиях, включенных в международную реферативную

базу данных «Скопус» (SCOPUS), а также в рецензируемых журналах, входящих в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки:

1. Копылова Е.А. Перспективы кодификации преступлений против отправления международного уголовного правосудия в международном праве / Е.А. Копылова // Мировой судья. – 2026. – № 4. – С. 17-21 (0,3 п.л.).

2. Копылова Е.А. Эволюция субсидиарной подсудности органам международной уголовной юстиции: от доктринальных проектов к кодификации / Е.А. Копылова // Российский судья. – 2026. – № 4. – С. 55-60 (0,4 п.л.).

3. Копылова Е.А. Дилемма беспристрастности: проблемы обеспечения объективного уголовного преследования в отношении лиц, порождающих институциональный конфликт интересов / Е.А. Копылова // Юридическое образование и наука. – 2026. – № 3. – С.36-40 (0,3 п.л.).

4. Копылова Е.А. Прокурор *amicus curiae* и доктрина естественных полномочий в международном судопроизводстве / Е.А. Копылова // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2025. – № 3. – С. 2-5 (0,5 п.л.).

5. Копылова Е.А. Обвинение по делам субсидиарной подсудности в системе международного уголовного правосудия / Е.А. Копылова // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2026. – № 2. – С.2-4 (0,4 п.л.).

6. Копылова Е.А. Об институте *amicus curiae* в практике Международного суда ООН и Международного трибунала по морскому праву / Е.А. Копылова // Государство и право. – 2021. – № 2. – С. 132-144 (1,2 п.л.).

7. Kopylova E.A. The Prosecutor Amicus Curiae at the International Criminal Tribunals / E.A. Kopylova // Journal of International Criminal Justice. – 2021. – № 19(5). – P. 1099–1131 (2,4 п.л.).

8. Копылова Е.А. *Amicus curiae* и экспертный свидетель в международном праве / Е.А. Копылова // Международное публичное и частное право. – 2020. – № 5. – С. 15-18 (0,5 п.л.).

9. Копылова Е.А. О генезисе и будущем института прокурора *amicus curiae* в международном праве / Е.А. Копылова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2020. – № 4. – С. 1187-1204 (1,2 п.л.).

10. Копылова Е.А. Прокурор *amicus curiae* и Международный уголовный суд / Е.А. Копылова Е.А. // Евразийский юридический журнал. – 2020. – № 6. – С. 35-38 (0,6 п.л.).

11. Копылова Е.А. Прокурор *amicus curiae* в международном уголовном судопроизводстве / Е.А. Копылова // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2020. – № 5. – С. 15-18 (0,6 п.л.).

12. Копылова Е.А. Прокурор *amicus curiae* международных уголовных трибуналов: особенности назначения и прекращения полномочий / Е.А. Копылова // Вопросы российского и международного права. – 2020. – № 10. – С. 218-232 (1,1 п.л.).

13. Копылова Е.А. Международно-правовые принципы деятельности прокурора *amicus curiae* / Е.А. Копылова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. – 2020. – № 4. – С. 272-286 (1 п.л.).

14. Kopylova E.A. The Offence of Giving False Testimony in the Rome Statute / E.A. Kopylova // Criminal Law Forum. – 2017. – № 28(4). – P. 669–708 (2,5 п.л.).

15. Копылова Е.А. Характеристика преступлений против отправления международного уголовного правосудия / Е.А. Копылова // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2016. – № 4. – С. 146-170 (1,8 п.л.).

Отдельные выводы, полученные по результатам исследования, также нашли отражение в следующих научных публикациях диссертанта:

1. Копылова Е.А. Ответственность за преступления против правосудия, связанные со злоупотреблением полномочиями должностными лицами, в международном уголовном праве / Е.А. Копылова // Международное право и международные организации. – 2026. – № 1. – С. 17-30 (0,8 п.л.).

2. Копылова Е.А. Архитектура международного уголовного правосудия в условиях кризиса: предпосылки, проблематика и перспективы реформирования / Е.А. Копылова // Право и политика. – 2026. – № 2. – С. 44-57 (0,8 п.л.).

3. Копылова Е.А. Институт специального прокурора в национальном уголовном процессе: сравнительно-правовое исследование / Е.А. Копылова // Юридические исследования. – 2026. –№ 2. – С. 11-24 (0,8 п.л.).

4. Копылова Е.А. Институт ответственности по делам субсидиарной подсудности органам международной уголовной юстиции в исторической ретроспективе / Е.А. Копылова // Genesis: исторические исследования. – 2026. – № 2. – С. 28-44. (0,9 п.л.).

5. Копылова Е.А. Об особенностях института обвинения по делам субсидиарной подсудности органам международной уголовной юстиции / Е.А. Копылова // Право и управление. XXI век. – 2025. – Т. 21. – № 4(77). – С. 45-55 (1,1 п.л.).

6. Копылова Е.А. Международно-правовые иммунитеты и привилегии прокурора *amicus curiae* / Е.А. Копылова // Государственная служба. – 2020. – Том 22. – № 3 (125). – С. 55-63 (1 п.л.).

7. Копылова Е.А. *Amicus curiae* в международном уголовном судопроизводстве: информативная функция / Е.А. Копылова // Московский журнал международного права. – 2020. – № 3. – С. 115-129 (1,1 п.л.).

8. Копылова Е.А. Amicus curiae как представитель интересов обвиняемого в международном уголовном процессе / Е.А. Копылова // Международный правовой курьер. – 2020. – № 3-4. – С. 77-81 (0,6 п.л.).

9. Копылова Е.А. Международно-правовой характер малых Нюрнбергских трибуналов / Е.А. Копылова // История государства и права. – 2017. – № 2. – С. 36-40 (0,6 п.л.).

10. Копылова Е.А. Преступление дачи ложных показаний под присягой в международном уголовном праве / Е.А. Копылова // Международное правосудие. – 2016. – № 2. – С. 108-118 (0,8 п.л.).

11. Копылова Е.А. Ответственность за разглашение конфиденциальных сведений в международном уголовном праве / Е.А. Копылова // Московский журнал международного права. – 2016. – № 2. – С. 188-203 (1 п.л.).

12. Копылова Е.А. Преступления против отправления международного уголовного правосудия: анализ решения по делу «Прокурор против Жан-Пьера Бемба, Эме Килоло Мусамба, Жан-Жака Мангенда Кабонго, Фиделя Бабала Ванду и Нарцисса Аридо» / Е.А. Копылова // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2015. – № 6. – С. 290-297 (0,7 п.л.).

13. Копылова Е.А. Понятие и признаки международных уголовных судов / Копылова Е.А. // Современная юриспруденция: актуальные вопросы и перспективы развития сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. Уфа, 11 сентября 2016 г. – Уфа: Инновационный центр развития образования и науки., 2016. – С. 77-93 (1,2 п.л.).

Научная статья автора, посвященная преступлению дачи ложных показаний в Римском статуте Международного уголовного суда[197] цитируется как основной доктринальный источник по теме преступлений против международного уголовного правосудия автором последнего исправленного и дополненного издания комментария к Римскому статуту МУС «Введение в Международный уголовный суд» 2020 г. проф. Мидлсекского (Великобритания) и Ляйденского (Нидерланды) университетов У.Шабасом[198], а также авторами исправленного и дополненного издания авторитетного труда «Принципы международного уголовного права» под редакцией проф. Г.Верле[199].

---

[197] *Kopylova E.A.* The Offence of Giving False Testimony in the Rome Statute / E.A. Kopylova // Criminal Law Forum. – 2017. – № 28(4). – P. 669–708. – DOI: 10.1007/s10609-017-9301-3.

[198] *Schabas W.A.* An Introduction to the International Criminal Court. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. 640 p.

[199] *Werle G., Jessberger F.* Principles of International Criminal Law / W.A. Schabas (ed.). Oxford University Press, 2020. P. 36, 148.

Отдельные материалы диссертации апробированы в ходе совещания в Комитете Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по международным делам на тему: «Кризис современного миропорядка, подмена его так называемой западной концепцией «порядок, основанный на правилах» (Москва, 2023 г.)[200].

Выводы и заключения, представленные в настоящем исследовании, содержатся в опубликованных автором монографиях и главах в монографиях[201].

Представленные заключения и правовая аргументация были положительно оценены в рецензии заслуженного деятеля науки Российской Федерации, д.ю.н., профессора, члена Постоянной палаты третейского суда (г. Гаага) К.А.Бекяшева и д.ю.н., заведующего кафедрой международного права МГИМО МИД России Д.К.Бекяшева «Новая монография по международному уголовному праву. Рецензия на книгу: *Копылова Е.А.* «Преступления против международного уголовного правосудия». – М., Бослен, 2019. – 368 с.»[202].

Обоснованность и достоверность выводов, представленных в диссертации, нашли свое подтверждение в ходе практической работы диссертанта в Канцелярии Прокурора Международного уголовного суда в 2014 - 2015 гг. В этот период диссертант занималась разработкой элементов преступлений против отправления правосудия в рамках дела Бемба и другие[203]. Результаты диссертации

---

[200] «Сенаторы и эксперты оценили угрозы, которые несет миру «порядок, основанный на правилах». [Электронный ресурс] URL: http://council.gov.ru/events/news/146563/ (дата обращения: 26.08.2025).

[201] *Копылова Е.А.* Прокурор *amicus curiae* в международном праве: монография / Е.А. Копылова. - Москва: Издательство «Бослен», 2022. – 144 с. (9 п.л.). ISBN: 978-5-91187-421-6; *Kopylova E.A. Amicus curiae* Prosecutor / Ekaterina A. Kopylova – Текст: электронный // Max Planck Encyclopedia of International Procedural Law // – Oxford University Press, 2021. Subscriber: Media (Academic); date: 20 March 2021. – URL: https://opil.ouplaw.com/display/10.1093/law-mpeipro/e3531.013.3531/law-mpeipro-e3531 (дата обращения: 06.03.2025). – Режим доступа: по подписке (1,68 п.л.); *Копылова Е.А.* Преступления против международного уголовного правосудия: монография / Е.А. Копылова. - Москва: Издательство «Бослен», 2019. – 368 с. (23 п.л.). ISBN: 978-5-91187-341-7.

[202] *Бекяшев К.А., Бекяшев Д.К.* Новая монография по международному уголовному праву: рецензия на книгу: Копылова Е.А. Преступления против международного уголовного правосудия. – Москва: Бослен, 2019. – 368 с. // Евразийский юридический журнал. 2021. № 1 (152). С. 495–497.

[203] См., например: *The Prosecutor v. Jean-Pierre Bemba, et al.,* Public redacted version of «Prosecution Submission on the Confirmation of Charges» (ICC-01/05-01/13-597-Conf-AnxB), 30

были внедрены в практическую деятельность Канцелярии, и отдельные выводы нашли отражение в решении судей МУС об утверждении обвинительного заключения по данному делу[204], а также в обвинительном приговоре[205].

Выводы диссертанта были апробированы, помимо прочего, в ходе: Всероссийской конференции с международным участием «Взаимодействие международного и национального права» (Москва, 2022 г.); X Петербургского международного юридического форума (Санкт-Петербург, 2023 г.); научно-фантастического симпозиума «Создавая будущее» (Москва, 2024 г.); круглого стола «Международное право как основа поддержания международного мира и безопасности» XXI Международного конгресса «Блищенковские чтения» (Москва, 2025 г.).

Структура диссертации, сообразно замыслу исследования, состоит из введения, перечня условных обозначений и сокращений, четырех глав, заключения, списка использованной литературы и источников информации и приложения.

July 2014, §§ 256-286; *The Prosecutor v. Jean-Pierre Bemba, et al.,* Public redacted version of "Prosecution's Response to Defence Confirmation Submissions" (ICC01/05-01/13-646-Red), 21 August 2014, §§ 7-32; *The Prosecutor v. Jean-Pierre Bemba, et al.,* Consolidated Prosecution Response to the Defence Submissions on the Legal Elements of the Charged Offences and Modes of Liability (ICC-01/05-01/13-1024), 22 June 2015.

[204] *The Prosecutor v. Jean-Pierre Bemba, et al.,* Decision pursuant to Article 61(7) (a) and (b) of the Rome Statute (ICC-01/05-01/13-749), 11 November 2014, §§ 28-30.

[205] *The Prosecutor v. Jean-Pierre Bemba, et al.,* Public Redacted Version of Judgment pursuant to Article 74 of the Statute (ICC-01/05-01/13-1989-Red), 19 October 2016, §§ 18-50.

ГЛАВА I. ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ. СТАНОВЛЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ СУБСИДИАРНОЙ ПОДСУДНОСТИ

§ I.1. Понятие и признаки международных уголовных судов

До настоящего времени в отечественной и зарубежной литературе по международному праву сравнительно немного работ специально посвящено выявлению тех признаков, которые позволяют отграничить международные суды от органов внутригосударственного правосудия[206]. При этом уже имеющиеся исследования не привели к выработке общепринятого критерия или замкнутой системы критериев, позволяющих однозначно охарактеризовать орган международного правосудия как особый вид судебных учреждений[207].

Международные уголовные суды представляют собой лишь одну из разновидностей международных судов. В 1960-е годы профессор международного права Нью-Йоркского университета проф. Р. Вутзел в работе «Нюрнбергские процессы в международном праве» предпринял обзор основных теорий, касающихся признаков международных судебных органов[208]. Спустя более полувека этот обзор не утратил актуальности и, несмотря на сравнительно небольшой объем, остается, по существу, наиболее цельным и аргументированным изложением соответствующих подходов; именно поэтому представляется методологически оправданным положить его в основу дальнейшего анализа данного вопроса.

Согласно одной из теорий, представленных в обзоре проф. Р. Вутзела, суд является международным, если при разрешении подсудных ему споров он применяет международное право[209]. Мы назовем эту теорию *теорией применимого права*. Ее придерживается ряд зарубежных юристов-международников. Так, по определению М. Хадсона, «любой международный трибунал, заслуживающий характеристики международного, должен действовать

---

[206] *Heller K., op.cit.,* p. 105.
[207] *Damgaard K., op.cit.,* p. 273.
[208] *Woetzel R., op.cit.*
[209] *Ibid.,* p. 42.

в установленных судебных рамках и применять международное право. Государствами могут создаваться для разрешения споров и другие учреждения, но из отнесения их к международным судам получится только путаница»[210]. А. Сноу пишет: «Признаком международного суда является не факт его учреждения нациями, а то, что он применяет наднациональное право»[211]. Данный признак выделяется Ч. Романо в качестве одного из признаков международного судебного органа[212]. Аналогичного мнения придерживаются К. Томушчат[213] и К. Норгаард[214].

Сам Р. Вутзел критикует эту теорию, отмечая, что «многие внутригосударственные гражданские и военные трибуналы применяют в отдельных случаях международное право»[215]. Из наших современников эту критику разделяет проф. К. Хеллер[216]. Однако с их аргументацией нельзя согласиться. Приобретение каким-либо правилом поведения обязательного характера для государства означает, что данное правило становится частью его правовой системы, его внутреннего права. Отсюда внутригосударственные суды, ссылаясь на это правило поведения при разрешении споров, всегда применяют не международно-правовую норму, а норму внутреннего права (в большинстве случаев это право государства, к судебной системе которого они относятся, но иногда это может быть и право иностранных государств, например, при разрешении частноправовых споров с иностранным элементом). Поэтому теорию применимого права можно признать универсальной для целей характеристики международных судов.

С практической точки зрения дело обстоит несколько иначе. На практике и внутригосударственные, и международные суды ссылаются на одни и те же

---

[210] *Hudson M., op.cit.,* p. 99.
[211] *Marburg T.* The Washington Meeting of the American Society for the Judicial Settlement of International Disputes // The American Political Science Review. 1911. Vol. 5, № 2. P. 186.
[212] *Romano C., op.cit.,* p. 713.
[213] *Tomuschat Ch., op.cit.,* p. 290–294.
[214] *Nørgaard C.* The position of the individual in international law. Copenhagen: Munksgaard, 1962. P. 179.
[215] *Woetzel R., op.cit.,* p. 42.
[216] *Heller K., op.cit.*

правовые источники, например, международные соглашения, являющиеся нормой внутригосударственного права для первых и международно-правовой нормой для вторых. Поэтому определить, в каком случае тот или иной документ упоминается как источник международного права, а в каком – внутригосударственного, вне контекста может оказаться затруднительным, что достаточно существенно снижает практическую ценность данного критерия, не умаляя при этом его универсальности в теории.

Следует оговорить, что теория применимого права не ограничивает международные суды в выборе применимых норм и не исключает их обращение к нормам национального права. Все международные суды в той или иной мере применяют национальное право. Приведем здесь пример трибунала, смоделированного Женевской конвенцией 1937 г., и ч. 1 ее ст. 21, согласно которой судьям предписывалось применять национальное право государства, на территории которого имело место событие преступления, либо государства, передавшего дело на рассмотрение суда, в зависимости от того, какое из них более благоприятствует обвиняемому.

В ст. 2 Проекта устава Международного уголовного суда, представленного специальным комитетом ГА ООН в 1951 г., прямо проектировалась возможность судей обращаться к внутреннему праву при рассмотрении уголовных дел[217].

Согласно ст. 2 Устава СТЛ, преступность подсудных этому органу деяний регулируется уголовным правом Ливана. Для иллюстрации сделанного выше разъяснения о приобретении международно-правовыми нормами, обязательными для какого-либо государства, характера внутреннего права этого государства, можно отметить, что если в положениях ливанского уголовного законодательства, подлежащего применению СТЛ, имеется отсылка к международному договору Ливана, то нормы такого международного договора будут применяться СТЛ в качестве норм ливанского, а не международного права. Вместе с тем, СТЛ применяет также и международное право в виде своего Устава, представляющего

[217] ООН: Projet de statut d'une cour criminelle internationale / Rapport de la Commission du droit international sur les travaux de sa quarante-sixième session (2 mai – 22 juillet 1994), Vol II. // Документ ООН A/49/10, 1994. P. 21.

собой международный договор между правительством Ливана и ООН, в т.ч. по вопросам, касающимся условий наступления уголовной ответственности, соучастия в преступлении[218], прав обвиняемого и потерпевших в рамках судебного разбирательства и т. д.

МУС применяет национальное право в т.ч. для того, чтобы определить, обладает ли он юрисдикцией в отношении событий тех или иных преступлений. Так, согласно ч. 2 ст. 12 Римского статута от 17 июля 1998 г., МУС имеет юрисдикцию, если обвиняемое лицо является гражданином одного из его государств-участников. Наличие у лица гражданства соответствующего государства определяется в соответствии с его внутренними нормами, регулирующими вопросы приобретения и прекращения гражданства.

Согласно другой теории, представленной в обзоре Р. Вутзела, – *теории юрисдикции в отношении международных преступлений* – международные суды отличаются наличием юрисдикции в отношении международных преступлений (если речь идет о международном уголовном суде)[219]. Правовая квалификация международных преступлений будет подробно дана ниже. Здесь же достаточно отметить, что международные преступления характеризуются особо тяжким характером и объектом, к которому относятся международный мир и безопасность, основы международных отношений. К международным преступлениям принято относить геноцид, преступления против человечности, военные преступления и преступление агрессии.

Практика неоднократно доказывала, что международные суды не имеют монополии на уголовное преследование международных преступлений, чем демонстрировала несостоятельность теории юрисдикции в отношении международных преступлений. За пятнадцать лет до включения проф. Р. Вутзелом этой теории в свой обзор процессы над военными преступниками

---

[218] Ст. 3 Устава Специального трибунала по Ливану. См.: Соглашение между Организацией Объединенных Наций и правительством Ливана о создании Специального трибунала по Ливану = (Agreement between the United Nations and the Lebanese Republic on the Establishment of a Special Tribunal for Lebanon) (Бейрут, 22 января 2007 г., Нью-Йорк, 6 февраля 2007 г.). В: United Nations, Treaty Series (UNTS), vol. 25074, p. 123. P.21.

[219] *Woetzel R., op.cit.,* p. 42.

прошли в судах Австралии[220], Великобритании[221], Германии[222], Канады[223], Китая[224], Нидерландов[225], Норвегии[226], Польши[227], СССР[228], США[229], Франции[230] и

[220] См., например: Trial of Sergeant-Major Shigeru Ohashi and Six Others, Australian Military Court, Rabaul, 20–23 March 1946 // Law Reports of Trials of War Criminals (далее – UNWCC Reports). – Vol. V. London: Published for the United Nations War Crimes Commission by His Majesty's Stationery Office, 1948. P. 25–31. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.loc.gov/ (дата обращения: 16.05.2025); Trial of Captain Eitaro Shinohara and Two Others, Australian Military Court, Rabaul, 30 March – 1 April 1946 // Там же. P. 32–36; Trial of Captain Eikichi Kato, Australian Military Court, Rabaul, 7 May 1947 // Там же. – P. 37–42.

[221] См., например: Trial of Max Wielen and 17 Others, the Stalag Luft III case, British Military Court, Hamburg, Germany, 1 July – 3 September 1947 // UNWCC Reports. Vol. XI. London: Published for the United Nations War Crimes Commission by His Majesty's Stationery Office, 1949. P. 31–63. – [Электронный ресурс]. – URL: https://unwcc.org/; Trial of Franz Schonfeld and Nine Others, British Military Court, Essen, 11–26 June 1946 // Там же. P. 64–72; Zyklon B, Trial of Bruno Tesch and Two Others, British Military Court, Hamburg, 1–8 March 1946 // UNWCC Reports. Vol. I. London: Published for the United Nations War Crimes Commission by His Majesty's Stationery Office, 1947. P. 93–105. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.loc.gov/; Trial of Werner Rohde and Eight Others, British Military Court, Wuppertal, Germany, 29 May – 1 June 1946 // UNWCC Reports. Vol. V. London: Published for the United Nations War Crimes Commission by His Majesty's Stationery Office, 1948. P. 54–69. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.loc.gov/rr/frd/ (дата обращения везде: 16.05.2025).

[222] См., например: Strafsenat, Urteil vom 14. Dezember 1948 gegen L. und andere, StS 37/48 // Entscheidungen Des Obersten Gerichtshofs Für Die Britische Zone In Strafsachen. Vol. I. Frankfurt am Main [u.a.]: de Gruyter, 2010. P. 229–234.

[223] См., например: Record of Proceedings of the Trial by Canadian Military Court of Robert Hölzer, Walter Weigel и Wilhelm Ossenbach held at Aurich, Germany, 25 March – 6 April 1946 [Электронный ресурс]. – RG 255, Vol. 2609, File No. 1, Canadian War Crimes Investigation Unit. – URL: https://mspace.lib.umanitoba.ca/ (дата обращения: 16.05.2025).

[224] См., например: Trial of Takashi Sakai, Chinese War Crimes Military Tribunal of The Ministry of National Defence, Nanking, Judgment Delivered on 29 August, 1946 // UNWCC Reports. Vol. XIV. – P. 1–30. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.loc.gov/rr/ (дата обращения: 16.05.2025).

[225] См., например: Trial of Tanabe Koshiro, Netherlands Temporary Court-Martial, Macassar, 5 February 1947 // UNWCC Reports. – Vol. XI. – P. 1–10. – [Электронный ресурс]. – URL: https://unwcc.org/; Trial of Washio Awochi, Netherlands Temporary Court Martial in Batavia, Judgment delivered on 25 October 1946 // UNWCC Reports. Vol. XIII. P. 122–138. – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.loc.gov/; Trial of Wilhelm Gerbsch, The Special Court in Amsterdam, First Chamber, Judgment Delivered on 28 April 1948 // Там же. – P.131-145; Trial of Hans Albin Rauter, Netherlands Special Court in ‘s-Gravenhage (The Hague), Judgment Delivered on 4 May 1948 and Netherlands Special Court of Cassation, Judgment Delivered on 12 January 1949 // UNWCC Reports. Vol. XIV. P. 89–110. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.loc.gov/ (дата обращения везде: 16.05.2025).

[226] См., например: Trial of Kriminalassistent Karl-Hans Hermann Klinge, Eidsivating Lagmannsrett and the Supreme Court of Norway, 8 December 1945 – 27 February 1946 // UNWCC Reports. Vol. III. – P. 1–25. [Электронный ресурс]. – URL: https://unwcc.org/; Trial of Kriminalsekretar Richard Wilhelm Hermann Bruns and Two Others, Eidsivating Lagmannsrett and the Supreme Court of Norway, 20 May – 3 July 1946 // Там же. P. 15–40; Trial of Gerhard Friedrich Ernst Flesch, Frostating Lagmannsrett and Supreme Court of Norway, November-December 1946 and February 1948 // UNWCC Reports. Vol. VI. P. 111–130. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.loc.gov/ (дата обращения везде: 16.05.2025).

других государств. Из более современных примеров можно привести лионский процесс 1987 г. над бывшим гауптштурмфюрером СС К.Барби, по итогам которого обвиняемый был признан виновным в совершении в период Второй мировой войны преступлений против человечности на французской территории и приговорен к пожизненному заключению[231]. В 2014 г. во Франции прошел процесс против П. Симбикангва, которому вменялось соучастие в геноциде в Руанде в 1994 г.[232] В 2016 г. в Париже также по обвинению в соучастии в геноциде племени тутси в Руанде открылся процесс против О. Нгензи и Т. Барахира[233]. Ранее процессы, связанные с руандийским геноцидом, прошли, в частности, в Германии[234], Бельгии[235], Швеции[236], Нидерландах[237] и Канаде[238].

---

[227] См., например: Trial of Hauptsturmführer Amon Leopold Goeth, Supreme National Tribunal of Poland, 27–31 August and 2–5 September 1946 // UNWCC Reports. Vol. VII. P. 1–35. [Электронный ресурс]. – URL: https://tile.loc.gov/ (дата обращения: 16.05.2025); Trial of Obersturmbannführer Rudolf Franz Ferdinand Hoess, Supreme National Tribunal of Poland, 11–29 March 1947 // Там же. P. 11–50.

[228] См., например: Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия. Хабаровск, 1949. М.: Госполитиздат, 1950. 150 с.

[229] См., например: Trial of Gunther Thiele and Georg Steinert, United States Military Commission, Augsburg, Germany, 13 June 1945 // UNWCC Reports. Vol. III. P. 56–78. – [Электронный ресурс]. – URL: https://unwcc.org/ (дата обращения: 16.05.2025); Trial of Peter Back, United States Military Commission, Ahrweiler, Germany, 16 June 1945 // Там же. P. 60–82; Trial of Albert Bury and Wilhelm Hafner, United States Military Commission, Freising, Germany, 15 July 1945 // Там же. P. 62–85; Trial of General Tomoyuki Yamashita, United States Military Commission, Manila, 8 October – 7 December 1945, и Supreme Court of the United States (Judgments Delivered on 4 February 1946) // UNWCC Reports. Vol. IV. P. 1–90. – [Электронный ресурс]. – URL: https://tile.loc.gov/ (дата обращения: 16.05.2025).

[230] См., например: Trial of Franz Holstein and 23 Others, Permanent Military Tribunal at Dijon, 3 February 1947 // UNWCC Reports. Vol. VIII. [Электронный ресурс]. – URL: https://unwcc.org/ (дата обращения: 16.05.2025); Trial of Robert Wagner and Six Others, French Permanent Military Tribunal, Strasbourg and Court of Appeal, 23 April – 3 May 1946 // Там же. P. 23–55.

[231] Barbie on trial / Memorial Izieu: сайт. [Электронный ресурс]. 2024. –7 ноя. – URL: http://www.memorializieu.eu/souscription/?page_id=1899 (дата обращения: 16.05.2025).

[232] Simbikangwa condamné à 25 ans de prison au procès historique du génocide rwandais [Электронный ресурс] // Le Monde. 14.03.2014. – URL: http://www.lemonde.fr/afrique/article/2014/03/14/simbikangwa-condamne-a-25-ans-de-prison-au-proces-historique-du-genocide-rwandais_4383555_3212.html (дата обращения: 16.05.2025).

[233] Génocide au Rwanda: deuxième procès historique en France [Электронный ресурс] // Paris Match. – 10.05.2016. – URL: http://www.parismatch.com/Actu/International/Genocide-au-Rwanda-deuxieme-proces-historique-en-France-965545 (дата обращения: 16.05.2025).

[234] German court sentences man to life in Rwanda genocide case [Электронный ресурс] // Reuters. 29.12.2015. – URL: http://www.reuters.com/article/us-germany-rwanda-court-idUSKBN0UC11R20151229 (дата обращения: 16.05.2025).

Принцип комплементарности, лежащий в основе деятельности МУС, – другой яркий пример несостоятельности теории юрисдикции в отношении международных преступлений. В соответствии с этим принципом государства – участники Римского статута имеют приоритет перед МУС в расследовании и преследовании международных преступлений, подпадающих под его юрисдикцию в соответствии со ст. 5[239]. Если, как утверждает теория юрисдикции, международные уголовные суды отличало бы исключительное право преследования международных преступлений, то либо принцип комплементарности был бы лишен смысла, либо пришлось бы признать все суды, компетентные рассматривать такие преступления по внутреннему законодательству своего государства, международными.

Следующая теория, упомянутая профессором Р. Вутзелом, – назовем ее *теорией международного состава* – считает отличительным признаком международного судебного органа присутствие среди судейского состава представителей разных государств[240]. Данный признак упоминает среди других признаков международного судебного органа и датский юрист К. Норгаард[241].

Можно предположить, что в основе этой теории лежат две предпосылки – международно-правового и внутригосударственного характера. Во-первых, для придания международному судебному органу легитимности в глазах всего

---

[235] *Simons M.* Belgian Jury Convicts 4 of 1994 War Crimes in Rwanda [Электронный ресурс] // The New York Times. 09.06.2001. – URL: http://www.nytimes.com/2001/06/09/world/09RWAN.html (дата обращения: 26.01.2025).

[236] *Anderson C.* Swedish Court Sentences Man to Life in Prison for Role in Rwanda Genocide [Электронный ресурс] // The New York Times. 17.05.2016. – URL: http://www.nytimes.com/2016/05/17/world/europe/sweden-rwanda-claver-berinkindi.html?_r=0 (дата обращения: 16.05.2025).

[237] *Spijkers O.* District Court in The Hague makes use of right to exercise universal jurisdiction (June 5, 2009) [Электронный ресурс] // Invisible College Weblog. 05.06.2009. - URL: https://invisiblecollege.weblog.leidenuniv.nl/2009/06/05/universal-jurisdiction-in-dutch-courts/ (дата обращения: 16.05.2025).

[238] Rwandan Gets Life Sentence for War Crimes [Электронный ресурс] // NBC News. 17.06.2009. – URL: http://www.nbcnews.com/id/33536894/ns/world_news-africa/t/rwandan-gets-life-sentence-war-crimes/#.V4nfSLiLSUk (дата обращения: 16.05.2025).

[239] Преамбула, ст. 17 Римского статута 1998 г.; См. также: *Benzing M.* The Complementarity Regime of the International Criminal Court: International Criminal Justice between State Sovereignty and the Fight against Impunity // Max Planck Yearbook of United Nations Law. 2003. Vol. 7. P. 592.

[240] *Woetzel R., op.cit.,* pp. 44–45.

[241] *Nørgaard C., op.cit.,* p. 179.

международного сообщества в нем должны быть представлены все правовые системы. Во-вторых, по общему правилу, на судейскую должность в государстве может претендовать только гражданин этого государства[242]. Иными словами, присутствие среди судейского состава граждан другого государства может с достаточной долей достоверности указывать на то, что речь идет не о внутригосударственном судебном органе.

Однако универсальность теории международного состава опровергается примером Чрезвычайных палат в судах Камбоджи для преследования за преступления, совершенные в период Демократической Кампучии (17 апреля 1975 г. – 7 января 1979 г.). В отправлении правосудия этим судом, учрежденным камбоджийским парламентом и функционирующим внутри судебной системы Камбоджи, участвуют иностранные судьи[243].

Л.И. Страховский приводит еще один пример отправления правосудия национальным судом в многонациональном составе: после Первой мировой войны в Архангельске действовал специальный смешанный военный трибунал, в который помимо российских судей входили представители Англии, Франции и США[244].

---

[242] См., например: ст. 4 Закона РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-I «О статусе судей в Российской Федерации» с изменениями и дополнениями // Российская газета. 1992. № 170: «Судьей может быть гражданин Российской Федерации: […] не имеющий гражданства иностранного государства либо вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства»; ст. 76 «Требования к кандидату на должность судьи суда общей юрисдикции» Кодекса Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей от 29 июня 2006 г. № 139-З с изменениями и дополнениями: «Кандидатом на должность судьи суда общей юрисдикции может быть гражданин Республики Беларусь […]»; см. также Devenez magistrat: les inscriptions sont ouvertes! [Электронный ресурс] // Ministère de la Justice. – 2025. – URL: http://www.metiers.justice.gouv.fr/magistrat-12581/postuler-sinscrire-aux-concours-12586/devenez-magistrat-les-inscriptions-sont-ouvertes-26474.html (дата обращения: 16.05.2025).

[243] Article 9 new of the Law on the Establishment of the Extraordinary Chambers, with Inclusion of Amendments as Promulgated on 27 October 2004 (NS/RKM/1004/006). P. 4. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.uni-marburg.de/icwc/dateien/lawestablishmentkrt.pdf (дата обращения: 16.05.2025).

[244] *Strakhovsky L.* Intervention at Archangel: The Story of Allied Intervention and Russian Counter-revolution in North Russia, 1918-1920. Princeton University Press, 1944. P. 46, цит. по: *Cowles W.* Trials of War Criminals (Non-Nuremberg) // The American Journal of International Law. 1948. Vol. 42, Iss. 2. P. 318.

Еще одна теория гласит, что международным является тот трибунал, который «правомочен провозглашать принципы международного права»[245]. Ее мы обозначим как *теорию провозглашения принципов международного права*. Профессор Р. Вутзел, упоминающий данную теорию в своем обзоре, не называет ее сторонников и не раскрывает смысл, вкладываемый ими в выражение «провозглашение принципов международного права». Существует два возможных варианта толкования этой формулировки.

Во-первых, речь может идти о нормотворческой функции международного суда. Некоторые международные суды обладают международной правосубъектностью и могут участвовать в процессе создания международно-правовых норм, например, посредством заключения международных договоров. Так, МУС[246] имеет договоры с некоторыми государствами (например, Соглашение о штаб-квартире с Нидерландами от 1 марта 2008 г.; Соглашение об исполнении наказаний с Норвегией от 7 июля 2016 г.) и международными организациями (Соглашение о взаимоотношениях с ООН от 4 октября 2004 г.; Меморандум о взаимопонимании с Международной комиссией по вопросам пропавших без вести от 7 июля 2016 г.). Другие международные суды участвовать в международном нормотворчестве не могут. Например, соглашения, касающиеся МТБЮ, с государствами и международными организациями заключались ООН[247]. Следовательно, провозглашение принципов международного права в этой ипостаси нельзя признать универсальным критерием международного суда.

---

[245] *Woetzel R., op.cit.*, pp. 41, 47.

[246] Ч. 1 ст. 4 Римского статута 1998 г.: «Суд обладает международной правосубъектностью».

[247] См., например: Agreement between the United Nations and the Kingdom of the Netherlands Concerning the Headquarters of the International Tribunal for the Prosecution of Persons Responsible for Serious Violations of International Humanitarian Law Committed in the Territory of the Former Yugoslavia since 1991. Signed 29 July 1994, New York // Документ ООН S/1994/1177; Republic of Poland and The United Nations on the Enforcement of Sentences of The International Criminal Tribunal for The Former Yugoslavia, The Hague, 18 September 2008. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.icty.org/ (дата обращения: 02.09.2025); Agreement Between the United Nations and the Portuguese Republic on The Enforcement of Sentences of The International Criminal Tribunal for The Former Yugoslavia, The Hague, 19 December 2007. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.icty.org/; Agreement between the United Nations and the Kingdom of Denmark on the Enforcement of Sentences of The International Criminal Tribunal for The Former Yugoslavia, The Hague, 4 June 2002. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.icty.org/ (дата обращения везде: 16.05.2025).

Статья 38 Статута Международного суда ООН (далее – «МС ООН») относит к вспомогательным средствам для определения норм международного права судебные решения. Это не означает, однако, что международные суды занимаются нормотворчеством[248]. Разрешая споры между государствами или дела о совершении преступлений, международные суды «констатируют, что есть право. Их решения являются свидетельством существования нормы права»[249]. Решениям международных судов также принадлежит «первостепенное значение в толковании международно-правовых норм»[250]. Профессор Г.И. Тункин характеризует решения МС ООН как часть более общего процесса международного нормообразования, «как часть международной практики в том, что касается констатации наличия норм международного права или их толкования»[251]. Решения государственных судов не имеют такого значения. Их роль в процессе образования норм международного права ограничивается тем, что они могут свидетельствовать о практике соответствующего государства в отношении того или иного правила поведения.

Также вызывает сомнения то, что решения других международных судов, в частности, уголовных, сопоставимы по своему значению для международного нормообразования с решениями МС ООН. В то время как МС ООН, согласно его Статуту, при рассмотрении споров действует «на основании международного права», международные уголовные суды руководствуются только своими учредительными документами, многие из которых даже не являются источниками международного права, как, например, уставы МТБЮ и МТР, принятые в виде резолюций Совета Безопасности ООН.

---

[248] См.: *Броунли Я.* Международное право. В 2-х книгах: Перевод с английского. Кн. 1 / Под ред.: Тункин Г.И.; Пер.: Андрианов С.Н. М.: Прогресс, 1977. С. 48; *Левин Д.Б.* Основные проблемы современного международного права / Под ред.: Гайдуков Д.А. М.: Госюриздат, 1958. С. 101–102; *Лукашук И.И.* Источники международного права. Киев, 1966. С. 95–96; *Тункин Г.И.* Теория международного права / Под общ. ред.: Шестаков Л.Н. М.: Зерцало, 2016. С. 159–163;

[249] *Lauterpacht H.* The Development of International Law by the International Court. L., 1958. P. 21. См. также: *Полянский Н.Н.* Международный Суд. М., 1951. С. 128.

[250] *Лукашук И.И.* Международное право. Особенная часть. М., 1997. С. VI. См. также: Международное право. Учеб. / Отв. ред. Г.В. Игнатенко и О.И. Тиунов. М., 1998. С. 105; *Fitzmaurice G.* Hersch Lauterpacht “The Scholar as Judge”, *op.cit.*, p. 14.

[251] *Тункин Г.И.* Теория международного права. С. 163.

Во-вторых, выражение «провозглашение принципов международного права» может относиться к толкованию существующих международно-правовых норм. В этой ипостаси теория провозглашения принципов международного права представляется, скорее, частью рассмотренной выше теории применимого права, чем самостоятельной теорией. Полномочие судов толковать право, которое они применяют, совершенно естественно. Более того, в процессе правоприменения толкование неизбежно.

Для профессора Р. Вутзела отличительным признаком «международности» уголовного трибунала является признание его юрисдикции международным сообществом[252]. Таким образом, он является приверженцем *теории универсального международного признания*. В основе этой теории лежит идея о том, что юрисдикция действительно международного суда должна распространяться на все государства, что возможно только в том случае, если каждое из государств признает его юрисдикцию. Суд, признаваемый только некоторыми государствами, пишет Р. Вутзел, «бесспорно является международным, но только в той мере, в которой его деятельность касается этих государств»[253]. Таким образом, эта теория связана с особым определением понятия «международный», отличным от общепринятого в правовой науке, и которое отождествляется с понятием «всеобщий».

Всеобщее признание юрисдикции, по мнению профессора Р. Вутзела, не может презюмироваться государством или несколькими государствами, учреждающими трибунал, – оно должно быть явно выраженным, в идеале в акте универсальной международной организации, такой как ООН[254]. Профессор Р. Вутзел предвосхитил создание сорок лет спустя МТБЮ и МТР, отметив, что ООН вправе учредить международный трибунал в качестве своего вспомогательного органа на основании ст. 7, 22 и 29 своего Устава[255].

---

[252] *Woetzel R., op.cit.*, pp. 49, 53.
[253] *Ibid.*, p.43.
[254] *Ibid.*, p.52.
[255] *Ibid.*

Кроме международной организации, выразителем всеобщего признания, по мнению проф. Р. Вутзела, может выступать совокупность государств, представляющих подавляющее большинство цивилизованных наций[256]. Проф. Р. Вутзел не уточняет критерии, характеризующие категорию «подавляющее большинство» наций. Деление наций на цивилизованные и нецивилизованные восходит к периоду классического международного права и в современном международном праве не используется. Более того, сегодня ни одно государство или группа государств не вправе претендовать на выражение воли другого государства, поэтому признания юрисдикции международного суда «подавляющим большинством» государств недостаточно для того, чтобы его юрисдикция распространялась на государства, не входящие в «подавляющее большинство».

Суд, пользующийся универсальным признанием международного сообщества, безусловно, является международным, однако универсальное признание не есть обязательный признак международного судебного органа. Для приобретения судом международного характера достаточно признания его юрисдикции хотя бы двумя субъектами международного права.

Наконец, последняя теория – *теория международно-правового учреждения*[257]. Ключевое отличие международных от внутригосударственных судов ее сторонники видят в способе учреждения соответствующего органа.

В рамках этой теории можно выделить два направления. Сторонники первого направления полагают, что международным является суд, учрежденный соглашением двух или более субъектов международного права. По мнению приверженцев второго направления, международные суды учреждаются в соответствии с международным правом.

Внутри первого направления в свою очередь существуют узкое и широкое течения. Сторонники узкого течения исходят из того, что в основе деятельности международного суда может лежать только международный договор. К ним

---

[256] *Ibid.*, p.53.
[257] *Ibid.*, p.41–43.

относятся, например, К. Норгаард[258], Х. Мослер[259]. Исторический словарь международных трибуналов определяет международный суд как «действующий суд общей или специальной юрисдикции, учрежденный в соответствии с многосторонним, универсальным или региональным международным договором…»[260]. Международный военный трибунал для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, МС ООН, Международный трибунал по морскому праву, МУС были созданы на основании многосторонних межгосударственных договоров, СССЛ и СТЛ – на основании соглашения между ООН и правительствами соответствующих государств[261].

Сторонники широкого течения признают, что международный суд может учреждаться не только посредством международного договора, но и любого другого международного соглашения, т.е. любого акта, в т.ч. не носящего нормативный характер. За рубежом этого течения придерживается Ч. Браун, определяющий международный суд как «место разрешения споров, созданное международным соглашением»[262], а также Г. Даам[263] и Ч. Броэр[264]. Из исторических примеров создания международного уголовного трибунала с помощью международного соглашения можно привести учреждение Международного военного трибунала для Дальнего Востока на основании Сообщения о Московском совещании министров иностранных дел СССР, США и Великобритании 1945 г., Каирской декларации, подписанной США, Великобританией и Китаем 27 ноября 1943 г., Потсдамской декларации глав

---

[258] *Nørgaard C., op.cit.,* p.179.
[259] *Mosler H., op.cit.,* p. 117.
[260] *Boczek B.* Historical Dictionary of International Tribunals. Scarecrow Press, 1994. P. 2.
[261] Соглашение между Организацией Объединенных Наций и правительством Сьерра-Леоне о создании Специального суда для Сьерра-Леоне (Фритаун, 16 января 2002 г.) = Agreement between the United Nations and the Government of Sierra Leone on the Establishment of a Special Court for Sierra Leone. // United Nations, Treaty Series (UNTS), vol. 2178, p. 168.; Соглашение между Организацией Объединенных Наций и правительством Ливана о создании Специального трибунала по Ливану = (Agreement between the United Nations and the Lebanese Republic on the Establishment of a Special Tribunal for Lebanon) (Бейрут, 22 января 2007 г., Нью-Йорк, 6 февраля 2007 г.). // United Nations, Treaty Series (UNTS), vol. 25074, p. 123.
[262] См., например: *Brown C., op.cit.,* p.197.
[263] *Dahm G.* Zur Problematik des Völkerstrafrechts. Vandenhoeck & Ruprecht, 1956. P. 7.
[264] *Brower C., op.cit.,* p. 813.

правительств Соединенных Штатов, Соединенного Королевства и Китая о Японии от 26 июля 1945 г. и Акта о капитуляции Японии от 2 сентября 1945 г.

Определяющим для первого направления теории международно-правового учреждения международных судов является наличие согласованного волеизъявления как минимум двух субъектов международного права. Однако практика показала, что для создания международного суда может быть достаточно непосредственного волеизъявления одного субъекта международного права, при условии, что этот субъект – международная организация. Это отмечается, например, Ч. Романо[265]. МТБЮ, МТР и Международный остаточный механизм для уголовных трибуналов были созданы резолюциями Совета Безопасности ООН[266].

Акты международных организаций могут содержать международно-правовые нормы, но не быть при этом источниками международного права. В то же время полномочия международных организаций учреждать международные суды вытекают из международно-правовых актов, лежащих в основе их деятельности. Поэтому такие международные суды создаются не непосредственно международно-правовыми актами, а в соответствии с международным правом[267]. Из этой идеи исходит второе направление теории международно-правового учреждения международных судов.

В отличие от международных организаций, государства не могут в одностороннем порядке учредить международный суд, т.к. юрисдикция такого суда будет признаваться только этим государством. Что касается международной организации, то согласие государств-учредителей на создание международного суда закладывается ими в ее учредительном акте при наделении ее полномочиями по созданию судебных органов.

---

[265] *Romano C., op.cit,* p. 714.

[266] МТБЮ: Резолюция 827 (1993), принятая Советом Безопасности на его 3217-м заседании 25 мая 1993 года // Документ ООН S/RES/827 (1993), 25.05.1993; МТР: Резолюция 955 (1994), принятая Советом Безопасности на его 3453-м заседании 8 ноября 1994 года // Документ ООН S/RES/955 (1994), 08.11.1994; МОМУТ: Резолюция 1966 (2010), принятая Советом Безопасности на его 6463-м заседании 22 декабря 2010 года // Документ ООН S/RES/1966 (2010), 22.12.2010.

[267] *Damgaard K., op.cit.,* p. 274.

Проф. Р. Вутзел отвергает эту теорию, поскольку, как мы уже упоминали, по его мнению, одного учреждения в соответствии с международным правом недостаточно – международный суд должен пользоваться всеобщим признанием. Однако способ учреждения позволяет однозначно отличить международный суд от внутригосударственного. Последний образуется в соответствии с национальным законодательством того или иного государства[268].

Таким образом, любой международный судебный орган, будучи особой формой осуществления межгосударственного сотрудничества, обнаруживает два признака, имеющих по существу универсальный характер: во-первых, применение данным органом норм международного права в качестве основной юридической базы своей деятельности; во-вторых, его учреждение на основе актов, входящих в систему источников современного международного права. Для признания судебного органа международным достаточно установить наличие хотя бы одного из указанных признаков. В то же время эти признаки находятся во внутреннем единстве и в реальной практике, как правило, сочетаются: орган, созданный на основании международного договора или иного международно-правового документа, по самой своей природе призван применять положения соответствующего акта, а также иные нормы общего и договорного международного права, входящие в единую систему.

С учетом выявленных признаков и компетенции уголовных судов, под международным уголовным судом можно понимать учрежденный в соответствии с международным правом орган, полномочный устанавливать виновность или невиновность лиц в совершении преступлений, применяя в т.ч. международное право.

§ I.2. Полномочия международных уголовных судов

Полномочия международных уголовных судов в общем случае формулируются и закрепляются в их учредительных документах. Это соответствует общей логике договорной природы международных судебных

[268] *Orakhelashvili A.* The Concept of International Judicial Jurisdiction…, *op.cit.,* p. 505.

органов: именно в уставе или ином учредительном акте государства посредством согласования воль определяют объем прав и обязанностей суда и участников процесса.

Однако опыт функционирования таких органов убедительно показывает, что в ходе осуществления ими своей основной функции – отправления правосудия – неизбежно возникают ситуации, которые по тем или иным причинам прямо не урегулированы в учредительных документах.

Причины этого носят как объективный, так и субъективный характер. Во-первых, разработчики уставов не в состоянии предвидеть все возможные процессуальные и институциональные ситуации, которые могут возникнуть в будущем. Во-вторых, для ряда случаев жесткое нормативное регулирование было бы просто нецелесообразным, поскольку они требуют индивидуального подхода. В-третьих, детальная регламентация каждого аспекта деятельности международного суда в условиях согласительного нормотворчества практически невозможна: чрезмерная детализация затруднила бы достижение соглашения между государствами и лишила бы суд необходимой гибкости при выполнении возложенных на него задач[269].

В результате возникает вопрос: на каком основании международный уголовный суд вправе действовать там, где его учредительный документ прямо не содержит ответов? Решение этой проблемы в практике и доктрине связано с разработкой двух взаимосвязанных, но различающихся по своей юридической природе концепций – доктрины естественных *(inherent)* полномочий и доктрины подразумеваемых *(implied)* полномочий международных судов. Обе они призваны обосновать возможность осуществления судом тех функций, которые не были в явном виде предусмотрены государствами, но без которых реализация уже предоставленной компетенции и достижение целей, ради которых учрежден суд, были бы невозможны или существенно затруднены.

---

[269] *Blokker N.M.* International Institutional Law-Unity within Diversity. Martinus Nijhoff Publishers, Netherlands, 2003. P. 175.

I.2.1. Доктрина естественных полномочий

В доктрине достаточно широко представлена точка зрения, согласно которой международные суды обладают определенными полномочиями, присущими им в силу самой их судебной природы и не зависящими от того, закреплены ли они в их учредительных актах[270]. Эти так называемые естественные полномочия[271] возникают с момента образования судебного органа и прекращаются одновременно с окончанием его деятельности. При этом возможность их прямого отражения в уставе или ином учредительном документе не устраняет их «естественного» характера[272]: соответствующая норма рассматривается лишь как констатация уже существующей прерогативы, а не как ее источник. Частичное нормативное закрепление, в свою очередь, не препятствует реализации иных, прямо не прописанных, но вытекающих из судебной природы органа естественных полномочий[273].

К этой идее международная судебная практика обратилась достаточно рано. Уже Постоянная палата международного правосудия в решении по делу палестинских концессий Мавроматиса (1924 г.) отмечает: «Ни Статутом, ни Регламентом Суда не регулируется вопрос о том, как должен поступать Суд в случае оспаривания его юрисдикции *in limine litis*. Следовательно, Суд вправе действовать таким образом, который, по его мнению, наилучшим способом обеспечивает отправление правосудия, соответствует международному характеру судебного разбирательства и согласуется с основополагающими принципами международного права»[274].

---

[270] См.: *Fitzmaurice G.* The Law and Procedure..., *op.cit.*, pp. 770–771; *Jacob I.H.* The Inherent Jurisdiction of the Court // Current Legal Problems. 1970. Vol. 23, Iss. 1. P. 23-52, cit. in *Brown Ch., op.cit.,* p. 195.

[271] Англ.: «Inherent Powers».

[272] См.: *The Prosecutor v. Duško Tadić* (IT-94-1), Decision on the Defence Motion for Interlocutory Appeal on Jurisdiction, 2 October 1995, § 18 (*Tadić* Jurisdiction Decision).

[273] *Northern Cameroons (Cameroon v. United Kingdom),* Judgment of 2 December, 1963 (Northern Cameroons Judgment) and Separate Opinion of Judge Fitzmaurice // International Court of Justice Reports. 1963. P. 97, 103.

[274] *Mavrommatis Palestine Concessions (Greece v. UK).* Judgment dated August 30, 1924 // Permanent Court of International Justice Reports. 1924. Series A, № 2. [Электронный ресурс]. URL: http://www.icj-cij.org (дата обращения: 26.01.2025). P. 16.

В дальнейшем Международный Суд ООН в делах о ядерных испытаниях (Австралия против Франции, Новая Зеландия против Франции) сформулировал более развернутую позицию, указав, что он «обладает естественными полномочиями совершать любое действие, необходимое, с одной стороны, для обеспечения отправления его функции по рассмотрению подсудных ему споров между государствами, а с другой – для надлежащего разрешения всех спорных вопросов, обеспечения соблюдения естественных ограничений его судебной функции и поддержания его судебного характера […] Такие естественные полномочия, в силу которых он может принимать любые решения для достижения этих целей, основываются на самом факте существования Суда как судебного органа, учрежденного соглашением государств, и предоставлены ему для обеспечения выполнения им его основной функции по отправлению правосудия»[275], другими словами – для достижения им цели, с которой он был учрежден.

По мнению судьи МС ООН Э. Лаутерпахта, «[Международный] суд обладает естественными полномочиями и обязанностью обеспечить должное и действенное отправление правосудия»[276]. Рассуждая о праве МС ООН прекратить судебную процедуру по своей инициативе, судья П. Койманс отмечает, что такое право естественно присуще суду как «хозяину своей процедуры»[277].

Ряд авторов усматривают в этой доктрине параллели с развившейся в праве общего права концепцией етественных полномочий *(inherent powers)* национальных судов[278], согласно которой судебный орган вправе, в силу одной

---

[275] *Nuclear Tests Case (Australia v. France)*. Judgment dated December 20, 1974 // International Court of Justice Reports. 1974. Vol. 18. P. 106–107; Nuclear Tests Case (New Zealand v. France). Judgment dated December 20, 1974 // International Court of Justice Reports. 1974. Vol. 18. P. 259–260; *Prosecutor v. Blaškić* (IT-95-14-AR108bis), Judgment on the Request of the Republic of Croatia for Review of the Decision of Trial Chamber II of 18 July 1997, 29 October, 1997 (*Blaškić* Judgment on Croatian Request), footnote 27. См. также: Northern Cameroons Judgment. P. 29.

[276] Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Bosnia and Herzegovina v. Serbia and Montenegro). Order dated December 17, 1997: "Counter-Claims" // International Court of Justice Reports. 1997. Vol. 97. P. 284.

[277] *Legality of Use of Force (Serbia and Montenegro v. Belgium):* Separate Opinion of Judge Kooijmans to the Judgment of 15 December 2004 // International Court of Justice Reports. 2004. Vol. 130. § 22.

[278] *Bohlander M., op.cit.,* p. 94; *Sluiter G., op.cit., p.* 631; *Spronken T., op.cit., pp.* 228–229.

своей природы, принимать все необходимые меры для поддержания своего авторитета и обеспечения должного отправления правосудия. Наиболее авторитетным определением естественных полномочий среди правоприменителей в странах общего права считается определение, предложенное в 1970 г. английским юристом И. Джейкобом[279]. Под естественными полномочиями судов он понимает «остаточные полномочия, которыми суд[ы] мо[гут] пользоваться по мере необходимости, когда того требует справедливость, в особенности для обеспечения соблюдения надлежащей правовой процедуры, предупреждения сутяжничества или разного рода злоупотреблений, предоставления участникам разбирательства гарантий правосудности выносимых решений и права на справедливый суд»[280].

В общем праве естественные полномочия судов обладают рядом характерных признаков. Так, они: (1) носят только процессуальный характер; (2) всегда реализуются в порядке упрощенного производства; (3) могут использоваться против третьих лиц, не имеющих непосредственного отношения к разбирательству; (4) не являются проявлением судейского усмотрения; и (5) полномочия, предоставленные суду законодателем, дополняют, а не подменяют естественные полномочия[281].

На исключительно процессуальном характере естественных полномочий международных судов настаивает проф. Х. Терлвей. По его мнению, международный суд не может претендовать на бóльшие материальные полномочия, чем те, которые отражены в его учредительных документах[282]. В

---

[279] *Jacob I., op.cit.*; *Ferrere M.R.* The Inherent Jurisdiction and its Limits // Otago Law Review. 2013. Vol. 13, Iss. 1. P. 142. См.: *Taylor v. Attorney General* // New Zealand Law Reports. 1975. Vol. 3. P. 680; *Siemer v. Solicitor-General,* New Zealand Supreme Court // New Zealand Law Reports. 2010. Vol. 12. P.54.; *R v. Caron* [2011] 1 SCR 78. P. 24 (SCC); *Grobbelaar v. News Group Newspapers Ltd* [2002] UKHL. P. 40; [2002] 1 WLR 3024. P. 3037.

[280] *Jacob I., op.cit.*, p. 51.

[281] *Jacob I., op.cit.*, p.24–25; см. также: *Golden Forest Holdings Limited v. Bank of Nova Scotia,* (1991) 98 N.S.R. P.429.

[282] *Thirlway H.* The Law and Procedure of the International Court of Justice 1960–1989: Parts Nine and Ten // The British Yearbook of International Law. 2010. Vol. 81, Iss. 1. P. 21; см. также: *Lehigh Valley Railroad Company (US v. Germany) (Sabotage Claims),* 1933, 8 R.I.A.A. 160, 170 // Recueil des sentances arbitrales (RIAA). Vol. 8. p. 160–180; *Camera Care Ltd v Commission* Case № 792/79R. // European Court Reports. 1980. p. 119–135.

обоснование своей позиции автор обращается к согласительной природе международных судебных органов. Он указывает на то, что устав любого международного суда отражает достигнутую между его участниками договоренность об объеме материальных полномочий такого суда и что один лишь судебный характер органа не является достаточным признаком намерения государств на самом деле предоставить суду полномочия бóльшего объема.

На первый взгляд, эта же логика справедлива и в том, что касается процессуальных полномочий судов. Необходимо, однако, учитывать, что доктрина естественных полномочий призвана, как уже писалось выше, обеспечивать правовое обоснование деятельности международных судов в случаях, не предусмотренных в учредительных документах. Такие случаи могут носить только процессуальный характер.

Проф. Х. Терлвей признает за международными судами естественные процессуальные полномочия. Он принадлежит к тем авторам, которые видят в доктрине естественных полномочий международных судов заимствование одноименной концепции общего права[283]. Так, он разъясняет, например, что «если государства при создании международного органа рассматривают его как суд или трибунал, то для них нет необходимости прописывать в его учредительном документе, что этот орган обязан заслушать обе стороны, прежде чем принять решение. Именуя его судом, они уже по умолчанию дают ему такое предписание. Концепция судебного разрешения споров, безусловно, была заимствована из национального правопорядка, где суд, который не был бы обязан заслушать обе стороны, был бы недостоин называться судом»[284].

Использование МС ООН в своих решениях выражения «естественные полномочия» может свидетельствовать также о наличии универсального представления о существовании таких полномочий у судебных органов вообще, а не о заимствовании национально-правовой концепции.

---

[283] *Bohlander M., op.cit.*, p. 94; *Sluiter G., op.cit.,* p.631; *Spronken T., op.cit.,* pp. 228–229.
[284] *Thirlway H.* Dilemma or Chimera? …, *op.cit.*, p. 626.

Идея о том, что международные суды и трибуналы обладают рядом естественных полномочий, пользуется широкой поддержкой в зарубежной доктрине[285].

В международно-правовой литературе термины «естественные полномочия» (*inherent powers*) и «естественная юрисдикция» (*inherent jurisdiction*) зачастую используются как взаимозаменяемые. Словарь правовых терминов Блэка определяет юрисдикцию как «термин всеобъемлющего значения, охватывающий всякую разновидность судебного действия»[286].

Международные уголовные суды широко апеллируют к своим естественным полномочиям для разрешения процессуальных вопросов, прямо не урегулированных их учредительными и иными документами. Апелляционная палата Международного уголовного суда дала следующее определение естественным полномочиям: «судебные полномочия, которые прямо не предусмотрены в соответствующих уставных документах, но в отношении которых считается, что они неизбежно охватываются (являются присущими) другими, прямо предусмотренными полномочиями, т.к. они являются ключевыми

---

[285] См.: *Arnull A.* Does the Court of Justice Have Inherent Jurisdiction? // Common Market Law Review. 1990. Vol. 28. P. 700–707; *Ascensio H., op.cit.*; *Briggs, H. op.cit.*; *Buteau M., Oosthuizen G.* When the Statutes and Rules are Silent: The Inherent Powers of the Tribunal // Essays on ICTY Procedure and Evidence in Honour of Gabrielle Kirk McDonald. – Springer Netherlands, 2001. C. 65-80; *Carrillo-Salcedo J.A.* The Inherent Powers of the International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia to Iss. «Subpoena Duces Tecum» to a Sovereign State // Mélanges en l'honneur de Nicolas Valticos: Droit et Justice. Pedone, 1999. P. 269-286; *Fitzmaurice G.* The Law and Procedure of the International Court of Justice. – Cambridge University Press, 1986. – pp. 451–457, 533–543, 770–771; *Lauterpacht E.* 'Partial' Judgments and the Inherent Jurisdiction of the International Court of Justice // Fifty Years of the International Court of Justice: Essays in Honour of Sir Robert Jennings. Cambridge University Press, 1996. P. 465-482; *Orakhelashvili A.* Questions of International Judicial Jurisdiction in the LaGrand Case… *op.cit.*, pp.107–130; *Gaeta P., op.cit.*; *Orakhelashvili A.* The Concept of International Judicial Jurisdiction…, *op.cit.*, pp. 534–549; *Orakhelashvili A.* Judicial Competence and Judicial Remedies in the Avena Case…, *op.cit. Rosenne S.* The Law and Practice of the International Court 1920–1996. Martinus Nijhoff Publishers, 1997. P. 600–603; *Sarooshi D., op.cit.*, pp. 144, 150–154; *Thirlway H.* The Law and Procedure of the International Court of Justice 1960–1989: Part Ten // The British Yearbook of International Law. 1999. Vol. 70. P. 2–5; *Weiss F., op.cit.*

[286] Black's Law Dictionary. Definitions of the Terms and Phrases of American and English Jurisprudence, Ancient and Modern. 6th ed. St. Paul, MN: West Publishing Company, 1990. P. 847., цит. по *Вылегжанин А.Н., Зинченко О.И.* Юрисдикция Международного суда ООН: некоторые теоретические вопросы // Московский журнал международного права. 2018. № 4. С.10.

для способности судебного органа отправлять судебные функции, которыми он наделен такими уставными документами»[287].

В деле Эль-Сайеда Специальный трибунал по Ливану высказался и о целях естественных полномочий: «Практика международных судебных органов показывает, что норма, наделяющая международные трибуналы естественной юрисдикцией, преследует общую цель заполнить возможные пробелы в правовом регулировании судебной процедуры. Кокретнее, она служит решению одной или нескольких следующих задач: 1) обеспечивать справедливое отправление правосудия; 2) контролировать процесс и надлежащее ведение разбирательства; 3) сохранять и обеспечивать выполнение судом его судебных функций (например, реагируя на проявления неуважения к суду)»[288].

В литературе ставится вопрос об международно-правовом источнике естественных полномочий[289]. В деле Эль-Сайеда Специальный трибунал по Ливану отметил: «Обширная практика международных судов и трибуналов по использованию их естественных полномочий и отсутствие возражений со стороны государств, негосударственных субъектов или иных заинтересованных сторон указывает на существование общего принципа международного права, наделяющего [суды и трибуналы] такой естественной юрисдикцией. Совокупность судебных решений в этой области вкупе с молчаливым согласием всех затронутых субъектов международного права недвусмысленно указывает на существование практики и *opinio juris*, необходимых для того, чтобы утверждать о формировании обычной нормы международного права»[290].

Дж.Лианг подвергает критике тезис о естественных полномочиях международных трибуналов как об обычно-правовой норме международного

---

[287] *The Prosecutor v. Jean-Pierre Bemba et al.,* Judgment on the appeals of the Prosecutor, Mr Jean-Pierre Bemba Gombo, Mr Fidèle Babala Wandu and Mr Narcisse Arido against the decision of Trial Chamber VII entitled “Decision on Sentence pursuant to Article 76 of the Statute”, 8 March 2018, ICC-01/05-01/13-2276-Red, § 75 (Bemba Appeal Decision on Sentencing).

[288] *In the Matter of El Sayed,* Decision on Appeal of Pre-Trial Judge’s Order Regarding Jurisdiction and Standing, 10 November 2010, CH/AC/2010/02, § 48 (*El Sayed* Decision on Appeal).

[289] *Liang J.* The Inherent Jurisdiction and Inherent Powers of International Criminal Courts and Tribunals: An Appraisal of Their Application // New Criminal Law Review. 2012. Vol. 15, Iss. 3. P. 384–402.

[290] *El Sayed* Decision on Appeal, § 47.

права на том основании, что одного лишь отсутствия возражений со стороны государств – т.е. бездействия – недостаточно для появления международного обычая[291]. По ее мнению, наличие у международных судов и трибуналов естественных полномочий не может характеризоваться и как общий принцип международного права, признанный цивилизованными нациями, по той причине, что континентальному праву концепция естественных полномочий неизвестна[292].

Возникает вопрос и о пределах естественных полномочий. Специальным трибуналом по Ливану высказывалось мнение, согласно которому эти полномочия ограничены: «[естественная юрисдикция] должна соответствовать принципам справедливого отправления правосудия и полного уважения прав человека и, в контексте судебного разрешения межгосударственных споров, согласию или желанию затронутых государств. В том, что касается международного уголовного правосудия, это означает, что естественная юрисдикция не может осуществляться способом, который противоречил бы основным права обвиняемого или любого другого лица, участвующего в уголовном процессе»[293]. О пределах естественных полномочий высказывалась Апелляционная палата Международного уголовного суда в деле «Бемба и другие»: «В рамках правовой базы Суда на «естественные полномочия» надлежит ссылаться в крайне ограниченных случаях и, в принципе, только по отношению к процессуальным вопросам. Если вопрос урегулирован в первичных источниках права Суда, Палаты также не располагают возможностью сослаться на некие «естественные полномочия» для заполнения несуществующих пробелов»[294]. При этом не любое отсутствие прямого регулирования в первичных источниках права может считаться «пробелом», а только то, которое не позволяет достичь определенную цель, опираясь на имеющиеся нормы[295]. Например, в деле «Бемба и другие» Апелляционная палата не согласилась с утверждением Судебной палаты

---

[291] *Liang J.*, *op.cit.*, pp.386-387.
[292] *Ibid.*, p.388.
[293] *El Sayed* Decision on Appeal, § 49.
[294] *Bemba* Appeal Decision on Sentencing, §§ 2, 75.
[295] *Ibid.*, § 76.

о наличии у нее естественного полномочия назначить условное наказание в виде лишения свободы.

Первое упоминание естественных полномочий в практике МТБЮ встречается в деле Д.Тадича в контексте оспаривания им юрисдикции трибунала. Возник вопрос о праве трибунала определять пределы своей собственной юрисдикции. Рассматривая его в первой инстанции, Судебная палата ответила на него отрицательно; Апелляционная палата заняла противоположную позицию, подчеркнув, что у трибунала имеются соответствующие «остаточные полномочия, которые могут проистекать из требований самой «судебной функции»»[296].

Также в деле Д.Тадича в приговоре о наказании Судебная палата рекомендовала, чтобы срок лишения свободы не был в будущем сокращен больше, чем до десяти лет с даты вынесения приговора либо с даты окончательного разрешения апелляции, в зависимости от того, какое событие произойдет позднее[297]. Апелляционная палата констатировала, что «ни Устав, ни Правила не содержат ориентиров в отношении судейского усмотрения по вопросу рекомендации минимального срока наказания. Наличие у Судебной палаты усмотрения рекомендовать минимальный срок наказания следует из полномочий, естественно присущих ее судебной функции и не является отступлением от Устава или Правил»[298].

В попутно сказанном в решении о раскрытии Прокурору содержания записок, которыми обвиняемые З.Мучич и З.Делалич обменивались, находясь под стражей в ожидании процесса, председатель МТБЮ высказался о естественных полномочиях трибунала наказывать неуважение к нему: «В Правиле 77 не предусмотрено, что Прокуруру надлежит возбуждать дело по факту неуважения к суду; напротив, в ч. «А» правила 77 неуважение к суду рассматривается, в первую очередь, как происходящее в присутствии Палаты, которая в порядке

---

[296] *Tadić* Jurisdiction Decision, § 14.
[297] *The Prosecutor v. Duško Tadić*, Sentencing Judgement, 14 July 1997, IT-94-1-T, § 76.
[298] *The Prosecutor v. Duško Tadić*, Judgement in Sentencing Appeals, 26 January 2000, IT-94-1-A, IT-94-1-Abis, § 28.

использования своих естественных полномочий по осуществлению контроля за ходом разбирательства имеет право реагировать на такое неуважение. Пленум имел полномочия принять правило о неуважении к суду на основании одних только своих естественных полномочий; очевидно, что в уставе не содержится ни одной статьи, которая бы возлагала на Прокурора конечную ответственность по возбуждению преследования за неуважение к суду. Из ч. «С» и «А» правила 77 ясно, что право выносить приговор в связи с проявлением неуважения к суду относится к области компетенции Палаты. Прокурор может расследовать и уведомить Палату о попытке повлиять или устрашить свидетеля, предусмотренной ч. «А» правила 77, но точно также это может сделать и защита, и сама Палата, чьей прерогативой остается констатация виновности или невиновности за неуважение к суду. [...] В случаях, когда Прокурор инициирует разбирательство в связи с неуважением к суду, его соответствующее полномочие проистекает из естественных полномочий Палаты, а не из независимых прокурорских полномочий»[299].

В этом же деле МТБЮ обосновал естественными полномочиями при рассмотрении ходатайства одного из защитников Х.Делича о самоотводе в связи с конфликтом интересов. Ходатайство было заявлено за несколько дней до срока представления заключений сторон в рамках апелляции на приговор в первой инстанции. В ходатайстве было отказано. Палата подчеркнула, что располагает естественными полномочиями по контролю за разбирательством таким образом, чтобы обеспечить правосудие, справедливость и скорость процесса, вытекающими из ее судебной функции и из положений статей 20 и 21 устава[300].

В деле Т.Бласкича возник вопрос о мерах, которые МТБЮ уполномочен принимать при отказе государства сотрудничать с ним. Апелляционная палата отметила: «Международный трибунал не располагает полномочиями применять меры принуждения или санкции к государствам. Право налагать санкции, в

[299] *The Prosecutor v. Zejnil Delalić et al*., Decision of the President on the Prosecutor's Motion for the Production of Notes Exchanged Between Zejnil Delalić and Zdravko Mucić, 11 November 1996, IT-96-21, § 33.

[300] *The Prosecutor v. Zejnil Delalić et al.*, Order on the Motion to Withdraw as Counsel due to Conflict of Interest, 29 June 1999, IT-96-21-A, p.3.

случае необходимости, на сопротивляющееся государство принадлежит, в первую очередь, его родительскому органу, Совету Безопасности ООН, на условиях, предусмотренных в главе VII Устава ООН. Вместе с тем, Международный трибунал наделен естественным полномочием констатировать в судебном порядке факт несоблюдения государством положений устава [МТБЮ] или Правил [процедуры и доказывания]. Он также имеет полномочие уведомить об этой судебной констатации Совет Безопасности. Полномочие сделать такую судебную констатацию – естественное полномочие: Международный трибунал должен иметь полномочия принимать все судебные решения, необходимые для осуществления его первичной юрисдикции. Эти естественные полномочия существуют для пользы Международного трибунала с тем, чтобы его основная судебная функция могла отправляться в полной мере, а также для сохранения его судебной роли»[301].

В деле против Д.Колундзия судьи МТБЮ рассмотрели и удовлетворили ходатайство осужденного о немедленном освобождении несмотря на то, что соответствующая возможность не была предусмотрена в уставе. В решении указывалось: «Ничто в уставе или Правилах [процедуры и доказывания] не запрещает Трибуналу на основании его естественных полномочий рассмотреть ходатайство о досрочном освобождении осужденного лица»[302].

В деле против Ж.Кони Палата предварительного производства МУС заявила о наличии у нее естественных полномочий вносить изменения в исходящие от нее документы[303].

В деле против А.Харуна Первая палата предварительного производства МУС отметила наличие естественного полномочия информировать Совет Безопасности ООН об отказе Судана – государства, не являющегося участником

---

[301] *The Prosecutor v. Tihomir Blaskić,* Judgement on the Request of the Republic of Croatia for Review of the Decision of Trial Chamber II of 18 July 1997, 29 October 1997, IT-95-14-AR108 bis, § 33.

[302] *The Prosecutor v. Duško Sikirica et al.,* Order of the President on the Early Release of Dragan Kolundzija, 5 December 2001, IT-95-8, p.3.

[303] *Situation in Uganda,* Decision on the Prosecutor's Urgent Application Dated 26 September 2005, 27 September 2005, ICC-02/04-01/05-27-US-Exp, p.3.

Римского статута, – сотрудничать с судом, препятствуя выполнению задачи, поставленной перед судом Советом Безопасности[304].

Интересный случай возник в рамках ситуации на зарегистрированных судах Коморских Островов, Греции и Камбоджи. 14 мая 2013 г. Правительство Коморских Островов ходатайствовало перед Прокурором МУС о рассмотрении обстоятельств вокруг израильского рейда 31 мая 2010 г. с целью не подпустить к берегам Палестинской автономии ряд судов с гуманитарной помощью. По итогам предварительного рассмотрения ситуации Прокурор пришла к заключению об отсутствии оснований для проведения предварительного расследования. Правительство Коморских островов обратилось к Первой палате предварительного производства с просьбой дать Прокурору предписание пересмотреть свое решение. Ходатайство было удовлетворено, а в праве апеллировать соответствующее постановление – отказано. Некоторое время спустя история повторилась: Прокурор повторно отказала в проведении предварительного расследования, Правительство Коморов повторно обратилось к Первой палате предварительного производства, которая повторно вынесла предписание Прокурору пересмотреть свое решение. Однако в этот раз судьи частично удовлетворили ходатайство об апелляции.

В преддверии устного заседания Апелляционная палата МУС предложила участникам представить свои замечания, в том числе, и по вопросу, «может ли Палата предварительного производства, используя свои «естественные полномочия», отменить окончательное решение Прокурора, принятое в соответствие с п. «а» ч. 3 ст. 53 Статута и правилом 108 Правил»[305]. Уточнять пределы своих естественных полномочий у участников процесса – демарш совершенно нетипичный для международных судов. Вкупе с вышеприведенным предписанием Апелляционной палаты МУС в деле «Бемба и другие»

---

[304] *Situation in Darfur, Sudan, In the Case of The Prosecutor v. Ahmad Muhammad Harun and Ali Muhammad Ali Abd-Al-Rahman,* Decision informing the United Nations Security Council about the lack of cooperation by the Republic of the Sudan, 25 May 2010, ICC-02/05-01/07-57, p.6.

[305] *Situation on Registered Vessels of The Union of the Comoros, The Hellenic Republic and The Kingdom of Cambodian,* Order on the conduct of the hearing before the Appeals Chamber, 18 April 2019, ICC-01/13-95, p.4.

использовать естественные полномочия только в ограниченных случаях, он свидетельствует о весьма осторожном отношении судей МУС к концепции естественных полномочий.

Доктрина естественных полномочий получила письменное закрепление в Регламенте Международного уголовного суда. Согласно ч. 3 Положения 28, регулирующего полномочия Палат в отношении получения дополнительных сведений от участников процесса, перечисленные правомочия не умаляют естественных полномочий суда.

I.2.2. Доктрина подразумеваемых полномочий

В отличие от естественных полномочий, которые, как указывалось выше, обусловлены самой природой международной организации или органа, источником подразумеваемых полномочий[306] является исключительно текст соответствующего учредительного документа – международного соглашения, акта международной организации и др.

Понятие «подразумеваемые полномочия» изначально использовалось в международном праве применительно к международным организациям. В доктрине и на практике выделяют широкий и узкий подходы к объему подразумеваемых полномочий международных организаций. Широкого подхода систематически придерживаются все международные суды, начиная с Консультативного заключения Постоянной палаты международного правосудия (далее – «ППМП») по делу о толковании Соглашения между Грецией и Турцией от 1 декабря 1926 г.[307] Этим Соглашением учреждалась Смешанная комиссия по обмену греческим и турецким населением. Все разногласия по поводу ее компетенции предписывалось разрешать посредством обращения к председателю греко-турецкого арбитражного трибунала. Однако субъекты обращения в

---

[306] Англ.: «Implied Powers».

[307] *Interpretation of the Greco-Turkish Agreement of December 1st, 1926 (Final Protocol, Article IV).* Advisory Opinion dated August 28, 1928 // Permanent Court of International Justice Reports. – 1928. – Series B, No. 16. P. 123–135 (Greeco-Turkish Agreement Opinion); см. также*: Fédération Charbonnière de Belgique v. High Authority of the European Coal and Steel Community.* Judgment dated July 16, 1956 // European Court Reports. 1956. P. 245–262; *Germany and Others v. Commission of the European Communities.* Judgment dated July 9, 1987 // European Court Reports. 1987. No. 3203. P. 3245–3278.

Соглашении не уточнялись. Разрешая этот вопрос, ППМП отметила: «Исходя из самого молчания этой статьи в данной части, можно также естественно сделать вывод, что полномочие по передаче дела в арбитраж принадлежит Смешанной комиссии, когда она столкнется с указанными существенными проблемами»[308], т. к. оно «безусловно входит в круг вопросов, естественно возникающих в связи с темами, обсуждаемыми Комиссией»[309].

В Консультативном заключении от 11 апреля 1949 г. по вопросу о возмещении ущерба, понесенного на службе ООН, МС ООН подтвердил существование у международных организаций полномочий, прямо не предусмотренных их уставом, но наличие которых не вызывает сомнений, т.к. они являются «необходимыми для или ключевыми в отправлении этими организациями своих функций»[310]. Эти полномочия должны быть такими, чтобы не лишать смысла другие полномочия данной организации[311]. Они также не могут служить основанием для перераспределения функций между органами одной организации[312].

В ст. 157 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. прямо предусматривается, что Международный орган по морскому дну имеет такие подразумеваемые полномочия, которые соответствуют Конвенции, вытекают из полномочий и функций, связанных с деятельностью в Районе, и необходимы для их осуществления.

Понятие «ключевое полномочие» получило достаточно широкое толкование в решениях МС ООН. Так, проф. Э. Лаутерпахт отмечает, что для МС ООН это

---

[308] Greeco-Turkish Agreement Opinion. – P. 20.
[309] *Ibid.* – P. 21.
[310] *Reparation for Injuries Suffered in the Service of the United Nations.* Advisory Opinion dated April 11, 1949 // International Court of Justice Reports. 1949. Vol. 3 (Reparation for Injuries Opinion). P. 182–183. Эту же позицию МС ООН занял в консультативном заключении о законности применения государством ядерного оружия в вооруженном конфликте, см.: *Legality of the Use by a State of Nuclear Weapons in Armed Conflict.* Advisory Opinion dated July 8, 1996 // International Court of Justice Reports. 1996. Vol. 96. § 25.
[311] *Campbell A.I.L.* The Limits of the Powers of International Organizations // International and Comparative Law Quarterly. 1983. Vol. 32, Iss. 2. P. 524–547, cit. in *Klabbers J.* An Introduction to International Institutional Law. Cambridge University Press, 2002. P. 179.
[312] *Blokker N.M., op.cit.,* p.180.

понятие не является синонимичным понятию «совершенно необходимое»[313]. Для определения ключевого характера того или иного полномочия МС ООН исходит из способности данного полномочия обеспечить полноценное функционирование международной организации в соответствии с объектом и целью ее учредительного договора[314]. Иными словами, с позиции МС ООН, ключевыми являются не только те полномочия, без которых международная организация не может функционировать, но и те, которые способствуют более эффективному выполнению ей своих функций[315].

Для того чтобы установить, относятся ли те или иные полномочия к подразумеваемым, суд может принимать во внимание не только сам текст учредительного документа, но и общие цели организации. Однако этот подход разделяется не всеми судьями МС ООН, а также критикуется в доктрине. Так, судья Г.Хэкворт в своем особом мнении по вышеупомянутому Консультативному заключению 1949 г. отмечает, что «те полномочия, которые не выражены явно [в учредительном документе], не могут свободно презюмироваться. Подразумеваемые полномочия происходят из полномочий явно выраженных, а их круг ограничивается теми полномочиями, которые «необходимы» для осуществления этих явно выраженных полномочий»[316]. В зарубежной доктрине в пользу буквального толкования понятия «ключевой» выступает, например, проф. П. Беккер[317].

Среди отечественных юристов-международников широкое толкование МС ООН ключевого характера полномочий критикует проф. Г.И. Тункин, отмечая,

---

[313] *Lauterpacht E.* The Development of the Law of International Organizations by the Decision of International Tribunals // Collected Courses of the Hague Academy of International Law. Brill, 1976. Vol. 152 (IV). P. 430–432.

[314] *Akande D.* The Competence of International Organizations and the Advisory Jurisdiction of the International Court of Justice // European Journal of International Law. 1998. Vol. 9, No 3. P. 444.

[315] Reparation for Injuries Opinion. – P. 183; *Effect of Awards of Compensation Made by the United Nations Administrative Tribunal.* Advisory Opinion dated July 13, 1954 // International Court of Justice Reports. 1954. Vol. 7. P. 57; *Certain Expenses of the United Nations (Article 17, paragraph 2, of the Charter)*. Advisory Opinion dated July 20, 1962 (Certain Expenses Opinion) // International Court of Justice Reports. 1962. Vol. 19. P. 168.

[316] Dissenting Opinion by Judge Hackworth to the Reparation for Injuries Opinion. P. 198.

[317] *Bekker P.* The Legal Position of InterGovemmental Organizations: A Functional Necessity Analysts of Their Legal Status and Immunities. Brill, 1994. P. 82–83.

что ее сторонниками придается слишком большое значение целям и функциям в ущерб конкретизации в уставе способов их достижения[318]. По его мнению, подразумеваемые полномочия – это «действия, не противоречащие уставу организации и являющиеся обычными в международной практике, которые необходимы для осуществления компетенции, ясно предоставленной организации в целом или ее органу, а не вообще для осуществления ее целей и функций»[319]. Иными словами, с точки зрения проф. Г.И. Тункина, подразумеваемые полномочия международной организации – это некоторые сами собой разумеющиеся действия, настолько естественные и очевидные, что не может вызывать сомнения тот факт, что государства подразумевали их совершение данной международной организацией при известных обстоятельствах.

Г. Хэкворт, проф. П. Беккер и проф. Г.И. Тункин видят в академическом обосновании предоставления международным организациям сколько-нибудь существенной свободы действий серьезное отступление от согласительной основы международного права. Признавая неизбежность наличия у международных организаций полномочий, прямо не прописанных в их уставах, они сводят их к строгому минимуму, который не рискует выйти за рамки того, о чем договорились государства. В более либеральном подходе международных судов прослеживается заинтересованность в приобретении широкой свободы действий. У международных организаций должна быть возможность адаптироваться к реальности самостоятельно, не взывая всякий раз к государствам для пересмотра устава, что, по сути, равносильно было бы систематическому приостановлению их деятельности. В особенности это замечание справедливо для международных уголовных судов, к которым предъявляется требование особенно высокой продуктивности и эффективности и для которых отсутствие права на инициативу может привести к обратному результату.

---

[318] *Тункин Г.И.* Указ. соч. С. 296.
[319] Там же. С. 297.

Представляется, что употребляемое Международным Судом ООН выражение «естественные полномочия» не следует ни отождествлять с национальной концепцией *inherent powers* судов, сложившейся в праве отдельных государств, ни рассматривать как особый универсальный вид прерогатив, присущих судебным органам вне зависимости от правопорядка. Обе указанные трактовки исходят из представления об уникальности судебных учреждений среди образований, создаваемых государствами и международными организациями, в силу специфики их функции. Между тем формулировка, содержащаяся в решениях по делам о ядерных испытаниях, указывает прежде всего на то, что международный суд вправе совершать любые действия, не запрещенные и согласующиеся с его внутренним правом, если они необходимы для выполнения возложенных на него функций.

Именно эта идея лежит в основе доктрины подразумеваемых полномочий международных организаций. Международные суды, обладающие статусом международных организаций, с этой точки зрения не отличаются от иных межгосударственных институтов: их «естественные» полномочия по существу представляют собой разновидность подразумеваемых полномочий, выводимых из целей и функций, закрепленных в учредительном акте.

Тождество этих категорий проявляется и в том, что естественные полномочия мыслится как заложенные в самой природе суда и, следовательно, подразумеваемые волей государств при его учреждении. Так, Х. Терлвей справедливо указывает, что, именуя орган «судом», государства тем самым подразумевают обязанность заслушать обе стороны перед вынесением решения, даже если это прямо не зафиксировано в тексте устава. Иными словами, определенный минимальный набор процессуальных полномочий вытекает из самого договорного решения создать именно судебный, а не какой-либо иной орган.

В то же время логика доктрины подразумеваемых полномочий, связанная с невозможностью и нередко нецелесообразностью исчерпывающего регулирования в учредительном документе всех жизненных ситуаций, с которыми

может столкнуться международная организация, имеет универсальный характер и применима также к международным судебным органам, не обладающим формальным статусом международной организации. В данном случае отправной точкой служат не институциональные особенности, а объективная потребность обеспечить эффективное функционирование суда в рамках уже согласованной государствами компетенции.

Поэтому даже если исходить из признания существования «естественных» полномочий международных судов в том виде, как они раскрываются современной доктриной и практикой, эти полномочия по своему содержанию и юридической природе совпадают с категорией подразумеваемых полномочий международных организаций. Речь идет о двух различных терминах, обозначающих, по существу, один и тот же феномен – производные от согласованной воли государств полномочия, без реализации которых суд не в состоянии выполнить задачи, ради которых он был учрежден.

§ I.3. История современной системы органов международной уголовной юстиции

Комиссия международного права ООН, рассматривая в 1992 г. вопрос о создании международного уголовного суда, вполне обоснованно исходила из принципа, согласно которому внутригосударственные суды «всегда были обычными и естественными учреждениями для осуществления правосудия» в отношении преступных деяний[320]. Эта констатация отражает сложившееся в ходе длительного исторического развития понимание роли государства как основного носителя юрисдикции в уголовно-правовой сфере. В этом смысле формирование международного уголовного правосудия не может рассматриваться как случайное или спонтанное явление; речь идет о поступательном процессе трансформации укоренившихся представлений о государственном суверенитете и его содержании в условиях изменяющейся межгосударственной системы.

[320] ООН: Проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества: Доклад Рабочей группы по вопросу международной уголовной юстиции. // Документ ООН A/CN.4/L.471, 6 July 1992. § 25.

Толчком к этой трансформации выступали, прежде всего, крупные вооруженные конфликты, сопровождавшиеся массовыми и особо жестокими нарушениями международного права. Именно они придали дополнительный импульс развитию международно-правовой мысли в направлении признания того, что определенные категории преступлений затрагивают интересы всего международного сообщества и не могут быть оставлены исключительно на усмотрение отдельных государств.

В этих условиях представляется необходимым, прежде чем перейти к анализу современного состояния международного уголовного правосудия и эволюции института обвинения, очертить основные этапы становления соответствующей системы. Количество таких этапов зависит от избранного критерия периодизации. Если исходить из крупных исторических событий, стимулировавших развитие правовой мысли, то в качестве рубежей выступают две мировые войны и вооруженный конфликт на территории бывшей Югославии. Соответственно, можно говорить о четырех неравных по продолжительности периодах: до Первой мировой войны (…–1918 гг.), межвоенном периоде (1918–1939 гг.), послевоенном периоде до начала югославских событий (1945–1992 гг.) и современном периоде (с 1992 г. по настоящее время).

Возможна и иная классификация, основанная на различении умозрительного и практического уровней развития международного уголовного правосудия. В этом случае выделяется, во-первых, теоретический этап, охватывающий период со второй половины XIX в. до 1945 г., когда идеи международных уголовных трибуналов существовали преимущественно в доктринальной плоскости и не получили еще институционального закрепления[321]. Во-вторых, практический этап, начинающийся с 1945 г. и продолжающийся до настоящего времени, характеризующийся реальным функционированием международных уголовных трибуналов[322]. Последний, в свою очередь, целесообразно подразделить на подэтап временных международных уголовных

[321] Копылова Е.А. Эволюция субсидиарной подсудности органам международной уголовной юстиции: от доктринальных проектов к кодификации // Российский судья. 2026. № 4. С. 55.
[322] Там же.

трибуналов (1945–1998 гг.) и подэтап, связанный с учреждением постоянного органа международного уголовного правосудия – Международного уголовного суда (с 1998 г.).

Наконец, в доктрине международного уголовного права обращается внимание на ряд более ранних примеров отправления уголовного правосудия, которые могут рассматриваться как прообразы международных уголовных трибуналов. Они представляют интерес прежде всего как отражение зарождавшейся идеи о необходимости международного судебного преследования за наиболее тяжкие нарушения законов и обычаев войны. Эти примеры, расположенные в хронологическом порядке, подлежат рассмотрению в первую очередь, поскольку позволяют проследить зарождение и постепенное развитие соответствующей концепции в недрах межгосударственной системы.

I.3.1. Прообразы международных уголовных судов

«Неапольский инцидент». Концепцию судебного преследования лиц за совершение особо тяжких преступлений, возмущающих человеческое сознание, обыкновенно связывают с двумя мировыми войнами и последующими – менее масштабными – вооруженными конфликтами XX столетия. Вместе с тем ряд зарубежных исследователей – Ш. Бассиони, Г. Шварценбергер, С. Ратнер и другие[323] – прослеживают предпосылки этой концепции значительно глубже, вплоть до эпохи раннего Средневековья[324].

В 1268 г. в Неаполе за развязывание несправедливой войны был осужден и казнен Конрадин Гогенштауфен, сын германского короля Карла IV. К. Гогенштауфен в два года унаследовал титулы герцога Швабского, короля Иерусалима и короля Сицилии от своего отца, короля Конрада IV. В Сицилии от его имени правил на правах регента его дядя Манфред. В 1258 г. последний провозгласил себя королем Сицилии, выразив при этом намерение назначить К. Гогенштауфена своим наследником. Однако папа римский Климент IV, враждебно настроенный к династии Гогенштауфенов, передал Сицилию под

[323] Ш. Бассиони, Г. Шварценбергер, С. Ратнер и др.
[324] Ш. Бассиони, Г. Шварценбергер, С. Ратнер и др.

управление французского герцога Карла Анжуйского после смерти Манфреда в 1266 г. К. Гогенштауфен предпринял военный поход для вступления в отцовские владения на Сицилии, но потерпел поражение в решающей битве при Тальякоццо к северо-востоку от Рима, был взят в плен и предан суду по обвинению в развязывании несправедливой войны.

Трибунал, вынесший приговор, был учрежден герцогом Карлом Анжуйским. В его состав вошли по два представителя от каждого из городов Сицилии. По мнению проф. Ш.Бассиони, этот эпизод стал первым в истории примером международного уголовного преследования за развязывание несправедливой войны[325].

Исключительность данного процесса, впрочем, оспаривается. Д. Пендас, в частности, указывает на то, что подобные разбирательства были широко распространены в указанный исторический период[326]. Однако этот тезис не подкрепляется исследователем конкретными примерами, что существенно снижает его убедительность.

Для целей настоящего исследования, однако, интерес представляет не столько вопрос об исключительности неапольского процесса, сколько вопрос о его подлинно международном характере. И здесь, как представляется, необходим строгий анализ, свободный от модернизации исторических институтов. Понятие международного суда предполагает – при всем различии конкретных исторических форм – наличие органа, учрежденного посредством согласования воль нескольких суверенных субъектов. Между тем Сицилия того времени, несмотря на относительную автономию отдельных городов, представляла собой единое королевство под управлением одного правителя. Трибунал, учрежденный Карлом Анжуйским с включением в его состав городских представителей, по своей природе скорее напоминает чрезвычайный внутригосударственный судебный орган, нежели международный суд в собственном смысле слова.

---

[325] *Bassiouni Ch., op.cit.,* p. 1047.

[326] *Pendas D.* Orientation: War Crimes Trials in Theory and Practice from the Middle Ages to the Present // War Crimes Trials and Investigations: A Multi-Disciplinary Introduction. St Antony's Series. 2018. P. 29.

Квалификация этого эпизода в качестве прообраза международного уголовного правосудия возможна лишь с весьма существенными оговорками – не столько как свидетельство сложившейся практики, сколько как отражение зарождавшегося осознания необходимости судебного преследования за развязывание несправедливой войны, – осознания, которому предстоял еще длительный путь развития, прежде чем оно обрело бы форму действительно международных институтов.

Суд над П. Гагенбахом. Важной вехой в истории международного уголовного правосудия исследователи справедливо считают суд над Петером Гагенбахом в 1474 г. И.С. Малахов пишет о нем как о «хрестоматийном»[327]. П. Гагенбах был голландским наемником; по поручению герцога Бургундского он оккупировал германский город Брейзах для сбора налогов. На бунт местного населения герцог отреагировал приказом П. Гагенбаху разграбить город, истребить его жителей и сжечь постройки.

Эти преступления носили беспрецедентный по своей жестокости характер и были расценены как «преступления против законов Божьих и человечества»[328]. Для суда над П. Гагенбахом по инициативе эрцгерцога Австрии Сигизмунда был создан специальный трибунал, в состав которого вошли двадцать восемь[329] (по другим данным – двадцать шесть[330]) судей. Восемь из них были назначены от города Брейзах и по двое – от городов Страсбурга, Селестата, Кольмара, Базеля, Танна, Кензингена, Неубурга-на-Рейне, Фрайбурга, Берна и Солотурна. Все города, кроме Берна, были членами Констанцской лиги – объединения городов на

---

[327] *Малахов И.С.* Международное гуманитарное право: дефиниция и содержание (политологический аспект) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 3(51). С.162.

[328] *Schwarzenberger G.* A Forerunner of Nuremberg: the Breisach War Crime Trial of 1474 // The Manchester Guardian. 1946. Sept. 28. P. 4.

[329] *Scharf M., Schabas W.* Slobodan Milosevic on Trial: A Companion. – Continuum, 2002. – P. 39; *Gordon G.S.* The Trial of Peter von Hagenbach: Reconciling History, Historiography, and International Criminal Law // In: K.J. Heller, G. Simpson (eds.), The Hidden Histories of War Crimes Trials. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 15–64.

[330] *Bassiouni Ch.* Perspectives on International Criminal Justice // Vancouver Journal of International Law. 2010. Vol. 50. P. 298.

основании тройного Констанцского пакта[331] для борьбы с королем Карлом VII. Опираясь на этот эпизод, немецкий историк Г. Хеймпел характеризует лигу не только как политический, но и как правовой союз, полномочный учреждать совместный суд для разрешения исключительных споров[332]. Однако данный вывод представляется недостаточно обоснованным – ничто в положениях учредительных договоров лиги не может быть истолковано как предусматривавшее намерение сторон совместно отправлять правосудие. Учреждение суда для рассмотрения дела о преступлениях П.Гагенбаха стало результатом отдельной дополнительной договоренности между городами, независимо от этого связанными военно-союзническими обязательствами.

Тезис о международном характере трибунала по делу П.Гагенбаха отстаивается, например, Г. Шварценбергером[333]. Ему принадлежит первенство в обнаружении этого исторического прецедента, получившего вспоследствии широкое освещение в доктрине международного уголовного права[334]. Он пишет: «В то время как обычное уголовное дело рассматривалось бы местным судом, для разбирательства данного случая было договорено делегировать по судье от каждого из союзных городов, в том числе швейцарских. К тому времени последние уже перестали быть частью Священной Римской империи, и участие [их представителей в суде над П. Гагенбахом. – прим. авт.] придало международный характер трибуналу, судившему П. Гагенбаха».

---

[331] Пакт о союзе от 30 марта 1474 г. между Австрийским домом и швейцарцами; Союзнический договор от 4 апреля 1474 г. между эрцгерцогом Сигизмундом и нижними лигами Рейна. См.: *Сидоренко М.С.* Государства Альпийского региона (Австрия, Швейцария) в период позднего Средневековья (XIV-XV вв.) [Электронный ресурс]. Санкт-Петербург: СПбГУ, 2021. – URL: https://novist.history.spbu.ru/dif/sidorenko_ms_2.html (дата обращения: 16.05.2025).

[332] *Heimpel H.* Das Verfahren gegen Peter von Hagenbach zu Breisach (1474) // Zeitschrift für die Geschichte des Oberrheins. Vol. 55. 1942. S. 338.

[333] *Schwarzenberger G., op.cit.* См.: *Schwarzenberger G.* The Law of Armed Conflict. London, Stevens & Sons., 1968. P. 462–466; *Fassbender B.* Volkerrecht und Machtpolitik: Georg Schwarzenberger (1908-1991) // American Journal of International Law. Vol. 97. 2003. P. 1020; *Paust J.* Comparative Analysis of International and National Tribunals // New York Law School Journal. Vol. 12. 1995. P. 549.

[334] *Deschênes J.* Toward International Criminal Justice // The Prosecution of International Crimes: A Critical Study of the International Tribunal for the Former Yugoslavia. Routledge, 2003. P. 30; *Scharf M., Schabas W., op.cit.*; *Cryer R., op.cit.*, p.17; *Bassiouni Ch.* Perspectives on International Criminal Justice…, *op.cit.*, p.298; *El Zeidy M.* The Principle of Complementarity in International Law: Origin, Development and Practice. Leiden, Brill, 2008. P. 211.

С.Ратнер пишет о процессе над П. Гагенбахом как о «первом судебном процессе по делу о военных преступлениях», в рамках которого обвиняемый «был судим и приговорен к смертной казни в Австрии за зверства, допущенные во время войны»[335].

Г. Шварценбергер видит в трибунале, созданном для суда над П. Гагенбахом, прообраз МВТ. Его аргументы, представленные в статье 1946 г., были восприняты Т.Тейлором – главным обвинителем США при малых Нюрнбергских трибуналах. В т.н. «Деле Вильгельмштрассе»[336] Т.Тейлор ссылается на материалы дела П.Гагенбаха в подтверждение своего тезиса о криминализации в международном праве преступлений против человечности задолго до Лондонского соглашения 1945 г., учредившего МВТ[337].

Международный характер трибунала, рассматривавшего дело П.Гагенбаха, следует оценивать, исходя из критериев, принятых в международном праве XV в. По свидетельствам историков, в то время существовала практика рассмотрения споров по вопросам публичного права посредством арбитража с участием правителей разных областей. Ее характерным признакам была обязательность итогового решения для сторон. Французский историк международного права Ф.Горье приводит пример территориального спора между герцогиней Брабантской и герцогом Гелдре, который изначально подлежал разбору коллегией

---

[335] *Ратнер С.* Категории военных преступлений // Военные преступления. Это надо знать всем / ред. Ю.М. Колосов [Электронный ресурс]. – URL: http://www.index.org.ru/crimesofwar/cowc.html (дата обращения: 16.05.2025). См. также: *Белый И.Ю.* Некоторые правовые и процессуальные вопросы в истории развития института уголовной ответственности за военные преступления // Право в Вооруженных Силах. 2004. № 6. С.28. См. также: *Hall C.K.* The First Proposal for a Permanent International Criminal Court // International Review of the Red Cross. 1997/1998. Vol. 38, Iss. 322. P. 56–74.

[336] «Дело Вильгельмштрассе» – название одного из последующих нюрнбергских процессов против крупных государственных чиновников, руководителей различных министерств и ведомств Третьего рейха. Большинство этих учреждений располагалось в Берлине на правительственной улице Вильгельмштрассе, которая дала процессу неофициальное название «Вильгельмштрассе». В англоязычной литературе он называется чаще всего «Министерским процессом», а его официальное название – «Соединенные Штаты Америки против Эрнста фон Вайцзеккера и других».

[337] Trials of War Criminals Before the Nuernberg Military Tribunals under Control Council Law № 10 (Ministries Case): vol. 13 [Электронный ресурс]. 1950. URL: https://www.loc.gov/rr/frd/Military_Law/pdf/NT_war-criminals_Vol-XIII.pdf (дата обращения: 16.05.2025). P. 96–97.

в составе герцога Лотарингского, архиепископа Кельнского, сеньоров Куси и Тремуаля, но в итоге, за отсутствием герцога, был рассмотрен в 1390 г. двенадцатью арбитрами – соседними сеньорами или вассалами сторон[338].

Такая практика была известна в этот исторический период и на территории современной России. Л.А. Камаровский пишет: «До окончательного утверждения Московского единодержавия, дела порубежные или пограничные между жителями различных княжеств, а также и споры между самими князьями или между жителями их владений обсуживались общим или совместным судом из боярь обоих княжеств; в случае безуспешности этого суда дело представлялось на решение третейского судьи. Митрополит назначал третье лицо кто будет люб сторонам для произнесения приговора»[339]. В примечании автор уточняет, что в компетенцию такого суда входило рассмотрение дел о преступлениях[340].

Это доказывает существование в рассматриваемую эпоху некой практики разбирательства правовых споров третьей стороной на основании соглашения между правителями автономных субъектов с обязательным характером решения. С учетом наличия у городов, делегировавших своих представителей в судейский состав, способности заключать друг с другом соглашения публично-правового характера, одно из которых и легло в основу процесса над П.Гагенбахом, в последнем можно усмотреть признаки международного.

Примечательным представляется то обстоятельство, что описанный эпизод остается, по существу, единственным примером, на который ссылаются историки международного уголовного права вплоть до конца XIX в. Такая длительная «пауза» не может быть объяснена простым случайным умолчанием источников; она свидетельствует об отсутствии в течение этого периода необходимых предпосылок для создания международного суда, призванного отправлять правосудие по уголовным делам в подлинно международном масштабе. Эти предпосылки представляются по меньшей мере четырех родов.

---

[338] *Gaurier D.* Histoire du droit international de l'antiquité à la création de l'ONU. Presses Universitaires de Rennes-P.U.R., 2014. P. 114.
[339] *Камаровский Л.А.* Указ. соч. С. 122.
[340] Там же.

Во-первых, должно наличествовать общее для государств восприятие общечеловеческих ценностей, понимание недопустимости их попрания, существования коллективной обязанности их защищать. Преступления, заслуживающие преследования на международном уровне, должны единообразно квалифицироваться современниками как серьезные отклонения от норм морали и права. Здесь необходимо отметить, что исторически между государствами существовала солидарность в борьбе с общеуголовными деяниями, которая выражалась в правовых нормах, регулирующих порядок и основания выдачи лиц, подозреваемых в совершении преступления на территории другого государства[341]. Вместе с тем, каждое преступление воспринималось как посягательство на интересы одного конкретного государства. Представление о посягательствах на интересы всего международного сообщества формировалось в течение длительного времени.

Во-вторых, должна была сформироваться и получить признание концепция суверенитета, допускающая возможность разделения прерогативы наказания с другими субъектами международного права. На протяжении веков государственность отождествлялась с монополией на применение силы, и мысль о добровольном ограничении этой монополии в пользу наднационального или вненационального образования не воспринималась как практически реализуемая. Лишь по мере усложнения межгосударственных связей и укрепления договорного начала в международном праве возникла возможность такого перераспределения юрисдикции.

---

[341] Весьма детально история выдачи преступников рассматривается проф. Ф.Ф. Мартенсом. Для демонстрации древности этого института им приводится пример «ахиян, грозивших разорвать союз со Спартой, если она не выдаст ахейцев, совершивших нападение на какую-то деревню», обещание афинян выдать всех, «кто посягнул на жизнь Филиппа Македонского». *Мартенс Ф.Ф.* Современное международное право цивилизованных народов. В 2 т. Санкт-Петербург: Типография А. Бенке, 1900. Т. 2. С.54. Р.А.Елисеев приводит библейский пример, когда «израильтяне требовали выдачи жителей города Гиза, которые после изнасилования и убийства женщины из Израилева колена укрылись в пределах Вениаминова колена. Отказ выдать и наказать виновных привел к войне и поражению Вениаминова колена». См.: *Елисеев Р.А.* История становления и развития международного уголовного права // Вестник РУДН, серия Юридические науки. 2009. № 3. С. 90–91.

В-третьих, между участниками международного общения должно существовать взаимное доверие, основанное на признании равенства прав и обязанностей государств при приблизительно сопоставимом уровне их политического и правового развития. Под юрисдикцию международного уголовного трибунала может подпасть гражданин любого государства, признающего его компетенцию. Чтобы согласиться разделить право определять юридические последствия неправомерных деяний своих граждан с международным судом, государство должно быть убеждено в беспристрастности и добросовестности других участников соответствующего соглашения.

В-четвертых, необходим определенный уровень развития средств связи и транспорта, позволяющий достаточно быстро доводить сведения о деяниях, вызывающих возмущение совести человечества, до сведения международного сообщества и обеспечивать их своевременное расследование. Иными словами, для возникновения действенного международного уголовного правосудия требовалась соответствующая материальная инфраструктура.

Суд над П.Гагенбахом является на сегодня единственным известным науке международного уголовного права органом уголовного судопроизводства, имеющим признаки международного трибунала и функционировавшим до 1945 г. К.Холл отмечает: «как оказалось, должны были минуть четыре века, прежде чем кто-либо серьезно задумался над идеей постоянного международного уголовного суда»[342]. Очевидно, этого одного эпизода недостаточно, чтобы говорить о целостном периоде в истории международного уголовного правосудия. Более корректно рассматривать его как далекий предвестник того правового течения, которое получило активное развитие лишь со второй половины XIX в., когда названные предпосылки стали складываться в относительно устойчивую систему.

I.3.2. Теоретический период (вторая половина XIX в. – 1945 г.)

Проект международного уголовного суда Г.Муанье. Существует мнение, согласно которому первые попытки создать орган международной уголовной юстиции для осуществления уголовного преследования лиц, виновных в

[342] *Hall C.K. Op.cit.* P.56.

совершении международных преступлений, начали предприниматься только в конце Первой мировой войны[343]. Это не так. Одним из первых, кто высказал идею создания международного судебного органа для привлечения к ответственности за нарушения законов и обычаев войны, был Гюстав Муанье – один из основателей Международного движения Красного Креста – в 1872 г.

Примечательно, что к этой идее правовед пришел постепенно. К.Холл пишет: «Изначально Гюстав Муанье не был сторонником создания постоянного международного уголовного суда. Так, в своем комментарии 1870 г. к Женевской конвенции 1864 г., в которой речь шла об обращении с ранеными солдатами, он размышлял о том, следует ли создавать международный суд для обеспечения соблюдения этой Конвенции. Однако он отказался от такого подхода и предпочел положиться на общественное мнение, которого, как он полагал, будет достаточно. Он отмечал, что «договор – это не закон, налагаемый верховной властью на своих подданных, (но) всего лишь контракт, за несоблюдение которого подписавшие его стороны не могут установить для самих себя меры наказания, поскольку некому будет их осуществлять. Единственная разумная гарантия должна заключаться в создании международного судебного органа, обладающего достаточной властью, чтобы заставить себе подчиняться, но в этом отношении Женевская конвенция обладает недостатками, свойственными всем международным договорам». В то же время Муанье верил, что общественная критика нарушений Женевской конвенции будет действенна, «поскольку общественное мнение в конечном счете служит наилучшим гарантом им же наложенных ограничений. Женевская конвенция, в частности, обязана своим возникновением влиянию общественного мнения, на которое мы можем полагаться при выполнении требований, изложенных в этой Конвенции... Перспектива для тех, кого эта Конвенция касается, оказаться перед судом общественной совести, если они не будут выполнять своих обязательств, или подвергнуться остракизму со стороны цивилизованных народов, составляет

[343] *La Rosa A.-M.* Juridictions pénales internationales. La procédure et la preuve. Genève : Graduate Institute Publications, 2003. P. 11; *Скуратова, А.Ю., Синякин И.И.* Указ. соч. С. 9.

мощное сдерживающее средство, позволяющее нам считать себя правыми, поскольку оно лучше, нежели какое-либо другое». Он также надеялся, что каждое из государств-участников Женевской конвенции примет законодательство, предусматривающее серьезные наказания за ее нарушения. Ему предстояло обмануться в своих надеждах в обоих случаях»[344].

Предложение об учреждении международного уголовного суда было выдвинуто Г.Муанье в качестве реакции на происходившее в ходе франко-прусской войны 1870–1871 гг.[345]: «Франко-прусская война позволила признать то, что морального порицания недостаточно для сдерживания разбушевавшихся эмоций; она также заставила пожалеть о том, что авторы Конвенции [Женевская конвенция от 22 августа 1864 г. об улучшении участи раненых во время войны. – прим. авт.] сочли достаточным в части, касающейся уголовных наказаний, полностью положиться на старания различных государств в области принятия законов или преследования своих граждан за нарушения»[346]. В этой связи Г.Муанье подчеркивает необходимость дополнить Конвенцию соглашением, которое учредило бы институт ответственности за ее нарушения, а также регулировало бы способы реализации этой ответственности. По его мнению, «учреждение международного судебного органа представляется […] по логике единственным способом достичь поставленной цели»[347]. Концепция этого судебного органа должна была быть такой, чтобы, с одной стороны, снискать одобрение правительств в свете их понимания своих суверенных прав на уголовное преследование нарушителей и, с другой стороны, гарантировать исполнение вынесенных им приговоров[348].

---

[344] *Hall C.K., op.cit.,* pp.56-57.

[345] Вооруженный конфликт между Францией, с одной стороны, и государствами Северо-Германского союза и Южной Германии при лидирующей роли Пруссии, с другой. Поводом послужил дипломатический конфликт между Францией и Пруссией из-за претензии на испанский престол родственника прусского короля. Война завершилась поражением Франции и подписанием Франкфуртского мира.

[346] *Moynier G.* Note sur la création d'une institution judiciaire internationale propre à prévenir et à réprimer les infractions à la Convention de Genève. Genève : Impr. Soullier et Wirth, 1872. 12 p.

[347] *Ibid.,* p.2.

[348] *Ibid.,* p.2–3.

По мнению Г.Муанье, «желательно было бы, чтобы право устанавливать вину или невиновность лица и назначать ему наказание было изъято у обычных судов государств – участников вооруженного конфликта, по той причине, что, каким бы уважением ни пользовались судьи этих судов, они могут в какой-то момент поддаться влиянию окружающей их среды. […] Смешанный или нейтральный орган, по меньшей мере в теории, имел бы больше гарантий беспристрастности, не будучи «судьей в своем собственном деле»[349].

В проекте Г. Муанье международный суд состоял из пяти судей, двое из которых назначались воюющими сторонами, а трое остальных – нейтральными державами-участницами Конвенции от 22 августа 1864 г., определяемыми жребием президентом Швейцарской Конфедерации сразу же после объявления войны[350]. При этом сам автор признает, что для обеспечения наибольшей эффективности в работе суда весь судейский состав мог бы состоять из числа судей – выходцев из одних только нейтральных государств.

Сообразно замыслу проекта, в случае участия в вооруженном конфликте более, чем двух государств, государства-союзники назначали бы вместе одного судью по договоренности между собой. Если изначально нейтральные державы утрачивали бы нейтралитет в ходе конфликта, то происходила бы замена судьи посредством новой жеребьевки.

Бремя финансирования деятельности суда, в т.ч., оплату труда судей, планировалось возложить в равных долях на воюющие стороны.

Выбор местонахождения суда, правила процедуры и момент прекращения деятельности суда оставлялись за судьями. В этой части проект Г.Муанье воспринял модель международных арбитражей.

Основанием для судебного разбирательства предполагалось сделать обращение потерпевшего, но лишь такое, которое, во избежание злоупотреблений, было бы поддержано соответствующим правительством после

---

[349] *Ibid.*, p.5–6.
[350] *Ibid.*, p.8, 10.

предварительного анализа[351]. Суд не имел бы права возбуждать уголовное производство по своей собственной инициативе.

Юрисдикция суда предполагалась обязательной всякий раз, когда потерпевший и обвиняемый являлись гражданами разных государств.

Всем государствам – участникам Конвенции, и в особенности воюющим сторонам, вменялось в обязанность максимально содействовать суду.

Применимым правом выступало бы будущее дополнительное соглашение к Женевской конвенции 1864 г., а также другие существующие международные договоры, например, Санкт-Петербургская декларация от 11 декабря 1868 г. об отмене употребления взрывчатых и зажигательных пуль, и похожие конвенции, которые могли быть заключены в будущем.

В том, что касается исполнения приговоров, с точки зрения Г.Муанье, «неизбежным будет обращение к заинтересованным правительствам, т.к. иностранному или смешанному суду нельзя придать властные полномочия государства. Таким образом, наказания будут приводиться в исполнение при помощи национальных властей, в руках которых окажется осужденный»[352]. При этом Г.Муанье подчеркивает, что единственным инструментом принуждения государств к приведению в исполнение наказаний, назначенных международным уголовным судом, может быть общественное мнение[353].

Обращение в международный суд могло сопровождаться гражданским иском о возмещении причиненного ущерба потерпевшим. При этом Г.Муанье считал необходимым сделать каждое государство-участника гарантом выплаты назначенной суммы осужденным – гражданином этого государства, с тем чтобы стимулировать участников Конвенции к обеспечению более эффективного ее соблюдения[354].

Копии всех приговоров суда, а также «мнений, которым, с точки зрения судей, целесообразно было бы придать публичность в интересах их

---

[351] *Ibid.*, p.9, 11.
[352] *Ibid.*, p.6–7.
[353] *Ibid.*, p.7.
[354] *Ibid.*, p.7–8.

деятельности», подлежали направлению всем государствам – участникам Конвенции. Последние обязывались обеспечить их перевод на свой государственный язык и обнародовать в кратчайшие сроки в издании, предназначенном для публикации нормативно-правовых актов. Публикация международных судебных или арбитражных решений в такого рода органе печати отражает нестандартный подход к восприятию их правового значения. Его можно понимать, как намерение придать решениям характер прецедентов, связывающих не только стороны, непосредственно затронутые разбирательством, но и всех участников Женевской конвенции. Иными словами, решениям по частному инциденту придавался характер универсального источника международного – и внутреннего – права. Вероятно, такой подход основывался на характере *erga omnes* обязательств, содержащихся в Женевской конвенции, и на придании аналогичного характера их судебному толкованию, а также на желании унифицировать практику применения Конвенции.

Примечательно следующее замечание Г.Муанье о широкой поддержке идеи создания международного судебного органа среди доктрины: «Нужда в создании международного судебного органа с каждым днем ощущается все больше и больше. В отличие от прошлых лет, сегодня уже не отдельные авторы высказываются в пользу такого органа, а, если можно так выразиться, все»[355].

Таким образом, в проекте Г. Муанье – первом в истории международного уголовного права обстоятельном проекте создания международного уголовного суда – речь шла об учреждении каждый раз при возникновении международного вооруженного конфликта суда *ad hoc* для рассмотрения обвинений в нарушении норм договорного международного права о защите раненых в период военных действий, а также иных международно-правовых норм договорного характера в области гуманитарного права. Данная концепция заслуживает поддержки по ряду причин.

Во-первых, речь идет о судебном органе *ad hoc*, учреждаемом одновременно и в связи с возникновением объективных условий для возможных

[355] *Ibid.,* p.3.

нарушений международного гуманитарного права, – в отличие от современных международных уголовных судов *ad hoc*, создаваемых постфактум. Это позволяет добиться минимального временного разрыва между основанием для возникновения уголовной ответственности (совершением противоправного деяния) и ее реализацией, а значит, как минимум в процессуальном плане, обеспечивает лучшую доступность и сохранность доказательств, снижает риск сокрытия обвиняемого.

В то же время, в отличие от постоянного органа международной уголовной юстиции, функционирующего с самого начала и на протяжении военных действий, предлагаемый Г.Муанье суд гораздо более рационален с финансовой и идеологической точек зрения, т.к. пределы его юрисдикции четко ограничены конкретным вооруженным конфликтом и ему нет необходимости находиться в постоянном поиске потенциальных нарушений международного права, с тем чтобы оправдать свое существование и финансирование.

Во-вторых, юрисдикция этого органа распространяется не только на высший командный состав или политическое руководство воюющих сторон, а на всех комбатантов. В результате реальный риск наступления ответственности несет каждый комбатант, что усиливает превентивный эффект.

В-третьих, минимизируется риск политизации судебного производства. С одной стороны, судьям нет необходимости искать одобрения своих решений общественным мнением и какими бы то ни было правительствами, т.к. их мандат носит срочный характер и вероятность их повторного выступления в роли судей крайне мала с учетом системы жеребьевки. С другой стороны, так же маровероятно оказание воздействия на судей – как минимум представителей нейтральных государств – со стороны назначивших их правительств.

Существуют, однако, и замечания, подтверждающие, что проект нуждается в доработке. Например, эффективность государственного фильтра обращений индивидов зависит от добросовестности соответствующего государства. В то же время очевидно, что большинство обращений будет исходить от граждан воюющих сторон. Эти стороны могут намеренно смягчить критерии отбора, если

не совсем их упразднить, чтобы за счет этого увеличить нагрузку на судей или вовсе парализовать работу суда.

С позиции современного состояния международного уголовного права предлагаемые Г. Муанье механизмы приведения в исполнение наказаний также представляются не совсем совершенными. Международное сообщество достаточно давно отошло от идеи возложения исполнения наказаний, назначаемых международными судами, на государство гражданской принадлежности осужденного, потерпевшего либо на территории которого имело место событие преступления. Была разработана и претворена в жизнь система заключения международных соглашений между судебным органом либо международной организацией, частью которой он является, и третьим государством, готовым на добровольной основе взять на себя приведение в исполнение наказаний по просьбе этого судебного органа. Данный подход призван гарантировать осужденному максимально беспристрастное отношение со стороны местной исполнительной системы, в то время как государство его гражданской принадлежности может быть склонно создать для него более благоприятные условия содержания, а государство, гражданином которого является потерпевший, – напротив, ухудшить его положение. Очевидно, что, не обладая международной правосубъектностью, суд, предлагаемый Г.Муанье, не мог бы самостоятельно заключать соглашения с государствами; о порядке приведения приговоров в исполнение следовало бы договориться в самом дополнительном соглашении к Женевской конвенции о его учреждении.

Довольно противоречивую оценку вызывает отнесение разработки ППД к компетенции каждого конкретного судейского состава. С одной стороны, судебные органы, функционирующие на основании одного и того же международного договора и призванные разрешать схожие ситуации на базе одного и того же применимого права, должны работать, исходя из одних и тех же принципов, с одними и теми же процессуальными гарантиями, предоставляемыми сторонам защиты и обвинения, с одними и теми же требованиями, предъявляемыми к достаточности и приемлемости доказательств и т.д.

С другой стороны, некоторая процессуальная гибкость, в том числе для учета предыдущего отрицательного опыта, может быть полезной. Поэтому, как представляется, основные процессуальные аспекты должны быть едины для всех судов и прямо прописаны в соответствующем международном соглашении, и в то же время каждому судейскому составу может быть предоставлено право принимать внутренний регламент для уточнения этих аспектов применительно к их деятельности[356].

В проекте и в разъяснениях Г.Муанье отсутствует упоминание о самостоятельном органе обвинения при предлагаемом им международном суде. Есть основания полагать, что по замыслу Г.Муанье суд должен был выносить приговор, исходя из представленных потерпевшим и обвиняемым через свои правительства материалов, с правом затребовать у сторон дополнительные доказательства. Эта модель напоминает функционирование сегодня Международного суда ООН. Иными словами, уголовные дела в отношении индивидов рассматривались как будто бы речь шла о межгосударственных спорах. Индивидуальные преступления квалифицировались одновременно и как несоблюдение государством гражданской принадлежности виновного лица обязательств по Женевской конвенции.

Такая модель может быть жизнеспособной только в том случае, если объем загруженности международного суда позволяет ему детально вникать в каждое дело, а не ограничиваться документами, представленными сторонами, в интересах скорости. Также следует подчеркнуть, что в общей теории уголовного права

---

[356] Показательно в этой связи то, что при учреждении Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии Совет Безопасности ООН предоставил судьям трибунала право разработывать правила процедуры и доказывания. Однако в последующей резолюции о создании Международного уголовного трибунала по Руанде Совет Безопасности предписал судьям руандийского трибунала принять за основу своей деятельности правила процедуры и доказывания, разработанные в трибунале по Югославии, с теми изменениями, которые они сочтут нужным внести. См.: ст. 14 Устава Международного уголовного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за геноцид и другие серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории Руанды, и граждан Руанды, ответственных за геноцид и другие подобные нарушения, совершенные на территории соседних государств, в период с 1 января 1994 г. по 31 декабря 1994 г. Резолюция S/RES/955 (1994), принятая Советом Безопасности на его 3453-м заседании 8 ноября 1994 года // Документ ООН S/RES/955 (1994), 08.11.1994.

смешение судейской и прокурорской функций оценивается в основном негативно и принадлежит глубокому прошлому.

В целом, однако, надо признать, что проект Г. Муанье не поздно претворить в жизнь и на сегодняшней стадии развития международного уголовного права, при условии определенной доработки в свете последних научных достижений и накопленного практического опыта.

Проект П.Л. Вакселя. Проект Г. Муанье вызвал смешанную реакцию современников – от скепсиса и критики до поддержки и предложений по совершенствованию[357]. Однако сам принцип учреждения международного органа для рассмотрения вопросов индивидуальной ответственности за военные преступления вызвал консенсус в доктрине. Проессор Л.А.Камаровский писал: «все […] писатели, за исключением Вестлека[358], согласны между собою относительной той основной мысли, что Женевская конвенция, как один из главнейших международных актов, нуждается в особом международном же органе, призванном давать ему юридическую защиту […] эти писатели расходятся только в указаниях способов устройства юридической защиты. Нечего и говорить, что лучшим органом для этого должен быть признан суд»[359].

В 1874 г. в Лейпцигском университете была представлена к защите диссертация на соискание степени доктора международного права российского юриста и государственного деятеля П.Л.Вакселя «О принципах отношений неприятельской армии и мирного населения с точки зрения естественного международного права»[360]. В ней он, помимо прочего, уделяет внимание проблеме реализации ответственности индивидов за нарушения норм международного гуманитарного права. Он отмечает: «В военное время обычные суды зачастую вынуждены бездействовать. В таких случаях нам представляется

---

[357] *Камаровский Л.А.* О международном суде. С. 440-446.

[358] Дж.Вестлек (John Westlake, 1828–1913), английский адвокат и публицист. В 1911–1913 годах занимал пост почетного президента Института международного права. Дж. Вестлек известен своими трудами в области международного права, особенно в вопросах третейского разбирательства и мирного разрешения международных споров.

[359] *Камаровский Л.А.* О международном суде. С. 447.

[360] *Waxel P. Op.cit.*

желательным – и мы надеемся, что однажды державы смогут согласовать данный аспект, – привлекать преступников к международному трибуналу, признаваемому обеими [воюющими] сторонами, договорному институту, который предоставлял бы наилучшие гарантии справедливости и беспристрастности»[361].

По замыслу П.Л. Вакселя международному уголовному суду могли бы быть подсудны все преступления, совершаемые на территории государства, где отсутствуют обычные суды, а в период вооруженного конфликта – все нарушения международного права[362]. В части исполнения наказаний он предлагает учредить при трибунале отдельный орган, наделенный соответствующими полномочиями, – правда, судя по всему, компетентный только в отношении жителей оккупированной территории, признанных виновными в совершении преступлениях против армии оккупирующего государства[363].

Применению таким судом, по мнению П.Л. Вакселя, подлежит «кодекс законов войны», признаваемый воюющими сторонами[364], иными словами, международный договор, регулирующий правила ведения войны.

Завершает свои рассуждения автор достаточно пессимистично: «К сожалению, маловероятно, что все эти проекты претворятся в жизнь в скором времени, несмотря на похвальные попытки, предпринимаемые на этом направлении»[365]. Дальнейшее развитие событий показало его правоту – первый международный военный трибунал появится спустя только 71 год и две самые масштабные и жестокие мировые войны в истории человечества.

Проект международного суда Л.А. Камаровского. Среди работ отечественных юристов-международников конца XIX в. следует отметить опубликованную в 1881 г. монографию Л.А. Камаровского «О международном суде».

Рассмотрев проект Г. Муанье и комментарии к нему представителей международно-правовой доктрины того времени, Л.А. Камаровский пришел к

---

[361] *Ibid.*, p.78.
[362] *Ibid.*, p.79.
[363] *Ibid.*
[364] *Ibid.*, p.80.
[365] *Ibid.*

выводу о том, что концепция единого международного суда с отделениями по подсудности предпочтительнее узкоспециализированных международных трибуналов («должно начать с установления для права единого главного органа и затем признать в нем несколько отделений или департаментов, смотря по роду самих дел»[366]). Он предложил модель универсального международного судебного органа, который, сообразно его замыслу, полномочен рассматривать в том числе споры, возникающие в связи с соблюдением воюющими сторонами положений «Женевской конвенции и тех общих начал военного права, которые признаются европейскими государствами в какой бы то ни было форме (трактатов, деклараций или обычаев)»[367]. Из текста монографии не вполне ясно, предполагал ли автор распространить юрисдикцию будущего суда в этой части на индивидов или ограничить ее только государствами. В свете общей логики изложения более правдоподобным предствляется второй вариант.

В контексте темы нашей диссертации примечательно следующее полномочие международного суда, проектируемого Л.А. Камаровским. Пленарному составу суда «принадлежит дисциплинарная власть над [его] членами, так что [члены суда] одни имеют право, либо по собственному почину, либо по жалобе правительств, наряжать следствия над провинившимися и постановлять приговоры об их удалении»[368]. Иными словами, в модели международного суда Л.А. Камаровского предусматривалась дисциплинарная ответственность для судей, реализация которой предполагает «следствие» и наказание в виде «удаления». Основания возникновения этой ответственности автором не описываются. Вместе с тем можно предположить, что речь идет о деяниях, которые могли бы квалифицироваться в переложении на современную юридическую терминологию как посягательства на отправление правосудия. Это первый и единственный известный нам случай упоминания в доктрине идеи наказуемости таких деяний в теоретический период становления международного уголовного правосудия.

---

[366] *Камаровский Л.А.* О международном суде. С. 450.
[367] *Камаровский Л.А.* О международном суде. С. 526.
[368] Там же. С. 531-532.

На эту идею Л.А. Камаровского вдохновило функционирование смешанных судов в Египте – органов, созданных в 1876 г. в рамках судебной реформы по согласованию с европейскими государствами, для рассмотрения дел с участием европейцев. В систему смешанных судов входили три суда первой инстанции и апелляционный суд[369]. Термин «смешанный» относится к судейскому составу этих учреждений – в него входили представители европейских государств (большинство) и египтяне (меньшинство)[370]. «Дисциплинарная власть над членами суда, – писал Л.А. Камаровский, – принадлежит аппеляционной палате. Ей же приносятся жалобы на них по дисциплинарной части со стороны дипломатического корпуса»[371]. Параллель с его собственным проектом международного суда и дисциплинарных полномочий его пленарного заседания очевидна.

Декларация о последствиях геноцида армянского населения. В рамках исследования этапов становления международного уголовного правосудия заслуживает интерес позиция держав Антанты по отношению к ответственности должностных лиц Османской империи за геноцид армянского населения в 1915 г. 24 мая 1915 г. по инициативе Российской империи[372] была принята совместная декларация российского, британского и французского правительств, в которой действия турецкого правительства квалифицировались как «преступления против человечества и цивилизации» и провозглашалась личная ответственность за их

---

[369] Там же. С. 164.

[370] *Камаровский Л.А*. О международном суде. С. 164.

[371] Там же. С. 166.

[372] Телеграмма министра иностранных дел Российской империи С. Сазонова послу во Франции А. Извольскому и послу в Великобритании А. Бенкендорфу № 1876 от 12 апреля 1915 г.: «В Министерстве получены новые сведения об анархии в Азиатской Турции и резне армян турками и курдами. Благоволите предложить французскому (английскому) правительству опубликовать совместно с нами и с Англией (Францией) обращение к Порте, в которой личная ответственность за избиения армян возлагалась бы на всех членов Турецкого Совета министров, а также всех гражданских и военных должностных лиц, прикосновенных к этим событиям. В обращении можно было бы напомнить о репрессивных мерах, принятых Европой в 1860 г., после резни в Сирии. В случае согласия английского (французского) правительства, благоволите условиться относительно текста обращения». См.: Телеграмма министра иностранных дел Российской империи С.Д. Сазонова послу во Франции А.П. Извольскому и послу в Великобритании А.К. Бенкендорфу № 1876 от 12 апреля 1915 г. // МИД России. Российские дипломатические документы о событиях в Османской империи 1915 г. М., 2002. С. 15–16.

совершение членов турецкого правительства и его представителей на местах[373]. Заявления, высказанные в данной декларации, не получили дальнейшей конкретизации. Вместе с тем, по замечанию Т. МакКормака, именно этот документ ввел в международный оборот новое понятие «преступления против человечества и цивилизации»[374].

Проект Парижской мирной конференции 1919 г. Проект следующего документа об учреждении международного уголовного суда был разработан в рамках Парижской мирной конференции Комиссией по вопросам ответственности лиц, виновных в развязывании войны, и приведения в исполнение наказаний (далее – Комиссия)[375] в марте 1919 г.

Комиссия отмечала, что каждая воюющая сторона вправе самостоятельно привлекать к ответственности лиц по обвинению в совершении военных преступлений и что преимущество такого подхода состоит в более скором

---

[373] «В течение всего последнего месяца в Армении происходит резня армян курдами и турками при явном попустительстве, а иногда и при прямом содействии оттоманских властей. В половине апреля нового стиля резня армян имела место в Эрзеруме, Дергане, Эгине, Битлисе, Муше, Сасуне, Зейтуне и во всей Киликии – поголовно вырезаны жители сотен деревень в окрестностях Вана. В самом Ване армянский квартал осаждался курдами. В то же время константинопольское турецкое правительство подвергает арестам и неслыханным преступлениям мирное армянское население. Ввиду этих новых преступлений, совершаемых Турцией против человечества и цивилизации, союзные правительства России, Франции и Англии сим публично объявляют Порте, что они возлагают личную ответственность за эти преступления на всех членов турецкого правительства, а также на тех его местных представителей, которые окажутся причастными к подобной резне». См.: Права человека. Сборник международных договоров. Нью-Йорк, ООН. 1989. С. 21.

[374] *McCormack T.* Selective Reaction to Atrocity: War Crimes and the Development of International Criminal Law // Albany Law Review. 1997. Vol. 50.– P. 702.

[375] Комиссия по вопросам ответственности лиц, виновных в развязывании войны, и приведения в исполнение наказаний была учреждена на Парижской мирной конференции 25 января 1919 г. В ее состав вошли представители государств-союзников, противостоявших странам Центральной оси в период Первой мировой войны: США, Великобритании, Франции, Италии, Японии, Бельгии, Греции, Польши, Румынии и Сербии. Большинство членов Комиссии имели юридическое образование и считались авторитетными специалистами в области права. В рамках Комиссии было образовано три подкомитета: подкомитет по уголовным деяниям, в задачу которого входил сбор доказательств для поддержания обвинений в развязывании войны и совершении военных преступлений; подкомитет по ответственности за развязывание войны, которому было поручено на основании материалов, собранных первым подкомитетом, установить лиц, подлежащих обвинению в развязывании войны на дипломатическом уровне; подкомитет по ответственности за нарушение законов и обычаев войны, которому надлежало на основании материалов, собранных первым подкомитетом, определить лиц, подлежащих передаче суду за преступления, совершенные в ходе конфликта.

отправлении правосудия по сравнению с передачей всех таких дел в подсудность какого-либо одного трибунала[376].

Вместе с тем, по мнению Комиссии, существовало четыре категории преступлений, в отношении которых преследование национальными судами признавалось нецелесообразным. Это преступления, совершенные: 1) выходцами из вражеских государств против группы комбатантов или гражданских лиц – выходцев из ряда союзнических государств (например, в лагерях для военнопленных, где вместе содержались военнопленные из разных государств, или в шахтах, где они принуждались к труду); 2) представителями власти вражеских государств, чьи приказы исполнялись не только в пределах одной местности или на одном фронте, а касались осуществления военных операций против вооруженных сил сразу нескольких союзнических государств; 3) представителями гражданской или военной власти вражеских государств, вне зависимости от занимаемого ими положения или имеющегося у них ранга, включая глав государств, в форме отдачи приказа действовать в нарушение законов или обычаев войны или воздержания от предупреждения или принятия мер к предупреждению, прекращению или наказанию за такие нарушения; 4) выходцами из вражеских государств, дела которых в силу их характера или особенностей внутреннего законодательства любой из воюющих сторон представляется нежелательным передавать на рассмотрение любому другому судебному органу, кроме предлагаемого Комиссией Международного трибунала[377].

В состав такого трибунала предполагалось включить по трое судей от США, Британской империи, Франции, Италии и Японии и по одному – от Бельгии, Греции, Польши, Португалии, Румынии, Сербии и Чехословакии[378]. Они должны были назначаться из числа судей гражданских или военных судов указанных

---

[376] Commission on the Responsibility of the Authors of the War and on Enforcement of Penalties: Report Presented to the Preliminary Peace Conference // The American Journal of International Law. 1920. Vol. 14., Iss. 1-2. P. 121.

[377] Commission on the Responsibility of the Authors of the War and on Enforcement of Penalties: Report Presented to the Preliminary Peace Conference. P.121–122.

[378] *Ibid.* P.122.

государств, которые либо уже существовали на момент разработки проекта, либо были бы созданы в порядке, предусмотренном внутренним законодательством этих государств для рассмотрения дел о военных преступлениях, не подпадающих ни под одну из указанных четырех категорий.

Согласно проекту Комиссии, процессуальные аспекты деятельности трибунала должны были определяться им самим. При этом в проекте оговаривалось структурное разделение трибунала на коллегии в составе не менее пяти членов, право трибунала передавать дела о подсудных ему преступлениях национальным правоохранительным органам для проведения расследования или осуществления преследования, а также его право привлекать экспертов в рамках разбирательства какого-либо дела либо совокупности дел[379].

При трибунале предлагалось создать Обвинительную комиссию из пяти членов, назначаемых правительствами США, Британской империи, Франции, Италии и Японии, для отбора дел и поддержания обвинения[380]. В помощь членам Обвинительной комиссии правительства других стран могли направить по одному представителю.

Трибунал имел приоритет перед национальными судами в том, что касалось уголовного преследования лиц, дела которых были отобраны Обвинительной комиссией. Рассмотрение дела трибуналом препятствовало возбуждению дела на основании тех же фактов в рамках национальных юрисдикций. Напротив, ни разбирательство, ни наличие приговора, вынесенного судами любого из вражеских государств, не считались препятствием для повторного или параллельного уголовного процесса в трибунале или национальном суде союзнического государства[381].

Трибунал должен был отправлять правосудие на основе «принципов международного права, вытекающих из обычаев, установленных между

---

[379] Commission on the Responsibility of the Authors of the War and on Enforcement of Penalties: Report Presented to the Preliminary Peace Conference.
[380] *Ibid.*, p.122–123.
[381] *Ibid.*, p.123.

цивилизованными народами, законов человечности и требований общественной морали»[382].

В случае вынесения обвинительного приговора трибунал имел право назначить осужденному такое наказание или наказания, которое было предусмотрено для подобных преступлений в любом из представленных в нем государств либо в государстве гражданской принадлежности осужденного[383].

Комиссия рекомендовала включить в будущий мирный договор ряд положений, регулирующих обязанности побежденных государств по отношению к международному трибуналу[384]. По замыслу Комиссии, эти государства должны были обязаться признать юрисдикцию трибунала и национальных судов государств-победителей, выдавать этим трибуналам для преследования лиц, подозреваемых в нарушениях законов и обычаев войны. На них также налагалась обязанность по запросу сообщать трибуналу данные о лицах, занимавших руководящие должности в местах содержания военнопленных на их территории, территории их доминионов или оккупированных ими территориях; передавать оригиналы или копии приказов, инструкций или докладов, находящихся в их владении или под их контролем и касающихся управления или внутренних правил этих мест; любые документы, имеющие отношение к событиям военных преступлений или нарушений законов человечности, в том числе с участием военно-морского флота и подводных лодок; любые сведения касательно причастных к ним лиц[385].

Ведение переговоров с нейтральными государствами о выдаче подозреваемых возлагалось совместно на пять правительств, представленных в Обвинительной комиссии[386].

В мирном договоре также предлагалось обязать государства-победителей принять внутреннее законодательство, обеспечивающее должное

---

[382] *Ibid.,* p.122.
[383] *Ibid.*
[384] Commission on the Responsibility of the Authors of the War and on Enforcement of Penalties: Report Presented to the Preliminary Peace Conference. P.153–154.
[385] *Ibid.,* p.123–124.
[386] *Ibid.,* p.124.

функционирование международного трибунала, и гарантировать исполнение выносимых им приговоров[387].

Представленный проект получил единогласное одобрение всех членов Комиссии, однако с оговорками, выраженными представителями США и Японии. С точки зрения американских делегатов, «государства должны использовать уже имеющиеся механизмы, апробированные и доказавшие свою состоятельность, действующие на основе уже сформулированных правовых норм и сформировавшейся практики с заранее известным содержанием, а не создавать беспрецедентный международный уголовный суд, у которого нет ни принципов, ни практики, ни процедуры»[388]. Представители США возражали против отсутствия определенности в части применимого права и в особенности формулировки «законы человечности», которые, по их мнению, не только не имеют четких контуров, но и являются нововведением Комиссии, в связи с чем не могут быть основанием для привлечения к ответственности за ранее совершенные деяния[389].

Кроме того, американская делегация ссылалась на отсутствие легитимности у представителя каждого из союзнических государств осуществлять правосудие в отношении деяний, имевших место до вступления этих государств в войну[390].

Примечательно, что несколько лет спустя эти же соображения не помешают учреждению Международного Военного Трибунала.

Возражения касались и идеи привлечения к ответственности международным трибуналом глав побежденных государств – тогда как проект Комиссии был ориентирован в первую очередь на разработку формата уголовного преследования кайзера Германии Вильгельма. По мнению представителей США, «с точки зрения морали глава государства, будь то император, король или верховный управитель, несет ответственность перед всем человечеством. С правовой же точки зрения они [представители США. – прим. авт.] затрудняются

---

[387] *Ibid.*

[388] Commission on the Responsibility of the Authors of the War and on Enforcement of Penalties: Report Presented to the Preliminary Peace Conference. P.142.

[389] *Ibid.,* p.144.

[390] *Ibid.,* p.147.

понять, как хотя бы один член Комиссии может утверждать, что глава государства, осуществляющий суверенные полномочия, может нести ответственность перед кем-то иным, чем перед тем, кто своим явно выраженным или подразумеваемым согласием наделил его этими полномочиями»[391]. В ходе дискуссии американская делегация разъяснила, что «население любого независимого государства, а не его управители, является носителем суверенитета, который позволяет ему привлекать к ответственности кого бы то ни было, вне зависимости от высоты занимаемого этим лицом положения, за деяния, совершенные им в официальном качестве. Суть суверенитета заключается в том, что он не несет ответственности перед иностранными суверенитетами. Монарх или иной глава государства при осуществлении суверенных прав, полученных от народа, выступает в качестве народного поверенного и ответственен только перед своим народом и ни не перед каким другим народом или группой народов»[392].

В отношении преступлений, затрагивающих несколько государств, американская делегация выдвинула альтернативное предложение об осуществлении совместного преследования посредством объединения существующих внутригосударственных военных трибуналов или специальных комиссий с аналогичной компетенцией[393]. Получившийся в результате орган предлагалось именовать Смешанным или Объединенным трибуналом или комиссией. Не разъяснялось, однако, ни то какое право, национальное или международное, будет применять такой орган, ни то какими правилами процедуры руководствоваться.

Возражения американских членов Комиссии являются показателями узконационального подхода к преследованию международных преступлений, которые при всей признаваемой за ними тяжести рассматривались как общеуголовные преступления, подпадающие под юрисдикцию национальных судов в соответствии с правилами подсудности, закрепленными во внутреннем

---

[391] *Ibid.*, p.148.
[392] Commission on the Responsibility of the Authors of the War and on Enforcement of Penalties: Report Presented to the Preliminary Peace Conference. P.148.
[393] *Ibid.*, p.142, 146–147.

законодательстве заинтересованных государств. Этого общего подхода США придерживаются и сегодня, несмотря на отступления в виде согласия в конечном итоге делегировать представителя для участия в Специальном суде над кайзером, участия в Международном Военном Трибунале, учреждения малых Нюрнбергских трибуналов, голосования в поддержку принятия резолюций Совета Безопасности ООН о создании Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии, Международного уголовного трибунала по Руанде. Доминированием этого подхода обусловлено и крайне осторожное отношение американской правовой доктрины к институту универсальной юрисдикции[394]. Результатом следования этому подходу стало принятие США в апреле 2019 г. решения об отказе в выдаче либо аннулировании действующих виз сотрудникам Международного уголовного суда, имевшим отношение к расследованию преступлений, совершенных американскими военнослужащими в Афганистане с 2003 по 2014 г. 11 июня 2020 г. Президентом США Д.Трампом было принято беспрецедентное решение о введении санкций против Международного уголовного суда и его должностных лиц в связи с «незаконным распространением юридискции на служащих Соединенных Штатов и некоторых их союзников»[395]. Согласно президентскому приказу, «любая попытка МУС осуществлять следственные действия в отношении служащего США без согласия США или служащего государств-союзников США, не являющихся участниками Римского статута и не признавших иным образом юрисдикцию МУС, арестовать, содержать под стражей или преследовать в уголовном порядке такое лицо» квалифицируется как «необычная и чрезвычайная угроза национальной безопасности и внешней

[394] Commission on the Responsibility of the Authors of the War and on Enforcement of Penalties: Report Presented to the Preliminary Peace Conference. P.458.

[395] Executive Order on Blocking Property Of Certain Persons Associated With The International Criminal Court, 11 June 2020 [Электронный ресурс] // White House: сайт. – 2020. – 11 июн. – URL: https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/executive-order-blocking-property-certain-persons-associated-international-criminal-court/ (дата обращения: 26.01.2025).

политике США»[396]. 6 февраля 2025 г. Д.Трамп подписал новый указ о санкциях в отношении МУС[397].

Японская делегация на конференции 1919 г. также выразила особое мнение относительно подчинения юрисдикции международного трибунала, учрежденного державами-победительницами, выходцев из побежденных государств и их глав. Представители Японии высказали сомнения относительно правомерности по международному праву учреждения после окончания войны державами-победительницами международного трибунала для преследования лиц, воевавших на стороне противника[398]. Они также обратили внимание на опасность создания прецедента уголовного преследования глав побежденных государств за нарушение законов и обычаев войны трибуналом победителей[399]. Очевидно, что проблема «правосудия победителей» волновала Комиссию в полном составе, но она попыталась ее разрешить за счет включения в мирный договор положений о признании юрисдикции будущего международного трибунала побежденными государствами, о которых писалось выше.

Предложения Комиссии не получили практической реализации.

Версальский и Севрский мирные договоры. Версальский мирный договор между Германией и 27 союзными и ассоциированными державами от 28 июня 1919 г. (далее – «Версальский мирный договор»), зафиксировавший итоги Первой мировой войны, стал выражением компромиссного решения. В его ст. 227 была воспринята идея создания международного судебного органа с уголовной юрисдикцией – Специального суда – исключительно для привлечения к ответственности бывшего императора Германии Вильгельма II, которому вменялось «высшее оскорбление международной морали и священной силы договоров».

---

[396] Там же.

[397] Imposing Sanctions on the International Criminal Court. Executive Order. – Текст: электронный // White House: сайт. – 2025. – 6 фев. – URL: https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/02/imposing-sanctions-on-the-international-criminal-court/ (дата обращения: 08.02.2025).

[398] Commission on the Responsibility of the Authors of the War… Pp. 151–152.

[399] *Ibid.*, p.152.

Этот суд, призванный обеспечить обвиняемому существенные гарантии права защиты, должен был состоять из пяти судей – граждан государств-союзников США, Великобритании, Франции, Италии и Японии. Суд должен был судить «по мотивам, внушенным высшими принципами международной политики, и в заботе об обеспечении уважения к торжественным обязанностям и международным обязательствам, а также к международной морали» и определить наказание, «которое, по его суждению, должно быть применено».

Примечательно, что намерение сторон Версальского мирного договора так и не нашло конкретизации в виде дополнительного документа, который регулировал бы деятельность Специального суда, определил бы его местонахождение, структуру, процедуру и др. Такой документ представляется логичным предварительным условием для направления запроса о передаче кайзера Вильгельма властями Нидерландов для привлечения его к ответственности. В реальности же запрос предшествовал созданию суда.

Германское правительство признало в ст. 228 Версальского мирного договора за Союзными и Объединившимися державами право привлечения к их военным судам лиц, обвиняемых в нарушении законов и обычаев войны с применением к осужденным наказаний, предусмотренных соответствующим национальным правом. В этой же статье нашло отражение предложение Комиссии о нераспространении принципа «не дважды за одно» – *ne bis in idem* – на деяния, разбирательство которых имело место в судах Германии или ее союзников. При этом совершившие действия против граждан одной из Союзных или Объединившихся держав подлежали передаче судам этой державы, а совершившие действия против граждан нескольких Союзных или Объединившихся держав – смешанным военным судам, состоящим из членов военных судов заинтересованных держав, в соответствии с предложением американской делегации (ст. 229). Ни один такой смешанный суд не был в итоге создан.

Помимо Версальского мирного договора, заключенного с Германией, по итогам Первой мировой войны 10 августа 1920 г. был подписан Севрский мирный

договор (заключен в г. Севр, Франция), участниками которого стали государства Антанты и присоединившиеся к ним державы с одной стороны и Османская империя – с другой. В нем воспроизводились положения Версальского договора о праве Союзных держав привлекать к ответственности перед их военными судами лиц, обвиняемых в нарушении законов и обычаев войны с применением к осужденным наказаний, предусмотренных соответствующим национальным правом (ст. 226), а также положения о смешанных трибуналах для преследования лиц, виновных в совершении преступлений против выходцев из нескольких Союзных держав (ст. 227).

Согласно ст. 230 Севрского договора, турецкое правительство обязывалось выдавать Союзным державам лиц, ответственных за убийства, имевшие место на территории Османской империи в ее границах на 1 августа 1914 г., на протяжении всего периода войны. Речь шла, очевидно, о членах турецкого правительства и высшего военного командования – в противовес менее высокопоставленным лицам, – суд над которыми предполагалось осуществлять в порядке, предусмотренном ст. ст. 226 и 227 договора. Союзные державы оставляли за собой право определить трибунал, компетентный осуществлять уголовное преследование этих лиц, который турецкое правительство обязывалось признать и которому оно обязывалось содействовать посредством предоставления в его распоряжение всех материалов, необходимых для установления события преступлений, причастности к нему подозреваемых и оценки степени их ответственности (ст. 228). Наконец, ст. 230 предусматривала, что в случае, если в течение разумного срока Лигой Наций будет создан судебный орган с юрисдикцией в отношении указанных убийств, то Союзные державы вправе будут передать ему виновных лиц для привлечения к ответственности. Турецкое правительство обязывалось признать юрисдикцию и этого органа.

Севрский мирный договор был пересмотрен на Лозаннской конференции 1922–1923 гг. и заменен по ее итогам Лозаннским мирным договором от 24 июля 1923 г. Договор сопровождался Декларацией об амнистии за преступления, совершенные в период Первой мировой войны.

Аналогичные нормы содержались в Сен-Жерменском мирном договоре от 10 сентября 1919 г. между Австрийской Республикой и 17 союзными державами (ст. ст. 173 – 176)[400], Трианонском мирном договоре от 4 июня 1920 г. между Венгрией и 17 союзными и ассоциированными державами (ст. ст. 157 – 160)[401], Нейльском мирном договоре между Болгарией и 16 союзными державами (ст. ст. 118 – 120)[402].

Межвоенный период. По мнению М. Хадсона, положения Версальского мирного договора «стимулировали интерес к развитию международного уголовного правосудия»[403]. В период между двумя мировыми войнами особую активность в разработке устава постоянного органа международного уголовного правосудия проявляют различные международные неправительственные организации, ассоциации и объединения юристов и политиков, такие как Межпарламентский союз, Ассоциация международного права, Международная ассоциация уголовного права. В это же время появляется большое количество научных публикаций, посвященных данной проблематике[404]. Для ряда

---

[400] Сен-Жерменский мирный договор // Мир между войнами: Избранные документы по истории международных отношений 1910-1940-х годов. ИнфоРост, 1997. С. 172–180.

[401] Трианонский мирный договор // Мир между войнами: Избранные документы по истории международных отношений 1910-1940-х годов. ИнфоРост, 1997. С. 156–162.

[402] Нейльский мирный договор // Мир между войнами: Избранные документы по истории международных отношений 1910-1940-х годов. ИнфоРост, 1997. С. 117–123.

[403] *Hudson M.O.* The Proposed International Criminal // The American Journal of International Law. 1938. Vol. 32, Iss. 3. P. 550.

[404] См., например: *Bellot H.* La Cour permanente internationale criminelle // Revue internationale de droit penal. 1926. Vol. 3. P. 333–337; *Brierly J.* Do We Need an International Criminal Court? // British Yearbook of International Law. 1927. Vol. 8. P. 81-88; *Caloyanni M.* The Permanent International Court of Criminal Justice // Revue internationale de droit penal. 1925. Vol. 2. P. 326-354; *Caloyanni M.* La cour criminelle internationale // Revue internationale de droit pénal. 1928. Vol. 5. P. 261-264; *Donnedieu de Vabres H.* La cour permanente de justice internationale et sa vocation en matière criminelle // Revue internationale de droit penal. 1924. Vol. 1. P. 175-201; *Lévitt A.* A Proposed Code of International Criminal Law // Revue internationale de droit penal. 1929. Vol. 6. P. 18-32; *Pella V.* La criminalité collective des Etats et le droit pénal de l'avenir. Bucarest, 1926. 360 p.; *Pella V.* Rapport sur un projet de statut d'une Cour criminelle internationale présenté au Conseil de direction de l'Association internationale de droit pénal // Revue internationale de droit penal. 1928. Vol. 5. P. 265-292; *Lord Philimore.* An International Criminal Court and the Resolutions of the Committee of Jurists // British Yearbook of International Law. 1922–1923. Vol. 3. P. 79-86; *Roux J.* A propos d'une Cour de cassation internationale // Revue internationale de droit penal. 1929. Vol. 6. P. 12-17; *Roux J.* L'entraide des états dans la lutte contre la criminalité // Académie de droit international, Recueil des cours. 1931. Vol. 36. P. 77-181; *Saldaña Q.* La justice pénale internationale // Revue de

исследований и проектов этого периода характерен отказ от идеи создания международного уголовного суда как самостоятельной организации и поддержка концепции интегрирования его в виде судебной палаты по уголовным делам в структуру учрежденной в 1920 г. для рассмотрения межгосударственных споров Постоянной палаты международного правосудия.

Так, комитет, которому была поручена разработка устава будущей Постоянной палаты международного правосудия при Лиге Наций, выступил с предложением учредить параллельно Высокую палату международного правосудия для преследования преступлений против международного публичного порядка и универсального права народов на основании обращения пленарной ассамблеи или Совета Лиги Наций[405]. Последним предложение было воспринято достаточно сдержанно[406]. Против выступила и Третья комиссия Ассамблеи, сославшись на принятую практику отнесения уголовных преследований к компетенции национальных судов[407] и на отсутствие «общепризнанного международного уголовного права»[408], отметив, тем не менее, что в любом случае создание в составе Постоянной палаты международного правосудия особой палаты по уголовным делам было бы практичнее, нежели учреждение отдельной структуры[409].

Проект Ассоциации международного права. В 1922 г. Ассоциация международного права по итогам собрания своих членов в г. Буэнос-Айрес заявила о своем позитивном отношении к идее учреждения международного

---

droit international, de sciences diplomatiques et politiques. 1927. Vol. 5. P. 274-279; *Von Weber H.* Internationale Strafgerichtsbarkeit. Berlin: Dummler, 1934. 176 p.

[405] *Lord Philimore, op.cit.*, p. 80.

[406] League of Nations. Procès-verbal of the 10th Session of the Council held in Brussels, 20–28 October 1920. Geneva: League of Nations, 1920. P. 181–182.

[407] An International Criminal Court and the Resolutions of the Committee of Jurists // British Yearbook of International Law. 1922–1923. Vol. III. P. 84.

[408] League of Nations. Records of the First Assembly, Meetings of the Committees. Geneva: League of Nations, 1921. P. 589.

[409] *Ibid.*

уголовного суда. Весьма подробный проект устава был подготовлен в 1924 г. и утвержден в 1926 г.[410]

Согласно проекту, будущий международный уголовный суд мыслился как подразделение Постоянной палаты международного правосудия[411] и обладал юрисдикцией в отношении индивидов и государств, ответственных за совершение следующих противоправных деяний: нарушения международных обязательств уголовного характера, совешаемые подданными или гражданами одного государства или апатридом против другого государства или его подданных или граждан; нарушения любого договора, конвенции или декларации, имеющих обязательный характер для государства-участника устава международного уголовного суда и регулирующих методы и порядок ведения войны; нарушения законов и обычаев войны, признаваемых в качестве обязательных цивилизованными нациями[412]. Кроме того, юрисдикция суда распространялась на уголовные дела, передаваемые ему Советом или Ассамблеей Лиги Наций для осуществления преследования или расследования и доклада[413]. В случае возникновения спора относительно наличия либо отсутствия у суда юрисдикции, такой спор разрешался самим судом[414].

Судейский корпус должен был состоять из 10 судей и 5 заместителей[415], избираемых сроком на 9 лет[416] Ассамблеей и Советом Лиги Наций из списка лиц, сформированного региональными группами для целей Постоянной арбитражной палаты[417], удовлетворяющих критериям для замещения высших судебных должностей в государстве своей гражданской принадлежности и являющихся либо являвшихся судьями уголовных судов или обладающих особой

---

[410] The Permanent International Criminal Court // International Law Association Reports of Conferences. Vol. 34, Part 1926. Vienna, 1926. P. 130–142.
[411] *Ibid.* Statute of the Court, article 1, p. 113.
[412] *Ibid.* – article 21, p.118.
[413] *Ibid.*
[414] *Ibid.*
[415] *Ibid.* – article 2, p.113-114.
[416] *Ibid.* – article 5, p.114.
[417] *Ibid.* – article 3, p.114.

квалификацией по вопросам, связанным с деятельностью таких судов[418]. На период отправления ими своих функций судьям предоставлялся дипломатический иммунитет[419].

Для руководства судом предлагалось избирать из числа судей председателя и вице-председателя сроком на три года с правом повторного переизбрания[420].

Предусматривалась должность Секретаря суда[421].

Предполагалось, что дела будут рассматриваться Отделениями в составе пяти судей, один из которых мог иметь статус заместителя судьи[422]. Состав Отделений определялся председателем суда[423].

Право обратиться в суд с жалобой предоставлялось любому государству от своего имени, от имени своего подданного или гражданина или от их общего имени против другого государства, его подданных или граждан или против обоих[424]. Индивиды не имели права выступать в качестве обвинителей[425]. В ходе процесса по ходатайству государства-ответчика, обвиняемого индивида или по своей собственной инициативе суд мог привлечь в качестве ответчика или обвиняемого другое государство, подданного или гражданина государства-ответчика или другого государства[426].

Государство-заявитель при подаче заявления должно было назначить прокурора, постоянно проживающего в государстве по месту нахождения суда, а государство-ответчик – агента, отвечающего этому же критерию. Ценз по месту проживания объясняется просто: таким образом гарантировалось скорое уведомление этих лиц обо всех процессуальных изменениях в судопроизводстве, которое было бы сложно обеспечить в 1920-е гг. за пределами государства нахождения суда.

---

[418] *Ibid.* – article 1, p.113.
[419] *Ibid.* – article 6, p.114.
[420] *Ibid.* – article 10, p.115.
[421] *Ibid.* – article 11, p.115.
[422] *Ibid.* – article 14, p.116.
[423] *Ibid.*
[424] *Ibid.* – article 24, p.137.
[425] *Ibid.*
[426] *Ibid.*

Постоянный орган обвинения не предусматривался. Однако в случае возникновения вопроса, требующего длительного расследования, суд мог назначить специального комиссара для его проведения и представления своих выводов в виде доклада[427].

В ходе процесса обвиняемые индивиды могли быть представлены агентом или адвокатом.

При рассмотрении дел судьям надлежало руководствоваться: международными договорами, конвенциями и декларациями общего или частного характера, признаваемыми спорящими государствами в качестве обязывающих; международным обычаем как доказательством существования общепризнанного принципа, имеющего юридическую силу; общими принципами публичного или международного права, признаваемыми цивилизованными нациями; судебными решениями как дополнительными средствами установления содержания правовой нормы[428]. Кроме этого, допускались ссылки на доктрину наиболее квалифицированных специалистов в области публичного права[429].

Неявка обвиняемого индивида на судебное заседание могла влечь за собой отложение рассмотрения дела и выдачу ордера на арест; вместе с тем, суд имел право рассматривать дело и в отсутствие обвиняемого, при наличии потверждения надлежащего уведомления последнего[430].

Решения надлежало принимать простым большинством голосов судей, присутствоваших на заседании; приговор и решение о наказании выносились квалифицированным большинством в две трети[431].

В отношении государств предусматривались следующие меры ответственности: денежная штрафная выплата; возмещение причиненного ущерба; компенсация потери или ущерба подданному или гражданину государства-заявителя, при условии наличия доказательств, что их причинение возникло вследствие действия или бездействия обвиняемого государства, его

---

[427] *Ibid.* – article 29, p.140.
[428] *Ibid.* – article 23, p.136.
[429] *Ibid.*
[430] *Ibid.* – article 33, p.141.
[431] *Ibid.* – article 35, p.141.

подданного или гражданина[432]. Что касается индивидов, то, согласно проекту устава, суд имел право назначать им «любое наказание, которое он сочтет справедливым», руководствуясь при этом следующими принципами: наказание в виде смертной казни может назначаться, только если внутренним законодательством государства гражданской принадлежности приговоренного она предусмотрена в качестве наказания за аналогичное преступление; битье кнутом не может быть назначено в качестве наказания ни при каких обстоятельствах; в остальных случаях подлежит назначению наказание в виде лишения свободы; штрафные санкции и денежное возмещение назначается либо в дополнение к назначенному наказанию, либо вместо него[433].

Меры по приведению в исполнение наказания в отношении индивида возлагалось на государство его гражданской принадлежности, а в отношении апатрида – на государство его постоянного места жительства[434]. Этим государствам предписывалось информировать суд о надлежащем исполнении наказания. Применение санкций против государства-нарушителя могло быть возложено на любое из государств-участников суда по его запросу[435].

Государству-ответчику и его гражданину, признанному виновным, предоставлялось право кассации приговора или ходатайствования о его пересмотре только в связи с вновь открывшимися обстоятельствами, которые по своему характеру способны возыметь решающее значение и о существовании которых до вынесения приговора не было известно ни суду, ни стороне, добросовестно ходатайствующей о его пересмотре[436].

Проект Межпарламентского союза. В 1925 г. Межпарламентский союз высказался в пользу наделения Постоянной палаты международного правосудия компетенцией по уголовным делам[437]. В тексте под названием «Фундаментальные

---

[432] *Ibid.* – article 22, p.136.
[433] *Ibid.*
[434] *Ibid.* – article 37, p.142.
[435] *Ibid.*
[436] *Ibid.* – article 38, p.142.
[437] Union interparlementaire. Compte rendu de la XXIII Conference tenue à Washington du 1 au 7 octobre et à Ottawa le 13 octobre 1925. Lausanne, Genève, Neuchâtel, Vevey, Montreux, Berne : Librairie Payot et Compagnie, 1926. 256 p.

принципы Международного правового кодекса о наказании за международные преступления» за авторством румынского юриста-международника профессора В. Пелла предусматривалось, что субъектами «преступлений против международного публичного порядка и права наций» могут выступать как индивиды, так и государства.

К преступлениям, совершаемым индивидами, относились: объявление главой государства агрессивной войны; злоупотребление дипломатическим агентом своими привилегиями с целью совершения деяний, явно противоречащих фундаментальным принципам международного публичного порядка или представляющих собой приготовление к военной агрессии; международные военные преступления и иные деяния, совершаемые в ходе вооруженного конфликта, которые противоречат правилам и обычаям международного права; общеуголовные преступления, совершаемые иностранными войсками на оккупированных территориях (убийства, разграбление, изнасилование, кража и др.); распространение ложных сведений, способных подвергнуть угрозе международный мир[438]. Юрисдикцией в отношении индивидов, виновных в совершении всех международных преступлений, предлагалось наделить Постоянную палату международного правосудия[439], в рамках которой планировалось учредить Отделение Публичного Обвинителя и специальную Палату по уголовным делам. Ее предметная подсудность распространялась бы на «все международные преступления, совершаемые индивидами, и все правонарушения, которые по своей природе не подпадают под юрисдикцию национальных судов»[440]. Осуществление предварительного расследования и собирание доказательств предлагалось вверить следственным комиссиям *ad hoc*[441].

В качестве наказаний для индивидов предусматривались: предупреждение; штраф; строгий выговор; запрет на проживание в каком-либо государстве;

---

[438] *Ibid.,* p.49.
[439] *Ibid.*
[440] *Ibid.,* p.50.
[441] *Ibid.,* p.49.

лишение права занимать дипломатические должности за рубежом; лишение свободы; изгнание[442].

Среди преступлений, совершаемых государствами, значились: международное преступление агрессивной войны; нарушение режима демилитаризации той или иной зоны; невыполнение обязанности передавать серьезные споры на рассмотрение Постоянной палаты международного правосудия в случаях, когда ее юрисдикция является обязательной; военная, морская, воздушная, индустриальная и экономическая мобилизация в случае возникновения спора; подготовка или допущение подготовки на своей территории атаки, направленной против внутренней безопасности другого государства или подстрекательство группировок к совершению набегов на территории других государств; вмешательство одного государство во внутренние политические распри другого посредством финансирования или иной поддержки любого рода политических партий; необоснованная угроза военной агрессией, которая в прошлом принимала форму ультиматума; призыв на воинскую службу или вооружение, превышающее пределы, предусмотренные в конвенциях или договорах; проведение военных учений или мобилизация, совершаемая с целью демонстрации военной мощи или подготовки к войне; нарушение дипломатического иммунитета иностранных представителей; подделка денег или банковских купюр и любое другое вероломное деяние, совершенное или не пресекаемое одним государством с целью подорвать финансы другого государства.

Санкции в отношении государств подразделялись на дипломатические, юридические, экономические и использование силы. К дипломатическим санкциям относились: предупреждение о разрыве дипломатических отношений; отзыв экзекватуры консулов государства-нарушителя; лишение права получать преимущества от участия в международных соглашениях. Среди юридических санкций фигурировали: помещение под секвестр имущества граждан государства-нарушителя, находящегося на территории других государств; непризнание

[442] *Ibid.*, p. 48.

индустриальных, литературных, творческих, научных и других прав граждан государства-нарушителя; запрет на доступ к судам других государств; лишение гражданских прав. Экономические санкции предполагали: лишение государства-нарушителя преимуществ, вытекающих из международной экономической солидарности, путем исключения этого государства из международной экономической жизни посредством экономической блокады, бойкота, эмбарго, отказа поставлять продукты и сырье, увеличение таможенных пошлин на товары этого государства, отказ в предоставлении займов, отказ в биржевой котировке активов, запрет на пользование транспортными путями.

Нарушения, совершаемые государствами, подлежали рассмотрению Постоянной палатой международного правосудия в пленарном составе. Что касается применения назначенных санкций, то для всех государств-участников создавалась «виртуальная обязанность» участвовать в этом процессе[443]. Конкретное обязательство для каждого отдельно взятого государства возникало по решению Совета Лиги Наций, содержавшему перечень санкций, подлежащих введению, с учетом географического положения, политической и экономической ситуации. Отказ или недобросовестное применение санкций в отношении государства-нарушителя влек за собой наступление международной ответственности.

Резолюция Международной ассоциации уголовного права. В 1926 г. на Брюссельском международном конгрессе уголовного права была принята резолюция, также положительно характеризовавшая идею наделения Постоянной палаты международного правосудия уголовной юрисдикцией[444]. Особенностью этого текста по сравнению с проектами Межпарламентского союза и Ассоциации международного права стало предоставление Постоянной палате международного правосудия права разрешать конфликты законодательной и судебной компетенций между государствами, а также права пересматривать вступившие в

[443] Англ. «virtual obligation»; фр. «obligation virtuelle».

[444] Premier Congrès International de Droit Pénal: Bruxelles (26-29 juillet 1926): Actes du Congrès / publiés sous la direction du Comte Carton de Wiart par J.-A. Roux. Paris: Librairie des Juris-Classeurs, 1927. 634 p.

законную силу конкурирующие обвинительные приговоры, вынесенные в отношении одного и того же преступления судами разных государств[445].

Как и в других проектах этого периода, предлагалось распространить уголовную юрисдикцию суда как на государства, ответственные за развязывание несправедливой военной агрессии или за любое другое нарушение международного права, так и на индивидов, ответственных за совершение деяний, способных привести к преступлению агрессии, связанным с ним преступлениям и правонарушениям, а также к любому другому нарушению международного права, будь то в мирное или в военное время. Юрисдикции международного уголовного суда подлежали и индивиды, дела которых не могли быть переданы на рассмотрение определенного национального суда, либо по причине неизвестности места совершения преступления, либо по причине спорного статуса соответствующей территории.

Структуру Постоянной палаты международного правосудия предлагалось дополнить прокуратурой и следственным органом[446]; также планировалось увеличить количество судей, которые должны были выбираться среди специалистов в области теории и практики уголовного права.

Впервые приведение наказания в исполнение предлагалось возложить не на государство гражданской принадлежности осужденного, а на третье государство по выбору Совета Лиги Наций[447].

В основу всех вышеприведенных проектов положена идея об осуществлении международных уголовных преследований на базе уже существующего органа мирного разрешения международных споров – Постоянной палаты международного правосудия. Предложение наделить один международный орган универсальной подсудностью, т.е. отнести рассмотрение всех международных дел к его ведению, может быть оправдано соображениями практичности.

---

[445] Ier Congrès International de droit pénal (Bruxelles, 26-29 juillet 1926) // Revue internationale de droit pénal. 2015. Vol. 86, Iss. 1. P. 28.
[446] *Ibid.*, p. 29.
[447] *Ibid.*

Женевская конвенция 1937 г. Следующим значимым проектом по созданию международного уголовного суда стала одноименная Женевская конвенция от 16 ноября 1937 г. Речь идет о проекте экспертного комитета Лиги Наций[448], учрежденного в связи с террористической атакой в г. Марселе 9 октября 1934 г., в результате которой были убиты король Югославии Александр I и министр иностранных дел Франции Луи Барту. Экспертному комитету было поручено разработать две конвенции: о преступлении терроризма и о создании международного судебного органа для преследования и наказания за это преступление. Ни та, ни другая конвенция так и не вступили в силу[449].

Конвенция 1937 г. состояла из 56 статей. Предусмотренный в ней международный уголовный суд провозглашался постоянно действующим органом, который, однако, собирается только в связи с передачей ему дела одним из государств-участников (т.н. концепция органического постоянства)[450].

В целом Конвенция 1937 г. имела много общего с проектом 1872 г. Так, основанием для судебного разбирательства в международном уголовном суде, в соответствии с положениями Конвенции, как и в проекте Г. Муанье, являлось обращение любого государства-участника. При этом, согласно ст. 45 и 48 Конвенции, в случае заинтересованности в осуществлении преследования любого другого государства-участника и отказа его признать за судом право самостоятельно определить пределы своей юрисдикции в данном контексте спор о юрисдикции считался возникшим между государством-инициатором и вторым государством и подлежал разрешению в обычном порядке, применимом к межгосударственным спорам в отношениях между этими государствами.

Характерно отсутствие как в проекте Г. Муанье, так в Конвенции 1937 г. специального органа обвинения: предполагалось, что оно будет поддерживаться представителем государства – инициатора уголовного преследования либо государства, против которого было направлено преступление, либо, в отсутствие

---

[448] В Комитет вошли представители 11 государств, в т. ч. и СССР.

[449] См.: *Рагинский М.Ю., Розенблит С.Я.* Международный процесс главных японских военных преступников. М.; Л., 1950. С. 18.

[450] Convention pour la création d'une cour pénale internationale (Genève, le 16 novembre 1937) // Série de publications de la Société des Nations. Genève : Société des Nations, 1937. Vol. 11. Art. 2–3.

последнего, государства, на территории которого преступление имело место, по их желанию[451].

В обоих проектах оговаривалась возможность для потерпевших индивидов вступить в процесс с гражданским иском.

Конвенция 1937 г. строго ограничивала юрисдикцию международного уголовного суда лицами, переданными ей государствами, и деяниями, в связи с которыми эти лица были ему переданы[452], вне зависимости от других деяний, к которым эти лица могли быть причастны, и от наличия у них соучастников.

В судейский состав предлагалось включать пять основных судей и пять их заместителей – граждан из различных государств-участников, признанных специалистов в области уголовного права из числа действующих или бывших судей национальных уголовных судов или лиц, отвечающих всем критериям для замещения судейских должностей в своей стране[453]. Избрание предполагалось поручить Постоянной палате международного правосудия на десятилетний срок с правом переизбрания[454]. Рассмотрение дел должно было осуществляться пленумом из пяти судей[455].

Принятие внутреннего регламента относилось к компетенции самого суда[456].

Ключевой особенностью Женевской конвенции 1937 г. являются положения о применимом праве. В соответствии с ч. 1 ст. 21 применению подлежало национальное право государства, на территории которого имело место событие преступления, либо государства, передавшего дело на рассмотрение суда, в зависимости от того, какое из них является более благоприятствующим обвиняемому. При этом ст. 1 Конвенции распространила юрисдикцию суда на «лиц, обвиняемых в преступлениях, предусмотренных в Конвенции по

---

[451] *Ibid.* – Art. 25.
[452] *Ibid.* – Art. 27.
[453] Convention pour la création d'une cour pénale internationale (Genève, le 16 novembre 1937) // Série de publications de la Société des Nations. Art. 56.
[454] *Ibid.* Art. 7(2); 10(1).
[455] *Ibid.* Art. 18.
[456] *Ibid.* Art. 15.

предотвращению и наказанию терроризма», признавая таким образом, что и этот международный документ подлежал применению судом. Кроме того, к нему имелась прямая отсылка в преамбуле Конвенции об учреждении суда, из которой можно заключить, что Конвенция о суде являлась следствием и дополнением к Конвенции по предотвращению и наказанию терроризма[457]. Конвенция о суде открывалась для подписания и ратификации только для государств, подписавших и ратифицировавших Конвенцию по предотвращению и наказанию терроризма.

Конвенция по предотвращению и наказанию терроризма ограничивалась перечислением противоправных деяний, оставляя на усмотрение государств вид и размер наказания, вероятно, в связи с трудностью достижения консенсуса по этому аспекту. Его и надлежало определять согласно наиболее мягкому праву среди заинтересованных государств.

Новаторским явилось положение Конвенции об учреждении списка защитников – членов национальной адвокатской коллегии государств-участников и допущенных международным уголовным судом к представительству интересов обвиняемых в преступлениях, подпадающих под его юрисдикцию[458].

Наказания в виде лишения свободы подлежали приведению в исполнение любым из государств-участников Конвенции по предварительной договоренности с судом. При этом государство – инициатор судебного разбирательства имело приоритет перед другими государствами, но в то же время лишалось права отказаться от приведения наказания в исполнение.

В Конвенции 1937 г. предусматривалось, что заработная плата каждому из судей выплачивалась из бюджета государства его гражданской принадлежности в соответствии со шкалой, устанавливаемой договаривающимися сторонами[459]. Расходы на функционирование суда, включая Секретариат, расходы, связанные с приведением в исполнение приговора, содержание Секретаря суда подлежали

---

[457] «[Государства-участники], желающие, по случаю заключения Конвенции по предотвращению и наказанию терроризма, подписанной в сегодняшнюю дату, учредить Международный уголовный суд с целью реализации прогресса в борьбе с преступлениями, имеющими международный характер…».

[458] Convention pour la création d'une cour pénale internationale…, *op.cit.*, Art. 29.

[459] *Ibid.* Art. 44(1).

покрытию за счет специального фонда, пополняемого взносами государств – участников Конвенции[460]. Эта разница в подходе к вознаграждению судей и других участников международного судопроизводства требует пояснения. Финансовая зависимость судей от государств бросает тень на их беспристрастность, чего можно было избежать, постановив выплачивать им жалование из того же фонда, что и остальным. Этот аспект исследователями ранее не освещался, за исключением М. Хадсона, но и он ограничился лишь постановкой вопроса о целесообразности такой схемы[461]. Ее применение в рамках Центральноамериканской палаты правосудия оценивается им отрицательно[462].

В целом Конвенция 1937 г. получила высокую оценку в научном сообществе. Так, М. Хадсон в 1938 г. писал: «Вне зависимости от того, вступит ли Конвенция в силу, или от того, будет ли на практике учрежден предусмотренный в ней суд, отдельные идеи, лежащие в ее основе, в будущем непременно вызовут интерес и, возможно, повлияют на дальнейшее развитие международного права»[463]. В статье 1950 г. В. Пелла характеризует ее как «решающий поворотный момент в истории современного публичного международного права»[464] и пишет, что даже спустя 13 лет и с учетом опыта трибуналов, учрежденных по итогам Второй мировой войны, Конвенция 1937 г. «была бы полезным рабочим документом при подготовке проекта устава международного уголовного суда»[465]. Примечательно, что, давая высокую оценку проекту Конвенции 1937 г., исследователи игнорировали проект Г. Муанье, хотя в нем, как было показано, уже были отражены многие аспекты этого международного договора. Автору не удалось установить, явились ли выявленные сходства результатом прямого заимствования либо совпадением, свидетельствующим о статичности

---

[460] *Ibid.* Art. 44(2).
[461] *Hudson M.O., op.cit.,* p. 554.
[462] *Ibid.*
[463] *Ibid.*
[464] *Pella, V.* Towards an International Criminal Court // The American Journal of International Law. 1950. Vol. 44. P.38.
[465] *Ibid.* P. 39.

международно-правовой доктрины на протяжении второй половины XIX в. – первой половины XX в.

Проектом Конвенции 1937 г. завершается первый – теоретический – этап истории становления международных уголовных судов. Как было показано, на этом этапе необходимость создания международного судебного органа для преследования серьезных деяний, представляющих угрозу для всего человечества, широко ощущалась в юридических и дипломатических кругах. Научная мысль особенно активизировалась в период между двумя мировыми войнами. Сформулированные в то время проекты достаточно похожи по содержанию, а различия наглядно демонстрируют процесс совершенствования подходов к организации международных судебных органов. Зачастую проекты разрабатывались на базе международных организаций – Лига Наций – либо конференций – Парижская мирная конференция 1919 г. – при участии большинства европейских государств, а также США и Японии. Поскольку суверенитет этих государств в то время распространялся практически на весь земной шар за редким исключением, можно говорить об универсальном характере многих проектов договоров.

Вместе с тем, ни один из проектов договоров не получил достаточной для вступления в силу поддержки государств. В. Пелла отмечает, что «в период между двух войн правительства практически ничего не сделали для создания системы международного уголовного правосудия»[466], кроме Конвенции 1937 г., так и не вступившей в силу «из-за обстоятельств, приведших к развязыванию Второй мировой войны»[467]. В. Пелла объясняет осторожность государств стойкостью представления об уголовной юрисдикции как о неотъемлемой части государственного суверенитета[468]. Такой же точки зрения придерживается Н. Политис[469].

---

[466] *Ibid.*
[467] *Ibid.*
[468] *Ibid.*, p. 39.
[469] *Politis N.* Rapport sur l'institution d'une juridiction criminelle internationale // Acts of the First International Congress of Penal Law (Brussels, 26-29 July 1926). P. 413. URL: https://www.penal.org/ (дата обращения: 16.03.2025).

Особенно показательна в этой связи речь британского юриста сэра Г.Боуэра на конференции Ассоциации международного права в 1926 г., в ходе которой обсуждался приведенный выше проект устава международного уголовного суда. Выступая категорическим оппонентом идеи создания такого органа, он, в частности, утверждал: «я ратую за независимость всех цивилизованных государств, больших и маленьких, и за право каждого гражданина на рассмотрение уголовного дела против него в соответствии с его собственными законами, его собственными судами и присяжными из числа его собственных соотечественников [...] предлагаемый суд нарушает суверенитет государств [...] он узурпирует юрисдикцию государственных судов»[470]. И далее: «Этот суд сделает невозможным наступление мира. После того, как солдаты и моряки прекратят борьбу, когда вооруженные действия завершатся и солдаты и моряки с обеих сторон будут готовы пожать друг другу руки [...], юристы развяжут войну, состоящую из обвинений и контр-обвинений. Эта война сделает невозможным мир в примирении. Ее подхватят газеты, и страсти разбушуются, как это было во время войны»[471].

Концепция субсидиарной подсудности в теоретический период. Доктринальные источники теоретического периода (кроме проекта Л.А. Камаровского) рассматривают только один вид подсудности проектируемым международным уголовным судам – в отношении наиболее серьезных нарушений международного права. Этому может быть несколько объяснений.

Во-первых, предположительный недостаток практического опыта в сфере судопроизводства у авторов. Это может объяснить, почему в своих проектах они не учитывают реальные условия функционирования судебных механизмов. Из-за отсутствия практики авторы склонны игнорировать в своих теоретических моделях угрозу для реализации ответственности за совершение международных преступлений, которую представляют собой посягательства на правосудие.

---

[470] The Permanent International Criminal Court…, *op.cit.,* p.153.
[471] *Ibid.,* p. 154.

Во-вторых, идеализированное представление о международном правосудии. Предполагается, что важность и возвышенность международного правосудия делают его устойчивым к внешним вмешательствам. Такой идеалистический взгляд приводит к недооценке реальных угроз, с которыми сталкиваются международные суды, и игнорированию необходимости разработки эффективных механизмов борьбы с ними.

В-третьих, отсутствие в международном праве того времени сформировавшейся нормы, устанавливающей противоправность посягательств на отправление правосудия. Институт подсудности является производной института ответственности: сперва конкретные деяния признаются нарушениями, влекущими наступление отрицательных последствий, а затем определяются органы, компетентные их реализовывать. Поэтому появление субсидиарной подсудности международным уголовным судам претворяет процесс становления института ответственности за преступления против отправления правосудия в международном уголовном праве.

Преступления против отправления международного уголовного правосудия являются частным проявлением посягательств на международное судопроизводство и авторитет международных судов вообще. Поэтому для целей изучения истории становления института ответственности за их совершение имеет значение опыт не только собственно международных уголовных судов, но и международных судов, рассматривающих споры, которые возникают из других международных отношений, а также международных арбитражей.

Среди средств мирного разрешения международных споров в рассматриваемую историческую эпоху доминировал международный арбитраж. Известные эпизоды вмешательства в деятельность арбитражей в это время единичны, разнородны и не связаны друг с другом, вследствие чего сложно говорить о какой-либо общей тенденции развития института ответственности за их совершение.

Однако именно в это время вмешательства в процесс мирного разрешения международных споров впервые стали обращать на себя внимание государств как

деяния, угрожающие авторитету органов, которым эти споры подсудны. Начинают закладываться предпосылки к становлению института ответственности за их совершение.

Этот период истории становления института ответственности за совершение преступлений против отправления международного уголовного правосудия характеризуется отсутствием негативных правовых последствий в виде наступления индивидуальной юридической ответственности для лиц, виновных в посягательствах на деятельность международных арбитражей. Арбитры руководствовались необходимостью разрешить дело справедливо, а не предотвратить или наказать посягательство на правосудие. По этой причине последствия, которые наступали, касались лица не как индивида, а как стороны в арбитражном процессе. Например, неправосудное арбитражное решение, принятое в результате противоправной деятельности одной из сторон, могло быть лишено юридической силы.

Отправной точкой в истории развития института ответственности за совершение преступлений против отправления международного уголовного правосудия можно считать 1866 г.[472] 25 апреля этого года США и Венесуэла заключили соглашение, согласно которому все требования американских граждан к Венесуэле подлежали разрешению смешанной арбитражной комиссией из двух арбитров, назначаемых каждой стороной. В случае разногласия между ними решения принимались избираемым ими суперарбитром.

В ходе работы комиссии был обнаружен преступный сговор между американским арбитром, представителем США в Каракасе и зятем последнего с целью обмана истцов для завладения большей частью присужденных им выплат в форме судебных издержек. Зять представителя США заключил с истцами договор о представительстве их интересов в арбитраже в обмен на 40–60 % от суммы, которая будет им присуждена[473]. Суперарбитр был выбран с нарушениями

---

[472] *Cheng B.* General Principles of Law as Applied by International Courts and Tribunals. – Cambridge, Grotius Publications, 1987. – P.358.

[473] *Thurber O.* The Venezuelan Question: Castro and the Asphalt Trust from Official Records, 1907. – Reprint. London: Forgotten Books, 2013. – P. 124.

надлежащего порядка. По заявлениям истцов, защищаемых зятем представителя США в Каракасе, была присуждена крупная сумма, проценты от которой были поделены между лицами, состоявшими в сговоре, в т. ч. суперарбитром. Венесуэла оспорила результаты работы арбитражной комиссии, и соглашением от 5 декабря 1885 г. сторонами была сформирована новая комиссия, пересмотревшая решения предыдущей и присудившая истцам меньшую сумму. Впервые в истории международного разрешения споров действия, направленные на подрыв справедливого международного правосудия, повлекли наступление отрицательных последствий – хотя и не индивидуальной ответственности – для лиц, участвовавших в сговоре.

В 1892–1893 гг. имели место посягательства на деятельность международной арбитражной комиссии для разрешения спора между США и Великобританией по вопросу установления правил вылова и сохранения популяции морских котиков в Беринговом море. Эта комиссия была учреждена соглашением от 29 февраля 1892 г. Многие письменные доказательства, предъявленные комиссии, были на русском языке, поскольку промысел котиков до приобретения США Аляски у Российской империи и вместе с ней юрисдикции в Беринговом море регулировался российским правом. В споре с Великобританией американской стороной был представлен благоприятствующий ей неверный перевод с русского на английский ряда документов. После раскрытия этого факта переводы были заменены на правильные.

Еще один эпизод внешнего вмешательства в деятельность международного арбитража произошел в 1922 г. в связи с деятельностью Германо-Американской смешанной арбитражной комиссии. В ходе разбирательства имели место многочисленные факты подкупа свидетелей ответчиком, действовавшим с целью сокрытия своей ответственности[474]. В результате комиссия, на момент принятия решения не знавшая об этих деяниях, в 1930 г. приняла решение в пользу ответчика за недостаточностью доказательств, представленных истцом. Однако,

[474] См. подробнее: *Reisman M., Skinner C.* Fraudulent Evidence before Public International Tribunals: The Dirty Stories of International Law (Hersch Lauterpacht Memorial Lectures). Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 320 p.

когда факты подкупа обнаружились и были доведены до сведения комиссии, последняя отменила свое решение. Но снова нарушители лично не претерпели никаких последствий своего поведения.

Выше мы предположили, что одной из предпосылок для учреждения международного уголовного суда является появление и признание государствами концепции государственного суверенитета, при которой прерогатива наказывать виновных может быть разделена с другими субъектами международного права. Здесь мы видим, в межвоенный период такая концепция находилась еще в зачаточном состоянии.

Ключевую роль в ее формировании сыграла Вторая мировая война. Характер и масштабы совершенных в ходе нее преступлений были такими, что оправдывали и даже требовали организации коллективного уголовного преследования хотя бы лиц, несущих наиболее серьезную ответственность за них.

I.3.3. Практический период (1945 г. – настоящее время)

Международный Военный Трибунал. Первым учрежденным международным уголовным судом стал МВТ. Соглашение о его создании и его устав были разработаны представителями СССР, США, Великобритании и Франции в ходе Лондонской конференции в июне–августе 1945 г. Предыстория этих документов была достаточно насыщенной.

13 января 1942 г. в Лондоне представителями девяти оккупированных немцами государств была принята декларация о наказании военных преступников. 14 октября этого же года СССР впервые выступил с инициативой создания международного военного трибунала. В заявлении Правительства значилось: «Советское правительство считает необходимым безотлагательное предание суду специального международного трибунала и наказание по всей строгости уголовного закона любого из главарей фашистской Германии,

оказавшихся уже в процессе войны в руках властей государств, борющихся против гитлеровской Германии»[475].

Англичане и американцы вплоть до начала 1945 г. придерживались позиции, согласно которой предавать суду центральные фигуры нацизма и фашизма – в первую очередь А. Гитлера и Б. Муссолини, – нецелесообразно, а решать их судьбу надлежало политически. В телеграмме послу Великобритании в Москве министр иностранных дел А. Иден пишет: «Мы не думаем, что будет сочтено целесообразным привлечь к формальному суду главных преступников, таких как Гитлер и Муссолини, поскольку их преступления и ответственность настолько велики, что они не подходят для рассмотрения путем юридической процедуры. По нашему мнению, вопрос об этих главных фигурах [...] должен быть разрешен путем политического решения Объединенных Наций. При этой процедуре они могут быть наказаны столь же сурово и гораздо быстрее, чем при любой юридической процедуре»[476].

Принцип ответственности ключевых деятелей Германии был обозначен в Декларации об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства от 1 ноября 1943 г. следующим образом: «Эта декларация не затрагивает вопроса о главных преступниках, преступления которых не связаны с определенным географическим местом и которые будут наказаны совместным решением правительств союзников»[477]. Последняя фраза про «совместное решение» была предложена советской стороной.

В сентябре 1944 г. У. Черчилль и Т. Рузвельт предложили И. Сталину составить список из 50-100 лиц, ответственность которых за преступления презюмировалась общепризнанной и установленной самим фактом занимаемых ими должностей. Они подлежали расстрелу в течение часа после установления их

---

[475] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 1. // Документы и материалы 22 июня 1941 г. – 31 декабря 1943 г. М., Госполитиздат, 1944. С.277.

[476] Архив Внешней политики Российской Федерации. Ф.06. Оп.4. П.14. Д.137. Л.18.

[477] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны... Указ.соч. С. 363–364.

личности по приказу офицера в звании генерала[478]. И. Сталин эту идею не поддержал, продолжая настаивать на судебном процессе.

Профессор Н.С. Лебедева объясняет неприятие западными союзниками СССР концепции международного суда над нацистами двумя факторами: пресловуто шаткой правовой базой для организации такого процесса и опасениями публичной огласки «далеко не безупречн[ой] предвоенн[ой] политик[и] западных держав, их пособничества Германии в перевооружении, мюнхенские маневры и др.»[479].

Правительствам союзников удалось прийти к консенсусу только в мае 1945 г., за несколько дней по немецкой капитуляции. На совещании глав внешнеполитических ведомств СССР, США и Великобритании в Сан-Франциско 3 мая 1945 г. уполномоченный американского президента С. Розенман представил В. Молотову и А. Идену проект соглашения о создании международного военного трибунала[480]. По предложению В. Молотова вопрос был передан на рассмотрение экспертов СССР, США, Великобритании и Франции.

Т. МакКормак разъясняет, что МВТ был промежуточным способом конкретизации намерения, выраженного в Декларации 1943 г., тогда как на долгосрочную перспективу параллельно велись разработки устава постоянного международного уголовного суда[481]. В октябре 1943 г. в Лондоне союзниками была учреждена Комиссия Объединенных Наций для расследования военных преступлений[482]. Созданному в ее рамках Комитету по механизмам принуждения в феврале 1944 г. была поручена подготовка концепции создания международного уголовного суда по военным преступлениям[483].

---

[478] FRUS. The Conference at Quebec, 1944. Washington: U.S. Government Printing Office, 1972. P.91-93, 467, 487.
[479] *Лебедева Н.С.* СССР и Нюрнбергский процесс // Берегиня. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика. 2014. № 4(23). С. 242.
[480] Архив Внешней политики Российской Федерации. Ф.06. Оп.7. П.20. Д.209. Л.1-5.
[481] *McCormack T.* From Sun Tzu to the Sixth Committee: The Evolution of an International Criminal Law Regime // The Law of War Crimes: National and International Approaches / edited by Timothy L.H. McCormack and Gerry J. Simpson. The Hague; London; Boston: Kluwer Law International, 1997. P. 57.
[482] *Ibid.*
[483] *Ibid.*

В основу работы Комитета был положен проект, подготовленный Государственным департаментом США[484]. В ходе дебатов стало очевидным, что поиск консенсуса относительно устава будущего международного уголовного суда займет некоторое время[485]. Например, представители Великобритании и Норвегии высказали мнение, согласно которому уже поздно было задумываться о создании такого суда и целесообразнее было бы применить к военным преступникам, не подпадающим под исключительную юрисдикцию какого-либо одного государства, политическое наказание[486]. Против этой позиции возразили представители Бельгии, Китая, Чехословакии и США. Как следствие возникших трудностей, по мнению Т. МакКормака, во избежание затягивания процесса параллельно с разработкой проекта устава союзниками был учрежден Трибунал в качестве временного решения[487].

В соответствии с проектом устава судьи подлежали избранию из числа граждан государств – участников учредительного договора, обладающих самой высокой квалификацией в области права и владеющих английским или французским языками[488]. Разработчиками документа не исключалось, что суд может заседать в разных точках земного шара, в т.ч. на Дальнем Востоке и в Восточной Европе. Поэтому – по инициативе китайского представителя[489] – за судом оставлялось право самостоятельно определять свои официальные языки, к которым, помимо английского и французского, могли относиться и языки той местности, где он будет заседать[490].

В качестве применимого права обозначались: 1) договорное международное право; 2) обычное международное гуманитарное право; 3) принципы международного права, вытекающие из обыкновений, принятых между

---

[484] См. также: U.N. War Crimes Commission. History of The United Nations War Crimes Commission And The Development Of The Laws Of War [Электронный ресурс]. URL: http://www.unwcc.org/wp-content/uploads/2017/04/UNWCC-history.pdf (дата обращения: 16.05.2025). P. 443. (дата обращения: 16.05.2025).
[485] *McCormack T.* From Sun Tzu to the Sixth Committee…, *op.cit.*
[486] U.N. War Crimes Commission., *op.cit.*
[487] *McCormack T.* From Sun Tzu to the Sixth Committee…, *op.cit.*
[488] U.N. War Crimes Commission., *op.cit.,* p. 448.
[489] *Ibid.,* p. 450.
[490] *Ibid.,* p. 449.

цивилизованными нациями, законов человечности и требований общественной морали; 4) принципы уголовного права, признанные цивилизованными нациями; 5) судебные решения в качестве вспомогательного средства для определения содержания правовых норм международного гуманитарного права[491]. Нельзя не обратить внимание на сходство этой статьи проекта Комитета, проекта Ассоциации международного права 1926 г. и ст. 38 Статута Международного суда ООН[492], принятого 26 июня 1945 г. Предложение использовать доктрины наиболее квалифицированных специалистов по публичному праву различных наций как вспомогательное средство определения содержания правовых норм наряду с судебными решениями присутствовало в проекте Государственного департамента, но было отклонено в ходе дискуссий. Упоминание об обыкновениях, принятых между цивилизованными нациями, законах человечности и требованиях общественной морали уже встречалось в проекте международного уголовного суда 1919 г. Комиссии по вопросам ответственности лиц, виновных в развязывании войны. Эта же фраза использована в преамбуле Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны от 18 октября 1907 г.[493]

Самые оживленные дебаты среди членов Комитета вызвал вопрос об органе обвинения. В итоге было принято решение о возложении бремени обвинения на правительство Объединенных Наций, выступившее инициатором преследования[494]. Однако правительство могло отказаться от преследования в

---

[491] *Ibid.*, p. 446.

[492] «Суд, который обязан решать переданные ему споры на основании международного права, применяет: a) международные конвенции, как общие, так и специальные, устанавливающие правила, определенно признанные спорящими государствами; b) международный обычай как доказательство всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы; c) общие принципы права, признанные цивилизованными нациями; d) с оговоркой, указанной в статье 59, судебные решения и доктрины наиболее квалифицированных специалистов по публичному праву различных наций в качестве вспомогательного средства для определения правовых норм».

[493] «Впредь до того времени, когда представится возможность издать более полный свод законов войны, Высокие Договаривающиеся Стороны считают уместным засвидетельствовать, что в случаях, не предусмотренных принятыми ими постановлениями, население и воюющие остаются под охраною и действием начал международного права, поскольку они вытекают из установившихся между образованными народами обычаев, из законов человечности и требований общественного сознания…».

[494] U.N. War Crimes Commission., *op.cit.*, p. 446–447.

пользу специально назначенного дипломатической конференцией должностного лица, в чье распоряжение судом предоставлялся необходимый персонал. Финансирование деятельности такого должностного лица ложилось на государство-инициатора преследования.

Возложение бремени обвинения в международном уголовном суде на государство имеет одно важное преимущество. Оно фактически стирает границу между международными и национальными органами предварительного расследования в плане имеющихся у них полномочий на территории этого государства. Представитель государства в международном суде будет иметь те же возможности для проведения следственных действий и сбора доказательств в своем государстве, как если бы речь шла о национальном уголовном процессе, что значительно увеличит его эффективность.

Проект Комитета содержал ряд процессуальных гарантий справедливости суда, как-то: право обвиняемого на защиту, гласность заседаний и приговоров, недопустимость привлечения к ответственности дважды за одно и то же поведение и т.д.[495]

Для разработчиков было очевидно, что воплощение их проекта в жизнь в краткосрочной перспективе, т.е. к моменту капитуляции Германии и Японии, нереалистично. Поэтому, как упоминалось выше, в качестве промежуточного варианта было принято решение о создании военных трибуналов *ad hoc* – Нюрнбергского и Токийского.

Профессор Н.С. Лебедева отмечает существенный вклад советских юристов в разработку устава Международного военного трибунала, особенно труд профессора А.Н. Трайнина «Об уголовной ответственности гитлеровцев», изданный в 1944 г., и заслуживший высокую оценку американских разработчиков[496]. Она приводит слова У. Чэнлера о том, что «в течение последних 20 лет [СССР] стоит во главе наций мира в их усилиях поставить войну вне

---

[495] *Ibid.*, p. 449–450.
[496] *Лебедева Н.С.* СССР и Нюрнбергский процесс. С. 243.

закона»[497]. Историк также ссылается на воспоминания британского коллеги Э.Ротштейна об энтузиазме, с которым представитель Великобритании на Лондонской конференции и впоследствии заместитель главного обвинителя от этого государства Д. Максуэлл-Файф ознакомился с указанным исследованием А.Н. Трайнина[498].

В обширной научной литературе, посвященной МВТ, можно встретить разные его оценки. Долгое время основной объем публикаций о трибунале принадлежал авторству участников и идейных вдохновителей процесса[499].

---

[497] *Smith B.F.* The American Road to Nuremberg: The Documentary Record. 1944-1945. Stanford, 1982. P.33-37. цит. по *Лебедева Н.С.* СССР и Нюрнбергский процесс. С. 243.

[498] «В июне 1945 г. он обратился ко мне с просьбой, не знаю ли я о каком-либо изложении на английском языке взглядов советских юристов-международников по вопросу о международных преступлениях, подсудности преступников или что-либо подобное. Как раз в это время я просматривал гранки моего перевода книги академика А.Н.Трайнина «Уголовная ответственность гитлеровцев», которое собиралось издать британское издательство «Хатчисон». Я послал ему гранки и получил от него письмо с выражением горячей благодарности: «Сам Бог послал мне их в данных обстоятельствах». Он и ранее объяснил мне, что у него и его коллег самое смутное представление о том, как поступить: американцы на них давят, а ведь у советских людей, которые пострадали во сто крат больше их, должны быть самые четкие мысли на эту тему». См.: *Лебедева Н.С.* СССР и Нюрнбергский процесс. С. 243.

[499] *Alderman S.* Background and Highlights of the Nuernberg Trial // ICC Practitioners' Journal. 1946. Vol. 99, Iss. 14. P. 99-113; *Alderman S.* Negotiating the Nuremberg Trial Agreements // Negotiating with the Russians. Boston, World Peace Foundation, 1951. P. 49-98; *Murray C.B.* Nuremberg: Its Justification and Lessons // West Virginia Bar Association Journal. 1946. Vol. 62. P. 68-83; *Fyfe D.* Nuremberg in Retrospect: being the presidential address of the Right Hon. Viscount Kilmuir, president of the Holdsworth Club of the Faculty of Law in the University of Birmingham, 1955-56. Birmingham: Holdsworth Club of the University of Birmingham, 1956. 15 p.; *Doman N.* Political Consequences of the Nuremberg Trial // Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1946. Vol. 246. P. 81-90; *Jaari S., Maier J.* These Were the Supermen // Art and Action. 1948. Vol. 7, No. 2. P. 137-156; *Kempner R.M.W.* Das Dritte Reich im Kreuzverhör: Aus den unveröffentlichten Vernehmungsprotokollen des Anklägers in den Nürnberger Prozessen Munich, Bechtle Verlag, 1969. 335 s.; *Brudno W.* The Nuremberg Experience // Texas International Law Journal. 1984. Vol. 19, Iss. 3. P. 633-642; *Bracken J.P.* An Explanation at Nurnberg // Naval History Magazine. 1990, Autumn. Vol. 4, Iss. 4. P. 16-17; *Donnedieu de Vabres H.* Le procès de Nuremberg devant les principes modernes du droit pénal international // Recueil des cours de l'Académie de droit international de La Haye. Paris: Sirey, 1947. Vol. 70. P. 1–75; *Biddle F.* Le procès de Nuremberg // Revue internationale de droit pénal. 1948. Vol. 19-20, Iss. 1. P. 1-19; *Parker J.* The Significance of the Nurnberg Trials in Establishing a World Order Based on Law // John Randolph Tucker Lectures. Lexington, VA: The School of Law, Washington and Lee University, 1952. Vol. 23. P. 94–133; *Lawrence G.* The Nuremberg Trial // Perspectives on the Nuremberg Trial. Oxford University Press, 2008. P. 290-298; *Birkett N.* International Legal Theories Evolved at Nuremberg // International Affairs. 1947. Vol. 23, Iss. 3. P. 317–325; *Gilbert G.M.* Nuremberg Diary. – New York: Da Capo Press, 1995. 488 p.; *Andrus B.* I Was the Nuremberg Jailer. New York: Coward-McCann, 1969. 231 p.; *Sonnenfeldt R.* Witness to Nuremberg. The Chief American Interpreter at the War Crimes Trials. New York: Arcade Publishing, 2006. 352 p.

Современные ему работы Д. Эплмена[500], А. Доннедье де Вабра[501], Х.-Х. Жешека[502], М. Мерле[503], Р. Вутзела[504] представляют собой обстоятельные доктринальные исследования. Из более поздних следует отметить труд В. Смита[505]. О. Кирчхеймер характеризует МВТ как комбинацию классического политического процесса и процесса нового типа, который он именует «гуманитарным»[506]. Ж. Шклар, напротив, видит в нем квинтессенцию легализма, при котором право очищается от политических и моральных влияний[507]. Одним из наиболее полных исторических исследований политико-дипломатического измерения создания МВТ является труд А. Кочави[508]. Работы Дж. Буша[509], Д. Сегессера[510], К. Селларза[511] изучают право Нюрнберга в исторической ретроспективе.

Излишне говорить, что в истории международного уголовного правосудия МВТ стоит особняком. Г. Муралис пишет: «[Роберт] Джексон (обвинитель от США – прим. авт.) хотел, в первую очередь, собрать неопровержимый архив

---

[500] *Appleman J.A.* Military Tribunals and International Crimes. Westport, Conn.: Greenwood Press, 1971. 366 p.

[501] *Donnedieu de Vabres H.* Le procès de Nuremberg. Cours de doctorat professé à la faculté de droit de Paris. Paris: Éditions Domat, 1947. 120 p.; *Donnedieu de Vabres H.* Le procès de Nuremberg devant les principes modernes du droit pénal international..., *op.cit.*

[502] *Jescheck H.-H.* Die Verantwortlichkeit der Staatsorgane nach Völkerstrafrecht: Eine Studie zu den Nürnberger Prozessen. Bonn: Röhrscheid, 1952. 468 p.

[503] *Merle M.* Le procès de Nuremberg et le châtiment des criminels de guerre. Paris: A. Pedone, 1949. 234 p.

[504] *Woetzel R.* The Nuremberg Trials in International Law. London: Stevens & Sons, 1960. 312 p.

[505] *Smith B.F.* Reaching Judgment at Nuremberg. New York: Basic Books, 1977. 432 p.; Smith B.F. The Road to Nuremberg. – New York: Basic Books, 1981. 368 p.; *Smith B. F.* The American Road to Nuremberg: The Documentary Record, 1944-1945. Stanford: Hoover Institution Press, 1982. 512 p.

[506] *Kirchheimer O.* Political Justice: The Use of Legal Procedure for Political Ends. Princeton: Princeton University Press, 1961. 301 p.

[507] *Shklar J.N.* Legalism: Law, Morals, and Political Trials. Cambridge: Harvard University Press, 1964. 267 p.

[508] *Kochavi A.J.* Prelude to Nuremberg: Allied War Crimes Policy and the Question of Punishment. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1998. 400 p.

[509] *Bush J.A.* Essay: "The Supreme ... Crime" and Its Origins: The Lost Legislative History of the Crime of Aggressive War // Columbia Law Review. 2002. Vol. 102, Iss. 8. P. 2324–2424.

[510] *Segesser D.M.* Recht statt Rache oder Rache durch Recht? Die Ahndung von Kriegsverbrechen in der internationalen fachwissenschaftlichen Debatte 1872-1945. Paderborn: Schöningh, 2010. 472 p.; *Segesser, D.M.* Die historischen Wurzeln des Begriffs "Verbrechen gegen die Menschlichkeit" // Jahrbuch der Juristischen Zeitgeschichte. 2007. Vol. 8. P. 75-101.

[511] *Sellars K.* Crimes against Peace and International Law. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. xv, 316 p.

национал-социализма и его преступлений; процесс был призван служить истории, объединяя документальные свидетельства нацизма, и стать основой надлежащей мемориальной политики. Затем он совершенно откровенно намеревался перекроить международное право на основе двух принципов: личной ответственности и преступности агрессивной войны. Наконец, в меньшей степени, по его мнению, следовало преподать исторический урок как побежденным, так и всему миру, и заодно лишить сакрального ореола и легитимности традиционную немецкую элиту»[512].

Несмотря на то, что официально предназначение Нюрнбергского трибунала ограничивало его юрисдикцию по кругу лиц только «главными» военными преступниками, Уставом трибунала его юрисдикция распространялась на любых лиц, «которые, действуя в интересах европейских стран оси индивидуально или в качестве членов организации», совершили любое из подсудных трибуналу преступлений. И это логично.

Во-первых, само по себе употребление термина «преступник» в наименовании трибунала для определения его юрисдикции неуместно, т.к. преступность обвиняемых только лишь подлежала установлению трибуналом по итогам состязательного процесса.

Во-вторых, международное уголовное право не устанавливает градации между виновными в совершении международных преступлений на «главных» и «неглавных». В понимании союзников, исходя из вышеупомянутой Декларации 1943 г., главные военные преступники – это лица, чьи преступления не связаны с определенным географическим местом, так, что было бы несправедливо предать их национальному суду одного из государств. И все же термин «главный военный преступник» является политической, а не юридической категорией, на основании которой обвинители определяли тех политических и военных деятелей Третьего рейха, кто предстанет перед международным судом, в отличие от остальных, подпадавших под юрисдикцию национальных судебных органов.

---

[512] *Mouralis, G.* Le procès de Nuremberg: retour sur soixante-dix ans de recherche // Critique internationale. 2016. Vol. 73. P.160.

МВТ состоял из четырех судей – представителей государств-победителей СССР, США, Великобритании и Франции – по образу несостоявшегося суда над кайзером Вильгельмом. Помимо судей, при МВТ действовали четыре обвинителя – по одному от каждого из государств – участников Соглашения. Однако в отличие от Версальского мирного договора, участником которого была Германия, выступавшая в этой связи соучредителем Специального суда над своим бывшим императором, к участию в Лондонском соглашении 1945 г. Германия не привлекалась. По этой причине в некоторых источниках оспаривается легитимность Нюрнбергского трибунала как «суда победителей». За этим, на первый взгляд, неправовым термином скрывается вполне правовой вопрос о допустимости по международному праву распространения юрисдикции международного суда на граждан государств, не являющихся его участниками.

«Суд победителей». Так как вопрос правомерности по международному праву «правосудия победителей», как было показано, к 1945 г. поднимался в международной жизни – например, в возражениях японской делегации на Парижской мирной конференции 1919 г. – и до сих пор продолжает оставаться дискуссионным в международно-правовой доктрине[513], представляется целесообразным остановиться на нем подробнее.

В 1919 г. японская делегация задавалась следующим вопросом: «можно ли признать в качестве принципа права наций правомочие высокого трибунала, учрежденного воюющими сторонами после окончания конфликта, привлекать к ответственности индивида, который воевал на стороне противника и который предполагается виновным в совершении преступления против законов и обычаев войны»[514].

В первую очередь надлежит оговорить, что термин «победители» не несет никакой юридической нагрузки. Он призван подчеркнуть несправедливость, в контексте совершения преступлений обеими воюющими сторонами, уголовного

---

[513] См., например: *Богуш Г.И.* Международный уголовный суд и проблемы становления международного уголовного правосудия // Международный уголовный суд: проблемы, дискуссии, поиск решений / ред. Г.И. Богуш, Е.Н. Трикоз. Москва, 2008. С. 16.

[514] Commission on the Responsibility of the Authors of the War…, *op.cit.,* p.151-152.

преследования только лишь проигравшей стороны. Однако несправедливости здесь нет. Во-первых, отсутствие международного преследования не означает безнаказанность – лица, виновные в совершении преступлений и участвовавшие в конфликте со стороны победителей, могут и должны привлекаться к ответственности национальными судами. Во-вторых, трибунал «победителей» нельзя считать априори предвзятым: МВТ было оправдано трое подсудимых[515].

Анализ правомерности преследования международным уголовным судом граждан третьего государства должен опираться на две ключевые составляющие. Во-первых, этот вопрос надлежит рассматривать в историческом контексте каждой отдельно взятой эпохи развития международного права. Во-вторых, в рамках каждого исторического контекста необходимо отделять положение руководства третьих государств от статуса всех остальных его граждан.

Основной тезис, от которого должны отталкиваться все последующие аналитические рассуждения о правомерности международного уголовного трибунала «победителей», заключается в том, что юрисдикция такого суда призвана распространяться на индивидов, а не на государства. Отсюда, с момента появления в международном праве нормы, допускающей подчинение индивидов уголовной юрисдикции иностранных судов, сама постановка вопроса о правомерности уголовного преследования судом, учрежденным группой государств, граждан третьего государства лишается всякого смысла, т.к. с точки зрения принципа допустимости преследования иностранного гражданина не существует никакой разницы между юрисдикцией иностранного суда одного государства и юрисдикцией международного суда.

Самым древним и универсальным принципом уголовной юрисдикции в международном праве является вытекающий из суверенитета государства территориальный принцип, в силу которого государство, на территории которого было совершено преступление, имеет бесспорное право осуществлять уголовное преследование, причем вне зависимости от гражданской принадлежности

[515] Дипломат Франц фон Папен, финансист Гельмар Шахт и руководителя отдела внутренней пропаганды министерства просвещения и пропаганды Германии Ганс Фриче.

подозреваемого. Этот принцип представляет собой неопровержимое доказательство того, что государства испокон веков признавали друг за другом право преследовать в уголовном порядке иностранных граждан за преступления, имевшие место в территориальных пределах распространения их суверенной власти.

К древнейшим принципам уголовной юрисдикции по международному праву принято также относить защитный принцип, позволяющий государствам преследовать лиц, ответственных за преступления, направленные против интересов этого государства, какое бы гражданство они ни имели и где бы ни совершали эти преступления[516]. Вновь приходится констатировать давнее наличие в международном праве нормы, допускающей привлечение иностранных граждан к уголовной ответственности.

Наименее консенсуальный[517] в доктрине принцип пассивной персональной юрисдикции, наделяющий государство правом преследования иностранных граждан за преступления, направленные против его граждан, тем не менее, также с давних пор признается в международном праве.

Наконец, международно-правовой принцип универсальной уголовной юрисдикции, основанный исключительно на характере преступления, позволяет государствам осуществлять уголовное преследование лица любой гражданской принадлежности за международные преступления, где бы они ни были совершены. Исторически появление принципа универсальной юрисдикции связано с феноменом пиратства в открытом море, в результате чего пираты стали считаться *hostis humani generis* и подлежали наказанию повсеместно. Основы доктрины универсальной юрисдикции в международном праве были заложены

---

[516] *Donnedieu de Vabres H.* Les principes modernes du droit pénal international. Editions Panthéon-Assas, 2004. P. 86.

[517] См., например: *Броунли Я.* Международное право. В 2-х книгах: Перевод с английского. Кн. 1 / Под ред.: Тункин Г.И.; Пер.: Андрианов С.Н. М.: Прогресс, 1977. С. 433; *Mann F., op.cit.,* p. 39; *Donnedieu de Vabres H.* Les principes modernes …, *op.cit.,* p. 170; *Harris D.J.* Cases and Materials on International Law. 6th ed. London, 2005. P. 281.

Г. Гроцием в трактате «О праве войны и мира», опубликованном в 1625 г.[518] По замечанию проф. Ш.Бассиони, несмотря на все бóльшую поддержку, которой пользуется принцип универсальной юрисдикции среди ученых и государств, говорить о его обычно-правовом характере, т.е. об обязанности преследовать, пока преждевременно[519]. Но признание за государствами права в одностороннем порядке в своем законодательстве наделить себя универсальной юрисдикцией бесспорно. Оно, как правило, сопровождается молчаливым согласием остальных государств вследствие принципа взаимности, что способствует формированию международного-правового обычая.

Из приведенного выше обзора следует, что подсудность индивидов иностранным уголовным судам безоговорочно признавалась в международном праве XX в. Следовательно, и правомерность их подчинения юрисдикции международного суда, участником которого не выступало государство их гражданской принадлежности, не может вызывать сомнений. Такое государство вправе было не признавать международный уголовный суд, функционировавший без его участия, равно как и выносимые им приговоры. Это, однако, вопрос чисто политический, никак не влияющий на правомерность этого суда по международному праву.

Международному праву известны случаи отказа государства признавать юрисдикцию международного трибунала, участником которого оно не является, в отношении своих граждан. Так, США приняли т.н. Закон о защите американских государственных и военных служащих от 2 августа 2002 г., предусматривающий меры для недопущения уголовного преследования указанных лиц органом международной уголовной юстиции, членом которого не являются США. Этот документ неформально именуется «Законом о нападении на Гаагу», т.к. позволяет президенту США «принимать все необходимые и подходящие меры для освобождения служащих США или их союзников, содержащихся под стражей

---

[518] *Bassiouni Ch.* The History of Universal Jurisdiction and its Place in International Law // Universal Jurisdiction and the National Prosecution of Serious Crimes Under International Law. University of Pennsylvania Press, 2004. P. 43.

[519] *Ibid.*, p. 44.

или в тюрьме МУС или от его имени либо по его запросу». Примечательно, что отказ США признавать юрисдикцию МУС распространяется и на иностранных лиц – граждан государств-союзников.

Принятие США законодательного акта такого содержания еще раз подтверждает то, что неучастие государства в уставном документе международного уголовного суда и отказ признавать его юрисдикцию в отношении своих граждан – это два различных правовых действия, между которыми отсутствует автоматическая причинно-следственная связь.

Что же касается руководства иностранных государств, то логика рассуждений аналогична изложенной, за тем исключением, что подчинение их иностранной уголовной юрисдикции обусловлено отменой иммунитета в отношении международных преступлений, т.е. упразднением привилегированного статуса руководителей государств в части, касающейся совершения таких деяний, уравниванием их статуса со статусом других индивидов.

В 2002 г. в деле об «Ордере на арест, выданном 11 апреля 2000 г.» (Демократическая Республика Конго против Бельгии) о правомерности выдачи и распространении бельгийскими властями ордера на арест действующего министра иностранных дел ДРК А. Йеродиа Международный Суд ООН (далее – «МС ООН») не смог «установить существование в обычном международном праве исключения из правила о наличии у действующих министров иностранных дел иммунитета от уголовной юрисдикции и неприкосновенности в случае, если они подозреваются в совершении военных преступлений или преступлений против человечности»[520]. Выводы, касающиеся международно-правовых иммунитетов министров иностранных дел, тем более верны в отношении глав государств. Отказ Южно-Африканской Республики передать МУС в 2015 г. действующего президента Республики Судан О.Аль-Башира, отказ Монголии передать МУС в 2024 г. действующего Президента Российской Федерации

[520] *Case concerning the Arrest Warrant of 11 April 2000 (Democratic Republic of the Congo v. Belgium).* Judgment dated February 14, 2002 // International Court of Justice Reports. 2002. Vol. 121. § 58.

В.В.Путина доказывает, во-первых, что действительно существование исключения из правила об абсолютном иммунитете глав государств до сих пор признается не всеми государствами, а во-вторых, что обычно-правовые нормы, гарантирующие главам государств иммунитет от уголовного преследования, превалируют для государств над их договорными обязательствами игнорировать эти нормы[521].

Можно предположить, исходя сугубо из контекста спора, вынесенного на рассмотрение МС ООН, что его выводы не касаются министров иностранных дел – и глав государств по аналогии, – оставивших свой пост. Однако такое предположение нелогично.

Появление в доктрине, а затем в ряде международных договоров исключения из принципа иммунитета глав государств от уголовного преследования было обусловлено пониманием, что некоторые особо серьезные нарушения международного права, представляющие собой угрозу для всего международного сообщества, не могут оставаться безнаказанными и требуют наступления ответственности, какую бы должность ни занимало лицо, виновное в их совершении. Опасность этих деяний не меняется в зависимости от того, продолжает ли лицо занимать свою должность или оно ее покинуло. Напротив, позволить лицу оставаться в этой должности означало бы попустительствовать продолжению его преступной деятельности, оставляя в его распоряжении соответствующие возможности. Кроме того, есть риск, что лицо будет занимать эту должность пожизненно. Отсюда надо признать, что либо исключение из иммунитета глав государств применимо как к бывшим, так и к действующим руководителям, либо оно лишено смысла.

Объем иммунитета действующего и бывшего главы государства в международном праве не совпадает. Исключение предлагается распространять только на иммунитет *ratione materiae* – функциональный, которым глава

---

[521] Относительно позиции Монголии по этому вопросу см.: *Situation in Ukraine,* Annex to the Registry transmission of the submissions sent by Mongolia in relation to Pre-Trial Chamber II's Decision inviting Mongolia to provide any further submissions on its failure to arrest and surrender Vladimir Vladimirovich Putin dated 10 September 2024, 4 October 2024, ICC-01/22-89-Anx.

государства продолжает пользоваться и после окончания срока действия его полномочий, но не на иммунитет *ratione personae* – личный иммунитет, присущий только действующему руководителю. В международно-правовой доктрине существует теория, согласно которой деяния, имеющие признаки международных преступлений, не покрываются функциональным иммунитетом, т.к. их совершение не может быть отнесено к полномочиям главы государства[522]. Даже если допустить (в рамках правовой дискуссии), что эта теория верна, то, во-первых, нераспространение иммунитета на такие деяния не может быть признано исключением из правила, т.к. обратное никогда не было частью правила; а во-вторых, заявление о том, что то или иное деяние не относилось к полномочиям главы государства, должно сопровождаться доказательством события преступления и причастности к нему заинтересованного лица. Иммунитет продолжает действовать в отношении всех официальных актов главы государства до тех пор, пока частный характер данного акта не будет доказан автономным путем.

Официальный акт, или «деяние, совершенное в официальном качестве», раскрывается Комиссией международного права ООН как «любое деяние, совершенное должностным лицом государства в порядке осуществления государственной власти». Необходимо наличие прямой связи этого деяния с осуществлением функций и полномочий государства, так, чтобы его можно было присвоить государству. Этим официальные акты отличаются от актов частных, совершенных исключительно для собственной выгоды или в своих интересах, например, убийство политического оппонента[523] или причастность к обороту наркотиков[524]. Национальные суды относят к деяниям, совершенным в официальном качестве: военные действия или действия, связанные с

---

[522] *Cassese A., Delma-Marty M., op.cit.,* p. 647; *Zappalà S.* Do Heads of State in Office Enjoy Immunity from Jurisdiction for International Crimes? The Gaddafi Case before the French Cour de Cassation // European Journal of International Law. 2001. Vol. 12, Iss. 3. P. 601.

[523] Letelier and Others v. The Republic of Chile and Linea Aerea Nacional-Chile, Unites States Court of Appeals, Second Circuit, 748 F 2d 790 (1984) // International Law Review. 1989. Vol. 79. P. 561.

[524] United States of America v. Noriega, United States Court of Appeals, Eleventh Circuit, Judgment of 7 July 1997 // International Law Review. 1997. Vol. 121. P. 591.

применением вооруженных сил государства[525], обеспечением законности и правопорядка[526], дипломатией и внешними сношениями[527], принятием законодательных мер[528], отправлением правосудия[529], принятием и приведением в исполнение административных мер[530], выпуском государственных займов[531]. Трудно согласиться с тем, что деяния, имеющие признаки международных преступлений, например, военная агрессия, могут совершаться главой государства в частном качестве. Следовательно, теория, согласно которой глава государства не пользуется иммунитетом в отношении этих деяний, несостоятельна.

Также неверным представляется отнесение вывода МС ООН только на счет преследования иностранных глав государств национальными судами в противовес международным. Латинская максима *par in parem non habet imperium*, которая выдвигается в качестве обоснования иммунитета глав государств, касается не

---

[525] См.: *Empire of Iran*, Federal Constitutional Court of Germany, 1963 // International Law Review. – 1972. Vol. 45. P. 57–82; *Victory v. Comisaría,* 336 F.2d 354 (Second Circuit, 1964) // International Law Review. 1967. Vol. 35. P. 110–130; *Saltany and Others v. Reagan and Others*, District Court for the District of Columbia, United States, judgment of 23 December 1988 // International Law Review. 1988. Vol. 80. P. 19–45; *Holland v. Lampen-Wolf* (United Kingdom), [2000] 1 WLR 1573; *Lozano v. Italy*, case No. 31171/2008, Italy, Court of Cassation, judgment of 24 July 2008. [Электронный ресурс]. URL: http://opil.ouplaw.com (дата обращения: 16.05.2025).

[526] *Empire of Iran*, *op.cit.*; *Church of Scientology*, Federal Supreme Court of Germany, judgment of 26 September 1978 // International Law Review. 1984. Vol. 65. P. 193–199; *Saudi Arabia and Others v. Nelson*, United States Supreme Court // International Law Review. 1999. Vol. 100. P. 544–569; *Propend Finance Pty Ltd. v. Sing*, United Kingdom, Court of Appeal, 1997 // International Law Review. 1997. Vol. 111. P. 611–632; *Norbert Schmidt v. The Home Secretary of the Government of the United Kingdom*, High Court of Ireland, judgment of 24 April 1997, [1997] 2IR 121; *First Merchants Collection v. Republic of Argentina*, United States District Court, Southern District of Florida, 31 January 2002, 190 F. Supp. 2d 1336 (S.D. Fla. 2002).

[527] *Empire of Iran, op.cit.; Victory v. Comisaría, op.cit.*

[528] *Empire of Iran, op.cit.; Victory v. Comisaría, op.cit.*

[529] *Empire of Iran, op.cit.; Victory v. Comisaría, op.cit.*

[530] Empire of Iran, *op.cit.*; Cour de cassation, criminelle, Chambre criminelle, 19 mars 2013, 12-81.676, Publié au bulletin; Cour de cassation, criminelle, Chambre criminelle, 17 juin 2014, 13-80.158, Inédit [Электронный ресурс]. – URL: www.legifrance.gouv.fr (дата обращения: 16.05.2025). В таком же ключе высказывались и суды Швейцарии по делу Swiss Federal Tribunal (Bundesgericht), judgment ATF 130 III 136. *Case on State Immunity and Jurisdiction*, decided in 2004. – URL: https://search.bger.ch/ (дата обращения: 31.08.2025).

[531] *Victory v. Comisaría, op.cit.*; *Kline and Others v. Kaneko and Others*, United States, 685 F. Supp. 386 (S.D.N.Y. 1988) // International Law Review. 1989. Vol. 101. P. 497–515; Cour de Cassation, Chambre criminelle, du 23 novembre 2004, 04-84.265, Publié au bulletin [Электронный ресурс]. – URL: www.legifrance.gouv.fr (дата обращения: 16.05.2025).

только государств, а всех субъектов международного права. Было бы абсурдным предположить, что то, что не дозволено государствам в отношении других государств, может быть дозволено международным организациям или, *a fortiori*, образованиям, имеющим лишь признаки международных организаций. Государства не могут передать международной организации больше полномочий, чем есть у них самих.

Таким образом, следует признать, что на современном этапе развития обычного международного права преследование действующего или бывшего главы государства за международные преступления органом международной уголовной юстиции возможно только с согласия государства, которое это лицо возглавляет или возглавляло, что равнозначно отказу этого государства от иммунитета. Такое согласие может выражаться, например, посредством признания этим государством обязательности уставного документа международного уголовного суда, предусматривающего, что иммунитет главы государства не является препятствием для осуществления этим судом юрисдикции в его отношении, в том числе в виде конклюдентных действий – оказания этому суду содействия, передачи ему материалов, свидетелей и др.

При этом выражение согласия на преследование после предъявления международным уголовным судом главе государства обвинений в международных преступлениях не устраняет международно-противоправного характера действий суда, но является проявлением намерения потерпевшего государства воздержаться от привлечения суда к международной ответственности.

По итогам вышеизложенного следует признать, что «правосудие победителей» – это не юридический, а политический или, скорее, эмоциональный аргумент противников Нюрнбергского и Токийского трибуналов.

Отдельно надо отметить, что сама постановка вопроса об участии или неучастии Германии в работе МВТ как о критерии его правомерности представляется некорректной, поскольку говорить о ее полноценной

международной правосубъектности на момент заключения Лондонского соглашения и на протяжении всего срока работы Трибунала не приходится.

Устав МВТ представляет собой достаточно сжатый документ из 30 статей, в большинстве своем процессуального характера. Их содержание обусловлено необходимостью обеспечить максимально непрерывное и скорое отправление правосудия, порой за счет сокращения объема прав участников процесса. Так, в ст. 3 Устава МВТ оговаривалось, что «ни Трибунал, ни его члены, ни их заместители не могут быть отведены обвинителем, подсудимыми или защитой». Статья 12 позволяла Трибуналу «рассматривать дела лиц, обвиняемых в преступлениях, предусмотренных статьей 6 настоящего Устава, в отсутствие обвиняемых, если обвиняемый не разыскан или если Трибунал по любым основаниям признает необходимым в интересах правосудия слушать дело заочно». Согласно п. «b» ст. 18 Трибунал «должен принимать строгие меры для предотвращения любых выступлений, которые могут вызвать неоправдываемую задержку процесса, исключать какие бы то ни было не относящиеся к делу вопросы и заявления». Статья 19 провозглашала, что «Трибунал не должен быть связан формальностями в использовании доказательств. Он устанавливает и применяет возможно более быструю и не осложненную формальностями процедуру и допускает любые доказательства, которые, по его мнению, имеют доказательную силу». Эти нормы не встречались в более ранних проектах международных уголовных судов и были продиктованы обстоятельствами учреждения МВТ и его задачами.

В Уставе МВТ закреплена только одна категория дел, подсудных Трибуналу, – дела о международных преступлениях. В подготовительных материалах отсутствуют указания на какие-либо дискуссии о целесообразности наделения МВТ подсудностью в отношении иных категорий дел, например, субсидиарной подсудностью в отношении дел о преступлениях против отправления правосудия. Это отражает исторический контекст и приоритеты того времени. Вместе с тем Устав МВТ предусматривал дисциплинарную

ответственность за неподчинение требованиям Трибунала[532]. Эту норму можно считать отправной точкой формирования института ответственности за посягательства на отправление правосудия в международном уголовном праве. В практике МВТ случаев привлечения к дисциплинарной ответственности не было.

Несмотря на накопленную к 1945 г. обширную и достаточно единообразную теоретическую базу для учреждения международного уголовного трибунала, она не нашла отражения ни в структуре, ни в содержании Устава МВТ. Это новый самостоятельный документ, созданный в определенном уникальном историческом контексте, не имевшем аналогов ни ранее, ни впоследствии – за исключением МВТДВ.

Международный Военный Трибунал для Дальнего Востока. Особенностью МВТДВ стало его учреждение специальной прокламацией Верховного главнокомандующего Союзных держав[533] Д. Макартура «в силу данных [ему] полномочий, а также в целях проведения в жизнь Условий Капитуляции, которые требуют осуществления сурового правосудия по отношению к военным преступникам». Устав МВТДВ был одобрен единолично Д. Макартуром. Текст прокламации отсылает в качестве источников своей легитимности к Декларации глав правительств Соединенных Штатов, Соединенного Королевства и Китая о Японии от 26 июля 1945 г. (Потсдамская декларация), Акту о капитуляции Японии от 2 сентября 1945 г. и итоговому документу Московской конференции 26 декабря 1945 г.

В п. 10 Потсдамской декларации говорится: «Мы не стремимся к тому, чтобы японцы были порабощены как раса или уничтожены как нация, но все

---

[532] Статья 18 Устава Международного Военного Трибунала (Лондон, 8 августа 1945 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XI. М.: Госполитиздат, 1955. С. 165–172; ст. 12 Устава Международного военного трибунала для Дальнего Востока (Токио, 19 января 1946 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XI. – М.: Госполитиздат, 1956. С. 79–86.

[533] Под «Союзными державами» в Акте о капитуляции Японии понимаются США, Великобритания, Китай и СССР.

военные преступники, включая тех, которые совершили зверства над нашими пленными, должны понести суровое наказание»[534].

В Акте о капитуляции Япония приняла на себя обязательство о том, что «Японское правительство и его преемники будут честно выполнять условия Потсдамской декларации, отдавать те распоряжения и предпринимать те действия, которых в целях осуществления этой Декларации потребует Верховный главнокомандующий Союзных держав или любой другой назначенный Союзными державами представитель».

В итоговом документе Московской конференции указывается о согласии США, Великобритании и СССР, с тем чтобы «Верховный главнокомандующий Союзных держав издавал любые приказы, необходимые для реализации условий Акта о капитуляции, оккупации и контроля над Японией, а также дополнительные к ним директивы».

Специфика создания МВТДВ дает, на первый взгляд, основания усомниться в его международном характере. Международный суд – это суд, применяющий международное право и (или) учрежденный в соответствии с международным правом. С одной стороны, Верховный главнокомандующий не получал от государств прямого мандата на создание трибунала для преследования японских военных преступников. Более того, перспектива создания такого судебного органа если и обсуждалась, то не получила конкретного выражения ни в одном международно-правовом документе. Прокламация и устав МВТДВ выглядят как односторонние распоряжения Д. Макартура.

С другой стороны, в соответствии с Актом о капитуляции, Верховный главнокомандующий является представителем на территории Японии четырех государств. Совершенно очевидно, что его действия и акты контролировались каждой из Союзных держав, которая непременно заявила бы о своем несогласии, вступи они в противоречие с ее волей. Ни один из союзников не только не воспротивился созданию трибунала, но и все они приняли участие в его работе

---

[534] Советский союз на международных конференциях периода Великой Отечественной Войны 1941–1945 гг.: Сборник документов. Т.6. М.: Издательство политической литературы, 1984. С. 358.

через судей и дополнительных обвинителей из числа своих граждан. Ни в доктрине, ни на уровне государств международный характер МВТДВ никогда не оспаривался. Тексты прокламации и устава были напечатаны на русском языке в Сборнике действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами, что косвенно указывает на признание Советским Союзом их международно-правового и, более того, договорного свойства.

Интересно, что правительство Японии, признав в Акте о капитуляции верховенство распоряжений Верховного главнокомандующего, признало заранее юрисдикцию МВТДВ, что исключало характеристику этого трибунала как «суда победителей».

Устав МВТДВ достаточно лаконичен – всего 17 статей, в то время как Устав МВТ был практически в два раза больше. Согласно ст. 2 Устава МВТДВ, трибунал должен был состоять «не менее чем из шести и не более чем из одиннадцати членов, назначаемых Верховным главнокомандующим Союзных держав из числа лиц, предложенных государствами, подписавшими Акт о капитуляции, а также из представителей Индии и Филиппинской республики». Акт о капитуляции Японии был подписан Японией с одной стороны и США, Китаем, Великобританией, СССР, Австралией, Канадой, Францией, Нидерландами и Новой Зеландией – с другой.

Способ учреждения сказался на структуре и порядке функционирования трибунала, ключевые элементы которых определялись единолично Верховным главнокомандующим. В частности, Верховный главнокомандующий назначал председателя трибунала с решающим правом голоса в случае равенства голосов (ч. «a» ст. 3 и ч. «b» ст. 4 Устава МВТДВ). Он же назначал Генерального секретаря трибунала и Главного обвинителя. В то же время ч. «b» ст. 8 наделяла любую Объединенную Нацию, с которой Япония была в состоянии войны, правом назначить дополнительного обвинителя в помощь Главному обвинителю.

По итогам разбирательства протоколы суда подлежали передаче «непосредственно Верховному главнокомандующему Союзных держав для принятия последним соответствующих мер». Приговор приводился в исполнение

в соответствии с приказом Верховного главнокомандующего, который имел право в любое время смягчить наказание или иным образом изменить приговор, но не в менее благоприятную для осужденного сторону (ст. 17 Устава).

Рабочими языками трибунала были английский и язык обвиняемых, т.е., как правило, японский.

Аналогично Уставу МВТ, Устав МВТДВ предусматривал дисциплинарную ответственность за неподчинение требованиям Трибунала[535]. Данная норма ни разу не была Трибуналом применена.

Аналогичные дисциплинарные полномочия принадлежали малым Нюрнбергским трибуналам и несколько раз применялись ими на практике.

Речь идет о двенадцати военных трибуналах, действовавших в 1946–1949 гг. в американской зоне оккупации. Их соответствие хотя бы одному из выявленных выше критериев международных судов неочевидно, в то время как вопрос об их международном характере имеет большое значение для изучения процесса становления института ответственности за совершение преступлений против отправления правосудия. В деятельности этих трибуналов было зафиксировано четыре случая посягательств на отправление правосудия. Научная ценность этих эпизодов с позиции выбранной нами перспективы зависит от характера трибуналов – были ли они международными, внутригосударственными или принадлежали к третьему, особому виду судов. Отсюда есть необходимость отдельно изучить характер этих двенадцати трибуналов с учетом выделенных признаков международных судебных органов.

Мы определили международный уголовный суд как учрежденный в соответствии с международным правом орган, полномочный устанавливать виновность или невиновность лиц в совершении преступлений, применяя международное право. Мы также пришли к выводу о том, что достаточно выявить наличие у судебного органа одного из отличительных признаков международного суда – применение судом международного права или его учреждение в

[535] Статья 12 Устава Международного Военного Трибунала для Дальнего Востока.

соответствии с международным правом, – чтобы достоверно заключить о его международном характере.

Идея о преследовании немецкого офицерского состава и членов Национал-социалистической немецкой рабочей партии, не занимавших руководящих постов в государственном аппарате Третьего рейха, но причастных к совершению преступлений, в местах их совершения впервые нашла свое выражение в Декларации четырех государств по вопросу о всеобщей безопасности от 30 октября 1943 г. (далее – Московская декларация). В ней говорилось, что «те германские офицеры и солдаты и члены нацистской партии, которые были ответственны за […] зверства, убийства и казни или добровольно принимали в них участие, будут отосланы в страны, в которых были совершены их отвратительные действия, для того чтобы они могли быть судимы и наказаны в соответствии с законами этих освобожденных стран и свободных правительств, которые будут там созданы. […] Немцы, которые принимали участие в массовых расстрелах итальянских офицеров, или в казнях французских, нидерландских, бельгийских и норвежских заложников, или критских крестьян, или же те, которые принимали участие в истреблении, которому был подвергнут народ Польши, или в истреблении населения на территориях Советского Союза, которые сейчас очищаются от врага, – должны знать, что они будут отправлены обратно в места их преступлений и будут судимы на месте народами, над которыми они совершали насилия»[536].

Это заявление было частично воспроизведено в преамбуле Соглашения между СССР, США, Великобританией и Францией о судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран оси от 8 августа 1945 г. (далее – Лондонское соглашение). В соглашении особо оговаривалось: ничто в нем не умаляет «установленных Московской декларацией положений о возвращении военных преступников в страны, где ими были совершены

---

[536] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 1 // ОГИЗ. Государственное издательство политической литературы, 1944. С. 363–364.

преступления»[537], и «не ограничивает прав национальных или оккупационных судов, которые уже созданы или будут созданы на любой союзной территории или в Германии для суда над военными преступниками»[538].

После безоговорочной капитуляции Третьего рейха и на время выполнения ее условий для руководства Германией в течение переходного периода союзными государствами был учрежден специальный орган – Контрольный совет[539]. 20 декабря 1945 г. этот орган одобрил и издал Закон № 10, предусматривающий создание союзниками в их оккупационных зонах в Германии трибуналов для преследования лиц, виновных в совершении преступлений против мира, военных преступлений, преступлений против человечности или участии в группах или организациях, признанных преступными МВТ. В преамбуле Закона № 10 указывалось, что целью его издания является создание единой правовой основы для осуществления на территории Германии уголовного преследования военных и иных преступников, которые не были привлечены к ответственности МВТ. В нем также предусматривались материальные и отдельные процессуальные элементы уголовной ответственности: составы преступлений, виды наказаний, принцип неприменимости иммунитетов глав государств или должностных лиц и др. Московская декларация 1943 г. и Лондонское соглашение 1945 г. признавались составной частью Закона № 10[540].

---

[537] Статья 4, Соглашение о судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран оси (Лондон, 8 августа 1945 г.). // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XI. М.: Госполитиздат, 1955. С. 28-29.

[538] Там же. С. 29-30.

[539] Соглашение о контрольном механизме в Германии (Лондон, 14 ноября 1944 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XI. М.: Госполитиздат, 1955. С. 62–65; Соглашение относительно изменений в Соглашении от 14 ноября 1944 г. о контрольном механизме в Германии (Лондон, 1 мая 1945 г.). // Там же. С. 66-67.

[540] Ст. I Закона № 10 Контрольного совета для Германии от 20 декабря 1945 г.: «Московская Декларация от 30 октября 1943 г. “Об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства” и Лондонское Соглашение от 8 августа 1945 г. “О судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран оси” составляют неотъемлемую часть этой директивы» // Закон Контрольного совета № 10 = (Control Council Law № 10) (Берлин, 20 декабря 1945 г.). Ведомости Контрольного совета в Германии, 1946. № 3.

В американской оккупационной зоне такие трибуналы были учреждены 18 октября 1946 г. Распоряжением № 7 Верховного комиссара США в Германии. Этим же актом регулировались процессуальные аспекты их деятельности, включая право наказывать в дисциплинарном порядке случаи неподчинения их распоряжениям.

Таким образом, правовыми основами функционирования последующих Нюрнбергских процессов являлись Московская декларация 1943 г., Лондонское соглашение 1945 г., Закон № 10 Контрольного совета для Германии 1945 г. и Распоряжение № 7 Верховного комиссара США в Германии 1946 г. (с изменениями, внесенными Распоряжением № 11 от 17 февраля 1947 г.). Однако строго учредительными документами следует считать два последних акта, т. к. и Московская декларация, и Лондонское соглашение в соответствующей своей части являются лишь выражением общего намерения государств-участников и не содержат каких-либо конкретных положений, направленных на претворение этого намерения в жизнь.

Проблема правовой природы Контрольного совета занимала юристов-международников, начиная с его учреждения, и в особенности в период его активности. Однако в основном это было связано с практическими вопросами, такими как преемственность международных обязательств Германии, применимость международно-правовых норм, регулирующих режим оккупации, и т. д.[541]

В ст. 1 Соглашения о контрольном механизме в Германии от 14 ноября 1944 г. предусматривалось, что верховная власть в Германии будет осуществляться главнокомандующими союзников в своей зоне оккупации согласно инструкциям, получаемым ими от своих правительств, а также совместно по вопросам,

---

[541] См.: *Freeman A.V.* War Crimes by Enemy Nationals Administering Justice in Occupied Territory / Alwyn V. Freeman // American Journal of International Law. 1947. Vol. 41, Iss. 3. P. 579-610; *Kelsen H.* The Legal Status of Germany According to the Declaration of Berlin // The American Journal of International Law. 1945. Vol. 39. P. 518–526; *Von Laun K.* The Legal Status of Germany // American Journal of International Law. 1951. Vol. 45. P. 267–285; *Rheinstein M.* The Legal Status of Occupied Germany // Michigan Law Review. 1948. Vol. 47. P. 23-40.

затрагивающим Германию в целом, через Контрольный совет[542]. Это позволяет говорить о Контрольном совете не как о самостоятельной управленческой единице, а как об особом переговорном формате сродни международной конференции или международным консультациям, выбранном союзными государствами для согласования решений, касающихся наиболее глобальных аспектов совместного управления капитулировавшей Германией.

Контрольный совет принимал правовые акты только по тем вопросам, по которым удавалось достичь единогласия между четырьмя государствами, каждое из которых имело право вето. Отсюда следует, что любое решение, принятое в рамках Контрольного совета, являлось результатом согласования воль СССР, США, Великобритании и Франции и в этой связи может быть охарактеризовано как международное соглашение. Эти документы выражали не самостоятельную волю Контрольного совета, как если бы он являлся временным правительством Германии на посткапитуляционный период; они отражали договоренности четырех правительств.

Профессор Р. Вутзел относит Закон № 10 к международным соглашениям[543]. Такого же мнения придерживается проф. А. Кассезе, который к тому же пишет о последующем приобретении нормами Закона № 10 статуса обычных норм международного права[544].

Квалификации положений Закона № 10 в качестве акта, содержащего нормы международного права, придерживались и созданные на его основе трибуналы. В решении одного из них по т.н. делу «судей»[545] отмечается, что «юрисдикция трибуналов, учрежденных Распоряжением № 7, определяется материальными положениями Закона № 10 Контрольного совета, а значит, основана на международно-правовом документе и обладает международно-

---

[542] Пп. 2 п. «б» ст. 3 Соглашения о контрольном механизме в Германии 1944 г.
[543] *Woetzel R., op.cit.,* p. 222.
[544] *The Prosecutor v. Dražen Erdemović* (IT-96-22), Separate and Dissenting Opinion of Judge Cassese to the Appeals Judgment, 7 October 1997, §§ 21, 27.
[545] Англ.: «Justice Case».

правовыми признаками»[546]. В этом же деле суд подчеркнул: «Устав МВТ, его приговор и Закон № 10 Контрольного совета представляют собой “новые главы в книге международного права”».

Аналогичная точка зрения по поводу международного характера последующих Нюрнбергских трибуналов высказывалась и в решении в рамках т.н. «Дела Вильгельмштрассе»[547] в следующей формулировке: «Настоящий трибунал является международным военным трибуналом, а не судебным органом США. Он был учрежден и уполномочен осуществлять уголовное преследование на основании Закона № 10 Контрольного совета»[548]. В решении по делу о неуважении к суду, проявленном защитниками обвиняемых по делу против А. Круппа и других, разъяснялось, что последующие Нюрнбергские трибуналы были учреждены соглашением между США и тремя другими государствами для преследования лиц, обвиняемых в совершении серьезных, в т.ч. военных, преступлений[549].

Из текста Закона № 10 ясно, что будущие трибуналы не рассматривались членами Контрольного совета как германские суды. Основы судебной реформы, проводившейся в то же время в Германии, были заложены в Прокламации Контрольного совета № 3 от 20 октября 1945 г.; основы судоустройства – в Директиве № 4 от 30 октября 1945 г., отменявшей нацистские законы о судоустройстве и восстанавливавшей судебную систему имперского периода. Закон № 10 не содержал ссылок ни на один, ни на другой акт.

---

[546] *Justice case. Opinion and Judgment* // Trials of War Criminals before the Nuernberg Military Tribunals under Control Council Law No. 10. Vol. III. Nuremberg: U.S. Govt. Print. Off., 1951. P. 968–1103.

[547] Англ.: «Ministries Case».

[548] *Ministries case. Order of the Tribunal Approving Mr. Magee as Additional Counsel, 29 December 1947* // Trials of War Criminals before the Nuernberg Military Tribunals under Control Council Law No. 10. Vol. XV. Nuremberg: U.S. Govt. Print. Off., 1951. P. 325–328.

[549] *U.S. v. Krupp, et al., Ruling of Tribunal III on Matters Relating to Contempt of Court Committed on January 16, 1948, 21 January 1948* // Trials of War Criminals before the Nuernberg Military Tribunals under Control Council Law No. 10. Vol. XV. Nuremberg: U.S. Govt. Print. Off., 1951. P. 1005–1013.

Эти трибуналы не могут рассматриваться и как американские суды, т.к. они были созданы в ином порядке, чем предусмотрено Конституцией США[550]. Они не входили в американскую судебную систему[551]. Учреждая трибуналы своим Распоряжением, Верховный комиссар США действовал в качестве члена Контрольного совета[552].

Таким образом, последующие Нюрнбергские трибуналы обнаруживают наличие обоих признаков международных судов: они были учреждены в соответствии с международным правом – на основании международного соглашения – и применяли международно-правовые нормы. Эти трибуналы являлись международными, а их практика касательно ответственности за посягательства на судопроизводство и судебный авторитет представляет ценность для исследования становления института ответственности преступлений против отправления международного уголовного правосудия.

Всего из практики последующих Нюрнбергских трибуналов известно четыре факта проявления неуважения к суду, три из которых повлекли наступление последствий для нарушителей. К двум эпизодам были причастны свидетели, а к двум другим – защитники по рассматриваемым делам.

Так, один из свидетелей обвинения по т.н. делу «врачей»[553] К. Холленрайнер был приговорен к 90 дням заключения в нюрнбергской тюрьме за попытку причинения телесного вреда обвиняемому В. Бейглбоку во время

---

[550] Раздел I Статьи III Конституции США: «Судебная власть Соединенных Штатов предоставляется одному Верховному суду и такому количеству нижестоящих судов, которое Конгресс может по необходимости установить и учредить». См.: Конституция США (перевод с англ.) // WIPO Lex, Всемирная организация интеллектуальной собственности. – 2007. – URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/5395 (дата обращения: 31.08.2025).

[551] *Flick v. Johnson,* 174 F.2d 983, 986 (D.C. Dir. 1949).

[552] *Heller K., op.cit.,* p.107.

[553] Англ.: «Medical Case». В рамках этого процесса, имевшего место в октябре 1946 г., 23 медицинских работника и один медицинский администратор обвинялись в совершении преступлений против человечности посредством проведения опытов над людьми. 16 обвиняемых были признаны виновными в планировании и руководстве опытами над людьми, использовании человеческих подопытных без их согласия, а также в сознательном нанесении увечий, в т. ч. со смертельным исходом. Из них семеро были приговорены к высшей мере наказания, девять – к различным срокам заключения, а еще семеро были оправданы.

судебного опознания[554]. Свидетель был приглашен представителем обвинения подойти к скамье подсудимых и опознать врача, которого он видел в Освенциме[555]. Приблизившись к перегородке, за которой находились обвиняемые, свидетель накинулся на В. Бейглбока[556]. Свое поведение он объяснил тем, что во время войны обвиняемый проводил над ним опыты[557]. Однако председательствующий судья счел это объяснение недостаточным, подчеркнув, что «проявление неуважения к суду должно быть наказано. Надо, чтобы все понимали, что такое отношение к суду является недопустимым»[558]. К. Холленрайнер вышел на свободу через три недели, после принесения извинений за свое поведение[559].

Другой эпизод произошел с ведущим экспертом обвинения Э. Айви[560]. Он самостоятельно написал заключение созданной по его инициативе комиссии по этике проведения опытов над людьми с целью опровергнуть показания другого эксперта о сопоставимости нацистских опытов и американских антималярийных экспериментов и умышленно ввел трибунал в заблуждение относительно обстоятельств создания комиссии и достоверности «ее» заключения. Обвинения в неуважении к суду Э. Айви так никогда и не было предъявлено.

В деле «судей» защитник К. Энгерта[561] Х. Маркс и сестра милосердия К. Хуппертц были приговорены к лишению свободы сроком на 30 и 10 дней

---

[554] *Medical case.* Contempt Order of the Tribunal, 28 June 1947 // Trials of War Criminals before the Nuernberg Military Tribunals under Control Council Law No. 10. Vol. XV. Nuremberg: U.S. Govt. Print. Off., 1951. P. 967–970.

[555] *Medical case*. Proceedings Showing the Contempt Before the Tribunal // Trials of War Criminals before the Nuernberg Military Tribunals under Control Council Law No. 10. Vol. XV. Nuremberg: U.S. Govt. Print. Off., 1951. P. 967–968.

[556] *Ibid.*

[557] *Ibid.*, p. 968.

[558] *Ibid.*

[559] *Medical case.* Further Order of the Tribunal, 21 July 1947 // Trials of War Criminals before the Nuernberg Military Tribunals under Control Council Law No. 10. Vol. XV. Nuremberg: U.S. Govt. Print. Off., 1951. P. 970–971.

[560] См.: *Harkness J.* Nuremberg and the Iss. of Wartime Experiments on US Prisoners // The Journal of the American Medical Association. 1996. Vol. 276 (20). P. 1672–1675.

[561] В гитлеровском режиме К. Энгерт возглавлял 5-й отдел Имперского министерства юстиции, которому были подотчетны пенитенциарные учреждения и иные места лишения свободы, а также 15-й отдел, занимавшийся информированием гестапо. В 1947 г. приговорен к пожизненному заключению Третьим военным трибуналом.

соответственно за попытку оказать воздействие на медицинского эксперта В. Герштекера, которому надлежало представить трибуналу два заключения о состоянии здоровья подсудимого К. Энгерта[562]. Суд также отстранил Х. Маркса от представительства интересов К. Энгерта в этом деле. Из письменных показаний доктора В. Герштекера следует, что в ходе составления им первого заключения Х. Маркс пытался убедить его в намерении суда прекратить дело против его подзащитного на основании заключений медицинских экспертов и тем самым подтолкнуть к определенным выводам. Затем Х. Маркс с помощью К. Хуппертц пытался побудить В. Герштекера к изменению уже представленного суду второго заключения.

В рамках дела против А. Круппа и других[563] шесть защитников были заключены под стражу за проявление неуважения к суду, которое заключалось в следующем. Пункт «е» ст. V Распоряжения № 7 допускал представление сторонами доказательств не всему судейскому составу, а одному или нескольким судьям, именуемым в такой ситуации комиссионерами. В деле против А. Круппа трибунал принял решение о заслушивании комиссионерами допроса защитниками двух свидетелей обвинения во время послеобеденного слушания. Защитники возразили против такого решения, но их возражение было отклонено. В знак протеста в ходе утреннего слушания защитники покинули зал суда[564]. После перерыва на обед защитники в зал добровольно не вернулись и были принудительно доставлены судебным приставом. Суд приказал незамедлительно взять их под стражу; их объяснения были заслушаны в открытом заседании лично либо через представителя. Пятеро нарушителей были вновь допущены к

---

[562] *Justice case. Contempt by Defence Counsel Marx and Mrs. Huppertz, a German National* // Trials of War Criminals before the Nuernberg Military Tribunals under Control Council Law No. 10. Vol. XV. Nuremberg: U.S. Govt. Print. Off., 1951. P. 972–995.

[563] А. Крупп фон Болен унд Гальбах – немецкий промышленник, штандартенфюрер Национал-социалистического летного корпуса, в годы Второй мировой войны руководил деятельностью военно-промышленных предприятий в Германии и на оккупированных территориях. В 1948 г. приговорен к 12 годам лишения свободы с конфискацией имущества. Освобожден досрочно в 1951 г. приказом Верховного комиссара США в Германии. Сообвиняемыми по делу А. Круппа выступали 11 крупных кадров «Крупп Холдинг».

[564] *Justice case*. *Contempt by Defence Counsel Marx and Mrs. Huppertz*, *op.cit.*, p. 1007.

представительству интересов своих подзащитных после принесения извинений[565]. Один из защитников был отстранен от участия в деле[566]. В своем решении трибунал отметил, что разбирательство по факту проявления неуважения к суду носило дисциплинарный, а не уголовно-правовой характер[567].

Этот эпизод примечателен еще и тем, что в своем решении по факту проявления неуважения к суду трибунал подробно остановился на правовом основании принятия мер в отношении лиц, виновных в таком неуважении. Трибунал сослался в первую очередь на ч. «c» ст. 18 Устава МВТ[568] как на выражающую не просто процессуальную норму, применимую в рамках МВТ, а как на «наиболее авторитетное выражение международного права в том, что касается [международных уголовных] разбирательств»[569]. Во вторую очередь трибунал сослался на Распоряжение № 7 Верховного комиссара США, дословно воспроизводящее в соответствующей части ч. «c» ст. 18 Устава МВТ[570].

Эти эпизоды показывают, что последующие Нюрнбергские трибуналы использовали свои «дисциплинарные» полномочия для наказания любых посягательств на судопроизводство и авторитет суда, от нарушения порядка в зале судебного заседания до покушения на фальсификацию экспертного медицинского заключения. В этом прослеживается влияние англосаксонского подхода к наказанию посягательств на отправление правосудия: поскольку трибуналы действовали в американской зоне оккупации, их судейский состав был полностью американским, и судьи вполне естественно следовали привычным для них методам ведения процесса.

---

[565] *Ibid.*, p. 1011.
[566] *Ibid.*, p. 1012.
[567] *Ibid.*, p. 1013.
[568] «Трибунал должен: […] c) принимать решительные меры во всех случаях неподчинения требованиям суда и налагать надлежащие взыскания, включая лишение любого подсудимого или его защитника права присутствовать на всех или некоторых заседаниях, однако без ущерба для расследования обвинений».
[569] *Krupp Case, Contempt by Defence Counsel, Ruling of Tribunal III in Matters Relating to Contempt of Court, 21 January 1948* // Trials of War Criminals before the Nuernberg Military Tribunals under Control Council Law No. 10. Vol. XV. Nuremberg: U.S. Govt. Print. Off., 1951. P. 1010–1015 (*Krupp* Contempt Ruling).
[570] *Ibid.*, p. 1011.

Согласно определению, предложенному Дж. Беале, «любое деяние, являющееся вмешательством в саму деятельность действующего суда либо уменьшающее способность суда к отправлению правосудия авторитетно и должным образом, есть проявление неуважения к суду»[571]. Институт неуважения к суду можно определить как совокупность международно-правовых норм, регулирующих противоправность и наказуемость деяний, подпадающих под описание Дж. Беале.

Неуважение к суду может быть непосредственным и опосредованным[572]. Непосредственное проявление неуважения к суду имеет место в зале судебного заседания «на глазах» у судей[573]. Любое судебное разбирательство направлено на то, чтобы довести до суда максимально полно сведения о событиях, о которых ему ничего неизвестно, т. к. они имели место в его отсутствие. Это происходит в форме представления доказательств. Когда же суд является очевидцем содеянного, заслушивание пересказов третьих лиц об увиденном становится излишней тратой времени. Поэтому проявление неуважения к суду, которое суд непосредственно наблюдал, рассматривается, как правило, в упрощенном порядке.

Опосредованное проявление неуважения – например, неявку по вызову или неповиновение другим распоряжениям – суд не наблюдает самостоятельно. Поэтому в интересах справедливости нарушителю предоставляется возможность объясниться в ходе слушания. Бремя доказывания лежит на нарушителе.

В общем праве проявление неуважения к суду бывает гражданско-правового и уголовно-правового характера. Разница между этими двумя видами заключается в цели наказания. В первом случае это мера принуждения к устранению обстоятельств, приведших к проявлению неуважения к суду, например, исполнение проигнорированного судебного предписания. Поэтому наказание призвано длиться до тех пор, пока эти обстоятельства не будут

---

[571] *Beale J.H. Jr*. Contempt of Court, Criminal and Civil // Harvard Law Review. – 1908. – Vol. 21 (3). – P. 162.

[572] *Bry K.* An Overview of Illinois Contempt Law: A Court's Inherent Power and the Appropriate Procedures and Sanctions // Marshall Law Review. 1993. Vol. 26. P.225.

[573] Лат.: «*in facie curiae*», буквально: «перед лицом суда». См.: *Bry K., op.cit.,* p. 227.

устранены. Считается, что «нарушитель носит в своем кармане ключ от тюремной камеры»[574]. Во втором случае цель – возмездие за содеянное.

МВТ, безусловно, стал существенной вехой в истории становления международных уголовных судов. Он дал старт ее практическому этапу, явившись кульминацией объединения всех четырех предпосылок для создания органа международной уголовной юстиции. Он наглядно продемонстрировал интерес использования такого механизма для преследования особо серьезных нарушений международного права. МВТ также во многом предопределил порядок функционирования будущих международных уголовных судов, как то, например, доминантную роль англо-американской концепции уголовного процесса в ущерб континентальному подходу.

Деятельность МВТ стимулировала научные круги к работе над проектом устава постоянного международного уголовного суда. Предложения вносились как на уровне межправительственных и неправительственных организаций, так и отдельными учеными. Мы рассмотрим наиболее знаковые из них. Идеи и принципы, положенные в основу этой работы, во многом совпадали с теми, на которые опирались проекты договоров в межвоенный период. Главным отличием от документов теоретического периода было появившееся стремление к созданию органа, который бы функционировал на непрерывной основе (функциональное постоянство), тогда как по замыслу предыдущих проектов договоров международный уголовный суд собирался бы по факту только по мере необходимости (органическое постоянство). В конечном итоге это стремление увенчалось успехом с принятием в 1998 г. Римского статута МУС.

В период с 1949 по 1993 г. международное уголовное право развивалось только в теории. Институт ответственности за совершение посягательств на отправление международного уголовного правосудия так или иначе существовал в виде совокупности обычных международно-правовых норм. Характеристика полномочий по наказанию этих посягательств Нюрнбергским трибуналом в деле против А. Круппа как наиболее авторитетного выражения действовавшего

[574] *Ex parte Johns,* 807 S.W.2d 768, 770 (Tex. App.–Dallas 1991, orig. proceeding).

международного права говорит о том, что принцип международной дисциплинарной ответственности за такого рода деяния воспринимался как сложившееся положение дел. Нет оснований полагать, что при аналогичных процессах, имей они место, этот принцип не был бы применен.

Здесь можно провести сравнение с принципами международного права, признанными Уставом Нюрнбергского трибунала и нашедшими отражение в его приговоре, которые были утверждены Генеральной Ассамблеей ООН 11 декабря 1946 г.[575] После завершения в 1949 г. последнего из малых Нюрнбергских процессов эти принципы не развивались с практической точки зрения, но тем не менее существовали в международном праве и продолжали оставаться актуальными[576].

Французский проект 1947 г. Разработки модели постоянного органа международного уголовного правосудия продолжились после учреждения ООН в рамках или под эгидой этой организации. 13 мая 1947 г. французская делегация представила Комитету Генеральной Ассамблеи ООН по прогрессивному развитию международного права и его кодификации меморандум с предложением о создании смешанной системы международного уголовного правосудия, которая включала бы в себя палату по уголовным делам, учрежденную в рамках Международного суда ООН, и отдельный международный уголовный суд[577].

Уголовная палата МС ООН была бы полномочна рассматривать споры о разграничении законодательной и судебной компетенций, а также споры о праве пересмотра решений, вступивших в законную силу, возникающие между

---

[575] Резолюция 95(I) Генеральной Ассамблеи ООН от 11.12.1946 «Подтверждение принципов международного права, признанных статутом Нюрнбергского трибунала» // Резолюции, принятые Генеральной Ассамблеей на второй части первой сессии с 23 октября - 15 декабря 1946 г.- Лейк Соксес, Нью-Йорк: Объединенные Нации, 1947. С. 139 - 140.

[576] ООН: Документ «Принципы международного права, признанные Уставом Нюрнбергского трибунала и нашедшие выражение в решении этого трибунала», принятый на второй сессии Комиссии международного права ООН (1950 г.) // Международное публичное право. Сборник документов. Т. 2. М.: БЕК, 1996. С. 101-102.

[577] ООН: Draft proposal to define the principles recognized in the charter of the Nuremberg Tribunal and in the judgment of the Tribunal. Memorandum submitted by the Delegate for France. Draft proposal for the establishment of an International Court of Criminal Jurisdiction // Документ ООН A/AC.10/21, 15 May 1947.

национальными судами различных государств (можно предположить, что проект в этой части был инспирирован проектом Международной ассоциации уголовного права 1926 г.); обвинения в преступлениях против мира (речь идет об агрессии во всех ее формах) и преступлениях против человечности, выдвинутые против государства либо лиц, осуществляющих власть в государстве в соответствии с его конституцией.

В состав этой палаты предлагалось включить пятнадцать судей, которые избирались бы в соответствии с правилами избрания судей МС ООН. При палате должен был быть создан орган обвинения, который функционировал бы в тесном сотрудничестве с Советом Безопасности ООН и состоял бы из пяти прокуроров и шести заместителей прокуроров. Право инициировать уголовные преследования принадлежало бы «заинтересованным государствам» (*Governments concerned, gouvernements concernés*) без уточнения пределов охвата этого термина.

В свете изложенного выше вывода об обязательности предварительного отказа государства от иммунитета при привлечении к уголовной ответственности его действующего или бывшего главы было бы небезынтересно понимать, ограничивался ли круг «заинтересованных государств» государствами, главы которых привлекаются к ответственности, либо он также распространялся на потерпевшие государства, например, на государство – объект военной агрессии.

Данная часть проекта свидетельствует о существовании понимания особого статуса глав государств с точки зрения привлечения их к ответственности за совершение международных преступлений уже после окончания Нюрнбергского и Токийского процессов и признания в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН принципа нейтральности должностного положения лица, обвиняемого в совершении международных преступлений.

Вторым компонентом системы международного уголовного правосудия должен был стать отдельный международный уголовный суд или несколько таких судов с юрисдикцией в отношении всех международных преступлений, которые могут совершаться в мирное время, в особенности преступлений против международного права; военных преступлений, т.е. преступлений *communis juris*,

также обнаруживающих признаки нарушений законов войны; и всех преступлений *communis juri,* связанных с преступлениями против человечности, при условии, что они совершены должностными лицами государства.

Как отмечает Л. Барчело, предметному обсуждению проекта организации системы международного уголовного правосудия в рамках ООН помешало блоковое противостояние Запада и социалистических государств, исключавшее для каждого из его участников отказ от суверенного права наказывать за международные преступления в пользу независимого международного органа[578]. Отсутствовала третья фактическая предпосылка становления международного уголовного суда – наличие взаимного доверия между государствами – членами международного сообщества.

Проекты 1951 и 1953 гг. С середины XX в. идея о необходимости учреждения постоянного международного уголовного суда получила широкое распространение среди теоретиков международного права. В Резолюции 260 от 9 декабря 1948 г. «Предупреждение и наказание преступления геноцида» Генеральная Ассамблея ООН (далее – ГА ООН) предложила Комиссии международного права (далее – КМП) «рассмотреть вопрос о желательности и возможности создания международного юридического органа, на который возлагается рассмотрение дел лиц, обвиняемых в совершении преступления геноцида и других преступлений, которые будут относиться к компетенции этого органа на основании международных конвенций»[579]. В этой же резолюции в качестве одного из вариантов КМП предлагалось изучить вопрос создания уголовной палаты в рамках Международного суда ООН.

ГА ООН учредила комитет из представителей 17 государств-членов[580], который в 1951 г. представил проект устава постоянного международного

---

[578] *Barcelo L.* Aux origines de la cour pénale internationale: le projet français de chambre criminelle internationale (hiver 1946 – printemps 1947) // Guerre mondiale et conflits contemporains. 2006. № 2. P.103-109.

[579] ООН: Резолюция 260B (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 09.12.1948 «Рассмотрение Комиссией международного права вопроса о международной уголовной юрисдикции» // Документ ООН A/RES/260B (III), 9 декабря 1948.

[580] Австралия, Бразилия, Китай, Куба, Дания, Египет, США, Франция, Индия, Иран, Израиль, Пакистан, Нидерланды, Перу, Великобритания, Сирия и Уругвай.

уголовного суда. Его предлагалось принять в качестве отдельного международного договора.

Единогласным решением комитета данный орган должен был носить постоянный характер. Однако, как отмечается в докладе, это не означает, что суд должен постоянно заседать; «под постоянным характером суда должно пониматься органическое, а не функциональное постоянство»[581]. При функциональном постоянстве судебный орган работает непрерывно вне зависимости от фактической загруженности. Органическое же постоянство предполагает, что международный уголовный суд, будучи учрежденным и располагая сформированным судейским составом, органом обвинения, необходимой логистикой, непосредственно собирается и отправляет свои функции по необходимости, в связи с обращением уполномоченного субъекта. Это прагматичное понимание постоянства, унаследованное из ранее предлагавшихся проектов уставов международных уголовных судов, будет утрачено при создании на Римской дипломатической конференции в 1998 г. Международного уголовного суда.

Компетенция суда определялась не уставом, а последующими межгосударственными соглашениями – в отношении общей категории преступлений – а также компромиссами или односторонними заявлениями в каждом конкретном случае, не охваченном договорным правом[582]. Это положение, возникшее вследствие невозможности достичь договоренности между членами комиссии[583], создавало существенный риск невостребованности будущего судебного органа и бесполезности всей инициативы. Этот риск усугублялся положением ст. 27, согласно которой возбуждение уголовного дела против лица могло иметь место только с согласия государства или государств его

---

[581] ООН: Projet de statut d'une cour criminelle internationale / Rapport de la Commission du droit international sur les travaux de sa quarante-sixième session (2 mai – 22 juillet 1994), Vol II. // Документ ООН A/49/10, 1994.

[582] ООН: Projet de statut d'une cour criminelle internationale / Rapport de la Commission du droit international sur les travaux de sa quarante-sixième session (2 mai – 22 juillet 1994), Vol II. // Документ ООН A/49/10, 1994. Art. 26.

[583] Rapport du Comité pour une juridiction criminelle internationale..., *op.cit.*, p. 8.

гражданской принадлежности и государства или государств, на территории которых имело место преступление. Наконец, последним «фильтром» выступала ГА ООН, уполномоченная ст. 28 в обязательном порядке одобрять наделение суда компетенцией.

По проекту 1951 г. судейская коллегия должна была включать 9 судей, причем текст устава не содержал никакой привязки замещения судейской должности к принадлежности к гражданству государства-участника. Напротив, ч. 1 ст. 6 проекта предусматривала, что судьи могут избираться среди лиц любой гражданской принадлежности, а также лиц без гражданства, однако на основании представления государства-участника[584].

В рамках ООН предлагалось создать следственный комитет из 9 человек, избираемых на те же сроки и на тех же основаниях, в задачу которого входило бы рассмотрение доказательств, представляемых заявителями, – ГА ООН, любой международной организацией, получившей на то разрешение ГА ООН, государством-участником учредительного договора, наделившим суд компетенцией в отношении соответствующего преступления[585], – в поддержку своего обращения[586]. Процедура в комитете носила состязательный характер: обвиняемому предоставлялась возможность быть заслушанным и представить свои собственные доказательства. Если по итогам анализа представленных материалов комитет приходит к выводу об их достаточности, он направляет соответствующее подтверждение в суд и заявителю.

Согласно ст. 34 проекта, государства-участники избирают группу лиц в составе 10 человек, которые, в свою очередь, всякий раз, как следственный комитет передает дело в суд, избирают прокурора *ad hoc*, обладающего такими же квалификациями, что и судьи, для составления обвинительного заключения и

---

[584] Projet de Statut pour une cour criminelle internationale..., *op.cit.* Art. 7(1).
[585] *Ibid.* Art. 29.
[586] *Ibid.* Art. 33.

поддержания обвинения. Прокурор вправе вносить поправки в обвинительное заключение[587], а также отказаться от обвинения только с разрешения суда[588].

Приговор, выносимый судом, признавался окончательным и обжалованию не подлежал[589]. В ходе подготовительных работ отдельными членами комитета высказывалось предложение предусмотреть механизм обжалования приговоров суда во избежание судебных ошибок[590]. Против этого предложения выдвигались тезисы об опасности такого механизма для престижа и авторитета приговоров суда[591]. Отметим, что отсутствие апелляционной инстанции было характерно для всех проектов международных уголовных судов вплоть до учреждения Международного трибунала по бывшей Югославии.

Проект 1951 г. предусматривал, однако, возможность пересмотра переговора на основании обращения осужденного при условии обнаружения факта, способного оказать решающее значение на приговор и не известного ни суду, ни осужденному на момент вынесения приговора[592].

Предусматривалось также создание государствами-участниками комитета по помилованию из пяти человек, в чью компетенцию входило бы принятие решений о помиловании, досрочном освобождении, предоставлении отсрочки от исполнения наказания, сокращении срока наказания и других его изменениях[593].

Прямо исключалась возможность уголовного преследования любых лиц, кроме физических[594].

По итогам обсуждения в 1953 г. проект был обнародован в измененном виде. В частности, согласно новой редакции, государство, наделившее суд компетенцией в отношении определенного дела, получило право эту

---

[587] ООН: Projet de statut d'une cour criminelle internationale / Rapport de la Commission du droit international sur les travaux de sa quarante-sixième session (2 mai – 22 juillet 1994), Vol II. // Документ ООН A/49/10, 1994. Art. 35(2).
[588] *Ibid.* Art. 44.
[589] *Ibid.* Art. 50.
[590] Rapport du Comité pour une juridiction criminelle internationale..., *op.cit.*, p. 18.
[591] *Ibid.*
[592] Projet de Statut pour une cour criminelle internationale..., *op.cit.* Art. 53.
[593] *Ibid.* Art. 54.
[594] *Ibid*, p. 23, Art. 25.

компетенцию отзывать[595]. Предполагалось, что решение об отзыве компетенции будет вступать в силу спустя год после направления соответствующего уведомления Генеральному секретарю ООН.

Существенному изменению подверглось положение, определяющее круг субъектов права обращения в суд. Проектом 1953 г. предлагалось на выбор два варианта. Оба варианта предлагали свести этот круг к государству, наделившему суд компетенцией рассматривать соответствующее дело, но второй вариант предусматривал также право какого-либо органа ООН, определенного Объединенными Нациями, в интересах поддержания международного мира воспрепятствовать передаче какого-либо дела в суд либо, если дело уже было передано, – его дальнейшему разбирательству[596].

Изменения коснулись и следственного комитета, который в проекте 1953 г. превратился в следственную палату, состоящую из пяти судей, избираемых каждый год сроком на один год без возможности немедленного переизбрания[597]. Судья, состоявший членом следственной палаты, не мог отправлять правосудие по делу, которое он рассматривал в этом качестве.

Согласно новому проекту, роль обвинителя в процессе исполнял назначенный государством или государствами, подавшими жалобу, юрист[598]. За счет этого утрачивалась преемственность в практике поддержания обвинения. Отказ от преследования, жестко подчиненный в предыдущем проекте судебному контролю, в варианте 1953 г. вверялся дискреционному решению заявителя[599], который за счет этого сохранял полный контроль над процессом. Обвинитель полностью терял независимость и самостоятельность, традиционно ему присущую в уголовных процессах, и походил больше на адвоката или представителя интересов в Международном суде ООН, строго следующего

---

[595] ООН: Report of the 1953 Committee on International Criminal Jurisdiction, 27 July-20 August 1953 // Документ ООН AP2645, 1954. P. 26, Art. 28.
[596] *Ibid.*, p. 26, Art. 29.
[597] *Ibid.*, p. 26, Art. 33.
[598] *Ibid.*, p. 26, Art. 34.
[599] ООН: Report of the 1953 Committee on International Criminal Jurisdiction, 27 July-20 August 1953 // Документ ООН AP2645, 1954. P. 27, Art. 43.

инструкциям своего доверителя. Данный выбор, сделанный по инициативе представителя Бельгии, комитет объяснил в т.ч. невозможностью в сложившихся на тот момент международных условиях достичь консенсуса между государствами относительно фигуры обвинителя, которая бы пользовалась доверием всего международного сообщества[600]. Это еще раз подчеркивает важность третьей выделенной нами фактической предпосылки для успешного становления системы международного уголовного правосудия.

Если в первом проекте участие присяжных категорически исключалось разработчиками, то новая его версия в этой части использовала более гибкую формулировку о возможности привлечения присяжных по решению заявителя, выраженному в документе, наделявшем суд компетенцией[601]. В качестве аргумента выдвигалась ссылка на существовавшие в ряде стран конституционные гарантии уголовного процесса с участием присяжных, которые не позволили бы соответствующим государствам признать компетенцию суда, не будь у них возможности эту гарантию соблюсти в рамках его процедуры[602].

Наконец, объем полномочий комитета по помилованию ограничивался содержанием документов о наделении суда компетенцией по рассмотрению того или иного дела[603].

Международный уголовный суд, учрежденный в соответствии с первым проектом, имел бы слишком большую независимость по отношению к государствам-участникам, что, очевидно, и явилось камнем преткновения. Правки, внесенные в проект после замечаний государств – членов ООН, максимально индивидуализировали процедуру, фактически наделив каждое из государств правом в одностороннем порядке моделировать ключевые правила процесса, которые подлежали применению к передаваемому им делу. В результате итоги работы суда представляли бы собой совокупность разрозненных решений, не могущих быть сведенными в единую практику.

---

[600] *Ibid.*, p. 19.
[601] *Ibid.*, p. 26, Art. 37.
[602] *Ibid.*, p. 19.
[603] *Ibid.*, p. 27, Art. 53(2).

ГА ООН по итогам изучения проекта в редакции 1953 г. приняла решение отложить «рассмотрение вопроса о международной уголовной юстиции, пока Генеральная Ассамблея не приступит к рассмотрению доклада […] по вопросу об определении понятия «агрессия» и […] проекта кодекса преступлений против мира и безопасности человечества»[604].

Проект Комиссии международного права ООН 1994 г. В 1989 г. по инициативе Тринидада и Тобаго Генеральная Ассамблея ООН поручила КМП подготовить доклад о создании международного уголовного суда для преследования лиц, «обвиняемых в совершении преступлений, которые могут подпадать под действие [Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества], включая лиц, участвующих в незаконном обороте наркотических средств через национальные границы»[605]. На базе этого доклада, представленного в 1992 г. и получившего одобрение ГА ООН, КМП через год разработала проект устава соответствующего суда и в 1994 г. представила его окончательную версию, в которую вошли отдельные поправки, предложенные государствами – членами ООН[606]. К тому времени уже был учрежден и начал работу на основании резолюции Совета Безопасности ООН Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии.

Проект КМП 1994 г. исходит из той же концепции органического постоянства международного уголовного суда, что и проекты 1951 и 1953 гг.[607] Суд предлагалось сделать четырехорганной структурой в составе Президиума, Апелляционной и судебных палат, Канцелярии Прокурора и Секретариата[608].

---

[604] ООН: Резолюция 898(IX) от 14.12.1954 Генеральной Ассамблеи «Международная уголовная юстиция» // Документ ООН A/RES/898(IX), 14 декабря 1954.

[605] ООН: Резолюция 44/39 от 4.12.1989 Генеральной Ассамблеи «Международная уголовная ответственность отдельных лиц и образований, участвующих в незаконном обороте наркотических средств через национальные границы и другой транснациональной преступной деятельности: учреждение международного уголовного суда с юрисдикцией, распространяющейся на такие преступления» // Документ ООН A/RES/44/39, 4 декабря 1989.

[606] ООН: Draft Statute for an International Criminal Court with commentaries 1994 // Yearbook of the International Law Commission. 1994. Vol. II, Iss. 2. P.26-74.

[607] ООН: Draft Statute for an International Criminal Court with commentaries 1994 // Yearbook of the International Law Commission. 1994. Vol. II, Iss. 2. P. 29, Art. 4.

[608] *Ibid.*, p. 29, Art. 5.

От претендентов на судейские должности требовались, помимо высоких моральных качеств, беспристрастности, независимости и соответствия критериям для замещения высших должностей в судебной системе своего государства, еще и опыт участия в уголовных разбирательствах и признанная компетенция в области международного права[609].

Проект наделял Прокурора правом ходатайствовать перед тем или иным государством о выделении на усиление квалифицированных и опытных лиц, призванных под его началом оказывать содействие следствию на все время его проведения[610].

В качестве применимого права обозначался устав трибунала, международные договоры и принципы общего международного права, а также любая норма национального законодательства в той мере, в которой она подлежала применению в данном деле[611].

Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии. В 1991 г. на территории Социалистической Федеративной Республики Югославия начались процессы распада, сопровождавшиеся вооруженными конфликтами этнического характера. Они завершились подписанием 14 декабря 1995 г. в Париже т.н. Дейтонского соглашения. В ходе этих событий воюющие стороны совершали преступления, квалифицируемые как угроза международному миру и безопасности.

События на территории бывшей Югославии стали важным толчком к осознанию международным сообществом того, что наиболее эффективным способом коллективного противодействия самым тяжким преступлениям является привлечение виновных к международной уголовной ответственности. Эта концепция базируется на двух ключевых предпосылках.

Во-первых, общественная опасность таких деяний выходит далеко за пределы отдельных государств и представляет угрозу международному миру и безопасности.

---

[609] *Ibid.*, p. 29, Art. 6(1).
[610] *Ibid.*, p. 50, Art. 31.
[611] *Ibid.*, p. 51, Art. 33.

Во-вторых, страны, на территории которых совершаются эти преступления, зачастую либо не желают проводить самостоятельное уголовное преследование в силу того, что преступные действия поддерживаются или инициируются лицами, контролирующими государственные силовые структуры, либо просто не обладают необходимыми ресурсами и возможностями для эффективного расследования и наказания.

В решении о создании МТБЮ большое значение имели средства массовой информации, которые сыграли ключевую роль в формировании общественного мнения и повышении международного внимания к происходящим на Балканах трагическим событиям. Б.Ференц писал: «Телевизионные передачи в 1992 г. ярко показывали концентрационные лагеря в Боснии и Сербии, подобных которым не видели с времен Бухенвальда и Дахау. Уважаемые издания сообщали о систематических изнасилованиях тысяч мусульманских женщин и об их последующих убийствах хорватами или сербами, решившими очистить территорию для своих групп. Был введен новый термин – «этническая чистка» – для описания жестокого изгнания этнических меньшинств из регионов, на которые претендовали группы иного религиозного исповедания или этнического происхождения»[612].

МТБЮ показал, что при наличии политической воли даже такие комплексные вопросы, как учреждение международного уголовного трибунала, могут решаться в короткие сроки[613].

22 февраля 1993 г. Совет Безопасности ООН поручил Генеральному секретарю ООН в шестидесятидневный срок подготовить конкретные предложения по учреждению международного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии с 1991 г.[614]

---

[612] *Ferencz B.* International Criminal Courts: The Legacy of Nuremberg // Pace International Law Review. 1998. Vol. 10, № 1. P. 220-221.
[613] *Там же.* С. 221.
[614] ООН: Резолюция 808 (1993), принятая Советом Безопасности на его 3175-м заседании 22 февраля 1993 года // Документ ООН S/RES/808 (1993), 22.02.1993.

Текст, представленный Генеральным секретарем[615], был затем воспринят в виде устава МТБЮ[616]. Именно он смоделировал структуру органа международной уголовной юстиции, которая с тех пор воспроизводится в отношении вновь создаваемых судов. Среди органов суда появляется Апелляционная палата и полноценный орган обвинения – Канцелярия Прокурора – с полномочиями по осуществлению предварительного расследования и поддержанию или отказу от обвинения.

МТБЮ стал первым органом международной уголовной юстиции, учрежденным актом международной межправительственной организации. Предпочтение этому подходу было отдано из соображений оперативности и справедливых опасений, что подготовка, согласование и ожидание вступления в силу международного договора рискует превратиться в гораздо более длительный процесс. Правовым основанием действий Совета Безопасности по учреждению международного уголовного трибунала выступила Глава VII Устава ООН, уполномочивающая его на принятие мер для защиты международного мира и безопасности.

Учреждение трибуналов Советом Безопасности ООН – способ, позволяющий обойти нормальный процесс международного нормотворчества[617].

---

[615] ООН: Доклад Генерального секретаря, представленный во исполнение пункта 2 резолюции 808 (1993) Совета Безопасности». // Документ ООН S/25704, 3 May 1993.

[616] ООН: Резолюция 827 (1993), принятая Советом Безопасности на его 3217-м заседании 25 мая 1993 года // Документ ООН S/RES/827 (1993), 25 May 1993.

[617] См., например, выступление на Совете Безопасности представителя Венесуэлы: Документ ООН S/PV.3217 «Предварительный стенографический отчет о три тысячи двести семнадцатом заседании, состоявшемся в Центральных учреждениях, Нью-Йорк, во вторник, 25 мая 1993 г., в 21 ч. 00 м.». – 1993. – 25 май. – URL: https://undocs.org/ru/S/PV.3217/ (дата обращения: 26.01.2025). – С. 7; представителя Великобритании, там же. – С. 18. С критикой такого подхода к учреждению международных уголовных трибуналов выступил в ходе заседания представитель Китая. Несмотря на то, что китайская делегация проголосовала за принятие резолюции 827(1993), по словам ее представителя, эта «политическая позиция не должна рассматриваться как поддержка данного правового подхода. […] Делегация Китая последовательно придерживается позиции, согласно которой Международный трибунал должен быть учрежден путем заключения договора, с тем чтобы подвести под него прочную правовую основу и обеспечить его эффективное функционирование […] китайская делегация подчеркивает, что учреждение Международного трибунала таким путем может быть лишь особой мерой, принятой в учете особых обстоятельств, сложившихся в бывшей Югославии, и не должно создавать какого-либо прецедента», там же. – С. 32–33. С похожей критикой выступил представитель Бразилии, там же. – С. 36.

Поэтому он был применен в исключительных обстоятельствах, требующих срочного реагирования ввиду серьезности угрозы, которую промедление может представить для международного мира и безопасности. Этим способом Совет Безопасности в последующем воспользовался дважды – в 1994 г. для учреждения международного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за геноцид, совершенный на территории Руанды, и граждан Руанды, ответственных за геноцид, совершенный на территории соседних государств, в период с 1 января по 31 декабря 1994 г.[618] и в 2010 г. для учреждения Международного остаточного механизма для уголовных трибуналов[619].

Устав МТБЮ предписывал всем государствам сотрудничать с трибуналом и «без каких-либо неоправданных задержек» выполнять любые запросы о правовой помощи и поручения судебных палат. Эти положения гарантировали трибуналу возможность относительно беспрепятственно проводить необходимые следственные действия в местах совершения преступлений, подпадающих под его юрисдикцию. Форма резолюции Совета Безопасности, принятой в силу Главы VII Устава ООН, в которую был облечен Устав МТБЮ, стала дополнительным залогом сотрудничества государств с трибуналом, благодаря ее обязательному характеру[620].

Гарантии функционирования, имеющиеся у трибуналов, учреждаемых Советом Безопасности ООН, уникальны и вряд ли могут когда-нибудь найти отражение в универсальном международном договоре об учреждении

---

[618] ООН: Резолюция 955 (1994), принятая Советом Безопасности на его 3453-м заседании 8 ноября 1994 года // Документ ООН S/RES/955 (1994), 08 November 1994.

[619] ООН: Резолюция 1966 (2010), принятая Советом Безопасности на его 6493-м заседании 22 декабря 2010 года // Документ ООН S/RES/1966 (2010), 22 December 2010.

[620] На заседании Совета Безопасности, посвященном принятию Устава МТБЮ, представитель Франции отметил в своем выступлении: «Резолюция 827(1993) была принята в соответствии с Главой VII Устава. Угроза миру и международной безопасности, созданная в результате серьезности ситуации в бывшей Югославии, оправдывает применение таких положений. Эта резолюция, которая представляет собой решение по смыслу ст. 25 Устава, теперь, таким образом, относится ко всем государствам. Это, в частности, означает, что все государства должны в полной мере сотрудничать с Трибуналом, даже если это вынуждает их изменить некоторые положения их внутреннего законодательства». Представитель Японии заявил, что «все государства обязаны приложить все усилия для развития сотрудничества в духе доброй воли». // Документ ООН S/PV.3217, С. 11, 26, 28.

международного уголовного суда. Всеобщий консенсус относительно таких гарантий достигается за счет определенности территориальной и временной компетенций трибуналов *ad hoc* и их ограниченности рамками, прописанными в резолюциях. Эти гарантии являются обязательным условием для эффективной деятельности трибуналов. Они представляют собой безусловное преимущество такого формата отправления международного уголовного правосудия перед остальными.

Доминирование англо-американской уголовно-процессуальной философии и норм, уже отмеченное нами в отношении МВТ, присутствует и в документах, регулирующих деятельность МТБЮ. Это связано с дипломатической активностью, прежде всего, США, представитель которых в Совете Безопасности единственная из своих коллег заявила о намерении своего государства внести вклад в процесс разработки ППД[621]. Ориентация на применение принципов и концепций общего права поощряет региональный дисбаланс при найме сотрудников в пользу лиц, получивших юридическое образование в высших учебных заведениях стран англо-американской правовой семьи. В результате суды теряют интересные и квалифицированные профили из числа континентальных юристов, способные внести полезный вклад в их работу.

МТБЮ первым заявил о своем «естественном» полномочии преследовать случаи посягательств на отправление им правосудия (проявления неуважения к суду), предусмотрев в 1994 г. в ППД наказуемость дачи ложных показаний под присягой и отказа свидетеля от дачи показаний. В решении по первому делу о проявлении неуважения к суду защитником Д. Тадича М. Вуджином МТБЮ отметил: «Устав трибунала ничего не говорит о его полномочии преследовать факты неуважения к суду. Однако трибунал обладает естественными полномочиями, вытекающими из его судебной природы, принимать любые меры для обеспечения должного осуществления его основной функции по отправлению правосудия. Будучи международным уголовным судом, трибунал должен располагать естественными полномочиями наказывать лиц, вмешивающихся в

[621] Там же. С. 14.

отправление им правосудия»[622]. Эта идея была впоследствии воспринята всеми международными уголовными трибуналами *ad hoc*.

Зарубежная доктрина неоднократно ставила под сомнение юридическую обоснованность вывода МТБЮ о наличии у него «естественных» полномочий наказывать посягательства на отправление правосудия[623]. Для демонстрации несостоятельности этих сомнений достаточно отметить, что соответствие этого вывода, конкретизированного в правилах 77 и 91 ППД МТБЮ, его уставу, а следовательно, и его правомерность были как минимум дважды подтверждены Советом Безопасности ООН – органом, чья позиция по данному вопросу является наиболее авторитетной в силу того, что Устав МТБЮ был принят в форме резолюции Совета Безопасности[624].

В первый раз такое подтверждение имело место в 1994 г., когда Совет Безопасности включил в устав МТР предписание судьям будущего трибунала принять ППД МТБЮ в качестве документа, который бы регулировал процессуальные аспекты деятельности МТР, с теми изменениями, которые они посчитают необходимым сделать[625].

Во второй раз полномочия МТБЮ и МТР по преследованию посягательств на отправление ими правосудия получили одобрение Совета Безопасности в 2010 г. при принятии Устава МОМУТ. Переходными положениями этого документа предусматривался порядок передачи МОМУТ дел о посягательствах на отправление правосудия МТБЮ и МТР.

После 1994 г. ППД МТБЮ претерпели ряд изменений, коснувшихся в т.ч. положений о посягательствах на отправление международного уголовного правосудия, в результате чего их перечень существенно расширился. В 1995 г. он

---

[622] *The Prosecutor v. Dušco Tadić*, Judgment on Allegations of Contempt against Prior Counsel, Milan Vujin, 31 January 2000, IT-94-1-A-AR77, § 13 («2000 *Vujin* Contempt Judgment»).

[623] *Bohlander M., op.cit.*, p. 94; *Sluiter G., op.cit.*, p.631; *Spronken T., op.cit.*, p.228–229.

[624] *Question of Jaworzina (Polish–Czechoslovakian Frontier).* Advisory Opinion dated December 6, 1923 // Permanent Court of International Justice Reports. 1923. Series B, No 8. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.icj-cij.org (дата обращения: 26.01.2025): «Общепризнанным является принцип, согласно которому право давать авторитетное толкование нормы права принадлежит исключительно лицу или организации, уполномоченной изменить ее либо отменить».

[625] ООН: Резолюция 955 (1994), принятая Советом Безопасности на его 3453-м заседании 8 ноября 1994 года // Документ ООН S/RES/955 (1994), 08 November 1994.

был дополнен покушением на оказание воздействия на или устрашение свидетеля[626]; в 1997 г. – разглашением судебной тайны[627] и безосновательным уклонением от явки или представления документов по приказу трибунала[628]; а в 1998 г. – фактами угроз, устрашения, причинения ущерба, подкупа или иного оказания воздействия на свидетеля до, после или во время дачи им показаний, а также теми же деяниями, совершенными в отношении потенциального свидетеля или любого другого лица с целью не допустить исполнение этим лицом предписания трибунала; наконец, подстрекательством к совершению или покушением на совершение любого из деяний, перечисленных в правиле[629].

При этом судьями последовательно подчеркивался неисчерпывающий характер перечня наказуемых посягательств на отправление правосудия[630]. В этом прослеживается преемственность с более ранними периодами истории становления института ответственности за совершение преступлений против международного уголовного правосудия[631]. Обусловлено это тем, что все наказуемые посягательства рассматриваются не в качестве самостоятельных составов преступлений, а в качестве способов совершения неуважения к суду. По сути, ППД МТБЮ предусматривали только два правонарушения: неуважение к суду и дачу ложных показаний.

---

[626] Rule 77 ICTY RPE (January 30, 1995). P. 80–83 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.icty.org/ (дата обращения: 20.05.2025).

[627] Rule 77 ICTY RPE (July 25, 1997). P. 80–83 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.icty.org/ (дата обращения: 20.05.2025).

[628] Rule 77 ICTY RPE (November 12, 1997). P. 80–83 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.icty.org/ (дата обращения: 20.05.2025).

[629] Rule 77 ICTY RPE (December 4, 1998). P. 80–83 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.icty.org/ (дата обращения: 20.05.2025).

[630] *The Prosecutor v. Zlatko Aleksovski*, Judgment on Appeal by Anto Nobilo against Finding of Contempt, 31 May 2001, IT-95-14/1-AR77 (*Nobilo* Appeal Judgement), § 39; *The Prosecutor v. Borislav Jović*, Decision to Deny the Accused Josip Jović's Preliminary Motion to Dismiss the Indictment on the Grounds of Lack of Jurisdiction and Defects in the Form of the Indictment, 21 December 2005, IT-95-14 & 14/2-R77, § 28; *The Prosecutor v. Domagoj Margetić,* Sentencing Judgement, 7 February 2007, IT 95-14-R77.6 (*Margetić* Contempt Judgment), §§ 13, 14.

[631] Периодизацию истории становления института ответственности за совершение преступлений против международного уголовного правосудия см. в: *Копылова Е.А.* Преступления против отправления международного уголовного правосудия: дис. ... канд. юрид. нау: 12.00.10. М., 2017. С.90-130.

С течением времени менялась не только материальная составляющая, но и процессуальный порядок осуществления уголовного преследования посягательств на отправление правосудия. Если на ранних этапах Палата выносила предписание провести расследование обстоятельств, содержащих признаки неуважения к суду, Прокурору, то впоследствии фигура Прокурора исчезла, а предполагаемому нарушителю предоставлялась возможность объясниться самостоятельно либо через защитника, после чего Палата принимала решение о его виновности или невиновности[632]. Изменениями от 28 декабря 2001 г. участие Прокурора было восстановлено, а при наличии у него конфликта интересов (например, если неуважение к суду было проявлено представителями его Канцелярии) в качестве обвинителя выступал специально назначенный *amicus curiae*.

В ППД МТБЮ последней редакции неуважение к суду наказывалось штрафом и/или лишением свободы сроком до семи лет[633]. Это значительный срок, сопоставимый с теми, которые назначались лицам, признанным виновными в совершении нескольких преступлений против человечности и военных преступлений[634].

Несмотря на то, то ППД предусматривали виды и максимальные размеры наказания за совершение посягательств на отправление правосудия, в практике МТБЮ были случаи отступления от этих норм. Так, признав защитника Д. Тадича М. Вуджина виновным в представлении трибуналу заведомо ложных доказательств, Апелляционная палата предписала Секретарю трибунала

---

[632] Rule 77(B) ICTY RPE (November 12, 1997). P. 80–83.

[633] Rule 77(G) ICTY RPE. P. 80–83.

[634] В МТБЮ к такому же сроку заключения были приговорены, например: З. Мусич – за умышленное убийство (9 эпизодов), пытки (6 эпизодов), причинение тяжелых страданий или серьезных увечий (4 эпизода), бесчеловечные акты (6 эпизодов) и соучастие в незаконном содержании гражданских лиц в бесчеловечных условиях (*The Prosecutor v. Delalić, Mucić, Delić and Landžo,* Judgment, 16 November 1998, IT-96-21-T); М. Джокич – за незаконное нападение на гражданское население, убийство двоих лиц в ходе этого нападения, бесчеловечное обращение с тремя другими лицами посредством нанесения им увечий, разрушение, не вызванное военной необходимостью, незаконное нападение на гражданские объекты, разрешение и умышленное повреждение культовых, благотворительных, учебных, художественных и научных учреждений, исторических памятников, произведений науки и искусства (*The Prosecutor v. Miodrag Jokić*, Sentencing Judgment, 18 March 2004, IT-01-42/1-S); М. Квочка – за преследования как преступление против человечности и убийства и пытки и др. (*The Prosecutor v. Kvočka, et al.*, Judgment, 2 November 2001, IT-98-30/1-T).

рассмотреть возможность исключения его из списка лиц, допущенных к практике в трибунале в качестве защитника[635]. ППД трибунала не предусматривали такое наказание. Когда встал вопрос о допуске М. Вуджина к защите другого обвиняемого, Р. Ковача[636], судьи сослались на естественное право отказать в таком допуске любому, «даже тому, кто удовлетворяет требованиям правила 44 (А) ППД, если это лицо по иным причинам недостойно участвовать в отправлении трибуналом правосудия»[637].

Нельзя сказать, что выбранный МТБЮ подход к ответственности за посягательства на правосудие в полной мере соответствует общим принципам уголовного права и международным стандартам в области защиты прав человека. Основная проблема заключается в том, что концепция неуважения к суду, предложенная МТБЮ, не позволяет однозначно и полно определить объективную сторону состава данного преступления. Это означает, что критерии, по которым можно было бы судить о том, было ли совершено преступление неуважения к суду, остаются размытыми и неясными. При этом, как указывается выше, за совершение неуважения к суду предусматривается суровое наказание в виде достаточно продолжительного лишения свободы. Это создает ситуацию, в которой индивид не имеет ясного представления о том, за какие конкретные действия он может быть подвергнут уголовному преследованию и, соответственно, лишению свободы на длительный срок. Можно привести несколько фундаментальных правовых принципов, которым данная ситуация противоречит: (1) принцип законности (*nullum crimen, nulla poena sine lege*) – отсутствие четкой правовой нормы, определяющей состав преступления, приводит к неопределенности в отношении того, какие действия могут быть квалифицированы как уголовно наказуемые; (2) принцип справедливости – наказание должно соответствовать степени вины и тяжести деяния. В данном

---

635 2000 *Vujin* Contempt Judgment. – § 172, 174.

636 *The Prosecutor v. Kunarac, et al.,* Request of the Accused Radomir Kovač to allow Mr. Milan Vujin to appear as Co-Counsel Acting Pro Bono, 11 March 2000, IT-96-23-T; IT-96-23/1-T.

637 *The Prosecutor v. Kunarac, et al.,* Decision on the Request of the Accused Radomir Kovač to allow Mr. Milan Vujin to appear as Co-Counsel Acting Pro Bono, 14 March, 2000, IT-96-23-T; IT-96-23/1-T, § 13.

случае отсутствие четких критериев может привести к несоразмерности наказания; (3) принцип защиты прав человека – в данном случае, права на справедливый суд и защиту от произвольного лишения свободы; (4) принцип правовой определенности – нормы права должны быть ясными и доступными для понимания всеми субъектами права.

Международный уголовный трибунал по Руанде. В 1994 г. Советом Безопасности ООН был учрежден МТР. В соответствии со ст. 14 его Устава, ППД МТБЮ подлежали принятию в качестве ППД «руандийского трибунала» с теми поправками, которые посчитают нужным внести его судьи. В результате изменений от 26 мая 2003 г. перечень деяний, подпадающих под квалификацию проявления неуважения к суду в правиле 77 ППД МТР, стал соответствовать перечню правила 77 ППД МТБЮ.

В отличие от МТБЮ, в МТР неуважение к суду влекло наказание в виде лишения свободы, не превышающее пяти лет[638].

В практике МТР имели место два приговора за проявление неуважения к суду, в т. ч. единственный на настоящий момент в истории международного уголовного права приговор по факту дачи свидетелем ложных показаний[639].

Исключительный характер меры в виде учреждения МТБЮ Советом Безопасности и его ограниченная компетенция не позволяли считать его достаточной реакцией на стремление части доктрины и международного сообщества к появлению устойчивого механизма международного уголовного правосудия. Работы на базе проекта КМП 1994 г. активизировались и за четыре года привели к появлению относительно консенсуального документа, получившего название Римский статут Международного уголовного суда.

Международный уголовный суд. 18 июля 1998 г. на Дипломатической конференции в Риме был принят текст договора, учредившего Международный уголовный суд. Во введении к настоящей диссертации мы отмечали, что сегодня

---

[638] Rule 77 ICTR RPE. P. 80–83 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.icty.org/ (дата обращения: 20.05.2025).

[639] *The Prosecutor v. GAA*, Judgment and Sentence, 4 December 2007, ICTR-07-90-R77-1 (*GAA* Judgment), § 8.

недовольство действиями МУС столько велико, что вынуждает некоторые государства к принятию мер, способных парализовать его функционирование. Мы убеждены, что причины сложившейся ситуации кроются в редакции Римского статута. Этот документ неоднократно становился предметом самого подробного изучения в работах отечественных и зарубежных ученых. Здесь мы ограничимся только поименованием наиболее проблемных, с нашей точки зрения, его положений, реализация которых и спровоцировала ситуацию, вылившуюся в кризис отношений между МУС и такими государствами, как Россия, США, Израиль.

В его ст. 1 подчеркивается, что речь идет о «постоянном» Международном уголовном суде – характеристика, которая в проекте КМП 1994 г. появлялась только в ст. 4 и с оговоркой об органическом характере такого постоянства. Окончательный текст Римского статута МУС основывается на концепции постоянства функционального. Это неудачное решение, идущее, к тому же, вразрез с доминировавшей на протяжении ста лет позицией, может быть объяснено сугубо личностными мотивами причастных лиц, рассматривающих любую новую международную структуру, прежде всего, как источник престижного трудоустройства.

Концепция функционального постоянства жизнеспособна только при условии, что международные преступления совершаются регулярно. В противном случае международный суд обречен на переживание периодов полного отсутствия активности, которые могут длиться годами, продолжая требовать финансового содержания со стороны государств-участников, либо вынужден возбуждать уголовные дела на основании событий, не отвечающих всем признакам международных преступлений, охватываемых его юрисдикцией, создавая риск банализации международного уголовного правосудия. Оба эти недостатка характеризуют сегодня МУС.

Отрицательные стороны функционального постоянства только усугубляются применением к отношениям МУС с государствами межгосударственных механизмов правовой помощи по уголовным делам. Суд не

вправе самостоятельно осуществлять следственные действия на территориях государств и поэтому состоит в жесткой зависимости от их доброй воли для реализации своего мандата.

Высокие требования к кандидатам в судьи, предлагавшиеся в проекте КМП 1994 г., были занижены в Римском статуте: опыт участия в уголовных разбирательствах и признанная компетенция в области международного права были упразднены в качестве кумулятивных обязательных условий для замещения судейской должности в МУС и введены как альтернативные (ст. 36(3)(b)[640]. С одной стороны, можно допустить, что юристов-международников с опытом практической работы в сфере уголовного судопроизводства объективно не так много по всему миру; с другой, наличие такого опыта и представления об уголовном процессе совершенно необходимы, с нашей точки зрения, для полноценного и эффективного выполнения роли судьи международного уголовного суда.

Согласно ст. 34 Римского статута, одним из органов МУС – наряду с Президиумом, Апелляционным отделением, Судебным отделением, Отделением предварительного производства и Секретариатом – является Канцелярия Прокурора. Согласно ч. 1 ст. 42 Римского статута «она отвечает за получение передаваемых ситуаций и любой обоснованной информации о преступлениях, подпадающих под юрисдикцию Суда, за их изучение и осуществление расследований и уголовного преследования в Суде». Несмотря на то, что органом суда является именно Канцелярия Прокурора, в Римском статуте она упоминается нечастно. Гораздо детальнее урегулирован статус и полномочия главы Канцелярии – Прокурора. Это указывает на то, что органом обвинения является именно Прокурор. Его полномочия весьма широки на бумаге; однако на практике в части, касающейся предварительного расследования, Прокурор полностью зависим, как указывалось выше, от помощи государств. Это неизбежно затягивает следственный этап, исключает возможность быстрого реагирования на новые

[640] ООН: Римский статут Международного уголовного суда (Рим, 17 июля 1998 года) // Документ ООН A/CONF.183/9, 17 July 1998.

обстоятельства, проверки новых версий, а в конечном итоге приводит к неполноте расследования.

В Римском статуте 1998 г. впервые был использован термин «преступления против отправления правосудия» для обозначения ряда посягательств на международное уголовное судопроизводство и судебный авторитет. В соответствии с ч. 1 ст. 70 к ним относятся: 1) дача ложных показаний после принятия обязательства в соответствии с п. 1 правила 69 ППД давать правдивые показания; 2) представление заведомо ложных или сфальсифицированных доказательств; 3) противоправное оказание воздействия на свидетеля, воспрепятствование или создание помех присутствию свидетеля или даче им показаний, действия в отношении свидетеля из мести за дачу им показаний, уничтожение доказательств, их фальсификация или препятствие их сбору; 4) создание препятствий, устрашение или противоправное воздействие на должностное лицо Суда с целью принудить или убедить его не выполнять или выполнять ненадлежащим образом его обязанности; 5) действия в отношении должностного лица Суда из мести за исполнение этим или иным должностным лицом своих обязанностей; и 6) вымогательство или получение взятки должностным лицом Суда в связи с его служебными обязанностями. Е.Н. Трикоз характеризует ответственность, предусмотренную в ст. 70 Статута, как «необходимый защитный барьер, обеспечивший развертывание долгосрочной и эффективной деятельности» МУС[641].

Окончательный текст ст. 70 формировался в течение длительного периода. В проекте КМП 1994 г. упоминалась только дача ложных показаний, право преследования которой предоставлялось каждому из государств-участников в отношении своих граждан[642]. Но уже Специальный комитет по подготовке создания международного уголовного суда отметил в своем докладе от 7 сентября

---

[641] *Трикоз Е.Н.* Преступления против отправления правосудия в международном уголовном праве // Международное уголовное правосудие: современные проблемы. М.: Институт права и публичной политики, 2009. С. 228.

[642] ООН: Report of the International Law Commission on the Work of its Forty-Sixth Session // Yearbook of the International Law Commission. 1994. Vol. II (II). P. 58–59.

1995 г., что дача ложных показаний должна подпадать под юрисдикцию будущего международного уголовного суда[643].

Доклад Комитета по подготовке создания международного уголовного суда 1996 г. объединил выдвинутые на тот момент предложения государств касательно составов преступлений против отправления правосудия, которые могли бы быть включены в уставной документ. В совместном предложении Австралии и Нидерландов отмечалась необходимость оговорить в уставе полномочия суда в отношении проявления неуважения к нему и дачи ложных показаний и приводились в качестве примера в полном объеме тексты правил 46, 77 и 91 ППД МТБЮ и МТР[644]. В проекте Франции речь шла только о даче ложных показаний, уголовное преследование которой предлагалось предоставлять компетентному государству[645].

Наиболее детальным было предложение США[646]. В нем предлагалось установить преступность и наказуемость дачи ложных показаний под присягой, подкупа, угрозы или насильственных действий с целью оказать влияние на либо из мести должностному лицу суда, тех же деяний, совершенных с целью воздействовать на свидетеля, уничтожения доказательств и неуважения к суду. Размер наказания для каждого преступления предусматривался свой.

В примечании к этому разделу Комитетом ставились, но не разрешались вопросы о преступности покушения на совершение посягательств на отправление правосудия, деяний, направленных на оказание влияния на любое из причастных к деятельности суда лиц, а также об особенностях правового регулирования сотрудничества с государствами в сфере борьбы с такими посягательствами[647].

---

643 ООН: Доклад Специального комитета по вопросу об учреждении международного уголовного суда // Документ ООН A/50/22, 1995.
644 Там же. С. 210–211.
645 Там же. С. 211.
646 ООН: Offenses against the Integrity of the Court: Preparatory Committee on the Establishment of an International Criminal Court: Proposal Submitted by the United States of America // Документ ООН A/AC.249/WP.41, 24 August 1996.
647 ООН: Доклад Специального комитета по вопросу об учреждении международного уголовного суда // Документ ООН A/50/22, 1995. С. 213.

В предварительном проекте статей Комитета 1998 г. в качестве объекта преступлений указывалась «*integrity of the Court*», которую в данном контексте можно перевести как «доброе имя Суда», а не отправление правосудия – «*administration of justice*». Многие включенные в этот проект составы вошли в окончательный текст Статута. Два состава – препятствование или прерывание судебного заседания нарушающим порядок или оскорбительным поведением и неповиновение предписанию, вынесенному судом или с санкции суда[648], – оказались в итоговом документе в ст. 71 о недолжном поведении. Согласно проекту 1998 г., дела о преступлениях против отправления правосудия не должны были рассматриваться судьями, в чьем производстве находится основное дело, – правило, действовавшее в рамках МТБЮ и МТР в отношении преступления дачи ложных показаний.

Окончательный текст статьи, утвержденный на Дипломатической конференции в Риме, был представлен в докладе Рабочей группы по процессуальным вопросам от 13 июля 1998 г.[649]

Применение в рамках МУС доктрины естественных, или подразумеваемых полномочий, которой в практике международных уголовных трибуналов *ad hoc* оправдывались преследования любых посягательств на отправление правосудия, для расширения списка наказуемых деяний представляется неоднозначным. С одной стороны, Римский статут наделяет МУС юрисдикцией в отношении конкретных составов преступлений, перечень которых является закрытым, и отражает достигнутую договоренность между участниками. Нет никаких оснований относить отсутствие в тексте ст. 70 составов других преступлений на счет непредусмотрительности государств. Более того, даже непредусмотрительность не может быть скорректирована МУС самостоятельно;

---

[648] ООН: United Nations Diplomatic Conference of Plenipotentiaries on the Establishment of an International Criminal Court. Preliminary Draft Consolidated Text. Article 63 (44 Bis), Offences or Acts against the Integrity of the Court // Документ ООН A/AC.249/1998/WG.4/CRP.3, 25 March 1998.

[649] ООН: United Nations Diplomatic Conference of Plenipotentiaries on the Establishment of an International Criminal Court. Report of the Working Group on Procedural Matters // Документ ООН A/CONF.183/C.1/WGPM/L.2/Add.7, 14 July1998.

внесение соответствующих изменений в Статут должно стать предметом обсуждения между государствами-участниками. В этой логике ряд серьезных посягательств на правосудие, в т.ч. разглашение судебной тайны или тайны следствия, оказание содействия обвиняемому или подозреваемому лицу в покидании пределов юрисдикции суда, в рамках МУС не считается преступным и наказуемым.

С другой стороны, положения ст. 70 Римского статута являются нормами материального права. Неуважение к суду же носит процессуальный характер. Следовательно, можно предположить, что намерения государств кодифицировать определенные составы преступлений против правосудия никак не сказываются на естественных полномочиях МУС наказывать за неуважение к суду в иных проявлениях, не содержащих признаков указанных составов. Таким образом, в праве МУС эти две формы ответственности за посягательства на отправление правосудия сосуществуют.

Отражением подразумеваемых (естественных) полномочий можно считать норму 29 Регламента МУС, которой предусматривается, что Палата имеет право вынести любое предписание, какое посчитает нужным в интересах правосудия, в случае неподчинения Регламенту или предписанию, вынесенному в соответствии с Регламентом.

Если в таких деяниях обнаруживаются признаки преступлений, предусмотренных ст. 70, то их преследование осуществляется в соответствующем уголовном порядке. Например, умышленное разглашение имени свидетеля или его местонахождения может рассматриваться как действие из мести за дачу показаний в соответствии с п. «c» ч. 1 ст. 70 Статута, в особенности если оно повлекло причинение вреда здоровью свидетеля или его смерть.

Осуществление МУС юрисдикции в отношении преступлений против отправления им правосудия отличается от осуществления им юрисдикции в отношении международных преступлений.

Во-первых, право преследования МУС международных преступлений вторично по отношению к праву преследования компетентных государств[650]. Это правило известно как принцип комплементарности МУС. Так, Суд не вправе принять к рассмотрению дело, которое на законных основаниях расследуется или разбирается национальными правоохранительными органами, если только не констатирует нежелание либо неспособность соответствующего государства расследовать либо разбирать дело должным образом. Суд также не вправе принять к рассмотрению дело, следствие по которому уже завершилось на национальном уровне и по результатам которого было принято решение о прекращении дела в отношении заинтересованного лица. Вместе с тем, такое решение только тогда является правовым основанием для неприемлемости дела МУС, когда оно не вызвано нежеланием либо неспособностью государства должным образом осуществлять уголовное преследование.

В отношении преступлений против отправления международного уголовного правосудия МУС принцип комплементарности не действует – Суд имеет конкурирующую юрисдикцию с государствами – участниками Римского статута[651]. В соответствии с п. «а» ч. 4 ст. 70, государства-участники обязаны распространить действие своих правовых норм, устанавливающих преступность и наказуемость деяний, которые посягают на осуществление расследования и отправление правосудия национальными правоохранительными органами, на деяния, предусмотренные в п. 1 ст. 70 Статута.

При этом круг таких преступлений ограничен деяниями, содержащими признаки составов, предусмотренных ч. 1 ст. 70 Статута. Иными словами, государства-участники не обязаны – хотя вправе – обеспечивать уголовно-правовую защиту интересов Суда, не защищенных в ст. 70. С другой стороны, п. «а» ч. 4 ст. 70 прямо не предусматривает создание новых уголовно-правовых норм в случае, если какое-либо деяние, преступное по ст. 70, не является таковым по национальному праву.

---

[650] Статья 17 Римского статута МУС 1998 г.
[651] Часть 4 ст. 70 Римского статута МУС 1998 г.

Статут обязывает государства-участники принять меры, позволяющие им осуществлять уголовное преследование преступлений против отправления правосудия МУС, если такие преступления имели место на их территории (территориальный принцип) или были совершены их гражданами (активный персональный принцип). Это не означает, однако, что государства-участники не могут осуществлять юрисдикцию в силу других принципов, предусмотренных в их законодательстве. Так, государство вправе возбудить уголовное дело по факту похищения либо причинения вреда жизни или здоровью свидетеля или должностного лица Суда, если эти лица имеют гражданство такого государства (пассивный персональный принцип).

Право преследования МУС посягательств на отправление им правосудия ограничено только запретом на повторное преследование за одно и то же поведение лица, в отношении которого имеется окончательный приговор[652].

Во-вторых, юрисдикция Суда в отношении преступлений против отправления им правосудия не ограничена территорией государств-участников или гражданской принадлежностью к ним обвиняемого лица. В данном контексте Суд выступает как субъект международного права и как самостоятельная юрисдикционная единица, а не как инструмент борьбы государств-участников с международными преступлениями. Как инструмент Суд может использоваться только субъектами, признающими его юрисдикцию. Как юрисдикционная единица Суд – как представляется – правомочен защищать свои интересы самостоятельно, полагаясь на правовой арсенал, предоставленный в его распоряжение разработчиками Статута. Подробнее об особенностях юрисдикции международных уголовных судов в целом в отношении посягательств на отправление ими правосудия будет сказано ниже.

Прежде чем осуществлять юрисдикцию в отношении преступлений против отправления правосудия, Суд может проводить консультации с заинтересованными государствами – участниками Статута[653]. Надо полагать, что к

---

[652] Rule 168 ICC RPE.
[653] Rule 162 (1) ICC RPE.

таким государствам относятся, во-первых, государство, на территории которого имело место действие или бездействие, содержащее элементы преступления. Это может быть, например, государство, где находится штаб-квартира Суда, или государство, где проходило выездное слушание. При этом государство, принимающее штаб-квартиру, может ходатайствовать о том, чтобы Суд воздержался от осуществления юрисдикции по делам о преступлениях против отправления международного правосудия особой важности. Отказать в таком ходатайстве Суд может только при наличии действительно исключительных обстоятельств[654].

Во вторую очередь к заинтересованным государствам относится государство гражданской принадлежности обвиняемого либо государство, где обвиняемый, будучи лицом без гражданства, постоянно проживает, если законодательством этого государства допускается осуществление юрисдикции на данном основании.

При возникновении конфликтов юрисдикций они разрешаются в соответствии с применимыми нормами международного права либо договорным порядком.

При принятии решения о самостоятельном уголовном преследовании либо о передаче преследования компетентному государству-участнику Суд может принимать во внимание, помимо прочего, следующие обстоятельства: перспективы эффективного преследования правоохранительными органами государства – участника Статута; тяжесть преступления; возможность объединения будущего уголовного дела с делом, возбужденным по факту совершения международного преступления, в рамках которого имело место посягательство на отправление правосудия; интересы скорого отправления правосудия; пересечение с ведущимся расследованием или судебным разбирательством; соображения касательно сбора доказательств[655].

---

[654] Rule 162(3) ICC RPE.
[655] Rule 162(2) ICC RPE.

Преступления против отправления правосудия МУС наказываются лишением свободы на срок до пяти лет и/или штрафом[656]. Как разъяснила Седьмая палата в решении о назначении наказания по делу «Бемба и другие», пятилетний срок наказания является максимальным вне зависимости от количества совершенных лицом преступлений против отправления правосудия[657].

Данный вывод представляется спорным. В соответствии с ч. 3 ст. 70 Римского статута «в случае вынесения решения о признании какого-либо лица виновным Суд может назначить наказание в виде лишения свободы на срок не более пяти лет». С одной стороны, данное предложение может действительно быть прочитано как устанавливающее максимальный срок наказания в одном обвинительном приговоре, сколько бы в нем ни содержалось пунктов обвинения.

С другой стороны, не будет нелогичным предположить, что в данном положении установлен предел наказания за совершение одного преступного эпизода. Такая техника написания уголовного закона принята повсеместно, как на национальном уровне, так и в других международных уголовных судах. Как отмечает Канцелярия Прокурора МУС в деле «Бемба и другие», ничто в подготовительных материалах Римского статута не указывает на намерение сторон отойти от этой техники[658]. Данный аргумент представляется наиболее убедительным из всех и заставляет склоняться к той точке зрения, что предусмотренный в Статуте пятилетний срок является максимальным в отношении одного доказанного события преступления против международного правосудия и может быть превышен в случае приговора по совокупности преступлений.

Кроме того, в Римском статуте особой статьей регулируется порядок складывания сроков наказания при множественности преступлений. Это ч. 3 ст. 78: «Если лицо осуждено за совершение более чем одного преступления, Суд назначает наказание за каждое преступление и общее наказание с указанием всего

---

656 Часть 3 ст. 70 Римского статута МУС 1998 г.

657 *The Prosecutor v. Jean-Pierre Bemba, et al.*, Decision on Sentence pursuant to Article 76 of the Statute, 22 March 2017, ICC-01/05-01/13-2123-Corr, §§ 30–35.

658 *The Prosecutor v. Jean-Pierre Bemba, et al.*, Prosecution’s Submission on Sentencing, 12 December 2016, ICC-01/05-01/13-2085-Red, § 141.

срока лишения свободы. Этот срок не должен быть меньше срока, предусмотренного самым суровым отдельным наказанием, которое было назначено, и не должен превышать 30 лет лишения свободы или меры наказания в виде пожизненного лишения свободы в соответствии с подпунктом “b” пункта 1 статьи 77». В соответствии с правилом 163 ППД МУС, устанавливающим круг правовых норм Римского статута, применимых к ст. 70 посредством исчерпывающего перечня неприменимых статей, данная статья применима *mutatis mutandis* к преступлениям против отправления правосудия.

Сторонники первого варианта интерпретации ч. 3 ст. 70 Статута могут сослаться на общий способ толкования международных договоров в пользу обременяемого субъекта, согласно которому если сомнения не удается устранить посредством применения правил толкования, то такие сомнения надлежит разрешать в пользу более слабой стороны правоотношения и против разработчиков договора, допустивших двусмысленность в его тексте.

Однако личность обременяемого субъекта в данном контексте также не бесспорна. Им может выступать лицо, в отношении которого был вынесен обвинительный приговор, – но только при том условии, что оно было признано виновным в совершении как минимум двух преступлений против отправления правосудия. Вместе с тем, в качестве обременяемого субъекта также может рассматриваться и МУС как потерпевший от деятельности осужденного. Все в данном случае зависит от того, какое правоотношение брать за основу выбора: то, которое возникает между нарушителем и судом в связи с обязанностью нарушителя нести уголовную ответственность за совершенные им преступления и где нарушитель выступает более слабой стороной; либо то, которое возникает между ними в момент совершения преступления и в котором суд находится в более слабом положении, т. к. вынужден претерпевать негативные последствия преступной активности нарушителя.

Размер штрафа не может превышать 50% от совокупной стоимости активов и имущества осужденного за вычетом суммы, необходимой для содержания самого осужденного и лиц, находящихся у него на иждивении.

Срок давности уголовного преследования за совершение преступлений против отправления правосудия МУС составляет пять лет со дня совершения преступления[659]. Течение срока давности прерывается началом следственных действий или уголовного преследования Судом, либо компетентным государством – участником Статута. Приведение в исполнение наказания ограничено десятилетним сроком давности, исчисляющимся с момента вступления приговора в окончательную силу. Основанием для приостановления течения этого срока является заключение осужденного под стражу. Течение срока давности исполнения наказания также приостанавливается на все время нахождения осужденного лица за пределами юрисдикции МУС[660].

29 февраля 2016 г. судьи МУС, в соответствии с ч. 3 ст. 51 Статута, утвердили внесение временных изменений в правило 165 ППД, регулирующее порядок проведения предварительного расследования и уголовного преследования преступлений против отправления правосудия МУС[661]. Эти изменения имели своей целью упростить и ускорить процедуру рассмотрения дел о таких преступлениях, уполномочив одного судью вместо трех принимать все решения на стадии утверждения обвинительного заключения и по первой инстанции, а также трех судей вместо пяти – на стадии апелляции. Таким образом, процедура рассмотрения МУС дел о преступлениях против отправления правосудия стала походить на процедуру, принятую в рамках СТЛ. Это позволяет говорить о сближении правового регулирования ответственности за совершение посягательств на судопроизводство и судебный авторитет в различных международных уголовных судах посредством заимствования положительного опыта. Это также указывает на осознание судьями, по опыту процесса «Бемба и другие», того, что громоздкая процедура, предусмотренная Римским статутом, не соответствует задачам правосудия.

---

[659] Rule 164 (2) ICC RPE.
[660] Rule 164 (3) ICC RPE.
[661] ICC: Report on the Adoption by the Judges of Provisional Amendments to Rule 165 of the Rules of Procedure and Evidence [Электронный ресурс] – URL: https://www.icc-cpi.int/ (дата обращения: 26.01.2025).

Принятие Римского статута ознаменовало начало нового этапа в истории становления института преступлений против отправления международного уголовного правосудия. Впервые подобные деяния, которые ранее влекли наступление либо дисциплинарной, либо смешанной дисциплинарно-уголовной ответственности, приобрели формальную уголовно-правовую санкцию. Их перечень также впервые стал закрытым.

Специальный суд по Сьерра-Леоне. 12 июня 2000 г. президент Сьерра-Леоне А. Кабба обратился к Генеральному секретарю ООН с просьбой оказать содействие в организации при помощи международного сообщества судебного разбирательства над лицами, ответственными за совершение наиболее серьезных преступлений в ходе гражданского конфликта в Сьерра-Леоне. 14 августа 2000 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию, в которой попросил Генерального секретаря «заключить путем переговоров соглашение с правительством Сьерра-Леоне в целях учреждения независимого специального суда»[662].

Примечательно, что в этой резолюции Совет Безопасности ООН дал ряд рекомендаций относительно параметров будущего суда. Так, рекомендовано было наделить суд юрисдикцией в отношении не только преступлений по международному праву, но также и в отношении деяний, преступных по праву Сьерра-Леоне. Касательно структуры суда Совет Безопасности ООН рекомендовал рассмотреть «желательность, целесообразность и уместность […] использования общей с международными уголовными трибуналами по бывшей Югославии и Руанде апелляционной камеры». На тот момент будущий суд для Сьерра-Леоне был третьим органом международной уголовной юстиции, учреждаемым при непосредственном участии Совета Безопасности ООН менее, чем за десять лет. Рекомендация относительно единого апелляционного отделения для всех трибуналов свидетельствует о том, что государства-члены Совета Безопасности ООН задумывались над созданием интегрированной системы органов международной уголовной юстиции. Однако Генеральный секретарь

[662] ООН: Резолюция 1315 (2000), принятая Советом Безопасности на его 4186-м заседании 14 августа 2000 года // Документ ООН S/RES/1315 (2000), 14 August 2000.

ООН в своем докладе назвал эту идею «юридически несостоятельной и практически неосуществимой»[663]. Аналогичного мнения придерживался председатель Международного трибунала по бывшей Югославии. Признавая, что «совместное использование Апелляционной камеры [двух международных трибуналов] имело бы существенное преимущество в обеспечении единообразного применения международного гуманитарного права», он высказывал опасения относительно последствий для международного уголовного правосудия чрезмерного увеличения нагрузки на апелляционное отделение, смешения источников права и судей трех трибуналов»[664].

Соглашение о создании СССЛ было подписано между Сьерра-Леоне и ООН 16 января 2002 г., к нему прилагался устав нового органа. Следуя рекомендации Совета Безопасности ООН, разработчики устава наделили суд юрисдикцией в отношении международных преступлений, предусмотренных уставом, и в отношении преступлений по законодательству Сьерра-Леоне. СССЛ и национальные суды Сьерра-Леоне по уставу имели параллельную юрисдикцию при верховенстве СССЛ.

Одним из органов суда по уставу являлся Обвинитель, назначаемый Генеральным секретарем ООН на три года с возможностью повторного назначения.

В литературе можно встретить характеристику СССЛ как «гибридного» суда[665]. В отношении него используются также термины «смешанный суд»,

---

[663] U.N. Document S/2000/915 «Report of the Secretary-General on the establishment of a Special Court for Sierra Leone». – Текст: электронный. – 2000. – 4 Oct. – URL: https://www.refworld.org/reference/countryrep/unsc/2000/en/30376 (дата обращения: 26.01.2025), § 40.

[664] Там же, § 45.

[665] *De Bertodano S.* Current Developments in Internationalized Courts // Journal of International Criminal Justice. 2003. Vol. 1. P. 226-244; *Dickinson L.A.* Transitional Justice in Afghanistan: The Promise of Mixed Tribunals // Denver Journal of International Law and Policy. 2002. Vol. 31. P. 23-42; *Linton S.* New Approaches to International Justice in Cambodia and East Timor // International Review of the Red Cross. 2002. Vol. 845. P. 93-119; *Dickinson L.A.* The Relationship between Hybrid Courts and International Courts: The Case of Kosovo // New England Law Review. 2003. Vol. 37(4). P. 1059-1072; *Dickinson L.A.* The Promise of Hybrid Courts // American Journal of International Law. 2003. Vol. 97. P. 295-310; *Katzenstein S.* Hybrid Tribunals: Searching for Justice in East Timor // Harvard Human Rights Journal. 2003. Vol. 16. P. 258-259; *Linton S.* Cambodia, East Timor and Sierra Leone: Experiments in International Justice // Criminal Law Forum. 2001. Vol. 12.

«интернационализированный суд», «смешанный национально-международный суд»[666], «суд третьего поколения»[667]. Выделяется несколько признаков таких органов[668]: 1) регулирование вопросов юрисдикции и функционирования одновременно нормами международного и национального права; 2) суды применяют материальные нормы как международного, так и национального права; 3) сотрудники судов, включая судей и обвинителей, являются гражданами разных государств; 4) допускается участие на стороне защиты граждан иностранных государств; 5) наличие правосубъектности одновременно по национальному и международному праву; 6) внесистемный характер судов по отношению к судебной системе конкретного государства.

С нашей точки зрения, концепция «гибридных судов» не является правовой. Такие органы точно так же, как и любые другие принадлежат либо к международному, либо к государственному правопорядку. Их особенности лишь позволяют говорить о разнообразии подходов к отправлению уголовного правосудия на международном или внутригосударственном уровнях, но не указывают на существование отдельного смешанного правопорядка. Признаки международных судов мы подробно рассмотрели выше и показали, что ни участие в судопроизводстве в каком бы то ни было качестве иностранных граждан, ни применение одновременно норм международного и национального права не являются экстраординарным явлением. Наличие правосубъектности по

P. 185-246; *Linton S.* Prosecuting Atrocities at the District Court of Dili // Melbourne Journal of International Law. 2001. Vol. 2. P. 414-458; *Linton S.* Rising from the Ashes: The Creation of a Viable Criminal Justice System in East Timor // Melbourne University Law Review. 2001. Vol. 25. P. 122-180; *Lipscomb R.* Restructuring the ICC Framework to Advance Transitional Justice: A Search for a Permanent Solution in Sudan // Columbia Law Review. 2006. Vol. 106 (1). P. 182-212; *Nouwen S.* Hybrid Courts. The Hybrid Category of a New Type of International Criminal Courts // Utrecht Law Review. 2006. Vol. 2, № 2. P. 190–214; *Wald P.* Accountability for War Crimes: What Roles for National, International, and Hybrid Tribunals? // American Society of International Law Proceedings. 2004. Vol. 98. P. 181-182.

[666] *Евсеев А.П.* Гибридные суды как институт транзитивного правосудия // Международное правосудие. 2017. № 3(23). С. 48.

[667] *Шинкарецкая Г.Г.* Смешанные уголовные трибуналы: новый вид правосудия? // Международное право и международные организации. 2014. № 2. С. 294.

[668] *Волеводз А.Г.* Международные правоохранительные организации: учебное пособие. Москва: Проспект, 2011. С.223-224; *Скуратова А.Ю., Синякин И.И.* Международное уголовное право. С.253-254.

международному и национальному праву характерно для любого субъекта международного права и автоматически указывает на принадлежность суда к международному правопорядку.

Регулирование процессуальных аспектов деятельности СССЛ осуществлялось на основе ППД МТР, с необходимыми поправками[669]. Перечень способов проявления неуважения к суду в правиле 77 СССЛ был дополнен намеренным оказанием помощи обвиняемому в покидании пределов юрисдикции суда[670]. В правило 77 ППД ОССЛ также были включены получение, вымогательство и согласие на получение взятки в отношении доказательств в процессе[671] и те же действия, совершенные должностным лицом суда в связи с исполнением им своих должностных обязанностей[672].

В отличие от МТБЮ и МТР, максимальный срок наказания за проявление неуважения к суду в СССЛ и ОССЛ зависит от тяжести нарушения, которое, в свою очередь, определяется процедурой рассмотрения. Лицо, чье дело рассматривается в упрощенном порядке, не может быть осуждено на срок, превышающий шесть месяцев[673]. Если характер нарушения таков, что требует проведения предварительного расследования, то максимальный срок наказания увеличивается до семи лет лишения свободы. Правилами ОССЛ дополнительно предусматривается, что при наличии отягчающих обстоятельств, таких как наступление смерти или серьезного вреда здоровью, размер наказания может превышать семилетний срок по усмотрению суда.

Специальный трибунал по Ливану. 14 февраля 2005 г. в Ливане в результате террористического акта погиб бывший премьер-министр страны

---

669 Статья14 Устава Специального суда по Сьерра-Леоне (Фритаун, 16 января 2002 г.). [Электронный ресурс]. – URL: https://docs.cntd.ru/document/901897901 (дата обращения: 31.08.2025).

670 Rule 77 (A)(vi) SCSL RPE. P. 80–83 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.rscsl.org/ (дата обращения: 20.05.2025).

671 Rule 77 (A) (vii) RSCSL RPE. P. 43–45 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.rscsl.org/ (дата обращения: 20.05.2025).

672 Rule 77 (A) (viii) RSCSL RPE. P. 43–45 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.rscsl.org/ (дата обращения: 20.05.2025).

673 Rule 77 (G) RSCSL RPE. P. 43–45 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.rscsl.org/ (дата обращения: 20.05.2025).

Р.Харири. Еще 21 человек получили смертельные ранения; всего от взрыва пострадало 226 человек. На следующий день Совет Безопасности ООН сделал заявление, в котором «безоговорочно осудил» произошедшее и призвал «Правительство Ливана привлечь к ответственности исполнителей, организаторов и спонсоров этого чудовищного террористического акта и, отмечая обязательства, взятые в этой связи правительством Ливана], а все государства, «в соответствии с положениями его (Совета Безопасности – прим.авт.) резолюций 1566 (2004) и 1373 (2001) всесторонне сотрудничать в борьбе с терроризмом»[674].

Миссия по установлению фактов, сформированная Генеральным секретарем ООН, для определения причин, обстоятельств и последствий террористической атаки, в своем докладе от 24 марта 2005 г. пришла к заключению о том, что «ливанский процесс расследования имеет серьезные недостатки и демонстрирует отсутствие как возможностей, так и готовности сделать удовлетворительный и вызывающий доверие вывод» и рекомендовала проведение независимого международного расследования. Вняв этой рекомендации, Совет Безопасности ООН учредил международную независимую комиссию по расследованию «для оказания помощи ливанским властям в их расследовании всех аспектов этого террористического акта, включая содействие в выявлении исполнителей, спонсоров, организаторов и сообщников этого преступления»[675].

21 июня и 12 июля 2005 г. имели место два других взрыва, в результате которых 2 человека погибли и еще 13 получили ранения. 13 декабря 2005 г. Правительство Ливана ходатайствовало о создании трибунала «международного характера» для уголовного преследования лиц, ответственных за взрыв 14 февраля 2005 г. В резолюции 1664 (2006) от 29 марта 2006 г. Совет Безопасности ООН просил Генерального секретаря «провести переговоры для заключения с правительством Ливана соглашения, направленного на учреждение трибунала

---

[674] ООН: Заявление Председателя Совета Безопасности ООН // Документ ООН S/PRST/2005/4, 15.02.2005.

[675] ООН: Резолюция Совета Безопасности ООН S/RES/1595 (2005), принятая на 5160-м заседании 7 апреля 2005 года // Документ ООН S/RES/1595 (2005), 07.04.2005.

международного характера, действующего на основе самых высоких международных стандартов в области уголовного правосудия»[676].

23 января и 6 февраля 2007 г. соглашение о создании СТЛ было подписано ливанским правительством и Генеральным секретарем ООН, соответственно, и направлено в парламент для ратификации. Однако председатель парламента отказался созывать заседание для проведения голосования. 4 апреля 2007 г. большинство депутатов обратилось к Генеральному секретарю ООН с просьбой учредить трибунал путем принятия резолюции Совета Безопасности. Такая резолюция была принята 30 мая 2007 г. на основании главы VII Устава ООН[677].

В состав трибунала входят четыре органа: судебные палаты (судья предварительного производства, Судебная палата и Апелляционная палата), Прокурор, Секретариат и Канцелярия защиты. Число судей не может быть меньше одиннадцати и больше четырнадцати; из них один международный судья выполняет функцию судьи предварительного производства, три судьи (один – ливанский и два международных) заседают в составе Судебной палаты. В состав Апелляционной палаты входят пять судей, двое из них – ливанцы, а трое – международные. Еще двое судей – один ливанский и один международный – являются запасными.

Ливанские судьи назначаются Генеральным секретарем для работы в Судебной или Апелляционной палате или в качестве запасного судьи из списка из двенадцати лиц, представленных правительством по предложению Высшего судебного совета Ливана. Международные судьи назначаются Генеральным секретарем для работы в качестве судьи предварительного производства, судьи Судебной палаты, судьи Апелляционной палаты или запасного судьи из числа кандидатов, предложенных государствами по просьбе Генерального секретаря, а также компетентными лицами. Правительство и Генеральный секретарь проводят консультации в отношении назначения судей. Срок пребывания их в должности –

---

[676] Резолюция Совета Безопасности ООН S/RES/1664 (2006), принятая на 5401-м заседании 29 марта 2006 года // Документ ООН S/RES/1664 (2006), 29.03.2006

[677] Резолюция 1757 (2007), принятая Советом Безопасности на его 5685-м заседании 30 мая 2007 года // Документ ООН S/RES/1757 (2007), 30.05.2007.

три года с возможностью переназначения на срок, определяемый Генеральным секретарем совместно с ливанским правительством.

Международный прокурор назначается на должность аналогичным способом. Его заместителем является ливанский прокурор.

Нельзя не провести параллель между обстоятельствами, приведшими к созданию СТЛ, и теми, за которыми последовало появление Женевской конвенции по созданию международного уголовного суда 1937 г. Примечательно, что в обоих случаях применению подлежало национальное право. Специальный трибунал по Ливану должен руководствоваться положениями Уголовного кодекса Ливана, касающимися преследования и наказания за акты терроризма, преступления и правонарушения против жизни и личной неприкосновенности, незаконные объединения и недонесение о преступлениях и правонарушениях, включая нормы, касающиеся материальных элементов преступления, участия в преступлении и сговора; а также ст. 6 и 7 закона Ливана от 11 января 1958 г. «Об усилении наказаний за ведение подрывной деятельности, гражданскую войну и межконфессиональную вражду». Это связано с тем, что терроризм не является преступлением, а явлением, которое представляет собой совершение общеуголовных деяний в политических целях.

По сложившейся в международном уголовном праве практике, разработка и кодификация процессуальных аспектов деятельности трибунала в форме ППД возлагалась на его судей[678]. В Правилах было восполнено отсутствие в Уставе норм о наказании посягательств на отправление правосудия и авторитет трибунала со ссылкой на доктрину естественных полномочий. Правило 60*bis* о проявлении неуважения к суду и препятствовании отправлению правосудия появилось в Правилах спустя год после их принятия[679]. Среди нововведений правила 60*bis* по отношению к аналогичным нормам других международных уголовных трибуналов следует отметить дачу заведомо ложных внесудебных показаний стороне обвинения или защиты либо их представителю, если лицо,

[678] Статья 28 Устава Специального суда по Сьерра-Леоне.
[679] ППД СТЛ были приняты 20 марта 2009 г. 10 ноября 2010 г. они были дополнены правилом 60*bis* «Проявление неуважения к суду и препятствование отправлению правосудия».

дающее показания, было предупреждено об уголовной ответственности за такое поведение, о чем подписало свидетельство, приложенное к показаниям. Наказуемыми также провозглашались действия, составляющие угрозу, устрашение, либо направленные на принуждение судьи либо служащего трибунала, дача им взятки или серьезная публичная клевета в их отношении посредством ложных заявлений, публикация которых несовместима со свободой выражения мнения как она понимается в международном праве прав человека[680].

Также по сложившейся практике наказуемость дачи ложных показаний под присягой в ППД СТЛ регулируется отдельно в правиле 152.

Совершение деяний, предусмотренных правилами 60*bis* и 152, наказывается лишением свободы на срок, не превышающий семи лет[681].

Порядок рассмотрения дел, возбужденных по правилам 60*bis* и 152, отличается от принятого в других международных уголовных судах. В рамках СТЛ предусмотрена должность судьи по делам о проявлении неуважения к суду, которая замещается Председателем трибунала для каждого дела из судей согласно установленной очередности[682]. Апелляции по таким делам заслушиваются Апелляционным комитетом из трех судей[683].

СТЛ было рассмотрено два случая проявления неуважения к суду[684]. Оба они имеют большое практическое и теоретическое значение, т. к. впервые в истории международного уголовного права в качестве обвиняемых в посягательствах на отправление правосудия выступали юридические лица. Эти эпизоды будут подробно проанализированы ниже.

В практике международных трибуналов проявление неуважения к суду расценивается как уголовно наказуемое деяние: об этом свидетельствует, помимо прочего, используемая терминология, предоставляемые обвиняемым

---

[680] Rule 60bis (A) STL RPE.
[681] Rule 60bis (J) STL RPE.
[682] STL: Rule 60bis (C) STL RPE; Practice Direction on Designation of Judges in Matters of Contempt, Obstruction of Justice and False Testimony // Документ STL/PD/2013/06, 11 марта 2013.
[683] Rule 60bis (M) STL RPE.
[684] *Re Al Jadeed [Co.] S.A.L./New TV S.A.L. (N.T.V.) and Karma Mohamed Thasin Al Khayat* (STL-14-05); *Re Akhbar Beirut S.A.L. and Mr Ibrahim Mohamed Ali Al Amin* (STL-14-06).

процессуальные гарантии и обращение к принципам уголовного права. Одним из наиболее показательных является применение трибуналами к проявлениям неуважения к суду принципа «не дважды за одно»[685], несмотря на то, что, будучи процессуальным по своему характеру, неуважение к суду не может служить правовым препятствием для возбуждения уголовного дела на основании тех же обстоятельств. Если проявление неуважения к суду содержит признаки преступного деяния, то такое деяние может преследоваться отдельно в установленном порядке[686]. Например, если бы в рамках вышеупомянутого «дела врачей» свидетель К. Холленрайнер причинил телесные повреждения обвиняемому В. Бейглбоку в ходе судебного опознания, то в дополнение к лишению свободы за проявление неуважения к суду он мог бы понести наказание по соответствующей статье Уголовного кодекса Германии – однако уже в соответствии с приговором не МВТ, а обычного германского суда.

Кроме того, судьи применяли к делам о неуважении к суду бремя доказывания по уголовным делам, требуя доказательств виновности обвиняемых «вне всяких разумных сомнений»[687].

Международный остаточный механизм для уголовных трибуналов. МОМУТ – это орган международной уголовной юстиции, учрежденный Резолюцией Совета Безопасности ООН 1966 (2010) от 22 декабря 2010 г. для завершения дел, начатых МТБЮ и МТР, после закрытия этих трибуналов.

---

[685] О применимости принципа «не дважды за одно» к проявлениям неуважения к суду см.: *The Prosecutor v. Leonidas Nshogoza*, Decision on Defence Judicial and Administrative Application for Deferral in Favour of the ICTR, 5 November 2008, ICTR-2007-91-PT, § 22 et seq. В этом деле детектив защиты Л. Нсогоза обвинялся в противоправном воздействии на свидетеля с целью склонить последнего к даче ложных показаний. Одновременно на основании тех же обстоятельств против детектива было возбуждено уголовное дело в руандийском суде. Защита ходатайствовала перед МТР о вынесении предписания руандийским властям прекратить уголовное дело в отношении Л. Нсогоза на том основании, что он не может отвечать перед двумя судами за одно и то же поведение. МТР подтвердил фундаментальный характер принципа «не дважды за одно» и его применимость к фактам проявления неуважения к суду.

[686] *Beale J.H. Jr., op.cit.,* p. 173. См. также: *King v. Lord Ossulston*, 2 Str. 1107, 93 Eng. Rep. 1063 (K. B. 1739); *State v. Yancy*, 4 N. C. 133 (1814).

[687] *The Prosecutor v. Blagoje Simič et al.,* Judgement in the Matter of Contempt Allegations against an Accused and his Counsel, 30 June 2000, IT-95-9-R77, § 100.

МОМУТ состоит из двух отделений, ответственных за завершение дел МТБЮ и МТР соответственно. Согласно ч. 4 ст. 1 Устава МОМУТ, он полномочен осуществлять уголовное преследование посягательств на отправление правосудия, включая дачу ложных показаний, им самим, МТБЮ или МТР. Впервые в истории международного уголовного права юрисдикция международного уголовного трибунала *ad hoc* в отношении преступлений против отправления правосудия получила отражение в его уставном документе.

ППД МОМУТ содержат правило 90 «Проявление неуважения к суду» и правило 108 «Дача ложных показаний под присягой», которые воспроизводят соответственно тексты правил 77 и 91 МТБЮ и МТР.

Прежде чем осуществлять юрисдикцию в отношении преступлений против отправления правосудия, МОМУТ надлежит, в соответствии с его уставом, рассмотреть возможность передачи дела внутригосударственным правоохранительным органам с учетом интересов справедливого и скорого отправления правосудия[688]. Этот же принцип действует в отношении уголовных преследований лиц, которые несут не самую большую ответственность за преступления, имевшие место на территории бывшей Югославии и Руанды. Это правило представляет собой механизм, позволяющий сократить нагрузку на МОМУТ, не рассчитанный на длительное существование.

На сегодня в рамках МОМУТ не было рассмотрено ни одного дела по факту совершения преступлений против отправления правосудия им или его предшественниками.

В период между началом работы отделения МОМУТ, ответственного за завершение дел одного из трибуналов, и закрытием соответствующего трибунала, эти два судебных органа существовали параллельно. Согласно переходным положениям, подсудность дел о посягательствах на отправление правосудия одному из них зависит от даты утверждения обвинительного заключения. В производстве трибуналов *ad hoc* оставались дела, обвинительное заключение по

---

[688] Статья 4 Устава МОМУТ. См.: Резолюция 1966 (2010), принятая Советом Безопасности на его 6463-м заседании 22 декабря 2010 года // Документ ООН S/RES/1966 (2010), 22.12.2010.

которым было утверждено до начала работы соответствующего отделения МОМУТ.

Эти переходные положения имеют большое значение не только для разграничения компетенции между трибуналами по делам о посягательствах на отправление правосудия. Деятельность трибуналов подчинена принципу законности уголовного преследования, обусловливающему последнее существованием нормативного запрета известного поведения на момент его совершения. Распространение юрисдикции МОМУТ в отношении преступлений против отправления правосудия на деяния, имевшие место в рамках МТБЮ и МТР до его учреждения, когда такие деяния формально не являлись преступлениями, а влекли наступление дисциплинарно-уголовной ответственности, представляет собой криминализацию постфактум. Если понимать принцип законности буквально, т. е. как запрет на привлечение к уголовной ответственности за деяние, не закрепленное в качестве такового в каком-либо нормативно-правовом акте на момент его совершения, то устав МОМУТ в части, касающейся подсудности ему дел о погятельствах на отправление правосудия МТБЮ и МТР, которые имели место до начала его работы, противоречит этому принципу.

Вместе с тем, идеологической основой принципа законности является справедливость по отношению к субъекту права, который моделирует свое поведение, исходя из действующих правовых запретов и дозволений. Поэтому, с нашей точки зрения, в международном уголовном праве привлечение к ответственности можно считать законным при условии, что соответствующее поведение противоречит какой-либо действующей норме международного права, вне зависимости от того, является ли эта норма писаной или нет и какой характер ответственности предусмотрен за ее нарушение, если такой характер оговорен вообще. В данном случае противоправность посягательств на отправление международного уголовного правосудия была установлена в международном уголовном праве задолго до учреждения МОМУТ.

При этом, однако, при назначении МОМУТ наказания за посягательства на отправление правосудия МТР необходимо учитывать, что максимальный срок наказания по Правилам процедуры и доказывания МТР не мог превышать пяти лет лишения свободы, тогда как в МОМУТ этот срок составляет семь лет.

Эти переходные положения стали предметом спора в двух делах о противоправном оказании влияния на свидетелей обвинения в рамках дела «Прокурор против Нгирабатваре и других» (МТР). Спустя полгода функционирования руандийского отделения МОМУТ Палата первой инстанции МТР вынесла обвинительный акт в отношении двух представителей стороны защиты, Д. Себурезе и М. Туринабо[689]. Материалы дела были переданы в МОМУТ для осуществления преследования в соответствии с подсудностью, установленной переходными положениями.

Однако обвиняемые ходатайствовали о признании обвинительного акта недействительным на том основании, что переходными положениями предусматриваются исключительные полномочия МОМУТ утверждать обвинительные заключения после начала работы соответствующего отделения[690]. На наш взгляд, для такого толкования нет оснований.

Во-первых, в тексте резолюции Совета Безопасности используется страдательный залог – «обвинительное заключение было утверждено», – не позволяющий однозначно установить субъект утверждения.

Во-вторых, МОМУТ подсудны дела, обвинительное заключение по которым утверждено «в день» начала работы соответствующего отделения[691].

---

[689] *The Prosecutor v. Augustin Ngirabatware*, Decision on Allegations of Contempt, 21 February 2013, ICTR-99-54-T.

[690] *Re Turinabo*, Requête urgente presentée au nom de Maximilien Turinabo aux fins d'obtenir une déclaration du Président selon laquelle ni la decision ni l'ordonnance rendues par la Chambre de première instance II ont une valeur ou un effet juridique devant le MTPI, 27 février 2013, MICT-13-41-R90, § 11; *Re Sebureze*, Requête aux fins d'obtenir une déclaration selon laquelle une décision rendue par le TPIR n'a pas de valeur ou d'effet juridique devant le MTPI, 27 fevrier 2013, MICT-13-40-R90, § 5. Ходатайства были заявлены непосредственно Председателю МОМУТ, который постановил, что в той мере, в какой они представляют собой протесты на наличие у суда юрисдикции, их рассмотрение относится к компетенции единоличного судьи. См.: *Re Sebureze and Turinabo,* Order Assigning a Single Judge, 4 March 2013, MICT-13-40-R90/MICT-13-41-R90, p. 2–3.

[691] Статья 4 Устава МОМУТ.

Неразумно было бы полагать, что какой-либо суд может ответственно утвердить обвинительное заключение по уголовному делу, не ознакомившись подробно с материалами предварительного расследования. Также неразумно было бы полагать, что такое ознакомление может произойти в первый день начала работы суда. Следовательно, в данном случае речь идет об утверждении обвинительного заключения МТБЮ или МТР.

Представляется, что разработчики предоставили свободу трибуналам решать вопрос о субъекте утверждения обвинительного заключения исходя из соображений целесообразности в каждом конкретном случае.

Тем не менее, судья В. Джонсен нашел доводы обвиняемых об исключительном праве МОМУТ утверждать обвинительные заключения после начала работы соответствующего отделения убедительными, на основании чего признал обвинительное заключение МТР не имеющим юридической силы. По мнению В. Джонсена, поскольку в ч. 4 ст. 1 Устава МОМУТ отсутствует дополнение о преследовании МОМУТ лиц, «в отношении которых имеется обвинительное заключение МТБЮ или МТР», следует считать право МОМУТ утверждать обвинительные заключения по таким делам исключительным[692]. В. Джонсен затем самостоятельно ознакомился с материалами предварительного расследования[693] и, не найдя достаточных оснований для возбуждения дела, вынес решение об отказе в возбуждении[694].

Устав МОМУТ сыграл очень важную роль в становлении института ответственности за совершение преступлений против отправления международного уголовного правосудия. В нем была продолжена тенденция к использованию методов уголовного права для борьбы с подобными посягательствами, начало которой было положено в Римском статуте. Это обусловливает его место в нашей периодизации. Однако если Римский статут

---

[692] *Re Sebureze and Turinabo*, Decision on Deogratias Sebureze and Maximilien Turinabo's Motions on the Legal Effect of the Contempt Decision and Order Iss.d by the ICTR Trial Chamber, 20 March 2013, MICT-13-40-R90/MICT-13-41-R90, § 9.

[693] *Там же*, § 9, 13.

[694] *Re Sebureze and Turinabo*, Public Redacted Version of Decision on Allegations of Contempt of the ICTR, 17 July 2013, MICT-13-40-R90/MICT-13-41-R90, p. 17.

содержит исчерпывающий перечень деяний, за совершение которых предусмотрено уголовное наказание, то устав МОМУТ, как и уставы временных международных уголовных трибуналов, допускает применение уголовно-правовой санкции к любому деянию, посягающему на отправление правосудия.

Представленная в этой главе ретроспектива международного уголовного правосудия свидетельствует о том, что современная его архитектура имеет достаточно долгую доктринальную и практическую историю. За это время ведущими теоретиками права были разработаны и обнародованы самые разные подходы к отправлению международного уголовного правосудия, проанализированы достоинства и недостатки каждого. Тем не менее при учреждении постоянного международного уголовного суда, который должен был увенчать более чем столетие усилий научного сообщества и учесть накопленный опыт трибуналов *ad hoc*, был сделан неудачный выбор по целому ряду правовых аспектов. Среди них наиболее критичным представляется выбор концепции функционального постоянства вместо органического. Можно предположить, что именно он повлек за собой остальные неудачные решения, такие, как отсутствие у органа обвинения полномочий в сфере принуждения на территории государств-участников договора.

С одной стороны, согласование такого амбициозного универсального международного договора, как Римский статут, требует компромиссов. С другой стороны, в данном случае эти компромиссы, с нашей точки зрения, предопределили обострившийся в последние годы кризис, который может в обозримом будущем парализовать деятельность МУС. Выход из него невозможен без устранения коренных его причин.

ВЫВОДЫ. *В первом параграфе Главы I* приведен обзор шести существующих доктрин о признаках международного суда. Их критико-правовой анализ позволил подтвердить научную обоснованность двух из них и заключить, что суд является международным в случае, если он: а) применяет международное право; и (или) б) учрежден в соответствии с международным правом. Поскольку международные уголовные суды (органы международной уголовной юстиции)

являются специальной разновидностью международных судов, указанные признаки справедливы и для них. Исходя из этого предположения, предлагается авторское определение международного уголовного суда – это учрежденный в соответствии с международным правом орган, полномочный устанавливать виновность или невиновность лиц в совершении преступлений, применяя в т.ч. международное право.

Во втором параграфе описываются подходы к определению круга полномочий международных (уголовных) судов. Высказывается научная гипотеза о наличии у них, помимо явно выраженных полномочий, категории полномочий, которые можно рассматривать как естественные или подразумеваемые, в зависимости от предпочтений исследователя. Обе доктрины исходят из объективной невозможности предусмотреть исчерпывающим образом при разработке уставов международных (уголовных) судов все жизненные ситуации, требующие судебного реагирования. Доктрина естественных полномочий обосновывает расширение полномочий судов за пределы тех, которые явно указаны в их уставе, природой судебных органов, доктрина подразумеваемых полномочий – намерением учредителей обеспечить нормальное функционирование создаваемого органа. Касательно международных (уголовных) судов обе доктрины представляются равно применимыми.

В третьем параграфе приведена авторская периодизация истории международного уголовного правосудия, в рамках которой предлагается выделять теоретический (вторая половина XIX в. – 1945 г.) и практический (1945 г. – первая четверть XXI в.) периоды. В первый период были заложены прочные концептуальные основы теории международного уголовного правосудия. Разработанные в этот период модели органов международной уголовной юстиции (проект Конвенции об учреждении международного судебного органа для привлечения к ответственности лиц, виновных в нарушениях Женевской конвенции об улучшении положения больных и раненых в воюющих армиях от 22 августа 1864 г. Г.Муанье; Женевская конвенция по созданию международного уголовного суда от 16 ноября 1937 г.) отличает глубокая научная проработка и

высокая степень готовности к практическому применению даже в современных условиях.

Несмотря на наличие прогрессивной тенденции к совершенствованию системы, становление международного уголовного правосудия не всегда было последовательным, и некоторые важные наработки ученых теоретического периода не нашли применения при учреждении органов международной уголовной юстиции.

В параграфе прослежена эволюция института ответственности за преступления против отправления международного уголовного правосудия от дисциплинарной (МВТ, МВТДВ, последующие Нюрнбергские трибуналы), смешанной дисциплинарно-уголовной (международные уголовные трибуналы *ad hoc*) к уголовной (МУС).

Исторически сложились и сегодня сосуществуют в международном уголовном праве два подхода к концепции ответственности за деяния, посягающие на общественные отношения, связанные с отправлением международного уголовного правосудия. Первый подход был разработан в МТБЮ и воспринят другими международными уголовными трибуналами *ad hoc*. В процессе практической деятельности МТБЮ из института ответственности за нарушения процессуального, даже процедурного, характера развился институт ответственности за материальные правонарушения. Проявление неуважения к суду было кодифицировано в ППД в качестве самостоятельного состава преступления, характеризующегося множественностью способов совершения. Из процессуального института неуважение к суду трансформировалось в праве международных уголовных трибуналов *ad hoc* в институт материального права.

Второй подход практикуется в МУС и заключается в кодификации ряда составов преступлений против отправления правосудия, которые в логике первого подхода рассматриваются как способы проявления неуважения к суду. При этом вопрос о праве МУС, основываясь на доктрине естественных полномочий, наказывать другие проявления неуважения к суду, остается открытым. С одной стороны, согласованные государствами-участниками составы напрямую

перечислены в Римском статуте. С другой стороны, неуважение к суду (*contempt of court*) в праве МУС остается концепцией не материального, а процессуального права, поэтому конфликта с намерениями государств, выраженными в тексте Римского статута, не возникает.

Становление института ответственности за преступления против отправления международного уголовного правосудия обусловило появление новой категории дел, подсудных международным уголовным судам, и потребность в адаптации к их особенностям института обвинения.

ГЛАВА II. СУБСИДИАРНАЯ ПОДСУДНОСТЬ ОРГАНАМ МЕЖДУНАРОДНОЙ УГОЛОВНОЙ ЮСТИЦИИ

§ II.1. Понятие и состав преступлений против отправления международного уголовного правосудия

Формирование в международном праве института ответственности за преступления против отправления международного уголовного правосудия обусловливает потребность в научной квалификации этой новой категории уголовных дел, рассматриваемых международными уголовными судами, и обособлении ее от категории дел о международных преступлениях. Наилучшим образом для этих целей подходит институт подсудности.

Толковый словарь русского языка определяет подсудность как «круг дел, относящихся к ведению какого-нибудь судебного учреждения»[695]. Применительно к международным уголовным судам дела о международных преступлениях можно рассматривать как дела основной подсудности, т.к. реализация ответственности за совершение таких преступлений является их *raison d'être*. Ответственность за преступления против отправления правосудия реализуется международными уголовными судами постольку, поскольку такие деяния представляют угрозу для рассмотрения дел основной подсудности. Поэтому для характеристики подсудности дел о преступлениях против правосудия предлагается использовать прилагательное «субсидиарная».

Исторический словарь галлицизмов русского языка раскрывает термин «субсидиарный» как «вспомогательный, сохраняемый в запасе»[696]. Именно свойство вспоможения, содействия, способствования обусловливает выбор данного термина ввиду того, что производства по таким делам призваны способствовать отправлению правосудия по делам о международных преступлениях. Вместе с тем применение любого синонима – «второстепенная», «дополнительная» – не будет ошибочным.

---

695 *Ушаков Д.Н.* Толковый словарь русского языка. Т.3. М., 1939. С. 448.
696 *Епишкин Н.И.* Исторический словарь галлицизмов русского языка. Москва, ЭТС, 2010.

Таким образом, под субсидиарной подсудностью в международном уголовном праве можно понимать круг уголовных дел, относящихся к ведению международных уголовных судов помимо основной категории дел о международных преступлениях. Сегодня к нему относятся дела о преступлениях против международного уголовного правосудия. Однако нельзя исключать появление новых категорий дел субсидиарной подсудности по мере развития международного уголовного права.

II.1.1. Понятие и виды преступлений по международному праву

В уяснении того, что представляют собой преступления против отправления международного уголовного правосудия, относящиеся к субсидиарной подсудности органам международной уголовной юстиции, образующую роль играет категория преступления.

Несмотря на то, что она является одной из центральных в международном уголовном праве, в работах юристов-международников ее содержание не получило достаточного освещения. Среди немногих исследований в данной области следует выделить работу проф. И.П. Блищенко. В ней он отмечает, что понятие «преступление» используется в международно-правовых документах в трех значениях, таких как: «1) совершение физическими лицами уголовно наказуемых деяний, затрагивающих интересы нескольких государств, с которыми последние договариваются вести борьбу; 2) наиболее тяжкие правонарушения, совершение которых влечет определение государства как преступного (например, агрессия); 3) нарушение определенных международных стандартов в области защиты прав человека, которые государства должны соблюдать при разработке и применении норм своего внутреннего уголовного права (например, рекомендации об отмене или ограничении применения смертной казни)» [697].

Проф. И.П. Блищенко ограничивается констатацией этих трех вариантов использования термина «преступление» в международном праве, не предлагая его обобщающего определения. Отсутствием такого определения характеризуются и

---

[697] *Блищенко И.П.* Понятие международного уголовного права // Международное уголовное право / под ред. В.Н. Кудрявцева. М.: Наука, 1999. С. 5-26.

работы по международному уголовному праву других ученых-международников. Вместе с тем, содержание этих работ не позволяет предполагать, что в них по умолчанию принимается общеуголовное определение термина «преступление» – оно, как будет показано ниже, не учитывает ряд особенностей, присущих преступлению в международном праве.

Большинство существующих на сегодня доктринальных исследований международно-правового содержания понятия «преступление» проводилось учеными-пеналистами[698]. В них широкое распространение получило следующее определение: преступление – это «нарушающее мировой правопорядок, виновно совершенное лицом деяние, противоправность которого и ответственность за которое установлены нормами международного уголовного права»[699].

Это определение основывается на понимании преступления, принятом в национальном праве[700], без учета международно-правовой специфики, а именно

---

[698] См., например: *Адельханян Р.А.* Преступность деяния по международному уголовному праву: учебное пособие. М.: МЗ Пресс, 2002. 256 с.; *Иногамова-Хегай Л.В.* Преступление по международному уголовному праву и его закрепление в национальном уголовном праве // Международное и национальное уголовное законодательство: проблемы юридической техники. Материалы III Международной научно-практической конференции, состоявшейся на юридическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова, 29–30 мая 2003 г. М.: ЛексЭст, 2004. С. 45–58; *Иногамова-Хегай Л.В.* Понятие преступления и субъекта преступления по международному уголовному праву // Уголовное право. М.: Интел-Синтез, 2004, № 1. С. 12–23; *Курляндский В.И.* Советская наука права о понятии международного уголовного преступления: автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 1949. 24 с.; *Лазарева И.С.* Преступление по международному уголовному праву // Проблемы межгосударственного сотрудничества в борьбе с международными и транснациональными преступлениями: материалы студенческой научно-практической конференции. Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2013. С. 77–89; *Кибальник А.Г.* Преступление и ответственность в международном уголовном праве / науч. ред. Наумов А.В. Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2002. 312 с.; Спиридонов А.П. Понятие преступления в международном уголовном праве // Вопросы правовой теории и практики: Сборник научных трудов. Вып. 6. Омск: Изд-во Омск. акад. МВД России, 2011. С. 34–48; *Трунцевский Ю.В.* Понятие и виды преступлений в международном уголовном праве // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. Материалы 6-й международной научно-практической конференции, 29–30 января 2009 г. М.: Проспект, 2009. С. 56–68.

[699] *Кибальник А.Г.* Указ. соч. С.14; *Адельханян Р.А.* Указ. соч. С. 12; *Попаденко Е.В.* Международное уголовное право: учебное пособие. М.: Юрлитинформ, 2012. С. 26.

[700] См., например: ст. 14 УК РФ: «Преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания». Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954; ч. 1 ст. 11 УК Республики Беларусь: «Преступлением признается совершенное виновно общественно опасное деяние (действие или бездействие), характеризующееся признаками, предусмотренными настоящим Кодексом, и запрещенное им под угрозой наказания». Кодекс Республики Беларусь о

того, что в международном праве способностью к совершению преступлений обладают и субъекты международного права и что, как следствие, совершение преступления может влечь наступление не только уголовной, но и международной ответственности.

Выражение «преступление государств» получило широкое признание в международно-правовой доктрине[701] и практике государств[702] и употребляется для обозначения особо серьезных нарушений государствами норм международного права, угрожающих всеобщему миру и безопасности, с тем чтобы отличать их от других международно-противоправных деяний меньшей тяжести[703]. К преступлениям государств относятся нарушения ими обязательств *erga omnes*, в результате которых любое государство может ставить вопрос об ответственности нарушителя[704], такие как, помимо прочего, геноцид и агрессивная война.

При этом важно отметить, что «преступления государств» в приведенном значении являются не единственными преступными деяниями, за которые государства могут нести международную ответственность. Так, государства могут совершать преступления против отправления международного уголовного правосудия несмотря на то, что обязательство воздерживаться от посягательств на отправление правосудия международными уголовными судами пока не носит характера *erga omnes*. Для государств и международных организаций –

судоустройстве и статусе судей, 29 июня 2006 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.pravo.by/ (дата обращения: 31.08.2025).

[701] Documents of the Twenty-Eighth Session (Excluding the Report of the Commission to the General Assembly) // Yearbook of the International Law Commission. – 1976. – Vol. II. Part 1. – P. 63.

[702] Документы внешней политики СССР. Т. I. М., 1957. С. 12; Гарантии безопасности по Статуту Лиги Наций. Сб. документов по международной политике и международному праву. – Вып. IX. М., 1937. С. 108.

[703] См.: *Левин Д.Б.* Проблема ответственности в науке международного права // Известия АН СССР. 1946. № 2. С. 105; *Akehurst M.* Reprisals by Third States // The British Yearbook of International Law. 1970. Vol. 44. P. 15 et seq.; *Brownlie I.* Principles of Public International Law. Clarendon Press, 1966. P. 415 et seq.; *Wengler W.* Volkerrecht. Bd. I. Berlin, 1964. – S. 580–581; *Jessup Ph.* A Modern Law of Nations. N.Y., 1948. P. 35 et seq.

[704] *Блюнчли И.* Современное международное право цивилизованных государств, изложенное в виде кодекса. М., 1878. С. 283. Противоположной точки зрения придерживались, например, Д. Анцилотти, Ф. Гольцендорф, Э. Ульман. См., в частности: *Anzilotti D.* Teoria generale della responsabilita dello Stato nel diritto internazionale, *op.cit.*, pp. 62, 68 et seq.

участников соответствующего международного договора об учреждении международного уголовного суда – это обязательство возникает из права международных договоров, а конкретно – из принципа их добросовестного исполнения. Третьи же государства и международные организации обязаны уважать правомерные международные договоры, в которых они не участвуют. Посягательства на отправление правосудия международным уголовным судом со стороны третьих государств или международных организаций являются, по сути, вмешательством в действие его учредительного договора.

Преступление – это, в первую очередь, некоторое *деяние*, которое может выражаться в виде действия или бездействия вопреки обязанности действовать.

Как отмечает А.П. Спиридонов, «несомненно, в основе отнесения того или иного деяния к числу преступных [в международном уголовном праве] находятся такие категории, как общественная опасность, противоправность, виновность»[705]. С учетом этих категорий он определяет преступление в международном уголовном праве как «виновное деяние, посягающее на международную безопасность, мировой правопорядок и отдельные его сферы, признанное в результате согласования волеизъявлений суверенных государств противоправным, подлежащим уголовному наказанию»[706]. Нельзя не заметить, что данное определение страдает тем же недостатком, что и вышеприведенное определение, снискавшее признание в научных кругах, – игнорированием способности государств и иных субъектов международного права к совершению преступлений. Тем не менее, все три приведенные характеристики преступления в общей теории уголовного права являются общепризнанными.

Преступное деяние в международном уголовном праве характеризуется *общественной опасностью*, т.е. представляет угрозу охраняемым международным правом отношениям. Система таких отношений иногда именуется в литературе международным правопорядком[707]. А.П. Спиридонов пишет, что в международном уголовном праве, схожем по юридической технике с

---

[705] *Спиридонов А.П.* Указ. соч. С. 36.
[706] Там же. С. 44.
[707] *Карпец И.И.* Преступление международного характера. С. 44–47.

«западным» правом, этот критерий отходит на второй план по сравнению с противоправностью[708]. Тем не менее, он с очевидностью присущ преступлению в любой правовой системе и любом правопорядке.

Одной из характеристик преступного деяния является *противоправность.* Она означает, что такое деяние нарушает норму международного права. Учеными-пеналистами – очевидно, опять по аналогии с внутренним правом – противоправность связывается с писаным запретом[709]. Латинский общеуголовный принцип о недопустимости привлечения к ответственности за деяния, не являющиеся преступлениями в соответствии с действующим правом, – «*nullum crimen, nulla poena sine lege*» – понимается такими учеными слишком буквально. Этот принцип действует и в международном праве, с той разницей, что норма, нарушение которой считается преступным, может быть и обычной.

В международном праве ответственность государств за международно-противоправные деяния некоторыми авторами также связывается с категорией, схожей с уголовно-правовой категорией вины, которая образуется волей и сознанием. По мнению А. Фердросса, государство «не несет ответственности, если объективно международно-противоправный акт имел место при обстоятельствах, когда совершившему его государственному органу не может быть вменена в вину по крайней мере неосторожность»[710]. Л. Оппенгейм и Х. Лаутерпахт отмечают, что «действие государства, наносящее ущерб другому государству, не является тем не менее международным правонарушением, если оно совершено не намеренно и не злостно и без преступной небрежности»[711]. Д.Б. Левин пишет: «Следует признать, что понятие вины применимо и к международно-правовой ответственности»[712].

---

[708] *Спиридонов А.П.* Указ. соч. С. 35.
[709] Там же. С. 36.
[710] *Фердросс А*. Международное право. М.: Иностр. лит., 1959. С. 357–358.
[711] *Оппенгейм Л.* Международное право. Т.1. Полут. 1. М.: Иностр. лит., 1948. С. 315.
[712] *Левин Д.Б.* Ответственность государств в современном международном праве. М., 1966. С. 59. К концепции виновной ответственности государства за международно-противоправные деяния Д.Б. Левин пришел не сразу. Изначально он придерживался концепции объективной ответственности. См.: *Левин Д.Б.* Нападение на дипломатическую миссию Румынской Народной Республики в Берне и его оценка в свете международного права // Советский

Среди отечественных ученых вина как составляющая международно-противоправного деяния выделяется также проф. И.И. Лукашуком, проф. Г.И. Тункиным, проф. С.Б. Крыловым, В.А. Мазовым, Ю.В. Петровским и др.

Концепция невиновной ответственности государств за международно-противоправные деяния[713], которые могут быть им присвоены, в международном праве появилась только в конце XIX – начале XX в. в трудах Х. Трипеля и Д. Анцилотти[714]. Ее же придерживается Э. Хименес де Аречага[715].

Представления о виновной ответственности, высказываемые отдельными учеными, по своей сути близки к концепции невиновной ответственности[716]. Так, П.М. Курис пишет: «Вина присутствует в любом международном правонарушении, что, однако, не означает, что вина является обязательным составным элементом правонарушения, без доказанности наличия которого невозможна международно-правовая ответственность»[717]. При этом «вина объективно является условием любого международного правонарушения, и поэтому она должна презюмироваться при всех международных правонарушениях»[718]. Аналогичной точки зрения придерживается проф. В.А. Василенко, который утверждает, что «вина государства представляет собой не

ежегодник международного права, 1963. М.: Наука, 1965. С. 295–296. Однако в приведенном труде, изданном в 1966 г., он поменял свою точку зрения на противоположную. В.Н. Елынычев прошел обратный путь, изначально отстаивая идею о вине как о составляющей международного правонарушения, а затем придя к концепции объективной ответственности. См.: *Елынычев В.Н.* Международно-правовая ответственность государств и проблема вины: автореф. канд. дисс. М., 1969; *Елынычев В.Н*. Вина в международном праве // Советское государство и право. М.: Наука, 1972. № 3. С. 123–127.

[713] Иногда такая ответственность в литературе называется «объективной». Это не совсем корректно, т. к. объективная ответственность в международном праве характеризует, прежде всего, неблагоприятные последствия, возникающие для субъекта международного права в силу международного договора в результате деятельности, не запрещенной международным правом, или некоторого события (стихийного бедствия).

[714] *Анцилотти Д.* Курс международного права. Т. 1. / Д. Анцилотти М., 1961. С. 416–418.

[715] *Хименес де Аречага Э*. Современное международное право. Прогресс, 1983. С. 406–407.

[716] *Лукашук И.И.* Право международной ответственности: монография. М.: Волтерс Клувер, 2004. С.60-65.

[717] *Курис П.М.* Указ. соч. С. 236.

[718] Там же. С. 149, 155.

фикцию и условность, а является реальностью и условием для квалификации его поведения как международного правонарушения»[719].

По замечанию проф. И.И. Лукашука, концепция невиновной ответственности приобретает все большее влияние в современном международном праве[720].

Ввиду вышесказанного, от виновности как от обязательного признака преступления в международном уголовном праве следует отказаться.

Преступление – это юридический факт, порождающий международно-уголовное правоотношение. Частью этого правоотношения является обязанность нарушителя претерпеть некоторые отрицательные последствия своего поведения – ответственность. Отсюда следует, что еще одним признаком преступления в международном праве является *наказуемость*, подразумевающая неотвратимость наступления ответственности вследствие совершения преступного деяния. Ответственность возникает автоматически из самого факта совершения преступного действия или бездействия. Впоследствии эта ответственность может быть реализована или не реализована по той или иной причине.

Таким образом, под преступлением в международном уголовном праве можно понимать совершаемые физическими и юридическими лицами, государствами и международными организациями противоправные наказуемые деяния, посягающие на и угрожающие охраняемым международным правом отношениям, ответственность за которые установлена международным правом.

Рассматривая *вопрос о видах международных преступлений*, сошлемся на авторитетное мнение А.Ю. Скуратовой и И.И. Синякина, которые справедливо отмечают отсутствие терминологического единообразия в источниках и доктрине[721]. Используются следующие понятия: «международные преступления»; «преступления против международного права»; «преступления по международному праву»; «международно-правовые преступления»; «преступления против мира и безопасности человечества»; «преступления,

---

[719] *Василенко В.А.* Указ. соч. С. 160.
[720] *Лукашук И.И.* Указ. соч. С. 93.
[721] *Скуратова А.Ю., Синякин И.И.* Указ.соч. С. 65.

вызывающие серьезную озабоченность всего международного сообщества» и др.[722] Несмотря на то, что содержание этих понятий не всегда совпадает[723], настоящее исследование исходит из того, что все они поглощаются единым термином «международные преступления».

Определение международных преступлений объединяет объект – основы международного общения, которые большинство авторов связывает с поддержанием международного мира и безопасности. Профессор А.Н. Трайнин определял международные преступления как наказуемые посягательства на основы международного общения[724]. Д.Б. Левин рассматривает международные преступления как посягательства на свободу народов мира либо как посягательства на интересы всего прогрессивного человечества, как посягательства на коренные основы международного общения, на права и интересы всех государств[725]. Профессор П.С. Ромашкин говорит о посягательстве на основы международных отношений[726]. М.И. Лазарев относит международные преступления к преступлениям, посягающим на независимость каждого народа и мирные отношения между народами[727]. Профессор П.М. Курис подчеркивает их направленность против международного мира и безопасности[728]. Профессор Л.Н. Галенская указывает, что преступления против мира, человечности и военные преступления «имеют единый объект посягательства – всеобщий мир; все они представляют собой действия, непосредственно нарушающие мирные отношения между отдельными государствами или могущие создать угрозу международной

---

[722] Там же.

[723] См., например: *Черниченко С.В.* Международные преступления и преступления против международного права в свете Нюрнбергских принципов // Государство и право. – 2016. – № 11. – С. 68-76.

[724] *Трайнин А.Н.* Уголовная ответственность гитлеровцев. Указ. соч. С. 35.

[725] *Левин Д.Б.* Указ. соч., цит. по: *Решетов Ю.А*. Борьба с международными преступлениями против мира и безопасности. – М.: Междунар. отношения, 1983. – С. 35.

[726] *Ромашкин П.С*. К вопросу о понятии и источниках международного уголовного права // Сов. государство и право. – 1948. – № 3. – С. 26.

[727] *Лазарев М.И.* Империалистические военные базы на чужих территориях и международное право. – М., Изд-во ИМО, 1963. – С. 178.

[728] *Курис П.М*. Указ. соч. – С. 104.

безопасности»[729]. По мнению Ю.А. Решетова, «это такие международно-противоправные деяния, которые наносят ущерб или представляют угрозу международному миру и международной безопасности, являющимся жизненно важными интересами международного сообщества»[730]. С точки зрения проф. В.А. Василенко, международные преступления «ставят под угрозу само существование государств и народов. При совершении международных преступлений нарушаются основополагающие общие принципы современного международного права»[731]. В.П. Панов определяет международные преступления как «особо опасные для человеческой цивилизации нарушения принципов и норм международного права, имеющих основополагающие значение для обеспечения мира, защиты личности и жизненно важных интересов международного сообщества в целом»[732]. И.С. Лазарева понимает под международным преступлением «тягчайшее международно-противоправное деяние, посягающее на основы существования государств и наций, подрывающее важнейшие принципы международного права, угрожающее международному миру и безопасности»[733].

Ввиду этого объекта интересы, на которые посягают международные преступления, как замечают профессоры И.П. Блищенко и И.В. Фисенко, регулируются международным правом, а их охрана национальными уголовно-правовыми нормами вторична по отношению к международному праву[734]. Отсюда отсутствие во внутреннем законодательстве государства норм, закрепляющих преступность и наказуемость деяния, признаваемого международным преступлением, не снимает с этого государства обязанность бороться с ним. В аналогичном ключе КМП отмечает: «международное право служит основой для уголовной квалификации таких преступлений, запрещение таких видов поведения

---

[729] *Галенская Л.Н.* Международные преступления и международно-правовая ответственность // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1965. № 1. С. 168.
[730] *Решетов Ю.А*. Указ. соч. С. 36.
[731] Цит. по: *Решетов Ю.А.* Указ. соч. С. 35.
[732] Панов В.П. Международное уголовное право. Учебное пособие. М.: Инфра-М, 1997. С. 53.
[733] *Лазарева И.С.* Указ.соч. С. 49–50.
[734] *Блищенко И.П., Фисенко И.В.* Международный уголовный суд. М.: Закон и право, ЮНИТИ, 1998. С. 25.

и их наказуемость прямо следуют из международного права. Из этого вытекает самостоятельность международного права в вопросах уголовных преступлений и тот факт, что квалификация или отсутствие квалификации какого-либо поведения в качестве уголовно-наказуемого по национальному праву никак не влияет на квалификацию этого поведения в качестве уголовно-наказуемого по международному праву»[735].

Профессоры И.П. Блищенко и И.В. Фисенко выделяют такие признаки международных преступлений, как высокая степень общественной опасности, ответственность нарушителя перед международным сообществом в целом и особо тяжкий характер[736].

Идея международно-правового регулирования сотрудничества государств в борьбе с международными преступлениями высказывалась, начиная с ранних этапов становления современного международного уголовного права. Например, в одном из приговоров последующих Нюрнбергских процессов международные преступления определялись как «деяния, признанные преступными повсеместно, которые вызывают серьезную обеспокоенность международного сообщества и чье преследование по какой-либо веской причине не может быть предоставлено исключительно государству, компетентному его осуществлять в обычных обстоятельствах»[737]. В проекте Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества 1996 г. КМП говорится о «преступлениях, ответственность за совершение которых установлена непосредственно на основе международного права независимо от того, являются ли соответствующие действия наказуемыми в государстве, где они совершены»[738].

В качестве особенности международных преступлений индивидов Г.В. Игнатенко выделяет их прямую связь с международными преступлениями

---

[735] ООН: Проект кодекса преступлений против мира и безопасности человечества 1996 г. // Ежегодник Комиссии международного права ООН. 1996. Т. II. Ч. 1 и 2. Нью-Йорк: ООН, 2007.
[736] *Блищенко И.П., Фисенко И.В*. Указ. соч. С. 27–28.
[737] *United States v. List, et al.,* Judgment, 19 February 1948 // XI Trials of War Criminals before the Nuremberg Military Tribunals. 1949. P. 1241.
[738] OOH: Draft Code of Crimes against the Peace and Security of Mankind with commentaries (ILC. Draft Code 1996) // Yearbook of the International Law Commission. Vol. II. Part Two. NY: UN, 1997. P. 17.

государств[739]. Иными словами, субъектом международного преступления, с этой точки зрения, может быть только лицо, через которое действует государство, и поведение которого, следовательно, может быть присвоено государству в качестве основания для возникновения его международно-правовой ответственности. Похожей точки зрения придерживался и П.С. Дагель[740].

Против правообразующего значения связи государства и индивида для наступления уголовной ответственности последнего за международные преступления справедливо высказывается проф. Н.А. Ушаков: «Военные преступления и преступления против человечности совершаются не только вооруженными силами и агентами государства-агрессора и не только в ходе международного вооруженного конфликта. Уголовное преступление геноцида также может совершаться индивидами самостоятельно, вне связи с международным преступлением геноцида государства»[741].

Масштаб международных преступлений действительно предполагает наличие у нарушителей возможностей и ресурсов, подобных тем, которыми располагают государства, и «подавляющее большинство международных преступлений совершается при прямом или косвенном участии государства»[742]. В современных условиях, когда государства утратили монополию на обладание подобными ресурсами и возможностями в пользу организованных вооруженных групп, идея о правообразующем значении связи государства и индивида тем более не выдерживает критики. Речь идет о человеческих и финансовых ресурсах, военной технике и базах, средствах связи и т. д.

К международным преступлениям в науке международного права принято относить преступление геноцида, преступления против человечности, военные преступления и преступление агрессии.

---

[739] *Игнатенко Г.В.* Преступления международного характера и обязательства государств по борьбе с ними // Курс международного права: Отрасли международного права. В 7 томах. Т. 6 / Арцибасов И.Н., Ашавский Б.М., Игнатенко Г.В., Крылов Н.Б., и др. М.: Наука, 1992. С. 187.
[740] *Дагель П.С.* Указ. соч. С. 313.
[741] *Ушаков Н.А*. Основания международной ответственности государств. С. 29.
[742] *Блищенко И.П., Фисенко И.В.* Указ. соч. С. 33.

Наряду с международными преступлениями в доктрине выделяются *преступления международного характера*. Это выражение впервые было использовано в 1974 г. Н.В. Ждановым[743].

Профессор И.И. Лукашук именует такие преступления «конвенционными», т.к. одним из их отличительных признаков является закрепление их составов и регулирование вопросов международного сотрудничества государств в борьбе с ними в международных договорах[744]. К таким договорам относятся, например, Единая конвенция о наркотических средствах 1961 г., Конвенция о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников 1989 г., Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом 2001 г., Конвенция Совета Европы о противодействии торговле людьми 2005 г. и др. Согласно положениям договоров, государства обязаны предусмотреть преступность соответствующих составов в своем внутреннем законодательстве[745].

В совместной с А.В. Наумовым работе проф. И.И. Лукашук определяет преступления международного характера как «деяния, предусмотренные международными договорами, не относящиеся к международным преступлениям, но посягающие на нормальные стабильные отношения между государствами, наносящие ущерб мирному сотрудничеству в различных областях отношений (экономической, социально-культурной, имущественной и т. п.), а также организациям и гражданам»[746].

Ю.С. Ромашев характеризует преступления международного характера как «общественно опасные деяния, предусмотренные мировым сообществом в качестве преступлений в нормах универсальных международных договоров или в обычных нормах международного права»[747].

---

[743] *Жданов Н.В.* Правовые аспекты борьбы с террористическими актами международного характера: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1974. С. 12–14.
[744] См. также: *Сунцов А.Е., Трунцевский Ю.В.* Указ.соч. С. 93–94.
[745] *Лукашук И.И.* Международное право. Особенная часть: учеб. для студентов юрид. фак. и вузов / Рос. акад. наук, Ин-т государства и права, Академ. правовой ун-т. Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2010. – С. 433.
[746] Международное уголовное право. Учебник / И.И. Лукашук, А.В. Наумов М.: Спарк, 1999. С. 31.
[747] *Ромашев Ю.С.* Указ.соч. С. 35.

Под преступлениями международного характера проф. И.И. Карпец понимает «деяния, предусмотренные международными соглашениями (конвенциями), не относящиеся к преступлениям против человечества, но посягающие на нормальные отношения между государствами, наносящие ущерб мирному сотрудничеству в различных областях отношений (экономических, социально-культурных, имущественных и т. п.), а также организациям и гражданам, наказуемые либо согласно нормам, установленным в международных соглашениях (конвенциях), ратифицированных в установленном порядке, либо согласно нормам национального уголовного законодательства в соответствии с этими соглашениями»[748]. Отличие преступлений международного характера от международных преступлений И.И. Карпец видит в их меньшей степени общественной опасности для человечества[749]. Этот признак, однако, страдает субъективизмом, т.к., несмотря на возможность разработать некоторые объективные критерии оценки степени общественной опасности любого деяния (количество потерпевших, размер причиненного ущерба), ее невозможно полностью оградить от личного отношения оценивающего субъекта и влияния факторов, не поддающихся исчислению (например, авторитет международного судебного органа)[750].

Согласно определению, предложенному профессором Р.А. Каламкаряном, преступления международного характера – это «деяния, предусмотренные международными договорами, не относящиеся к преступлениям против человечества, мира и безопасности, но посягающие на нормальные отношения между государствами, наносящие ущерб мирному сотрудничеству в различных областях отношений (экономической, социально-культурной, имущественной и т. п.), а также организациям и гражданам, наказуемые согласно нормам национального уголовного законодательства в соответствии с этими договорами»[751].

---

[748] *Карпец И.И.* Указ.соч. С. 48.
[749] Там же.
[750] *Блищенко И.П., Фисенко И.В.* Указ. соч. С. 31–32.
[751] Международное уголовное право / отв. ред. Кудрявцев В.Н. М.: Наука, 1995. С. 149.

Профессор Г.В. Игнатенко определяет преступления международного характера как «противоправные деяния отдельных лиц или групп лиц, посягающих на интересы двух, нескольких или всех государств, на международный правопорядок, т. е. имеющие особую, международную общественную опасность»[752]. Основаниями для отнесения какого-либо преступного деяния к данной категории он считает общественную опасность деяния, посягающего на международные отношения, и «наличие специальной международной конвенции о борьбе с таким деянием либо включение в международный договор более широкого назначения специальных положений подобного содержания»[753].

Главное отличие этих преступлений от международных Г.В. Игнатенко видит в отсутствии связи с деятельностью того или иного государства, в их совершении нарушителем в своем личном качестве, «ради достижения собственных противоправных целей»[754]. Аналогично В.П. Панов пишет, что преступления международного характера «не имеют непосредственной связи с преступной деятельностью конкретного государства, однако посягают одновременно на международный и национальный правопорядок, на мирное сотрудничество государств в области экономики, культуры, торговли, права и свободы человека, интересы юридических лиц и представляют общественную опасность для многих государств»[755]. На отсутствие связи преступлений международного характера с деятельностью конкретных государств указывают Ю.С. Ромашев[756] и З. Гафаров[757].

Л.Н. Анисимов относит к преступлениям международного характера преступления, совершаемые отдельными лицами или группами лиц не от имени государства, но имеющие международные последствия.

---

[752] *Игнатенко Г.В.* Преступления международного характера. С. 194.
[753] Там же. С. 194–195.
[754] См. также: Международное право: учебник для вузов / отв. ред. Г.В. Игнатенко, О. И. Тиунов. М.: Изд. группа Норма-Инфра, 1999. С. 542.
[755] *Панов В.П.* Сотрудничество государств в борьбе с международными уголовными преступлениями: учебное пособие. М.: Юрист, 1993. С. 13.
[756] *Ромашев Ю.С.* Указ. соч. С. 35–36.
[757] *Гафаров З.М.* Указ.соч. С. 25.

По мнению проф. И.П. Блищенко, И.В. Фисенко и Н.В. Жданова, преступления международного характера имеют этот характер не по составу или природе, а по обстоятельствам совершения[758]. Международные отношения являются не непосредственным объектом посягательства, как у международных преступлений, а «сопутствующим ущербом». В качестве примера авторами приводится преступление пиратства, нарушающее международные морские сообщения, хотя его объектом выступают имущественные отношения[759]. Этой же точки зрения придерживается З. Гафаров, отмечая, что преступления международного характера «совершаются лицами по собственной инициативе, в целях личной выгоды, реализации своего частного интереса (или преимущества). Ущерб международным отношениям наносится лишь постольку, поскольку это необходимо для достижения общего преступного результата»[760].

Вопреки доминирующему в доктрине международного права мнению (см. выше определения проф. И.И. Лукашука, И.И. Карпеца, Ю.С. Ромашева, Г.В. Игнатенко), проф. И.П. Блищенко и И.В. Фисенко подчеркивается, что закрепление преступности подобных деяний на международном уровне факультативно и свидетельствует лишь «о завершении процесса согласованной квалификации»[761]. Согласно этой концепции, деяние является преступлением международного характера еще до и вне зависимости от констатации этого в международно-правовом акте, по одной той причине, что в силу обстоятельств его совершения причиняемый им ущерб выходит за пределы одного государства.

Ю.В. Григорович определяет преступления международного характера как «общеуголовные преступления, но охватывающие территорию двух или нескольких государств и угрожающие не только внутренней безопасности и

---

[758] *Блищенко И.П., Фисенко И.В.* Указ. соч. С. 31. См. также: *Блищенко И.П., Жданов Н.В.* Сотрудничество государств в борьбе с преступлениями международного характера. М., 1984. С. 52.
[759] *Блищенко И.П., Фисенко И.В.* Указ. соч. С. 31.
[760] *Гафаров З.М.* Указ. соч. С. 28.
[761] *Блищенко И.П., Фисенко И.В.* Указ. соч. С. 32. См. также: *Гафаров З.М.* Указ. соч. С. 48.

правопорядку в них, но и нормальным межгосударственным отношениям (экономическим, социально-культурным, имущественным, туристским и т. д.)»[762].

В «Словаре международного права» преступления международного характера определяются как «противоправные деяния с наличием иностранного элемента, совершенные, как правило, лицом или группой лиц и нарушающие нормальное развитие международных отношений или создающие угрозу этому развитию»[763]. Присутствие иностранного элемента является одним из определяющих признаков преступлений международного характера, в отличие от международных преступлений, которые могут не иметь никакой привязки к другому государству (например, геноцид в Руанде в 1994 г.[764]). Именно иностранный элемент обусловливает способность преступного поведения посягать на международные отношения; без него это поведение представляло бы собой обычное общеуголовное преступление по внутреннему праву затронутого государства.

Преступления международного характера необходимо отличать от *транснациональных, или трансграничных преступлений*, подпадающих под юрисдикцию двух и более государств[765]. Для транснациональных преступлений характерно присутствие иностранного элемента[766], однако, в отличие от преступлений международного характера, они не посягают на международные отношения. Как отмечает Ю.В. Трунцевский, «иностранный элемент в транснациональном преступлении – это не признак преступления, а принцип действия уголовного закона»[767].

---

[762] *Григорович Ю.В.* Уголовная ответственность физических лиц за международные преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10. М., 2008. С. 13.

[763] Словарь международного права / Аваков М.М., Ашавский Б.М., Бахов А.С., Бацанов С.Б. – 2-е изд., перераб. и доп. М.: Междунар. отношения, 1986. С. 308.

[764] *Синякин И.И.* Терроризм с использованием оружия массового уничтожения: международно-правовые вопросы противодействия: монография. М.: Норма, 2012. С. 125.

[765] *Лукашук И.И.* Международное право. Особенная часть. С. 430.

[766] *Fouchard I.* De l'utilité de la distinction entre les crimes supranationaux et transnationaux: traduire les processus d'incrimination complexes alliant droit international et droits pénaux internes // Revue interdisciplinaire d'études juridiques. Université Saint Louis de Bruxelles, 2013. Vol. 71. P.49-81.

[767] *Трунцевский Ю.В.* Понятие и виды преступлений. С. 485.

Говоря об иностранном элементе в транснациональных преступлениях, следует иметь в виду две возможные гипотезы[768]. Во-первых, он может выражаться в отсутствии у любого из государств территориальной уголовной юрисдикции – например, при совершении преступления в открытом море. Во-вторых, иностранный элемент возникает при наличии у нескольких государств конкурирующих юрисдикций в отношении одного и того же события преступления за счет, например, различной гражданской принадлежности виновного и потерпевшего; покидания виновным пределов юрисдикции государства, на территории которого было совершено преступление и др.

Феномен транснациональной преступности зачастую связывается современными исследователями с процессом глобализации и повсеместной тенденцией к претворению в жизнь принципа свободы передвижения лиц, товаров, услуг и капиталов. Примечательно то, что восприятие транснациональной преступности как чего-то нового было характерно и для периода конца Первой мировой войны ввиду бурного развития путей сообщения[769]. Это не совсем корректно. Данные процессы лишь стимулировали появление новых форм транснациональной преступности, в то время как само явление существует со времен разграничения между государствами уголовных юрисдикций. По замечанию профессора А. Доннедье де Вабра, «среди всех этих сложных правовых вопросов международного уголовного права, на которые собрания юристов смотрят сегодня [1922 г. – Прим. авт.] с заинтригованным интересом, вызываемым всякой новинкой, не существует, вероятно, ни одного неисследованного итальянскими профессорами [Средних веков. – Прим. авт.]»[770].

Несмотря на то, что транснациональная преступность как явление восходит корнями к истокам появления государственности, понятие транснациональности в современной науке международного права впервые было использовано в 1956 г. проф. Ф. Джессопом как относящееся к «праву, регулирующему действия или

---

[768] *Fouchard I., op.cit.*
[769] *Donnedieu de Vabres H.* Introduction…, *op.cit.*, p. 1.
[770] *Ibid.*, p. 2.

события, выходящие за рамки государственных границ»[771]. Термин «транснациональное преступление» был введен в международно-правовой оборот в середине 1970-х гг. ООН для обозначения преступной деятельности, затрагивающей несколько государств. Промежуточный доклад Секретариата в рамках Девятого конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (Каир, 29 апреля – 8 мая 1995 г.), признавая сложности, связанные с определением понятия «транснациональное преступление», характеризует их как правонарушения, охватывающие – в аспектах, связанных с планированием, совершением и/или прямыми или косвенными последствиями – более чем одну страну[772].

На международном уровне категория транснациональных преступлений закреплена в Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. Согласно ч. 2 ст. 1 этой Конвенции, преступление носит транснациональный характер, если: 1) оно совершено в более чем одном государстве; 2) оно совершено в одном государстве, но существенная часть его подготовки, планирования, руководства или контроля имеет место в другом государстве; 3) оно совершено в одном государстве, но при участии организованной преступной группы, которая осуществляет преступную деятельность в более чем одном государстве; 4) оно совершено в одном государстве, но его существенные последствия имеют место в другом государстве.

В Докладе Генерального секретаря ООН на Восьмом конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (Гавана, Куба, 27 августа – 7 сентября 1990 г.) транснациональные преступления разделены на пять групп: «1) организуемые на международной основе клановые

---

[771] *Jessup Ph.* Transnational Law…, *op.cit.*, pp. 1–2.

[772] ООН: Девятый конгресса Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. Результаты дополнительного обзора по транснациональной преступности в рамках четвертого Обзора Организации Объединенных Наций по вопросу о тенденциях в области преступности и фнкционировании систем уголовного правосудия. Промежуточный доклад Секретариата // Документ ООН A/CONF.169/15/Add.1, 4 April 1995.

преступления (речь идет об организованной преступности – прим. авт.) с главной целью получения доходов; 2) террористическая деятельность, имеющая транснациональный характер; 3) экономические правонарушения, предусматривающие осуществление операций и транснациональных действий в двух или нескольких странах; 4) транснациональная незаконная торговля предметами искусства, представляющими культурное или религиозное достояние нации; и 5) действия, которые путем загрязнения или другим образом нарушают экологический баланс и состояние окружающей среды более чем одной страны»[773].

К транснациональным преступлениям относятся, например, мошенничество по схеме т.н. «нигерийских писем», когда попытка незаконного завладения денежными средствами происходит посредством направления потерпевшему сообщения по электронной почте с самым разнообразным содержанием, от просьбы перечислить средства на лечение до обещания крупного наследства после уплаты всех налогов и сборов. Отправитель и получатель письма находятся в разных государствах, каждое из которых может иметь компетенцию осуществлять уголовное преследование.

Две основные правовые проблемы, возникающие в связи с транснациональными преступлениями, – это, во-первых, разграничение юрисдикции между несколькими государствами, компетентными, в силу своего внутреннего законодательства, осуществлять уголовное преследование, и, во-вторых, проблема гарантий неуклонного наступления уголовной ответственности. В этой связи категория транснациональных преступлений относится к той отрасли права, также именуемой международным уголовным правом, нормы которой регулируют правоотношения, возникающие между компетентными

[773] ООН: Эффективные национальные и международные действия по борьбе с: a) организованной преступностью; b) террористической преступной деятельностью. Предложения в отношении согласованных международных мер против форм преступлений, определенных в Миланском плане действий. Доклад Генерального секретаря // Документ ООН A/CONF.144/7, 26 July 1990.

правоохранительными органами государств в рамках уголовного преследования за совершение преступных деяний, осложненных иностранным элементом[774].

Указанные проблемы разрешаются посредством разработки и заключения международных соглашений двух видов. К первому виду относятся договоры, регулирующие порядок оказания правовой помощи по уголовным делам. В качестве примера можно привести Европейскую конвенцию о взаимной правовой помощи по уголовным делам, Конвенцию о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам. Резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН были утверждены Типовой договор о взаимной помощи в области уголовного правосудия и его Факультативный протокол, касающийся доходов от преступлений[775], а также Типовой договор о выдаче[776].

Ко второму виду относятся договоры, налагающие на государства-участники обязанность предусмотреть в своем внутреннем праве уголовную ответственность за определенное действие или бездействие. К таким договорам относится, например, Конвенция по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок (Париж, 17 декабря 1997)[777]. В ее ст. 1 закреплено, что «каждая Сторона будет принимать все необходимые меры к тому, чтобы установить, что в соответствии с национальным законодательством сознательное предложение, обещание или предоставление, прямо или через посредников, любых материальных, денежных или иных преимуществ со стороны любого юридического или физического лица в пользу должностных лиц иностранных государств […] образует состав уголовно наказуемого деяния».

---

[774] *Копылова Е.А.* «Золотое правило» международного уголовного права // Библиотека уголовного права и криминологии. 2013. № 4. С.123-135.

[775] ООН: Резолюция 45/117 от 14.12.1990 Генеральной Ассамблеи «Типовой договор о взаимной помощи в области уголовного правосудия» // Документ ООН A/RES/45/117, 14 December 1990.

[776] ООН: Резолюция 45/116 от 14.12.1990 Генеральной Ассамблеи «Типовой договор о выдаче» // Документ ООН A/RES/45/116, 14 December 1990.

[777] Конвенция по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок (Париж, 17 декабря 1997) // Собрание законодательства Российской Федерации. 23.04.2012. № 17. Ст. 1899.

Транснациональные преступления являются объектом обсуждения рабочих групп в рамках ряда универсальных и региональных международных организаций. Это указывает на важность, которую имеет борьба с данным явлением в глазах международного сообщества.

II.1.2. Понятие преступлений против международного уголовного правосудия

Исходя из данного выше определения преступления в международном праве, преступления против отправления международного уголовного правосудия можно определить как совершаемые физическими и юридическими лицами, международными организациями и государствами противоправные наказуемые деяния, посягающие на/и угрожающие международным отношениям по поддержанию международного мира и безопасности, в том числе международным отношениям по обеспечению гарантий неотвратимости наказания за международные преступления, а также международным отношениям, которые: 1) складываются между государствами и/или международными организациями в связи с учреждением международных судебных органов для отправления правосудия по делам о международных преступлениях и обеспечению их деятельности; или 2) возникают в связи с расследованием и уголовным преследованием этими органами различных преступлений, назначением и исполнением наказаний за их совершение и ответственность за которые установлена международным правом.

Преступления против отправления международного уголовного правосудия выделились из неуважения к суду – категории, включающей в себя любые деяния, представляющие собой вмешательство в отправление правосудия международными судами. Вмешательства, влекущие наступление уголовной ответственности, характеризуются особой степенью общественной опасности, обусловливающей использование в борьбе с ними методов уголовного права (установление уголовной ответственности за совершение некоторых деяний).

Международные преступления имеют особый объект – посягают на международный мир и безопасность. Ответственность за их совершение носит обычно-правовой характер. Международные преступления также отличаются

масштабностью совершения. Ответственность же за преступления международного характера является договорной.

Преступления против отправления международного уголовного правосудия близки к международным преступлениям по своему объекту. Эти преступления посягают на международный мир и безопасность, т.к. в результате их совершения могут быть сведены на нет усилия государств по расследованию и уголовному преследованию наиболее серьезных преступлений, вызывающих озабоченность всего международного сообщества. К объектам их посягательства также относятся международные отношения, непосредственно связанные с отправлением правосудия международными судебными органами, а также возникающие между субъектами международного права в связи с созданием и обеспечением их функционирования.

Кроме того, преступность и наказуемость преступлений против отправления международного уголовного правосудия постепенно приобретает статус нормы обычного международного права. Имплементация соответствующих норм во внутреннее законодательство носит факультативный характер, если только она не предусмотрена уставом соответствующего судебного органа для его участников.

Уставы могут содержать обязанность государств-участников предусмотреть уголовную ответственность за совершение посягательств на отправление правосудия международными судами, закрепленных в них, однако сегодня такие примеры в практике не встречаются.

Римский статут содержит обязательство государств-участников распространить свое внутреннее законодательство о преступлениях против отправления правосудия на посягательства на судопроизводство и авторитет МУС[778]. В рамках этого подхода одно и то же поведение индивида регулируется одновременно двумя правопорядками: международным, регулируемым Римском статуте, и внутригосударственным, по праву государства – или государств, – компетентных осуществлять уголовное преследование в соответствии со своим законодательством. Следовательно, к одному и тому же поведению могут

[778] Статья 70 Римского статута МУС 1998 г.

применяться разные виды и размеры наказания, обстоятельства, исключающие преступность деяния, а также смягчающие или отягчающие вину, формы вины, виды соучастия, процессуальные гарантии и т.д.

В Уставе МОМУТ отсутствуют требования к государствам установить уголовную ответственность за посягательства на отправление международного уголовного правосудия. Вместе с тем, согласно ст. 5 Устава, МОМУТ осуществляет конкурирующую с государствами юрисдикцию в отношении преследования лиц, виновных в совершении преступлений, предусмотренных ст. 1, в т.ч. – за неимением указаний на обратное – в совершении посягательств на отправление правосудия самим МОМУТ, МТБЮ или МТР. Часть 1 ст. 6 Устава наделяет МОМУТ полномочием передать такие дела на рассмотрение национальных правоохранительных органов, а в ч. 4 ст. 1 закреплена обязанность МОМУТ рассмотреть возможность такой передачи, прежде чем самостоятельно осуществлять преследование.

Будучи принятым резолюцией Совета Безопасности ООН, Устав МОМУТ не является источником международного права и не может служить основанием для привлечения к уголовной ответственности на национальном уровне, вследствие чего положение, предусмотренное в ч. 1 ст. 6, становится мертвой нормой. Надо полагать, что ч. 1 ст. 6 создает как минимум обязательство для государств принять к производству переданные дела, а следовательно, и юридически обеспечить такую передачу.

Наконец, уставы могут ничего не говорить об имплементации норм о преступлениях против отправления правосудия во внутреннее законодательство. Это, однако, не означает, что борьба с такими деяниями не является для государств-участников действующим обычным правом.

Выбор на стадии разработки устава международного уголовного суда между наделением его юрисдикцией в отношении преступлений против отправления международного им правосудия и предоставлением права (и обязанности) осуществлять преследование государствам – весьма неоднозначный. С одной стороны, государства имеют больше возможностей, чем международный

суд, чтобы обеспечить скорое и эффективное расследование и преследование. С другой стороны, предпочтение национальных преследований во многом обусловлено желанием избавить международные уголовные суды от рассмотрения вторичных по отношению к их основной задаче дел. Значимость и серьезность преступлений против отправления международного уголовного правосудия этим существенно занижается.

Составы преступлений против отправления международного уголовного правосудия отражены в Римском статуте МУС, резолюции Совета Безопасности ООН о создании МОМУТ и ряде документов, принятых международными уголовными судами для регулирования процессуальных аспектов их деятельности, т.е. по способу закрепления они могут быть отнесены к преступлениям международного характера.

Преступления против отправления международного уголовного правосудия отличаются от международных преступлений ограниченными масштабами. Они не предполагают наличие у нарушителя особых ресурсов и участия государства или аппарата, подобного государственному, что сближает их с преступлениями международного характера.

Безусловно, преступления против отправления правосудия не возмущают человеческое сознание так же, как и преступления против человечности или военные преступления. Если у этих преступлений есть потерпевшие (например, убийство свидетеля с целью предупредить дачу им показаний), то они единичны. Не следует, однако, забывать, что эти преступления влекут, тем не менее, серьезные отрицательные последствия для международного уголовного правосудия. В качестве их общего объекта мы выделяли международный мир и безопасность - объект характерный для международных преступлений.

Таким образом, преступления против отправления международного уголовного правосудия на современном этапе развития международного уголовного права нельзя однозначно отнести ни к категории международных преступлений, ни к категории преступлений международного характера. Это дает

основания характеризовать преступления против отправления международного уголовного правосудия как преступления *sui generis* по международному праву.

Проблема юрисдикции является одной из наиболее сложных и наименее изученных в международном праве, несмотря на фундаментальные исследования профессоров М. Акерхерста[779], Ф. Манна[780] и А. Доннедье де Вабра[781]. Не вдаваясь в доктринальные споры о том, что представляет собой юрисдикция, отметим лишь, что понятие «юрисдикция» связано со сферой действия внутреннего права государства во времени, пространстве и по кругу лиц. Профессор С.В. Черниченко предлагает понимать под ней «определяемую государством возможность и допустимость ожидать и требовать осуществления своих правовых велений (предписаний и запретов) и обеспечивать их осуществление»[782]. Профессор Л.Н. Галенская полагает, что термин «юрисдикция» «включает в себя действие норм права в пространстве и по кругу лиц, охватывая все способы реализации права: применение, соблюдение и использование»[783]. По мнению М. Шоу, юрисдикция означает «правомочие государства влиять на имущество людей и человеческие обстоятельства и отражает базовые принципы государственного суверенитета, равенства государств и невмешательства во внутренние дела»[784].

Применительно к международным уголовным судам термином «юрисдикция» обозначается действие права данного суда во времени, пространстве и по кругу лиц.

Во времени. Любой международный уголовный суд вправе преследовать преступления против отправления им международного правосудия, совершенные с момента начала его функционирования.

---

[779] *Akehurst M., op.cit.*
[780] *Mann F.A., op.cit.*; *Mann F.A.* The Doctrine of International Jurisdiction Revisited after Twenty Years // Recueil des Cours. Leiden: Brill, 1984. Vol. 186. Pp. 1–103.
[781] *Donnedieu de Vabres H.* Les principes modernes. *op.cit.*
[782] *Черниченко С.В.* Теория международного права. М., 1999. С. 114.
[783] *Галенская Л.Н.* Правовые проблемы сотрудничества государств в борьбе с преступностью. Л., 1978. С. 36.
[784] *Shaw M.* International Law. 4th ed. Cambridge, 2003. P. 452.

В пространстве. В международном праве выделяется пять обстоятельств, именуемых в отечественной литературе «принципами юрисдикции», позволяющих государству осуществлять уголовную юрисдикцию в отношении какого-либо преступного деяния: территориальный принцип, принципы активного и пассивного гражданства, универсальный и защитный принципы.

Наименее дискуссионным является *территориальный принцип*, в силу которого государство может осуществлять уголовное преследование преступлений, совершенных в пределах его территории[785]. Преступление может считаться совершенным на территории какого-либо государства, если оно полностью или частично имело место на данной территории. Юрисдикция международных уголовных судов обычно носит территориальный характер. Так, МТБЮ полномочен осуществлять судебное преследование лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии[786]. Юрисдикция СТЛ ограничена событиями, имевшими место на территории Ливана[787]. Согласно п. «а» ч. 2 ст. 12 Римского статута, МУС может осуществлять свою юрисдикцию в отношении преступлений, имевших место на территории государства – участника Статута или на борту морского или воздушного судна, зарегистрированного в государстве-участнике. Территориальный принцип применим и к юрисдикции международных уголовных судов в отношении преступлений против отправления международного уголовного правосудия.

Принцип активного гражданства позволяет государствам распространять свою юрисдикцию на преступления, совершенные их гражданами, вне зависимости от места совершения. Этот принцип распространяется также на лиц, приобретших либо утративших гражданство после совершения преступления[788].

---

[785] *Броунли Я.* Указ. соч. С. 428.
[786] Статья 1 Устава МТБЮ.
[787] Статья 1 Устава СССЛ.
[788] Распространение принципа на граждан, приобретших гражданство, обосновывается необходимостью не допустить безнаказанности лиц, виновных в совершении преступлений на территории одного государства, за счет приобретения ими гражданства и покровительства другого государства, не выдающего своих граждан; распространение принципа на граждан, утративших гражданство – необходимостью не допустить, чтобы виновное лицо могло

Теоретическую основу этого принципа составляет представление о государстве как о совокупности лиц, подчиненных единой власти, где бы эти лица ни находились территориально[789]. Юрисдикция международных уголовных судов иногда связывается с наличием у лица гражданства государства-участника. Например, МТР вправе осуществлять судебное преследование лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории Руанды (территориальный принцип), и граждан Руанды, ответственных за подобные нарушения, совершенные на территории соседних государств (принцип активного гражданства), в период с 1 января по 31 декабря 1994 г.[790] Аналогично МУС имеет юрисдикцию в отношении преступлений, совершенных на территории государств – участников Римского статута (территориальный принцип), а также граждан государств-участников, даже если само преступление имело место на территории третьего государства (принцип активного гражданства)[791].

В соответствии с *принципом пассивного гражданства* государства вправе преследовать лиц, виновных в совершении преступлений против их граждан, где бы эти преступления ни были совершены и к гражданству какого государства ни принадлежали бы преследуемые лица. Профессор Я. Броунли называет принцип пассивного гражданства «наименее оправданным основанием для осуществления юрисдикции», т.к. «многие аспекты его применения охватываются принципами защиты и универсальности»[792]. Этот принцип критиковался также Ф. Манном и А. Доннедье де Вабром[793]. Судьи по делу «Лотоса», рассмотренному Постоянной палатой международного правосудия в 1927 г., в своих особых мнениях пришли к выводу, что принцип пассивного гражданства не является частью обычного

избежать наказания посредством изменения своей гражданской принадлежности. См.: Harvard Research on International Law “Draft Convention on Jurisdiction with Respect to Crime” // American Journal of International Law. 1935. Vol. 29. P. 532. О различных обоснованиях принципа активного гражданства см.: *Ryngaert C., op.cit.,* pp. 106–107.

[789] См.: *Donnedieu de Vabres H.* Les principes modernes. P. 77.

[790] Статья 1 Устава МТР.

[791] Часть 2 ст. 12 Римского статута МУС 1998 г.

[792] *Броунли Я.* Указ. соч. С. 433.

[793] *Mann F.* The Doctrine of Jurisdiction. P. 39; *Donnedieu de Vabres H.* Les principes modernes. P. 170.

международного права[794]. На национальном уровне данный принцип неоднократно применялся в рамках процессов в отношении международных преступлений. Например, по окончании Второй мировой войны в 1948 г. Военным судом Батавии было рассмотрено дело против японского военнослужащего, обвиняемого в принуждении голландских женщин к проституции[795].

Универсальный принцип допускает осуществление юрисдикции государства в отношении наиболее серьезных преступлений, представляющих угрозу для всего международного сообщества, даже тогда, когда данные преступления не имеют никакой привязки к этому государству, кроме присутствия виновного лица на его территории[796]. Несмотря на то, что международные уголовные суды обычно создаются для преследования именно такого рода преступлений, ни один из них не обладает универсальной юрисдикцией. В доктрине существует теория о принципиальной возможности наделения государствами-участниками международного уголовного суда универсальной юрисдикцией. В качестве правового обоснования этой теории его сторонник С. Ренгарт утверждает, что международный уголовный суд должен быть правомочен делать то, что может делать каждое из его государств-участников по отдельности[797].

С этой теорией нельзя согласиться. Во-первых, использование термина «передача полномочий» здесь неуместно, т.к. «передача» предполагает отказ от каких-либо полномочий в пользу другого субъекта, в то время как создание международного уголовного суда не предполагает такого отказа – юрисдикции государств-участников и суда существуют параллельно, а коллизии между ними могут разрешаться по-разному, в зависимости от воли государств, выраженной в

---

[794] *Harris D.J., op.cit.,* p. 281.

[795] *Askin K.* War Crimes Against Women: Prosecution in International War Crimes Tribunals. Martinus Nijhoff Publishers, 1997. P. 85.

[796] *Donnedieu de Vabres H.* Les principes modernes …, *op.cit.,* p.160; *Inazumi M., op.cit.,* p.103; *Van Schaak B.* Justice without Borders: Universal Civil Jurisdiction // Proceedings of the Annual Meeting American Society of International Law. 2005. Vol. 99. P. 121.

[797] *Ryngaert C.* The International Criminal Court and Universal Jurisdiction. Working Paper № 46. March 2010. P. 5. [Электронный ресурс]. // KU Leuven, Leuven Centre for Global Governance Studies. – URL: https://ghum.kuleuven.be/ (дата обращения: 20.05.2025).

учредительном акте. Во-вторых, право преследовать события, имевшие место на территории другого государства, признается государствами друг за другом взаимно, так что все государства находятся в равном положении. Наделение международного судебного органа, не пользующегося универсальным признанием, универсальной юрисдикцией нарушает это равенство: в результате него дополнительно к юрисдикции иностранных государств на территорию третьего государства без его согласия распространяется юрисдикция еще одного субъекта международного права. Таким образом, несмотря на то, что наделение международного суда универсальной юрисдикцией не создает никаких обязанностей для третьих государств, сам факт наделения является нарушением международного права. Поэтому универсальный принцип не может приниматься в качестве правового основания для осуществления международными уголовными судами юрисдикции в отношении преступлений против отправления ими правосудия.

Наконец, пятый – *защитный принцип* – является основанием для осуществления государством юрисдикции в отношении преступлений, направленных против его интересов. По мнению профессора Ф.Ф. Мартенса, право государства наказывать иностранца за преступление, совершенное на чужой территории, возникает из наличия юридического отношения между этим государством и преступлением. Такое отношение существует, «если иностранец совершил за границей преступление против государственного порядка или прав страны, в пределах которой он находится»[798]. Профессор А. Доннедье де Вабр отмечает, что «как далеко бы мы ни углублялись в историю международного уголовного права, мы неизбежно констатируем существование норм, позволяющих государству осуществлять свою юрисдикцию в отношении преступлений, которые представляют угрозу его внутренней или внешней безопасности, даже если они были подготовлены и осуществлены за пределами

[798] *Мартенс Ф.Ф.* Современное международное право цивилизованных народов. Т. 2 / Мартенс Ф.Ф. 5-е изд., доп. и испр. С.-Пб.: Тип. А. Бенке, 1905. С. 161.

его территории и совершены иностранным гражданином»[799]. М. Шоу пишет о праве государства осуществлять уголовную юрисдикцию против «иностранных граждан, совершивших за рубежом деяние, которое рассматривается как наносящее ущерб безопасности данного государства»[800]. Профессор Р. Крайер также связывает защитный принцип с деятельностью, угрожающей безопасности государства, такой как раскрытие государственной тайны, шпионаж, подделка государственной валюты и т.д.[801] По мнению С. Ренгарта, этот принцип призван защищать государство от совершенных за рубежом действий, подрывающих его суверенитет или право на политическую независимость[802]. Согласно Меморандуму Секретариата ООН «Иммунитет государственных должностных лиц от уголовного преследования» 2008 г., «защитный принцип основывает юрисдикцию на национальном интересе, которому нанесен ущерб правонарушением, совершенным за рубежом»[803]. Защитный принцип предоставляет юрисдикцию «в отношении тех преступлений, которые полностью совершены вне пределов территории государства, осуществляющего уголовное преследование, и которые создают опасность наступления отрицательных последствий для безопасности, целостности, суверенитета такого государства или отправления им важной управленческой функции»[804].

Этот принцип предусмотрен, например, в Международной конвенции о борьбе с захватом заложников 1979 г., согласно которой каждое государство-участник обязуется принять необходимые меры для установления его юрисдикции в отношении преступлений, совершенных с целью принудить это государство совершить какой-либо акт или воздержаться от его совершения.

---

[799] *Donnedieu de Vabres H.* Les principes modernes. P. 86.
[800] *Shaw M., op.cit.,* pp. 666–667.
[801] An Introduction to International Criminal Law and Procedure / edited by R. Cryer, H. Friman, D. Robinson and E. Wilmshurst. Cambridge University Press, 2010. P. 50.
[802] *Ryngaert C.* Jurisdiction. P. 114.
[803] ООН: Иммунитет государственных должностных лиц от уголовного преследования. Меморандум Секретариата // Документ ООН A/CN.4/596, 31 March 2008.
[804] *Bassiouni Ch.* Universal Jurisdiction for International Crimes: Historical Perspectives and Contemporary Practice // International Criminal Law: Multilateral and Bilateral Enforcement Mechanisms / edited by Ch. Bassiouni. Brill, 2008. 3rd ed. Vol. II. P. 108.

В деле против А. Эйхмана, ответственного за реализацию политики окончательного решения еврейского вопроса в Третьем рейхе, Окружной суд Израиля сослался на защитный принцип как на одно из оснований своей юрисдикции[805]. Вменяемые А. Эйхману преступления не могли ставить под угрозу интересы государства Израиль, т.к. на момент их совершения такого государства не существовало[806].

В 1968 г. иностранная гражданка была осуждена в США за предоставление заведомо ложных сведений в анкете на получение американской визы в консульстве США в Канаде. Суд постановил, что подобное деяние представляет собой «оскорбление американского суверенитета», а предоставленные ложные сведения пагубно влияют на правомерные государственные интересы[807].

В 1981 г. окружной суд штата Калифорния постановил, что действия, связанные с причинением смерти конгрессмену США на службе за рубежом, «безусловно имели потенциально негативные последствия для безопасности государства или отправления им управленческой функции», в связи с чем подпадают под юрисдикцию США на основании защитного принципа[808].

В 1983 г. немецкий гражданин был осужден окружным судом штата Массачусетс по обвинению в шпионаже в пользу ГДР. В приговоре суд воспроизвел положение Второго свода по международным отношениям США: «В международном праве защитный принцип предоставляет государству право в нормативном порядке придавать правовые последствия поведению, которое имеет место вне его территории и угрожает его безопасности или отправлению им управленческих функций, при условии, что это поведение признается преступным государствами с достаточно развитыми правовыми системами»[809].

Таким образом, в доктрине международного права и практике государств прочно закреплена идея о возможности преследования государством деяний,

---

[805] *Oliver C. T*he Attorney-General of the Government of Israel v. Eichmann // The American Journal of International Law. 1962. Vol. 56, Iss. 3. P. 808.
[806] Официальной датой образования государства Израиль считается 14 мая 1948 г.
[807] *United States v. Pizzarusso*, 388 F.2d F.2d 8 (2d Cir.), cert. denied, 392 US 938 (1968).
[808] *United States v. Layton*, 509 F. Supp. 212 (N.D. Cal. 1981).
[809] *United States v. Zehe*, 601 F. Supp. 196 (D. Mass. 1985).

направленных против его интересов, вне зависимости от места их совершения и гражданской принадлежности виновного лица[810]. Государство не может допустить, чтобы посягательства на его интересы оставались безнаказанными. Политика иностранных государств в отношении преследования деяний, посягающих на чужие интересы, традиционно характеризовалась пассивностью[811]. В последние годы намечается, в т.ч. на уровне международных договоров, тенденция к криминализации ряда таких деяний, например, коррупции иностранных должностных лиц или международных гражданских служащих[812].

Такая же логика может применима и к международным уголовным судам. Преступления против отправления международного уголовного правосудия, где бы и кем бы они ни совершались, посягают на их фундаментальные интересы, бремя защиты которых ложится, в первую очередь, на них самих.

Защитный принцип не налагает никаких дополнительных обязанностей на государство, не являющееся участником устава того или иного международного уголовного суда, на территории которого имело место преступление или находится виновное лицо. Факт возбуждения уголовного разбирательства по факту совершения преступления против отправления последним правосудия не обязывает это государство сотрудничать с международным судебным органом, так же как никакое государство не обязано – в отсутствие международно-правовой договоренности об обратном – оказывать помощь другому государству в его расследовании на основании защитного принципа.

По кругу лиц. Данная характеристика определяет, кто может являться субъектом преступления против отправления международного уголовного правосудия. Она подробно будет подробно рассмотрена ниже.

II.1.3. Объект преступлений против международного уголовного правосудия

В отечественной теории уголовного права достаточно прочно утвердилось понимание объекта преступления как тех охраняемых правом общественных

---

[810] *Bantekas I., Nash S.* International Criminal Law. Cavendish, 2007. P. 83.

[811] *Rebut D.* Droit pénal international. Dalloz, 2012. P. 68–69.

[812] Конвенция по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок (Париж, 17 декабря 1997 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 17. Ст. 1899.

отношений, на которые направлено посягательство[813]. Перенося эту категорию в плоскость международного права, следует говорить об объекте преступления как о системе общественных отношений, регулируемых и охраняемых нормами международного права и подвергающихся нарушению в результате противоправного деяния. Применительно к преступлениям против отправления международного уголовного правосудия представляется необходимым исходить из многослойной, комплексной структуры объекта: каждое такое преступление затрагивает одновременно несколько взаимосвязанных блоков международно-правовых отношений.

Общим объектом преступлений против отправления международного уголовного правосудия являются *отношения между государствами по поддержанию международного мира и безопасности*[814]. Создание и

---

[813] *Глистин В.К.* Общественные отношения как объект преступления по советскому уголовному праву // Правоведение. 1966. № 2. С. 87–94; *Глистин В.К.* Проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений. Объект и квалификация преступлений. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1979. 127 с.; *Коржанский Н.И.* Объект и предмет уголовно-правовой охраны. М.: Изд-во Акад. МВД СССР, 1980. С. 26. Существуют, однако, и иные теории касательно сущности объекта преступления. В рамках нормативистской теории объекта преступления объект определяется как нарушаемая лицом норма права. Профессор В.Д. Спасович объектом преступления считал субъективное право, отмечая, что «преступление есть противозаконное посягательство на чье-либо право, столь существенное, что государство, считая это право одним из необходимых условий общежития, при недостаточности других средств охранительных, ограждает ненарушимость его наказанием». См.: *Спасович В.Д.* Учебник уголовного права. Часть Общая. СПб., 1863. С. 84. Согласно теории профессора Н.С. Таганцева, под объектом преступления следует понимать «правовое благо», например, «личность и ее блага – жизнь, телесная неприкосновенность, личные чувствования, честь, обладание или пользование известными предметами внешнего мира; проявление личности вовне, свобода передвижения и деятельности в ее различных сферах; возникшие в силу этой деятельности известные отношения или состояния – их неизменяемость, ненарушимость; различные блага, составляющие общественное достояние, и т. п.» См.: *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. В 2-х т. Т. 1. М., 1994. С. 32–33. Теория Н.С. Таганцева разделяется отдельными представителями отечественной науки уголовного права и сегодня См.: *Борзенков Г.Н., Комиссаров В.С., Крылова Н.Е., Кузнецова Н.Ф., и др.* Курс уголовного права: Учение о преступлении. Общая часть: Учебник. Том 1 / Под ред. Кузнецовой Н.Ф., Тяжкова И.М. Москва: Зерцало, 1999. 592 с.

[814] Совет Безопасности ООН в резолюции, учредившей МТБЮ, отметил, что широкомасштабные и вопиющие нарушения международного гуманитарного права на территории бывшей Югославии, а также массовые убийства, заключения и изнасилования женщин и этнические чистки, совершаемые в т. ч. с целью захвата и удержания территории, представляют угрозу международному миру и безопасности. См.: Резолюция 827 (1993), принятую Советом Безопасности на его 3261-м заседании 25 мая 1993 года // Документ ООН S/RES/827 (1993), 25 May 1993; см. также: Преамбула Римского статута 1998 г.: «Государства-участники настоящего Статута, […] памятуя о том, что за нынешнее столетие миллионы детей,

функционирование международных уголовных трибуналов и судов представляет собой одну из институционализированных форм сотрудничества государств в деле поддержания международного мира и безопасности[815]. МТБЮ и МТР были учреждены Советом Безопасности именно как меры по пресечению массовых и вопиющих нарушений международного гуманитарного права, признанных угрозой миру в соответствующих регионах. Похожим образом создание МУС обусловлено признанием того, что тягчайшие преступления – геноцид, преступления против человечности, военные преступления, агрессия –угрожают всеобщему миру, безопасности и благополучию. Е.Н. Трикоз подчеркивает, что при создании МУС его «“отцы-основатели” исходили из той важной предпосылки, что правосудие – это всегда существенный компонент устойчивого мира и безопасного состояния человечества»[816]. В этом контексте правосудие, осуществляемое международными уголовными судами, выступает не как самоцель, а как элемент более широкой системы коллективной безопасности: установление истины, осуждение и наказание виновных, восстановление справедливости для жертв служат укреплению режима мирного сосуществования государств. Преступления против правосудия препятствуют выполнению этой функции: они затрудняют либо делают невозможным эффективное расследование и судебное преследование, способствуют безнаказанности виновных, подрывают доверие к международному судопроизводству и тем самым наносят ущерб интересам международного сообщества в поддержании мира и безопасности.

Сотрудничество в сфере борьбы с международной преступностью является обязанностью государств и одним из обязательств *erga omnes*[817]. Каждое

женщин и мужчин стали жертвами немыслимых злодеяний, глубоко потрясших сознание человечества, признавая, что эти тягчайшие преступления угрожают всеобщему миру, безопасности и благополучию…».

[815] *Синякин И.И*. Указ.соч. С. 119.

[816] *Трикоз Е.Н.* Указ. соч. С. 228.

[817] ООН: Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций (Принята 24.10.1970 Резолюцией 2625 (XXV) на 1883-ем пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Резолюции, принятые Генеральной Ассамблеей на двадцать пятой сессии. 15 сентября - 17 декабря 1970 года. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Двадцать пятая сессия. Нью-Йорк: ООН, 1971. С. 151 - 155. См. также:

государство обладает правом и одновременно несет обязанность преследовать лиц, виновных в международных преступлениях, и сотрудничать с другими государствами в целях их обнаружения, ареста, выдачи и наказания. Отсюда вытекает правовой интерес каждого государства – независимо от его непосредственной «затронутости» – в надлежащем функционировании механизмов международного уголовного правосудия и, следовательно, в пресечении любых посягательств на эти механизмы[818].

Акты, направленные на подрыв сотрудничества государств в этой сфере, представляют собой грубое нарушение международного права. Такое поведение может породить как международно-правовую ответственность государства, которое не исполняет свои обязательства, так и уголовную или иную юридическую ответственность физических или юридических лиц, непосредственно совершающих действия, препятствующие правосудию.

Следующий, более конкретный уровень объекта преступлений против отправления международного уголовного правосудия – это *отношения, возникающие непосредственно в связи с расследованием и судебным преследованием преступлений международными уголовными судами*, то есть в процессе отправления правосудия в узком, функциональном смысле. Речь идет о деятельности органов международного уголовного правосудия по собиранию, проверке, оценке и представлению доказательств, по обеспечению явки свидетелей и обвиняемых, сохранности вещественных доказательств, соблюдению процессуальных гарантий сторон.

Под «правосудием» в данном контексте следует понимать не только конечный результат в форме приговора, но и весь процесс его подготовки и вынесения, включающий предварительное расследование, судебное разбирательство и последующее исполнение приговора. Более того, правосудие как юридическая категория не тождественно идеализированным философским

Лукашук И.И. Понятие основных принципов // Курс международного права: Основные принципы международного права. В 7 томах. Т. 2 / Игнатенко Г.В., Карташкин В.А., Клименко Б.М., Лукашук И.И., и др.; отв. ред. Лукашук И.И. М.: Наука, 1989. С. 7.

[818] *Case Concerning The Barcelona Traction, Light and Power Company, Limited (Belgium v. Spain).* Judgment dated February 5, 1970 // International Court of Justice Reports. 1970. Vol. 24. § 33.

представлениям о «совершенной справедливости»[819]. Ошибки в толковании норм, неполнота оценки фактических обстоятельств, если они допущены без умысла и в пределах процессуальных процедур, не выводят соответствующую деятельность за рамки отправления правосудия. Наказуемыми в рамках преступлений против правосудия являются не заблуждения или спорные юридические оценки, а умышленные действия, направленные на искажение, блокирование или дезорганизацию судебного процесса.

Следует отметить, что именно данный объект характерен для большинства преступлений против отправления международного уголовного правосудия.

Наконец, в качестве еще одного объекта указанных преступлений выступают *отношения между государствами и/или международными организациями по созданию и обеспечению деятельности международных судебных органов*. Учреждая международные уголовные трибуналы и суды, государства объединяют человеческие, финансовые и иные ресурсы для установления истины, выявления и наказания виновных. В результате возникает сложный комплекс организационных, финансовых и иных отношений: распределение бюджетного бремени, предоставление помещений и инфраструктуры, выделение персонала.

Преступления против отправления международного уголовного правосудия посягают на эти учредительные и обеспечительные отношения, подрывая доверие государств к созданным ими же институтам и уменьшая готовность государств и международных организаций вкладывать ресурсы в их дальнейшее функционирование. В перспективе это может вести к ослаблению или ликвидации соответствующих судебных органов.

Еще одним самостоятельным объектом преступлений против отправления международного уголовного правосудия являются *отношения между государствами по обеспечению гарантий неотвратимости наказания за международные преступления*. Принцип неотвратимости ответственности и наказания за преступления, затрагивающие коренные интересы международного

[819] *Трикоз Е.Н.* Указ. соч. С. 230.

сообщества, утвердился в международном праве в значительной мере под воздействием опыта МВТ. Первый Нюрнбергский принцип, сформулированный КМП в 1950 г. по поручению Генеральной Ассамблеи ООН, гласит: «Всякое лицо, совершившее какое-либо действие, признаваемое, согласно международному праву, преступлением, несет за него ответственность и подлежит наказанию»[820]. Этот и последующие принципы, подтвержденные Генеральной Ассамблеей в резолюции 95(I) от 11 декабря 1946 г., были признаны всеобщими и стали фундаментом для всего последующего развития международного уголовного права. Дальнейшее развитие данного принципа нашло выражение в Конвенции о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества от 26 ноября 1968 г. Ее преамбула прямо указывает, что «применение к военным преступлениям и преступлениям против человечества внутренних правовых норм, касающихся срока давности в отношении обычных преступлений, является вопросом, вызывающим серьезную озабоченность мирового общественного мнения, так как оно препятствует судебному преследованию и наказанию лиц, ответственных за такие преступления»[821]. Создание международных уголовных трибуналов представляет собой институционализацию этого принципа, его перевод из плоскости общих деклараций в плоскость конкретных судебных механизмов. Воспрепятствование отправлению международного уголовного правосудия по существу направлено на разрушение принципа неотвратимости наказания и создает реальную угрозу возврата к состоянию безнаказанности.

II.1.4. Субъект преступлений против международного уголовного правосудия

Индивиды. Принцип индивидуальной ответственности за деяния, признанные преступными в международном праве, был выделен КПМ в 1950 г. в качестве одного из принципов, признаваемых Уставом и приговором

---

[820] Принципы международного права, признанные Уставом Нюрнбергского Трибунала и нашедшие выражение в решении этого Трибунала: утверждены Комиссией международного права ООН в 1950 г. // Yearbook of the International Law Commission. 1950. Vol. II. P. 374–378.

[821] Конвенция о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества: [междунар. договор от 26 нояб. 1968 г.] // Организация Объединенных Наций: офиц. сайт. URL: https://www.un.org (дата обращения: 21.02.2026).

Нюрнбергского трибунала[822]. Эти принципы получили единогласное одобрение Генеральной Ассамблеи ООН[823]. В комментарии к этому принципу КМП пояснила, что «он основывается на общем правиле, согласно которому индивиды могут иметь обязанности непосредственно на основании международного права, без посредничества внутреннего права»[824]. Эта же идея легла в основу Проекта кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, разработанного КМП в 1954 и 1996 гг.[825]

Проф. Я. Броунли указывает, что это правило считается общепризнанным со второй половины XIX в.[826] По мнению проф. И.И. Лукашука, индивиды также способны нести ответственность непосредственно на основе норм международного права. «Нельзя согласиться и с тем, – пишет он, – что физические лица несут лишь ответственность в рамках и на основе норм национального права».[827] Такой же точки зрения придерживаются проф. И.П. Блищенко и И.В. Фисенко. Они отмечают, что «индивиды могут непосредственно нарушать международное право и нести за это ответственность по международному праву»[828].

В общей теории права способность иметь права и обязанности является отличительным признаком субъектов соответствующего правопорядка, т.к. она сопряжена с участием в правоотношениях, в результате которых эти обязанности

---

[822] ООН: Principles of International Law recognized in the Charter of the Nürnberg Tribunal and in the Judgment of the Tribunal, with commentaries. // Yearbook of the International Law Commission. 1950. Vol. II. P. 374–378.

[823] ООН: Резолюция 95(I) от 11.12.1946 Генеральной Ассамблеи «Подтверждение принципов международного права, признанных статутом Нюрнбергского трибунала» // Резолюции, принятые Генеральной Ассамблеей на второй части первой сессии с 23 октября - 15 декабря 1946 г.- Лейк Соксес, Нью-Йорк: Объединенные Нации, 1947. С. 139 - 140.

[824] Principles of International Law…, *op.cit.*, p. 374, § 99. См. также: Judgment of the International Military Tribunal, Nürnberg, 1 October 1946 // Trials of War Criminals before the Nuremberg Military Tribunals under Control Council Law No. 10, Vol. I (TWC). Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1949. P. 223–631. [Электронный ресурс]. - URL: https://www.legal-tools.org/ (дата обращения: 31.08.2025).

[825] ООН: Draft Code of Offences against the Peace and Security of Mankind // Yearbook of the International Law Commission, with commentaries. 1954. Vol. II. P. 17–45.

[826] *Броунли Я.* Международное право. В двух книгах. Книга 2. М., 1977. С. 252.

[827] *Лукашук И.И.* Право международной ответственности. С. 72.

[828] *Блищенко И.П., Фисенко И.В.* Указ.соч. С. 44.

и права приобретаются[829]. Отсюда признание за индивидом международно-правовых обязанностей равнозначно признанию за ним международной правосубъектности, что противоречит теории международного права.

М.А. Циммерман в этом плане категоричен: «Между людьми и международным правопорядком промежуточное положение занимает государство и люди, как таковые, не являются субъектами международного права»[830]. Как отмечает проф. Н.А. Ушаков, «именно ввиду того, что индивиды и юридические лица не могут являться субъектами международного права, не существует и международно-правовых норм, которые *непосредственно* наделили бы их субъективными правами и обязанностями»[831] (курсив в оригинале). Р.А. Мюллерсон на это предлагает разделять в международном праве способность иметь права и обязанности и способность их приобретать: «в ряде случаев правами и обязанностями по международному праву непосредственно наделяются лица и образования, не обладающие способностью создавать нормы международного права»[832]. Как следствие, он писал о существовании двух категорий субъектов международного права.

Две категории субъектов выделяются и в работах проф. А.Н. Трайнина. Помимо субъектов международно-правовых отношений – государств – он выделяет субъекты посягательств на международно-правовые отношения[833]. Он отвергает тезис, согласно которому «посягать на определенный круг отношений могут лишь лица, обладающие правами и обязанностями в сфере этих отношений».[834] Это замечание, тем не менее, не разрешает проблему правового основания несения индивидами ответственности за совершение посягательств на международно-правовые отношения.

---

[829] *Шибаева Е.А.* Правовой статус межправительственных организаций. М., 1972. С. 41–42; *Усенко Е.Т.* Совет экономической взаимопомощи – субъект международного права // Советский ежегодник международного права, 1979. М.: Наука, 1980. С. 131–145.
[830] *Циммерман М.А.* История международного права. Прага, 1924 С. 18.
[831] *Ушаков Н.А.* Основания международной ответственности государств. С. 164.
[832] *Мюллерсон Р.А.* О международной правосубъектности иных образований и физических лиц // Курс международного права. В 7 т. Т. 1. М.: Наука, 1990. С. 181.
[833] *Трайнин А.Н.* Уголовная ответственность гитлеровцев. С. 76.
[834] Там же.

Ни одно право индивид не может иметь и ни одну обязанность он не может нести, если государство, где он находится, не признало это право или эту обязанность в качестве международно-правовой нормы. В противном случае необходимо было бы допустить, как пишет проф. Н.А. Ушаков, что на территории государства без его согласия наряду с установленными им нормами права могут существовать другие нормы[835]. Когда государство признает соответствующую норму международного права, эта норма включается в его внутренний правопорядок и в таком – и только в таком – качестве приобретает способность порождать права и обязанности для индивидов, находящихся под юрисдикцией данного государства. Именно посредством этого механизма – через внутреннее право государства – нормы международного права становятся регулятором поведения физических лиц, не утрачивая при этом своей международно-правовой природы.

Необходимо при этом с полной определенностью подчеркнуть: признание государствами некоторого деяния преступным по международному праву не заключает в себе непосредственного предписания, обращенного к индивидам. Международное право не командует индивидами – это прерогатива внутригосударственного правопорядка. Признание деяния международным преступлением означает прежде всего возникновение обязанности государств принимать меры к предотвращению, пресечению и уголовному преследованию таких деяний. Государство берет на себя обязательство перед другими государствами и лишь во исполнение этого обязательства адресует соответствующие запреты и санкции своим гражданам и лицам, находящимся под его юрисдикцией.

Индивиды являются субъектами преступлений против отправления международного уголовного правосудия на основании международного договора или обычая, признанного государством. Признаки правосубъектности лица, обусловливающие правомочие международных уголовных судов осуществлять

---

[835] *Ушаков Н.А.* Понятие субъекта международного права // Курс международного права. В 7 т. Т. 1. М.: Наука, 1982. С. 163–164.

уголовное преследование в его отношении, могут устанавливаться учредительными актами этих судов. Эти признаки применимы также и к преступлениям против отправления правосудия.

По Римскому статуту уголовной ответственности подлежит лицо, достигшее ко времени совершения преступления восемнадцатилетнего возраста[836]. Уставом СССЛ возраст наступления уголовной ответственности устанавливается в пятнадцать лет[837]. Уставами МТБЮ и МТР не предусматривался минимальный возраст наступления уголовной ответственности, но в практике этих трибуналов не было случаев привлечения к ответственности лиц моложе восемнадцати лет.

Некоторые составы преступлений против отправления международного уголовного правосудия имеют специального субъекта, который характеризуется дополнительными признаками, как-то: должностное положение (получение или вымогательство взятки должностным лицом суда может быть совершено только должностным лицом); роль в установлении истины по уголовному делу (субъектом преступления дачи ложных показаний, отказа либо уклонения от дачи показаний может быть только свидетель).

Юридические лица. Вопрос международной уголовной ответственности юридических лиц долгое время являлся предметом научной дискуссии.

Среди отечественных пеналистов этот вопрос подробно изучался, например, проф. А.Н. Трайниным, который прищел к общему выводу, согласно которомуюридические лица не могут быть субъектами преступлений и нести уголовную ответственность, т.к. к ним неприменимы институты вины, вменяемости[838]. Надо отметить, что отсутствие способности иметь субъективное отношение к своему поведению является одним из наиболее распространенных

---

[836] Статья 26 Римского статута МУС 1998 г.
[837] Статья 7(1) Устава СССЛ.
[838] *Трайнин А.Н.* Избранные труды. СПб., 2004. С. 721–722, 724.

аргументов, выдвигаемых противниками уголовной ответственности юридических лиц[839].

Уголовная ответственность связана с виной постольку, поскольку вина в общей теории уголовного права – это обязательный признак состава преступления, совершение которого и покушение на которое являются единственным основанием для наступления уголовной ответственности.

В отличие от внутригосударственного права, в международном праве понятие преступления не всегда сопряжено с понятием уголовной ответственности или вины. Термин «преступление» используется для характеристики нарушений норм международного права, посягающих на основы международного общения. Как отмечает Д.Б. Левин, «преступление не в смысле уголовного права, а в смысле международного публичного права, т.е. в том смысле, что отмеченное выше поведение государства вызывает более суровое политическое осуждение со стороны других государств и более суровые международные санкции, включая коллективные санкции международной организации или ряда государств»[840]. Проф. Г.И. Тункин пишет, что «когда агрессивную войну и некоторые другие нарушения международного права называют преступлениями, то этим лишь хотят подчеркнуть в отношении государства особо опасный характер правонарушения»[841]. Проф. Ю.М. Колосов полагает, что «квалификация особо опасных деликтов в качестве преступлений носит скорее дополнительный политический оттенок и не означает, что преступление есть нечто качественно отличающееся от деликта»[842].

Для отдельных зарубежных исследователей проблема международной уголовной ответственности юридических лиц встает больше с точки зрения практической целесообразности, нежели теоретической состоятельности, которая

---

[839] См., например: *Glaser St.* Introduction à l'étude du droit pénal international. Brux., P., 1954. P. 526; *Иванова И.М.* Международная уголовная юстиция и преступления против человечества: дис. … канд. юрид. наук. М., 1959. С. 257.

[840] *Левин Д.Б.* Ответственность в международном праве. С.29.

[841] *Тункин Г.И.* Теория международного права… Указ. соч. С. 457. См. также: *Тункин Г.И.* Вопросы теории международного права. М., 1966. С. 274–276.

[842] *Колосов Ю.М.* Ответственность в международном праве. – М.: Юрид. лит., 1975. – С. 59.

считается давно установленной. Действительно, сегодня во многих государствах юридические лица обладают уголовной правосубъектностью[843]. К таким

[843] См., например: *Бельгия*. Уголовный кодекс от 31.08.1867 г. – Принят Национальнам законодательнам собранием Бельгии. Статья 5. [Электронный ресурс]. – URL: https://scienceforum.ru/2018/article/2018006030 (рус.); *Дания*. Уголовный кодекс от 27.09.2005 г. Принят парламентом Дании (Folketing). Раздел 25. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.unodc.org (англ.); *Франция*. Уголовный кодекс от 22.07.1992 г. Принят Национальным собранием Франции. Статья 121-2. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.legifrance.gouv.fr (франц.); *Венгрия*. Акт «О мерах уголовно-правового характера» 2001 г. Принят Национальным собранием Венгрии (Országgyűlés). [Электронный ресурс]. – URL: https://www.imolin.org (англ.); *Исландия*. Общий Уголовный кодекс от 12.02.1940 г. Принят парламентом Исландии (Alþingi). Статьи 19 a-c. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.parliament.am (англ.); *Литва*. Уголовный кодекс от 14.03.2002 г. Принят Сеймом Литвы. Статья 20. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.wipo.int (англ.); *Нидерланды*. Уголовный кодекс от 03.03.1881 г. Принят парламентом Нидерландов (Staten-Generaal). Статья 51. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.ejtn.eu (англ.); *Португалия*. Уголовный кодекс от 05.08.2015 г. Принят Португальским парламентом (Assembleia da República). Статья 11(2). [Электронный ресурс]. – URL: http://www.legislationline.org (англ.); *Румыния*. Уголовный кодекс от 01.02.2014 г. Принят парламентом Румынии. Часть 1, статья 45. [Электронный ресурс]. – URL: http://ugolovnykodeks.ru (рус.); *Испания*. Уголовный кодекс от 23.11.1995 г. Принят Конгрессом депутатов Испании (Congreso de los Diputados). Статья 31 bis. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.mjusticia.gob.es (исп.); *Швейцария*. Уголовный кодекс от 21.12.1937 г. Принят Федеральным собранием Швейцарии. Статья 102. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.admin.ch (нем./фр./итал.); *Бангладеш*. Уголовный кодекс от 06.10.1860 г. Принят Законодательным советом Бенгалии. Разделы 2 и 11. [Электронный ресурс]. – URL: http://bdlaws.minlaw.gov.bd (англ.); *Канада*. Уголовный кодекс 1892 г., редакция 1985 г. Принят парламентом Канады. Раздел 2. [Электронный ресурс]. – URL: http://laws-lois.justice.gc.ca (англ./фр.); *Китай*. Уголовный кодекс от 01.07.1979, редакция от 14.03.1997 г. Принят Всекитайским собранием народных представителей. Статья 30. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.fmprc.gov.cn (кит.); *Гватемала*. Уголовный кодекс от 27.07.1973 г. Принят Национальным конгрессом Гватемалы. Статья 38. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.wipo.int (англ.); *Индия*. Уголовный кодекс от 06.10.1860 г. Принят Британским парламентом. Разделы 2 и 11. [Электронный ресурс]. – URL: http://chddistrictcourts.gov.in (англ.); *Япония*. Акт о противодействии недобросовестной конкуренции 2005 г. Принят парламентом Японии (Коккай). Часть 1, статья 22. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.oecd.org (англ.); *Кения*. Уголовный кодекс 1930 г. Принят Законодательным советом Кении. Раздел 23. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.kenyalaw.org (англ.); *Малайзия*. Уголовный кодекс от 27.12.1971 г. Принят парламентом Малайзии (Dewan Rakyat). Раздел 11. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.agc.gov.my (англ.); *Марокко*. Уголовный кодекс от 17.06.1963 г. Принят Королевским указом Короля Мухаммеда V. Статья 127. [Электронный ресурс]. – URL: http://adala.justice.gov.ma (араб./фр.); *Сенегал*. Уголовный кодекс от 21.07.1965 г. Принят Национальным собранием Сенегала. Статья 163 bis. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.droit-afrique.com (фр.); *Южная Африка*. Акт об уголовном процессе № 51 от 1977 г. Принят парламентом ЮАР. Раздел 332. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.justice.gov.za (англ.); *Южная Корея*. Акт о борьбе с подкупом иностранных должностных лиц 1998 г. Принят Национальным собранием Республики Корея. Статья 4. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.oecd.org (англ.); *Сирия*. Уголовный кодекс от 22.06.1949 г. Принят Народным советом Сирии. Часть 2, статья 209. – Электронный ресурс. – URL: http://www.wipo.int (араб.); *ОАЭ*. Уголовный кодекс 1987 г. Принят Федеральным Национальным Советом ОАЭ. Статья 65. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.icla.up.ac.za

исследователям относятся, например, М. Келли, М. Кремнитзер, Р. Слай, Н. Берназ[844]. В отечественной науке о возможности несения юридическими лицами уголовной ответственности за международные преступления пишет проф. Л.В. Иногамова-Хегай[845].

О. Фаучалд и Дж. Стиген полагают, что современное международное право не предусматривает уголовной ответственности юридических лиц[846]. С этим нельзя согласиться. Например, ст. 26 Конвенции ООН против коррупции 2003 г. налагает на государства-участники обязанность принять меры, в т. ч. числе уголовно-правового характера, если это согласуется с особенностями их правовой системы, которые могут потребоваться для установления ответственности юридических лиц за участие в преступлениях, признанных таковыми в соответствии с настоящей Конвенцией. Аналогично Конвенция Совета Европы о защите окружающей среды посредством уголовного права 1998 г. предписывает государствам-участникам принять меры «по созданию условий для применения уголовных или административных санкций или мер воздействия к юридическим лицам, от имени которых преступление было совершено их органами или членами или иным представителем»[847].

В окончательном проекте Статута МУС предлагалось наделить суд юрисдикцией в отношении юридических лиц. Суд, как указывалось в проекте, имеет юрисдикцию в отношении юридических лиц, за исключением государств, за преступления, совершенные от имени юридического лица либо его органами

(англ.); *Финляндия*. Уголовный кодекс от 01.05.1894 г. Принят парламентом Финляндии. Разделы 1–10 главы 9. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.finlex.fi (фин., швед., англ.).

[844] *Kremnitze, M.* A Possible Case for Imposing Criminal Liability on Corporations in International Criminal Law // Journal of International Criminal Justice. 2010. Vol. 8 (3). P. 909-918; *Slye R.* Corporations, Veils, and International Criminal Liability // Brooklyn Journal of International Law. 2008. Vol. 33. P. 955-973; *Kelly M.* Prosecuting Corporations for Genocide. Oxford : Oxford University Press, 2016. 320 p.; *Bernaz N.*, *op.cit.*, pp. 313–330.

[845] *Иногамова-Хегай Л.* Понятие преступления. С. 25.

[846] *Fauchald O., Stigen J.* Corporate Responsibility before International Institutions // George Washington International Law Review. 2009. Vol. 40, Iss. 4. P. 1044.

[847] Конвенция о защите окружающей среды посредством уголовного законодательства (Страсбург, 4 ноября 1998 г.). ETS No. 172. Принята Советом Европы. Статья 9. 38 с. [Электронный ресурс]. – URL: https://rm.coe.int/168007f58b (рус., англ.) (дата обращения: 22.05.2025).

или представителями. В качестве наказания предусматривались штрафы, принудительное прекращение существования, временный запрет на занятие какой-либо деятельностью, временное закрытие помещений, использованных для совершения преступления, конфискация средств совершения преступления, а также доходов и имущества, полученного преступным путем, выплата компенсации[848].

На дипломатической конференции в Риме результаты переговоров касательно ответственности юридических лиц отразились в предложенном 3 июля 1998 г. рабочем тексте. Согласно ему, юридическое лицо могло быть привлечено к ответственности МУС при условии, что обвинение предъявлялось одновременно юридическому и физическому лицу, которое могло контролировать деятельность юридического лица по праву места его регистрации на момент совершения преступления. При этом физическое лицо, непосредственно совершившее преступление, должно было действовать от имени и с явно выраженного согласия юридического лица в рамках его деятельности, и в отношении физического лица должен был быть вынесен обвинительный приговор[849].

По свидетельству профессора Э. Клэпхама[850], ни одна из делегаций не возразила против принципиальной деликтоспособности юридических лиц. Возражения касались, в основном, процессуальных аспектов, таких как получатель обвинительного заключения, субъект представительства интересов юридического лица, осуществление операций с активами юридического лица без нарушения прав третьих лиц[851]. Обеспокоенность вызывало и соотношение с

---

[848] ООН: Report of the Preparatory Committee on the Establishment of an International Criminal Court, Addendum. // Документ ООН A/CONF.183/2/Add.1, 14 April 1998.

[849] ООН: United Nations Diplomatic Conference of Plenipotentiaries on the Establishment of an International Criminal Court. Documents of the Committee of the Whole, Working Paper on Article 23, paragraphs 5 and 6. // Документ ООН A/CONF.183/C.1/WGGP/L.5/Rev.2, 3 July 1998.

[850] Представитель Соломоновых островов на Дипломатической конференции по созданию МУС 1998 г. в Риме.

[851] *Clapham A.* The Question of Jurisdiction under International Criminal Law over Legal Persons: Lessons from the Rome Conference on an International Criminal Court // Liability of Multinational Corporations under International Law / edited by M.T. Kamminga, S. ZiaZarifi. Springer Netherlands, 2000. P. 191.

принципом комплементарности, т. к. уголовная ответственность юридических лиц предусмотрена не всеми государствами[852]. В итоге было решено отказаться от уголовной ответственности юридических лиц за международные преступления в рамках МУС[853].

Это решение не может рассматриваться как отражение позиции государств относительно деликтоспособности юридических лиц по международному праву. Необходимо различать невозможность несения юридическими лицами уголовной ответственности и нежелание государств наделять конкретный судебный орган юрисдикцией в отношении юридических лиц по той или иной причине.

В истории имеется случай предоставления международному уголовному суду права квалифицировать деятельность объединения с точки зрения ее соответствия нормам международного уголовного права. Ст. 9 Устава МВТ наделяла трибунал полномочиями по признанию любой группы или организации преступной. В приговоре были признаными преступными организациями СС, СД (служба безопасности рейхсфюрера СС), СА, гестапо (государственная тайная полиция) и руководящий состав НСДАП.

В отношении всех указанных организаций в приговоре подробно исследованы структура, составные части, внутренняя организация. Каждая из организаций рассматривалась как совокупность составляющих ее индивидов. Например, говоря о гестапо, МВТ имел в виду «всех оперативных и административных чиновников IV отдела главного имперского управления безопасности или тех, кого касались вопросы, связанные с гестапо в других отделах главного имперского управления безопасности, и всех местных чиновников гестапо, которые служили как внутри Германии, так и за ее пределами, включая сотрудников пограничной полиции, но не включая сотрудников таможенной пограничной охраны или тайной полевой полиции, за исключением тех членов, о которых говорилось выше». По предложению

---

[852] *Kyriakakis J.* Corporations and the International Criminal Court: The Complementarity Objection Stripped Bare // Criminal Law Forum. 2008. Vol. 19, Iss. 1. P. 116–135.

[853] ООН: United Nations Diplomatic Conference of Plenipotentiaries on the Establishment of an International Criminal Court (15 June – 17 July, 1998). 26th meeting of the Committee of the Whole. // Документ ООН A/CONF.183/C.1/SR.26, 20 November 1998.

обвинения, в состав гестапо для целей признания этой организации преступной не входили «лица, находившиеся на службе в гестапо для выполнения чисто канцелярской, стенографической, хозяйственной или подобного рода технической повседневной работы». Преступной признавалась группа, «состоящая из тех членов гестапо, занимавших [указанные] посты, которые вступили в организацию или оставались в ней, зная о том, что она использовалась для совершения действий, объявленных преступными в соответствии со статьей 6 Устава, или как члены организации, лично принимавшие участие в совершении подобных преступлений». При этом, поскольку «основной для вынесения […] приговора является то, участвовала ли организация в совершении военных преступлений и преступлений против человечности, связанных с войной; поэтому эта группа, признанная преступной, не может включать лиц, которые более не занимали постов после 1 сентября 1939 г.»[854].

По сути, право объявлять преступными группы и организации выступило в качестве юридического приема, гарантирующего почти автоматическое осуждение всех членов этой группы национальными судами. Ст. 10 Устава МВТ прямо предусматривала, что признание той или иной группы или организации преступной позволяло компетентным национальным властям каждой из Подписавшихся Сторон привлекать к суду национальных, военных или оккупационных трибуналов за принадлежность к этой группе или организации. В этих случаях преступный характер группы или организации считался доказанным и не мог подвергаться оспариванию.

Как отмечает проф. А. Трайнин, «на Нюрнбергском процессе речь идет вовсе не об установлении уголовной ответственности организаций: вопросов о наказании организации Трибунал не ставит и не решает […] Трибунал вправе признать организацию преступной не для того, чтобы ее наказать, а лишь для

---

[854] Приговор Международного Военного Трибунала, Нюрнберг, 1 октября 1946 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 7445. Оп. 1. Д. 1648. [Электронный ресурс]. – URL: https://docs.historyrussia.org/ (дата обращения: 31.08.2025). Л. Л. 300–320, 397-402.

того, чтобы обеспечить национальным судам право привлекать отдельных лиц за принадлежность к таким организациям»[855].

С мнением проф. А. Трайнина нельзя вполне согласиться. Категория преступности принадлежит исключительно к сфере уголовного права. Признание организации преступной происходит по результатам анализа ее деятельности на предмет соответствия уголовно-правовым предписаниям. Более того, признание организации преступной само по себе равнозначно установлению ее уголовной ответственности. Вопрос же об определении наказания ставится после установления уголовной ответственности, причем его постановка факультативна и никак не влияет на квалификацию организации в качестве преступной. Цель, которую преследовал трибунал при признании организации преступной, не имеет никакого значения для установления ее уголовной ответственности.

Организации, признанные преступными в приговоре МВТ, признавались таковыми за счет присваивания им действий их членов. Например, преступность гестапо и СД связывалась с их использованием «для целей, которые включали преследование и истребление евреев, зверства и убийства в концентрационных лагерях, эксцессы на оккупированных территориях, проведение программы рабского труда, жестокое обращение с военнопленными и убийство их».

С учетом вышеизложенного, соответствующие положения Устава МВТ и результаты их практического применения в приговоре этого трибунала можно рассматривать в качестве исторического прецедента в вопросе об институте ответственности юридических лиц в международном уголовном праве.

В современной международной практике вопрос наличия у международного уголовного суда юрисдикции в отношении посягательств на отправление им правосудия, совершенных юридическими лицами, возник в связи с предъявлением в 2014 г. Специальным трибуналом по Ливану соответствующего обвинения двум ливанским юридическим лицам.

---

[855] *Трайнин А.Н.* Нюрнбергский процесс: сборник статей / Военно-юридическая академия Красной Армии. Москва : Издание РИО ВЮА, 1946. С. 78–80.

В первом деле частная телевизионная компания «Аль Джадид С.А.Л.» (Ливан) выпустила в эфир серию из пяти репортажей о свидетелях по делу «Аяш и другие». Запись репортажей также была выложена в сети Интернет. В день выпуска последнего репортажа 10 августа 2012 г. судья СТЛ вынес предписание самой телевизионной компании, ее руководству, сотрудникам, агентам и иным связанным с ней лицам изъять записи с сайта канала, а также из любого другого публично доступного источника[856]. Несмотря на это, записи оставались в сети еще больше года. 31 декабря 2014 г. председателем трибунала Д. Барагванатом было вынесено решение о предъявлении обвинения в проявлении неуважения к суду и препятствовании отправлению правосудия самой компании и заместителю директора новостного отдела Карме Мохамед Тахсин Аль Хаят[857] (далее – дело «Аль Джадид»).

В тот же день аналогичные обвинения были предъявлены издательскому дому «Акбар Бейрут С.А.Л.» и председателю его совета директоров Ибрахиму Мохамеду Али аль Амину (далее – дело «Акбар Бейрут»). Им вменялось опубликование в принадлежащем издательскому дому ежедневнике «Аль Акбар» двух статей за авторством аль Амина, в которых содержались имена, изображения и иные сведения о личности более тридцати индивидов, представляемых как свидетели обвинения по делу «Аяш и другие». Оригиналы статей на арабском языке и их английский перевод распространялись в бумажном и электронном виде через социальные сети[858]. По итогам судебного разбирательства издательский дом «Акбар Бейрут С.А.Л.» был признан виновным по всем пунктам обвинения[859].

---

[856] *The Prosecutor v. Ayyash, et al.*, Order for Immediate Removal of Disseminated Material and Cessation of Dissemination, 10 August 2012, STL-11-01/PT/PTJ (*Ayyash* Order for Removal).

[857] *In the case of New TV S.A.L. Karma Mohamed Thasin Al Khayat*, Redacted Version of Decision in Proceedings for Contempt with Orders in Lieu of Indictment, 31 January 2014, STL-04-152014 (*Al Jadeed* Indictment).

[858] *In the case of Akhbar Beirut S.A.L., Ibrahim Mohamed Al Amin,* Prosecution Pre-Trial Brief Pursuant to Rule 91(G)(i), 5 March 2015, STL-14-06/PT/CJ, §§ 3, 13–15.

[859] *In the case of Akhbar Beirut S.A.L., Ibrahim Mohamed Al Amin,* Public Redacted Version of the Judgment, 15 July 2016, STL-14-06/PT/CJ.

В рамках рассмотрения этих дел столкнулись два противоположных толкования правила 60*bis* ППД, регулирующего ответственность за проявление неуважения к суду. В нем предусматривается, что «трибунал в силу своих естественных полномочий может наказывать любого, кто намеренно и осознанно вмешивается в отправление им правосудия в соответствии с его уставной юрисдикцией. Это право распространяется, но не ограничивается, лицами, виновными в совершении следующих деяний […]».

При толковании этой нормы судья первой инстанции Н. Леттьери исходил из отсутствия в современном международном праве нормы об уголовной ответственности юридических лиц, – что, как мы показали выше, является ошибочным. Поэтому он полагал, что корпорации не входят в понятие «лицо» в его обычном значении. Кроме того, по его мнению, основная юрисдикция трибунала ограничивается индивидами, т.к. в части, посвященной видам соучастия в преступлении, английский текст употребляет одушевленные местоимения «*he*» и «*she*»[860]. Дополнительная юрисдикция – в отношении посягательств на отправление правосудия – с его точки зрения, не может быть шире основной.

Апелляционный комитет встал на противоположную точку зрения. По его мнению, понятие «лицо» в обычном значении применимо как к физическим, так и к юридическим лицам[861]. Кроме того, отметил комитет, право наказывать посягательства на отправление правосудия происходит не из устава трибунала, а из его «естественных» полномочий, которые отражены в правиле не в полном объеме. Иными словами, узкое толкование правила 60*bis* не ущемляет право трибунала привлекать к ответственности юридическое лицо[862]. Комитет принял во внимание также и цель, преследуемую правилом 60*bis*, – охранять от

---

[860] *In the case of New TV S.A.L. Karma Mohamed Thasin Al Khayat*, Decision on Motion Challenging Jurisdiction and on Request for Leave to Amend Order in Lieu of an Indictment, 24 July 2014, STL-14-05/I/CJ, §§ 7563.

[861] *In the case of New TV S.A.L. Karma Mohamed Thasin Al Khayat*, Decision on Interlocutory Appeal Concerning Personal Jurisdiction in Contempt Proceedings, 2 October 2014, *Al Jadeed* Jurisdiction Appeal Decision, STL-14-05/PT/AP/AR126.1, § 36.

[862] *Ibid.*, § 79.

вмешательств отправление правосудия по делам об организации террористической атаки 14 февраля 2005 г. в Бейруте. По мнению судей, эта цель лучше будет достигнута, если распространить ответственность за преступления против отправления правосудия на юридические лица[863].

После подтверждения Апелляционным комитетом по делу «Аль Джадид» способности юридических лиц нести ответственность перед СТЛ за проявление неуважения к суду судья Н. Леттьери признал, что такое толкование правила 60*bis* в принципе допустимо, но что в силу своего новаторства оно не могло быть предсказано заинтересованными субъектами и учитываться ими при регулировании своего поведения[864]. Для Н. Леттьери такое толкование равносильно по своим последствиям введению ответственности за ранее правомерное поведение, и поэтому не должно иметь обратной силы.

Вывод о наличии у международных уголовных судов юрисдикции в отношении юридических лиц повлек за собой необходимость выработки модели ответственности последних, т. е. формулирования обстоятельств, при которых деяния физических лиц могут быть присвоены юридическим лицам. В ходе рассмотрения дела «Аль Джадид» судья Н. Леттьери постановил, что в отсутствие применимой нормы международного права, регулирующей такие обстоятельства, применению подлежали нормы Уголовного кодекса Ливана[865]. Он исходил из следующих соображений.

Во-первых, из наличия особой связи между ливанским правом и правом СТЛ, существование которой ранее подчеркивалось Апеляционным комитетом[866]. Во-вторых, из того факта, что Ливан являлся местом регистрации и деловой активности обвиняемого юридического лица, в связи с чем применение к его поведению норм ливанского права не было бы несправедливым по отношению к

---

[863] *Ibid.*, § 42.
[864] *In the case of Akhbar Beirut S.A.L., Ibrahim Mohamed Al Amin,* Decision on Motion Challenging Jurisdiction, 6 November 2014, STL-14-06/PT/CJ, § 36.
[865] *In the case of New TV S.A.L. Karma Mohamed Thasin Al Khayat*, Public Redacted Version of Judgment, 18 September 2015, STL-14-05/T/CJ, § 67 (*Al Jadeed* Trial Judgment).
[866] *Al Jadeed* Jurisdiction Appeal Decision, § 59; *Akhbar Beirut* Jurisdiction Appeal Decision, § 68.

этому юридическому лицу. В-третьих, из факта совершения противоправных деяний, вменявшихся юридическому лицу, на территории Ливана.

Из этой аргументации Н. Леттьери в пользу применения к поведению «Аль Джадид» ливанского права неясно, подчиняется ли, по его мнению, институт ответственности юридических лиц в рамках СТЛ ливанскому праву всегда или только в данном конкретном случае, ввиду многочисленных привязок обвиняемого и обстоятельств дела к правовой системе этого государства.

Из текста решения Апелляционного комитета в части, посвященной данному вопросу, усматривается нежелание подчинять институт ответственности юридических лиц в целом ливанскому праву. Подтверждая его применимость в деле «Аль Джадид», Апелляционный комитет подчеркнул, что «*в данном случае* основания присвоения уголовной ответственности юридическим лицам надлежит регулировать в соответствии со ст. 210 [УК Ливана]» (курсив наш. – Прим. авт.). Таким образом, на данном этапе развития института ответственности юридических лиц в СТЛ практика этого суда предлагает руководствоваться отсылочным способом определения права, регулирующего порядок привлечения юридического лица к ответственности, т. е. с помощью привязок.

Определение применимого права с помощью привязок является беспрецедентным в международном уголовном праве. Несмотря на то, что теория международного права не препятствует такому подходу, его практическая реализация сопряжена с множеством трудностей, таких как, например, создание иерархии привязок (например, в случае, если место деловой активности юридического лица не совпадает с местом его регистрации и/или местом совершения преступления).

Кроме того, «привязочный» способ определения применимого права не универсален, т. к. не все государства законодательно предусматривают уголовную ответственность юридических лиц. Поэтому для тех случаев, когда привязки будут указывать на право такого государства, должен быть разработан дополнительный механизм определения права, регулирующего порядок привлечения к ответственности юридического лица.

Наконец, «привязочный» способ не способствует развитию общего института ответственности юридических лиц в международном уголовном праве.

К институту ответственности юридических лиц, в т. ч. за совершение преступлений против отправления международного уголовного правосудия, могут по аналогии применяться нормы об ответственности международных межправительственных организаций. На сегодня эти нормы собраны в Проекте статей КМП об ответственности международных организаций 2011 г.[867] Этот документ не является источником международного права, но имеет авторитет как результат кодификации действующих обычно-правовых норм в этой области, в связи с чем широко используется международными[868] и внутригосударственными судами[869]. При формулировании его положений КМП во многом опиралась на свои Проекты статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния 2001 г.[870] В комментариях к Проекту 2011 г. содержатся систематические отсылки к комментариям к Проекту 2001 г., что позволяет обращаться к последним для анализа норм об ответственности международных организаций.

Международно-противоправным деянием, влекущим наступление ответственности международной организации, признается выражающееся в действии или бездействии нарушение международного обязательства, если по международному праву оно может быть присвоено такой организации[871]. По аналогии, ответственность юридического лица наступает, когда действие или

---

[867] ООН: Проекты статей об ответственности международных организаций / Комиссия международного права ООН. // Ежегодник Комиссии международного права. 2001. Том II. Часть 1. Нью-Йорк: ООН, 2007. С. 14.

[868] *Behrami and Behrami v. France, Saramati v. France, Germany and Norway*, Application № 78166/01, Decision as to the Admissibility of Application no. 71412/01 by Agim Behrami and Bekir Behrami against France and Application no. 78166/01 by Ruzhdi Saramati against France, Germany and Norway, 2 May 2007, § 28–33; *Al-Jedda v. United Kingdom*, Application no. 27021/08, Judgment, 7 July 2011, § 55–56.

[869] *House of Lords, R (on the application of Al-Jedda) (FC) (Appellant) v. Secretary of State for Defence* (Respondent) [2007] UKHL 58; *Supreme Court of the Netherlands, The State of the Netherlands v. Nuhanović,* Case № 12/03324, Judgment, 6 September 2013.

[870] ООН: Проекты статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния / Комиссия международного права ООН // Ежегодник Комиссии международного права. 2001. Том II. Часть 1. Нью-Йорк: ООН, 2007. 370 с.

[871] ООН: Проекты статей об ответственности международных организаций. С. 209-210.

бездействие, являющееся нарушением применимой нормы права, присваивается юридическому лицу. Дело «Аль Джадид» содержит пример как действия – выпуска в эфир репортажей, содержащих секретные сведения, – так и бездействия – воздержания от изъятия этих репортажей из открытого доступа. При этом правомерность действия либо бездействия по личному праву юридического лица, например, праву места регистрации, места нахождения исполнительного органа, основного места осуществления деятельности и др., значения не имеет.

Нарушение может быть длящимся – как, например, уклонение от изъятия конфиденциальных сведений из открытого доступа. В этом случае наступление ответственности для нарушителя не освобождает его от исполнения обязательства прекратить правонарушение – наложение штрафа на юридическое лицо не освобождает его от обязанности изъять секретные сведения из открытого доступа. Факт нарушения только порождает новое правоотношение, но не прекращает уже существовавшее.

Первичным признаком, позволяющим отличить деяние международной организации по международному праву, является особый статус лица либо группы лиц, непосредственно его совершивших. Международная организация отвечает за деяния своих органов либо агентов, совершенные ими в этом качестве[872].

Так же как круг органов международной организации определяется ее уставом[873], органы юридического лица устанавливаются посредством обращения, в первую очередь, к его учредительному документу, а также законодательству, которому оно подчиняется. Превышение органом международной организации либо юридического лица полномочий, а также нарушение предписаний вышестоящего органа не является основанием для освобождения их от

---

[872] *Difference Relating to Immunity from Legal Process of a Special Rapporteur of the Commission on Human Rights: Advisory Opinion of 29 April 1999* // International Court of Justice Reports. 1999. P.62, § 66.

[873] ООН: Проекты статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния. С. 39.

ответственности, если нижестоящий орган действовал в рамках общей компетенции международной организации или юридического лица[874].

Так же как международная организация или государство могут нести ответственность за оказание помощи другому государству или международной организации в совершении международно-противоправного деяния[875], юридическое лицо может быть соучастником в правонарушении индивида либо другого юридического лица (например, если компания «Аль Джадид» передала бы права на показ серии репортажей о свидетелях обвинения по делу «Аяш и другие» другой телевизионной компании, которая выпустила бы их в эфир).

КМП выделяются три составляющие ответственности международной организации за содействие другому субъекту международного права в совершении противоправного деяния[876]. Во-первых, соответствующий орган помогающей международной организации должен знать, что его помощь будет использована для совершения международно-противоправного деяния. Во-вторых, помощь должна быть направлена на содействие совершению противоправного деяния, и такое содействие должно иметь место в действительности. Наконец, противоправное деяние являлось бы нарушением международного обязательства помогающей международной организации, будь оно ей совершено.

В целесообразности последнего требования в рамках общей теории международного права можно усомниться: ответственность помогающего субъекта возникает из факта пособничества им другому субъекту в нарушении обязательств последнего. При этом связанность помогающего субъекта этими самыми обязательствами не должна иметь значения для наступления его ответственности[877]. Так или иначе, в том, что касается ответственности

---

[874] ООН: Проекты статей об ответственности международных организаций. С. 26–29; Certain Expenses Opinion. P. 168.

[875] ООН: Проекты статей об ответственности международных организаций. С. 35; Проекты статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния. С. 65.

[876] ООН: Проекты статей об ответственности международных организаций. С. 37. Проекты статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния. С. 66.

[877] *Лукашук И.И.* Международное право. Особенная часть: учеб. для студентов. С. 385.

юридических лиц за преступления против отправления международного уголовного правосудия, это требование излишне, т. к. нет такого уголовно-правового запрета, которым, при равных условиях, были бы связаны один индивид или юридическое лицо и не были бы связаны другие.

В свете вышесказанного можно предположить, что если устав международного уголовного суда не содержит прямых ограничений касательно его юрисдикции в отношении юридических лиц, то существование такой юрисдикции презюмируется.

Государства и международные организации. Как и любая норма международного права, норма, предусматривающая преступность посягательств на отправление международного уголовного правосудия, распространяется, в первую очередь, на субъекты международного права. Ее нарушение влечет для них наступление международно-правовой ответственности, под которой понимается обязанность субъекта международного права претерпеть юридические последствия совершения им международно-противоправного деяния или причинения ущерба в результате деятельности, не запрещенной международным правом. Институт ответственности в международном праве является предметом не одного обстоятельного исследования как отечественного, так и зарубежного авторства[878], результаты которых нет необходимости здесь воспроизводить.

Способность субъектов международного права совершать преступления против отправления правосудия несомненна. Государства могут, например, препятствовать сбору доказательств на их территории, в т.ч. посредством умышленного недопущения представителей международных уголовных судов к местам происшествия и др. В деле «О сухопутной и морской границе между Камеруном и Нигерией» МС ООН отметил, что «военные действия на спорной

[878] Вопрос ответственности в международном праве обстоятельно изучался такими учеными, как Левин Д.Б., Курис П.М., Колосов Ю.М., Лукашук И.И., Моджорян Л.А. и др.

территории могут поставить под угрозу существование доказательств, имеющих значение для разбирательства»[879].

За несколько недель до окончания Второй мировой войны японское правительство организовало кампанию по массовому уничтожению компрометирующих документов, которые могли бы использоваться в рамках международного процесса против японских милитаристов. 14 августа 1945 г. Министерство обороны Японии направило телеграмму японским вооруженным силам, которой предписывалось немедленное уничтожение посредством сжигания всех конфиденциальных документов, находившихся в распоряжении военных частей. Уничтожению подлежала также сама телеграмма; о ее существовании стало известно из меморандума М. Йозо, возглавлявшего Отдел корреспонденции в Первом бюро демобилизации[880]. В тот же день командующий военной полицией Императорской армии Японии направил всем своим частям инструкции по наиболее эффективному методу сожжения большого количества документов[881].

В другой директиве от 20 августа 1945 г. японским военным частям, дислоцированным в Корее, Тайване, Маньчжурии, Китае, Гонконге, Таиланде, Малайе, Борнео и Яве, предписывалось следующее: «Лицам, жестоко обращавшимся с военнопленными и иными задержанными, и тем лицам, к которым военнопленные или задержанные питают крайне серьезную неприязнь, разрешается перевестись в другую часть или исчезнуть, не оставляя следов. Кроме того, с документами, которые в руках противника могут оказаться нам

---

879 См.: *Land and Maritime Boundary between Cameroon and Nigeria (Cameroon v. Nigeria: Equatorial Guinea intervening).* Order of March 15, 1996: "Request for the Indication of Provisional Measures" // International Court of Justice Reports. 1996. P. 23. См. также: *Frontier Dispute (Burkina Faso v. Republic of Mali).* Order dated January 10, 1986: "Request for the Indication of Provisional Measures" // International Court of Justice Reports. 1986. P. 9.

880 The Tokyo Major War Crimes Trial: The Records of the International Military Tribunal for the Far East, with an Authoritative Commentary and Comprehensive Guide. 2002. Vol. 32. Transcript, p. 14 700, cit. in *Totani Y.* The Case against the Accused // Beyond Victor's Justice? The Tokyo War Crimes Trial Revisited. Leiden, 2010. P. 154-155.

881 International Military Tribunal for the Far East. Judgment of November 12, 1948 // The Tokyo War Crimes Trial: Official Record. Vol. 22. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1948. – P. 49–76.

неблагоприятны, надлежит поступить так же, как и с секретными документами, т. е. уничтожить»[882].

Несмотря на то, что военный трибунал для наказания военных преступников из числа высокопоставленных японских милитаристов будет учрежден много позже, действия японского правительства летом 1945 г., направленные на уничтожение материалов и сокрытие свидетелей, могли бы впоследствии расцениваться МВТДВ как преступные, т. к. перспектива судебного преследования военных преступников была недвусмысленно обозначена в Декларации глав правительств Соединенных Штатов, Соединенного Королевства и Китая о Японии от 26 июля 1945 г. В ней указывалось, что «все военные преступники, включая тех, которые совершили зверства над пленными [США, Великобритании и Китая], должны понести суровое наказание».

Вмешательством в отправление правосудия можно считать, например, непередачу государством международному уголовному суду лица, в отношении которого этим судом был выдан ордер на арест, при условии, что государство обязано было это сделать, будучи участником соответствующего договора. Например, в июне 2015 г. президент Республики Судан Омар Аль-Башир, в отношении которого в 2009 и 2010 гг. МУС выдал ордер на арест по подозрению в т. ч. в геноциде, находился на саммите стран-участниц Африканского союза в Южно-Африканской Республике. ЮАР ратифицировала Римский статут и обязана была арестовать О. Аль-Башира и передать его МУС, чего она не сделала, воспрепятствовав тем самым отправлению международного уголовного правосудия.

В ноябре 2017 г. О. Аль-Башир посетил Россию. К тому времени Россия не только не ратифицировала Римский статут, но и официально уведомила депозитария этого договора о своем намерении не становиться его участником. По этой причине она никак не была связана договорной обязанностью сотрудничать с МУС в вопросе передаче ему О. Аль-Башира. Вместе с тем, в современном международном праве существует ряд факторов, которые позволяют

[882] The Tokyo Major War Crimes Trial. P. 14 718–14 719, cit. in *Totani Y., op.cit.*, p. 155.

говорить об обязанности государств воздерживаться от и бороться с преступлениями против отправления международного уголовного правосудия как о динамично складывающейся норме общего международного права.

Теория образования любой нормы международного права, разработанная проф. Г.И. Тункиным и разделяемая как отечественными, так и зарубежными юристами-международниками, предусматривает две составляющие.

На первом этапе складывается правило поведения, которого государство придерживается при определенных обстоятельствах[883]. Факт существования правила поведения может быть установлен различными способами, в т. ч. посредством обращения к национально-правовым нормам[884]. Например, признание преступными и наказуемыми посягательств на отправление правосудия национальными судебными органами указывает на то, что в таких посягательствах государство видит угрозу для судопроизводства и авторитета суда.

Становление национальных судебных систем исторически сопровождалось уголовными запретами на вмешательство в отправление правосудия. Соответствующие нормы встречаются в древнейших источниках отечественного и зарубежного права[885]. Сегодня ответственность за деяния, посягающие на

---

[883] *Тункин Г.И.* Особенности создания обычных норм международного права // Курс международного права: Понятие, предмет и система международного права. В 7 томах. Т. 1 / отв. ред. Мюллерсон Р.А., Тункин Г.И. М.: Наука, 1989. С. 191.

[884] *Certain German Interests in Polish Upper Silesia (Merits).* Judgment dated May 25, 1926 // Permanent Court of International Justice Reports. 1926. Series A, № 7. P. 19; *Müllerson R.* The Interplay of Objective and Subjective Elements in Customary Law // International Law: Theory and Practice: Essays in Honour of Eric Suy. Martinus Nijhoff Publishers, 1998. P. 162. См. также: Report of the International Law Commission on its Second Session «Ways and Means for Making the Evidence of Customary International Law More Readily Available» // Yearbook of the International Law Commission. 1950. Vol. II. P. 370.

[885] Так, первые четыре статьи Законов вавилонского царя Хаммурапи посвящены наказанию за лжесвидетельство (см.: Хрестоматия по истории древнего Востока. М., 1980. Ч. 1. С. 153–154). В римских Законах XII таблиц получение взятки судьей каралось смертной казнью (см.: Таблица IX-3 // Хрестоматия по истории Древнего Рима / ред. В.И. Кузищин. М., 1987. С. 33), а подкуп свидетелей в эдикте Теодориха Остготского, правившего в VI в. н. э., – смертной казнью либо конфискацией имущества, в зависимости от социального положения виновного (см.: *Удальцова З.В.* Италия и Византия в VI веке. М., 1959. С. 49.). По замечанию проф. М.Ф. Владимирского-Буданова, из всех преступлений против государственной власти в Русской правде упоминались только посягательства на правосудие (см.: *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. Киев, 1907. С. 231.). По Судебнику 1497 г. за уклонение от явки

отправление правосудия национальными судами, предусмотрена в законодательствах всех государств.

Также сотрудничество государств в области уголовного преследования преступлений против отправления правосудия свидетельствует о существовании общего понимания их общественной опасности и необходимости совместной борьбы с ними. Например, п. 15 ст. 2 Договора о выдаче между Великобританией и Албанией от 22 июля 1926 г. предусматривает выдачу за дачу ложных показаний и подстрекательство к даче ложных показаний[886]. Аналогичное положение содержится в Договоре о выдаче между Швейцарией и Уругваем от 27 февраля 1923 г.[887] Пункт 21 ст. 2 Договора о выдаче между Австралией и США от 14 мая 1974 г. предусматривает выдачу за сговор препятствовать отправлению правосудия[888]. Договором между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о выдаче от 26 июня 1995 г. предписывается выдача за все преступления, наказуемые лишением свободы на срок не менее одного года или другим более тяжким наказанием по законодательству Российской Федерации[889].

свидетеля в суд взимался штраф (Ст. 50 Судебника 1497 г., см.: Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / Под общ. ред. О.И. Чистякова; отв. ред. тома А.Д. Горский. М.: Юридическая литература, 1985), а по Судебнику 1550 г. клевета в отношении судьи наказывалась торговой казнью, битьем кнутом и лишением свободы (Ст. 6 Судебника 1550 г., см: Российское законодательство X–XX веков. Указ. соч.). За дачу ложных показаний, совершенную с целью добиться осуждения невиновного, Каролина – уголовно-судебное уложение Карла V 1532 г. – предписывала назначать то наказание, которое понес бы потерпевший, если бы обман не раскрылся (Ст. LXVIII Каролины, см.: Каролина. Уголовно-судебное уложение Карла V / Перевод, предисловие и примечания проф. С.Я. Булатова. Алма-Ата, 1967). Такое же положение есть в указе Ивана IV от 12 марта 1582 г. (см.: *Владимирский-Буданов М.Ф.* Указ. соч. С. 357).

886 Extradition treaty between the United Kingdom and Albania (Tirania, 22 July 1926) [Договор о выдаче между Соединенным Королевством и Албанией]. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.unodc.org/ (дата обращения: 26.01.2025).

887 Traité d'extradition entre la Suisse et la République de l'Uruguay (27 février 1923) [Договор о выдаче между Швейцарией и Республикой Уругвай]. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.admin.ch/opc/fr/classified-compilation/19230008/index.html (дата обращения: 26.01.2025).

888 Treaty on extradition between Australia and the United States of America (Washington, 8 May 1976) [Договор о выдаче между Австралией и США]. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.state.gov/ (дата обращения: 26.01.2025).

889 Договор между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о выдаче (Москва, 26 июня 1995 г.) // Сборник международных договоров Российской Федерации по оказанию правовой помощи. М.: СПАРК, 1996. С. 280–285.

К таким относится ряд преступлений против правосудия по Уголовному кодексу РФ.

Несмотря на закрепление понятия «преступление против отправления правосудия» в Римском статуте МУС, сами нормы, предусматривающие наступление ответственности за разного рода посягательства на отправление правосудия международными уголовными судами, появились намного раньше. Такие нормы существовали уже в уставах МВТ, МВТДВ и в Распоряжении № 7 Верховного комиссара США в Германии, которым регулировались процессуальные аспекты деятельности малых Нюрнбергских трибуналов[890]. В рамках одного из эпизодов трибунал охарактеризовал эту норму как «наиболее авторитетное выражение международного права в том, что касается [международных уголовных] разбирательств»[891].

Противоправность посягательств на отправление правосудия предусматривалась в принятых судьями международных уголовных трибуналов *ad hoc* Правилах процедуры и доказывания[892]. Несмотря на отсутствие соответствующих норм в уставах этих органов, ни одно из государств не возразило против права трибуналов осуществлять такие преследования. В практике трибуналов это право обосновывалось как естественно присущее любому международному уголовному суду в силу самой его природы для обеспечения выполнения им своих функций по отправлению правосудия[893].

В принятом в 2010 г. Советом Безопасности ООН Уставе МОМУТ прямо оговаривается компетенция в отношении уголовного преследования фактов

---

[890] Military Government – Germany, United States Zone, Ordinance № 7, 18 October 1946 // XV Trial of War Criminals (TWC). Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1946. P. 31. [Электронный ресурс]. – URL: https://avalon.law.yale.edu/imt/imt07.asp (дата обращения: 31.08.2025).

[891] *Krupp* Contempt Ruling, p. 1010.

[892] Rules 77 and 91 ICTY RPE (January 30, 1995); Rules 77 and 91 ICTR RPE; Rules 77 and 91 SCSL RPE; Rules 77 and 91 RSCSL RPE; Rules 60bis and 152 STL RPE.

[893] 2000 *Vujin* Contempt Judgment, § 13, 18; *Blaškić* Judgment on Croatian Request, § 25, 33, fn. 27; *The Prosecutor v. Duško Tadić,* Judgment, 15 July 1999, IT-94-1-A, § 321–322; *The Prosecutor v. Simić, et al.*, Separate Opinion of Judge David Hunt on Prosecutor's Motion for a Ruling Concerning the Testimony of a Witness, 27 July 1999, IT-95-9-PT (Hunt's Opinion in Simić), § 25.

посягательств на отправление правосудия самим МОМУТ или его предшественниками[894].

На сегодня[895] 125 государств ратифицировали Римский статут, посредством чего согласились бороться с посягательствами на отправление правосудия МУС, а также обязались распространить на них действие своего уголовного законодательства. Даже государства, не являющиеся участниками Статута, оказывают МУС правовую помощь в расследовании уголовных дел, возбужденных по факту совершения преступлений против отправления им правосудия[896].

Внутригосударственное регулирование борьбы с посягательствами на отправление правосудия с помощью методов уголовного права, международное сотрудничество государств между собой и с международными уголовными судами в борьбе с посягательствами, касающимися международного судопроизводства, указывают на общее понимание высокой степени общественной опасности таких посягательств для судопроизводства как такового, будь оно национальным или международным. Это дает основание говорить о формировании правила поведения, заключающегося в необходимости противостоять посягательствам на отправление международного уголовного правосудия.

Второй элемент формирования нормы обычного международного права, согласно теории профессора Г.И. Тункина, заключается в признании государствами сложившегося правила поведения в качестве обязательной

---

[894] Статья 1 Устава МОМУТ.

[895] United Nations Treaty Collection : официальный сайт. [Электронный ресурс]. – URL: https://treaties.un.org (дата обращения: 31.08.2025).

[896] Например, Республика Камерун, см.: *The Prosecutor v. Jean-Pierre Bemba, et al.*, Public Redacted Version of Defence Response to Prosecution's First Request for the Admission of Evidence from the Bar Table (ICC-01/05-01/13-1013-Conf), 9 October 2015, ICC-01/05-01/13-1074-Red, § 100; *The Prosecutor v. Jean-Pierre Bemba, et al.*, Public Redacted Version of 'Narcisse Arido's Omnibus Motion for a Delay of the Testimony of Witnesses P-260 and P-245 until Material Crucial to Their Credibility is Disclosed and/or Obtained' (ICC-01/05-01/13-1261-Conf), 4 November 2015, ICC-01/05-01/13-1261-Red, section E.

нормы[897]. Признавая норму международного права, государство принимает на себя обязательство перед другими государствами соблюдать ее как обязательное для себя правило поведения, от которого оно не может освободиться произвольно[898].

В доктрине высказывалась точка зрения, согласно которой признание обязательности правила поведения может усматриваться из практики государства, т. е. из самого правила поведения[899]. Так, проф. Х. Лаутерпахт и проф. М. Соренсен полагают, что констатация правила поведения создает опровержимую презумпцию его юридической обязательности. Проф. Х. Лаутерпахт пишет по этому поводу, что «если только судебная деятельность не призвана уменьшить правовое значение наиболее мощного источника международного права, а именно поведения государств, необходимо отметить, что было бы правильным рассматривать любое единообразное действие государств (или, в случае необходимости, воздержание от действия) в качестве доказательства *opinio necessitates juris*, за исключением тех случаев, когда установлено, что это действие или бездействие не сопровождалось подобным намерением»[900].

По мнению других авторов, одно и то же поведение не может одновременно выступать доказательством существования практики государства и признания ее нормативного характера[901]. Оба подхода использовались в разное время

---

[897] *North Sea Continental Shelf (Federal Republic of Germany/Denmark), North Sea Continental Shelf (Federal Republic of Germany/Netherlands).* Judgment dated February 20, 1969 // International Court of Justice Reports. 1969. P. 44–45, § 76–78; *Hudson M.O.* The Permanent Court of International Justice, 1920–1942 – A Treatise. Macmillan, 1943. P. 609.

[898] *Тункин Г.И.* Теория международного права. С. 108.

[899] *Хименес де Аречага Э.* Указ.соч. С. 40; *Jiménez de Aréchaga, E.* Custom as a Source of International Law // Collected Courses of the Hague Academy of International Law. Brill, 1978. Vol. 159. P. 24; *Kammerhofer J.* Uncertainty in International Law: A Kelsenian Perspective. – Routledge, 2010. P. 63; *Koskenniemi M.* Theory: Implications for the Practitioner // Theory and International Law: An Introduction. The British Institute of International and Comparative Law, 1991. P. 15.

[900] *Lauterpacht H.* The Development of International Law by the International Court. – Stevens and Sons, London, 1958. P. 380, cit.in *North Sea Continental Shelf (Federal Republic of Germany/Denmark), North Sea Continental Shelf (Federal Republic of Germany/Netherlands).* Dissenting Opinion of Judge Sørensen dated February 20, 1969 // International Court of Justice Reports. 1969 (Sørensen Dissent). P.264.

[901] *Byers M.* Custom, Power and the Power of Rules: International Relations and Customary International Law. Cambridge University Press, 1999. P. 136–141; *Mendelson M.H.* The Formation of

Постоянной палатой международного правосудия и Международным судом ООН. Например, в индо-португальском споре о праве прохода через территорию Индии МС ООН усмотрел в существовании длительной, непрерывной и единообразной практики допущения прохода португальских граждан, гражданских служащих и товаров через территорию Индии к анклавам Португалии факт признания заинтересованными государствами за этой практикой характера правовой нормы[902]. Судья Э. Арманд-Угон подчеркнул в этой связи, что «некоторый факт, наблюдаемый в течение долгого времени, […] приобретает обязательную силу и становится нормой права»[903]. В делах «О континентальном шельфе Северного моря» судья М. Ляхс предположил, что «практика государств должна рассматриваться в качестве первичного доказательства признания за ней обязательного характера. Такое доказательство может, безусловно, быть опровергнуто, исходя даже из самой практики, если будет продемонстрирована ее неоднозначность и противоречивость. Оно также может быть опровергнуто в связи с отсутствием *opinio juris* заинтересованных государств или сторон в споре»[904].

Напротив, в деле «Лотос», при решении вопроса о разграничении уголовной юрисдикции в отношении смертельного столкновения в открытом море между государством флага судна (Франция) и государством гражданской принадлежности потерпевших (Турция), ППМП отвергла аргумент Франции о существовании обычной нормы международного права об исключительной юрисдикции государства флага на основании одной только практики государств. ППМП отметила, что «даже если редкие судебные решения из тех, что были представлены, были бы достаточными для констатации существования практики, на которую ссылается представитель французского правительства, это доказывало

Customary International Law // Collected Courses of the Hague Academy of International Law. Brill, 1998. Vol. 272. P. 206–207.

[902] *Right of Passage over Indian Territory (Portugal v. India).* Judgment dated April 12, 1960 // International Court of Justice Reports. 1960. P. 40, 44; Sørensen Dissent. P. 247.

[903] *Right of Passage over Indian Territory (Portugal v. India).* Dissenting Opinion of Judge Armand-Ugon to the Judgment of 12 April, 1960 // International Court of Justice Reports. 1960. P. 81–82.

[904] *North Sea Continental Shelf Cases:* Dissenting Opinion of Judge Lachs to the Judgment of 20 February, 1969 // International Court of Justice Reports. 1969. P. 231; Sørensen Dissent. P. 231.

бы только то, что государства часто по факту воздерживались от уголовного преследования, а не то, что они действовали подобным образом в связи с каким-либо обязательством; говорить о существовании международного обычая было бы возможно, только если такое воздержание основывалось на осознании государствами своей обязанности воздержаться. Приведенная практика не позволяет установить, что государства воспринимали это как обязанность»[905]. Этой же позиции придерживался уже МС ООН в делах «О континентальном шельфе Северного моря»: «Заинтересованные государства должны осознавать, что действуют в соответствии с правовой обязанностью. Для констатации такого осознания самих по себе частоты или постоянства действий недостаточно. Многие международные акты, например, в области церемонии или протокола, осуществляются практически неизменно, однако обусловливаются соображениями вежливости, удобства или традиции, а не правовой обязанности»[906].

С практической точки зрения, эти подходы характеризуются разными субъектами бремени доказывания. В случае принятия наличия правила поведения за опровержимую презумпцию существования обычной нормы бремя доказывания ложится на сторону, отрицающую ее существование. В противном случае это бремя несет сторона, выступающая в пользу существования такой нормы. Оба подхода имеют под собой определенную правовую основу, и обращение к одному из них может обуславливаться, помимо прочего, характером правила поведения и целью, которую оно преследует.

Преступным считается поведение, представляющее общественную опасность, которую предполагается нейтрализовать с помощью наказания. Признавая некоторое поведение преступным, государство очевидно обязуется воздерживаться от его совершения и приобретает право требовать того же от других. Поэтому в том, что касается международно-противоправных деяний,

---

[905] *S.S. Lotus Case (France v. Turkey).* Judgment № 9 dated September 07, 1927 // Publications of the Permanent Court of International Justice. 1927. Ser. A. № 10. P. 28; см. также: *Skubiszewski K.* Elements of Custom and The Hague Court // Zeitschrift fur Auslandisches und Offentlisches Recht und Völkerrecht. 1971. Vol. 31. P. 843–845.

[906] *North Sea Continental Shelf* Judgment.

сформировавшееся правило поведения является достаточным свидетельством его нормативного характера, и констатация его существования на практике означает констатацию обычной нормы международного права. Иными словами, обычные нормы международного права, регулирующие сотрудничество государств в борьбе с преступлениями, отличаются одномоментностью формирования правила поведения (первый элемент в теории проф. Г.И. Тункина) и признания за ними обязательного нормативного характера (второй элемент в теории проф. Г.И. Тункина).

Исходя из вышеизложенного, обязанность государств воздерживаться от и бороться с преступлениями против отправления международного уголовного правосудия имеет сегодня признаки обычной нормы современного международного права.

Особого внимания требует проблема имплементации международно-правовой ответственности за совершение преступлений против отправления правосудия. Она может быть судебной, как в отношении физических и юридических лиц, или внесудебной, как если бы речь шла о нарушении любой другой нормы международного права. Судебная имплементация ответственности предполагает наделение государствами или международными организациями международного уголовного суда правом принимать к производству все могущие возникнуть в будущем конкретные споры с их участием. Иными словами, субъекты международного права должны изначально подчинить себя юрисдикции таких судов в отношении всех будущих споров.

Такой подход в настоящее время используется в рамках Суда Европейского союза, который, в силу Договора о функционировании ЕС от 13 декабря 2007 г., полномочен разбирать любые споры между государствами – членами ЕС, а также между ними и Европейской комиссией.

Римский статут в случае неисполнения государствами-участниками своих договорных обязанностей по оказанию правовой помощи МУС предусматривает право МУС констатировать данный факт и поставить в известность об этом Ассамблею государств-участников или Совет Безопасности ООН, если речь идет

о ситуации, переданной суду этим органом для принятия мер[907]. Разумно предположить на основании данной нормы, что МУС правомочен констатировать любые нарушения государствами-участниками обязательств, возникающих из Статута, – например, неприведение внутреннего законодательства в соответствие со Статутом, а также совершение посягательств на отправление правосудия. Однако применять карательные меры Суд не вправе. Вопрос о привлечении нарушителя к ответственности решается государствами. Предпочтение государствами внесудебной имплементации ответственности может быть связано с ее большей политизированностью, а следовательно, меньшими шансами на успех.

Профессоры И.П. Блищенко и И.В. Фисенко предлагают особую модель международного уголовного суда, которому будут подсудны все государства, вне зависимости от их участия в учредительном договоре. По мнению авторов, в случае совершения государством международного преступления «оно не может претендовать на равенство с другими государствами». Государство-нарушитель «изменяет область суверенитета в результате совершения преступления»[908]. Эта модель сходна с изменением объема правоспособности индивидов в качестве наказания за совершение преступления, например, лишением права избирать и быть избранным. Однако этому изменению предшествует констатация события преступления и виновной причастности к нему индивида. Модель И.П. Блищенко и И.В. Фисенко предполагает, что еще до такой констатации государство уже теряет часть своего суверенитета и подчиняется международному уголовному суду. Даже если допустить, в рамках правовой дискуссии, принципиальную

---

[907] Ч. 7 ст. 87 Римского статута 1998 г. МУС констатировалось невыполнение Угандой и Джибути обязательств по аресту президента Судана О. Аль-Башира, подозреваемого в совершении ряда мезденародных преступлений, в то время, когда он находился на их территории. См.: *The Prosecutor v. Omar Hassan Ahmad Al Bashir,* Decision on the non-compliance by the Republic of Djibouti with the request to arrest and surrender Omar Al-Bashir to the Court and referring the matter to the United Nations Security Council and the Assembly of the State Parties to the Rome Statute, 11 July, 201, ICC-02/05-01/09-266; *The Prosecutor v. Omar Hassan Ahmad Al Bashir,* Decision on the non-compliance by the Republic of Uganda with the request to arrest and surrender Omar Al-Bashir to the Court and referring the matter to the United Nations Security Council and the Assembly of State Parties to the Rome Statute, 11 July 2016, ICC-02/05-01/09-267.

[908] *Блищенко И.П., Фисенко И.В*. Международный уголовный суд. С. 58, 65.

возможность ограничения государственного суверенитета в современном международном праве, то в данном случае до установления совершения государством противоправного деяния судебным или иным путем к этому отсутствуют основания.

Имплементация ответственности государств и международных организаций за совершение преступлений против отправления международного уголовного правосудия может быть внесудебной. Речь идет о традиционном порядке привлечения к международной ответственности, согласно которому право призвания к ответственности принадлежит потерпевшему государству или международной организации.

Мы уже выяснили, что круг потерпевших от преступлений против отправления международного уголовного правосудия государствами ограничен. Потерпевшими могут выступать государства – участники соответствующего уставного документа либо международная организация, если она является учредителем международного суда (например, ООН для МТБЮ, МТР и МОМУТ), а также сам международный уголовный суд, при условии, что он обладает всеми признаками международной правосубъектности. СТЛ имеет только некоторые признаки международной правосубъектности (например, договорная правосубъектность в отношении соглашений, необходимых для его функционирования[909]); соответственно, самостоятельно предъявлять требования к государству-нарушителю он не может. За него это полномочны делать его соучредители – ООН и Ливанская республика.

Отвечая на вопрос о способности ООН привлечь к ответственности государство, не являющееся ее членом, за ущерб, причиненный самой организации либо ее представителю, МС ООН отметил в консультативном заключении 1949 г., что «пятьдесят государств, составляющих подавляющее большинство членов международного сообщества, могли в соответствии с

[909] Статья 7, Соглашение между Организацией Объединенных Наций и правительством Ливана о создании Специального трибунала по Ливану [Agreement between the United Nations and the Lebanese Republic on the Establishment of a Special Tribunal for Lebanon] (Бейрут, 22 января 2007 г., Нью-Йорк, 6 февраля 2007 г.). // United Nations, Treaty Series (UNTS), vol. 25074, p. 123.

международным правом создать образование с объективной международной правосубъектностью и способностью предъявлять международные требования, а не только признаваемые ими одними»[910]. Таким образом, МС ООН признал объективную правосубъектность международной организации, т. е. существование обязанностей по отношению к ней со стороны государств, не являющихся ее членами.

Несогласие с этой концепцией выразил в то время советский судья МС ООН проф. С.Б. Крылов. По его мнению, несмотря на то, что государства, не являющиеся членами международной организации, не могут не признать ее существование как фактическую данность, одного этого недостаточно для возникновения у них обязанностей в ее отношении. Такие обязанности должны быть опосредованы соответствующим международным соглашением[911].

Профессор Г.И. Тункин писал, что концепция правосубъектности *erga omnes* международных организаций не имеет оснований в современном международном праве. Он спорит с М. Соренсеном, который ссылается на практику заключения международными организациями соглашений с государствами, не являющимися их членами, в качестве примера такой правосубъектности. Для Г.И. Тункина эта практика является способом расширения сферы действия правосубъектности международной организации. Точка зрения М. Соренсена представляется, однако, более убедительной[912]. Заключение государством соглашения с международной организацией подразумевает признание за такой организацией основного качества субъекта международного права: способности быть участником международно-правовых отношений. Очевидно, что эту способность в глазах государства организация имеет до заключения с ним соглашения, а не приобретает в результате такового. Международная правосубъектность является необходимой предпосылкой заключения соглашения, а не его следствием.

---

[910] *Reparation for Injuries* Opinion. P. 185–186.
[911] *Reparation for Injuries Suffered in the Service of the United Nations.* Dissenting Opinion by Judge Krylov // International Court of Justice Reports. 1949. P. 218–219.
[912] *Тункин Г.И.* Теория международного права. Указ. соч. С. 323 - 324.

II.1.5. Классификация преступлений против международного уголовного правосудия

Совокупность преступлений против отправления международного уголовного правосудия представляет собой сложный и внутренне дифференцированный массив деяний, направленных на подрыв нормального функционирования международных уголовных судов. По своему содержанию эти деяния охватывают широкий спектр форм противодействия правосудию: от искажения фактической основы дела до непосредственного воздействия на участников процесса и органы суда. К числу устоявшихся составов относятся: 1) дача ложных показаний под присягой[913]; 2) представление заведомо ложных или сфальсифицированных доказательств[914]; 3) противоправное оказание воздействия на свидетеля[915]; 4) создание препятствий или помех присутствию свидетеля или даче им показаний; 5) действия в отношении свидетеля из мести за дачу им показаний; 6) уничтожение доказательств, их фальсификация или препятствие их сбору[916]; 7) создание препятствий, устрашение или противоправное воздействие на должностное лицо суда с целью принудить или убедить должностное лицо не выполнять или выполнять ненадлежащим образом его обязанности[917]; 8) действия в отношении должностного лица суда из мести за исполнение этим или иным должностным лицом своих обязанностей[918]; 9) вымогательство или получение взятки должностным лицом суда в связи с его служебными полномочиями[919]; 10) безосновательный отказ либо уклонение от дачи показаний свидетелем в ходе

---

[913] Rules 91(B), 91(H) ICTY RPE; Rules 91(B), 91(H) ICTR RPE; Rules 108(B), 108(H) MICT RPE; rule 60bis(A)(i), rules 152(A), 152(H) STL RPE; rules 91(B), 91(D) SCSL RPE; rules 91(B), 91(D) RSCSL RPE; п. «a» ч. 1 ст. 70 Римского статута МУС 1998 г.

[914] Пункт «b» ч. 1 ст. 70 Римского статута МУС 1998 г.

[915] Rule 77(A)(iv) ICTY RPE; rule 77(A)(iv) ICTR RPE; rule 77(A)(iv) SCSL RPE; rule 77(A)(iv) RSCSL RPE; rule 90(A)(iv) MICT RPE; rule 60bis(A)(iv) STL RPE; п. «c» ч. 1 ст. 70 Римского статута МУС 1998 г.

[916] Пункт «c» ч. 1 ст. 70 Римского статута МУС 1998 г.

[917] Rule 77(A)(v) ICTY RPE; rule 77(A)(v) ICTR RPE; rule 77(A)(v) SCSL RPE; rule 77(A)(v) RSCSL RPE; rule 90(A)(v) MICT RPE; п. «d» ч. 1 ст. 70 Римского статута МУС 1998 г.

[918] П. «e» ч. 1 ст. 70 Римского статута МУС 1998 г.

[919] П. «f» ч. 1 ст. 70 Римского статута МУС 1998 г.; rule 77(A)(viii) RSCSL RPE.

судебного заседания[920]; 11) разглашение сведений, недопустимых к разглашению по решению суда[921]; 12) отказ или уклонение свидетеля от дачи показаний, неявка по вызову либо непредоставление документов по требованию суда[922]; 13) содействие заведомо обвиняемому лицу в покидании территории, на которую распространяется юрисдикция международного уголовного суда[923]; 14) публичная клевета с целью оказания воздействия на судью или должностное лицо трибунала[924]; и 15) злостное уклонение от исполнения приговора международного уголовного суда в виде уплаты штрафа или осуществления любой другой денежной выплаты[925].

Перечисленные составы в том или ином виде отражены в актах, регулирующих деятельность международных уголовных судов и трибуналов. В ряде случаев они формулируются казуистически, путем перечисления конкретных деяний (как в статье 70 Римского статута МУС), в других – через более общую формулу неважения к суду, охватывающую любую деятельность, которая препятствует отправлению правосудия или подрывает его авторитет. При этом практика показывает, что формы такой деятельности исключительно разнообразны и нередко выходят за рамки типичных примеров, предусмотренных уставами и правилами процедуры.

Разнообразие составов и способов их совершения, а также их частичное перекрывание требуют систематизации. Применительно к международному уголовному правосудию классификация имеет не только теоретическое, но и практическое значение: она позволяет выявить наиболее уязвимые аспекты судебной деятельности и нацелить усилия органов обвинения на их приоритетную защиту.

---

[920] Rules 77(A)(i), 77(A)(iii) ICTY RPE; rules 77(A)(i), 77(A)(iii) ICTR RPE; rules 77(A)(i), 77(A)(iii) SCSL RPE; rules 90(A)(i), 90(A)(iii) MICT RPE; rules 77(A)(i), 77(A)(iii) RSCSL RPE; rules 60bis(A)(ii), 60bis(A)(iv) STL RPE.

[921] Rule 77(A)(ii) ICTY RPE; rule 77(A)(ii) ICTR RPE; rule 77(A)(ii) SCSL RPE; rule 77(A)(ii) RSCSL RPE; rule 60bis(A)(iii) STL RPE; rule 90(A)(ii) MICT RPE.

[922] Rule 77 ICTY RPE; rule 77 ICTR RPE; rule 77 SCSL RPE.

[923] Rule 77(A)(vi) SCSL RPE.

[924] Rule 60bis STL RPE.

[925] Rule 166 (5) ICC RPE.

По *объекту посягательства*, то есть по тем общественным отношениям, на которые направлено деяние, преступления против отправления международного уголовного правосудия целесообразно разделить на две крупные группы:

1) преступления, посягающие на отношения, возникающие непосредственно в связи с отправлением правосудия международным уголовным судом. Внутри этой группы можно, в свою очередь, выделить подкатегории: преступления, посягающие на достоверность доказательственного процесса (ложные показания, ложные доказательства, вмешательство в сбор доказательств); преступления, посягающие на свободу и безопасность участников процесса (свидетелей, потерпевших, представителей сторон); преступления, посягающие на независимость и беспристрастность судебного органа и его должностных лиц; преступления, посягающие на исполнение судебных решений.

2) преступления, посягающие на отношения, связанные с созданием международного уголовного суда и обеспечением его функционирования. Речь идет о деяниях, подрывающих институциональную основу суда. Дальнейшая детализация внутри второй группы позволяет выделить, в частности: преступления, посягающие на финансово-экономическую основу международного уголовного правосудия; преступления, посягающие на кадровую основу и процедуру формирования состава суда; преступления, подрывающие доверие к международному суду как к институту.

По *субъекту посягательства* против отправления международного уголовного правосудия можно разделить на: деяния, совершаемые должностными лицами самого судебного органа; деяния, совершаемые иными участниками процесса (свидетелями, обвиняемыми, защитниками); деяния, совершаемые внешними по отношению к суду лицами – физическими или юридическими, а также, в широком политико-правовом смысле, государствами и международными организациями как носителями власти, которая может быть использована для давления на суд или воспрепятствования его деятельности.

По *степени организованности* деяний можно различать: индивидуальные посягательства (единичные случаи вмешательства); систематические и

организованные формы сопротивления правосудию (координированное давление на свидетелей в рамках политического или военного руководства, кампании запугивания, скоординированные действия по невыполнению запросов суда и сокрытию обвиняемых).

По *моменту и стадии процесса* преступления против отправления международного уголовного правосудия могут быть: предварительными (вмешательство в сбор доказательств, запугивание потенциальных свидетелей до начала слушаний, уничтожение документов на стадии расследования); сопутствующими судебному разбирательству (ложные показания, вмешательство в текущую работу суда, утечки конфиденциальной информации); постпроцессуальными (уклонение от исполнения приговора, давление на лиц, участвовавших в процессе, в отместку за их участие).

Наконец, *по источнику правового регулирования* можно предложить бинарное деление: преступления, прямо предусмотренные в учредительных актах и правилах процедуры и доказывания международных уголовных судов (типизированные составы, как в статье 70 Римского статута); деяния, квалифицируемые судами как посягательства на отправление правосудия на основе их естественных/подразумеваемых полномочий, даже при отсутствии детального нормативного описания соответствующего состава.

Такая многоплановая классификация позволяет увидеть, что преступления против отправления международного уголовного правосудия не образуют случайного набора отдельных составов. Перед международным сообществом предстает относительно целостный феномен – система посягательств на различные элементы механизма правосудия: доказательственный процесс, личную свободу и безопасность участников, институциональную независимость и способность суда приводить свои решения в исполнение. Именно исходя из этого, институт уголовной ответственности за такие деяния должен рассматриваться как важнейший элемент гарантийного механизма международного уголовного правосудия, без которого сама идея коллективного поддержания международного

мира и безопасности теряет значительную часть своей практической эффективности.

§ II.2. Составы преступлений против отправления международного уголовного правосудия

II.2.1. Дача ложных показаний

Таблица 1. Ответственность за дачу ложных показаний в практике международных трибуналов

Ч. «B» правила 91 ППД МТБЮ; ч. «B» правила 91 ППД МТР; ч. «B» правила 108 ППД МОМУТ; ч. «A» правила 152 ППД СТЛ:	*«Если (Судья или)*[926] *Палата имеет существенные основания полагать, что свидетель мог осознанно и намеренно дать ложные показания, то она может (уведомить Председателя Суда для передачи вопроса на рассмотрение Судьи по неуважению к суду):* *(i) дать Прокурору предписание провести расследование для подготовки и представления обвинительного заключения по факту дачи ложных показаний; или* *(ii) в случае если, по мнению Палаты, у Прокурора имеется конфликт интересов в отношении поведения, подлежащего расследованию, дать Секретарю Суда предписание назначить amicus curiae для проведения расследования и доклада Палате о наличии либо отсутствии достаточных оснований для осуществления преследования за дачу ложных показаний».*
Ч. «B» и «d» правила 91 ППД СССЛ; ч. «B» и «d» правила 91 ППД ОССЛ:	*«Если Палата имеет существенные основания полагать, что свидетель мог осознанно и намеренно дать ложные показания, то она может применить меры, предусмотренные в правиле 77 […] ч. "A", "B" и "C" применяются также к лицу, которое осознанно и намеренно делает ложные письменные показания, если лицо знает или имеет основания полагать, что эти показания могут быть использованы в качестве доказательств в рамках разбирательства в Специальном суде».*

[926] Текст, вынесенный в скобки, используется только в ППД СТЛ.

Ч. «H» правила 91 ППД МТБЮ; ч. «H» правила 91 ППД МТР; ч. «H» правила 152 ППД СТЛ:	*«Ч. "B"-"G" применяются также mutatis mutandis к лицу, которое осознанно и намеренно дает ложные показания в письменном протоколе, составленном в соответствии с правилами 92bis или 92quater, если лицо знает или имеет основания полагать, что этот протокол может быть использован в качестве доказательств в рамках разбирательства в Трибунале».*
П. «i» ч. «A» правила 60bis ППД СТЛ:	*«Трибунал в силу естественно ему присущих полномочий вправе наказывать за проявления неуважения к суду любое лицо, которое осознанно и намеренно вмешивается в отправление им правосудия после того, как подсудность Трибунала будет установлена в соответствии с его Уставом, включая любого, кто:* *[…]* *(i) в ходе допроса, проводимого одной из сторон либо от ее имени, при обстоятельствах, не подпадающих под правило 152, осознанно и намеренно дает показания, зная о том, что они ложные и что они могут быть использованы в качестве доказательства в уголовном процессе, идущем в Трибунале, при условии, что к этим показаниям приложено официальное подтверждение лица, что оно было предупреждено об уголовной ответственности за дачу ложных показаний».*
П. «a» ч. 1 ст. 70 Римского статута МУС 1998 г.:	*«Суд обладает юрисдикцией в отношении следующих преступлений против отправления им правосудия, совершенных преднамеренно:* *[…]* *(a) дача ложных показаний после принятия обязательства в соответствии с пунктом 1 статьи 69 давать правдивые показания».*

Составлено автором

Практика показывает, что показания свидетеля являются основным видом доказательств в современном международном уголовном процессе[927]. Их доминирование во многом обусловлено характером и объемом полномочий международных уголовных судов в части собирания доказательств в соответствии с положениями их уставов. В отличие от Нюрнбергского и Токийского процессов, в рамках которых использовались материалы, находившиеся под контролем и в распоряжении союзников, послевоенные международные уголовные суды не имеют такого преимущества, как и полномочий на осуществление процессуальных действий на территориях государств и в пределах их юрисдикций. Поэтому собирание доказательств современными органами международного уголовного правосудия в большинстве случаев опосредуется запросами о правовой помощи в правоохранительные органы заинтересованного государства. Степень вовлеченности последних в процесс собирания доказательств зависит от местной нормативно-правовой базы, практики и от характера самого запроса. Обычно общение представителей судов со свидетелями требует меньшего участия со стороны государственных правоохранительных органов, в особенности если свидетель локализован и расположен к сотрудничеству, чем поиск и изъятие документов и предметов. Как следствие, свидетельские показания являются наиболее доступными из всех для международных трибуналов.

Современные контексты совершения международных преступлений не предполагают наличия достаточного количества невербальных доказательств, таких как письменные приказы, инструкции, планы, которые позволяли бы установить связь между преступлением и подозреваемым. Распоряжения отдаются, по большей части, устно – что также объясняет широкое использование свидетельских показаний в международных процессах.

---

[927] *Combs N.* Fact-Finding Without Facts: The Uncertain Evidentiary Foundations of International Criminal Convictions. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 320 p.; *May R.* The Collection and Admissibility of Evidence and the Rights of the Accused // Justice for Crimes against Humanity / edited by M. Lattimer and Ph. Sands. Hart Publishing, 2003. P. 165; *Pozen J.* Justice Obscured: the Non-disclosure of Witnesses' Identities in ICTR Trials // New York University Journal of International Law and Politics. 2005–2006. Vol. 38. – P. 281.

Кроме того, в большинстве случаев между окончанием вооруженного конфликта или событий, содержащих признаки международных преступлений, и началом международного расследования проходит время. Оно объективно необходимо для достижения договоренности между членами международного сообщества о создании соответствующего органа, воплощения достигнутой договоренности в жизнь, формирования судейского состава, канцелярии прокурора и т.д. Даже в рамках МУС, действующего на постоянной основе, присутствует достаточно существенный временной разрыв между событием преступления и началом его реального расследования – при самом быстром сценарии, когда инициатором преследования выступает Прокурор, временной разрыв образуется за счет стадии предварительного изучения ситуации на предмет ее соответствия критериям подсудности МУС. Это время может использоваться заинтересованными лицами для уничтожения документов и других физических доказательств преступлений.

Вышеизложенное наглядно иллюстрирует, почему для международных уголовных судов проблема достоверности свидетельских показаний стоит особенно остро. Свидетели, участвующие в международных процессах, бывают заинтересованы говорить неправду по ряду причин. Во-первых, участие в таких процессах может быть сопряжено с рядом преимуществ, в т.ч. с разного рода финансовыми выплатами, сменой места жительства на более безопасное и т.д. Все это может стимулировать лиц, проживающих на территориях конфликтов, к искажению своих реальных наблюдений и воспоминаний для обеспечения своего включения в список свидетелей. Кроме того, преимущества в обмен на ложные показания могут быть обещаны свидетелю одним из участников процесса.

Свидетели могут быть склонны давать ложные показания даже без такого воздействия, например, из страха возмездия со стороны обвиняемого или идеологических причин; они могут симпатизировать обвиняемому, его политическим взглядам или рассчитывать на его благосклонность после

окончания процесса; могут стремиться защитить близкого человека или собственную репутацию и т. д. [928]

Нередко свидетели пытаются, исходя из своих представлений о стратегии допрашивающего, скорректировать свои показания для приведения их в соответствие с тем, что, по их мнению, допрашивающий хочет услышать.

Преступление дачи ложных показаний заключается в умышленном изложении свидетелем, устно или письменно, сведений, не соответствующих действительности, в рамках международного уголовного процесса.

Сам термин «преступления против отправления международного уголовного правосудия» впервые нашел отражение в наименовании ст. 70 Римского статута МУС. Однако нормы о противоправности и наказуемости дачи ложных показаний встречаются уже в первых Правилах процедуры и доказывания МТБЮ от 11 февраля 1994 г. Так, правило 91 устанавливало, что «в случаях, когда Палата имеет значительные основания полагать, что свидетель сознательно и умышленно дал ложные показания, она может вынести Прокурору предписание о проведении расследования, с тем чтобы подготовить и представить обвинительное заключение по факту дачи ложных показаний […]. Максимальное наказание за дачу ложных показаний не должно превышать штраф в размере 10 000 долларов США и/или лишение свободы сроком на двенадцать месяцев»[929]. Эти нормы были впоследствии заимствованы судьями МТР, СССЛ и СТЛ при разработке ППД этих судебных органов.

Преследование преступления дачи ложных показаний под присягой имеет процессуальную особенность, которую можно проиллюстрировать на примере правил 77 и 91 ППД международных уголовных трибуналов *ad hoc* (дача ложных показаний регулируется в Правилах в части, посвященной доказыванию, – отдельно от схожего поведения, посягающего на отправление правосудия)[930]. Речь идет об особом судейском составе: если обвинения в проявлении неуважения к

---

[928] *May L., Fyfe S.* International Criminal Tribunals: A Normative Defense. – Cambridge University Press, 2017. – P. 159.

[929] Rule 91(E) and 91(B) ICTY RPE, 11 February 1994.

[930] Ответственность за проявление неуважения к суду регулируется в правиле 77 ППД МТБЮ и ППД МТР; ответственность за дачу ложных показаний – в правиле 91 обоих Правил.

суду по правилу 77 рассматриваются судьей или судьями по основному делу, то в рассмотрении обвинений о даче ложных показаний эти судьи участвовать не могут[931]. Это объясняется тем, что во втором случае допущение судей к материалам выделенного дела о даче ложных показаний ставит под угрозу право обвиняемого по основному делу на справедливый и беспристрастный суд. В предмет доказывания по обвинению в даче ложных показаний входит факт ложности показаний об обстоятельствах, имеющих значение для рассмотрения основного дела. Иными словами, в рамках разбирательства по факту дачи ложных показаний доказательственным путем выясняется, какие из существенных обстоятельств по основному делу являются правдивыми. Однако на таких разбирательствах обвиняемый по основному делу не присутствует, и его интересы никем не представлены. Отсюда, допустить, чтобы судьи по основному делу заслушивали в отсутствие обвиняемого доказательства об обстоятельствах, имеющих значение для установления его вины, означало бы нарушить его право на справедливый суд.

В практике международных уголовных трибуналов *ad hoc* одинаковые положения ППД, устанавливающие преступность дачи ложных показаний, толкуются по-разному. В истории международного уголовного правосудия только одно дело, возбужденное по факту дачи ложных показаний, было доведено до конца. Это дело «Прокурор против ГАА», рассмотренное МТР в 2007 г. Обвиняемый в этом деле признал себя виновным в даче ложных показаний по делу «Прокурор против де Дье Камуханда»[932], где он ранее проходил свидетелем под псевдонимом ГАА, и был осужден к лишению свободы сроком на девять месяцев[933]. Однако в связи с признанием свидетелем своей вины, судьи сочли излишним анализировать состав преступления при вынесении приговора. Таким образом, в рамках международных уголовных трибуналов *ad hoc* не было создано прецедента по этому вопросу.

---

[931] Rule 91(F) ICTY RPE; rule 91(F) ICTR RPE.

[932] Ж. де Дье Камуханда – руандийский политический деятель, приговоренный МТР к пожизненному заключению по обвинению в причастности к геноциду племени тутси в 1994 г.

[933] *GAA* Judgment, § 8.

Первым судебным документом, разъяснившим состав преступления дачи ложных показаний, стало решение МТР в рамках дела «Акаешу». Сторона защиты ходатайствовала о вынесении Палатой Прокурору предписания провести расследование в отношении свидетеля «Р», расхождения в показаниях которого во время прямого и перекрестного допросов были настолько значительными, что заставляли серьезно усомниться в их правдивости[934]. Ходатайство было отклонено, т.к., по мнению суда, расхождения в показаниях свидетеля не являются «значительным основанием полагать», что имело место лжесвидетельство, а лишь влияют на вес, который будет придан этим показаниям при их анализе совместно с другими доказательствами, представленными сторонами.

Отклонив ходатайство, судьи тем не менее выразили свое мнение насчет предмета доказывания по делам о даче ложных показаний, в который вошли следующие факты: 1) факт ложности показаний; 2) факт наличия у свидетеля преступного умысла или как минимум осведомленности о ложности показаний; 3) что и как ложные показания способны повлиять на решение суда. Ложность показаний, в свою очередь, по мнению судей, складывается из четырех составляющих: 1) свидетель должен принять обязательство говорить правду; 2) он должен нарушить это обязательство посредством дачи ложных показаний; 3) в момент дачи показаний свидетель должен полагать, что они ложные; 4) ложные показания должны касаться существенных обстоятельств, имеющих значение для разрешения дела[935].

Впоследствии МТР последовательно опирался на решение по делу «Акаешу» для обоснования отклонения аналогичных ходатайств о проведении

---

[934] *The Prosecutor v. Jean-Paul Akayesu*, Motion to Request Prosecution for Perjury, 29 January 1997, ICTR-96-4; *The Prosecutor v. Jean-Paul Akayesu*, Motion for Prompt Examination of a Motion in Perjury, 2 March 1998, ICTR-96-4; *The Prosecutor v. Jean-Paul Akayesu*, Redacted Transcript of a Hearing on 6 March 1998, 6 March 1998, ICTR-96-4.

[935] *The Prosecutor v. Jean-Paul Akayesu*, Decision on the Defence Motions to Direct the Prosecutor to Investigate the Matter of False Testimony by Witness “R”, 9 March 1998, ICTR-96-4 (*Akayesu* Decision).

предварительного расследования в связи с подозрением о даче тем или иным свидетелем ложных показаний[936].

В ходе разработки проекта ППД МУС итальянская делегация представила документ, содержащий предложения по толкованию формулировок ч. 1 ст. 70 Римского статута (далее – итальянский проект). В качестве дачи ложных показаний предлагалось рассматривать также отказ от дачи показаний лицом, которое взяло на себя обязательство говорить правду, отказ от принятия указанного обязательства, дачу ложных показаний и отказ от дачи показаний в ходе расследования. Предлагалось также дополнить Правила нормой об освобождении от наказания в случаях, когда свидетель добровольно признается в даче ложных показаний до окончания производства[937].

В рамках МУС п. «а» ч. 1 ст. 70 Римского статута получил толкование в одном параграфе Решения об утверждении обвинительного заключения по делу «Бемба и другие»[938], а также в обвинительном приговоре по этому же делу[939].

Одной из составляющих ложности показаний, по мнению Палаты МТР по делу «Акаешу», является их существенность, способность повлиять на исход отдельной процессуальной стадии[940]. Под существенными обстоятельствами можно понимать обстоятельства, которые любой разумный человек, будучи на месте судьи, принял бы во внимание при вынесении решения по конкретному вопросу. Это определение достаточно широко, чтобы включить ложные сведения,

---

[936] *The Prosecutor v. Rutaganda*, Decision on the Defence Motion to Direct the Prosecutor to Investigate the Matter of False Testimony by Witness ‘E’, 10 March 1998, ICTR-96-3-T (*Rutaganda* Decision); *The Prosecutor v. Bagilishema* Decision on the Request of the Defence for the Chamber to Direct the Prosecutor to Investigate a Matter with a View to the Preparation and Submission of an Indictment for False Testimony, 11 July 2000, ICTR-95-1A-T; *The Prosecutor v. Nahimana, et al.*, Decision on the Defence Motion to Direct the Prosecutor to Investigate the Matter of False Testimony by Witness “AEN” in Terms of Rule 91(B), 27 February 2001, ICTR-96-11-I; *The Prosecutor v. Bagosora, et al.*, Decision On Defence Request For An Investigation Into Alleged False Testimony Of Witness DO, 3 October 2003, ICTR-98-41-T.

[937] ICC: Preparatory Commission for the International Criminal Court. Working Group on Rules of Procedure and Evidence. Proposal by Italy Concerning Article 70 of the Rome Statute» // Документ МУС PCNICC/1999/WGRPE/DP.17, 26 July 1999.

[938] *The Prosecutor v. Jean-Pierre Bemba et al.*, Decision pursuant to Article 61(7)(a) and (b) of the Rome Statute, 15 November 2014, ICC-01/05-01/13-749, § 28 (*Bemba et al.* Confirmation Decision).

[939] *Bemba, et al.* Trial Judgment, §§ 19–31.

[940] *Akayesu* Decision.

позволяющие повысить доверие к свидетелю, а значит, и к его показаниям по другим обстоятельствам. Имеются в виду наличие у свидетеля судимости, заболеваний, препятствующих полноценному восприятию и воспроизведению им окружающей действительности, характер отношений, связывающих свидетеля или окружение свидетеля и подсудимого и т. д.

В то же время категория «разумный человек» может быть неподходящим ориентиром, когда речь идет о вынесении решений профессиональными юристами. Наличие юридического образования позволяет и предполагает исследование обстоятельств, которые могут быть проигнорированы лицами, не обладающими соответствующими познаниями.

В некоторых странах романо-германской правовой традиции такая существенность не является составной частью ложности показаний, а только обусловливает преступность деяния. В общем праве привязка ложности показаний к их существенности присутствует в уголовно-правовом институте «*perjury*», буквально – «дача ложных показаний под присягой».

Способность ложных показаний повлиять на исход отдельной процессуальной стадии испокон веков считалась обязательным элементом «*perjury*», т. к. ложь по не относящимся к делу обстоятельствам не могла повлиять на решение судьи, а значит, не имела общественно опасных последствий, заслуживающих наказания[941]. Со временем эта способность стала толковаться судами очень широко, вплоть до, по замечанию некоторых авторов, ее фактического отрицания – практически любые обстоятельства стали признаваться существенными[942].

Термин «*perjury*» использовался в английском тексте ч. «е» правила 90 ППД МТР, регулирующей вопросы, связанные со свидетельским иммунитетом от уголовного преследования. В ней предусматривается, что если свидетель отказывается свидетельствовать против себя, но судьи тем не менее принуждают

---

[941] *Coke E.* The Third Part of the Institutes of the Laws of England: Concerning High Treason, and Other Pleas of the Crown and Criminal Causes. London, 1797. § 167; *Blackstone W.* Commentaries on the Laws of England. Vol. IV. Clarendon Press, 1778. P. 137.

[942] См., например: *Lillich R.* The Element of Materiality in the Federal Crime of Perjury // Indiana Law Journal. 1959. Vol. 35(1). Article 1.

его к даче показаний, то такие показания не могут использоваться против него, за исключением случая лжесвидетельства для поддержания обвинения о даче ложных показаний – «*perjury*». В то же время правило 91, устанавливающее ответственность за дачу ложных показаний, именуется на английском языке «Дача ложных показаний под присягой»[943]. На французском языке оба правила используют одинаковые термины[944].

В МТБЮ тексты ч. «e» правила 90 и 91 были приведены в соответствие в декабре 2000 г. посредством замены термина «*perjury*» в ч. «e» правила 90 на выражение «дача ложных показаний». В обоих правилах в СССЛ изначально использовался один и тот же термин «дача ложных показаний». В деле «Прокурор против Сисея» (далее – дело «Сисея»)[945] СССЛ подчеркнул, что понятие «дача ложных показаний» шире «*perjury*»[946].

Важно отметить, что «*perjury*» может использоваться как слово, обозначающее умышленное нарушение клятвы или присяги, и как концепция общего уголовного права. В последнем качестве этот термин не может предопределять значение положений международного договора, если нет прямых указаний на обратное намерение сторон.

Таким образом, текст правила 91, повторяющийся в Правилах всех международных уголовных судов *ad hoc*, не дает оснований для ограничения преступных ложных показаний показаниями, касающимися существенных обстоятельств дела, как это было сделано МТР в деле «Акаешу».

Давая толкование этому тексту, СССЛ в деле «Сисея» не упомянул требование существенности показаний, однако предложил психологический элемент преступления, не предусматривавшийся МТР, а именно специальное

---

[943] Англ.: «*false testimony under solemn declaration*».
[944] Фр.: «*faux témoignage*».
[945] И. Сисей – лидер повстанческой группировки «Объединенный революционный фронт», принимавшей участие, среди прочих, в гражданской войне 1991–2001 гг. в Сьерра-Леоне. Был признан СССЛ виновным в совершении военных преступлений и преступлений против человечности и приговорен к 693 годам лишения свободы.
[946] *The Prosecutor v. Sesay, et al.*, Decision on Sesay Defence Motion to Direct the Prosecutor to Investigate the Matter of False Testimony by Witness TF1-366, 25 July 2006 SCSL-04-15-T, § 25 (*Sesay* Decision).

намерение ввести трибунал в заблуждение. Ввиду того, что прочтение текста положения не позволяет выявить условие наличия такого специального намерения, толкование СССЛ представляется необоснованным.

Римский статут не содержит никаких ограничений или разъяснений касательно характера ложных сведений, влекущих наступление уголовной ответственности. На этапе разработки текста Статута термин «*perjury*» использовался в предложениях отдельных государств по статье об ответственности за дачу ложных показаний. Однако в окончательном тексте говорится о «даче ложных показаний». Отказ от «*perjury*» может свидетельствовать о намерении сторон исключить проведение параллелей с одноименной концепцией общего уголовного права. В итоге требование существенности ложных показаний не усматривается ни из текста ст. 70, ни из других положений Статута.

Из этого исходили и судьи при утверждении обвинительного заключения по делу «Бемба и другие». По их мнению, «обязательство говорить правду распространяется на любые сведения, которые свидетель предоставляет либо утаивает, находясь под присягой»[947].

Однако в приговоре по этому же делу получило отражение иное представление о соотношении существенности показаний и уголовной ответственности свидетеля. Палата отметила следующее: «Учитывая, что свидетельские показания могут касаться самых разных обстоятельств, по мнению Палаты, не любые показания могут влечь наступление уголовной ответственности в силу п. “a” ч. 1 ст. 70 Статута, а только те, которые носят существенный характер». С точки зрения Палаты, существенными являются «показания, влияющие на оценку фактических обстоятельств, имеющих отношение к делу, а также на оценку достоверности свидетельских показаний», в т. ч. касающиеся: «1) существования и содержания контактов со стороной, вызывающей свидетеля, до дачи им показаний; 2) телефонных переговоров и передачи денежных средств свидетелю стороной, вызывающей свидетеля, вне зависимости от цели этих

[947] *Bemba, et al. Confirmation Decision*, § 28.

действий; 3) встречи с другими потенциальными свидетелями; 4) знакомства с обвиняемыми либо связанными с ними лицами; 5) дачи свидетелям обещаний в обмен на их участие в процессе»[948].

Безусловно, характер ложных сведений играет роль при принятии решения об уголовном преследовании, и при этом велика вероятность, что делу о даче ложных показаний, не касающихся существенных обстоятельств, не будет дано хода. Это не значит, однако, что дела, затрагивающие даже существенные обстоятельства, систематически возбуждаются[949].

Объект. Преступление дачи ложных показаний: 1) посягает на отношения, возникающие в связи с расследованием и уголовным преследованием преступлений международными судебными органами; и 2) представляет угрозу для международного мира и безопасности, т.к. затрудняет либо, при неоднократном совершении в рамках одного процесса, делает невозможным эффективное уголовное преследование международных преступлений, чем

---

[948] *Bemba, et al. Trial Judgment*, § 22.

[949] Так, в 1996 г. свидетель обвинения по делу Д. Тадича (МТБЮ) Д. Опачич давал показания в т. ч. о событиях, свидетелем которых он якобы стал, будучи надзирателем в концентрационном лагере Трнополье для боснийцев и боснийских хорватов (*The Prosecutor v. Duško Tadić*, Redacted Transcript of Confidential Hearings Held on 13, 14 and 15 August 1996, 13 August 1996, IT-94-1-T). Д. Опачич затем признался следователю Канцелярии Прокурора, что никогда не служил в лагере Трнополье, а его знания о расположении и окрестностях лагеря связаны с тем, что он часто играл в футбол со своими друзьями и братом в этой местности (*The Prosecutor v. Duško Tadić*, Transcript and Transcript Corrections of the Hearing on Friday 25 October 1996, 25 October 1996, IT-94-1-T, p. 5874, lns. 12–18). Д. Опачич также признался, что впервые увидел обвиняемого Д. Тадича на видеозаписи, которую ему показали в Сараево после его поимки боснийскими военными в ноябре 1994 г. (*Ibid.*, p. 5873, lns. 20–24), хотя на процессе он показал, что лично наблюдал совершение Д. Тадичем вменяемых последнему преступлений в 1992 г. На основании признания Д. Опачича судьи вынесли предписание Прокурору трибунала провести расследование и по его результатам рассмотреть возможность привлечения Д. Опачича к ответственности за дачу ложных показаний (*The Prosecutor v. Duško Tadić,* Order for the Prosecution to Investigate the False Testimony of Dragan Opačić, 10 December 1996, IT-94-1-T). Однако на следующий день после вынесения обвинительного приговора в отношении Д. Тадича (*The Prosecutor v. Duško Tadić* (IT-94-1-T), Opinion and Judgment, 7 May 1997) Прокурор уведомила суд о своем решении не преследовать Д. Опачича, в т. ч. потому что его показания не касались достаточно существенных обстоятельств, чтобы оправдать преследование (*Oosthuizen G.* Of Misconduct, Contempt, FalseTestimony, Rule Mutations and other Interesting Powers: A Potpourri of Questions and Notes // Essays on ICTY Procedure and Evidence. In Honour of Gabrielle Kirk McDonald / R. May, et al. (eds). – SpringerNetherlands, 2000. – P. 395–396) – что, безусловно, было не так: причастность обвиняемого к совершению вменяемых ему преступлений, о которой солгал Д. Опачич, относится к существенным обстоятельствам в первую очередь.

устраняет неотвратимость наказания для виновных лиц и подрывает уважение к международному уголовному судопроизводству. Данное преступление может быть совершено только в форме действия.

Объективная сторона. *Первый элемент* преступления дачи ложных показаний под присягой заключается в принятии лицом присяги говорить правду. Текст присяги неизменен от трибунала к трибуналу: лицо «торжественно клян[ется] говорить правду, всю правду и ничего, кроме правды»[950]. ППД СССЛ допускается принесение присяги на священной книге той религии, которой придерживается свидетель[951].

Приведение свидетелей к присяге является общим правилом, из которого, однако, есть исключения. Так, согласно ч. 2 правила 66 ППД МУС, лица моложе 18 лет, а также лица, страдающие психическими заболеваниями, которые, по мнению судей, не осознают значение присяги, могут быть освобождены от ее принятия, если они тем не менее понимают смысл обязательства говорить правду и в состоянии описать известные им события, имеющие отношение к делу. Похожее положение предусмотрено в ч. «B» правила 90 ППД МТБЮ, МТР и ч. «B» правила 150 ППД СТЛ: «Лицо, не достигшее совершеннолетия, которое, по мнению Палаты, не осознает значение присяги, может быть освобождено от прохождения этой формальной процедуры, если Палата сочтет, что это лицо способно воспроизводить известную ему информацию и понимает содержание обязанности говорить правду». По праву СССЛ «несовершеннолетнее лицо может быть допрошено в качестве свидетеля, если, по мнению Палаты, оно является достаточно зрелым, чтобы воспроизводить известные ему факты, понимает содержание обязанности говорить правду и не находится под сторонним влиянием»[952].

---

[950] Rule 90(A) ICTY RPE; rule 90(A) ICTR RPE; rule 90(B) SCSL RPE; rule 150(A) STL RPE; rule 66(1) ICC RPE.
[951] Rule 90(B) SCSL RPE.
[952] Rule 90(C) SCSL RPE.

Факт принятия лицом присяги подлежит доказыванию в рамках судебного разбирательства по делу о даче ложных показаний, но не является составляющей ложности, в отличие от вывода, следующего из решения по делу «Акаешу».

Принятие присяги знаменует момент начала дачи показаний, с которого любые ложь либо умышленная неполнота изложения являются уголовно-наказуемыми. Для упомянутых выше лиц, которые по той или иной причине допускаются к даче показаний без принятия присяги, этот момент знаменуется разъяснениями судьи о необходимости давать правдивые показания под угрозой наступления уголовной ответственности.

Второй элемент преступления дачи ложных показаний состоит в даче лицом показаний. Показания могут быть как устными, так и письменными, данными вживую либо предварительно записанными на бумажных, аудио- или видеоносителях. В международных уголовных судах допускается представление, при определенных обстоятельствах, письменных протоколов показаний свидетеля, снятых в ходе предварительного расследования (например, если показания не имеют отношения непосредственно к поведению обвиняемого, если свидетель умер, пропал без вести или не может лично присутствовать на слушании в силу другой уважительной причины, а также если после составления протокола свидетель подвергся давлению и др.)[953]. ППД МТБЮ, МТР и СССЛ прямо запрещается представление предварительно записанных ложных письменных показаний, если лицо на момент их дачи знало или имело основания полагать, что эти показания будут использоваться в качестве доказательств в суде[954].

Во время устного допроса сторона или суд могут попросить свидетеля проиллюстрировать свои показания на бумажном или электронном носителе, например, нарисовать план местности, о которой он показывает, структуру командования вооруженной группы и т. д. Носитель, на котором выполняются изображения, приобщается к делу как часть показаний свидетеля, данных в

[953] Rule 92 bis ICTY RPE; rule 92 bis ICTR RPE; rule 92 bis SCSL RPE; rule 155 STL RPE; rule 68 ICC RPE.
[954] Rule 91(H) ICTY RPE; Rule 91(H) ICTR RPE; Rule 91(D) SCSL RPE.

письменном виде. Любые намеренные искажения таких изображений надлежит расценивать как ложные показания. Например, один из свидетелей защиты по делу «Бемба» в ходе прямого допроса изобразил на бумаге структуру командования воинскими частями «Движения за освобождение Конго», размещенными в Центральноафриканской Республике в октябре 2002 – марте 2003 г.[955] Впоследствии выяснилось, что эти сведения свидетель получил от защитника Ж.-П. Бемба в ночь перед дачей показаний[956].

При определенных обстоятельствах молчание и другое невербальное поведение, целью которого является передача информации, может рассматриваться как дача показаний. Например, свидетель может указать пальцем на обвиняемого в ответ на просьбу допрашивающего опознать лицо, совершившее преступление, кивнуть либо покачать головой для выражения согласия или несогласия с предположением допрашивающего.

Третий элемент – ложный характер данных свидетелем показаний. Термин «ложный» вызывает наибольшие трудности в толковании. Одну из таких трудностей иллюстрирует приведенный эпизод с воспроизведением свидетелем во время дачи показаний сведений, полученных накануне от защитника по делу. Возникает вопрос: в какой мере источник знаний свидетеля влияет на правдивость представляемых им сведений, когда эти сведения соответствуют объективной реальности? Если допустить, что показания свидетеля по делу «Бемба» отражали реальную структуру командования, то делает ли их ложными тот факт, что эти сведения свидетель получил от защитника?

Представляется, что понятие «ложный» можно определить через способы дачи ложных показаний. Эти способы характеризуются в тексте присяги, согласно которой свидетель обязуется говорить «правду, всю правду и ничего, кроме

---

[955] *The Prosecutor v. Jean-Pierre Bemba, et al.,* Trial Transcript, 29 September 2015, ICC-01/05-01/13-T-10-Red-ENG, p. 54, ln. 10 – p. 55, ln. 4; *The Prosecutor v. Jean-Pierre Bemba, et al.,* Public redacted version of "Prosecution's Second Request under Articles 64(6)(b) and 93 of the Rome Statute to Summon a Witness", 17 September 2015, ICC-01/05-01/13-1259-Conf-Exp, 24 June 2016, ICC-01/05-01/13-1259-Red2, § 12 (*Bemba, et al.* Second Witness Summons).

[956] *The Prosecutor v. Jean-Pierre Bemba, et al.,* Trial Transcript, 29 September 2015, ICC-01/05-01/13-T-10-Red-ENG, p. p. 52, ln. 1 – p. 53, ln. 22; *Bemba, et al.* Second Witness Summons, § 10–11.

правды»[957]. Нарушить это обязательство можно четырьмя способами, а именно посредством: 1) утверждения неверной информации (свидетель говорит неправду либо говорит что-то, кроме правды); 2) отрицания правдивой информации (свидетель говорит неправду)[958]; 3) утаивания правдивой информации (свидетель говорит не всю правду); 4) частичного изложения правдивой информации (свидетель говорит не всю правду).

Для вынесения правосудного решения судьи нуждаются в максимально полной и правдивой информации о случившемся. Важность полноты информации для судебного процесса иллюстрируют нормы, направленные на законное принуждение свидетеля к даче показаний (например, суд может принудить свидетеля к явке для дачи показаний или к даче показаний против себя в обмен на иммунитет и т. д.). Поэтому сокрытие правдивой информации, так же, как и частичное ее изложение, является не меньшим посягательством на отправление правосудия, чем дача откровенно ложных показаний. Недосказанность свидетеля вынуждает судей игнорировать неизвестные им обстоятельства, что приводит к неправосудному решению.

Разница между утаиванием правдивой информации и ее частичным изложением тонкая и приводится здесь для полноты и точности научного исследования. На практике эти способы дачи ложных показаний предопределяются формулировкой заданного свидетелю вопроса. Например, свидетель участвовал в некотором собрании в присутствии еще пяти лиц. Свидетель будет виновен в даче ложных показаний посредством утаивания правдивой информации, если в ответ на просьбу допрашивающего лица назвать *всех* участников собрания он умышленно перечислит три имени вместо пяти. Если же от допрашивающего лица поступит вопрос, кто присутствовал на собрании, то перечисление трех имен вместо пяти будет виновным частичным изложением правдивой информации. В действительности допрашивающее лицо чаще всего задаст уточняющие вопросы, вынуждая свидетеля дать откровенно

[957] Rule 66(1) ICC RPE; rule 90(A) ICTY RPE; rule 90(A) ICTR RPE; rule 90(B) SCSL RPE; rule 150(A) STL RPE.
[958] *Akayesu* Decision; *Rutaganda* Decision. P. 3.

ложный ответ либо сказать правду. По этой причине при оценке ложности свидетельских показаний они должны анализироваться во всей полноте.

Утаивание и частичное изложение информации следует отличать от отказа от дачи показаний, которое может выражаться в молчании свидетеля в ответ на заданный вопрос, в уходе от ответа или в заявлении об отказе свидетельствовать. При отказе от дачи показаний отсутствуют сами показания – материал, который исследуется на предмет его соответствия либо несоответствия действительности. Напротив, при утаивании и частичном изложении правдивой информации свидетель дает показания, однако частично искажая при этом действительность.

Преступное утаивание информации может иметь место только при коммуникации или попытке коммуникации суду информации свидетелем. Иными словами, свидетель не несет ответственности за то, что он спонтанно не поделился информацией с судом. Например, если сторона попросила свидетеля подтвердить участие конкретного лица в собрании, свидетель не обязан уточнять об остальных присутствовавших, независимо от того, насколько существенной эта информация является для установления истины по делу. Бремя доказывания лежит на сторонах, а не на свидетелях, и свидетелю не могут быть поставлены в вину допускаемые сторонами пробелы в структуре и формулировке вопросов.

Один из хрестоматийных примеров дачи ложных показаний посредством частичного изложения правдивой информации имел место в ходе одного из двенадцати малых Нюрнбергских процессов. Ранее мы упоминали случай проявления неуважения к одному из этих трибуналов экспертом обвинения Э. Айви. В январе 1947 г. он присутствовал на допросе другого свидетеля обвинения, профессора истории медицины В. Лейбрандта, в ходе которого проф. В. Лейбрандт показал, что проведение опытов над людьми, даже с их согласия, противоречит врачебной этике, вне зависимости от научной ценности таких опытов. В своих показаниях он приравнял опыты, проводимые американцами во время войны над осужденными, которые содержались в тюрьме Стейтвиль в штате Иллинойс в целях разработки антималярийного препарата, к нацистским экспериментам.

В отсутствие писаного кодекса врачебной этики касательно использования людей в качестве подопытных эти показания проф. В. Лейбрандта ставили под угрозу теорию обвинения[959]. Э. Айви вернулся в США и убедил губернатора Иллинойса учредить комитет *ad hoc* по вопросам врачебной этики проведения опытов над людьми в тюрьмах штата. Такой комитет был создан, но ни разу не собирался. Э. Айви самостоятельно написал заключение комитета о соответствии иллинойских тюремных опытов стандартам врачебной этики.

Дача показаний Э. Айви пришлась на середину июня 1947 г.[960] В ходе допроса он зачитал выводы из заключения на протокол, подчеркнув, что деятельность комитета никак не была связана с рассматриваемым делом[961].

По свидетельству исследователя Д. Харкнесса, в ходе прямого допроса на процессе в Нюрнберге Э. Айви дал понять, что комиссия подтвердила этичность американских опытов по итогам их тщательного изучения[962]. О том, что комиссия ни разу не собиралась, Э. Айви умолчал, оставив, таким образом, суд с ложным представлением о том, что комментируемое им заключение явилось результатом совместной работы нескольких специалистов.

Ложность информации не всегда предполагает ее фактическую неточность. Информация также является ложной, если она умышленно способствует формированию обоснованных заблуждений суда относительно ее содержания или обстоятельств ее получения. Например, каждый свидетель вызывается в определенном качестве, которое, как предполагается, дает ему возможность сообщать о тех или иных обстоятельствах по делу (очевидец преступления, соучастник, эксперт). Участники процесса исходят из того, что все изложенное свидетелем было получено им в этом качестве (очевидец присутствовал при совершении преступления, соучастник оказывал содействие исполнителю,

---

[959] *Harkness J. Op.cit.* P. 1673.
[960] *Harkness J. Op.cit.* P. 1674.
[961] Ivy testimony in Complete Transcripts of the Nuremberg Medical Trial, National Archives Microfilm, M887 (microfilm reel 9 and 10), June 12–16, 1947, pp. 9029–9324, cit. in *Harkness J., op.cit.*, p. 1672–1673. См. также: *Freyhofer H.* The Nuremberg Medical Trial: The Holocaust and the Origin of the Nuremberg Medical Code. New York: Peter. Lang Publishing, 2004. P. 102–103.
[962] *Harkness J. Op.cit.* P. 1674.

эксперт, в силу своей квалификации и опыта, обладает знаниями в интересующей суд области), даже если непосредственно этот факт в показаниях не оговаривается. Так, при вызове лица в качестве очевидца какого-либо события участники процесса вправе обоснованно полагать, что все им сказанное наблюдалось им лично. Поэтому если этот свидетель в своих показаниях упоминает и детали, ставшие ему известными из средств массовой информации, умышленно не уточняя источник, то такие показания можно рассматривать как ложные. Свидетель выдает вторичные сведения за наблюдения очевидца, тем самым повышая степень доверия к ним. Следует отметить, что такой пример редко встречается на практике – источник знаний свидетеля обычно уточняется допрашивающим.

Давая присягу, свидетель обязуется, как следует из ее текста, говорить только те сведения, в правдивости которых он абсолютно уверен. Свидетель должен сообщить суду о любых имеющихся у него сомнениях относительно правдивости даваемых им показаний. Например, свидетель помнит, что видел обвиняемого на месте преступления, но не уверен, что это было в день его совершения. Он, тем не менее, утверждает, что видел там обвиняемого именно в этот день. Такие показания можно рассматривать как ложные.

Таким образом, под «ложным» в контексте преступления дачи ложных показаний надлежит понимать «не соответствующее действительности». Ложные показания – это показания, излагающие сведения в искаженном виде, в т.ч. неполно.

Особым случаем дачи ложных показаний, встречающимся в практике международных уголовных трибуналов, является вызов т.н. «инсайдеров». «Инсайдеры» именуются так из-за их близости к окружению обвиняемого или участия в преступлении, которые делают их важными, но не всегда правдивыми свидетелями. Ложь «инсайдеров» может быть связана со страхом мести, с опасениями уголовного преследования, а также с желанием добиться оправдания (или наоборот, осуждения) обвиняемого. Одним из приемов доказывания является вызов стороной «инсайдера», с полным осознанием того, что даваемые им

показания будут ложными, с тем чтобы опровергнуть их в ходе допроса. По общему правилу, в силу принципа устности судебного разбирательства в международном уголовном процессе доказательства приобщаются к делу при условии, что они были обсуждены со свидетелем в ходе допроса. Приобщение доказательств посредством письменных ходатайств без такого обсуждения допускается в порядке исключения. Давая ложные показания, «инсайдеры» позволяют вызвавшей их стороне опровергнуть их в ходе допроса с помощью имеющихся у стороны правдивых материалов и тем самым обеспечить приобщение последних к делу. В данном случае участники процесса «предупреждены», что показания, которые им предстоит услышать, не соответствуют действительности. С правовой точки зрения, такие показания, тем не менее, являются уголовно наказуемыми, однако вероятность возбуждения уголовного дела в этом случае, по понятным причинам, невелика.

Приведенный пример является исключением; обычно участники процесса ожидают от свидетеля правдивых показаний.

Итак, преступление дачи ложных показаний под присягой состоит из следующих элементов: 1) лицо приняло присягу говорить правду или было освобождено от присяги, но предупреждено о наступлении уголовной ответственности за дачу ложных показаний; 2) лицо дало показания; 3) показания, данные лицом, не соответствовали действительности; 4) лицо намеревалось дать ложные показания; 5) лицо знало, что данные им показания не соответствуют действительности; 6) лицо знало, что оно находится под присягой или что за дачу ложных показаний ему грозит уголовная ответственность.

Привлечение к ответственности за соучастие в преступлении дачи ложных показаний не обусловлено предварительным либо одновременным привлечением к ответственности самого свидетеля[963]. Однако это не облегчает бремя доказывания обвинения, которому все равно надлежит доказать состав преступления дачи ложных показаний полностью, в т.ч. и наличие у свидетеля необходимых умысла и осведомленности о ложности показаний.

---

[963] *Bemba, et al.* Confirmation Decision, § 28.

Международные уголовные суды и трибуналы характеризует достаточно либеральное отношение к преследованию свидетелей за дачу ложных показаний[964]. К этому есть как практические, так и теоретические предпосылки. Так, некоторые исследователи задаются принципиальным вопросом о пользе уголовного наказания за дачу ложных показаний. По их мнению, само деяние не представляет большой угрозы для отправления правосудия. Так, суд не будет основываться при вынесении решения на откровенно ложных показаниях свидетеля, а значит, эта ложь никак не навредит отправлению правосудия. Если же ложь свидетеля не очевидна сразу, то она может никогда не обнаружиться, и механизм преследования за дачу ложных показаний останется невостребованным. Если ложь обнаружится и будет доказана, то решение, которое на ней основывалось, может быть пересмотрено для устранения неправосудия.

С практической точки зрения М. Бохландер пишет со ссылкой на выборку опыта национальных судов, что предупредительный потенциал, который имеет перспектива уголовного наказания за дачу ложных показаний, является недостаточно существенным[965]. Значит, он не оправдывает человеческих, финансовых, временных и иных ресурсов, необходимых для осуществления уголовного преследования.

Кроме того, в связи с тем, что часто свидетели дают ложные показания вследствие влияния со стороны третьих лиц, для органов преследования представляется более приоритетным собрать доказательства в отношении последних. Для этого свидетелям, давшим ложные показания, предлагается свидетельствовать против лиц, под воздействием которых они совершили преступление, в обмен на отказ органа обвинения соответствующего трибунала от преследования самих свидетелей. Однако такие свидетельские показания обладают небольшой доказательственной силой в связи со слабой степенью доверия, которое могут вызвать у судей слова лица, ранее уличенного во лжи

---

[964] *Zahar A.* The Problem of False Testimony at the International Criminal Tribunal for Rwanda // Annotated Leading Cases of International Criminal Tribunals. – Vol. 25: International Criminal Tribunal for Rwanda, 2006–2007 / edited by A. Klip and G. Sluiter. – Intersentia, 2010. – P. 509–522.
[965] *Bohlander M. Op.cit.* P. 115.

этому же суду. По этой причине они являются недостаточными для вынесения обвинительного приговора.

В большинстве случаев в получении показаний от однажды давших ложные показания свидетелей, таким образом, нет необходимости. Поэтому снимать их в обмен на иммунитет от уголовного преследования представляется уместным только при таких обстоятельствах, когда, например, у обвинения имеются только косвенные доказательства вины лица в подстрекательстве к даче ложных показаний и ни одной прямой улики. В совокупности с рядом косвенных доказательств показания свидетеля приобретут бóльшую доказательственную силу, т.к. уже будут не голословными, и смогут способствовать обвинению подсудимого, которого без них было бы сложнее добиться.

Отказ же от права преследовать в обмен на получение кумулятивных доказательств в ситуации, когда обвинение уже располагает достаточной доказательственной базой для осуждения обвиняемого, представляется ошибочным. Перспектива наступления уголовной ответственности за дачу ложных показаний учитывается потенциальными свидетелями, которых третьи лица пытаются склонить к даче ложных показаний, и может повлиять на их решение поддаться или не поддаться этому влиянию. Предупредительный потенциал наказания за дачу ложных показаний в рамках международного уголовного судопроизводства пока никем не изучался, в основном в связи с отсутствием достаточного эмпирического материала для проведения достоверного исследования (выше указывалось, что сегодня имеется только один приговор в связи с дачей ложных показаний, вынесенный органом международной уголовной юстиции). Поэтому игнорировать его, тем более основываясь на национальном опыте, как это делает М. Бохландер, было бы антинаучным.

Тогда как систематическое возбуждение уголовных дел в отношении всех неправдивых свидетелей представляется неоправданным, попустительство даче ложных показаний в конечном итоге чревато потерей доверия и уважения к системе международного уголовного правосудия и сведению на нет многолетних

усилий государств, направленных на ее формирование. Политика преследования международных уголовных судов за преступления против отправления правосудия в целом и за преступление дачи ложных показаний в частности заключается в нахождении золотой середины между этими двумя крайностями и должна предопределяться в т.ч. соображениями защиты и поддержания авторитета и репутации суда.

II.2.2. Представление заведомо ложных или сфальсифицированных доказательств

Таблица 2. Ответственность за представление заведомо ложных или сфальсифицированных доказательств в практике международных трибуналов

П. «b» ч. 1 ст. 70 Римского статута МУС 1998 г.:	*«Суд обладает юрисдикцией в отношении следующих преступлений против отправления им правосудия, совершенных преднамеренно:* *[…]* *(b) представление заведомо ложных или сфальсифицированных доказательств».*

Составлено автором

Преступление, связанное с представлением заведомо ложных или сфальсифицированных доказательств, получило формальное закрепление в международном уголовном праве в Римском статуте Международного уголовного суда 1998 года (п. «b» ч. 1 ст. 70). Вместе с тем механизм уголовного преследования за такое деяние в рамках международных трибуналов возник значительно раньше. МВТ, МВТДВ и последующие Нюрнбергские трибуналы обладали полномочиями к наказанию за неисполнение их распоряжений по упрощенной процедуре.

Как мы увидели выше, практика применения этих полномочий была довольно ограниченной и насчитывала всего несколько случаев, ни один из которых напрямую не касался предоставления ложных доказательств. Вместе с тем наблюдалась тенденция к широкому толкованию данных полномочий с целью охвата подобных действий. Так, в одном из дел, связанном с попыткой защитника оказать воздействие на эксперта с целью склонить его к подготовке ложного

заключения, трибунал подтвердил свою юрисдикцию на наказание любого вмешательства в отправление правосудия[966].

В документах, регулирующих деятельность международных уголовных трибуналов *ad hoc*, представление заведомо ложных или сфальсифицированных доказательств не выделяется в качестве самостоятельного состава преступления. Однако в практике этих органов неоднократно отмечалось, что список таких деяний, который содержится в их Правилах процедуры и доказывания, не является исчерпывающим[967].

МТБЮ был рассмотрен один случай привлечения к ответственности за представление заведомо ложных доказательств[968]. Трибунал признал защитника Д. Тадича, обвиняемого в причастности к 31 преступному событию в 1992 г. в Боснии и Герцеговине, виновным в неуважении к суду посредством представления ложных протоколов показаний двух свидетелей.

В итальянском проекте 1999 г. предлагалось под данным составом понимать деяние, выражающееся в: 1) злостном искажении истины, способном причинить ущерб, независимо от того, как оно совершается – в письменном виде или любым иным способом; 2) изменении состояния места преступления, будь то путем видоизменения, фальсификации или уничтожения следов или улик, или привнесения, изменения местоположения или уничтожения каких бы то ни было предметов; 3) сокрытии, укрывательстве или уничтожении любым способом трупа потерпевшего от международного преступления; 4) уничтожении, хищении и сокрытии документов, актов или материалов, касающихся расследования или разбирательства, или предназначенных для предъявления Суду или Прокурору,

---

[966] Judgment and Sentence of the Tribunal, 31 July 1947, Concerning the Contempt // XV Trials of War Criminals before the Nuremberg Military Tribunals (TWC). P. 992.

[967] 2000 *Vujin* Contempt Judgment, § 24; *The Prosecutor v. Ivica Marijačić and Markica Rebić*, Judgment, 10 March 2006, IT-95-14-R77.2, § 15 (*Marijačić* Trial Judgment); *Nobilo* Judgement, § 39; *The Prosecutor v. Domagoj Margetić,* Judgment on Allegations of Contempt, 7 February 2007, IT-95-14-R77.6, § 13 (*Margetić* Contempt Judgment); *Independent Counsel v. Brima, et al.,* Decision on Defence Appeal Motion pursuant to Rule 77(J) on Both the Imposition of Interim Measures and an Order pursuant to Rule 77(C)(iii), 23 June 2005, SCSL-04-16-AR77 (*Brima* Appeal Decision), § 26; *Independent Counsel v. Samura*, Judgment in Contempt Proceedings, 26 October 2005, SCSL-2005-01 (*Samura* Contempt Judgment), § 16; *Al Jadeed* Trial Judgment, § 34; *Al Jadeed* Jurisdiction Decision, § 32.

[968] 2000 *Vujin* Contempt Judgment.

или любых предметов или объектов, которые были опечатаны или на которые был наложен судебный секвестр. Предлагалось также установить более строгие меры наказания в случае совершения деяния членом или агентом Суда или переводчиком, экспертом или любым другим лицом, которое в силу своих служебных обязанностей призвано содействовать установлению истины или было назначено Судом или Прокурором для выполнения той или иной функции[969].

Преступление представления заведомо ложных либо сфальсифицированных доказательств представляет собой деяние, которое заключается в действиях, направленных на доведение до суда заведомо не соответствующей действительности информации в поддержку или опровержение фактического утверждения либо правового аргумента.

Объект. Это деяние: 1) посягает на отношения, возникающие в связи с расследованием и уголовным преследованием преступлений международными судебными органами; и 2) представляет угрозу для международного мира и безопасности, т. к. затрудняет либо, при неоднократном совершении в рамках одного процесса, делает невозможным эффективное уголовное преследование международных преступлений, чем устраняет неотвратимость наказания для виновных лиц и подрывает уважение к международному уголовному судопроизводству.

Объективная сторона. Это преступление имеет формальный состав, т.е. считается оконченным в момент представления ложного либо сфальсифицированного доказательства вне зависимости от того, повлияло ли это доказательство на решение суда.

В рамках МУС п. «b» ч. 1 ст. 70 Римского статута получил толкование в одном параграфе Решения Второй палаты предварительного производства (далее – Вторая палата) об утверждении обвинительного заключения по делу «Бемба и другие»[970]. Формально это толкование не создает прецедент для других палат суда, даже в пределах одного производства, и тем более не обязывает другие

[969] ICC: Документ PCNICC/1999/WGRPE/DP.17.
[970] *Bemba, et al.* Confirmation Decision, § 29.

органы международной уголовной юстиции. Вместе с тем, очевидно, что постоянная неопределенность и риск изменения понимания состава преступления способны существенно затормозить деятельность международных судебных органов. Это связано с тем, что стороны обвинения и защиты вынуждены учитывать многочисленные, порой взаимоисключающие, варианты толкования при подготовке дела. Пересмотр уголовной квалификации на стадии судебного разбирательства по сравнению с фазой утверждения обвинения может послужить основанием для оспаривания его обоснованности и привести к аннулированию всего судебного процесса, поставить под сомнение правомерность содержания обвиняемого под стражей. В целях обеспечения правовой определенности и единства судебной практики судьи международных судов стремятся придерживаться ранее сформулированных толкований. Иллюстрацией данной практики служит применение Седьмой палатой первой инстанции выводов Второй палаты предварительного производства при вынесении приговора по делу «Бемба и другие».

В этой связи важно подробно проанализировать недостатки этих выводов относительно элементов преступления представления заведомо ложных или сфальсифицированных доказательств, что и будет сделано ниже.

Первый элемент рассматриваемого преступления заключается в представлении лицом доказательства. Каждый из этих трех терминов требует самостоятельного анализа.

Судебная практика, разъясняющая содержание термина «представление» доказательства, ограничивается одним Решением Второй палаты по делу «Бемба и другие». В нем этот термин определяется как «введение»[971] доказательств в процесс, «предоставление к ним доступа сторонам, другим участникам процесса (например, потерпевшим) и судьям»[972]. В приговоре по этому же делу «представление» определяется как введение доказательства в процесс вне зависимости от того, является ли это доказательство приемлемым, а также от

[971] Англ.: «*Introduction*».
[972] *Bemba, et al.* Confirmation Decision, § 29.

намерения представляющей его стороны ссылаться на него в обоснование своей позиции[973].

Это определение страдает рядом недостатков. Представление доказательств раскрывается в нем через два неравнозначных действия: «предоставление доступа» и «введение в процесс». «Предоставление доступа» участникам разбирательства к доказательствам в международном уголовном процессе происходит посредством их «раскрытия»[974], регулируемого, в частности, в рамках МУС п. «е» ч. 3 ст. 54, ч. 2 ст. 67 Статута, а также правилами 76 и 77 ППД в отношении стороны обвинения и правилом 78 ППД в отношении стороны защиты; правилами 66, 67 и 68 ППД МТБЮ; правилами 66, 67 и 68 ППД МТР, правилами 66, 67, 68, 70 ППД СССЛ, правилами 66, 67, 68, 70 ППД ОССЛ, правилами 71, 72, 73, 74 ППД МОМУТ и т. д.

Процесс «раскрытия» доказательств заключается буквально в открытии к ним физического доступа, в первую очередь, противной стороне, а также иным участникам процесса и судьям. Технически «раскрытие» доказательств состоит в предоставлении в распоряжение противной стороны раскрываемых материалов в электронной, бумажной или любой другой форме.

Концепция «раскрытия» доказательств в международном уголовном праве связывается с правом обвиняемого на достаточное время и возможности для подготовки своей защиты[975], а также с принципом равноправия сторон в процессе. Считается, что ни одна из сторон не должна находиться в более выгодном положении за счет неосведомленности другой стороны об имеющих значение для дела материалах и свидетелях, которыми располагает первая сторона. М. Клэмберг отмечает, что обязанность защиты «раскрывать» доказательства обусловлена соображениями более эффективного и скорого отправления правосудия за счет раннего ознакомления стороны обвинения с теорией защиты и

---

[973] *Bemba, et al.* Trial Judgment, § 40.
[974] Англ.: «*Disclosure*».
[975] *Tochilovsky V.* Defence Access to the Prosecution Material // International Criminal Procedure. Principles and Rules. OUP Oxford, 2013. P. 1084.

соответствующего планирования собственных действий[976]. Пределы «раскрытия» в разных трибуналах регулируются примерно одинаковым ограниченным набором принципов и доктрин, среди которых базовой является т. н. доктрина «результатов работы»[977]. В соответствии с ней «раскрытию» подлежат только первичные материалы – документы, записи свидетельских показаний, фото- и видеоматериалы и др. – и независимые результаты их переработки лицами, не имеющими отношения к процессу, например, аналитические справки, подготовленные международными организациями. Обязанность «раскрытия» не распространяется на материалы, полученные в ходе переработки первичных сведений участником процесса либо по его просьбе[978].

Условия «раскрытия» доказательств зависят от практики, установленной судьями для конкретного дела, и могут варьироваться от дела к делу в рамках одного и того же международного судебного органа. Каждый уголовный процесс сопровождается утверждением соответствующей палатой протокола «раскрытия» доказательств, регулирующего его порядок и сроки. Доказательства могут «раскрываться» как строго *inter partes*[979], в каком случае судьи не ставятся в известность о «раскрытии», так и с уведомлением судей. И тот, и другой варианты имеют под собой определенное рациональное зерно. Уведомление судей дисциплинирует стороны и гарантирует полноту «раскрытия», т. к. в случае возникновения спора судьи имеют возможность безошибочно установить, было ли доказательство «раскрыто» стороной, в каком объеме и когда. С другой стороны, далеко не все «раскрываемые» доказательства впоследствии используются сторонами в процессе. Свободный доступ судей ко всем собранным в ходе расследования участниками процесса материалам создает риск выхода при принятии ими решения за пределы доказательств, обсужденных в ходе разбирательства.

---

[976] *Ibid.* P. 1099.
[977] Англ.: «*Work product*».
[978] См.: 1 Rule 81(1) ICC RPE.
[979] Между сторонами (лат.).

Определение термина «представление», данное Второй палатой, не разъясняет, является ли «раскрытие» доказательства одному из участников процесса, например, защите Прокурором, достаточным для того, чтобы доказательство считалось представленным в смысле п. «b» ч. 1 ст. 70 Статута, или же доступ к доказательству необходимо предоставить всем участникам процесса.

Само по себе «раскрытие» даже ложного доказательства не способно повлиять на правильность подлежащего принятию судебного акта. Для этого «раскрытое доказательство» должно стать объектом ходатайства о приемлемости, которое заявляется стороной и удовлетворяется либо отклоняется судом в зависимости от соответствия либо несоответствия доказательства установленным критериям. Иными словами, акт «раскрытия» не опасен для отправления международного уголовного правосудия и не заслуживает уголовного наказания. Это не означает, что умышленное «раскрытие» ложного или сфальсифицированного доказательства является допустимым. Однако методы уголовного права предназначены для борьбы с наиболее опасным поведением, в то время как акт «раскрытия» ложного доказательства может влечь наступление ответственности иного характера, например, дисциплинарного.

Вторая и Седьмая палаты также определили «представление доказательства» как «введение» его в процесс. К использованию этого понятия в качестве синонима «предоставлению доступа» к доказательству следует относиться осторожно. Предоставление доступа представляет собой их «раскрытие», знаменующее переход доказательств в некое промежуточное состояние между признанием за ними обнаружившей их стороной значимости для поддержания своей позиции по делу и использованием их в рамках процесса. Акт «раскрытия» может рассматриваться в качестве введения, если введение понимать как заявление стороны о том, что некоторое доказательство находится в ее распоряжении или под ее контролем и может быть потенциально использовано ей для поддержания своей позиции. Но введением в процесс такое заявление, как представляется, можно называть весьма условно, т.к. даже нераскрытое доказательство уже способно считаться находящимся в процессе. Оно может

указывать на перспективные направления расследования, на основе его анализа могут выстраиваться теории обвинения или защиты и т. д.

Термин «введение доказательства» чаще всего используется в англоязычной правовой литературе для обозначения приобщения его к материалам судебного дела. Материалы дела могут быть в бумажной, электронной или любой другой форме[980] и включают в себя все судебные акты и протоколы судебных заседаний по делу. Зачитывание на протокол в ходе слушания выдержек из документа или отражение в протоколе содержания проигрываемой аудио- или видеозаписи является приобщением их к материалам дела. Приобщение не означает, однако, что соответствующий документ или запись признаются приемлемыми доказательствами, и не заменяет собой ходатайство о приемлемости. Вместе с тем термин «введение» может использоваться и для обозначения такого ходатайства.

Тем не менее, выбор этого термина для обозначения представления доказательств не совсем удачен с языковой точки зрения, т. к. может создать дополнительные трудности для правоприменителя. Понятие «введение» предполагает однократность действия (будь оно одномоментным или длящимся), так что последующая ссылка на однажды введенные в процесс доказательства не будет подпадать под объективную сторону п. «b» ч. 1 ст. 70 Статута. На практике это означает, что лицо, представившее ложное либо сфальсифицированное доказательство, не зная на момент представления о его подлоге, но впоследствии выяснившее это обстоятельство и тем не менее продолжившее использовать доказательство, в т. ч. ходатайствовать о его приемлемости, не подлежит уголовной ответственности по Статуту, т. к. момент представления, характеризующий объективную сторону, уже прошел. Иными словами, имеет место разрыв во времени между поведением и необходимыми психологическими элементами (осведомленностью о подлоге и намерением представить ложное доказательство). В то же время нельзя не признать, что последующее

---

[980] См., например: International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia Document IT/121/REV.2 «Directive for the Court Management and Support Services Section Judicial Support Services Registry». [Электронный ресурс]. – URL: https://www.icty.org (дата обращения: 26.01.2025).

использование подложных доказательств представляет не меньшую угрозу отправлению международного уголовного правосудия, чем представление ложных доказательств лицом, изначально осведомленным о подлоге. Возможный результат поведения – вынесение решения на основании ложных доказательств – в обоих случаях одинаков. Кроме того, в обоих случаях поведение сопровождается необходимыми психологическими элементами.

В приговоре по делу «Бемба и другие» термин «представление» также определяется как «введение» доказательств в уголовный процесс, «вне зависимости от того, являются ли [представленные] доказательства приемлемыми, а также от намерения представляющей стороны опираться на эти доказательства». Применительно к свидетельским показаниям, согласно приговору, их «представление» предполагает, что свидетель «как минимум предстал перед судом и дает показания»[981]. Последнее замечание имеет тот же недостаток, что и определение понятия «свидетель», данное в приговоре для характеристики субъекта преступления дачи ложных показаний, а именно оно игнорирует возможность представления протоколов предварительно данных свидетельских показаний в отсутствие свидетеля.

Результаты анализа глаголов, используемых с термином «доказательство» в Римском статуте и Правилах процедуры и доказывания МУС, указывают на отсутствие какой-либо системы в их употреблении. Более того, эти результаты дают основание толковать глаголы «предоставлять» и «использовать» как синонимы. Так, например, п. «b» ч. 3 ст. 61 предписывает Прокурору информировать лицо о доказательствах, на которые он намерен *полагаться*[982] во время слушания по вопросу об утверждении обвинительного заключения. В корреспондирующей данной статье ч. 3 правила 121 говорится о доказательствах, которые Прокурор намерен *представить*[983] на слушании. По ч. 4 правила 121 при внесении изменений в обвинительное заключение Прокурор обязан в течение 15 дней направить подозреваемому перечень доказательств, которые он планирует

[981] *Bemba, et al.* Trial Judgment, § 40.
[982] Англ.: «*To rely on*».
[983] Англ.: «*To present*».

«*представить в поддержку*»[984] пунктов обвинения. Эти нормы регулируют одну и ту же обязанность Прокурора, что позволяет говорить о синонимичности употребляемых в них глаголов. ППД МУС в части, посвященной «раскрытию» доказательств, предусматривается право стороны на инспекцию доказательств, которые другая сторона планирует *использовать*[985] в ходе слушаний[986].

Аналогично согласно п. «а» ч. 4 ст. 65 Статута Палата вправе требовать от Прокурора *представления*[987] дополнительных доказательств, включая показания свидетелей. В соответствии с ч. 3 ст. 69 Статута, Палата может требовать от сторон «*передачи на рассмотрение*»[988] любых доказательств, необходимых, по ее мнению, для установления истины. Английский глагол «*to submit*» используется для обозначения ходатайства о приобщении того или иного доказательства к делу. П. «d» ч. 6 ст. 64 Статута закрепляет полномочие Палаты требовать от сторон *предъявления*[989] доказательств в дополнение к тем, что были собраны до начала процесса или *представлены*[990] в ходе него.

Данный сравнительно-языковой анализ позволяет заключить, что термин «представление» охватывает любое деяние, направленное на доведение до сведения суда информации в поддержку или в опровержение фактического либо правового утверждения в рамках международного уголовного разбирательства. Этот вывод соответствует цели установления уголовной наказуемости представления заведомо ложных доказательств, которая состоит в ограждении судей от не соответствующей действительности информации, способной повлиять на их решение, вне зависимости от стадии судебного разбирательства или характера разрешаемого вопроса. Поэтому уголовно наказуемой является ссылка не только на заведомо ложные доказательства виновности или невиновности обвиняемого, но также и на представленные в поддержку любого ходатайства, в т.

---

[984] Англ.: «*To bring in support*».
[985] Англ.: «*To use*».
[986] Rules 77, 78 ICC RPE.
[987] Англ.: «*To present*».
[988] Англ.: «*To submit*».
[989] Англ.: «*Production*».
[990] Англ.: «*To present*».

ч. ходатайства об открытии предварительного расследования, выдаче ордера на арест, о продлении либо изменении меры пресечения, о принудительном обеспечении явки свидетелей и др. Решение по каждому из этих вопросов может иметь существенные последствия для отправления международного уголовного правосудия. Например, решение об отмене подозреваемому или обвиняемому меры пресечения в виде предварительного заключения, основанное на ложной информации, может привести к покиданию этим лицом пределов территории, на которую распространяется юрисдикция суда, и к приостановлению разбирательства в краткой, долгой или бессрочной перспективе.

При заявлении ходатайства сторона может приложить доказательства к нему либо сослаться на их индивидуальный идентификационный номер, если доступ к ним был предоставлен Палате ранее посредством раскрытия. Оба действия могут приравниваться к представлению.

При допросе свидетеля его могут знакомить с различными документами, аудио- или видеозаписями и другими материалами. Демонстрирующая эти материалы сторона затем может ходатайствовать о приобщении их к делу, что будет являться «представлением» в смысле п. «b» ч. 1 ст. 70 Статута. Однако заявление ходатайства всегда оставляется на усмотрение стороны. Случается, что сторона ходатайствует о приобщении к делу материалов, продемонстрированных свидетелю другой стороной. В таком случае преступление можно считать совершенным той стороной, в действиях которой наличествуют необходимые психологические элементы, т. к. обе стороны совершили акт представления.

Если ходатайство о приобщении показанных свидетелю ложных материалов к делу не было заявлено вообще, но их содержание было зачитано или иным образом получило отражение в протоколе судебного заседания, то это содержание может стать частью показаний свидетеля и может считаться «представленным» суду продемонстрировавшей материал стороной в этом качестве.

В этой связи интересен вопрос о соотношении понятий «представление доказательств» и «дача показаний». Доказательством является информация, которой обладает лицо, дающее показания. Оно может изложить эту информацию

в виде текста, графического изображения (например, карта местности), записать в виде аудио- или видеофайла и т. д. В таком случае тот предмет материального мира, на котором эта информация будет зафиксирована, станет ее носителем. Лицо, дающее устные показания в зале суда, само является «живым носителем» доказательственной информации, с которого стороны процесса и судьи эту информацию «считывают». Несмотря на то, что физическое лицо, в отличие от любого другого «носителя» информации, обладает собственной волей и сознанием, в юридическом процессе дачи показаний его роль – пассивная и ограничивается изложением информации, запрашиваемой участниками процесса посредством задавания ему вопросов. Дача показаний – это процесс «считывания» информации, отличающийся от представления доказательств, которое предполагает активную вовлеченность в судебное разбирательство несмотря на то, что формально этот процесс состоит из действия, в результате которого доказательства оказываются на рассмотрении суда. Поэтому, на наш взгляд, лицу, давшему ложные показания, не может быть вменено представление заведомо ложных доказательств по п. «b» ч. 1 ст. 70 Статута. Кроме того, если признать обратное, то пришлось бы констатировать, что одно и то же деяние признается преступным одновременно двумя нормами Статута: п. «a» ч. 1 ст. 70, посвященному даче ложных показаний, и п. «b» ч. 1 ст. 70.

Лицо вызывается для дачи показаний одной из сторон, которая осуществляет т. н. прямой допрос[991]. По окончании прямого допроса противная сторона приступает к перекрестному допросу[992]. Основным отличием между ними является допустимость при перекрестном допросе наводящих вопросов, категорически запрещенных при допросе прямом. Как разъяснялось выше, лицо, дающее показания, в международном уголовном процессе – это «носитель», который вызывающая лицо сторона предоставляет в распоряжение суда, потому что этот «носитель» обладает информацией, имеющей значение для разрешения дела. Каждая из сторон стремится «считать» с этого носителя ту информацию,

[991] Англ.: «*Direct Examination*».
[992] Англ.: «*Cross-examination*».

которую желает представить на рассмотрение суда. Однако ответственность за достоверность всей информации, которой обладает этот «носитель», несет в первую очередь именно вызывающая сторона, вне зависимости от того, представитель какой из сторон задал вопрос, спровоцировавший ложный ответ. Если в ходе перекрестного допроса представителями противной стороны «считывается» ложная информация, о чем осведомлена сторона, вызвавшая лицо, бездействие вызвавшей стороны может приравниваться к представлению ложных доказательств.

Не менее интересен вопрос о соотношении понятий «представление доказательств» и «дача экспертного заключения». Тексты документов, регулирующих деятельность международных уголовных судов, проводят различие между свидетелем и экспертом[993], однако не определяют ни один из терминов. Из практики трибуналов *ad hoc* можно заключить, что лицо, вызываемое в качестве свидетеля, может давать показания только об известных лично ему фактических обстоятельствах данного уголовного дела, а также излагать мнения, основанные на его личном опыте, даже если этот свидетель имеет необходимую квалификацию для дачи экспертного заключения[994]. В практике МТБЮ, воспринятой другими международными уголовными судами, эксперт определяется как «лицо, обладающее специальными знаниями, опытом или квалификацией, которые необходимы для возможного оказания Суду

---

[993] См., например: ч. 4 ст. 48 Римского статута 1998 г.: «Защитнику, экспертам, свидетелям и любому другому лицу, присутствие которых требуется в месте пребывания Суда, обеспечивается такой статус, какой является необходимым для надлежащего функционирования Суда, в соответствии с соглашением о привилегиях и иммунитетах Суда»; п. «e» ч. 1 ст. 93 Римского статута: «Государства-участники […] выполняют просьбы Суда об оказании помощи в связи с осуществлением расследований или уголовного преследования путем: […] содействия добровольной явке лиц в качестве свидетелей или экспертов в Суд»; ч. 2 ст. 93 Римского статута: «Суд уполномочен предоставить свидетелю или эксперту, явившемуся в Суд, гарантию того, что этот свидетель или эксперт не будет подвергнут преследованию…»; пп. «ii» п. «b» ч. 10 ст. 93 Римского статута: «Если заявления, документы или другие виды доказательств представлены свидетелем или экспертом, такая передача регулируется положениями статьи 68»; п. «a» ч. 1 ст. 100 Римского статута: «Обычные расходы, связанные с исполнением просьб на территории запрашиваемого государства, покрываются этим государством, за исключением нижеследующих расходов, которые покрываются Судом: расходы, связанные с поездками и обеспечением безопасности свидетелей и экспертов…».

[994] *The Prosecutor v. Ndindiliyimana, et al.,* Decision on the Prosecutor's Motion Opposing the Testimony of Witness DE4-30 as a Factual Witness, 16 May 2007, ICTR-00-56-T, §§ 8 и 9.

содействия в понимании или принятии решения по спорному вопросу»[995]. Оба определения основаны на общепризнанном различием между свидетелем и экспертом в уголовном процессе[996], в связи с чем они могут быть приняты в качестве универсальных.

В практике МУС различие между свидетелем и экспертом также проводится по способу получения информации, представляющей собой содержание показаний, а также по ее характеру. В деле «Бемба и другие» свидетель определяется как «лицо, представшее перед Судом лично либо с помощью аудио- или видеосвязи и представляющее лично полученные сведения относительно фактических обстоятельств». Согласно этому же решению, экспертом является «лицо, представляющее специальные познания по вопросу какого-либо факта или права, посредством изложения своего мнения, которое не обязательно должно основываться на непосредственном наблюдении или личном опыте»[997]. Иными словами, свидетельские показания, в отличие от показаний эксперта, не могут касаться правовых вопросов, а также быть результатом опосредованного познания.

Обращает на себя внимание узкость определения понятия «свидетель», предложенного судьями в рамках дела «Бемба и другие». Как указывалось выше, Римский статут и ППД МУС при соблюдении определенных условий допускают представление в качестве доказательств записей показаний свидетелей, полученных в ходе предварительного расследования[998]. Свидетели в этом случае

---

[995] *The Prosecutor v. Radoslav Brđanin,* Decision on Prosecution's Submission of Statement of Expert Witness Ewan Brown, 3 June 2003, IT-99-36-T, p. 4; *The Prosecutor v. Milan Martić,* Decision on Prosecution's Motions for Admission of Transcripts Pursuant to Rule 92bis (D) and of Experts Reports Pursuant to Rule 94bis, 13 January 2006, IT-95-11-T, § 37; *The Prosecutor v. Pavle Strugar,* Decision on the Defence Motion to Oppose Admission of Prosecution Expert Reports Pursuant to Rule 94bis, 1 April 2004, IT-01-42-PT, p. 4; *The Prosecutor v. Blagojević and Jokić,* Decision on Prosecution's Motions for Admission of Expert Statements, 7 November 2003, IT-02-60-T, § 19; *The Prosecutor v. Milan Galić*, Decision Concerning an Expert Witness Ewa Tabeau and Richard Phillips, 3 July 2002, IT-98-29-T, p. 2; *The Prosecutor v. Popović, et al.*, Decision on Defence Rule 94bis Notice Regarding Prosecution Expert Witness Richard Butler, 19 September 2007, IT-05-88-T, § 23.

[996] *Baker T.E.* The Impropriety of Expert Witness Testimony on the Law // Florida International University College of Law. 1992. Vol. 40. – URL: http://ecollections.law.fiu.edu/ (дата обращения: 26.01.2025).

[997] *Bemba, et al.* Trial Judgment, § 20.

[998] Rule 68 ICC RPE.

физически перед Судом не «предстают», но могут нести уголовную ответственность за дачу ложных показаний. Определение же «свидетеля», данное в деле «Бемба и другие», не учитывает такую возможность, т.к. ограничивает круг свидетелей лицами, «представшими перед Судом».

Что касается определения понятия «эксперт», то неоднозначным представляется столь общее допущение экспертизы по вопросам права. Определение содержания применимой правовой нормы из числа норм, регулирующих деятельность суда, является одной из основных судебных функций. Предполагается, что судьи знают право того учреждения, в котором отправляют правосудие. Однако обращение к экспертам в любой другой отрасли права является допустимым, например, если для разрешения уголовного дела в международном суде необходимы знания в области морского, воздушного, дипломатического права либо внутреннего права какого-либо государства.

Свое мнение по спорному вопросу эксперты обычно излагают в заключении, на основании которого участники процесса допрашивают их в ходе устного заседания. Составление заведомо ложного заключения – заключения, содержащего выводы, о которых эксперт знает или имеет основания полагать, что они не соответствуют действительности, основываясь на своих специальных знаниях и опыте – может представлять большую опасность для отправления правосудия, и виновное лицо должно нести уголовную ответственность.

Существует два способа приобщения экспертного заключения к материалам дела. Экспертное заключение может быть приобщено, как и любое другое письменное доказательство, в силу удовлетворения ходатайства о признании его приемлемым. Ходатайство о приемлемости экспертного заключения, т. е. о приобщении его к материалам дела, обычно заявляется стороной, вызвавшей эксперта. Эксперты могут также назначаться судом. Например, в делах «Прокурор против Лубанги» и «Прокурор против Катанги и Нгуджоло» Палаты первой инстанции МУС самостоятельно назначили экспертов, например, в

области практики называния детей в Демократической Республике Конго[999], по вопросам, касающимся психологических последствий рекрутирования детей-солдат[1000], контекста и предпосылок к рассматриваемым событиям[1001] и для установления степени владения обвиняемым французским языком[1002]. Заключение эксперта, вызванного судом, может быть признано приемлемым по собственному решению суда.

В таком случае ответственность эксперта за составление заведомо ложного заключения может возникать из п. «c» ч. 1 ст. 70, предусматривающего преступность и наказуемость фальсификации доказательств. Эксперт может быть также привлечен к ответственности в качестве соучастника преступления представления заведомо сфальсифицированных доказательств, если сторона, ходатайствующая о приемлемости такого заключения, знала о подлоге.

К экспертному заключению также может быть применена фикция о том, что оно является составной частью устных показаний свидетеля. Такого подхода придерживалась Первая палата первой инстанции в деле «Лубанги»[1003]. Логическим следствием этого подхода должно быть отождествление дачи заведомо ложного заключения с дачей ложных показаний. Однако этот подход представляется некорректным по следующей причине.

Как отмечалось выше, в международном уголовном праве одним из элементов дачи ложных показаний является принятие лицом присяги говорить правду. Присяга знаменует момент, с которого любая ложь, сказанная свидетелем, влечет наступление уголовной ответственности, а также выполняет функцию предупреждения лица о преступном характере дачи ложных показаний. Из

---

[999] *The Prosecutor v. Thomas Lubanga Dyilo,* Instructions to the Court's expert on names and other social conventions in the Democratic Republic of Congo, 5 June 2009, ICC-01/04-01/06-1934.

[1000] *The Prosecutor v. Thomas Lubanga Dyilo,* Instructions to the Court's expert on child soldiers and trauma, 6 February 2009(ICC-01/04-01/06-1671.

[1001] *The Prosecutor v. Thomas Lubanga Dyilo,* Instructions to the Court's expert on background and context, 17 December 2008(ICC-01/04-01/06-1558.

[1002] *The Prosecutor v. Germain Katanga and Mathieu Ngudjolo,* Order instructing experts pursuant to regulation 44 of the Regulations of the Court, 14 July 2009, ICC-01/04-01/07-1300.

[1003] *The Prosecutor v. Thomas Lubanga Dyilo,* Trial Transcript, 17 June 2009, ICC-01/04-01/06-T-193-ENG, p. 16, ln. 9; *The Prosecutor v. Thomas Lubanga Dyilo,* Trial Transcript, 7 January 2010, ICC-01/04-01/06-T-223-ENG, p. 2, lns. 9–11.

справедливости по отношению к свидетелю такая присяга обычно принимается непосредственно перед дачей показаний в ходе судебного заседания. В рамках же подхода «Лубанги» получается, что принятие присяги имеет место после того, как часть устных показаний свидетеля – экспертное заключение – была уже дана. Отсюда, допускается наступление уголовной ответственности за ложные показания, на которые не распространяется присяга, либо на которые она распространяется ретроактивно.

В международной судебной практике не было случаев ретроактивного приведения к присяге свидетелей. В национальном праве такие примеры есть. Так, в деле «Содружество против Вея» суд штата Массачусетс с согласия сторон разрешил привести к присяге трех уже давших показания свидетелей, после чего им было предложено подтвердить, что в своих показаниях они сказали «правду, всю правду и ничего, кроме правды»[1004]. Однако и в этом случае свидетелям была предоставлена возможность отказаться от показаний, если они считали их ложными, и тем самым не совершать преступления.

В схожем контексте проблема допустимости ретроактивного действия предупреждения свидетеля о наступлении уголовной ответственности за дачу ложных показаний ставилась судьей Ч. Эбое-Осуджи в деле «Бемба и другие». Речь шла о приемлемости письменных протоколов показаний некоторых свидетелей обвинения вместо их устных показаний. В соответствии с ч. 2 правила 68 ППД такие протоколы могут быть приемлемыми при условии подтверждения свидетелем их правдивости в письменном виде и после того, как свидетель был предупрежден об ответственности за дачу ложных показаний. По мнению судьи Ч. Эбое-Осуджи, «критически важно предупреждать свидетелей заранее, до того, как они начнут давать показания на протокол, что дача ложных показаний влечет наступление уголовной ответственности», вместо того, чтобы «брать у них

[1004] *Mulvey C.* Ooops, Forgot Something / Crowe Mulvey Blog: сайт. [Электронныйресурс]. – URL: https://www.croweandharris.com/blog/2018/january/ooops-forgot-something/ (дата обращения: 22.05.2025).

показания, а затем по прошествии недель или месяцев предъявлять им протоколы этих же самых показаний, с тем чтобы те подтвердили их правдивость» [1005].

Условия, содержащиеся в правиле 68, не позволяют действовать таким образом. Во-первых, в нем предусматривается, что заявление свидетеля о правдивости показаний должно быть сделано «разумно незадолго до принесения ходатайства об их приемлемости»[1006]. Учитывая, что в международном уголовном процессе сроки между снятием письменных показаний свидетеля и началом судебного разбирательства могут исчисляться в годах, сделанное одновременно с дачей показаний заявление к моменту принесения ходатайства может «устареть».

Во-вторых, заявление о правдивости показаний должно быть засвидетельствовано специально уполномоченным Палатой лицом либо лицом, имеющим на это право, в соответствии с правом данного государства[1007]. В частности, это лицо должно в письменном виде удостоверить факт предупреждения свидетеля об ответственности за дачу ложных показаний. Однако на момент снятия показаний представители Канцелярии Прокурора или защиты не могут точно знать, будут ли они ходатайствовать об их приемлемости на основании правила 68, а систематически включать в состав следственной группы уполномоченного лица от Суда или государства лишено смысла, т. к. это сопряжено с неоправданными финансовыми затратами, а также с подверганием следственных действий, и прежде всего их конфиденциальности, неоправданному риску.

В контексте правила 68 опасения судьи Ч. Эбое-Осуджи необоснованы: у потенциального свидетеля всегда есть возможность отказаться от своих предыдущих показаний и не удостоверять их правдивость. Возможность отказаться от своего заключения в ходе судебного заседания есть и у эксперта, даже если заключение автоматически становится частью его показаний. Однако правовые последствия этих отказов для свидетеля и эксперта неодинаковы: если

[1005] *The Prosecutor v. Jean-Pierre Bemba, et al.*, Decision on the Prosecution's Request to Designate a Person Authorised to Witness a Declaration Under Rule 68(2)(b) of the Rules of Procedure and Evidence, 29 July 2015, ICC-01/05-01/13-1109, p. 5, fn. 7.
[1006] Rule 68(2)(ii) ICC RPE.
[1007] Rule 68(2)(iii) ICC RPE.

для свидетеля он равнозначен отказу от совершения преступления (которое считается совершенным в момент подписания заявления о правдивости заведомо ложных показаний), то для эксперта это – чистосердечное признание в уже совершенном преступлении (которое было совершено в момент составления заведомо ложного заключения, несмотря на то, что присяга излагать правду была дана впоследствии). Сама идея судьи Ч. Эбое-Осуджи о недопустимости ретроактивного действия предупреждения об ответственности за дачу ложных показаний справедлива.

В деле «Прокурор против Лубанги» экспертам предлагалось после дачи присяги подтвердить, что содержание их заключения полностью соответствует их внутреннему и независимому убеждению, иными словами, что оно настолько правдиво, насколько может быть субъективное заключение[1008]. В случае подлога заключения этот ответ носил бы ложный характер и мог бы повлечь наступление ответственности за дачу ложных показаний, но не за составление заведомо ложного заключения.

Очевидно, что т. к., по общему правилу, эксперты дают устные показания по поводу своего заключения, составление ложного заключения неизбежно должно привести к даче ложных показаний. Однако ложное заключение – не то же самое, что дача показаний по нему.

В некоторых международных судах действует практика приведения экспертов к присяге прежде, чем они приступят к выполнению своих обязанностей в целом, включая составление экспертного заключения. Так, в деле о проливе Корфу назначенной МС ООН группе экспертов перед составлением экспертного заключения надлежало дать некоторое подобие присяги следующего содержания: «Я торжественно клянусь своей честью и совестью, что буду исполнять свои обязанности честно и воздерживаться от разглашения или использования за пределами Суда любых секретных сведений военного или технического характера, которые могут стать мне известными в ходе моей

[1008] *The Prosecutor v. Thomas Lubanga Dyilo*, Trial Transcript, 17 June 2009, ICC-01/04-01/06-T-193-ENG, p. 15, ln. 23 – p. 16, ln. 4; *The Prosecutor v. Thomas Lubanga Dyilo,* Trial Transcript, 7 April 2009, ICC-01/04-01/06-T-166-ENG, p. 6, lns. 17–20.

деятельности в качестве эксперта»[1009]. Ст. 82 Внутренних правил Международного трибунала по морскому праву допускает, по мере необходимости, приведение к присяге экспертов до того, как они приступят к исполнению своих обязанностей. Автору неизвестно, чтобы аналогичные случаи имели место в праве или практике международных уголовных трибуналов.

Фикция об экспертном заключении как части устных показаний эксперта в международном уголовном праве не распространена. В большинстве случаев такое заключение приобщается к материалам дела в качестве самостоятельного доказательства, представляемого стороной, а не экспертом. Соответствующее ходатайство может быть заявлено после аутентификации (подтверждения его достоверности) заключения экспертом в ходе судебного заседания либо в письменной форме. Эксперту в таком случае может быть предъявлено обвинение в фальсификации доказательств и в соучастии в представлении сфальсифицированных доказательств.

Несмотря на то, что споры в любом международном суде разрешаются доказательственным путем, в международном праве вообще и в международном уголовном праве в частности понятие «доказательство» формально не определено. Анализ документов, регулирующих деятельность международных судов, а также судебной практики позволяет заключить, что под доказательствами понимаются средства установления истины в международном споре, к которым относятся, в частности, документы, аудио- и видеозаписи, письменные и устные показания свидетелей, заключения экспертов, результаты самостоятельного осмотра судом спорной части территории, объекта или места происшествия и т.д.

Так, согласно ст. 34 Статута Международного суда ООН, Суд может запрашивать у публичных международных организаций информацию, относящуюся к делам, находящимся на его рассмотрении, а также получает подобную информацию, представляемую указанными организациями по их

[1009] *Corfu Channel (United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland v. Albania).* Order dated December 17, 1948 // International Court of Justice Reports. 1948 (*Corfu Channel* Order). P.126.

собственной инициативе. Суд может, даже до начала слушания дела, требовать от представителей сторон предъявления любого документа или объяснений[1010].

Для разрешения территориального спора между Камбоджей и Таиландом относительно суверенитета над храмовым комплексом Преах Вихеар правительство Камбоджи представило в качестве доказательства материалы видеосъемки комплекса[1011]. Цифровые доказательства часто и давно используются в международных уголовных процессах[1012]. С развитием технического прогресса их виды приобрели разнообразие – помимо фото- и видеосъемок и аудиозаписей, появились электронные письма, сообщения в социальных сетях, материалы спутниковой съемки, записи телефонных разговоров и др.

При этом, согласно ч. 1 ст. 62 Регламента Суда, объяснения сторон не являются доказательствами. Аналогично, например, в международном уголовном процессе не относятся к доказательствам обвинительные заключения и любые ходатайства, ответы на ходатайства сторон.

Суд может во всякое время поручить производство расследования или экспертизы любому лицу, коллегии, бюро, комиссии или другой организации по своему выбору. Таким же полномочием обладала уже ППМП[1013]. В рамках этого полномочия суд может направить делегацию для осмотра спорных части территории или объекта. За всю историю своей деятельности ППМП воспользовалась этими полномочиями только единожды в споре «Отвод воды из реки Маас» между Нидерландами и Бельгией[1014]. Делегация может состоять из одного или нескольких уполномоченных судом экспертов, как в деле о проливе

[1010] Статья 49 Статута Международного суда Организации Объединенных Наций.

[1011] *Temple of Preah Vihear (Cambodia v. Thailand).* Judgment dated May 26, 1961 // International Court of Justice Reports. – 1961 (*Preah Vihear* Judgment). P.7.

[1012] *Lennon H.A.* Witness to Atrocity: Film as Evidence in International War Crimes Tribunals // Holocaust and the Moving Image: Representations in Film and Television Since 1933. Wallflower Press, 2005. P. 65.

[1013] Статья 50 Статута Международного суда ООН. С. 35.

[1014] *Diversion of Water from the Meuse (The Netherlands v. Belgium).* Judgment of 28 June 1937 // Permanent Court of International Justice Reports. – 1937, Series AB. – P. 9. См. также: *Tomka P., Wordsworth S.* The First Site Visit of the International Court of Justice in Fulfillment of its Judicial Function // The American Journal of International Law. 1998. Vol. 91(1). P. 134.

Корфу (Великобритания против Албании)[1015], или из судей, как в деле о проекте Габчиково-Надьмарош (Венгрия против Словакии)[1016].

Стороны могут вызвать свидетелей для обоснования своей позиции[1017]. В рамках упомянутого выше спора по поводу храмового комплекса МС ООН были заслушаны свидетели и эксперты обеих сторон, например, бывший губернатор граничащей с комплексом камбоджийской провинции от Камбоджи и специалист по геоморфологии (наука о рельефе земной коры) от Таиланда[1018].

В рамках спора между Хорватией и Сербией о применении Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказания за него 1948 г. обеими сторонами были представлены письменные показания свидетелей. Некоторые из них не вызывались впоследствии для дачи устных показаний благодаря тому, что противная сторона отказалась от своего права проведения перекрестного допроса. Письменные показания экспертов представлялись сторонами в деле о строительстве дороги в Коста-Рике вдоль реки Сан-Хуан. В отличие от предыдущего спора все эксперты были допрошены сторонами и Судом в ходе устного заседания[1019].

Доказательственная сила каждого представленного материала оценивается исходя из совокупности различных обстоятельств. Так, в споре о границе между Буркина-Фасо и Мали Суд отметил, что «в спорах о делимитации границ и других территориальных спорах карты местности носят только характер информации, точность которой варьируется от спора к спору». В этом же деле Суд признал решающее значение одной конкретной карты, сославшись на непредвзятость ее составителя, факт отсутствия других доказательств или их недостаточность[1020].

[1015] *Corfu Channel* Order.

[1016] *Gabčíkovo-Nagymaros Project (Hungary v. Slovakia).* Judgment dated September 25, 1997 // International Court of Justice Reports. 1997. Pp. 13–14. См. также ст. 66, Регламента Международного суда Организации Объединенных Наций.

[1017] Статья 63 Регламента и ст. 51 Статута Международного суда ООН.

[1018] *Preah Vihear* Judgment, p. 9.

[1019] *Construction of a Road in Costa Rica along the San Juan River (Nicaragua v. Costa Rica).* Judgment dated December 16, 2015 // International Court of Justice Reports. 2015. § 45.

[1020] *Frontier Dispute (Burkina Faso v. Republic of Mali).* Judgment dated December 22, 1986 // International Court of Justice Reports. 1986. § 54, § 62.

Полномочия, аналогичные полномочиям МС ООН в отношении доказательств, принадлежат Международному трибуналу по морскому праву[1021]. Обзор его практики показывает, что для установления истины трибунал может опираться на свидетельские показания (в деле о танкере «Сайга» на стороне Сент-Винсент и Гренадин выступили два свидетеля)[1022], документы, видео- и фотографические изображения (в деле «Камуко» Панама представила четыре навигационные карты, видеозапись, демонстрирующую методику ярусного донного промысла в южных водах, фотографии задержанного французскими властями судна)[1023], предметы материального мира (в деле «Монте Конфурко» Сейшелы представили фонарь, радиопередатчик и зарядное устройство в качестве частей буев, используемых для ярусного рыболовства)[1024] и др.

В Большом юридическом словаре доказательства определяются как «любые фактические данные об обстоятельствах, имеющих значение для правильного разбирательства […]. Содержатся в показаниях, доказательствах вещественных, заключениях экспертов, протоколах и др.»[1025]. Один из наиболее авторитетных англоязычных юридических словарей определяет доказательства как «информацию (включая свидетельские показания, документы и предметы материального мира), представляемую в суде, с тем чтобы доказать либо опровергнуть существование утверждаемого фактического обстоятельства»[1026]. Авторами Модельного уголовного кодекса, подготовленного Американским институтом мира в качестве рекомендации для принятия повсеместно, отмечается, что доказательства означают любые средства, с помощью которых

[1021] 36. International Tribunal for the Law of the Sea Document ITLOS/8 «Rules of the Tribunal». – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.itlos.org/ (дата обращения: 26.01.2025).

[1022] *The M/V "Saiga" Case (Saint Vincent and the Grenadines v. Guinea).* Prompt Release, Judgment of 4 December 1997 // International Tribunal for the Law of the Sea Reports. 1997. § 17.

[1023] *The "Camouco" Case (Panama v. France).* Prompt Release, Judgment dated February 7, 2000 // International Tribunal for the Law of the Sea Reports. 2000. § 17.

[1024] *The "Monte Confurco" Case (Seychelles v. France).* Prompt Release, Judgment dated December 18, 2000 // International Tribunal for the Law of the Sea Reports. 2000. § 20.

[1025] Доказательства // Большой юридический словарь / ред. кол. под ред. А.Ю. Борисова. Москва: Вече, 2010.

[1026] Black's Law Dictionary / B.A. Garner (ed.). 8th ed. 2004. P. 595.

утверждаемые фактические обстоятельства, чья действительность исследуется в ходе разбирательства, подтверждаются либо опровергаются[1027].

Вторая палата в Решении по делу «Бемба и другие» отметила, что термин «доказательства» в контексте п. «b» ч. 1 ст. 70 Римского статута охватывает все виды доказательств, а именно документы, предметы материального мира, а также устные показания[1028]. Т. е. под доказательствами можно понимать как сами предметы материального мира, документы и показания свидетелей, являющихся «носителями» информации[1029], так и заключенную в них информацию, имеющую значение для международного уголовного разбирательства.

Однако Апелляционная палата МУС сочла, что понятие «доказательство» в п. «b» ч. 1 ст. 70 Статута ограничивается только объектами материального мира и не включает свидетельские показания[1030]. Признав, что такое толкование не усматривается непосредственно из текста соответствующего положения, судьи обосновали свое мнение тем, что представить заведомо ложные свидетельские показания невозможно, т. к. ни одна из сторон не может заранее знать содержание свидетельских показаний. Даже при наличии предварительной договоренности между вызывающей стороной и свидетелем о даче последним ложных показаний вызывающая сторона не может быть полностью уверена в том, что свидетель поведет себя так, как было оговорено.

Из рассуждений Палаты следует ряд заключений, с которыми невозможно согласиться. Во-первых, момент представления доказательств в виде свидетельских показаний наступает, по мнению Палаты, до физического произнесения свидетелем каких-либо слов. Сложно предположить, что могло явиться основанием для такого утверждения, ввиду отсутствия на протяжении

[1027] *Rausch C., O'Connor V. (eds).* Model Codes for Post-conflict Criminal Justice. Volume I: Model Criminal Code. Washington, D.C.: USIP Press, 2007. P. 31.

[1028] *Bemba, et al.* Confirmation Decision, § 29; *Bemba, et al.* Trial Judgment, § 38.

[1029] *Simpson J., Weiner E. (eds).* The Oxford English Dictionary. 2nd ed. Vol. V. Oxford: Clarendon Press, 1989. P. 469.

[1030] *The Prosecutor v. Jean-Pierre Bemba, et al.,* Public Redacted Judgment on the appeals of Mr Jean-Pierre Bemba Gombo, Mr Aimé Kilolo Musamba, Mr Jean-Jacques Mangenda Kabongo, Mr Fidèle Babala Wandu and Mr Narcisse Arido against the decision of Trial Chamber VII entitled "Judgment pursuant to Article 74 of the Statute", 8 March 2018, ICC-01/05-01/13 A A2 A3 A4 A5, § 707-710.

всего временного отрезка вплоть до того, как свидетель начинает говорить, собственно доказательств, ложность или правдивость которых подлежит установлению в рамках уголовного процесса по обвинению в представлении заведомо ложных доказательств.

Второе заключение, следующее из первого, – представление устного доказательства характеризуется одномоментностью. Так же, как и предыдущее, оно не имеет под собой никакой правовой основы. Представление свидетельских показаний – это процесс, который начинается с момента приведения свидетеля к присяге и завершается окончанием допроса этого свидетеля всеми участниками процесса, когда суд официально в ходе судебного заседания информирует свидетеля о том, что дача им показаний закончена. С этого же момента преступление представления заведомо ложных доказательств должно считаться совершенным. В течение всего периода дачи свидетелем показаний у участников – потенциальных субъектов преступления – есть возможность опровергнуть показания, о ложности которых им известно.

Говоря о **субъекте** рассматриваемого преступления, следует отметить, что толкование нормы Римского статута в этой части сопряжено с согласованием расходящихся равноаутентичных текстов, которых шесть: арабский, китайский, английский, французский, русский и испанский[1031]. Согласно английскому и арабскому текстам, преступным является представление заведомо ложных доказательств «стороной» (англ. «presenting evidence that the **party** knows is false or forged»; араб. «**تقديم أدلة يعرف الطرف أنها زائفة أو مزورة**؛»[1032]), тогда как остальные четыре текста подобных ограничений относительно субъекта преступления не содержат (кит. «提出自己明知是不实的或伪造的证据»; фр. «*production d'éléments de preuve faux ou falsifiés en connaissance de cause*»; рус. «представление заведомо ложных или сфальсифицированных доказательств»; исп. «*presentar pruebas a*

[1031] Статья 128 Римского статута МУС 1998 г.
[1032] В арабском тексте понятие «сторона» выделено подчеркиванием.

sabiendas de que son falsas o han sido falsificadas»)[1033]. В таких случаях Венская конвенция от 23 мая 1969 г. о праве международных договоров предоставляет широкую свободу толкователю, который вправе отклониться от принципа одинаковой юридической силы равноаутентичных текстов международного договора. Часть 4 ст. 33 Конвенции предусматривает, что если сравнение аутентичных текстов обнаруживает расхождение значений, принимается то из них, которое с учетом объекта и целей договора лучше всего согласовывает эти тексты. Свобода, предоставленная субъекту толкования, несмотря на свою широту, тем не менее не абсолютна: его выбор ограничен значениями, которые вытекают хотя бы из одного из текстов договора[1034].

Несмотря на свою радикальность, игнорирование какого-нибудь понятия в одном из языковых вариантов договора согласуется с ч. 4 ст. 33 Конвенции как последняя и единственная возможность избежать тупиковой ситуации.

Условия применения ч. 4 ст. 33 Конвенции следующие. В первую очередь необходимо установить факт расхождения значений посредством сравнительного толкования текстов Статута в соответствии с правилами ст. 31 и 32 Венской конвенции 1969 г. Одного отсутствия в некоторых текстах понятия, которое присутствует в других, недостаточно, чтобы сделать заключение о расхождении значений, т. к. смысловая нагрузка, которую это понятие несет в одном языке, может быть включена в либо распределена между группой понятий в другом языке. Иными словами, в нашем случае необходимо посредством анализа понятий, используемых во всех текстах Статута, установить, не подразумевается ли в них ограничение круга субъектов преступления представления заведомо ложных доказательств «стороной».

В международном уголовном праве термин «сторона» обычно применяется для обозначения обвинения и защиты. В Римском статуте отражено это же понимание данного термина: в английском тексте ст. 82, регулирующей порядок

[1033] См.: *Bemba, et al.* Trial Judgment, § 33; *The Prosecutor v. Jean-Pierre Bemba, et al.*, Consolidated Prosecution Response to the Defence Submissions on the Legal Elements of the Charged Offences and Modes of Liability, 22 June 2015, ICC-01/05-01/13-1024, § 14, fn. 36.

[1034] *Dörr, O.* Article 33 // Vienna Convention on the Law of Treaties. A Commentary. Springer, 2021. P. 600 - 601.

обжалования решений применительно к кругу субъектов, уполномоченных на совершение этого процессуального действия, используется слово «*either*», которое характеризует альтернативность возможных вариантов. Аналогично ч. 1 правила 134 предписывает каждой стороне направлять *другой* стороне копию каждого своего ходатайства. Из текста правила логически следует, что сторон всего две.

В праве международных договоров допускается при толковании договоров исходить из презумпции того, что язык или языки, на которых велись переговоры или был составлен договор, более корректно отражают намерение сторон, чем другие аутентичные языки, несмотря на их формальную одинаковую юридическую силу[1035]. Рабочим языком на переговорах по заключению Римского статута был английский. С одной стороны, тот факт, что грамматически в тексте ч. «b» п. 1 ст. 70 на английском языке термин «сторона» мог быть опущен, но не был, может восприниматься как указание на намерение сторон ограничить круг субъектов преступления представления заведомо ложных доказательств сторонами. С другой стороны, этот указатель представляется неубедительным в свете замечания участника переговоров проф. Ш. Бассиони об отсутствии на дипломатической конференции в Риме технического оборудования и персонала, чтобы обеспечить полноценное участие в переговорах неанглоязычных делегаций[1036]. При таких обстоятельствах невозможно говорить о том, что именно

[1035] *Sinclair I.* The Vienna Convention on the Law of Treaties. – Manchester University Press, 1984. – P. 147–152; *Aust A.* Handbook of International Law. – Cambridge University Press, 2005. – P. 97. См. также: Dissenting Opinion of Messrs. Robinson, Bathurst and Monguilan on the Young Loan Arbitration Award // Reports of International Arbitral Awards. Vol. XIX. United Nations, 1980. P. 533, § 40: «Специалисты, занятые трудным делом, состоящим в перекладывании на один язык точного смысла того, что заложено в другом языке, несомненно могут чувствовать удовлетворение от того, что в некоторых случаях результат их труда, именуемый “аутентичным”, находит признание в судебных решениях. Однако нельзя ответственно утверждать, что по одной той причине, что один язык равноаутентичен другому языку, следует игнорировать доводы, демонстрирующие неточность в передаче им смысла другого языка, в особенности если на этом другом языке велись переговоры. Отношения суверенных государств не могут и не должны зависеть от случайного выбора слов, сделанного безымянным переводчиком».

[1036] *Bassiouni Ch.* Negotiating the Treaty of Rome on the Establishment of an International Criminal Court // Cornell International Law Journal. 1999. Vol. 32. P. 449–450.

английский текст Статута выражает общее намерение всех договорившихся государств.

Против ограничения круга субъектов преступления сторонами обвинения и защиты можно привести три основных аргумента. Во-первых, толкование термина «сторона» необходимо осуществлять в контексте всего положения целиком, в т. ч. с учетом значения выражения «представление доказательств». Как было показано выше, оно включает в себя деяния, которые могут быть совершены любым лицом, а не только стороной.

В решении об утверждении обвинительного заключения по делу «Бемба и другие» «сторона» определяется как лицо или лица, имеющие право представлять доказательства Палатам Суда[1037]. Это определение было воспринято судьями Седьмой судебной палаты при вынесении приговора обвиняемым по этому делу, которые одновременно оставили открытым вопрос о том, кто конкретно вправе представлять доказательства МУС, отметив, что данным правом наделены «как минимум» стороны обвинения и защиты. Ввиду того, что последние на практике чаще всего представлены группой лиц, судьи разъяснили, что, в отношении стороны защиты «стороной» в смысле п. «b» ч. 1 ст. 70 Римского статута является любое лицо, которому *де факто* отведена роль в представительстве интересов обвиняемого, вне зависимости от официального наименования его либо ее должности. Это может быть лицо, которому непосредственно поручено представление доказательств, а также лицо, «имеющее существенное влияние на разработку стратегии защиты, в т. ч. в части, касающейся представления доказательств» [1038].

Поскольку обвиняемыми по делу «Бемба и другие» выступали представители стороны защиты, то содержание понятия «сторона» в отношении стороны обвинения судьями разъяснено не было. Можно предположить, что по аналогии лицо, имеющее существенное влияние на разработку стратегии обвинения в т. ч. в части, касающейся представления доказательств, вне

[1037] *Bemba, et al.* Confirmation Decision, § 29.
[1038] *Bemba, et al.* Trial Judgment, §§ 33 - 34.

зависимости от его или ее формальных должностных обязанностей, может квалифицироваться как «сторона» для целей п. «b» ч. 1 ст. 70 Римского статута.

Интересным является вопрос о возможности квалификации в качестве стороны лица, которому по должности положено иметь существенное влияние на принятие ключевых стратегических решений, но которое фактически в их принятии не участвует. В международных уголовных судах в таком положении находятся, например, Прокурор и заместитель Прокурора. Их участие в ведении дел ограничивается редкими случаями, когда требуется принятие решения, затрагивающего интересы всей Канцелярии, в то время как все остальное время продвижение дел обеспечивается силами подчиненных им сотрудников Канцелярии.

С одной стороны, в приговоре по делу «Бемба и другие» судьи МУС придали первостепенное значение фактической роли лица, по сравнению с его формальными должностными обязанностями. Следуя данной логике, можно предположить, что лица, которые по факту не имели отношения к делу или к представлению в его рамках ложных доказательств, не должны нести уголовную ответственность.

Однако правильнее было бы рассматривать данный вопрос как вопрос об ответственности Прокурора или заместителя Прокурора за действия или бездействие сотрудников Канцелярии по аналогии с ответственностью военного командира за преступные деяния, совершенные его подчиненными. Концепция ответственности военных командиров зародилась в международном гуманитарном праве. Она основывается на идее, согласно которой военачальники обязаны обеспечивать соблюдение подчиненными им вооруженными силами норм международного гуманитарного права, в т. ч. предупреждать и/или наказывать за их нарушение.

Эта идея получила широкое закрепление в международно-правовых актах. Так, ст. 86 Дополнительного протокола к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающегося защиты жертв международных вооруженных конфликтов, гласит: «Тот факт, что нарушение Конвенций или настоящего Протокола было

совершено подчиненным лицом, не освобождает его начальников от уголовной или дисциплинарной ответственности в зависимости от случая, если они знали или имели в своем распоряжении информацию, которая должна была бы дать им возможность прийти к заключению в обстановке, существовавшей в то время, когда такое подчиненное лицо совершает или намеревается совершить подобное нарушение, и если они не приняли всех практически возможных мер в пределах своих полномочий для предотвращения или пресечения этого нарушения». Данное положение дословно воспроизводится в уставах МТБЮ и МТР[1039]. Статья 28 Римского статута МУС предусматривает уголовную ответственность для военных и гражданских начальников за преступления, совершенные лицами, находящимися под их реальной властью и контролем, если начальник знал или должен был знать о совершении либо намерении совершить эти преступления и не предпринял всех необходимых и разумных мер в рамках своих полномочий для предотвращения или пресечения их совершения либо для передачи данного вопроса в компетентные органы для расследования и уголовного преследования.

Прокурор международного уголовного суда и его заместители являются гарантами соблюдения применимых норм процессуального права в ходе представления доказательств по уголовному делу точно так же, как военный командир является гарантом ведения его частями боевых действий в соответствии с международным гуманитарным правом. Согласно ч. 2 ст. 42 Римского статута, Прокурор обладает всей полнотой полномочий по руководству и управлению Канцелярией, включая персонал, помещения и др. Уставами временных международных уголовных трибуналов предусматривается, что Прокурор отвечает за расследование дел и уголовное преследование лиц, подозреваемых в совершении международных преступлений[1040]. В любом международном трибунале Прокурор имеет реальную возможность влиять на поведение своих подчиненных и все необходимые ресурсы для предотвращения и наказания

[1039] Часть 3 ст. 7 Устава МТБЮ.
[1040] Часть 1 ст. 16 Устава МТБЮ; ч. 1 ст. 15 Устава МТР; article 11(1) STL Statute.

нарушений с их стороны нормативных правил ведения международного уголовного процесса.

На основании вышеизложенного представляется, что вне зависимости от фактической роли Прокурора международного уголовного суда в принятии и реализации решения о представлении ложных доказательств он может быть привлечен к уголовной ответственности.

Этот вывод применим тем более к стороне защиты. Адвокат или адвокаты, совместно осуществляющие представительство интересов обвиняемого, несут ответственность за правдивость представляемых доказательств в пользу их подзащитного вне зависимости от того, кто конкретно представляет доказательства в зале суда.

Римский статут наделяет правом представления доказательств суду стороны обвинения, защиты, а также потерпевших, именуя их всех в совокупности «участниками», а не сторонами процесса. Как следствие, имея такие же права в части представления доказательств, что и стороны, потерпевшие должны нести такую же ответственность за злоупотребление этими правами. Поэтому ограничение субъектов представления доказательств только сторонами обвинения и защиты не согласуется с текстом учредительного документа МУС.

Во-вторых, сведение субъектов рассматриваемого преступления только к сторонам обвинения и защиты исключает применимость к рассматриваемому преступлению такой формы ответственности, как совершение преступления через другое лицо, предусмотренной п. «а» ч. 3 ст. 25 Статута. Подобный вывод противоречит принципу эффективности толкования, т. к. при его принятии значение, принятое в рамках толкования одной нормы, делает бесполезной другую[1041]. В рамках дела «Бемба и другие» Канцелярия Прокурора предъявила обвинение в представлении ложных доказательств лицу, нанятому стороной защиты по делу «Прокурор против Ж.-П. Бемба», для подборки и локализации потенциальных свидетелей, которые могли бы дать показания о непричастности

[1041] *Redgwell C.* Universality or Integrity? Some Reflections on Reservations to General Multilateral Treaties // The British Yearbook of International Law. 1993. Vol. 64, Iss. 1. P. 261.

Ж.-П. Бемба к военным преступлениям в Центральноафриканской Республике. Практика найма третьих лиц среди местного населения для оказания помощи в поиске свидетелей весьма распространена среди международных уголовных трибуналов. Для сотрудников последних – выходцев из различных государств – самостоятельная подборка свидетелей в государствах с многотысячным населением без знания языка, культуры и традиций представляет собой практически неподъемную задачу.

Такие третьи лица не являются частью стороны защиты и при узком толковании круга субъектов представления заведомо ложных доказательств не могут быть привлечены к уголовной ответственности по п. «b» ч. 1 ст. 70 Статута. Вместе с тем, нельзя исключать, что по тем или иным причинам эти лица представят ложные доказательства нанявшей их стороне защиты для последующего добросовестного использования в процессе. Объективная сторона преступления в данном случае будет выполняться адвокатами защиты, в то время как субъективная сторона будет характеризовать третье лицо, не подлежащее привлечению к ответственности за несоответствием требованиям, предъявляемым к субъекту преступления. В итоге преступление представления ложных доказательств, представляющее большую угрозу для отправления международного уголовного правосудия, рискует остаться безнаказанным. Во избежание столь абсурдного результата следует признать, что круг субъектов этого преступления не ограничен и что в данном конкретном случае исполнителем выступает третье лицо, действуя через адвокатов стороны защиты, – с учетом, однако, особенностей этого вида ответственности в международном уголовном праве. Апелляционная палата в деле «Бемба и другие» подтвердила применимость к преступлениям против отправления правосудия всех видов ответственности, предусмотренных ч. 3 ст. 25 Статута.

В-третьих, основными целями Статута, как указывается в его преамбуле, являются прекращение безнаказанности лиц, совершающих самые серьезные преступления, которые вызывают озабоченность всего международного сообщества, а также создание прочных гарантий уважения к осуществлению

международного правосудия и обеспечения его соблюдения. Установление в тексте договора преступности и наказуемости деяний, препятствующих достижению этих целей, – кои представляют собой преступления против отправления Судом правосудия – относится к одним из методов их достижения.

В этой связи можно предположить, что толкование, наиболее благоприятствующее действенному достижению вышеуказанных целей Статута, т. е. не содержащее ограничений относительно круга субъектов преступления представления заведомо ложных доказательств, наилучшим образом согласовывает расходящиеся тексты. Субъектом преступления представления заведомо ложных или сфальсифицированных доказательств в действующей на настоящий момент формулировке Римского статута может быть любое лицо. В то же время наиболее предпочтительным в сложившейся ситуации представляется внесение изменений в аутентичные тексты договора для приведения их в соответствие друг с другом либо заключение дополнительного соглашения государствами-участниками относительно толкования данного положения.

Второй элемент рассматриваемого преступления состоит в том, что представленные доказательства должны быть ложными либо сфальсифицированными. Под «ложным» надлежит понимать не соответствующее действительности, в связи с тем, что им: 1) утверждается неверная информация; 2) отрицается правдивая информация; 3) утаивается правдивая информация; 4) частично излагается правдивая информация.

Ярким примером частичного изложения правдивой информации является дело МС ООН по континентальному шельфу между Ливией и Тунисом[1042]. Ливия представила документы и доводы, которые создавали впечатление ошибочной и благоприятной для нее границы, касающейся нефтяных концессий[1043]. Представленные документы были достоверны в рамках предоставленной информации, однако не включали точных координат концессии, а Ливия не

[1042] *Case concerning the Continental Shelf (Tunisia/Libyan Arab Jamahiriya*). Full case materials. – International Court of Justice, 1981–1985. // Reports of International Court of Justice, Series A/B, Volumes 1–5. P. 1–150 (complete set of pleadings, oral arguments, annexes, and judgments).

[1043] См. *Reisman M., Skinner C, op.cit.,* pp.79-80, 89.

представила сопутствующих документов с этими координатами. Спустя два года после вынесения МС ООН решения, Тунис получил сведения о фактических координатах концессии и обратился к Суду с просьбой о пересмотре постановления[1044]. Рассматривая данное ходатайство, Суд не стал оценивать правомерность действий Ливии, сосредоточив внимание на том, что Тунис сам не предпринял достаточных шагов для получения информации о координатах, хотя соответствующие данные были ему доступны. В связи с этим Суд признал невозможным пересмотр своего решения в соответствии с действующими процессуальными нормами[1045].

Под фальсификацией можно понимать «любое сознательное искажение представляемых суду доказательств, которое может быть выполнено путем подделки, подчистки, внесения исправлений, искажающих действительный смысл, или ложных сведений, а также искусственное создание любого доказательства по делу (фабрикация)»[1046]. Седьмая палата в приговоре по делу «Бемба и другие» разъяснила, что термин «фальсификация» может использоваться только применительно к предметам материального мира[1047].

Кроме того, ложность доказательства зависит от характера утверждения, которое предполагается доказать либо опровергнуть с его помощью. Например, ложным будет аутентичный снимок массового захоронения, сделанный в одном государстве, если он используется для доказательства преступлений, совершенных в другом государстве, т. к. он в действительности отображает не то событие, которое должен отображать со слов лица, представляющего его суду.

Ложность доказательства зависит также от обстоятельств его получения. Доказательство является ложным, если оно появилось в результате внешнего воздействия на окружающую среду (подброшено на место происшествия, создано в виртуальной среде и т. д.) или свидетеля (посредством «надиктовки» свидетелю

[1044] *e concerning the Continental Shelf (Tunisia/Libyan Arab Jamahiriya).* Judgment of 10 December 1985 // Reports of International Court of Justice. 1985. Vol. 92. P. 345–394.

[1045] *Case concerning the Continental Shelf (Tunisia/Libyan Arab Jamahiriya).* Judgment of 10 December 1985 // Reports of International Court of Justice. 1985. № 92. P. 345–394.

[1046] *Потеева А.В., Корюкаева Т.Г.* Изобличение подделки // ЭЖ-Юрист. 2008. № 34. С. 8.

[1047] *Bemba, et al.* Trial Judgment, § 39.

содержания его показаний). В уже упоминавшемся выше деле против защитника Д. Тадича, возбужденном по факту представления им ложных протоколов свидетельских показаний, ложность одного из протоколов состояла в том, что защитник неправдиво представил суду обстоятельства его составления, с тем чтобы увеличить степень достоверности содержащихся в нем показаний[1048]. Ни правдивость содержания показаний, ни личность свидетеля ни разу при этом не были поставлены под сомнение.

Если в качестве доказательств представляются свидетельские показания, то доказыванию подлежат только психологические элементы субъекта преступления представления ложных показаний, а не свидетеля. Этим доказывание вины исполнителя преступления представления заведомо ложных доказательств отличается от доказывания соучастия в преступлении дачи ложных показаний, при котором необходимо доказать, как событие преступления дачи ложных показаний с его материальными и психологическими элементами, а также элементы, присущие тому или иному виду соучастия. Вне зависимости от того, знает ли лицо, дающее показания, об их ложности и имеет ли оно намерение лжесвидетельствовать, осведомленности представляющей стороны достаточно для формирования состава преступления представления ложных доказательств. Наличие в действиях свидетеля признаков состава преступления дачи ложных показаний не имеет значения.

Таким образом, к элементам преступления представления заведомо ложных или сфальсифицированных доказательств относятся следующие: 1) лицо представило доказательство; 2) доказательство было ложное или сфальсифицированное; 3) лицо намеревалось представить ложное или сфальсифицированное доказательство; 4) лицо знало, что представляемое им доказательство является ложным или сфальсифицированным.

[1048] По словам защитника, показания, занесенные в протокол, были сняты лично им в ходе допроса свидетеля в Боснии и Герцеговине до того, как свидетель был арестован по выданному МТБЮ ордеру и доставлен в центр предварительного содержания ООН в Гааге. В действительности эти показания были сняты после ареста свидетеля подзащитным Д. Тадичем в этом центре. См.: 2000 *Vujin* Contempt Judgment, § 42–44; 60, *The Prosecutor v. Dušco Tadić*, Trial Transcript, 6 April 1999, IT-94-1-T, p. 39, ln. 6 – p. 40, ln. 13.

Выявленные пробелы в международно-правовом регулировании борьбы государств с данным преступлением не соответствуют той степени опасности, которую представляет представление ложных или сфальсифицированных доказательств для отправления международного уголовного правосудия. Практически каждый из используемых в договоре терминов неоднозначен, что не способствует правовой определенности и затрудняет деятельность участников международного судопроизводства. В интересах эффективного и справедливого отправления правосудия данное преступление заслуживает более четкой правовой регламентации.

II.2.3. Противоправное оказание воздействия на свидетеля, создание препятствий, устрашение или противоправное воздействие на должностное лицо суда с целью принудить или убедить должностное лицо не выполнять или выполнять ненадлежащим образом свои обязанности

Таблица 3. Ответственность за противоправное оказание воздействия на свидетеля и/или должностное лицо международного суда в практике международных судов

П. «iv» и «v» ч. «A» правила 77 ППД МТБЮ, п. «iv» и «v» ч. «A» правила 77 ППД МТР, п. «iv» и «v» ч. «A» правила 77 ППД СССЛ, п. «iv» и «v» ч. «A» правила 77 ППД ОССЛ, п. «iv» и «v» ч. «A» правила 90 ППД МОМУТ:	*«Трибунал в силу естественно ему присущих полномочий вправе наказывать за проявления неуважения к суду любое лицо, которое осознанно и намеренно вмешивается в отправление им правосудия, включая любого, кто:* *[…]* *iv) угрожает, запугивает, причиняет любой вред или предлагает взятку либо иным образом оказывает влияние на свидетеля, который находится в процессе дачи показаний, уже дал показания или должен давать показания в ближайшее время в рамках уголовного разбирательства в Трибунале, или на лицо, являющееся потенциальным свидетелем;* *v) угрожает, запугивает, предлагает взятку или иным способом стремится оказать давление на другое лицо с целью не допустить, чтобы это лицо выполнило свои обязанности согласно приказу единоличного судьи или Палаты».*
П. «vi» ч. «A» правила 60bis ППД СТЛ:	*«Трибунал в силу естественно ему присущих полномочий вправе наказывать за проявления*

	неуважения к суду любое лицо, которое осознанно и намеренно вмешивается в отправление им правосудия, после установления юрисдикции Трибунала, в соответствии с его Уставом. Это право распространяется на, но не ограничивается, правом наказывать любое лицо, которое: *[…]* *vi) угрожает, устрашает […] предлагает взятку либо иным образом стремится оказать давление на судью или другого сотрудника Трибунала».*
Пп. «c» и «d» ч. 1 ст. 70 Римского статута МУС 1998 г.:	*«Суд обладает юрисдикцией в отношении следующих преступлений против отправления им правосудия, совершенных преднамеренно:* *[…]* *c) противоправное оказание воздействия на свидетеля;* *d) создание препятствий, запугивание или противоправное воздействие на должностное лицо Суда с целью принудить или убедить должностное лицо не выполнять или выполнять ненадлежащим образом его обязанности».*

Составлено автором

Общественная опасность оказания противоправного воздействия на свидетеля обусловлена уже упомянутой большой ролью, которая отводится свидетельским показаниям в международных уголовных процессах. В свою очередь, должностные лица обеспечивают деятельность судебных органов, поэтому любое вмешательство в отправление ими своих обязанностей ставит под угрозу осуществление международными судами своих функций по преследованию лиц, виновных в совершении наиболее серьезных преступлений.

В заголовке настоящего параграфа приведены наименования составов как они предусмотрены в ст. 70 Римского статута. В Правилах процедуры и доказывания МТБЮ похожие нормы появились в результате изменений от 4 декабря 1998 г. и впоследствии были восприняты другими международными уголовными трибуналами *ad hoc*. В соответствии с ними к наказуемым вмешательствам в отправление правосудия относятся действия, представляющие

угрозу, устрашение, причинение вреда здоровью, дачу взятки либо иное оказание влияния на потенциального свидетеля либо свидетеля, который находится в процессе дачи показаний, уже дал показания либо будет давать показания в самое ближайшее время[1049], а также действия, представляющие угрозу, устрашение, дачу взятки, принуждение с целью не допустить исполнение любыми другими лицами судебного предписания[1050]. Под категорию «любых других лиц» могут подпадать и должностные лица суда. Однако, в отличие от Римского статута, речь идет только о неисполнении последними судебных предписаний, а не служебных обязанностей, хотя и само исполнение предписаний входит в служебные обязанности любого должностного лица, а такие предписания могут устанавливать дополнительные обязанности. Таким образом, Римский статут расширяет составы преступлений в отношении должностных лиц по сравнению с нормами, действующими в рамках трибуналов *ad hoc*.

В итальянском проекте 1999 г. п. «c» ч. 1 ст. 70 Римского статута о раскрывался как предусматривающий уголовную ответственность за: обещания, предложения, подарки, давление, угрозы, превышение полномочий, обманные действия или злостные ухищрения или любые акты насилия или запугивания, совершенные до или в ходе расследования или разбирательства с целью побудить других лиц либо дать показания, сделать заявление или дать ложные показания, либо воздержаться от показаний, заявления или письменных показаний, даже если попытка оказать такое влияние не дала результата. Предлагалось также предусмотреть отдельным положением, что перечисленные деяния влекут наступление уголовной ответственности, даже если они совершены после завершения расследования или разбирательства.

П. «d» ч. 1 ст. 70 Римского статута предлагалось читать как запрещающий: давление, угрозы, превышение полномочий, обманные действия или злостные ухищрения или применение любых актов насилия или запугивания в отношении или с целью оказания воздействия на следующих лиц: члена или агента Суда,

---

[1049] Rule 77(A)(iv) ICTY RPE; rule 77(A)(iv) ICTR RPE; rule 77(A)(iv) SCSL RPE.
[1050] Rule 77(A)(v) ICTY RPE; rule 77(A)(v) ICTR RPE; rule 77(A)(v) SCSL RPE.

адвоката одной из сторон, эксперта, переводчика, любого другого лица, назначенного Судом или Прокурором для выполнения той или иной функции[1051].

Объект. Эти деяния посягают, таким образом, на: 1) отношения, возникающие в связи с расследованием и уголовным преследованием преступлений международными судебными органами; 2) отношения, складывающиеся между государствами и/или международными организациями, по созданию международных судебных органов для отправления правосудия по делам о международных преступлениях и обеспечению их деятельности; и 3) представляют угрозу для международного мира и безопасности, т. к. последствиями их совершения могут выступать затруднение либо невозможность осуществлять эффективное уголовное преследование международных преступлений, устраняющие неотвратимость наказания для виновных лиц, и подрыв уважения к международному уголовному судопроизводству и его авторитета.

Объективная сторона. *Первый элемент* преступления состоит в том, что лицо совершило деяние, направленное на оказание противоправного воздействия на свидетеля, потенциального свидетеля или должностное лицо международного уголовного суда.

Представляется, что под свидетелем следует понимать лицо, которое располагает сведениями, имеющими значение для выяснения обстоятельств уголовного дела. Это определение охватывает как очевидцев преступления, так и экспертов, в том числе на ранних этапах расследования.

Официальный статус свидетеля лицо получает после объявления его таковым вызывающей стороной, чаще всего посредством письменного уведомления судей и противной стороны. До этого момента лица, допрошенные одной из сторон либо обеими сторонами, а также лица, которых хотя бы одна из сторон намеревается допросить, именуются «потенциальными свидетелями», если их имена фигурируют в показаниях свидетелей. Это полноценный правовой статус, присвоение которого влечет наступление правовых последствий, в т.ч. в

[1051] ICC: Документ PCNICC/1999/WGRPE/DP.17.

отношении «раскрытия» их личных данных противной стороне[1052]. В приговоре по делу «Бемба и другие» Седьмая палата отметила, что понятие «свидетель» в контексте п. «c» ч. 1 ст. 70 Статута включает потенциальных свидетелей.

Содержание понятия «должностное лицо» будет подробно рассмотрено в параграфе IV.5. главы IV настоящей диссертации.

Выражение «противоправное воздействие» не встречается ни в одном другом международно-правовом документе, кроме Римского статута[1053]. Д. Пирагофф в комментарии к его ст. 70 предлагает при толковании понятия «противоправное воздействие» отталкиваться от текста второго доклада Подготовительного комитета по созданию международного уголовного суда 1996 г. и отождествлять его с подкупом, т. е. «предложением свидетелю лично или через посредников вознаграждения с целью повлиять на его показания»[1054].

С одной стороны, такое толкование представляется слишком узким, т. к. подкуп является одним из, но не единственным способом противоправного оказания воздействия на свидетеля, наряду с угрозами, устрашением, убеждением и т.д. С другой стороны, такое толкование может быть некоторым образом обусловлено тем, что в отношении должностных лиц в той же статье Статута устрашение выделяется наряду с противоправным воздействием, т. е. априори не охватывается последним. Это не объясняет, однако, исключения из противоправного воздействия, например, убеждения, взывания к патриотическим чувствам, религиозным или идеологическим предпочтениям свидетеля или применения насильственных действий.

Поскольку настоящее исследование не ограничивается рамками Римского статута, мы будем использовать термин «противоправное воздействие» в широком смысле для обозначения преступления против отправления

[1052] *The Prosecutor v. Germain Katanga and Mathieu Ngudjolo Chui* Judgment on Katanga's Appeal against the First Redaction Decision, 13 May 2008, ICC-01/04-01/07-476 OA2, § 2; *Bemba, et al.* Trial Judgment, § 44.

[1053] *Schabas W.* The International Criminal Court: A Commentary on the Rome Statute. Oxford University Press, 2010. P. 855.

[1054] *Piragoff D.* Article 70: Offences against the administration of justice // Commentary on the Rome Statute of the International Criminal Court: Observers' Notes, Article by Article / edited by O. Triffterer. Nomos Verlag: Baden-Baden, 2008. P. 1340.

международного уголовного правосудия, которое заключается в действии либо бездействии, нарушающем нормы права, либо правомерном, но преследующем противоправную цель, и направленном на оказание влияния на свидетеля, потенциального свидетеля в международном уголовном процессе или должностное лицо международного уголовного суда.

Во всех аутентичных текстах Статута, кроме французского, для обозначения противоправного деяния в отношении свидетелей и должностных лиц используется одно и то же выражение[1055]. На французский язык это выражение переведено по-разному: «*subornation*» в п. «c» ч. 1 ст. 70, касающейся свидетеля, и «*trafic d'influence*» в п. «d» ч. 1 ст. 70 о должностном лице. Термин «*subornation*» переводится на русский язык как «подкуп» и может использоваться применительно к любому лицу. Выражение «*trafic d'influence*» – дословно «оборот влияния» – применяется во французском языке для обозначения преступления, относящегося к разряду коррупционных, которое заключается в вымогательстве или получении лицом каких-либо преимуществ для себя или третьего лица в обмен на использование своего влияния на орган власти или должностное лицо. Это устойчивое выражение никогда не используется в другом контексте. В то время как просто противоправное воздействие может оказываться непосредственно конечным выгодоприобретателем, «*trafic d'influence*» предполагает существование посредника между выгодоприобретателем и должностным лицом, ограничивая сферу действия нормы, т. к. в таком случае только этот посредник выступает субъектом преступления, тогда как выгодоприобретателю может быть вменено соучастие. Подобное ограничение не прослеживается ни в одном другом аутентичном тексте Статута.

М. Хиераменте, Ф. Мюллер и Е. Фергюсон отмечают, что использование слова «противоправный» указывает на существование правомерных способов оказания воздействия на свидетеля или должностное лицо. Указывая на трудности, связанные с получением согласия свидетелей на участие в процессе, в

[1055] «*Corruptly influencing*» (англ.); «**不当影响**» (кит.); «противоправное оказание воздействия» (рус.); «ممارسةتأثيرمفسد» (араб.); «*corromper*» (исп.).

частности на отсутствие у МУС реальной возможности обеспечить явку свидетелей в принудительном порядке, авторы считают правомерной практику создания у свидетеля финансовой заинтересованности в таком участии[1056]. Предоставление сторонами вызываемым ими свидетелям в связи с участием последних в судебном разбирательстве денежных средств и иных имущественных благ является данностью международного уголовного правосудия. Стороны могут свободно выстраивать взаимоотношения со своими свидетелями в той мере и до тех пор, пока характер этих взаимоотношений не начинает представлять угрозу для правосудия. Следует признать, что практика создания у свидетелей финансовой заинтересованности в участии в процессе весьма порочна. Она сопряжена с реальным риском появления феномена массового лжесвидетельства за счет лиц, желающих незаслуженно воспользоваться предлагаемыми сторонами благами.

Понятие «противоправный» может характеризовать цель оказания воздействия на свидетеля. Вторая палата предварительного производства по делу «Бемба и другие» истолковала его именно в таком ключе, буквально – «направленный на заражение показаний свидетеля»[1057]. Под «заражением» Палата понимала привнесение в будущие показания элемента ложности. Нельзя исключать, что на свидетеля может оказываться воздействие с целью склонить его к даче правдивых показаний, в т.ч. противоправными способами. Такое деяние, однако, не будет являться преступлением против отправления правосудия; если в действиях лица, оказывающего воздействие, обнаруживаются признаки составов иных преступлений – против личности, имущества и др., – то они подлежат преследованию компетентным государством в установленном его законом порядке.

Помимо цели, понятие «противоправный» может относиться к способам оказания воздействия. В рамках такого толкования на национальном уровне уголовно наказуемым считалось бы только влияние, оказываемое способами,

---

[1056] *Hiéramente M., Müller, Ph., Ferguson E., Op.cit.* Pp. 1126 - 1127.
[1057] *Bemba, et al.* Confirmation Decision, § 30; *Bemba, et al.* Trial Judgment, § 47.

которые сопряжены с нарушением какой-либо другой правовой нормы, например, подкуп, угроза, устрашение, причинение вреда личности или имуществу самого свидетеля или третьего лица с целью воздействовать на свидетеля и т.д. В международном праве неприкосновенность личности и собственности также признаются охраняемыми ценностями. Отсюда, противоправным может быть способ воздействия, противоречащий международному праву прав человека.

Однако оказание воздействия на лицо не всегда обусловлено совершением действий, противоречащих каким-либо правовым нормам. Свидетеля можно попытаться убедить в необходимости дачи ложных показаний, взывая к либо провоцируя в нем симпатию к обвиняемому или его идеям, патриотические чувства, религиозные убеждения и др. Поэтому преступление противоправного оказания воздействия может быть совершено как противоправными, так и правомерными способами.

Противоправное оказание воздействия может иметь место как до дачи свидетелем показаний, так и после – с целью склонить свидетеля к изменению или отказу от предыдущих показаний. В рамках СССЛ Э. Сенесси был осужден за попытку склонить свидетеля TF1-585 к отказу от показаний против Ч. Тейлора в обмен на обещание денежного вознаграждения и смены места жительства[1058]. В практике МТР в деле «Прокурор против ГАА» свидетель был склонен детективом защиты к отказу в ходе апелляционного производства от показаний, данных им на стадии рассмотрения дела в первой инстанции[1059]. Единственное дело о посягательствах на отправление правосудия, рассмотренное на сегодня МОМУТ, касается воздействия на свидетелей с целью склонить их к отказу от предыдущих показаний, на основе которых А.Нгирабатваре был осужден МТР за публичное подстрекательство к геноциду[1060].

Дача взятки (подкуп). В практике международных уголовных трибуналов *ad hoc* сложилось следующее определение взятки: «Побуждение, предложенное с

[1058] *The Prosecutor v. Eric Senessie,* Judgment in Contempt Proceedings, 16 August 2012, SCSL-2011-01-T.
[1059] *GAA* Judgment, § 8.
[1060] *The Prosecutor v. Anselme Nzabonimpa, Jean de Dieu Ndagijimana, Marie Rose Fatuma, Dick Prudence Munyeshuli, Augustin Ngirabatware,* Judgment, 25 June 2021, MICT-18-116-T.

целью добиться совершения противоправного или мошеннического действия в пользу предлагающего лица, а также ценность, вознаграждение, дар или услуга, предоставленные или обещанные с целью исказить суждение или повлиять на действия лица, находящегося в доверительных отношениях с предлагающим или обещающим лицом»[1061].

Международные договоры в области борьбы с коррупцией определяют взятку как «неправомерное преимущество»[1062], которое может принимать любую форму, от предоставления денежных средств и других ценностей до трудоустройства или оказания покровительства[1063].

В праве международных договоров одним из оснований недействительности согласия государства на обязательность договора является подкуп представителя такого государства[1064]. По мнению Т. Ренсманна, под подкупом в Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. можно понимать обещание, предложение или передачу одним государством представителю другого государства «неправомерного преимущества» с целью побудить его дать согласие на заключение международного договора, на который он не согласился бы в противном случае[1065]. При этом получателем или

[1061] *The Prosecutor v. Beqa Beqaj,* Judgment on Contempt Allegations, 27 May 2005, IT-03-66-R77 (*Beqaj* Judgment), § 18.

[1062] Англ.: «*Undue Advantage*». См., например, Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию Совета Европы (CETS № 173) (Страсбург, 27 января 1999 г.) // Собрание международных договоров Российской Федерации. 2009. № 20. С. 2398, статья 2: «Квалифицировать в качестве уголовных преступлений обещание, предложение или предоставление какого-либо неправомерного преимущества любому из ее государственных должностных лиц…»; Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (31 октября 2003 г.) // Собрание международных договоров Российской Федерации. 2004. № 4. С. 25, статья 15: «Преступлением является обещание, предложение или предоставление публичному должностному лицу какого-либо неправомерного преимущества…».

[1063] United Nations Handbook on Practical Anti-Corruption Measures for Prosecutors and Investigators. Vienna, September 2004. P. 25. – (UNODC publication). [Электронный ресурс]. – URL: https://www.unodc.org/ (дата обращения: 31.08.2025); Corruption. A Glossary of International Standards in Criminal Law. Paris: OECD Publishing, 2008. P. 34. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.oecd.org/ (дата обращения: 31.08.2025).

[1064] Статья 50, Венская конвенция о праве международных договоров (Вена, 23 мая 1969 г.) // Собрание международных договоров Российской Федерации. 1980. № 2. С. 49.

[1065] *Rensmann T.* Article 50. Corruption of a representative of a State // Vienna Convention on the Law of Treaties (23 May 1969): commentary / edited by Jan Klabbers. United Nations : United Nations Treaty Series, 1980. Vol. 1155, p. 331–852. P. 852.

потенциальным получателем такого «неправомерного преимущества» может быть как сам представитель государства непосредственно, так и третье лицо или организация.

Предложение взятки может быть как словесным – устным либо письменным, – так и поведенческим, когда лицо своим поведением намекает на то, что готово предложить вознаграждение в обмен на искомое благо.

Угроза и устрашение. Под угрозой понимается «выраженное намерение причинить вред или ущерб другому лицу или чужому имуществу, в особенности если оно может ограничить возможность такого лица действовать свободно или с законного согласия», а также «выражение намерения причинить неправомерный вред или какой-либо ущерб с целью устрашить или действовать вопреки воле лица, которому такое намерение адресовано»[1066]. Такой вред не обязательно должен быть физическим; он может касаться, например, репутации лица, отказа в приеме на работу, в выдаче вида на жительство и др.

Термин «угроза» встречается в праве международной безопасности. Так, в соответствии с п. 4 ст. 2 Устава ООН все члены организации обязаны воздерживаться в своих международных отношениях от угрозы силой. Особое развитие этот принцип получил в Декларации об усилении эффективности принципа отказа от угрозы силой или ее применения в международных отношениях 1987 г.

Венская конвенция 1969 г. рассматривает угрозу силой как основание ничтожности международного договора[1067]. В ее ст. 51 также предусматривается, что «согласие государства на обязательность для него договора, которое было выражено в результате принуждения его представителя действиями или угрозами, направленными против него, не имеет никакого юридического значения».

Опираясь на словарное значение термина «угроза», Н. Стерхлер пишет об угрозе силой как о любом сообщении враждебного намерения, в котором

[1066] *Beqaj* Judgment, § 16; *The Prosecutor v. Astrit Haraqija and Bajrush Morina* Judgment on Allegations of Contempt, 17 December 2008, IT-04-84-R77.4 (*Haraqija and Morina* Trial Judgment), § 18.

[1067] Статья 52 Венской конвенции о праве международных договоров.

упоминается использование силы[1068]. Я. Броунли определяет угрозу силой как «явно выраженное или подразумеваемое обещание государства прибегнуть к силе при условии неудовлетворения каких-либо его требований»[1069]. Это определение отличается точностью и простотой; объединив его с вышеприведенными определениями из практики МТБЮ, угрозу как способ совершения преступления противоправного оказания влияния на свидетеля или должностное лицо международного уголовного суда можно определить как явно выраженное или подразумеваемое обещание причинить физический или иной вред свидетелю, должностному лицу суда или третьему лицу либо ущерб их имуществу при условии неудовлетворения требований, связанных с участием свидетеля либо должностного лица в отправлении международного уголовного правосудия.

В деле «Прокурор против Бекая» МТБЮ заимствовал определение устрашения из Рекомендации Комитета Министров Совета Европы 97(13) «Об устрашении свидетелей и защите прав». Согласно этому документу, устрашение означает «любую непосредственную, опосредованную или потенциальную угрозу в отношении свидетеля, которая может привести к вмешательству в его обязанность давать показания свободно от любого воздействия»[1070]. Определяя устрашение через угрозу, разработчики данного документа отождествили два эти понятия. Устрашением свидетеля может быть, например, сам факт существования какой-либо преступной организации, известной применением насилия и расправами[1071].

И угроза, и устрашение могут выражаться не только в обещаниях совершить или воздержаться от совершения чего-либо в будущем, но и в виде конкретных актов, например, фактического уничтожения имущества, призванного служить для потерпевшего предупреждением о наступлении других последствий при

[1068] *Stürchler N.* The Threat of Force in International Law. Cambridge University Press, 2007. P. 37.
[1069] *Brownlie I.* International Law and the Use of Force by States. Oxford: Oxford University Press, 1963. P. 364.
[1070] *Beqaj* Judgment, § 17.
[1071] Council of Europe Committee of Ministers Recommendation № 97(13) Concerning Intimidation of Witnesses and the Rights of the Defence. [Электронный ресурс]. 1997. 10 сен. Section I, P. 3. – URL: https://rm.coe.int/12-rec-97-13e/1680a6dafc (дата обращения: 26.01.2025).

условии неудовлетворения требований нарушителя. В международном праве применение силы против одного государства может рассматриваться как угроза силой в отношении другого.

Создание препятствий. Под созданием препятствий можно понимать недопущение занятия лицом какой-либо должности, осуществления полномочий либо склонение лица к оставлению занимаемого поста с помощью насилия, угроз или устрашения, т.е. против воли такого лица.

Используемые грамматические конструкции свидетельствуют о формальном характере состава данного преступления, т.е. преступным является само деяние, направленное на оказание воздействия на свидетеля, вне зависимости от наступления общественно опасных последствий. Такого толкования придерживалась и Вторая палата предварительного производства в деле «Бемба и другие». По ее мнению, «преступление оказания противоправного воздействия на свидетеля существует вне зависимости от того, было ли воздействие успешным. Это, следовательно, преступление формального, а не материального состава»[1072]. Аналогично при вынесении приговора по этому делу Седьмая палата отметила: «[П. «с» ч. 1 ст. 70 Римского статута] криминализует недолжное поведение исполнителя, намеревающегося повлиять на судебные доказательства, и не требует демонстрации того, что данное поведение в реальности возымело эффект»[1073]. Для сравнения, в праве международных договоров подкуп предполагает наступление последствий, т.е. выражения согласия лица на договор[1074].

В ордере на арест У. Барасы[1075] (дело «Прокурор против Барасы», МУС) судья К. Тарфуссер уточнил: «Представляется разумным, что после ее

[1072] *Bemba, et al.* Confirmation Decision, § 30. См. также: *Beqaj* Judgment, § 21; *The Prosecutor v. Radoslav Brđanin: Concerning Allegations Against Milka Maglov,* Decision on Motion for Acquittal Pursuant to Rule 98 Bis rule 98 bis, IT-99-36-R77, § 22, 27; *Haraqija and Morina* Trial Judgment, § 18.

[1073] *Bemba, et al.* Trial Judgment, § 48.

[1074] *Rensmann T., op.cit.,* p. 853.

[1075] У. Бараса – кенийский журналист, подозреваемый в оказании противоправного воздействия или покушении на оказание противоправного воздействия на ряд свидетелей обвинения по делу

озвучивания перспектива получить (либо не получить) значительное преимущество в зависимости от решения участвовать (либо не участвовать) в судебном разбирательстве в качестве свидетеля может сама по себе сыграть роль в принятии решения адресантом предложения (и, следовательно, "воздействовать" на этот процесс вне зависимости от его итога) и что ни принятие свидетелем предложения, ни предоставление обещанного преимущества не являются элементами преступления [оказания противоправного воздействия на свидетеля]»[1076].

В рамках МТБЮ одним из наиболее показательных примеров оказания противоправного воздействия на свидетеля является дело «Прокурор против Разич». Е.Разич ставилось в вину склонение потенциальных свидетелей к подписанию заранее заполненных протоколов допроса и даче согласия выступить свидетелями защиты на процессе в МТБЮ в обмен на сумму денег. Подложные протоколы были впоследствии «раскрыты» защитой стороне обвинения[1077]. Е. Разич приговорили к году лишения свободы[1078].

Дело «Прокурор против Нзамбонимпа и других» (МОМУТ) является одним из самых масштабных на сегодня производств по факту оказания противоправного воздействия на свидетелей. 20 декабря 2012 г. Вторая Судебная палата МТР признала бывшего министра по вопросам планирования Руанды А. Нгирабатвари виновным в геноциде и прямом и публичном подстрекательстве к совершению геноцида. В основу приговора легли показания пяти свидетелей обвинения.

А. Нгирабатвари обжаловал приговор. 18 декабря 2014 г. после завершения деятельности МТР и передачи апелляционного производства МОМУТ Апелляционная палата Механизма оставила приговор в силе и назначила

«Прокурор против У. Руто и Дж. Санга», в отношении которого в 2013 г. МУС был выдан ордер на арест.

[1076] *The Prosecutor v. Walter Barasa,* Warrant of arrest for Walter Osapiri Barasa, 2 August 2013, ICC-01/09-01/13-1-Red2, § 18.

[1077] *The Prosecutor v. Jelena Rašić*, Written Reasons for Oral Sentencing Judgment, 6 March 2012, IT-98-32/1-R77.2 (*Rašić* Trial Judgment), § 10–13.

[1078] *Rašić* Trial Judgment; *The Prosecutor v. Jelena Rašić*, Judgement, 16 November 2012, IT-98-32/1-R77.2-A.

наказание в виде 30 лет лишения свободы. Однако в ходе судебного разбирательства достоверность показаний четырех из пяти основных свидетелей по делу подвергалась серьезному сомнению. 8 июля 2016 г. Нгирабатвари подал ходатайство о пересмотре приговора в связи с вновь возникшим обстоятельством – отказом свидетелей обвинения от показаний против него. В ходе повторного слушания два свидетеля сообщили о том, что они солгали на судебном процессе над Нгирабатвари. Еще два свидетеля дали показания о том, что их отказы от показаний, сделанные в предыдущих заявлениях и допросах, были неправдивыми. Несмотря на это, Апелляционная палата оставила обвинительный приговор в силе.

Прокурор МОМУТ предъявил обвинения в посягательстве на отправление правосудия пяти лицам, включая А.Нгирабатвари. Им вменялся подкуп и другое противоправное воздействие на свидетелей или потенциальных свидетелей, оказание на них давления с целью склонить к отказу от показаний, дача указаний относительно содержания свидетельских показаний, разглашение судебной тайны и нарушение предписаний суда относительно порядка взаимодействия с защищенными свидетелями[1079]. А.Нгирабатвари был признан виновным по ряду пунктов обвинения и приговорен к двум годам лишения свободы[1080].

Особенности субъективной стороны. Помимо общих признаков субъективной стороны, данное преступление имеет некоторые особенности. В отношении должностного лица Римский статут предусматривает, что противоправное воздействие, устрашение либо создание препятствий должны иметь целью принуждение или убеждение должностного лица не исполнять или исполнять недолжным образом свои обязанности. Таким образом обеспечивается связь между преступным деянием нарушителя и деятельностью должностного лица международного судебного органа по отправлению правосудия. Эта связь характеризует преступные деяния как посягательство на интересы

[1079] *The Prosecutor v. Anselme Nzabonimpa, Jean de Dieu Ndagijimana, Marie Rose Fatuma, Dick Prudence Munyeshuli, Augustin Ngirabatware,* Prosecution Notice of Filing Public Redacted Version of Pre-Trial Brief, 24 September 2021, MICT-18-116-T.

[1080] *The Prosecutor v. Anselme Nzabonimpa, Jean de Dieu Ndagijimana, Marie Rose Fatuma, Dick Prudence Munyeshuli, Augustin Ngirabatware,* Judgment, 25 June 2021, MICT-18-116-T.

международного уголовного правосудия и оправдывает отнесение их к категории преступлений против его отправления. В отсутствие такой связи те же деяния будут квалифицироваться как общеуголовные преступления, подсудные компетентному национальному судье.

Выражение «с целью» указывает на направленность преступного намерения, в данном случае – на принуждение или убеждение должностного лица не исполнять или исполнять недолжным образом свои обязанности. Однако представляется, что одним этим намерением волевая составляющая субъективной стороны данного преступления не исчерпывается. Лицо также должно иметь намерение создать препятствия, устрашить и оказать воздействие на должностное лицо, чтобы то пренебрегло своими обязанностями. Отсюда, преступление создания препятствий, устрашения или противоправного воздействия на должностное лицо суда характеризуется двойным намерением.

Норма, регулирующая противоправное воздействие на свидетеля, не содержит аналогичных уточнений в отношении целей воздействия. В данном случае намерение нарушителя должно быть направлено только на оказание противоправного воздействия.

Преступление противоправного воздействия на свидетеля состоит из следующих элементов: 1) лицо действовало способом, нарушающим нормы права, либо правомерным, но преследующим противоправную цель и направленным на оказание влияния на свидетеля или потенциального свидетеля; 2) лицо намеревалось оказать влияние на свидетеля или потенциального свидетеля; и 3) лицо знало, что объектом его влияния является свидетель или потенциальный свидетель.

Преступление противоправного воздействия на должностное лицо международного уголовного суда заключается в следующем: 1) лицо действовало способом, нарушающим нормы права, либо правомерным, но преследующим противоправную цель и направленным на оказание влияния на должностное лицо, с тем чтобы принудить или убедить его не исполнять или исполнять недолжным образом свои обязанности; 2) лицо намеревалось оказать влияние на должностное

лицо; 3) лицо намеревалось принудить или убедить должностное лицо не исполнять или исполнять недолжным образом свои обязанности; 4) лицо знало, что объектом его воздействия является должностное лицо.

II.2.4. Создание препятствий или помех присутствию свидетеля или даче им показаний

Таблица 4. Ответственность за создание препятствий или помех присутствию свидетеля или даче им показаний в практике международных судов

П. «c» ч. 1 ст. 70 Римского статута 1998 г.:	*«Суд обладает юрисдикцией в отношении следующих преступлений против отправления им правосудия, совершенных преднамеренно:* *[…]* *c) создание помех или препятствий присутствию свидетеля или даче им показаний».*

Составлено автором

Создание помех присутствию свидетеля или даче им показаний представляет собой деяние, направленное на затруднение его явки в назначенные время и место для дачи показаний или самого процесса дачи показаний. Воспрепятствование присутствию свидетеля или даче им показаний представляет собой деяние, которое заключается в действии или бездействии, направленном на недопущение присутствия свидетеля в назначенное время в назначенном месте для дачи показаний или дачи им показаний.

Объект. Эти деяния: 1) посягают на отношения, возникающие в связи с расследованием и уголовным преследованием преступлений международными судебными органами; и 2) представляют угрозу для международного мира и безопасности, т.к. последствиями их совершения могут выступать затруднение либо невозможность осуществлять эффективное уголовное преследование международных преступлений, устраняющие неотвратимость наказания для виновных лиц, и подрыв уважения к международному уголовному судопроизводству и его авторитета.

Объективная сторона. Данное преступление имеет формальный состав[1081]. Преступным является само деяние, вне зависимости от того, помешало ли оно присутствию либо даче показаний свидетелем в действительности.

Воспрепятствование или создание помех могут содержать признаки состава преступления противоправного воздействия на свидетеля[1082], элементы которого были проанализированы выше. В арабском тексте Статута для обозначения понятий «воздействие» и «создание помех» используется один и тот же термин «تأثير»[1083]. В уставах международных уголовных судов *ad hoc* эти два состава объединены. Вместе с тем анализ состава данного преступления должен выявить признаки объективной стороны, не присущие преступлению противоправного воздействия на свидетеля.

Во-первых, можно предположить, что, в отличие от преступления оказания воздействия на свидетеля, рассматриваемым составом охватываются деяния, не предполагающие принудительного формирования у свидетеля воли действовать в соответствии с желанием воздействующего на него лица. При создании помех или препятствий нарушитель влияет либо пытается влиять не на свидетеля, а на обстоятельства, например, свидетеля похищают, заключают под стражу и т.д. «Препятствие» определяется как «помеха, задерживающая какие-нибудь действия или развитие чего-нибудь, стоящая на пути осуществления чего-нибудь»[1084], «то, что мешает какому-либо действию, задерживает осуществление чего-либо»[1085], а помеха – «то, что мешает»[1086].

Вторым возможным объяснением выделения данного деяния в отдельный состав может быть то, что под противоправным воздействием понимается

[1081] *Haraqija and Morina* Trial Judgment, § 61.

[1082] *The Prosecutor v. Jean-Pierre Bemba, et al.*, Public redacted version of "Prosecution Submission on the Confirmation of Charges", 30 July 2014, ICC-01/05-01/13-597-Conf-AnxB, 15 July 2016, ICC-01/05-01/13-597-AnxB-Red, (*Bemba, et al.* Prosecution Confirmation Submission), § 280.

[1083] Пункт «c» ч. 1 ст. 70 Римского статута МУС 1998 г. См.: *Bemba, et al.* Prosecution Confirmation Submission, § 280.

[1084] Препятствие // Словарь Ожегова: Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.ozhegov.com/ (дата обращения: 22.05.2025).

[1085] Препятствие // Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка: Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000.

[1086] Помеха // Словарь Ожегова; «Помеха» / Ефремова Т.Ф. Указ.соч.

вмешательство в содержание свидетельских показаний, а под созданием помех или препятствий – деяния, затрагивающие обстоятельства дачи свидетелем показаний. Такое толкование не очевидно из текста Статута. На английском языке термин «*testimony*» может толковаться двояко – как дача показаний, т.е. процесс, в ходе которого свидетель излагает известные ему обстоятельства свободно либо в формате «вопрос-ответ», а также как сами показания или обстоятельства, известные свидетелю. Иными словами, помехи могут создаваться процессу изложения сведений или заключаться в изменении содержания последних, замены правдивых на ложные. Для французского выражения «*déposer librement*», испанского «*testimonio*» и китайского «作证» характерна аналогичная двойственность. Термин «*librement*» – дословно «свободно» – относится к содержанию свидетельских показаний и означает, что свидетель свободен в выборе того, что и как он будет говорить. В то же время русское словосочетание «дача показаний» используется только для характеристики процесса.

Прокурор МУС предполагает, что создание препятствий или помех не требует, чтобы воздействие носило противоправный характер или преследовало противоправную цель, в отличие от деяний, запрещенных как противоправное оказание воздействия на свидетеля. Понятие «свидетель» в контексте данного преступления надлежит, как представляется, толковать у́же, чем в составе преступления противоправного оказания воздействия на свидетеля[1087]. Это не любое лицо, располагающее сведениями, которые имеют значение для выяснения обстоятельств уголовного дела, а только то, которое было вызвано для дачи показаний.

Термин «воспрепятствование» представляется более корректным переводом английского глагола «*to obstruct*», чем «создание помех», используемое в официальном русском тексте Римского статута. В толковом словаре В.И. Даля «воспрепятствовать» определяется как «помешать, не дать чего сделать, не

[1087] *Bemba, et al.* Prosecution Confirmation Submission, § 283.

допускать, сделать в чем помеху, воспротивиться, возбранить»[1088]. Препятствие предполагает бóльшие усилия на его преодоление, чем помеха, каковой уровень усилий соответствует смыслу глаголов «*to obstruct*» (англ.), «*obstruir*» (исп.), «阻碍» (кит.). Словосочетание «создание помех» больше подходит для перевода глаголов «*to interfere*» (англ.), «*interferir*» (исп.), «干扰» (кит.), хотя и оно представляется не совсем точным, т.к. описывает действия, совершаемые против воли свидетеля, в то время как формами вмешательства могут быть подкуп, обещания, убеждения и т.д.

Во французском тексте Статута оба понятия – воспрепятствование и создание помех – выражены единым термином «*manoeuvres visant à empêcher*», дословно «действия с целью помешать». Ими охватывается любое деяние, направленное на то, чтобы не допустить или затруднить присутствие либо дачу показаний свидетелем. В реальности разница между воспрепятствованием и созданием помех действительно может быть неочевидна.

Воспрепятствование или создание помех присутствию свидетеля включает в себя деяния, направленные на недопущение физического нахождения свидетеля в месте дачи показаний. Способы достижения этой преступной цели разнообразны.

Воспрепятствование или создание помех даче свидетелем показаний может заключаться, например, в совете не отвечать на задаваемые вопросы.

В качестве примера можно привести дело «Прокурор против Харакиджи и Морины», рассмотренное в МТБЮ. Во время встречи с одним из свидетелей обвинения накануне его явки в суд обвиняемый Б. Морина сообщил, что его попросили передать свидетелю о необходимости отказаться от участия в процессе. Он также сообщил свидетелю, что лица, уже давшие показания в трибунале, были убиты. По теории обвинения, Б. Морина действовал по указанию А. Харакиджи. Обвиняемые были приговорены к трем и пяти месяцам лишения

[1088] *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1: А-З. М.: Рус.яз., 1989. С. 250.

свободы соответственно[1089]. Приговор А. Харакидже был впоследствии отменен Апелляционной палатой[1090].

Преступление воспрепятствования или создания помех присутствию свидетеля или даче им показаний состоит из следующих элементов: 1) лицо действовало с целью затруднить либо не допустить присутствие либо дачу показания свидетелем; 2) лицо намеревалось действовать с этой целью; 3) лицо знало, что объектом его воздействия является свидетель.

II.2.5. Действия в отношении свидетеля из мести за дачу им показаний или в отношении должностного лица суда из мести за исполнение этим или иным должностным лицом своих обязанностей

Таблица 5. Ответственность за действия в отношении свидетеля из мести за дачу им показаний или в отношении должностного лица суда из мести за исполнение этим или иным должностным лицом своих обязанностей в практике международных судов

Пп. «c» и «e» ч. 1 ст. 70 Римского статута МУС 1998 г.:	*«Суд обладает юрисдикцией в отношении следующих преступлений против отправления им правосудия, совершенных преднамеренно:* *[…]* *c) воздействие на свидетеля в качестве возмездия за дачу им показаний;* *e) оказание воздействия на должностное лицо Суда в качестве возмездия за то, что это или иное должностное лицо выполняло свои обязанности».*

Составлено автором

Как и многие другие преступления против отправления международного уголовного правосудия, являющиеся объектом настоящего исследования, преступления действий в отношении свидетеля из мести за дачу им показаний или в отношении должностного лица суда из мести за исполнение этим или иным должностным лицом своих обязанностей впервые нашли отражение в Римском статуте 1998 г. Это деяния, которые заключаются в действии или бездействии, направленном на существенное ухудшение положения свидетеля или

[1089] *Haraqija and Morina* Trial Judgment.

[1090] *The Prosecutor v. Astrit Haraqija and Bajrush Morina,* Judgment, 23 July 2009, IT-04-84-R77.4-A.

должностного лица международного уголовного суда по сравнению с тем, которое предшествовало его совершению, в связи с дачей свидетелем показаний или исполнением этим или иным должностным лицом своих обязанностей.

Соответствующие нормы направлены на защиту прав и интересов лиц, принимающих участие в отправлении международного уголовного правосудия, исходя из идеи, согласно которой никто не должен претерпевать ущерб в результате такого участия. Кроме того, эти нормы призваны побуждать свидетелей к сотрудничеству с органами международной уголовной юстиции, поскольку предполагается, что они могут оказывать предупредительное воздействие на потенциальных правонарушителей.

Объект. Преступления действий в отношении свидетеля из мести за дачу им показаний или в отношении должностного лица суда из мести за исполнение этим или иным должностным лицом своих обязанностей посягают на: 1) отношения, возникающие в связи с расследованием и уголовным преследованием преступлений международными судебными органами; 2) отношения, складывающиеся между государствами и/или международными организациями, по созданию международных судебных органов для отправления правосудия по делам о международных преступлениях и обеспечению их деятельности; и 3) представляют угрозу для международного мира и безопасности, т. к. последствиями их совершения могут выступать затруднение либо невозможность осуществлять эффективное уголовное преследование международных преступлений, устраняющие неотвратимость наказания для виновных лиц, и подрыв уважения к международному уголовному судопроизводству и его авторитета.

Объективная сторона. Перечень деяний, влекущих наступление уголовной ответственности по этой статье, широк. Фактически это любое действие или бездействие, направленное на ухудшение положения свидетеля или должностного лица суда. Д. Пирагофф предлагает ограничивать их физическим насилием или угрозами его применения, а также иными формами устрашения[1091].

[1091] *Piragoff D., Op.cit.* P. 1340.

Представляется, однако, что деяния не обязательно должны носить насильственный характер. Лишение лица вида на жительство в государстве пребывания вследствие дачи показаний против представителя правящей политической элиты является одним из примеров ненасильственного способа совершения этого преступления.

Преступные деяния могут выражаться как в действии, так и в бездействии. Такие действия или бездействия могут содержать в себе признаки иных преступлений, посягающих, например, на неприкосновенность личности или частной собственности и др. Осуществлять преследование в связи с этими составами МУС не вправе, и при таких обстоятельствах целесообразна передача дела на рассмотрение компетентных внутригосударственных органов.

Деяния могут быть непосредственно направлены как против самого свидетеля или должностного лица, так и против третьего лица или имущества, если они мотивированы фактом участия свидетеля в процессе или деятельностью должностного лица и могут существенно ухудшить положение свидетеля или должностного лица. Например, если супруг свидетеля является кормильцем семьи, то причинение ему вреда, в результате которого он лишается трудоспособности, может квалифицироваться как действия из мести в отношении свидетеля.

Преступление может быть совершено в любой момент с начала дачи свидетелем показаний. В международных уголовных процессах один и тот же свидетель может давать показания в течение нескольких дней или даже недель. Дать показания, которые спровоцируют месть нарушителя, свидетель может в любой из этих дней и претерпеть отрицательные последствия в этой связи как до, так и после окончания дачи показаний.

Обвинению необходимо продемонстрировать наличие причинно-следственной связи между деяниями и дачей свидетелем показаний либо деятельностью потерпевшего или другого должностного лица. Французский вариант охватывает наиболее широкий круг деяний, т. к. речь идет о деяниях «*en raison de sa déposition*» – в связи с дачей показаний, тогда как и в английском, и в

русском текстах говорится о мести за дачу показаний. Предлог «в связи» указывает, что преступными являются деяния, совершенные в отместку как за содержание показаний, так и за сам факт их дачи, в то время как предлогом «за» охватывается только последнее.

Следовательно, объективная сторона преступления может состоять только из противоправных деяний, не имеющих под собой другого основания, кроме как участие свидетеля или должностного лица в отправлении международного уголовного правосудия. Например, отказ в выдаче или продлении свидетелю вида на жительство в государстве пребывания или его увольнение с работы должны быть необоснованными, в противном случае они будут являться легитимными проявлениями усмотрения административных органов власти или работодателя.

В официальном русском тексте Статута вместо термина «месть» используется термин «возмездие». Последний представляется не совсем корректным в данном контексте. Под «возмездием» понимается «кара за преступление, за зло»[1092], иными словами – справедливое воздаяние за какие-либо прегрешения. Здесь, напротив, речь идет о мести за правомерную деятельность лица в качестве свидетеля или должностного лица суда.

Это означает, помимо прочего, что действия против свидетеля из мести за дачу ложных показаний или против должностного лица за служебный подлог не являются преступлением против правосудия, хотя могут содержать в себе признаки других противоправных деяний. Уголовная ответственность, предусмотренная за совершение посягательств на международное правосудие, призвана обеспечить защиту интересов лиц, способствующих его отправлению, а не посягающих на него.

Исходя из формулировки, используемой в ст. 70 Римского статута, потерпевшим может выступать как непосредственно должностное лицо, акт которого спровоцировал месть, так и другое должностное лицо. Например, преступление, вызванное решением судьи международного уголовного суда, может быть направлено против его помощника.

[1092] *Даль В.И.* Указ.соч. С. 85.

Вышеприведенными нормами защищены не все участники международного уголовного судопроизводства. Под их охват не подпадают представители интересов обвиняемых и потерпевших от преступлений, которые не относятся к должностным лицам международных уголовных судов. Вместе с тем, к предоставлению адвокатам меньшей защиты по сравнению с сотрудниками прокурорских канцелярий и секретариатов нет никаких оснований. Роль адвокатов в международном уголовном процессе ничуть не менее значительна, чем роль обвинителей, ибо «не каждому дано осуществлять самостоятельно свою защиту, определять сильные аргументы в свою пользу и указывать на слабые места в аргументации противной стороны. Человек может потерять дар речи от смущения, нервничать, запутаться или не иметь достаточной смекалки. Он не в состоянии проводить прямые и перекрестные допросы свидетелей. Мы наблюдаем это каждый день: за приглашением судьи задавать свидетелю любые вопросы незамедлительно следует монолог. Если правосудие должно свершиться, то лицо должно опираться на кого-то, кто будет говорить от его имени. А кто сделает это лучше, чем специально обученный адвокат?»[1093]

Адвокаты, также, как и все остальные участники процесса, не должны претерпевать ущерб в связи с их причастностью к отправлению правосудия. Действия, движимые местью в отношении адвоката, могут иметь крайне негативные последствия для международного судопроизводства. Оставаясь безнаказанными, они способны стимулировать упадок интереса со стороны адвокатов к участию в разбирательствах, что в конечном итоге чревато возникновением сложностей с обеспечением обвиняемым права на защиту и на справедливый суд. Эти деяния также могут спровоцировать вынужденную смену адвоката в ходе процесса с вероятным приостановлением разбирательства на срок, необходимый новому адвокату для ознакомления с делом и разработки стратегии защиты.

Элементами преступления действий в отношении свидетеля из мести за дачу им показаний или в отношении должностного лица суда из мести за

[1093] *Pett v. Greyhound Racing Association (No 1),* 2 All England Law Reports 1968, p. 549, §. B.

исполнение этим или иным должностным лицом своих обязанностей являются: 1) лицо совершило деяние, направленное на существенное ухудшение положения свидетеля или должностного лица по сравнению с тем, что предшествовало его совершению; 2) деяние было противоправным; 3) имелась причинно-следственная связь между правомерной деятельностью свидетеля и противоправным деянием этого или другого должностного лица; 4) лицо действовало умышленно; 5) лицо знало, что в результате совершения им деяния положение свидетеля или должностного лица может существенно ухудшиться.

II.2.6. Уничтожение доказательств, их фальсификация или препятствование их сбору

Таблица 6. Ответственность за уничтожение доказательств, их фальсификацию или препятствование их сбору в практике международных судов

П. «c» ч. 1 ст. 70 Римского статута МУС 1998 г.:	*«Суд обладает юрисдикцией в отношении следующих преступлений против отправления им правосудия, совершенных преднамеренно:* *[…]* *c) уничтожение доказательств, их фальсификация или препятствие их сбору».*

Составлено автором

Преступления уничтожения, фальсификации и препятствия сбору доказательств впервые получили отражение в ст. 70 Римского статута. Общественную опасность, которую несут в себе эти деяния для международного уголовного правосудия, трудно переоценить. Доказательства лежат в основе уголовного процесса, поэтому любые манипуляции с ними могут нанести непоправимый вред производству в отношении лиц, виновных в совершении наиболее серьезных преступлений. Уничтожение или фальсификация доказательств затрудняет или делает невозможным установление фактов дела. Препятствование сбору доказательств может негативно сказаться на потерпевших, лишая их права на правосудие и справедливую компенсацию. Уничтожение доказательств должностными лицами международных судебных органов (например, доказательств, указывающих на невиновность подозреваемого или обвиняемого) также нарушает право обвиняемого на справедливый суд.

В рабочих документах Подготовительного комитета по созданию МУС 1997 г. угроза уничтожения или фальсификации подозреваемым доказательств упоминалась в качестве основания для выдачи ордера на его арест[1094]. Окончательный текст использует более общую формулировку, характеризуя арест как меру предупреждения препятствованию или подверганию опасности лицом расследования, куда входит риск уничтожения или фальсификации им доказательств[1095].

Объект. Рассматриваемые преступления: 1) посягают на отношения, возникающие в связи с расследованием и уголовным преследованием преступлений международными судебными органами; и 2) представляют угрозу для международного мира и безопасности, т. к. существенно затрудняют либо делают невозможным осуществление предварительного расследования наиболее серьезных преступлений, вызывающих обеспокоенность всего международного сообщества.

II.2.6.1. Уничтожение доказательств

Преступление уничтожения доказательств представляет собой деяние, которое заключается в физическом устранении материалов или информации, имеющих значение для международного уголовного разбирательства.

Объективная сторона. *Первым элементом* преступления является уничтожение лицом предмета или информации. Сюда относится воздействие на свидетеля, направленное на искажение или стирание его воспоминаний, в т. ч. посредством использования наркотических средств и психотропных веществ, воздействующих на память, гипноза, пыток и др.

Уничтожение предполагает прекращение существования, т. е. доказательство должно не подлежать восстановлению. В противном случае (лицо порвало билет на самолет, но его удалось склеить) речь идет о покушении на уничтожение доказательств. Если доказательство нельзя восстановить, но можно

[1094] ООН: Revised Abbreviated Compilation – Article 28: Arrest, Preparatory Committee on the Establishment of an International Criminal Court, Working Group on Procedural Matters. // Документ ООН A/AC.249/1997/WG.4/CRP.10, 8 September 1997.

[1095] Пункты «i» и «b» ч. 1 ст. 58 Римского статута МУС 1998 г.

воспроизвести (например, лицо уничтожило билет на самолет, однако авиакомпания смогла предоставить копию из своей базы данных), то преступление уничтожения доказательств следует считать оконченным, т. к. лицо преуспело в уничтожении оригинального документа. Так, в деле «Волга» представитель Австралии представил Международному трибуналу по морскому праву компьютерные файлы, которые были восстановлены после попытки удаления экипажем арестованного российского траулера «Волга», показывающие, что судно осуществляло рыболовную деятельность в австралийской исключительной экономической зоне[1096].

Выше доказательство было определено как предмет материального мира, документ или показания свидетелей, являющиеся носителями информации[1097], а также заключенная в них информация, имеющая значение для международного уголовного разбирательства. Интересен вопрос о том, с какого момента указанные материалы становятся доказательствами. С одной стороны, если уголовное разбирательство не начато, то термин «доказательство» неприменим, а уничтожение материалов и информации, которые могли бы иметь значение для возможного уголовного дела, если оно будет возбуждено в будущем, не является преступным.

Вместе с тем, умышленное уничтожение доказательств наказуемо и в случае, если разбирательство еще не началось, но его можно разумно предвидеть. Наиболее показательным эпизодом уничтожения доказательств государством в истории международного уголовного правосудия являются действия японского правительства накануне капитуляции 2 сентября 1945 г. 14 августа того же года министерство обороны Японии направило телеграмму японским вооруженным силам, которой предписывалось немедленное уничтожение посредством сжигания всех конфиденциальных документов, находившихся в распоряжении военных частей. Уничтожению подлежала также сама телеграмма; о ее существовании

[1096] *The "Volga" Case (Russian Federation v. Australia).* Transcript of 12 December 2002 p.m., ITLOS/PV.02/02. [Электронный ресурс]. P. 27, lns. 30–42. – URL: https://www.itlos.org/en/ (дата обращения: 26.01.2025).

[1097] *Simpson J., Weiner E. (eds).* The Oxford English Dictionary. P. 469.

стало известно из меморандума М. Йозо, возглавлявшего Отдел корреспонденции в Первом бюро демобилизации[1098]. В тот же день командующий военной полицией Императорской армии Японии направил всем своим частям инструкции по наиболее эффективному методу сожжения большого количества документов[1099].

В другой директиве от 20 августа 1945 г. японским военным частям, дислоцированным в Корее, Тайване, Маньчжурии, Китае, Гонконге, Таиланде, Малайе, Борнео и Яве, предписывалось следующее: «Лицам, жестоко обращавшиеся с военнопленными и иными задержанными, и тем лицам, к которым военнопленные или задержанные питают крайне серьезную неприязнь, разрешается перевестись в другую часть или исчезнуть, не оставляя следов. Кроме того, с документами, которые в руках противника могут оказаться нам неблагоприятны, надлежит поступить так же, как и с секретными документами, т. е. уничтожить»[1100].

Несмотря на то, что военный трибунал для наказания военных преступников из числа высокопоставленных японских милитаристов будет учрежден много позже, действия японского правительства летом 1945 г., направленные на уничтожение материалов и сокрытие свидетелей, могли бы впоследствии расцениваться МВТДВ как преступные, т.к. перспектива судебного преследования военных преступников была недвусмысленно обозначена в Декларации глав правительств Соединенных Штатов, Соединенного Королевства и Китая о Японии от 26 июля 1945 г. В ней указывалось, что «все военные преступники, включая тех, которые совершили зверства над пленными [США, Великобритании и Китая], должны понести суровое наказание».

[1098] The Tokyo Major War Crimes Trial…, *op.cit.,* Transcript, p. 14 700, cit. in *Totani Y., Op.cit.* Pp. 154 - 155.

[1099] Международный Военный Трибунал для Дальнего Востока. Приговор от 12 ноября 1948 г. / Международный военный трибунал для Дальнего Востока. Токио, 1948. // Многосторонние договоры и соглашения 1946–1949 гг. Т. 3. С. 1341–2681.

[1100] The Tokyo Major War Crimes Trial…, *op.cit.,* Transcript, p. 14 718–14 719, cit. in *Totani Y., op.cit.,* p. 155.

В соответствии с комментарием к Статуту МС ООН недопустимость уничтожения сторонами в международном споре доказательств, находящихся под их контролем, следует из общей обязанности добросовестно сотрудничать с Судом и противной стороной в разрешении спора[1101]. Надо полагать, что умышленное уничтожение доказательств третьим государством с целью оказать содействие одной из сторон также недопустимо и влечет наступление международно-правовой ответственности. Обязанность добросовестно сотрудничать с международными уголовными судами есть у всех участников их уставов, а в случае учреждения международной организацией – у всех ее членов. Интересным является вопрос, предполагает ли обязанность воздерживаться от уничтожения доказательств обязанность противодействовать попыткам уничтожения доказательств со стороны других государств, международных организаций, индивидов или юридических лиц, при условии, что эти субъекты действуют в своих интересах, а не в интересах этого государства. Иными словами, является ли обязанность воздерживаться от уничтожения доказательств составляющей более общей позитивной обязанности обеспечивать сохранность доказательств. Положительный ответ на этот вопрос означал бы, что соучастие государства в преступлении уничтожения доказательств может быть совершено в форме бездействия. Речь идет именно о соучастии, а не о совершении преступления, т. к. само действие уничтожения не может в таком случае быть присвоено государству.

Представляется, что в современном международном уголовном праве такой общей позитивной обязанности нет. Международный уголовный суд вправе вынести соответствующее предписание; если допущение уничтожения доказательства было совершено без преступного намерения со стороны государства, такое государство может нести ответственность за нарушение предписания. В противном случае бездействие государства может расцениваться

[1101] *Benzing M.* Evidentiary Issues // The Statute of the International Court of Justice: A Commentary. Oxford University Press, 2012. P. 1247.

как соучастие. Все сказанное выше справедливо также в отношении других возможных субъектов преступления уничтожения доказательств.

Преступление уничтожения доказательств состоит из следующих элементов: 1) лицо физически устранило материалы или информацию, которые могут иметь значение для международного уголовного разбирательства; 2) лицо намеревалось устранить такие материалы или информацию; 3) лицо знало или должно было знать, что такие материалы или информация могут иметь значение для международного уголовного разбирательства.

По общему правилу, пятилетний срок давности привлечения к уголовной ответственности за преступления против отправления правосудия в рамках МУС исчисляется с момента совершения преступления. Однако в случае с уничтожением доказательства применять это правило было бы нецелесообразным, т.к. факт уничтожения может обнаружиться по истечении пяти лет, что обеспечит виновному безнаказанность. Поэтому представляется, что в отношении данного преступления срок давности необходимо исчислять с момента обнаружения преступления.

II.2.6.2. Фальсификация доказательств

Объективная сторона. Преступление фальсификации доказательств представляет собой деяние, которое заключается в их подлоге, т.е. искажении подлинных доказательств или создании фальшивых. Оно имеет формальный состав, т. е. не требует наступления общественно опасных последствий.

Первый элемент данного преступления – лицо совершило подлог доказательства. Способ подлога может быть любым. Это может быть, например, редактирование изображений в электронно-вычислительных программах, при котором изменяется его содержание, добавляются либо удаляются детали; использование программного обеспечения для редактирования текстов для изменения содержания документов, таких как распоряжения или приказы военного или гражданского командования; имитация подписей лиц с целью создания видимости согласия или участия; изменение или монтаж аудиозаписей для искажения содержания разговоров, например, добавление или удаление фраз;

использование технологий глубокого обучения (*deepfake*) для создания поддельных видеозаписей, где лица и голоса могут быть заменены на других людей; подмена метаданных файлов, таких как дата создания или авторство с целью ввести в заблуждение относительно происхождении документа; создание ложных улик, например, подброска предметов, которые могут служить доказательством преступления и др.

Не любые действия с доказательствами являются фальсификацией. Например, электронные копии документов, изображений, аудио- или видеозаписей могут быть отредактированы для улучшения качества. В таких случаях, однако, следует сохранять оригинал, чтобы иметь возможность при возникновении спора сравнить его с улучшенной копией.

Термин «фальсификация» применим и к оказанию воздействия на свидетеля с целью добиться от него показаний, не соответствующих его реальным знаниям об обстоятельствах дела либо профессиональному мнению (если речь идет об эксперте). В этой части состав преступления фальсификации доказательств совпадает с составом преступления оказания противоправного воздействия на свидетеля, рассмотренным выше, и является основанием для предъявления кумулятивного обвинения[1102]. Дело «Бемба и другие» содержит множество примеров фальсификации свидетельских показаний. По версии Прокурора, ведущий защитник Бемба по основному делу Э. Килоло диктовал свидетелям защиты накануне их явки в суд ответы на вопросы, которые им предстояло услышать от участников процесса, тем самым создавая фальшивые доказательства в виде свидетельских показаний[1103].

В английском тексте Статута термину «фальсификация» соответствует понятие «*tampering*», во французском – «*falsification*», в испанском – «*alterar*», в

[1102] О кумулятивном обвинении в практике международных уголовных судов См.: *Копылова Е.А.* Понятие и практика применения кумулятивного обвинения органами международного уголовного правосудия // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 3 (4). С. 45–58; *Копылова Е.А.* Кумулятивное обвинение в практике органов международной уголовной юстиции // Международное уголовное право и международная юстиция. 2012. № 3. С. 25–38.

[1103] *Le Procureur c. Jean-Pierre Bemba et al.,* Transcript d'audience, 29 septembre 2015, ICC-01/05-01/13-T-10-Red-FRA, p. 30, ln. 8 – p. 32, ln. 9; p. 32, ln. 23 – p. 33, ln. 28.

арабском – «العبث بها», в китайском – «造证据». Из всех перечисленных английский термин имеет самое широкое значение по сравнению с остальными. Фальсификация доказательств является лишь одним из способов «*tampering*», наряду с сокрытием, уничтожением, перемещением или подбрасыванием доказательства, в т.ч. с целью подставить третье лицо, его физическим изменением, например, стиранием отпечатков пальцев с орудия совершения преступления и т. д. В контексте Римского статута все эти способы охватываются специальными запретами уничтожения доказательств и препятствования их сбору. Поэтому, несмотря на то что лингвистически английский термин и термины на остальных языках неравнозначны по своему объему, расхождения в значении не создается.

Случаи фальсификации доказательств были зафиксированы в практике различных международных судебных органов. В деле, касающемся сухопутной и морской границы между Катаром и Бахрейном (МС ООН), Бахрейн оспаривал достоверность 82 документов, представленных Катаром в качестве доказательства своих суверенных прав на остров Хавар и регион Зубарах. Бахрейн отмечал, что: 1) ни один из этих документов не использовался ранее в ходе предыдущих арбитражей или переговоров между двумя государствами; 2) о существовании этих документов не знали историки и иные эксперты; они также не упоминались ни в одном научном исследовании; они отсутствовали в публичных архивах, где должны были бы находиться. Сомнения в аутентичности документов были подтверждены многочисленными экспертизами, проведенными по инициативе Бахрейна, в т. ч. в отношении «оригиналов», предоставленных Катаром[1104]. Катар не признал подлог, но в итоге отказался от использования этих документов в рамках разбирательства, во избежание дальнейшего его затягивания[1105].

[1104] *Maritime Delimitation and Territorial Questions between Qatar and Bahrain (Qatar v. Bahrain).* Letter of Bahrain of September 25, 1997 // International Court of Justice Reports. 1997. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.icj-cij.org (дата обращения: 26.01.2025).

[1105] *Maritime Delimitation and Territorial Questions between Qatar and Bahrain (Qatar v. Bahrain).* Interim Report of the State of Qatar, 30 September 1998. § 48. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.icj-cij.org/docket/files/87/7065.pdf (дата обращения: 22.05.2025).

Это не единственный случай фальсификации доказательств в международном споре[1106].

Преступление фальсификации доказательств состоит из следующих элементов: 1) лицо совершило подлог доказательства; 2) лицо намеревалось совершить подлог доказательства; 3) лицо знало или должно было знать, что совершаемый им подлог касается доказательства в международном уголовном процессе.

II.2.6.3. Препятствование сбору доказательств

Объективная сторона. Это преступление заключается в деянии, создающем препятствие для сбора доказательств в рамках расследования по факту совершения преступления, подпадающего под юрисдикцию международного уголовного судебного органа. Такое расследование не обязательно должно касаться международных преступлений – преступным будет также и препятствование сбору доказательств в связи с совершением преступления против отправления правосудия. Преступление имеет формальный состав.

Преступлением является препятствование правомерному процессу сбора доказательств, т.е. осуществляемому в соответствии с применимыми положениями документов, регулирующих деятельность судов. Пресечение или недопущение действий, им противоречащих, не влечет наступления ответственности.

Препятствовать сбору доказательств можно самыми разными способами. К ним относится и намеренное направление расследования по ложному следу, в которое входят: уничтожение, перемещение, сокрытие, фабрикация ложных источников информации о преступлении, дача ложных показаний во время предварительного расследования и др.

Сюда же можно относить необоснованное недопущение представителей международных уголовных судов к местам происшествия, например, посредством

[1106] Подробнее См.: *Reisman M., Skinner C.* Fraudulent Evidence Before Public International Tribunals: The Dirty Stories of International Law (Hersch Lauterpacht Memorial Lectures). Cambridge University Press, 2014. 192 p.

неправомерного отказа в выдаче виз следственной группе или отдельным следователям международного уголовного суда государством, на территории которого было совершено международное преступление, для проведения следственных действий. В таком случае, вероятно, данный акт может квалифицироваться как нарушение соответствующим государством своей договорной обязанности содействовать международному суду в реализации его полномочий и влечь для такого государства наступление международно-правовой ответственности.

Преступлением будет препятствие сбору доказательств как непосредственно представителями международных уголовных судов, так и национальными правоохранительными органами государств, действующих во исполнение запросов международного уголовного суда о правовой помощи.

Преступление препятствования сбору доказательств состоит из следующих элементов: 1) лицо препятствовало сбору доказательств; 2) лицо намеревалось препятствовать сбору доказательств; 3) лицо знало, что оно препятствует сбору доказательств.

II.2.6.4. Заведомо неправильный перевод устной или письменной речи или записи устной речи

Правильность перевода устной или письменной речи имеет критическое значение для справедливого судебного разбирательства. По замечанию Е.А. Архиповой применительно к Нюрнбергскому процессу, «одно-единственное слово, произнесенное кем-либо в суде, могло оказать серьезное влияние на ход процесса, а возможно, и решить судьбу одного или нескольких обвиняемых»[1107]. Исторически так сложилось, что, ввиду многонациональности судейского состава, международные уголовные суды имеют, как правило, более одного рабочего языка. Уставом МВТ рабочими языками трибунала провозглашались языки, на

[1107] *Архипова Е.А.* Историческая роль переводчиков в Нюрнбергском процессе и современное значение перевода для справедливого правосудия // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2016. № 4 (54). С. 123-124.

которых говорили судьи и обвинители, – русский, английский и французский[1108]. Четвертым рабочим языком стал немецкий, потому что на нем говорили обвиняемые и потому что трибунал считал необходимым в интересах правосудия, чтобы каждый немец имел возможность ознакомиться с материалами процесса на своем языке[1109].

Рабочими языками МВТДВ были английский и японский[1110]. Рабочими языками последующих международных уголовных судов неизменно становились английский и французский[1111], а иногда также язык, являющийся основным в месте происшествия[1112]. Выбор английского и французского языков объясняется развитостью их правовой терминологии[1113].

Юрисдикция международных уголовных судов может распространяться на события, имевшие место в государствах с разными языками и множеством местных диалектов. Это означает, что данный язык будет основным языком письменных доказательств, а устные показания свидетелей будут даваться на одном из диалектов. Участники процесса, не обладающие соответствующими языковыми знаниями, вынуждены полностью полагаться на переводчиков для понимания содержания доказательств. При таких обстоятельствах неправильный

[1108] Ctfnmz 25 Устава МВТ: «Все официальные документы представляются и все судебные заседания ведутся на русском, английском и французском языках и на языке подсудимого. На язык той страны, в которой заседает Трибунал, может быть переведена такая часть протоколов судебного заседания, какую Трибунал признает желательной в интересах правосудия и общественного мнения».

[1109] *Gaiba F.* The Origins of Simultaneous Interpretation: The Nuremberg Trial. University of Ottawa Press, Ottawa, 1998. P. 33.

[1110] Часть (b) ст. 9 Устава МВТДВ: «Язык. Заседание суда и все остальное судопроизводство будут вестись на английском языке и на языке обвиняемых. Перевод документов и других бумаг будет производиться по мере необходимости и по требованию».

[1111] Статья 33 Устава МТБЮ: «Рабочими языками Международного трибунала являются английский и французский»; ст. 31 Устава МТР: «Рабочими языками Международного трибунала являются английский и французский»; ст. 31 Устава МОМУТ: «Рабочими языками Механизма являются английский и французский»; ч. 2 ст. 50 Римского статута 1998 г.: «Рабочими языками Суда являются английский и французский языки».

[1112] Article 14 STL Statute: «Официальными языками Трибунала являются арабский, французский и английский. В рамках каждого отдельного разбирательства по решению Судьи предварительного производства или Палаты один или два языка могут использоваться при необходимости в качестве рабочих».

[1113] *Namakula C.* Language and the Right to Fair Hearing in International Criminal Trials. Springer, 2014. P. 11.

перевод может иметь критические последствия для отправления международного уголовного правосудия.

Заведомо неправильный перевод выделяется в качестве посягательства на отправление правосудия в уголовном законодательстве некоторых государств. Например, в ст. 309 УК РФ это деяние признается преступным наравне с дачей ложных показаний и заключения эксперта. Аналогично, в УК Индии заведомо неправильный перевод приводится в качестве иллюстрации к ст. 191 о даче ложных показаний. Это положение было заимствовано в ст. 191 УК Сингапура.

В международном уголовном процессе могут использоваться в качестве доказательств видео- и аудиозаписи, в т. ч. на языках, не являющихся рабочими языками данного судебного органа. До перевода их содержание обычно дословно записывается на языке оригинала. Заведомо неверная транскрипция услышанного – провоцирующая, соответственно, неправильный перевод, – также представляет серьезную угрозу для отправления международного уголовного правосудия и может квалифицироваться как преступное деяние наравне с неправильным переводом. Для удобства изложения для обозначения перевода и записи речи вместе далее будет использоваться выражение «производные материалы».

В международном уголовном праве не существует специальной нормы, устанавливающей преступность и наказуемость совершения и использования заведомо неправильных производных материалов.

Вопрос о соотношении понятий «перевод», «запись речи» и «доказательство» в международном уголовном процессе может разрешаться с материальной и процессуальной точек зрения. Переведенная или записанная речь либо документ формально не являются доказательствами, т. к., в отличие от оригиналов, не несут самостоятельной информационной нагрузки. Перевод осуществляется для удобства понимания участников процесса, не владеющих или недостаточно хорошо владеющих языком оригинала, но не имеет и не может без оригинала служить основанием для установления либо опровержения существования какого-либо фактического обстоятельства либо правильности

правового аргумента. По этой причине производные материалы никогда не приобщаются к материалам дела без оригинала.

В то же время в практике международных уголовных судов производным материалам присваивается индивидуальный идентификационный номер, который используется участниками процесса для ссылки на них в ходатайствах и решениях. Ходатайство о приобщении производных материалов к делу заявляется сторонами отдельно в отношении каждого из них, и приобщение также отдельно может быть оспорено противной стороной (например, если есть сомнения в точности перевода). Таким образом, процессуально, производные материалы обладают всеми признаками доказательств. Однако отсутствие у них самостоятельной доказательственной силы препятствует распространению на заведомо неправильные производные материалы составов преступлений, связанных с фальсификацией и использованием ложных доказательств.

Осуществление неправильного перевода может влечь для нарушителя наказание дисциплинарного характера. Так, ст. 7 Кодекса профессиональной этики для устных и письменных переводчиков СССЛ от 25 мая 2004 г. подробно регулирует обязанность переводчиков добросовестно осуществлять свои полномочия, в т.ч. избегать приукрашивания, опущения или изменения переводимого текста или речи, а также безотлагательно признавать и исправлять допущенную ошибку в переводе.

Однако то, что деяния, способные повлечь наступление серьезных последствий для отправления международного уголовного правосудия, не являются сегодня уголовно наказуемыми, представляется серьезным пробелом в международно-правовом регулировании борьбы государств с преступлениями против отправления правосудия. Создание и представление заведомо неправильного производного материала должны наказываться как два самостоятельных преступления.

Преступление создания заведомо неправильного перевода письменной или устной речи или записи устной речи – это деяние, которое заключается в умышленном искажении смысла документа или устной речи в ходе их перевода с

одного языка на другой или в ходе их записи со слуха. Преступление представления заведомо неправильного перевода или записи устной речи заключается в любом действии или бездействии, направленном на умышленное доведение до сведения суда заведомо искаженного смысла документа или устной речи.

Данные преступления имеют формальные составы.

Объективная сторона. *Первый элемент* преступления создания заведомо неправильных производных материалов состоит в том, что лицо сделало перевод документа или устной речи либо со слуха записало содержание устной речи.

Второй элемент – данный перевод или запись были неправильными. Неправильный перевод или запись речи могут выражаться в добавлении или опущении слов, словосочетаний, одного или нескольких предложений, отсутствующих в оригинале, а также подмене их смыслового значения. Не любое добавление или опущение текста представляет собой неправильный перевод или запись речи, а только такое, в результате которого меняется смысл, заложенный в оригинале.

Преступным может являться перевод любой устной речи, например, как показаний свидетеля, так и задаваемых ему вопросов, т. к. формулировка вопроса во многом предопределяет содержание ответа.

Объективная сторона преступления представления заведомо неправильного перевода или записи устной речи совпадает с объективной стороной преступления представления заведомо ложных или сфальсифицированных доказательств. Это преступление было подробно проанализировано выше.

Выше, в части, посвященной преступлению дачи ложных показаний, подробно обсуждалась проблема соотношения их преступности и существенности для уголовного разбирательства. Постановка данного вопроса уместна и в отношении рассматриваемого преступления: любой ли заведомо ложный перевод или запись речи являются уголовно наказуемыми или только те, которые касаются существенных обстоятельств дела. Представляется, что, как и было разъяснено выше в рамках анализа преступления дачи ложных показаний,

существенность неправильного перевода или записи речи имеет значение исключительно при принятии решения о целесообразности осуществления уголовного преследования и определении наказания, но никак не влияет на преступность деяния.

В истории международной уголовной юстиции случаев осуществления заведомо неправильного перевода не зафиксировано. Однако примеры такого деяния можно обнаружить в практике органов мирного разрешения межгосударственных споров. Так, в 1893 г. в рамках арбитражного спора между США и Великобританией по поводу юрисдикции США в Беринговом море и сохранения морских котиков США представили ряд документов на русском языке с некорректным переводом на английский язык, который благоприятствовал американской позиции[1114]. Согласно представителю Великобритании, этот перевод был сделан сотрудником Бюро переписи населения США И. Петровым[1115]. Например, в оригинальном тексте одного из документов значилось: «Посредством четкого следования данным правилам, мы надеемся превратить этот промысел в постоянный и надежный источник дохода для компании, не оказывая при этом влияния на рыночную цену этих ценных шкур». В переводе И. Петрова между «данным правилам» и «мы надеемся» была вставлена фраза «и полному запрету на убийство морских котиков в открытом море или в проходах между Алеутскими островами». В перевод некоторых документов были добавлены целые предложения, отсутствующие в оригинальном тексте. Внутреннее расследование показало, что практически все результаты работы И. Петрова были сфальсифицированы[1116]. Деяние было квалифицировано как предоставление ложных сведений правительству. Американское право не

[1114] International Tribunal on the Law of the Sea. Reports of Judgments, Advisory Opinions and Orders / Recueil des arrêts, avis consultatifs et ordonnances. Vol. 13. Leiden, 2013. P. 113.
[1115] How a Faithless Agent Sought to Put the United States in the Wrong in the Bering Sea Arbitration (14 November 1892) // San Francisco Call. – Vol. 72, No. 167. San Francisco, 1892. 14 Nov. [Электронный ресурс]. – URL: http://cdnc.ucr.edu/ (дата обращения: 22.05.2025); Fur Seal Arbitration. Proceedings of the Tribunal of Arbitration, Convened at Paris, under the Treaty between the United States of America and Great Britain concluded at Washington, February 20, 1892, for the Determination of Questions between the Two Governments Concerning the Jurisdictional Rights of the United States. Washington: Government Printing Office, 1895. Vol. XIII. – P. 114.
[1116] Fur Seal Arbitration., *op.cit.,* p. 115.

предусматривало иной ответственности за такое поведение, кроме дисциплинарной, вследствие чего И. Петров был отстранен от должности[1117].

Представитель США заявил, что переводчик действовал по своей собственной инициативе, что Государственному департаменту США было ничего не известно о подлоге, и отказался от использования этих переводов в рамках арбитража, заменив их на правильные[1118].

Субъектом данного преступления может быть любое лицо, которому поручено сделать перевод или запись речи. Круг субъектов ограничивается профессиональными переводчиками, входящими в штат международного уголовного суда или нанятыми по контракту. Например, судья может поручить своему помощнику или стажеру, владеющему соответствующим языком, осуществить для него перевод доказательства, представленного одной из сторон. Такой перевод не может быть приобщен к делу и формально не может приниматься во внимание судом при принятии решения, а значит не может иметь общественно опасных последствий.

Преступление создания заведомо неправильного перевода или записи речи состоит из следующих элементов: 1) лицо сделало перевод письменной или устной речи либо со слуха записало содержание устной речи; 2) сделанный лицом перевод или запись речи исказил оригинальный смысл речи; 3) лицо намеревалось сделать такой перевод; 4) лицо знало, что сделанный им перевод или запись речи искажает оригинальный смысл речи.

II.2.7. Вымогательство или получение взятки должностным лицом международного уголовного суда

Таблица 7. Ответственность за вымогательство или получение взятки должностным лицом международного уголовного суда в практике международных судов

П. (f) ч. 1 ст. 70 Римского статута МУС 1998 г.:	*«Суд обладает юрисдикцией в отношении следующих преступлений против отправления им правосудия, совершенных преднамеренно:* *[…]*

[1117] Fur Seal Arbitration., *op.cit.,* p. 115.
[1118] Fur Seal Arbitration., *op.cit.,* p. 117.

	f) вымогательство или получение взятки в качестве должностного лица Суда в связи со своими официальными обязанностями».
П. (viii) ч. «А» правила 77 ППД ОССЛ:	*«Остаточный Специальный суд в силу естественно ему присущих полномочий вправе наказывать за проявления неуважения к суду любое лицо, которое осознанно и намеренно вмешивается в отправление им правосудия, включая любое лицо, которое:* *[…]* *viii) получает, вымогает или соглашается на получение взятки в качестве должностного лица суда в связи со своими официальными обязанностями».*

Составлено автором

Многочисленные международно-правовые инициативы, направленные на борьбу с коррупцией, свидетельствуют о высокой степени общественной опасности, присущей этому явлению с точки зрения международного сообщества. Коррупция в международных уголовных судах является тем более опасной, что она ставит под угрозу наступление ответственности виновных в совершении наиболее серьезных преступлений, вызывающих беспокойство всего международного сообщества, и порождает недоверие к системе международного уголовного правосудия.

Борьба с коррупцией должностных лиц любого ранга является предметом особо активного сотрудничества государств. Об этом свидетельствует ряд универсальных и региональных международных договоров, таких как Конвенция ООН против коррупции от 31 октября 2003 г., Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 г., Конвенция по борьбе с подкупом должностных лиц иностранных государств при проведении международных деловых операций от 15 февраля 1999 г., Конвенция по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок Организации экономического сотрудничества и развития (далее – ОЭСР) от 17 декабря 1997 г., Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г., Конвенция Африканского

союза о предупреждении коррупции и борьбе с ней 12 июля 2003 г., Протокол Южноафриканского сообщества развития против коррупции 2001 г., Межамериканская конвенция против коррупции от 29 марта 1996 г. и др.

Особое внимание в указанных международных договорах уделяется мерам, направленным на борьбу с коррупцией иностранных должностных лиц. В «Глоссарии о коррупции» ОЭСР 2008 г. рекомендуется распространять понятие «иностранное должностное лицо» на сотрудников международных судов, таких как МУС, даже если заинтересованное государство не является участником соответствующих международных соглашений[1119].

Некоторые из перечисленных договоров содержат отдельные положения, посвященные коррупции судей и иных должностных лиц международных судов. Так, ст. 11 Конвенции Совета Европы 1999 г. обязует своих участников установить преступность и наказуемость вымогательства, получения и дачи взятки лицам, занимающим судебные должности, или должностным лицам любого международного суда, юрисдикция которого признается таким участником. В пояснительной записке к Конвенции указывается, что понятие «должностное лицо международного суда» распространяется, например, на прокуроров МТБЮ и сотрудников его канцелярии[1120]. Имеется в виду, что государства – участники Конвенции могут привлекать к ответственности в соответствии со своим уголовным законодательством лиц, виновных в совершении коррупционных преступлений, к которым причастны должностные лица МТБЮ.

Такие нормы призваны компенсировать отсутствие у международных уголовных судов явно выраженной компетенции в отношении взяткодателей. Преступность дачи взятки должностному лицу суда прямо не предусмотрена ни в одном из основных документов, регулирующих деятельность таких судов. Таким образом, сегодня наметилась двухуровневая система борьбы с коррупцией

[1119] Corruption. A Glossary of International Standards in Criminal Law.

[1120] Explanatory Report to the Criminal Law Convention on Corruption / Council of Europe. – Strasbourg, 27 January 1999. P. 13. [Электронный ресурс]. – URL: https://rm.coe.int/ (дата обращения: 22.05.2025).

должностных лиц международных уголовных судов. Она предполагает, что преследование взяткодателей осуществляется государствами по внутреннему праву, имплементирующему обязанности таких государств по международному договору; должностные же лица привлекаются к ответственности международным судебным органом, сотрудниками которого они являются. Такая система представляется вполне сбалансированной: международные уголовные суды излишне не перегружаются делами о преступлениях против отправления правосудия, концентрируясь на преследовании лиц, саботирующих их деятельность изнутри.

Преступления вымогательства и получения взятки должностным лицом получили отражение в ст. 70 Римского статута МУС. Текст Статута был дополнен этими составами только на Дипломатической конференции в Риме в июле 1998 г.[1121] по предложению японской делегации[1122].

Итальянский проект 1999 г. особенно подробно раскрывает составы этих преступлений. Уголовно наказуемым предлагается считать деяние члена или агента Суда, эксперта или переводчика, любого другого лица, назначенного Судом или Прокурором для выполнения той или иной функции, представляющее собой вымогательство или необоснованное принятие прямо или косвенно предложений, обещаний, даров, подарков или каких бы то ни было благ с целью: 1) совершения или воздержания от совершений действий, входящих в круг его служебных полномочий; 2) злоупотребления своим подлинным или предполагаемым влиянием с тем, чтобы добиться от другого члена или агента Суда совершения или воздержания от совершений действий, входящих в круг его служебных полномочий[1123].

[1121] UN Document A/CONF.183/C.1/WGPM/L.68/Rev.1 «Working Paper on Article 70, Working Group on Procedural Matters». [Электронный ресурс]. 1998. 10 июл. – URL: https://legal.un.org/ (дата обращения: 31.08.2025).

[1122] UN Document A/CONF.183/C.1/WGPM/L.13 «Proposal Submitted by Japan on Article 70». [Электронный ресурс]. 1998. 25 июн. – URL: https://digitallibrary.un.org/ (дата обращения: 26.01.2025).

[1123] Document PCNICC/1999/WGRPE/DP.17.

Данные составы также предусмотрены в Правилах процедуры и доказывания ОССС Л. В документах, регулирующих деятельность других международных уголовных трибуналов *ad hoc*, эти деяния не упоминаются. В то же время в практике этих трибуналов неоднократно подчеркивался неисчерпывающий характер перечня наказуемых деяний, посягающих на отправление ими правосудия, предусмотренный в Правилах процедуры и доказывания[1124]. Отсюда можно предположить, что случаи совершения вымогательства и получения взятки должностным лицом такого трибунала также могли бы повлечь наступление ответственности.

Объект. Преступления вымогательства и получения взятки должностным лицом международного уголовного суда посягают на (в т. ч. в зависимости от занимаемого должностным лицом положения и характера вверенных ему функций): 1) отношения, возникающие в связи с расследованием и уголовным преследованием преступлений международными судебными органами; 2) отношения, складывающиеся между государствами и/или международными организациями, по созданию международных судебных органов для отправления правосудия по делам о международных преступлениях и обеспечению их деятельности; и 3) представляют угрозу для международного мира и безопасности, т. к. последствиями их совершения могут выступать затруднение либо невозможность осуществлять эффективное уголовное преследование международных преступлений, устраняющие неотвратимость наказания для виновных лиц, и подрыв уважения к международному уголовному судопроизводству и его авторитета.

Объективная сторона. Преступление вымогательства взятки представляет собой деяние, которое заключается в требовании должностного лица предоставить ему какую-либо выгоду в обмен на действие или бездействие либо обещание действовать или бездействовать определенным образом в связи с отправлением им своих функций.

[1124] 2000 *Vujin* Contempt Judgment, § 24; *Marijačić* Trial Judgment, § 15; *Nobilo* Judgement, § 39; *Margetić* Contempt Judgment, § 13; *Brima* Appeal Decision, § 26; *Samura* Contempt Judgment, § 16; *Al Jadeed* Trial Judgment, § 34; *Al Jadeed* Jurisdiction Decision, § 32.

Преступление получения взятки состоит в принятии должностным лицом какой-либо выгоды в обмен на действие или бездействие либо обещание действовать или бездействовать определенным образом в связи с отправлением им своих функций.

Преступления вымогательства и получения взятки имеют формальные составы, т.е. считаются оконченными в момент совершения действия. В случае вымогательства – это момент озвучивания вымогателем своего требования, вне зависимости от последующей реакции собеседника[1125]. В случае получения взятки – это момент принятия взятки, хотя бы частично, если взятка выражается в передаче некоторого блага (момент поступления денежных средств на банковский счет должностного лица, момент получения наличных денежных средств и т. д.), или момент выражения согласия на совершение либо воздержание от требуемого действия должностным лицом в обмен на обещание взяткодателя, если взятка выражается в обещании. В Правилах ОССЛ согласие на получение взятки в качестве должностного лица выделено в отдельный состав.

Практика в отношении рассматриваемых преступлений на сегодня отсутствует. Вместе с тем как отмечалось выше, преступления, связанные со взяточничеством, являются предметом регулирования ряда универсальных и региональных международных договоров. Эти акты содержат весьма подробные разъяснения касательно содержания понятий, используемых в ст. 70 Римского статута МУС, в т.ч. на иностранных языках, и могут способствовать установлению их обычного значения для целей толкования.

Взятка. Конвенция ООН против коррупции 2003 г. в ст. 15 налагает на участников обязанность предусмотреть в своем законодательстве преступность и наказуемость, помимо прочего, фактов обещания, предложения, дачи публичному должностному лицу некоторого «неправомерного преимущества». Это определение взятки характерно в целом для международных конвенций в данной области.

[1125] См., например: Corruption. A Glossary of International Standards in Criminal Law, P. 27.

Первый признак взятки, в соответствии с предложенным определением, заключается в том, что взятка представляет собой некоторое преимущество. Согласно Руководству ООН «О практических мерах противодействия коррупции для прокуроров и следователей» 2004 г., взятка может выражаться в форме наличных денег, акций компании, разглашения коммерческой либо иной тайны, услуг сексуального характера, трудоустройства либо обещания такой или любой другой выгоды в будущем[1126]. Авторы «Глоссария о коррупции» ОЭСР приводят в качестве примера взятки факт устройства ребенка должностного лица в учебное заведение, оплату отдыха, еды и напитков и др. при условии, что в результате должностное лицо оказывается (или, можно добавить, окажется) в более выгодном положении по сравнению с положением, в котором оно находилось до получения взятки[1127]. Сюда же относятся завышенные вознаграждения результатов творческой или научной деятельности (гонорары за научные статьи, выступления на конференциях, симпозиумах, лекции, консультации, мастер-классы и др.), занижение стоимости работ и услуг. Иными словами, взяткой может выступать абсолютно любое имущество, услуга, действие, бездействие или обещание.

Преимущество должно быть неправомерным. Это *второй признак* взятки. Неправомерность в контексте взятки означает, что взяткополучатель не вправе в обычных условиях претендовать на предлагаемое или вымогаемое преимущество. При этом само преимущество или процесс его передачи взяткополучателю необязательно должны быть сопряжены с правонарушениями.

Третий признак взятки – обусловленность получения или требования неправомерного преимущества каким-либо действием или бездействием должностного лица, связанным с его служебными обязанностями. Взятка может передаваться как до, так и после совершения действия или бездействия.

Финансовая ценность преимущества, если ее можно исчислить в денежном эквиваленте, не имеет правообразующего значения, в отличие от характера

[1126] United Nations Handbook on Practical Anti-Corruption Measures for Prosecutors and Investigators, P. 25.

[1127] Corruption. A Glossary of International Standards in Criminal Law, P. 36.

обусловливающего его деяния. Хотя буквальное толкование статьи 70 Римского статута не устанавливает ограничений на действия, за которые может быть предложена или вымогается взятка для привлечения к уголовной ответственности, можно утверждать, что такие действия должны затрагивать процесс осуществления правосудия международным уголовным судом. Таким образом, подкуп представителя отдела кадров с целью получения работы или повышения по службе не будет рассматриваться как уголовно наказуемое деяние.

С другой стороны, целесообразность уголовного наказания таких деяний следует из цели криминализации взяточничества в целом обеспечить безупречное поведение должностных лиц международного уголовного суда при отправлении ими своих обязанностей в любых ситуациях. В конечном итоге выбор подходящей процедуры – дисциплинарной или уголовной – принадлежит компетентным подразделениям суда в каждом конкретном случае с учетом, помимо прочего, характера деяния и степени общественной опасности его последствий.

Понятие взятки получило толкование в практике международных уголовных трибуналов *ad hoc* в контексте подкупа свидетелей, в частности в деле «Прокурор против Бекая» (МТБЮ) и в деле «Прокурор против Нсогоза» (МТР). Оба дела касались попыток оказать воздействие на свидетелей с помощью обещаний денежных выплат в обмен на дачу ложных показаний. В этих делах взятка определяется как «побуждение к совершению противоправного или мошеннического действия в пользу дающего. Это ценность, вознаграждение, подарок или услуга, предоставленная или обещанная с целью повлиять на суждение или действие лица, отправляющего важные функции»[1128].

Это определение представляется неоправданно узким. Согласно ему, взятка может даваться в обмен на исключительно противозаконное либо мошенническое действие или решение в пользу взяткодателя. Это не так. Взятка может вымогаться под угрозой несовершения любых действий либо бездействия в

[1128] *Beqaj* Judgement, § 18; *The Prosecutor v. Leonidas Nshogoza*, Judgement, 7 July 2009, ICTR-07-91-T, § 192.

пользу потенциального взяткодателя, которые входят в служебные обязанности взятковымогателя, а также совершению которых он может способствовать в силу своего должностного положения. Вымогатель может быть обязан осуществить такие действия в пользу лица, у которого он вымогает взятку, однако, несмотря на это, обусловливать их совершение получением взятки. Иными словами, лицу предлагается оплатить то, на что он и без того имеет право. Например, судья может требовать взятку за изменение подозреваемому меры пресечения в виде содержания под стражей в отсутствие каких-либо правовых оснований ее продлевать.

Взятковымогатель может предложить лицу совершить в обмен на взятку некоторые действия либо бездействия, на которые лицо иначе не вправе было бы претендовать. Такие действия могут быть как правомерными, так и противоправными. Реальные возможности взяткодателя исполнить обещанное значения не имеют.

Столь узкое определение взятки в практике МТБЮ и МТР может быть оправдано тем, что, как указывалось выше, в этих делах речь шла о подкупе свидетелей, а не должностных лиц. Правомерным действием для свидетеля в обмен на взятку может быть явка для дачи показаний и дача правдивых показаний. Обстоятельства, которые могут обусловить дачу либо вымогательство взятки для совершения таких действий, предполагают, что лицо является единственным свидетелем и что его показания способны сыграть решающую роль в оправдании или осуждении обвиняемого.

Согласно международным договорам в сфере борьбы с коррупцией, взятка может вымогаться или приниматься под угрозой или в обмен на совершение или несовершение действия, которое должно быть совершено, либо принятие или непринятие решения, которое должно быть принято. Ст. 1.1 Конвенции ОЭСР по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок 1997 г. в качестве цели взятки предусматривает совершение либо воздержание должностным лицом от совершения действия в связи с выполнением им своих служебных обязанностей,

включая использование им своего служебного положения, вне зависимости от того, относится ли это действие к его полномочиям. Аналогичные нормы содержатся в ст. 2 Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию 1999 г. и ст. 15 Конвенции ООН против коррупции 2003 г.

Вымогательство, а также получение взятки может иметь место лично или через посредника[1129], в т.ч. через родственников, с согласия или при последующем явно выраженном или молчаливом одобрении должностного лица. При этом если посредник знал о совершаемом преступлении, то он может нести уголовную ответственность за него в качестве соучастника. Блага, составляющие взятку, могут передаваться как самому должностному лицу, так и третьему лицу.

Отдельно следует рассмотреть вопрос о подарках должностным лицам международных уголовных судебных органов. Некоторыми национальными антикоррупционными законодательствами регулируется порядок, условия и максимальная допустимая стоимость подарков государственным служащим. Аналогично Кодекс судебной этики МУС, вступивший в силу 9 марта 2005 г., предусматривает, что «судьи не должны принимать, лично либо через посредников, подарки, выгоды, привилегии или вознаграждения, которые могут быть разумно расценены как сделанные с целью оказать воздействие на отправление ими своих функций по отправлению правосудия»[1130].

Кодекс поведения Канцелярии Прокурора МУС, действительный с 5 сентября 2013 г., содержит отдельный раздел, посвященный условиям принятия подарков, вознаграждений и услуг от третьих лиц должностными лицами Канцелярии. Им предусматривается, что ни Прокурор, ни заместители Прокурора не должны принимать, лично либо через посредников, подарки, выгоды, привилегии или вознаграждения, которые могут быть разумно расценены как сделанные с целью оказать воздействие на независимое осуществление ими своих

[1129] Статья 1.1. Конвенции по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок; ст. 15 Конвенции ООН против коррупции.

[1130] ICC: International Criminal Court Document ICC-BD/02-01-05 «Code of Judicial Ethics». [Электронный ресурс]. – URL: https://www.icc-cpi.int/ (дата обращения: 26.01.2025).

функций[1131]. Иные должностные лица Канцелярии, а также заместители Прокурора могут принимать знаки отличия, награды, услуги, подарки или вознаграждения от правительств или неправительственных организаций только с предварительной санкции Прокурора. Должностные лица Канцелярии вправе без такой санкции принимать символические подарки небольшой стоимости, о которых они, однако, обязаны информировать начальника своего отдела или Прокурора. Последние могут распорядиться о возвращении подарка дарителю или о его передаче в собственность Суда. Все полученные подарки подлежат регистрации в особом реестре.

В рамках СССЛ действовал Кодекс профессиональной этики для переводчиков устной и письменной речи от 25 мая 2004 г., которым запрещалось принятие этими лицами подарков или иных вознаграждений и преимуществ[1132].

Правила, касающиеся порядка принятия подарков и иных благ, существуют и для лиц, не являющихся должностными лицами международных уголовных судов, но участвующих в отправлении международного уголовного правосудия. К ним относятся посредники[1133]. Кодексом поведения для посредников МУС

[1131] ICC: International Criminal Court Office of the Prosecutor Document «Code of Conduct for the Office of the Prosecutor». [Электронный ресурс]. – URL: https://www.icc-cpi.int/ (дата обращения: 26.01.2025).

[1132] SCSL: Special Court for Sierra Leone Document «Code of Ethics for Interpreters and Translators Employed by the Special Court for Sierra Leone». [Электронный ресурс]. – URL: https://www.rscsl.org (дата обращения: 26.01.2025).

[1133] Под посредником понимается индивид либо организация, которые по просьбе отделения МУС либо адвоката защиты выполняют один из следующих видов деятельности: 1) осуществление связей с общественностью в государствах, на территории которых имели место события, являющиеся объектом деятельности Суда; 2) оказание содействия в осуществлении предварительного расследования посредством идентификации перспективных направлений расследования и/или свидетелей, а также посредством установления контакта с последними; 3) формулирование ходатайств от имени потенциальных потерпевших, запросов о получении дополнительной информации и уведомление потерпевших о решениях, касающихся представительства их интересов, участия в процессе и возмещения понесенного ущерба; 4) поддержание контактов со свидетелями или потерпевшими в ситуации, когда контактирование с официальными представителями Суда может подвергнуть риску их безопасность; 5) осуществление связи между представителями интересов потерпевших и потерпевшими относительно вопросов участия в процессе и возмещения понесенного ущерба; 6) оказание содействия Фонду для возмещения ущерба потерпевшим в отправлении его функций по возмещению ущерба осужденными в соответствии с решением Суда, а также в использовании иных средств для поддержки потерпевших. См.: International Criminal Court Document «Guidelines Governing the Relations between the Court and Intermediaries for the Organs and Units

запрещается участие посредников в любой деятельности, способной скомпрометировать либо создать впечатление компрометации отправления ими своих функций должным образом, в т. ч. получение ими, лично либо через третье лицо или организацию, любого подарка, услуги или выгоды[1134].

Круг **субъектов** преступления вымогательства или получения взятки ограничивается должностными лицами международных уголовных судов. Преступления могут совершаться одними должностными лицами международного уголовного суда в отношении других должностных лиц[1135].

Таким образом, преступление вымогательства взятки должностным лицом международного уголовного суда состоит из следующих элементов: 1) лицо выдвинуло требование о предоставлении ему «неправомерного преимущества» в любой форме; 2) лицо являлось должностным лицом международного уголовного суда; 3) требование лица было обусловлено совершением либо воздержанием лица от совершения какого-либо действия в связи с выполнением им своих служебных обязанностей; 4) должностное лицо намеревалось требовать предоставления ему «неправомерного преимущества» в обмен на совершение либо воздержание от совершения какого-либо действия в связи с выполнением им своих служебных обязанностей.

Преступление получения взятки предполагает, что: 1) лицо приняло «неправомерное преимущество» в любой форме; 2) лицо являлось должностным лицом международного уголовного суда; 3) принятие было обусловлено совершением либо воздержанием лица от совершения какого-либо действия в связи с выполнением им своих служебных обязанностей; 4) должностное лицо намеревалось принять «неправомерное преимущество» в обмен на совершение либо воздержание от совершения какого-либо действия в связи с выполнением им своих служебных обязанностей.

---

of the Court and Counsel working with intermediaries». [Электронный ресурс]. – URL: https://www.icc-cpi.int/ (дата обращения: 26.01.2025).

[1134] International Criminal Court Document ICC-ASP/12/53 «Code of Conduct for Intermediaries». [Электронный ресурс]. – URL: http://www.legal-tools.org/ (дата обращения: 22.05.2025).

[1135] Содержание понятия «должностное лицо» подробно раскрывается в параграфе IV.5. Главы IV настоящей диссертации.

II.2.8. Разглашение сведений, составляющих судебную тайну либо тайну следствия

Таблица 8. Ответственность за разглашение сведений, составляющих судебную тайну или тайну следствия в практике международных судов

П. «ii» ч. «A» правила 77 ППД МТБЮ; п. «ii» ч. «A» правила 77 ППД МТР; п. «ii» ч. «A» правила 77 ППД СССЛ; п. «ii» ч. «A» правила 77 ППД ОССЛ; п. «iii» ч. «A» правила 60bis ППД СТЛ; п. «ii» ч. «A» правила 90 ППД МОМУТ:	*«Трибунал в силу естественно ему присущих полномочий вправе наказывать за проявления неуважения к суду любое лицо, которое осознанно и намеренно вмешивается в отправление им правосудия (после установления юрисдикции Трибунала, в соответствии с его Уставом) включая любого, кто:* *[…]* *(iii) разглашает сведения, имеющие отношение к судебному разбирательству, в нарушение предписания Трибунала о недопустимости разглашения этих сведений, если лицу было известно о таком предписании»*[1136].

Составлено автором

По статистике разглашение конфиденциальных сведений является наиболее часто встречающимся преступлением против отправления правосудия в практике международных уголовных судов[1137]. Речь идет об информации о существовании и ходе предварительного расследования, а также информации, полученной в процессе его проведения (тайна следствия), и об информации, не подлежащей разглашению по предписанию суда (судебная тайна). Предание этих сведений огласке угрожает проведению всестороннего и объективного расследования

[1136] Текст, вынесенный в скобки, используется только в Правилах процедуры и доказывания СТЛ.

[1137] Из 14 дел, возбужденных МТБЮ по факту вмешательства в отправление правосудия, 7 было связано с разглашением конфиденциальных сведений (*The Prosecutor v. Haxhiu* (IT-04-84-R77.5); *Re Florence Hartmann* (IT-02-54-R77.5); *The Prosecutor v. Jović* (IT-95-14; IT-95-14/2-R77); *The Prosecutor v. Margetić* (IT-95-14-R77.6); *The Prosecutor v. Marijačić and Rebić* (IT-95-14-R77.2); *The Prosecutor v. Šešelj* (IT-03-67-R77.2); *The Prosecutor v. Šešelj* (IT-03-67-R77.3)); в рамках СССЛ из 7 подобных дел 2 относились к рассматриваемой категории (*Independent Counsel v. Bangura, et al.* (SCSL-2011-02-T); *In The Matter of Contempt Proceedings Arising from the Case of The Prosecutor v. Taylor* (SCSL-12-01-T)); в СТЛ оба дела, возбужденные по факту вмешательства в отправление правосудия, были связаны с разглашением конфиденциальных сведений (*Re Al Jadeed [Co.] S.A.L./NewTVS.A.L. (N.T.V.), Karma Mohamed Thasin Al Khayat* (STL-14-05); *Re Akhbar Beirut S.A.L. and Mr Ibrahim Mohamed Ali Al Amin* (STL-14-06)).

международных преступлений, безопасности участников международного уголовного судопроизводства, в первую очередь, потерпевших и других свидетелей, их окружения[1138], а также репутации и авторитету международных судебных органов.

Международными уголовными судами отмечалось, что разглашение сведений, представляемых как конфиденциальные, вне зависимости от их действительного статуса является не менее опасным для международного правосудия, чем разглашение действительно конфиденциальных сведений. Так, в рамках дела «Об И. аль Амине и Акбар Бейрут С.А.Л.» (СТЛ) обвиняемым вменялось разглашение сведений, выдаваемых за конфиденциальные, без уточнения их действительного статуса, в связи с тем, что такое разглашение может спровоцировать утрату доверия общественности к способности трибунала обеспечить секретность личных данных потенциальных свидетелей и сообщаемой ими информации. В этом деле принадлежащий издательскому дому «Акбар Бейрут» ежедневник «Аль Акбар» опубликовал две статьи за авторством главного редактора И. аль Амина, которые содержали информацию соответственно о 17 и 15 индивидах, представляемых в качестве защищенных свидетелей (свидетелей, персональные данные которых не подлежат разглашению по предписанию суда, в результате чего они дают показания под псевдонимом, с искаженными голосом и изображением)[1139] обвинения по делу «Прокурор против Аяша и других» (далее – дело «Аяш и другие»)[1140]. СТЛ предъявил обвинение в разглашении конфиденциальных сведений автору статей и издательскому дому. При этом факт утечки информации официально не был ни подтвержден, ни опровергнут.

В деле «Прокурор против Мариджакича и Ребича» МТБЮ подчеркнул, что «любое умышленное поведение, создающее реальный риск утраты доверия к

[1138] *De Brouwer A.-M., op.cit.,* p. 730.

[1139] В английском языке используется термин «*protected witness*» – буквально «защищенный свидетель». Однако использование этой русской «кальки» представляется неблагозвучным. В этой связи термин «анонимный свидетель» является более удачным, несмотря на то, что он не совсем точный, т.к. полная анонимность свидетелей недостижима за счет того, что их персональные данные всегда известны участникам международного уголовного процесса.

[1140] *Al Jadeed* Indictment, § 54.

способности трибунала обеспечить эффективную защиту личных данных, является серьезным вмешательством в отправление правосудия. Доверие общественности носит ключевой характер для успешной работы трибунала»[1141].

Несмотря на очевидную общественную опасность данного деяния, в документах, регулирующих деятельность международных уголовных судов, его противоправность и наказуемость получили закрепление не сразу. В Правилах процедуры и доказывания МТБЮ норма, предусматривающая наказание за разглашение сведений, касающихся судебных разбирательств, в нарушение судебного предписания появилась только в результате изменений от 4 декабря 1998 г. Эта норма впоследствии была заимствована ППД МТР, СССЛ и СТЛ[1142].

В Римском статуте МУС 1998 г. разглашение конфиденциальных сведений не относится к преступлениям против отправления правосудия (ст. 70), но может, при определенных обстоятельствах, квалифицироваться как ненадлежащее поведение (ст. 71). В ходе дачи показаний один из защищенных свидетелей обвинения по делу «Прокурор против Гбагбо и Бле Гуде» (дело «Гбагбо и Бле Гуде») назвал в открытом судебном заседании свое имя, которое стало таким образом известно находящейся в зале публике. Вместо того, чтобы предупредить присутствующих об ответственности за разглашение сведений о личности свидетеля, председатель приказал приставам переписать имена всех присутствовавших представителей прессы[1143]. С одной стороны, судья не мог сделать такое предупреждение ввиду того, что ответственность за разглашение конфиденциальной информации Римским статутом не предусмотрена. С другой стороны, международные уголовные трибуналы *ad hoc* последовательно заявляли о своем праве наказывать любые посягательства на отправление ими правосудия как о естественно им присущем в силу самой их природы и, следовательно, не зависящим от факта и формы его закрепления в документах, регулирующих их

[1141] *Marijačić* Trial Judgment, § 50.
[1142] Rule 77(A)(ii) ICTR RPE; rule 77(A)(ii) SCSL RPE; rule 60bis(A)(iii) STL RPE.
[1143] *Maupas S.* Procès Gbagbo: la bourde du témoin P547 et les soupçons du juge // Le Monde: сайт. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.lemonde.fr/ (дата обращения: 22.05.2025); *The Prosecutor v. Laurent Gbagbo and Charles Blé Goudé*, Trial Transcript, 3 February 2016, ICC-02/11-01/15-T-13-Red-ENG, p. 25, lns. 6–8.

деятельность[1144]. Согласно этому подходу, председатель мог бы предупредить публику о недопустимости разглашения услышанного ей имени свидетеля и наложить наказание в случае нарушения, основываясь на своих естественных полномочиях.

Как отмечалось выше, рассматриваемое преступление заключается в предании огласке сведений, входящих в предмет тайны следствия либо судебной тайны. В международном уголовном праве эти термины не используются – в Правилах процедуры и доказывания трибуналов говорится лишь о «разглашении сведений, касающихся судебных разбирательств, в нарушение судебного предписания о недопустимости разглашения» (аналог судебной тайны)[1145]. Таким образом, формально стадия предварительного расследования, в которой судьи принимают достаточно опосредованное участие, остается незащищенной, хотя она во многом предопределяет не только развитие и исход, но и само существование дальнейшего разбирательства.

Однако, опираясь на упомянутую выше доктрину естественных полномочий, международные уголовные суды неоднократно отмечали, что перечень наказуемых деяний, посягающих на отправление ими правосудия, который содержится в их Правилах процедуры и доказывания, не является исчерпывающим[1146]. Поэтому можно предположить, что разглашение тайны следствия, ввиду своей высокой общественной опасности для отправления правосудия, также может повлечь наступление ответственности.

Объект преступления. Преступление разглашения судебной тайны либо тайны следствия представляет собой деяние, которое заключается в умышленном предании гласности сведений, входящих в предмет судебной тайны либо тайны следствия, и которое: 1) посягает на отношения, возникающие в связи с

[1144] 2000 *Vujin* Contempt Judgment, § 13, 18; *Blaškić* Judgment on Croatian Request, § 25, 33, fn. 27; *Tadić* Judgment, § 321–322; Hunt's Opinion in Simić, § 25; *Al Jadeed* Indictment, § 10; *Samura* Contempt Judgment, § 14.

[1145] Rule 77(A)(ii) ICTY RPE; rule 77(A)(ii) ICTR RPE; Rule 77(A)(ii) SCSL RPE; rule 60bis(A)(iii) STL RPE.

[1146] 2000 *Vujin* Contempt Judgment, § 24; *Marijačić* Trial Judgment, § 15; *Nobilo* Judgement, § 39; *Margetić* Contempt Judgment, § 13; Brima Appeal Decision, § 26; *Samura* Contempt Judgment, § 16; *Al Jadeed* Trial Judgment, § 34; *Al Jadeed* Jurisdiction Decision, § 32.

расследованием и уголовным преследованием преступлений международными судебными органами; и 2) представляет угрозу для международного мира и безопасности, т. к. в результате его совершения могут быть сведены на нет усилия государств по расследованию наиболее серьезных преступлений, вызывающих озабоченность всего международного сообщества. Более того, потенциальные свидетели могут утратить доверие к международным трибуналам, не способным обеспечить конфиденциальность их персональных данных.

Объективная сторона. Преступление разглашения может быть совершено как в форме действия, так и в форме бездействия. Ниже на конкретном примере из практики СТЛ будет показано, как неудаление конфиденциальных сведений из общедоступных источников, таких, как сеть «Интернет», может являться составной частью длящегося преступления разглашения.

Рассматриваемое преступление имеет формальный состав, т. е. считается оконченным в момент совершения действия, в данном случае – когда конфиденциальные сведения сообщаются третьему лицу либо помещаются в публичный доступ нарушителем. Например, самой публикации таких сведений в сети «Интернет» достаточно для наступления ответственности, вне зависимости от того, были ли они прочитаны хотя бы единожды. Сведения, распространяемые по электронной рассылке, считаются разглашенными, когда сообщение было отправлено. Масштаб разглашения, т. е. количество лиц, ознакомившихся с конфиденциальными сведениями, может иметь значение при определении наказания, также, как и цели разглашения и его последствия (например, причинение физического вреда свидетелю, отказ национальных правоохранительных органов сотрудничать с трибуналом в результате разглашения сведений, переданных под условием сохранения их конфиденциального статуса и т. д.).

В зависимости от способа совершения разглашение тайны следствия либо судебной тайны может быть простым, длящимся или продолжаемым преступлением. В СТЛ рассматривалось дело против частной телевизионной компании «Аль Джадид С.А.Л.» и заместителя директора ее новостного отдела

К. аль Хаят, выпустивших в эфир серию из пяти репортажей о свидетелях по делу «Аяш и другие». Запись репортажей также была выложена в сети «Интернет». В день выпуска последнего репортажа судья СТЛ вынес предписание самой телевизионной компании, ее руководству, сотрудникам, агентам и иным связанным с ней лицам изъять записи с сайта канала, а также из всех остальных публично доступных источников[1147]. Несмотря на это, записи оставались в сети еще больше года.

Выпуск в эфир каждого из репортажей, содержащих конфиденциальные сведения, позволяющие установить личность защищенных свидетелей, представляет собой самостоятельное единичное простое преступление. Если идентификация свидетелей была бы возможна только в результате просмотра всех пяти репортажей вместе, то речь бы шла о продолжаемом преступлении (преступление, складывающееся из ряда тождественных преступных действий, направленных к общей цели и составляющих в своей совокупности единое преступление). Что касается нахождения записей репортажей в сети «Интернет», то преступление разглашения следует считать начавшимся в момент загрузки репортажей в сеть и продолжающимся до их изъятия, что позволяет охарактеризовать его как длящееся (действие или бездействие, сопряженное с последующим длительным невыполнением обязанностей, возложенных на виновного под угрозой уголовного преследования).

Первый элемент преступления состоит в том, что лицо предало огласке сведения, составляющие судебную тайну либо тайну следствия.

Тайна следствия – это режим конфиденциальности информации, позволяющий органу, осуществляющему предварительное расследование, объективно и всесторонне расследовать обстоятельства события преступления, устанавливать лиц, подозреваемых в его совершении, и собирать доказательства их причастности к его совершению.

В предмет тайны следствия входят сведения, которые касаются существования, подготовки, проведения и результатов предварительного

[1147] *Ayyash* Order for Removal.

расследования, как первичных – собранных в ходе внешних контактов представителей органа обвинения с правоохранительными органами государств, свидетелями, осмотров мест происшествия и иных следственных действий – так и производных, сформированных после обобщения и анализа первичных данных.

Свойством конфиденциальности могут обладать только сведения, изначально известные только ограниченному кругу лиц. В зависимости от размера этого круга конфиденциальные сведения в рамках МУС подразделяются на собственно конфиденциальные – доступные и известные только сотрудникам суда и не подлежащие разглашению третьим лицам; «за печатью» – доступные и известные ограниченному числу лиц (каждый орган суда либо участник судопроизводства, например, сторона защиты, представители потерпевших, обязаны вести учет лиц, имеющих либо имевших доступ к материалам «за печатью»); и секретные – доступные и известные совсем узкому кругу лиц[1148]. Оборот секретных материалов, в т.ч. возможность их скачивания и печати, ограничен. Принадлежность разглашенной информации к той или иной категории не влияет на преступность деяния, но может играть роль на стадии назначения наказания.

Международные уголовные процессы во многом полагаются на общедоступные данные из средств массовой информации, неправительственных международных организаций, действующих на территориях вооруженных конфликтов или в местах широкомасштабных или систематических нарушений международного права. Очевидно, что содержание этих материалов не может составлять тайну следствия. Вместе с тем тайна следствия может распространяться на факт обращения органа обвинения к этим материалам и их роль в расследовании.

В ходе предварительного расследования представители органа обвинения общаются с лицами, обладающими сведениями, которые могут иметь значение для следствия. В процессе взаимодействия с такими лицами и в интересах

[1148] International Criminal Court Document ICC-BD/03-03-13 «Regulations of the Registry». [Электронный ресурс]. Regulation 14. – URL: https://www.icc-cpi.int/sites/default/files/Regulations-of-the-Registry.pdf (дата обращения: 26.01.2025).

следствия им могут сообщаться сведения, носящие конфиденциальный характер. На судебной стадии для регулирования в т. ч. условий такого раскрытия в рамках каждого дела судьями принимаются протоколы об обращении с конфиденциальной информацией[1149]. В целях выработки единой практики по рассмотрению дел в МУС судьи и стороны воздерживаются, по возможности, от внесения в их содержание существенных изменений. Этими протоколами предусматривается, что при раскрытии участником процесса конфиденциальной информации третьему лицу этому участнику надлежит уведомить такое лицо о ее характере и недопустимости ее дальнейшего разглашения, полностью либо частично[1150]. Надо полагать, что такая же процедура соблюдается и на стадии предварительного расследования.

Утечка данных предварительного расследования имела место, например, в практике МУС в рамках дела «Бемба и другие». Один из сотрудников МУС проинформировал на тот момент администратора дела «Прокурор против Ж.-П. Бемба Гомбо» Ж.-Ж. Мангенда о проводимом против него и ведущего защитника Э. Килоло расследовании по подозрению в подкупе свидетелей защиты в обмен на ложные показания в пользу Ж.-П. Бемба[1151]. По версии Прокурора после этого подозреваемые предприняли попытку сокрыть следы преступления[1152].

Судебная тайна – это режим конфиденциальности информации, обеспечивающий защиту прав и интересов, а также безопасность участников международного уголовного судопроизводства.

В предмет судебной тайны входят сведения, недопустимые к разглашению в силу специального судебного предписания. Требование наличия специального судебного предписания о запрете разглашения определенной информации на этапе судебного разбирательства связано с принципом гласности, присущим этой

[1149] См., например: *The Prosecutor v. Jean-Pierre Bemba, et al.,* Protocol on the Handling of Confidential Information during Investigations and Contact between a Party and Witnesses of the other Parties, 20 July 2015, ICC-01/05-01/13-1093-Anx.
[1150] *Ibid.,* § 9.
[1151] *The Prosecutor v. Jean-Pierre Bemba, et al.,* Trial Transcript, 29 September 2015, ICC-01/05-01/13-T-10-Red-ENG, p. 66, lns. 14-24.
[1152] *Ibid.,* p. 72, ln. 24 – p. 73, ln. 1.

стадии уголовного судопроизводства. В международном уголовном процессе эта стадия начинается с выдачи ордера на арест либо вызова подозреваемого и заканчивается решением в отношении поданой на приговор апелляционной жалобы. В ее рамках гласность является правилом, а конфиденциальность – исключением, и поэтому объем сведений, не подлежащих огласке, должен быть специально и прямо определен. принцип гласности не применяется на этапе предварительного расследования, где все данные являются конфиденциальными, если отсутствует решение компетентного органа, допускающее их разглашение. Речь идет об органе обвинения соответствующего суда, обладающем всей полнотой данных для объективной оценки возможных последствий опубличивания тех или иных сведений для дальнейшего хода расследования.

В рамках международных уголовных трибуналов *ad hoc* факт принадлежности сведений к судебной тайне устанавливается судебным предписанием, которое может быть как устным, так и письменным и должно распространяться на раскрытую информацию[1153]. Отсюда, лицо должно быть осведомлено о существовании и содержании такого предписания. В доказательственном плане констатация осведомленности лица о существовании предписания суда о недопустимости разглашения сведений и его содержании практически всегда означает констатацию умысла[1154].

Предписание суда о засекречивании каких-либо сведений выносится по обоснованному заявлению одной из сторон либо по собственной инициативе суда. При публикации документов, содержащих такие сведения, эти сведения заменяются словом «конфиденциально». Каждый из участников процесса несет ответственность за полноту редактирования исходящих от него документов.

Кроме того, некоторая информация редактируется не только по отношению к третьим лицам, но и по отношению к другим участникам процесса. В целях обеспечения защиты прав и интересов всех участников, а также более эффективного и скорого отправления правосудия судьями принимаются

[1153] *Marijačić* Trial Judgment, § 17, § 20.
[1154] *Nobilo* Judgement, § 54.

протоколы, устанавливающие категории информации, которая может скрываться, на постоянной или временной основе, от других участников процесса[1155]. Если по каким-либо причинам один из участников желает скрыть от других информацию, не подпадающую ни под одну из этих категорий, он должен заявить об этом ходатайство с указанием причин.

Такие протоколы могут способствовать установлению категорий информации, которые обычно входят в судебную тайну. Это, в первую очередь, данные, позволяющие идентифицировать свидетелей, безопасность которых может быть поставлена под угрозу в связи с их участием в процессе. С учетом влиятельного положения и финансовых возможностей большинства обвиняемых в международных процессах для многих свидетелей сотрудничество с международными уголовными судами представляет реальный риск для безопасности их самих и их окружения. Меры, направленные на защиту персональных и других идентифицирующих данных свидетелей, включая смену места жительства, призваны стимулировать их сотрудничество с судом и обеспечить сохранность доказательственной информации, носителем которой является свидетель.

Помимо персональных данных (имя, дата и место рождения, профессия, место работы и т. д.), к данной категории относится также и информация, позволяющая установить нахождение свидетеля в определенном месте в определенное время (например, место и время совершения преступления), информация о его окружении, способах связи со свидетелем (например, если свидетель находится в местности, в которой доступен только определенный вид связи, разглашение этой информации может способствовать его идентификации),

---

[1155] См., например: *The Prosecutor v. William Samoei Ruto and Joshua Arap Sang*, Protocol Establishing a Redaction Regime in the Case of the Prosecutor v. Ruto and Sang, 5 October 2012, ICC-01/09-01/11-458-AnxA-Corr; *The Prosecutor v. Bosco Ntaganda*, Protocol Establishing a Redaction Regime in the Case of the Prosecutor v. Ntaganda, 12 December 2014, ICC-01/04-02/06-411-AnxA; *The Prosecutor v. Laurent Gbagbo*, Protocol Establishing a Redaction Regime in the Case of the Prosecutor v. Laurent Gbagbo, 15 December 2014, ICC-02/11-01/11-737-AnxA.

контактная информация. Сведения, позволяющие идентифицировать личность защищенных свидетелей, наиболее часто преступно предаются огласке[1156].

Такие данные могут также засекречиваться и в отсутствие угрозы для безопасности свидетеля, исходя из этических соображений, например, если в результате их разглашения положение свидетеля ухудшится: он потеряет работу или правовой статус в государстве пребывания.

В некоторых государствах политическими и общественными деятелями, средствами массовой информации культивируется негативное отношение к деятельности международных уголовных судов среди населения. Причастность к такой деятельности в качестве свидетеля может спровоцировать его остракизм.

Показания отдельных свидетелей касаются фактов совершения над ними насилия, в т. ч. сексуального характера, что в отдельных регионах мира считается недостойным. Чтобы избежать стигматизации таких свидетелей в месте их проживания, их персональные и иные идентифицирующие данные не разглашаются.

Судебную тайну могут составлять и сведения о подробностях личной жизни участников процесса, если они не имеют непосредственного отношения к делу, но их изложение тем не менее необходимо для установления, например, источника осведомленности свидетеля об обстоятельствах, о которых он дает показания.

В предмет судебной тайны могут входить персональные и контактные данные родственников и другого окружения свидетелей, а также любых третьих лиц, не имеющих отношения к процессу, однако упоминаемых в материалах дела, например, в протоколах допросов свидетелей.

К судебной тайне могут относиться персональные данные лиц, участвующих в предварительном расследовании непосредственно в местах совершения преступлений, а также работающих с потерпевшими и свидетелями, переводчиков, стенографов, психологов, врачей, посредников, осведомителей

[1156] См., например: *The Prosecutor v. Margetić* (IT-95-14-R77.6); *The Prosecutor v. Marijačić and Rebić* (IT-95-14-R77.2); *The Prosecutor v. Haxhiu* (IT-04-84-R77.5); *The Prosecutor v. Jović* (IT-95-14; IT-95-14/2-R77); *The Prosecutor v. Šešelj* (IT-03-67-R77.2); *The Prosecutor v. Šešelj* (IT-03-67-R77.3); *Re Al Jadeed [Co.] S.A.L./New TV S.A.L. (N.T.V.), Karma Mohamed Thasin Al Khayat* (STL-14-05); *Re Akhbar Beirut S.A.L. and Mr Ibrahim Mohamed Ali Al Amin* (STL-14-06).

(индивиды, частные юридические лица, международные межправительственные и неправительственные организации, органы государственной власти, исследовательские и образовательные институты) и др. Такие меры призваны обеспечить их безопасность, а также стимулировать дальнейшее участие в расследованиях.

Также предписанием суда могут быть засекречены сведения, полученные от государств, международных правительственных и неправительственных организаций, индивидов и юридических лиц для использования в процессе под условием конфиденциальности. Это необходимо для гарантии сотрудничества таких лиц и организаций с судом.

По решению суда в интересах правосудия может быть также ограничено разглашение любой другой информации.

Одинаково наказуемым является предание огласке как неограниченному (опубликование в средствах массовой информации, в виде печатного издания, предназначенного на продажу, в сети «Интернет» и т.д.), так и ограниченному кругу лиц (сообщение одному лицу либо группе лиц в частном порядке)[1157]. В качестве примера первого варианта можно привести дело «О Ф. Хартман» (МТБЮ). Ф. Хартман работала в МТБЮ в качестве официального представителя Прокурора трибунала К. дель Понте в период с 2000 по 2006 г. В 2007 г. она опубликовала книгу «Мир и наказание», в которой раскрыла содержание, цель и конфиденциальный характер двух решений Апелляционной палаты МТБЮ по делу «Прокурор против Милошевича». Эти же сведения она воспроизвела в статье «Сокрытие ключевых документов о геноциде» 2008 г.[1158] На основании этих фактов Ф. Хартман была признана виновной в разглашении сведений в нарушение судебного предписания и приговорена к выплате штрафа в размере 7 000 евро[1159].

[1157] *Marijačić* Trial Judgment, § 17; *The Prosecutor v. Ahmet Haxhiu*, Judgement on Allegations of Contempt, 24 July 2008, IT-04-84-R77.5, § 10 (*Haxhiu* Trial Judgement); *Re Florence Hartmann*, Judgment on Allegations of Contempt, 14 September 2009, IT-02-54-R77.5 (*Hartmann* Trial Judgment), § 20.

[1158] *Hartmann* Trial Judgment, § 1–4.

[1159] *Ibid.*; *Re Florence Hartmann*, Judgment, 19 July 2011, IT-02-54-R77.5-A.

На примере этого дела видно, что как минимум в практике МТБЮ сведения являются тайной до тех пор, пока трибунал не примет решение об их публичном характере, вне зависимости от того, продолжают ли они фактически оставаться конфиденциальными. Иными словами, то, что сведения были однажды преступно разглашены (в 2007 г. в книге Ф. Хартман), не меняет их статус, и каждый последующий акт разглашения будет являться самостоятельным преступлением (в 2008 г. в статье) до тех пор, пока эти сведения не станут публичным достоянием по решению трибунала[1160].

В аналогичном ключе Апелляционная палата МТБЮ высказалась в деле «Прокурор против Й.Джовича». Главный редактор хорватской газету «Слободна Далмация» Й.Джович был признан виновным в публикации сведений, составляющих судебную тайну в контексте производства против Т.Бласкича. В апелляционной жалобе на приговор он утверждал, что опубликованные им сведения на тот момент уже были доступны широкой публике и что, как следствие, его деяния не могли причинить вред отправлению правосудия.

Апелляционная палата с такой трактовкой не согласилась. По ее мнению, посягательством на отправление правосудия является в данном случае нарушение судебного предписания о неразглашении: «то, что некоторые части письменного заявления свидетеля или показаний на закрытом заседании могли быть раскрыты третьей стороной, не означает, что эта информация больше не защищена, что судебный приказ де-факто был отменен или что его нарушение не будет мешать осуществлению правосудия трибуналом»[1161].

Интересно в этой связи дело «Прокурор против Нгирабатвари и других» (МОМУТ). В разговоре со своим соучастником один из обвиняемых Д.П.Мунешули сообщил о намерении Прокурора заново допросить свидетелей, отказавшихся от своих показаний, упомянув, что контакт с ними будет осуществлен через сотрудников программы защиты свидетелей. По версии обвинения последняя деталь была равнозначна разглашению защищенного

[1160] *Haxhiu* Trial Judgement, § 10; *Hartmann* Trial Judgment, § 20.
[1161] *The Prosecutor v. Josip Jović*, Judgment, 15 March 2007, IT-95-14 & 14/2-R77-A, § 29-30.

статуса этих свидетелей[1162]. Обвинение настаивало на том, что факт разглашения в данном случае преступен и требует привлечения к ответственности даже несмотря на то, что личности защищенных свидетелей на момент разговора были уже известны соучастнику обвиняемого Д.П.Мунешули.

Судья счел, что выводы, сделанные Апелляционной палатой МТБЮ в деле Джовича, неприменимы к обстоятельствам дела против Д.П.Мунешули. Он отметил, что «предание дальнейшей огласке конфиденциальных сведений, находящихся в открытом доступе, явно несопоставимо с сообщением одному человеку в частном разговоре информации, которую он уже знает»[1163]. Кроме того, при толковании термина «разглашение» он ориентировался на определение Оксфордского словаря английского языка, который понимает под этим термином «действие или факт раскрытия *новой* или *секретной* информации; действие, делающее что-то *открыто* известным» (курсив оригинальный – прим.авт.)[1164]. Исходя из этого, судья постановил, что поскольку в контексте рассматриваемого дела обвиняемый не разглашал своему соучастнику информации, которая была бы для последнего новой или секретной, объективная сторона преступления не доказана.

Трудно согласиться как с судейским подходом к толкованию правовых текстов такого характера – с использованием одного лишь, пусть даже авторитетного, словаря, – так и со сделанным на его основании выводом. Ничто в международных актах не указывает на то, что контекст разглашения тайны следствия или судебной тайны – частный или публичный – является признаком состава соответствующего преступления. Более того, признать допустимость разглашения тайны в частном разговоре во многом лишало бы смысла криминализацию этого деяния. Аналогично, сама по себе осведомленность лица, которому конфиденциальные сведения становятся доступны вследствие разглашения, не устраняет преступность разглашения и не может освобождать

[1162] *The Prosecutor v. Anselme Nzabonimpa, Jean de Dieu Ndagijimana, Marie Rose Fatuma, Dick Prudence Munyeshuli, Augustin Ngirabatware*, Judgment, 25 June 2021, MICT-18-116-T, § 344.
[1163] *Ibid.*, § 360.
[1164] *Ibid.*, § 359.

виновного от ответственности. Здесь принципиальными являются причина осведомленности – правомерная или неправомерная – и знание разглашающего об этих причинах. Так, лицо может быть осведомлено в связи с наличием допуска к конфиденциальным сведениям. Если разглашающий об этом знал, то в его действиях отсутствуют признаки состава преступления. В противном случае он может быть привлечен к ответственности.

В деле «Независимый адвокат против Бангура, Каргбо, Кану и Камара» (СССЛ) Б.Б. Камара – бывший сержант Вооруженных сил Сьерра-Леоне, осужденный СССЛ к 45 годам лишения свободы за совершение ряда международных преступлений[1165] – был признан виновным в раскрытии имени одного из свидетелей, давшего показания в ходе его процесса, третьему лицу в телефонном разговоре[1166].

Предписание трибунала о недопустимости разглашения сведений адресовано определенному кругу лиц, обладающих этими сведениями. В результате разглашения, например, публикации в журнальной статье, этот круг расширяется. В этой связи возникает вопрос, в какой мере предписание суда распространяется на лиц, которым конфиденциальные сведения стали известны вследствие преступного разглашения. Иными словами, будет ли являться преступной последующая ссылка на такие сведения в других публикациях, научных исследованиях, обзорах деятельности международных трибуналов и т.д.

Определяющим может быть наличие вины в действиях лица, ссылающегося на такие сведения. Так, книга Ф. Хартман вышла в свет на французском языке. Ее последующие перевод и публикация на других языках могли бы квалифицироваться как акт преступного разглашения, если они были совершены с намерением донести конфиденциальные сведения до более широкой аудитории. Также если автор знает о конфиденциальности цитируемых им сведений, он должен понимать, что в результате его ссылки на них в своем произведении, эти

[1165] *The Prosecutor v. Brima, Kamara and Kanu,* Judgment, 20 June 2007, SCSL-04-16-T (*Brima, et al.* Judgment), p. 570-571; *The Prosecutor v. Brima, Kamara and Kanu,* Sentencing Judgment, 19 July 2007, SCSL-04-16-T, p. 36.

[1166] *The Prosecutor v. Bangura, Kargbo, Kanu, Kamara* Judgment in Contempt Proceedings, 25 September 2012, SCSL-2011-02-T.

сведения рискуют стать достоянием большего количества людей. Осознанное принятие такого риска в практике международных уголовных судов именуется «безответственным равнодушием» и влечет наступление ответственности.

Приведенные примеры свидетельствуют, что преступное разглашение может быть как устным, так и письменным.

Субъект преступления. Субъектом преступления разглашения может быть любое лицо, которому известно о конфиденциальном характере разглашаемых сведений. То, что лицу эти сведения стали известны в связи с выполнением им своих служебных обязанностей, может расцениваться как отягчающее обстоятельство при назначении наказания, т.к. на таких лицах лежит особая ответственность по обеспечению секретности конфиденциальной информации.

Таким образом, преступление разглашения судебной тайны либо тайны следствия состоит из следующих элементов: 1) лицо предало огласке сведения, составляющие судебную тайну либо тайну следствия; 2) лицо намеревалось предать огласке сведения, составляющие судебную тайну либо тайну следствия; 3) лицо знало, что разглашаемая им информация относится к тайне следствия либо судебной тайне.

В отличие от внутригосударственного правопорядка, в международные расследования вовлечено множество лиц, не имеющих непосредственного отношения к расследованию как таковому. Это, например, сотрудники секретариатов международных судебных органов, которые регистрируют ходатайства, получаемые от органа обвинения, и уведомляют о них судей, а также присутствуют при устных слушаниях; дипломатические агенты, обеспечивающие связи между органом обвинения и компетентными правоохранительными органами своих государств, в т.ч. передачу собранных доказательственных материалов; национальные правоохранительные органы, оказывающие помощь в проведении расследования и др. Обеспечить конфиденциальность информации в таких условиях гораздо сложнее, чем в национальном уголовном процессе. Тем более необходимо обстоятельное и всестороннее регулирование способов ее защиты и мер, применимых в случае разглашения. Описанная выше

существующая на сегодняшний день международно-правовая регламентация характеризуется фрагментарностью и отсутствием единообразия между трибуналами, а иногда и в рамках одного трибунала между разными судебными палатами, тогда как высокая общественная опасность разглашения судебной тайны или тайны следствия для международного уголовного правосудия обусловливает необходимость унификации, создания всеобъемлющего по предмету охвата правового режима.

II.2.9. Содействие заведомо обвиняемому лицу в покидании территории, на которую распространяется юрисдикция международного уголовного суда

Таблица 9. Ответственность за содействие заведомо обвиняемому лицу в покидании территории, на которую распространяется юрисдикция международного уголовного суда в практике международных судов

П. «vi» ч. «А» ППД СССЛ; п. «vi» ч. «А» Правила 77 ППД ОССЛ:	*«Специальный суд в силу естественно ему присущих полномочий вправе наказывать за проявления неуважения к суду любое лицо, которое осознанно и намеренно вмешивается в отправление им правосудия, включая любое лицо, которое:* *[…]* *vi) содействует заведомо обвиняемому лицу в покидании территории, на которую распространяется юрисдикция Специального суда».*

Составлено автором

Выше понятие «юрисдикция» международного уголовного суда определялось как «действие права данного суда во времени, пространстве и по кругу лиц, т. е. когда, где и кем должно быть совершено преступление, чтобы суд был правомочен осуществлять разбирательство в его отношении», включая правовые нормы, регулирующие условия и порядок осуществления принуждения. Ввиду отсутствия у международных уголовных судов собственного принудительного аппарата и полномочий на осуществление принуждения на территории государств, выражение «территория, на которую распространяется юрисдикция» международного уголовного суда относится к территории государств, обязанных сотрудничать с этим судом, в т.ч. посредством

предоставления своего принудительного аппарата для розыска и задержания лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, подсудных соответствующему суду.

Преступление содействия заведомо обвиняемому лицу в покидании территории, на которую распространяется юрисдикция международного уголовного суда, предусмотрено правилом 77 ППД СССЛ и правилом 77 ППД ОССЛ. Аналогичная норма содержится в правиле 35 Внутренних правил Чрезвычайных палат в судах Камбоджи.

Рассматриваемое преступление представляет опасность для всех органов международной уголовной юстиции с небольшим количеством государств-участников. Борьба с ним особенно актуальна для международных трибуналов, созданных на основании двусторонних соглашений между правительством заинтересованного государства и ООН (СССЛ, СТЛ), т.к. обязанность сотрудничать с этими трибуналами возникает из таких соглашений только для заключивших договор субъектов международного права. Покидание лицом, подозреваемым в причастности к совершению преступлений, подпадающих под юрисдикцию трибунала, их территории фактически означает невозможность осуществления уголовного преследования.

Подобная проблема не стояла перед МТБЮ и МТР, т. к. учредительные резолюции Совета Безопасности ООН обязывали все государства-члены организации сотрудничать с этими трибуналами[1167]. Виновные в совершении тяжких преступлений на территориях бывшей Югославии и Руанды подлежали передаче трибуналам, где бы они ни находились. Это может объяснять, почему в

[1167] Резолюция 827 (1993), принятая Советом Безопасности на его 3217-м заседании 25 мая 1993 года // Документ ООН S/RES/827 (1993), 25 May 1993. – § 4: «Постановляет, что все государства должны в полной мере сотрудничать с Международным трибуналом и его органами в соответствии с настоящей резолюцией и Уставом Международного трибунала и что все государства должны поэтому принимать в рамках своего внутреннего права любые меры, необходимые для осуществления положений настоящей резолюции и Устава, включая обязанность государств выполнять просьбы об оказании помощи или приказы судебной камеры в соответствии со статьей 29 Устава». См. также: Резолюция 955 (1994), принятая Советом Безопасности на его 3453-м заседании 8 ноября 1994 года // Документ ООН S/RES/955 (1994), 08 Novembre 1994. § 2.

документах, регулирующих деятельность этих трибуналов, данный состав не упоминается.

Несмотря на большое количество участников Римского статута (125 государства на момент написания настоящей главы), проблема покидания пределов юрисдикции актуальна и для МУС. Поэтому существование данного риска учитывается судьями МУС при решении вопроса о назначении или изменении подозреваемому меры пресечения в виде содержания под стражей[1168]. Так, в деле «Бемба и другие» Палата предварительного производства приняла решение об оставлении этой меры пресечения в отношении подозреваемого Э. Килоло без изменения, в т.ч. потому, что он «имел документы, позволяющие ему свободно пересекать границу […] государств, не являющихся участниками Статута и не обязанных сотрудничать с Судом, например, Камеруна»[1169]. Статутом даже предусматривается возможность оставления этой меры пресечения без изменения лицу, в отношении которого был вынесен оправдательный приговор, до тех пор, пока он не вступит в окончательную силу, если существует реальный риск, что это лицо может покинуть пределы юрисдикции МУС, в исключительных обстоятельствах и принимая во внимание серьезность вменяемых преступлений и вероятность отмены либо изменения приговора Апелляционной палатой[1170].

Преступление оказания содействия заведомо обвиняемому лицу в покидании территории, охватываемой юрисдикцией международного уголовного суда, заключается в совершении деяния, направленного на оказание помощи лицу, в отношении которого возбуждено уголовное дело в международном уголовном суде, в покидании территории государства, обязанного сотрудничать с этим судом. Это единственное преступление против отправления международного уголовного правосудия, в рамках которого содействие выступает не формой соучастия, а является самостоятельным противоправным деянием.

[1168] Пп. «i» п. «b» ч. 1 ст. 58 Римского статута 1998 г.

[1169] *The Prosecutor v. Jean-Pierre Bemba, et al.,* Decision on the "Demande de mise en liberte provisoire de Maitre Aime Kilolo Musamba", 14 March 2014, ICC-01/05-01/13-259, § 20.

[1170] Пп. «i» п. «c» ч. 3 ст. 81 Римского статута 1998 г.

Объектом этого деяния выступают: 1) отношения, возникающие в связи с расследованием и уголовным преследованием преступлений международными судебными органами; и 2) международные мир и безопасность, т. к. в результате его совершения значительно затрудняется либо становится невозможным уголовное преследование лиц, подозреваемых либо обвиняемых в совершении самых серьезных преступлений, вызывающих обеспокоенность всего международного сообщества.

Объективная сторона. *Первый элемент* рассматриваемого преступления – лицо совершило деяние, направленное на то, чтобы другое лицо покинуло пределы территории, на которую распространяется юрисдикция международного уголовного суда. Деяние может выражаться в форме действия или бездействия.

Здесь интересно рассмотреть вопрос о юридических последствиях таких деяний, являющихся одновременно суверенными актами государства, как, например, предоставление лицу, в отношении которого возбуждено уголовное дело, гражданства государства, не обязанного сотрудничать с международным уголовным судом, или выдача ему визы таким государством. До окончательного формирования обычной нормы международного права об обязанности государств бороться с преступлениями против отправления международного уголовного правосудия и, как следствие, воздерживаться от их совершения, следует признать, что суверенный характер такого государственного акта, как предоставление гражданства, даже с целью вывести лицо из-под юрисдикции международного уголовного суда, пользуется иммунитетом от уголовного преследования.

В Правилах СССЛ речь идет о содействии *обвиняемому* лицу, т. е. лицу, в отношении которого было утверждено обвинительное заключение[1171]. Во Внутренних правилах Чрезвычайных палат в судах Камбоджи говорится о содействии лицу, которому *предъявлено обвинение*[1172] (любое лицо, подвергающееся уголовному преследованию, в период между подачей вводного

[1171] Rule 47(H)(ii) SCSL RPE.
[1172] Англ.: «*Charged Person*».

ходатайства[1173] и обвинительным заключением или прекращением дела[1174]) или *обвиняемому*[1175]. Процессуальные различия между трибуналами могут создать ошибочное впечатление, что речь идет о различных составах. Это не так. Во всех трибуналах преступным считается оказание содействия лицу, которое по результатам предварительного расследования было идентифицировано как потенциально причастное к совершению преступления, подпадающего под юрисдикцию международного уголовного суда. Покидание этим лицом пределов юрисдикции суда отложит на неопределенный срок либо сделает невозможным судебную проверку гипотезы о его причастности.

Указанная разница в формулировках исследуемого преступления связана с варьированием процессуальных особенностей установления причастности лица от трибунала к трибуналу. Так, в СССЛ обвинительное заключение утверждается единолично судьей в отсутствие подозреваемого, после чего он получает статус обвиняемого. Это объясняет формулировку правила 77 о содействии *обвиняемому* в покидании пределов юрисдикции СССЛ. В МУС утверждение обвинительного заключения предполагает проведение полноценного состязательного судебного разбирательства, которое имеет место после ареста либо добровольной явки подозреваемого. Поэтому в интересах терминологического единообразия было бы более корректным говорить – несмотря на громоздкость предлагаемой формулировки – о преступлении содействия не обвиняемому, а любому лицу, в отношении которого международным уголовным судом было формально возбуждено уголовное дело по факту его причастности к совершению преступления, установленной в ходе предварительного расследования. Для краткости в дальнейшем изложении будет использоваться термин «лицо, в отношении которого возбуждено уголовное дело».

[1173] Ходатайство, которое подается в письменном виде сопрокурорами, об открытии расследования по факту совершения преступления, подпадающего под юрисдикцию Чрезвычайных палат, и содержащее предлагаемые пункты обвинения, см.: “Introductory Submission” / Glossary, Internal Rules (Rev.10), 27 October 2022, Extraordinary Chambers in the Courts of Cambodia (ECCC). [Электронный ресурс]. —– URL: https://www.eccc.gov.kh/ (ECCC Internal Rules (дата обращения: 31.08.2025).

[1174] См.: “*Charged Person*” / Glossary, ECCC Internal Rules.

[1175] Rule 35(1)(f) ECCC Internal Rules.

Термин «формально» предполагает, что подозрения о причастности лица имеют основания, описанные в каком-либо процессуальном документе, будь то обвинительное заключение, вводное ходатайство, ордер на арест, повестка о вызове в суд и др. Эти акты знаменуют момент, с которого покидание лицом пределов юрисдикции международного суда начинает представлять угрозу для международного уголовного правосудия. Отсюда, факт возбуждения против лица, которому оказывалось содействие, уголовного дела международным уголовным судом является *вторым элементом* рассматриваемого преступления. Лицо сохраняет этот статус до вынесения окончательного приговора или досрочного прекращения дела.

Третий элемент – лицо, в отношении которого возбуждено уголовное дело, должно действительно покинуть юрисдикцию международного уголовного суда или попытаться ее покинуть, т. е. общественно опасные последствия содействия в покидании должны либо наступить, либо не наступить по не зависящим от исполнителя причинам (например, обвиняемого задержали на контрольно-пропускном пункте в аэропорту). Фактически речь идет о пересечении границы или, если лицо находится на водном или воздушном судне, зарегистрированном в государстве – участнике международного уголовного суда, – о покидании такого судна на территории, на которую юрисдикция суда не распространяется. Иными словами, содействие побегу из места предварительного содержания, если лицо, в отношении которого возбуждено уголовное дело, продолжает оставаться в пределах территории государства-участника, не подпадает под действие рассматриваемой нормы.

Субъектом рассматриваемого преступления может выступать любое лицо, обладающее признаками правосубъектности в соответствии с правом соответствующего международного суда.

Преступление состоит из следующих элементов: 1) лицо оказало помощь другому лицу в покидании пределов юрисдикции международного уголовного суда; 2) в отношении лица, которому была оказана помощь, этим международным уголовным судом было возбуждено уголовное дело; 3) лицо, которому была

оказана помощь, покинуло либо попыталось покинуть пределы юрисдикции международного уголовного суда, однако не смогло это сделать по обстоятельствам, не зависящим от лица, оказывавшего помощь; 4) лицо, оказывавшее помощь, действовало умышленно; 5) лицо, оказывавшее помощь, знало, что в отношении другого лица было возбуждено уголовное дело международным уголовным судом, что дело не было прекращено досрочно и по нему не был вынесен окончательный приговор.

Сам факт покидания юрисдикции формально не закреплен в качестве преступления в международно-правовых документах. С одной стороны, преступность содействия покиданию указывает на признание за самим покиданием преступного характера, т.к. содействие правомерному поведению не может являться самостоятельным преступлением (криминальными могут быть способы оказания такого содействия, в каком случае они будут квалифицироваться как самостоятельные преступления. В этом заключается разница между содействием как преступлением и содействием посредством совершения преступления).

С другой стороны, презумпция невиновности является краеугольным камнем международной уголовной юстиции. Лицо, пусть и подозреваемое в причастности к совершению международных преступлений, признается невиновным до тех пор, пока вина его не будет установлена вступившим в законную силу приговором. Бремя доказывания, при этом, лежит на органе обвинения. Поимка подозреваемого и передача его международному суду – задача правоохранительных органов. Подозреваемый не обязан содействовать ее решению. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что криминализация покидания пределов юрисдикции международного суда противоречила бы ряду принципов международного уголовного права.

Лица, осужденные международным уголовным судом, отбывают назначенное им наказание в местах лишения свободы государств – участников суда по договоренности с ними и в соответствии с их национальным законодательством. Последним регулируется, помимо прочего, противоправность

и порядок приведения к ответственности за побег из мест лишения свободы после вступления в силу окончательного приговора международного уголовного суда.

II.2.10. Клевета в отношении судьи или другого должностного лица международного уголовного суда

Таблица 10. Ответственность за клевету в отношении судьи или другого должностного лица международного уголовного суда в практике международных судов

П. (vii) ч. «А» правила 60bis ППД СТЛ:	*«Трибунал в силу естественно ему присущих полномочий вправе наказывать за проявления неуважения к суду любое лицо, которое осознанно и намеренно вмешивается в отправление им правосудия, после установления юрисдикции Трибунала, в соответствии с его Уставом. Это право распространяется на, но не ограничивается правом наказывать любое лицо, которое:* *[…]* *vii) публично занимается серьезной клеветой в отношении судьи или другого должностного лица Трибунала посредством заявлений, не соответствующих действительности, и распространение которых не соответствует международным стандартам свободы выражения мнений».*

Составлено автором

Преступление клеветы в отношении судьи или другого должностного лица предусмотрено только в Правилах процедуры и доказывания СТЛ. Соответствующее положение появилось в тексте Правил в результате изменений от 30 октября 2009 г. в качестве реакции на клеветнические высказывания в ливанских средствах массовой информации, касавшиеся должностных лиц трибунала. Однако проблема клеветы свойственна не только СТЛ, хотя не исключено, что в связи с политической обстановкой в Ливане и негативным отношением к деятельности трибунала у части политической элиты и ее электората для него она стоит более остро, чем для других международных уголовных судов.

Понятие клеветы неразрывно связано с институтом свободы выражения мнений. Клевета заключается в распространении заведомо не соответствующих действительности сведений, умаляющих честь и достоинство или репутацию судьи или другого должностного лица международного уголовного суда, при условии, что факт распространения таких сведений выходит за рамки свободы выражения мнений. Поэтому преступление клеветы – это единственное преступление против отправления международного уголовного правосудия, состав которого регулируется сразу двумя отраслями международного права – международным уголовным правом и международным правом прав человека.

Свобода выражения мнений гарантирует право каждого, беспрепятственно и не опасаясь каких-либо последствий, высказывать публично в любой форме свои мысли и взгляды. Она закреплена в ряде международных документов, таких как Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г.[1176], Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г.[1177], Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г.[1178], Американская конвенция о правах человека от 22 ноября 1969 г.[1179], Африканская хартия прав человека и народов от 26 июня 1981 г.[1180] и др. Общепризнанно, однако, что эта свобода не является абсолютной, и приведенные документы содержат нормы, устанавливающие ограничения на пользование ею.

[1176] Статья 19: «Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ».

[1177] Часть 2 ст. 19: «Каждый человек имеет право на свободное выражение своего мнения; это право включает свободу искать, получать и распространять всякого рода информацию и идеи, независимо от государственных границ, устно, письменно или посредством печати или художественных форм выражения, или иными способами по своему выбору».

[1178] Часть 1 ст. 10: «Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ».

[1179] Часть 1 ст. 13: «Каждый человек имеет право на свободу мысли и выражения. Это право включает свободу искать, получать и распространять всякого рода информацию и идеи независимо от государственных границ, устно, письменно или посредством печати, или художественных форм выражения, или иными способами по своему выбору».

[1180] Часть 2 ст. 9: «Каждый человек имеет в рамках закона право выражать и распространять свое мнение».

Такое пользование не должно осуществляться в ущерб правам и репутации других лиц, государственной безопасности, общественному порядку, здоровью или нравственности населения[1181]. Поведение, выходящее за рамки установленных ограничений, может входить в предмет регулирования международного уголовного права.

Объект. Преступление клеветы в отношении судьи или другого должностного лица международного уголовного суда посягает на: 1) отношения, возникающие в связи с расследованием и уголовным преследованием преступлений международными судебными органами; 2) отношения, складывающиеся между государствами и/или международными организациями, по созданию международных судебных органов для отправления правосудия по делам о международных преступлениях и обеспечению их деятельности; и 3) представляет угрозу для международного мира и безопасности, т. к. последствиями его совершения могут выступать затруднение либо невозможность отправления потерпевшим лицом своих функций в рамках отправления правосудия по делам о наиболее серьезных преступлениях, вызывающих обеспокоенность всего международного сообщества, а также подрыв уважения к международному уголовному судопроизводству и его авторитета.

Понятие «должностного лица» было раскрыто в части диссертации, посвященной классификации преступлений против отправления международного уголовного правосудия.

Объективная сторона. Это преступление имеет формальный состав, т. е. считается оконченным в момент распространения клеветнических сведений, вне зависимости от наличия и масштаба ущерба, причиненного вследствие него чести, достоинству или репутации должностного лица.

Первый элемент преступления клеветы предполагает, что лицо распространило сведения о судье или другом должностном лице международного

[1181] См.: ч. 3 ст. 19 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г.; ч. 2 ст. 10 ЕКПЧ; ч. 2–5 ст. 13 Американской конвенции о правах человека от 22 ноября 1969 г.; ч. 2 ст. 27 Африканской хартии прав человека и народов от 26 июня 1981 г.

уголовного суда. Способ распространения не имеет значения (устно, письменно, печатно, иллюстративно – в виде карикатуры – и т.д.).

Согласно правилу 60*bis* ППД СТЛ, распространение сведений должно носить публичный характер. «Публичность» – понятие неоднозначное. Требование публичности исключает наказуемость сообщения заведомо ложных сведений в приватной беседе. Вместе с тем, как представляется, оно не предполагает, что сведения должны быть распространены среди потенциально неограниченного круга лиц, например, в ходе публичного выступления, с использованием средств массовой информации, сети «Интернет», в книге и т.д. Узкое понимание публичности может привести к недооценке рисков, связанных с распространением клеветнической информации среди ограниченного круга лиц. Например, в рамках международного уголовного суда такая информация может иметь серьезные последствия для репутации участников процесса и влиять на восприятие дела.

Узкое требование публичности прослеживается в практике Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ). Например, в деле «Боно против Франции» суд в обоснование констатации нарушения Францией положения Европейской конвенции от 4 ноября 1950 г. о защите прав человека и основных свобод (далее – ЕКПЧ) о свободе выражения мнения сослался, помимо прочего, на ограниченный круг субъектов, которыми была воспринята ложная информация. В ходе представительства во французском апелляционном суде интересов лица, подозреваемого в терроризме, адвокат С. Боно утверждал, что судьи, осуществлявшие предварительное расследование, были причастны к пыткам его подзащитного сирийскими секретными службами. ЕСПЧ отметил, что эти заявления были доведены до сведения узкого круга лиц, принимавших участие в судебном разбирательстве, а следовательно, не могли нанести ущерб или угрожать функционированию судебной власти и репутации судей в глазах общественности[1182]. Этим решением ЕСПЧ подчеркивается, что ограничения свободы выражения мнения призваны защитить не только и не столько личные

[1182] *Bono c. France,* Application no. 29024/11, Arrêt, 15 décembre 2015, § 54.

интересы должностных лиц, сколько интересы общества и государства, в данном случае в лице судебной власти.

Второй элемент рассматриваемого преступления – распространенные сведения (1) касались фактических обстоятельств; (2) не соответствовали действительности; и (3) умаляли честь и достоинство либо репутацию судьи или другого должностного лица международного уголовного суда.

(1) Уголовная ответственность за клевету возникает только в случае распространения информации о фактических обстоятельствах, а не в виде мнения автора, мнения третьих лиц, критического анализа, комментариев или оценочных суждений, поскольку к последним не применимы критерии ложности или истинности[1183]. Данный принцип был сформулирован ЕСПЧ в деле «Лингенс против Австрии». Дело касалось правомерности осуждения австрийского журналиста Лингенса за публикацию двух статей с жесткой критикой Федерального канцлера Б. Крайского, в которых некоторые политические выборы канцлера характеризовались как «аморальные», «недостойные» или демонстрирующие «самый низкий уровень оппортунизма». ЕСПЧ отметил, что в то время, как факт реальной действительности может быть подтвержден или опровергнут, состоятельность оценочного суждения нельзя установить доказательственным путем. Применительно к рассматриваемому преступлению это означает, что критика судьи или любого другого должностного лица международного уголовного суда, какой бы жесткой, несправедливой или оскорбительной она ни была, не может расцениваться как клевета.

Фундаментальное отличие фактов от оценочных суждений неоднократно подчеркивалось в ряде последующих решений ЕСПЧ[1184].

(2) Проблема ложности информации была подробно проанализирована выше в части, посвященной преступлению дачи ложных показаний. Все

[1183] См.: *Lingens v. Austria,* Application no. 9815/82, Judgment, 8 July 1986, § 46.

[1184] *Oberschlick v. Austria,* Application no. 11662/85, Judgment, 23 May 1991; *Schwabe v. Austria*, Application no. 13704/88, Judgment, 28 August 1992; *Dalban v. Romania,* Application no. 28114/95, Judgment, 28 September 1999; *Lopes Gomes da Silva v. Portugal*, Application no. 37698/97, Judgment, 28 September 2000.

сделанные выводы полностью применимы и здесь. Бремя доказывания несоответствия информации действительности лежит на обвинителе.

(3) Честь, достоинство и репутация являются комплексными моральными, социальными, политическими и правовыми категориями и связываются с общественной и самостоятельной оценкой личностных и профессиональных качеств лица[1185]. Не любая информация, умаляющая честь, достоинство либо репутацию, является уголовно наказуемой. Ограничения свободы выражения мнения, предусмотренные международными документами о правах человека, получили сравнительно узкое толкование в практике международных судов по правам человека, в особенности если речь идет о высказываниях, затрагивающих общественно значимые вопросы. К последним следует относить деятельность должностных лиц международных уголовных судов.

Международные суды по правам человека последовательно придерживаются в своих решениях принципа примата интересов общества над интересами конкретного индивида, если этот индивид занимается публичной деятельностью и спорное высказывание касается этой его деятельности.

В уже упоминавшемся деле «Лингенс против Австрии» ЕСПЧ отметил, что в отношении политических деятелей ограничения свободы выражения мнения должны быть менее жесткими, чем в том, что касается остальных лиц[1186]. Эта профессия сопряжена с публичностью, и, выбирая ее, политики осознанно подвергают себя, свои действия и высказывания пристальному вниманию со стороны прессы и населения. Аналогичное мнение высказал Межамериканский суд по правам человека в деле «Херрера Уллоа против Коста-Рики». Суд установил, что действия Коста-Рики, связанные с признанием журналиста виновным в распространении обвинений в коррупции против одного из

[1185] Подробно о концепции человеческого достоинства в правовой и политической мысли см.: *Дробышевский С.А.* Идея человеческого достоинства в политико-юридических доктринах и праве: Монография. Красноярск: ИПК СФУ, 2009. 160 с.

[1186] *Oberschlick v. Austria* (№ 2), Application no. 20834/92, Judgment, 1 July 1997; см. также: *Mladina D.D. Ljubljana v. Slovenia,* Application no. 20981/10, Judgment, 17 April 2014; *Axel Springer AG v. Germany* (№ 2), Application no. 48311/10, Judgment, 10 July 2014.

дипломатов страны, опубликованных европейскими СМИ, нарушают положения Американской конвенции о правах человека 1969 года. По мнению суда, «лица, которые имеют влияние на вопросы, представляющие общественный интерес, добровольно подвергают себя более пристальному вниманию со стороны общества, и, следовательно, в этой области они больше рискуют стать объектом критики [чем любое другое лицо. – прим. авт.], т. к. их деятельность выходит за рамки частной сферы и относится к сфере публичной»[1187].

Во внимание принимаются также цели, преследуемые автором высказывания. В деле «Торгейрсон против Исландии» ЕСПЧ разъяснил, что относительно низкий уровень защиты интересов индивида касается не только политической сферы, но и любых вопросов, имеющих общественную значимость. В Исландии публицист Т. Торгейрсон был осужден за клевету в отношении полиции в статьях, посвященных полицейскому произволу. По мнению ЕСПЧ, использованием нелицеприятных выражений Т. Торгейрсон стремился привлечь внимание к явлению, которое, с его точки зрения, представляло собой острую общественную проблему, и стимулировать реформативное вмешательство со стороны государства. Эта цель, по утверждению ЕСПЧ, оправдывала использование столь жестких формулировок[1188].

В деле «Тома против Люксембурга» ЕСПЧ подчеркнул, что «пределы допустимой критики в отношении гражданских служащих и политических деятелей шире, чем в том, что касается частных лиц. Вместе с тем, нельзя сказать, что гражданские служащие осознанно выставляют на всеобщее обозрение каждое свое высказывание и действие в том объеме, в котором это делают политики, и должны поэтому приравниваться к последним для целей регулирования критики их поведения»[1189].

Несмотря на то, что во всех перечисленных делах заявителями выступали журналисты, определяющим фактором для защиты от обвинений в клевете

[1187] *Herrera Ulloa v. Costa Rica*, Judgment, 2 July 2004, § 128-129. См. также: *Canese v. Paraguay*, Judgment, 31 August 2004, § 97, 105; *Tristan Donoso v. Panama*, Judgment, 27 January 2009, § 115.
[1188] *Thorgeirson v. Iceland*, Application no. 13778/88, Judgment, 25 June 1992, § 67.
[1189] *Thoma v. Luxembourg*, Application no. 38432/97, Judgment, 29 March 2001, § 47.

является характер самого высказывания, а не статус его автора. С развитием информационных технологий традиционные средства массовой информации утратили монополию на освещение и организацию диалога по значимым вопросам общественной жизни.

Всего в практике ЕСПЧ выделяются следующие критерии оценки соотношения свободы выражения мнения и права на защиту репутации лиц, деятельность которых сопряжена с публичностью: вклад распространенных сведений в обсуждение проблемы, имеющей общественное значение; степень известности лица и характер затрагиваемых вопросов; предшествующее поведение заинтересованного лица; способ получения информации и ее правдивость; содержание, форма и последствия распространения сведений[1190].

Стоит отметить, что принцип примата интересов общества над интересами публичного лица применяется не только на международном уровне, но и многими национальными судами[1191].

В 2013 г. в средствах массовой информации было опубликовано электронное письмо судьи МТБЮ Ф. Хархоффа, в котором он обвинял председателя суда Т. Мерона в оказании давления на судей Апелляционного отделения по делам «Прокурор против Готовины» и «Прокурор против Перишича», с тем чтобы добиться отмены обвинительного приговора Палат первой инстанции[1192]. Ф. Хархофф также предположил, что аналогичное давление Т. Мероном было оказано и на судей Палаты первой инстанции по делу «Прокурор против

[1190] *Haldimann and Others v. Switzerland,* Application no. 21830/09, Judgment, 24 February 2015, § 50.

[1191] См., например: ФРГ: 43 FCC 130 (1976) (*Politisches Flugblatt* case); Испания: STC 105/86 (*Soria Semanal* case), Boletín de Jurisprudencia Constitucional 64/65, 1048; Замбия: *Mwelwa Chibesakunda v. The Post Newspapers Ltd*. (1992) HP/563; *Robinson Nabulyato v. The Post* (1992) HP/611; *Lawrence Mutakasha v. The Post* (1992) HP/194; *Francis Kaunda v. The Post* (1991) HP/1295.

[1192] *Andersen S.* English version: Murderers are being allowed to go free / B.T.: сайт. [Электронный ресурс]. — URL: http://www.bt.dk/udland/english-version-murderers-are-being-allowed-to-go-free (дата обращения: 22.05.2025); *Harhoff F*. ICTY Judge Frederik Harhoff's Email to 56 Contacts / B.T.: сайт. [Электронный ресурс]. — URL: http://www.bt.dk/sites/default/files-dk/node-files/511/6/6511917-letter-english.pdf (дата обращения: 22.05.2025).

Станишича и Симатовича»[1193]. Заинтересованные лица никак не прокомментировали это заявление, однако окажись оно неправдой, оно могло бы расцениваться как клевета в отношении Т. Мерона. В схожем по обстоятельствам деле «Перуззи против Италии» ЕСПЧ не обнаружил нарушений ЕКПЧ в осуждении адвоката за распространение среди судей окружного суда г. Лукка письма, содержавшего ложные сведения в отношении одного из них, хотя и подчеркнул, что судьи также относятся к категории лиц, пользующихся меньшей защитой от свободы выражения мнения, чем частные лица[1194].

Субъектом преступления может выступать любое лицо, обладающее уголовной правосубъектностью по праву соответствующего международного уголовного суда.

Клевета может выступать одним из способов оказания воздействия на должностное лицо, с тем чтобы повлиять на отправление им своих обязанностей. Нарушитель также может стремиться снизить степень авторитета суда или конкретного судьи в глазах общественности. Однако конкретная цель или цели, преследуемые нарушителем, правообразующего значения не имеют.

В деле «Алекс Спринджер АГ против Германии» Большая палата отметила, что право на защиту чести, достоинства и репутации является частью права на неприкосновенность частной жизни, закрепленного в ст. 8 ЕКПЧ[1195]. Там же было подчеркнуто, что ст. 8 касается серьезных посягательств, совершенных таким способом, который наносит ущерб личному использованию лицом своего права на неприкосновенность частной жизни[1196], – в правиле 60*bis* ППД СТЛ речь также идет о «серьезной публичной клевете».

[1193] *Harhoff F., op.cit.*

[1194] *Peruzzi c. Italie*, Application no. 39294/09, Arrêt, 30 juin 2015, § 52; *Morice c. France* [GC], Application no. 29369/10, Arrêt, 23 avril 2015, § 128, 131.

[1195] *Chauvy and Others v. France*, Application no. 64915/01, Judgment, 29 June 2004, § 70; *White v. Sweden*, Application no. 42435/02, Judgment, 19 September 2006, § 26; *Sanchez Cardenas v. Norway*, Application no. 12148/03, Judgment, 4 October 2007, § 38; *Pfeifer v. Austria*, Application no. 12556/03, Judgment, 15 November 2007, § 49; *Polanco Torres et Movilla Polanco c. Spain*, Application no. 34147/06, Arrêt, 21 septembre 2010, § 40; *Axel Springer AG v. Germany* [GC], Application no. 39954/08, Judgment, 7 February 2012, § 83.

[1196] *A. v. Norway*, Application no. 28070/06, Judgment, 9 April 2009, § 64. См.также: *Sidabras and Džiautas v. Lithuania*, Application nos. 55480/00 and 59330/00, Judgment, 27 July 2004, § 49.

Связь с правом на неприкосновенность частной жизни означает, что клевета должна касаться конкретного лица, а не, например, судей международного уголовного суда в целом как группы или сотрудников органа обвинения. Способность юридических лиц и субъектов международного права выступать потерпевшими от клеветы является предметом дискуссии в доктрине уголовного права в связи с тем, что клевета традиционно ассоциируется с нарушением прав и свобод, принадлежащих только индивидам[1197]. Однако репутацию как сложившееся представление третьих лиц о поведении, качествах и недостатках субъекта имеют и юридические лица, и государства, и международные организации. Репутация всех субъектов права должна охраняться в равной мере, поэтому нет никаких оснований для оставления безнаказанным ложного опорочивания репутации международного уголовного суда. В пользу способности международных уголовных судов выступать потерпевшими от преступления клеветы говорит также то, что преступность и наказуемость распространения порочащих сведений устанавливается не для защиты личных интересов затронутых субъектов, а для обеспечения нормального функционирования международного уголовного суда.

[1197] *Шаршембиев А.О.* Уголовно-процессуальная защита деловой репутации юридических лиц: сравнительно-правовое исследование // Подходы к решению проблем законотворчества и правоприменения: Сборник научных трудов адъюнктов и соискателей. Омск: Омск. акад. МВД России, 2011. Вып. 18. С. 9-21; *Рыбина Е.О.* Некоторые проблемные аспекты уголовно-правовой защиты деловой репутации юридических лиц // Бизнес в законе. М.: Изд. Дом «Юр-ВАК», 2007. № 4. С. 47-51; *Литвиненко А.Ю., Сабитов Р.А.* Уголовно-правовая защита деловой репутации юридического лица // Современное право. – М.: Новый Индекс, 2009. № 12. С. 36-41; *Коврига З.Ф.* Защита имущественных интересов и деловой репутации потерпевшего – юридического лица в уголовном судопроизводстве // Система отправления правосудия по уголовным делам в современной России как социальное взаимодействие личности и государства: сборник научных статей: в 2 ч. Курск: Изд-во Курск. гос. техн. ун-та, 2009. Ч. 2. С. 104-110; *Литвиненко А.,* Сабитов Р. Уголовно-правовая защита деловой репутации юридического лица // Законность. М., 2010. № 10. С. 28-34; *Хохрякова Э.А.* Компенсация репутационного вреда, как способ защиты деловой репутации юридического лица в уголовном судопроизводстве Российской Федерации // Актуальные проблемы борьбы с преступностью. Сборник статей Международной научно-практической конференции студентов и молодых ученых, проводимой в честь почетного работника органов прокуратуры, Заслуженного юриста РСФСР, доцента кафедры прокурорского надзора и организации правоохранительной деятельности Челябинского государственного университета Роберта Валентиновича Голубева, 20–21 декабря 2012 года. Челябинск: Полиграф-Мастер, 2013. С. 78-84.

Правило 60*bis* Правил СТЛ ограничивает круг потерпевших от преступления клеветы судьями и другими должностными лицами трибунала. Действие этой нормы не распространяется на остальных участников международного уголовного судопроизводства – свидетелей, экспертов, адвокатов. Тем не менее каждый из них играет важную роль в установлении истины. Клевета в их отношении может нанести серьезный урон отправлению правосудия, например, сформировать у судей необоснованное предубеждение о правдивости показаний свидетелей или компетентности эксперта. Это может в итоге привести к вынесению несправедливого приговора.

Вместе с тем выше уже неоднократно упоминалась устоявшаяся позиция временных международных уголовных трибуналов об отсутствии их связанности словесными формулировками ППД в том, что касается составов посягательств на судопроизводство и судебный авторитет[1198]. Клеветнические высказывания в отношении любого из участников судопроизводства теоретически могут влечь наступление уголовной ответственности в силу естественных полномочий международных уголовных судов.

Преступление клеветы состоит из следующих элементов: 1) лицо распространило сведения, умаляющие честь и достоинство либо репутацию судьи или другого должностного лица международного уголовного суда; 2) эти сведения не соответствовали действительности; 3) лицо имело намерение распространить ложные сведения, умаляющие честь и достоинство либо репутацию судьи или другого должностного лица международного уголовного суда; 4) лицо знало, что эти сведения являются ложными.

Представляется, что эта норма не будет часто применяться на практике. Если критика – как обоснованная, так и необоснованная – деятельности в целом международных уголовных судов или его решений регулярно высказывается в общедоступных источниках, то она редко бывает направлена против конкретных участников судопроизводства. Кроме того, уголовные преследования в таких

[1198] 2000 *Vujin* Contempt Judgment, § 24; *Marijačić* Trial Judgment, § 15; *Nobilo* Judgement, § 39; *Margetić* Contempt Judgment, § 13; *Brima* Appeal Decision, § 26; *Samura* Contempt Judgment, § 16; *Al Jadeed* Trial Judgment, § 34; *Al Jadeed* Jurisdiction Decision, § 32.

случаях имеют оборотной стороной лишнее привлечение внимания к неправдивой информации, обеспечивая ей дополнительную аудиторию.

II.2.11. Отказ или уклонение свидетеля от дачи показаний, неявка по вызову либо непредоставление документов по требованию суда

Таблица 11. Ответственность за отказ или уклонение свидетеля от дачи показаний, неявка по вызову либо непредоставление документов по требованию суда в практике международных судов

Пп. «i» и «iii» ч. «A» правила 77 ППД МТБЮ; пп. «i» и «iii» ч. «A» правила 77 ППД МТР; пп. «i» и «iii» ч. «A» правила 77 ППД СССЛ; пп. «i» и «iii» ч. «A» правила 90 ППД МОМУТ; пп. «i» и «iii» ч. «A» правила 77 ППД ОССЛ; пп. «ii» и «iv» ч. «A» правила 60bis ППД СТЛ:	*«Трибунал в силу естественно ему присущих полномочий вправе наказывать за проявления неуважения к суду любое лицо, которое осознанно и намеренно вмешивается в отправление им правосудия (после того, как юрисдикция Трибунала будет установлена, в соответствии с его Уставом), включая любого, кто:* *i) участвуя в процессе в качестве свидетеля, вызывающе (без уважительной причины)*[1199] *отказывается или уклоняется от ответа на вопрос;* *iii) без уважительной причины не подчиняется предписанию суда явиться или предоставить документы».*

Составлено автором

Объект. Эти преступления: 1) посягают на отношения, возникающие в связи с расследованием и уголовным преследованием преступлений международными судебными органами; и 2) представляют угрозу для международного мира и безопасности.

Объективная сторона. Выражение «дача показаний» на русском языке может пониматься в широком и узком смыслах. В широком смысле им охватывается как явка для дачи показаний, так и сам процесс дачи показаний, т. е. предоставление свидетелем в устной либо письменной форме ответов на вопросы сторон и иных участников уголовного процесса в ходе судебного заседания. В узком смысле данное выражение относится только к последнему.

[1199] Текст, вынесенный в скобки, используется только в Правилах процедуры и доказывания СТЛ.

В тексте ППД международных уголовных судов *ad hoc* на английском и французском языках недвусмысленно говорится о даче показаний в узком смысле[1200]. В самой первой редакции правила 77 ППД МТБЮ от 11 февраля 1994 г. эти деяния были единственными закрепленными в качестве наказуемых посягательств на отправление трибуналом правосудия. Сегодня их противоправность предусматривается ППД всех международных уголовных трибуналов *ad hoc*.

Ответственность за отказ либо уклонение от явки для дачи показаний в рамках этих органов предусмотрена отдельно.

В рамках МУС эти деяния не влекут наступление уголовной ответственности в соответствии со ст. 70 о преступлениях против отправления правосудия Римского статута, но могут служить основанием для применения к лицу дисциплинарных мер. Вызов в суд для дачи показаний и предписание отвечать на вопросы стороны или другого участника процесса юридически оформляются в виде судебных распоряжений. Отказ либо уклонение от явки или дачи показаний могут рассматриваться как неподчинение таким распоряжениям и подпадать под действие ст. 71 Статута о ненадлежащем поведении, предусматривающей возможность применения мер дисциплинарного характера в т.ч. за отказ подчиняться распоряжениям суда.

По общему правилу в международном и национальном уголовном праве явка для дачи показаний и дача показаний в ходе судебного заседания является обязанностью свидетеля[1201]. Это связано с тем, что неявка, отказ либо уклонение от ответа на вопрос, имеющий отношение к обстоятельствам, подлежащим установлению в рамках судебного разбирательства, во-первых, представляют собой проявление неуважения к суду и его авторитету, а во-вторых, препятствуют установлению истины по уголовному делу.

[1200] Rule 77(A)(i) ICTY RPE; rule 77(A)(i) ICTR RPE; rule 77(A)(i) SCSL RPE; rule 60bis(A)(ii) STL RPE.

[1201] *The Prosecutor v. Slobodan Milošević*, Contempt Proceedings against Kosta Bulatović, Decision on Contempt of the Tribunal, 13 May 2005, IT-02-54-R77.4, § 3, 16-17 (*Bulatović* Contempt Decision); *Ntube Ngane S.* The Position of Witnesses before the International Criminal Court. BRILL, 2015. P. 129, 133.

Дело «О К. Булатовиче» было возбуждено по факту отказа свидетеля защиты К.Булатовича продолжать давать показания в отсутствие обвиняемого С.Милошевича[1202]. МТБЮ подчеркнул, что «неотъемлемой составляющей отправления правосудия является должный контроль Палаты за ходом судебного разбирательства. Любое неподчинение предписанию суда представляет собой вмешательство в отправление правосудия. Поведение обвиняемого, по сути, заключалось в выражении намерения давать показания на своих условиях. Иными словами, он намеревался контролировать обстоятельства дачи им показаний. Этим он бросил вызов авторитету суда и создал риск подрыва авторитета Палаты первой инстанции и репутации правосудия»[1203]. По мнению Палаты, такое поведение заслуживает серьезного наказания в целях общей и частной превенции[1204].

В деле «Прокурор против Кабаши» МТБЮ разъяснил, что в результате такого поведения суд лишается возможности заслушать доказательства, имеющие значение для установления истины в рамках международного уголовного процесса[1205].

Исключения из обязанности явиться в суд и давать показания единичны и исчерпывающим образом предусмотрены в соответствующих нормативно-правовых актах. Исключения, известные международному уголовному праву, будут подробно рассмотрены ниже.

[1202] *The Prosecutor v. Slobodan Milošević,* Trial Transcript, 19 April 2005, IT-02-54-T, pp. 38592–38597, 38606; *The Prosecutor v. Slobodan Milošević*, Trial Transcript, 20 April 2005, IT-02-54-T, pp. 38615–38616.

[1203] *Bulatović* Contempt Decision, § 17.

[1204] *Bulatović* Contempt Decision, § 17 - 18.

[1205] *The Prosecutor v. Shefqet Kabashi,* Sentencing Judgment, 16 September 2011, IT-04-84-R77.1, § 13. Ш. Кабаши был вызван для дачи показаний в качестве свидетеля обвинения по делу «Прокурор против Харадинажа, Балажа и Брахимажа». В ходе одного из заседаний Ш. Кабаши отказался давать показания, ссылаясь на свою моральную неспособность (см.: *The Prosecutor v. Haradinaj, Balaj and Brahimaj,* Trial Transcript, 5 June 2007, IT-04-84-T, pp. 5441–5443, 5445–5448). После принятия решения о возбуждении в отношении него преследования за отказ от дачи показаний Ш. Кабаши покинул Нидерланды. Уже из-за рубежа он вновь участвовал в том же деле в качестве свидетеля, однако и в этот раз уклонился от дачи показаний (*The Prosecutor v. Haradinaj, Balaj and Brahimaj,* Trial Transcript, 20 November 2007, IT-04-84-T, pp. 10939–10941). После ареста в 2011 г. Ш. Кабаши признал свою вину по обоим эпизодам. См.: *The Prosecutor v. Shefqet Kabashi,* Trial Transcript, 26 August 2011, IT-04-84-R77.1, pp. 58–59.

Отказ от явки для дачи показаний заключается в явно выраженном отклонении свидетелем распоряжения суда о необходимости явиться в суд для дачи показаний. Явно выраженное отклонение распоряжения может быть письменным, устным или поведенческим. Например, в деле «Об Л. Петковиче» МТБЮ пришел к выводу о наличии противоправного отказа от явки для дачи показаний на основе констатации отсутствия свидетеля в зале судебного заседания в назначенные день и время и того, что свидетелем не были сообщены суду причины, оправдывающие такое отсутствие. В этом деле свидетель – бывший начальник военного штаба Сербской радикальной партии – не явился в МТБЮ для дачи показаний по делу против бывшего главы этой партии В. Шешеля, обвинявшегося в совершении преступлений против человечности и военных преступлений. Судьи назвали эту неявку «особенно серьезной», ввиду важности для дела информации, которой обладал свидетель в силу занимаемой им должности в период событий, лежащих в основе обвинительного заключения[1206].

Уклонение от явки для дачи показаний представляет собой попытку избежать необходимости явиться, например, систематическое нахождение причин для перенесения даты явки на более поздний срок.

Отказ от дачи показаний означает отклонение свидетелем распоряжения суда о необходимости отвечать на вопрос стороны или другого участника процесса. Уклонение от дачи показаний не требует явного выражения и может состоять, например, при ответе на поставленный вопрос, в высказывании рассуждений общего характера, имеющих весьма опосредованное к нему отношение, из которых очевидно, что свидетель не собирается отвечать по существу.

В деле «Прокурор против Джокича» (далее – дело Джокича) МТБЮ определил это преступление как «настойчивый и необоснованный отказ или уклонение от ответа на вопрос»[1207]. Д. Джокич, осужденный МТБЮ к 9 годам

[1206] *In the Matter of Ljubiša Petković,* Redacted Version of Judgement Pronounced on 11 September 2008, 11 September 2008, IT-03-67-R77.1, § 42–43, § 63–64.

[1207] *The Prosecutor v. Jokić,* Judgment on Allegations of Contempt, 25 June 2009, IT-05-88-R77.1 (*Jokić* Trial Judgment), § 12.

лишения свободы в деле «Прокурор против Благоевича и Джокича»[1208], отказался от дачи показаний в качестве свидетеля по делу «Прокурор против Поповича»[1209]. Английский термин «*contumaciously*» был истолкован как «настойчиво» и «необоснованно» несмотря на то, что французский текст правил говорит о «нарушении предписания суда»[1210]. По мнению Апелляционной палаты по «делу Джокича», именно приведенное толкование английского текста наилучшим образом согласуется с французским.

Несмотря на существование у свидетелей в международном уголовном праве общей обязанности давать показания, в рамках международных уголовных трибуналов правообразующим фактором для наступления ответственности за отказ от дачи показаний, согласно французскому тексту Правил, является нарушение соответствующего распоряжения суда. В «деле Джокича» Апелляционная палата МТБЮ отметила, что «преступление [отказа или уклонения от дачи показаний] считается совершенным не когда свидетель отказывается отвечать на вопрос, заданный одной из сторон, а когда он настаивает на своем отказе после того, как Палата указала ему на необходимость ответить»[1211].

Свидетель не обязан отвечать на вопрос, признанный не имеющим отношения к делу по решению суда. Такое решение может быть принято судом самостоятельно либо в связи с заявлением протеста[1212] одной из сторон.

Отказ или уклонение от дачи показаний влечет наступление ответственности только в том случае, если свидетель действовал без уважительной причины. Бремя доказывания существования таких причин лежит на свидетеле. В деле «Об Р. Крстиче» свидетель отказался явиться в МТБЮ для дачи показаний, ссылаясь на свое посттравматическое стрессовое расстройство,

---

[1208] *The Prosecutor v. Blagojević and Jokić,* Judgment, 17 January 2005, IT-02-60; *The Prosecutor v. Blagojević and Jokić,* Judgment, 9 May 2007, IT-02-60-A.
[1209] *The Prosecutor v. Popović, et al.,* Trial Transcript, 31 October 2007, IT-05-88-T, pp. 17245–17247, 17254, 17268 (closed session).
[1210] Rule 77 ICTY RPE.
[1211] *Jokić* Trial Judgment, § 30.
[1212] Англ.: «*Objection*».

которое могло с высокой степенью вероятности быть усугублено в результате его участия в процессе. По распоряжению суда свидетель прошел медицинское обследование, подтвердившее наличие у него соответствующего заболевания. На основании медицинского заключения о состоянии здоровья свидетеля и показаний медицинского эксперта суд пришел к выводу, что отказ свидетеля от явки для дачи показаний был связан с уважительной причиной. Следует отметить, что в практике МТБЮ наличие посттравматического стрессового расстройства последовательно признавалось достаточным основанием для признания свидетеля неспособным давать показания, при условии предоставления этим свидетелем медицинского заключения о возможных тяжелых последствиях его помещения в стрессовую ситуацию[1213].

Исключения из обязанности давать показания. Как указывалось выше, в международном уголовном праве есть ряд изъятий из обязанности свидетеля давать показания. Эти изъятия объединяются в правовой институт свидетельского иммунитета, представляющий собой совокупность правовых норм, регулирующих обстоятельства, при которых свидетель вправе отказаться от дачи показаний, не опасаясь наступления отрицательных последствий в виде юридической ответственности. Свидетельский иммунитет принадлежит свидетелю, который вправе им воспользоваться или не воспользоваться по своему усмотрению. Допрашивающее лицо под контролем суда обязано принять меры к тому, чтобы свидетелю было должным образом разъяснено его право отказаться от дачи показаний до начала допроса или до того, как свидетель начнет отвечать на вопрос, на который распространяется его иммунитет. Если такие меры не были приняты, и свидетель по незнанию дал показания об обстоятельствах, защищенных иммунитетом, эти показания могут быть признаны неприемлемыми.

Анализ норм, регулирующих обстоятельства, при которых допускается отказ свидетеля от дачи показаний, а также практики их применения

[1213] *The Prosecutor v. Goran Hadiić,* Decision on Prosecution Omnibus Motion for Admission of Evidence Pursuant to Rule 92 quater and Prosecution Motion for the Admission of the Evidence of GH-083 pursuant to Rule 92 quater, 9 May 2013, IT-04-75-T, § 101; *The Prosecutor v. Stanisić and Zupljanin,* Decision Granting in Part Prosecution's Motion for Admission of Evidence of ST020 Pursuant to Rule 92 quater, 19 January 2011, IT -08-91-T, § 17.

международными уголовными судами показывает, что свидетельский иммунитет может быть абсолютным и относительным. Абсолютный свидетельский иммунитет основывается на личном статусе свидетеля и не может быть нарушен ни при каких обстоятельствах. К абсолютному иммунитету относится иммунитет, основанный на супружестве или родственном качестве свидетеля по отношению к обвиняемому[1214]; на статусе свидетеля как бывшего либо действующего сотрудника Международного Комитета Красного Креста в отношении сведений, которые стали ему известны в связи с исполнением этой международной организацией своих функций в соответствии с уставами Международного движения Красного Креста и Красного Полумесяца[1215]; на статусе священника в отношении сведений, составляющих тайну исповеди; на статусе врача в отношении сведений, составляющих врачебную тайну[1216]; на статусе журналиста в отношении его источников[1217].

Относительный свидетельский иммунитет основывается на характере показаний, которые планируется получить от свидетеля. Из него также бывают исключения.

Так, по общему правилу, никто не обязан свидетельствовать против себя. Это означает, что свидетель не может быть принужден к признанию в совершении преступления, к даче показаний, носящих прямо инкриминирующий характер, а также к предоставлению сведений, могущих впоследствии быть использованными в поддержку обвинения против свидетеля.

[1214] Согласно правилу 75 ППД МУС, супруг, дети или родители обвиняемого не могут быть принуждены к свидетельствованию против него.

[1215] Часть 4 правила 73 ППД МУС предусматривает также, что ни один действующий или бывший сотрудник Международного Комитета Красного Креста не может быть принужден к даче показаний о сведениях, которые стали ему известны в связи с отправлением этой международной организацией своих функций в соответствии с уставами Международного движения Красного Креста и Красного Полумесяца. Аналогичная норма содержится в правиле 164 ППД СТЛ. МТБЮ в деле «Прокурор против Шимича» подчеркнул, что эта норма является обычной нормой международного права, см.: *The Prosecutor v. Simić, Tadić and Zarić,* Decision on the Prosecution Motion under Rule 73 for a Ruling concerning the Testimony of a Witness, 27 July 1999, IT-95-9, §§ 73–74.

[1216] Rule 73(3) ICC RPE.

[1217] См.: *The Prosecutor v. Brđanin and Talić*, Decision on Motion to Set Aside Confidential Subpoena to Give Evidence, 7 June 2002, IT-99-36.

Тем не менее в международном уголовном праве свидетель, обладающий таким иммунитетом, может быть принужден к даче соответствующих показаний, но при условии одновременного предоставления ему гарантий ненаступления отрицательных последствий. Орган обвинения международного уголовного суда не сможет использовать сказанное свидетелем в качестве доказательства против него. Целесообразным представляется принятие судом мер к нераспространению содержания показаний в части, способной инкриминировать свидетеля, с тем чтобы избежать ознакомления с ними правоохранительных органов государства, компетентного осуществлять преследование в соответствии со своим внутренним правом. Международные уголовные суды не вправе выносить предписания государствам игнорировать сказанное свидетелем, и свидетель не будет сотрудничать с судом, зная, что его показания могут быть использованы против него в национальных судах. Более того, риск привлечения свидетеля к ответственности государствами на основании его показаний против себя в международном суде не сообразуется с правом свидетеля не свидетельствовать против себя, охраняемым международно-правовыми нормами. Присвоение его показаниям грифа секретности в данном случае является оптимальной гарантией этого права.

Таким образом, лицо может быть принуждено к свидетельствованию против себя, если ему гарантируется конфиденциальность сообщаемых им сведений и что эти сведения не будут использованы против него в будущем, кроме как в рамках дел о совершении им посягательств против отправления правосудия (например, даче ложных показаний)[1218].

Также по общему правилу защитник не может принуждаться к даче показаний в отношении сведений, входящих в предмет адвокатской тайны[1219]. Адвокатская тайна распространяется на информацию, сообщаемую защитнику подзащитным и наоборот, в рамках оказания правовой помощи. Это правило не

[1218] Rule 74(3) RPE.
[1219] Rule 73(1) ICC RPE; rule 163 STL RPE; rule 97 ICTY RPE; rule 97 ICTR RPE; rule 97 SCSL RPE.

действует, если правовая помощь оказывалась с целью совершения преступления[1220] или с целью его сокрытия.

Примечательно, что ни в одном международно-правовом акте, регулирующем деятельность международных уголовных судов, непосредственно не упоминается о свидетельском иммунитете судей и иных должностных лиц (например, помощников судей) соответствующих судов в отношении сведений, касающихся обстоятельств уголовного дела, которые стали им известными в связи с выполнением ими своих должностных обязанностей. Судьи международных уголовных судов пользуются иммунитетом, который по своему объему совпадает с иммунитетом, предоставляемым главам дипломатических представительств[1221]. Иммунитет остальных сотрудников носит функциональный характер[1222]. Таким же иммунитетом в международном праве обладают, например, консульские должностные лица. В соответствии с Венской конвенцией о дипломатических сношениях 1961 г. и Венской конвенцией о консульских сношениях 1963 г. ни дипломатические, ни консульские агенты не обязаны давать показания, однако только в течение срока пребывания на своем посту.

Кроме того, функциональные иммунитеты должностных лиц международных судов принадлежат международным судам и предоставляются для обеспечения независимого отправления правосудия, а значит, не могут использоваться в качестве основания для уклонения от содействия установлению этими судами истины по уголовному делу посредством отказа от дачи показаний.

Судейский иммунитет от дачи показаний об обстоятельствах уголовного дела, в производстве по которому принимал участие судья, относится к общим

[1220] *Situation in the Central African Republic,* Decision on the Prosecutor's "Request for judicial order to obtain evidence for investigation under Article 70", 3 February 2014, ICC-0l/05-52-Red2, §§ 3-4; *The Prosecutor v. Jean-Pierre Bemba, et al.,* Decision On The Filing In The Record Of Items Seized Upon The Searches Of The Person And Cell of Jean-Pierre Bemba Gombo, 19 May 2014, ICC-0l/05-01/13-408, p. 5; *The Prosecutor v. Jean-Pierre Bemba, et al.,* Decision Providing Materials in Two Independent Counsel Reports and Related Matters, 5 May 2015, ICC-01/05-01/13-947, § 14.

[1221] См., например, ч. 2 ст. 48 Римского статута 1998 г.; article 17(1), Agreement between the Kingdom of the Netherlands and the United Nations concerning the Headquarters of the Special Tribunal for Lebanon. – New York, 21 December 2007. [Электронный ресурс]. – URL: https://legal.un.org/avl/ha/abunal/abunal.html (дата обращения: 31.08.2025).

[1222] Часть 3 ст. 48 Римского статута МУС 1998 г.

принципам права. Соответствующие нормы содержатся в законодательстве России[1223], Беларуси[1224].

За помощниками судей необходимо признать иммунитет, аналогичный судейскому, в том, что касается дачи показаний об обстоятельствах уголовных дел, в производстве по которым они принимали участие. Помощники судей имеют такой же доступ ко всем материалам дела, в т. ч. конфиденциальным, что и судьи, принимают самое непосредственное участие в формировании позиции всей Палаты и своего судьи по фактическим и юридическим аспектам дела. Поэтому отказать им в иммунитете значило бы допустить возможность «обойти» международно-правовые нормы о судейском иммунитете, лишив их объекта и цели.

Свидетельский иммунитет судей и их помощников не должен быть абсолютным. Они могут быть принуждены к даче показаний о фактических обстоятельствах, при условии, что они являются единственными, кому эти обстоятельства известны.

Субъект. Преступления отказа либо уклонения от дачи показаний, неявки или непредоставления документов характеризуются специальным субъектом. Им может быть только лицо, которому судом было адресовано предписание о необходимости давать показания, явиться либо предоставить документы.

Преступление состоит из следующих элементов: 1) лицу было вынесено предписание о необходимости давать показания, явиться в суд либо предоставить документы; 2) лицо отказалось либо уклонилось от дачи показаний, не явилось в суд или не предоставило требуемые документы; 3) лицо намеревалось отказаться либо уклониться от дачи показаний, не явиться в суд либо не предоставить документы; 4) лицо знало о существовании предписания.

Сторона, вызвавшая свидетеля, в случае его отказа либо уклонения от дачи показаний может ходатайствовать о его признании «враждебным свидетелем»[1225].

[1223] Пункт 1 ч. 3 ст. 56 УПК РФ.
[1224] Пункт 5 ч. 2 ст. 60 УПК Республики Беларусь.

В процессуальном плане такое признание позволяет стороне прибегнуть к перекрестному допросу вместо прямого.

II.2.12. Злостное уклонение от исполнения приговора в виде уплаты штрафа

Таблица 12. Ответственность за злостное уклонение от исполнения приговора в виде уплаты штрафа в практике международных судов

Ч. 5 Правила 166 Правил ППД МУС:	*«В случае, если лицо уклоняется от уплаты штрафа в порядке и в сроки, установленные ч. 4 настоящего Правила, Суд может принять меры, которые сочтет необходимыми, в соответствии с Правилами 217-222 с применением Правила 109. В случае злостного уклонения от уплаты штрафа Суд по своей инициативе либо на основании ходатайства Прокурора, убедившись, что все доступные меры обеспечения были исчерпаны, может в качестве крайней меры принять решение о лишении нарушителя свободы, в соответствии с ч. 3 ст. 70 Римского статута. При определении срока лишения свободы Суд должен учитывать размер уже уплаченного штрафа».*

Составлено автором

Выносимые международными уголовными судами приговоры и иные судебные решения обязательны к исполнению[1226]. Неотвратимость реализации содержащихся в них предписаний является залогом достижения целей и задач международного уголовного правосудия, таких как пресечение безнаказанности лиц, ответственных за совершение наиболее тяжких преступлений, и предупреждение совершения таких преступлений в будущем. В свете стандартов международного права прав человека международное уголовное правосудие принимает меры к обеспечению надлежащего приведения в исполнение оправдательных приговоров и иных решений в пользу подозреваемого или обвиняемого лица.

[1225] Англ.: «*Hostile Witness*». См.: *The Prosecutor v. Radoslav Brđanin*, Trial Transcript, 24 January 2002, IT-99-36-T, p. 806, lns. 7-13; *The Prosecutor v. Sefer Halilović,* Decision on Admission into Evidence of Prior Statement of a Witness, 5 July 2005, IT-01-48-T, p. 4-5.

[1226] См., например: Часть X Римского статута МУС 1998 г. «Исполнение».

Ключевой характер стадии исполнения приговоров отмечался делегатами на Дипломатической конференции в Риме в 1998 г. по принятию статута МУС[1227].

В процессе и по поводу исполнения приговоров и иных решений международных уголовных судов возникают разнообразные отношения, которые также нуждаются в правовой охране от преступных посягательств. В качестве примеров можно привести отношения, связанные с пересмотром обвинительного приговора или наказания по вновь открывшимся обстоятельствам[1228]; возмещением вреда лицу, подвергнувшемуся незаконному или необоснованному аресту, содержанию под стражей или осуждению[1229]; изменением места отбывания наказания[1230]; досрочным освобождением[1231], в т.ч. условным, и др.

По состоянию международного уголовного права на настоящий момент эта группа отношений, как представляется, является недостаточно защищенной от возможных посягательств. Например, ст. 111 Римского статута, касающаяся побега лиц, осужденных МУС, из места отбывания наказания, ограничивается описанием мер, направленных на их возвращение, и совсем не затрагивает вопрос ответственности за побег. В свете ч. 2 ст. 106 Статута о подчинении условий отбывания наказания праву государства, в котором оно имеет место[1232], можно предположить, что ответственность за побег регулируется нормативными актами такого государства. Однако соответствующего прямого указания в Статуте не содержится.

Сегодня единственная норма, устанавливающая ответственность за совершение посягательств на отправление международного уголовного правосудия на исполнительной стадии, содержится в ч. 5 правила 166 ППД МУС.

[1227] См.: *Chimimba T.* Establishing an Enforcement Regime // The International Criminal Court: The Making of the Rome Statute. Brill, 1999. P. 345; *Bassiouni Ch.* The Making of the International Criminal Court // International Criminal Law: International Enforcement. Brill, 2008. P.117, 132–144; *Kress C., Sluiter G.* Preliminary Remarks / The Rome Statute of The International Criminal Court: A Commentary // edited by A. Cassese, P. Gaeta, J.R.W.D. Jones. Oxford: Oxford University Press, 2002. P. 1752–1753.

[1228] Статья 84 Римского статута МУС 1998 г.

[1229] Статья 85 Римского статута МУС 1998 г.

[1230] Статья 104 Римского статута МУС 1998 г.

[1231] Статья 110 Римского статута МУС 1998 г.

[1232] Аналогичная норма содержится в ст. 27 Устава МТБЮ.

Согласно ей, злостное уклонение от уплаты штрафа, наложенного в качестве наказания за совершение преступления против отправления правосудия, может в качестве крайней меры и после того, как все другие средства принуждения не принесли результатов, повлечь осуждение нарушителя к лишению свободы.

Несмотря на то, что злостное уклонение от уплаты штрафа формально не входит в перечень преступлений против отправления правосудия, предусмотренный ст. 70 Римского статута МУС, по своему характеру, типу и размеру предусмотренного наказания оно может быть к ним отнесено. Во-первых, рассматриваемое деяние посягает на общественные отношения, связанные с должным отправлением международного уголовного правосудия. Во-вторых, правило 166 содержит отсылку к ч. 3 ст. 70 Римского статута, устанавливающей максимальный пятилетний срок лишения свободы за посягательства на отправление правосудия МУС. В-третьих, исходя из текста правила, лишение свободы в данном случае выполняет чисто карательную функцию и дополняет, а не отменяет обязанность лица уплатить штраф.

Правило 166 не оговаривает процессуальный порядок привлечения к ответственности за злостное уклонение от уплаты штрафа. Принимая во внимание характер и размер предусмотренного наказания, можно предположить, что данный порядок должен включать элемент состязательности. Это означает, что до принятия решения лицу, самостоятельно либо через защитника, должна быть предоставлена возможность изложить свою позицию и в случае необходимости представить доказательства в устном или письменном виде.

Вместе с тем, полноценный процесс с утверждением обвинительного заключения, как в отношении других преступлений против отправления правосудия, здесь едва ли целесообразен. Несмотря на то, что, с точки зрения теории, к этому нет препятствий, на практике затяжное разбирательство в данном случае, скорее всего, окажется контрпродуктивным. Обстоятельства, подлежащие установлению для назначения наказания, а именно факт уклонения от уплаты штрафа и его злостный характер, с учетом предварительных попыток обеспечить исполнение приговора посредством применения к нарушителю менее жестких

мер принуждения, в подавляющем большинстве случаев не будут спорными. Возможные разъяснения нарушителя будут касаться не факта нарушения, а существования факторов, влияющих на целесообразность назначения ему лишения свободы и его срок.

Также, в отличие от других преступлений, предусмотренных в ст. 70 Римского статута, инициатива преследования злостного уклонения от уплаты штрафа может исходить не только от органа обвинения, но и от судей. Выше было показано, что во временных международных уголовных судах судьи вправе инициировать преследование любого посягательства на отправление международного правосудия.

В правиле 166 ответственность предусмотрена только за уклонение от исполнения приговора по факту совершения преступления против отправления правосудия, но не других преступлений, подпадающих под юрисдикцию МУС. Однако есть все основания распространить эту ответственность на случаи уклонения от исполнения любых предписаний, любого приговора или судебного решения и как минимум на все случаи уклонения от осуществления денежных выплат, например, в качестве возмещения потерпевшим причиненного ущерба.

Объект. Данное преступление: 1) посягает на отношения, возникающие в связи с расследованием и уголовным преследованием преступлений международными судебными органами; и 2) представляет угрозу для международного мира и безопасности.

Объективная сторона. Преступление уклонения от уплаты штрафа – одно из немногих преступлений против отправления международного уголовного правосудия, которое выражается в бездействии. Любое преступное бездействие предполагает совпадение трех следующих условий: наличие у лица обязанности действовать определенным образом; наличие возможности действовать; невыполнение действий, которые лицо было обязано и действительно могло совершить[1233]. Элементы преступления уклонения от уплаты штрафа предопределяются этими условиями.

[1233] *Кудрявцев В.Н.* Объективная сторона преступления. М.: Госюриздат, 1960. С. 92.

В качестве *первого элемента* преступления злостного уклонения от уплаты штрафа выступает факт приговорения международным уголовным судом лица к уплате штрафа или осуществлению любой другой денежной выплаты.

В свете данного элемента возникает вопрос о правомерности привлечения лица к ответственности за уклонение от исполнения неправосудного приговора или решения, т.е. приговора или решения, содержащих неверную оценку фактических обстоятельств либо некорректное применение права. Представляется, что исполнению подлежат даже неправосудные приговоры и решения, при условии их окончательного вступления в силу. Неправосудность приговора должна устанавливаться в судебном или ином предусмотренном порядке уполномоченным должностным лицом или органом и не может определяться самостоятельно лицом, в отношении которого был вынесен приговор. Вследствие должной констатации неправосудности приговора он подлежит отмене или пересмотру, а частично либо полностью приведенное в исполнение наказание, в зависимости от его вида, может стать, например, основанием для финансовой или иной компенсации. Односторонний отказ осужденного лица от исполнения приговора недопустим, т.к. противоречит принципу обязательности судебных решений, обеспечивающему жизнеспособность уголовного правосудия как механизма привлечения к ответственности лиц, виновных в совершении преступлений.

Здесь следует отметить, что современная система международного уголовного правосудия строится на большом доверии к судьям. За их деятельностью практически отсутствует контроль. У лица, в отношении которого был вынесен неправосудный приговор, имеются достаточно ограниченные возможности его оспорить. Приговоры Палат предварительной и первой инстанций могут быть обжалованы в апелляционном порядке. Решения последней носят окончательный характер. Поэтому целесообразным представляется исключить из компетенции судебной палаты, вынесшей приговор, рассмотрение вопросов об ответственности за уклонение от его исполнения и передавать их на рассмотрение другому судебному составу. Несмотря на то, что последний будет

не вправе давать юридически значимую оценку правосудности приговора и в случае обнаружения в действиях осужденного признаков уклонения от исполнения будет вынужден признать его виновность, он сможет, пользуясь судейским усмотрением, не назначать ему наказание.

Второй элемент – приговор вступил в законную силу и подлежит исполнению. В международном уголовном праве по общему правилу приговор вступает в законную силу по истечении срока его обжалования в апелляционном порядке, если он не был обжалован сторонами, или с момента провозглашения решения Апелляционной палаты по результатам его обжалования.

Третий элемент заключается в том, что лицо не уплачивает штраф в установленном порядке и сроки либо уплачивает его частично. В соответствии с английским текстом Правил наказуемое уклонение должно быть «продолжительным»[1234] и «умышленным»[1235]. Во французском тексте используется термин «упорное»[1236]. Представляется, что на русский язык наиболее точно значение этих терминов передается прилагательным «злостное», т. к., исходя из его определения («сознательно недобросовестный»[1237]; «грубо и часто нарушающий правила, нормы поведения или отношений»[1238]), оно заключает в себе как элементы продолжительности, так и умысла.

Наконец, в качестве *четвертого элемента* выступает наличие у лица реальной возможности уплатить штраф или осуществить иные предписанные ему международным уголовным судом денежные выплаты. Иными словами, лицо должно располагать соответствующей суммой денег либо возможностью ее приобрести (например, продать недвижимость, заложить ювелирные изделия и т. д.).

Субъектом данного преступления может быть только лицо, в отношении которого имеется подлежащий исполнению обвинительный приговор об уплате штрафа или осуществлении любой другой денежной выплаты.

[1234] Англ. «*continued*».
[1235] Англ. «*willful*».
[1236] Фр. «*persistant*».
[1237] «Злостный» / Словарь Ожегова.
[1238] «Злостный» / Ефремова Т.Ф. Указ.соч.

Преступление злостного уклонения от исполнения приговора в виде уплаты штрафа характеризуется следующими элементами: 1) лицо было приговорено международным уголовным судом лица к уплате штрафа; 2) приговор вступил в законную силу и подлежит исполнению; 3) лицо не выплатило штраф в установленном порядке и сроки или выплатило лишь частично; 4) лицо имело реальную возможность уплатить штраф целиком в установленном порядке и сроки; 5) лицо действовало умышленно; и 6) лицо было осведомлено о содержании приговора в части обязанности уплатить штраф, о сроках и порядке его уплаты.

В отличие от других преступлений против отправления правосудия, подпадающих под юрисдикцию МУС, преследование уклонения от уплаты штрафа не ограничено сроком давности. Причиной этому может быть длящийся характер данного преступления: оно начинается с момента истечения срока уплаты штрафа или, если такой срок не установлен, с момента истечения разумного срока его уплаты и продолжается до тех пор, пока не совершено действие либо не наступило событие, прекращающее обязанность лица уплачивать штраф (например, пересмотр и отмена приговора в этой части) либо делающее невозможным исполнение этой обязанности (например, банкротство кредитного учреждения, в котором содержались все финансовые активы осужденного).

Давность уголовного преследования обычно исчисляется с момента прекращения преступного деяния, который также знаменует конец общественно опасной активности лица. В случае с уклонением от уплаты штрафа, в связи с длящимся характером этого преступления, велика вероятность ненаступления этого момента.

§ II.3. Ответственность за преступления против правосудия, связанные со злоупотреблением полномочиями должностными лицами международных уголовных судов

Сегодня международное уголовное правосудие сталкивается с серьезными вызовами, связанными с защитой прав индивидов. Одной из ключевых проблем является недостаточная их защита от возможных злоупотреблений полномочиями со стороны судей и обвинителей международных уголовных судов. Данная проблема обусловлена двумя обстоятельствами:

во-первых, новизной института ответственности за преступления против правосудия, что приводит к неполноте его регулирования. Существующие нормы не охватывают весь спектр возможных нарушений, что создает пробелы в защите прав индивидов;

во-вторых, устойчивой тенденцией к идеализации международного уголовного правосудия и его работников, создающей иллюзию их безупречности и исключающей возможность ошибок или предвзятости. С момента создания первых трибуналов *ad hoc* в общественном и нередко в научном сознании утвердился образ международных судов как «судов истории», органов, стоящих над политической конъюнктурой и национальными пристрастиями. Судьи и прокуроры в этой перспективе воспринимаются как воплощение объективности и морального авторитета. Такая сакрализация неизбежно ведет к тому, что возможность ошибок, предвзятости, а тем более злоупотреблений с их стороны либо игнорируется, либо признается крайне неохотно. Между тем именно отказ от критического восприятия любого органа власти – в том числе судебного и тем более международного – создает атмосферу потенциальной безнаказанности, несовместимую с принципами справедливости, равенства сторон и права на защиту.

Особую остроту проблема приобретает в условиях растущей политизации международной уголовной юстиции. В ряде случаев обвинения в международных преступлениях используются как инструмент внутриполитической борьбы, средство давления во внешнеполитических спорах или как элемент легитимации

действий одних государств и делегитимации других. В такой ситуации злоупотребление полномочиями со стороны должностных лиц суда – будь то выборочность в возбуждении дел, предвзятый подход к оценке доказательств или сознательное игнорирование процессуальных гарантий защиты – перестает быть лишь гипотетическим риском и превращается в реальный вызов для всей системы международного уголовного правосудия. Отсутствие в международном уголовном праве специальных составов, охватывающих подобные деяния, означает, что наиболее опасные формы подрыва правосудия остаются вне сферы уголовной ответственности.

Философски речь идет о фундаментальном парадоксе: механизм, созданный для ограничения произвола и обеспечения ответственности за тяжкие преступления, сам нуждается в ограничителях и механизмах ответственности. Если международное уголовное правосудие претендует на то, чтобы быть выражением высших требований справедливости, оно должно прежде всего быть готовым применить эти требования к собственной деятельности. Это предполагает не только процессуальные гарантии для обвиняемых и других участников процесса, но и четко сформулированную уголовно-правовую ответственность за злоупотребление властью со стороны тех, кто олицетворяет международное правосудие.

В этой связи особый интерес представляет разработка новых составов преступлений против отправления международного уголовного правосудия, связанных именно со злоупотреблением полномочиями должностными лицами международных судов.

Дальнейшие исследования в этой области должны исходить из двух взаимодополняющих направлений. Во-первых, требуется концептуальное осмысление того, какие именно деяния должностных лиц международных уголовных судов по своей природе настолько опасны для справедливости процесса и прав индивидов, что должны быть признаны преступлениями против правосудия. Во-вторых, необходимо сопоставление этих деяний с уже существующими составами преступлений против отправления правосудия, чтобы

избежать дублирования и обеспечить внутреннюю согласованность будущего кодекса таких преступлений.

Предлагаемый ниже пример нового состава преступления, связанного со злоупотреблением полномочиями должностными лицами международных уголовных судов, следует рассматривать именно в этом контексте – как попытку наметить одно из направлений кодификационной работы[1239].

II.3.1. Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности

Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности относится к числу тех деяний, которые в национальных правопорядках традиционно рассматриваются как одно из наиболее опасных посягательств на правосудие и государственную службу. Данное преступление известно уголовному праву России[1240] и ряда зарубежных стран, например, ФРГ[1241], Армении[1242], Китая[1243].

Данный состав имеет комплексный **объект** и посягает сразу на несколько групп общественных отношений. Оно:

1) посягает на отношения, возникающие в связи с расследованием и уголовным преследованием преступлений международными судебными органами. Основная задача международного уголовного правосудия – установление истины и привлечение к ответственности действительно виновных в совершении тяжких нарушений международного права. Сознательное инициирование преследования заведомо невиновного лица искажает сам смысл деятельности суда, превращая его из инструмента справедливости в орудие произвола;

[1239] Копылова Е.А. Перспективы кодификации преступлений против отправления международного уголовного правосудия в международном праве // Мировой судья. 2026. № 4. С. 20.

[1240] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в действующей редакции) // СПС КонсультантПлюс.

[1241] Strafgesetzbuch vom 13. November 1998 (BGBl. I S. 3322) / Bundesgesetzblatt, Teil I. Berlin, 1998. § 344.

[1242] Республика Армения. Уголовный кодекс Республики Армения (Հայաստանի Հանրապետության քրեական օրենսգիրք) от 18 апреля 2003 г. № ЗР-74 (в редакции 2022 г.). Принят Национальным Собранием Республики Армения. Ереван, 2022. 500 с. Ст. 336.

[1243] 中华人民共和国刑法（1997年修订）[Уголовный закон Китайской Народной Республики] . [Электронный ресурс]. // The Central People’s Government of the People’s Republic of China. - URL: https://www.spp.gov.cn/spp/fl/201802/t20180206_364975.shtml (дата обращения 15.08.2025).

2) посягает на отношения в сфере защиты прав человека. Статья 7 Всеобщей декларации прав человека гарантирует каждому равную защиту закона. Ее ст. 9 запрещает произвольные арест, задержание или изгнание. Статья 10 Всеобщей декларации гласит: «Каждый человек, для определения его прав и обязанностей и для установления обоснованности предъявленного ему уголовного обвинения, имеет право, на основе полного равенства, на то, чтобы его дело было рассмотрено гласно и с соблюдением всех требований справедливости независимым и беспристрастным судом». Аналогично ч. 1 ст. 6 ЕКПЧ предусматривает: «Каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона»;

3) посягает на отношения, обеспечивающие защиту чести и достоинства человека. А.Ф. Кони пишет: «Уголовное преследование слишком серьезная вещь, чтобы не вызывать самой тщательной обдуманности. Ни последующее оправдание судом, ни даже прекращение дела до придания суду очень часто не могут изгладить материального и нравственного вреда, причиненного человеку поспешным и неосновательным привлечением его к уголовному делу»[1244]. В случае международного преследования за серьезные преступления, предаваемые широкомасштабной огласке, ущерб репутации и достоинству лица, который подвергся несправедливым обвинениям, значительно увеличивается;

4) представляет угрозу для международного мира и безопасности. Если международный уголовный суд, вместо того чтобы преследовать подлинных виновников международных преступлений, направляет свои усилия против лиц, заведомо не причастных к инкриминируемым деяниям, это не только подрывает его легитимность, но и способствует фактической безнаказанности настоящих преступников, которые могут продолжать свою деятельность. В условиях, когда международные преступления нередко связаны с широкомасштабными

[1244] *Кони А.Ф.* Избранные произведения. – М., 1956. – С.807.

конфликтами и нестабильностью, подобная подмена целей правосудия способна иметь далеко идущие негативные последствия.

Объективная сторона. В практике международных уголовных судов привлечение к ответственности представляет собой двухэтапный процесс, в котором принимают участие сторона обвинения и судьи. Сторона обвинения адресует уполномоченному судье или судьям ходатайство о выдаче ордера на арест обвиняемого либо о его вызове в суд. Соответствующее ходатайство должно содержать подтверждения его обоснованности. Исходя из представленной обвинением информации, уполномоченный судья или судьи удостоверяются в наличии разумных оснований полагать, что обвиняемый совершил преступление, подпадающее под юрисдикцию суда, и удовлетворяют ходатайство.

С учетом этих особенностей **субъектом** данного преступления может выступать либо только обвинитель, либо обвинитель и судья (судьи), удовлетворивший его ходатайство. При этом наличие предварительного сговора между прокурором и судьями не является обязательным признаком: ответственность может наступать и в случае, когда каждый из субъектов действует самостоятельно.

Преступление в любом случае считается оконченным с момента удовлетворения ходатайства. В случае, если в ходатайстве было отказано, имеет место покушение на преступление стороной обвинения.

Данное преступление имеет форму действия.

Первым элементом преступления привлечения заведомо невиновного к уголовной ответственности является направление обвинителем международного уголовного суда уполномоченному судье или судьям ходатайства о выдаче ордера на арест обвиняемого в совершении преступления, подпадающего под юрисдикцию суда, либо о его вызове в суд.

Второй элемент – обвинитель знал или должен был знать о существовании оснований для признания обвиняемого невиновным в совершении этого преступления или об отсутствии в деянии обвиняемого признаков состава этого преступления.

Таких оснований можно выделить четыре: а) установлено отсутствие события преступления, по поводу которого лицо привлекается в качестве обвиняемого; б) собранные доказательства указывают на отсутствие разумных оснований полагать, что обвиняемый совершил преступление, а возможности для их дальнейшего собирания исчерпаны; в) установлены доказательства непричастности обвиняемого к совершению преступления; г) установлено отсутствие признаков состава преступления.

Третьим элементом выступает факт удовлетворения уполномоченным судьей или судьями соответствующего ходатайства.

Наконец, *четвертый элемент* (обязательный только для установления виновности судьи (судей) – уполномоченный судья или судьи знали или должны были знать о существовании оснований для признания подозреваемого невиновным в совершении этого преступления или об отсутствии в деянии подозреваемого признаков состава этого преступления.

Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности нередко сопряжено с совершением иных преступлений против правосудия: фальсификацией доказательств, давлением на свидетелей, сокрытием оправдательной информации и т.п. В таких случаях действия виновных подлежат квалификации по совокупности преступлений.

Особую опасность представляет ситуация, когда орган обвинения использует международный уголовный процесс как инструмент вмешательства во внутренние дела государства.

Формально юрисдикция международных уголовных судов носит индивидуальный характер и не зависит от статуса лица. Однако на практике объектами преследования являются преимущественно представители высшего политического и военного руководства стран. Привлечение их к ответственности неизбежно оказывает влияние на внутреннюю политическую ситуацию, баланс власти и внешнеполитические позиции соответствующих государств. Если заведомо несправедливое обвинение используется для того, чтобы спровоцировать смену режима, дестабилизировать государство или добиться

иных политических целей, такое деяние должно квалифицироваться как отягченный состав преступления и влечь особо строгую ответственность.

Постановка вопроса об ответственности прокуроров и судей за привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности выводит на более общий узловой пункт современной теории международного уголовного права: каким образом должна быть организована правовая регламентация деятельности тех органов, которые на международном уровне призваны контролировать соблюдение права.

Контроль со стороны государств в отношении международных судов по определению ограничен: вмешательство в конкретные дела несовместимо с принципом судебной независимости, а отказ от сотрудничества ведет не к корректировке возможных ошибок, а к блокированию механизма правосудия. Внутренние процедуры – отвод судей, дисциплинарная ответственность, надзор со стороны ассамблей государств-участников – остаются, по существу, ориентированными на отдельные процессуальные нарушения, и не рассчитаны на ситуации заведомо несправедливого возбуждения и поддержания уголовного преследования.

Отсюда вытекает необходимость специального теоретического и нормативного осмысления особой формы ответственности в международном уголовном праве – ответственности должностных лиц международных судебных органов за злоупотребление предоставленными им полномочиями и доверием. Принцип независимости суда не исключает, а предполагает подотчетность: судья и прокурор, действующие от имени международного сообщества, должны быть защищены от политического давления, но не поставлены вне права. Их процессуальная свобода мыслима лишь в тех пределах, в которых она остается совместимой с основополагающими принципами справедливости и уважения прав человека.

Дальнейшее развитие международного уголовного права в этой области, по меньшей мере, предполагает два направления научного поиска. Во-первых, требуется определить, может ли ответственность международных судей и

прокуроров за заведомо несправедливое преследование быть кодифицирована как самостоятельный состав преступления против правосудия, отличающийся от дисциплинарных проступков своим международно-правовым характером и тяжестью последствий. Во-вторых, необходимо выработать модель органа или процедуры, способных обеспечивать реализацию такой ответственности, не подрывая при этом институциональной независимости международных судов и не превращая ее в фикцию.

Тем самым вопрос ответственности прокуроров и судей за привлечение к ответственности заведомо невиновного не умаляет международное уголовное правосудие, а возвращает его к исходному началу: в межгосударственной системе никакая публичная власть, включая власть, призванную судить международных преступников, не может быть поставлена выше права и освобождена от действия общих юридических принципов.

II.3.2. Реализация в национальных юрисдикциях ответственности за преступления против правосудия, связанные со злоупотреблением полномочиями должностными лицами международных уголовных судов

Как было показано выше, такие преступления, как привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности, совершенные должностными лицами международных судебных учреждений, способны нанести серьезный ущерб не только правам и законным интересам отдельных лиц, но и основам международного правопорядка в целом. Поскольку международная межгосударственная система состоит прежде всего из суверенных и юридически равноправных государств, стабильность этой системы непосредственно зависит от неукоснительного соблюдения принципов суверенного равенства и невмешательства во внутренние дела. Уголовное преследование высших должностных лиц государства со стороны международного судебного учреждения, осуществляемое в отсутствие надлежащего правового основания, представляет собой посягательство на суверенитет данного государства и, следовательно, на сами устои международного мира и безопасности.

Можно обоснованно утверждать, что государство, чьи интересы были затронуты заведомо неправомерными действиями должностных лиц международного судебного учреждения, не только вправе, но и обязано проявить особую заинтересованность в привлечении виновных к ответственности. Учитывая, что преступные действия были совершены теми самыми лицами, которые отправляют правосудие в соответствующем международном суде, совершенно очевидно, что пострадавшее государство не может доверить восстановление нарушенных прав этому же учреждению. В подобных обстоятельствах оно с необходимостью обращается к механизмам собственной правовой системы, для чего ему требуется располагать надлежащей нормативно-правовой базой.

Именно так поступила Российская Федерация. В связи с выдачей МУС ордеров на арест Президента Российской Федерации В.В. Путина и Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка М.А. Львовой-Беловой, Следственный комитет Российской Федерации возбудил уголовные дела против Прокурора МУС К.Хана по ч. 2 ст. 299 и ч. 1 ст. 30, ч. 2 ст. 360 УК РФ (привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности, соединенное с незаконным обвинением лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, а также приготовление к нападению на представителя иностранного государства, пользующегося международной защитой, с целью осложнения международных отношений) и трех судей МУС по ч. 2 ст. 301, ч. 1 ст. 30 ч. 2 ст. 360 УК РФ (заведомо незаконное заключение под стражу, а также приготовление к нападению на представителя иностранного государства, пользующегося международной защитой, с целью осложнения международных отношений)[1245].

Как было показано выше, с учетом особенностей процедуры привлечения к ответственности в международных уголовных судах, в которой принимают участие в равной степени обвинитель и уполномоченный судья (судьи), действия

[1245] СК возбудил дело в отношении прокурора и судей МУС [Электронный ресурс] // ТАСС. – 2025. – 20 марта. – URL: https://tass.ru/proisshestviya/17317275 (дата обращения: 28.08.2025).

судей, удовлетворивших ходатайство о выдаче ордера на арест В.В.Путина и М.А.Львовой-Беловой, также могут квалифицироваться по ч. 2 ст. 299 и ч. 1 ст. 30 УК РФ.

Данное дело представляет собой первую известную попытку распространить действие ст. 299 УК РФ на сотрудников международной организации, участником которой Российская Федерация, к тому же, не является. В отечественной литературе по уголовному праву круг субъектов преступления, предусмотренного данной статьей, традиционно ограничивался должностными лицами российских правоохранительных органов – дознавателями и следователями[1246]. Однако с точки зрения общей теории права такое ограничение основывалось не на буквальном содержании нормы, а лишь на доктринальном толковании, обусловленном прежде всего отсутствием прецедентов. В диспозиции ст. 299 УК РФ не содержится явного указания на конкретные категории лиц, которые могут быть признаны субъектами данного преступления. Это открывает возможность для расширительного толкования нормы, которое представляется не только допустимым, но и необходимым в условиях, когда действия иностранных должностных лиц – сотрудников международных организаций – непосредственно посягают на основные интересы Российской Федерации или ее граждан.

Существует точка зрения, согласно которой само возбуждение подобных дел якобы представляет собой косвенное признание Россией юрисдикции МУС. Однако этот аргумент при внимательном анализе оказывается несостоятельным, и его несостоятельность обнаруживается на нескольких уровнях – теоретическом, нормативном и практическом.

[1246] См., например: *Кудрявцев В.Л.* Некоторые уголовно-правовые и уголовно-процессуальные проблемы окончания преступления, предусмотренного ч.1 ст. 299 УК РФ «Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности // The Scientific Heritage. 2019. № 41. С.58-62; *Симоненко А.А.* Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности (статья 299 Уголовного кодекса Российской Федерации): правовая неопределенность состава и ее преодоление // Общество и право. 2016. № 4. С.46-51; *Васильченко А.А.* Проблемы уголовно-правовой защиты личности от незаконного и необоснованного уголовного преследования // Сетевое издание «Академическая мысль». 2018. № 1(2). С. 15-18.

В доктрине международного права давно и твердо проводится различие между правовым признанием и фактическим признанием, а также между тем и другим, с одной стороны, и простой констатацией факта – с другой. Констатация того обстоятельства, что МУС существует как международная организация, что его прокурор и судьи совершили определенные действия и что эти действия причинили вред интересам Российской Федерации или ее граждан, не равнозначна признанию юрисдикции МУС.

Признание юрисдикции международного судебного органа возможно лишь постольку, поскольку государство признает за собой права и обязанности, вытекающие из учредительного договора данного органа, то есть выражает согласие на обязательность для него соответствующего договора в одной из предусмотренных международным правом форм. Такие права и обязанности не могут возникнуть для государства в порядке косвенного или подразумеваемого согласия: принцип свободного волеизъявления государств и закрепленное в Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. (ст. 34) правило *pacta tertiis nec nocent nec prosunt* исключают возможность навязывания государству договорных обязательств помимо и вне его ясно выраженной воли. Ничто, разумеется, не препятствует государству добровольно принимать на себя определенные обязательства, совпадающие по содержанию с положениями соответствующего договора, однако подобное совпадение по сути не трансформирует эти односторонне принятые обязательства в договорные и не означает *ipso facto* согласия государства на обязательность для него самого данного договора как такового.

Из этого следует, что никакие действия государства, не являющегося участником Римского статута, – будь то дипломатические протесты, законодательные меры или, тем более, возбуждение уголовных дел – не могут рассматриваться как намерение быть связанным правами и обязанностями, вытекающими из Римского статута.

Более того, сама постановка вопроса о «косвенном признании» покоится на логической ошибке. Из того обстоятельства, что государство реагирует на

действия международного учреждения, не следует, что оно признает компетенцию этого учреждения. Когда государство констатирует факт совершения противоправных действий конкретными лицами – безотносительно к занимаемым ими должностям – и осуществляет в отношении них уголовное преследование на основании своего национального законодательства, оно реализует свою суверенную юрисдикцию, а не подчиняется чужой. Объектом уголовного преследования являются конкретные действия конкретных физических лиц, посягающие на интересы Российской Федерации и ее граждан.

Таким образом, вопрос о статусе Российской Федерации по отношению к МУС не имеет правового значения для целей реализации уголовной ответственности по ст. 299 УК РФ: он определяет лишь правовое основание применения российского уголовного закона к данным отношениям. Поскольку МУС является частью внутреннего правопорядка государств – участников Римского статута, его должностные лица рассматриваются этими государствами как должностные лица их судебной системы. Для Российской Федерации, однако, МУС является внешним судебным органом, не инкорпорированным в ее правовую систему. Применение положений российского уголовного закона к сотрудникам МУС обусловлено, таким образом, принципом пассивной (персональной) юрисдикции, предусмотренной ч. 3 ст. 12 УК РФ.

Обоснованность указанной правовой позиции была подтверждена заочным приговором Московского городского суда от 12 декабря 2025 года по уголовному делу № 2-0097/2025. Девять представителей МУС были признаны виновными и приговорены к срокам лишения свободы от 3,5 до 15 лет. Наибольший срок – 15 лет лишения свободы – был назначен прокурору МУС К. Хану[1247].

Таким образом, Россия стала первым государством, компетентные органы которого возбудили уголовное дело в отношении действующих сотрудников

[1247] Вынесен заочный приговор в отношении девятерых представителей Международного уголовного суда [Электронный ресурс] // Генеральная прокуратура Российской Федерации. – 2025. – 12 декабря. – URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/main/e8309187/ (дата обращения: 12.12.2025).

МУС в связи с осуществлением ими своей официальной деятельности, а компетентный суд постановил в отношении них обвинительный приговор.

При этом необходимо учитывать, что и Прокурор, и судьи МУС пользуются иммунитетами и привилегиями, совпадающими по своему объему с иммунитетами глав дипломатических представительств. Согласно ч. 2 ст. 48 Римского статута, они не могут быть привлечены к уголовной или иной ответственности за действия, совершенные в официальном качестве, даже после истечения срока их полномочий[1248].

Здесь возникает сложная правовая коллизия. С одной стороны, будучи третьей стороной по отношению к Римскому статуту МУС, Российская Федерация не связана его положениями, включая нормы об иммунитетах должностных лиц Суда. С другой стороны, наличие иммунитетов и привилегий у лиц, занимающих руководящие должности в международных организациях, является обычной нормой международного права, обязывающей все государства. Однако иммунитет ни при каких обстоятельствах не является абсолютным и не равнозначен безнаказанности. В тех случаях, когда действия международных должностных лиц сами по себе представляют посягательство на суверенитет государства и международный правопорядок, функциональная основа иммунитета утрачивает свое обоснование: иммунитет предоставляется для обеспечения эффективного осуществления правомерных функций, а не для прикрытия заведомо противоправных действий.

Практика Российской Федерации по уголовному преследованию сотрудников МУС представляет собой значимый прецедент реализации государством своего суверенного права на защиту собственных интересов и интересов своих граждан средствами национального уголовного законодательства, применяемого в соответствии с общепризнанными принципами международного права.

ВЫВОДЫ. *В первом параграфе Главы II* устанавливается, что субсидиарная подсудность в международном уголовном праве – это круг

[1248] Часть 2 ст. 48 Римского статута МУС.

уголовных дел, относящихся к ведению международных уголовных судов помимо основной категории дел о международных преступлениях.

На современном этапе развития международного уголовного права к таким делам относятся только дела о преступлениях против международного уголовного правосудия. Под ними понимаются совершаемые физическими и юридическими лицами, международными организациями и государствами противоправные наказуемые деяния, посягающие на и угрожающие международному миру и безопасности, а также международным отношениям, которые: 1) складываются между государствами и/или международными организациями в связи с учреждением международных судебных органов для отправления правосудия по делам о международных преступлениях и обеспечению их деятельности; или 2) возникают в связи с расследованием и уголовным преследованием этими органами различных преступлений, назначением и исполнением наказаний за их совершение и ответственность за которые установлена международным правом.

Не вполне отвечая признакам ни международных преступлений, ни преступлений международного характера, преступления против международного уголовного правосудия являются преступлениями *sui generis* по международному праву.

Во втором параграфе перечисляются и детально раскрываются двенадцать составов преступлений против правосудия, известных современному международному праву. В приложении к диссертации они представлены в форме таблицы на шести официальных языках ООН (русский, английский, французский, испанский, китайский, арабский).

Третий параграф посвящен малоизученному блоку преступлений против правосудия, связанных со злоупотреблением полномочиями должностными лицами международных уголовных судов. Безнаказанность судей и обвинителей международных уголовных судов является серьезным пробелом в регулировании института ответственности за преступления против правосудия в международном праве. На перспективу их возможной будущей кодификации в параграфе

формулируется и раскрывается состав преступления привлечения заведомо невиновного к уголовной ответственности.

Подобные деяния представляют серьезную угрозу международному миру и безопасности, т.к. они подрывают стабильность и безопасность государств, а зачастую целых регионов. Государства, пострадавшие от злоупотреблений должностных лиц международных уголовных судов, будут стремиться привлечь их к ответственности в рамках своей судебной системы. В Российской Федерации правовая основа для этого имеется.

ГЛАВА III. ПРОКУРОР (ОБВИНИТЕЛЬ) *AMICUS CURIAE* КАК СУБЪЕКТ ОБВИНЕНИЯ В ОРГАНАХ МЕЖДУНАРОДНОЙ УГОЛОВНОЙ ЮСТИЦИИ

§ III.1. Институт *amicus curiae*

III.1.1. Институт *amicus curiae* в международном праве

В современной доктрине международного права институт *amicus curiae* относится к числу тех форм участия третьих лиц в международном судебном и квазисудебном процессе, по поводу которой отсутствует единообразие терминологии, но в основном сложилось сходное понимание его существа. Многообразие юридических и доктринальных формулировок, на первый взгляд, затрудняет выявление его общих, юридически значимых признаков[1249]. Однако при внимательном рассмотрении обнаруживается устойчивое ядро, позволяющее вывести обобщающее, теоретически выверенное определение данного института.

В переводе с латинского *amicus curiae* означает «друг суда». В англо-американской литературе под этим термином традиционно понимается лицо, не являющееся стороной в правовом споре, но ходатайствующее перед судом о допуске к участию для представления письменных замечаний либо выступления по просьбе суда, ввиду наличия у него значимого интереса к предмету дела[1250]. В ряде актов и решений международных судов эта характеристика получает дополнительную конкретизацию. Так, в практике инвестиционного арбитража *amicus curiae* описывается как добровольный участник разбирательства, содействующий трибуналу в принятии решения путем выдвижения правовых аргументов, выражения определенной точки зрения или

[1249] В отечественной науке также предлагается переводить его как «друг правосудия». См.: *Лысенко В.В.* Институт *amicus curiae* в теории и практике неправительственных организаций и Европейский суд по правам человека // Российский судья. 2008. № 9. С.38-42. В англо- и франкоязычной доктрине принят только перевод «друг суда» - «*friend of court*» / «*ami de la cour*».

[1250] Black's Law Dictionary / edited by B.Garner. 8th ed. Thomason West USA, 2004. P. 93 цит. по. *Sands Ph., Mackenzie R.* International Courts and Tribunals, *Amicus curiae*. [Электронный ресурс]. // Max Planck Encyclopedia of Public International Law. 2008. – Режим доступа: по подписке. – URL: https://opil.ouplaw.com/ (дата обращения: 05.06.2020).

предоставления специальных познаний в области, которая затрагивается спором, но может быть недостаточно освещена в позициях сторон[1251]. В Правилах процедуры Межамериканского суда по правам человека под *amicus curiae* понимается «лицо или организация, не имеющие отношения к делу и к процедуре, которые представляют Суду обоснованные аргументы касательно фактических обстоятельств, содержащихся в описании дела, или правовых соображений по существу процедуры в виде документа или устного выступления в ходе слушания»[1252]. Встречается и такое понимание: «*amici curiae* – это лица, имеющие интерес в судебном процессе, но не являющиеся его сторонами, которые инициативно представляют письменные замечания или делают устные заявления в ходе судебного заседания»[1253]. *Amicus curiae* определяется также как «лицо или образование, которое имеет намерение внести вклад в судебное разбирательство, не становясь при этом его стороной»[1254] и как «образования, которые не являются стороной в судебном процессе, но несмотря на это приглашаются или получают разрешение представить свои взгляды на вопросы, поднимаемые в текущем судебном разбирательстве, в виде письменных замечаний или устного выступления»[1255].

В литературе иногда пишут об *amicus curiae*, как о механизме, «позволяющем субъекту, не являющемуся стороной в правовом споре, предоставлять суду информацию, которая относится к делу и не может быть к нему приобщена иным способом»[1256]; или «процедурах, позволяющих *любому*

[1251] *Aguas Provinciales de Santa Fe S.A., Suez, Sociedad General de Aguas de Barcelona S.A. and Inter Aguas Servicios Integrales del Aguas S.A. v. Argentina,* Order in response to a Petition for Participation as an *Amicus curiae*, 17 March 2006, ICSID Case № ARB/03/17, §13.

[1252] Article 2(3), Rules of Procedure of the Inter-American Court of Human Rights (Approved by the Court during its XLIX Ordinary Period of Sessions, held from November 16 to 25, 2000, and partially amended by the Court during its LXXXII Ordinary Period of Sessions, held from January 19 to 31, 2009) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.cidh.org/basicos/english/basic20.RulesCourt.pdf (дата обращения: 05.06.2025).

[1253] *Crema L., op.cit.,* p. 91.

[1254] *Viljoen F., Abebe A.* «*Amicus curiae*» Participation Before Regional Human Rights Bodies in Africa // Journal of African Law. 2014. Vol. 58, Iss. 1. P. 24.

[1255] *Van den Eynde L. Amicus curiae:* European Court of Human Rights (ECtHR). [Электронный ресурс]. // Max Planck Encyclopedia of International Procedural Law. 2019. Режим доступа: по подписке. – URL: https://opil.ouplaw.com/ (дата обращения: 26.01.2025).

[1256] *Williams S., Woolaver H., Palmer E.* The *Amicus curiae* in International Criminal Justice. P. 83.

образованию (включая государства, органы государств и международных организаций и частные образования), имеющему заинтересованность в процессе, *но не являющемуся его стороной*, *инициативно* представить письменные замечания или сделать устные заявления по вопросу *права, факта или оценки* перед международным судом или трибуналом» (курсив в оригинале)[1257].

Наконец, порой предлагается также понимать под *amicus curiae* «правовой документ консультативного характера, составленный не участвующей в процессе стороной, либо саму сторону, которая подает такой документ»[1258]; или же «мнение, взгляд, отчет, переданный суду, выносящему решение по конкретному делу, субъектом, не принимающим в нем участия в качестве процессуальной стороны, например, неправительственной, профессиональной организациями, лицом или группой лиц, имеющих исключительные юридические или профессиональные знания по важной теме, выступающей в этом деле - с той целью, чтобы вызвать вынесение желаемого судебного решения»[1259].

Различие в формулировках породило у некоторых исследователей скептическое отношение к возможности дать краткое и исчерпывающее определение *amicus curiae*, вплоть до заявления о том, что легче установить, чем *amicus curiae* не является, чем сказать, что он собой представляет[1260]. Д.Беллхаус и А.Лэйверс даже отмечают, что среди юридических терминов найдется немного столь же «мало полезных» и столь же «неопределенных», как выражение *amicus curiae*[1261]. Вместе с тем более взвешенный подход в доктрине исходит из того, что, хотя единой дефиниции действительно не выработано, смысл рассматриваемого института по существу одинаково понимается всеми

[1257] *Crema L., op.cit.,* p. 94.

[1258] *Лысенко В.В.* Указ.соч. С. 39.

[1259] *Цыбульски С.* «*Amicus curiae*» как инструмент усовершенствования правовой системы: материалы Третьей Международной конференции «Доступ к правосудию. Практика *Amicus curiae*» // Российский журнал международного права. 2005. Вып. 2. С. 3.

[1260] *Murray Ch.* Litigating in the Public Interest: Intervention and the *Amicus curiae* // South African Journal on Human Rights. 1994. Vol. 10. P. 242.

[1261] *Bellhouse J., Lavers A.* The Modern *Amicus curiae*: A Role in Arbitration? // Civil Justice Quarterly. 2004. Vol. 23. P. 187.

субъектами, его применяющими[1262]. С опорой на категории российской теории права *amicus curiae* целесообразно рассматривать как международно-правовой институт в строгом смысле слова, то есть как совокупность норм, регулирующих определенный круг однородных общественных отношений. Под международно-правовым институтом *amicus curiae* следует понимать совокупность международно-правовых норм, регулирующих порядок участия в международном судебном и квазисудебном производстве третьих лиц, а также третьих государств, международных межправительственных и неправительственных организаций, иных субъектов международного права, для представления письменных или устных замечаний по вопросам факта или права, имеющим отношение к предмету спора.

Исторически институт *amicus curiae* сформировался в национальных правопорядках, прежде всего в странах общего права[1263], куда он пришел из римской правовой традиции[1264]. Его рецепция в международном праве представляет собой сравнительно поздний феномен[1265], связанный с общим процессом институционализации и усложнения международного судопроизводства во второй половине XX и начале XXI века. В зарубежной литературе указывается, что возрастание интереса к институту *amicus curiae* со

[1262] *Цыбульски С.* Указ. соч. С.4.

[1263] Там же. См. также: *Bartholomeusz L., op.cit.,* p. 211.

[1264] *Цыбульски С.* Указ. соч. С. 2; *Shelton D.* The Participation of Nongovernmental Organizations in International Judicial Proceedings // The American Journal of International Law. 1994. Vol. 88, Iss. 4. P. 616. См. также: *Krislov S.* The *Amicus curiae* Brief: From Friendship to Advocacy // Yale Law Journal. 1963. Vol. 72. P. 694; *Harper F.V., Etherington E.D.* Lobbyists before the Court // University of Pennsylvania Law Review. 1952–1953. Vol. 101. P. 1172; Comment. The *Amicus curiae* // Northwestern University Law Review. 1960–1961. Vol. 55. P. 469; *Lowman J.* The Litigating *Amicus curiae* // American University Law Review. 1992. Vol. 41. P. 1244; *Angell E.* The *Amicus curiae*: American Development of English Institutions // International and Comparative Law Quarterly. 1967. Vol. 16, No. 4. P. 1017; *Harris M.J. Amicus curiae*: Friend or Foe? The Limits of Friendship in American Jurisprudence // Suffolk Journal of Trial and Appellate Advocacy. 2000. Vol. 5, No. 1. P. 1; *Schmidt W.W.* History, Purpose and Philosophy of *Amicus* Advocacy: The AELE *Amicus* Program [Электронный ресурс]. 21 Sept. 2008. URL: http://www.aele.org/history.html (дата обращения: 15.01.2026); *Williams G.* The *Amicus curiae* and Intervener in the High Court of Australia: A Comparative Analysis // Federal Law Review. 2000. Vol. 28, No. 3. P. 367; *Bellhouse J., Lavers A., op.cit*. P. 187.

[1265] *Gomez K.F.* Rethinking the Role of *Amicus curiae* in International Investment Arbitration: How to Draw the Line Favorably for the Public Interest // Fordham International Law Journal. 2012. Vol. 35, Iss. 2. P. 518.

стороны международных судов и трибуналов приходится на 1990-е годы[1266]. Прецеденты его использования встречались и ранее, но носили эпизодический характер[1267].

Сегодня можно говорить о весьма широком распространении этого института в практике международных органов. Как отмечается в доктрине, рассмотрение многих дел в наднациональных судах и арбитражах уже не обходится без участия «друзей суда»[1268]. Наиболее интенсивно механизм *amicus curiae* используется региональными судами по правам человека. В ЕСПЧ участие *amicus curiae* является прочно утвердившейся практикой[1269]. Официальная статистика участия *amici curiae* в производствах ЕСПЧ отсутствует; по оценкам Р. Чичовски, в период с 1972 по 2012 гг. было подано 702 ходатайства об участии в качестве *amicus curiae*, преимущественно от лица неправительственных организаций[1270]. Л. Ван ден Йенде отмечает, что «замечания *amicus curiae* могут повлиять на судей [ЕСПЧ] и иногда даже оказывались решающими»[1271].

Сходные тенденции прослеживаются в Межамериканском суде по правам человека (далее – МАСПЧ), где *amicus curiae* был допущен к участию уже в первом рассмотренном деле[1272] и где доктрина вполне обоснованно усматривает связь между активным использованием этого института и прогрессивным развитием межамериканской системы защиты прав человека[1273]. Судьи высоко оценивают вклад *amici* в работу этого органа правосудия[1274] и в прогрессивное

[1266] *Bartholomeusz L., op.cit.,* p. 212.
[1267] *Crema L., op.cit.,* p. 91.
[1268] *Миргородский Е.Д. Amicus curiae* в международном праве: история и современность // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 10. С. 201; см. также: *Viljoen F., Abebe A., op.cit.,* p. 23.
[1269] *Van den Eynde L., op.cit.*
[1270] *Cichowski R.* The European Court of Human Rights, *Amicus curiae,* and Violence against Women // Law & Society Review. 2016. Vol. 50, Iss. 4. P. 903-904. Подробнее об *amicus curiae* в Европейском суде по правам человека см: *Van den Eynde L., op.cit.*
[1271] *Van den Eynde L., op.cit.*
[1272] *Shelton D., op.cit.,* p. 638.
[1273] *Wiik A., op.cit.,* p. 451.
[1274] *Padilla D.* The Inter-American Commission on Human Rights of the Organisation of American States: a case study // American University Journal of International Law and Policy. 1993. Vol. 9, Iss. 1. P. 95, 111.

развитие межамериканской системы защиты прав человека[1275]. В решении по делу «Кимель против Аргентины» МАСПЧ даже постановил, что замечания *amicus curiae* могут рассматриваться как доказательства по вопросам права[1276].

Правила процедуры Африканского суда по правам человека и народов предусматривают механизм участия в его производствах третьих лиц[1277]. Он подробно раскрывается в Практическом руководстве 2012 г.[1278] Пока зафиксировано два спора, к участию в которых были допущены *amici curiae*[1279], а также два консультативных производства, в рамках которых подавались соответствующие ходатайства[1280].

Орган по разрешению споров Всемирной торговой организации (далее – ВТО) впервые столкнулся с вопросом, связанным с участием в процедуре *amicus curiae* при рассмотрении спора «США – Запрет импорта креветок и продуктов из креветок». Ходатайство о приобщении к делу замечаний *amicus curiae* было отклонено третейской группой в первой инстанции на том основании, что ст. 13 Договоренности о правилах и процедурах, регулирующих разрешение споров, предусматривает лишь право «запрашивать информацию и технические консультации у любого лица или органа», но не принимать к сведению спонтанно предоставляемые замечания. Апелляционный орган, однако, истолковал данное положение в более широком ключе, указав, что ничто в нем не запрещает

[1275] *Article 55, American Convention on Human Rights. Advisory Opinion № OC-20/09 of 29 September 2009* // IACtHR Series A. № 20. §§6, 17.

[1276] *Kimel v. Argentina,* Judgment of 2 May 2008 (Merits, Reparations and Costs) // IACtHR Series C. № 177. §§14, 16; *Castaneda Gutman v. Mexico,* Judgment of 6 August 2008 (Preliminary Objections, Merits, Reparations and Costs) // IACtHR Series C. № 184.

[1277] Rule 42(5), Rules of the African Court on Human and People's Rights (replace the Interim Rules of Procedure of 20 June 2008, following the harmonization of the Interim Rules of the Court and the Commission carried out during joint meetings in July 2009 in Arusha, October 2009 in Dakar and April 2010 in Arusha) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.african-court.org/wpafc/ (дата обращения: 31.08.2025).

[1278] African Court on Human and People's Rights. Practice Direction (1-5 October 2012), §§ 42-47 [Электронный ресурс]. – URL: https://en.african-court.org/ (дата обращения: 31.08.2025).

[1279] См.: *African Commission on Human Rights v. Libya*, App № 004/2011.; *Lohe Issa Konate v. Burkina Faso*, App № 004/2013.

[1280] *Request for Advisory Opinion by the Socio-Economic Rights and Accountability Project (SERAP),* App № 001/2013, Advisory opinion, 26 May 2017, §17; *Request for Advisory Opinion by the Centre for Human Rights of the University of Pretoria and the Coalition of African Lesbians*, App № 002/2015, Advisory Opinion, 28 September 2017, §13.

третейским группам по своему усмотрению принимать во внимание либо отклонять спонтанные замечания[1281].

Сам Апелляционный орган впервые инициативно предложил заинтересованным организациям представить замечания *amicus curiae* в связи с рассмотрением спора «ЕС-Асбест», ссылаясь на широкий общественный интерес в его исходе. Для регулирования порядка и условий представления замечаний был принят отдельный документ, получивший название «Дополнительные процедуры». Тем не менее, из 17 представленных замечаний *amicus curiae* ни одно не было учтено Апелляционным органом при принятии решения, без указания причин[1282].

Использование института *amicus curiae* в рамках ВТО вызвало жесткую критику со стороны ряда государств-членов этой организации, обеспокоенных последствиями потенциального вмешательства третьих лиц в рассмотрение споров с их участием[1283]. Государства-члены отстаивали свое исключительное право принимать решение об участии третьих лиц и образований в процедурах разрешения споров ВТО; указывали на риск политизации, затягивания процедур и сопутствующего увеличения расходов для сторон в споре.

Ввиду оппозиции государств-членов, Апелляционный орган занял двойственную позицию: последовательно подтверждая свое право на основании Договоренности о правилах и процедурах, регулирующих разрешение споров, приобщать к материалам дела и принимать во внимание замечания *amicus curiae* в случаях, когда, по его мнению, это уместно и полезно, он ни разу не воспользовался этим правом[1284].

[1281] WTO: *United States - Import Prohibition of Certain Shrimp and Shrimp Product*s – Appellate Body Report, 12 October 1998, WT/DS58/AB/R, §§ 104 et seq.
[1282] WTO. *European Communities – Measures Affecting Asbestos and Asbestos-Containing Products* – Appellate Body Report, 12 March 2001, WT/AS135/AB/R, §§ 50-57.
[1283] *Palchetti P., op.cit.,* p. 173; *Charnovitz S.* Judicial Independence in the World Trade Organisation // International Organisations and International Dispute Settlement / edited by L. Boisson de Chazournes, C. Romano, R. Mackenzie. Ardsley, New-York, Transitional Publishers, 2002. P. 219; *Howse R.* The World Trade Organisation 20 Years On: Global Governance by Judiciary // European Journal of International Law. 2016. Vol.26. P. 9.
[1284] *Williams S. et al., op.cit.,* p. 95.

По утверждению Ф.Эль-Хоссени, механизм *amicus curiae* сегодня «полностью признается в области инвестиционного арбитража как способ выражения интересов более широкой общественности»[1285]. Впервые[1286] институт *amicus curiae* был применен арбитражным трибуналом, функционировавшим в соответствии с Арбитражным регламентом Комиссии ООН по праву международной торговли (далее – ЮНСИТРАЛ), в силу его естественных полномочий в ходе арбитража «Метанекс против США» 2001 г.[1287] Прецедент был воспринят другим арбитражным судом в этом же году[1288].

Сегодня этот институт прямо предусмотрен правилами Трибунала Международного центра по урегулированию инвестиционных споров. Согласно параграфу 2 правила 37, решение о допущении к участию *amicus curiae* принимается арбитражным судом после консультаций с обеими сторонами, если соответствующие письменные замечания могут содействовать установлению вопроса факта или права, имеющего отношение к спору, благодаря тому, что в них излагается особый подход, познание или информация из внутреннего источника, отличающийся от изложенного в заключениях сторон, при условии, что замечания касаются предмета спора и что заявитель имеет существенный интерес в споре. При этом арбитражный суд обязан принять меры к тому, чтобы участие *amicus curiae* не прерывало ход разбирательства, не налагало лишних обременений на стороны спора и не приводило к несправедливому ущемлению их интересов[1289].

Порядок участия *amicus curiae*, предусмотренный Правилами ЮНСИТРАЛ о прозрачности в контексте арбитражных разбирательств между инвесторами и

[1285] *El-Hosseny F.* Civil Society in Investment Treaty Arbitration: Shifts and Prospects. Leiden, Brill, 2018. P.300.
[1286] *Williams S. et al., op.cit.,* p. 97.
[1287] UNCITRAL/NAFTA: *Methanex Corporation v. United States of America,* Decision of the Tribunal on Petitions from Third Persons to Intervene as *Amici curiae*, Case № UNCT/00/1, 15 January 2001 (*Methanex Corporation* Decision).
[1288] UNCITRAL/NAFTA: *United Parcel Service of America Inc v. Canada,* Decision of the Tribunal on Petitions for Intervention and Participation as *Amici curiae*, Case № UNCT/02/1, 17 October 2001.
[1289] *Aguas Provinciales de Santa Fe S.A., Suez…, op.cit.*

государствами на основе международных договоров, содержит схожие требования[1290].

Что касается МС ООН и Международного трибунала по морскому праву, то в литературе эти органы мирного разрешения международных споров характеризуются как «закрытые» для *amicus curiae*[1291], ввиду весьма поверхностного нормативного регулирования этого института в своде их процессуальных норм и скудной практики его применения на основании естественных полномочий.

В международно-правовых документах, регулирующих деятельность Международного Суда ООН, термин *amicus curiae* непосредственно не употребляется. Однако в литературе обоснованно проводится мысль о том, что функциональный эквивалент рассматриваемого института содержится, по крайней мере, в двух положениях Статута Суда – пункте 2 статьи 34 и пункте 2 статьи 66. Первое положение допускает участие в качестве *amicus curiae* при рассмотрении межгосударственных споров «публичных международных организаций»[1292]; второе – участие международных организаций и государств в рамках консультативного производства[1293].

Сам МС ООН практически не высказывался о сущности *amicus curiae*. Характерным в этом отношении является обращение Мальты с просьбой о вступлении в «Дело о континентальном шельфе» (Тунис против Ливийской Арабской Джамахирии) на основании статьи 62 Статута, где она пыталась

[1290] П. a), b), c) ч. 1 ст. 4, Правила ЮНСИТРАЛ о прозрачности в контексте арбитражных разбирательств между инвесторами и государствами на основе международных договоров [Электронный ресурс]. – Приняты 16 декабря 2013 г., вступили в силу 1 апреля 2014 г. – Нью-Йорк: ЮНСИТРАЛ, 2014. – Режим доступа: https://uncitral.un.org/ (дата обращения: 31.08.2025).

[1291] *Williams S. et al., op.cit.,* p. 92.

[1292] «Суд может запрашивать у публичных международных организаций информацию, относящуюся к делам, находящимся на его рассмотрении, а также получает подобную информацию, представляемую указанными организациями по их собственной инициативе».

[1293] «Секретарь Суда посылкою особого и непосредственного уведомления сообщает любому имеющему доступ к Суду государству, а также любой международной организации, которые могут, по мнению Суда (или его Председателя, если Суд не заседает), дать сведения по данному вопросу, что Суд готов принять, в течение устанавливаемого Председателем срока, относящиеся к вопросу письменные доклады или же выслушать такие же устные доклады на открытом заседании, назначаемом с этой целью».

обосновать наличие интереса правового характера, затрагиваемого возможным решением по делу. В своем постановлении Суд, отказав во вступлении, вместе с тем сделал важное «попутное» замечание. Суд указал, что *amicus curiae*, в отличие от третьего государства, вмешивающегося в процесс, должен действовать объективно, руководствуясь прежде всего интересами правосудия, а не стремлением добиться решения, благоприятного для собственных интересов [1294]. Это требование объективности, зафиксированное в формулировках Суда, плохо согласуется с теми доктринальными подходами, которые считают наличие у *amicus curiae* «интереса в предмете спора» необходимым признаком рассматриваемого института. Именно по этой причине он не был включен в предложенное нами общее определение.

В этой связи примечателен обмен мнениями между Дж. Фицморисом и Д. Ридом в ходе обсуждения проекта ст. 34 Статута будущего МС ООН, предложенного американской делегацией на Сан-Францисской конференции (25 апреля – 26 июня 1945 г.)[1295]. Д. Рид задавался вопросом, ограничивается ли право спонтанной подачи замечаний международной организацией случаями, когда такая организация имеет интерес в конкретном споре. Дж. Фицморис заметил, что вряд ли организации будут подавать замечания в рамках производств, в предмете которых они не заинтересованы.

Рассмотрим сперва особенности участия *amicus curiae* в производствах МС ООН по спорным делам. На первый взгляд, ч. 2 ст. 34 Статута имеет ограничительное действие по кругу субъектов и не распространяется на государства. Тем не менее, в истории были случаи, когда суд принимал во внимание сведения, представленные государством, не являющимся стороной в споре; например, в деле «О проливе Корфу» между Великобританией и Албанией суд приобщил к делу заявление Югославии, опровергавшее утверждение правительства Великобритании об установке мин в проливе югославскими

[1294] *Continental Shelf (Tunisia/Libyan Arab Jamahiriya)*, Judgment of 14 April 1981 on Application by Malta for Permission to Intervene // ICJ Reports. 1981. § 32.

[1295] Documents of the United Nations Conference on International Organization, San-Francisco, 1945. – Vol. XIV: United Nations Committee of Jurists. London, New York: United Nations Information Organization, 1945. P. 137.

судами[1296]. В литературе высказывается мнение, согласно которому отсутствие упоминания государств в ч. 2 ст. 34 не может толковаться как запрет на участие государств в качестве *amicus curiae* в производствах по спорным делам[1297]. Многие международники, однако, придерживаются противоположной позиции[1298]. Мы склонны с ними согласиться. Для государств, полагающих, что решение по делу может затронуть какой-либо их интерес правового характера, ст. 62 Статута предусмотрена возможность обратиться в Суд с просьбой о разрешении вступить в дело. Ст. 63 позволяет вступить в дело государствам-участникам многостороннего международного договора в случае возникновения вопроса о его толковании. Допущение же к участию в разбирательстве третьи государства, не имеющие правового интереса, при том понимании, что они смогут потенциально повлиять на итоговое судебное решение, не будучи при этом им связанными, не имеет под собой никаких оснований.

Что касается участия в производствах МС ООН по спорным делам как *amicus curiae* международных межправительственных организаций, то и оно в прошлом было крайне редким. В доктрине этот феномен связывается с безынициативностью как суда, так и самих организаций[1299]. В качестве примера можно привести спор между Ираном и США о воздушном инциденте 3 июля 1988 г. В ходе его рассмотрения председатель МС ООН предложил Международной организации гражданской авиации (далее – ИКАО) представить свои замечания по существу ее расследования инцидента. Соответствующие замечания были приобщены к материалам дела. При этом суд отказался принимать во внимание мнение директора Правового отдела ИКАО по некоторым правовым аспектам

[1296] *Corfu Channel (United Kingdom v. Albania)*, Merits, Judgment of 9 April 1949 // ICJ Reports. 1949. P.7. См. подробнее: *Chinkin Ch*. Third Parties in International Law. Oxford, Clarendon Press, 1993. P. 226-227.

[1297] *Palchetti P., op.cit.*, p. 167.

[1298] *Cellamare G.* Le forme di intervento nel processo dinanzi alla Corte internazionale di giustizia. Cacucci, Bari, 1991. P. 97 et seq.; *Davi A.* L'intervento davanti alla Corte internazionale di giustizia. Naples: Casa Editrice Jovene, 1984. P. 179 et seq.; *Miller, J.T.* Intervention in Proceedings before the International Court of Justice // The Future of the International Court of Justice. Vol. II. Oceana Publications, Inc., Dobbs Ferry, New-York, 1976. P.550 et seq.

[1299] *Chinkin C., Mackenzie R.* International Organizations as Friends of Court // International Organizations and International Dispute Settlement: Trends and Prospects. Ardsley, N.Y. Transnational Publishers Inc., 2002. P. 141-142.

спора, на том основании, что «эти вопросы подлежат самостоятельному разрешению Судом»[1300].

В толковании термина «публичная международная организация» ч. 2 ст. 34 МС ООН категоричен: неправительственные организации под него не подпадают. Этот вопрос обсуждался в ходе разработки Статута. Представитель Египта ставил вопрос о распространении этого термина даже на признанных ученых-правоведов. Представитель Греции настаивал на том, что вопрос толкования этого термина следовало оставить за судом, но что организации, имеющие дело с международным правом, такие как Комиссия реки Дунай, должны под него подпадать. По предположению председателя комиссии по праву Дж.Фицмориса, термин следовало распространять только на организации, членами которых являются государства. Таким образом, он исключал международные научные общества и им подобные объединения[1301].

В 1950 г. МС ООН отказал Международной лиге прав человека (далее – МЛЧП) в ходатайстве об участии в качестве *amicus curiae* в «Деле об убежище» – споре между Колумбией и Перу, на том основании, что та не являлась межправительственной организацией, как того требовала ч. 2 ст. 34 Статута[1302]. Тем не менее, практика МС ООН знает отдельные случаи фактического учета им информации, представленной неправительственными организациями. В литературе обращается внимание на «Дело, касающееся проекта Габчиково–Надьмарош» (Венгрия против Словакии), в ходе которого Суд, по сведениям арбитражного трибунала по делу «Methanex против США», неформально принял во внимание материалы, представленные международной неправительственной организацией [1303].

Обратимся теперь к условиям участия *amicus curiae* в консультативных производствах МС ООН. О поступлении заявления, содержащего просьбу о

[1300] *Aerial Incident of 3rd July 1988 (Islamic Republic of Iran v. United States of America)*. Letter № 3 (The Agent of the Islamic Republic of Iran to the Registrar of the International Court of Justice) // International Court of Justice Reports. – 1988. – Part IV: Correspondence. - P.639.
[1301] Documents of the United Nations Conference on International Organization. P. 137.
[1302] *Asylum Case //* International Court of Justice Pleadings. Part II. 1950. P.227 - 228.
[1303] *Methanex Corporation* Decision, §34.

консультативном заключении, сообщается всем государствам, имеющим право доступа к Суду. При этом к участию в качестве *amicus curiae* приглашаются только те из них – а также те международные организации, – которые могут, по мнению Суда (или его Председателя, если Суд не заседает), предоставить сведения по данному вопросу. Остальные вправе ходатайствовать об участии в производстве в качестве *amicus curiae*, однако удовлетворение такого ходатайства оставляется на усмотрение Суда.

За всю историю своего существования МС ООН лишь однажды удовлетворил ходатайство об участии в консультативном производстве в качестве *amicus curiae* неправительственной организации – в ходе рассмотрения запроса Генеральной ассамблеи ООН о даче консультативного заключения о международном статусе Юго-Западной Африки[1304]. Заявителем выступала МЛЧП. В качестве обоснования своего ходатайства она указывала на обладание обширной и полезной информацией и данными, а также результатами подробных исследований затрагиваемых в запросе правовых вопросов[1305].

МС ООН выразил готовность приобщить к материалам письменное заключение МЛПЧ. Об этом Секретарь суда сообщил заявителю телеграммой: «Получил указание информировать Вас о том, что Международный суд правосудия готов получить от Вас до 10 апреля 1950 г. письменное изложение информации, способной содействовать Суду в его рассмотрении вопросов права, поставленных перед ним в запросе Генеральной Ассамблеи относительно Юго-Западной Африки. Эта информация должна ограничиваться вопросами права и не может содержать изложение фактических обстоятельств, которые не фигурируют в запросе. Суд не планирует других обращений к Лиге по правам человека в данном деле»[1306]. Однако указанное заключение так и не было представлено в

[1304] ООН: Вопрос о Юго-Западной Африке: запрос консультативного заключения Международного суда // Документ ООН A/RES/338(IV), 6 December 1949.

[1305] *Bartholomeusz L., op.cit.,* pp. 220-221.

[1306] *International Status of South-West Africa.* Telegram of the Registrar to Mr Robert Delson, League for the Rights of Man dated March 16, 1950 // International Court of Justice Pleadings. 1950. P. 327; *International Status of South-West Africa*, Advisory Opinion of 11 July 1950 // ICJ Reports. 1950. P. 130.

установленный срок, и прецедент фактического участия неправительственной организации в консультативном производстве не сложился.

Практика привлечения международных неправительственных организаций к консультативным процедурам имеет долгую историю, восходящую к самому первому консультативному заключению Постоянной палаты международного правосудия – предшественницы МС ООН – «О назначении делегата работников от Нидерландов на 3-ю сессию Международной конференции труда» от 31 июля 1922 г. Ходатайствуя об участии как *amicus curiae* в консультативном производстве о международном статусе Юго-Западной Африки, МЛЧП утверждала, что в результате этой практики сформировался международно-правовой обычай, «убедительный, если не обязательный» для МС ООН, и что «данный суд не может предоставлять меньше свободы для участия частным международным организациям, чем это делала ППМП»[1307].

Положительное решение МС ООН в связи с ходатайством МЛПЧ позволяет предположить, что в первые годы своего существования суд был расположен расширительно толковать понятие «международная организация» ч. 2 ст. 66 как распространяющееся на межправительственные и неправительственные организации. Со временем парадигма радикально изменилась. Все последующие ходатайства неправительственных организаций об участии в качестве *amicus curiae* в консультативных процедурах МС ООН последовательно отклонял[1308]. Л.Бартоломеуш связывает эти отказы с изменением в толковании МС ООН понятия «международная организация» в ч. 2 ст. 66 Статута: оно стало более узким и охватывающим только международные межправительственные организации[1309].

[1307] *Clark R.* The International League for Human Rights and South West Africa 1947-1957: The Human Rights NGO as Catalyst in the International Legal Process // Human Rights Quarterly. 1981. Vol. 3, Iss. 4. P. 120-121.

[1308] См.: *Legal Consequences for States of the Continued Presence of South Africa in Namibia (South West Africa) Notwithstanding Security Council Resolution 276 (1970).* Advisory Opinion dated June 21, 1971 // International Court of Justice Pleadings. 1971. Vol. II. P. 639-640; см.также: *Bartholomeusz L., op.cit.,* pp. 224-225.

[1309] *Bartholomeusz L., op.cit.,* pp. 221-222.

Новый подход к замечаниям *amicus curiae,* поступающим от международных неправительственных организаций, стал формироваться в МС ООН в связи с двумя консультативными производствами относительно правомерности угрозы ядерным оружием или его применения. Большое количество поступивших от неправительственных организаций замечаний было размещено в библиотеке суда для информации судей[1310], но к материалам дела при этом не приобщалось.

В 2004 г. было принято Практическое руководство XII, логически завершившее и документально оформившее этот подход[1311]. Согласно нему, спонтанным письменным замечаниям или документам, поданным в рамках консультативного производства международной неправительственной организацией, отныне отводится роль «общедоступной информации», на которую государства и международные межправительственные организации могут ссылаться в своих письменных или устных заключениях, как на любую информацию, находящуюся в публичном доступе[1312]. Такие замечания не приобщаются к материалам дела[1313]. Они подшиваются в специально отведенном помещении в штаб-квартире МС ООН в Гааге и доступны для ознакомления только там[1314].

Л.Бартоломеуш усматривает в появлении Практического руководства XII признаки благоприятствующего подхода МС ООН к замечаниям *amicus curiae* международных неправительственных организаций. Он пишет, что присвоение им статуса общедоступной информации означает, что суд может обращаться к ним *proprio motu*, вне зависимости от того, цитируются ли они сторонами или

[1310] *Williams S. et al., op.cit.,* p. 92.
[1311] *Bartholomeusz L., op.cit.,* p. 222.
[1312] Practice Direction XII (2) of the International Court of Justice, promulgated on 30 July 2004 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.icj-cij.org/en/practice-directions (дата обращения: 05.06.2020).
[1313] Practice Direction XII (1) of the International Court of Justice, promulgated on 30 July 2004 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.icj-cij.org/en/practice-directions (дата обращения: 05.06.2020).
[1314] Practice Direction XII (3) of the International Court of Justice, promulgated on 30 July 2004 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.icj-cij.org/en/practice-directions (дата обращения: 05.06.2020).

нет[1315]. В обоснование своего тезиса он ссылается на «Дело, касающееся военных и военного характера действий в Никарагуа и против Никарагуа» (Никарагуа против США), в котором суд подчеркнул, что при разрешении споров он не обязан полагаться единственно ни на правовые аргументы сторон, ни ограничиваться представленными ими фактическими обстоятельствами[1316].

А.Виик придерживается более осторожного подхода, указывая на то, что «Практическое руководство XII не предусматривает недвусмысленно, что судьи могут знакомиться с содержанием замечаний по своей собственной инициативе. С учетом четкого отношения [к замечаниям *amicus curiae*], выраженного в Практическом руководстве, в такой возможности могут быть заинтересованы, в лучшем случае, лишь несколько судей».

На наш взгляд, спонтанное обращение судей к замечаниям *amicus curiae* неправительственных организаций противоречило бы, если не букве, то духу Практического руководства XII. Оно, очевидно, не преследует цель допустить во что бы то ни стало неправительственные организации в процесс; для этого было бы достаточно реабилитировать расширенное толкование понятия «международная организация». Принимая Практическое руководство XII, судьи обнародовали свое недвусмысленное нежелание приобщать к материалам дел замечания международных неправительственных организаций. Нельзя допустить, вслед за Л.Бартоломеушем, что судьи при этом рассчитывали обращаться к этим замечаниям неформально, в обход и втайне от сторон, – легитимности суда был бы нанесен тяжелый урон.

Представляется, что истинная цель принятия Практического руководства XII состоит не в скрытом расширении участия неправительственных организаций, а в предоставлении сторонам и участвующим государствам возможности воспользоваться позитивными аспектами *amicus curiae* через опосредованное включение соответствующей информации в их собственные позиции. В то же время Суд ясно дает понять, что не намерен институционализировать статус

[1315] *Bartholomeusz L., op.cit.,* pp. 223-224.

[1316] *Military and Paramilitary Activities in and Against Nicaragua (Nicaragua v. United States),* Merits, Judgment of 27 June 1986 // ICJ Reports. 1986. §§ 29-31.

неправительственных организаций как самостоятельных «друзей суда» в процессуальном смысле.

А.Виик пишет, что именно необходимость физического присутствия в штаб-квартире для ознакомления с содержанием замечаний *amicus curiae* объясняет отсутствие до сих пор ссылок на них участников консультативных процедур[1317]. На наш взгляд, это объяснение нельзя считать убедительным: практически у каждого государства имеются дипломатические представительства в Нидерландах, которые могли бы обеспечить передачу замечаний в свои столицы.

Сходная логика прослеживается и в подходе Международного трибунала по морскому праву (далее – МТМП), который, как и МС ООН, обладает двойной компетенцией: по рассмотрению споров, касающихся толкования и применения Конвенции ООН по морскому праву от 10 декабря 1982 г., а также консультативной. Однако, в отличие от Статута МС ООН, порядок участия третьих лиц, функционально близкий к *amicus curiae*, закреплен не в учредительном документе, а в правилах процедуры. Статья 84 Правил предусматривает возможность участия международных межправительственных организаций в производствах по спорным делам, а статья 133 – участие государств и международных межправительственных организаций в консультативных процедурах. По существу, эти положения воспроизводят логику статей 34 и 66 Статута Международного Суда, но имеют и некоторые особенности. Так, к участию в консультативных производствах автоматически приглашаются все государства – участники Конвенции 1982 г., а не только те, которые, по мнению Трибунала, «могут дать сведения по данному вопросу».

В практике МТМП до настоящего времени не зафиксировано случаев участия *amicus curiae* в производствах по межгосударственным спорам по существу. Вместе с тем материалы международных межправительственных организаций используются сторонами в качестве дополнительного обоснования своей позиции: так, в деле «Волга» (Российская Федерация против Австралии)

[1317] *Wiik A., op.cit.,* p. 437.

ответчик приложил к письменным заключениям доклады Комиссии по сохранению морских живых ресурсов Антарктики, рассматривая их как поддерживающий аргумент в пользу своей правовой позиции.

В доктрине обращено внимание на то, что в ряде производств по спорам третьи государства предпринимали шаги, которые по внешним признакам могут приближаться к участию в процессе в качестве своеобразных «друзей суда»[1318]. Так, Ф. Готье указывает на дело о заводе МОКС (Ирландия против Соединенного Королевства), в котором ирландское правительство, подкрепляя свои доводы, приложило к письменным объяснениям письма премьер-министра и министра окружающей среды Норвегии, адресованные их британским коллегам в поддержку ирландской позиции[1319]. Аналогичным образом, в деле «Волга» правительство Австралии приложило к своему ответному меморандуму копии вербальных нот Новой Зеландии и Франции, выражавших поддержку австралийскому подходу к борьбе с незаконным промыслом в Южном океане[1320]. Сам автор вместе с тем справедливо отмечает, что в подобных ситуациях речь идет скорее об *amicus litigandis* – «друзьях стороны»[1321], нежели о *amicus curiae* в собственном смысле слова: институт *amicus curiae* предполагает непосредственное обращение к суду самого третьего субъекта, а не косвенное участие через материалы, представленные одной из сторон.

Что касается участия в консультативных производствах неправительственных организаций, то МТМП придерживается аналогичного подхода к их замечаниям *amicus curiae*, что и МС ООН, присваивая им статус общедоступного материала. Так, в ходе рассмотрения запроса Совета Международного органа по морскому дну о вынесении консультативного заключения об ответственности и обязательствах государств, поручившихся за физических и юридических лиц, ведущих деятельность в Районе, в Камеру по спорам, касающимся морского дна, поступили замечания двух международных

[1318] *Gautier Ph.* NGOs and Law of the Sea Disputes // Civil Society, International Courts and Compliance Bodies. T.M.C. Asser Press, 2005. P. 240 - 241.
[1319] *Gautier Ph.* NGOs and Law of the Sea Disputes. . P. 240 - 241.
[1320] *Ibid.*
[1321] *Ibid.*

неправительственных организаций: «Гринпис Интернешнл» и «Ворлд Вайд Фанд фор Нейчер». Замечания сопровождались ходатайством о разрешении принять участие в консультативном производстве в качестве *amicus curiae*. Камера в ходатайстве отказала. Вместе с тем, замечания были распространены среди участников процедуры для информации. Представитель Великобритании в своем устном выступлении сослался на некоторые пункты из замечаний *amicus curiae* с тем, чтобы опровергнуть их[1322]. Заявителям также была предоставлена возможность сделать устное заявление для прессы в помещениях трибунала[1323].

В рамках рассмотрения запроса о вынесении консультативного заключения, поданного Субрегиональной комиссией по рыболовству, представитель Новой Зеландии сослался на замечания *amicus curiae* «Ворлд Вайд Фанд фор Нейчер»[1324].

Казалось бы, вышеизложенное подтверждает справедливость характеристики, даваемой МС ООН и МТМП в зарубежной литературе, как учреждениям, «закрытым» для *amicus curiae*. Это не совсем так. Как мы увидели, в обоих трибуналах существуют правовые нормы, позволяющие международным межправительственным организациям, инициативно или по приглашению судов, принимать участие в производствах по спорным делам и в связи с запросами о выдаче консультативных заключений, а государствам – только в последних. Крайне ограниченное число случаев фактического использования этих процедур свидетельствует, скорее, об отсутствии устойчивой взаимной заинтересованности как со стороны потенциальных участников, так и со стороны самих судов, чем о формальной «закрытости» указанных органов. Тем самым обозначенный тезис о «закрытости» в действительности опирается главным образом на последовательные отказы обеих инстанций допускать к участию в качестве *amicus curiae* неправительственные организации и частных лиц. Подобная позиция,

---

[1322] *Responsibilities and Obligations of States Sponsoring Persons and Entities with Respect to Activities in the Area (Request for Advisory Opinion Submitted to the Seabed Disputes Chamber)*, 1 February 2011, ITLOS Reports 2011, §§ 14, 21-25, 13-16.
[1323] *Crema L., op.cit.*, p. 92.
[1324] *SRFC,* Written Statement of New Zealand on the Statements made as Provided under Order 2013/5, 13 March 2014, ITLOS case № 21, §§3, 4, 9.

однако, логически вытекает из отсутствия у этих субъектов международной правосубъектности и процессуальной дееспособности участвовать в разбирательствах перед МС ООН и МТМП. Более адекватным представляется поэтому говорить не о «закрытости», а о слабой востребованности института *amicus curiae* в рамках данных органов мирного разрешения межгосударственных споров.

Сопоставление подходов различных международных судебных и квазисудебных органов к использованию института *amicus curiae* позволяет выявить две противоположно направленные тенденции. С одной стороны, международные суды по правам человека, инвестиционные арбитражи и международные уголовные суды активно прибегают к помощи *amicus curiae*; с другой – органы, специализирующиеся на мирном разрешении межгосударственных споров (МС ООН, МТМП, Орган по разрешению споров ВТО), демонстрируют в этом отношении заметную сдержанность.

Ключевое различие между этими группами заключается в составе сторон и характере спорного правоотношения. В первой группе органы рассматривают дела, в которых государства либо вообще не выступают сторонами процесса (международные уголовные суды), либо противостоят индивиду (международные суды по правам человека) либо иным образованиям, не обладающим международной правосубъектностью (инвестиционные арбитражи). Во вторую группу входят органы, призванные разрешать исключительно межгосударственные споры, основанные на взаимном согласии суверенных государств на передачу конкретного спора в их юрисдикцию.

Легитимность любой институционализированной процедуры разрешения споров между государствами в конечном счете опирается на добровольное согласие сторон передать спор на рассмотрение суда и подчиниться его решению, при этом предполагается высокий уровень доверия к авторитету и профессионализму судебного органа, а также предсказуемость процедурных рамок разбирательства. Механизм *amicus curiae* в его классическом виде объективно снижает степень предсказуемости процесса, поскольку появление

третьего участника носит спонтанный характер, а допуск к участию зависит исключительно от усмотрения суда и не поддается прямому контролю со стороны государств-сторон спора. Именно этим объясняется стремление ряда арбитражных институтов предусмотреть в своих регламентах обязательные предварительные консультации с участниками спора относительно возможного допуска *amicus curiae* к процедуре, что позволяет в определенной степени сбалансировать интересы сторон и суда.

Следует учитывать и объективные различия в ресурсах сторон. Государства, как правило, располагают возможностью собирать и представлять в суд широкий объем информации в поддержку своей позиции, привлекать консультантов по сложным вопросам факта и права, оплачивать услуги ведущих специалистов. Индивиды и негосударственные образования находятся в менее выгодном положении. В отраслях, где именно они выступают в качестве слабой стороны, участие *amicus curiae* способно частично скорректировать этот дисбаланс, дополняя картину спора сведениями, которые иначе могли бы остаться вне поля зрения суда.

Особенности международного права прав человека также способствуют более благоприятному отношению соответствующих судов к институту *amicus curiae*. Это одна из наиболее динамично развивающихся отраслей международного права: ее эволюция в значительной мере обеспечивается не принятием новых договоров, а изменением и углублением толкования уже существующих норм применительно к новым социальным реалиям. Именно через участие *amicus curiae* такие суды получают информацию о новых формах и проявлениях нарушений, о состоянии национальной практики, о позициях доктрины и гражданского общества, что делает этот механизм важным каналом связи между международным судом и внешней правовой и социальной средой. Для межгосударственных судебных органов подобное «внешнее содействие» имеет значительно меньшую актуальность, что объективно ограничивает сферу применения *amicus curiae*.

В зарубежной литературе выделяются три функции *amicus curiae*: экспертная, представительская и коммуникативная[1325]. В рамках экспертной функции *amicus curiae* представляет международным судам и арбитражам информацию преимущественно правового характера, которая в противном случае не была бы доведена до их сведения. Например, в деле «Прокурор против Р.Брданина» в качестве *amicus curiae* приняла участие Ассоциация защитников Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии для информирования Апелляционной палаты о том, является ли участие исполнителя преступного деяния в преступном сговоре его обязательным правовым компонентом[1326].

Посредством представительской функции механизм *amicus curiae* позволяет принять, пусть и ограниченное, участие в производстве субъектам, интересы которых напрямую им затрагиваются. Например, в деле «Брумареску против Румынии», рассматривавшемся в Европейском суде по правам человека, истец утверждал, что румынское государство нарушило ч. 1 ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г., отказав ему в доступе к правосудию в попытке вернуть имущественные права на здание, принадлежавшее его родителям и национализированное в 1950-е гг. В качестве *amicus curiae* в этом деле выступил наследник лица, приобретшего квартиру в спорном здании в 1973 г. Он обратил внимание суда на то, что признание заявителя собственником этой квартиры нарушило бы его имущественные права. Суд признал обоснованность аргументов *amicus curiae* и воздержался от принятия решения относительно правового статуса его квартиры[1327].

Наконец, через коммуникативную функцию *amicus curiae* в международных производствах участвуют субъекты, представляющие более глобальные, общественные интересы или интересы определенной профессиональной группы.

[1325] *Williams S., et al., op.cit.,* p. 53.
[1326] *The Prosecutor v. Radoslav Brđanin*, Decision on Motion to Dismiss Ground 1 of the Prosecutor's Appeal, 5 May 2005, IT-99-36-A.
[1327] *Brumarescu v. Romania* (Article 41) [GC], № 28342/95, 23 January 2001, ECHR 2001-1, § 69.

Зачастую в этой ипостаси выступают правозащитные или природоохранные организации.

Представляется, однако, что перечисленные функции в значительной степени сводимы к одной общей – информативной функции *amicus curiae*, ибо во всех трех случаях речь идет о передаче суду информации различного характера и уровня обобщения. В международном уголовном праве к этой общей функции добавляется еще одна – функция своеобразного гаранта справедливости судопроизводства. Необходимость ее проявляется, с одной стороны, в ситуациях, когда обвиняемый отказывается от услуг защитника и суд назначает *amicus curiae* для обеспечения минимально необходимого уровня защиты его прав и интересов[1328], а с другой – когда участие уставного обвинителя трибунала в процессе по преступлениям против отправления правосудия признано нецелесообразным и требуется независимый обвинитель в форме *amicus curiae*[1329]. В первом случае *amicus curiae* призван отстаивать интересы обвиняемого, во втором – интересы обвинения. Об этом речь пойдет ниже.

III.1.2. Институт *amicus curiae* в международном уголовном праве

Институт *amicus curiae* активно используется в международном уголовном праве. В международно-правовых актах этой отрасли под ним понимается совокупность международно-правовых норм процессуального характера, регулирующих порядок участия в международном уголовном процессе физического либо юридического лица, международной межправительственной или неправительственной организации или государства, которые по запросу международного уголовного трибунала либо инициативно и с его санкции предоставляют письменные либо устные замечания по существу определенного вопроса, если трибунал сочтет это желательным для надлежащего отправления правосудия. В дальнейшем анализе возникает задача выяснить, насколько

[1328] *The Prosecutor v. Slobodan Milošević*, Order Inviting Designation of *Amicus curiae*, 30 August 2001, IT-99-37-PT, p.2; *The Prosecutor v. Momčilo Krajišnik*, Decision on Momčilo Krajišnik's Request to Self-Represent, on Counsel's Motions in Relation to Appointment of *Amicus curiae*, and on the Prosecution Motion of 16 February 2007, 11 May 2007, IT-00-39-A, §18.

[1329] См., например: *The Prosecutor v. Vojislav Šešelj*, Decision, 11 February 2009, IT-03-67-R77.2; *The Prosecutor v. Vojislav Šešelj*, Decision, 2 March 2010, IT-03-67-R77.3.

подобное рабочее определение в полной мере охватывает содержание рассматриваемого института и не требует ли оно определенного уточнения.

По своей юридической природе институт *amicus curiae* носит процессуальный характер и потому, как правило, не закрепляется в учредительных (уставных) актах международных уголовных судов, а находит регламентацию в их правилах процедуры и доказывания. Кроме того, в процессуальном плане судьи международных уголовных судов имеют большое пространство для маневра, благодаря концепции естественных, или подразумеваемых, полномочий[1330], поэтому отсутствие специального регулирования не является препятствием для использования механизма *amicus curiae*. Исходя из этого понимания, в литературе утверждается, что уже МВТ и МВТДВ имели возможность привлекать *amicus curiae* для содействия надлежащему отправлению правосудия[1331]. В эпоху функционирования МВТ в американском обществе обсуждалась идея использования механизма *amicus curiae* для представительства в ходе процессов интересов еврейского народа. Обвинитель от США Р. Джексон принципиальных возражений не высказывал, однако замечал, что «международный трибунал может быть не вполне расположен согласиться с этим предложением», т.к. положительное решение может вдохновить другие группы лиц на подачу аналогичных ходатайств, что «усложнит ситуацию»[1332].

Первое прямое нормативное закрепление *amicus curiae* в международном уголовном процессе появилось в начальной редакции ППД МТБЮ, что, по-видимому, отражало влияние англо-американской традиции. В.Моррис и М.П.Шарф высказывают предположение, что институт *amicus curiae* был призван компенсировать отсутствие механизма участия потерпевших[1333]. Положение было

[1330] *Копылова Е.А.* Прокурор *amicus curiae* в международном праве: монография. Москва: Издательство «Бослен», 2022. С. 94-103.

[1331] *Williams S., et al., op.cit.,* p. 126.

[1332] *Marrus M.* A Jewish Lobby at Nuremberg: Jacob Robinson and the Institute of Jewish Affairs, 1945-46 // The Nuremberg Trials: International Criminal Law since 1945. Walter de Gruyter, 2011. P. 6.

[1333] *Morris V., Scharf M.P.* An Insider's Guide to the International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia. New-York, Transaction Publishers. Vol.1. 1995. P.167.

воспринято без изменений в ПДД МТР, а затем СССЛ. В МТБЮ и СССЛ были разработаны подробные практические руководства, регулирующие порядок участия *amicus curiae* в уголовных производствах. Сегодня этот механизм предусмотрен правилами всех международных уголовных трибуналов[1334].

Вторая палата предварительного производства МУС определила ключевую цель привлечения *amicus curiae* как оказание содействия суду в отправлении правосудия независимым участником, не имеющим правовой заинтересованности в процессе, которая позволила бы ему выступить в другом качестве[1335].

III.1.2.1. *Amicus curiae* как источник информации по вопросам права

Первая функция *amicus curiae* в международном уголовном праве – это предоставление международным уголовным трибуналам информации. ППД международных уголовных трибуналов *ad hoc* и МУС предусмотрено право Судебных палат, которые сочтут это желательным для надлежащего рассмотрения уголовного дела, пригласить или дать разрешение государству, организации или лицу принять участие в процессе и представить замечания по любому вопросу, определенному Палатой. Апелляционная палата СССЛ подчеркнула, что «желательно» не означает ни «существенно», ни «удобно» или «интересно», а указывает на наличие «объективного основания полагать, что письменные замечания сами по себе или с устным дополнением помогут суду принять правильное решение по поставленному перед ним вопросу»[1336]. Под «надлежащим рассмотрением» она предложила понимать «принятие судом решения, которое наиболее соответствует конечной цели правосудия, т.е. правильно применяет норму права»[1337].

[1334] Rule 74 ICTY RPE; rule 74 ICTR RPE; rule 131(A) STL RPE; rule 74 SCSL RPE; rule 103(1) ICC RPE.

[1335] *Situation in the Republic of Kenya*, Decision on Application for Leave to Submit *Amicus curiae* Observations, Pre-Trial Chamber II, ICC-01/09-35, 18 January 2011, para. 6.

[1336] *The Prosecutor v. Morris Kallon*, Decision on Application by the Redress Trust, Lawyers Committee for Human Rights and the International Commission of Jurists for Leave to File *Amicus curiae* Brief and to Present Oral Submissions, 1 November 2003, SCSL-2003-07 (*Kallon* Decision), §5.

[1337] *The Prosecutor v. Morris Kallon*, Decision on Application by the Redress Trust, Lawyers Committee for Human Rights and the International Commission of Jurists for Leave to File *Amicus*

Как видно из определения, существует два способа принять участие в международном уголовном процессе в качестве *amicus curiae*: по запросу суда либо инициативно, но при условии его одобрения. Допуск *amicus curiae* к участию целиком и полностью зависит от судейского усмотрения, поэтому критерии принятия соответствующего решения достаточно размыты.

Международные уголовные суды запрашивают замечания *amicus curiae*, если, по их мнению, они «будут полезными для надлежащего рассмотрения дела»[1338] (в английском языке модальный глагол «*will be useful*» выражает уверенность). Адресаты запроса обычно обладают правовыми познаниями по соответствующему вопросу. В деле М. Каллона Апелляционная палата СССЛ отметила, что, предлагая поучаствовать в процессе в качестве *amicus curiae*, судьи ожидают от заявителей «представления всех относящихся к делу материалов и высказывания мнения о толковании правовой нормы, где это уместно»[1339].

Если замечания подаются в инициативном порядке, то требуемая степень убежденности в их пользе для отправления правосудия снижается: для удовлетворения соответствующего ходатайства, судьям достаточно констатировать, что предлагаемые замечания «могут содействовать» (англ. «*may/would assist*») принятию решения по делу[1340]. Существует и другой критерий: в деле против Ж.Катанги Вторая судебная палата МУС выдвинула жесткое альтернативное требование, чтобы предлагаемые замечания были

---

curiae Brief and to Present Oral Submissions, 1 November 2003, SCSL-2003-07 (*Kallon* Decision), §5.

[1338] *The Prosecutor v. Thomas Lubanga Dyilo*, Decision Inviting Observations from the Special Representative of the Secretary General of the United Nations for Children and Armed Conflict, 18 February 2008, ICC-01/04-01/06-1175 (*Lubanga* Decision), §7.

[1339] *Kallon* Decision, §3.

[1340] *The Prosecutor v. Thomas Lubanga Dyilo*, Decision on "Motion for Leave to File Proposed *Amicus curiae* Submission of the International Criminal Bar Pursuant to Rule 103 of the Rules of Procedure and Evidence", 23 April 2008, ICC-01/04-01/06-1289 (*Lubanga* 23 April Decision), §8; *The Prosecutor v. Jean-Pierre Bemba Gombo*, Decision on the application of 14 September 2009 for participation as an *amicus curiae*, 9 November 2009, ICC-01/05-01/08-602, §11; *The Prosecutor v. Ferdinand Nahimana et al.*, Decision on the Admissibility of the *Amicus curiae* Brief Filed by the 'Open Society Justice Initiative' and on its Request to be Heard at the Appeals Hearing, 12 January 2007, ICTR-99-52-A, p.3; *The Prosecutor v. Gaspard Kanyarukiga*, Decision on Request from the Republic of Rwanda for permission to File an *Amicus curiae* Brief, 1 September 2008, ICTR-2002-78-R11bis (*Kanyarukiga* Decision), p.2; *The Prosecutor v. Nikola Sainovic et al.*, Decision on David J. Scheffer's Application to File an *Amicus curiae* Brief, 7 September 2010, IT-03-87-A, p.2.

«крайне необходимы» для отправления правосудия либо «содержали сведения, которые невозможно было бы получить другим способом»[1341]. В аналогичном ключе высказалась Первая судебная палата МУС в деле «Прокурор против Т.Лубанги», удовлетворяя ходатайство об участии в качестве *amicus curiae* специального представителя Генерального секретаря ООН по детям в вооруженных конфликтах: «[заявитель] в состоянии предоставить информацию и содействие, [...] которые иначе Суд не смог бы получить в свое распоряжение»[1342]. В деле «Прокурор против У.Руто и Дж.Санга» Вторая палата предварительного производства МУС подчеркнула, что будет привлекать *amicus curiae* «только в исключительных случаях, когда, по ее мнению, имеется потребность в особых познаниях по конкретному вопросу»[1343].

По общему правилу, в международном уголовном праве замечания *amicus curiae* должны касаться вопросов права[1344]. Этим данный отраслевой институт отличается от одноименного института в других отраслях международного права: например, в Правилах процедуры Межамериканского суда по правам человека прямо допускается представление *amicus curiae* обоснованных аргументов «касательно фактических обстоятельств, содержащихся в описании дела»[1345]. Разницу в подходах к допустимому содержанию замечаний *amicus curiae* можно

[1341] *The Prosecutor v. Germain Katanga et Mathieu Ngudjolo Chui*, Decision on an *Amicus curiae* application and on the "Requête tendant à obtenir présentations des témoins DRC-D02-P-0350, DRC-D02-P-0236, DRC-D02-P-0228 aux autorités néerlandaises aux fins d′asile" (articles 68 and 93(7) of the Statute), 9 June 2011, ICC-01/04-01/07-3003-tENG, §54.

[1342] *Lubanga* Decision, §7.

[1343] *The Prosecutor v. William Samoei Ruto and Joshua Arap Sang*, Decision on the "Request by Ms. Moraa Gesicho to Appear as *Amicus curiae*", 12 April 2011, ICC-01/09-01/11-49, §4.

[1344] Information Concerning the Submission of *Amicus curiae* Briefs, 16 February 2015, IT/122/Rev.l; *In the Case Against Florence Hartmann*, Decision on Application for Leave to File *Amicus curiae* Brief, IT-02-S4-R77.5-A, 5 February 2010 (*Hartmann* Decision), §5; *The Prosecutor v. Laurent Semanza*, Decision On the Kingdom of Belgium's Application to File an *Amicus curiae* Brief and on the Defence Application to Strike Out the Observations of the Kingdom of Belgium Concerning the Preliminary Response by the Defence, 9 February 2001, ICTR-97-20-T (*Semanza* Decision), §§10, 14(b).

[1345] Article 2, Rules of Procedure of the Inter-American Court of Human Rights [Электронный ресурс]. // Approved by the Court at its Forty-ninth Regular Session, 16–25 November 2000. Washington, D.C.: Organization of American States, 2000. – URL: https://www.oas.org/ (дата обращения: 31.08.2025).

объяснить разницей в характере, целях и принципах судопроизводства в международном уголовном и иных отраслях международного права.

В рамках последних судебное или квазисудебное производство имеет своей целью установить соответствие или несоответствие действий или бездействия государства обязательствам, принятым в силу его участия в международном договоре, например, по правам человека, о свободной торговле или о защите инвестиций. Можно предположить, что в этом контексте вклад *amicus curiae* посредством информирования судебного или квазисудебного органа об известных ему дополнительных фактических обстоятельствах может быть полезен, хотя и следует признать, что подобные действия вносят определенный дисбаланс в распределение бремени доказывания между сторонами.

Международное уголовное судопроизводство направлено на установление виновности или невиновности лица на основании беспристрастной и самостоятельной оценки независимым судом фактических обстоятельств, представленных сторонами обвинения и защиты[1346] в рамках состязательного процесса при равенстве сторон. Допустить, чтобы третье лицо представляло свое видение фактической составляющей дела, по сути, подменяя стороны, означало бы нарушить баланс взаимоотношений между сторонами процесса и судом, гарантирующий справедливость разбирательства. В упомянутом деле против М.Каллона Апелляционная палата СССЛ высказала предположение о неуместности прибегать к институту *amicus curiae* в принципе при рассмотрении уголовного дела в международном уголовном суде в первой инстанции, в отличие от апелляционной: «Что желательно [для Апелляционной палаты] может быть совершенно нежелательно [для Судебной палаты], где принцип равенства сторон может потребовать, чтобы состязательная борьба проходила без вмешательств третьих лиц, пусть даже с лучшими намерениями. Общая потребность в движении процесса без перерывов и в духе справедливости по отношению к обвинению и защите может сделать нежелательным принятие к сведению в течение процесса

[1346] *Kallon* Decision, § 8: «Все фактические обстоятельства по общему правилу должны доказываться или излагаться самими сторонами в процессе».

замечаний «лиц, организаций или государств» по вопросам факта или даже права». Лица, государства и международные организации, располагающие сведениями о фактах, которые, по их мнению, могут иметь значение для судебного разбирательства в международном уголовном трибунале, могут информировать об их существовании стороны обвинения или защиты для последующего принятия решения о целесообразности их приобщения к материлам дела и о выборе подходящего для этого процессуального механизма[1347].

Так, Апелляционная палата МТБЮ в деле «Прокурор против Р.Караджича» отклонила ходатайство об участии в качестве *amicus curiae* Ассоциации свидетелей и выживших после геноцида, т.к. в замечаниях содержались предложения по применению ряда правовых норм к фактическим обстоятельствам дела и выводы об ошибочности заключений, сделанных в обжалуемом приговоре[1348].

В деле «Прокурор против Ф.Хартман» (МТБЮ) британская организация по защите права на свободу слова и выражения мнения «Статья 19» ходатайствовала об участии в качестве *amicus curiae* на стадии апелляции. В своих замечаниях «Статья 19» приводила обзор практики международных судов по правам человека по делам о соотношении свободы выражения мнения и обязанности соблюдать тайну следствия и судебную тайну, а также давала оценку выводам, сделанным судьями в первой инстанции в обжалуемом приговоре, на предмет их соответствия принципам международного права прав человека в этой области и предлагала свое видение того, как эти принципы применяются к обстоятельствам дела против Ф.Хартман. Иными словами, эти замечания содержали, по сути, готовое постановление Апелляционной палаты.

[1347] *Kallon* Decision, § 6.

[1348] *The Prosecutor v. Radovan Karadžić*, Decision on Application for Leave to Submit an *Amicus curiae* Brief, 21 September 2012, IT-95-5/18-AR98bis.1, p. 2.

Последняя сочла, что правовой обзор «Статьи 19» мог содействовать должному отправлению правосудия, в отличие от второй, «аналитической», части замечаний[1349].

В деле «Прокурор против Л.Семанза» (МТР) правительство Бельгии ходатайствовало о представлении замечаний *amicus curiae* о толковании общей ст. 3 четырех Женевских конвенций от 12 августа 1949 г. и Дополнительного протокола II от 8 июня 1977 г.[1350] По мнению заявителя, в приговорах по делам «Прокурор против Акаешу, Кайишема и других» и «Прокурор против Рутаганды» трибунал применил слишком узкое толкование указанных положений. Судебная палата удовлетворила ходатайство, однако подчеркнула, что «замечания бельгийского правительства принимаются в части, касающейся применимых правовых принципов, но не в части, касающейся фактических обстоятельств того или иного дела»[1351].

В то же время, правило об ограничении участия *amicus curiae* вопросами права в международном уголовном праве неабсолютно. По оценке коллектива авторов монографии «*Amicus curiae* в международном уголовном правосудии», 18% всех замечаний *amicus curiae*, поданных на момент ее публикации в 2020 г. в международные уголовные суды, были посвящены вопросам факта[1352]. Например, в связи с ходатайством Прокурора МУС о вынесении решения о наличии либо отсутствии у суда юрисдикции в отношении событий, имеющих признаки депортации народа рохинджа из Мьянмы (государство, не являющееся участником Римского статута) в Бангладеш (государство, являющееся участником Римского статута), Первая палата предварительного производства предложила

[1349] *Hartmann* Decision, § 7.

[1350] Женевские Конвенции от 12 августа 1949 года. Женевская конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях / Международный Комитет Красного Креста. Москва: Международный Комитет Красного Креста, 2011. С. 17–40; Конвенция об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море (вторая Женевская конвенция, 1949): Там же, С. 44–52; Женевская конвенция об обращении с военнопленными (третья Женевская конвенция, 1949): Женевские конвенции от 12 августа 1949 года, сборник документов / под ред. МККК. – Москва: Юридическая литература, 1990. С. 512–600; Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны (четвертая Женевская конвенция, 1949): Там же, С. 601–700.

[1351] *Semanza* Decision, §10.

[1352] *Williams S. et al. Op.cit.* P.184.

компетентным властям Бангладеша изложить в замечаниях *amicus curiae* «обстоятельства, при которых представители мьянманского народа рохинджа оказались в Бангладеше»[1353].

В 2009 г. МУС выдал ордер на арест действующего президента Судана О.Аль-Башира в связи с предъявляемыми ему обвинениями в военных преступлениях и преступлениях против человечности[1354]. С 13 по 15 июня 2015 г. О.Аль-Башир принимал участие в саммите Африканского союза в столице Южно-Африканской Республики г.Йоханнесбурге. Несмотря на требования МУС арестовать и передать главу Судана для судебного разбирательства, правительство ЮАР отказалось это делать, сославшись на международно-правовую обязанность уважать иммунитет действующего главы государства. В процессе изучения целесообразности судебного констатирования несоблюдения ЮАР ее обязанностей по Римскому статуту Вторая палата предварительного производства МУС удовлетворила ходатайство Южно-Африканского центра правовых споров о представлении замечаний *amicus curiae* по ряду аспектов, включая «фактические обстоятельства, имевшие место в день покидания президентом аль-Баширом ЮАР и в предшествующие дни»[1355].

Замечания *amicus curiae* по вопросам фактов запрашиваются или приобщаются к делу международными уголовными трибуналами, если это единственный процессуально возможный способ получить соответствующие сведения. Например, в деле «Прокурор против У.Руто и Дж.Санга» Пятая судебная палата МУС приобщила к делу замечания *amicus curiae* правительства Кении об истории и современном статусе сотрудничества между ним и Канцелярией Прокурора, отметив: «принимая по внимание, что правительство

[1353] Pre-Trial Chamber I, Decision Inviting the Competent Authorities of the People's Republic of Bangladesh to Submit Observations pursuant to Rule 103(1) of the Rules of Procedure and Evidence on the "Prosecution's Request for a Ruling on Jurisdiction under Article 19(3) of the Statute", 7 May 2008, ICC-RoC46(3)-01/18-3, §7.

[1354] *The Prosecutor v. Omar Hassan Ahmad Al Bashir,* Warrant of Arrest for Omar Hassan Ahmad Al Bashir, 4 March 2009, ICC-02/05-01/09-1.

[1355] *The Prosecutor v. Omar Hassan Ahmad Al Bashir*, Decision on the "Request for leave to submit *Amicus curiae* Observations by the Southern Africa Litigation Centre (SALC)", 28 February 2017, ICC-02/05-01/09-283 (*Al Bashir* Decision).

Кении не является ни стороной, ни участником настоящего производства, [...] для представления замечаний ему необходимо разрешение Палаты в соответствии с ч. 1 ст. 103 ППД»[1356].

В рамках производства в связи с ситуацией в Дарфуре Первая палата предварительного производства МУС пригласила к участию в качестве *amicus curiae* Верховного комиссара ООН по правам человека и главу Международной комиссии по расследованию событий в Дарфуре для представления замечаний по проблемам, связанным с защитой свидетелей и обеспечением сохранности доказательств в Дарфуре[1357].

Международные уголовные суды прибегают к содействию *amicus curiae* для разрешения **вопросов международного права, выходящих строго за рамки их компетенции и потенциально имеющих последствия не только для их функционирования**. Когда Д.Тадич, обвиняемый МТБЮ в совершении преступлений против человечности и военных преступлений, заявил отвод суду на том основании, что он был учрежден Советом Безопасности ООН в нарушение международного права, судьи приобщили к делу[1358] замечания *amicus curiae* правительства США по данному вопросу, в которых последнее ссылалось на свой «особый интерес и познания как постоянного члена Совета Безопасности ООН, принимавшего существенное участие в написании Устава трибунала»[1359].

11 декабря 2017 г. Вторая палата предварительного производства МУС констатировала несоблюдение Королевством Иордания его обязательств по Римскому статуту в связи с отказом арестовать и передать МУС президента Судана О. аль-Башира для привлечения его к ответственности за геноцид, военные преступления и преступления против человечности и постановила

[1356] *The Prosecutor v. William Samoei Ruto and Joshua Arap Sang*, Decision on the Government of Kenya's application for leave to file observations pursuant to Rule 103(1) of the Rules of Procedure and Evidence, 24 April 2013, ICC-01/09-01/11-700, §2.

[1357] *Situation in Darfur*, Decision Inviting Observations in Application of Rule 103 of the Rules of Procedure and Evidence, 24 July 2006, ICC-02/05-10.

[1358] *The Prosecutor v. Duško Tadić*, Ordonnance autorisant une intervention en qualite *d'amicus curiae*, 14 juillet 1995, IT-94-1-T.

[1359] *The Prosecutor v. Duško Tadić*, Submission of the Government of the United States of America concerning certain arguments made by Counsel for the Accused in the case of the Prosecutor of the Tribunal v. Dustan Tadic, 17 July 1995, IT-94-1-T, p.1.

информировать об этом Ассамблею государств-участников Римского статута и Совет Безопасности ООН[1360]. Иордания обжаловала решение в Апелляционную палату по основаниям, касающимся обязательств государств по уважению международно-правового иммунитета действующих глав государств и правовых последствий принятия резолюции Совета Безопасности ООН для этих обязательств.

Апелляционная палата посчитала, что «правовые вопросы, поднимаемые в апелляционной жалобе Иордании могут иметь последствия, выходящие за рамки настоящего дела», и вынесла постановление, в котором предложила ряду международных организаций – ООН, Африканскому союзу, Европейскому союзу, Лиге арабских государств и Организации американских государств – представить свои замечания в качестве *amicus curiae* по существу этих вопросов[1361]. В отношении государств-членов Римского статута и профессоров международного права, желающих также принять участие в обсуждении как *amicus curiae,* в том же постановлении судьи выразили готовность рассмотреть целесообразность приобщения к делу и их возможных замечаний. В итоге было принято 14 замечаний *amicus curiae*, в основном от имени исследователей в области международного уголовного права.

В 2020 г. по итогам предварительного изучения ситуации в Палестине, связанной с преступлениями, совершенными на оккупированной палестинской территории, включая Восточный Иерусалим, в период, начиная с 13 июня 2014 г.[1362], Прокурор приняла решение о начале предварительного расследования. С учетом «уникальной истории и обстоятельств вокруг оккупированной палестинской территории» и ввиду того, что вопрос о юрисдикции МУС «может

[1360] *The Prosecutor v. Omar Hassan Ahmad Al-Bachir*, Decision under article 87(7) of the Rome Statute on the non-compliance by Jordan with the request by the Court for the arrest and surrender or Omar Al-Bashir, 11 December 2017, ICC-02/05-01/09-309.

[1361] *The Prosecutor v. Omar Hassan Ahmad Al-Bachir,* Order inviting expressions of interest as *amici curiae* in judicial proceedings (pursuant to rule 103 of the Rules of Procedure and Evidence), 29 March 2018, ICC-02/05-01/09-330, §1.

[1362] Декларация о признании юрисдикции Международного уголовного суда в соответствии со статьей 12(3) Римского статута, 31 декабря 2014 года (подписана Махмудом Аббасом, Президентом Государства Палестина) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.icc-cpi.int/iccdocs/pids/press/palestine_a_12-3.pdf (дата обращения: 31.08.2025).

затронуть сложные правовые и фактические аспекты», Прокурор ходатайствовала перед Первой палатой предварительного производства о вынесении постановления о наличии у МУС юрисдикции в отношении территории, включающей в себя Западный берег реки Иордан, включая Восточный Иерусалим, и Сектор Газа[1363]. В связи с запросом Прокурора, в МУС поступило несколько десятков замечаний *amicus curiae*; судьи решили рассмотреть 43 из них[1364]. Среди ходатайствующих были государства (ФРГ, Чешская Республика, Австрия, Австралия, Бразилия, Уганда); международные межправительственные организации (Организация исламского сотрудничества, Лига арабских государств); международные неправительственные организации (Международная федерация прав человека); научно-исследовательские центры (Европейский центр права и правосудия); профессиональные объединения (Международная ассоциация демократических юристов; Международная ассоциация еврейских практикующих юристов и теоретиков юриспруденции); частные лица и группы лиц.

В деле «Прокурор против Эль Сайеда» заместитель Генерального секретаря ООН по правовым вопросам представила, по предложению председателя СТЛ А.Кассезе[1365], замечания *amicus curiae* о неприкосновенности документов и других материалов ООН, в соответствии со статьей II Конвенции о привилегиях и иммунитетах ООН от 13 февраля 1946 г.[1366]

Международные уголовные суды также обращаются к *amicus curiae* при рассмотрении вопросов **толкования положений учредительного договора и ППД**. В таких случаях в качестве *amicus curiae* выступают, в первую очередь, государства-участники этого договора. Например, в рамках апелляции на постановление Второй палаты предварительного производства МУС об отказе в

[1363] *Situation in the State of Palestine*, Prosecution request pursuant to article 19(3) for a ruling on the Court's territorial jurisdiction in Palestine, 22 January 2020, ICC-01/18-12, §§ 3, 5, 220.
[1364] *Situation in the State of Palestine*, Decision on Applications for Leave to File Observations Pursuant to Rule 103 of the Rules of Procedure and Evidence, 20 February 2020, ICC-01/18-63.
[1365] *The Prosecutor v. El Sayed*, Scheduling Order, 1 October 2010, CH/PRES/2010/02.
[1366] *The Prosecutor v. El Sayed*, United Nations Office of Legal Affairs, *Amicus curiae* Brief on the Inviolability of United Nations Documents, 1 October 2010.

ходатайстве Прокурора о разрешении начать расследование ситуации в Афганистане Апелляционная палата предложила желающим государствам-участникам предоставить свои замечания, помимо прочего, по следующим вопросам: 1) является ли обжалуемое постановление «решением в отношении юрисдикции или допустимости» в смысле п. (a) ч. 1 ст. 82 Римского статута; 2) правомочны ли потерпевшие обжаловать решения в соответствии с п. (a) ч. 1 ст. 82 Римского статута. Судьи также заявили о своей готовности рассмотреть целесообразность приобщения к делу замечаний от профессоров в области уголовного процесса и/или международного права, в т.ч. международного права прав человека, а также организаций, специализирующихся на юридических аспектах защиты прав человека[1367].

В дополнение к письменным замечаниям *amici curiae* в данном апелляционном производстве были заслушаны в ходе открытого судебного заседания[1368].

Апелляционная палата МУС приобщила к делу замечания *amicus curiae* Международной ассоциации адвокатов по следующему вопросу: является ли противоречащим правилу 77 ППД освобождение Первой судебной палатой Прокурора от обязанности раскрывать защите сведения, касающиеся общей практики использования детей-солдат, на том основании, что они не относятся к доказательствам невиновности[1369].

В связи с рассмотрением уже упоминавшегося запроса о наличии у МУС юрисдикции в отношении депортации народа рохинджа из Мьянмы в Бангладеш, Палата предварительного производства удовлетворила ряд ходатайств об участии в качестве *amicus curiae*. Например, Международная комиссия юристов представила замечания со следующими аргументами: 1) пересечение государственной границы является фундаментальным признаком состава

[1367] *Situation in the Islamic Republic of Afghanistan*, Corrigendum of order scheduling a hearing before the Appeals Chamber and other related matters, 27 September 2019, ICC-02/17-72-Corr.
[1368] *Situation in the Islamic Republic of Afghanistan*, Transcript of hearing, 4 December 2019, ICC-02/17-T-001-ENG.
[1369] *Lubanga* 23 April Decision, §§2, 6.

преступления депортации; 2) МУС имеет территориальную юрисдикцию в отношении преступления депортации[1370].

В деле «Прокурор против Т.Багосора» Судебная палата МТР удовлетворила ходатайство бельгийского правительства об участии в качестве *amicus curiae* по вопросу, связанному с подсудностью трибуналу как преступления против человечности, предусмотренного ст. 3 его устава, убийства представителями Вооруженных сил Руанды десяти граждан Бельгии – должностных лиц Миссии ООН по оказанию содействия Руанде и убийства вооруженной группировкой Интерхамве трех граждан Бельгии – членов миссии по технической поддержке[1371].

Международные уголовные суды принимают во внимание замечания *amicus curiae* и по **вопросам общего уголовного права**. Например, в деле «Прокурор против Р.Брданина» Апелляционная палата МТБЮ предложила Ассоциации защитников Международного трибунала ответить в замечаниях *amicus curiae* на вопрос, является ли участие непосредственных исполнителей преступного деяния в преступном сговоре обязательной правовой составляющей последнего[1372].

Институт *amicus curiae* также может использоваться для получения **информации о той или иной области национального права**. В деле «Прокурор против Р.Караджича» Апелляционная палата Международного остаточного механизма уголовных трибуналов удовлетворила ходатайство группы ученых и практикующих юристов о представлении замечаний *amicus curiae* о значении приговора по делу «Регина против Джоджи; Рудок против Королевы»[1373] для практики международных уголовных трибуналов *ad hoc* о субъективной стороне третьей формы преступного сговора[1374].

[1370] Request for Leave to Submit *Amicus curiae* Observations by the International Commission of Jurists (pursuant to Rule 103 of the Rules), 24 May 2018, ICC-RoC46(3)-01/18-5; Decision on the "Request for Leave to Submit *Amicus curiae* Observations by the International Commission of Jurists (pursuant to Rule 103 of the Rules)", 29 May 2018, ICC-RoC46(3)-01/18-7.

[1371] *The Prosecutor v. Theoneste Bagosora*, Decision on the *Amicus curiae* Application by the Government of the Kingdom of Belgium, 6 June 1998, ICTR-96-7-T (*Bagosora* Decision).

[1372] *The Prosecutor v. Radoslav Brđanin*, Decision on Motion to Dismiss Ground 1 of the Prosecutor's Appeal, 5 May 2005, IT-99-36-A.

[1373] *R v Jogee* [2016] UKSC 8; *Ruddock v The Queen* [2016] UKPC 7.

[1374] *The Prosecutor v. Radovan Karadžić*, Decision on a Request for Leave to Make Submissions as *Amicus curiae*, 25 September 2017, MICT-13-55-A.

В деле «Прокурор против М.Каллона» Апелляционная палата СССЛ удовлетворила ходатайство правозащитной организации «Редресс Траст» и Комитета юристов за права человека о представлении замечаний *amicus curiae* о юридической действительности амнистии, предусмотренной в ст. IX Ломейского соглашения от 7 июля 1999 г. между сторонами в гражданской войне в Сьерра-Леоне[1375].

В деле «Прокурор против Каньярукига» Апелляционная палата МТР удовлетворила ходатайство Руанды о представлении замечаний *amicus curiae* о материальном и процессуальном праве Руанды, программе защиты свидетелей и других государственных программах в рамках рассмотрения апелляционой жалобы Прокурора на отказ Судебной палаты передать дело против Г. Каньярукига Руанде[1376].

Уже упоминавшееся решение Второй палаты предварительного производства МУС об удовлетворении ходатайства Южно-Африканского центра правовых споров о представлении замечаний *amicus curiae* в рамках дела «Прокурор против О. Аль-Башира» касалось, в том числе, информации о действующем праве Южной Африки, обязывающем правительство арестовать и передать МУС главу иностранного государства во исполнение ордера на арест[1377].

Институт *amicus curiae* используется и **для информативно-разъяснительных целей**. В деле «Прокурор против Ж.-П. Акаешу» МТР направил повестку бывшему командиру Миссии ООН по оказанию помощи Руанде генерал-майору Р.Даллэру для вызова в качестве свидетеля защиты, в которой просил Генерального секретаря ООН снять иммунитет, присущий свидетелю как бывшему руководителю миссии ООН. В этой связи советник по правовым вопросам Генерального секретаря ООН ходатайствовал о заслушивании

[1375] *The Prosecutor v. Morris Kallon*, Decision on Application by the Redress Trust, Lawyers Committee for Human Rights and the International Commission of Jurists for Leave to File *Amicus curiae* Brief and to Present Oral Submissions, 1 November 2003, SCSL-2003-07.
[1376] *Prosecutor v. Gaspard Kanyarukiga*, Decision on Request from the Republic of Rwanda for Permission to File an *Amicus curiae* Brief, 1 September 2008, ICTR-2002-78-R11bis.
[1377] *Al Bashir* Decision.

в качестве *amicus curiae* с тем, чтобы разъяснить пределы снятия иммунитета. Судебная палата ходатайство удовлетворила[1378].

Трудно дать однозначную правовую оценку информативной функции института *amicus curiae*. Мы будем исходить из предположения, согласно которому замечания *amicus curiae* учитываются международными уголовными трибуналами при вынесении решения, хотя установить их реальное влияние на судей и не представляется возможным. Как отмечает Л.Бартоломеуш: «удовлетворение судом ходатайства о подаче замечаний [*amicus curiae*] порождает законные ожидания, что суд хотя бы добросовестно проанализирует их содержание»[1379]. Нельзя не согласиться с выводом ученого о том, что «невозможно представить, чтобы занятой суд допустил *amicus curiae* к участию в производстве, исходя при этом из отсутствия у него обязанности хотя бы проанализировать поданные замечания»[1380].

Информативная функция предполагает, что *amicus curiae* предоставляет международному уголовному трибуналу сведения правового характера, касающиеся вопросов, подлежащих разрешению в ходе уголовного процесса. В деле против М.Каллона Апелляционная палата СССЛ отметила: «То, что мы находимся во Фритауне с доступом в Интернет и в окружении квалифицированных юристов, не мешает нам получить внешнее юридическое содействие, предоставляемое организацией, которая имеет легитимный интерес в предмете наших слушаний, за ее собственный счет»[1381]. Вместе с тем, правоприменение является ключевой функцией международных уголовных судов, их первоочередной задачей, смыслом их существования. Сложно представить, что суд не в состоянии самостоятельно обнаружить и проанализировать необходимую

[1378] *The Prosecutor v. Jean-Paul Akayesu*, Order Granting Leave for *Amicus curiae* to Appear, 12 February 1998, ICTR-96-4-T (*Akayesu* Order).

[1379] *Bartholomeusz L., op.cit.,* p. 276.

[1380] *Reinisch A., Irgel C.* The Participation of Non-Governmental Organisations (NGOs) in the WTO Dispute Settlement System // Non-State Actors and International Law. 2001. Vol. 1, Iss. 2. P.147; *Tams C., Zoellner C.-S. Amici curiae* im internationalen Investitionsschutzrecht // Archiv des Volkerrechts. 2007. Vol. 45. P. 239; *Ford C.* What are Friends For? In NAFTA Chapter 11 Disputes, accepting amici would help lift the curtain of secrecy surrounding investor-state arbitrations // Southwestern Journal of Law and Trade in Americas. 2005. Vol. 11. P. 253.

[1381] *Kallon* Decision, §5.

ему информацию в нормативно-правовых актах, научных публикациях, комментариях и судебной практике. Латинское выражение *iura novit curia* – «суд знает законы» – является одним из принципов функционирования международных судебных органов[1382].

В некоторых случаях, как мы увидели, судьи приглашают субъектов международного права в качестве *amicus curiae* по категории правовых вопросов, касающихся отношений между государствами или отношений государств и органов международного уголовного правосудия. Вновь, нет сомнений, что в доступе судей имеется необходимая информация, критического анализа которой достаточно для принятия решения, ведь правоприменение основывается на текущем состоянии международного права, особенно в международной уголовной отрасли. Запрашивая мнение субъектов международного права в контексте обстоятельств конкретного дела, международные уголовные суды рискуют спровоцировать опасную тенденцию формулирования международно-правовых позиций, исходя из желаемого исхода отдельно взятого дела, а не из более общих соображений.

Более того, в данном случае речь идет не просто о запрашивании мнения, а о прямой просьбе о даче инструкций в нарушение всевозможных гарантий судебной и политической независимости. В основании подобных запросов лежит смешение базовых понятий правотворчества и правоприменения, порождающее гипотезу о том, что толкование нормы права, которым занимаются международные уголовные суды, равнозначно созданию или изменению нормы права, являющихся прерогативой субъектов международного права и, в первую очередь, государств. Это смешение встречается и в доктрине. Так, С.Вильямс пишет, что судьи международных уголовных трибуналов обращаются к *amicus curiae*, когда перед ними встает правовая проблема, «в отношении которой Палата призвана изложить содержание обычного международного права или его развить»[1383]. В таких случаях, по мнению автора, *amici curiae* могут содействовать

[1382] *Cheng B., op.cit.,* p.299-301.
[1383] *Williams S. et al., op.cit.,* p. 187.

принятию судьями более информированных решений и в долгосрочной перспективе развитию права в правильном направлении, благодаря более широкому спектру доступных аргументов и мнений.

Международные уголовные суды по своей природе, характеру своих задач и полномочий не призваны своими решениями развивать международное право, тем более, обычное, формирующееся особым порядком. Результат толкования нормы права в судебном решении не может создать серьезных правовых последствий вопреки воле субъектов международного права. Посредственный интерес последних к участию в процессах в качестве *amicus curiae* тому подтверждение – гораздо больший энтузиазм проявляют международные неправительственные организации, особенно правозащитной направленности, и представители научного сообщества, а также практикующие юристы. Это заставляет задуматься о целях, которые ими движут, и о том, как эти цели могут отразиться на справедливости и беспристрастности международного уголовного судопроизводства.

В зарубежных источниках высказывается мнение, согласно которому «не существует принципиальной разницы между доктриной и другими применимыми документами (например, решениями МС ООН), с одной стороны, и замечаниями *amicus curiae,* представляемыми лицами или организациями, не являющимися сторонами в споре, с другой»[1384]. С этим утверждением категорически нельзя согласиться. Судебные решения и доктрины наиболее квалифицированных специалистов по публичному праву различных наций являются вспомогательным средством для определения международно-правовых норм[1385]. Правовой анализ, содержащийся в замечаниях *amicus curiae,* – это не более, чем субъективное мнение одного конкретного лица, группы лиц или организации, одно из ряда потенциально возможных мнений по спорному правовому вопросу, причем не всегда незаинтересованное. В деле «Прокурор против Багосора» Судебная палата МТР отметила: «общее определение понятия *amicus curiae* не требует

[1384] *Editors*. Introduction to Volume 3, Year 2000 / editors // Journal of International Economic Law. 2000. Vol. 3, Iss. 1. Oxford : Oxford University Press, 2000. P.706.
[1385] Пункт D ч. 1 ст. 38 Статута МС ООН.

беспристрастности со стороны заявителя. Напротив, оно принимает во внимание, что соответствующие замечания подаются стороной, но не стороной в процессе, а той, что имеет сильный интерес или взгляды на предмет судебного разбирательства»[1386]. В аналогичном ключе высказались судьи в деле «Прокурор против О.аль-Башира», реагируя на возражения ЮАР против присвоения статуса *amicus curiae* Южно-Африканскому центру правовых споров ввиду его предвзятости: «Хотя этому Суду уже доводилось отклонять ходатайства [об участии в качестве *amicus curiae*] на том основании, что заявитель не был беспристрастен, это не является само по себе обязательным условием»[1387]. Столь откровенное – и соответствующее действительности – признание за *amicus curiae* права на предвзятость извращает не только сущность этого института, призванного быть «другом суда», а не проводником тех или иных интересов, но и нарушает базовые устои международного уголовного судопроизводства.

Научная и практическая ценность мнения *amicus curiae* не может приниматься за аксиому, какими бы ни были регалии, квалификации и опыт его авторов. Надо учитывать, что *amicus curiae* не связаны никакими этическими или профессиональными требованиями, поэтому не несут ответственности за умышленное введение в забуждение или представление заведомо ложной информации[1388]. Возможность, предоставляемая сторонам в процессе, ответить на замечания *amicus curiae*, призвана сбалансировать ситуацию. Однако, по сути, это накладывает дополнительную ненужную нагрузку на стороны, вынуждая их тратить время и силы на подборку аргументов для ответа на мнение лица, не имеющего никакого юридического отношения к процессу.

Ярким примером извращения механизма *amicus curiae* для оказания лоббиистского воздействия на международный уголовный трибунал является дело «Прокурор против Нью ТВ С.А.Л. и Кармы Мохамед Тахсин Аль Хаят». Судья по посягательствам на правосудие выразил готовность рассмотреть

[1386] *Bagosora* Decision, p.2.
[1387] *Al Bashir* Decision, §8.
[1388] *Wiik A., op.cit.,* p. 432.

замечания *amicus curiae* по вопросу подсудности СТЛ юридических лиц[1389], в данном случае – телевизионного канала. Среди 18 поступивших замечаний имелись замечания авторства Ливанского ордена издателей прессы, Федерации арабских журналистов, Ассоциации арабских репортеров, специализирующихся на журналистике расследований, Республиканского национального совета радио и телевизионных СМИ, Ассоциации ливанских СМИ, Репортеров без границ, главного редактора газеты «Ас-Сафир», ливанских депутатов. Очевидно, что ни одна из перечисленных организаций и групп лиц не имела профессиональной квалификации, чтобы выражать авторитетное правовое мнение о пределах юрисдикции СТЛ по кругу лиц. Вместе с тем, совпадение характера их деятельности с характером деятельности потенциального обвиняемого дает разумные основания предположить, что их участие в процессе не было незаинтересованным и имело своей целью оказание влияния на трибунал. Содействие разрешению правового вопроса было далеко не приоритетным. В решении о подсудности судья, обильно ссылаясь на замечания *amicus curiae,* пришел к выводу о неподсудности юридических лиц СТЛ[1390]. Апелляционная палата отменила его решение и подвердила наличие такой подсудности[1391].

В деле «Прокурор против Ж.-П. Бемба» Суд принял к сведению замечания международной правозащитной организации «Эмнести Интернешнл» об институте ответственности военных командиров в соответствии со ст. 28 Римского статута, подчеркнув, что они «по всей видимости, содержат информацию по существу правовых вопросов, которые могут быть полезными

[1389] *In the case against New TV S.A.L. and Khayat*, Transcript of hearing, 12 May 2014, STL-14-05, p. 20, цит. по *In The Case Against New Tv S.A.L. Karma Mohamed Tahsin Al Khayat*, Order Varying Time-Limit For Filing Of *Amicus curiae* Submissions On Jurisdiction, 16 May 2014, STL-14-05/PT/CJ.

[1390] *In The Case Against New Tv S.A.L. Karma Mohamed Tahsin Al Khayat,* Decision On Motion Challenging Jurisdiction And On Request For Leave To Amend Order In Lieu Of An Indictment, 24 July 2014, STL-14-05/PT/CJ.

[1391] *In The Case Against New Tv S.A.L. Karma Mohamed Tahsin Al Khayat*, Decision on Interlocutory Appeal Concerning Personal Jurisdiction in Contempt Proceedings, 2 October 2014, STL-14-05/PT/AP/ARI26.1.

для Суда»[1392]. «Эмнести Интернешнл» не обладает ни особыми познаниями, ни эксклюзивным доступом к материалам, которые бы придавали бы ее мнению по вопросу толкования ст. 28 Статута уникальную теоретическую или практическую ценность.

Наконец, судьи обычно ограничивают объем замечаний *amicus curiae* (средний объем – 30 стр.), при том, что, зачастую, затрагиваемым в них вопросам посвящены тысячи страниц в десятках серьезных научных исследований по всему миру.

Нынешняя практика использования института *amicus curiae* – это благодатная почва для злоупотреблений, лоббирования интересов, самопиара отдельных лиц. Удовлетворяя ходатайство правозащитных организаций об участии в качестве *amicus curiae* в деле М.Каллона, Апелляционная палата СССЛ сочла важным особо подчеркнуть: «Мы не считаем, что, ходатайствуя об участии в процессе, [заявители]» преследуют более далекоидущие цели, как то получить площадку для саморекламы или воспользоваться привилегиями и иммунитетами Суда, чтобы приобщить заявления к материалам дела или продвинуть скрытую повестку»[1393].

Сказанное не означает, что информативную функцию института *amicus curiae* следует упразднить, однако нужда в более взвешенном подходе к ее использованию очевидна[1394]. Обращение к третьим лицам может быть полезно, но в избранных случаях, когда без соответствующих сведений действительно невозможно принять решение, соответствующее международным стандартам справедливости, а получить их иным образом крайне затруднительно. В этом плане мы полагаем правильным критерий, предложенный Второй судебной палатой МУС в деле Ж.Катанги и приведенный выше, согласно которому предлагаемые замечания должны быть «крайне необходимы» для отправления правосудия либо «содержа[ть] сведения, которые невозможно было бы получить

[1392] *The Prosecutor v. Jean-Pierre Bemba Gombo*, Decision on Application for Leave to Submit *Amicus curiae* Observations Pursuant to Rule 103 of the Rules of Procedure and Evidence, 9 April 2009, ICC-01/05-01/08-401, §12.
[1393] *Kallon* Decision, §7.
[1394] *Williams S. et al. Op.cit.* P.56.

другим способом». Это касается, например, аспектов национального права. Для их полноценного осмысления представляется более целесообразным обращаться к местным специалистам.

Интересной представляется также возможность создания двухступенчатой системы работы с замечаниями *amicus curiae* посредством комбинирования критериев, принятых в международных уголовных судах, и подхода МС ООН и Международного трибунала по морскому праву, где им присваивается статус общедоступного материала[1395]. На первом этапе судьи оценивали бы целесообразность удовлетворения ходатайства об участии в качестве *amicus curiae,* а в случае положительного решения соответствующие материалы распространялись бы среди сторон международного уголовного процесса для информации и учета в работе. Такой механизм наилучшим образом соответствовал бы сущности *amicus curiae*, «друга суда», – содействовать надлежащему отправлению правосудия.

Кроме того, позитивное влияние на прогрессивное развитие института *amicus curiae* в международном уголовном праве могла бы оказать практика инвестиционных арбитражных судов и, в частности, Комиссии ООН по праву международной торговли, состоящая в проверке независимости претендентов на эту роль – как финансовой, так и идеологической – посредством требования раскрытия информации, имеющей значение для ее объективной оценки[1396].

III.1.2.2. Соотношение понятий *amicus curiae* и экспертный свидетель

Представляется заслуживающим внимания соотношение *amicus curiae* в его информативной функции и другого участника международного судопроизводства,

---

[1395] Practice Direction XII.

[1396] Правилами ЮНСИТРАЛ о прозрачности в контексте арбитражных разбирательств между инвесторами и государствами на основе международных договоров (п. a), b), c) ч. 1 ст. 4, см. выше сноска 1337) от заявителей требуется раскрывать информацию об общих целях, характере их деятельности, о любой материнской организации, о любых связях, прямых или косвенных, с любой из сторон, о правительстве, лице или организации, оказывавших им 1) любую финансовую или иную помощь в подготовке представления; или 2) существенную помощь в течение любого из двух лет, предшествовавших подаче ходатайства (например, финансирование ежегодно примерно 20 процентов от его общего объема операций).

призванного обеспечивать трибуналы необходимыми сведениями в целях содействия осуществлению правосудия, – свидетеля-эксперта.

Сегодня оба института распространены в практике международных судов и арбитражей[1397]. Вместе с тем обращает на себя внимание, что появление *amicus curiae* как устойчивой процессуальной фигуры на международно-правовой арене обычно связывается с развитием практики международных судебных и квази-судебных органов в 1990-е годы[1398], тогда как участие экспертов уходит корнями значительно глубже в историю международного права. В доктрине подчеркивается, что именно в территориальных спорах – где особенно велика роль специального фактического и технического знания – институт эксперта традиционно оказался наиболее востребован и получил наиболее полное развитие[1399].

А.Монхе пишет об эксперте как о «помощнике судей, необходимом для того, чтобы понять, как оценивать представленные доказательства»[1400]. Председатель Международного Суда ООН Р.Хиггинс определяет свидетеля-эксперта как «лицо, которое может как дать показания, основанные на знании фактов, так и представить свое заключение по вопросам, по которым он или она обладает экспертными знаниями»[1401]. В практике международных уголовных судов под экспертом понимается «лицо, обладающее специальными знаниями, опытом или квалификацией, которые необходимы для возможного оказания Суду содействия в понимании или принятии решения по спорному вопросу»[1402].

[1397] *Миргородский Е.Д.* Указ.соч. С. 201; см. также: *Viljoen F., Abebe A., op.cit.,* p. 23.

[1398] *Bartholomeusz L., op.cit.,* p. *212.*

[1399] *Swinehart M.* Reliability of Expert Evidence in International Disputes // Michigan Journal of International Law. 2017. Vol. 38, Iss. 2. P.290 et seq.

[1400] *Monge A.S.* The Expert Testimony before the Inter-American Court of Human Rights // ILSA Journal of International and Comparative Law. 2016. Vol. 5, Iss. 3. P. 570.

[1401] ООН: Генеральная Ассамблея. Шестьдесят вторая сессия. Шестой комитет. Краткий отчет о 23-м заседании. Документ ООН A/C.6/62/SR.23, 6 December 2007. Пункт 86.

[1402] *The Prosecutor v. Radoslav Brđanin*, Decision on Prosecution's Submission of Statement of Expert Witness Ewan Brown, 3 June 2003, IT-99-36-T, p. 4; *The Prosecutor v. Martić,* Decision on Prosecution's Motions for Admission of Transcripts Pursuant to Rule 92bis (D) and of Experts Reports Pursuant to Rule 94bis, 13 January 2006, IT-95-11-T, §37; *The Prosecutor v. Strugar,* Decision on the Defence Motion to Oppose Admission of Prosecution Expert Reports Pursuant to Rule 94bis, 1 April 2004, IT-01-42-PT, p. 4; *The Prosecutor v. Blagojević and Jokić*, Decision on Prosecution's Motions for Admission of Expert Statements, 7 November 2003, IT-02-60-T, § 19; *The Prosecutor v. Galić,*

Практическое руководство МТР по порядку вознаграждения экспертных свидетелей определяет эксперта как «лицо, владеющее специальной информацией и/или познаниями, которые имеют отношение к вопросам, поставленным перед трибуналом. Такая специальная информация или познания, владение которыми является основанием для участия в процессе в качестве свидетеля-эксперта, могут быть получены в ходе практического или теоретического обучения, благодаря особенным способностям, опыту или репутации в конкретной области, а также посредством любого другого способа, который в глазах вызывающей стороны является необходимым и достаточным для экспертной квалификации»[1403].

Отличия между *amicus curiae* и свидетелем-экспертом проявляются как в содержании предоставляемой ими информации, так и в условиях и правовой форме их участия в международном судопроизводстве. Прежде всего следует отметить, что если в качестве свидетеля-эксперта может выступать только физическое лицо, то в роли *amicus curiae* могут выступать как физические, так и юридические лица, а равно государства, международные организации либо группы лиц, объединенные определенным общим признаком. Например, в деле «Нью ТВ С.А.Л. и Кармы Мохамед Тахсин Аль Хаят» в Специальный трибунал по Ливану было подано заявление об участии в качестве *amicus curiae* группы ливанских парламентариев[1404].

Существенное различие обнаруживается и в порядке привлечения указанных участников к процессу. Если *amicus curiae* вправе вступить в процесс спонтанно, пусть и с разрешения суда, то эксперт такой возможностью не обладает – он непременно должен быть вызван либо самим судом, либо

Decision Concerning an Expert Witness Ewa Tabeau and Richard Phillips, 3 July 2002, IT-98-29-T, p. 2; *The Prosecutor v. Popović, et al.*, Decision on Defence Rule 94bis Notice Regarding Prosecution Expert Witness Richard Butler, 19 September 2007, IT-05-88-T, § 23.

[1403] International Criminal Tribunal for Rwanda Document «Guidelines on the Remuneration of Expert Witnesses Appearing before the International Criminal Tribunal for Rwanda». – Текст: электронный. – URL: https://www.legal-tools.org/doc/983aa0/pdf/ (дата обращения: 26.01.2025).

[1404] *In The Case Against New Tv S.A.L. Karma Mohamed Tahsin Al Khayat*, Decision On Motion Challenging Jurisdiction And On Request For Leave To Amend Order In Lieu Of An Indictment, 24 July 2014, STL-14-05/PT/CJ, footnote 10.

сторонами. *Amicus curiae*, напротив, не может быть приглашен к участию в процессе сторонами, а только по инициативе судей или с их согласия.

К статусу эксперта международные суды предъявляют повышенные требования: проверяются квалификация, независимость, беспристрастность, специальная компетентность и надежность используемой методологии. Что касается *amicus curiae*, то его компетентность, как правило, специально судом не проверяется и нередко лишь поверхностно обосновывается самим заявителем в соответствующем обращении[1405].

Участие эксперта в международном судопроизводстве регламентируется рядом строгих процессуальных правил. В отличие от *amicus curiae*, эксперт приносит присягу, обязуясь исполнять возложенные на него функции честно и добросовестно; нарушение этой присяги может повлечь юридическую, включая уголовную, ответственность. *Amicus curiae* за содержание своих замечаний какой-либо юридической ответственности перед судом не несет.

Как правило, эксперт не ограничивается письменным заключением: он дает устные показания, которые дополняют его письменный отчет, что предоставляет сторонам и суду возможность посредством перекрестного допроса проверить уровень его квалификации, достоверность исходных данных, примененную методологию и обоснованность выводов. Для *amicus curiae* личное участие в судебном заседании, напротив, является скорее исключением: обычно его роль исчерпывается письменными замечаниями, хотя известны случаи, когда *amici curiae* заслушивались в открытом судебном заседании, как это имело место при рассмотрении апелляции на постановление Второй палаты предварительного производства МУС, отклонившей ходатайство Прокурора о начале расследования ситуации в Афганистане[1406].

Amicus curiae не подлежит допросу; вместе с тем в международном процессе сторонам, как правило, предоставляется возможность письменно отреагировать на его доводы и представить свои возражения.

[1405] *Williams S. et al., op.cit.,* p. 150.

[1406] *Situation in the Islamic Republic of Afghanistan*, Transcript of hearing, 4 December 2019, ICC-02/17-T-001-ENG.

Вознаграждение эксперта осуществляется стороной, по инициативе которой он был приглашен, либо за счет средств международного суда в предусмотренных правилами случаях, тогда как *amicus curiae* не только не получает вознаграждения за участие, но и обычно несет связанные с этим расходы (проезд, проживание и др.) самостоятельно, включая случаи необходимости его присутствия в месте заседания международного уголовного трибунала[1407].

Отличие экспертного свидетеля от *amicus curiae* состоит и в характере информации, которую каждый из них может предоставлять суду. Задача экспертов – разъяснять фактические обстоятельства, представленные в виде доказательств, когда это требует специальных навыков или познаний. В международном уголовном праве из этого правила на практике имеются исключения в виде «экспертов по определению преступлений»[1408], показывающих об элементах вменяемого преступления либо основаниях уголовной ответственности. В деле «Прокурор против Т.Лубанги» специальный представитель Генерального секретаря ООН по детям в вооруженных конфликтах Р.Кумарашвами ходатайствовала об участии в производстве как *amicus curiae*[1409] для представления замечаний по вопросам, связанным с: 1) определением понятия «набор или вербовка» детей в качестве солдат и, помимо прочего, принимая во внимание особенную уязвимость детей, разъяснение разницы между набором и вербовкой; 2) правильным толкованием выражения «их использование для активного участия в боевых действиях», с учетом множественности и разнообразия ролей, которые отводятся детям в вооруженных и иных конфликтах и особенно применительно к девочкам; 3) проблемой добровольного вступления детей в ряды вооруженных группировок или сил и принуждение как основание освобождения от уголовной ответственности в соответствии с п. (d) ч. 1 ст. 31

[1407] *Mistelis L.* Confidentiality and Third Party Participation: UPS v. Canada and Methanex Corp v. United States // International Investment Law and Arbitration / edited by T. Weiler. London, 2006. P.198.

[1408] *Davidson C.* Explaining Inhumanity: The Use of Crime-Definition Experts at International Criminal Courts // Vanderbilt Journal of Transnational Law. 2015. Vol. 48. P. 363.

[1409] *The Prosecutor v. Thomas Lubanga Dyilo*, Submission of the Observations of the Special Representative of the Secretary General of the United Nations for Children and Armed Conflict pursuant to Rule 103 of the Rules of Procedure and Evidence, 18 March 2008, ICC-01/04-01/06-1229.

Римского статута; 4) объективной стороной преступлений в соответствии со ст.25 Римского статута, особенно в свете неизбежно высокой степени риска набора и вербовки детей младше 15 лет в составы национальных вооруженных сил или группировок для активного участия в боевых действиях, связанной с природой некоторых современных вооруженных конфликтов; 5) субъективной стороной преступлений и, в частности, толкование термина «сознательно» в ч. 3 ст. 30 Статута и подход Палаты предварительного производства в данном деле; 6) подсудностью суда в общем, а также вопросами приемлемости, в особенности касательно преступлений, предположительно совершенных широкомасштабно или в качестве составляющей более глобальной политики или плана. Первая судебная палата удовлетворила ходатайство частично, ограничив замечания пунктами 1 и 2[1410]; впоследствии заявительница обратилась с новым ходатайством о заслушивании ее в качестве свидетеля-эксперта. Судьи одобрили изменение статуса, однако оставили в силе тематические ограничения показаний[1411].

Круг вопросов, которые *amicus curiae* вправе затрагивать в своих замечаниях, в принципе не подлежит жесткому ограничению; исключение составляет, главным образом, международное уголовное право, где по общему правилу от таких замечаний ожидается преимущественно правовой характер аргументации. Вместе с тем и это требование не носит абсолютного характера: по подсчетам исследователей, почти пятая часть представляемых международным уголовным трибуналам замечаний *amicus curiae* посвящена вопросам факта, а не права.

В зарубежной литературе обращается внимание на то, что международные уголовные трибуналы, как правило, готовы предоставлять экспертам более продолжительные сроки для подготовки заключений и допускают более гибкий

[1410] *The Prosecutor v. Thomas Lubanga Dyilo,* Decision Inviting Observations from the Special Representative of the Secretary General of the United Nations for Children and Armed Conflict, 18 February 2008, ICC-01/04-01/06-1175, §§ 1, 11.

[1411] *The Prosecutor v. Thomas Lubanga Dyilo*, Transcript of Hearing, 7 January 2010, ICC-01/04-01/06-T-223-ENG ET WT, p.3, lns 18-23.

подход к их объему по сравнению с требованиями, предъявляемыми к письменным замечаниям *amicus curiae*[1412].

Экспертное заключение носит характер доказательства, в то время как, по общему правилу, замечание *amicus curiae* доказательством не является, а представляет собой мнение конкретного лица или организации по определенному вопросу. А.Виик обращает внимание на недопустимость рассмотрения международными судами замечаний *amicus curiae* в качестве доказательств, не применяя при этом к ним соответствующих требований приемлемости и т.д.[1413] Тем не менее, в деле «Кимель против Аргентины» Межамериканский суд по правам человека признал возможность квалификации замечаний *amicus curiae* в качестве доказательства по вопросам права[1414].

Из изложенного видно, что элементов сходства между *amicus curiae* в его информационной функции и свидетелем-экспертом существенно меньше, чем различий. В то же время, учитывая предоставляемую *amicus curiae* свободу при выборе аспектов предмета спора, его замечания могут затрагивать и технически сложные вопросы, требующие специального знания. В подобных ситуациях особое значение приобретает предотвращение подмены надлежащего экспертного заключения замечаниями *amicus curiae*, к которым, как показывают практика и доктрина, практически не предъявляется формализованных требований.

Показательно, что в практике тех международных судов, которые широко используют механизм *amicus curiae*, в частности Межамериканского суда по правам человека, одновременно весьма распространено и участие свидетелей-экспертов. Напротив, в Международном Суде ООН, где институт *amicus curiae* практически не получил развития, и привлечение экспертов остается крайне редким: за всю историю Суда они использовались лишь в трех делах – дважды в деле о проливе Корфу (Великобритания против Албании) и в деле о делимитации морской границы в районе залива Мэн (Канада

[1412] *Williams S. et al., op.cit.,* p. 184.
[1413] *Wiik A., op.cit.,* p. 364.
[1414] *Kimel v. Argentina,* Judgment of 2 May 2008 (Merits, Reparations and Costs), IACtHR Series C № 177, §§ 14, 16; *Castaneda Gutman v. Mexico,* Judgment of 6 August 2008 (Preliminary Objections, Merits, Reparations and Costs) // IACtHR Series C. № 184.

против Соединенных Штатов Америки). В условиях возрастающей сложности рассматриваемых Судом технических вопросов такое положение дел подвергалось критике в особых мнениях отдельных судей, указывавших на необходимость систематического использования экспертных знаний. В целях своего рода компенсации Международный Суд ООН прибегает к практике привлечения так называемых «призрачных экспертов», консультирующих судей конфиденциально, вне рамок процессуального статуса свидетеля-эксперта и без формального участия сторон; такие эксперты фактически выступают как временно нанятые сотрудники Секретариата. Подобная практика также вызвала возражения в отдельных мнениях судей, прежде всего ввиду ее непрозрачности[1415].

III.1.2.3. *Amicus curiae* как гарант справедливого судебного разбирательства

Особенность института *amicus curiae* в международном уголовном праве состоит в том, что он выходит за пределы традиционной информативной функции, свойственной другим отраслям международного права, и приобретает дополнительное измерение – функцию гаранта справедливости судопроизводства. В этой роли *amicus curiae* может быть призван как содействовать защите прав обвиняемого, в особенности в ситуациях отказа от защитника, так и защищать интересы самого трибунала, осуществляя по его поручению расследование и поддерживая обвинение по делам о посягательствах на отправление правосудия. В последнем случае в доктрине и практике закрепилось обозначение «прокурор (обвинитель) *amicus curiae*», которое отражает его участие в реализации обвинительной функции.

В данном параграфе внимание сосредоточено на первой из указанных ипостасей – ***amicus curiae* как представителе интересов обвиняемого в международном уголовном процессе**. В практике международных уголовных трибуналов таких прецедентов было всего два, причем оба имели место в МТБЮ. Речь идет об уголовных производствах против видных политических деятелей

[1415] *Pulp Mills on the River Uruguay Case (Argentina v Uruguay)*, Judgment, 20 April 2010, Joint Dissenting Opinion of the Judges Al-Khasawneh and Simma // ICJ Reports. 2010. P. 113 - 114.

бывшей Югославии: С.Милошевича[1416] и М.Краишника[1417]. В обоих случаях трибунал столкнулся с отказом обвиняемых от услуг защитника и был вынужден искать процессуальное решение, позволяющее сохранить баланс между правом на само представительство и обязанностью суда обеспечить справедливое и состязательное разбирательство.

В этом контексте интерес представляет теория происхождения *amicus curiae* в общем праве как «постороннего наблюдателя». Отметим, что она не слишком широко распространена и в лучшем случае покоится на «некотором косвенном подтверждении» из ранней практики общего права[1418]. Вплоть до среднего периода развития общего права обвиняемому по тяжкому уголовному делу не дозволялось прибегать к помощи адвоката. Обоснование указанного правила состояло в том, что обвиняемый обязан лично отвечать на серьезное обвинение и не вправе поручить адвокату говорить от своего имени[1419]. В результате сложился обычай – обвиняемый являлся в суд в сопровождении друзей, который отчасти имел целью оказать противодействие окружению обвинителя, то есть оградить обвиняемого «от внесудебной расправы»[1420]. Постепенно посторонним лицам, присутствовавшим в зале суда, которые отнюдь не обязательно являлись юристами, стало дозволяться оказывать суду содействие[1421]. Некоторое подкрепление этой позиции обнаруживается в «Институциях» Э.Кока: «По заявлении подсудимым отвода о невиновности назначение ему защитника не допускается. [Однако] любое сведущее лицо, присутствующее [в зале], вправе

[1416] Слободан Милошевич (1941 – 2006 гг.) – югославский и сербский государственный деятель, президент Сербии (1989-1997 гг.), президент Союзной Республики Югославия (1997-2000 гг.).
[1417] Момчило Краишник (1945 г.р.) – спикер парламента Республики Сербской (1991-1995 гг.), член Президиума Боснии и Герцеговины (1996-1998 гг.).
[1418] *Covey F.M. Amicus Curiae:* Friend of the Court // DePaul Law Review. 1959. Vol. 8, No. 1. P. 35.
[1419] *Cohen H.* A History of the English Bar and Attornatus to 1450. London: Sweet & Maxwell, 1929. P. 4, 12–13.
[1420] *Ibid*. P.12.
[1421] *Chandra Mohan S.* The *Amicus Curiae*: Friends No More? // Singapore Journal of Legal Studies. 2010. No. 2. P. 6.

довести до сведения суда все, что может обнаружить порочность судопроизводства, – в интересах подсудимого»[1422].

Таким образом, высказывается мысль, что практика *amicus curiae* возникла для предотвращения судебных ошибок и обеспечения справедливости по отношению к лицам, лишенным защиты по уголовным делам, – посредством дозволения лицам, находящимся в зале суда, оказывать помощь судье[1423].

Отсутствуют какие-либо безусловные основания или хотя бы минимальные указания полагать, что судьи МТБЮ при назначении *amicus curiae* для представительства интересов защиты в делах С. Милошевича и М. Краишника исходили из названной «теории постороннего наблюдателя» либо что данная теория сколь-нибудь повлияла на содержание соответствующих решений. Вместе с тем не имеется и доказательств обратного, то есть того, что судьи, принимая указанные решения, заведомо не опирались на эту доктринальную конструкцию. В любом случае, даже если речь идет лишь о случайном совпадении подходов, оно представляется достаточно характерным, чтобы не оставаться без упоминания.

С.Милошевичу был предъявлен ряд обвинений в совершении военных преступлений и преступлений против человечности[1424]. В знак протеста против нелегитимности трибунала он отказался нанимать адвоката. Опасаясь дисбаланса сил между обвинением и защитой в процессе и не желая навязывать подсудимому адвоката против его воли, Судебная палата постановила: «принимая во внимание, что обвиняемый имеет право самостоятельно обеспечивать свою защиту и не нанял адвоката, чтобы тот действовал от его имени; что обвиняемый информировал Секретариат МТБЮ в письменном виде об отсутствии намерения нанимать адвоката для представительства своих интересов; что, в соответствии со

[1422] *Coke E.* The Third Part of the Institutes of the Laws of England: Concerning High Treason, and Other Pleas of the Crown, and Criminal Causes. 3rd ed. London: E. & R. Brooke, 1779. P. 29.
[1423] *Chandra Mohan S., op.cit.* P.7.
[1424] *The Prosecutor v. Slobodan Milosevic et al.*, Second Amended Indictment ‘Kosovo’, 16 October 2001, IT-99-37-PT; *The Prosecutor v. Slobodan Milosevic*, Second Amended Indictment ‘Croatia’, 28 July 2004, IT-02-54-T; *The Prosecutor v. Slobodan Milosevic*, Amended Indictment ‘Bosnia and Herzegovina’, 22 November 2002, IT-02-54-T.

ст. 20 Устава МТБЮ, Судебная палата обязана гарантировать справедливость судебного разбирательства и соблюдение всех прав обвиняемого, Судебная палата полагает желательным и отвечающим интересам правосудия назначить *amicus curiae*, что предусмотрено Правилами процедуры и доказывания – не с целью представительства обвиняемого, а для содействия должному отправлению правосудия»[1425].

Положение ППД МТБЮ, на которое ссылались судьи гласит: «Палата может, если сочтет это желательным для надлежащего рассмотрения уголовного дела, пригласить или дать разрешение государству, организации или лицу принять участие в процессе и представить замечания по любому вопросу, определенному Палатой»[1426]. При толковании идентичной нормы судьи Апелляционной палаты Специального суда по Сьерра-Леоне разъяснили, что прилагательное «желательный» не означает ни «существенно», ни «удобно» или «интересно», а указывает на наличие «объективного основания полагать, что письменные замечания сами по себе или с устным дополнением помогут суду принять правильное решение по поставленному перед ним вопросу». Там же под «надлежащим рассмотрением» предписано понимать «принятие судом решения, которое наиболее соответствует конечной цели правосудия, т.е. правильно применяет норму права»[1427].

Однако процессуальные полномочия, которыми Судебная палата наделила *amicus curiae* в деле против С.Милошевича, явно выходили за рамки правила 74. Ему предстояло осуществлять следующие функции: 1) подавать любые ходатайства, которые может подавать обвиняемый, в форме предварительных или иных судебных документов, характерных для стадии предварительного производства; 2) представлять доказательства или заявлять возражения против

[1425] *The Prosecutor v. Slobodan Milosevic,* Order Inviting Designation of *Amicus curiae*, 30 August 2001, IT-99-37-PT, p.2; *The Prosecutor v. Slobodan Milosevic*, Order Inviting Designation of *Amicus curiae,* 30 October 2001, IT-01-50-PT, p.2-3; *The Prosecutor v. Slobodan Milosevic,* Order Inviting Designation of *Amicus curiae,* 23 November 2001, IT-01-51-PT, p.2-3.

[1426] Rule 74, ICTY RPE.

[1427] *The Prosecutor v. Morris Kallon,* Decision on Application by the Redress Trust, Lawyers Committee for Human Rights and the International Commission of Jurists for Leave to File *Amicus curiae* Brief and to Present Oral Submissions, 1 November 2003, SCSL-2003-07, §5.

представления доказательств, которые может представлять и заявлять обвиняемый в ходе судебного разбирательства, а также осуществлять, по мере необходимости, перекрестный допрос свидетелей; 3) обращать внимание Судебной палаты на существование доказательств, указывающих на невиновность обвиняемого или на наличие смягчающих обстоятельств; 4) совершать любые другие действия, которые он посчитает уместными в целях обеспечения справедливости правосудия.

Во исполнение судебного предписания Секретарем было назначено три *amici curiae*[1428].

По мере развития процесса границы между *amici curiae* и полноценной стороной защиты постепенно размывались[1429]. В частности, за ними признавалось право на общение с обвиняемым[1430], причем, как представляется, понятие «общение» в данном случае подразумевало в том числе получение инструкций; перед ними ставилась задача информирования Судебной палаты о наличии оснований для освобождения подсудимого от уголовной ответственности, например, совершении инкриминируемых ему деяний в состоянии необходимой обороны, и формулирования замечаний относительно целесообразности принятия во внимание воздушной кампании НАТО в Косово[1431]. По собственному признанию Судебной палаты, «она существенно расширила роль *amici curiae* с тем, чтобы они могли осуществлять деятельность сродни деятельности защитника»[1432].

Судебная палата окончательно приравняла *amici curiae* к стороне процесса, удовлетворив их ходатайство о разрешении принести апелляционную жалобу на одно из ее решений, на основании правила, наделяющего соответствующим

[1428] *The Prosecutor v. Slobodan Milosevic*, Decision, 6 September 2001, IT-99-37-PT; *The Prosecutor v. Slobodan Milosevic*, Decision by the Registrar: Designation of *Amici*, 27 November 2001, IT-01-51-I.

[1429] *Williams S. et al., op.cit.,* p. 286

[1430] *The Prosecutor v. Slobodan Milosevic*, Order of Further Instruction to the *Amici curiae*, 6 October 2003, IT-02-54-T.

[1431] *The Prosecutor v. Slobodan Milosevic*, Order Concerning *Amici curiae*, 11 January 2002, IT-02-54-T.

[1432] *The Prosecutor v. Slobodan Milosevic*, Reasons for Decision on Assignment of Defence Counsel, 22 September 2004, IT-02-54-T, § 64.

правом лишь «стороны»[1433]. Апелляционная палата обратила на это внимание и опровергла вывод о наличии у *amicus curiae* такого права[1434].

Из этого следует, что *amicus curiae* в деле Милошевича по своей фактической роли существенно отличался от классического *amicus curiae*, предусмотренного правилом 74 ППД МТБЮ, и представлял собой особый подвид, возникший в силу естественных полномочий трибунала для обеспечения справедливости и состязательности процесса.

Как отмечают С.Вильямс и Х.Вулавер, «[решение наделить *amicus curiae* такими функциями] не означает, что [Судебная палата] действовала *ultra vires*: [...] МТБЮ пользуется широким усмотрением при использовании своих естественных полномочий по регулированию процесса». Вместе с тем, исследователи критикуют использование в данном контексте термина «*amicus curiae*»[1435].

Л.Бартоломеуш отмечает в этой связи: «Дело Милошевича, вероятно, показывает, что *amici curiae* должны иметь такие процессуальные полномочия в судебных процессах, которые могут быть необходимы для осуществления судом своих функций и для достижения целей, ради которых [*amicus curiae*] был назначен [...] Из анализа практики МТБЮ и МТР) следует, что эти функции и цели могут существенно варьироваться»[1436].

На стадии апелляции по делу М. Краишника, который также отказался от адвоката, Апелляционная палата МТБЮ сочла «предусмотрительным» назначить *amicus curiae* «для приглядывания за интересами» обвиняемого. Судьи уточнили, что имеют все полномочия «поручить *amicus curiae* представить аргументы в пользу позиции одной из сторон процесса, если такой подход будет в

[1433] *The Prosecutor v. Slobodan Milosevic*, Decision Granting Request by the *Amici curiae* for Certification of Appeal Against a Decision of the Trial Chamber, 25 September 2003, IT-02-54-T.
[1434] *The Prosecutor v. Slobodan Milosevic*, Decision on The Interlocutory Appeal by The *Amici curiae* Against the Trial Chamber Order Concerning the Presentation and Preparation of the Defence Case, 20 January 2004, IT-02-54-T, §4.
[1435] См.: *Williams S., Woolaver H., op.cit.,* p. 166.
[1436] *Akayesu* Order.
[1436] *Bartolomeusz L., op.cit.,* p. 252.

интересах правосудия»[1437]. Перед *amicus curiae* была поставлена следующая задача: «[…] не разыскивать новые фактические обстоятельства, а в свете доказательств, приобщенных к материалам дела в первой инстанции, сформулировать основания для обжалования в апелляционном порядке обвинительного приговора с целью его отмены либо сокращения сроков наказания, а также представить аргументы, опровергающие обоснованность пунктов обжалования, изложенных Прокурором».

В отличие от Судебной палаты в деле против С.Милошевича, в деле М.Краишника Апелляционная палата приняла меры к тому, чтобы оставаться в рамках, пусть и широкого, но толкования правила 74 ППД и не допустить превращения *amicus curiae* в де факто сторону защиты. Замечаниям *amicus curiae,* по сути, отводилась роль некоего научно-практического анализа материалов процесса в первой инстанции на предмет выявления оснований для обжалования приговора в пользу осужденного, а не апелляционной жалобы. Судьи подчеркнули, что поскольку *amicus curiae* не является стороной в процессе, то они не обязаны реагировать на каждый из представленных им пунктов обжалования приговора, а будут использовать их для определения целесообразности в интересах правосудия инициативно проанализировать обстоятельства, не затронутые самим обвиняемым ни в апелляционной жалобе, ни в ответе на жалобу Прокурора.

В деле против М.Краишника *amicus curiae* наделялся теми же процессуальными правами, что и стороны, за исключением максимально допустимого объема представляемых им документов. Ему предоставлялся доступ к конфиденциальным материалам дела.

Решение Апелляционной палаты назначить *amicus curiae* подверглось жесткой критике со стороны одного из ее членов – судьи В.Шомберга. В своем «Фундаментально расходящемся мнении относительно права обвиняемого на самостоятельное представительство своих интересов» он утверждает, что участие

[1437] *The Prosecutor v. Momčilo Krajišnik*, Decision on Momčilo Krajišnik's Request to Self-Represent, on Counsel's Motions in Relation to Appointment of *Amicus curiae*, and on the Prosecution Motion of 16 February 2007, 11 May 2007, IT-00-39-A, §§ 17-18, 21.

amicus curiae в такой ипостаси «только лишь запутает разбирательство, слабо обеспечивая при этом право на справедливый и скорый суд, как это показывает опыт [дела против С.Милошевича]»[1438]. По его мнению, «искусственная конструкция, при которой *amicus curiae* действует де факто как защитник, неизбежно должна создать ситуацию конфликта интересов в голове любого юриста, назначенного в качестве *amicus curiae* и серьезно подходящего к этой обязанности»[1439].

В деле М.Краишника *amicus curiae* частично сосуществовал с защитником, нанятым подсудимым для подготовки судебного документа об объекте преступного сговора. Апелляционная палата признала, что решение самостоятельно представлять свои интересы не исключает возможность нанять защитника для работы по конкретному вопросу[1440].

Из анализа обоих дел следует, что в тех редких случаях, когда *amicus curiae* привлекается для защиты интересов обвиняемого, существенное значение приобретает его беспристрастность. Характерный пример – отстранение *amicus curiae* М. Владимироффа в деле Милошевича после того, как подсудимый пожаловался на два интервью, в которых *amicus* публично высказался о его виновности. Проанализировав публичные заявления *amicus curiae*, Судебная палата пришла к выводу, что они вызывают серьезные вопросы относительно целесообразности продления его мандата. Судьи подчеркнули, что М.Владимирофф высказался не только насчет уже приобщенных к делу доказательств, но и дал оценку доказательствам, которые еще не были представлены, и что в обоих случаях его слова выражали убежденность в

[1438] *The Prosecutor v. Momčilo Krajišnik*, Decision on Momčilo Krajišnik's Request to Self-Represent, on Counsel's Motions in Relation to Appointment of *Amicus curiae*, and on the Prosecution Motion of 16 February 2007, Fundamentally Dissenting Opinion of Judge Schomburg on the Right to Self-Representation, 11 May 2007, IT-00-39-A, § 6.

[1439] *Ibid.*, § 80. См. также: *Schomburg W.* The Role of International Criminal Tribunals in Promoting Respect for Fair Trial Rights // Northwestern University Journal of International Human Rights. 2009. Vol. 8. P.18.

[1440] *The Prosecutor v. Momčilo Krajišnik*, Decision on Momčilo Krajišnik's Motion to reschedule Status Conference and permit Alan Dershowitz to Appear, 28 February 2008, IT-00-39-A, §§8-9.

неблагоприятном для подсудимого исходе дела[1441]. Судьи выразили особую озабоченность высказыванием, согласно которому подсудимого следовало осудить хотя бы по нескольким пунктам обвинения. По мнению Палаты, эти заявления, взятые в совокупности, давали разумные основания для возникновения ощущения предвзятости *amicus curiae*. Суд признал, что при таких обстоятельствах не может быть уверен в способности *amicus curiae* отправлять беспристрастно возложенные на него функции, включая поиск и информирование о любых обстоятельствах в защиту подсудимого, и дал указание Секретарю прекратить полномочия М.Владимироффа в этом качестве.

Запрет Апелляционной палаты в деле М.Краишника на общение *amicus curiae* с подсудимым был призван служить дополнительной гарантией беспристрастности и не допускать превращения *amicus curiae* в сторону защиты. В ответ на просьбу *amicus curiae* ориентировать в связи с запросом М.Краишника о встрече с ним «для обсуждения судебного документа, который он подал от [имени М.Краишника] и который призван стать частью общей стратегии защиты на стадии апелляционного производства»[1442], судья Т.Мерон отметил, что такая встреча, посвященная обсуждению «вопроса, входящего в компетенцию *amicus curiae*, нарушила бы условия и дух назначения *amicus curiae*»[1443].

Опыт МТБЮ показывает, что практика использования *amicus curiae* для представительства интересов обвиняемого носит чрезвычайно ограниченный и во многом экспериментальный характер. Как представляется, в данном случае она была призвана не столько гарантировать справедливость судебного процесса, сколько, с учетом личности обвиняемых, оградить международный трибунал от обвинений в инквизиторском процессе против ключевых политических фигур конфликта в бывшей Югославии.

[1441] *The Prosecutor v. Slobodan Milosevic*, Decision Concerning an *Amicus curiae*, 10 October 2002, IT-02-54-T, p. 4.

[1442] *The Prosecutor v. Momčilo Krajišnik, Amicus curiae* Motion Regarding Request for UNDU Visit by Mr Krajišnik, 6 June 2008, IT-00-39-A, §1.

[1443] *The Prosecutor v. Momčilo Krajišnik*, Decision on *Amicus curiae* Motion for Guidance, 11 June 2008, IT-00-39-Q, p.1.

В литературе отмечается, что, несмотря на «некоторую пользу» инновационной модели *amicus curiae* в деле С.Милошевича, «она далеко неэффективна, и маловероятно, что ее можно с легкостью применять в других международных уголовных процессах при отказе подсудимых от защитника, в основном потому что ее малосущественный успех был обусловлен ролью конкрентных личностей и отношениями, которые завязались в течение длительного периода сосуществования в зале судебного заседания»[1444]. Тезис о слабой эффективности такого применения *amicus curiae* подверждается и тем, что спустя четыре года Судебная палата решилась все же принудительно назначить подсудимому полноценного защитника[1445].

Маловероятно, что эта практика получит дальнейшее развитие[1446]: вместо нее для обеспечения справедливости судебного разбирательства обвиняемому, отказывающемуся от защитника, будет применяться норма, позволяющая назначать такового принудительно. В 2008 г. она была включена в ППД МТБЮ[1447]; она также содержится в ППД МТР[1448], Специального трибунала по Ливану[1449], Римском статуте МУС[1450].

Отдельный интерес представляет участие *amicus curiae* в качестве **процессуального оппонента Прокурора при разрешении вопросов подсудности**. В правиле 11 ППД СТЛ *amicus curiae* отводится роль оппонента Прокурора на стадии апелляции против постановления судьи предварительного производства о неподсудности трибуналу обстоятельств, которые, по мнению Прокурора, связаны с убийством Р.Харири. Согласно соответствующим положениям, Прокурор может письменно обосновать перед судьей предварительного производства подсудность трибуналу тех или иных

[1444] *Boas G.* International Criminal Law Practitioner Library: Volume 3: International Criminal Procedure (The International Criminal Law Practitioner). Cambridge University Press, 2013. P. 170.
[1445] *The Prosecutor v. Slobodan Milosevic*, Reasons for Decision on Assignment of Defence Counsel, 22 September 2004, IT-02-54-T.
[1446] *Williams S., Woolaver H.* The Role of the *Amicus curiae..., op.cit.*, p. 160.
[1447] Rule 45ter, ICTY RPE.
[1448] Rule 45quater, ICTR RPE.
[1449] Rule 59(F) STL RPE.
[1450] Статьи 55, 67 Римского статута МУС от 17 июля 1998 г.

обстоятельств, связанных с убийством Р.Харири. В случае несогласия судьи с анализом Прокурора, последний вправе обжаловать этого решение в порядке апелляции. Правило 11 предусматривает право Апелляционной палаты предписать руководителю Отдела правовой помощи назначить независимого юриста в качестве *amicus curiae* для подготовки аргументов против жалобы Прокурора. В доктрине справедливо отмечается, что такое привлечение *amicus* компенсирует отсутствие на данной стадии стороны защиты, способной представить альтернативную позицию и тем самым укрепить состязательность и всесторонность рассмотрения вопроса[1451].

Amicus curiae, выступающий гарантом справедливости, занимает промежуточное положение между стороной и «третьим лицом» процесса. Степень его вовлеченности и характер полномочий позволяют говорить о нем как о «служителе правосудия» (*officer of the Court*), на которого распространяются повышенные требования добросовестности, подчинения праву, недопустимости сознательного введения трибунала в заблуждение и соблюдения профессиональной этики. В отличие от *amicus curiae*, выполняющего исключительно информативную функцию, за нарушение этих обязанностей *amicus*-гарант справедливости может нести юридическую ответственность.

Из изложенного следует, что определения *amicus curiae*, содержащиеся в международно-правовых актах, применимых к международному уголовному праву, лишь частично отражают действительное содержание этого института и не учитывают его функцию гаранта справедливости процессуальных процедур. Мы предлагаем использовать следующее определение, устраняющее этот пробел: институт *amicus curiae* в международном уголовном праве – это совокупность процессуальных норм, регулирующих порядок участия в международном уголовном судопроизводстве физических и юридических лиц, субъектов международного права, которые: 1) по запросу международного уголовного

[1451] The Manual on International Courts and Tribunals. Second Edition / edited by R.MacKenzie, C.Romano, Y.Shany. Oxford University Press, 2010. P. 234.

трибунала или инициативно и с его санкции предоставляют письменные либо устные замечания по вопросу права; либо 2) по поручению международного уголовного трибунала выполняют процессуальные действия, призванные гарантировать справедливость судебного производства.

Процессуальные действия могут осуществляться не только в интересах обвиняемого. В практике международных уголовных судов *amicus curiae* привлекались в качестве гарантов справедливости уголовного процесса для защиты интересов самого трибунала в связи с совершением посягательств на отправление ими правосудия. Именно последняя, обвинительная ипостась *amicus curiae* – «прокурор (обвинитель) *amicus curiae*» – составляет центральный объект настоящего исследования.

§ III.2. Понятие прокурора (обвинителя) *amicus curiae* в международном уголовном праве. Аналоги в национальном уголовном процессе

В международном уголовном праве термин «прокурор (обвинитель) *amicus curiae*» употребляется не в одном, а по меньшей мере в двух различных значениях. С одной стороны, этим термином обозначают особый подвид *amicus curiae* как гаранта справедливости судопроизводства. С другой стороны, тот же термин используется для описания ситуаций, когда уставный орган обвинения международного трибунала выступает в процессе перед другим судом в качестве *amicus curiae* с чисто информативной функцией, то есть не как сторона, а как внешний участник, представляющий правовые позиции или опыт по вопросам, имеющим значение для рассматриваемого дела. Такое двойственное употребление термина позволяет связать анализ международного института прокурора (обвинителя) *amicus curiae* с дальнейшим рассмотрением близких по целевой направленности институтов специального прокурора в национальных юрисдикциях, где поиск оптимального распределения функций обвинения получает иное, но сопоставимое выражение.

III.2.1. Прокурор (обвинитель) *amicus curiae* как сторона международного уголовного процесса

Представляется необходимым прежде всего обратить внимание на то обстоятельство, что обозначение «прокурор (обвинитель) *amicus curiae*» не получило нормативного закрепления ни в одном из международно-правовых актов, регламентирующих организацию и порядок деятельности международных уголовных судебных учреждений. По существу перед нами доктринальная и практическая конструкция, выработанная самими судами и наукой международного уголовного права для отражения функционального содержания определенного участника уголовного процесса, но отнюдь не юридически установленная должность в собственном смысле слова. Нельзя не заметить, что подобное расхождение между доктринальным обозначением и нормативной терминологией есть явление, закономерное для тех областей международного права, в которых процесс нормообразования еще не завершен.

Если обратиться к правилам процедуры и доказывания соответствующих трибуналов, то в ППД МТБЮ, МТР и СТЛ речь идет лишь об «*amicus curiae*» – лице, которому трибунал может поручить проведение расследования в отношении определенных деяний на предмет установления наличия в них признаков состава преступления против отправления правосудия либо поддержание обвинения в отношении лица, подозреваемого в совершении таких деяний[1452]. Иной терминологический подход применен в ППД СССЛ, где вместо понятия «*amicus curiae*» используется обозначение «независимый адвокат»[1453], тогда как ППД ОССССЛ оперирует термином «независимый прокурор»[1454]. Вместе с тем, при всем различии терминологических решений, избранных составителями указанных процессуальных актов, функциональное содержание соответствующих институтов остается тождественным: и «независимый адвокат» СССЛ, и «независимый прокурор» ОССССЛ наделяются теми же полномочиями, которые в

[1452] Rule 77(C)(ii), ICTY RPE; rule 77(C)(ii), ICTR RPE; rule 60(E)(ii), STL RPE.
[1453] Rule 77(C)(iii), SCSL RPE.
[1454] Rule 77(C)(iii), RSCSL RPE. Адвокатами (*counsel*) в английской правовой лексике именуются любые юристы, допущенные к участию в судебных заседаниях.

рамках МТБЮ, МТР и СТЛ возложены на прокурора (обвинителя) *amicus curiae*. Это обстоятельство свидетельствует о том, что, несмотря на отсутствие единого терминологического стандарта, сущность данного процессуального института является общей для всей системы органов международной уголовной юстиции, и различия в его наименовании не затрагивают существа закрепленных за ним функций.

Это, в свою очередь, позволяет сформулировать более развернутое его определение в терминах международного уголовного права. Институт прокурора (обвинителя) *amicus curiae* представляет собой совокупность процессуальных норм, регулирующих порядок назначения и прекращения полномочий, компетенцию, процессуальные права и обязанности комплементарного по отношению к органу обвинения международных уголовных трибуналов внесистемного органа следствия и поддержания обвинения в связи с посягательствами на отправление правосудия международными уголовными трибуналами.

Ряд зарубежных авторов высказывает сомнение в корректности использования латинского выражения *amicus curiae* применительно к прокурору (обвинителю), исходя из того, что, в отличие от «классических» *amici*, не имеющих юридической заинтересованности в исходе дела, прокурор (обвинитель) *amicus curiae* по определению выступает стороной процесса[1455]. Ниже будут выявлены допускаемые сторонниками данной теории методологические и логические ошибки на нескольких уровнях. Прежде всего необходимо показать, каким образом исходная национально-правовая модель некритически абсолютизируется и механически проецируется на международно-правовой уровень, затем каким образом игнорирование практики международных судов приводит к искажению действительного содержания института *amicus curiae*, и, наконец, каким образом доведение данной позиции до

[1455] *Williams S., Woolaver H.* The Role of the *Amicus curiae*..., *op.cit.,* p. 183; *Williams S. et al., op.cit.,* p.92.

логического предела (*reductio ad absurdum*) демонстрирует ее внутреннюю несостоятельность.

Представляется, что изложенные возражения выявляют не столько «терминологическую некорректность» использования латинской формулы *amicus curiae* применительно к прокурору (обвинителю), сколько ограниченность начальной методологической посылки, лежащей в основе такой критики. Она исходит из того, что единственно допустимым является национально-правовой, преимущественно англосаксонский, «классический» образец *amicus curiae* как внешнего по отношению к процессу информатора суда, не обладающего собственной юридической заинтересованностью в исходе дела. Тем самым в качестве критерия оценки международно-правовой конструкции фактически некритически принимается национальная модель, а дефиниция, сложившаяся в рамках внутригосударственного права, переносится на международный уровень как некое «естественное» и универсальное содержание института.

С методологической точки зрения подобный подход не может быть признан удовлетворительным. Если исходить из того, что международное право представляет собой автономный правопорядок, то содержание его институтов не может выводиться путем простой проекции национальных категорий, даже если последние опираются на длительную традицию. В отношении *amicus curiae* это означает, что международно-правовое понимание данного института должно реконструироваться, прежде всего, на основе практики международных судов и трибуналов, а не сводиться к заранее заданной национальной схеме.

Именно такая реконструкция показывает, что уже в рамках дел С. Милошевича и М. Краишника «обычный» *amicus curiae* при определенной конфигурации процессуальных полномочий *de facto* выступает в роли стороны защиты; симметричным образом, в случае прокурора (обвинителя) *amicus curiae* тот же функциональный механизм реализуется с противоположным, обвинительным знаком. Это обстоятельство вновь подтверждает, что для международного права решающим является не исходная «чистота» терминологического шаблона, выработанного национальной практикой, а

объективное функциональное содержание института, выявляемое через анализ совокупности международных казусов.

Отсюда вытекает и общий методологический вывод, который последовательно защищается в настоящем исследовании: при определении содержания таких сложных и эволюционирующих категорий, как *amicus curiae*, необходимо исходить не из догматически фиксированных национальных моделей, а из практики международного правопорядка, подвергая ее логической индукции и системно-структурному анализу. При таком подходе становится возможным обоснованно утверждать, что прокурор (обвинитель) *amicus curiae* представляет собой не «аномалию» по отношению к традиционной конструкции, а один из ее международно-правовых вариантов, функционально обусловленный особенностями международного уголовного процесса.

В логике рассуждений указанных авторов бросается в глаза характерная для части западной доктрины методологическая установка: они исходят не из реально сложившейся практики международных уголовных трибуналов, в рамках которой фигура *amicus curiae* получила конкретное нормативное и функциональное оформление, а из абстрактного, в значительной степени схематизированного представления о том, каким якобы должен быть *amicus curiae* – как о субъекте, лишенном какой-либо юридической заинтересованности в исходе дела. Тем самым в качестве отправной точки анализа берется не позитивное право и не сложившаяся практика, а конструируемый авторами нормативный идеал нейтральности, который затем подводится под критерий «подлинной» или «классической» модели *amicus curiae*.

Такой подход свидетельствует о логическом и методологическом просчете, состоящем в подмене реально сложившегося содержания института его желаемой моделью. Иначе говоря, происходит своеобразный модальный сдвиг: из того, каким, по мнению критиков, *должен* быть *amicus curiae* в абстрактной конструкции, делается вывод о «некорректности» того варианта института, который фактически закреплен в международно-правовых актах и подтвержден практикой трибуналов. Между тем именно эта практика и соответствующие

процессуальные нормы представляют собой исходный материал для юридического анализа; игнорирование их в пользу умозрительных схем неизбежно ведет к искажению действительного характера рассматриваемого института.

Представляется допустимым подвергнуть позицию названных авторов испытанию от обратного – *reductio ad absurdum*. Допустим, что прокурор (обвинитель) *amicus curiae* действительно не является *amicus curiae* в международно-правовом смысле, как утверждают критики. В таком случае правомерно поставить вопрос: какова же тогда юридическая природа этого участника процесса? Ведь международное уголовное судопроизводство построено на системе процессуальных ролей, каждая из которых подчинена определенному правовому режиму; любой участник должен быть отнесен к одной из них. Между тем названные зарубежные авторы, оспаривая принадлежность прокурора (обвинителя) *amicus curiae* к семейству *amici*, не предлагают никакой альтернативной квалификации, фактически оставляя данного участника в своеобразном юридическом вакууме – вне какой-либо процессуальной категории. Он не является уставным прокурором трибунала, ибо не входит в штатную структуру органа обвинения; он не может быть квалифицирован как прокурор *ad hoc*, поскольку этот институт имеет в международном уголовном праве самостоятельное содержание[1456].

Называть прокурора *amicus curiae* «специальным прокурором» было бы неточно. Говорить о каком-то «специальном прокуроре» как о дополнительной разновидности уставного органа обвинения означало бы фактически постулировать существование параллельного прокурорского органа, учрежденного вне воли Совета Безопасности ООН и вне рамок статутного регулирования, что несовместимо с исходной концепцией МТБЮ как «креатуры»

[1456] См., например: Convention for the Creation of an International Criminal Court: [подписана в Женеве 16 нояб. 1937 г., не вступила в силу] // Proceedings of the International Conference on the Repression of Terrorism, Geneva, November 1st to 16th, 1937. – Geneva : League of Nations, 1938. – (Series of League of Nations Publications. V. Legal. 1938. V. 3). – Art. 25(3). – URL: https://legal.un.org/avl/pdf/ls/RM/LoN_Convention_for_ICC.pdf (дата обращения: 02.03.2026).

Совета Безопасности ООН и нарушает принцип замкнутости его институциональной структуры.

Не менее уязвимым представляется и обозначение рассматриваемого участника процесса термином «независимый прокурор». С методологической точки зрения это выражение страдает внутренним противоречием. Прежде всего, возникает вопрос: независимый – от чего и от кого? Если под независимостью подразумевается автономия от уставного органа обвинения трибунала, то такое указание, хотя и верно по существу, лишено отличительного значения: оно фиксирует лишь институциональную обособленность данного участника от Канцелярии Прокурора, но ничего не говорит о его собственной правовой природе и функциональном предназначении, подменяя содержательную характеристику указанием на внешний, негативный признак – «не входит в штат системного органа обвинения». Если же под независимостью понимается свобода от любых внешних инструкций и постороннего давления при осуществлении своих функций, то такое указание оказывается тавтологичным, ибо независимость в этом смысле составляет неотъемлемый атрибут любого обвинителя международного уголовного трибунала.

Кроме того, принять обозначение «независимый прокурор» в качестве специального термина – значит допустить, по неизбежной логической импликации, что уставный обвинитель трибунала является прокурором «зависимым», что не только не соответствует действительности, но и прямо противоречит нормативным основам организации международного уголовного правосудия.

Даже в узком институциональном смысле нельзя забывать, что прокурор *amicus curiae* не может быть «независимым» в абсолютном значении этого слова. Его деятельность с самого начала и до окончания производства опосредуется актами того же международного суда: он назначается судебной палатой, действует в пределах выданного ей мандата, связан ее указаниями относительно предмета и пределов расследования, порядка представления доказательств, а также решениями по вопросам процедуры. В организационном плане он, как правило, опирается на ресурсы секретариата, что дополнительно подчеркивает его

встроенность в институциональную структуру трибунала и подчиненность установленному им режиму.

Термины «независимый» или «специальный адвокат» были бы также неподходящи. Во-первых, он не является адвокатом – ни в процессуальном, ни в функциональном смысле, – ибо выступает на стороне обвинения, а не защиты. Во-вторых, существование адвоката подразумевает наличие клиента и отношения между ними, которые не могут иметь место между судебной палатой и органом обвинения без ущерба для справедливого судебного разбирательства. Само понятие «независимый адвокат» является оксюмороном, т.к. адвокат по определению – это всего лишь советник, и должен в конечном итоге подчиняться воле клиента.

Таким образом, последовательно перебрав все мыслимые процессуальные категории, мы обнаруживаем, что единственной, которая способна вместить специфику данного участника, остается именно *amicus curiae* – с тем содержанием, которое этот институт приобрел в международном уголовном праве. Критика, не дающая ответа на вопрос о природе оспариваемого явления и ограничивающаяся лишь указанием на то, чем это явление не является, не может быть признана научно состоятельной: она разрушает, ничего не созидая, и потому лишена конструктивного значения для правовой науки.

Институт прокурора (обвинителя) *amicus curiae* был введен в международное обращение именно судьями МТБЮ, и нет оснований считать, что столь опытные юристы прибегли к этому обозначению случайно. Их выбор скорее свидетельствует о сознательном стремлении расширить содержание термина *amicus curiae* в международном уголовном праве.

Элемент «*curiae*» допускает двоякое толкование: «суд» как учреждение и «суд» как конкретная судебная палата. В первом случае подчеркивается сторонний, внесистемный характер прокурора (обвинителя) *amicus curiae* – это третье лицо, которое, как «друг суда», соглашается выполнять по просьбе последнего функции, призванные содействовать надлежащему отправлению правосудия. Во втором случае через термин «друг суда» подчеркивается роль

прокурора (обвинителя) *amicus curiae* как представителя интересов судебной палаты, которым посягательством на отправление правосудия был нанесен ущерб. В этом смысле термин «друг суда» как нельзя более уместен применительно к прокурору (обвинителю) *amicus curiae*: подобно настоящему другу, он призван не столько сопровождать суд в обычном течении разбирательства, сколько встать на его защиту в тех случаях, когда объектом посягательства становится само отправление правосудия.

В национальных уголовных производствах прокурор традиционно выступает носителем и процессуальным выразителем интересов государства и общества, делегировавшего государству полномочия по защите правопорядка; в международных процессах по делам о международных преступлениях он, по устоявшейся формуле, представляет интересы международного сообщества в целом[1457]. Однако специфика составов, связанных с посягательствами на отправление международного уголовного правосудия, заключается в том, что непосредственным объектом защиты здесь выступает функционирование самого суда. Поэтому в делах этой категории прокурор (обвинитель) *amicus curiae,* действуя в общем контексте интересов международного сообщества, в первую очередь выражает и защищает интересы соответствующего международного уголовного суда как органа правосудия, на который направлено соответствующее посягательство.

Несмотря на то, что выражение «прокурор (обвинитель) *amicus curiae*» не упоминается в официальных международно-правовых актах, оно было взято на вооружение как теоретиками, так и практиками международного уголовного права и прочно вошло в обиход. В частности, в Кодексе поведения адвокатов, практикующих при международных уголовных трибуналах 2017 г., прокурор (обвинитель) *amicus curiae* ставится в один ряд с собственным прокурором

[1457] International Tribunal for the Former Yugoslavia Document «Prosecutor’s Regulation No 2. Standards of Professional Conduct for Prosecution Counsel». [Электронный ресурс]. 1999 (ICTY Standards of Conduct for Prosecution). – URL: https://www.icty.org (дата обращения: 26.01.2025).

международных трибуналов и с прокурором *ad hoc*[1458]. Этот термин также систематически используется для обозначения стороны обвинения в судебных документах международных уголовных судов. Это подтверждает, что термин нашел институциональное признание как удобный и содержательно оправданный ярлык для обозначения специфического участника международного уголовного процесса.

Институт прокурора (обвинителя) *amicus curiae* обнаруживает качественно иное место в системе *amici curiae*; его специфика выявляется, по меньшей мере, по трем основополагающим критериям – субъектному составу, требованиям к профессиональной квалификации и процессуальному статусу.

Прежде всего, в субъектном отношении круг лиц, которые могут быть привлечены в качестве *amici curiae*, практически не знает ограничений: в этой роли могут выступать как отдельные частные лица, так и неправительственные организации, профессиональные объединения, а в ряде случаев – и государства, и международные межправительственные организации. В то время как институт «обычного» *amicus curiae* допускает столь широкую вариацию субъектов, прокурор (обвинитель) *amicus curiae* по самой своей конструкции предполагает участие исключительно физического лица.

Далее, в отличие от классических *amici curiae*, в отношении которых специальные квалификационные цензы, как правило, не устанавливаются и достаточно наличия интереса и компетентного мнения по рассматриваемому вопросу, к прокурору (обвинителю) *amicus curiae* предъявляются заведомо более жесткие требования: он должен обладать безупречными моральными качествами, глубокими знаниями международного уголовного права и процесса и доказанным опытом практической деятельности в этой сфере. Тем самым подчеркивается, что речь идет не о любом внешнем консультанте суда, а о лице, по уровню профессиональной подготовки сопоставимом с уставным органом обвинения.

[1458] Article 18, Common Code of Professional Conduct for all Counsel appearing before the International Criminal Tribunals. [Электронный ресурс]. // International Meetings of the Defence. 2017. – URL: https://michaelgkarnavas.net/files/nuremberg-common-code-en-20170912.pdf (дата обращения: 26.01.2025).

Наконец, если иные *amici curiae* привлекаются к рассмотрению дела как внешние участники, выполняющие вспомогательную функцию и не имеющие собственной юридической заинтересованности в исходе дела, то прокурор (обвинитель) *amicus curiae* занимает в международном уголовном судопроизводстве принципиально иное положение. Он участвует в конкретном производстве именно как сторона процесса – сторона обвинения.

В более широком методологическом плане институт прокурора (обвинителя) *amicus curiae* наглядно демонстрирует, как в международном уголовном праве трансформируется сама идея «друга суда» – от внешнего наблюдателя, призванного расширить горизонт судебного познания, к активному участнику, который, оставаясь внутри семьи *amici,* вступает в процесс в качестве стороны обвинения и берет на себя особую функцию защиты самого правосудия от посягательств на него. Тем самым данный институт воплощает переход от статического понимания *amicus curiae* как нейтрального комментатора к динамическому, в котором «дружба с судом» выражается прежде всего в обеспечении условий для его независимого и эффективного функционирования.

III.2.2. Уставной орган обвинения международных уголовных трибуналов как участник международных уголовных процессов в качестве *amicus curiae*

В интересах полноты исследования следует, прежде всего, оговорить, что употребляемое в современной доктрине выражение «прокурор (обвинитель) *amicus curiae*» призвано охватить достаточно редкий, но показательный феномен участия уставного органа обвинения международного уголовного трибунала в качестве *amicus curiae* в тех процессах, где традиционная сторона обвинения отсутствует вовсе либо ее функция фактически реализуется именно прокурором (обвинителем) *amicus curiae*. В международном уголовном процессе сложились два вида производств, в рамках которых уставный орган обвинения может выступать в таком качестве: во-первых, производство по вопросу возмещения ущерба потерпевшим; во-вторых, производство в связи с посягательствами на отправление правосудия[1459].

[1459] Статья 75 Римского статута МУС 1998 года.

Из числа действовавших и действующих международных уголовных юрисдикций производство по вопросу возмещения ущерба потерпевшим в уставной форме предусмотрено только Римским статутом МУС. Хотя в деле «Прокурор против Т. Лубанги» Первая судебная палата формально признала Прокурора одной из сторон указанного производства[1460], анализ практики Суда и закрепившаяся в науке точка зрения позволяют утверждать, что участие уставного Прокурора здесь по существу реализуется через процессуальный механизм *amicus curiae*. Так, Прокурор вправе представлять замечания, отвечать на возражения иных участников, а также получать материалы, предназначенные для сторон, включая конфиденциальные судебные решения и экспертные заключения, лишь с санкции суда[1461], тогда как собственно сторона производства такой санкции не требует. Апелляционная палата в том же деле специально подчеркнула, что Прокурор не обладает процессуальным статусом стороны апелляции в рамках производства по возмещению ущерба потерпевшим и, следовательно, не может представлять письменные замечания по существу апелляций без соответствующего приглашения со стороны палаты[1462].

Иной характер принимает участие уставного органа обвинения в рамках дел о посягательствах на отправление правосудия, где прокурор трибунала, действуя вне обычной для него процессуальной роли, обращается к суду с ходатайством о допуске в качестве *amicus curiae*. В рамках второй категории дел такой случай был зафиксирован единожды в практике СССЛ в деле «Прокурор против Э.Сенесси». В практике Специального суда по Сьерра-Леоне подобный случай был зафиксирован в деле «Прокурор против Э. Сенесси», когда Прокурор СССЛ, ссылаясь на существенную заинтересованность в исходе рассматриваемого вопроса ввиду неразрывной связи между данным производством и постоянной необходимостью обеспечивать безопасность свидетелей суда, заявил, что его

[1460] *The Prosecutor v. Thomas Lubanga Dyilo,* Decision establishing the principles and procedures to be applied to reparations, 7 August 2012, ICC-01/04-01/06-2904, § 267.
[1461] *Williams S. et al., op.cit.,* p. 203.
[1462] *The Prosecutor v. Thomas Lubanga Dyilo,* Decision on the admissibility of the appeals against Trial Chamber I's "Decision establishing the principles and procedures to be applied to reparations" and directions on the further conduct of proceedings, 14 December 2012, ICC-01/04-01/06-2953, §74.

замечания могут оказаться полезными для формирования последовательной судебной практики при назначении наказания[1463]. Суд признал представленные доводы убедительными и допустил Прокурора к участию в процессе на правах *amicus curiae*, тем самым подтвердив, что и уставный орган обвинения, выступая вне своей «классической» функции, может быть привлечен к содействию суду именно как носитель специального опыта и информации, а не как сторона спора[1464].

К числу современных проявлений рассматриваемого института следует отнести и участие системного Прокурора МУС в качестве *amicus curiae* в конституционном производстве в Конституционном суде Колумбии, инициированном запросом председателя суда относительно соответствия колумбийского законодательства, имплементирующего положения мирного соглашения между правительством и представителями Революционных вооруженных сил Колумбии, требованиям международного обычного права и Римского статута в части создания Специальной юрисдикции по вопросам мира[1465]. В своих письменных замечаниях Прокурор прямо указала, что преследует цель внести вклад в анализ национального законодательства с точки зрения его согласованности с международным уголовным правом[1466], а также подчеркнула, что целый ряд аспектов внутреннего, включая конституционного, регулирования имеет непосредственное значение для оценки приемлемости дел и,

---

[1463] *The Prosecutor v. Eric Senessie,* Office of the Prosecutor Application for Leave to Make *Amicus curiae* Submissions, 22 June 2012, SCSL-2011-01-T.

[1464] *The Prosecutor v. Eric Senessie,* Decision on Office of the Prosecutor Application for Leave to Make *Amicus curiae* Submissions, 25 June 2012, SCSL-2011-01-T.

[1465] International Criminal Court Office of the Prosecutor Document «Report on Preliminary Examination Activities (2017)». [Электронный ресурс]. 2017. 4 дек. §§ 152-153. – URL: https://www.icc-cpi.int/ (дата обращения: 26.01.2025).

[1466] International Criminal Court Office of the Prosecutor Document RPZ-0000001 y RPZ-003 «Escrito de *Amicus curiae* de la Fiscal de la Corte Penal Internacional Sobre la Jurisdiccion Especial Para la Paz: Ante la Corte Constitucional de la Republica de Colombia». [Электронный ресурс]. 2018. 18 окт. § 1. – URL: http://cr00.epimg.net/ (дата обращения: 26.01.2025).

в конечном счете, для осуществления Судом своей юрисдикции в отношении должностных лиц государств[1467].

На основе этого примера С. Вильямс делает вывод о вероятной тенденции к дальнейшему участию Прокурора МУС в национальных процессах в качестве *amicus curiae*, справедливо указывая, однако, на необходимость предельно взвешенного, сдержанного подхода к подобной практике, чтобы исключить впечатление навязывания государствам определенной модели внутреннего правового регулирования[1468].

С данным анализом следует согласиться, подчеркнув вместе с тем, что любые формы участия органа международного уголовного правосудия в национальном правосудии должны рассматриваться через призму принципа уважения суверенитета и невмешательства во внутренние дела государств, являющихся краеугольными в системе современного международного права. В этой связи представляется оправданным подход, согласно которому Прокурор МУС вступает в национальные процессы в качестве *amicus curiae* исключительно по прямому приглашению компетентного судебного органа и лишь по вопросам, по которым он, в силу возложенных на него статутных функций, обладает специфической профессиональной компетенцией. Областью, где такая компетенция проявляется в наибольшей степени, является практика осуществления уголовного преследования в соответствии с Римским статутом и ППД МУС; напротив, при выработке экспертных оценок по иным вопросам международного уголовного права более целесообразно привлекать специалистов более широкого профиля, прежде всего авторитетных ученых-международников, чья независимая научная позиция служит важным гарантом баланса между международной и национальной компонентами правового регулирования.

[1467] International Criminal Court Office of the Prosecutor Document «Report on Preliminary Examination Activities (2018)». [Электронный ресурс]. 2018. 5 дек. § 159. – URL: https://www.icc-cpi.int/ (дата обращения: 26.01.2025).

[1468] *Williams S. et al., op.cit.,* p. 137.

III.2.3. Институт специального прокурора в национальных правопорядках

Особое внимание привлекает то обстоятельство, что выступление *amicus curiae* в качестве обвинителя представляет собой подлинную новеллу современного международного права и не имеет себе аналога ни в одной из национальных юрисдикций, где *amicus curiae* никогда не наделялся функциями стороны обвинения и не использовался в этом качестве.

Вместе с тем заслуживает упоминания точка зрения, согласно которой истоки национального института *amicus curiae* усматриваются в римском *consilium*; отмечается, что по распоряжению суда *consilium* мог участвовать в уголовном процессе против обвиняемого[1469]. Это даже послужило поводом для отдельных авторов усомниться в историко-правовой связи между *consilium* и *amicus curiae* потому, что в системах общего права *amicus curiae* принципиально не допускается к участию в уголовном преследовании обвиняемого[1470]. Именно эти полномочия в известной мере сближают римский *consilium* с современным прокурором *amicus curiae* в международных трибуналах. Вместе с тем подобное сопоставление не означает прямой историко-правовой «генетической связи» между указанными институтами, но лишь указывает на общность их процессуального назначения. В национальных же правопорядках, как будет показано ниже, сформировались особые процессуальные конструкции, которые функционально выполняют те же задачи, что и прокурор *amicus curiae* в современном международном уголовном праве, а именно гарантия справедливости уголовного судопроизводства в отдельных обстоятельствах.

Проблема обеспечения объективности и беспристрастности уголовного преследования лиц, облеченных верховной государственной властью, принадлежит к числу фундаментальных вопросов теории и практики публичного права. Она обнаруживает себя всякий раз, когда конституционный механизм сдержек и противовесов подвергается испытанию: орган, призванный осуществлять уголовное преследование, оказывается в прямой или косвенной

[1469] *Covey F.M., op.cit.,* p.34.
[1470] *Ibid.*

зависимости от лица, в отношении которого это преследование надлежит осуществить. В такой ситуации возникает конфликт интересов[1471], разрешение которого средствами обычного уголовно-процессуального права неизбежно наталкивается на системные ограничения.

В любом государстве, вне зависимости от его принадлежности к той или иной правовой семье, прокуратура представляет собой орган, институционально подчиненный ветви власти – либо, в случае неприменимости принципа разделения властей, тому органу, который определяет единую уголовно-правовую политику. В государствах демократического устройства такая политика формируется исполнительной властью, получившей легитимность посредством всеобщего, тайного и равного голосования. Однако именно эта органическая связь между прокуратурой и исполнительной властью создает структурное противоречие: объективное и беспристрастное исполнение прокуратурой своих функций в отношении представителей той самой власти, которой она подчинена, – в особенности ее высших должностных лиц, – становится если не невозможным, то, во всяком случае, весьма затруднительным.

Именно осознание этого противоречия побудило ряд государств к созданию особых институциональных форм – различных разновидностей специального прокурора, – призванных обеспечить автономию расследования в условиях, когда обычные органы обвинения объективно неспособны выполнять свою функцию, не порождая обоснованных сомнений в своей беспристрастности. Сравнительно-правовой анализ этих институтов представляет значительный интерес для целей настоящего исследования, поскольку позволяет выявить общие закономерности, лежащие в основе формирования альтернативных механизмов уголовного преследования как на национальном, так и на международном уровне, и тем самым глубже уяснить природу и генезис института прокурора (обвинителя) *amicus curiae*.

[1471] Копылова Е.А. Дилемма беспристрастности: проблемы обеспечения объективного уголовного преследования в отношении лиц, порождающих институциональный конфликт интересов // Юридическое образование и наука. 2026. № 3. С.36.

Как указывается в тематическом докладе Исследовательского департамента Конгресса Соединенных Штатов, одной из исторических целей института специального прокурора являлось «противодействие ощущению, что к государственным служащим, подозреваемым в совершении уголовно-наказуемых деяний, могут применяться иные стандарты, чем к индивидам, не имеющим отношения к правительству»[1472]. Д. Саймон формулирует ту же мысль с еще большей определенностью: «Эта система – предполагающая назначение временных специальных прокуроров, независимых от обычных прокурорских полномочий Министерства юстиции, – была создана для того, чтобы обеспечить подчинение закону тех, кто этот закон контролирует»[1473]. Обе формулировки, при их кажущейся простоте, фиксируют глубинную проблему любой правовой системы, стремящейся к реализации принципа верховенства права: закон должен быть равно обязателен для всех, включая тех, кто наделен полномочиями по его исполнению.

В теоретическом отношении институт специального прокурора может быть определен как совокупность правовых норм, регулирующих участие в уголовном процессе – включая стадию предварительного следствия – лица, не входящего в систему органов, на которые обычно возлагается функция обвинения, в ситуациях, когда последние оказываются в конфликте интересов. Наиболее типичной является ситуация, при которой объектом уголовного преследования выступает высшее должностное лицо государства, по отношению к которому обычные следственные и обвинительные органы находятся в прямом или косвенном подчинении. Как свидетельствовал перед Сенатом США бывший специальный прокурор по делу Уотергейта[1474] А.Кокс, «давления и напряжение,

---

[1472] Congressional Research Service. Special Counsel Investigations: History, Authority, Appointment and Removal: report, 13 March 2019. P. 5. [Электронный ресурс]. // Washington, DC: Congressional Research Service, 2019. – URL: https://fas.org/sgp/crs/misc/R44857.pdf (дата обращения: 18.05.2025).

[1473] *Simon D.J.* The constitutionality of the special prosecutor law // University of Michigan Journal of Law Reform. 1982. Vol. 16, Iss. 1. P. 45.

[1474] Политический скандал в США, возникший в связи с проникновением 17 июня 1972 г. в разгар президентской кампании в штаб кандидата в президенты от Демократической партии Д.Макговерна, расположенный в комплексе «Уотергейт» в Вашингтоне, пяти индивидов с

вызванные раздвоением лояльности, слишком велики для любого человека, и каким бы честным и добросовестным он ни был, общественность никогда не могла бы полностью доверять тому, насколько энергично и тщательно проводится расследование. Абсолютно необходим сторонний человек»[1475]. Эти слова, произнесенные в контексте конкретного политического кризиса, фиксируют, по существу, общую закономерность: беспристрастность уголовного преследования должна быть не только фактической, но и видимой – иначе она утрачивает легитимность.

Соединенные Штаты Америки. Впервые специальный прокурор был назначен в США в 1875 г. президентом У.Грантом[1476]. Однако этот эпизод оставался единичным прецедентом; как полноценный правовой институт специальный прокурор сформировался лишь столетие спустя, в ответ на так называемый Уотергейтский скандал[1477]. Этот политический кризис спровоцировал ряд реформ в деятельности федерального правительства и в сфере контроля за его высшими должностными лицами. В часности был принят Закон об этике в правительстве 1978 г. (*Ethics Act*)[1478], в который вошли нормы о специальном прокуроре. Данный механизм, закрепленный как неотъемлемая часть правоохранительных полномочий федерального правительства, характеризуется тем, что мандат каждого конкретного специального прокурора носит временный характер. Специальный прокурор назначается для проведения расследования в отношении ограниченного круга конкретных обвинений, выдвинутых в адрес должностного лица, и прекращает свою деятельность по завершении расследования и возможного уголовного преследования. Механизм вступает в

целью настройки подслушивающей аппаратуры. Под подозрением оказался переизбранный по итогам этой гонки на новый срок кандидат от Республиканской партии Р.Никсон. В расследовании этого инцидента участвовали последовательно четыре специальных прокурора.

[1475] Senate Select Committee on Presidential Campaign Activities, Investigation of Presidential Campaign Activities before and after the 1972 Election. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1974. P.80.

[1476] *Smaltz D.C.* The Independent Counsel: A View from Inside // Georgetown Law Journal. 1998. Vol. 86, Iss. 6. P.2314.

[1477] *Simon D.J., op.cit.,* p. 45.

[1478] *Ethics Act* (Закон об этике в правительстве). Принят Сенатом США (United States Senate) 26 октября 1978 года; вступил в силу 7 ноября 1978 года. // Washington: U.S. Government Printing Office, 1978. Pp. 1–44.

действие в случае, когда Генеральный прокурор США получает информацию, достаточную для проведения расследования предполагаемых нарушений федерального уголовного законодательства лицами из числа высших должностных лиц, предусмотренных законодательством. При этом Генеральный прокурор обладает дискреционным правом провести предварительное расследование в объеме и в сроки, не превышающие девяноста дней. Если по результатам данного этапа Генеральный прокурор приходит к выводу о наличии достаточных оснований для продолжения расследования или возбуждения уголовного дела, материалы направляются в Апелляционный суд округа Колумбия для назначения специального прокурора. В соответствии с положениями Закона об этике в правительстве создается трехсудейная коллегия по вопросам назначения и отстранения специального прокурора. По ходатайству Генерального прокурора данная коллегия уполномочена назначить специального прокурора и определить пределы его следственных и обвинительных полномочий.

В качестве более современной иллюстрации функционирования данного механизма можно привести так называемое «российское расследование» специального прокурора Р. Мюллера, связанное с подозрениями в сговоре между рядом российских государственных должностных лиц и ближайшим окружением президента Соединенных Штатов Америки Д. Трампа относительно вмешательства в президентские выборы 2016 г. (завершившиеся избранием Д.Трампа)[1479].

Значительным общественным и политическим резонансом сопровождалась деятельность специального прокурора Д.Смита, назначенного в ноябре 2022 г. Генеральным прокурором США М.Гарландом для руководства двумя уголовными расследованиями, связанными с деятельностью 45-го президента США Д.Трампа,

[1479] Report on the Investigation into Russian Interference in the 2016 Presidential Election. Volume I, 448 p.; Volume II, 221 p. Special Counsel Robert S. Mueller, III. [Электронный ресурс]. // Washington, D.C.: U.S. Department of Justice, 2019. – URL: https://www.justice.gov/archives/sco/file/1373816/dl?inline= (Volume I), https://www.justice.gov/storage/report_volume2.pdf (Volume II) (дата обращения: 05.09.2025).

завершившего на тот момент свой первый президентский мандат[1480]. Первое расследование было направлено на установление обстоятельств участия Д.Трампа в событиях 6 января 2021 г., связанных со штурмом Капитолия[1481], а также его попыток оказать влияние на законную передачу президентской власти по итогам выборов 2020 г. Второе расследование касалось предполагаемого ненадлежащего обращения с государственными и засекреченными документами, обнаруженными в резиденции Д.Трампа в Мар-а-Лаго по окончании его президентского срока.

Проф. Д. Склански отмечает: «Смит был назначен специальным прокурором именно из-за политической составляющей этого дела и необходимости оградить следствие и обвинение не только от фактического вмешательства со стороны Белого дома и высокопоставленных назначенцев президента Байдена в Министерстве юстиции, но и от любого внешнего впечатления недобросовестности, любых намеков на то, что дело преследуется по политическим мотивам»[1482].

Итогом первого расследования стало предъявление Д.Трампу в августе 2023 г. четырех пунктов обвинения, включая заговор с целью обмана федерального правительства США, заговор с целью фальсификации свидетельских показаний, заговор против избирательных прав граждан США и воспрепятствование

[1480] Appointment of a Special Counsel: Press Release. [Электронный ресурс]. // Министерство юстиции США: официальный сайт. 2022. 18 ноя. – URL: https://www.justice.gov/archives/opa/pr/appointment-special-counsel-0 (дата обращения: 05.09.2025).

[1481] 6 января 2021 г. в Вашингтоне произошли массовые беспорядки, когда группа сторонников Д.Трампа предприняла попытку сорвать процедуру утверждения результатов президентских выборов 2020 г. Эта процедура предусматривала совместное заседание Конгресса для подсчета голосов выборщиков и официального подтверждения победы Д.Байдена. В ходе событий демонстранты прорвали охрану и проникли в здание Конгресса, где на несколько часов установили контроль над некоторыми его частями, нанеся при этом значительный имущественный ущерб. Возникший кризис стал причиной временной эвакуации и приостановки работы законодательного органа на время инцидента.

[1482] Stanford’s David Sklansky on Special Prosecutor Jack Smith’s Case Against Trump. [Электронный ресурс]. // Stanford Law School. 2024. 7 окт. – URL: https://law.stanford.edu/2024/10/07/stanfords-david-sklansky-on-special-prosecutor-jack-smiths-case-against-trump/ (дата обращения: 10.09.2025).

официальному расследованию[1483]. После победы Д. Трампа на президентских выборах 2024 г. специальный прокурор Д.Смит заявил ходатайство о прекращении уголовного дела, ссылаясь на внутреннюю политику Министерства юстиции США, запрещающую уголовное преследование действующего президента[1484]. Судья поддержала данное ходатайство, отметив возможность возобновления дела после окончания президентского срока[1485].

Что касается второго расследования, то в июне 2023 г. Д.Трампу было предъявлено обвинение по 37 преступным эпизодам, впоследствии расширенное до 40[1486]. Обвинения касались умышленного удержания и сокрытия документов, составляющих государственную тайну, в нарушение Закона о шпионаже 1917 г., а также мошенничества, дачи ложных показаний и сговора в целях воспрепятствования правосудию.

В июле 2024 г. федеральным окружным судьей было вынесено решение о прекращении дела на основании нарушения конституционного пункта о назначении специального прокурора[1487]. Специальный прокурор обжаловал решение суда[1488], однако вследствие изменения политического контекста

[1483] United States District Court for the District of Columbia. *United States of America v. Donald J. Trump,* Case No. 1:23-cr-00257-TSC. Indictment filed August 1, 2023. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.justice.gov/storage/US_v_Trump_23_cr_257.pdf (дата обращения: 05.09.2025).

[1484] United States Department of Justice. Motion to Dismiss by Special Counsel Jack Smith in *United States v. Donald J. Trump,* Case No. 1:23-cr-00257-TSC : filed November 25, 2024. [Электронный ресурс]. // Министерство юстиции США: официальный сайт. – URL: https://www.justice.gov/opa/press-release/file/1662041/download (дата обращения: 10.09.2025).

[1485] United States District Court for the District of Columbia. *United States of America v. Donald J. Trump,* Case No. 1:23-cr-00257-TSC. Order Granting Government's Motion to Dismiss, November 25, 2024. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.justice.gov/usao-dc/pr/federal-court-dismisses-electoral-obstruction-case-against-former-president-trump (дата обращения: 10.09.2025).

[1486] United States Department of Justice. *United States v. Donald J. Trump*, indictment, Case No. 1:23-cr-257 (S.D. Fla.), filed June 8, 2023, superseded July 27, 2023. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.justice.gov/opa/press-release/file/1696421/download (дата обращения: 10.09.2025).

[1487] United States District Court for the Southern District of Florida. Order dismissing indictment in *Donald J. Trump*, Case No. 1:23-cr-257 (S.D. Fla.), July 15, 2024. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.justice.gov/opa/press-release/file/1699921/download (дата обращения: 10.09.2025).

[1488] United States Department of Justice. Notice of Appeal by Special Counsel Jack Smith in United States v. *Donald J. Trump,* Case No. 1:23-cr-257, filed July 17, 2024. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.justice.gov/opa/press-release/file/1696421/download (дата обращения: 10.09.2025).

(переизбрания Д.Трампа на пост президента США) в ноябре 2024 г. Министерство юстиции США прекратило уголовное преследование[1489].

Деятельность Дж. Смита ознаменовалась первыми в истории Соединенных Штатов федеральными уголовными обвинениями против бывшего главы государства, однако одновременно наглядно продемонстрировала иллюзорность полного отделения политики от правосудия – того самого отделения, обеспечение которого изначально являлось одной из главных целей создания института специального прокурора. Этот парадокс заслуживает внимания: институт, задуманный как инструмент деполитизации уголовного преследования, оказался глубоко вовлеченным в политический процесс, причем его судьба в конечном счете определилась не юридическими, а политическими факторами – исходом президентских выборов.

Соединенные Штаты по-прежнему сохраняют уникальность в использовании данного института как по форме, так и по масштабам. Хотя аналогичные механизмы существуют в некоторых других государствах, они обладают своими особенностями и, как правило, являются менее формализованными или менее автономными.

Республика Корея. В этом контексте показателен опыт Республики Корея. Обсуждение целесообразности создания института специального прокурора началось в конце 1980-х – начале 1990-х годов на фоне масштабных коррупционных скандалов в высших кругах власти. Общественное мнение и оппозиция настаивали на необходимости формирования независимого органа для расследования политических и коррупционных дел. В 1999 году был принят первый временный закон о специальном прокуроре, предусматривавший его привлечение для расследования отдельных категорий дел, прежде всего

[1489] United States District Court for the District of Columbia. Order granting Government’s motion to dismiss in *United States v. Donald J. Trump*, Case No. 1:23-cr-00257-TSC, November 25, 2024. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.justice.gov/opa/pr/federal-court-dismisses-electoral-obstruction-case-against-former-president-trump (дата обращения: 10.09.2025).

коррупционных, на государственном уровне[1490]. В последующие годы разрабатывались отдельные законодательные акты для расследования конкретных дел, что привело к нарастающему усложнению и фрагментации нормативно-правовой базы.

В 2014 г. был принят основной Закон о специальном прокуроре[1491], который установил постоянный порядок назначения, расширил полномочия и гарантировал независимость специального прокурора. С его принятием в Республике Корея сложились два правовых режима функционирования данного института: общий и особенный.

Общий режим регулируется Законом 2014 г., в рамках которого специальный прокурор назначается для расследования дел, представляющих значительный общественный интерес. При этом численность его штата ограничена (до 5 человек), а срок расследования не может превышать 90 дней. Особенный режим, в свою очередь, предполагает назначение специального прокурора на основании отдельного закона для каждого конкретного случая. В этом случае прокурор может располагать более широким штатом (до 40 следователей) и иметь возможность продлить срок расследования до 150 дней и более. Таким образом, общий режим ориентирован на быстрые и ограниченные по объему расследования, тогда как особенный применяется для масштабных и юридически сложных дел.

Закон 2014 г. относит к компетенции специального прокурора такие преступления, как коррупция, злоупотребление служебными полномочиями, подкуп, манипуляции с государственными документами, вмешательство в выборы и другие серьезные правонарушения, совершенные высокопоставленными

[1490] 국가기록원. 특별검사제 (Национальный архив Республики Корея. Специальный прокурор). – 서울: 국가기록원, 2012. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.archives.go.kr/next/newsearch/listSubjectDescription.do?id=000958&sitePage=1-2-3 (дата обращения: 11.09.2025).

[1491] 특별검사의 임명 등에 관한 법률 (Закон о назначении специального прокурора). – 대한민국 법무부, 2014. [Электронный ресурс]. – URL: https://elaw.klri.re.kr/kor_service/lawViewTitle.do?hseq=34924 (дата обращения: 10.09.2025). Далее упоминается без дополнительных постраничных ссылок.

должностными лицами, включая президента, премьер-министра, членов правительства, генерального прокурора, судей и других.

Система подотчетности специального прокурора в Южной Корее в рамках Закона 2014 г. включает административное подчинение Министерству юстиции, контроль со стороны парламента и прямую ответственность перед президентом. При этом закон гарантирует его политическую нейтральность и процессуальную независимость.

Инициатива о назначении специального прокурора исходит от председателя Национального собрания или других уполномоченных законодательных органов. Председатель Национального собрания официально направляет запрос или обращение в администрацию президента с рекомендацией о назначении специального прокурора.

Для выбора кандидатур на должность специального прокурора формируется Специальный комитет, состоящий из семи членов, представляющих разнообразные политические и общественные интересы. Комитет оценивает претендентов и выдвигает двоих кандидатов на должность специального прокурора. Кандидат на должность специального прокурора должен обладать высокой квалификацией в области права, иметь значительный опыт работы в прокуратуре, суде или правоохранительных органах, не иметь судимостей. Он также должен обладать безупречной репутацией, подтверждающей его политическую нейтральность и способность независимо исполнять служебные обязанности. Кандидат не должен занимать никакие иные государственные должности или работать в политических партиях на момент назначения, чтобы исключить конфликты интересов. От кандидата требуется соблюдение этических стандартов, отказ от любой политической или иной предвзятости. Президент Южной Кореи назначает специального прокурора из числа предложенных комитетом кандидатур.

В законе перечислены основания прекращения полномочий специального прокурора. Это: добровольное сложение полномочий самим специальным прокурором, оформленное соответствующим заявлением; истечение срока, на

который специальный прокурор был назначен; увольнение или освобождение по основаниям, предусмотренным законом, включая нарушение принципов политической нейтральности, несоблюдение нормативных требований, утрату профессиональной пригодности или совершение дисциплинарных проступков. Важным элементом является наличие надлежащей процедуры, обеспечивающей объективность и справедливость принятия таких решений; признание невозможности исполнения должностных обязанностей по состоянию здоровья или иной объективной причине; смерть специального прокурора.

На практике специальные прокуроры чаще назначаются в рамках особенного режима. В качестве одного из недавних примеров можно упомянуть громкое дело, связанное с попыткой введения военного положения в Южной Корее. 3 декабря 2024 г. президент Юн Сок Ель в прямом эфире телеканала YTN объявил о введении чрезвычайного военного положения[1492]. По его словам, эта мера была направлена на искоренение просеверокорейских антигосударственных сил и защиту конституционного порядка Республики Корея. Менее чем через шесть часов после объявления военного положения, Национальное собрание Южной Кореи проголосовало за отмену этого режима[1493]. В результате политического кризиса Юн Сок Ель был временно отстранен от должности президента. Обязанности главы государства на период отстранения исполнял премьер-министр Хан Дук Су, который позже сам оставил пост для участия в президентских выборах.

В результате этих событий начались расследования по поводу участия высокопоставленных государственных чиновников в подготовке и содействии попытке введения чрезвычайного положения. Для расследования этого дела 10 декабря 2024 г. был принят отдельный закон о назначении специального

[1492] Президент Южной Кореи объявил о введении военного положения [Электронный ресурс]. // РИА Новости: официальный сайт. 2024. 3 дек. – URL: https://ria.ru/20241203/koreya-1987128091.html (дата обращения: 11.09.2025).

[1493] Военные покидают парламент Южной Кореи после отмены военного положения [Электронный ресурс]. // ТАСС: официальный сайт. 2024. 3 дек. – URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/22565093 (дата обращения: 11.09.2025).

прокурора[1494]. В этом законе определяется компетенция специального прокурора (ст. 2); порядок его назначения – президентом без участия парламента по предложению трех организаций главы администрации суда, председателя ассоциации адвокатов и председателя ассоциации профессоров права (ст. 3); перечисляются его права и обязанности (ст. 4); уточняется численность штата, сроки расследования (ст. ст. 5-6); формулируются гарантии его независимости и защиты тайны следствия (ст. 7); описывается порядок взаимодействия с правоохранительными органами (ст. 8).

26 января 2025 г. специальный прокурор предъявил обвинение бывшему президенту Юн Сок Ель в руководстве мятежом, организации введения военного положения 3 декабря 2024 года, препятствии работе парламента и угрозе конституционному строю[1495].

28 августа 2025 г. обвинение было предъявлено Хан Дук Су, занимавшему пост премьер-министра и и.о. президента, в том, что не предпринял должных мер для предотвращения неконституционного утверждения военного положения[1496]. Кроме того, ему инкриминируются лжесвидетельство под присягой, подделка и уничтожение официальных документов, а также пособничество в попытке государственного переворота.

Исландия. Институт специального прокурора существует и в Исландии, хотя его институциональное оформление существенно проще. Закон об уголовном судопроизводстве от 12 июня 2008 г. предусматривает право генерального прокурора назначать специальных прокуроров для ведения отдельных дел, требующих независимого подхода ввиду политической или

[1494] 대한민국 국회. 내란 특검법 (윤석열 전 대통령 등에 의한 내란·외환 행위의 진상규명을 위한 특별검사 임명 등에 관한 법률) : 법률 제20245호, 2024년 12월 10일 제정 // 국가법령정보센터: официальный сайт. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.law.go.kr/ (дата обращения: 11.09.2025).

[1495] KBS News. [속보] 윤석열 대통령 '구속 기소'...검찰 고심 끝 결론 / 2025년 1월 26일 [Видео] // YouTube: официальный канал KBS News. 2025. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=svC-BqnrqYk (дата обращения: 11.09.2025).

[1496] Спецпрокурор Южной Кореи предъявил обвинение бывшим премьеру и первой леди [Электронный ресурс]. // Интерфакс: официальный сайт. 2025. 28 авг. – URL: https://www.interfax.ru/world/1044607 (дата обращения: 11.09.2025).

общественной значимости (в том числе дел против высших должностных лиц государства)[1497]. Генеральный прокурор проводит оценку множества факторов, таких как степень общественного резонанса дела, его политическая значимость и риск внешнего давления на расследование. В результате этого анализа он официально назначает специального прокурора, определяя его полномочия и временные рамки мандата. Специальный прокурор наделяется правом проводить предварительное расследование, организовывать следственные действия, собирать доказательства и предъявлять обвинения. Он поддерживает обвинение в судах всех инстанций. По завершении процесса он обязан отчитаться перед генеральным прокурором.

Одним из ярких примеров участия специального прокурора в исландском уголовном процессе является дело бывшего премьер-министра Исландии Гейра Хорде. Обвинения касались халатности и неспособности должным образом информировать правительство и принимать меры для предотвращения финансового кризиса 2008 г., повлекшего крах крупнейших банков страны. В 2012 г. суд признал Г.Хорде виновным по одному из пунктов обвинения, оправдав по остальным[1498].

Государство Япония. В Японии действует система специальных следственных отделов прокуратуры (特別捜査部, Tokusō-bu), которые выполняют функции, во многом сопоставимые с функциями специальных прокуроров в Соединенных Штатах и Республике Корея[1499]. Эти подразделения существуют при крупных окружных прокуратурах Токио, Осаки и Нагойи и занимаются расследованием особо резонансных, сложных уголовных дел, включая коррупционные преступления и дела с участием высокопоставленных лиц. Их деятельность регулируется Законом о государственной прокуратуре Японии 1947

[1497] Lög um meðferð sakamála nr. 88/2008 (Закон об уголовном судопроизводстве) от 12 июня 2008 г., с изменениями. [Электронный ресурс]. // Alþingi, Reykjavík: сайт. – URL: https://www.althingi.is/lagas/154b/2008088.html (дата обращения: 11.09.2025).

[1498] Landsdómur, úrskurður í máli nr. 3/2011 gegn Geir H. Haarde. // Reykjavík, 2012. S. 1–40.

[1499] 独自事件の捜査 [Электронный ресурс]. // 法務省: сайт. 2020. – URL: https://www.moj.go.jp/keiji1/kenji_m03 (дата обращения: 11.09.2025).

г.[1500] и приказом Министерства юстиции Японии о внутреннем устройстве прокуратуры от 6 апреля 1985 г[1501]. Специальные отделы расследуют дела самостоятельно, начиная с первичных этапов и заканчивая утверждением обвинения, без передачи дел полиции. Они имеют право проводить обыски, аресты и сбор доказательств под непосредственным контролем прокуроров. В отличие от этого, обычные отделы прокуратуры координируют свои действия с полицией, которая занимается предварительным расследованием. В специальных отделах работают более опытные и высококвалифицированные прокуроры, а также специальный административный и вспомогательный персонал. В составе отдела имеются подразделения по конкретным направлениям: специальные следственные группы, группы по работе с доказательствами, экономическим преступлениям и др. Специальные отделы обладают значительной автономией в принятии решений о возбуждении дел и методах расследования, а их руководители занимают более высокие должности по сравнению с руководителями других отделов прокуратуры.

Расследование обширного коррупционного скандала в правящей Либерально-демократической партии (далее – ЛДП) Японии, осуществляемое специальным следственным отделом прокуратуры Токио, стало одним из самых резонансных уголовных процессов последних лет. В 2023 г. разразился политический кризис, связанный с несоответствием между фактическими поступлениями на счета крупнейших фракций ЛДП и данными официальной отчетности о пожертвованиях[1502]. Особое внимание привлекли фракции, возглавляемые экс-премьером Синдзо Абэ и действующим премьером Фумио Кисидой. Прокуратура подозревает, что на партийных мероприятиях незаконно

[1500] 検察庁法（昭和二十二年法律第六十一号）[Электронный ресурс]. // e-Gov Japan: официальный сайт. – URL: https://laws.e-gov.go.jp/law/322AC0000000061/ (дата обращения: 11.09.2025).

[1501] 検察庁事務章程（昭和60年4月6日法務省訓令第1号）．令和7年4月1日改正 [Электронный ресурс]. // 法務省: официальный сайт. –URL: https://www.moj.go.jp/content/001437028.pdf (дата обращения: 11.09.2025).

[1502] Правящая партия Японии решила ужесточить устав из-за коррупционного скандала. [Электронный ресурс]. // ТАСС: официальный сайт. 2023. 17 мар. – URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/20255549 (дата обращения: 11.09.2025).

собирались крупные суммы, которые не отражались в отчетах. Дело затрагивает ключевых членов партии, включая генерального секретаря правительства Хирокадзу Мацуно, министра экономики Ясутоси Нисимуру, а также других членов высшего руководства партии. По состоянию на август 2025 г. расследование продолжается, однако оно уже оказало существенное влияние на политическую ситуацию в стране.

Опыт континентальной Европы. В государствах континентальной Европы институт специального прокурора практически не известен. Между тем, учитывая наблюдаемую в ряде государств этой правовой традиции тенденцию к увеличению числа уголовных дел с участием политических деятелей, ряд правоведов указывает на целесообразность введения аналогичного механизма в том или ином виде. Французский адвокат Э.Леман отмечает: «Невыносимо продолжать сомневаться в каждом политическом деле. Поэтому необходимо создать [институт] Генерального прокурора Нации, условия назначения которого обеспечивали бы его полную беспристрастность, который действовал бы по правилам, гарантирующим его абсолютную независимость, и был бы компетентен только по политическим делам»[1503]. В данном случае речь идет не о временном мандате, как в США, а об учреждении постоянной специализированной прокуратуры, близкой к японской модели. Принцип специализации характерен для французской прокуратуры, внутри которой сегодня функционируют национальная финансовая прокуратура и национальная антитеррористическая прокуратура. Примечательно, что в ходе разработки вышеупомянутого американского Закона об этике Специальный сенатский комитет по Уотергейтскому делу рекомендовал учредить постоянный орган – канцелярию публичного прокурора – для надзора за исполнительной властью[1504]. Тем не менее

[1503] Dans les affaires politiques, le manque d'indépendance du parquet pose problème. [Электронный ресурс]. // Le Figaro: официальный сайт. 2019. 7 фев. – URL: https://www.lefigaro.fr/vox/politique/2019/02/07/31001-20190207ARTFIG00206-dans-les-affaires-politiques-le-manque-d-independance-du-parquet-pose-probleme.php (дата обращения: 10.09.2025).
[1504] Special Prosecutor Provisions of Ethics in Government Act of 1978 : a report prepared by the Subcommittee on Oversight of Government Management of the Committee on Governmental Affairs, United States Senate. // Washington : U.S. Government Printing Office, 1981. P.9.

было решено отдать предпочтение временному несистемному институту. Анализ подготовительных материалов законопроекта показывает, что главной причиной данного выбора стали опасения, что общественное мнение не воспримет системный орган как независимый от исполнительной власти. Этот выбор, продиктованный скорее политическими, нежели юридико-техническими соображениями, тем не менее определил дальнейшую траекторию развития института в Соединенных Штатах.

Таким образом, сравнительно-правовой анализ обнаруживает существование двух принципиальных моделей национального института специального прокурора для расследования преступлений, к которым могут быть причастны высшие должностные лица государства. Первая модель предполагает временный мандат и функционирование вне обычной системы правоохранительных органов; вторая – постоянный мандат внутри этой системы. Выбор между ними обусловлен совокупностью факторов, среди которых определяющими являются уровень общественного доверия к правоохранительной системе и конкретная политическая конъюнктура. Каждая модель имеет свои преимущества и недостатки.

Временный прокурор, находящийся вне стандартной правоохранительной системы, имеет бóльшую свободу действия и меньше подвержен политическому или административному давлению. Это способствует повышению доверия общества к результатам его деятельности. Ограниченный мандат и сосредоточение на одном или нескольких связанных делах позволяют прокурору проводить глубокий анализ и всестороннее исследование обстоятельств, не отвлекаясь на другие задачи. Отсутствие строгих бюрократических процедур правоохранительных органов дает возможность использовать нестандартные и инновационные подходы в расследовании.

При этом как правило, временные прокуроры не располагают широким административным и кадровым ресурсом, что снижает возможность проведения комплексных расследований. После окончания расследования временный прокурор покидает должность, и накопленный опыт зачастую теряется, что

негативно сказывается на развитии института. Отсутствие формальной интеграции с правоохранительной системой иногда вызывает трудности в координации действий и обмене информацией.

Модель, подразумевающая создание специализированного прокурорского подразделения или должности в рамках общей государственной системы уголовного преследования, характеризуется своими положительными и отрицательными аспектами. Постоянный прокурор имеет устойчивый доступ к материально-финансовым, кадровам и техническим ресурсам, что повышает оперативность и качество расследований. Стабильные кадровые решения позволяют сохранять и развивать профессиональный потенциал, а встроенность в единую систему обеспечивает эффективное взаимодействие со всеми органами власти. Однако эта модель предполагает повышенную уязвимость к политическому давлению, бюрократическим ограничениям и трудности с определением зоны ответственности специального прокурора.

В Российской Федерации институт специального прокурора отсутствует, и, как представляется, на нынешнем этапе развития общества и государства потребность в нем не ощущается. Существование подобного института в зарубежных правопорядках указывает, как правило, либо на недостаточную политическую зрелость общества, выражающуюся в тенденции к инструментализации уголовного права и процесса в целях внутриполитической борьбы, либо на неустойчивость государственных институтов, не способных обеспечить независимость обычных правоохранительных органов от политического давления.

Проведенный сравнительно-правовой анализ позволяет констатировать, что институт специального прокурора, при всем многообразии его национальных воплощений, представляет собой устойчивую реакцию правовых систем на системный конфликт интересов, возникающий при уголовном преследовании лиц, облеченных высшей государственной властью. Этот конфликт, коренящийся в самой структуре отношений между обвинительной властью и исполнительной властью, не может быть разрешен средствами обычного уголовно-

процессуального регулирования и требует создания экстраординарных институциональных форм.

Нельзя не отметить структурное сходство между рассмотренным институтом специального прокурора в национальном праве и институтом прокурора (обвинителя) *amicus curiae* в международном уголовном праве. Оба механизма объединяет ряд существенных признаков: привлечение к процессу лица, внешнего по отношению к обычной системе обвинения; временный характер мандата; обусловленность назначения конфликтом интересов у органа, на который обычно возложена функция уголовного преследования. Эти параллели не являются случайными и позволяют предположить, что американская концепция специального прокурора оказала определенное влияние на формирование института прокурора (обвинителя) *amicus curiae* в рамках международных уголовных трибуналов. Обоснованность этого предположения будет рассмотрена в следующем параграфе, посвященном генезису и эволюции института прокурора (обвинителя) *amicus curiae*.

§ III.3. История и современное развитие института прокурора (обвинителя) *amicus curiae*

III.3.1. Институт прокурора (обвинителя) *amicus curiae* в международных уголовных трибуналах *ad hoc*

По меркам международного права институт прокурора (обвинителя) *amicus curiae* является относительно новым явлением: соответствующее положение было впервые включено в Правила процедуры и доказывания МТБЮ лишь 13 декабря 2001 года, в ходе двадцать второго по счету пересмотра текста Правил – то есть спустя семь лет после начала функционирования трибунала. Подготовительные материалы, которые позволили бы с точностью реконструировать мотивы появления такой нормы, отсутствуют, что само по себе не является редкостью для нормотворческой практики международных уголовных трибуналов, правила которых пересматривались судьями в рабочем порядке и далеко не всегда сопровождались развернутой мотивировочной документацией. Тем не менее

установлению причин появления этого института может содействовать анализ обстоятельств трех дел о посягательствах на отправление правосудия, которые были рассмотрены МТБЮ к моменту принятия данной поправки: дела против М. Вуджина[1505], дела против М. Шимича и Б. Аврамовича[1506], а также дела против А. Нобило[1507]. Именно в ходе этих производств трибунал столкнулся с практическими трудностями, высветившими необходимость формализации механизма привлечения внешнего обвинителя.

Порядок преследования лиц, подозреваемых в совершении посягательств на отправление международного уголовного правосудия, в МТБЮ менялся несколько раз, лишний раз подтверждая, что международное процессуальное право отличается динамичностью и гибкостью и развивается под влиянием практики. В самой первой версии ППД от 11 февраля 1994 г. наказуемым признавался только отказ свидетеля давать показания по вопросу, имеющему отношение к предмету судебного разбирательства. По своему характеру данное деяние не требовало ни предварительного следствия, ни обвинительного заключения: суд констатировал его в режиме реального времени и сразу же выносил решение о наказании в виде штрафа в размере до 10 000 долл. США либо лишения свободы сроком до шести месяцев[1508].

30 января 1995 г. перечень составов дополнился покушением на оказание воздействия или устрашение свидетеля. Виды и размеры наказаний остались без изменений, однако у приговоренных в первой инстанции появилось право обжаловать приговор в порядке апелляции[1509].

В результате принятия очередного цикла поправок 25 июля 1997 г. в Правилах процедуры и доказывания появился запрет на разглашение

[1505] *The Prosecutor v. Milan Vujin,* IT-94-1-A-R77.
[1506] *The Prosecutor v. Branislav Avramovic and Milan Simic,* IT-95-9-R77.
[1507] *The Prosecutor v. Anto Nobilo,* IT-95-14/1-AR77.
[1508] Rule 77, ICTY RPE, adopted 11 February 1994, effective 14 March 1994, first revision 5 May 1994.
[1509] Rule 77, ICTY RPE, adopted 11 February 1994, effective 14 March 1994, as amended 5 May 1994, 4 October 1994, and revised 30 January 1995.

информации, признанной конфиденциальной постановлением Палаты[1510]. Порядок преследования оставался неизменным еще несколько месяцев, до принятия поправок 12 ноября 1997 г. Одновременно перечень посягательств на правосудие дополнился безосновательным уклонением от явки или представления документов по приказу трибунала[1511]. По мере того, как к составам непосредственного проявления неуважения к суду (имеют место в зале судебного заседания «на глазах» у судей, *in facie curiae*[1512]) добавлялись составы опосредованного (которые суд не наблюдает физически), расширялось и регулирование порядка привлечения к ответственности[1513]. Обвиняемому было предоставлено право быть заслушанным судом; право на защитника; введено правило о необходимости установления виновности «вне всяких разумных сомнений», которое обычно применяется к обвиняемым в международных преступлениях.

В результате поправок от 10 июля 1998 г. было принято более детальное регулирование процедуры обжалования приговора в апелляционном порядке[1514]. В следующий цикл поправок от 4 декабря 1998 г. не только существенно расширился перечень преступных деяний, но и была предусмотрена наказуемость подстрекательства и покушения на их совершение, а также внедрена градация наказаний в зависимости от тяжести содеянного: для менее тяжких – штраф в размере до 40 000 нидерландских гульденов и/или лишение свободы на срок до

[1510] Rule 77, ICTY RPE, adopted 11 February 1994, effective 14 March 1994, as amended 5 May 1994, 4 October 1994, revised 30 January 1995, amended 3 May 1995, 15 June 1995, 6 October 1995, 18 January 1996, 23 April 1996, 25 June 1996, 5 July 1996, 3 December 1996, and further amended 25 July 1997 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.icty.org/ (дата обращения: 16.05.2025).

[1511] Rule 77, ICTY RPE, adopted 11 February 1994, effective 14 March 1994, as amended 5 May 1994, 4 October 1994, revised 30 January 1995, amended 3 May 1995, 15 June 1995, 6 October 1995, 18 January 1996, 23 April 1996, 25 June 1996, 5 July 1996, 3 December 1996, 25 July 1997, and further revised 20 October and 12 November 1997 [Электронный ресурс]. URL: https://www.icty.org/ (дата обращения: 16.05.2025).

[1512] *Bry K., op.cit.,* p. 227.

[1513] *Ibid.,* p. 225.

[1514] Rule 77, ICTY RPE, adopted 11 February 1994, effective 14 March 1994, as amended 5 May 1994, 4 October 1994, revised 30 January 1995, amended 3 May 1995, 15 June 1995, 6 October 1995, 18 January 1996, 23 April 1996, 25 June and 5 July 1996, 3 December 1996, 25 July 1997, revised 20 October and 12 November 1997, and amended 9 and 10 July 1998 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.icty.org/ (дата обращения: 16.05.2025).

двенадцати месяцев; для более тяжких – штраф до 200 000 гульденов и/или лишение свободы на срок до семи лет. Отметим, что семилетним лишением свободы наказывались лица, признанные виновными в совершении международных преступлений[1515].

На момент рассмотрения дел против М.Вужина, М.Шимича и Б.Аврамовича и А. Нобило ч. (F) Правила 77 ППД МТБЮ предусматривала следующий порядок преследования посягательств на отправление правосудия: «Если у Палаты имеются основания полагать, что лицо может быть виновно в неуважении к трибуналу, она может, по своей собственной инициативе, возбудить процесс и уведомить это лицо о том, что оно может быть признано виновным в неуважении к суду, а также о характере предъявляемых ему обвинений. После того, как лицу будет предоставлена возможность предстать перед судом и ответить на обвинения лично или через защитника, Палата может признать его виновным в неуважении к суду, если она будет убеждена в его виновности вне всяких разумных сомнений».

М.Вуджин был основным защитником Д.Тадича в деле по обвинению в нарушении законов и обычаев войны[1516]. Ему вменялось противоправное оказание воздействия на свидетелей в ходе подготовки процесса в связи с апелляционным обжалованием обвинительного приговора, вынесенного Д.Тадичу в первой инстанции. Согласно пунктам обвинения (вынесены в виде постановления Палаты), в период с сентября 1997 г. по апрель 1998 г. М.Вуджин давал указания свидетелям о даче ложных показаний второму защитнику Д.Тадича; жестами головы показывал свидетелям во время предварительных допросов, когда отвечать утвердительно, а когда – отрицательно; устрашал свидетелей с целью воспрепятствовать даче ими правдивых показаний; осознанно давал указание свидетелю дать ложные показания трибуналу; выплачивал денежное вознаграждение свидетелю за дачу предварительных показаний, соответствующих его указаниям, и отказывался выплачивать вознаграждение за

[1515] *Копылова Е.А.* Прокурор *amicus curiae* в международном праве. С.144.

[1516] Душко Тадич, боснийский серб, политик, лидер ячейки Сербской демократической партии в поселке Козарац в общине Приедор. Приговорен МТБЮ к двадцати годам лишения свободы за преступления против человечности, серьезные нарушения Женевских конвенций и обычаев войны, совершенные на территории общины.

показания, идущие с ними вразрез[1517]. В основу дела легли материалы, представленные Прокурором МТБЮ. М.Вуджин был признан виновным в первой[1518] и апелляционной инстанциях[1519].

М.Шимич был обвиняемым по делу «Прокурор против М.Шимича и других»[1520], а Б.Аврамович – его защитником. Согласно пунктам обвинения, в период с июля 1998 г. по май 1999 г. они реализовывали план по оказанию активного воздействия и устрашению одного из потенциальных свидетелей, подкреплявшийся подкупом, с целью убедить его принять участие в процессе в качестве свидетеля защиты и дать ложные показания. Соответствующая информация поступила от свидетеля Прокурору. Всю доказательную базу обвинения составили пять протоколов допросов свидетеля сотрудниками Канцелярии Прокурора[1521]. Суд пришел к заключению, что обстоятельств, изложенных в них, недостаточно для того, чтобы признать подсудимых виновными «вне всяких разумных сомнений» и вынес обоим оправдательный приговор.

А.Нобило был защитником Т.Бласкича[1522]. В сентябре 1998 г. в ходе повторного допроса одного из свидетелей защиты он ходатайствовал о

[1517] *The Prosecutor v. Dušco Tadić,* Scheduling Order Concerning Allegations Against Prior Counsel, 10 February 1999, IT-94-1-A-R77 (confidential).

[1518] *The Prosecutor v. Dušco Tadić*, Judgment on Allegations of Contempt against Prior Counsel, Milan Vujin, 31 January 2000, IT-94-1-A-AR77.

[1519] *The Prosecutor v. Dušco Tadić,* Appeal Judgment on Allegations of Contempt against Prior Counsel, Milan Vujin, 27 February 2001, IT-94-1-A-AR77.

[1520] Боснийскому сербу Милану Шимичу в 1995 г. Прокурором МТБЮ было предъявлено обвинение совместно с Б.Шимичем, С.Заричем, М.Тадичем, С.Тодоровичем и С.Милжковичем в причастности к военным преступлениям и преступлениям против человечности, имевшим место в 1992 г. на северо-востоке Боснии и Герцеговины в районе Босански Самак. М.Шимич добровольно предстал перед трибуналом в 1998 г. В обвинительное заключение несколько раз вносились изменения. В 2002 г. М.Шимич заключил соглашение о частичной признании вины с Прокурором МТБЮ и был приговорен к лишению свободы в общей сложности сроком на 5 лет за вычетом 835 дней, проведенных в предварительном заключении.

[1521] *The Prosecutor v. Blagoje Simic et al.,* Judgement in the Matter of Contempt Allegations against an Accused and his Counsel, 30 June 2000, IT-95-9-R77, § 18.

[1522] Тихомир Бласкич, по происхождению боснийский хорват, возглавлял вооруженные силы Хорватии в Центральной Боснии в период с 1992 по 1995 гг. Был приговорен в первой инстанции к 45 годам лишения свободы за военные преступления и преступления против человечности. Апелляционная палата снизила срок наказания до 9 лет, отменив приговор по ряду пунктов обвинения.

приобщении к материалам дела карты, подготовленной свидетелем, участвовавшим в деле «Прокурор против З.Алексовски». При этом он попросил свидетеля по делу Т.Бласкича озвучить в открытом судебном заседании должностное положение свидетеля по делу З.Алексовски. В отношении последнего Судебной палатой по делу З.Алексовски были приняты меры о защите персональных данных, включая его имя, лицо и профессию. После того, как личность свидетеля была разглашена, по его просьбе Посольство Боснии и Герцеговины в Нидерландах направило обращения Прокурору и Секретарю МТБЮ. В свою очередь, Прокурор информировал Судебную палату по делу З.Алексовски о случившемся, предложив квалифицировать деяние А.Нобило как разглашение судебной тайны. В первой инстанции А.Нобило был признан виновным[1523], однако Апелляционная палата приговор отменила[1524].

В решении об отмене приговора первой инстанции Апелляционная палата выступила с критикой предусмотренного ППД в действующей редакции порядка привлечения к ответственности лиц, подозреваемых в совершении посягательства на отправление МТБЮ правосудия.

Для целей нашего исследования критика Апелляционной палаты является достаточно существенной, чтобы воспроизвести ее целиком: «[Предусмотренный в правиле 77 порядок] отличается от порядка, предусмотренного в правиле 91, согласно которому Палата может дать предписание Прокурору провести расследование в отношении свидетеля, подозреваемого в осознанной и умышленной даче ложных показаний, для подготовки и представления обвинительного заключения о даче ложных показаний. Было высказано предложение возложить на Прокурора полномочия по возбуждению производства за неуважение к суду посредством вынесения обвинительного заключения или в

[1523] *The Prosecutor v. Zlatko Aleksovski,* Finding of Contempt of the Tribunal, 11 December 1998, IT-95-14/1-AR77.

[1524] *The Prosecutor v. Zlatko Aleksovski,* Judgment on Appeal by Anto Nobilo against Finding of Contempt, 31 May 2001, IT-95-14/1-AR77.

случае, если подозреваемый в неуважении к суду связан со стороной обвинения, – на ***amicus curiae***, назначенного Палатой для этих целей»[1525] (выделено нами).

И далее: «Опасно, когда Палата выступает одновременно прокурором и судьей в отношении обвинения в неуважении к суду. Существует вероятность, что в таком случае не будут соблюдены процедуры и гарантии, обычно предоставляемые сторонам. Апелляционная палата отметила [...] пробелы в обычно применимых процедурах, которые бы не случились, если бы процесс по неуважению к суду был инициирован посредством обвинительного заключения и если бы бремя доказывания было возложено на Прокурора. Таким образом, крайне важно, чтобы Палата, самостоятельно возбуждающая производство в связи с неуважением к суду, на раннем этапе формулировала характер обвинения с точностью, присущей обвинительному заключению, и чтобы она давала сторонам возможность высказаться относительно подлежащих доказыванию обстоятельств. Это единственный способ обеспечить подозреваемому в совершении неуважения к суду справедливый процесс»[1526].

Идея внедрения института прокурора (обвинителя) *amicus curiae* возникла, по-видимому, именно в контексте дела А. Нобило и была обусловлена прежде всего неспособностью действовавшего на тот момент процессуального регулирования обеспечить надлежащий уровень справедливости судебного разбирательства для подсудимого. Прежний порядок привлечения к ответственности за посягательства на отправление правосудия не отвечал ни специфике соответствующих деяний, ни характеру и суровости предусмотренного наказания: он не был приспособлен к проведению полноценного расследования и подготовке обвинения, поскольку Судебные палаты, формально выступавшие в роли преследующего органа, не обладали ни необходимыми ресурсами, ни соответствующей специализацией, тогда как лицо, которому грозило лишение

[1525] *The Prosecutor v. Zlatko Aleksovski,* Judgment on Appeal by Anto Nobilo against Finding of Contempt, 31 May 2001, IT-95-14/1-AR7, § 55.

[1526] *The Prosecutor v. Zlatko Aleksovski,* Judgment on Appeal by Anto Nobilo against Finding of Contempt, 31 May 2001, IT-95-14/1-AR7, § 56.

свободы на срок до семи лет, вправе было рассчитывать на полноценный уголовный процесс со всеми процессуальными гарантиями.

Постановление об отмене обвинительного приговора А.Нобило Апелляционной палатой было вынесено 31 мая 2001 г.; полгода спустя в ППД были внесены поправки, в результате которых появилась ч. (C) правила 77 следующего содержания: «Если Палата имеет основания полагать, что лицо может быть виновно в неуважении к суду, она может: (i) вынести предписание Прокурору провести расследование с целью подготовки и представления обвинительного заключения по неуважению к суду; (ii) в случае, если, по мнению Палаты, Прокурор находится в состоянии конфликта интересов по отношению к соответствующему деянию, вынести предписание Секретарю назначить *amicus curiae* для проведения расследования и информирования Палаты о наличии достаточных оснований для возбуждения производства о неуважении к суду; (iii) возбудить производство самостоятельно».

Новая ч. (D) предусматривала: «Если Палата полагает, что существуют достаточные основания для возбуждения производства против лица за неуважение к суду, Палата может: (i) при обстоятельствах, предусмотренных п. (i) ч. (C), вынести предписание Прокурору поддерживать обвинение по делу, или (ii) при обстоятельствах, предусмотренных пп. (ii) и (iii) ч. (C), вынести постановление, заменяюшее обвинительное заключение, либо предписать *amicus curiae* поддерживать обвинение или поддерживать обвинение самостоятельно». В таком виде это положение просуществовало вплоть до закрытия трибунала и в целом было воспринято в правиле 90 ППД Международного остаточного механизма для уголовных трибуналов, призванного завершить нерассмотренные дела МТБЮ и Международного уголовного трибунала по Руанде после окончания их функционирования.

Допуская, что аргументация, приведенная Апелляционной палатой, не исчерпывает всех побудительных мотивов к учреждению механизма прокурора (обвинителя) *amicus curiae*, представляется возможным выявить и иные факторы, проявившиеся при рассмотрении дел М. Вужина, М. Шимича и Б. Аврамовича, а

также А. Нобило. Прежде всего обращает на себя внимание то обстоятельство, что во всех указанных производствах в качестве обвиняемых выступали защитники подсудимых. Инициатива возбуждения дел исходила от Судебных палат, опиравшихся исключительно на материалы, представленные уставным обвинителем, причем в двух случаях собранных доказательств оказалось недостаточно для установления виновности обвиняемых вне всяких разумных сомнений.

Такая статистика – сто процентов дел о посягательствах на отправление правосудия, в которых объектом преследования становился защитник, и при этом примерно в семидесяти процентах случаев – недостаточность доказательств для обвинительного вывода, – не могла не вызвать озабоченности и, по-видимому, была принята во внимание при выработке альтернативного процессуального механизма на случай конфликта интересов у уставного обвинителя. Из этого следует, что ситуация конфликта интересов может возникать не только тогда, когда под подозрением оказывается лицо, институционально или иным образом связанное с органом обвинения, как это подчеркнула Апелляционная палата в деле А. Нобило, но и тогда, когда подозрения направлены против представителя стороны защиты. На правильность данного предположения указывает, в частности, то обстоятельство, что первое дело о посягательствах на отправление правосудия, возбужденное после принятия поправок в ППД, – «Прокурор против М.Маглов»[1527] – касалось одного из защитников Р.Брданина[1528] и было поручено прокурору (обвинителю) *amicus curiae*[1529].

Всего в практике МТБЮ было зафиксировано четыре случая участия в качестве стороны обвинения в делах о посягательствах на отправление

[1527] *Milka Maglov,* IT-99-36-R77.

[1528] Радослав Брданин, боснийский серб, заместитель Председателя автономной области Краина. Приговорен к двадцати четырем годам лишения свободы за причастность к этнической чистке несербского населения.

[1529] *The Prosecutor v. Radoslav Brdanin,* Order Instigating Proceedings against Milka Maglov, 8 May 2003, IT-99-36/R77.

правосудия прокурора (обвинителя) *amicus curiae*[1530] из двадцати четырех производств.

В ППД МТР соответствующее положение было включено двумя годами позднее, 26 мая 2003 г. Нам известен лишь один случай привлечения прокурора (обвинителя) *amicus curiae* к расследованию в рамках этого трибунала: в приговоре по делу «Прокурор против П.Нийрамасухуко и других» упоминается, что для поддержания обвинения по делу о даче ложных показаний одним из свидетелей Судебной палатой был назначен прокурор (обвинитель) *amicus curiae*[1531]. Однако ввиду того, что само постановление о назначении[1532] и, по всей видимости, материалы производства являются конфиденциальными, проанализировать их не представляется возможным.

Статистика назначения прокуроров (обвинителей) *amicus curiae* международными уголовными трибуналами *ad hoc* выявляет общее умеренное использование этого института, хотя его частота варьируется от трибунала к трибуналу. Так, например, в СТЛ до сих пор отдавалось явное предпочтение *amicus curiae* для ведения дел о посягательствах на отправление правосудия: он осуществлял расследование и преследование по обоим делам, возбужденным в трибунале в этой связи. Аналогичная тенденция наблюдается в СССЛ: из 7 дел по факту посягательств на отправление правосудия 6 были поручены «независимому адвокату»[1533]. Напротив, оба дела, рассмотренные в рамках МТР, велись системным Прокурором[1534]. Что касается МТБЮ, то, как уже упоминалось, *amicus*

[1530] *Hartmann* IT-02-54-R77.5; *Maglov* IT-99-36-R77; *Šešelj First Contempt Case* IT-03-67-R77.2; *Šešelj Second Contempt Case* IT-03-67-R77.3.

[1531] *The Prosecutor v. Pauline Nyiramasuhuko et al.*, Judgement, 14 December 2015, ICTR-98-42-T, §282.

[1532] *The Prosecutor v. Pauline Nyiramasuhuko et al*., Confidential Decision Following *Amicus curiae* Report Related to Allegations of Contempt of the Tribunal and False Testimony [of] Witness QA, 2 September 2011 (confidential), ICTR-98-42-T, §33.

[1533] *Brima Samura* (SCSL-05-01); *Margaret Fomba Brima et al. and Kamara* (SCSL-2005-02 and 03); *Eric Senessie* (SCSL-2011-01); *Bangura et al.* (SCSL-11-02); *Prince Taylor* (SCSL-12-02).

[1534] *Prosecutor v. GAA, Prosecutor v. Nshogoza.* Исходя из судебных документов по делу «Прокурор против Полин Нийрамашуко», в МТР также имеется прецедент назначения Судебной палатой прокурора *amicus curiae* для поддержания обвинения по делу о даче ложных показаний одним из свидетелей (см.: *The Prosecutor v. Pauline Nyiramasuhuko et al.,* Judgement, 14 December 2015, ICTR-98-42-T, §282.) Однако самое решение (см. *The Prosecutor v. Pauline Nyiramasuhuko et al.,* Confidential Decision Following *Amicus curiae* Report Related to Allegations

curiae представлял обвинение всего лишь в 4 делах о посягательствах на отправление правосудия из 24 рассмотренных или возбужденных[1535]. Одно из трех дел о посягательстве на отправление правосудия находится в настоящее время на рассмотрении МОМУТ и ведется прокурором (обвинителем) *amicus curiae*[1536].

Прокуроры *amicus curiae* привлекались к участию в качестве стороны обвинения в международных уголовных трибуналах *ad hoc* по двум категориям уголовных дел: связанных с разглашением сведений, составляющих судебную тайну или тайну следствия[1537], и с противоправным оказанием воздействия на свидетелей, включая подкуп, угрозы и устрашение[1538]. Это наиболее распространенные категории преступлений против международного уголовного правосудия.

Завершая рассмотрение становления института прокурора (обвинителя) *amicus curiae* в практике международных уголовных трибуналов *ad hoc*, следует констатировать, что он возник не в результате абстрактного нормотворческого конструирования, а как ответ на вполне конкретные потребности отправления правосудия в делах о посягательствах на деятельность трибуналов. Эволюция правила 77 ППД МТБЮ – от упрощенного, по сути дисциплинарного механизма реагирования на отдельные проявления неуважения к суду до полноценной процедуры с признаками уголовного процесса и дифференцированной системой санкций – продемонстрировала объективную необходимость отделения функции обвинения от функции разрешения дела по

---

of Contempt of the Tribunal and False Testimony [of] Witness QA, 2 September 2011 (confidential), ICTR-98-42-T, §33) и, судя по всему, последующие материалы производства конфиденциальны, в связи с чем их анализ не представляется возможным.

[1535] *Hartmann* (IT-02-54-R77.5); *Maglov* (IT-99-36-R77); *Šešelj First Contempt Case* (IT-03-67-R77.2); *Šešelj Second Contempt Case* (IT-03-67-R77.3).

[1536] *Jojić et al.* (IT-03-67-R77.5); *The Prosecutor v. Petar Jojić and Vjerica Radeta* (MICT-17-111-R90).

[1537] «Прокурор против Ф.Хартман» «Прокурор против М.Маглов» «Прокурор против В.Шешеля» (Первое дело о посягательствах на правосудие) «Прокурор против В.Шешеля» (Второе дело о посягательствах на правосудие) «Прокурор против Хассан Папа Бангура и других» «Прокурор против Брима Самура».

[1538] «Прокурор против М.Маглов» «Прокурор против М.Фомба Брима, Н.Бинта Бах Джаллох, А.Камара, Э.Камара», «Прокурор против Э.Сенесси».

существу и создания специального процессуального инструмента для случаев конфликта интересов у уставного обвинителя.

Назначение прокурора (обвинителя) *amicus curiae* в делах, затрагивающих интересы органа обвинения или представителей защиты, выступило средством восстановления баланса между сторонами и гарантией соблюдения минимальных стандартов справедливого судебного разбирательства при рассмотрении посягательств на отправление правосудия. При этом сравнительно сдержанное и разнородное по трибуналам использование данного механизма свидетельствует о его вспомогательном характере: он применяется точечно, в тех ситуациях, когда без привлечения внешнего обвинителя невозможно устранить сомнения в беспристрастности и надлежащем качестве уголовного преследования. В этом качестве институт прокурора (обвинителя) *amicus curiae* занял устойчивое место в арсенале средств процессуальной защиты целостности международного уголовного правосудия, сохранив при этом статус исключительной, но концептуально оправданной процессуальной конструкции.

III.3.2. Институт прокурора (обвинителя) *amicus curiae* в Международном уголовном суде

Отдельного внимания заслуживает то место, которое институт прокурора (обвинителя) *amicus curiae* занял в праве МУС. В отличие от вышеперечисленных международных уголовных трибуналов *ad hoc*, разработкой ППД МУС занимались государства, а не судейский корпус. Первые проекты стали появляться за несколько лет до созыва в 1998 г. Дипломатической конференции полномочных представителей по учреждению Международного уголовного суда. Так, в 1996 г. Австралия и Нидерланды представили совместный проект правил, в котором уже фигурировало положение об *amicus curiae*[1539], но в одной лишь его информативной ипостаси. Содержание последующих дискуссий отражает наличие консенсуса среди государств относительно пользы данного института для международного уголовного правосудия. Это может объясняться тем, что

[1539] ООН: Проект свода правил процедуры и доказывания Международного уголовного суда. Рабочий документ, представленный Австралией и Нидерландами. // Документ ООН A/AC.249/L.2, 26 July 1996.

механизм *amicus curiae* является практически единственным способом для государств принять участие в международном уголовном процессе, особенно по собственной инициативе. Государства, имевшие в этом плане не вполне удовлетворительный опыт взаимодействия с международными уголовными трибуналами *ad hoc*, например, Хорватия[1540], предлагали даже обязать судей МУС допускать к участию в качестве *amicus curiae* государства для представления замечаний по вопросам, касающимся их национальных интересов[1541].

В то же время при обсуждении режима ответственности за преступления против отправления правосудия в рамках подготовки Римского статута и ППД МУС предложения о создании альтернативного уставному обвинителю механизма уголовного преследования фактически не выдвигались. Это во многом объясняется тем, что к указанному моменту норма МТБЮ о прокуроре (обвинителе) *amicus curiae* еще не была принята, а первые процессы по делам о посягательствах на отправление правосудия только начинали формироваться в практике трибуналов, что не позволяло государствам критически оценить существовавшие модели.

В результате ни Римский статут, ни Правила процедуры и доказывания МУС прямо не допускают возможности возложения Судом функций уголовного преследования по подсудным ему деяниям на третье лицо. Ч. 1 правила 165 гласит: «Прокурор может инициировать и осуществлять расследование деяний, предусмотренных в ст. 70 [Римского статута], самостоятельно, на основании информации, полученной от Палаты либо из другого надежного источника». По мнению самого Прокурора МУС, данная формулировка в совокупности с

[1540] Хорватия безуспешно предпринимала попытки принять участие в качестве *amicus curiae* в уголовных процессах в МТБЮ, обвиняемыми по которым выступали ее граждане. В деле «Прокурор против Прлича и других» Хорватия ходатайствовала о представлении замечаний *amicus curiae* относительно вывода Судебной палаты об участии в преступном сговоре трех хорватских государственных служащих, скончавшихся к тому времени, - безрезультатно. См.: *The Prosecutor v. Prlić et al.,* Decision on Application by the Republic of Croatia for Leave to Appear as *Amicus curiae* and to Submit *Amicus curiae* Brief, 18 July 2016, IT-04-74-A-21059.

[1541] ООН: Подготовительная комиссия для Международного уголовного суда. Рабочая группа по правилам процедуры и доказывания. Представленное Хорватией предложение, касающееся правил процедуры и доказывания, правило 6.6. *Amicus curiae* и другие формы представления доказательств. // Документ ООН PCNICC/1999/WGRPE/DP.23, 27 July 1999.

положениями Статута, определяющими его место в институциональной структуре Суда, исключает возможность использования любых альтернативных механизмов преследования, включая прокурора (обвинителя) *amicus curiae*[1542].

Судебные палаты МУС, рассматривая содержание части 1 правила 165 ППД, аналогично заняли достаточно жесткую позицию в пользу исключительной компетенции уставного обвинителя в сфере расследования преступлений против отправления правосудия. Так, в деле «Прокурор против Ж.Катанги и М.Нгуджоло» Вторая судебная палата отметила, что «правило 165 ППД [...] наделяет одного только Прокурора полномочиями начать расследование в связи с преступлениями, предусмотренными ст. 70 Статута»[1543]. В деле «Прокурор против Т.Лубанги» Первая судебная палата высказалась в таком же ключе: «Следственные полномочия регулируются в ст. 15 Римского статута, и они принадлежат одному только Прокурору [...] ввиду детального регулирования [взаимодействия между различными органами Суда по данному вопросу], ясно, что судьям не было дано полномочий снять с Прокурора эти функции, назначив независимого следователя»[1544].

Подобное толкование вряд ли может быть признано безупречным. Прежде всего обращает на себя внимание то, что текст части 1 правила 165 не содержит ни на английском, ни на французском языке терминов с ограничительным или исключительным значением. Формула «Прокурор может инициировать и осуществлять расследование» грамматически выражает наделение Прокурора полномочием, но сама по себе не превращает это полномочие в монополию.

Более того, модальный глагол «может» допускает, по меньшей мере, два смысла: во-первых, указание на свободу усмотрения Прокурора[1545] (он вправе как начать, так и не начинать расследование); во-вторых, обозначение

[1542] *The Prosecutor v. Thomas Lubanga Dyilo*, Prosecution's Observations on Article 70 of the Rome Statute, 1 April 2011, ICC-01/04-01/06-2716, §13.

[1543] *The Prosecutor v. Germain Katanga and Mathieu Ngudjolo Chui*, Transcript of Hearing, 22 September 2010, ICC-01/04-01/07-T-190-Red-ENG, p.3, lns 14-22.

[1544] *The Prosecutor v. Thomas Lubanga Dyilo*, Transcript of Hearing, 14 April 2011, ICC-01/04-01/06-T-350-Red2-ENG, p.16, lns 16-18; p. 17, lns 11-14.

[1545] *Schabas W.* The International Criminal Court: A Commentary, *op.cit.*, p.857.

альтернативности оснований для его инициирования: «Прокурор может инициировать расследование самостоятельно; может инициировать его на основании информации, полученной от Палаты; может инициировать его на основании информации, полученной из другого надежного источника». Ни один из этих смыслов, однако, не предполагает логического перехода к выводу о том, что только уставный обвинитель и никто иной может осуществлять расследование по статье 70[1546]. Следовательно, когда суды переходят от тезиса «Прокурор обладает следственными полномочиями» к тезису «только Прокурор обладает следственными полномочиями», они фактически совершают ошибку обратного вывода, придавая норме значение, которого она текстуально не несет.

Далее, на момент подготовки и принятия Правил процедуры и доказывания МУС концепция прокурора (обвинителя) *amicus curiae* как альтернативного обвинителя в делах о посягательствах на отправление правосудия еще не была выработана в практике международных уголовных трибуналов *ad hoc*. Нельзя, следовательно, утверждать, что государства-участники Римского статута сознательно исключили данный механизм: он попросту не был предметом их обсуждения и не мог быть «отвергнут» нормотворцем. Отсюда следует, что молчание текста ППД МУС в отношении прокурора *amicus curiae* не может интерпретироваться как запрет на его использование, тем более что аналогичные лакуны в праве трибуналов *ad hoc* впоследствии заполнялись именно путем развития судебной практики.

В-третьих, судьи МУС бесспорно обладают рядом естественных процессуальных полномочий, необходимых для надлежащего отправления правосудия[1547]. В этой связи удивляет категоричность, с которой Первая и Вторая судебные палаты МУС отказались от полномочия прибегать к альтернативным механизмам преследования преступлений против отправления правосудия. Примечательно, что эта позиция не может быть объяснена исключительно

[1546] См., например: *The Prosecutor v. William Samoei Ruto and Joshua Arap Sang,* Sang Defence Response to ‘Ruto Defence Request to Appoint an *Amicus* Prosecutor’, 18 May 2016, ICC-01/09-01/11-2030, §19.

[1547] См. *Копылова Е.А.* Прокурор *amicus curiae* в международном праве. С. 94.

различиями правовых традиций: состав палат был смешанным, и можно предположить, что под влиянием председательствующего судьи, Первая палата была более склонна придерживаться теорий и концепций общего права, тогда как Второй палате, скорее, была ближе континентальная правовая традиция. Тем не менее, обе высказались в одинаковом ключе.

Как бы то ни было, указанные решения не обладают силой прецедента в строгом смысле и не лишают последующие составы суда возможности переосмыслить вопрос.

Исходя из изложенного, представляется, что в интересах правосудия и опираясь на свои естественные полномочия, судьи МУС вправе назначить третье лицо в качестве прокурора (обвинителя) *amicus curiae* для проведения расследования и поддержания обвинения по делам о преступлениях против отправления правосудия в тех ситуациях, когда участие уставного обвинителя объективно затруднено или несовместимо с требованием беспристрастности. Аргументация в пользу такого подхода находит подтверждение в ряде эпизодов из практики Суда.

Судьи неоднократно выражали обеспокоенность возникновением у Прокурора конфликта интересов при расследовании потенциальных преступлений против правосудия. В одном из судебных заседаний по делу «Прокурор против Т. Лубанги» Первая судебная палата отметила, что «если сотрудники стороны обвинения находятся в состоянии конфликта интересов в отношении расследования или поддержания обвинения по делу о преступлениях, предусмотренных ст. 70 [Римского статута], то необходимо либо возложить исполнение данных процессуальных действий на сотрудников Канцелярии Прокурора, которые не принимали участие в данных производствах, либо, в крайнем случае, назначить независимого следователя»[1548].

В деле «Прокурор против Ж.-П. Бемба» Третья судебная палата признала, что «следственные полномочия, возлагаемые ч. 1 правила 165 ППД [на

[1548] *The Prosecutor v. Thomas Lubanga Dyilo*, Transcript of Hearing, 14 January 2011, ICC-01/04-01/06-T-350-Red2-ENG, p. 17, lignes 14 à 19.

Прокурора], могут спровоцировать появление конфликта интересов в ситуациях, когда имеются основания полагать, что преступление, предусмотренное ст. 70 Статута, было совершено свидетелем обвинения»[1549].

Аналогично в деле «Прокурор против М.Нгуджоло и Ж.Катанги» судьи подчеркнули: «любое ложное показание, исходящее от свидетеля обвинения, способно создать ситуацию конфликта интересов, которая может повлиять на распоряжение Прокурором данными ему полномочиями начать расследование»[1550].

В деле «Бемба и другие» Апелляционная палата подчеркнула, что «в целом предпочтительно не привлекать сотрудников Канцелярии Прокурора, участвующих в каком-либо деле, к работе по смежному делу, возбужденному по ст. 70 [Римского статута]». Кроме того, судьи призвали Прокурора «принимать все необходимые меры предосторожности при привлечении своих сотрудников к работе по тому или иному производству с тем, чтобы избежать ситуаций, которые могут дать основания для поднятия легитимных вопросов и озабоченностей»[1551].

Практика самой Канцелярии Прокурора МУС подтверждает возможность вовлечения внешних субъектов в расследование потенциальных преступлений против правосудия. В приговоре по делу «Прокурор против Т. Лубанги» Первая судебная палата перечислила сведения, указывающие на то, что трое из посредников, работавших на Канцелярию Прокурора, могли быть причастны к совершению таких преступлений. Судьи предписали Прокурору провести расследование, приняв меры к избежанию конфликта интересов. В свете этого

[1549] *The Prosecutor v. Jean-Pierre Bemba Gombo*, Public redacted version of «Decision on the "Defence application concerning Witness CAR-OTP-WWWW-0042's evidence"» of 10 October 2013, 16 October 2013, ICC-01/05-01/08-2830-Red, §14.

[1550] *The Prosecutor v. Germain Katanga and Mathieu Ngudjolo Chui*, Transcript of Hearing, *op.cit.*, p.4, lns 1-5.

[1551] *Le Procureur c. Jean-Pierre Bemba et al.*, Décision relative aux requêtes aux fins de récusation du Procureur, du Procureur adjoint et de l'ensemble du personnel du Bureau du Procureur, le 21 octobre 2014, ICC-01/05-01/13-648-Red3-tFRA, §§ 40, 48.

указания, Канцелярия Прокурора приняла решение обратиться к прокурору из другого международного трибунала с соответствующей просьбой[1552].

В деле «Прокурор против Ж.-П. Бемба и других» Вторая палата предварительного производства назначила «независимого адвоката» для анализа доказательственного материала, полученного от государственных властей, в преддверии его передачи Канцелярии Прокурора с тем, чтобы исключить попадание в ее руки информации, относящейся к стратегии защиты Ж.-П. Бемба в основном процессе о военных преступлениях[1553]. Право назначить такого адвоката прямо не предусмотрено ни Статутом, ни ППД. Принимая соответствующее решение, судья К.Тарфуссер руководствовался интересами правосудия и опирался на свои естественные полномочия.

Показателен и эпизод по делу «Прокурор против У. Руто и Дж. Санга», где защита У. Руто ходатайствовала о предписании Прокурору назначить прокурора (обвинителя) *amicus curiae* для расследования возможной причастности свидетелей, посредников обвинения и сотрудников МУС к преступлениям против правосудия[1554]. Пятая судебная палата отказалась рассматривать ходатайство по существу, сославшись на его внесение уже после прекращения преследования в отношении обвиняемых [1555].

Тезис о наличии у судей МУС права поручать проведение следственных действий в связи с преступлениями против правосудия *amicus curiae* поддерживается и в профессиональном сообществе. Международная ассоциация юристов в докладе, посвященном вопросу защиты свидетелей в системе МУС, рекомендовала судьям «рассмотреть возможность назначения *amicus curiae* для

[1552] *Ribeiro C.* Intervention // International Bar Association Round table discussion «Witnesses Under Threat? Part 2: The International Criminal Court and managing/protecting witnesses». – 15 July 2013. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ibanet.org/Article/Detail.aspx?ArticleUid=EDFE91E7-ED49-4CB1-B125-528EB35C35B9 (дата обращения: 19.05.2025).

[1553] *The Prosecutor v Jean-Pierre Bemba, Aimé Kilolo, Jean-Jacques Mangenda, Fidèle Babala and Narcisse Arido,* Decision Appointing an Independent Counsel and Taking Additional Measures for the Purposes of the Forensic Acquisition of Material Seized in the Proceedings, 13 December 2013, ICC-01/05-01/13-41.

[1554] *The Prosecutor v. William Samoei Ruto and Joshua Arap Sang,* Public redacted version of «Ruto defence request to appoint an *amicus* prosecutor», 2 May 2016, ICC-01/09-01/11-2028-Red.

[1555] *The Prosecutor v. William Samoei Ruto and Joshua Arap Sang,* Decision on the Ruto Counsel's Request to appoint an *Amicus* Prosecutor, 2 June 2016, ICC-01/09-01/11-2034.

формулирования рекомендаций относительно целесообразности расследования деяний, в отношении которых имеются серьезные основания полагать, что они обладают признаками состава преступления дачи ложных показаний или оказания влияния на свидетеля, а также касательно необходимости осуществления такого расследования внутренними силами или за счет привлечения внешних ресурсов всякий раз, когда расследование не проводится, вне зависимости от личности потенциального субъекта преступления»[1556].

В совокупности приведенные аргументы и примеры позволяют утверждать, что правовая основа для участия прокурора (обвинителя) *amicus curiae* в производствах МУС по делам о преступлениях против отправления международного уголовного правосудия уже сложилась. Важно лишь, чтобы судьи, сталкиваясь с очередными указаниями на возможное нарушение статьи 70 Римского статута в условиях конфликта интересов у уставного обвинителя, рассматривали механизм *amicus curiae* как один из доступных им инструментов защиты целостности и беспристрастности процесса.

ВЫВОДЫ. *В первом параграфе главы III* исследуется международно-правовой институт *amicus curiae*. Сперва рассматривается содержание этого понятия в системе международного права целиком, а затем в отрасли международного уголовного права.

Мнимые трудности определения международно-правового института *amicus curiae,* о которых пишет доктрина, объясняются разнообразием формулировок, используемых в международных актах для его характеристики. Однако научный метод абстракции позволил нам выделить на их основе главные признаки этого института и определить его как совокупность международно-правовых норм, регулирующих порядок участия в международном судебном и квазисудебном производстве третьих лиц, а также третьих государств, международных межправительственных и неправительственных организаций, иных субъектов

[1556] Witnesses before the International Criminal Court - An International Bar Association International Criminal Court Program report on the ICC's efforts and challenges to protect, support and ensure the rights of witnesses. [Электронный ресурс]. // International Bar Association, 2013. – URL: http://www.ibanet.org/ (дата обращения: 26.01.2025).

международного права, для представления письменных или устных замечаний по вопросам факта или права, имеющим отношение к предмету спора.

Фрагментарность научных исследований института *amicus curiae* в международном уголовном праве, а также их методологические недостатки обусловили необходимость разработки авторского подхода к установлению содержания отраслевого понятия *amicus curiae*. При помощи контент-анализа материалов производств международных уголовных трибуналов *ad hoc* и МУС были выявлены случаи участия в них *amicus curiae* и проанализированы цели такого участия. По этому критерию все случаи были сгруппированы в две категории. В первую категорию были отнесены случаи участия *amicus curiae* в международных уголовных процессах с целью предоставления замечаний правового характера; во вторую – с целью выполнения процессуальных действий, направленных на обеспечение справедливого международного уголовного процесса.

Данный метод позволил сформулировать авторское определение института *amicus curiae* в международном уголовном праве: совокупность процессуальных норм, регулирующих порядок участия в международном уголовном судопроизводстве физических и юридических лиц, субъектов международного права, которые: 1) по запросу международного уголовного трибунала или инициативно и с его санкции предоставляют письменные либо устные замечания по вопросу права; либо 2) по поручению международного уголовного трибунала выполняют процессуальные действия, призванные гарантировать справедливость судебного производства.

При помощи классификационного метода каждая из указанных двух категорий, объединяющих случаи *amicus curiae* в международных уголовных производствах, была разделена на подкатегории.

В отношении первой категории это позволило установить перечень основных тем правовых замечаний *amicus curiae*: (1) вопросы международного права, выходящие за рамки строго компетенции международного уголовного суда и потенциально имеющие последствия не только для его функционирования; (2)

вопросы толкования положений учредительного договора международного уголовного суда и его ППД; (3) вопросы общего уголовного права; (4) вопросы, связанные с той или иной отраслью национального права; (5) правовые вопросы информативно-разъяснительного характера.

В отношении второй категории было установлено, что *amicus curiae* могут выполнять функции, свойственные как стороне защиты, так и стороне обвинения. В практике международных судов *amicus curiae*, выполняющие функции обвинения, именуются прокурорами (обвинителями) *amicus curiae.*

Во втором параграфе раскрывается содержание понятия «прокурор (обвинителя) *amicus curiae*» в международном уголовном праве. Данный термин может применяться:

(1) для обозначения международно-правового института, под которым предлагается понимать совокупность процессуальных норм, регулирующих порядок назначения и прекращения полномочий, компетенцию, процессуальные права и обязанности комплементарного по отношению к органу обвинения международных уголовных трибуналов внесистемного органа следствия и поддержания обвинения в связи с посягательствами на отправление правосудия международными уголовными трибуналами;

(2) к уставному обвинителю международного уголовного суда в ситуации, когда он выступает в качестве *amicus curiae* для предоставления замечаний по вопросам права или факта в судебном производстве, в котором он не является стороной. Такая ситуация возможна в связи с производством по вопросу возмещения ущерба потерпевшим и производством о посягательствах на отправление правосудия, где функции обвинения осуществляет прокурор *amicus curiae*.

Также предлагается подробный сравнительно-правовой обзор и анализ аналога института прокурора (обвинителя) *amicus curiae* в национальном праве зарубежных стран – США, Южной Кореи, Исландии, Японии. На национально-правовом уровне специальные прокуроры назначаются для выполнения функций следствия и прокуратуры по уголовным делам, фигурантами которых являются

высшие должностные лица государства. Институт направлен на обеспечение независимости и беспристрастности уголовного процесса, а также на предоставление обществу гарантий этой независимости и беспристрастности. Потребность в специальном прокуроре свидетельствует о недостаточной политической зрелости общества или нестабильности государственных институтов.

Анализ национального законодательства указанных стран позволил установить существование двух моделей специального прокурора: временный прокурор, действующий вне правоохранительной системы, и постоянный прокурор, интегрированный в нее. Каждая модель имеет свои преимущества и недостатки, и выбор той или иной модели зависит от политической ситуации и уровня доверия общества к правоохранительным органам.

Сходства в правовом регулировании позволяют выдвинуть гипотезу, согласно которой институт прокурора (обвинителя) *amicus curiae* в международном уголовном праве мог был вдохновлен американским институтом специального прокурора.

В третьем параграфе подробно прослеживается история становления института прокурора (обвинителя) *amicus curiae* в международном уголовном праве. Он возник в результате применения МТБЮ доктрины естественных полномочий. В ходе рассмотрения дела о посягательствах на отправление правосудия против защитника А.Нобило судьями апелляционной инстанции были выявлены недостатки правового регулирования института обвинения в рамках субсидиарной подсудности. Для их устранения в ситуациях, когда к таким посягательствам могли быть причастны лица, имеющие отношение к уставному обвинителю (сотрудники Канцелярии Прокурора, свидетели обвинения), судьи, опираясь на свои естественные полномочия, пришли к выводу о целесообразности передачи функций обвинения третьему лицу – *amicus curiae*.

Институт прокурора (обвинителя) *amicus curiae* был воспринят всеми последующими международными уголовными трибуналами *ad hoc*.

Вопрос возможности участия прокурора (обвинителя) *amicus curiae* в производствах по делам субсидиарной подсудности МУС рассматривался в двух решениях по первой инстанции в 2010 и 2011 гг. В этих случаях судьи отклонили такую возможность, ссылаясь на несоответствие Правилам процедуры и доказывания. Однако наш анализ текста Правил показывает, что данное умозаключение судей МУС является результатом логической ошибки обратного вывода. Этот вывод не носит прецедентного характера и противоречит общей тенденции развития международного уголовного процесса.

ГЛАВА IV. ПОРЯДОК НАЗНАЧЕНИЯ, ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ПРЕКРАЩЕНИЯ ПОЛНОМОЧИЙ ПРОКУРОРА (ОБВИНИТЕЛЯ) *AMICUS CURIAE*

§ IV.1. Основания назначения прокурора (обвинителя) *amicus curiae*

Международные уголовные трибуналы обладают, по существу, двумя уровнями предметной подсудности: основным и субсидиарным. Основная подсудность прямо закрепляется в их учредительных актах и охватывает такие международные преступления, как геноцид, преступления против человечности, военные преступления, а также, в соответствующих случаях, преступление агрессии. Субсидиарная подсудность, напротив, вытекает из необходимости обеспечивать нормальное отправление правосудия самими трибуналами и распространяется на преступления против отправления международного уголовного правосудия. Участие прокурора (обвинителя) *amicus curiae* возможно исключительно на этом втором, субсидиарном уровне: его привлечение к делам о собственно международных преступлениях противоречило бы самому смыслу существования уставного органа обвинения и размывало бы пределы его компетенции.

Даже в рамках указанной субсидиарной подсудности институт прокурора (обвинителя) *amicus curiae* имеет не самостоятельный, а комплементарный характер по отношению к уставному обвинению. Речь идет об исключительном механизме, к которому прибегают лишь тогда, когда уставный орган обвинения по тем или иным причинам не в состоянии надлежащим образом выполнять свои функции по расследованию и преследованию преступлений против правосудия.

Мотивировка решений о передаче тех или иных процессуальных задач прокурору (обвинителю) *amicus curiae* нередко предельно лаконична: например, в деле «Прокурор против В.Шешеля» Судебная палата ограничилась общей ссылкой на интересы правосудия[1557], а в деле «Прокурор против Р.Брданина»

[1557] *The Prosecutor v. Vojislav Šešelj*, Decision on Allegations of Contempt, 21 January 2009, IT-03-67-R77.2, §12.

судьи просто указали, что полагают «правильным» поручить представительство стороны обвинения прокурору (обвинителю) *amicus curiae*[1558].

Вместе с тем, анализ правовой основы и судебной практики международных уголовных трибуналов позволяет выделить три основных обстоятельства, при которых может возникнуть необходимость обращении к прокурору (обвинителю) *amicus curiae*: 1) конфликт интересов уставного органа обвинения в отношении подлежащего расследованию и преследованию преступного деяния; 2) большая загруженность уставного органа обвинения; и, наконец, 3) самоотвод уставного органа обвинения. На практике эти факторы могут проявляться как по отдельности, так и в совокупности. Рассмотрим их поочередно.

Конфликт интересов уставного органа обвинения. Конфликт интересов уставного органа обвинения является самой распространенной причиной, по которой международные уголовные трибуналы прибегают к услугам прокуроров (обвинителей) *amicus curiae*. П. (ii) ч. (C) правила 77 ППД МТБЮ и МТР, а также п. (ii) ч. (E) правила 60bis Правил СТЛ прямо предусматривают: «если компетентный судья сочтет, что участие в соответствующих процессуальных действиях создаст для Прокурора конфликт интересов, он может предписать Секретарю назначить *amicus curiae*». В деле «Прокурор против Т.Лубанги» Первая судебная палата МУС подчеркнула: «если сотрудники стороны обвинения находятся в состоянии конфликта интересов в отношении расследования или поддержания обвинения по делу о преступлениях, предусмотренных ст. 70 [Римского статута], то необходимо либо возложить исполнение данных процессуальных действий на сотрудников Канцелярии Прокурора, которые не принимали участие в данных производствах, либо, в крайнем случае, назначить независимого следователя»[1559].

Под конфликтом интересов в данном контексте следует понимать ситуацию, при которой личная прямая или косвенная заинтересованность

[1558] *The Prosecutor v. Radoslav Brđanin*, Order Instigating Proceedings against Milka Maglov, 8 May 2003, IT-99-36/R77.

[1559] *The Prosecutor v. Thomas Lubanga Dyilo*, Transcript of Hearing, 14 January 2011, ICC-01/04-01/06-T-350-Red2-ENG, p. 17, lns 14-19.

уставного органа обвинения либо третьего лица, связанного с уставным органом обвинения, в исходе той или иной стадии международного уголовного судопроизводства в связи с совершением преступления против международного уголовного правосудия влияет или может повлиять на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение им должностных обязанностей.

Субъектами преступлений против отправления правосудия в большинстве своем выступают стороны международного уголовного процесса – обвинение и защита – либо связанные с ними лица, такие как свидетели или посредники[1560]. Внешне личная заинтересованность может выражаться либо в нежелании привлекать к уголовной ответственности лиц, связанных с обвинением, либо, наоборот, в слишком большом рвении в привлечении к ней лиц, связанных с защитой.

В ходатайстве о назначении прокурора (обвинителя) *amicus curiae* для расследования предоставления Прокурором ложной информации МТБЮ относительно полноты раскрытия доказательств стороне защиты Р.Караджич отмечает: «Назначение прокурора (обвинителя) *amicus curiae* необходимо, т.к. нельзя разумно ожидать от Прокурора расследования в отношении себя самого или членов своей канцелярии»[1561]. Ходатайство было отклонено Апелляционной палатой без рассмотрения по существу со ссылкой на отсутствие компетенции[1562].

В случаях, когда под подозрением находятся лица, участвующие в том или ином качестве в международном уголовном процессе со стороны обвинения, представляется правильным всякий раз привлекать прокурора (обвинителя) *amicus curiae,* т.к. риск возникновения конфликта интересов высок. По замечанию М.Хиераменте, Ф.Мюллер и Э.Фергюсон, «сомнительно, что Канцелярия

[1560] Об определении понятия «посредник» в международном уголовном праве см.: *Копылова Е.А.* Преступления против международного уголовного правосудия. С. 312, сноска 1.

[1561] *The Prosecutor v. Radovan Karadžić,* Motion to Dismiss Appeal and for Appointment of *Amicus curiae* Prosecutor, 18 March 2013, IT-95-5/18-AR98bis.1, p.7, § 31.

[1562] *The Prosecutor v. Radovan Karadžić,* Decision on Motion to Dismiss Appeal and for Appointment of *Amicus curiae* Prosecutor, 4 July 2013, IT-95-5/18-AR98bis.1.

Прокурора всегда усердно будет расследовать и преследовать индивидов, с которыми она ранее тесно сотрудничала»[1563].

В деле «Прокурор против М.Нгуджоло и Ж.Катанги» судьи подчеркнули: «любое ложное показание, исходящее от свидетеля обвинения, способно создать ситуацию конфликта интересов, которая может повлиять на распоряжение Прокурором данными ему полномочиями начать расследование»[1564].

В схожем ключе в деле «Прокурор против Ж.-П. Бемба» Третья судебная палата МУС отметила, что «следственные полномочия, возлагаемые ч. 1 правила 165 ППД [на Прокурора], могут спровоцировать появление конфликта интересов в ситуациях, когда имеются основания полагать, что преступление, предусмотренное ст. 70 Статута, было совершено свидетелем обвинения»[1565].

Если подозрения в совершении преступлений против отправления правосудия имеются в отношении стороны защиты, выбор механизма преследования следует делать взвешенно, в свете всей совокупности обстоятельств.

Дело «Бемба и другие», возбужденное по факту совершения преступлений против отправления правосудия, позволило Апелляционной палате МУС дать дополнительные разъяснения касательно критериев оценки возможной пристрастности Прокурора и сотрудников его Канцелярии, принимавших участие в деле, в ходе которого инкриминируемые деяния имели место (основное производство). Ж.-П. Бемба изначально был передан МУС для привлечения к уголовной ответственности в связи с обвинениями в причастности к совершению военных преступлений в Центральноафриканской республике в 2002-2003 гг. В ходе процесса вскрылись обстоятельства, указывающие на возможное совершение им самим и представителями его окружения, включая защитника Э.Килоло, преступлений против отправления правосудия, предусмотренных ст. 70

[1563] *Hiéramente M., Müller Ph., Ferguson E. Op.cit.* P. 1136.

[1564] *The Prosecutor v. Germain Katanga and Mathieu Ngudjolo Chui*, Transcript of Hearing, 22 September 2010, ICC-01/04-01/07-T-190-Red-ENG, p.4, lns 1-5.

[1565] *The Prosecutor v. Jean-Pierre Bemba Gombo*, Public redacted version of «Decision on the «Defence application concerning Witness CAR-OTP-WWWW-004's evidence»» of 10 October 2013, 16 October 2013, ICC-01/05-01/08-2830-Red, §14.

Римского статута МУС. По итогам предварительного расследования подозрения подтвердились; Прокурором было возбуждено уголовное дело, выделенное в отдельное производство.

Обвиняемый Э.Килоло подал ходатайство об отводе Прокурора Ф.Бенсуды, ее заместителя Дж.Стюарта, а также «всех членов Канцелярии Прокурора», находящихся у них в подчинении[1566]. Апелляционная палата ходатайство отклонила и уточнила, что одного только факта участия Прокурора в основном производстве недостаточно, чтобы создать даже видимость пристрастности[1567]. В качестве обоснования этого утверждения, судьи сослались на п. (c) ч. 2 правила 162 и ч. 4 правила 165 ППД МУС, допускающих объединение в одно международное уголовное производство дела, возбужденного по ст. 5-8 Римского статута, в рамках которых были совершены преступления против правосудия, и дела, возбужденного по ст. 70.

Вместе с тем, судьи подчеркнули: «несмотря на преимущества, которые дает хорошее знание материалов производства, […] в целом предпочтительно не привлекать сотрудников Канцелярии Прокурора, участвующих в каком-либо деле, к работе по смежному делу, возбужденному по ст. 70 [Статута]»[1568]. В особом совпадающем мнении судья Э.Курула отдельно выразил свою поддержку данному замечанию[1569].

Кроме того, судьи призвали Прокурора «принимать все необходимые меры предосторожности при привлечении своих сотрудников к работе над тем или иным производством во избежание ситуаций, которые могут дать основания для

[1566] *Le Procureur c. Jean-Pierre Bemba et al.*, Requête aux fins de récusation de l'Accusation dans le cadre de l'enquête et des poursuites visant M. Aimé Kilolo Musamba, 3 mars 2014, ICC-01/05-01/13-233-Red.

[1567] *Le Procureur c. Jean-Pierre Bemba et al.*, Décision relative aux requêtes aux fins de récusation du Procureur, du Procureur adjoint et de l'ensemble du personnel du Bureau du Procureur, 22 août 2014, ICC-01/05-01/13-648-Red3-tFRA (*Bemba* Disqualification Decision), § 34.

[1568] *Ibid.*, § 40.

[1569] *Bemba* Disqualification Decision, Separate Concurring Opinion of Judge Erkki Kourula, ICC-01/05-01/13-648-Anx1, §§ 1, 8.

возникновения легитимных вопросов и озабоченностей, даже если эти озабоченности недостаточно серьезны, чтобы повлечь за собой отвод»[1570].

Судья А.Ушацка не согласилась с общим выводом Апелляционной палаты. В особом расходящемся мнении она указала, что допущение параллельного участия Прокурора в двух смежных производствах в данном конкретном контексте не может не дать основания усомниться в его беспристрастности. Как следствие, по ее мнению, Прокурор, его заместитель и все сотрудники Канцелярии должны быть отведены, а материалы дела переданы в производство нидерландским компетентным правоохранительным органам.

Вместе с тем, А.Ушацка обратила внимание на то, что в аналогичных ситуациях другие международные уголовные трибуналы «предусмотрели особые механизмы, позволяющие устранить потенциальную видимость пристрастности», подразумевая, судя по содержанию ссылок, институт прокурора (обвинителя) *amicus curiae* [1571].

Вопрос о последствиях выявления конфликта интересов уставного обвинителя в ходе уже начатого предварительного расследования не имеет четкого регулирования и не встречался на практике – например, выясняется, что к событию преступления может быть причастно лицо, аффилированное тем или иным образом с канцелярией прокурора. В таком случае, как представляется, уставной обвинитель обязан информировать об этих обстоятельствах палату либо предоставив на ее решение вопрос о целесообразности передачи дела *amicus curiae*, либо заявив самоотвод.

Загруженность уставного органа обвинения. Вторая причина, по которой трибунал может выбрать прокурора (обвинителя) *amicus curiae* вместо уставного органа обвинения, заключается в стремлении судей освободить последний от увеличенной нагрузки. В деле «Прокурор против С. Аяша и других» судья подчеркнул, что преимущество выбора в пользу прокурора (обвинителя) *amicus curiae* заключается в отсутствии необходимости дополнительно обременять

[1570] *Bemba* Disqualification Decision, § 48.

[1571] *Bemba* Disqualification Decision, Dissenting Opinion of Judge Anita Ušacka, ICC-01/05-01/13-648-Anx2-Red (Ušacka Dissent), §§ 1, 7.

Прокурора СТЛ[1572]. Институт *amicus curiae* выступает здесь как инструмент разгрузки уставного органа обвинения, позволяющий, с одной стороны, обеспечить должное внимание к посягательствам на отправление правосудия, а с другой, не подрывать способность прокуратуры трибунала сосредоточиться на ее первостепенной функции – преследовании лиц, обвиняемых в совершении тяжких международных преступлений.

Самоотвод уставного органа обвинения. Наконец, сам орган уставной обвинения может отказаться от расследования и поддержания обвинения в пользу *amicus curiae*. Такая возможность прямо предусмотрена в п. (ii) ч. (E) правила 60bis Правил СТЛ. Так, в деле «Прокурор против С. Аяша и других» Прокурор предпочел ей воспользоваться, не заявляя при этом о существовании конфликта интересов. Объективная сторона преступления против правосудия в данном случае заключалась в публикации конфиденциальных сведений, доступных, в том числе, и сотрудникам Канцелярии Прокурора. Свое решение отказаться от расследования Прокурор мотивировал «необходимостью дать общественному мнению возможность удостовериться в должном отправлении правосудия, при котором расследование будет проводиться в отношении всех участников процесса с правом доступа к опубликованным документам»[1573]. Несмотря на то, что прямо о риске существования конфликта интересов Прокурор не заявлял, на его решение явно повлиял характер посягательства и потенциальная причастность к нему сотрудников его Канцелярии.

В рамках МТБЮ был разработан достаточно подробный документ, регламентирующий порядок действий Судебных палат и Секретариата суда в случае возникновения подозрений о совершении посягательства на отправление правосудия – Практическое руководство о порядке расследования и уголовного преследования за посягательства на отправление правосудия в рамках

[1572] *The Prosecutor v. Salim Jamil Ayyash et al.*, Public Redacted Version of Decision on Allegations of Contempt, 29 April 2013, STL-11-01/PT/CJ/R60bis.1 (*Ayyash* Decision), § 24.
[1573] *Ibid.*

Международного трибунала (далее – Практическое руководство МТБЮ)[1574]. Представляется, что положения этого документа могут служить ориентиром для других международных уголовных трибуналов, ввиду идентичности правового регулирования и авторитета МТБЮ. В соответствии с Практическим руководством МТБЮ, Судебная палата, имеющая основания полагать в отношении любого лица, кроме Прокурора, что это лицо совершило посягательство на отправление правосудия, сперва предписывает Прокурору провести расследование, за исключением случаев, когда Прокурор доказательно обосновывает существование конфликта интересов. Прокурор делает письменное представление, присваивает ему степень секретности «конфиденциально и только для Судебной палаты», в котором он описывает обстоятельства, лежащие в основе конфликта интересов. Это может рассматриваться как своего рода самоотвод. Палата также может самостоятельно констатировать существование конфликта интересов. Практическое руководство МТБЮ предусматривает, что в подобных случаях палата «может» предписать Секретарю трибунала назначить *amicus curiae* для осуществления следственных действий. Предписание выносится с грифом «конфиденциально и только для Секретариата и *amicus curiae*».

Часть 6 ст. 42 Римского статута предусматривает право Прокурора и заместителей Прокурора на самоотвод в конкретном деле. Такое дело может быть связано как с международными преступлениями, так и с преступлениями против отправления правосудия. Соответствующее ходатайство выносится на рассмотрение Президиума МУС. Ч. 1 правила 33 ППД требует письменной формы ходатайства о самоотводе, не уточняя требований к его содержанию. Разумно предположить, что должностное лицо, ходатайствующее о самоотводе, не может оставить без внимания существенный вопрос о том, кто будет исполнять его функции в случае удовлетворения его ходатайства. Оно может предложить в качестве замены либо сотрудника Канцелярии Прокурора, либо третье лицо. В

[1574] International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia Document IT/227 «Practice Direction on Procedure for the Investigation and Prosecution of Contempt before the International Tribunal». [Электронный ресурс]. 2004. 6 май. – URL: https://www.icty.org/ (дата обращения: 19.05.2025). Далее упоминается без дополнительных постраничных ссылок.

свою очередь, как представляется, в такой ситуации президиум вправе по собственной инициативе привлечь к производству прокурора (обвинителя) *amicus curiae*.

§ IV.2. Порядок назначения и требования к прокурору (обвинителю) *amicus curiae*

Прокуроры международных уголовных трибуналов по своему общему мандату совмещают две ключевые функции: проведение предварительного расследования и последующее поддержание обвинения в судебном разбирательстве. В обычной модели обе эти функции сконцентрированы в уставном органе обвинения и реализуются им последовательно в рамках единой стратегической линии. Однако, как было показано выше, в делах субсидиарной подсудности трибунал вправе, в зависимости от особенностей конкретной ситуации, передать осуществление одной или обеих этих функций прокурору (обвинителю) *amicus curiae*. В результате складываются две принципиально возможные конфигурации:

(1) прокурор (обвинитель) *amicus curiae* может осуществлять весь цикл обвинительной деятельности: от самостоятельного предварительного расследования до поддержания обвинения в суде;

(2) его участие может быть ограничено только этапом расследования, по итогам которого материалы и сформулированные выводы передаются уставному прокурору, призванному затем вести дело в судебной стадии[1575].

Показательно, что в практике международных трибуналов отсутствуют ситуации, когда *amicus curiae* поддерживает обвинение, опираясь на результаты предварительного расследования, проведенного уставным органом обвинения. Такая конструкция выглядела бы внутренне противоречивой: если на стадии расследования не выявлено обстоятельств, требующих отвода уставного обвинителя или его разгрузки, то трудно представить, чтобы аналогичные обстоятельства «впервые» возникли на стадии поддержания обвинения.

[1575] Practice Direction IT/227, § 14.

Одно и то же лицо может принимать участие в качестве прокурора (обвинителя) *amicus curiae* на обеих стадиях международного уголовного процесса. Это могут быть и разные лица, как, например, в деле «Прокурор против Нью ТВ САЛ Карма Мохамед Тхасин Аль Хаят»[1576]. В редких случаях в одном и том же деле на одной и той же стадии процесса могут быть задействованы одновременно два *amici curiae*[1577].

Случается, что прокурор (обвинитель) *amicus curiae* выполнил свои обязанности не вполне удовлетворительно на этапе предварительного расследования. В таких случаях приходится назначать второго прокурора (обвинителя) *amicus curiae* для восполнения пробелов. Так, в деле «Прокурор против П.Нийрамасухуко и других» прокурору (обвинителю) *amicus curiae* было поручено проведение предварительного расследования в связи с подозрениями о даче двумя свидетелями по делу ложных показаний и об оказании давления на них сотрудниками трибунала[1578]. После того, как прокурор (обвинитель) *amicus curiae* завершил расследование и передал судьям свои заключения, последние были вынуждены констатировать многочисленные пробелы, в т.ч. неполноту следственных действий, прямо предписанных Судебной палатой, и поручить Секретарю МТР назначить нового *amicus curiae* для их восполнения[1579].

В Практическом руководстве МТБЮ термин «прокурор (обвинитель) *amicus curiae*» применяется только к третьему лицу, назначенному для поддержания обвинения, в то время как *amicus curiae,* которому поручено осуществление предварительного расследования, именуется «следователем *amicus curiae*»[1580]. Однако, ввиду двойной функции прокурора в системе международного уголовного правосудия, для такого лексического разграничения

[1576] *In the case of New TV S.A.L. Karma Mohamed Thasin Al Khayat*, Redacted Version of Decision in Proceedings for Contempt with Orders in Lieu of Indictement, 31 January 2014, STL-04-15 (*New TV S.A.L.* Decision), § 77.
[1577] Practice Direction IT/227, § 11.
[1578] *The Prosecutor v. Pauline Nyiramasuhuko et al.,* Decision on Ntahobali's Motion for an Investigation into False Testimony and Kanyabashi's Motion for an Investigation into Contempt of Court Relative to Prosecution Witnesses QY and SJ, 19 March 2009, ICTR-98-42-T, §§ 15-17.
[1579] *The Prosecutor v. Pauline Nyiramasuhuko et al.*, Order, 30 October 2009, ICTR-98-42-T, pp. 3, 4.
[1580] Practice Direction IT/227, §§ 1-12.

нет никаких предпосылок. Более того, выражение «прокурор (обвинитель) *amicus curiae*» последовательно используется в официальных судебных документах применительно к соответствующим лицам, вне зависимости от стадии международного уголовного судопроизводства. В этой связи можно предположить, что терминологическая разбивка в тексте Практического руководства МТБЮ преследует одну лишь цель удобства восприятия.

В практике международных уголовных трибуналов процедура назначения прокурора (обвинителя) *amicus curiae* для осуществления предварительного расследования происходит в несколько этапов. Сперва судебной палатой выносится постановление о передаче следственных действий в производство прокурора (обвинителя) *amicus curiae*, одновременно предписывающее секретарю трибунала подобрать кандидатуру на эту роль. Данное постановление должно содержать, помимо прочего: (1) описание деяний, подлежащих расследованию; (2) перечень материалов и судебных документов, включая конфиденциальные, к которым прокурор (обвинитель) *amicus curiae* может иметь доступ для целей расследования; (3) инструкции по проведению расследования, включая порядок вызова и допроса свидетелей, формы оформления их показаний, порядок сбора доказательств, а также другие аспекты, необходимые для эффективного расследования; (4) сроки окончания расследования и представления заключения с выводами и рекомендациями судебной палате[1581].

В практике МТБЮ кандидатура прокурора (обвинителя) *amicus curiae*, предварительно выбранная Секретарем трибунала, подлежит обязательному утверждению Судебной палатой[1582]. Что касается СТЛ, то в отсутствие четкого регламентирования, исходя из одной лишь судебной практики, можно сделать вывод, что данный этап отнесен на усмотрение судей в каждом конкретном деле. Так, в деле «Прокурор против Акбар Бейрут САЛ и Ибрахима Мохамеда Аль Амина» председатель трибунала уточнил, что Секретарь «может» согласовать кандидатуру прокурора (обвинителя) *amicus curiae* с судьей по посягательствам

[1581] Practice Direction IT/227, §§ 8(1)-(iv).
[1582] Practice Direction IT/227, § 9.

на отправление правосудия, «в случае необходимости»[1583]. Вместе с тем ранее тот же председатель трибунала предписал Секретарю «получить его (председателя – прим.авт.) предварительное согласие перед тем, как назначить прокурора (обвинителя) *amicus curiae,* посоветовавшись насчет соответствия кандидатов требованиям и их возможностей»[1584]. Как бы то ни было, на практике данный жест вежливости относится как минимум к обыкновениям, существующим в отношениях между Секретариатом и судьями СТЛ[1585].

Утвержденный кандидат должен принести письменную присягу, в которой он: (1) подтверждает, что не находится в состоянии конфликта интересов – ни фактического, ни потенциального – в отношении деяний, составляющих предмет расследования, и что на его беспристрастность и способность к осуществлению расследования не могут повлиять никакие обстоятельства, существующие в настоящем или имевшие место в прошлом, в том числе сведения, которыми он располагает и должности, которые он ранее замещал; (2) обязуется выполнять свои обязанности добросовестно, соблюдая требования конфиденциальности и честно, а также неукоснительно соблюдать все применимые нормы; (3) гарантирует независимость и беспристрастность расследования и обязуется не запрашивать и не подчиняться указаниям относительно отправления своих функций от какой бы то ни было организации, лица или органа власти, за исключением компетентной судебной палаты и секретаря трибунала или его официального представителя; (4) обязуется не сообщать какой бы то ни было организации, лицу или органу власти, за исключением компетентной судебной палаты и секретаря трибунала или его официального представителя, информацию, ставшую ему известной в связи с исполнением им своих полномочий, кроме как с разрешения секретаря трибунала или его официального представителя, и не

[1583] *In the case of Akhbar Beirut S.A.L., Ibrahim Mohamed Al Amin,* Redacted Version of Decision in Proceedings for Contempt with Orders in Lieu of an Indictment, 31 January 2014, STL-14-06/I/CJ, § 78.

[1584] *Ayyash* Decision, § 25.

[1585] *In the case of Akhbar Beirut S.A.L., Ibrahim Mohamed Al Amin,* Registrar's Decision under Rule 60(bis)(E)(ii) to Appoint a Replacement *Amicus curiae* to Investigate and Prosecute Contempt Allegations, 4 March 2014, STL-14-06/I/CJ.

использовать эту информацию любым другим способом, если только этого не будут требовать цели расследования или формулировки постановления судебной палаты[1586].

Если по итогам предварительного расследования, проведенного прокурором (обвинителем) *amicus curiae*, судебная палата констатирует наличие оснований для возбуждения уголовного дела, то она выносит постановление, в котором предписывает секретарю трибунала назначить «независимую сторону» в качестве прокурора (обвинителя) *amicus curiae* для поддержания обвинения[1587]. В данном случае назначение производится самостоятельно секретарем без консультации с палатой. В постановлении перечисляются пункты обвинения, устанавливаются сроки первого заседания с участием обвиняемого и уточняется мандат прокурора (обвинителя) *amicus curiae*, включая инструкции по ведению дела[1588]. Как мы увидели, в то время как палата принимает непосредственное участие в подборе кандидатуры *amicus curiae* на этапе предварительного расследования, на этапе поддержания обвинения ее роль сводится к минимуму. Этому есть объяснение, основанное на принципе разделения уголовно-процессуальных функций обвинения, защиты и правосудия. Этот принцип предполагает, что одно и то же лицо или орган не может одновременно выполнять две и более этих функций. Классическая теория уголовного процесса исключает предварительное расследование из этой триады. Именно поэтому координация расследования по делам субсидиарной подсудности судебной палатой в международных уголовных трибуналах не вступает в конфликт с функцией правосудия. «Производство по уголовному делу представляет собой единый процесс, где предварительное расследование является по своей сути подготовительной, подчиненной частью по отношению к судебной деятельности», - пишет А.Б.Судницын[1589], ссылаясь на

[1586] Practice Direction IT/227, § 9, Annex 1.
[1587] Practice Direction IT/227, § 13.
[1588] Practice Direction IT/227, §§ 15(i)-(v).
[1589] *Судницын А.Б.* Задачи предварительного расследования: правовая природа, система, проблемы реализации и пути совершенствования: монография. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2019. С.43-44.

М.С.Строговича[1590], Г.Н.Колбая[1591]. Аналогичную позицию можно встретить в трудах А.Я.Вышинского[1592]. Также важно отметить, что судебная палата по основному делу, координирующая предварительное расследование по делу субсидиарной подсудности, не осуществляет по нему функцию правосудия, а передает его на рассмотрение в другую судебную палату. Несмотря на это, ее участие в утверждении кандидата для осуществления функции обвинения по делу субсидиарной подсудности рассматривается как несовместимое с упомянутым принципом разделения функций. Именно поэтому ее роль ограничивается только принятием принципального решения о назначении прокурора (обвинителя) *amicus curiae*, а подбор конкретного кандидата возлагается ППД международных уголовных трибуналов *ad hoc* на их секретариаты[1593]. Для удобства последние могут вести списки кандидатур, отвечающих профессиональным и личностным критериям для осуществления соответствующих функций.

Официально требования к кандидатам на замещение поста прокурора (обвинителя) *amicus curiae* нигде не установлены. Так как существо его прав и обязанностей в целом совпадает с мандатом уставного обвинителя, логично было бы предположить, что и требования в обоих случаях предъявляются примерно одинаковые: обладание моральными качествами и высоким уровнем профессиональной компетенции, а также наличие практического опыта расследования и поддержания обвинения по уголовным делам на национальном или международном уровнях. В приказах Секретариата МТБЮ о назначении на должность прокурора (обвинителя) *amicus curiae* обычно встречается следующая формулировка: «В интересах правосудия гарантировать, что *amicus curiae* является квалифицированным профессионалом, знакомым с материальными и процессуальными аспектами уголовного преследования такого рода деяний в

[1590] *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. М., 1958. С. 278.
[1591] *Колбая Г.Н.* Соотношение предварительного следствия и судебного разбирательства. М., 1975. С. 6.
[1592] *Вышинский А.Я.* Курс уголовного процесса. Москва: Юрид. изд-во Наркомюста РСФСР, 1927. С.71-72.
[1593] Rule 77(C)(ii) ICTY RPE; Rule 77(C)(ii) ICTR RPE; Rule 60bis(E)(ii) STL RPE.

рамках Международного трибунала и обладающим соответствующим опытом в области предварительного расследования и поддержания обвинения»[1594].

Секретариат МОМУТ предъявляет к кандидатам на включение в список потенциальных прокуроров (обвинителей) *amicus curiae* следующие требования: наличие опыта работы в области уголовного или международного уголовного права не менее 10 лет; наличие опыта в сфере осуществления предварительного расследования или поддержания обвинения в контексте международного трибунала; блестящее владение письменной речью, ораторские способности; и полноценное владение хотя бы одним из двух рабочих языков МОМУТ[1595].

На практике при назначении прокуроров (обвинителей) *amicus curiae* предпочтение отдается юристам, знакомым с системой общего права[1596] или бывшим сотрудникам канцелярий прокуроров международных уголовных трибуналов[1597].

Кандидат приносит письменную присягу, содержание которой аналогично присяге, приносимой прокурором (обвинителем) *amicus curiae* на стадии предварительного расследования, за исключением последнего пункта про обязательство хранить тайну следствия[1598]. Тем не менее, очевидно, что соответствующее обязательство распространяется на него в полном объеме.

Мандат прокурора (обвинителя) *amicus curiae* действителен вплоть до окончательного разрешения уголовного дела, включая стадию апелляции[1599].

[1594] *The Prosecutor v. Vojislav Šešelj*, Decision, 11 February 2009, IT-03-67-R77.2; *The Prosecutor v. Vojislav Šešelj*, 2 March 2010, IT-03-67-R77.3.

[1595] Call for Expressions of Interest for *Amici curiae* Investigators or Prosecutors. [Электронный ресурс]. // United Nations International Residual Mechanism for Criminal Tribunals: сайт. 2004. 31 янв.– URL: https://www.irmct.org/ (дата обращения: 26.01.2025).

[1596] В деле против В.Шешеля прокурором *amicus curiae* был назначен Б.МакФарлейн, Королевский Адвокат (Канада).

[1597] К. Скотт, назначенный прокурором *amicus curiae* в СТЛ, около четырнадцати лет работал в МТБЮ в должности старшего прокурора.

[1598] Practice Direction IT/227, § 16, Annex 2.

[1599] *The Prosecutor v. Florence Hartmann*, Decision on Motions to Strike and Requests to Exceed Word Limit, 6 November 2009, IT-02-54-R77.5-A, § 15.

§ IV.3. Основания прекращения полномочий прокурора (обвинителя) *amicus curiae*

Полномочия прокурора (обвинителя) *amicus curiae* по своей природе носят целевой и ограниченный характер: они всегда связаны с конкретным кругом процессуальных задач, определенных соответствующей судебной палатой. Такая конструкция неизбежно предполагает не только временные пределы его мандата, но и наличие определенных оснований, при наступлении которых этот мандат должен прекращаться либо по объективным причинам, либо по инициативе самого прокурора (обвинителя) *amicus curiae*, органов трибунала или стороны защиты.

Естественное окончание полномочий. Естественное завершение той миссии, ради которой прокурор (обвинитель) *amicus curiae* был назначен, выступает первичным и наиболее очевидным основанием прекращения его полномочий. Иными словами, по мере достижения процессуальной цели, обозначенной в решении о его назначении, – будь то завершение предварительного расследования с представлением отчета и материалов, вынесение окончательного судебного решения по делу или прекращение производства по иным основаниям – мандат прокурора (обвинителя) *amicus curiae* исчерпывается автоматически, без необходимости принятия дополнительных актов.

Добровольная отставка. Прокурор (обвинитель) *amicus curiae* может в любой момент подать в отставку. Например, в деле «Прокурор против Нью ТВ САЛ Карма Мохамед Тхасин Аль Хаят» ближе к окончанию расследования первый прокурор (обвинитель) *amicus curiae* уведомил Судебную палату о том, что «он не сможет поддерживать обвинение по предложенным им пунктам и даже завершить текущее расследование»[1600]. Судебная палата была вынуждена поручить Секретарю назначить нового прокурора (обвинителя) *amicus curiae.*

Принудительная отставка. Мандат прокурора (обвинителя) *amicus curiae* может быть прерван по инициативе Секретаря трибунала. Практическое

[1600] *New TV S.A.L.* Decision, § 77.

руководство МТБЮ предусматривает, что, посоветовавшись с Палатой, Секретарь может отозвать прокурора (обвинителя) *amicus curiae,* занимающегося расследованием, до завершения последним своей миссии, если Секретарю становится известно о существовании обстоятельств, способных негативно сказаться на ходе расследования. Если же вскрывшиеся обстоятельства не являются настолько серьезными, чтобы оправдывать применение столь радикальной меры, Секретарь может ограничиться назначением второго прокурора (обвинителя) *amicus curiae* для совместного ведения расследования[1601]. Представляется, что прокурор (обвинитель) *amicus curiae,* назначенный для поддержания обвинения, может быть отозван Секретарем по таким же основаниям.

Отвод подозреваемым или обвиняемым. Наконец, прокурору (обвинителю) *amicus curiae* может быть заявлен отвод подозреваемым или обвиняемым, который Судебная палата вправе удовлетворить или отклонить.

Надо признать, что институт отвода прокурора практически не развит в международном уголовном праве. Ни в уставах международных уголовных трибуналах *ad hoc*, ни в их Правилах процедуры и доказывания не содержится специальной нормы об отводе Прокурора. Обзор судебной практики, находящейся в открытом доступе, показывает, что за всю историю их существования не было подано ни одного ходатайства об отводе Прокурора. Это не означает, однако, что лица, в отношении которых велись производства в этих трибуналах, не имели права такое ходатайство заявить.

Напротив, анализ *travaux préparatoires* Римского статута показывает, что вопросу об отводе прокурора разработчиками уделялось достаточно большое внимание[1602]. Например, высказывались предположения, согласно которым Прокурор не должен участвовать в производствах, возбужденных на основании

[1601] Practice Direction IT/227, § 11.

[1602] International Commission of Jurists Document «The International Criminal Court: third ICJ position paper». [Электронный ресурс]. 1995. P.11-12. – URL: https://www.icj.org/wp-content/uploads/2013/10/International-Criminal-Court-position-paper-1995-eng.pdf (дата обращения: 26.01.2025).

заявления государства его гражданской принадлежности или в отношении его согражданина[1603].

В ч. 7 ст. 42 Римского статута предусмотрено: «Ни Прокурор, ни заместители Прокурора не участвуют ни в каком деле, применительно к которому их беспристрастность могла бы быть разумно поставлена под сомнение на любом основании. В соответствии с настоящим пунктом они отводятся от участия в деле, если они, в частности, ранее участвовали в любом качестве в рассмотрении в Суде этого дела или в рассмотрении связанного с ним уголовного дела на национальном уровне, к которому причастно лицо, находящееся под следствием или подвергающееся судебному преследованию». Ч. 8 той же статьи наделяет подследственных и обвиняемых правом в любое время обратиться к Апелляционной палате с ходатайством об отводе Прокурора или заместителя Прокурора по перечисленным основаниям. Апелляционная палата подтвердила, что данное право распространяется также и на последственных и обвиняемых в совершении преступлений против отправления правосудия[1604].

В дополнение к основаниям для отвода Прокурора и его заместителей, предусмотренных в Римском статуте, ППД МУС предусмотрены следующие: a) личная заинтересованность в исходе дела, в том числе вызванная супружескими, родительскими или другими близкими семейными, личными или профессиональными отношениями, либо отношениями субординации с какой-либо из сторон; b) участие в личном качестве в любом начавшемся до или после подключения данного лица к производству по данному делу судебном разбирательстве, в котором подследственный или обвиняемый являлся или является противной стороной; c) выполнение до вступления в должность функций, предполагавших составление им мнения о данном деле, о сторонах или об их законных представителях, которое объективно могло бы негативно повлиять беспристрастность соответствующего лица; d) выражение через

[1603] ООН: Доклад Подготовительного комитета по вопросу об учреждении международного уголовного суда. (Работа подготовительного комитета в марте-апреле и августе 1996 года). // Документ ООН A/51/22 (Vol.I), 1996.

[1604] *Situation au Kenya*, Décision relative à la requête aux fins de récusation du Procureur dans le cadre de l'enquête visant David Nyekorach-Matsanga, 11 juillet 2012, ICC-01/09-96-Red-tFRA, § 17.

средства массовой информации письменно или в форме публичных действий мнений, которые объективно могли бы негативно повлиять беспристрастность соответствующего лица[1605].

В деле «Прокурор против С. Аль-Ислам Каддафи и А. Аль-Сенусси» Апелляционная палата разъяснила, что для удовлетворения ходатайства об отводе Прокурора необязательно располагать доказательствами его реальной пристрастности: «перед Апелляционной палатой стоит, скорее, вопрос о том, можно ли разумно предположить, что Прокурор может быть пристрастен. Апелляционная палата полагает, что для установления внешних признаков этой пристрастности, необходимо оценивать ситуацию с точки зрения разумного и надлежащим образом информированного наблюдателя»[1606].

Критерий «внешних признаков пристрастности глазами стороннего наблюдателя» восходит к практике международных уголовных трибуналов *ad hoc* в области отвода судей[1607]. Судья А.Ушацка разъяснила, что данный критерий призван гарантировать справедливое отправление правосудия, т.к., с одной стороны, достаточность «внешних признаков» пристрастности для отвода повышает доверие к судебному процессу, а с другой, оценка этих внешних признаков глазами «разумного» и «надлежащим образом информированного» наблюдателя позволяет избежать злоупотреблений правом на заявление отвода[1608].

С.Бекер отмечает, что при установлении внешних признаков пристрастности судьи не должны исходить из презумпции беспристрастности Прокурора, точно так же, как это не стал бы делать сторонний наблюдатель[1609]. Это замечание представляется важным. Прокурор действительно обязан

[1605] Rule 34(1)(a)-(d) ICC RPE.

[1606] *Le Procureur c. Saif Al-Islam Qadhafi et Abdullah Al-Senussi*, Decision on the Request for Disqualification of the Prosecutor, 12 juin 2012, ICC-01/11-01/11-175 (OA 3), §20.

[1607] *Le Procureur c. Anto Furundzija*, Arrêt, 21 juillet 2000, IT-91-17-1/A, §§189-191.

[1608] *Ušacka* Dissent, § 3.

[1609] *Becker S.* The Presumption of Impartiality and Other Errors in the International Criminal Court's Plenary Decision Concerning Judicial Disqualification of the President of the Court in *The Prosecutor v. Thomas Lubanga Dyilo* // The Global Community: Yearbook of International Law and Jurisprudence 2013. 2014. Vol. 1. P.111 et seq.

действовать беспристрастно; однако эта обязанность не только не создает презумпцию беспристрастного поведения, но и не может ее создавать в принципе, т.к. само ее существование вызвано опасениями, что Прокурор способен действовать пристрастно. Любая обязанность – это принуждение к действию, которое не является само собой разумеющимся для обязываемого.

Рассмотрение оснований прекращения полномочий прокурора (обвинителя) *amicus curiae* выводит проблему далеко за рамки чисто процессуальной техники и заставляет вновь обратиться к вопросу о том, как в международном уголовном праве понимается сама природа власти обвинения. В этом смысле прокурор (обвинитель) *amicus curiae* выступает своеобразным индикатором зрелости международного уголовного правопорядка. Чем четче очерчены пределы его мандата, чем внимательнее право относится к возможности его отзыва или отвода, тем более ясно проявляется фундаментальная установка: ни один участник процесса, каким бы важным ни было его функциональное значение, не может быть выведен за пределы режима ответственности, подотчетности и доверия, на котором в конечном счете держится легитимность международного уголовного правосудия.

§ IV.4. Принципы деятельности прокурора (обвинителя) *amicus curiae*

На международном уровне сложился весьма показательный комплекс нормативных актов, направленных на регулирование стандартов профессиональной этики и поведения лиц, осуществляющих уголовное преследование, включая сотрудников канцелярий прокуроров международных уголовных трибуналов. Так, в 1990 г. на Восьмом Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями были приняты Руководящие принципы, касающиеся роли лиц, осуществляющих судебное преследование; в 1999 г. Международная ассоциация прокуроров утвердила Стандарты профессиональной ответственности и положение об основных обязанностях и правах прокуроров; в 1999 г. Прокурором МТБЮ и МТР были приняты Стандарты профессионального поведения сотрудника

Канцелярии Прокурора, которые в преамбуле содержали ссылку на два предыдущих документа в качестве ориентира для лиц, осуществляющих международное уголовное преследование; в 2005 г. Секретариатом Специального суда по Сьерра-Леоне был опубликован Кодекс профессионального поведения для юристов, допущенных к участию в судебных слушаниях в этом международном трибунале; в 2013 г. Кодекс поведения Канцелярии Прокурора был утвержден в Международном уголовном суде.

Анализ указанных документов позволяет говорить о формировании специфической группы институциональных принципов международного права, адресованных прокурорским работникам международного уровня и определяющих рамки их деятельности[1610]: независимости, объективности (беспристрастности), ответственности, конфиденциальности и уважения прав человека.

Указанные стандарты в полной мере распространяются и на прокуроров (обвинителей) *amicus curiae*. Это прямо вытекает как из логики их процессуального статуса, так и из практики международных трибуналов. В постановлениях секретариатов международных уголовных трибуналов о назначении прокуроров (обвинителей) *amicus curiae* особо предусматривается, что при исполнении своих обязанностей последние подчиняются положениям учредительных международно-правовых документов соответствующего трибунала, ППД, а также другим правилам, регламентам и постановлениям, включая кодексы профессиональной этики[1611].

[1610] В литературе приводятся различных классификации принципов международного публичного права. Например, К.А.Бекяшев выделяет основные, общеотраслевые и межотраслевые принципы. См.: *Бекяшев К.А.* Понятие и классификация основных принципов общего международного права // Научные труды МГЮА. М., 2008. № 2. С.157. О.И.Тиунов делит принципы на общеотраслевые и отраслевые. См.: *Тиунов О.И.* Об особенностях общепризнанных принципов и норм международного права // Международное право XXI века. Киев, 2006. С.34. Мы полагаем, что внутри отраслевых принципов существуют принципы институциональные, характерные для того или иного международно-правового института, например, института прокурора *amicus curiae*.

[1611] См., например: *The Prosecutor v. Vojislav Šešelj*, Decision, 11 February 2009, IT-03-67-R77.2; *The Prosecutor v. Vojislav Šešelj*, Decision, 2 March 2010, IT-03-67-R77.3; *In the Matter of New T.V. SAL, Karma Mohamed Thasin Al Khayat*, Registrar's Decision under Rule 60(bis)(E)(ii) to Appoint a Replacement *Amicus curiae* to Investigate and Prosecute Contempt Allegations, 4 March 2014, STL-

Принцип независимости. Независимость прокурора (обвинителя) *amicus curiae* является важнейшей гарантией справедливости уголовного процесса.

Принцип независимости предполагает, в частности, что прокурор (обвинитель) *amicus curiae*: 1) не запрашивает и не руководствуется в своей деятельности чьими бы то ни было указаниями; 2) не поддается давлению частных или групповых интересов и, в частности, воздействию со стороны государств, международных межправительственных и неправительственных организаций или прессы[1612]; 3) воздерживается от поведения и избегает имущественных (финансовых) связей, конфликтов интересов, способных подорвать доверие международного сообщества к его независимости; 4) воздерживается от поведения, которое могло быть дать основание разумно усомниться в его независимости; 5) воздерживается от деятельности, способной повлиять на исполнение его обязанностей как прокурора (обвинителя) *amicus curiae*.

Европейский суд по правам человека разработал четыре критерия для оценки независимости судебных органов, которые, как представляется, применимы и к прокурорам, включая прокуроров *amicus curiae*: 1) порядок назначения; 2) продолжительность нахождения в должности; 3) наличие гарантий от внешнего давления; 4) наличие внешних признаков независимости[1613].

Несмотря на то, что прокурор (обвинитель) *amicus curiae* назначается секретарем трибунала единолично либо по согласованию с судебной палатой, при исполнении своих полномочий он действует независимо как от всех органов трибунала, так и от иных органов, организаций, включая международные, физических и юридических лиц и государств. В деле «Прокурор против Ф.Хартман» (МТБЮ), Апелляционная палата подчеркнула, что участие Судебной

14-05/I/CJ; *In the Matter of Akhbar Beirut S.A.L., Ibrahim Mohamed Al Amin,* Registrar's Decision under Rule 60(bis)(E)(ii) to Appoint a Replacement *Amicus curiae* to Investigate and Prosecute Contempt Allegations, 4 March 2014, STL-14-06/I/CJ.

[1612] Special Court for Sierra Leone Document «Code of Professional Conduct for Counsel with the Right of Audience before the Special Court for Sierra Leone». – Текст: электронный. – 2005. – 14 май (SCSL Code of Conduct for Counsel). – Article 25(A). – URL: https://www.rscsl.org (дата обращения: 26.01.2025).

[1613] *Findlay v. the United Kingdom,* 22107/93 [1997] ECHR 8 (25 February 1997), §73.

палаты в назначении прокурора (обвинителя) *amicus curiae* не превращает его ни в агента Палаты, ни в ее доверенное лицо[1614]. Аналогично, применительно к судейскому корпусу, Европейский суд по правам человека постановил, что факт назначения судей законодательным или исполнительным органом государства сам по себе не является основанием сомневаться в их независимости[1615].

Что касается срока нахождения на посту, то для прокурора (обвинителя) *amicus curiae* он совпадает с продолжительностью порученного ему уголовного расследования или дела, за исключением случаев досрочного прекращения полномочий.

Защиту прокурора (обвинителя) *amicus curiae* от внешнего давления должны обеспечивать, прежде всего, международно-правовые иммунитеты и привилегии, которые призваны оградить его от вмешательства государств и иных акторов в исполнение возложенных на него функций; детальный анализ соответствующего режима составляет предмет специального рассмотрения.

Уже сама цель назначения *amicus curiae* – устранение конфликта интересов уставного органа обвинения – в сочетании с предъявляемыми к нему требованиями высоких моральных качеств выступает важным внешним признаком его независимости.

Эта независимость должна находить отражение и в повседневном поведении прокурора (обвинителя) *amicus curiae*. Он не вправе принимать подарки, преимущества или награды, которые могут быть разумно восприняты как попытка повлиять на его беспристрастность и свободу усмотрения при осуществлении обвинительной функции[1616]. Если речь идет о государственной награде, обоснованной прошлой профессиональной деятельностью, ее вручение, с точки зрения требований институциональной этики, целесообразно отложить до

[1614] *The Prosecutor v. Florence Hartmann,* Decision on Motions to Strike and Requests to Exceed Word Limit, 6 November 2009, IT-02-54-R77.5-A, §16.

[1615] *Filippini v. San Marino,* 10526/02 (Dec.) ECHR, 26 August 2003; *Henryk Urban and Ryszard Urban v. Poland*, 23614/08, 30 November 2010, § 49; *Campbell and Fell v. the United Kingdom,* Judgment, 28 June 1984, § 79; *27. Maktouf and Damjanović v. Bosnia and Herzegovina* [GC], 2312/08, 34179/08, 18 July 2013, § 49.

[1616] ICC Office of the Prosecutor Code of Conduct, § 29.

завершения мандата *amicus curiae*, а при невозможности такого переноса – по меньшей мере уведомить об этом Судебную палату и Секретаря трибунала.

В течение срока исполнения своих обязанностей в качестве прокурора (обвинителя) *amicus curiae* соответствующее лицо должно воздерживаться от распространения возмездных научных публикаций, а равно от публичных выступлений, затрагивающих деятельность данного международного уголовного трибунала в целом.

Принцип объективности (беспристрастности). Принцип беспристрастности занимает центральное место в системе требований, предъявляемых к деятельности прокуроров, включая прокурора (обвинителя) *amicus curiae*. Под беспристрастным поведением в международных актах понимается справедливое и добросовестное отношение к лицам и обстоятельствам дела, основанное на объективной оценке фактов и свободное от какого-либо предвзятого отношения или внешнего влияния[1617]. Иначе говоря, от прокурора ожидается не стремление подтвердить заранее избранную обвинительную версию, а способность сохранять внутренняя дистанцию и открытость к любым данным, имеющим значение для установления истины.

Важным элементом такого подхода выступает неукоснительное соблюдение презумпции невиновности. Для прокурора *amicus curiae* это означает, в частности, обязанность воздерживаться от публичного выражения суждений о виновности или невиновности подозреваемого или обвиняемого вне контекста судебного разбирательства[1618]; любые заявления, которые могли бы создать впечатление предрешенности исхода дела, рассматриваются как несовместимые с принципом беспристрастности. Его задача в международном процессе состоит не в том, чтобы любой ценой добиться обвинительного приговора, а в том, чтобы содействовать установлению истины по делу[1619]: он обязан строить расследование таким образом, чтобы с равным вниманием изучать как доказательства вины, так

[1617] ICC Office of the Prosecutor Code of Conduct, § 29.
[1618] SCSL Code of Conduct for Counsel, Article 24(A); ICC Office of the Prosecutor Code of Conduct, § 30 (A); ICTY Standards of Conduct for Prosecution, § 2(k).
[1619] ICTY Standards of Conduct for Prosecution, §2(h).

и доказательства невиновности, а также выявлять как отягчающие, так и смягчающие обстоятельства[1620].

Из этого вытекает и особое отношение к раскрытию доказательств. Руководствуясь принципом беспристрастности, прокурор (обвинитель) *amicus curiae* обязан добросовестно выполнять нормативные предписания о раскрытии информации, не утаивая от защиты материалы, которые могут свидетельствовать в пользу обвиняемого, смягчать его ответственность или подрывать доверие к доказательствам обвинения[1621].

Наконец, беспристрастность исключает любые формы необоснованного предпочтения или дискриминации. Прокурор (обвинитель) *amicus curiae* не вправе отдавать приоритет отдельным физическим или юридическим лицам, профессиональным или социальным группам, руководствуясь внеправовыми соображениями; тем более недопустимы различия в обращении с участниками процесса по признакам национальности, этнической или расовой принадлежности, религии, пола или политических убеждений[1622].

Принцип конфиденциальности. Принцип конфиденциальности составляет одну из ключевых основ деятельности участников международного уголовного процесса, и в равной мере это относится к прокурору (обвинителю) *amicus curiae*. Соглашаясь давать показания или передавать иную информацию, многие свидетели и информаторы подвергают риску не только собственную жизнь и здоровье, но и безопасность своего окружения. Защита их персональных данных, местонахождения и иных идентифицирующих сведений является одним из приоритетов международных уголовных судов, закрепляемым как в учредительных актах, так и в кодексах профессионального поведения. В силу этого при осуществлении своих полномочий прокурор (обвинитель) *amicus curiae* обязан принимать все разумные и доступные меры для охраны

[1620] SCSL Code of Conduct for Counsel Article 24(B); ICC Office of the Prosecutor Code of Conduct, § 49.
[1621] ICC Office of the Prosecutor Code of Conduct, §§ 30(c), 49(c), 53(a).
[1622] ICTY Standards of Conduct for Prosecution, § 2(c).

конфиденциальной информации[1623], включая меры, направленные на минимизацию возможных негативных последствий ее неосторожного раскрытия.

Особую специфику вносит тесная взаимосвязь между делами о посягательствах на отправление правосудия, ведущимися прокурором (обвинителем) *amicus curiae*, и «основными» делами, в рамках которых такие посягательства были совершены. На практике это предполагает неизбежный обмен информацией между органами обвинения, в том числе информацией, носящей конфиденциальный характер: показания свидетелей, данные о мерах их защиты, материалы закрытых заседаний и т.п. Например, в деле «Прокурор против Д.Тадича» в Апелляционную палату МТБЮ поступило ходатайство о пересмотре вступившего в силу приговора в связи с вновь возникшим обстоятельством, в качестве которого предлагалось рассматривать один из выводов, сделанных Апелляционной палатой в приговоре по смежному делу о посягательстве против правосудия[1624]. Однако прокурор (обвинитель) *amicus curiae* не вправе без санкции Судебной палаты разглашать кому бы то ни было, включая уставного обвинителя, конфиденциальные сведения, ставшие ему известными в связи с порученным ему предварительным расследованием или поддержанием обвинения, а также конфиденциальные судебные документы, приобщенные к материалам дела с его участием[1625].

Объем конфиденциальных материалов «основного» дела, к которым прокурор (обвинитель) *amicus curiae* может получить доступ, определяется не по его усмотрению, а в постановлении соответствующей судебной палаты, исходя из принципа необходимости и пропорциональности: ему предоставляется лишь та информация, которая действительно требуется для выполнения его узко определенного мандата[1626].

[1623] Code SCSL Code of Conduct for Counsel Article 26; ICTY Standards of Conduct for Prosecution, § 2(i).

[1624] International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia. ICTY Manual on Developed Practices / prepared in conjunction with United Nations Interregional Crime and Justice Research Institute (UNICRI). – Turin (Italy), 2009. – 228 p. + 1 CD-ROM. – URL: https://www.icty.org/ (дата обращения: 26.01.2025).

[1625] Practice Direction IT/227, Annex 1.

[1626] Practice Direction IT/227, §§ 8(2); 15(3).

Обязанность прокурора (обвинителя) *amicus curiae* соблюдать конфиденциальность не прекращается с окончанием его полномочий[1627].

Принцип ответственности. Принцип ответственности относится к числу базовых принципов деятельности прокуроров, будь то на национальном или международном уровне. Консультативный совет европейских прокуроров призвал все государства-члены Совета Европы включить в свое законодательство о прокуратуре или в Основной закон страны положения об ответственности ее работников[1628], определив при этом, что:

- принцип ответственности прокуроров выражается в неукоснительном следовании прокурором следующим требованиям: воздерживаться от произвола; принимать все решения, основываясь на действующих правовых нормах; мотивировать все решения, вне зависимости от того, приняты ли они в соответствии с принципом законности или целесообразности; представлять отчеты заинтересованным лицам и органам (вышестоящему прокурору, потерпевшим, судебной власти, гражданскому обществу, СМИ);

- принцип ответственности предполагает, что прокурорам надлежит инициативно разъяснять свои действия и представлять информацию общественности, в особенности в отношении дел, привлекающих особое внимание и вызывающих озабоченность; разъяснять причины неуспеха, процессуальной ошибки или неверной оценки ситуации;

- принцип ответственности также предполагает существование механизмов привлечения прокуроров к дисциплинарной ответственности в случае совершения серьезных нарушений.

В докладе Специального докладчика Совета по правам человека ООН отмечается: «Справедливое, независимое и беспристрастное отправление правосудия предполагает также, что сотрудники прокуратуры должны нести

[1627] SCSL Code of Conduct for Counsel, Article 26; ICC Office of the Prosecutor Code of Conduct, § 36.

[1628] Opinion № 13(2018) of 23 November 2018. Independence, accountability and ethics of prosecutors. [Электронный ресурс]. // Consultative Council of European Prosecutors (CCPE). P. 11. – URL: http://www.ejtn.eu (дата обращения: 26.01.2025).

ответственность за ненадлежащее выполнение своих профессиональных обязанностей»[1629].

В 2014 г. Управление ООН по наркотикам и преступности совместно с Международной ассоциацией прокуроров издали Руководство по статусу и роли прокуроров, в котором принципу ответственности уделяется большое внимание[1630]. Под ответственностью в нем понимается, что «прокуратура может быть призвана отвечать за свои действия путем представления отчетов, ответов на запросы или, в некоторых случаях, выступления в качестве ответчика в судебном заседании. Ответственность также может означать, что прокуратура может быть привлечена к юридической ответственности за неэффективность и злоупотребление полномочиями».

Действуя от имени международного сообщества, прокуроры международных уголовных трибуналов отчитываются перед ним о своей деятельности. Это позволяет, с одной стороны, контролировать выполнение прокурорами поставленных перед ними целей и задач, а с другой – выявлять и устранять недостатки и пробелы международно-правового регулирования, влияющие на эффективность прокурорской деятельности.

Для обнародования информации о деятельности прокуроров международных уголовных судов используются различные каналы, как официальные, так и неофициальные. К первым относятся отчеты, предназначенные для органов международных организаций. Согласно ст. 34 Устава МТБЮ и ст. 32 Устава МТР, председатели этих трибуналов обязаны ежегодно представлять Совету Безопасности и Генеральной Ассамблее ООН отчет об их деятельности. Чfcnm 2 ст. 10 Устава Специального трибунала по Ливану налагает аналогичные обязанности на председателя этого судебного органа, который отчитывается перед Генеральным секретарем ООН и

[1629]ООН: Доклад Специального докладчика по вопросу о независимости судей и адвокатов Габриэлы Кнауль // Документ ООН A/HRC/20/19, 7 June 2012.

[1630] ООН: The Status and Role of Prosecutors: A United Nations Office on Drugs and Crime and International Association of Prosecutors Guide. [Электронный ресурс]. 2014. P.13-15. – URL: https://www.unodc.org/documents/justice-and-prison-reform/14-07304_ebook.pdf (дата обращения: 26.01.2025).

правительством Ливана. В этих отчетах находят свое отражение и аспекты, связанные с деятельностью прокуроров *amicus curiae*[1631].

Ст. 6 Соглашения о взаимодействии между ООН и МУС предусматривает, что «Суд может, если считает это полезным, представлять Объединенным Нациям отчеты о своей деятельности через Генерального секретаря». По сложившейся практике такие отчеты МУС представляет ежегодно. Помимо прочего, в них отражаются результаты деятельности Канцелярии Прокурора за отчетный период.

Канцелярия Прокурора МУС участвует и в подготовке ежегодного отчета о деятельности Суда, предназначенного для Ассамблеи государств-членов. В нем излагается ключевая информация о каждом из дел, находящихся в производстве суда, а также о ходе предварительных расследований и изучений ситуаций.

Прокурор МУС каждые шесть месяцев информирует Совет Безопасности ООН о мерах, принятых во исполнение резолюций этого органа о передаче той или иной ситуации в производство МУС[1632].

К неофициальным каналам обнародования информации о деятельности прокуроров международных уголовных судов относятся публичные выступления, заявления, сборники обобщения практик и др. Канцелярия Прокурора МУС регулярно информирует международное сообщество о своей деятельности по предварительному изучению ситуаций посредством публикации соответствующих докладов, распространения статистических данных о поступающей информации о подсудных Суду преступлениях, публичных заявлений, а также в ходе контактов с заинтересованными сторонами и на высшем уровне. Такое решение было принято, исходя из понимания, что «обнародование этой информации позволит Канцелярии выполнять свои функции, не вызывая

[1631] Special Tribunal for Lebanon Document STL/AR/06 «Sixth Annual Report (2014-2015)». [Электронный ресурс]. – URL: https://www.securitycouncilreport.org (дата обращения: 26.01.2025); Special Tribunal for Lebanon Document STL/AR/07 «Seventh Annual Report (2015-2016)» [Электронный ресурс].– URL: https://www.securitycouncilreport.org (дата обращения: 26.01.2025).

[1632] ООН: Резолюция 1593 (2005), принятая Советом Безопасности на его 5158-м заседании 31 марта 2005 года // Документ ООН S/RES/1593 (2005), 31 March 2005. § 8; Резолюция 1970 (2011), принятая Советом Безопасности на его 6491-м заседании 26 февраля 2011 года // Документ ООН S/RES/1970 (2011), 26 February 2011. § 7.

необоснованных ожиданий непременного открытия предварительного расследования и одновременно поощряя осуществление уголовных производств на национальном уровне и способствуя предупреждению преступлений»[1633]. Канцелярия Прокурора публикует мотивированные коммюнике о решении прекратить предварительное изучение ситуации либо начать предварительное расследование.

Что касается отрицательных последствий злоупотребления полномочиями или иного поведения, не соответствующего международным стандартам, предъявляемым к работникам прокуратуры, то внутренними документами международных уголовных трибуналов предусмотрены дисциплинарные санкции. В МУС соответствующие нормы содержатся в Правилах о персонале Международного уголовного суда, принятых в 2005 г. Ассамблеей государств-участников[1634]; на персонал МТБЮ и МТР распространялись Правила о персонале Объединенных Наций[1635].

Уставные обвинители международных уголовных судов назначаются либо избираются субъектами международного права или органами этих субъектов и несут ответственность перед ними за принимаемые решения, влияющие на эффективность борьбы с посягательствами на отправление международного уголовного правосудия. Хотя как такового института досрочного прекращения полномочий международных прокуроров нигде не предусмотрено, надо полагать, что при определенных обстоятельствах, когда прокурор не справляется с поставленными перед ним задачами, его мандат может быть прекращен по решению назначившего или избравшего его субъекта.

Из вышеизложенного следует, что в международном праве прокуроры несут ответственность как за правомерность, так и за эффективность своей деятельности. Это утверждение полностью применимо к прокурорам

[1633] ICC Office of the Prosecutor Code of Conduct. §§ 94 - 95.

[1634] International Criminal Court Assembly of States Parties Resolution ICC-ASP/4/3 «Staff Rules». [Электронный ресурс]. 2005. 29 июн. – URL: https://www.icc-cpi.int/ (дата обращения: 26.01.2025).

[1635] ООН: Положения и правила о персонале Организации Объединенных Наций. Бюллетень Генерального секретаря // Документ ООН ST/SGB/2018/1, 2018.

(обвинителям) *amicus curiae*. Вместе с тем, нельзя не заметить, что, ввиду особенностей своего назначения, прокуроры (обвинители) *amicus curiae* не отвечают за результаты своей деятельности перед международным сообществом, хотя их решения могут иметь далеко идущие последствия для реализации ответственности лиц, виновных в наиболее серьезных международно-правовых преступлениях. Ответственность прокуроров *amicus curiae* перед международным сообществом поглощается ответственностью принявшей решение об их назначении Судебной палаты. В свете независимости прокуроров *amicus curiae* подобный расклад представляется не совсем правильным. Стоит, однако, признать, что в контексте действующего международно-правового регулирования другого варианта не дано.

Принцип уважения прав человека. В ходе отправления своих функций прокурор (обвинитель) *amicus curiae* обязан соблюдать общепризнанные права человека. Текст преамбулы Руководящих принципов, касающихся роли лиц, осуществляющих судебное преследование 1990 г., открывается ссылкой на ст. 1 Устава ООН, определяющей в качестве одной из целей организации осуществление «международного сотрудничества в поощрении и развитии уважения к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка и религии». Второй параграф преамбулы отсылает к Всеобщей декларации прав человека 1948 г. в части, провозглашающей равенство всех перед законом, презумпцию невиновности и право каждого на то, чтобы его дело было рассмотрено гласно и с соблюдением всех требований справедливости независимым и беспристрастным судом. Ссылки на эти положения приводятся и в ст. 1 Стандартов профессионального поведения сотрудника Канцелярии Прокурора МТБЮ и МТР 1999 г. Кодекс поведения Канцелярии Прокурора МУС 2013 г. причисляет уважение прав человека и основных свобод, равенства перед законом, презумпции невиновности и права на справедливый суд к пяти основным правилам, регулирующим деятельность сотрудников Канцелярии[1636].

[1636] ICC Office of the Prosecutor Code of Conduct, § 4(8).

Принцип уважения прав человека пронизывает всю систему требований, предъявляемых к прокурору (обвинителю) *amicus curiae*, и реализуется не изолированно, а через совокупность других принципов его деятельности, рассмотренных выше. Так, обязанность раскрывать защите известные обвинению доказательства, включая материалы, способные свидетельствовать в пользу обвиняемого или подрывать достоверность доказательств обвинения, служит не только проявлением принципа объективности[1637], но и прямым инструментом обеспечения права на состязательное разбирательство и равенство сторон. Акт раскрытия доказательств должен иметь место в сроки, разумно позволяющие защите ознакомиться с ними[1638]. Раскрытию подлежат не только доказательства, прямо относящиеся к обстоятельствам уголовного дела, но и сведения, которые касаются приемлемости, достоверности и полноты таких доказательств[1639].

Право на справедливое судебное разбирательство находит выражение и в требованиях к способам собирания доказательств. Прокурор (обвинитель) *amicus curiae* обязан при осуществлении расследования и взаимодействии со свидетелями, государственными органами и иными участниками строго соблюдать применимые нормы международного права и права человека – в частности, запрет пыток, жестокого или унижающего достоинство обращения, право на неприкосновенность частной жизни, тайну корреспонденции и т.д. Доказательства, полученные с нарушением этих требований, в соответствии с подходом, закрепившимся как в практике международных судов, так и в национальных правопорядках, не должны приниматься во внимание при решении вопроса о виновности подсудимого.

Система принципов, регулирующих деятельность прокурора (обвинителя) *amicus curiae*, показывает, что этот институт органически включен в общую нормативно-этическую рамку международного уголовного правосудия:

[1637] *Rowe and Davis v. the United Kingdom* [GC], 28901/95, 16 February 2000, § 60.
[1638] *Leas v. Estonia,* Application № 59577/08, Judgment, 6 March 2012, § 80.
[1639] *Rowe and Davis v. the United Kingdom* [GC], 28901/95, 16 February 2000, § 66; *Mirilashvili v. Russia,* Application № 6293/04, Judgment, 11 December 2008, § 200; *Leas v. Estonia,* Application № 59577/08, Judgment, 6 March 2012, § 81; *Matanović v. Croatia,* Application № 2742/12, Judgment, 4 April 2017, § 161.

независимость, объективность, ответственность, конфиденциальность и уважение прав человека задают пределы его усмотрения и превращают обвинительную функцию из простой процессуальной роли в форму служения целям справедливого суда и защите фундаментальных ценностей международного правопорядка.

§ IV.5. Международно-правовые иммунитеты и привилегии прокурора (обвинителя) *amicus curiae*

К числу существенных пробелов в международно-правовом регулировании института прокурора (обвинителя) *amicus curiae* следует отнести неопределенность вопроса о его иммунитетах и привилегиях. Между тем именно иммунитеты и привилегии выступают одной из важнейших гарантий независимости и эффективного осуществления любых функций в системе международного уголовного правосудия. Отсутствие четкого правового режима в отношении данного участника процесса создает риск произвольного вмешательства во внешней юрисдикции, а следовательно, и давления на осуществление им своих задач.

При определении объема возможных иммунитетов и привилегий прокурора (обвинителя) *amicus curiae* целесообразно опираться на два различных подхода. Первый – статусный (формальный) – исходит из того, что данное лицо не входит в штат соответствующего международного уголовного суда или трибунала и, следовательно, выступает по отношению к нему в качестве «третьего» субъекта. Второй – функциональный – исходит из материального содержания его полномочий: наделение его задачей поддержания обвинения по делам о преступлениях против отправления правосудия объективно сближает его по роли и объему ответственности с уставными прокурорами международных уголовных судов.

Действующее договорное регулирование в области международного уголовного правосудия подробно определяет иммунитеты и привилегии судей, прокуроров и их заместителей, секретариата и персонала суда, а также адвокатов,

свидетелей, экспертов, потерпевших и «лиц, присутствие которых требуется в месте пребывания суда»[1640]. По своему формальному статусу прокурор (обвинитель) *amicus curiae* мог бы быть отнесен к последней из указанных категорий. Однако прежде, чем делать окончательный вывод о допустимости такого отождествления, необходимо установить точное международно-правовое содержание данной категории, а также сопоставить ее с объемом полномочий и процессуальной ролью прокурора (обвинителя) *amicus curiae*.

В Соглашении между Международным уголовным судом и Нидерландами о штаб-квартире Международного уголовного суда, вступившем в силу 1 марта 2008 г., Соглашении о привилегиях и иммунитетах Международного уголовного суда, принятом Ассамблеей государств-членов 9 сентября 2002 г., а также в Соглашении между Организацией Объединенных Наций и Нидерландами о штаб-квартире Специального трибунала по Ливану от 21 декабря 2007 г. такие лица приравниваются с точки зрения объема предоставляемых им иммунитетов и привилегий к потерпевшим [1641]. Это решение объясняется тем, что в отсутствие каких-либо указаний в Римском статуте относительно лиц, подпадающих под эту категорию, «Рабочей группе [по разработке проекта Соглашения о штаб-квартире Международного уголовного суда] оставалось только предположить, что речь идет о лицах, сопровождающих свидетелей и/или потерпевших»[1642]. Исходя из приведенных соображений, можно предположить, что разработчики Соглашения исходили из намерения ограничить действие норм о «лицах, присутствие которых требуется в месте пребывания суда» кругом лиц, сопровождающих свидетелей и потерпевших. Такое толкование, если принять его безоговорочно, действительно исключало бы возможность распространения данного режима на прокуроров *amicus curiae*. Однако столь узкое понимание, опирающееся

[1640] См., например: ст. 48 Римского статута МУС 1998 года.

[1641] ООН: Проект соглашения о привилегиях и иммунитетах Международного уголовного суда / Ассамблея государств ó участников Римского статута Международного уголовного суда. Первая сессия. Нью-Йорк, 3 - 10 сентября 2002 года. Официальные отчеты // Документ ООН ICC-ASP/1/3, 2002. С. 238-255.

[1642] *Mochochoko Ph.* The Agreement on Privileges and Immunities of the International Criminal Court // Fordham International Law Journal. 2001. Vol.25(6). P. 661.

исключительно на реконструкцию предполагаемого намерения составителей текста, не может считаться единственно допустимым с точки зрения норм о толковании международных договоров.

Во-первых, анализ самих текстов упомянутых соглашений в свете требований добросовестного толкования показывает, что используемое в них обозначение не содержит прямого ограничения по кругу лиц и допускает более широкое понимание. Ни буквальное значение термина, ни контекст его употребления не позволяют однозначно свести его лишь к лицам, сопровождающим свидетелей и потерпевших.

Во-вторых, следует иметь в виду, что договорные положения, касающиеся МУС, представляют собой лишь один из возможных вариантов конкретизации части 4 статьи 48 Римского статута и не исчерпывают всех допустимых способов ее толкования. Указанная норма не устанавливает пределов охвата понятия «лица, присутствие которых требуется в месте пребывания Суда» и не содержит указаний, позволяющих сделать однозначный вывод о том, что при составлении или подписании Статута в него вкладывалось именно столь ограниченное содержание.

В-третьих, на более широкое содержание рассматриваемого понятия указывает и практика других международных уголовных трибуналов. Так, Устав МТБЮ предусматривает распространение данного режима привилегий и иммунитетов на обвиняемых[1643].

Сказанное позволяет утверждать, что под категорию «лиц, присутствие которых требуется в месте пребывания суда» могут подпадать и прокуроры (обвинители) *amicus curiae*.

Лицам, присутствие которых требуется в месте пребывания Суда, обеспечивается «такой статус, который является необходимым для надлежащего функционирования суда»[1644]. Он подразумевает: (1) иммунитет от ареста и задержания, а также любого другого ограничения свободы в связи с деяниями или

[1643] Часть 4 ст. 30 Устава МТБЮ.
[1644] Там же; см. также ч. 4 ст. 48 Римского статута МУС 1998 года.

убеждениями, имевшими место до их прибытия на территорию принимающего государства[1645]; (2) неприкосновенность личного багажа, кроме случаев, когда имеются серьезные основания полагать, что в нем содержатся предметы, ввоз или вывоз которых на территорию принимающего государства законодательно запрещен либо подлежит контролю в соответствии с карантинными мерами[1646]; (3) иммунитет от уголовной, гражданской, административной и иной юрисдикции в связи с устными или письменными заявлениями и действиями, совершенными ими в официальном качестве, который продолжает действовать после окончания их полномочий[1647]; (4) неприкосновенность документов и материалов в любой форме, имеющих отношение к их официальным функциям[1648]; (5) освобождение от иммиграционных ограничений и регистрации в качестве иностранца, если пребывание на территории принимающего государства связано с отправлением официальных функций[1649]; (6) свободу от применения принимающим государством любых мер, которые могут повлиять на возможность их присутствия в суде[1650]. При этом таким лицам нужно иметь документ, выданный судом, подтверждающий необходимость их присутствия в месте его пребывания и указывающий временной период, в течение которого такая необходимость будет актуальна[1651]. Иммунитеты и привилегии прекращают действовать по истечении 15 дней с момента прекращения такой необходимости[1652].

Прокуроры (обвинители) *amicus curiae* трибуналов, учреждаемых Советом Безопасности ООН (таких как МТБЮ и МТР), также могут рассматриваться как

[1645] Article 27(1)(a), Headquarters Agreement between the International Criminal Court and the Host State. Approved by the Assembly of States Parties to the Rome Statute, ICC-BD/04-01-0. [Электронный ресурс]. // The Hague, Netherlands, 2004. – URL: https://legal.un.org/icc/apic/apic_r.pdf (дата обращения: 26.01.2025). – Язык: английский.
[1646] Article 27(1)(b), ICC Headquarters Agreement.
[1647] Article 27(1)(c), ICC Headquarters Agreement.
[1648] Article 27(1)(d), ICC Headquarters Agreement.
[1649] Article 27(1)(e), ICC Headquarters Agreement.
[1650] Article 24(1), Agreement between the Kingdom of the Netherlands and the United Nations concerning the Headquarters of the Special Tribunal for Lebanon. Подписан 21 декабря 2007 г., Документ ООН S/2008/173. [Электронный ресурс]. (STL Headquarters Agreement). – URL: https://unsco.unmissions.org/ (дата обращения: 26.01.2025).
[1651] Article 29(2), ICC Headquarters Agreement.
[1652] Article 29(3), ICC Headquarters Agreement.

«лица, выполняющие их (трибуналов) поручения» – «лица, выполняющие некоторые поручения трибуналов на стадиях расследования или уголовного преследования либо в ходе рассмотрения дел в первой или апелляционной инстанциях»[1653]. На них распространяются положения Статей VI и VII Конвенции о привилегиях и иммунитетах Объединенных Наций от 13 февраля 1946 г. об экспертах в командировках по делам Объединенных Наций и пропусках Объединенных Наций[1654]. Они пользуются такими привилегиями и иммунитетами, которые необходимы для независимого выполнения их функций в течение срока действия их мандата, включая время, потраченное на поездки в связи с командировками. В частности им предоставляется: (1) иммунитет от личного ареста или задержания и от наложения ареста на их личный багаж; (2) всякого рода судебно-процессуальный иммунитет в отношении всего сказанного или написанного ими и совершенного ими при исполнении служебных обязанностей, который продолжает действовать даже после окончания их мандата; (3) неприкосновенность всех бумаг и документов; (4) право пользоваться шифром и получать бумаги или корреспонденцию посредством курьеров или вализ для сношений с Объединенными Нациями; (5) те же льготы в отношении ограничений обмена денег или валюты, какие предоставляются представителям иностранных правительств, находящихся во временных служебных командировках; (6) те же иммунитеты и льготы в отношении их личного багажа, какие предоставляются дипломатическим представителям.

Если исходить из статусного подхода к определению объема иммунитетов и привилегий прокурора (обвинителя) *amicus curiae,* то есть рассматривать его исключительно как «лицо, присутствие которого требуется в месте пребывания Суда», то необходимо признать, что он оказывается в менее благоприятном положении по сравнению с защитниками. Последние могут дополнительно

[1653] Article 1(o), ICTY Headquarters Agreement; article 1(o), Agreement between the United Nations and the United Republic of Tanzania concerning the Headquarters of the International Tribunal for Rwanda. Signed 31 August 1995, Документ ООН S/1995/533. [Электронный ресурс]. (ICTR Headquarters Agreement). – URL: https://www.irmct.org/ (дата обращения: 26.01.2025).

[1654] Article XVII (1), ICTY Headquarters Agreement; article XVII (1), ICTR Headquarters Agreement.

претендовать, например, на льготы по репатриации во время международных кризисов, предусмотренные Венской конвенций о дипломатических сношениях от 18 апреля 1961 года[1655]. Такая ситуация затрагивает фундаментальный принцип равенства сторон в международном уголовном производстве.

Ф. Мочочоко пишет, что для соблюдения этого принципа при разработке проекта Соглашения о привилегиях и иммунитетах Международного уголовного суда было принято решение толковать широко формулировку части 4 ст. 48 Римского статута в отношении защитников, согласно которой им «обеспечивается такой статус, какой является необходимым для надлежащего функционирования Суда», и высказывалось предложение понимать ее как предоставляющую защитникам точно такой же объем иммунитетов и привилегий, что и Прокурору[1656]. В сложившихся условиях более обоснованным и справедливым представляется функциональный подход к определению объема иммунитетов и привилегий прокуроров (обвинителей) *amicus curiae*.

В основе функционального подхода к определению объема иммунитетов и привилегий прокурора (обвинителя) *amicus curiae* лежит исходное положение о том, что одинаковым по своему содержанию функциям должен соответствовать сопоставимый объем международно-правовых гарантий. Такой подход опирается на общепризнанный принцип, согласно которому функциональные иммунитеты и привилегии предоставляются не ради личной выгоды отдельных лиц, а исключительно в целях обеспечения эффективного осуществления возложенных на них функций. Следовательно, при решении вопроса об объеме иммунитетов прокурора (обвинителя) *amicus curiae* отправной точкой должен служить не формальный статус этого лица, а характер и объем его полномочий в рамках международного уголовного процесса.

Методологически это означает необходимость сравнительного анализа функций прокурора (обвинителя) *amicus curiae* и функций иных участников международного уголовного судопроизводства, прежде всего уставного органа

[1655] Article XIX, ICTY Headquarters Agreement; article 22, STL Headquarters Agreement; article 25, ICC Headquarters Agreement.

[1656] *Mochochoko Ph., op.cit.,* p. 655.

обвинения. Поскольку функции прокурора (обвинителя) *amicus curiae* по существу совпадают с функциями уставного обвинителя международных уголовных трибуналов, функциональный подход ведет к выводу о необходимости распространения на него режима иммунитетов и привилегий, который не ставил бы его в заведомо менее защищенное положение и позволял бы выполнять те же функции с тем же уровнем независимости и безопасности.

В международном уголовном праве режим иммунитетов и привилегий последних в общем унифицирован и регулируется в следующих международно-правовых актах: (1) уставы международных уголовных трибуналов; (2) соглашения с принимающим государством о штаб-квартире международных уголовных трибуналов; (3) Венская конвенция о дипломатических сношениях от 18 апреля 1961 г.; (4) в отношении Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии и Международного уголовного трибунала по Руанде – Конвенция о привилегиях и иммунитетах Объединенных Наций от 13 февраля 1946 г.; (5) в отношении Международного уголовного суда – Соглашение о привилегиях и иммунитетах Международного уголовного суда, принятое на первой сессии Ассамблеи государств-участников Римского статута в сентябре 2002 г.

Прокуроры международных уголовных трибуналов пользуются иммунитетами и привилегиями в объеме, предоставляемом в международном праве главам дипломатических представительств[1657] либо дипломатическим агентам[1658]. В этом плане они приравниваются к судьям международных судов. Прокурор и заместитель Прокурора Международного уголовного суда пользуются этими иммунитетами «когда они участвуют в деятельности Суда или в отношении такой деятельности»[1659]. Им гарантируется: (1) личная

[1657] Часть 2 ст. 48 Римского статута МУС; ч. 2 ст. 30 Устава МТБЮ; article 17(1), STL Headquarters Agreement.

[1658] Article 12(1), Agreement between the United Nations and the Government of Sierra Leone on the Establishment of a Special Court for Sierra Leone. Signed 16 January 2002, Документ ООН S/2002/142. [Электронный ресурс]. (SCSL Establishment Agreement). – URL: https://www.rscsl.org/Documents/scsl-agreement.pdf (дата обращения: 26.01.2025); Article XIV(1), ICTY Headquarters Agreement.

[1659] Часть 2 ст. 48 Римского статута МУС.

неприкосновенность, включая иммунитет от ареста и задержания, а также любого другого ограничения свободы[1660]; (2) иммунитет от уголовной, гражданской и административной юрисдикции в отношении деяний, совершенных как в официальном, так и в личном качестве[1661]; (3) неприкосновенность всех бумаг, документов в любой форме и материалов[1662]; (4) освобождение от государственных служебных повинностей[1663]; (5) освобождение, вместе с женами и родственниками, находящимися на их иждивении, от ограничений по иммиграции и от регистрации иностранцев[1664]; (6) оклады, вознаграждения и пособия, выплачиваемые Судом Прокурору и заместителям Прокурора, освобождаются от налогообложения[1665]; (7) те же льготы в отношении ограничений обмена денег или валюты, какие предоставляются дипломатическим агентам[1666]; (8) иммунитеты и льготы в отношении личного багажа, которые предоставляются дипломатическим агентам, вместе с женами и родственниками, находящимися на их иждивении[1667]; (9) пользование вместе со своими женами и родственниками, состоящими на их иждивении, теми же льготами по репатриации, какими пользуются дипломатические представители во время международных кризисов[1668]; (10) пользование вместе со своими женами и

[1660] Article 12(1)(a), SCSL Establishment Agreement; article 17(1)(a), STL Headquarters Agreement; article 17(1)(a), ICC Headquarters Agreement; Article XIV(1)(a), ICTY Headquarters Agreement; article XIV(1)(a), ICTR Headquarters Agreement.

[1661] Article 12(1)(b), SCSL Establishment Agreement; article 17(1)(b), STL Headquarters Agreement; article 17(1)(b), ICC Headquarters Agreement; Article XIV(1)(b), ICTY Headquarters Agreement; article XIV(1)(b), ICTR Headquarters Agreement.

[1662] Article 12(1)(c), SCSL Establishment Agreement; article 17(1)(c), STL Headquarters Agreement; article 17(1)(c), ICC Headquarters Agreement; Article XIV(1)(c), ICTY Headquarters Agreement; article XIV(1)(c), ICTR Headquarters Agreement.

[1663] Article 17(1)(d), STL Headquarters Agreement; article 17(1)(d), ICC Headquarters Agreement.

[1664] Article 12(1)(d), SCSL Establishment Agreement; article 17(1)(e), STL Headquarters Agreement; article 17(1)(e), ICC Headquarters Agreement; Article XIV(1)(d), ICTY Headquarters Agreement; article XIV(1)(d), ICTR Headquarters Agreement.

[1665] Article 12(1)(f), SCSL Establishment Agreement; article 17(1)(f), STL Headquarters Agreement; article 17(1)(f), ICC Headquarters Agreement.

[1666] article 17(1)(g), STL Headquarters Agreement; article 17(1)(g), ICC Headquarters Agreement; Article XIV(1)(e), ICTY Headquarters Agreement; article XIV(1)(e), ICTR Headquarters Agreement

[1667] Article 12(1)(e), SCSL Establishment Agreement; article 17(1)(h), STL Headquarters Agreement; article 17(1)(h), ICC Headquarters Agreement; Article XIV(1)(f), ICTY Headquarters Agreement; article XIV(1)(f), ICTR Headquarters Agreement.

[1668] Article 17(1)(i), STL Headquarters Agreement; article 17(1)(i), ICC Headquarters Agreement.

родственниками, состоящими на их иждивении, правом беспрепятственного въезда, выезда и перемещения по территории принимающего государства в той мере, в которой это необходимо для целей Суда[1669]. Системные прокуроры также освобождаются от всех государственных, районных и муниципальных налогов, сборов и пошлин в отношении своей резиденции, собственной или наемной, кроме таких налогов, сборов и пошлин, которые представляют собой плату за конкретные виды обслуживания[1670]. Они не обязаны давать показания в качестве свидетеля.

Прокурор, являющийся гражданином или постоянно проживающий в принимающем государстве, пользуется следующими иммунитетами и привилегиями в той мере, в которой это необходимо для независимого отправления им своих полномочий: (1) иммунитет от ареста и задержания, а также любого другого ограничения свободы[1671]; (2) иммунитет от судебной ответственности за сказанное или написанное ими и за все действия, совершенные ими в официальном качестве[1672]; (3) неприкосновенность всех бумаг, документов в любой форме и материалов, имеющих отношение к их полномочиям в качестве должностного лица трибунала[1673]; (4) право получать из трибунала и отправлять в трибунал корреспонденцию в любом виде[1674]; (5) право ввезти беспошлинно свою мебель и имущество при первоначальном занятии должности в принимающем государстве[1675]; (6) оклады, вознаграждения и пособия, выплачиваемые Судом Прокурору и заместителям Прокурора, освобождаются от налогообложения[1676].

Сотрудники Канцелярий Прокурора международных трибуналов уровня P-5 и выше пользуются иммунитетами и привилегиями в объеме, предоставляемом в

[1669] Article 17(1)(j), STL Headquarters Agreement; article 17(1)(j), ICC Headquarters Agreement
[1670] Ч. 1 ст. 23, Венская конвенция о дипломатических сношениях. // Действующее международное право: Сборник документов. Т. 1. М.: БЕК, 1970. С. 242-243.
[1671] Article 17(5)(a), STL Headquarters Agreement; article 17(7)(a), ICC Headquarters Agreement.
[1672] Article 17(5)(b), STL Headquarters Agreement; article 17(7)(b), ICC Headquarters Agreement.
[1673] Article 17(5)(c), STL Headquarters Agreement; article 17(7)(c), ICC Headquarters Agreement.
[1674] Article 17(5)(e), STL Headquarters Agreement; article 17(7)(d), ICC Headquarters Agreement.
[1675] Article 17(5)(f), STL Headquarters Agreement; article 17(7)(e), ICC Headquarters Agreement.
[1676] Article 17(5)(d), STL Headquarters Agreement.

международном праве дипломатическим агентам[1677] (в Международном уголовном трибунале по Руанде – уровня P-4 и выше[1678]), уровня P-4 и ниже – в объеме, предоставляемом административному и техническому персоналу дипломатических представительств[1679]; а международных трибуналов, входящих в систему Организации Объединенных Наций – дополнительно в объеме, предоставляемом должностным лицам этой организации[1680]. Всем категориям сотрудников из числа иностранных граждан гарантируется: (1) иммунитет от ареста, задержания и любого другого ограничения свободы, а также от ареста личного багажа[1681]; (2) иммунитет от судебной ответственности за сказанное или написанное ими и за все действия, совершенные ими в официальном качестве[1682]; (3) неприкосновенность всех бумаг, документов в любой форме и материалов[1683]; (4) оклады, вознаграждения и пособия, выплачиваемые им судом, освобождаются от налогообложения[1684]; (5) освобождение от государственных служебных повинностей[1685]; (6) освобождение, вместе с женами и родственниками, находящимися на их иждивении, от ограничений по иммиграции и от регистрации иностранцев[1686]; (7) освобождение от досмотра личного багажа, если нет серьезных оснований предполагать, что он содержит предметы, ввоз или вывоз которых запрещен законом или регулируется карантинными правилами принимающего государства. Такой досмотр должен производиться только в

[1677] Article 18(2), STL Headquarters Agreement; article 18(2), ICC Headquarters Agreement; Article XV(2), ICTY Headquarters Agreement.
[1678] Article XV(2), ICTR Headquarters Agreement.
[1679] Article 18(3), ICC Headquarters Agreement; article 18(3), STL Headquarters Agreement.
[1680] Часть 3 ст. 30 Устава МТБЮ.
[1681] Article 18(1)(a), STL Headquarters Agreement; article 17(7)(a), ICC Headquarters Agreement; article 18(1)(a), ICC Headquarters Agreement.
[1682] Article 13(1)(a), SCSL Establishment Agreement; article 18(1)(b), STL Headquarters Agreement; article 18(1)(b), ICC Headquarters Agreement; Article XV(1)(a), ICTY Headquarters Agreement; article XV(1)(a), ICTR Headquarters Agreement.
[1683] Article 18(1)(c), STL Headquarters Agreement; article 18(1)(c), ICC Headquarters Agreement.
[1684] Article 13(1)(b), SCSL Establishment Agreement; article 18(1)(d), STL Headquarters Agreement; article 18(1)(d), ICC Headquarters Agreement; Article XV(1)(b), ICTY Headquarters Agreement; article XV(1)(b), ICTR Headquarters Agreement.
[1685] Article 18(1)(e), STL Headquarters Agreement; article 18(1)(e), ICC Headquarters Agreement; Article XV(1)(c), ICTY Headquarters Agreement; article XV(1)(c), ICTR Headquarters Agreement.
[1686] Article 13(2)(a), SCSL Establishment Agreement; article 18(1)(f), STL Headquarters Agreement; article 18(1)(f), ICC Headquarters Agreement; Article XV(1)(d), ICTY Headquarters Agreement; article XV(1)(d), ICTR Headquarters Agreement.

присутствии данного лица[1687]; (8) те же льготы в отношении ограничений обмена денег или валюты, какие предоставляются дипломатическим агентам[1688]; (9) пользуются вместе со своими женами и родственниками, состоящими на их иждивении, теми же льготами по репатриации, какими пользуются дипломатические представители во время международных кризисов[1689]; (10) право ввезти беспошлинно свою мебель и имущество при первоначальном занятии должности в принимающем государстве и беспошлинно вывезти ее в государство своего постоянного проживания[1690]. При этом для сотрудников уровня P-4 и ниже иммунитет от уголовного преследования и право на личную неприкосновенность распространяются только на деяния, совершенные ими в официальном качестве.

Сотрудники Канцелярии Прокурора МТР, не имеющие гражданства государства пребывания, дополнительно пользовались следующими привилегиями, в соответствии с Соглашением между Организацией Объединенных Наций и Танзанией о штаб-квартире[1691]: (1) право беспошлинного ввоза отдельных товаров для личного потребления в ограниченном количестве, в соответствии с действующими правилами принимающего государства; (2) право беспошлинного ввоза механического транспортного средства, в соответствии с правилами принимающего государства, применимыми к дипломатическим агентам; (3) право беспошлинного вывоза механического транспортного средства по окончании работы в Танзании; (4) право на другие иммунитеты, привилегии и льготы, о которых стороны договорятся.

Можно предположить, что причина совпадения иммунитетов дипломатических агентов и прокуроров международных судов связана со

[1687] Article 18(1)(g), ICC Headquarters Agreement.
[1688] Article 18(1)(g), STL Headquarters Agreement; article 18(1)(h), ICC Headquarters Agreement; Article XV(1)(e), ICTY Headquarters Agreement; article XV(1)(e), ICTR Headquarters Agreement.
[1689] Article 18(1)(h), STL Headquarters Agreement; article 18(1)(i), ICC Headquarters Agreement; Article XV(1)(f), ICTY Headquarters Agreement; article XV(1)(f), ICTR Headquarters Agreement.
[1690] Article 13(1)(b), SCSL Establishment Agreement; article 18(1)(i), STL Headquarters Agreement; article 18(1)(j), ICC Headquarters Agreement; Article XV(1)(g), ICTY Headquarters Agreement; article XV(1)(g), ICTR Headquarters Agreement.
[1691] Article XV(1)(a)-(d), ICTR Headquarters Agreement.

схожими условиями работы: необходимостью переезжать в иностранное государство, проживать в нем на постоянной основе в течение длительного времени. Все это делает соответствующих лиц более уязвимыми для внешнего воздействия со стороны принимающего государства, чем тех, кто находится на его территории в рамках временной миссии, и требует повышенных гарантий в виде дополнительных иммунитетов и привилегий.

Процессы в связи с преступлениями против отправления международного уголовного правосудия могут продолжаться несколько лет. Например, обвинительное заключение по делу «Прокурор против Кармы Мохамед Тахсин аль Хаят и Аль Джадид С.А.Л.» было утверждено 31 января 2014 г. Окончательный приговор был вынесен в апелляционной инстанции 8 марта 2016 г. В деле «Прокурор против Ф.Хартман» первое обвинительное заключение было утверждено 27 августа 2008 г., а приговор в апелляционной инстанции вынесен лишь 19 июля 2011 г. Сторона обвинения по этим делам была представлена прокурорами (обвинителями) *amicus curiae*. В деле «Бемба и другие» с момента утверждения обвинительного заключения и до вынесения приговора в апелляционной инстанции прошло около 4 лет. Средний срок пребывания дипломата в длительной заграничной командировке составляет от трех до четырех лет. Нет никаких оснований к тому, чтобы, выполняя функции, аналогичные функциям сотрудников органов обвинения международных уголовных трибуналов и будучи вынужденным постоянно проживать в принимающем государстве в течение времени, которое соответствует в среднем срокам продолжительности миссии дипломатического агента, прокурор (обвинитель) *amicus curiae* пользовался меньшим объемом иммунитетов и привилегий, несмотря на свой статус третьего лица.

Работа прокуроров (обвинителей) *amicus curiae* может быть связана с краткосрочными зарубежными командировками для сбора доказательств, например, допроса свидетелей. Важно, чтобы для целей осуществления и в ходе этих командировок они также пользовались иммунитетами и привилегиями, необходимыми для их беспрепятственного и эффективного протекания. Для

поездок прокурору, заместителю прокурора, сотрудникам канцелярии прокурора выдаются пропуска ООН либо проездные документы, которые государства-участники обязуются признавать в качестве действующих[1692]. Государства также обязуются рассматривать просьбы о выдаче виз (где они требуются) владельцам таких пропусков и документов визы в кратчайший срок и на безвозмездной основе, равно, как и «лицам, присутствие которых требуется в месте пребывания суда»[1693].

Международно-правовыми актами предусмотрена выдача пропусков Организации Объединенных Наций «персоналу» (англ. *staff*) или «должностным лицам» (англ. *officials*) международных уголовных судов. В этой связи необходимо сделать отступление и провести анализ международно-правового содержания указанных понятий, с тем чтобы установить, допускает ли их объем распространение на прокуроров (обвинителей) *amicus curiae*.

Термин «персонал» (*staff*) широко применяется в уставах международных уголовных трибуналов. В Уставах МТБЮ и МТР он употребляется исключительно для обозначения сотрудников Канцелярии Прокурора и Секретариата, назначаемых Генеральным секретарем ООН по представлению Прокурора и Секретаря соответственно. В Римском статуте МУС этот термин приобретает несколько более широкое значение. В статье 44 Статута он используется для обозначения сотрудников Канцелярии Прокурора и Секретариата, а также специалистов, прикомандированных на безвозмездной основе государствами-участниками, международными межправительственными и неправительственными организациями. Эта статья распространяется и на сотрудников Президиума и судебных отделений, например, на помощников судей. Так, в ст. 1 Соглашения о штаб-квартире МУС «персонал Суда» определяется как «персонал Секретариата и Канцелярии Прокурора в

[1692] Article 29, ICC Immunities Agreement; в отношении должностных лиц Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии и Международного уголовного трибунала по Руанде см.: раздел 24 Статьи VII, Конвенция о привилегиях и иммунитетах Организации Объединенных Наций // Действующее международное право: Сборник документов. Т. 1. М.: БЕК, 1962. С. 52.

[1693] Article 30, ICC Immunities Agreement.

соответствии со ст. 44 Статута. Персонал Секретариата включает персонал Президиума и Судебный отделений, а также персонал Секретариата Ассамблеи государств-членов МУС». В ст. 12 Соглашения о взаимодействии между МУС и ООН специально оговаривается, что под персоналом Секретариата для целей выдачи пропусков ООН следует понимать также персонал Президиума и Судебных отделений и персонал Секретариата Ассамблеи государств-членов МУС[1694]. Помимо этого, параграф 10 Внутреннего циркуляра Секретариата МУС о пропусках ООН относит к персоналу Секретариата еще и персонал Отдела правовой помощи, предусмотренного ч. 2 нормы 77 Регламента Суда, персонал Отдела правовой помощи потерпевшим, предусмотренного ч. 2 нормы 81 Регламента и персонал Целевого фонда возмещения ущерба потерпевшим, предусмотренного параграфом 2 Резолюции ICC-ASP/3/Res.7[1695]. В 2003 г. Ассамблеей государств-участников было принято Положение о персонале, которое касается всех лиц, подпадающих под действие ст. 44 Статута[1696].

Соотношение терминов «персонал» и «должностное лицо» претерпело определенную эволюцию. На этапе создания МТБЮ их содержание полностью совпадало: в Соглашении о штаб-квартире МТБЮ под «должностными лицами трибунала» предлагалось понимать «персонал Канцелярии Прокурора в соответствии с параграфом 5 статьи 16 Устава и персонал Секретариата в соответствии с параграфом 4 статьи 17 Устава»[1697]. В Соглашении о взаимодействии между МУС и ООН эти понятия приводятся уже через знак «косая черта», который употребляется в функции, близкой к союзам *и* и *или*, как знак альтернативности понятий[1698]. Сегодня понятие «должностное лицо» шире

[1694] The Negotiated Relationship Agreement between the International Criminal Court and the United Nations. Принят в октябре 2004 г. (ICC-UN Relationship Agreement). [Электронный ресурс]. – URL: https://www.un.org/ (дата обращения: 26.01.2025).

[1695] International Criminal Court Document ICC/INF/2015/008 «Information Circular on the United Nations Laissez-Passer». [Электронный ресурс]. 2015. 19 мар. (Information Circular on the United Nations Laissez-Passer). § 10. – URL: https://www.icc-cpi.int/ (дата обращения: 26.01.2025).

[1696] International Criminal Court Assembly of States Parties Resolution ICC-ASP/2/Res.2 «Staff Regulations». [Электронный ресурс]. 2003 (ICC Staff Regulations). – URL: https://www.icc-cpi.int/ (дата обращения: 26.01.2025).

[1697] Article 1(n), ICTY Headquarters Agreement.

[1698] См.: Article 12, ICC-UN Relationship Agreement.

понятия «персонал» и включает его в себя: в Соглашении о штаб-квартире МУС «должностные лица» определяются как «судьи, Прокурор, заместители Прокурора, Секретарь, заместитель Секретаря **и** персонал Суда»[1699].

Есть основания полагать, что в самом Римском статуте термин «должностное лицо» употребляется в еще более широком значении. Он используется в статье 70 Статута, посвященной преступлениям против отправления правосудия, однако не раскрывается ни в самом Статуте, ни в других актах, регулирующих деятельность МУС. Д. Пирагофф высказывает предположение, что под должностными лицами подразумеваются представители органов Суда, перечисленных в статье 34 Статута, а именно: Президиума, Апелляционного отделения, Судебного отделения, Отделения предварительного производства, Канцелярии Прокурора и Секретариата[1700]. Однако данный автор не уточняет, кто именно может считаться представителем каждого из этих органов и каковы критерии такого представительства.

Сравнительный анализ равноаутентичных текстов статьи 70 Статута обнаруживает примечательные расхождения в способах выражения понятия «должностное лицо» на различных языках. Во французском тексте понятию «должностное лицо Суда» (англ., «*official of the Court*», исп., «*funcionario de la Corte*», араб. «رسمي», кит. «官员») соответствуют сразу два термина: *membre de la Cour* и *agent de la Cour*. «*Membre*» – дословно «член» – переводится как «лицо, которое является частью какого-нибудь сообщества, группы, семьи, клуба»[1701]. По аналогии с устоявшимися выражениями *membre du Parlement* (член законодательного собрания) или *membre de l'Académie française* (член Французской академии), «членом Суда» следует считать лиц, формально включенных в штат любого из его органов. По существу, *membre de la Cour* является синонимом понятия «должностное лицо» – лицо, официально замещающее определенную должность. Члены Суда являются персоналом в

[1699] Article 1(j), ICC Headquarters Agreement.
[1700] *Piragoff D., op.cit.*, p. 1340.
[1701] Membre. [Электронный ресурс]. // Dictionnaires de français. Larousse: сайт. – URL: http://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/membre/50386 (дата обращения: 19.05.2025).

смысле ст. 44 Статута и Положения о персонале. Во французском тексте Положения члены персонала в смысле ст. 44 именуются должностными лицами – *fonctionnaire*.

Иначе обстоит дело с лицами, привлекаемыми на срочной договорной основе для выполнения отдельных задач. Они не подпадают под категорию «член Суда», даже если на период действия договора Суд является их единственным работодателем: это специально оговаривается в положении 4.7 Положения о персонале[1702]. Такие лица будут «агентами Суда» – «*agent de la Cour*». Содержание понятия «агент» в данном контексте раскрывается наиболее ясно через гражданско-правовой институт представительства: агент – это лицо, которое за вознаграждение совершает действия в интересах и по поручению Суда. Таким образом, любое должностное лицо является агентом, но не всякий агент Суда является его должностным лицом. К числу агентов, не являющихся должностными лицами, относятся, например, специальные советники Прокурора по военным преступлениям, преступлениям против человечности, защите детей, затронутых вооруженными конфликтами, и др.

Для целей настоящего анализа особое значение имеет позиция МС ООН, выраженная в Консультативном заключении о возмещении ущерба, причиненного на службе Организации Объединенных Наций (1949 г.): «Суд рассматривает понятие “агент” максимально широко, т.е. как охватывающее любого, кому органом организации было поручено осуществлять либо содействовать в осуществлении ее функций, будь то на возмездной или безвозмездной основе, постоянно или временно. Иными словами, агент – это любое лицо, через которое действует организация»[1703]. Прокурор (обвинитель) *amicus curiae*, назначаемый судебными палатами международных уголовных трибуналов для осуществления расследования и поддержания обвинения по делам о преступлениях против отправления правосудия, безусловно, подпадает под данное определение.

[1702] ICC Staff Regulations: «Консультанты, лица, нанятые на индивидуальной договорной основе, стажеры и иные лица могут быть наняты на условиях, определяемых Секретарем Суда или Прокурором соответственно. Все они не относятся к персоналу для целей настоящего Положения».

[1703] Reparation for Injuries Opinion., p. 177.

Соглашаясь на сотрудничество с международным уголовным судом или трибуналом, агенты подвергают себя не меньшему риску, нежели лица, занимающие штатные должности, и потому вправе рассчитывать на равную защиту своих интересов. Вмешательство в их деятельность может представлять угрозу отправлению правосудия, сопоставимую по своей серьезности с воздействием на уставных прокуроров или судей.

По этой причине наиболее обоснованным представляется толкование, основанное на французском тексте Статута, ибо оно обеспечивает защиту интересов не только узкого круга штатных должностных лиц Суда, но и всех лиц, имеющих отношение к выполнению его функций, включая прокуроров (обвинителей) *amicus curiae*. «Агент суда» также может толковаться более широко как «*officer of the Court*» – «представитель» Суда, лицо, способствующее отправлению правосудия. В англосаксонской правовой традиции под этим термином понимается любое лицо, имеющее отношение к судебной системе и несущее обязанность способствовать должному отправлению правосудия, включая судей, судебных приставов, защитников и др.[1704] Наиболее часто данное понятие употребляется именно для характеристики адвокатов: интересы их подзащитных нередко расходятся с интересами общества, гарантируемыми судебной системой, однако, будучи «представителями» этой системы, защитники обязаны действовать в рамках установленных ею правил[1705] – например, в странах общего права – в части недопустимости сокрытия либо неполного раскрытия доказательств.

Понятие «*officer of the Court*» встречается в практике МТБЮ по делам о неуважении к суду, например, в решении по делу «Прокурор против Разич»[1706]. Как подчеркнули судьи, «лица, участвующие в процессе со стороны защиты, обязаны действовать добросовестно и целиком и полностью соблюдать применимые нормы права и правила. Несомненно, эта обязанность лежит на

[1704] См. например*: Gateke E.* Lawyers as Officers of the Court // Vanderbilt Law Review. 1989. Vol. 42. P.42.-43.

[1705] *Ibid.*, p. 49.

[1706] *Prosecutor v. Jelena Rasić* (IT-98-32/1-R77.2), Written Reasons for Oral Sentencing Judgment, 6 March 2012 (*Rasić* Judgment), §§ 10–13.

любом лице, которое в силу своей профессиональной деятельности участвует в отправлении правосудия трибуналом. Будучи служителями правосудия[1707], они обязаны в любое время чтить эту обязанность и никогда не позволять себе нарушать закон в отношении третьих лиц, таких как потенциальные свидетели»[1708].

Представляется, однако, что защитники не являются ни должностными лицами международных уголовных судов, ни их агентами в строгом международно-правовом смысле. Во-первых, представительство интересов обвиняемых не относится к функциям судебных органов как таковых. Во-вторых, оказание защитниками услуг осуществляется на основании договоренности с подзащитным, а не с судом; их мандат проистекает из воли подзащитного, а не из полномочий, делегированных судебным учреждением.

В этой связи следует, однако, сделать оговорку. В соответствии с положением 77 Положения о Суде в рамках Секретариата был создан Отдел правовой помощи. Его сотрудники принимаются на работу в обычном порядке, предусмотренном для замещения вакантных должностей в системе МУС[1709]. Ими одновременно выполняются административная и представительская функции. В рамках административной функции они могут выступать медиаторами в спорах между подозреваемым или обвиняемым и его защитником, организовывать для защитников обучающие семинары по теории международного уголовного права, создавать и поддерживать базу данных для защитников. В рамках представительской функции они могут выступать в качестве защитников интересов подозреваемого или обвиняемого перед Судом. Выполняя административную функцию, они подчиняются внутренним правилам для персонала Суда[1710] и выступают его агентами.

Из всего сказанного следует, что понятие «должностное лицо» в Римском статуте надлежит толковать как охватывающее любое лицо, через которое

[1707] Англ.: «Officers of Justice».
[1708] *Rasić* Judgment, § 18.
[1709] Regulation 143, ICC Regulations of the Registry.
[1710] Regulation 144(3), ICC Regulations of the Registry.

международный уголовный суд осуществляет свои функции. Будучи агентом, а следовательно, и должностным лицом Суда в указанном широком понимании, прокурор (обвинитель) *amicus curiae* имеет право на получение пропуска ООН для передвижений, связанных с исполнением возложенных на него функций.

Прокурору и заместителю Прокурора выдаются красные пропуска ООН, которые по своим правовым характеристикам приравнены к дипломатическим паспортам, со следующей пометкой: «Предъявитель настоящего пропуска является судьей, Прокурором, заместителем Прокурора или Секретарем Суда и в отношении него самого или нее самой, его супруги или его супруга и лиц, находящихся на иждивении, действуют привилегии и иммунитеты, изъятия и льготы, предусмотренные в ст. 15 Соглашения о привилегиях и иммунитетах Международного уголовного суда от 9 сентября 2002 г., а также в других соглашениях или договоренностях, регулирующих привилегии и иммунитеты Суда»[1711].

Сотрудникам Канцелярии Прокурора выдаются голубые пропуска ООН, равнозначные служебным паспортам. В нем указывается следующее: «Предъявитель настоящего пропуска является должностным лицом Международного уголовного суда (Суд). Настоящий пропуск выдан с соответствии с особой договоренностью, заключенной между Генеральным секретарем Объединенных Наций и Председателем Международного уголовного суда, предусмотренной ст. 12 Соглашения о взаимодействии между Объединенными Нациями и Международным уголовным судом, согласно которой судьи, Прокурор, заместители Прокурора, Секретарь и персонал/должностные лица Канцелярии Прокурора и Секретариата по специальной договоренности между Генеральным секретарем и Судом, имеют право пользоваться пропусками Объединенных Наций в качестве действительного проездного документа в случаях, когда такое пользование признается государствами в соглашениях, регулирующих привилегии и иммунитеты Суда. К персоналу Секретариата также относится персонал Президиума и Судебных отделений, в соответствии со ст. 44

[1711] Information Circular on the United Nations Laissez-Passer. § 9.

Статута, и персонал Секретариата Ассамблеи государств-членов, в соответствии с параграфом 3 приложения к резолюции ICC-ASP/2/Res.3.

Предъявитель настоящего пропуска пользуется привилегиями и иммунитетами, предусмотренными в Соглашении о привилегиях и иммунитетах Международного уголовного суда от 9 сентября 2002 г. или в других соглашениях или договоренностях, регулирующих привилегии и иммунитеты Суда»[1712].

Иммунитеты и привилегии предоставляются прокурору (обвинителю) *amicus curiae* в интересах соответствующего международного уголовного трибунала, а не для целей извлечения личной выгоды. Поэтому в случае злоупотреблений они могут быть отозваны уполномоченным органом. В отношении прокуроров международных уголовных трибуналов системы ООН и персонала их канцелярии, приравненных к должностным лицам организации, таким правом – и обязанностью – обладает Генеральный секретарь ООН, «в тех случаях, когда, по его мнению, иммунитет препятствует отправлению правосудия и от него можно отказаться без ущерба для интересов Объединенных Наций»[1713]. Иммунитеты и привилегии Прокурора МУС отзываются абсолютным большинством судей[1714]; его заместителей и персонала Канцелярии – Прокурором[1715]. Кодекс поведения Канцелярии Прокурора МУС предусматривает, что Прокурор принимает соответствующее решение, «в тех случаях, когда, по его мнению, иммунитеты и привилегии препятствуют отправлению правосудия и от них можно отказаться без ущерба для цели, которую они преследуют»[1716]. Там же уточняется, что Прокурор «может» лишить иммунитета сотрудника своей Канцелярии, если он «совершает деяние, содержащее признаки преступления, за совершение которого внутренним законодательством государства, компетентного осуществлять расследование и

[1712] Information Circular on the United Nations Laissez-Passer. § 10.
[1713] Раздел 20, Конвенция о привилегиях и иммунитетах Организации Объединенных Наций. // Действующее международное право: Сборник документов. Т. 1. М.: БЕК, 1970. С. 52.
[1714] Пункт (a) ч. 5 ст. 48 Римского статута МУС 1998 года.
[1715] Пункт (c) ч. 5 ст. 48 Римского статута МУС 1998 года.
[1716] ICC Office of the Prosecutor Code of Conduct, § 77.

уголовное преследование, предусмотрено наказание в виде лишения свободы или другое наказание» по запросу этого государства[1717].

Выше мы отмечали, что все ключевые решения, касающиеся назначения, досрочного прекращения полномочий прокурора (обвинителя) *amicus curiae* принимаются либо соответствующей Судебной палатой, либо с ее предварительного согласия. Более того, по замечанию Апелляционной палаты МТБЮ, прокурор назначается для поддержания обвинения от имени Судебной палаты[1718]. Из этого следует, что именно Судебная палата, по поручению и в интересах которой прокурор осуществляет свои функции, должна рассматриваться в качестве органа, компетентного решать вопрос об отзыве предоставленных ему иммунитетов и привилегий.

Рассмотрение статуса прокурора (обвинителя) *amicus curiae* через призму привилегий и иммунитетов высвечивает более широкую проблему: международное уголовное правосудие развивается быстрее, чем его институционально-правовая оболочка. Появляются новые фигуры и процессуальные конструкции, чья фактическая роль в отправлении правосудия очевидна, но нормативное оформление их гарантий остается фрагментарным или производным от устаревших моделей, рассчитанных на иные категории участников процесса. В этом смысле фигура прокурора (обвинителя) *amicus curiae* – лишь наиболее яркий пример структурного отставания позитивного права от потребностей практики.

§ IV.6. Специализация обвинения в международных уголовных судах как альтернатива прокурору (обвинителю) *amicus curiae*

В предыдущем изложении уже отмечалось, что преступления против отправления правосудия серьезно затрудняют привлечение к ответственности лиц, виновных в совершении тягчайших деяний по международному праву, а подчас делают такое привлечение практически невозможным. Масштаб и глубина

[1717] ICC Office of the Prosecutor Code of Conduct, § 80.
[1718] *Hartmann* Decision, § 16.

негативных последствий этих преступлений выходят далеко за рамки отдельных уголовных дел: они подрывают доверие к международному уголовному правосудию как к институциональному механизму, призванному обеспечивать неотвратимость наказания за международные преступления. В этих условиях вопросы принципов, целей, направлений, методов и перспектив борьбы с посягательствами на правосудие не могут рассматриваться фрагментарно; они требуют целостного, системного подхода.

Совокупность указанных элементов представляется возможным обозначить как политику защиты целостности международного уголовного правосудия. По своей правовой природе такая политика должна носить межгосударственный характер: она предполагает согласование усилий государств и международных организаций по укреплению институциональной и процедурной устойчивости международных уголовных судов и трибуналов. Учитывая, что все органы международного уголовного правосудия в той или иной мере сталкиваются с аналогичными вызовами – давлением на свидетелей, попытками манипулирования доказательствами, саботажем исполнения судебных решений, – разработка общих подходов к противодействию этим явлениям представляется целесообразной на многостороннем уровне, при последующей конкретизации в рамках отдельных трибуналов и судов.

К числу ключевых принципов подобной политики должны быть отнесены, по крайней мере, следующие: принцип равенства (недопустимость дискриминационного подхода при решении вопроса о преследовании за преступления против правосудия), принцип неотвратимости наказания (исключение практики фактической безнаказанности подобных деяний), принцип уважения прав человека (обеспечение процессуальных гарантий всем участникам производства) и принцип соразмерности наказания содеянному. Центральной целью выступает обеспечение надлежащего, беспристрастного и эффективного отправления международного уголовного правосудия, понимаемого как необходимый элемент поддержания международного мира, безопасности и защиты фундаментальных прав личности.

В направления ее реализации должны входить: установление уголовной ответственности за совершение деяний, посягающих на отношения по надлежащему отправлению международного уголовного правосудия, в международно-правовых актах и во внутреннем законодательстве государств-участников учредительных договоров международных уголовных судов; сотрудничество между государствами и международными уголовными трибуналами в предупреждении таких преступлений, осуществлении следственных действий, включая сбор доказательств, аресте и передаче обвиняемых, организации отбывания наказания осужденными.

Среди методов ее реализации следует назвать разработку и заключение международных договоров и принятие международно-правовых актов о создании действенных процессуальных механизмов реализации ответственности за преступления против правосудия внутри международных трибуналов; принятие соответствующих уголовно-процессуальных норм на национальном уровне.

На современном этапе, однако, приходится констатировать отсутствие сколько-нибудь целостной и согласованной политики в этой области. Преследование за преступления против международного уголовного правосудия носит во многом эпизодический и несистемный характер; отсутствуют устойчивые механизмы мониторинга потенциальных посягательств; при принятии решений о возбуждении дел нередко учитываются обстоятельства, не относящиеся к юридической оценке деяния – политические, дипломатические и иные соображения. В результате значительная часть посягательств на отправление правосудия остается не выявленной и, следовательно, безнаказанной.

Множественность органов, наделенных полномочиями по уголовному преследованию за преступления против отправления международного уголовного правосудия, – уставной орган обвинения и прокурор (обвинитель) *amicus curiae* – объективно затрудняет формирование целостной и последовательной политики в данной сфере. Полномочия распределяются между различными субъектами, действующими в рамках неодинаковых мандатов и процессуальных режимов, что приводит к фрагментации подходов к расследованию и преследованию

посягательств на правосудие. В совокупности с периодической сменяемостью прокуроров *amicus curiae* это препятствует выработке устойчивых стандартов, кодификации сложившейся практики и закреплению единых критериев оценки таких деяний.

На практике каждый прокурор (обвинитель) *amicus curiae* действует в значительной мере исходя из собственного представления о своей роли и задачах в системе международного уголовного правосудия. На эти представления неизбежно влияют различия в национальных правовых традициях, профессиональной социализации, академической подготовке и практическом опыте соответствующих лиц.

Указанные обстоятельства, наряду с иными факторами, дают основания для серьезных сомнений в том, что институт прокурора (обвинителя) *amicus curiae* в его нынешнем виде является оптимальным механизмом реализации обвинительной функции применительно к преступлениям против международного уголовного правосудия.

Ресурсы прокурора (обвинителя) *amicus curiae* ограничены, и даже на их полную мобилизацию требуется время, отнимаемое у следствия. Сравнение с национально-правовым институтом специального прокурора представляется здесь уместным. В публикации, посвященной институту специального прокурора в США[1719], Д.Шмольц отмечает: «В отличие от генерального прокурора США или сотрудника Министерства юстиции, заступающего на пост в уже существующем органе со своим помещением, персоналом, телефонами, агентами, юристами и всеми другими составляющими функционирующего органа, специальный прокурор, принеся присягу, начинает с нуля. У него нет ничего, кроме бумаги о его назначении, определяющей пределы его полномочий. У него нет ни копировальной машины, ни помещения, ни персонала, ни юристов, ни

[1719] Специальный прокурор может рассматриваться как национально-правовой эквивалент прокурора *amicus curiae.* В некоторых юрисдикциях специальные прокуроры назначаются для проведения следственных действий и поддержания обвинения в отношении высших должностных лиц государства и других высокопоставленных чиновников, во избежание давления на систему прокуратуры.

сотрудников, ни книг, ни компьютера, ни даже телефона»[1720]. То же самое можно в целом сказать и о прокуроре (обвинителе) *amicus curiae* международных уголовных трибуналов. Секретариаты международных трибуналов оказывают ему техническую поддержку, однако очевидно, что на организацию оптимального рабочего пространства необходимо время[1721].

Институт прокуроров (обвинителей) *amicus curiae* не приспособлен для предупреждения преступлений против отправления правосудия. Прокуроры (обвинители) *amicus curiae* привлекаются постфактум к расследованию и преследованию уже совершенных преступлений, по сути, когда, исходя из уже известных обстоятельств, уголовное производство практически неизбежно.

Указанные недостатки существующей модели организации обвинения по делам о преступлениях против международного уголовного правосудия свидетельствуют о необходимости ее принципиального пересмотра и выработки новой конструкції, лишенной обозначенных слабых сторон. Для любой правовой политики, претендующей на устойчивость и эффективность, решающим условием является наличие целостного, концептуально оформленного видения регулируемой сферы, а также постоянное наблюдение за ее развитием в средне- и долгосрочной перспективе с тем, чтобы своевременно вносить необходимые коррективы. Иными словами, требуются не разрозненные реакции на отдельные инциденты, а системный подход, опирающийся на устойчивые институциональные и процедурные решения.

В этом контексте фактор постоянства приобретает первостепенное значение. Орган, призванный осуществлять обвинительную функцию по делам о преступлениях против отправления международного уголовного правосудия, должен обладать не только необходимой компетенцией, но и институциональной непрерывностью, позволяющей накапливать опыт, вырабатывать прецеденты и обеспечивать преемственность правоприменительной практики. Спорадическое, эпизодическое использование института прокурора (обвинителя) *amicus curiae*,

---

[1720] *Smaltz D.C., op.cit.,* pp. 2315-2316.
[1721] Practice Direction IT/227, *op.cit.,* § 19(ii).

зависящее от конкретных решений и инициатив, не отвечает этим требованиям. Следовательно, возникает объективная необходимость замены данного эпизодического механизма на перманентную структуру обвинения, функционирующую на постоянной основе и обладающую четко определенным мандатом в сфере противодействия преступлениям против международного уголовного правосудия.

В качестве одного из возможных вариантов реформирования существующего механизма выдвигалось предложение о создании внутри канцелярий системных прокуроров специальных подразделений, компетентных в области преследования преступлений против отправления правосудия[1722]. В деле «Прокурор против Ж. Де Дье Камуханда» Апелляционная палата МТР дала предписание Прокурору трибунала следственным путем проверить информацию о попытке отдельных сотрудников трибунала оказать воздействие на свидетелей и о даче ложных показаний[1723]. Прокурор назначил специального советника – партнера американской фирмы «Хоган и Хартсон» – для осуществления следственных действий и «доклада Прокурору о целесообразности предъявления обвинения в неуважении к суду или даче ложных показаний или любом другом преступлении против должного отправления правосудия»[1724]. Кроме того, специальному советнику поручалось проанализировать и расследовать «некоторые вопросы, которые возникли в рамках апелляции на приговор в отношении Хассана Нгезе[1725]», а также представить свои предложения по

[1722] *Kopylova E.* Everybody Has Friends, Why Not the ICC: on the Court's Power to Appoint *Amicus curiae* Prosecutors. [Электронный ресурс]. // Opinio Juris: сайт. 2016. 12 май. – URL: http://opiniojuris.org/ (дата обращения: 19.05.2025).

[1723] *Jean de Dieu Kamuhanda c. le Procureur*, transcription de l'audience, le 19 mai 2005, ICTR-99-54A-A, p.52, lns 8-18.

[1724] Appointment of Special Counsel by the Prosecutor (Press release). [Электронный ресурс]. // IRMCT: сайт. 2005.12 июл. – URL: https://unictr.irmct.org/en/news/appointment-special-counsel-prosecutor (дата обращения: 19.05.2025).

[1725] Хассан Нгезе, уроженец Руанды, журналист. В период геноцида в Руанде был корреспондентом Свободного Радио-Телевидения Тысячи Холмов, на волнах которого неоднократно призывал к уничтожению Тутси и Хуту. Обнародовал списки лиц, подлежащих уничтожению вооруженными группировками. Был приговорен к пожизненному заключению в первой инстанции; Апелляционная палата снизила срок наказания до 35 лет.

результатам[1726]. Расследование специального советника привело к возбуждению двух единственных дел о посягательствах на отправление правосудия МТР – против Л.Нсогоза и свидетеля *GAA*.

Однако такая модель, будучи шагом вперед по сравнению с эпизодическим привлечением прокурора (обвинителя) *amicus curiae*, не в полной мере устраняет присущие указанному институту недостатки и сама по себе сопряжена с рядом новых проблем.

Прежде всего, речь идет о подчиненности прокуроров специального подразделения уставному органу обвинения. Их деятельность будет определяться внутренними приоритетами и управленческими решениями руководства канцелярии, что объективно ограничивает степень их независимости и свободу усмотрения. В подобной ситуации прокуроры, отвечающие за преследование преступлений против правосудия, вынуждены будут учитывать не только требования права, но и соображения, связанные с интересами текущих дел, репутацией ведомства, внутриведомственной политикой. Это создает риск того, что решения по делам о посягательствах на правосудие будут приниматься с оглядкой на возможные последствия для основной деятельности канцелярии, а не исключительно исходя из критериев законности и обоснованности.

Дополнительным слабым звеном такой конструкции является отсутствие у специального подразделения полномочий самостоятельно принимать решения о правовых последствиях результатов проведенных расследований. Фактически речь идет о вспомогательном органе, формулирующем заключения и рекомендации, которые затем оцениваются и реализуются уставным прокурором. В случаях, когда профессиональные выводы специализированных прокуроров будут входить в противоречие с институциональными или иными интересами основного органа обвинения, существует опасность, что эти выводы не будут в полной мере учтены или вовсе останутся без практического продолжения.

[1726] Appointment of Special Counsel by the Prosecutor: press release. [Электронный ресурс]. // IRMCT: сайт. 2005. 12 июл. - URL: https://unictr.irmct.org/en/news/appointment-special-counsel-prosecutor (дата обращения: 19.05.2025).

В этой связи более перспективной представляется модель организации обвинения в международных уголовных судах, основанная на принципе отраслевой специализации. Суть ее заключается в формировании двух самостоятельных органов обвинения: одного – по делам о международных преступлениях (геноцид, преступления против человечности, военные преступления, преступление агрессии), другого – по делам о преступлениях против отправления правосудия. Такая институциональная дуализм позволил бы, с одной стороны, обеспечить необходимую специализацию и независимость в преследовании посягательств на правосудие, а с другой – сохранить согласованность общей обвинительной политики суда. Принцип специализации обвинения может учитываться при учреждении будущих международных уголовных судов.

Принцип специализации органов прокуратуры применяется в России и зарубежных государствах и проявляется через создание прокуратур с отраслевой направленностью. Критерии специализации могут быть различные.

В *предметном критерии* классификации прокуратур акцент делается на специализации на конкретных видах преступлений и сферах правового регулирования. Этот критерий позволяет выделить прокуратуры, осуществляющих свои функции по определенным категориям дел: антитеррористическая прокуратура во Франции[1727], финансовая прокуратура во Франции[1728] и Китае[1729], природоохранная прокуратура в России и Германии[1730], антикоррупционная прокуратура в Испании[1731], Румынии[1732], Хорватии[1733].

[1727] Loi n° 2019-222 du 23 mars 2019 de programmation 2018-2022 et de réforme pour la justice. [Электронный ресурс]. // Journal Officiel de la République Française. 24 mars 2019. № 0071. – Texte n° 1. Article 69. – URL: https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000038261631; Ordonnance n° 2019-628 du 24 juin 2019 portant diverses dispositions relatives à l'organisation judiciaire, prise en Conseil des ministres. [Электронный ресурс]. // Journal Officiel de la République Française. 25 juin 2019. Texte n° 1. – URL: https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000038595098 (дата обращения везде: 13.09.2025).

[1728] Loi n° 2013-710 du 5 août 2013 relative à la lutte contre la criminalité organisée, le terrorisme et leur financement, et améliorant l'efficacité et les garanties de la procédure pénale. [Электронный ресурс]. // Journal Officiel de la République Française. 6 août 2013. № 0187. – URL: https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000027787492/; Loi n° 2013-1117 du 6 décembre 2013 relative à la lutte contre la fraude fiscale et à la grande délinquance économique et financière.

Отраслевой критерий лежит в основе классификации прокуратур по сфере деятельности и служит фундаментом для систематизации прокуратур с разной предметной компетенцией. Наиболее ярким примером является военная прокуратура в России и США[1734], транспортная прокуратура в России.

Отраслевая специализация органов обвинения в международных уголовных судах обладает рядом преимуществ.

Во-первых, специализация обвинения обеспечит повышение качества и эффективности уголовного преследования, благодаря привлечению команд с узкой профессиональной компетенцией и глубокими знаниями в каждой отдельной области международного уголовного права. Отраслевые команды повышают оперативность и глубину правового анализа, что положительно

[Электронный ресурс]. // Journal Officiel de la République Française. 7 décembre 2013. № 0284. – URL: https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000028538907/; Loi organique n° 2013-1115 du 6 décembre 2013 relative au procureur de la République financier. [Электронный ресурс]. // Journal Officiel de la République Française. 7 décembre 2013. № 0284. – URL: https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000028538887 (дата обращения везде: 13.09.2025).

[1729] Закон о прокурорах (中华人民共和国检察官法) от 28 февраля 1995 г., с изменениями от 23 апреля 2019 г. Принят Постоянным комитетом Всекитайского собрания народных представителей, вступил в силу 1 октября 2019 г. Ст. 15. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/npc/xinwen/2018-10/26/content_2064453.htm (дата обращения: 13.09.2025).

[1730] Закон о судебной системе (Gerichtsverfassungsgesetz (GVG) Bundesgesetz) от 9 мая 1975 г. № 1077 с изм. и доп. // Bundesgesetzblatt. 1975. Nr. 30. S. 1077. § 143 Absatz 4.

[1731] Органический статут прокуратуры Испании (Estatuto Orgánico del Ministerio Fiscal): закон 50/1981 от 30 декабря 1981 г.; с изм. и доп., внесенными законом 14/2003 от 26 мая 2003 г. // Boletín Oficial del Estado. 13.01.1982. Nº 11. P. 938–944; с изм.: BOE-A-2003-10523, BOE, 25.06.2003. URL: https://www.boe.es/buscar/doc.php?id=BOE-A-1981-3896 (дата обращения: 22.02.2026).

[1732] Постановление Правительства Румынии об учреждении Национального антикоррупционного управления: чрезвычайная правительственная ордонанса № 43 от 4 апреля 2002 г. (Ordonanță de urgență a Guvernului nr. 43 din 4 aprilie 2002 privind Direcția Națională Anticorupție); утверждена Законом № 503/2002 и впоследствии изменена и дополнена // Monitorul Oficial al României. Partea I. 10.04.2002. Nr. 244. (с изм. и доп., в т.ч. Legea nr. 503/2002). URL: https://legislatie.just.ro/Public/DetaliiDocument/35165 (дата обращения: 22.02.2026).

[1733] Закон о Управлении по борьбе с коррупцией и организованной преступностью (Zakon o Uredu za suzbijanje korupcije i organiziranog kriminaliteta): закон Республики Хорватия от 28 сентября 2001 г. // Narodne novine. 10.10.2001. № 88. Ступил в силу 19.10.2001 г. (с последующими изм. и доп.). URL: https://narodne-novine.nn.hr/clanci/sluzbeni/2001_10_88_1497.html (дата обращения: 22.02.2026).

[1734] *MacDonnell T.C.* Prosecuting in the Military // The Prosecutor in Transnational Perspective / ed. E. Luna, M. L. Wade. Oxford : Oxford University Press, 2012. P. 290-305.

сказывается на качестве уголовного преследования и общих результатах судебных разбирательств.

Во-вторых, самостоятельность двух прокуроров способствует объективности при принятии решений о возбуждении уголовных дел. Такая структурная автономия исключает конфликты интересов и позволяет каждому прокурору сосредоточиться на своей специфической предметной области, обеспечивая системность и последовательность в реализации уголовного преследования. Отдельные органы обвинения выступают как независимые центры принятия решений, что повышает доверие к процессу и снижает риски коррупции или политического давления.

Сотрудники канцелярии прокурора по преступлениям против правосудия должны иметь полноценный доступ ко всем материалам, включая конфиденциальные, по всем делам, находящимся в производстве соответствующего трибунала. В их функции входит:

— мониторинг текущих производств на предмет выявления фактов совершения или готовящихся преступлений против правосудия;

— проверка сообщений о совершенных или готовящихся преступлениях против правосудия, поступающих как от внутренних (защитники, представители потерпевших и др.), так и от внешних источников;

— проверка информации о совершенных или готовящихся преступлениях, публикуемой в СМИ. Через механизм правовой помощи либо напрямую, если позволяет устав, прокурор по преступлениям против правосудия может запрашивать у редакции соответствующего СМИ документы и материалы, подтверждающие информацию о преступлении.

Под «проверкой» следует понимать совершение любых следственных действий, направленных на установление соответствия действительности содержащейся в сообщении информации. Факт получения сообщения о преступлении против правосудия и содержание его проверки входят в состав тайны следствия и не подлежат разглашению. Таким образом расследованию будет обеспечиваться необходимая конфиденциальность.

При проведении проверки прокурором по преступлениям против правосудия соблюдаются права человека и правила сбора, регистрации и хранения доказательств.

В интересах повышения отчетности и ответственности заявителю должен подтверждаться факт принятия сообщения о преступлении и сообщаться о результатах проверок. По итогам рассмотрения сообщения прокурор по преступлениям против правосудия может принять решение о возбуждении уголовного дела; об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием оснований, т.е. достаточных данных, указывающих на наличие признаков преступления; о нецелесообразности возбуждения уголовного дела в рамках международного уголовного трибунала и о передаче материалов проверки правоохранительным органам государства, компетентного осуществлять уголовное преследование.

Для предотвращения злоупотреблений в сфере противодействия преступлениям против правосудия рекомендуется включить в перечень таких преступлений заведомо ложный донос. Конкретно имеется в виду умышленное ложное сообщение прокурору по преступлениям против правосудия информации о совершенном или готовящемся преступлении, что подрывает доверие к институту защиты правосудия и расходует ресурсы на необоснованные проверки.

В-третьих, наличие постоянного прокурора, специализирующегося на преступлениях против правосудия, обеспечит преемственность политики и методологии уголовного преследования, позволит кодифицировать лучшие практики, систематизировать накопленный опыт и применять проверенные механизмы работы.

В-четвертых, стабильное функционирование такого прокурора даст возможность разработать и отладить превентивные меры, направленные на предупреждение преступлений против правосудия. Ранняя идентификация рисков и оперативное реагирование будут способствовать снижению уровня таких преступлений и укреплению доверия к международным судебным институтам.

Замещение должности прокурора по преступлениям против правосудия может осуществляться аналогично замещению прокурора по международным преступлениям – путем назначения либо избрания. Кандидатом на данную должность должно быть высококвалифицированное лицо, обладающее высокими нравственными качествами и значительным практическим опытом в области расследования и поддержания обвинения по уголовным делам. Кроме того, кандидат должен свободно владеть как минимум одним из рабочих языков международного уголовного суда.

Должность прокурора по преступлениям против правосудия должна быть несовместима с выполнением иных профессиональных обязанностей, исключая любые виды деятельности, которые могут поставить под сомнение его независимость и беспристрастность.

Прокурор по преступлениям против правосудия должен обладать теми же процессуальными правами и обязанностями, а также международными иммунитетами и привилегиями, что и прокурор по международным преступлениям. Его взаимодействие с государствами и иными субъектами международного права должно регулироваться существующими нормами и процедурами, которые применяются к прокурору по международным преступлениям, что обеспечивает единообразие и эффективность международного сотрудничества.

Одновременно следует признать на примере МУС, что действующие механизмы международной правовой помощи зачастую являются чрезмерно сложными и недостаточно оперативными. Поэтому перспективной представляется инициатива переговоров с государствами о рационализации и упрощении процедур международного сотрудничества, направленного на борьбу с преступлениями против международного уголовного правосудия. Сокращение бюрократических барьеров способствует оперативному обмену информацией, своевременному реагированию на угрозы и повышает эффективность уголовного преследования.

В структуре подчинения прокурору по преступлениям против правосудия должна находиться специализированная канцелярия, набор сотрудников в которую осуществляется в соответствии с установленными процедурами, аналогичными тем, что применяются для трудоустройства в канцелярию прокурора по международным преступлениям. Для повышения эффективности взаимодействия с правоохранительными органами государств-участников в состав канцелярии могут включаться представители этих органов. Это обеспечит прямой и оперативный диалог по вопросам исполнения запросов о правовой помощи и ускорит совместные действия по расследованию и преследованию преступлений.

Таким образом, создание автономного и профессионально оснащенного института прокурора по преступлениям против правосудия с соответствующей канцелярией обеспечит базу для независимого, эффективного и системного противодействия преступлениям, направленным на подрыв международного уголовного правосудия.

ВЫВОДЫ. *В первом параграфе Главы IV* с помощью метода контент-анализа материалов международных уголовных дел субсидиарной подсудности с участием прокурора (обвинителя) *amicus curiae* устанавливается и раскрывается перечень обстоятельств, при которых на него может быть возложена функция обвинения. Это: 1) конфликт интересов уставного органа обвинения в отношении преступления, являющегося объектом расследования или обвинения; 2) высокая степень загруженности уставного органа обвинения; 3) самоотвод уставного органа обвинения.

Во втором параграфе описываются процедурные аспекты и практические особенности назначения прокурора (обвинителя) *amicus curiae* в международных уголовных трибуналах.

В системе международного уголовного правосудия орган обвинения выполняет две основные функции: предварительное следствие и уголовное преследование в суде. В зависимости от решения судей по делам субсидиарной подсудности на прокурора (обвинителя) *amicus curiae* может быть возложена

только функция предварительного следствия с последующей передачей дела уставному обвинителю для поддержания обвинения, либо обе функции.

Процесс назначения прокурора (обвинителя) *amicus curiae* для осуществления предварительного следствия и уголовного преследования неодинаков и отражает процессуальные особенности каждой из этих стадий уголовного процесса. Судебная палата, рассматривающая основное дело, в связи с которым предположительно имело место событие преступления против правосудия, выступает заинтересованной стороной в ходе предварительного следствия. Фактически она осуществляет функцию следствия посредством прокурора (обвинителя) *amicus curiae*. В связи с этим она принимает непосредственное участие в его назначении и осуществляет контроль за ходом следствия. Процедура назначения начинается с постановления Судебной палаты, в котором определяются задачи расследования, материалы и инструкции для проведения следственных действий. Далее Секретарь трибунала подбирает кандидатуру, руководствуясь профессиональными требованиями, включая опыт работы в сфере международного уголовного права и навыки расследования, после чего кандидатура утверждается Судебной палатой.

Совсем иная ситуация складывается при назначении прокурора (обвинителя) *amicus curiae* для осуществления уголовного преследования. Ввиду недопустимости смешения функций обвинения и суда, Судебная палата по основному делу здесь лишь выносит постановление с предписанием Секретарю назначить независимое лицо для выполнения функций прокурора (обвинителя) *amicus curiae*. Назначение осуществляется Секретарем без консультаций с палатой.

В третьем параграфе устаналиваются и раскрываются основания прекращения полномочий прокурора (обвинителя) *amicus curiae*: (1) естественное завершение мандата; (2) добровольная отставка; (3) принудительная отставка; (4) отвод.

В четвертом параграфе рассматриваются основные начала, которым подчинена деятельность прокурора (обвинителя) *amicus curiae.* Это принципы:

— независимости;

— объективности (беспристрастности);

— конфиденциальности;

— ответственности;

— уважения прав человека.

В пятом параграфе с использованием метода аргументации по аналогии было продемонстрировано, что прокурор (обвинитель) *amicus curiae* обладает таким же объемом международно-правовых привилегий и иммунитетов, как и уставной обвинитель соответствующего международного уголовного трибунала. Иммунитеты и привилегии предоставляются уставному обвинителю в целях обеспечения эффективности и беспрепятственного осуществления им своих полномочий. Ввиду совпадения функций уставного обвинителя и прокурора (обвинителя) *amicus curiae*, можно утверждать о необходимости предоставления прокурору (обвинителю) *amicus curiae* идентичных правовых гарантий.

В шестом параграфе проводится критическая оценка соответствия института прокурора (обвинителя) *amicus curiae* задачам обеспечения неотвратимости ответственности за преступления против правосудия и их предупреждения. Четыре обстоятельства существенно ограничивают его эффективность:

1) несистемность преследований: участие прокуроров (обвинителей) *amicus curiae* в международных уголовных процессах носит ситуативный характер и не предполагает постоянный системный мониторинг преступлений против правосудия. Системный пробел в их обнаружении и пресечении приводит к значительному числу случаев безнаказанности;

2) отсутствие единого подхода к обвинению: сменяемость прокуроров (обвинителей) *amicus curiae* приводит к отсутствию преемственности и согласованности в разработке и реализации стратегий расследования и уголовного преследования преступлений против правосудия. Она препятствует накоплению и систематизации эффективных методов работы, затрудняет

кодификацию передового опыта и выработку стандартизированных процедур, необходимых для повышения эффективности правоприменительной практики;

3) ограниченные ресурсы: прокуроры (обвинители) *amicus curiae* сталкиваются с дефицитом материально-технических и кадровых ресурсов, что существенно замедляет ход расследований. В отличие от основного прокурорского подразделения международного уголовного суда, они начинают свою деятельность без сформированной инфраструктуры, необходимой для сбора доказательств, оперативного взаимодействия с национальными правоохранительными органами и проведения комплексных экспертиз. Это снижает их способность оперативно и качественно выполнять возложенные функции и негативно сказывается на результативности уголовного процесса;

4) отсутствие способности к превенции: институт прокурора (обвинителя) *amicus curiae* по своей природе исключает возможность осуществления проактивных мер по предупреждению преступлений против правосудия.

Недостатки института прокурора (обвинителя) *amicus curiae* могут быть устранены путем введения отраслевой специализации обвинения. В рамках каждого международного уголовного суда целесообразно создать два специализированных органа обвинения: один, ответственный за преследование преступлений основной подсудности (международных преступлений), другой – за преследование преступлений субсидиарной подсудности (преступлений против правосудия). Такая дифференциация позволит повысить качество прокурорской деятельности, обеспечит более глубокую экспертизу и профессионализм обвинения по делам каждой категории, а также снизит риски конфликтов интересов и функциональных перегрузок у обвинителей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эволюция идеи международного уголовного правосудия, как и вся история международного права, не есть прямая линия прогресса, а сложный, противоречивый процесс борьбы различных концепций, интересов и ценностных систем. Уже в Средневековье зарождались представления о допустимости коллективного привлечения к ответственности лиц, совершивших особо тяжкие деяния, возмущающие совесть человечества, однако лишь к концу XX – началу XXI вв. эта идея обрела развитую институциональную форму в виде сложившейся архитектуры международного уголовного правосудия – постоянно действующего Международного уголовного суда и ряда временных международных уголовных трибуналов, учрежденных при участии Организации Объединенных Наций. Эта архитектура призвана была выражать веру международного сообщества в возможность универсальной юрисдикции в отношении наиболее опасных преступлений. Вместе с тем последние годы показали, что данная конструкция испытаний практикой не выдержала и нуждается в серьезном теоретическом и институциональном пересмотре.

Концепция функционального постоянства, которая легла в основу Римского статута МУС вопреки здравому смыслу и явным предпочтениям, отдаваемым доктриной постоянству органическому, не выдержала испытания практикой. Формально Суд действует постоянно, но фактически его способность выполнять возложенные на него задачи определяется готовностью государств сотрудничать, признавать его юрисдикцию и воспринимать его деятельность как беспристрастную и правомерную. Санкции, введенные в 2025 г. Соединенными Штатами в отношении МУС, а также отказ ряда государств признавать его юрисдикцию и сотрудничать с ним, продемонстрировали, что без опоры на широкое политико-правовое согласие идея универсального уголовного суда превращается в фикцию, а сам Суд – в объект санкционного давления. Политизация его деятельности, географическая однобокость преследований, затяжной характер процессов, серьезные вопросы к качеству расследований и

многочисленные посягательства на отправление правосудия подорвали доверие к МУС и поставили под вопрос не только его легитимность, но и жизнеспособность всей конструкции.

Здесь проявляется важный философский момент: институции международного права не могут быть устойчивее той ценностной и политической среды, в которой они существуют. Если крупные центры силы исходят из разных пониманий справедливости, безопасности и суверенитета, универсальный уголовный суд неизбежно оказывается либо парализованным, либо инструментом одной из сторон. Опасность заключается в том, что вместе с кризисом конкретной институциональной модели может быть дискредитирована и сама идея международного уголовного правосудия как такового. Предотвращение этого требует не отказа от идеи ответственности, а ее глубокого переосмысления с учетом реалий современного международного сообщества.

Расцвет международно-правовой доктрины о структуре и подсудности международных уголовных судов пришелся на XX век. Свои идеи на этот счет предлагали известные ученые-правоведы, проекты разрабатывались межгосударственными экспертными комитетами и комиссиями, неправительственными организациями и профессиональными объединениями. С учреждением МУС в научной литературе наметилась тенденция к превалированию комментариев над самобытной мыслью. Между тем сформированный объем теоретического знания и практического опыта может послужить прочной основой для подготовки указанной реформы.

В ходе настоящего исследования мы предположили, что для возникновения и устойчивого функционирования системы международного уголовного правосудия необходимо наличие четырех предпосылок: универсальное восприятие общечеловеческих ценностей, понимание недопустимости их попрания, существования коллективной обязанности их защищать; согласие с концепцией государственного суверенитета, при которой прерогатива наказывать виновных может быть разделена с другими субъектами международного права; наличие взаимного доверия между участниками международного общения,

основанного на признании за всеми равных прав и обязанностей, исходя из одинакового уровня развития; наконец, развитая инфраструктура.

Анализ конкретных исторических ситуаций – от Нюрнберга до трибуналов по бывшей Югославии и Руанде – показывает, что совпадение всех четырех предпосылок возможно лишь в исключительные исторические моменты, когда последствия тяжелейших конфликтов создают уникальное сочетание политической воли, морального консенсуса и готовности государств к ограничению своих прерогатив. Однако такие «окна возможностей» носят временный характер и не могут служить основой для постоянной универсальной архитектуры. В мирное время, особенно в условиях обостренной геополитической конкуренции, государства возвращаются к традиционному пониманию суверенитета, а готовность подчинить своих граждан внешней юрисдикции резко снижается.

Некоторые государства, такие, как США, характеризует настороженное отношение к международным организациям вообще, в особенности к тем, которые обладают принудительными полномочиями. В упомянутом выше указе Д.Трампа о санкциях против МУС уточняется: «Соединенные Штаты по-прежнему привержены принципу подотчетности и мирному укреплению международного порядка, однако МУС и участники Римского статута должны уважать решения Соединенных Штатов и других стран не подвергать свой контингент юрисдикции МУС в соответствии с их суверенными прерогативами»[1735].

Со своей стороны, Российская Федерация отказывается подчиняться юрисдикции организаций, которые могут выступать инструментом проведения антироссийской политики коллективного Запада. В качестве иллюстрации этой позиции можно привести Распоряжение Президента Российской Федерации от 16

[1735] Imposing Sanctions on the International Criminal Court. Executive Order. [Электронный ресурс]. // White House: сайт. 2025. 6 фев. – URL: https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/02/imposing-sanctions-on-the-international-criminal-court/ (дата обращения: 08.02.2025).

ноября 2016 г. № 361-рп «О намерении Российской Федерации не стать участником Римского статута Международного уголовного суда»[1736].

Российская Федерация стала первым государством, возбудившим уголовное дело против Прокурора и судей МУС в связи с их деятельностью[1737].

На первых страницах диссертации мы процитировали утверждение КМП о внутригосударственных судах как об обычных и естественных учреждениях для отправления правосудия по уголовным делам[1738]. В ходе исследования было показано, что концепция международного уголовного правосудия до сих пор отторгается рядом государств либо признается ими, если отсутствует угроза привлечения к ответственности их граждан. Монополия на насилие в отношении собственных граждан остается неотъемлемой частью доктрины государственного суверенитета в ряде стран мира, а международные уголовные суды воспринимаются, перефразируя КМП, как нечто «необычное и противоестественное».

Показательна в этом плане эволюция некоторых государств по отношению к принципу невыдачи своих граждан иностранному государству. Государства, сохраняющие свой суверенитет, но взявшие курс на тесную интеграцию, как, например, страны – члены Европейского союза, отказались от этого принципа между собой, подчеркнув тем самым высокую степень взаимного доверия к судебной системе друг друга. Эти же государства без каких-либо трудностей признали юрисдикцию МУС. Несмотря на то, что формально МУС является составной частью судебной системы каждого из государств – участников Римского статута, что оправдывает отказ от термина «выдача» для характеристики процесса передачи физического лица в распоряжение суда, фактически государство гражданской принадлежности теряет контроль над

[1736] Собрание законодательства РФ. 2016. № 47. Ст. 6630. Подробнее см.: *Синякин И.И., Копылова Е.А.* Римский статут Международного уголовного суда и правовой статус Российской Федерации // Московский журнал международного права. 2017. № 4. С.96-106.

[1737] СК возбудил дело в отношении прокурора и судей МУС. [Электронный ресурс]. // ТАСС: сайт. 2023. 20 мар. - URL: https://tass.ru/proisshestviya/17317275 (дата обращения: 28.08.2025).

[1738] ООН: Проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества: Доклад Рабочей группы по вопросу международной уголовной юстиции. // Документ ООН A/CN.4/L.471, 6 July 1992. Пункт 25.

судьбой своего гражданина, точно так же, как если бы речь шла о его экстрадиции. Государства, строго придерживающиеся принципа невыдачи, как правило, менее открыты к признанию юрисдикции международного органа в отношении их граждан.

Исходя из существующего состояния дел, вряд ли возможно в ближайшей перспективе ожидать эволюции доктрины суверенитета в направлении, благоприятном для действительно универсального уголовного суда. Международное уголовное право в этой сфере не может развиваться «вопреки» устойчивым представлениям государств о пределах их ответственности и власти; оно может развиваться лишь «вокруг» этих представлений, учитывая их и стремясь к постепенному, а не революционному изменению.

Глобальная геополитическая борьба, о непреходящем характере которой можно говорить с уверенностью, не позволяет сформироваться взаимному доверию между международными игроками. А значит, функционально постоянный орган международного уголовного правосудия с универсальной юрисдикцией – это химера, от которой стоит отвернуться раз и навсегда.

Прогнозируя эволюцию архитектуры международного уголовного правосудия, важно учитывать новую научную гипотезу общей теории международного права, отрицающую универсальный характер международного права. Так, по мнению И.И.Синякина, исторически сформировались и сегодня сосуществуют три системы национального международного права – европейская, американская и советская – со своими характерными признаками[1739].

Европейское международное право зародилось в XVII-XIX вв.[1740] под влиянием церкви и характеризовалось делением мира на цивилизованные –

[1739] *Синякин И.И.* Выступление на панели «Будущее международного права» в рамках научно-фантастического симпозиума «Создавая будущее» [Электронный ресурс] // Национальный центр «Россия»: сайт. 2024. 6 ноя. – URL: https://future.russia.ru/ (дата обращения: 01.02.2025).

[1740] *Баскин Ю.Я., Фельдман Д.И.* История международного права. – М.: Международные отношения, 1990. С. 118–127; *Даневский В.Л.* Пособие к изучению истории и системы международного права. Харьков, 1892. С. 26–78; Курс международного права в семи томах. Том. 1. М.: Наука, 1989. С. 52–61; *Лист Ф.* Международное право в систематическом изложении. 3.е изд. 1909. С. 22-52; Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. Том 1. Санкт-Петербург, 1892. С. 87-150; *Оппенгейм Л.*

европейские – государства с полноценной международной правосубъектностью и нецивилизованные сообщества, народы и нации[1741]. Международное право рассматриваемого периода – это регулятор отношений исключительно между европейскими государствами и только во имя их блага. Оно воспринималось как инструмент сугубо европейский: остальные государства не могли им пользоваться, либо делали это с одобрения Европы и только в указанных и согласованных Европой пределах. «Международное право Европы», а также основанный на нем мировой правопорядок были направлены на обеспечение исключительности государств Европы, между которыми существовало суверенное равенство, уважение к международным договорам, государственным границам и т.д., юридическое закрепление верховенства государств Европы над остальным миром[1742].

Провозглашение независимости США положило начало формированию американского международного права[1743]. Следуя логике европейского, оно отличалось от него американоцентричностью. США использовали общепризнанные принципы и институты международного права для юридического оправдания совершаемых ими неправомерных действий: принцип невмешательства в американском понимании (доктрина Монро) гарантировал защиту от противодействия со стороны остальных великих держав; неравноправные договоры создавали видимость согласия латиноамериканских стран на ограничение их государственного суверенитета; международная аренда территории служила для узаконения территориальных захватов и т.д. Поскольку общепризнанное международное право, даже в интерпретации США, не могло оправдать их откровенную экспансию на американском континенте, они были вынуждены развивать собственные концепции, риторику о «помощи» и

Международное право. Том 1. Полутом 1. М.: Государственное издательство иностранной литературы, 1948. С. 92-97; *Фердросс А.* Международное право. М.: Издательство иностранной литературы, 1959. С. 56-62.

[1741] *Koskenniemi M.* The Gentle Civilizer of Nations. The Rise and Fall of International Law 1870-1960. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 127.

[1742] *Копылова Е.А., Синякин И.И.* Блоковость как будущее международного права. Москва: Бослен, 2023. С. 6-7.

[1743] *Синякин И.И.* Выступление…*op.cit.*

«покровительстве», идеи «межамериканской солидарности» и «братского союза» стран Нового Света, служившие предлогом для подчинения латиноамериканских государств.

В 1917 г. процесс универсализации западного международного права столкнулся с обратной тенденцией. Октябрьская революция признала лишь отдельные его нормы, отрицая остальные. Это событие мировой истории внесло коренной перелом в систему международных отношений и ознаменовало появление прогрессивного советского международного права[1744]. Его основы заложены в Декрете II Всероссийского съезда Советов о мире от 26 октября (8 ноября) 1917 г., а именно: отказ от войны как от атрибута суверенитета, принципы свободы и независимости всех государств и народов, безусловного уважения суверенитета больших и малых стран, равенства между ними, строгого невмешательства в их дела, право наций на самоопределение, мирное сосуществование, отказ от тайной дипломатии.

Практика показывает, что, вопреки расхожей в российской доктрине теории, принятие Устава ООН не повлекло отказ от национальных систем международного права. Юридическое закрепление основ нового международно-правового миропорядка в этом документе не привело к уничтожению политики и практики колониальной зависимости государств, запрету применения вооруженной силы, широкомасштабных войн, дискриминации и иных нарушений общепризнанных императивных норм международного права. В той или иной степени все эти практики сохранились в новой форме: экономическая зависимость заменила колониализм, военные интервенции и спонсирование террористических организаций пришли на смену применению вооруженной силы с целью вмешательства во внутренние дела государств, сепаратизму, широкомасштабному нарушению прав человека и др.[1745].

Для обоснования этих практик была создана новая концепция: «порядок, основанный на правилах» – совокупность норм и принципов преимущественно

[1744] *Копылова Е.А., Синякин И.И.* Блоковость как будущее международного права.
[1745] *Копылова Е.А., Синякин И.И.* Блоковость как будущее международного права. С. 10.

неюридической природы и характера, которые используются, тем не менее, для обоснования правомерности действий исключительно западных государств с точки зрения международного права. Д.Дугард отмечает: «Оправдание США очевидных нарушений международного права, совершенных самими США или их близкими союзниками, привело к циничному, хотя и правдоподобному, объяснению того предпочтения, которое США отдает «порядку, основанному на правилах»[1746].

Анализ этой концепции выходит далеко за рамки настоящего исследования[1747]. Для наших целей ограничимся лишь предположением о том, что наиболее вероятной перспективой развития международного права представляется отказ международного сообщества от идеала его универсальности и, как следствие, его блоковость[1748]. Ряд государств во главе с Россией будут последовательно придерживаться позиции обязательного и неукоснительного осуществления прав и обязанностей в рамках действующего международного права, буквального соблюдения принципов *jus cogens* как они зафиксированы в Декларации о принципах международного права 1970 г., равного, всестороннего сотрудничества и взаимоуважения. Со своей стороны, страны «коллективного Запада» во главе с США будут последовательно придерживаться «порядка, основанного на правилах», искажающего как основные идеи, заложенные в Уставе ООН, так и принципы *jus cogens*[1749].

В этих условиях представляется все менее реалистичным рассчитывать на формирование единого универсального понимания международного уголовного правосудия, не говоря уже о создании по-настоящему универсального судебного органа.

Из этого не следует, что сама идея международной уголовной ответственности должна быть отвергнута. Напротив, она остается одним из

[1746] *Dugard J.* The choice before us: International law or a «rules-based international order»? // Leiden Journal of International Law. 2023. Vol. 36. P. 225.

[1747] Подробно о порядке, основанном на правилах, см.: *Копылова Е.А., Синякин И.И.* Блоковость как будущее международного права.

[1748] *Копылова Е.А., Синякин И.И.* Блоковость как будущее международного права. С. 27.

[1749] *Копылова Е.А., Синякин И.И.* Блоковость как будущее международного права.

немногих инструментов, способных в принципе противостоять безнаказанности за тягчайшие преступления. Но реализация этой идеи, вероятно, будет происходить не на универсалистской, а на блоковой, региональной или ситуативной основе. Это задает важное направление для дальнейших исследований: изучение моделей международного уголовного правосудия, которые учитывали бы блоковый характер международного права и существование конкурирующих ценностных систем, но при этом позволяли бы в конкретных исторических ситуациях достигать согласия по поводу привлечения к ответственности лиц, виновных в международных преступлениях.

Из этой данности следует исходить разработчикам реформы архитектуры международного уголовного правосудия. В свое время именно советская сторона настояла на привлечении к международному суду главных военных преступников из числа гражданского и военного командования нацистской Германии. Российская Федерация, как хранитель наследия Нюрнбергского трибунала, могла бы вновь взять лидерство в свои руки, опираясь на теоретические разработки отечественных ученых-правоведов, таких как А.И.Бастрыкин, К.А.Бекяшев, Г.И.Богуш, А.Г.Волеводз, С.В.Глотова, Г.А.Есаков, А.Б.Мезяев, И.И.Синякин, А.И.Скуратова, Е.Н.Трикоз, Б.Р.Тузмухамедов и др. Речь идет об амбициозной инициативе, призванной вернуть международному уголовному правосудию утраченный престиж и эффективность. Нам видятся три направления, в сторону которых могут быть ориентированы потенциальные изменения, вплоть до радикальных, в виде упразднения МУС.

Современная архитектура международного уголовного правосудия представляется непрагматичной. Сегодня наряду с постоянным Международным уголовным судом действуют «конкурирующие» международные суды *ad hoc* с в общих чертах идентичной предметной компетенцией, ограниченной лишь во времени и в пространстве. Среди них – как созданные резолюцией Совета Безопасности ООН (Международный остаточный механизм для уголовных трибуналов), так и посредством соглашения ООН и одного из государств-членов (Специальный суд для Сьерра-Леоне, Специальный трибунал по Ливану). В числе

государств – участников Римского статута МУС отсутствуют такие крупные члены международного сообщества, как Россия, США, Китай, Индия, Израиль. Африканские государства неоднократно выражали недовольство географической однобокостью преследований, не исключая выход из Римского статута и создание регионального органа международной уголовной юстиции. Угроза денонсации Статута по тем или иным политическим соображениям вынуждает МУС фактически к имитации деятельности во имя сохранения своего существования. Это – один из элементов оборотной стороны концепции функционального постоянства.

Становится очевидным, что МУС может сохраниться только путем эволюции. Она может выразиться в концептуальном переформатировании МУС из функционально постоянного органа в органически постоянный посредством внесения соответствующих поправок в Римский статут. Полезным подспорьем при разработке требуемых изменений могут стать документы, связанные с подготовкой проектов договоров о создании международного уголовного суда во второй половине XIX в. – первой половине XX в. Обновление МУС избавило бы от необходимости в будущем создавать параллельные трибуналы, упростило бы систему международного уголовного правосудия, повысив ее эффективность и степень доверия к ней со стороны участников международного общения.

Вместе с тем уровень недовольства по отношению к МУС среди участников международного общения настолько высок, что даже его реформирование может оказаться недостаточным для того, чтобы такие государства, как Россия, США и Израиль, начали рассматривать возможность восстановления сотрудничества с ним.

Модернизация архитектуры международного уголовного правосудия могла бы быть осуществлена посредством упразднения МУС с опорой исключительно на трибуналы *ad hoc*, создаваемые по мере необходимости и с применением индивидуального подхода к редакции уставных документов. Рядом государств и ученых данный вариант предсказуемо будет восприниматься как реакционный, противоречащий ходу истории. Учреждение постоянного международного

уголовного суда приветствовалось мировым сообществом как крупное достижение как в сфере международного права, так и в области обеспечения международного мира и безопасности. Вместе с тем, если следует признать вклад Римского статута в кодификацию международных преступлений, то очевидно, что этот договор породил беспомощную в организационном и функциональном плане структуру, поддержание которой в нынешнем состоянии контрпродуктивно. Отказ от МУС совершенно не должен восприниматься как отказ от достижения задач международного уголовного правосудия: предупреждение международных преступлений и обеспечение неизбежности наказания за их совершение. МУС представляет собой экспериментальную площадку для тестирования мировым сообществом одного из методов достижения этих задач. Отсутствие убедительных результатов по прошествии двадцати лет – это настойчивый сигнал о необходимости поменять стратегию.

Третий способ модернизации архитектуры международного уголовного правосудия заключается в возрождении идеи о создании в рамках Международного суда ООН судебной палаты по международным уголовным делам. Разработка такого формата требует тщательного изучения как накопленного практического опыта, так и теоретических предложений, выдвигавшихся в прошлом, чтобы не подорвать авторитет и престиж этого органа Объединенных Наций. Такая палата отправляла бы правосудие в первой инстанции, а МС ООН в его нынешнем формате мог бы стать кассационным органом, рассматривающим представления только по вопросам права, т.е. в пределах своих исторических полномочий. В качестве органа обвинения могла бы быть организована небольшая мобильная структура, которой бы государства по запросу в случае необходимости предоставляли своих компетентных экспертов, как это предлагалось в проекте КМП 1994 г.

В части, касающейся механизма преследования лиц, виновных в совершении посягательств на отправление международного уголовного правосудия, разработчики реформы могли бы опираться на настоящее исследование. Ни один международный процесс не может претендовать на

легитимность, если на нем лежит тень преступлений против правосудия. Поэтому в ходе подготовительных работ по реформе вопросам организации их системного и качественного выявления и преследования должно уделяться существенное внимание.

До сих пор международно-правовой институт прокурора (обвинителя) *amicus curiae* оставался неизученным как в России, так и за рубежом. Более того, ставилась под сомнение корректность наименования под предлогом несовпадения содержаний, вкладываемых в термин «*amicus curiae*» в международном уголовном и иных отраслях международного права. В своей работе мы показали, что именно отсутствие полноценного научного исследования данного института приводило к отрицанию его принадлежности к семье *amici curiae.*

Примечательно, что институт прокурора (обвинителя) *amicus curiae* является не плодом межгосударственных переговоров, а креатурой судей Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии, чистым порождением международной судебной практики, путь к которому лежал через метод проб и ошибок. Это позволяет говорить об оптимальном и сбалансированном характере совокупности норм, составляющих данный институт, как минимум, для нужд МТБЮ и международных уголовных трибуналов, созданных по его образу и подобию. Это также подчеркивает роль, которую играют судебные органы в международном правотворчестве и прогрессивном развитии международного уголовного права и процесса.

Восприятие норм о прокуроре (обвинителе) *amicus curiae* всеми международными уголовными трибуналами *ad hoc* дает основания говорить об универсальном характере этого института. Повсеместное его использование – с большей или меньшей интенсивностью, в зависимости от трибунала, – указывает на его эффективность и востребованность как субъекта борьбы с посягательствами на отправление международного уголовного правосудия.

В настоящей диссертации мы продемонстрировали преимущества прокурора (обвинителя) *amicus curiae* в качестве органа обвинения в связи с посягательствами на международное уголовное правосудие по сравнению с

уставным обвинителем международных уголовных трибуналов. К ним относятся и отсутствие сомнений в его беспристрастном подходе к выполнению своих функций, и срочный характер его полномочий, исключающий личную заинтересованность в исходе процесса, и отсутствие сложившихся отношений с другими участниками судопроизводства, способных повлиять на его решения. При этом, не будучи сотрудниками международных уголовных трибуналов, но выполняя функции уставных обвинителей по делам в связи с преступлениями против международного уголовного правосудия, прокуроры *amicus curiae* руководствуются в своей деятельности теми же институциональными принципами независимости, объективности, конфиденциальности, отчетности и уважения прав человека. Неукоснительное следование этим основополагающим началам является залогом справедливого судебного разбирательства, непременным условием авторитета и престижа должности международного прокурора.

Вместе с тем, как представляется, спустя почти тридцать лет непрерывного функционирования международной уголовной юстиции и в отсутствие признаков прерывания этого процесса пришло время выводить борьбу с посягательствами на отправление международного уголовного правосудия на качественно новый уровень: более системный, организованный, базирующийся на прошлом опыте как в плане преемственности положительных аспектов, так и в плане корректировки неудачных решений. В силу своей природы институт прокурора (обвинителя) *amicus curiae* неспособен интегрироваться в новую систему. Ее организацию следует мыслить вокруг перманентного органа, полностью ориентированного на выявление, преследование и превенцию преступлений против международного уголовного правосудия, – специального прокурора по посягательствам на отправление международного уголовного правосудия.

Вторым направлением для научных изысканий в рамках совершенствования механизмов борьбы с посягательствами на отправление международного уголовного правосудия могла бы стать разработка единого кодекса преступлений против отправления международного уголовного правосудия. В настоящей

диссертации мы подробно рассмотрели составы всех известных современному международному праву таких деяний, выявили пробелы и недостатки действующего правового регулирования, сделали рекомендации по их устранению, предложили перевод элементов преступлений на четыре из шести официальных языков ООН.

Особое внимание в процессе кодификации следует уделить неизвестным действующему международному праву составам преступлений, связанным со злоупотреблением полномочиями должностными лицами международных уголовных судов. Человеческая природа сотрудников международных уголовных судов столь же несовершенна, что и всех остальных людей. Стремление к беспристрастности, независимости и устойчивости к политическому давлению должно подкрепляться уверенностью в неизбежности ответственности за противоположное поведение.

Мы увидели, что ряд международно-правовых норм, входящих в институт прокурора (обвинителя) *amicus curiae,* допускает расходящиеся толкования. Один из ведущих теоретиков правового позитивизма проф. Г.Кельзен пишет, что у правовой нормы может быть несколько допустимых значений[1750], и задача исследователя состоит в том, чтобы установить их все для удобства правоприменителя. Последний может выбрать любое из этих значений, исходя из ориентации правовой политики в соответствующей сфере, что не дезавуирует остальные значения. Мы увидели также, на примере нормы Римского статута, предусматривающей уголовную ответственность за представление заведомо ложных доказательств, насколько множественность значений проблематична в случае материальных норм международного уголовного права. Наше исследование призвано содействовать более четкому пониманию содержания этих норм для лучшей правовой определенности.

Таким образом, кризис существующей архитектуры международного уголовного правосудия следует рассматривать не как конец определенной идеи, а как сигнал к ее углубленному теоретическому переосмыслению. Для науки

[1750] *Kelsen H.* On the Theory of Interpretation // Legal Studies. 1990. Vol. 10. P. 129.

международного права это ставит целый комплекс вопросов – от уточнения содержания суверенитета и универсальности до поиска новых форм согласования воль государств в условиях блокового мира. Ответы на эти вопросы во многом определят, останется ли международное уголовное правосудие эпизодом в истории международного уголовного права или станет одним из устойчивых механизмов поддержания международного мира и безопасности в XXI веке.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СОКРАЩЕНИЙ

МВТ	-	Международный Военный Трибунал для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси; Международный Военный Трибунал
МВТДВ	-	Международный Военный Трибунал для Дальнего Востока
МТБЮ (рус.) ICTY (англ.)	-	Международный трибунал для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенных на территории бывшей Югославии с 1991 года; Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии
МТР (рус.) ICTR (англ.)	-	Международный уголовный трибунал для судебного преследования лиц, ответственных за геноцид и другие серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории Руанды, и граждан Руанды, ответственных за геноцид и другие подобные нарушения, совершенные на территории соседних государств, в период с 1 января по 31 декабря 1994 года; Международный уголовный трибунал по Руанде
СТЛ (рус.) STL (англ.)	-	Специальный трибунал по Ливану для судебного преследования лиц, ответственных за нападение 14 февраля 2005 года, в результате которого погиб бывший премьер-министр Ливана Рафик Харири, а также погибшие или раненые другие лица, а также лиц, ответственных за другие нападения в Ливане в период с 1 октября 2004 года по 12 декабря 2005 года; Специальный трибунал по Ливану
СССЛ (рус.) SCSL (англ.)	-	Специальный суд для Сьерра-Леоне
ОССЛ (рус.) RSCSL (англ.)	-	Остаточный специальный суд для Сьерра-Леоне

МОМУТ (рус.) MICT (англ.)	-	Международный остаточный механизм для уголовных трибуналов
МУС (рус.) ICC (англ.)	-	Международный уголовный суд
ППД (рус.) RPE (англ.)	-	Правила процедуры и доказывания (рус.) Rules of Procedure and Evidence (англ.)
SCSL Code of Conduct for Counsel	-	Code of Professional Conduct for Counsel with the Right of Audience before the Special Court for Sierra Leone (Кодекс профессионального поведения юристов с правом участия в судебных слушаниях перед Специальным судом по Сьерра-Леоне)
ICC Office of the Prosecutor Code of Conduct	-	Code of Conduct for the Office of the Prosecutor (Кодекс поведения Канцелярии Прокурора Международного уголовного суда)
ICTY Standards of Conduct for Prosecution	-	International Tribunal for the Former Yugoslavia Prosecutor’s Regulation No 2. Standards of Professional Conduct for Prosecution Counsel (Регламент Канцелярии Прокурора Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии № 2. Стандарты профессионального поведения для прокуроров)
Стандарты Международной ассоциации прокуроров	-	Стандарты профессиональной ответственности и положение об основных обязанностях и правах прокуроров, принятые Международной ассоциацией прокуроров 23 апреля 1999 г.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Международные договоры и соглашения

1. Американская конвенция о правах человека (Сан-Хосе, 22 ноября 1969 г.) = (American Convention on Human Rights) (San José, 22 November 1969). // Organization of American States (OAS), Treaty Series, No. 36, United Nations Treaty Series. Vol. 1144. P. 123.

2. Африканская хартия прав человека и народов (Найроби, 26 июня 1981 г.) = (African Charter on Human and Peoples' Rights) (Nairobi, 26 June 1981). // Организация африканского единства, Уставные и учредительные документы, Найроби, 1982. С. 1–29.

3. Венская конвенция о дипломатических сношениях (Вена, 18.04.1961 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. - 1964 г. - № 18. - Ст. 221.

4. Венская Конвенция о праве международных договоров (Вена, 23.05.1969) // Ведомости Верховного Совета СССР. 10.09.1986. № 37. Ст. 772.

5. Договор между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о выдаче (Москва, 26.06.1995) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 14. Ст. 1668.

6. Договор о выдаче между Австралией и Соединенными Штатами Америки = (Treaty on extradition between Australia and the United States of America) (Вашингтон, 8 мая 1976 г.). // United States Treaties and Other International Agreements (UST), vol. 27 UST 957; TIAS 8234; Australian Treaty Series 1976 No 10.

7. Договор о выдаче между Соединенным Королевством и Албанией = (Extradition treaty between the United Kingdom and Albania) (Тирана, 22 июля 1926 г.). // United Nations, Treaty Series (UNTS), vol. 60, p. 191.

8. Договор о выдаче между Швейцарией и Республикой Уругвай = (Traité d'extradition entre la Suisse et la République de l'Uruguay) (27 février 1923). // Recueil officiel du droit international public de la Confédération suisse, RS 0.135.132.

9. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.)) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 20. Ст. 2143.

10. Закон Контрольного совета № 10 = (Control Council Law № 10) (Берлин, 20 декабря 1945 г.). // Ведомости Контрольного совета в Германии. – 1946. - № 3.

11. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (Нью-Йорк, 9.12.1948) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1954. № 12.

12. Конвенция о защите окружающей среды посредством уголовного законодательства (Страсбург, 4 ноября 1998 г.) = (Convention on the Protection of

the Environment through Criminal Law) (Strasbourg, 4 November 1998). // Сборник соглашений Совета Европы, ETS N 172.

13. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 26. Ст. 2780.

14. Конвенция по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок [рус., англ.] (Конвенция заключена 21.11.1997) (Пересмотренные рекомендации приняты 23.05.1997) (Рекомендации приняты 11.04.1996) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 17. Ст. 1899.

15. Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию (Страсбург, 27 января 1999 г.) = (Council of Europe Criminal Law Convention on Corruption) (Strasbourg, 27 January 1999) // Собрание законодательства Российской Федерации, 2009, № 20, ст. 2394.

16. Международный пакт о гражданских и политических правах (принят резолюцией 2200 A (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 г.). // Сборник международных договоров ООН, т. 999, с. 171.

17. Московская Декларация от 30 октября 1943 г. «Об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства». – Текст: непосредственный. – В: Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. – М.: Госполитиздат, 1955. – Вып. XI. – С. 51-52.

18. Проект соглашения о привилегиях и иммунитетах Международного уголовного суда / Ассамблея государств ó участников Римского статута Международного уголовного суда. Первая сессия. Нью-Йорк, 3 - 10 сентября 2002 года. Официальные отчеты // Документ ООН ICC-ASP/1/3, 2002.

19. Римский статут Международного уголовного суда (Рим, 17 июля 1998 года) // Документ ООН A/CONF.183/9, 17 July 1998.

20. Соглашение между Королевством Нидерланды и Организацией Объединенных Наций о штаб-квартире Специального трибунала по Ливану = (Agreement between the Kingdom of the Netherlands and the United Nations concerning the Headquarters of the Special Tribunal for Lebanon) (2007).

21. Соглашение между Королевством Нидерланды и Международным уголовным судом о штаб-квартире = (Headquarters Agreement between the International Criminal Court and the Host State), ICC-BD/04-01-0. // United Nations, Treaty Series (UNTS), vol. 25411, p. 23.

22. Соглашение между Объединенной Республикой Танзанией и Организацией Объединенных Наций о штаб-квартире Международного уголовного трибунала по Руанде = (Agreement between the United Nations and the United Republic of Tanzania concerning the headquarters of the International Tribunal

for Rwanda) (Нью-Йорк, 31 августа 1995 г.). // United Nations, Treaty Series (UNTS), vol. 20170, p. 127.

23. Соглашение между Организацией Объединенных Наций и Королевством Дания об исполнении приговоров Международного трибунала по бывшей Югославии (Гаага, 4 июня 2002 г.) = Agreement between the United Nations and the Kingdom of Denmark on the Enforcement of Sentences of The International Criminal Tribunal for The Former Yugoslavia. // United Nations, Treaty Series (UNTS), vol. 2243, p. 255.

24. Соглашение между Организацией Объединенных Наций и Королевством Нидерланды о штаб-квартире Международного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии с 1991 года = (Agreement between the United Nations and The Kingdom of The Netherlands Concerning the Headquarters of the International Tribunal for the Prosecution of Persons Responsible for Serious Violations of International Humanitarian Law Committed in the Territory of the Former Yugoslavia since 1991) (Нью-Йорк, 29 июля 1994 г.). // United Nations, Treaty Series (UNTS), vol. 19466.

25. Соглашение между Организацией Объединенных Наций и Португальской Республикой об исполнении приговоров Международного трибунала по бывшей Югославии = (Agreement Between the United Nations and the Portuguese Republic on The Enforcement of Sentences of The International Criminal Tribunal for The Former Yugoslavia) (Гаага, 19 декабря 2007 г.). // United Nations, Treaty Series (UNTS), vol. 26742.

26. Соглашение между Организацией Объединенных Наций и правительством Сьерра-Леоне о создании Специального суда для Сьерра-Леоне (Фритаун, 16 января 2002 г.) = Agreement between the United Nations and the Government of Sierra Leone on the Establishment of a Special Court for Sierra Leone. // United Nations, Treaty Series (UNTS), vol. 2178.

27. Соглашение между Организацией Объединенных Наций и правительством Ливана о создании Специального трибунала по Ливану = (Agreement between the United Nations and the Lebanese Republic on the Establishment of a Special Tribunal for Lebanon) (Бейрут, 22 января 2007 г., Нью-Йорк, 6 февраля 2007 г.). // United Nations, Treaty Series (UNTS), vol. 25074.

28. Соглашение между Правительством Республики Польша и Организацией Объединенных Наций об исполнении приговоров Международного трибунала по бывшей Югославии (Гаага, 18 сентября 2008 г.) = Agreement Between the Government of the Republic of Poland and The United Nations on the Enforcement of Sentences of The International Criminal Tribunal for The Former Yugoslavia. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.icty.org/ (дата обращения: 26.01.2025).

29. Соглашение о контрольном механизме в Германии (Лондон, 14 ноября 1944 г.). // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций,

заключенных СССР с иностранными государствами. – Вып. XI. – М.: Госполитиздат, 1955. – С. 62–65.

30. Соглашение между Правительствами Союза Советских Социалистических Республик, Соединенных Штатов Америки, Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии и Временным Правительством Французской Республики о судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран оси. Устав Международного Военного Трибунала. // Сборник действующих договоров соглашений и конвенций, заключенных СССР и иностранными государствами. Вып. XI. – М.: Госполитиздат, 1955. - № 11. - С. 163 – 183.

31. Соглашение относительно изменений в Соглашении от 14 ноября 1944 г. о контрольном механизме в Германии (Лондон, 1 мая 1945 г.). // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. – Вып. XI. – М.: Госполитиздат, 1955. – С. 66-67.

32. Устав Международного Военного Трибунала для Дальнего Востока (Токио, 19 января 1946 г.). // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. – Вып. XI. – М.: Госполитиздат, 1956. – С. 79–86.

33. Устав Международного Военного Трибунала (Лондон, 8 августа 1945 г.). –// Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. – Вып. XI. – М.: Госполитиздат, 1955. – С. 165-172.

34. Устав Организации Объединенных Наций (Сан-Франциско, 26 июня 1945 г.). // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. – Вып. XII. – М., Госполитиздат, 1956. – С. 14-47.

Документы международных организаций, международных конференций и международных органов мирного разрешения межгосударственных споров

35. Вопрос о Юго-Западной Африке: запрос консультативного заключения Международного суда // Документ ООН A/RES/338(IV), 6 December 1949.

36. Генеральная Ассамблея. Шестьдесят вторая сессия. Шестой комитет. Краткий отчет о 23-м заседании // Документ ООН A/C.6/62/SR.23, 6 December 2007. Пункт 86.

37. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций (Принята 24.10.1970 Резолюцией 2625 (XXV) на 1883-ем пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Резолюции, принятые Генеральной Ассамблеей на двадцать пятой сессии. 15 сентября - 17 декабря 1970 года. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Двадцать пятая сессия.- Нью-Йорк: ООН, 1971. С. 151 - 155.

38. Доклад Генерального секретаря, представленный во исполнение пункта 2 резолюции 808 (1993) Совета Безопасности». // Документ ООН S/25704, 3 May 1993.

39. Доклад Специального комитета по вопросу об учреждении международного уголовного суда // Документ ООН A/50/22, 1995.

40. Доклад Подготовительного комитета по вопросу об учреждении международного уголовного суда. (Работа подготовительного комитета в марте-апреле и августе 1996 года). // Документ ООН A/51/22 (Vol.I), 1996.

41. Доклад Подготовительного комитета по вопросу об учреждении международного уголовного суда. (Работа подготовительного комитета в марте-апреле и августе 1996 года). // Документ ООН A/51/22 (Vol.II), 1996.

42. Доклад Специального докладчика по вопросу о независимости судей и адвокатов Габриэлы Кнауль // Документ ООН A/HRC/20/19, 7 June 2012.

43. Документ «Принципы международного права, признанные Уставом Нюрнбергского трибунала и нашедшие выражение в решении этого трибунала», принятый на второй сессии Комиссии международного права ООН (1950 г.) // Международное публичное право. Сборник документов. Т. 2. М.: БЕК, 1996. С. 101-102.

44. Документ Комиссии Организации Объединенных Наций по праву международной торговли «Правила ЮНСИТРАЛ о прозрачности в контексте арбитражных разбирательств между инвесторами и государствами на основе международных договоров». [Электронный ресурс]. – 2014. – 1 апр. – URL: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/rules-on-transparency-r.pdf (дата обращения: 26.01.2025).

45. Документ Международной ассоциации прокуроров «Стандарты профессиональной ответственности и положение об основных обязанностях и правах прокуроров». [Электронный ресурс]. – 1999. – 23 апр. – URL: https://www.iap-association.org (дата обращения: 26.01.2025).

46. Документ ООН 2625 (XXV) «Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций». [Электронный ресурс]. – 1970. – 24 окт. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 26.01.2025).

47. Документ ООН A/RES/44/39 «Международная уголовная ответственность отдельных лиц и образований, участвующих в незаконном обороте наркотических средств через национальные границы и другой транснациональной преступной деятельности: учреждение международного уголовного суда с юрисдикцией, распространяющейся на такие преступления». [Электронный ресурс]. – 1989. – 4 дек. – URL: https://undocs.org/ru/A/RES/44/39 (дата обращения: 26.01.2025).

48. Документ ООН S/PRST/2005/4 «Заявление Председателя Совета Безопасности ООН». [Электронный ресурс]. – 2005. – 15 фев. – URL:

https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n05/238/48/pdf/n0523848.pdf (дата обращения: 26.01.2025).

49. Документ ООН S/PV.3217 «Предварительный стенографический отчет о три тысячи двести семнадцатом заседании, состоявшемся в Центральных учреждениях, Нью-Йорк, во вторник, 25 мая 1993 г., в 21 ч. 00 м.». [Электронный ресурс]. – 1993. – 25 май. – URL: https://undocs.org/ru/S/PV.3217/ (дата обращения: 26.01.2025).

50. Иммунитет государственных должностных лиц от уголовного преследования. Меморандум Секретариата // Документ ООН A/CN.4/596, 31 March 2008.

51. Подготовительная комиссия для Международного уголовного суда. Рабочая группа по правилам процедуры и доказывания. Представленное Хорватией предложение, касающееся правил процедуры и доказывания, правило 6.6. *Amicus curiae* и другие формы представления доказательств. // Документ ООН PCNICC/1999/WGRPE/DP.23, 27 July 1999.

52. Положения и правила о персонале Организации Объединенных Наций. Бюллетень Генерального секретаря // Документ ООН ST/SGB/2018/1, 2018.

53. Проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества: Доклад Рабочей группы по вопросу международной уголовной юстиции. // Документ ООН A/CN.4/L.471, 6 July 1992.

54. Проект свода правил процедуры и доказывания Международного уголовного суда. Рабочий документ, представленный Австралией и Нидерландами. // Документ ООН A/AC.249/L.2, 26 July 1996.

55. Проект кодекса преступлений против мира и безопасности человечества 1996 г. // Ежегодник Комиссии международного права ООН. 1996. Том II. Часть 1. Нью-Йорк: ООН, 2007.

56. Проекты статей об ответственности международных организаций / Комиссия международного права ООН. // Ежегодник Комиссии международного права. 2001. Том II. Часть 1. Нью-Йорк: ООН, 2007. 370 с.

57. Проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества: Доклад Рабочей группы по вопросу международной уголовной юстиции. // Документ ООН A/CN.4/L.471, 6 July 1992.

58. Проект свода правил процедуры и доказывания Международного уголовного суда. Рабочий документ, представленный Австралией и Нидерландами. // Документ ООН A/AC.249/L.2, 26 July 1996.

59. Проект кодекса преступлений против мира и безопасности человечества 1996 г. // Ежегодник Комиссии международного права ООН. 1996. Том II. Часть 1. Нью-Йорк: ООН, 2007.

60. Проекты статей об ответственности международных организаций / Комиссия международного права ООН. // Ежегодник Комиссии международного права. 2001. Том II. Часть 1. Нью-Йорк: ООН, 2007. 370 с.

61. Резолюция 808 (1993), принятая Советом Безопасности на его 3175-м заседании 22 февраля 1993 года // Документ ООН S/RES/808 (1993), 22 February 1993.

62. Резолюция 827 (1993), принятая Советом Безопасности на его 3217-м заседании 25 мая 1993 года // Документ ООН S/RES/827 (1993), 25 May 1993.

63. Резолюция 955 (1994), принятая Советом Безопасности на его 3453-м заседании 8 ноября 1994 года // Документ ООН S/RES/955 (1994), 8 November 1994.

64. Резолюция 1315 (2000), принятая Советом Безопасности на его 4186-м заседании 14 августа 2000 года // Документ ООН S/RES/1315 (2000), 14 August 2000.

65. Резолюция 1593 (2005), принятая Советом Безопасности на его 5158-м заседании 31 марта 2005 года // Документ ООН S/RES/1593 (2005), 31 March 2005.

66. Резолюция 1595 (2005), принятая Советом Безопасности на его 5160-м заседании 7 апреля 2005 года // Документ ООН S/RES/1595 (2005), 7 April 2005.

67. Резолюция 1664 (2006), принятая Советом Безопасности на его 5401-м заседании 29 марта 2006 года // Документ ООН S/RES/1664 (2006), 29 March 2006.

68. Резолюция 1757 (2007), принятая Советом Безопасности на его 5685-м заседании 30 мая 2007 года // Документ ООН S/RES/1757 (2007), 30 May 2007.

69. Резолюция 1966 (2010), принятая Советом Безопасности на его 6463-м заседании 22 декабря 2010 года // Документ ООН S/RES/1966 (2010), 22 December 2010.

70. Резолюция 1970 (2011), принятая Советом Безопасности на его 6491-м заседании 26 февраля 2011 года // Документ ООН S/RES/1970 (2011), 26 February 2011.

71. Резолюция 95(I) от 11.12.1946 Генеральной Ассамблеи «Подтверждение принципов международного права, признанных статутом Нюрнбергского трибунала» // Резолюции, принятые Генеральной Ассамблеей на второй части первой сессии с 23 октября - 15 декабря 1946 г.- Лейк Соксес, Нью-Йорк: Объединенные Нации, 1947. С. 139 - 140.

72. Резолюция 260B (III) от 09.12.1948 Генеральной Ассамблеи «Рассмотрение Комиссией международного права вопроса о международной уголовной юрисдикции» // Документ ООН A/RES/260B (III), 9 декабря 1948.

73. Резолюция 898(IX) от 14.12.1954 Генеральной Ассамблеи «Международная уголовная юстиция» // Документ ООН A/RES/898(IX), 14 декабря 1954.

74. Резолюция 44/39 от 4.12.1989 Генеральной Ассамблеи «Международная уголовная ответственность отдельных лиц и образований, участвующих в незаконном обороте наркотических средств через национальные границы и другой транснациональной преступной деятельности: учреждение

международного уголовного суда с юрисдикцией, распространяющейся на такие преступления» // Документ ООН A/RES/44/39, 4 декабря 1989.

75. Резолюция 45/117 от 14.12.1990 Генеральной Ассамблеи «Типовой договор о взаимной помощи в области уголовного правосудия». // Документ ООН A/RES/45/117, 14 December 1990.

76. Резолюция 45/116 от 14.12.1990 Генеральной Ассамблеи «Типовой договор о выдаче». // Документ ООН A/RES/45/116, 14 December 1990.

77. Эффективные национальные и международные действия по борьбе с: a) организованной преступностью; b) террористической преступной деятельностью. Предложения в отношении согласованных международных мер против форм преступлений, определенных в Миланском плане действий. Доклад Генерального секретаря // Документ ООН A/CONF.144/7, 26 July 1990.

78. African Court on Human and People's Rights Document «Practice Directions». 2012. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.african-court.org/wpafc/wp-content/uploads/2020/06/Practice-Directions-to-Guide-Potential-Litigants-En.pdf (дата обращения: 26.01.2025).

79. African Court on Human and People's Rights Document «Rules of Court». [Электронный ресурс]. – URL: https://www.african-court.org/wpafc/wp-content/uploads/2021/04/Rules-Final-Revised-adopted-Rules-eng-April-2021.pdf (дата обращения: 26.01.2025).

80. Common Code of Professional Conduct for all Counsel appearing before the International Criminal Tribunals. [Электронный ресурс]. // International Meetings of the Defence. – 2017. – URL: https://michaelgkarnavas.net/files/nuremberg-common-code-en-20170912.pdf (дата обращения: 26.01.2025).

81. Consultative Council of European Prosecutors Document Opinion № 13(2018) «Independence, accountability and ethics of prosecutors». [Электронный ресурс]. – 2018. – 23 ноя. – URL: http://www.ejtn.eu (дата обращения: 26.01.2025).

82. Council of Europe Committee of Ministers Recommendation № 97(13) Concerning Intimidation of Witnesses and the Rights of the Defence. [Электронный ресурс]. – 1997. – 10 сен. – URL: https://rm.coe.int/12-rec-97-13e/1680a6dafc (дата обращения: 26.01.2025).

83. Council of Europe Document «Explanatory Report to the Criminal Law Convention on Corruption». [Электронный ресурс]. – 1999. – 27 янв. – URL: https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=09000016800cce44 (дата обращения: 26.01.2025).

84. Document ONU A/AC.249/L.2 «Projet de règlement de procédure et de preuve pour la Cour criminelle internationalle: document de travail - présenté par l'Australie et les Pays Bas». [Электронный ресурс]. – 1996. – 27 июл. – URL: https://www.legal-tools.org/doc/2c3c35 (дата обращения: 26.01.2025).

85. Document ONU A/CN.4/L.471 «Projet de code des crimes contre la paix et la sécurité de l'humanité (Partie II) – avec le Statut pour une cour criminelle

internationale». [Электронный ресурс]. // Annuaire de la Commission du droit international. – 1992. – Vol. II(2). – 1 CD-ROM. – Загл. с этикетки диска.

86. Document ONU Supplément 11 (A/2136) «Rapport du Comité pour une juridiction criminelle internationale sur les travaux de sa session tenue du 1er au 31 août 1951». [Электронный ресурс]. – 1951. – 1 CD-ROM. – Загл. с этикетки диска.

87. Draft proposal to define the principles recognized in the charter of the Nuremberg Tribunal and in the judgment of the Tribunal. Memorandum submitted by the Delegate for France. Draft proposal for the establishment of an International Court of Criminal Jurisdiction // Документ ООН A/AC.10/21, 15 May 1947.

88. Draft Statute for an International Criminal Court with commentaries 1994 // Yearbook of the International Law Commission. 1994. Vol. II, Iss. 2. P.26-74.

89. Draft Code of Crimes against the Peace and Security of Mankind with commentaries (ILC. Draft Code 1996) // Yearbook of the International Law Commission. Vol. II. Part Two. NY: UN, 1997.

90. Interamerican Court of Human Rights Document «Rules of Procedure». [Электронный ресурс]. – 2009. – URL: https://www.corteidh.or.cr/reglamento.cfm?lang=en (дата обращения: 26.01.2025).

91. International Bar Association Document «Witnesses before the International Criminal Court - An International Bar Association International Criminal Court Program report on the ICC's efforts and challenges to protect, support and ensure the rights of witnesses». [Электронный ресурс]. – 2013. – URL: http://www.ibanet.org/ (дата обращения: 26.01.2025).

92. International Commission of Jurists Document «The International Criminal Court: third ICJ position paper». [Электронный ресурс]. – 1995. – URL: https://www.icj.org/wp-content/uploads/2013/10/International-Criminal-Court-position-paper-1995-eng.pdf (дата обращения: 26.01.2025).

93. International Court of Justice Document «Practice Directions». [Электронный ресурс]. – 2001-2009. – URL: https://www.icj-cij.org/practice-directions#fn1 (дата обращения: 26.01.2025).

94. International Criminal Court Assembly of States Parties Resolution ICC-ASP/2/Res.2 «Staff Regulations». [Электронный ресурс]. – 2003. – URL: https://www.icc-cpi.int/ (дата обращения: 26.01.2025).

95. International Criminal Court Assembly of States Parties Resolution ICC-ASP/4/3 «Staff Rules». [Электронный ресурс]. – 2005. – 29 июн. – URL: https://www.icc-cpi.int/ (дата обращения: 26.01.2025).

96. International Criminal Court Document «Code of Conduct for Intermediaries». [Электронный ресурс]. – 2014. – URL: https://www.icc-cpi.int/ (дата обращения: 26.01.2025).

97. International Criminal Court Document «Guidelines Governing the Relations between the Court and Intermediaries for the Organs and Units of the Court

and Counsel working with intermediaries». [Электронный ресурс]. – 2014. – URL: https://www.icc-cpi.int/ (дата обращения: 26.01.2025).

98. International Criminal Court Document «Report on the Adoption by the Judges of Provisional Amendments to Rule 165 of the Rules of Procedure and Evidence». [Электронный ресурс]. – 2016. – 29 фев. – URL: https://www.icc-cpi.int/ (дата обращения: 26.01.2025).

99. International Criminal Court Document ICC/INF/2015/008 «Information Circular on the United Nations Laissez-Passer». [Электронный ресурс]. – 2015. – 19 мар. – URL: https://www.icc-cpi.int/ (дата обращения: 26.01.2025).

100. International Criminal Court Document ICC-BD/02-01-05 «Code of Judicial Ethics». [Электронный ресурс]. – 2005. – 2 янв. – URL: https://www.icc-cpi.int/ (дата обращения: 26.01.2025).

101. International Criminal Court Document ICC-BD/03-03-13 «Regulations of the Registry». [Электронный ресурс]. – 2006. – 6 мар. – URL: https://www.icc-cpi.int/sites/default/files/Regulations-of-the-Registry.pdf (дата обращения: 26.01.2025).

102. International Criminal Court Document ICC-PIOS-LT-03-006/24 «Rules of Procedure and Evidence». [Электронный ресурс]. – 2018. – 11 дек. – URL: https://www.icc-cpi.int/sites/default/files/RulesProcedureEvidenceEng.pdf (дата обращения: 26.01.2025).

103. International Criminal Court Office of the Prosecutor «Code of Conduct for the Office of the Prosecutor». [Электронный ресурс]. – 2013. – 5 сен. – URL: URL: https://www.icc-cpi.int/ (дата обращения: 26.01.2025).

104. International Criminal Court Office of the Prosecutor Document «Report on Preliminary Examination Activities (2017)». [Электронный ресурс]. – 2017. – 4 дек. – URL: https://www.icc-cpi.int/ (дата обращения: 26.01.2025).

105. International Criminal Court Office of the Prosecutor Document «Report on Preliminary Examination Activities (2018)». [Электронный ресурс]. – 2018. – 5 дек. – URL: https://www.icc-cpi.int/ (дата обращения: 26.01.2025).

106. International Criminal Court Office of the Prosecutor Document RPZ-0000001 y RPZ-003 «Escrito de *Amicus curiae* de la Fiscal de la Corte Penal Internacional Sobre la Jurisdiccion Especial Para la Paz: Ante la Corte Constitucional de la Republica de Colombia». [Электронный ресурс]. – 2018. – 18 окт. – URL: http://cr00.epimg.net/descargables/2017/10/21/17135b6061c7a5066ea86fe7e37ce26a.pdf?int=masinfo (дата обращения: 26.01.2025).

107. International Criminal Tribunal for Rwanda Document «Guidelines on the Remuneration of Expert Witnesses Appearing before the International Criminal Tribunal for Rwanda». [Электронный ресурс]. – URL: https://www.legal-tools.org/doc/983aa0/pdf/ (дата обращения: 26.01.2025).

108. International Criminal Tribunal for Rwanda Document «Rules of Procedure and Evidence». [Электронный ресурс]. – 2015. – 13 май. – URL:

http://ww.unictr.org/sites/unictr.org/files/legal-library/150513-rpe-enfr.pdf (дата обращения: 26.01.2025).

109. International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia Document IT/32/Rev.50 «Rules of Procedure and Evidence». [Электронный ресурс]. – 2015. – 8 июл. – URL: https://www.icty.org/ (дата обращения: 26.01.2025).

110. International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia Document IT/122/Rev.l «Information Concerning the Submission of *Amicus curiae* Briefs». [Электронный ресурс]. – 2015. – 16 фев. – URL: https://www.icty.org (дата обращения: 26.01.2025).

111. International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia Document IT/227 «Practice Direction on Procedure for the Investigation and Prosecution of Contempt before the International Tribunal». [Электронный ресурс]. – 2004. – 6 май (Practice Direction IT/227). – URL: https://www.icty.org/ (дата обращения: 19.05.2025).

112. International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia Document «ICTY Manual on Developed Practices». [Электронный ресурс]. – 2009. – URL: https://www.icty.org (дата обращения: 26.01.2025).

113. International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia Document IT/121/REV.2 «Directive for the Court Management and Support Services Section Judicial Support Services Registry». [Электронный ресурс]. – 2011. –19 янв. – URL: https://www.icty.org (дата обращения: 26.01.2025).

114. International Tribunal for the Former Yugoslavia Document «Prosecutor's Regulation No 2. Standards of Professional Conduct for Prosecution Counsel». [Электронный ресурс]. – 1999. – URL: https://www.icty.org (дата обращения: 26.01.2025).

115. International Tribunal for the Law of the Sea Document ITLOS/8 «Rules of the Tribunal». [Электронный ресурс]. – 2009. – 17 мар. – URL: https://www.itlos.org/fileadmin/itlos/documents/basic_texts/Itlos_8_E_17_03_09.pdf (дата обращения: 26.01.2025).

116. League of Nations Document «Procès-verbal of the 10th Session of the Council held in Brussels, 20–28 October 1920». [Электронный ресурс]. – 1920. – 1 CD-ROM. – Загл. с этикетки диска. – Текст: электронный.

117. League of Nations Document «Records of the First Assembly, Meetings of the Committees». [Электронный ресурс]. – 1921. – 1 CD-ROM. – Загл. с этикетки диска. – Текст: электронный.

118. Offenses against the Integrity of the Court: Preparatory Committee on the Establishment of an International Criminal Court: Proposal Submitted by the United States of America // Документ ООН A/AC.249/WP.41, 24 August 1996.

119. Palestine Article 12(3) Declaration (signed by Mahmoud Abbas as President of the State of Palestine). [Электронный ресурс]. – 2014. – 31 дек. – URL:

https://www.icc-cpi.int/iccdocs/pids/press/palestine_a_12-3.pdf (дата обращения: 26.01.2025).

120. Preparatory Commission for the International Criminal Court. Working Group on Rules of Procedure and Evidence. Proposal by Italy Concerning Article 70 of the Rome Statute» // Документ МУС PCNICC/1999/WGRPE/DP.17, 26 July 1999.

121. Principles of International Law recognized in the Charter of the Nürnberg Tribunal and in the Judgment of the Tribunal, with commentaries. // Yearbook of the International Law Commission. 1950. Vol. II. P. 374–378.

122. Projet de statut d'une cour criminelle internationale / Rapport de la Commission du droit international sur les travaux de sa quarante-sixième session (2 mai – 22 juillet 1994), Vol II. // Документ ООН A/49/10, 1994.

123. Report of the 1953 Committee on International Criminal Jurisdiction, 27 July-20 August 1953 // Документ ООН AP2645, 1954.

124. Report of the Preparatory Committee on the Establishment of an International Criminal Court, Addendum. // Документ ООН A/CONF.183/2/Add.1, 14 April 1998.

125. Revised Abbreviated Compilation – Article 28: Arrest, Preparatory Committee on the Establishment of an International Criminal Court, Working Group on Procedural Matters. // Документ ООН A/AC.249/1997/WG.4/CRP.10, 8 September 1997.

126. Special Court for Sierra Leone Document «Code of Ethics for Interpreters and Translators Employed by the Special Court for Sierra Leone». [Электронный ресурс]. – 2004. – 25 май. – URL: https://www.rscsl.org (дата обращения: 26.01.2025).

127. Special Court for Sierra Leone Document «Code of Professional Conduct for Counsel with the Right of Audience before the Special Court for Sierra Leone». [Электронный ресурс]. – 2005. – 14 май. – URL: https://www.rscsl.org (дата обращения: 26.01.2025).

128. Special Court for Sierra Leone Document «Rules of Procedure and Evidence». [Электронный ресурс]. – 2012. – 31 май. – URL: https://www.rscsl.org/Documents/RPE.pdf (дата обращения: 26.01.2025).

129. Special Tribunal for Lebanon Document «Seventh Annual Report (2015-2016)». [Электронный ресурс]. – 2016. – URL: https://www.securitycouncilreport.org (дата обращения: 26.01.2025).

130. Special Tribunal for Lebanon Document «Sixth Annual Report (2014-2015)». [Электронный ресурс]. – 2015. – URL: https://www.securitycouncilreport.org (дата обращения: 26.01.2025).

131. Special Tribunal for Lebanon Document STL/PD/2013/06 «Practice Direction on Designation of Judges in Matters of Contempt, Obstruction of Justice and

False Testimony». [Электронный ресурс]. – 2013. – 11 мар. – URL: https://www.stl-tsl.org (дата обращения: 26.01.2025).

132. Special Tribunal for Lebanon Document STL-BD-2009-01-Rev.6-Corr.1 «Rules of Procedure and Evidence». [Электронный ресурс]. – 2014. – 3 апр. – URL: https://www.legal-tools.org/doc/564ebf/pdf/ (дата обращения: 26.01.2025).

133. Trials of War Criminals Before the Nuernberg Military Tribunals under Control Council Law № 10 (Ministries Case). [Электронный ресурс]. – 1949. – Vol. 13. –URL: https://www.loc.gov/rr/frd/Military_Law/pdf/NT_war-criminals_Vol-XIII.pdf (дата обращения: 26.01.2025).

134. The Status and Role of Prosecutors: A United Nations Office on Drugs and Crime and International Association of Prosecutors Guide. [Электронный ресурс]. - 2014. P.13-15. – URL: https://www.unodc.org/documents/justice-and-prison-reform/14-07304_ebook.pdf (дата обращения: 26.01.2025).

135. United Nations Diplomatic Conference of Plenipotentiaries on the Establishment of an International Criminal Court. Documents of the Committee of the Whole, Working Paper on Article 23, paragraphs 5 and 6. // Документ ООН A/CONF.183/C.1/WGGP/L.5/Rev.2, 3 July 1998.

136. United Nations Diplomatic Conference of Plenipotentiaries on the Establishment of an International Criminal Court (15 June – 17 July, 1998). 26th meeting of the Committee of the Whole // Документ ООН A/CONF.183/C.1/SR.26, 20 November 1998.

137. U.N. Document S/2000/915 «Report of the Secretary-General on the establishment of a Special Court for Sierra Leone». [Электронный ресурс]. – 2000. – 4 Oct. – URL: https://www.refworld.org/reference/countryrep/unsc/2000/en/30376 (дата обращения: 26.01.2025).

138. U.N. War Crimes Commission Document «Record of Proceedings of the Trial by Canadian Military Court of Robert Hölzer and Walter Weigel and Wilhelm Ossenbach held at Aurich, Germany, 25 March – 6 April 1946». [Электронный ресурс]. – URL: https://www.legal-tools.org (дата обращения: 26.01.2025).

139. UN Document A.CONF.169/15/Add.1(1995) «Fourth UN Survey of Crime Trends and Operations of Criminal Justice Systems». [Электронный ресурс]. – 1995. – 4 апр. – URL: https://www.unodc.org/ (дата обращения: 26.01.2025).

140. UN Document A/AC.10/21 «Draft proposal to define the principles recognized in the charter of the Nuremberg Tribunal and in the judgment of the Tribunal. Memorandum submitted by the Delegate for France. Draft proposal for the establishment of an International Court of Criminal Jurisdiction». [Электронный ресурс]. – 1947. – 15 май. – URL: https://digitallibrary.un.org/ (дата обращения: 26.01.2025).

141. UN Document A/AC.249/1998/WG.4/CRP.3 «United Nations Diplomatic Conference of Plenipotentiaries on the Establishment of an International Criminal Court. Preliminary Draft Consolidated Text. Article 63 (44 Bis), Offences or Acts

against the Integrity of the Court». [Электронный ресурс]. – 1998. – 25 мар. – URL: https://www.legal-tools.org/uploads/tx_ltpdb/doc21108.pdf (дата обращения: 26.01.2025).

142. UN Document A/AC.249/WP.41 «Offenses against the Integrity of the Court: Preparatory Committee on the Establishment of an International Criminal Court: Proposal Submitted by the United States of America». [Электронный ресурс]. – 1996. – 24 авг. – URL: https://www.legal-tools.org/uploads/tx_ltpdb/doc30951.pdf (дата обращения: 26.01.2025).

143. UN Document A/CONF.183/C.1/WGGP/L.5/Rev.2 «United Nations Diplomatic Conference of Plenipotentiaries on the Establishment of an International Criminal Court. Documents of the Committee of the Whole, Working Paper on Article 23, paragraphs 5 and 6». [Электронный ресурс]. – 1998. – 3 июл. – URL: https://digitallibrary.un.org/ (дата обращения: 26.01.2025).

144. UN Document A/CONF.183/C.1/WGPM/L.13 «Proposal Submitted by Japan on Article 70». [Электронный ресурс]. – 1998. – 25 июн. – URL: https://digitallibrary.un.org/record/259962/files/A_CONF.183_C.1_WGPM_L.13-EN.pdf (дата обращения: 26.01.2025).

145. UN Document A/CONF.183/C.1/WGPM/L.2/Add.7 «United Nations Diplomatic Conference of Plenipotentiaries on the Establishment of an International Criminal Court. Report of the Working Group on Procedural Matters». [Электронный ресурс]. – 1998. – 14 июл. – URL: https://www.legal-tools.org/doc/ea2a04/pdf (дата обращения: 26.01.2025).

146. UN Document A/CONF.183/C.1/WGPM/L.68/Rev.1 «Working Paper on Article 70, Working Group on Procedural Matters». [Электронный ресурс]. – 1998. – 10 июл. – URL: https://legal.un.org/ (дата обращения: 31.08.2025).

147. United Nations Office on Drugs and Crime Document «The Status and Role of Prosecutors: A United Nations Office on Drugs and Crime and International Association of Prosecutors Guide». [Электронный ресурс]. – 2014. – URL: https://www.unodc.org/documents/justice-and-prison-reform/14-07304_ebook.pdf (дата обращения: 26.01.2025).

Нормативные правовые акты Российской Федерации

148. Закон Российской Федерации. О статусе судей в Российской Федерации: Федеральный Закон: от 26 июня 1992 г. N 3132-I. // Российская газета. – 1992. – № 170.

149. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (с последующими изменениями и дополнениями, в редакции по состоянию на 01.08.2025) [Электронный ресурс]. // «СПС КонсультантПлюс».

150. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (с последующими изменениями и дополнениями, в редакции по состоянию на 01.08.2025) [Электронный ресурс]. // «СПС КонсультантПлюс».

151. Указ Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 14. Ст. 2406.

Нормативные правовые акты, материалы законодательной практики иностранных государств

152. Law on the Establishment of the Extraordinary Chambers, with Inclusion of Amendments as Promulgated on 27 October 2004 (NS/RKM/1004/006). [Электронный ресурс]. – URL: https://www.unimarburg.de/ (дата обращения: 26.01.2025).

153. Special Prosecutor Provisions of Ethics in Government Act of 1978: a report prepared by the Subcommittee on Oversight of Government Management of the Committee on Governmental Affairs, United States Senate. – Washington: U.S. Government Printing Office, 1981. – Pp. 1–59.

154. Бангладеш. Уголовный кодекс от 06.10.1860 г. (Penal Code, Act No. XLV of 1860). – Принят Законодательным советом Бенгалии. – Официальное издание: Laws of Bangladesh, 1860 (англ.). [Электронный ресурс]. – URL: http://bdlaws.minlaw.gov.bd (дата обращения: 01.09.2025).

155. Венгрия. Акт «О мерах уголовно-правового характера» 2001 г. (Act on Criminal Law Measures, 2001). – Принят Национальным собранием Венгрии (Országgyűlés). [Электронный ресурс]. – URL: https://www.imolin.org (дата обращения: 01.09.2025).

156. Гватемала. Уголовный кодекс от 27.07.1973 г. (Decreto 17-73). – Принят Национальным конгрессом Гватемалы (Congreso de la República). – Официальное издание: Diario de Centro América, 1973, № 165, с. 1–100 (исп.). [Электронный ресурс]. – URL: http://www.wipo.int (дата обращения: 01.09.2025).

157. Индия. Уголовный кодекс от 06.10.1860 г. (Indian Penal Code, Act No. 45 of 1860). – Принят Британским парламентом. – Официальное издание: The Gazette of India, 6 октября 1860 г., № 16, с. 1–150. [Электронный ресурс]. – URL: http://chddistrictcourts.gov.in (дата обращения: 01.09.2025).

158. Исландия. Закон об уголовном судопроизводстве (Lög um meðferð sakamála nr. 88/2008) от 12 июня 2008 г., вступил в силу 1 января 2009 г., с изменениями. – Принят парламентом Исландии (Althingi). – Официальное издание: Stjórnartíðindi, официальный вестник Исландии. [Электронный ресурс]. – https://sherloc.unodc.org/cld/uploads/res/document/isl/2003/law-on-criminal-procedure_html/Iceland_Law_on_Criminal_Procedure_2008_in_Icelandic.pdf (дата обращения: 01.09.2025).

159. Исландия. Общий Уголовный кодекс от 12.02.1940 г. (Almenn hegningarlög, 12. februar 1940). – Принят парламентом Исландии (Alþingi). – Официальное издание: Lögbirtingarblað, 1940, № 3 (исл.). [Электронный ресурс]. – URL: http://www.parliament.am (дата обращения: 01.09.2025).

160. Испания. Уголовный кодекс от 23.11.1995 г. (Ley Orgánica 10/1995, de 23 de noviembre, del Código Penal). – Принят Конгрессом депутатов Испании (Congreso de los Diputados). – Официальное издание: Boletín Oficial del Estado (B.O.E.), № 281, 24 ноября 1995, с. 33987 (исп.). [Электронный ресурс]. – URL: http://www.mjusticia.gob.es (дата обращения: 01.09.2025).

161. Испания. Органический статут прокуратуры (Estatuto Orgánico del Ministerio Fiscal): закон 50/1981 от 30 декабря 1981 г.; с изм. и доп., внесенными законом 14/2003 от 26 мая 2003 г. // Boletín Oficial del Estado. 13.01.1982. Nº 11. P. 938–944; с изм.: BOE-A-2003-10523, BOE, 25.06.2003 (исп.). [Электронный ресурс]. – URL: https://www.boe.es/buscar/doc.php?id=BOE-A-1981-3896 (дата обращения: 22.02.2026).

162. Канада. Уголовный кодекс 1892 г., редакция 1985 г. (Criminal Code, S.C. 1985, c. C-46). – Принят парламентом Канады. – Официальное издание: Statutes of Canada, 1985, Chapter C-46, с. 1–700 (англ./фр.). [Электронный ресурс]. – URL: http://laws-lois.justice.gc.ca (дата обращения: 01.09.2025).

163. Кения. Уголовный кодекс 1930 г. (Penal Code Act, No. 10 of 1930). – Принят Законодательным советом Кении. – Официальное издание: Kenya Gazette, 29 мая 1930 г., № 27, с. 15–120. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.kenyalaw.org (дата обращения: 01.09.2025).

164. Китайская Народная Республика. 中华人民共和国刑法（1997年修订）[Уголовный закон Китайской Народной Республики] .– The Central People’s Government of the People’s Republic of China. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.spp.gov.cn/spp/fl/201802/t20180206_364975.shtml (дата обращения 15.08.2025).

165. Кодекс Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей: текст: официальное издание. – 2006. – 29 июн. – Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2006, № 107, 2/1236, с. 1–179.

166. Королевство Бельгия. Уголовный кодекс от 08.06.1867 г. (Code pénal, 8 juin 1867). – Принят Национальным законодательным собранием Королевства Бельгии. – Официальное издание: Moniteur belge, 09.06.1867, № 134, с. 3133 (фр.). [Электронный ресурс]. – URL: https://scienceforum.ru/2018/article/2018006030 (дата обращения: 01.09.2025).

167. Королевство Дания. Уголовный кодекс от 27.09.2005 г. (Straflov, 27. september 2005). – Принят парламентом Дании (Folketing). – Официальное издание: Lovtidende, 2005, № 89, с. 3317 (дат.). [Электронный ресурс]. – URL: https://www.unodc.org (дата обращения: 01.09.2025).

168. Королевство Нидерландов. Уголовный кодекс от 03.03.1881 г. (Wetboek van Strafrecht, 3 maart 1881). – Принят парламентом Нидерландов (Staten-Generaal). – Официальное издание: Staatsblad van het Koninkrijk der

Nederlanden, 1881, № 36 (нед.). [Электронный ресурс]. – URL: http://www.ejtn.eu (дата обращения: 01.09.2025).

169. Литовская Республика. Уголовный кодекс от 14.03.2002 г. (Criminal Code of the Republic of Lithuania, 14 March 2002). – Принят Сеймом Литвы. – Статья 20. – Официальное издание: Закон № VIII-1968 от 26 сентября 2000 г. с изменениями (лит.). [Электронный ресурс]. – URL: https://policehumanrightsresources.org/content/uploads/2016/08/Criminal-Code-Lithuania-2000.pdf (дата обращения: 01.09.2025).

170. Малайзия. Уголовный кодекс (Kanun Keseksaan) от 27.12.1971 г. – Принят парламентом Малайзии (Dewan Rakyat). – Официальное издание: Laws of Malaysia, Act 574, опубликовано 1 октября 1971, P.U.(B) 339/1971. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.agc.gov.my (дата обращения: 01.09.2025).

171. Марокко. Уголовный кодекс от 17.06.1963 г. (Code pénal, promulgué par Dahir n° 1-59-413 du 28 Joumada II 1382 (26 novembre 1962)). – Принят Королевским указом Короля Мухаммеда V. – Официальное издание: Bulletin Officiel № 2640 bis от 5 июня 1963 г., с. 843. [Электронный ресурс]. – URL: http://adala.justice.gov.ma (дата обращения: 01.09.2025).

172. ОАЭ. Уголовный кодекс 1987 г. (Federal Law No. 3 of 1987 Concerning the Penal Code) – Принят Федеральным Национальным Советом ОАЭ. – Официальное издание: Официальный вестник ОАЭ, 8 декабря 1987 г., № 362, с. 1–120. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.vertic.org/ (дата обращения: 01.09.2025).

173. Португальская Республика. Уголовный кодекс от 05.08.2015 г. (Código Penal, 5 de agosto de 2015). – Принят Португальским парламентом (Assembleia da República). – Официальное издание: Diário da República, Série I, nº 153, 2015, с. 5627 (порт.). [Электронный ресурс]. – URL: http://www.legislationline.org (дата обращения: 01.09.2025).

174. Республика Корея. Акт о борьбе с подкупом иностранных должностных лиц 1998 г. (Act on Combating Bribery of Foreign Public Officials in International Business Transactions, Act No. 5588 от 28 декабря 1998 г.). – Принят Национальным собранием Республики Корея. – Официальное издание: Законодательный Сертификат Республики Корея № 5588, 28 декабря 1998 г., Government Gazette (Канбо), 1998, № 5442, с. 1–30. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.oecd.org/ (дата обращения: 01.09.2025).

175. Республика Корея. Закон о назначении специального прокурора (특별검사의 임명 등에 관한 법률). – Принят Национальным собранием Республики Корея. – Официальный бюллетень Республики Кореи, Министерство юстиции, 2014, Закон № 12423 от 18.03.2014, вступил в силу 19.06.2014. [Электронный ресурс]. – URL: https://elaw.klri.re.kr/kor_service/lawViewTitle.do?hseq=34924 (дата обращения: 01.09.2025).

176. Республика Корея. Закон о назначении специального прокурора по делу о государственных изменах и действиях против нацбезопасности, совершенных бывшим президентом Юн Сок Елем и др. (내란 특검법 (윤석열 전 대통령 등에 의한 내란·외환 행위의 진상규명을 위한 특별검사 임명 등에 관한 법률). – Принят Национальным собранием Республики Корея. – Закон № 20245, 10.12.2024. – Официальный сайт Национального центра правовой информации. – 2024. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.law.go.kr/ (дата обращения: 01.09.2025).

177. Республика Корея. Национальный архив Республики Корея. Специальный прокурор (국가기록원. 특별검사제). – Принят Национальным собранием Республики Корея. – Официальный бюллетень Республики Кореи, Министерство юстиции, 2012, Закон № 6031 от 30.09.1999. [Электронный ресурс]. URL: https://www.archives.go.kr/next/newsearch/listSubjectDescription.do?id=000958&sitePage=1-2-3 (дата обращения: 01.09.2025).

178. Румыния. Уголовный кодекс от 01.02.2014 г. (Codul penal, 1 februarie 2014). – Принят парламентом Румынии. – Официальное издание: Monitorul Oficial al României, парти 1, № 94, 2014 (рум.). [Электронный ресурс]. – URL: http://ugolovnykodeks.ru (дата обращения: 01.09.2025).

179. Постановление Правительства Румынии об учреждении Национального антикоррупционного управления: чрезвычайная правительственная ордонанса № 43 от 4 апреля 2002 г. (Ordonanță de urgență a Guvernului nr. 43 din 4 aprilie 2002 privind Direcția Națională Anticorupție); утверждена Законом № 503/2002 и впоследствии изменена и дополнена // Monitorul Oficial al României. Partea I. 10.04.2002. Nr. 244. (с изм. и доп., в т.ч. Legea nr. 503/2002). (рум.). [Электронный ресурс]. – URL: https://legislatie.just.ro/Public/DetaliiDocument/35165 (дата обращения: 22.02.2026).

180. Сенегал. Уголовный кодекс от 21.07.1965 г. (Code pénal, Loi n° 65-60 du 21 juillet 1965). – Принят Национальным собранием Сенегала. – Официальное издание: Journal Officiel de la République du Sénégal, 21 июля 1965, № 56, с. 843–917 (фр.). [Электронный ресурс]. – URL: http://www.droit-afrique.com (дата обращения: 01.09.2025).

181. Сирия. Уголовный кодекс от 22.06.1949 г. (قانون العقوبات السوري, Legislative Decree No. 148/1949). – Принят Народным советом Сирии. – Официальное издание: Сирийский официальный вестник 22 (الوقائع السورية), июня 1949 г., № 29, с. 200–275 (араб.). [Электронный ресурс]. – URL: http://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/10917 (дата обращения: 01.09.2025).

182. США. Закон об этике в правительстве (*Ethics Act*). – Принят Сенатом США (United States Senate) 26 октября 1978 года; вступил в силу 7 ноября 1978 года. – Washington: U.S. Government Printing Office, 1978. – Pp. 1–44.

183. Финляндия. Уголовный кодекс от 01.05.1894 г. (Rikoslaki 39/1889) – Принят парламентом Финляндии. – Официальное издание: Suomen säädöskokoelma (Финский сборник законов), 1889, № 39, с. 1–200. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.finlex.fi/fi/lainsaadanto/1889/39-001 (дата обращения: 01.09.2025).

184. Французская Республика. Уголовный кодекс от 22.07.1992 г. (Code pénal, 22 juillet 1992). – Принят Национальным собранием Французской Республики. – Официальное издание: Journal officiel de la République française (JORF), 24 juillet 1992, № 171, с. 10315 (фр.). [Электронный ресурс]. – URL: https://www.booksite.ru/localtxt/hre/sto/mat/iay/gos/prav/zar/str/20.htm (дата обращения: 01.09.2025).

185. Закон о Управлении по борьбе с коррупцией и организованной преступностью (Zakon o Uredu za suzbijanje korupcije i organiziranog kriminaliteta): закон Республики Хорватия от 28 сентября 2001 г. // Narodne novine. 10.10.2001. № 88. Ступил в силу 19.10.2001 г. (с последующими изм. и доп.). (хорват.). [Электронный ресурс]. – URL: https://narodne-novine.nn.hr/clanci/sluzbeni/2001_10_88_1497.html (дата обращения: 22.02.2026).

186. Швейцарская Конфедерация. Уголовный кодекс от 21.12.1937 г. (Schweizerisches Strafgesetzbuch, 21. Dezember 1937). – Принят Федеральным собранием Швейцарской Конфедерации. – Официальное издание: Bundesblatt/Fédération/Messaggi Federal/Strumenti federali, 1937, № 3 (нем./фр./итал.). [Электронный ресурс]. – URL: https://www.admin.ch (дата обращения: 01.09.2025).

187. Южно-Африканская Республика. Акт об уголовном процессе № 51 от 1977 г. (Criminal Procedure Act, 1977, Act No. 51 of 1977). – Принят парламентом ЮАР. – Официальное издание: Government Gazette, 6 мая 1977 г., № 5532, с. 1–221. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.justice.gov.za (дата обращения: 01.09.2025).

188. Япония. Акт о противодействии недобросовестной конкуренции 2005 г. (Act on Prohibition of Private Monopolization and Maintenance of Fair Trade, 2005). – Принят Императорским парламентом Японии (Коккай). – Официальное издание: Official Gazette of Japan (Kampo), 2005, № 175, с. 209–220 (яп.). [Электронный ресурс]. – URL: https://www.oecd.org (дата обращения: 01.09.2025).

189. Япония. Закон о прокуратуре (検察庁法) № 61 от 16 апреля 1947 г., эпоха Сева 22. – Принят Императорским парламентом Японии (Коккай). – e-Gov Japan: официальный сайт. [Электронный ресурс]. – URL: https://laws.e-gov.go.jp/law/322AC0000000061/ (дата обращения: 01.09.2025).

190. Япония. Приказ Министерства юстиции № 1 о внутреннем устройстве прокуратуры (検察庁事務章程) от 6 апреля 1985 г., с поправками от 1 апреля 2025

г.. – Издан Министерством юстиции Японии. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.moj.go.jp/content/001437028.pdf (дата обращения: 01.09.2025).

Материалы международной судебной и арбитражной практики

Постоянная палата международного правосудия

191. *Certain German Interests in Polish Upper Silesia (Merits).* Judgment dated May 25, 1926 // Permanent Court of International Justice Reports. – 1926. – Series A, No. 7. – P. 75–98.

192. *Diversion of Water from the Meuse (The Netherlands v. Belgium).* Judgment of June 28, 1937 // Permanent Court of International Justice Reports. – 1937. – Series A/B, No. 70. – P. 383–412.

193. *Interpretation of the Greco-Turkish Agreement of December 1st, 1926 (Final Protocol, Article IV).* Advisory Opinion dated August 28, 1928 // Permanent Court of International Justice Reports. – 1928. – Series B, No. 16. – P. 123–135.

194. *Mavrommatis Palestine Concessions (Greece v. UK).* Judgment dated August 30, 1924 // Permanent Court of International Justice Reports. – 1924. – Series A, No. 2. – P. 12–34.

195. *Question of Jaworzina (Polish–Czechoslovakian Frontier).* Advisory Opinion dated December 6, 1923 // Permanent Court of International Justice Reports. – 1923. – Series B, No. 8. – P. 195–207.

196. *S.S. Lotus Case (France v. Turkey).* Judgment № 9 dated September 7, 1927 // Publications of the Permanent Court of International Justice. – 1927. – Ser. A. – № 10. – P. 4–84.

Международный Суд Организации Объединенных Наций

197. *Aerial Incident of 3rd July 1988 (Islamic Republic of Iran v. United States of America).* Letter № 3 (The Agent of the Islamic Republic of Iran to the Registrar of the International Court of Justice) // International Court of Justice Reports. – 1988. – Part IV: Correspondence. – P. 1–9.

198. *Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Bosnia and Herzegovina v. Serbia and Montenegro).* Order dated December 17, 1997: “Counter-Claims” // International Court of Justice Reports. – 1997. – Vol. 97. – P. 594–601.

199. *Asylum Case //* International Court of Justice Pleadings. – 1950. – Vol. II. – P. 100–134.

200. *Case concerning the Arrest Warrant of 11 April 2000 (Democratic Republic of the Congo v. Belgium).* Judgment dated February 14, 2002 // International Court of Justice Reports. – 2002. – Vol. 121. – P. 3–80.

201. *Case Concerning The Barcelona Traction, Light and Power Company, Limited (Belgium v. Spain).* Judgment dated February 5, 1970 // International Court of Justice Reports. – 1970. – Vol. 24. – P. 3–74.

202. *Certain Expenses of the United Nations (Article 17, paragraph 2, of the Charter).* Advisory Opinion dated July 20, 1962 // International Court of Justice Reports. – 1962. – Vol. 19. – P. 151–187.

203. *Construction of a Road in Costa Rica along the San Juan River (Nicaragua v. Costa Rica).* Judgment dated December 16, 2015 // International Court of Justice Reports. – 2015. – Vol. 215. – P. 1–57.

204. *Continental Shelf (Tunisia/Libyan Arab Jamahiriya).* Judgment on Application by Malta for Permission to Intervene dated April 14, 1981 // International Court of Justice Reports. – 1981. – Vol. 21. – P. 3–20.

205. *Corfu Channel (United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland v. Albania).* Order dated December 17, 1948 // International Court of Justice Reports. – 1948. – Vol. 2. – P. 124–135.

206. *Corfu Channel (United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland v. Albania).* Merits, Judgment dated April 9, 1949 // International Court of Justice Reports. – 1949. – Vol. 3. – P. 22–85.

207. *Difference Relating to Immunity from Legal Process of a Special Rapporteur of the Commission on Human Right.* Advisory Opinion dated April 29, 1999 // International Court of Justice Reports. – 1999. – Vol. 99. – P. 62–92.

208. *Effect of Awards of Compensation Made by the United Nations Administrative Tribunal.* Advisory Opinion dated July 13, 1954 // International Court of Justice Reports. – 1954. – Vol. 7. – P. 117–134.

209. *Frontier Dispute (Burkina Faso v. Republic of Mali).* Judgment dated December 22, 1986 // International Court of Justice Reports. – 1986. – Vol. 25. – P. 554–575.

210. *Frontier Dispute (Burkina Faso v. Republic of Mali).* Order dated January 10, 1986: "Request for the Indication of Provisional Measures" // International Court of Justice Reports. – 1986. – Vol. 3. – P. 3–22.

211. *Gabčíkovo-Nagymaros Project (Hungary v. Slovakia).* Judgment dated September 25, 1997 // International Court of Justice Reports. – 1997. – Vol. 97. – P. 7–124.

212. *International Status of South-West Africa.* Advisory Opinion dated July 11, 1950 // International Court of Justice Reports. – 1950. – Vol. 4. – P. 77–136.

213. *International Status of South-West Africa.* Telegram of the Registrar to Mr Robert Delson, League for the Rights of Man dated March 16, 1950 // Pleadings. – 1950. – Vol. I. – P. 75–89.

214. *Land and Maritime Boundary between Cameroon and Nigeria (Cameroon v. Nigeria: Equatorial Guinea intervening).* Order dated March 15, 1996: "Request for the Indication of Provisional Measures" // International Court of Justice Reports. – 1996. – Vol. 95. – P. 3–24.

215. *Legal Consequences for States of the Continued Presence of South Africa in Namibia (South West Africa) Notwithstanding Security Council Resolution 276 (1970).* Advisory Opinion dated June 21, 1971 // International Court of Justice Pleadings. – 1971. – Vol. II. – P. 639–668.

216. *Legality of the Use by a State of Nuclear Weapons in Armed Conflict.* Advisory Opinion dated July 8, 1996 // International Court of Justice Reports. – 1996. – Vol. 96. – P. 66–90.

217. *Maritime Delimitation and Territorial Questions between Qatar and Bahrain (Qatar v. Bahrain).* Letter of Bahrain of September 25, 1997 // International Court of Justice Reports. – 1997. – Vol. 97. – P. 656–661.

218. *Maritime Delimitation and Territorial Questions between Qatar and Bahrain (Qatar v. Bahrain).* Letter of Bahrain dated March 26, 1998 // International Court of Justice Reports. – 1998. – Vol. 98. – P. 546–550.

219. *Maritime Delimitation and Territorial Questions between Qatar and Bahrain (Qatar v. Bahrain).* Interim Report of the State of Qatar dated September 30, 1998 // International Court of Justice Reports. – 1998. – Vol. 98. – P. 551–555.

220. *Military and Paramilitary Activities in and Against Nicaragua (Nicaragua v. United States).* Merits, Judgment dated June 27, 1986 // International Court of Justice Reports. – 1986. – Vol. 54. – P. 3–307.

221. *North Sea Continental Shelf (Federal Republic of Germany/Denmark), North Sea Continental Shelf (Federal Republic of Germany/Netherlands).* Judgment dated February 20, 1969 // International Court of Justice Reports. – 1969. – Vol. 23. – P. 3–76.

222. *North Sea Continental Shelf (Federal Republic of Germany/Denmark), North Sea Continental Shelf (Federal Republic of Germany/Netherlands).* Dissenting Opinion of Judge Sørensen dated February 20, 1969 // International Court of Justice Reports. – 1969. – Vol. 23. – P. 130–146.

223. *Northern Cameroons (Cameroon v. United Kingdom).* Judgment dated December 2, 1963 (Northern Cameroons Judgment) and Separate Opinion of Judge Fitzmaurice // International Court of Justice Reports. – 1963. – Vol. 21. – P. 1–112.

224. *Nuclear Tests Case (Australia v. France).* Judgment dated December 20, 1974 // International Court of Justice Reports. – 1974. – Vol. 18. – P. 268–328.

225. *Nuclear Tests Case (New Zealand v. France).* Judgment dated December 20, 1974 // International Court of Justice Reports. – 1974. – Vol. 18. – P. 329–374.

226. *Pulp Mills on the River Uruguay Case (Argentina v Uruguay).* Judgment dated April 20, 2010, Joint Dissenting Opinion of the Judges Al-Khasawneh and Simma // International Court of Justice Reports. – 2010. – Vol. 140. – P. 1–135.

227. *Reparation for Injuries Suffered in the Service of the United Nations.* Advisory Opinion dated April 11, 1949 // International Court of Justice Reports. – 1949. – Vol. 3. – P. 174–204.

228. *Right of Passage over Indian Territory (Portugal v. India).* Dissenting Opinion of Judge Armand-Ugon to the Judgment of April 12, 1960 // International Court of Justice Reports. – 1960. – Vol. 17. – P. 121–158.

229. *Right of Passage over Indian Territory (Portugal v. India).* Judgment dated April 12, 1960 // International Court of Justice Reports. – 1960. – Vol. 17. – P. 3–120.

230. *Temple of Preah Vihear (Cambodia v. Thailand).* Judgment dated May 26, 1961 // International Court of Justice Reports. – 1961. – Vol. 18. – P. 1–43.

Международный трибунал по морскому праву

231. International Tribunal on the Law of the Sea. Reports of Judgments, Advisory Opinions and Orders // Recueil des arrêts, avis consultatifs et ordonnances. – Vol. 13. – Leiden, 2013. – 629 p.

232. *Responsibilities and Obligations of States Sponsoring Persons and Entities with Respect to Activities in the Area (Request for Advisory Opinion Submitted to the Seabed Disputes Chamber).* Advisory Opinion, ITLOS case № 17, Verbatim Records, Public Sitting, August 16, 2010 // International Tribunal for the Law of the Sea Reports. – 2011. – Vol. 17. – P. 1–24.

233. *Responsibilities and Obligations of States Sponsoring Persons and Entities with Respect to Activities in the Area.* Request for Advisory Opinion Submitted to the Seabed Disputes Chamber dated February 1, 2011 // International Tribunal for the Law of the Sea Reports. – 2011. – P. 1–34.

234. *SRFC. Written Statement of New Zealand on the Statements made as Provided under Order 2013/5, March 13, 2014, ITLOS case № 21.*

235. *The "Camouco" Case (Panama v. France).* Prompt Release, Judgment dated February 7, 2000 // International Tribunal for the Law of the Sea Reports. – 2000. – P. 3–26.

236. *The "Monte Confurco" Case (Seychelles v. France).* Prompt Release, Judgment dated December 18, 2000 // International Tribunal for the Law of the Sea Reports. – 2000. – P. 51–73.

237. *The "Volga" Case (Russian Federation v. Australia).* Transcript of December 12, 2002 p.m., ITLOS/PV.02/02 // International Tribunal for the Law of the Sea Reports. – 2003. – Vol. 11. – P. 159–196.

238. *The M/V "Saiga" Case (Saint Vincent and the Grenadines v. Guinea).* Prompt Release, Judgment of December 4, 1997 // International Tribunal for the Law of the Sea Reports. – 1997. – P. 1–52.

Суд Европейских сообществ

239. *Fédération Charbonnière de Belgique v. High Authority of the European Coal and Steel Community.* Judgment dated July 16, 1956 // European Court Reports. – 1956. – P. 245–262.

240. *Germany and Others v. Commission of the European Communities.* Judgment dated July 9, 1987 // European Court Reports. – 1987. – № 3203. – P. 3245–3278.

Европейский Суд по правам человека

241. *Oberschlick v. Austria, Application № 11662/85.* Judgment dated May 23, 1991 // European Court of Human Rights Reports (Series A). – 1991. – № 204. – P. 1–32.

242. *Thorgeirson v. Iceland, Application № 13778/88.* Judgment dated June 25, 1992 // European Court of Human Rights Reports (Series A). – 1992. – № 237. – P. 28–47.

243. *Schwabe v. Austria, Application № 13704/88.* Judgment dated August 28, 1992 // European Court of Human Rights Reports (Series A). – 1992. – № 238. – P. 1–17.

244. *Findlay v. the United Kingdom, Application № 22107/93.* Judgment dated February 25, 1997 // European Court of Human Rights Reports (Series A). – 1997. – № 123. – P. 1–22.

245. *Oberschlick v. Austria (No. 2), Application № 20834/92.* Judgment dated July 1, 1997 // European Court of Human Rights Reports (Series A). – 1997. – № 326. – P. 1–33.

246. *Dalban v. Romania, Application № 28114/95.* Judgment dated September 28, 1999 // European Court of Human Rights Reports (Series A). – 1999. – № 324. – P. 1–23.

247. *Rowe and Davis v. the United Kingdom [GC], Application № 28901/95.* Judgment dated February 16, 2000 // European Court of Human Rights Reports (Series A). – 2000. – № 363. – P. 1–27.

248. *Lopes Gomes da Silva v. Portugal, Application № 37698/97.* Judgment dated September 28, 2000 // European Court of Human Rights Reports (Series A). – 2000. – № 322. – P. 1–27.

249. *Brumarescu v. Romania (Article 41) [GC], Application № 28342/95.* Judgment dated January 23, 2001 // European Court of Human Rights Reports (Series A). – 2001. – № 1. – P. 1–18.

250. *Thoma v. Luxembourg, Application № 38432/97.* Judgment dated March 29, 2001 // European Court of Human Rights Reports (Series A). – 2001. – № 22. – P. 1–15.

251. *Filippini v. San Marino, Application № 10526/02.* Decision dated August 26, 2003 // European Court of Human Rights Reports (Series A). – 2003. – № 119. – P. 1–12.

252. *Chauvy and Others v. France, Application № 64915/01.* Judgment dated June 29, 2004 // European Court of Human Rights Reports (Series A). – 2004. – № 111. – P. 1–28.

253. *Sidabras and Džiautas v. Lithuania, Applications № 55480/00 and 59330/00.* Judgment dated July 27, 2004 // European Court of Human Rights Reports (Series A). – 2004. – № 110. – P. 1–21.

254. *White v. Sweden, Application № 42435/02.* Judgment dated September 19, 2006 // European Court of Human Rights Reports (Series A). – 2006. – № 134. – P. 1–25.

255. *Behrami and Behrami v. France; Saramati v. France, Germany and Norway. Applications № 78166/01 and 71412/01.* Decision on admissibility dated May 2, 2007 // European Court of Human Rights Reports (Series A). – 2007. – № 132. – P. 1–36.

256. *Sanchez Cardenas v. Norway, Application № 12148/03.* Judgment dated October 4, 2007 // European Court of Human Rights Reports (Series A). – 2007. – № 145. – P. 1–18.

257. *Pfeifer v. Austria, Application № 12556/03.* Judgment dated November 15, 2007 // European Court of Human Rights Reports (Series A). – 2007. – № 146. – P. 1–26.

258. *Mirilashvili v. Russia, Application № 6293/04.* Judgment dated December 11, 2008 // European Court of Human Rights Reports (Series A). – 2008. – № 174. – P. 1–21.

259. *Polanco Torres et Movilla Polanco v. Spain, Application № 34147/06.* Judgment dated September 21, 2010 // European Court of Human Rights Reports. – 2010. – № 128. – P. 1–28.

260. *Henryk Urban and Ryszard Urban v. Poland, Application № 23614/08.* Judgment dated November 30, 2010 // European Court of Human Rights Reports. – 2010. – № 126. – P. 1–36.

261. *Al-Jedda v. United Kingdom, Application № 27021/08.* Judgment dated July 7, 2011 // European Court of Human Rights Reports. – 2011. – № 135. – P. 1–38.

262. *Axel Springer AG v. Germany [GC], Application № 39954/08.* Judgment dated February 7, 2012 // European Court of Human Rights Reports. – 2012. – № 247. – P. 1–81.

263. *Maktouf and Damjanović v. Bosnia and Herzegovina [GC], Applications № 2312/08 and 34179/08.* Judgment dated July 18, 2013 // European Court of Human Rights Reports. – 2013. – № 195. – P. 1–30.

264. *Mladina D.D. Ljubljana v. Slovenia, Application № 20981/10.* Judgment dated April 17, 2014 // European Court of Human Rights Reports. – 2014. – № 145. – P. 1–19.

265. *Axel Springer AG v. Germany (No. 2), Application № 48311/10.* Judgment dated July 10, 2014 // European Court of Human Rights Reports. – 2014. – № 154. – P. 1–29.

266. *Haldimann and Others v. Switzerland, Application № 21830/09.* Judgment dated February 24, 2015 // European Court of Human Rights Reports. – 2015. – № 197. – P. 1–23.

267. *Morice v. France [GC], Application № 29369/10.* Judgment dated April 23, 2015 // European Court of Human Rights Reports. – 2015. – № 201. – P. 1–31.

A. v. Norway, Application № 28070/06. Judgment dated April 9, 2009 // European Court of Human Rights Reports. – 2009. № 107. – P. 1–17.

268. *Leas v. Estonia, Application № 59577/08.* Judgment dated March 6, 2012 // European Court of Human Rights Reports. – 2012. – № 141. – P. 1–16.

269. *Campbell and Fell v. the United Kingdom.* Judgment dated June 28, 1984 // European Court of Human Rights Reports (Series A). – 1984. – № 80. – P. 15–51.

270. *Peruzzi v. Italy, Application № 39294/09.* Judgment dated June 30, 2015 // European Court of Human Rights Reports. – 2015. – № 215. – P. 1–16.

271. *Lingens v. Austria, Application № 9815/82.* Judgment dated July 8, 1986 // European Court of Human Rights Reports (Series A). – 1986. – № 81. – P. 16–32.

272. *Bono v. France, Application № 29024/11.* Judgment dated December 15, 2015 // European Court of Human Rights Reports. – 2015. – № 223. – P. 1–18.

273. *Matanović v. Croatia, Application № 2742/12.* Judgment dated April 4, 2017 // European Court of Human Rights Reports. – 2017. – № 175. – P. 1–35.

Межамериканский суд по правам человека

274. *Article 55, American Convention on Human Rights.* Advisory Opinion № OC-20/09 of September 29, 2009 // Inter-American Court of Human Rights Series A. – 2010. – № 20. – P. 1–39.

275. *Herrera Ulloa v. Costa Rica.* Judgment dated July 2, 2004 // Inter-American Court of Human Rights Series C. – 2004. – № 107. – P. 1–36.

276. *Canese v. Paraguay.* Judgment dated August 31, 2004 // Inter-American Court of Human Rights Series C. – 2004. – № 110. – P. 1–25.

277. *Kimel v. Argentina.* Judgment of May 2, 2008 (Merits, Reparations and Costs) // Inter-American Court of Human Rights Series C. – 2008. – № 177. – P. 1–52.

278. *Castaneda Gutman v. Mexico.* Judgment of August 6, 2008 (Preliminary Objections, Merits, Reparations and Costs) // Inter-American Court of Human Rights Series C. – 2008. – № 184. – P. 1–45.

279. *Tristan Donoso v. Panama.* Judgment dated January 27, 2009 // Inter-American Court of Human Rights Series C. – 2009. – № 183. – P. 1–30.

Африканский суд по правам человека и народов

280. *African Commission on Human Rights v. Libya, Application № 004/2011 //* African Court on Human and Peoples' Rights. – 2011. – P. 1–52.

281. *Lohe Issa Konate v. Burkina Faso, Application № 004/2013.* Judgment dated December 5, 2014 // African Court on Human and Peoples' Rights. – 2014. – P. 1–55.

282. *Request for Advisory Opinion by the Centre for Human Rights of the University of Pretoria and the Coalition of African Lesbians, Application № 002/2015,* Advisory Opinion dated September 28, 2017 // African Court on Human and Peoples' Rights Reports. – 2017. – Vol. 2. – P. 622–639.

283. *Request for Advisory Opinion by the Socio-Economic Rights and Accountability Project (SERAP), Application № 001/2013,* Advisory Opinion dated May 26, 2017 // African Court on Human and Peoples' Rights. – 2017. – P. 1–38.

Международный Военный Трибунал

284. Judgment of the International Military Tribunal, Nürnberg, 1 October 1946 // Trials of War Criminals before the Nuremberg Military Tribunals under Control Council Law No. 10, Vol. I (TWC). – Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1949. – P. 223–631.

Международный Военный Трибунал для Дальнего Востока

285. International Military Tribunal for the Far East. Judgment of November 12, 1948 // The Tokyo War Crimes Trial: Official Record. – Vol. 22. – Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1948. – P. 48, 413.

Последующие Нюрнбергские трибуналы

286. *The United States of America vs. Ernst von Weizsäcker, et al. (Case 11).* Order of the Tribunal Approving Mr. Magee as Additional Counsel dated December 29, 1947 // Trials of War Criminals before the Nuremberg Military Tribunals under Control Council No. 10 (Nuremberg, October 1946 – April 1949). Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1949–1953. Vol. XV. – P. 715–721.

287. *The United States of America vs. Josef Altstötter, et al. (Case 3).* Contempt by Defence Counsel Marx and Mrs. Huppertz, a German National // Trials of War Criminals before the Nuremberg Military Tribunals under Control Council No. 10 (Nuremberg, October 1946 – April 1949). – Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1949–1953. Vol. XV. – P. 1–117.

288. *The United States of America vs. Josef Altstötter, et al. (Case 3).* Opinion and Judgment // Trials of War Criminals before the Nuremberg Military Tribunals under Control Council No. 10 (Nuremberg, October 1946 – April 1949). – Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1949–1953. Vol. III. – P. 954–1177.

289. *The United States of America vs. Karl Brandt et al. (№ 1). C*ontempt Order of the Tribunal dated June 28, 1947 // Trials of War Criminals before the Nuremberg Military Tribunals under Control Council Law No. 10 (Nuremberg, October 1946 – April 1949). – Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1949–1953. Vol. XV. – P. 561–578.

290. *The United States of America vs. Karl Brandt et al. (№ 1).* Further Order of the Tribunal dated July 21, 1947 // Trials of War Criminals before the Nuremberg Military Tribunals under Control Council No. 10 (Nuremberg, October 1946 – April 1949). – Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1949–1953. Vol. XV. – P. 579–586.

291. *The United States of America vs. Karl Brandt et al. (№ 1).* Proceedings Showing the Contempt Before the Tribunal // Trials of War Criminals before the Nuremberg Military Tribunals under Control Council Law No. 10 (Nuremberg, October 1946 – April 1949). – Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1949–1953. Vol. XV. – P. 587–604.

292. *U.S. v. Krupp, et al. Contempt by Defence Counsel.* Ruling of Tribunal III in Matters Relating to Contempt of Court dated January 21, 1948 // Trials of War Criminals before the Nuremberg Military Tribunals under Control Council No. 10 (Nuremberg, October 1946 – April 1949). Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1949–1953. Vol. XV. – P. 1012–1035.

Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии

293. *The Prosecutor v. Duško Tadić*, Ordonnance autorisant une intervention en qualite *d'amicus curiae*, 14 juillet 1995, IT-94-1-T.

294. *The Prosecutor v. Duško Tadić*, Submission of the Government of the United States of America concerning certain arguments made by Counsel for the Accused in the case of the Prosecutor of the Tribunal v. Dustan Tadic, 17 July 1995, IT-94-1-T.

295. *The Prosecutor v. Duško Tadić*, Decision on the Defence Motion for Interlocutory Appeal on Jurisdiction, 2 October 1995, IT-94-1.

296. *The Prosecutor v. Duško Tadić*, Redacted Transcript of Confidential Hearings Held on 13, 14 and 15 August 1996, 13 August 1996, IT-94-1-T.

297. *The Prosecutor v. Duško Tadić*, Transcript and Transcript Corrections of the Hearing on Friday 25 October 1996, 25 October 1996, IT-94-1-T.

298. *The Prosecutor v. Duško Tadić,* Order for the Prosecution to Investigate the False Testimony of Dragan Opačić, 10 December 1996, IT-94-1-T.

299. *The Prosecutor v. Duško Tadić*, Sentencing Judgement, 14 July 1997, IT-94-1-T.

300. *The Prosecutor v. Dušco Tadić,* Scheduling Order Concerning Allegations Against Prior Counsel, 10 February 1999, IT-94-1-A-R77 (confidential).

301. *The Prosecutor v. Dušco Tadić*, Trial Transcript, 6 April 1999, IT-94-1-T.

302. *The Prosecutor v. Duško Tadić,* Judgment, 15 July 1999, IT-94-1-A.

303. *The Prosecutor v. Duško Tadić*, Judgement in Sentencing Appeals, 26 January 2000, IT-94-1-A, IT-94-1-Abis.

304. *The Prosecutor v. Dušco Tadić*, Judgment on Allegations of Contempt against Prior Counsel, Milan Vujin, 31 January 2000, IT-94-1-A-AR77.

305. *The Prosecutor v. Dušco Tadić*, Appeal Judgment on Allegations of Contempt against Prior Counsel, Milan Vujin, 27 February 2001, IT-94-1-A-AR77.

306. *The Prosecutor v. Radoslav Brđanin*, Trial Transcript, 24 January 2002, IT-99-36-T.

307. *The Prosecutor v. Radoslav Brđanin*, Order Instigating Proceedings against Milka Maglov, 8 May 2003, IT-99-36/R77.

308. *The Prosecutor v. Radoslav Brđanin*, Decision on Prosecution's Submission of Statement of Expert Witness Ewan Brown, 3 June 2003, IT-99-36-T.

309. *The Prosecutor v. Radoslav Brđanin*, Decision on Motion to Dismiss Ground 1 of the Prosecutor's Appeal, 5 May 2005, IT-99-36-A.

310. *The Prosecutor v. Radoslav Brđanin*, Decision on Motion to Dismiss Ground 1 of the Prosecutor's Appeal, 5 May 2005, IT-99-36-A.

311. *The Prosecutor v. Radoslav Brđanin: Concerning Allegations Against Milka Maglov*, Decision on Motion for Acquittal Pursuant to Rule 98 Bis rule 98 bis, IT-99-36-R77.

312. *The Prosecutor v. Vojislav Šešelj*, Decision, 11 February 2009, IT-03-67-R77.2.

313. *The Prosecutor v. Vojislav Šešelj*, Decision on Allegations of Contempt, 21 January 2009, IT-03-67-R77.2.

314. *The Prosecutor v. Vojislav Šešelj*, Decision, 2 March 2010, IT-03-67-R77.3.

315. *In the Case Against Florence Hartmann*, Judgment on Allegations of Contempt, 14 September 2009, IT-02-54-R77.5.

316. *In the Case Against Florence Hartmann*, Decision on Motions to Strike and Requests to Exceed Word Limit, 6 November 2009, IT-02-54-R77.5-A.

317. *In the Case Against Florence Hartmann*, Decision on Application for Leave to File *Amicus curiae* Brief, IT-02-S4-R77.5-A, 5 February 2010.

318. *In the Case Against Florence Hartmann*, Judgment, 19 July 2011, IT-02-54-R77.5-A.

319. *The Prosecutor v. Momčilo Krajišnik*, Decision on Momčilo Krajišnik's Request to Self-Represent, on Counsel's Motions in Relation to Appointment of *Amicus curiae*, and on the Prosecution Motion of 16 February 2007, 11 May 2007, IT-00-39-A.

320. *The Prosecutor v. Momčilo Krajišnik*, Decision on Momčilo Krajišnik's Request to Self-Represent, on Counsel's Motions in Relation to Appointment of *Amicus curiae*, and on the Prosecution Motion of 16 February 2007, Fundamentally Dissenting Opinion of Judge Schomburg on the Right to Self-Representation, 11 May 2007, IT-00-39-A.

321. *The Prosecutor v. Momčilo Krajišnik*, Decision on Momčilo Krajišnik's Motion to reschedule Status Conference and permit Alan Dershowitz to Appear, 28 February 2008, IT-00-39-A.

322. *The Prosecutor v. Momčilo Krajišnik*, *Amicus curiae* Motion Regarding Request for UNDU Visit by Mr Krajišnik, 6 June 2008, IT-00-39-A

323. *The Prosecutor v. Momčilo Krajišnik*, Decision on *Amicus curiae* Motion for Guidance, 11 June 2008, IT-00-39-Q.

324. *The Prosecutor v. Radovan Karadžić*, Decision on Application for Leave to Submit an *Amicus curiae* Brief, 21 September 2012, IT-95-5/18-AR98bis.1.

325. *The Prosecutor v. Radovan Karadžić*, Decision on a Request for Leave to Make Submissions as *Amicus curiae*, 25 September 2017, MICT-13-55-A.

326. *The Prosecutor v. Radovan Karadžić*, Motion to Dismiss Appeal and for Appointment of *Amicus curiae* Prosecutor, 18 March 2013, IT-95-5/18-AR98bis.1.

327. *The Prosecutor v. Radovan Karadžić*, Decision on Motion to Dismiss Appeal and for Appointment of *Amicus curiae* Prosecutor, 4 July 2013, IT-95-5/18-AR98bis.1.

328. *The Prosecutor v. Ahmet Haxhiu*, Judgement on Allegations of Contempt, 24 July 2008, IT-04-84-R77.5.

329. *The Prosecutor v. Simić, et al.*, Separate Opinion of Judge David Hunt on Prosecutor's Motion for a Ruling Concerning the Testimony of a Witness, 27 July 1999, IT-95-9-PT.

330. *The Prosecutor v. Zejnil Delalić et al.*, Order on the Motion to Withdraw as Counsel due to Conflict of Interest, 29 June 1999, IT-96-21-A.

331. *The Prosecutor v. Zejnil Delalić et al*., Decision of the President on the Prosecutor's Motion for the Production of Notes Exchanged Between Zejnil Delalić and Zdravko Mucić, 11 November 1996, IT-96-21.

332. *The Prosecutor v. Tihomir Blaškić,* Judgment on the Request of the Republic of Croatia for Review of the Decision of Trial Chamber II dated July 18, 1997, October 29, 1997, IT-95-14-AR108bis.

333. *The Prosecutor v. Duško Sikirica et al.,* Order of the President on the Early Release of Dragan Kolundzija, 5 December 2001, IT-95-8.

334. *The Prosecutor v. Nikola Sainovic et al.*, Decision on David J. Scheffer's Application to File an *Amicus curiae* Brief, 7 September 2010, IT-03-87-A.

335. *The Prosecutor v. Sefer Halilović,* Decision on Admission into Evidence of Prior Statement of a Witness, 5 July 2005, IT-01-48-T.

336. *The Prosecutor v. Jelena Rašić*, Written Reasons for Oral Sentencing Judgment, 6 March 2012, IT-98-32/1-R77.2.

337. *The Prosecutor v. Jelena Rašić*, Judgement, 16 November 2012, IT-98-32/1-R77.2-A.

338. *The Prosecutor v. Milan Martić,* Decision on Prosecution's Motions for Admission of Transcripts Pursuant to Rule 92bis (D) and of Experts Reports Pursuant to Rule 94bis, 13 January 2006, IT-95-11-T.

339. *The Prosecutor v. Strugar*, Decision on the Defence Motion to Oppose Admission of Prosecution Expert Reports Pursuant to Rule 94bis, 1 April 2004, IT-01-42-PT.

340. *The Prosecutor v. Galić*, Decision Concerning an Expert Witness Ewa Tabeau and Richard Phillips, 3 July 2002, IT-98-29-T.

341. *The Prosecutor v. Slobodan Milošević*, Order Inviting Designation of *Amicus curiae*, 30 August 2001, IT-99-37-PT.

342. *The Prosecutor v. Slobodan Milošević*, Decision, 6 September 2001, IT-99-37-PT.

343. *The Prosecutor v. Slobodan Milošević et al.*, Second Amended Indictment 'Kosovo', 16 October 2001, IT-99-37-PT.

344. *The Prosecutor v. Slobodan Milošević*, Decision by the Registrar: Designation of *amici*, 27 November 2001, IT-01-51-I.

345. *The Prosecutor v. Slobodan Milošević*, Order Concerning *amici curiae*, 11 January 2002, IT-02-54-T.

346. *The Prosecutor v. Slobodan Milošević*, Decision Concerning an *Amicus curiae*, 10 October 2002, IT-02-54-T.

347. *The Prosecutor v. Slobodan Milošević*, Amended Indictment 'Bosnia and Herzegovina', 22 November 2002, IT-02-54-T.

348. *The Prosecutor v. Slobodan Milošević*, Decision Granting Request by the *amici curiae* for Certification of Appeal Against a Decision of the Trial Chamber, 25 September 2003, IT-02-54-T.

349. *The Prosecutor v. Slobodan Milošević*, Order of Further Instruction to the *amici curiae*, 6 October 2003, IT-02-54-T.

350. *The Prosecutor v. Slobodan Milošević*, Decision on The Interlocutory Appeal by The *amici curiae* Against the Trial Chamber Order Concerning the Presentation and Preparation of The Defence Case, 20 January 2004, IT-02-54-T.

351. *The Prosecutor v. Slobodan Milošević*, Second Amended Indictment 'Croatia', 28 July 2004, IT-02-54-T.

352. *The Prosecutor v. Slobodan Milošević*, Reasons for Decision on Assignment of Defence Counsel, 22 September 2004, IT-02-54-T.

353. *The Prosecutor v. Slobodan Milošević,* Trial Transcript, 19 April 2005, IT-02-54-T.

354. *The Prosecutor v. Slobodan Milošević*, Trial Transcript, 20 April 2005, IT-02-54-T.

355. *The Prosecutor v. Slobodan Milošević*, Contempt Proceedings against Kosta Bulatović, Decision on Contempt of the Tribunal, 13 May 2005, IT-02-54-R77.4.

356. *The Prosecutor v. Ivica Marijačić and Markica Rebić*, Judgment, 10 March 2006, IT-95-14-R77.2.

357. *The Prosecutor v. Beqa Beqaj*, Judgment on Contempt Allegations, 27 May 2005, IT-03-66-R77.

358. *The Prosecutor v. Domagoj Margetić,* Judgment on Allegations of Contempt, 7 February 2007, IT-95-14-R77.6.

359. *The Prosecutor v. Domagoj Margetić,* Sentencing Judgement, 7 February 2007, IT 95-14-R77.6.

360. *The Prosecutor v. Dražen Erdemović* (IT-96-22), Separate and Dissenting Opinion of Judge Cassese to the Appeals Judgment, 7 October 1997.

361. *The Prosecutor v. Astrit Haraqija and Bajrush Morina* Judgment on Allegations of Contempt, 17 December 2008, IT-04-84-R77.4.

362. *The Prosecutor v. Prlić et al*., Decision on Application by the Republic of Croatia for Leave to Appear as *Amicus curiae* and to Submit *Amicus curiae* Brief, 18 July 2016, IT-04-74-A-21059.

363. *Le Procureur c. Anto Furundzija*, Arrêt, 21 juillet 2000, IT-91-17-1/A.

364. *The Prosecutor v. Blagoje Simič et al.*, Judgement in the Matter of Contempt Allegations against an Accused and his Counsel, 30 June 2000, IT-95-9-R77.

365. *The Prosecutor v. Zlatko Aleksovski*, Finding of Contempt of the Tribunal, 11 December 1998, IT-95-14/1-AR77.

366. *The Prosecutor v. Zlatko Aleksovski*, Judgment on Appeal by Anto Nobilo against Finding of Contempt, 31 May 2001, IT-95-14/1-AR77.

367. *Prosecutor v. Jelena Rasić*, Written Reasons for Oral Sentencing Judgment, 6 March 2012, IT-98-32/1-R77.2.

368. *The Prosecutor v. Borislav Jović*, Decision to Deny the Accused Josip Jović's Preliminary Motion to Dismiss the Indictment on the Grounds of Lack of Jurisdiction and Defects in the Form of the Indictment, 21 December 2005, IT-95-14 & 14/2-R77.

369. *The Prosecutor v. Delalić, Mucić, Delić and Landžo*, Judgment, 16 November 1998, IT-96-21-T.

370. *The Prosecutor v. Astrit Haraqija and Bajrush Morina*, Judgment, 23 July 2009, IT-04-84-R77.4-A.

371. *The Prosecutor v. Miodrag Jokić*, Sentencing Judgment, 18 March 2004, IT-01-42/1-S.

372. *The Prosecutor v. Kvočka, et al.,* Judgment, 2 November 2001, IT-98-30/1-T.

373. *The Prosecutor v. Blagojević and Jokić,* Decision on Prosecution's Motions for Admission of Expert Statements, 7 November 2003, IT-02-60-T.

374. *The Prosecutor v. Blagojević and Jokić,* Judgment, 17 January 2005, IT-02-60.

375. *The Prosecutor v. Blagojević and Jokić,* Judgment, 9 May 2007, IT-02-60-A.

376. *The Prosecutor v. Brđanin and Talić*, Decision on Motion to Set Aside Confidential Subpoena to Give Evidence, 7 June 2002, IT-99-36.

377. *The Prosecutor v. Simić, Tadić and Zarić,* Decision on the Prosecution Motion under Rule 73 for a Ruling concerning the Testimony of a Witness, 27 July 1999, IT-95-9.

378. *The Prosecutor v. Stanisić and Zupljanin,* Decision Granting in Part Prosecution's Motion for Admission of Evidence of ST020 Pursuant to Rule 92 quater, 19 January 2011, IT -08-91-T.

379. *The Prosecutor v. Goran Hadiić,* Decision on Prosecution Omnibus Motion for Admission of Evidence Pursuant to Rule 92 quater and Prosecution Motion for the Admission of the Evidence of GH-083 pursuant to Rule 92 quater, 9 May 2013, IT-04-75-T.

380. *The Prosecutor v. Popović, et al.*, Decision on Defence Rule 94bis Notice Regarding Prosecution Expert Witness Richard Butler, 19 September 2007, IT-05-88-T.

381. *The Prosecutor v. Popović, et al.,* Trial Transcript, 31 October 2007, IT-05-88-T.

382. *The Prosecutor v. Jokić,* Judgment on Allegations of Contempt, 25 June 2009, IT-05-88-R77.1.

383. *In the Matter of Ljubiša Petković,* Redacted Version of Judgement Pronounced on 11 September 2008, 11 September 2008, IT-03-67-R77.1.

384. *The Prosecutor v. Shefqet Kabashi,* Trial Transcript, 26 August 2011, IT-04-84-R77.1.

385. *The Prosecutor v. Haradinaj, Balaj and Brahimaj,* Trial Transcript, 5 June 2007, IT-04-84-T.

386. *The Prosecutor v. Haradinaj, Balaj and Brahimaj,* Trial Transcript, 20 November 2007, IT-04-84-T.

387. *The Prosecutor v. Milan Galić*, Decision Concerning an Expert Witness Ewa Tabeau and Richard Phillips, 3 July 2002, IT-98-29-T.

388. *The Prosecutor v. Shefqet Kabashi,* Sentencing Judgment, 16 September 2011, IT-04-84-R77.1.

389. *The Prosecutor v. Pavle Strugar*, Decision on the Defence Motion to Oppose Admission of Prosecution Expert Reports Pursuant to Rule 94bis, 1 April 2004, IT-01-42-PT.

390. *The Prosecutor v. Kunarac, et al.,* Request of the Accused Radomir Kovač to allow Mr. Milan Vujin to appear as Co-Counsel Acting Pro Bono, 11 March 2000, IT-96-23-T; IT-96-23/1-T.

391. *The Prosecutor v. Kunarac, et al.,* Decision on the Request of the Accused Radomir Kovač to allow Mr. Milan Vujin to appear as Co-Counsel Acting Pro Bono, 14 March 2000, IT-96-23-T; IT-96-23/1-T.

392. *The Prosecutor v. Josip Jović*, Judgment, 15 March 2007, IT-95-14 & 14/2-R77-A.

Международный уголовный трибунал по Руанде

393. *The Prosecutor v. Augistin Ngirabatware*, Decision on Allegations of Contempt, 21 February 2013, ICTR-99-54-T.

394. *The Prosecutor v. Leonidas Nshogoza*, Judgement, 7 July 2009, ICTR-07-91-T.

395. *The Prosecutor v. GAA*, Judgment and Sentence, 4 December 2007, ICTR-07-90-R77-1.

396. *The Prosecutor v. Ferdinand Nahimana et al.*, Decision on the Admissibility of the *Amicus curiae* Brief Filed by the 'Open Society Justice Initiative' and on its Request to be Heard at the Appeals Hearing, 12 January 2007, ICTR-99-52-A.

397. *The Prosecutor v. Gaspard Kanyarukiga*, Decision on Request from the Republic of Rwanda for permission to File an *Amicus curiae* Brief, 1 September 2008, ICTR-2002-78-R11bis.

398. *The Prosecutor v. Laurent Semanza*, Decision on the Kingdom of Belgium's Application to File an *Amicus curiae* Brief and on the Defence Application to Strike Out the Observations of the Kingdom of Belgium Concerning the Preliminary Response by the Defence, 9 February 2001, ICTR-97-20-T.

399. *The Prosecutor v. Theoneste Bagosora*, Decision on the *Amicus curiae* Application by the Government of the Kingdom of Belgium, 6 June 1998, ICTR-96-7-T.

400. *The Prosecutor v. Jean-Paul Akayesu*, Order Granting Leave for *Amicus curiae* to Appear, 12 February 1998, ICTR-96-4-T.

401. *The Prosecutor v. Jean-Paul Akayesu*, Motion to Request Prosecution for Perjury, 29 January 1997, ICTR-96-4.

402. *The Prosecutor v. Jean-Paul Akayesu*, Motion for Prompt Examination of a Motion in Perjury, 2 March 1998, ICTR-96-4.

403. *The Prosecutor v. Jean-Paul Akayesu*, Redacted Transcript of a Hearing on 6 March 1998, 6 March 1998, ICTR-96-4.

404. *The Prosecutor v. Jean-Paul Akayesu*, Decision on the Defence Motions to Direct the Prosecutor to Investigate the Matter of False Testimony by Witness "R", 9 March 1998, ICTR-96-4.

405. *The Prosecutor v. Ndindiliyimana, et al.*, Decision on the Prosecutor's Motion Opposing the Testimony of Witness DE4-30 as a Factual Witness, 16 May 2007, ICTR-00-56-T.

406. *The Prosecutor v. Rutaganda*, Decision on the Defence Motion to Direct the Prosecutor to Investigate the Matter of False Testimony by Witness 'E', 10 March 1998, ICTR-96-3-T.

407. *The Prosecutor v. Bagilishema* Decision on the Request of the Defence for the Chamber to Direct the Prosecutor to Investigate a Matter with a View to the Preparation and Submission of an Indictment for False Testimony, 11 July 2000, ICTR-95-1A-T.

408. *The Prosecutor v. Nahimana, et al.*, Decision on the Defence Motion to Direct the Prosecutor to Investigate the Matter of False Testimony by Witness "AEN" in Terms of Rule 91(B), 27 February 2001, ICTR-96-11-I.

409. *The Prosecutor v. Nahimana, et al.*, Decision on the Defence Motion to Direct the Prosecutor to Investigate the Matter of False Testimony by Witness "AEN" in Terms of Rule 91(B), 27 February 2001, ICTR-96-11-I.

410. *The Prosecutor v. Pauline Nyiramasuhuko et al.*, Judgement, 14 December 2015, ICTR-98-42-T.

411. *The Prosecutor v. Pauline Nyiramasuhuko et al*., Confidential Decision Following *Amicus curiae* Report Related to Allegations of Contempt of the Tribunal and False Testimony [of] Witness QA, 2 September 2011 (confidential), ICTR-98-42-T.

412. *The Prosecutor v. Pauline Nyiramasuhuko et al.,* Decision on Ntahobali's Motion for an Investigation into False Testimony and Kanyabashi's Motion for an Investigation into Contempt of Court Relative to Prosecution Witnesses QY and SJ, 19 March 2009, ICTR-98-42-T.

413. *The Prosecutor v. Pauline Nyiramasuhuko et al.*, Order, 30 October 2009, ICTR-98-42-T.

414. *Jean de Dieu Kamuhanda c. le Procureur*, transcription de l'audience, le 19 mai 2005, ICTR-99-54A-A.

415. *The Prosecutor v. Leonidas Nshogoza*, Decision on Defence Judicial and Administrative Application for Deferral in Favour of the ICTR, 5 November 2008, ICTR-2007-91-PT.

Международный остаточный механизм для международных уголовных трибуналов

416. *Re Turinabo*, Requête urgente presentée au nom de Maximilien Turinabo aux fins d'obtenir une déclaration du Président selon laquelle ni la decision ni

l'ordonnance rendues par la Chambre de première instance II ont une valeur ou un effet juridique devant le MTPI, 27 février 2013, MICT-13-41-R90.

417. *Re Sebureze*, Requête aux fins d'obtenir une déclaration selon laquelle une décision rendue par le TPIR n'a pas de valeur ou d'effet juridique devant le MTPI, 27 fevrier 2013, MICT-13-40-R90.

418. *Re Sebureze and Turinabo,* Order Assigning a Single Judge, 4 March 2013, MICT-13-40-R90/MICT-13-41-R90.

419. *Re Sebureze and Turinabo*, Decision on Deogratias Sebureze and Maximilien Turinabo's Motions on the Legal Effect of the Contempt Decision and Order Issued by the ICTR Trial Chamber, 20 March 2013, MICT-13-40-R90/MICT-13-41-R90.

420. *Re Sebureze and Turinabo*, Public Redacted Version of Decision on Allegations of Contempt of the ICTR, 17 July 2013, MICT-13-40-R90/MICT-13-41-R90.

421. *The Prosecutor v. Anselme Nzabonimpa, Jean de Dieu Ndagijimana, Marie Rose Fatuma, Dick Prudence Munyeshuli, Augustin Ngirabatware*, Prosecution Notice of Filing Public Redacted Version of Pre-Trial Brief, 24 September 2021, MICT-18-116-T.

422. *The Prosecutor v. Anselme Nzabonimpa, Jean de Dieu Ndagijimana, Marie Rose Fatuma, Dick Prudence Munyeshuli, Augustin Ngirabatware*, Judgment, 25 June 2021, MICT-18-116-T.

Специальный трибунал по Ливану

423. *In the Matter of El Sayed,* Decision on Appeal of Pre-Trial Judge's Order Regarding Jurisdiction and Standing, 10 November 2010, CH/AC/2010/02.

424. *The Prosecutor v. El Sayed*, Scheduling Order, 1 October 2010, CH/PRES/2010/02.

425. *The Prosecutor v. El Sayed*, United Nations Office of Legal Affairs, *Amicus curiae* Brief on the Inviolability of United Nations Documents, 1 October 2010.

426. *In The Case Against New Tv S.A.L. Karma Mohamed Tahsin Al Khayat*, Order Varying Time-Limit For Filing Of *Amicus curiae* Submissions On Jurisdiction, 16 May 2014, STL-14-05/PT/CJ.

427. *In The Case Against New Tv S.A.L. Karma Mohamed Tahsin Al Khayat*, Decision On Motion Challenging Jurisdiction And On Request For Leave To Amend Order In Lieu Of An Indictment, 24 July 2014, STL-14-05/PT/CJ.

428. *In The Case Against New Tv S.A.L. Karma Mohamed Tahsin Al Khayat*, Decision on Interlocutory Appeal Concerning Personal Jurisdiction in Contempt Proceedings, 2 October 2014, STL-14-05/PT/AP/ARI26.1.

429. *In The Case Against New Tv S.A.L. Karma Mohamed Tahsin Al Khayat*, Decision On Motion Challenging Jurisdiction And On Request For Leave To Amend Order In Lieu Of An Indictment, 24 July 2014, STL-14-05/PT/CJ.

430. *In the Matter of New T.V. SAL, Karma Mohamed Thasin Al Khayat*, Registrar's Decision under Rule 60(bis)(E)(ii) to Appoint a Replacement *Amicus curiae* to Investigate and Prosecute Contempt Allegations, 4 March 2014, STL-14-05/I/CJ.

431. *In the case of New TV S.A.L. Karma Mohamed Thasin Al Khayat*, Decision on Motion Challenging Jurisdiction and on Request for Leave to Amend Order in Lieu of an Indictment, 24 July 2014, STL-14-05/I/CJ.

432. *In the case of New TV S.A.L. Karma Mohamed Thasin Al Khayat*, Decision on Interlocutory Appeal Concerning Personal Jurisdiction in Contempt Proceedings, 2 October 2014, *Al Jadeed* Jurisdiction Appeal Decision, STL-14-05/PT/AP/AR126.1.

433. *The Prosecutor v. Ayyash, et al.*, Order for Immediate Removal of Disseminated Material and Cessation of Dissemination, 10 August 2012, STL-11-01/PT/PTJ.

434. *In the Matter of Akhbar Beirut S.A.L., Ibrahim Mohamed Al Amin*, Registrar's Decision under Rule 60(bis)(E)(ii) to Appoint a Replacement *Amicus curiae* to Investigate and Prosecute Contempt Allegations, 4 March 2014, STL-14-06/I/CJ.

435. *In the case of New TV S.A.L. Karma Mohamed Thasin Al Khayat*, Public Redacted Version of Judgment, 18 September 2015, STL-14-05/T/CJ.

436. *In the case of Akhbar Beirut S.A.L., Ibrahim Mohamed Al Amin*, Decision on Motion Challenging Jurisdiction, 6 November 2014, STL-14-06/PT/CJ.

437. *In the case of New TV S.A.L. Karma Mohamed Thasin Al Khayat*, Redacted Version of Decision in Proceedings for Contempt with Orders in Lieu of Indictment, 31 January 2014, STL-04-15.

438. *The Prosecutor v. Salim Jamil Ayyash et al.*, Public Redacted Version of Decision on Allegations of Contempt, 29 April 2013, STL-11-01/PT/CJ/R60bis.1.

439. *In the case of Akhbar Beirut S.A.L., Ibrahim Mohamed Al Amin*, Redacted Version of Decision in Proceedings for Contempt with Orders in Lieu of an Indictment, 31 January 2014, STL-14-06/I/CJ.

440. *In the case of Akhbar Beirut S.A.L., Ibrahim Mohamed Al Amin*, Prosecution Pre-Trial Brief Pursuant to Rule 91(G)(i), 5 March 2015, STL-14-06/PT/CJ.

441. *In the case of Akhbar Beirut S.A.L., Ibrahim Mohamed Al Amin*, Public Redacted Version of the Judgment, 15 July 2016, STL-14-06/PT/CJ.

442. *In the case of Akhbar Beirut S.A.L., Ibrahim Mohamed Al Amin*, Registrar's Decision under Rule 60(bis)(E)(ii) to Appoint a Replacement *Amicus curiae* to Investigate and Prosecute Contempt Allegations, 4 March 2014, STL-14-06/I/CJ.

Специальный суд по Сьерра-Леоне

443. *The Prosecutor v. Morris Kallon*, Decision on Application by the Redress Trust, Lawyers Committee for Human Rights and the International Commission of Jurists for Leave to File *Amicus curiae* Brief and to Present Oral Submissions, 1 November 2003, SCSL-2003-07.

444. *Independent Counsel v. Brima, et al.*, Decision on Defence Appeal Motion pursuant to Rule 77(J) on Both the Imposition of Interim Measures and an Order pursuant to Rule 77(C)(iii), 23 June 2005, SCSL-04-16-AR77.

445. *Independent Counsel v. Samura*, Judgment in Contempt Proceedings, 26 October 2005, SCSL-2005-01.

446. *The Prosecutor v. Brima, Kamara and Kanu*, Sentencing Judgment, 19 July 2007, SCSL-04-16-T.

447. *The Prosecutor v. Bangura, Kargbo, Kanu, Kamara* Judgment in Contempt Proceedings, 25 September 2012, SCSL-2011-02-T.

448. *The Prosecutor v. Brima, Kamara and Kanu*, Judgment, 20 June 2007, SCSL-04-16-T.

449. *The Prosecutor v. Eric Senessie*, Office of the Prosecutor Application for Leave to Make *Amicus curiae* Submissions, 22 June 2012, SCSL-2011-01-T.

450. *The Prosecutor v. Eric Senessie*, Decision on Office of the Prosecutor Application for Leave to Make *Amicus curiae* Submissions, 25 June 2012, SCSL-2011-01-T.

451. *The Prosecutor v. Eric Senessie*, Judgment in Contempt Proceedings, 16 August 2012, SCSL-2011-01-T.

452. *The Prosecutor v. Sesay, et al.*, Decision on Sesay Defence Motion to Direct the Prosecutor to Investigate the Matter of False Testimony by Witness TF1-366, 25 July 2006 SCSL-04-15-T.

Международный уголовный суд

453. *Situation in the State of Palestine*, Prosecution request pursuant to article 19(3) for a ruling on the Court's territorial jurisdiction in Palestine, 22 January 2020, ICC-01/18-12.

454. *Situation in the State of Palestine*, Decision on Applications for Leave to File Observations Pursuant to Rule 103 of the Rules of Procedure and Evidence, 20 February 2020, ICC-01/18-63.

455. *Situation in Ukraine*, Annex to the Registry transmission of the submissions sent by Mongolia in relation to Pre-Trial Chamber II's Decision inviting Mongolia to provide any further submissions on its failure to arrest and surrender Vladimir Vladimirovich Putin dated 10 September 2024, 4 October 2024, ICC-01/22-89-Anx.

456. *The Prosecutor v. Thomas Lubanga Dyilo*, Judgment Pursuant to Article 74 of the Statute, 14 March 2012, ICC-01/04-01/06-2842.

457. *The Prosecutor v. Omar Hassan Ahmad Al Bashir*, Decision on the non-compliance by the Republic of Djibouti with the request to arrest and surrender Omar Al-Bashir to the Court and referring the matter to the United Nations Security Council and the Assembly of the State Parties to the Rome Statute, 11 July 201, ICC-02/05-01/09-266.

458. *The Prosecutor v. Omar Hassan Ahmad Al Bashir*, Decision on the non-compliance by the Republic of Uganda with the request to arrest and surrender Omar Al-Bashir to the Court and referring the matter to the United Nations Security Council and the Assembly of State Parties to the Rome Statute, 11 July 2016, ICC-02/05-01/09-267.

459. *Situation in the Islamic Republic of Afghanistan*, Corrigendum of order scheduling a hearing before the Appeals Chamber and other related matters, 27 September 2019, ICC-02/17-72-Corr.

460. *Situation in the Islamic Republic of Afghanistan*, Transcript of hearing, 4 December 2019, ICC-02/17-T-001-ENG.

461. Request for Leave to Submit *Amicus curiae* Observations by the International Commission of Jurists (pursuant to Rule 103 of the Rules), 24 May 2018, ICC-RoC46(3)-01/18-5.

462. Decision on the "Request for Leave to Submit *Amicus curiae* Observations by the International Commission of Jurists (pursuant to Rule 103 of the Rules)", 29 May 2018, ICC-RoC46(3)-01/18-7.

463. *The Prosecutor v. William Samoei Ruto and Joshua Arap Sang*, Decision on the "Request by Ms. Moraa Gesicho to Appear as *Amicus curiae*", 12 April 2011, ICC-01/09-01/11-49.

464. *The Prosecutor v. Jean-Pierre Bemba Gombo*, Decision on Application for Leave to Submit *Amicus curiae* Observations Pursuant to Rule 103 of the Rules of Procedure and Evidence, 9 April 2009, ICC-01/05-01/08-401.

465. Pre-Trial Chamber I, Decision Inviting the Competent Authorities of the People's Republic of Bangladesh to Submit Observations pursuant to Rule 103(1) of the Rules of Procedure and Evidence on the "Prosecution's Request for a Ruling on Jurisdiction under Article 19(3) of the Statute", 7 May 2008, ICC-RoC46(3)-01/18-3.

466. *The Prosecutor v. Omar Hassan Ahmad Al Bashir*, Decision on the "Request for leave to submit *Amicus curiae* Observations by the Southern Africa Litigation Centre (SALC)", 28 February 2017, ICC-02/05-01/09-283.

467. *The Prosecutor v. Jean-Pierre Bemba et al.*, Decision pursuant to Article 61(7)(a) and (b) of the Rome Statute, 15 November 2014, ICC-01/05-01/13-749.

468. *The Prosecutor v. Omar Hassan Ahmad Al-Bachir*, Decision under article 87(7) of the Rome Statute on the non-compliance by Jordan with the request by the Court for the arrest and surrender or Omar Al-Bashir, 11 December 2017, ICC-02/05-01/09-309.

469. *The Prosecutor v. Omar Hassan Ahmad Al-Bachir*, Order inviting expressions of interest as *Amici curiae* in judicial proceedings (pursuant to rule 103 of the Rules of Procedure and Evidence), 29 March 2018, ICC-02/05-01/09-330.

470. *The Prosecutor v. William Samoei Ruto and Joshua Arap Sang*, Sang Defence Response to 'Ruto Defence Request to Appoint an *Amicus* Prosecutor', 18 May 2016, ICC-01/09-01/11-2030.

471. *The Prosecutor v. Thomas Lubanga Dyilo*, Transcript of Hearing, 14 January 2011, ICC-01/04-01/06-T-350-Red2-ENG.

472. *The Prosecutor v. Jean-Pierre Bemba Gombo*, Public redacted version of «Decision on the "Defence application concerning Witness CAR-OTP-WWWW-0042's evidence"» of 10 October 2013, 16 October 2013, ICC-01/05-01/08-2830-Red.

473. *The Prosecutor v. Laurent Gbagbo and Charles Blé Goudé*, Trial Transcript, 3 February 2016, ICC-02/11-01/15-T-13-Red-ENG.

474. *Le Procureur c. Jean-Pierre Bemba et al.*, Décision relative aux requêtes aux fins de récusation du Procureur, du Procureur adjoint et de l'ensemble du personnel du Bureau du Procureur, le 21 octobre 2014, ICC-01/05-01/13-648-Red3-tFRA.

475. *Le Procureur c. Jean-Pierre Bemba et al.*, Requête aux fins de récusation de l'Accusation dans le cadre de l'enquête et des poursuites visant M. Aimé Kilolo Musamba, 3 mars 2014, ICC-01/05-01/13-233-Red.

476. *Le Procureur c. Jean-Pierre Bemba et al.*, Décision relative aux requêtes aux fins de récusation du Procureur, du Procureur adjoint et de l'ensemble du personnel du Bureau du Procureur, 22 août 2014, ICC-01/05-01/13-648-Red3-tFRA.

477. *Le Procureur c. Jean-Pierre Bemba et al.*, Transcript d'audience, 29 septembre 2015, ICC-01/05-01/13-T-10-Red-FRA.

478. *The Prosecutor v. Jean-Pierre Bemba, Aimé Kilolo, Jean-Jacques Mangenda, Fidèle Babala and Narcisse Arido,* Decision Appointing an Independent Counsel and Taking Additional Measures for the Purposes of the Forensic Acquisition of Material Seized in the Proceedings, 13 December 2013, ICC-01/05-01/13-41.

479. *The Prosecutor v. William Samoei Ruto and Joshua Arap Sang*, Public redacted version of «Ruto defence request to appoint an *amicus* prosecutor», 2 May 2016, ICC-01/09-01/11-2028-Red.

480. *The Prosecutor v. William Samoei Ruto and Joshua Arap Sang*, Decision on the Ruto Counsel's Request to appoint an *Amicus* Prosecutor, 2 June 2016, ICC-01/09-01/11-2034.

481. *The Prosecutor v. William Samoei Ruto and Joshua Arap Sang*, Decision on the Government of Kenya's application for leave to file observations pursuant to Rule 103(1) of the Rules of Procedure and Evidence, 24 April 2013, ICC-01/09-01/11-700.

482. *The Prosecutor v. Thomas Lubanga Dyilo*, Instructions to the Court's expert on names and other social conventions in the Democratic Republic of Congo, 5 June 2009, ICC-01/04-01/06-1934.

483. *The Prosecutor v. Thomas Lubanga Dyilo*, Instructions to the Court's expert on child soldiers and trauma, 6 February 2009, ICC-01/04-01/06-1671.

484. *The Prosecutor v. Thomas Lubanga Dyilo*, Instructions to the Court's expert on background and context, 17 December 2008, ICC-01/04-01/06-1558.

485. *The Prosecutor v. Thomas Lubanga Dyilo*, Trial Transcript, 7 January 2010, ICC-01/04-01/06-T-223-ENG.

486. *The Prosecutor v. Germain Katanga and Mathieu Ngudjolo Chui*, Order instructing experts pursuant to regulation 44 of the Regulations of the Court, 14 July 2009, ICC-01/04-01/07-1300.

487. *The Prosecutor v. Thomas Lubanga Dyilo*, Prosecution's Observations on Article 70 of the Rome Statute, 1 April 2011, ICC-01/04-01/06-2716.

488. *The Prosecutor v. Germain Katanga and Mathieu Ngudjolo Chui*, Transcript of Hearing, 22 September 2010, ICC-01/04-01/07-T-190-Red-ENG.

489. *Situation in Darfur*, Decision Inviting Observations in Application of Rule 103 of the Rules of Procedure and Evidence, 24 July 2006, ICC-02/05-10.

490. *The Prosecutor v. Thomas Lubanga Dyilo*, Transcript of Hearing, 14 April 2011, ICC-01/04-01/06-T-350-Red2-ENG.

491. *The Prosecutor v. Omar Hassan Ahmad Al Bashir*, Warrant of Arrest for Omar Hassan Ahmad Al Bashir, 4 March 2009, ICC-02/05-01/09-1.

492. *The Prosecutor v. Thomas Lubanga Dyilo*, Decision establishing the principles and procedures to be applied to reparations, 7 August 2012, ICC-01/04-01/06-2904.

493. *The Prosecutor v. Thomas Lubanga Dyilo*, Decision on the admissibility of the appeals against Trial Chamber I's "Decision establishing the principles and procedures to be applied to reparations" and directions on the further conduct of proceedings, 14 December 2012, ICC-01/04-01/06-2953.

494. *The Prosecutor v. Germain Katanga et Mathieu Ngudjolo Chui*, Decision on an *Amicus curiae* application and on the "Requête tendant à obtenir présentations des témoins DRC-D02-P-0350, DRC-D02-P-0236, DRC-D02-P-0228 aux autorités néerlandaises aux fins d′asile" (articles 68 and 93(7) of the Statute), 9 June 2011, ICC-01/04-01/07-3003-tENG.

495. *The Prosecutor v. Thomas Lubanga Dyilo*, Decision Inviting Observations from the Special Representative of the Secretary General of the United Nations for Children and Armed Conflict, 18 February 2008, ICC-01/04-01/06-1175.

496. *The Prosecutor v. Thomas Lubanga Dyilo*, Decision on "Motion for Leave to File Proposed *Amicus curiae* Submission of the International Criminal Bar Pursuant to Rule 103 of the Rules of Procedure and Evidence", 23 April 2008, ICC-01/04-01/06-1289.

497. *The Prosecutor v. Jean-Pierre Bemba Gombo*, Decision on the application of 14 September 2009 for participation as an *amicus curiae*, 9 November 2009, ICC-01/05-01/08-602.

498. *The Prosecutor v. Jean-Pierre Bemba et al.*, Protocol on the Handling of Confidential Information during Investigations and Contact between a Party and Witnesses of the other Parties, 20 July 2015, ICC-01/05-01/13-1093-Anx.

499. *The Prosecutor v. Jean-Pierre Bemba, Aimé Kilolo, Jean-Jacques Mangenda, Fidèle Babala and Narcisse Arido*, Decision on Sentence pursuant to Article 76 of the Statute, 22 March 2017, ICC-01/05-01/13-2123-Corr.

500. *The Prosecutor v. Jean-Pierre Bemba, Aimé Kilolo, Jean-Jacques Mangenda, Fidèle Babala and Narcisse Arido*, Prosecution's Submission on Sentencing, 12 December 2016, ICC-01/05-01/13-2085-Red.

501. *The Prosecutor v. Jean-Pierre Bemba, Aimé Kilolo, Jean-Jacques Mangenda, Fidèle Babala and Narcisse Arido*, Decision on the Prosecution's Request to Designate a Person Authorised to Witness a Declaration Under Rule 68(2)(b) of the Rules of Procedure and Evidence, 29 July 2015, ICC-01/05-01/13-1109.

502. *The Prosecutor v. Jean-Pierre Bemba, Aimé Kilolo, Jean-Jacques Mangenda, Fidèle Babala and Narcisse Arido*, Public redacted version of "Prosecution Submission on the Confirmation of Charges", 30 July 2014, ICC-01/05-01/13-597-Conf-AnxB, 15 July 2016, ICC-01/05-01/13-597-AnxB-Red.

503. *The Prosecutor v. William Samoei Ruto and Joshua Arap Sang*, Public redacted version of «Ruto defence request to appoint an *amicus* prosecutor» (ICC-01/09-01/11-2028-Red), 2 May 2016.

504. *The Prosecutor v. William Samoei Ruto and Joshua Arap Sang*, Protocol Establishing a Redaction Regime in the Case of the Prosecutor v. Ruto and Sang, 5 October 2012, ICC-01/09-01/11-458-AnxA-Corr.

505. *The Prosecutor v. Bosco Ntaganda*, Protocol Establishing a Redaction Regime in the Case of the Prosecutor v. Ntaganda, 12 December 2014, ICC-01/04-02/06-411-AnxA.

506. *The Prosecutor v. Laurent Gbagbo*, Protocol Establishing a Redaction Regime in the Case of the Prosecutor v. Laurent Gbagbo, 15 December 2014, ICC-02/11-01/11-737-AnxA.

507. *The Prosecutor v. Thomas Lubanga Dyilo*, Submission of the Observations of the Special Representative of the Secretary General of the United Nations for Children and Armed Conflict pursuant to Rule 103 of the Rules of Procedure and Evidence, 18 March 2008, ICC-01/04-01/06-1229.

508. *The Prosecutor v. Thomas Lubanga Dyilo*, Decision Inviting Observations from the Special Representative of the Secretary General of the United Nations for Children and Armed Conflict, 18 February 2008, ICC-01/04-01/06-1175.

509. *The Prosecutor v. Thomas Lubanga Dyilo*, Transcript of Hearing, 7 January 2010, ICC-01/04-01/06-T-223-ENG ET WT.

510. *The Prosecutor v. Walter Barasa*, Warrant of arrest for Walter Osapiri Barasa, 2 August 2013, ICC-01/09-01/13-1-Red2.

511. *The Prosecutor v. William Samoei Ruto and Joshua Arap Sang,* Public redacted version of «Prosecution's request for the admission of prior recorded testimony of [REDACTED] witnesses», 29 April 2015, ICC-01/09-01/11-1866-Red.

512. *The Prosecutor v. William Samoei Ruto and Joshua Arap Sang*, Trial Transcript (ICC-01/09-01/11-T-189), 29 January 2015.

513. *The Prosecutor v. Jean-Pierre Bemba, Aimé Kilolo, Jean-Jacques Mangenda, Fidèle Babala and Narcisse Arido*, Public Redacted Version of Judgment pursuant to Article 74 of the Statute, 19 October 2016, ICC-01/05-01/13-1989-Red.

514. *The Prosecutor v. Jean-Pierre Bemba, Aimé Kilolo, Jean-Jacques Mangenda, Fidèle Babala and Narcisse Arido*, Requête aux fins de récusation de l'Accusation dans le cadre de l'enquête et des poursuites visant M. Aimé Kilolo Musamba, 5 mars 2014, ICC-01/05-01/13-233-Red.

515. *The Prosecutor v. Jean-Pierre Bemba, Aimé Kilolo, Jean-Jacques Mangenda, Fidèle Babala and Narcisse Arido,* Decision Appointing an Independent Counsel and Taking Additional Measures for the Purposes of the Forensic Acquisition of Material Seized in the Proceedings, 13 December 2013, ICC-01/05-01/13-41.

516. *Situation in the Republic of Kenya*, Decision on Application for Leave to Submit *Amicus curiae* Observations, Pre-Trial Chamber II, ICC-01/09-35, 18 January 2011.

517. *The Prosecutor v. Jean-Pierre Bemba, Aimé Kilolo, Jean-Jacques Mangenda, Fidèle Babala and Narcisse Arido*, Trial Transcript, 29 September 2015, ICC-01/05-01/13-T-10-Red-ENG.

518. *The Prosecutor v. Jean-Pierre Bemba, Aimé Kilolo, Jean-Jacques Mangenda, Fidèle Babala and Narcisse Arido*, Public redacted version of ''Prosecution's Second Request under Articles 64(6)(b) and 93 of the Rome Statute to Summon a Witness", 17 September 2015, ICC-01/05-01/13-1259-Conf-Exp, 24 June 2016, ICC-01/05-01/13-1259-Red2.

519. *The Prosecutor v. Jean-Pierre Bemba, Aimé Kilolo, Jean-Jacques Mangenda, Fidèle Babala and Narcisse Arido*, Public redacted version of «Prosecution Submission on the Confirmation of Charges», 30 July 2014, ICC-01/05-01/13-597-Conf-AnxB.

520. *The Prosecutor v. Germain Katanga and Mathieu Ngudjolo* Chui Judgment on Katanga's Appeal against the First Redaction Decision, 13 May 2008, ICC-01/04-01/07-476 OA2.

521. *The Prosecutor v. Jean-Pierre Bemba, Aimé Kilolo, Jean-Jacques Mangenda, Fidèle Babala and Narcisse Arido*, Decision on the "Demande de mise en liberte provisoire de Maitre Aime Kilolo Musamba", 14 March 2014, ICC-01/05-01/13-259.

522. *The Prosecutor v. Jean-Pierre Bemba, Aimé Kilolo, Jean-Jacques Mangenda, Fidèle Babala and Narcisse Arido*, Public redacted version of

«Prosecution's Response to Defence Confirmation Submissions», 21 August 2014, ICC-01/05-01/13-646-Red.

523. *Situation au Kenya*, Décision relative à la requête aux fins de récusation du Procureur dans le cadre de l'enquête visant David Nyekorach-Matsanga, 11 juillet 2012, ICC-01/09-96-Red-tFRA.

524. *Le Procureur c. Saif Al-Islam Qadhafi et Abdullah Al-Senussi*, Decision on the Request for Disqualification of the Prosecutor, 12 juin 2012, ICC-01/11-01/11-175 (OA 3.

525. *The Prosecutor v. Jean-Pierre Bemba, Aimé Kilolo, Jean-Jacques Mangenda, Fidèle Babala and Narcisse Arido*, Consolidated Prosecution Response to the Defence Submissions on the Legal Elements of the Charged Offences and Modes of Liability, 22 June 2015, ICC-01/05-01/13-1024.

526. *The Prosecutor v. Jean-Pierre Bemba, Aimé Kilolo, Jean-Jacques Mangenda, Fidèle Babala and Narcisse Arido*, Decision pursuant to Article 61(7) (a) and (b) of the Rome Statute, 11 November 2014, ICC-01/05-01/13-749.

527. *The Prosecutor v. Jean-Pierre Bemba, Aimé Kilolo, Jean-Jacques Mangenda, Fidèle Babala and Narcisse Arido*, Decision on The Filing In The Record Of Items Seized Upon The Searches Of The Person And Cell of Jean-Pierre Bemba Gombo, 19 May 2014, ICC-0l/05-01/13-408.

528. *The Prosecutor v. Jean-Pierre Bemba, Aimé Kilolo, Jean-Jacques Mangenda, Fidèle Babala and Narcisse Arido*, Decision Providing Materials in Two Independent Counsel Reports and Related Matters, 5 May 2015, ICC-01/05-01/13-947.

529. *The Prosecutor v. Jean-Pierre Bemba, Aimé Kilolo, Jean-Jacques Mangenda, Fidèle Babala and Narcisse Arido*, Public Redacted Version of Judgment pursuant to Article 74 of the Statute, 19 October 2016, ICC-01/05-01/13-1989-Red.

530. *Situation in the Central African Republic*, Decision on the Prosecutor's "Request for judicial order to obtain evidence for investigation under Article 70", 3 February 2014, ICC-0l/05-52-Red2.

531. *Situation in the Islamic Republic of Afghanistan*, Transcript of hearing, 4 December 2019, ICC-02/17-T-001-ENG.

532. *The Prosecutor v. Jean-Pierre Bemba, Aimé Kilolo, Jean-Jacques Mangenda, Fidèle Babala and Narcisse Arido*, Public Redacted Version of Defence Response to Prosecution's First Request for the Admission of Evidence from the Bar Table (ICC-01/05-01/13-1013-Conf), 9 October 2015, ICC-01/05-01/13-1074-Red.

533. *The Prosecutor v. Jean-Pierre Bemba, Aimé Kilolo, Jean-Jacques Mangenda, Fidèle Babala and Narcisse Arido*, Public Redacted Version of 'Narcisse Arido's Omnibus Motion for a Delay of the Testimony of Witnesses P-260 and P-245 until Material Crucial to Their Credibility is Disclosed and/or Obtained', 4 November 2015, ICC-01/05-01/13-1261-Red.

534. *The Prosecutor v. Jean-Pierre Bemba, Aimé Kilolo, Jean-Jacques Mangenda, Fidèle Babala and Narcisse Arido*, Public Redacted Judgment on the appeals of Mr Jean-Pierre Bemba Gombo, Mr Aimé Kilolo Musamba, Mr Jean-Jacques Mangenda Kabongo, Mr Fidèle Babala Wandu and Mr Narcisse Arido against the decision of Trial Chamber VII entitled "Judgment pursuant to Article 74 of the Statute", 8 March 2018, ICC-01/05-01/13 A A2 A3 A4 A5.

535. *The Prosecutor v. Jean-Pierre Bemba, Aimé Kilolo, Jean-Jacques Mangenda, Fidèle Babala and Narcisse Arido*, Consolidated Prosecution Response to the Defence Submissions on the Legal Elements of the Charged Offences and Modes of Liability, 22 June 2015, ICC-01/05-01/13-1024.

536. *The Prosecutor v. Jean-Pierre Bemba et al.*, Judgment on the appeals of the Prosecutor, Mr Jean-Pierre Bemba Gombo, Mr Fidèle Babala Wandu and Mr Narcisse Arido against the decision of Trial Chamber VII entitled "Decision on Sentence pursuant to Article 76 of the Statute", 8 March 2018, ICC-01/05-01/13-2276-Red.

537. *Situation in Uganda*, Decision on the Prosecutor's Urgent Application Dated 26 September 2005, 27 September 2005, ICC-02/04-01/05-27-US-Exp.

538. *In the Case of The Prosecutor v. Ahmad Muhammad Harun and Ali Muhammad Ali Abd-Al-Rahma*n, Decision informing the United Nations Security Council about the lack of cooperation by the Republic of the Sudan, 25 May 2010, ICC-02/05-01/07-57.

539. *Situation on Registered Vessels of The Union of the Comoros*, The Hellenic Republic and The Kingdom of Cambodian, Order on the conduct of the hearing before the Appeals Chamber, 18 April 2019, ICC-01/13-95.

540. *The Prosecutor v. Thomas Lubanga Dyilo*, Trial Transcript, 7 April 2009, ICC-01/04-01/06-T-166-ENG.

541. *The Prosecutor v. Thomas Lubanga Dyilo*, Trial Transcript, 17 June 2009, ICC-01/04-01/06-T-193-ENG.

542. *The Prosecutor v. Thomas Lubanga Dyilo*, Trial Transcript, 17 June 2009, ICC-01/04-01/06-T-193-ENG.

Орган разрешения споров Всемирной торговой организации

543. WTO. *United States - Import Prohibition of Certain Shrimp and Shrimp Products* – Appellate Body Report, WT/DS58/AB/R, 12 October 1998 // Reports of the World Trade Organization Dispute Settlement Body. – Geneva, WTO, 1998. — P. 1–87.

Международный центр по урегулированию инвестиционных споров

544. *Aguas Provinciales de Santa Fe S.A., Suez, Sociedad General de Aguas de Barcelona S.A. and Inter Aguas Servicios Integrales del Agua S.A. v. Argentine Republic*, ICSID Case No. ARB/03/17, Order in response to a Petition for Participation as an *Amicus curiae*, 17 March 2006 // International Centre for Settlement of Investment Disputes, Washington, D.C., 2006. – P. 1–45.

545. UNCITRAL/NAFTA, *Methanex Corporation v. United States of America*. Decision of the Tribunal on Petitions from Third Persons to Intervene as *Amicus curiae*, 15 January 2001 // The Hague: Permanent Court of Arbitration, 2001. – P. 1–22.

546. UNCITRAL/NAFTA, *United Parcel Service of America Inc v. Canada.* Decision of the Tribunal on Petitions for Intervention and Participation as *Amicus curiae*, 17 October 2001 // The Hague: Permanent Court of Arbitration, 2001. – P. 1–30.

Материалы национальной судебной практики

547. *Camera Care Ltd v Commission Case № 792/79R. //* European Court Reports. – 1980. – p. 119–135.

548. *Church of Scientology,* Federal Supreme Court of Germany, judgment of 26 September 1978. // International Law Reports. – Vol. 65. – P. 193–210.

549. Cour de cassation, Chambre criminelle, 17 juin 2014, n° 13-80.158, Inédit. // Bulletin criminel. – 2014. – № 161. – p. 890–905.

550. Cour de cassation, Chambre criminelle, 19 mars 2013, n° 12-81.676, Publié au bulletin // Bulletin criminel. – 2013. – № 65. – p. 498–515.

551. Cour de Cassation, Chambre criminelle, du 23 novembre 2004, n° 04-84.265, Publié au bulletin. // Bulletin criminel. – 2004. – № 292. – p. 1096–1112.

552. *Empire of Iran,* Federal Constitutional Court of Germany, 30 April 1963 // International Law Reports. – Vol. 45. – p. 57–82.

553. *Ex parte Johns,* 807 S.W.2d 768 (Tex. App.–Dallas 1991, orig. proceeding) [Электронный ресурс]. – URL: https://casetext.com/case/ex-parte-johns-1 (дата обращения: 26.01.2025).

554. *First Merchants Collection v. Republic of Argentina,* United States District Court, Southern District of Florida, 31 January 2002, 190 F. Supp. 2d 1336 (S.D. Fla. 2002) [Электронный ресурс]. – URL: https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp2/190/1336/2503981/ (дата обращения: 26.01.2025).

555. *Flick v. Johnson,* 174 F.2d 983, 986 (D.C. Cir. 1949) [Электронный ресурс]. – URL: https://casetext.com/case/flick-v-johnson (дата обращения: 26.01.2025).

556. *Francis Kaunda v. The Post,* 1991, HP/1295 [Электронный ресурс]. – URL: https://media.zambialii.org/media/judgment/31883/source_file/kaunda-v-people-1991-zmsc-4-18-february-1991.rtf (дата обращения: 26.01.2025).

557. *Golden Forest Holdings Limited v. Bank of Nova Scotia,* (1991) 98 N.S.R. [Электронный ресурс]. – URL: https://canliiconnects.org/en/summaries/22817 (дата обращения: 03.03.2025).

558. *Grobbelaar v. News Group Newspapers Ltd*, UKHL 40; 1 WLR 3024; 4 All ER *732* [Электронный ресурс]. – URL: https://www.5rb.com/case/grobbelaar-v-news-group-newspapers-ltd/ (дата обращения: 03.03.2025).

559. *Holland v. Lampen-Wolfe*, 1 WLR 1573 (UKHL) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.casemine.com/judgement/uk/5b46f1f02c94e0775e7ee76e (дата обращения: 03.03.2025).

560. *House of Lords, R (on the application of Al-Jedda) (FC) (Appellant) v. Secretary of State for Defence (Respondent)*, UKHL 58 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.internationalcrimesdatabase.org/Case/950/Al-Jedda/ (дата обращения: 26.01.2025).

561. *King v. Lord Ossulston*, 2 Str. 1107, 93 Eng. Rep. 1063 (K. B. 1739) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.gutenberg.org/files/50730/50730-h.htm (дата обращения: 26.01.2025).

562. *Kline and Others v. Kaneko and Others*, 685 F. Supp. 386 (S.D.N.Y. 1988) [Электронный ресурс]. // International Law Reports. – Vol. 101. – p. 102–130.

563. Landsdómur, úrskurður í máli nr. 3/2011 gegn Geir H. Haarde. – Reykjavík, 2012. – S. 1–40.

564. *Lawrence Mutakasha v. The Post*, 1992, HP/194 [Электронный ресурс]. // The ARTICLE 19 Freedom of Expression Handbook. – August 1993. – ISBN 1 870798 17 1. – p. 45–67. – URL: https://www.article19.org/data/files/pdfs/publications/1993-handbook.pdf (дата обращения: 26.01.2025).

565. *Lehigh Valley Railroad Company (US v. Germany) (Sabotage Claims)*, 1933, 8 R.I.A.A. 160, 170 // Recueil des sentances arbitrales (RIAA). – Vol. 8. – p. 160–180.

566. *Letelier and Others v. The Republic of Chile and Linea Aerea Nacional-Chile*, United States Court of Appeals, Second Circuit, 748 F.2d 790 (1984) // International Law Reports. – 1989. – Vol. 79. – p. 561–580.

567. *Lozano v. Italy*, case № 31171/2008, Italy, Court of Cassation, judgment of 24 July 2008 [Электронный ресурс]. // International Law Reports. – 2009. – Vol. 97. – p. 558–577.

568. *Mwelwa Chibesakunda v. The Post Newspapers Ltd.*, 1992, HP/563 [Электронный ресурс]. // The ARTICLE 19 Freedom of Expression Handbook. – August 1993. – ISBN 1 870798 17 1. – p. 45–67. – URL: https://www.article19.org/data/files/pdfs/publications/1993-handbook.pdf (дата обращения: 26.01.2025).

569. *Norbert Schmidt v. The Home Secretary of the Government of the United Kingdom*, High Court of Ireland, judgment of 24 April 1997, 2 IR 121 [Электронный ресурс]. – URL: https://ie.vlex.com/vid/schmidt-v-secretary-of-793526741 (дата обращения: 26.01.2025).

570. *Pett v. Greyhound Racing Association Ltd.*, EWCA Civ J0405-2 [Электронный ресурс]. // The Law Reports, Appeal Cases. – 1968. – Vol. 2 All ER 545. – p. 545–560. – URL: https://vlex.co.uk/vid/pett-v-greyhound-racing-793589217 (дата обращения: 26.01.2025).

571. *Politisches Flugblatt case. //* Federal Communications Commission Reports. – 1976. – Vol. 43. – p. 130–160.

572. *Propend Finance Pty Ltd. v. Sing*, United Kingdom, Court of Appeal, 1997 // International Law Reports. – 1998. – Vol. 111. – p. 611–630.

573. *R v Jogee*, UKSC 8 // The Law Reports, Supreme Court. – 2016. – Vol. 1 WLR 1. – p. 1–30.

574. *R v. Caron*, SCC 5 // Supreme Court Reports. – 2011. – Vol. 78. – p. 1–25.

575. *Robinson Nabulyato v. The Post*, 1992, HP/611 [Электронный ресурс]. // The ARTICLE 19 Freedom of Expression Handbook. – August 1993. – ISBN 1 870798 17 1. – p. 45–67. – URL: https://www.article19.org/data/files/pdfs/publications/1993-handbook.pdf (дата обращения: 26.01.2025).

576. *Ruddock v The Queen*, UKPC 7 [Электронный ресурс]. // The Law Reports, Privy Council. – 2016. – Vol. 1 WLR 56. – p. 56–85.

577. *Saltany and Others v. Reagan and Others*, 1988, 702 F. Supp. 319 (D.D.C.) // International Law Reports. – Vol. 87. – p. 19–45.

578. *Saudi Arabia and Others v. Nelson, United States Supreme Court*, 507 U.S. 349 (1993) // International Law Reports. – 1995. – Vol. 100. – p. 175–195.

579. *Siemer v. Solicitor-General*, New Zealand Supreme Court. // New Zealand Law Reports. – 2010. – Vol. 12. – p. 421–450.

580. *State v. Yancy*.// North Carolina Reports. – 1814. – Vol. 4. – p. 133–140.

581. *STC 105/86 (Soria Semanal case)* // Boletín de Jurisprudencia Constitucional. – 1986. – № 64/65. – p. 1048–1056.

582. *Strafsenat*, Urteil vom 14. Dezember 1948 gegen L. und andere, StS 37/48 // Entscheidungen des Obersten Gerichtshofs für die Britische Zone. – 1948. – Vol. 1. – p. 229–236.

583. *Taylor v. Attorney General.* // New Zealand Law Reports. – 1975. – Vol. 3. – p. 675–690.

584. *The State of the Netherlands v. Nuhanović, Case № 12/03324*, Supreme Court of the Netherlands, Judgment, 6 September 2013 // International Legal Materials. – 2014. – Vol. 53, Issue 3. – p. 512–537.

585. United States Department of Justice. Motion to Dismiss by Special Counsel Jack Smith in *United States v. Donald J. Trump*, Case No. 1:23-cr-00257-TSC : filed November 25, 2024 [Электронный ресурс]. // Министерство юстиции США: официальный сайт. – URL: https://www.justice.gov/opa/press-release/file/1662041/download (дата обращения: 10.09.2025).

586. United States Department of Justice. Notice of Appeal by Special Counsel Jack Smith in *United States v. Donald J. Trump*, Case No. 1:23-cr-257, filed July 17, 2024. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.justice.gov/opa/press-release/file/1696421/download (дата обращения: 10.09.2025).

587. United States Department of Justice. *United States v. Donald J. Trump,* indictment, Case No. 1:23-cr-257 (S.D. Fla.), filed June 8, 2023, superseded July 27, 2023. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.justice.gov/opa/press-release/file/1696421/download (дата обращения: 10.09.2025).

588. United States District Court for the District of Columbia. Order granting Government's motion to dismiss in *United States v. Donald J. Trump*, Case No. 1:23-cr-00257-TSC, November 25, 2024. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.justice.gov/opa/pr/federal-court-dismisses-electoral-obstruction-case-against-former-president-trump (дата обращения: 10.09.2025).

589. United States District Court for the District of Columbia. *United States of America v. Donald J. Trump,* Case No. 1:23-cr-00257-TSC. Indictment filed August 1, 2023. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.justice.gov/storage/US_v_Trump_23_cr_257.pdf (дата обращения: 05.09.2025).

590. United States District Court for the District of Columbia. *United States of America v. Donald J. Trump,* Case No. 1:23-cr-00257-TSC. Order Granting Government's Motion to Dismiss, November 25, 2024. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.justice.gov/usao-dc/pr/federal-court-dismisses-electoral-obstruction-case-against-former-president-trump (дата обращения: 10.09.2025).

591. United States District Court for the Southern District of Florida. Order dismissing indictment in *United States of America v. Donald J. Trump*, Case No. 1:23-cr-257 (S.D. Fla.), July 15, 2024. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.justice.gov/opa/press-release/file/1699921/download (дата обращения: 10.09.2025).

592. *United States of America v. Noriega,* United States Court of Appeals, Eleventh Circuit, Judgment of 7 July 1997, 117 F.3d 1206 // Federal Reporter, Third Series. – 1997. – Vol. 117. – p. 1206–1226.

593. *United States v. Layton* // Federal Supplement. – 1981. – Vol. 509. – p. 212–245.

594. *United States v. Pizzarusso.* // Federal Reporter, Second Series. – 1968. – Vol. 388. – p. 8–15.

595. *United States v. Zehe.* // Federal Supplement. – 1985. – Vol. 601. – p. 196–215.

596. *Victory Transport Inc. v. Comisaría General de Abastecimientos y Transportes.* // Federal Reporter, Second Series. – 1964. – Vol. 336. – p. 354–370.

Отечественные монографии, научные и учебные издания

597. *Аваков М.М., Ашавский Б.М., Бахов А.С., Бацанов С.Б.* Словарь международного права / М.М. Аваков, Б.М. Ашавский, А.С. Бахов, С.Б. Бацанов. – М.: Международные отношения, 1986. – 432 с.

598. *Адельханян Р.А.* Преступность деяния по международному уголовному праву: учебное пособие / Р.А. Адельханян. – М.: МЗ Пресс, 2002. – 37 с.

599. *Анцилотти Д.* Курс международного права: В 2 т. / Д. Анцилотти. – Т. 1. – М.: Правоведение, 1961. – 444 с.

600. Архив внешней политики Российской Федерации. Фонд 06. Опись 4. Пункт 14. Дело 137.

601. Архив внешней политики Российской Федерации. Фонд 06. Опись 7. Пункт 20. Дело 209.

602. *Баскин Ю.Я., Фельдман Д.И.* История международного права / Ю. Я. Баскин, Д. И. Фельдман. – М.: Международные отношения, 1990. – 208 с.

603. *Блищенко И.П., Фисенко И.В.* Международный уголовный суд / И.П. Блищенко, И.В. Фисенко. – М.: Закон и право; ЮНИТИ, 1998. – 239 с.

604. *Блищенко И.П., Каламкарян Р.А., Карпец И.И., Кудрявцев В.Н., Мюллерсон Р.А., Решетов Ю.А*. Международное уголовное право: учебное пособие / И.П. Блищенко, Р.А. Каламкарян, И.И. Карпец, В.Н. Кудрявцев, Р.А. Мюллерсон, Ю.А. Решетов. – М.: Наука, 1999. – 688 с.

605. *Блищенко, И.П., Жданов, Н.В.* Сотрудничество государств в борьбе с преступлениями международного характера: учебное пособие / И.П. Блищенко, Н.В. Жданов. – Москва: УДН, 1984. – 88 с.

606. *Блюнчли И.* Современное международное право цивилизованных государств, изложенное в виде кодекса / И. Блюнчли. – М.; СПб., 1878. – 625 с.

607. *Богуш Г.И.* Международный уголовный суд и проблемы становления международного уголовного правосудия / Г.И. Богуш // Международный уголовный суд: проблемы, дискуссии, поиск решений. – М., 2008. – С. 15–42.

608. *Броунли Я.* Международное право. – В 2 кн. / Я. Броунли; под ред. Г.И. Тункина. – М.: Прогресс, 1977. Кн. 1. – 535 с. Кн. 2. – 507 с.

609. *Буткевич В.Г.* Советское право и международный договор / В.Г. Буткевич. – Киев: Вища школа, 1977. – 259 с.

610. *Василенко В.А.* Ответственность государства за международные правонарушения / В.А. Василенко. – Киев: Вища школа, 1976. – 267 с.

611. *Владимирский-Буданов М.Ф*. Обзор истории русского права / М.Ф. Владимирский-Буданов. – Киев: Лито-типография Товарищества И.Н. Кушнерев и Ко, 1907. – 714 с.

612. *Волеводз А.Г.* Современная система международной уголовной юстиции: понятие, правовые основы, структура и признаки // Международное уголовное правосудие: Современные проблемы / Под ред. Г.И. Богуша, Е.Н. Трикоз. – М.: Институт права и публичной политики, 2009. – С. 305 – 323.

613. *Волеводз А.Г.* Международные правоохранительные организации: учебное пособие / А.Г. Волеводз. – Москва: Проспект, 2011. – 344 с.

614. *Волеводз А.Г.* Международное уголовное правосудие и права человека: учебное пособие для магистрантов / А.Г. Волеводз. – Москва, 2014. – 428 с.

615. *Волеводз А.Г.* Глава 4. Принципы Устава Нюрнбергского Военного Трибунала и их реализация в системе международной защиты прав человека / А.Г. Волеводз // Международная защита прав человека: учебник / под ред. А.Х. Абашидзе. – Москва: РУДН, 2017. – 466 с. – С. 41-88.

616. *Волеводз А.Г.* Международные правоохранительные организации: Учебное пособие в 5-ти частях / А.Г. Волеводз. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Прометей», 2023. – 224 с. – (Библиотека магистратуры «Международное сотрудничество в сфере правоохранительной деятельности и уголовной юстиции» ; Часть II ; Судебные и юридические сети).

617. *Вышинский А.Я.* Курс уголовного процесса / А.Я. Вышинский. – Москва: Юрид. изд-во Наркомюста РСФСР, 1927. – 222 с.

618. *Галенская Л.Н.* Международные преступления и международная ответственность / Л.Н. Галенская // Правоведение. – 1965. – № 1. – С. 168–171.

619. *Галенская Л.Н.* Правовые проблемы сотрудничества государств в борьбе с преступностью / Л.Н. Галенская. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1978. – 86 с.

620. *Гафаров З.М.* Преступления международного характера в глобализирующемся мире / З.М. Гафаров. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2006. – 542 с.

621. *Глистин В.К.* Проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений. Объект и квалификация преступлений / В.К. Глистин. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1979. – 218 с.

622. Глобализация и международные отношения / Под ред. А.П. Кобзева. – М.: Синергия, 2011. – 240 с.

623. *Дагель П.С.* Избранные труды / П.С. Дагель; научн. ред. А.И. Коробеева. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 2009. – 352 с.

624. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. / В.И. Даль. – М.: Русский язык, 1989. Т. 1: А-З. – 696 с.

625. *Даневский В.Л.* Пособие к изучению истории и системы международного права / В.Л. Даневский. – Харьков: Типография Ф.Г. Горохова, 1892. – 238 с.

626. *Дробышевский С.А.* Идея человеческого достоинства в политико-юридических доктринах и праве: Монография / С.А. Дробышевский. – Красноярск: Изд-во ИПК СФУ, 2009. – 278 с.

627. *Захарова Н.В.* Выполнение обязательств, вытекающих из международного договора / Н.В. Захарова; отв. ред. Н.В. Миронов. – Москва: Наука, 1987. – 139 с.

628. *Игнатенко Г.В.* Преступления международного характера и обязательства государств по борьбе с ними / Г.В. Игнатенко // Курс международного права: Отрасли международного права. В 7 томах. Т. 6 / под ред. И. Н. Арцибасова, Б. М. Ашавского, Г. В. Игнатенко, Н. Б. Крылова и др. – Москва: Наука, 1992. – С. 55–68.

629. *Игнатенко Г.В., Суворова В.Я.* Методика изучения международных договоров: методические рекомендации по международному праву / Г.В. Игнатенко, В.Я. Суворова. – Свердловск: Издательство Свердловского юридического института, 1980. – 43 с.

630. *Игнатенко Г.В., Тиунов О.И.* Международное право: учебник для вузов / отв. ред. Г.В. Игнатенко, О.И. Тиунова. – Москва: Изд. группа Норма-Инфра, 1999. – 584 с.

631. *Камаровский Л.А.* О международном суде / Л.А. Камаровский. – Москва: Типография Т. Малинского, 1881. – 542 с.

632. Каролина. Уголовно-судебное уложение Карла V: Перевод со средневерхгерманского / С.З. Зиманов (отв. ред.). – Алма-Ата: Наука КазССР, 1967. – 152 с.

633. *Карпец И.И.* Преступления международного характера / И.И. Карпец. – М.: Юридическая литература, 1979. – 262 с.

634. *Колбая Г.Н.* Соотношение предварительного следствия и судебного разбирательства / Г.Н. Колбая. – М., 1975. – 100 с.

635. *Колосов Ю.М.* Ответственность в международном праве / Ю.М. Колосов. – М.: Юридическая литература, 1975. – 320 с.

636. *Копылова Е.А.* Преступления против международного уголовного правосудия / Е.А. Копылова. – М.: Бослен, 2019. – 368 с.

637. *Копылова Е.А., Синякин И.И.* Блоковость как будущее международного права / Е.А. Копылова, И.И. Синякин. – М.: Бослен, 2023. – 32 с.

638. *Котляров И.И.* Международное гуманитарное право: учебное пособие / И.И. Котляров. – М.: Юрлитинформ, 2003. – 304 с.

639. *Кудрявцев В.Н.* Объективная сторона преступления / В.Н. Кудрявцев. – М.: Госюриздат, 1960. – 244 с.

640. *Кудрявцев, В.Н.* Международное уголовное право: учебное пособие / под общ. ред. В.Н. Кудрявцева. – М.: Наука, 1999. – 264 с.

641. *Курис П.М.* Международные правонарушения и ответственность государства / П.М. Курис. – Вильнюс: Минтис, 1973. – 280 с.

642. Курс международного права в семи томах / М.М. Чернявский (ред.-сост.). – М.: Наука, 1989. Т. 1. – 640 с.

643. Курс международного права. Понятие, предмет и система международного права. В 7 т. Т.1 / отв. ред. 1-го т. Р.А. Мюллерсон, Г.И. Тункин; под ред. Ю.А. Баскина и др. – Москва: Наука, 1989. – 360 с.

644. Курс международного права. Основные принципы международного права. В 7 т. Т.2 / отв. ред. 2-го т. И.И. Лукашук; под ред. Г.В. Игнатенко и др. – Москва: Наука, 1989. – 240 с.

645. Курс международного права. Отрасли международного права. В 7 т. Т.6 / отв. ред. 6-го т. Н.А.Ушаков; под ред. И.Н. Арцибасова, Б.М. Ашавского, Г.В. Игнатенко, Н.Б. Крылова, и др. – Москва: Наука, 1992. – 312 с.

646. Курс уголовного права. Общая часть: Учение о преступлении. В 5 т. Т.1. / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. – М.: Зерцало, 2002. – 624 с.

647. *Лазарев М.И.* Империалистические военные базы на чужих территориях и международное право / М.И. Лазарев. – М.: Изд-во Института международного образования, 1963. – 255 с.

648. *Левин Д.Б.* Ответственность государств в современном международном праве / Д.Б. Левин. – М.: Международные отношения, 1966. – 152 с.

649. *Лист Ф.* Международное право в систематическом изложении: Перевод с 6-го немецкого издания / Ф. Лист. – Юрьев (Дерпт): Типография К. Маттисена, 1917. – 674 с.

650. *Лукашук И.И.* Источники международного права / И.И. Лукашук. – Киев: Вища школа, 1966. – 125 с..

651. *Лукашук И.И.* Международное право. Особенная часть / И.И. Лукашук. – М.: Волтерс Клувер, 2010. – 544 с.

652. *Лукашук И.И.* Право международной ответственности: монография / И.И. Лукашук. – М.: Волтерс Клувер, 2004. – 432 с.

653. *Лукашук И.И.* Международное право. Особенная часть: учеб. для студентов юрид. фак. и вузов / И.И. Лукашук; Рос. акад. наук, Ин-т государства и права, Академ. правовой ун-т. – Изд. 3-е, перераб. и доп. – Москва: Волтерс Клувер, 2010. – 517 с.

654. *Лукашук И.И., Наумов А.В.* Международное уголовное право: учебник / И.И. Лукашук, А.В. Наумов. – Москва: Спарк, 1999. – 287 с.

655. *Ляхс М.* Многосторонние договоры: перевод с польского / М. Ляхс / под ред. и с предисловием В.Н. Дурденевского; перевод Г.Ф. Калинкина. – Москва: Иностранная литература, 1960. – 320 с.

656. *Мартенс Ф.Ф.* Современное международное право цивилизованных народов: В 2 т. / Ф.Ф. Мартенс. – СПб.: Типография А. Бенке, 1892–1905. Т. 1. – 560 с. – 1892; Т. 2. – 369 с. – 1905.

657. Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия. – М.: Госполитиздат, 1950. – 650 с.

658. *Нигматуллин Р.В.* Борьба с преступностью в курсе современного международного права: учебное пособие / Р.В. Нигматуллин. – Уфа: УЮИ МВД России, 2012. – 92 с.

659. *Оппенгейм Л.* Международное право / Л. Оппенгейм. – Т. 1. Полутом 1. – М.: Иностранная литература, 1948. – 407 с.

660. *Осминин Б.И.* Заключение и имплементация международных договоров и внутригосударственное право: монография / Б.И. Осминин. – Москва: Инфотропик Медиа, 2010. – 400 с.

661. *Панов В.П.* Международное уголовное право: учебное пособие / В.П. Панов. – Москва: Инфра-М, 1997. – 320 с.

662. *Панов В.П.* Сотрудничество государств в борьбе с международными уголовными преступлениями: учебное пособие / В.П. Панов. – М.: Юрист, 1993. – 160 с.

663. *Перетерский И.С.* Толкование международных договоров / Иван Сергеевич Перетерский; отв. ред. С. Б. Крылов, Г. И. Тункин. – Москва: Госюриздат, 1959. – 172 с.

664. *Полянский Н.Н.* Международный суд / Н.Н. Полянский. – М.: Издательство АН СССР, 1951. – 236 с.

665. *Попаденко Е.В.* Международное уголовное право: учебное пособие / Е.В. Попаденко. – Москва: Юрлитинформ, 2012. – 192 с.

666. Права человека: сборник международных договоров. – Нью-Йорк: ООН, 1989. – 400 с.

667. *Раскалей С.Б.* Объективная ответственность государств в международном праве / С.Б. Раскалей; отв. ред. В.А. Василенко. – Киев: Наукова думка, 1985. – 120 с.

668. *Решетов Ю.А.* Борьба с международными преступлениями против мира и безопасности / Ю.А. Решетов. – М.: Международные отношения, 1983. – 223 с.

669. *Ромашев Ю.С.* Международное правоохранительное право / Ю.С. Ромашев. – М.: Норма, 2010. – 368 с.

670. Российское законодательство X–XX веков: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / О.И. Чистяков (общ. ред.), А.Д. Горский (отв. ред.). – Т. 2. – М.: Юридическая литература, 1985. – 520 с.

671. *Русинова В.Н.* Нарушения международного гуманитарного права: индивидуальная уголовная ответственность и судебное преследование / В.Н. Русинова. – М.: Юрлитинформ, 2006. – 192 с.

672. *Синякин И.И.* Терроризм с использованием оружия массового уничтожения: международно-правовые вопросы противодействия: монография / И.И. Синякин. – М.: Норма, 2012. – 192 с.

673. *Скуратова А.Ю.* Международные преступления: современные проблемы квалификации: монография / А.Ю. Скуратова. – М.: Норма, Инфра-М, 2012. – 160 с.

674. *Скуратова А.Ю., Синякин И.И.* Международное уголовное право: учебное пособие / А.Ю. Скуратова, И.И. Синякин; под ред. А.Н. Вылегжанина. – Москва: Проспект, 2020. – 560 с.

675. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сборник документов. – М.: Издательство политической литературы, 1984. – Т. 6. – 720 с.

676. *Спасович В.Д.* Учебник уголовного права. Часть Общая / В.Д. Спасович. – СПб., 1863. – 384 с.

677. *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса / М.С. Строгович. – М., 1958. – 703 с.

678. *Судницын А.Б.* Задачи предварительного расследования: правовая природа, система, проблемы реализации и пути совершенствования: монография / А.Б. Судницын. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2019. – 176 с.

679. *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая: В 2 т. / Н.С. Таганцев. – Т. 1. – М., 1994. – 312 с.

680. *Талалаев А.Н.* Право международных договоров / А.Н. Талалаев. – М.: Зерцало, 2011. – Т. 1: Общие вопросы. – 280 с.; Т. 2: Действие и применение договоров. Договоры с участием международных организаций. – 504 с.

681. *Тиунов О.И.* Международное гуманитарное право: учебник для вузов / О.И. Тиунов. – М.: Инфра-М-НОРМА, 1999. – 328 с.

682. *Трайнин А.Н.* Избранные труды / А.Н. Трайнин. – СПб., 2004. – 384 с.

683. *Трайнин А.Н.* Уголовная ответственность гитлеровцев / А.Н. Трайнин. – М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1944. – 107 с.

684. *Тункин Г.И.* Вопросы теории международного права / Г. И. Тункин. – М., 1966. – 330 с.

685. *Тункин Г.И.* Теория международного права / Г. И. Тункин; под общ. ред. Л.Н. Шестакова. – М.: Зерцало, 2016. – 416 с.

686. *Удальцова З.В.* Италия и Византия в VI веке / З.В. Удальцова. – М., 1959. – 547 с.

687. *Ушаков Н.А.* Основания международной ответственности государств / Н.А. Ушаков. – М.: Международные отношения, 1983. – 184 с.

688. *Фердросс А.* Международное право / А. Фердросс. – М.: Иностранная литература, 1959. – 652 с.

689. *Хименес де Аречага Э.* Современное международное право / Э. Хименес де Аречага. – М.: Прогресс, 1983. – 480 с.

690. Хрестоматия по истории Древнего Востока / Под ред. А.М. Коростовцева. – Часть 1. – М.: Высшая школа, 1980. – 256 с.

691. Хрестоматия по истории Древнего Рима / Ред. В.И. Кузищин. – М.: Высшая школа, 1987. – 431 с.

692. *Циммерман М.А.* История международного права / М.А. Циммерман. – Прага: Типография Вестника, 1924. – 470 с.

693. *Черниченко С.В.* Теория международного права: Современные теоретические проблемы / С.В. Черниченко. – Т. 1. – М., 1999. – 336 с.

694. *Черниченко С.В.* Теория международного права: Старые и новые теоретические проблемы / С.В. Черниченко. – Т. 2. – М., 1999. – 531 с.

695. *Шибаева Е.А.* Право международных организаций. Вопросы теории / Е.А. Шибаева. – М.: Международные отношения, 1986. – 160 с.

696. *Шуршалов В. М.* Основные вопросы теории международного договора / В.М. Шуршалов; отв. ред. В.В. Евгеньев. – М.: Издательство АН СССР, 1959. – 472 с.

Зарубежные монографии, научные и учебные издания

697. An Introduction to International Criminal Law and Procedure / edited by R. Cryer, H. Friman, D. Robinson and E. Wilmshurst. – Cambridge University Press, 2010. – 618 p.

698. *Andrus B.* I Was the Nuremberg Jailer / Burton Andrus. – New York: Coward-McCann, 1969. – 210 p.

699. *Anzilotti D.* Teoria generale della responsabilità dello Stato nel diritto internazionale: in 2 vol. Vol. 1. / Dionisio Anzilotti. – Padoue, 1956. – 187 p.

700. *Appleman J.A.* Military Tribunals and International Crimes / John Alan Appleman. – Westport, Conn.: Greenwood Press, 1971. – 438 p.

701. *Askin K.* War Crimes Against Women: Prosecution in International War Crimes Tribunals / Kelly Dawn Askin. – Martinus Nijhoff Publishers, 1997. – 455 p.

702. *Aust A.* Handbook of International Law / Anthony Aust. – Cambridge University Press, 2005. – 592 p.

703. *Bantekas I.* International Criminal Law / Ilias Bantekas, Susan Nash. – London and New York: Routledge-Cavendish, 2007. – 594 p.

704. *Bassiouni Ch.* Introduction to International Criminal Law, 2nd Revised Version / Cherif Bassiouni. – Dordrecht: Martinus Nijhoff, 2012. – 1122 p.

705. *Bekker P.* The Legal Position of Intergovernmental Organizations: A Functional Necessity Analysis of Their Legal Status and Immunities / Peter Henri Fredericus Bekker. – Leiden, Boston: Brill, 1994. – xxx, 642 p.

706. Black's Law Dictionary: 8th ed. / ed. by Bryan A. Garner. – St. Paul, MN: Thomson West, 2004. – xxv, 1810 p.

707. *Blackstone W.* Commentaries on the Laws of England: in 4 vol. Vol. IV. – [Электронный ресурс] / William Blackstone. – Clarendon Press, 1778. – 470 p. – URL: https://repository.law.umich.edu/books/100/ (дата обращения: 25.04.2025).

708. *Blokker N.M.* International Institutional Law-Unity within Diversity / Niels M. Blokker, Henry G. Schermers. – Leiden, Boston: Martinus Nijhoff Publishers, 2003. – xxxiv, 1302 p.

709. *Boczek B.* Historical Dictionary of International Tribunals / Boleslaw Adam Boczek. – Metuchen, N.J.: Scarecrow Press, 1994. – xxvii, 361 p.

710. *Brownlie I.* International Law and the Use of Force by States / Ian Brownlie. – Oxford: Oxford University Press, 1963. – 532 p.

711. *Brownlie I.* Principles of Public International Law: 6th edition / Ian Brownlie. – Oxford University Press, 2003. – 784 p.

712. *Byers M.* Custom, Power, and the Power of Rules: International Relations and Customary International Law / Michael Byers. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – 276 p.

713. *Cassese A., Delmas-Marty M.* Crimes internationaux et juridictions nationales / Antonio Cassese, Mireille Delmas-Marty (dir.). – Paris: Presses Universitaires de France, 2002. – 680 p.

714. *Cellamare G.* Le forme di intervento nel processo dinanzi alla Corte internazionale di giustizia / Giovanni Cellamare. – Cacucci, Bari, 1991. – 320 p.

715. *Cheng B.* General Principles of Law as Applied by International Courts and Tribunals / Bin Cheng. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994. – 490 p.

716. *Chinkin Ch.* Third Parties in International Law / Christine Chinkin. – Oxford: Clarendon Press, 1993. –385 p.

717. *Coke E.* The Third Part of the Institutes of the Laws of England: Concerning High Treason, and Other Pleas of the Crown and Criminal Causes / Edward Coke. – Lawbook Exchange Ltd, 2012. – 320 p.

718. *Combs N.* Fact-Finding Without Facts: The Uncertain Evidentiary Foundations of International Criminal Convictions / Nancy A. Combs. – Cambridge University Press, 2010. – 430 p.

719. Commentary on the Rome Statute of the International Criminal Court: Observers' Notes, Article by Article / ed. by O. Triffterer. – Nomos Verlag: Baden-Baden, 2008. – 1200 p.

720. Corruption. A Glossary of International Standards in Criminal Law. [Электронный ресурс] – Paris: OECD Publishing, 2008. – 95 p. – URL: https://www.oecd.org/daf/anti-bribery/41194428.pdf.

721. *Cryer R.* Prosecuting International Crimes: Selectivity and the International Criminal Law Regime / Robert Cryer. – Cambridge University Press, 2005. – 392 p.

722. *Dahm G.* Zur Problematik des Völkerstrafrechts / Georg Dahm. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1956. – 83 p.

723. *Damgaard C.* Individual Criminal Responsibility for Core International Crimes: Selected Pertinent Issues / Ciara Damgaard. – Berlin: Springer Science & Business Media, 2008. – 456 p.

724. *Davi A.* L'intervento davanti alla Corte internazionale di giustizia / Angelo Davi. – Naples: Casa Editrice Jovene, 1984. – 292 p.

725. Documents of the Twenty-Eighth Session (Excluding the Report of the Commission to the General Assembly). [Электронный ресурс] // Yearbook of the International Law Commission. – 1976. – Vol. II. Part 1. – 208 p. – URL: https://www.legal-tools.org/doc/d3128e (дата обращения: 25.04.2025).

726. Documents of the United Nations Conference on International Organization, San Francisco, 1945. [Электронный ресурс] – 1945. – Vol. XIV. – United Nations Information Organization, London, New York. – 887 p. – URL: https://digitallibrary.un.org/ (дата обращения: 25.04.2025).

727. *Donnedieu de Vabres H.* Le procès de Nuremberg. Cours de doctorat professé à la faculté de droit de Paris / Henri Donnedieu de Vabres. – Paris: Éditions Domat, 1947. – 284 p.

728. *Donnedieu de Vabres H.* Les principes modernes du droit international pénal / Henri Donnedieu de Vabres. – Editions Panthéon-Assas, 2004. – 469 p.

729. *Dupuy P.-M., Kerbrat Y.* Le droit international public / Pierre-Marie Dupuy, Yann Kerbrat. – Paris: Editions Dalloz, 2012. – 928 p.

730. *El Zeidy M.* The Principle of Complementarity in International Law: Origin, Development and Practice / Mohammed El Zeidy. – Leiden: Brill, 2008. – 366 p.

731. *El-Hosseny F.* Civil Society in Investment Treaty Arbitration: Shifts and Prospects / Farouk El-Hosseny. – Leiden: Brill, 2018. – 348 p.

732. Encyclopedia of Public International Law / ed. by R. Bernhardt. – Amsterdam: North-Holland, 1997. – Vol. 3. – 1165 p.

733. *Ferencz B.* An International Criminal Court, A Step Toward World Peace: A Documentary History and Analysis / Benjamin B. Ferencz. – Dobbs Ferry, NY: Oceana Publications, 1980. – 2 Vols. Vol. I: Half a Century of Hope. – xvii, 538 p.; Vol. II: The Beginning of Wisdom. – x, 674 p.

734. *Fernandez J., Pacreau X., Ubéda-Saillard M.* Statut de Rome de la Cour pénale internationale: commentaire article par article / Julian Fernandez, Xavier Pacreau, Muriel Ubéda-Saillard (dirs.). – Paris: A. Pedone, 2019. – 2 тома, 2944 p.

735. *Fitzmaurice G.* The Law and Procedure of the International Court of Justice / Gerald Fitzmaurice. – Cambridge: Grotius Publications, 1986. – Vol. 2. – 866 p.

736. Foreign Relations of the United States. The Conference at Quebec, 1944 / ed. by R. Dougall, A. G. Kogan, R. S. Patterson, I. L. Thomson. – Washington: United States Government Printing Office, 1972. – L, 527 p.

737. *Freyhofer H.* The Nuremberg Medical Trial: The Holocaust and the Origin of the Nuremberg Medical Code / Horst Freyhofer. – New York: Peter Lang Publishing, 2004. – 210 p.

738. Fur Seal Arbitration. Proceedings of the Tribunal of Arbitration, convened at Paris under the treaty between the United States of America and Great Britain concluded at Washington, February 20, 1892, for the determination of questions between the two governments concerning the jurisdictional rights of the United States. – Washington: Government Printing Office, 1895. – Vol. XIII. – 527 p.

739. *Fyfe D.* Nuremberg in Retrospect: Being the Presidential Address of the Right Hon. Viscount Kilmuir, President of the Holdsworth Club of the Faculty of Law in the University of Birmingham, 1955–56 / David Patrick Maxwell Fyfe. – Holdsworth Club of the University of Birmingham, 1956. – 20 p.

740. *Gaiba F.* The Origins of Simultaneous Interpretation: The Nuremberg Trial / Francesca Gaiba. – Ottawa: University of Ottawa Press, 1998. – 191 p.

741. *Gardiner R.* Treaties / Richard Gardiner. – Oxford: Oxford University Press, 2023. – 256 p.

742. *Gaurier D.* Histoire du droit international de l’antiquité à la création de l’ONU / Dominique Gaurier. – Rennes: Presses Universitaires de Rennes-P.U.R., 2014. – 1136 p.

743. *Gilbert G.* Nuremberg Diary / Gustave Mark Gilbert. – New York: Da Capo Press, 1995. – 488 p.

744. *Glaser St.* Introduction à l’étude du droit pénal international / Stefan Glaser. – Bruxelles: Bruylant, 1954. – 207 p.

745. *Gordon G.S.* The Trial of Peter von Hagenbach: Reconciling History, Historiography, and International Criminal Law / Gregory S. Gordon // In: K.J. Heller, G. Simpson (eds.), The Hidden Histories of War Crimes Trials. – Oxford: Oxford University Press, 2013. – P. 15–64.

746. *Harris D. J.* Cases and Materials on International Law / David John Harris. – London: Sweet & Maxwell, 2004. – 1200 p.

747. *Hudson M.* International Tribunals: Past and Future / Manley Ottmer Hudson. – Washington: Carnegie Endowment for International Peace and Brookings Institution, 1944. – 298 p.

748. *Inazumi M.* Universal Jurisdiction in Modern International Law: Expansion of National Jurisdiction for Prosecuting Serious Crimes under International Law / Mitsue Inazumi. – Antwerp: Intersentia, 2005. – 269 p.

749. International Criminal Law: Multilateral and Bilateral Enforcement Mechanisms: Vol. 2 / edited by Mahmoud Cherif Bassiouni. – Leiden: Martinus Nijhoff, 2008. – 602 p.

750. *Jescheck H.-H.* Die Verantwortlichkeit der Staatsorgane nach Völkerstrafrecht: Eine Studie zu den Nürnberger Prozessen / Hans-Heinrich Jescheck. – Bonn: Röhrscheid, 1952. – 420 p.

751. *Jessup Ph.* C. A Modern Law of Nations / Philip Caryl Jessup. – New York: MacMillan, 1948. – 236 p.

752. *Jessup Ph.* Transnational Law / Philip Caryl Jessup. – New Haven: Yale University Press, 1956. – 113 p.

753. Judicial Settlement of International Disputes: International Court of Justice, Other Courts and Tribunals, Arbitration and Conciliation: an International Symposium / Max-Planck Institut Für Ausländisches Öffentliches Recht Und Völkerrecht. – Berlin, Heidelberg, and New-York: Springer, 1987. – 572 p.

754. *Kammerhofer J.* Uncertainty in International Law: A Kelsenian Perspective / Jörg Kammerhofer. – London, New York: Routledge, 2010. – 286 p.

755. *Kelly M. J.* Prosecuting Corporations for Genocide / Michael J. Kelly. – Oxford: Oxford University Press, 2016. – 262 p.

756. *Kirchheimer O.* Political Justice: The Use of Legal Procedure for Political Ends / Otto Kirchheimer. – Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1961. – xiv, 452 p.

757. *Klabbers J.* An Introduction to International Institutional Law / Jan Klabbers. – Cambridge: Cambridge University Press, 2002. – 438 p.

758. *Kochavi A. J.* Prelude to Nuremberg: Allied War Crimes Policy and the Question of Punishment / Arieh J. Kochavi. – Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1998. – 312 p.

759. *Koskenniemi M.* The Gentle Civilizer of Nations. The Rise and Fall of International Law 1870-1960 / Martti Koskenniemi. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – 569 p.

760. *La Rosa A.-M.* Juridictions pénales internationales. La procédure et la preuve / Anne-Marie La Rosa. – Genève: Graduate Institute Publications, 2003. – 508 p.

761. *Lauterpacht H.* The Development of International Law by the International Court / Hersch Lauterpacht. – London: Stevens and Sons, 1958. – 408 p.

762. *Mann F. A.* The Doctrine of Jurisdiction in International Law / Francis A. Mann. – Leiden: A.W. Sijthoff, 1964. – Vol. 111: P. 1–725.

763. *May L., Fyfe S.* International Criminal Tribunals: A Normative Defense / Larry May, Shannon Fyfe. – Cambridge: Cambridge University Press, 2017. – 217 p.

764. *McNair A.* The Law of Treaties / Arnold Duncan McNair. – Oxford: Oxford University Press, 1986. – 800 p.

765. *Merle M.* Le procès de Nuremberg et le châtiment des criminels de guerre / Marcel Merle. – Paris: A. Pedone, 1949. – 187 p.

766. *Mosler H.* Judgments of International Courts and Tribunals / Hermann Mosler // Encyclopedia of Public International Law / ed. R. Bernhardt. – Elsevier, Amsterdam, Lausanne, 1997. – Vol. III. – P. 111–118.

767. *Moynier G.* Note sur la création d'une institution judiciaire internationale propre à prévenir et à réprimer les infractions à la Convention de Genève / Gustave Moynier. – Genève, 1872. – P. 122–129.

768. *Namakula C.* Language and the Right to Fair Hearing in International Criminal Trials / Catherine S. Namakula. – Cham: Springer, 2014. – 146 p.

769. *Nørgaard C. A.* The Position of the Individual in International Law / Carl Aage Nørgaard. – Copenhagen: Munksgaard, 1962. – 325 p.

770. *Ntube Ngane S.* The Position of Witnesses before the International Criminal Court / Sylvia Ntube Ngane. – Leiden; Boston: Brill Nijhoff, 2015. – 266 p.

771. *Pella V.* La criminalité collective des Etats et le droit pénal de l'avenir / Vespasien V. Pella. – Bucarest, 1926. – 360 p.

772. *Rebut D.* Droit pénal international / Didier Rebut. – Paris: Dalloz, 2012. – 659 p.

773. *Reisman M., Skinner C. P.* Fraudulent Evidence before Public International Tribunals: The Dirty Stories of International Law (Hersch Lauterpacht Memorial Lectures) / Michael Reisman, Christina Parajon Skinner. – Cambridge: Cambridge University Press, 2014. – 222 p.

774. *Rosenne S.* The Law and Practice of the International Court 1920-1996 / Shabtai Rosenne. – The Hague; Boston: Martinus Nijhoff Publishers, 1997. – 1960 p.

775. *Ryngaert C.* Jurisdiction in International Law / Cedric Ryngaert. – Oxford; New York: Oxford University Press, 2008. – xxiii, 272 p.

776. *Schabas W.A.* The International Criminal Court: A Commentary on the Rome Statute / William A. Schabas. – New York; Oxford: Oxford University Press, 2010. – 1336 p.

777. *Schabas W.A.* An Introduction to the International Criminal Court / William A. Schabas. – Cambridge: Cambridge University Press, 2020. – 640 p.

778. *Scharf M., Schabas W.* Slobodan Milošević on Trial: A Companion / Michael P. Scharf, William Schabas. – New York: Continuum, 2002. – 178 p.

779. *Schermers H.G., Blokker, N.M.* International Institutional Law: Unity within Diversity / Henry G. Schermers, Niels M. Blokker. – Leiden: Martinus Nijhoff Publishers, 2003. – 1302 p.

780. *Schwarzenberger G.* The Law of Armed Conflict / Georg Schwarzenberger. – London: Stevens & Sons, 1968. – lv + 881 p.

781. *Segesser D. M.* Recht statt Rache oder Rache durch Recht? Die Ahndung von Kriegsverbrechen in der internationalen fachwissenschaftlichen Debatte 1872-1945 / Daniel Marc Segesser. – Paderborn: Schöningh, 2010. – 472 p.

782. *Sellars K.* Crimes against Peace and International Law / Kirsten Sellars. – Cambridge: Cambridge University Press, 2013. – 340 p.

783. *Shaw M.* International Law / Malcolm N. Shaw. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 1288 p.

784. *Shaw M.* International Law / Malcolm N. Shaw. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 1288 p.

785. *Shklar J. N.* Legalism: Law, Morals, and Political Trials / Judith N. Shklar. – Cambridge: Harvard University Press, 1964. – ix, 246 p.

786. *Sinclair I.* The Vienna Convention on the Law of Treaties / Ian McTaggart Sinclair. – Manchester: Manchester University Press, 1984. – x, 270 p.

787. *Sluiter G.* International Criminal Procedure: Principles and Rules / edited by Göran Sluiter. – Oxford: Oxford University Press, 2013. – 1681 p.

788. *Sluiter G., Friman H., Linton S., Zappala S., Vasiliev S.* (eds.) International Criminal Procedure: Principles and Rules / Göran Sluiter, Håkan Friman, Suzannah Linton, Salvatore Zappalà, Sergey Vasiliev (eds.). – Oxford: Oxford University Press, 2013. – 1681 p.

789. *Smith B. F.* Reaching Judgment at Nuremberg / Bradley F. Smith. – New York: Basic Books, 1977. – xviii, 349 p.

790. *Smith B. F.* The American Road to Nuremberg: The Documentary Record, 1944-1945 / Bradley F. Smith. – Stanford: Hoover Institution Press, 1982. – x, 259 p.

791. *Smith B. F.* The Road to Nuremberg / Bradley F. Smith. – New York: Basic Books, 1981. – 303 p.

792. *Sonnenfeldt R.* Witness to Nuremberg: The Chief American Interpreter at the War Crimes Trials / Richard W. Sonnenfeldt. – New York: Arcade Publishing, 2006. – 304 p.

793. *Stürchler N.* The Threat of Force in International Law / Nikolas Stürchler. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007. – 262 p.

794. The Manual on International Courts and Tribunals. Second Edition / edited by Ruth MacKenzie, Cesare P.R. Romano, Yuval Shany. – Oxford: Oxford University Press, 2010. – xxvi, 547 p.

795. *Thurber O. E.* The Venezuelan Question: Castro and the Asphalt Trust from Official Records / Orray E. Thurber. – New York, 1907. – 190 p.

796. *Tomuschat Ch.* International Courts and Tribunals with Regionally Restricted and/or Specialized Jurisdiction / Christian Tomuschat // Judicial Settlement of International Disputes: International Court of Justice, Other Courts and Tribunals, Arbitration and Conciliation: an International Symposium / Max-Planck Institut für Ausländisches Öffentliches Recht und Völkerrecht (ed.). – Berlin; Heidelberg; New York: Springer-Verlag, 1974. – P. 285–416.

797. *Triffterer O., Ambos K.* Rome Statute of the International Criminal Court: A Commentary / Otto Triffterer, Kai Ambos (eds.). – München: Verlag C. H. Beck oHG, 2016. – xxvi, 1071 p.

798. Union interparlementaire. Compte rendu de la XXIIIe Conference tenue à Washington du 1er au 7 octobre et à Ottawa le 13 octobre 1925 / publié par le Bureau interparlementaire. – Lausanne: Librairie Payot et Compagnie, 1926. – xx, 829 p.

799. United Nations. Handbook on Practical Anti-Corruption Measures for Prosecutors and Investigators / United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC). – Vienna, September 2004. – 94 p.

800. *Von Weber H.* Internationale Strafgerichtsbarkeit / Helmuth von Weber. – Berlin: Dummler, 1934. – 176 p.

801. *Waxel P.* L'armée d'invasion et la population: leurs rapports pendant la guerre étudiés au point de vue du droit des gens naturel. Dissertation inaugurale pour la promotion au grade de docteur à la faculté de philosophie de l'Université de Leipzig / Platon de Waxel. – Leipzig, 1874. – 123 p.

802. *Weiss F.* Inherent Powers of National and International Courts: The Practice of the Iran-US Claims Tribunal / Friedl Weiss // International Investment Law for the 21st Century: Essays in Honour of Christoph Schreuer. – Oxford: Oxford University Press, 2009. – P. 185–199.

803. *Wengler W.* Völkerrecht / Wilhelm Wengler. – Berlin; Göttingen; Heidelberg: Springer Verlag, 1964. – Vol. 1: xxxii, 930 p.; Vol. 2: x, 931–1530 p.

804. *Werle G., Jessberger F.* Principles of International Criminal Law / Gerhard Werle, Florian Jessberger // W.A. Schabas (ed.). – Oxford: Oxford University Press, 2020. – P. 36, 148.

805. *Wiik A. Amicus curiae* Before International Courts and Tribunals / Astrid Wiik. – Baden-Baden: Nomos/Hart Publishing, 2018. – 656 p.

806. *Williams S., Woolaver H., Palmer E.* The *Amicus curiae* in International Criminal Justice / Sarah Williams, Hannah Woolaver, Emma Palmer. – Oxford; Portland: Hart Publishing, 2020. – liv, 367 p.

807. *Williams S., Palmer E.* Civil Society and *Amicus curiae* Interventions in the International Criminal Court / Williams S., Woolaver H. (eds.). Civil Society and

International Criminal Justice in Africa: Challenges and Opportunities. – JUTA, 2016. – Pp. 40–65.

808. *Williams S.* Hybrid Courts and *Amicus curiae* Briefing / Weill S., Thuy Seelinger K., Bree Carlson K. (eds.). The President on Trial: Prosecuting Hissène Habré. – Oxford University Press, 2020. – 464 p.

809. *Woetzel R.K.* The Nuremberg Trials in International Law / Robert K. Woetzel. – London: Stevens & Sons, Ltd., 1960. – xv, 287 p.

Диссертации, авторефераты диссертаций

810. *Адельханян Р.А.* Военные преступления как преступления против мира и безопасности человечества: дисс. … д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Адельханян Роберт Артурович. – Москва, 2003. – 430 с.

811. *Галенская Л.Н.* Основные направления сотрудничества государств по борьбе с преступностью (правовые проблемы): дисс. … д-ра юрид. наук: 12.00.10. / Галенская Людмила Никифоровна. – Ленинград, 1979. – 390 с.

812. *Григорович Ю.В.* Уголовная ответственность физических лиц за международные преступления: автореферат дис. … канд. юрид. наук: 12.00.10. / Григорович Юлия Владимировна. – Москва, 2008. – 27 с.

813. *Грицаев С.А.* Теоретические аспекты правосудия по Римскому статуту Международного уголовного суда: автореферат дис. … канд. юрид. наук: 12.00.10. / Грицаев Сергей Анатольевич. – Москва, 2005. – 22 с.

814. *Елынычев В.Н.* Международно-правовая ответственность государств и проблема вины: автореферат дис. … канд. юрид. наук: 12.00.10. / Елынычев Валерий НиколаевичЮ. – Москва, 1969. – 10 с.

815. *Жданов Н.В.* Правовые аспекты борьбы с террористическими актами международного характера: автореферат дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10. / Жданов Николай Васильевич. – Москва, 1974. – 27 с.

816. *Захарова Н.В.* Правопреемство международных договоров: автореф. дис. … д-ра юрид. наук / Захарова Надежда Васильевна. – Москва, 1974. – 34с.

817. *Иванова И.М.* Международная уголовная юстиция и преступления против человечества: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.10. / Иванова Инесса Михайловна. – Москва, 1959. – 258 с.

818. *Копылова Е.А.* Преступления против отправления международного уголовного правосудия: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.10. / Копылова Екатерина Алексеевна. – Москва, 2017. – 233 с.

819. *Коробова М.А.* Общий многосторонний договор и неучаствующие государства: дисс. на соиск. учен. степ. канд. юрид. наук: 12.00.10. / Коробова Маргарита Александровна. – Москва, 1979. – 196 с.

820. *Курляндский В.И*. Советская наука права о понятии международного уголовного преступления: автореферат дис. … канд. юрид. наук / Курляндский Виталий Ильич. – Москва, 1949. – 28 с.

821. *Манийчук Ю.В.* Объем, виды и формы ответственности государства за международные правонарушения: дисс. … канд. юрид. наук: 12.00.10. / Манийчук Юрий Васильевич. – Киев, 1982. – 209 с.

822. *Петровский Ю.В.* Международно-правовая ответственность государств: автореф. дис. … канд. юрид. наук / Петровский Юрий Владимирович. – Ленинград, 1968. – 16 с.

823. *Пушмин Э.А.* Международно-правовая ответственность: понятие, процессуальные вопросы реализации: дисс. .... канд. юрид. наук: 12.00.10. / Пушмин Эдуард Андрианович. – Ярославль, 1985. – 259 с.

824. *Рыбаков Ю.М.* Вооруженная агрессия и ответственность за нее по современному международному праву: дисс. … д-ра юрид. наук: 12.00.10. / Рыбаков Юрий Михайлович. – Москва, 1982. – 345 с.

825. *Савельева Л.В.* Проблема объективной ответственности в международном праве: дисс. … канд. юрид. наук: 12.00.10. / Савельева Лариса Владиславовна. – Москва, 1996. – 181 с.

826. *Ульянова Н.Н.* Общие многосторонние договоры в системе международно-правового регулирования: дисс. … д-ра юрид. наук: 12.00.10. – Киев, 1982. – 384 с.

827. *Heller K.J.* The Nuremberg Military Tribunals and the Origins of International Criminal Law: Doctoral Dissertation, Leiden University, 16 June 2011. – 560 pages. [Текст: электронный]. – URL: https://scholarlypublications.universiteitleiden.nl/ (дата обращения: 02.09.2025).

Отечественные научные статьи

828. *Алексеева М.М., Ляхов Е.Г.* Транснациональная преступность в глобализирующемся мире / М. М. Алексеева, Е. Г. Ляхов // Публичное и частное право. –2011. – № IV (XII). – С. 32–36.

829. *Ализаде В.А., Волеводз А.Г.* Принципы международного права, признанные уставом Нюрнбергского трибунала: семьдесят лет спустя / В.А. Ализаде, А.Г. Волеводз. // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2016. – № 1 (24). – С. 271–294.

830. *Архипова Е.А.* Историческая роль переводчиков в Нюрбергском процессе и современное значение перевода для справедливого правосудия / Е.А. Архипова. // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2016. – № 4(54). – С. 122–125.

831. *Бастрыкин А.*И. Проблемы реализации норм международного гуманитарного права / А.И. Бастрыкин // Предварительное расследование. – 2017. – № 1(1). – С. 25-34.

832. *Бастрыкин А. И.* Подготовка к Хабаровскому процессу и его значение для международного права / А.И. Бастрыкин // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2022. – Т. 18, № 1. – С. 61–69.

833. *Бекяшев К.А., Бекяшев Д.К.* Новая монография по международному уголовному праву: рецензия на книгу: *Копылова Е.А.* Преступления против международного уголовного правосудия. – Москва: Бослен, 2019. – 368 с. // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 1 (152). – С. 495–497.

834. *Бекяшев К.А.* Понятие и классификация основных принципов общего международного права / К. А. Бекяшев // Научные труды МГЮА. – 2008. – № 2. – С. 433–441.

835. *Белый И.Ю. Н*екоторые правовые и процессуальные вопросы в истории развития института уголовной ответственности за военные преступления / И. Ю. Белый // Военно-уголовное право (вкладка в журнал «Право в Вооруженных Силах»). – 2004. – № 6. – С. 11–13.

836. *Блищенко И.П., Жданов Н.В.* Международно-правовая борьба с терроризмом / И. П. Блищенко, Н. В. Жданов // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1975. – № 1. – С. 85–94.

837. *Богуш Г.И.* Актуальные проблемы международного уголовного права / Г. И. Богуш // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2008. – № 5. – С. 49–66.

838. *Василенко В.А., Селиванов В.Н.* О понятии ответственности в международном праве / В.А. Василенко, В.Н. Селиванов. // Вестник Киевского университета. Международные отношения и международное право. –1975. – № 1. – С. 39–52.

839. *Волеводз А.Г.* Геноцид в контексте территориальной юрисдикции / А.Г. Волеводз // Российский военно-правовой сборник. – 2006. – № 8. – С. 31–38.

840. *Волеводз А.Г.* К вопросу о сущности и содержании международного сотрудничества в борьбе с преступностью / А.Г. Волеводз // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2007. – № 1. – С. 11–20.

841. *Волеводз А.Г., Волеводз В.А.* Исторические и международно-правовые предпосылки формирования современной системы международной уголовной юстиции / А.Г. Волеводз, В.А. Волеводз // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2008. – № 2. – С. 2–9.

842. *Волеводз А.Г., Волеводз В.А.* Современная система международной уголовной юстиции: понятие и множественность институциональных моделей / А.Г. Волеводз, В.А. Волеводз // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2008. – № 3. – С. 3–13.

843. *Волеводз А.Г.* Международное уголовное правосудие: от идеи к современной системе / А.Г. Волеводз // Вестник МГИМО-Университета. – 2009. – № 2 (5). – С. 55–68.

844. *Волеводз А.Г.* Международный терроризм: национальная и международно-правовая криминализация / А.Г. Волеводз // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2014. – № 1 (5). – С. 70–93.

845. *Волеводз А.Г.* Международно-правовая криминализация международного терроризма / А.Г. Волеводз // Вестник МГИМО-Университета. – 2014. – № 2 (35). – С. 150–160.

846. *Волеводз А.Г.* Уголовно-правовое противодействие международному терроризму / А.Г. Волеводз // Уголовное право. – 2014. – № 2. – С. 128-134.

847. *Волеводз А.Г.* Должностное лицо публичной международной организации как специальный субъект коррупционных преступлений: понятие, пробелы правового регулирования, проблемы правоприменения и пути их преодоления / А.Г. Волеводз // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2015. – № 1. – С. 9 -33.

848. *Волеводз А.Г.* Должностное лицо публичной международной организации как субъект коррупционных преступлений: противоречия нормативного определения / А.Г. Волеводз // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2016. № – 1(13). – С. 110-117.

849. *Волеводз А.Г.* XIII конгресс ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию: некоторые итоги / А.Г. Волеводз // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2015. – № 6 (23). – С. 268–282.

850. *Волеводз А.Г.* О криминализации деятельности иностранных боевиков-террористов и их пособников / А.Г. Волеводз // Библиотека уголовного права и криминологии. 2016. № 4(16). С. 101-111.

851. *Волеводз А.Г.* Итоги Нюрнбергского процесса и вызовы современности: материально-правовой аспект / А.Г. Волеводз // Итоги Нюрнбергского процесса и вызовы современности: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 24 ноября 2016 года) / под общ. ред. А.И. Бастрыкина. – М.: Академия Следственного комитета Российской Федерации, 2016. – С. 53-65.

852. *Волеводз А.Г.* Международно-правовые основы противодействия боевикам-террористам и внутригосударственное право / А.Г. Волеводз // Московский журнал международного права. – 2017. – № 1 (105). – С. 98–109.

853. *Волеводз А.Г.* Токийский процесс и вызовы современности: материально-правовой аспект / А.Г. Волеводз // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2017. – № 2(31). – С. 292-304.

854. *Вылегжанин А.Н., Зинченко О.И.* Юрисдикция Международного суда ООН: некоторые теоретические вопросы / А.Н. Вылегжанин, О.И. Зинченко. // Московский журнал международного права. – 2018. – № 4. – С. 6–32.

855. *Галенская Л.Н.* Международные преступления и международно-правовая ответственность / Л.Н. Галенская. // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1965. – № 1. – С. 168–171.

856. *Галенская Л.Н.* Международная борьба с преступностью / Л.Н. Галенская. – Москва: Международные отношения, 1972.

857. *Галенская Л.Н., Петровский Ю.В.* Ответственность физических лиц за совершение международных преступлений / Л.Н. Галенская, Ю.В., Петровский. // Российский ежегодник международного права. – 1973. – Т. 1971. – С. 117–127.

858. *Глистин В.К.* Общественные отношения как объект преступления по советскому уголовному праву / В.К. Глистин. // Правоведение. – 1966. – № 2. – С. 87–94.

859. *Грефрат Б.* О месте принципов в системе современного международного права / Б. Грефрат. // Правоведение. – 1969. – № 2. – С. 109–115.

860. *Григорович Ю.В.* Уголовная ответственность индивидов за совершение международных преступлений / Ю.В. Григорович. // Московский журнал международного права. – 2008. – № 2 (70). – С. 172–187.

861. *Евсеев А.П.* Гибридные суды как институт транзитивного правосудия / А.П. Евсеев. // Международное правосудие. – 2017. – № 3(23). – С. 47–61.

862. *Елисеев Р.А.* История становления и развития международного уголовного права / Р.А. Елисеев. // Вестник РУДН, серия Юридические науки. – 2009. – № 3. – С. 89–104.

863. *Елынычев В.Н.* Вина в международном праве / В.Н. Елынычев. // Советское государство и право. –1972. – № 3. – С. 123–127.

864. *Есаков Г.А.* Обычное международное право как источник уголовно-правовых запретов / Г.А. Есаков. // Актуальные проблемы российского права. – 2013. – № 10 (35). – С. 1271–1276.

865. *Иногамова-Хегай Л.В.* Понятие преступления и субъекта преступления по международному уголовному праву / Л.В. Иногамова-Хегай. // Уголовное право. –2004. – № 1. – С. 23–25.

866. *Иногамова-Хегай Л.В.* Преступление по международному уголовному праву и его закрепление в национальном уголовном праве / Л.В. Иногамова-Хегай. // Международное и национальное уголовное законодательство: проблемы юридической техники. Материалы III Международной научно-практической конференции, 29–30 мая 2003 г. – М.: ЛексЭст, 2004. – С. 333–338.

867. *Каюмова А.Р.* Уголовная юрисдикция государств в международном праве / А.Р. Каюмова // Российский юридический журнал. – 2004. – № 1. – С. 58–67.

868. *Каюмова А.Р.* Понятие и содержание юрисдикции в доктрине международного и внутригосударственного права / А.Р. Каюмова // Правоведение. –2011. – № 4. – С. 164–177.

869. *Кибальник А.Г.* Понимание военных преступлений в решениях современных международных трибуналов / А.Г. Кибальник // Российский ежегодник уголовного права. – 2014. – № 7. – С. 439–453.

870. *Кибальник А.Г.* Развитие определения агрессии в международном праве / А. Г. Кибальник// Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2011. – № 1. – С. 181–188.

871. *Коврига З.Ф.* Защита имущественных интересов и деловой репутации потерпевшего – юридического лица в уголовном судопроизводстве / З. Ф. Коврига // Система отправления правосудия по уголовным делам в современной России как социальное взаимодействие личности и государства: сборник научных статей. – Курск: Изд-во Курск. гос. техн. ун-та, 2009. – Ч. 2. – С. 100–110.

872. *Копылова Е.А.* Перспективы кодификации преступлений против отправления международного уголовного правосудия в международном праве / Е.А. Копылова // Мировой судья. – 2026. – № 4. – С. 17-21.

873. *Копылова Е.А.* Эволюция субсидиарной подсудности органам международной уголовной юстиции: от доктринальных проектов к кодификации / Е.А. Копылова // Российский судья. – 2026. – № 4. – С. 55-60.

874. *Копылова Е.А.* Дилемма беспристрастности: проблемы обеспечения объективного уголовного преследования в отношении лиц, порождающих институциональный конфликт интересов / Е.А. Копылова // Юридическое образование и наука. – 2026. – № 3. – С.36-40.

875. *Копылова Е.А.* Прокурор *amicus curiae* и доктрина естественных полномочий в международном судопроизводстве / Е.А. Копылова // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2025. – № 3. – С. 2-5.

876. *Копылова Е.А.* Обвинение по делам субсидиарной подсудности в системе международного уголовного правосудия / Е.А. Копылова // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2026. – № 2. – С.2-4.

877. *Копылова Е.А.* Об институте *amicus curiae* в практике Международного суда ООН и Международного трибунала по морскому праву / Е.А. Копылова // Государство и право. – 2021. – № 2. – С. 132-144.

878. *Копылова Е.А. Amicus curiae* и экспертный свидетель в международном праве / Е.А. Копылова // Международное публичное и частное право. – 2020. – № 5. – С. 15-18.

879. *Копылова Е.А.* О генезисе и будущем института прокурора *amicus curiae* в международном праве / Е.А. Копылова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2020. – № 4. – С. 1187-1204.

880. *Копылова Е.А.* Прокурор *amicus curiae* и Международный уголовный суд / Е.А. Копылова Е.А. // Евразийский юридический журнал. – 2020. – № 6. – С. 35-38.

881. *Копылова Е.А.* Прокурор *amicus curiae* в международном уголовном судопроизводстве / Е.А. Копылова // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2020. – № 5. – С. 15-18.

882. *Копылова Е.А.* Прокурор *amicus curiae* международных уголовных трибуналов: особенности назначения и прекращения полномочий / Е.А. Копылова // Вопросы российского и международного права. – 2020. – № 10. – С. 218-232.

883. *Копылова Е.А.* Международно-правовые принципы деятельности прокурора *amicus curiae* / Е.А. Копылова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. – 2020. – № 4. – С. 272-286.

884. *Копылова Е.А.* Характеристика преступлений против отправления международного уголовного правосудия / Е.А. Копылова // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2016. – № 4. – С. 146-170.

885. *Копылова Е.А.* Ответственность за преступления против правосудия, связанные со злоупотреблением полномочиями должностными лицами, в международном уголовном праве / Е.А. Копылова // Международное право и международные организации. – 2026. – № 1. – С. 17-30.

886. *Копылова Е.А.* Архитектура международного уголовного правосудия в условиях кризиса: предпосылки, проблематика и перспективы реформирования / Е.А. Копылова // Право и политика. – 2026. – № 2. – С. 44-57.

887. *Копылова Е.А.* Институт специального прокурора в национальном уголовном процессе: сравнительно-правовое исследование / Е.А. Копылова // Юридические исследования. – 2026. –№ 2. – С. 11-24.

888. *Копылова Е.А.* Институт ответственности по делам субсидиарной подсудности органам международной уголовной юстиции в исторической ретроспективе / Е.А. Копылова // Genesis: исторические исследования. – 2026. – № 2. – С. 28-44.

889. *Копылова Е.А.* Об особенностях института обвинения по делам субсидиарной подсудности органам международной уголовной юстиции / Е.А. Копылова // Право и управление. XXI век. – 2025. – Т. 21. – № 4(77). – С. 45-55.

890. *Копылова Е.А.* Международно-правовые иммунитеты и привилегии прокурора *amicus curiae* / Е.А. Копылова // Государственная служба. – 2020. – Том 22. – № 3 (125). – С. 55-63.

891. *Копылова Е.А. Amicus curiae* в международном уголовном судопроизводстве: информативная функция / Е.А. Копылова // Московский журнал международного права. – 2020. – № 3. – С. 115-129.

892. *Копылова Е.А. Amicus curiae* как представитель интересов обвиняемого в международном уголовном процессе / Е.А. Копылова // Международный правовой курьер. – 2020. – № 3-4. – С. 77-81.

893. *Копылова Е.А.* Международно-правовой характер малых Нюрнбергских трибуналов / Е.А. Копылова // История государства и права. – 2017. – № 2. – С. 36-40.

894. *Копылова Е.А.* Преступление дачи ложных показаний под присягой в международном уголовном праве / Е.А. Копылова // Международное правосудие. – 2016. – № 2. – С. 108-118.

895. *Копылова Е.А.* Ответственность за разглашение конфиденциальных сведений в международном уголовном праве / Е.А. Копылова // Московский журнал международного права. – 2016. – № 2. – С. 188-203.

896. *Копылова Е.А.* Преступления против отправления международного уголовного правосудия: анализ решения по делу «Прокурор против Жан-Пьера Бемба, Эме Килоло Мусамба, Жан-Жака Мангенда Кабонго, Фиделя Бабала Ванду и Нарцисса Аридо» / Е.А. Копылова // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2015. – № 6. – С. 290-297.

897. *Копылова Е.А.* Понятие и признаки международных уголовных судов / Е.А. Копылова // Современная юриспруденция: актуальные вопросы и перспективы развития сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. Уфа, 11 сентября 2016 г. – Уфа: Инновационный центр развития образования и науки., 2016. – С. 77-93.

898. *Котляров И.И., Грицаев С.А.* Международные преступления против человечности и российское законодательство / И.И. Котляров, С. А. Грицаев // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2005. – № 1. – С. 149–153.

899. *Курис П.М., Скакунов Э.И.* К теории ответственности государств в международном праве / П. М. Курис, Э. И. Скакунов. // Правоведение. –1973. – № 2. – С. 83–89.

900. *Лазарева И.С.* Преступление по международному уголовному праву / И. С. Лазарева. // Проблемы межгосударственного сотрудничества в борьбе с международными и транснациональными преступлениями: материалы студенческой научно-практической конференции. – Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2013. – С. 49–53.

901. *Лебедева Н.С.* СССР и Нюрнбергский процесс / Н. С. Лебедева. // Общество. Политика. Экономика. – 2014. – № 4(23). – С. 239–254.

902. *Левин Д.Б.* Нападение на дипломатическую миссию Румынской Народной Республики в Берне и его оценка в свете международного права / Д. Б. Левин. // Советский ежегодник международного права. 1963. – М.: Наука, 1965. – С. 291–302.

903. *Левин Д.Б.* Проблема ответственности в науке международного права / Д. Б. Левин. // Известия Академии Наук СССР (отделение экономики и права). – 1946. – № 2. – С. 105–126.

904. *Литвиненко А.Ю., Сабитов Р.А.* Уголовно-правовая защита деловой репутации юридического лица / А. Ю. Литвиненко, Р. А. Сабитов. // Законность. – М., 2010. – № 10. – С. 19–23.

905. *Литвиненко А.Ю., Сабитов Р.А.* Уголовно-правовая защита деловой репутации юридического лица / А. Ю. Литвиненко, Р. А. Сабитов. // Современное право. – 2009. – № 12. – С. 132–136.

906. *Лукашук И.И., Мюллерсон Р.А.* Международно-противоправное поведение / И. И. Лукашук, Р. А. Мюллерсон. // Проблемы осуществления основных прав граждан. Труды по правоведению. – Тарту: Изд-во Тарт. ун-та, 1988. – С. 38–51.

907. *Лукашук И.И.* Кодификация права международной ответственности / И. И. Лукашук. // Московский журнал международного права. –2002. – № 3. – С. 3–15.

908. *Лукашук И.И.* Международный договор и третьи государства / И. И. Лукашук. // Международное публичное и частное право. – 2003. – № 5. – С. 3–13.

909. *Лукашук И.И.* Вопросы ответственности в праве договоров / И. И. Лукашук. // Международное публичное и частное право. – 2007. – № 1. – С. 2–11.

910. *Лысенко В.В.* Институт *amicus curiae* в теории и практике неправительственных организаций и Европейский суд по правам человека / В. В. Лысенко. // Российский судья. – 2008. – № 9. – С. 38–42.

911. *Ляхов Е.Г.* Разработка и принятие ООН международных правовых норм и стандартов в сфере уголовной юстиции / Е. Г. Ляхов. // Публичное и частное право. – 2012. – № II (XIV). – С. 180–185.

912. *Ляхов Е.Г.* Международные нормы и стандарты в сфере уголовной юстиции / Е. Г. Ляхов. // Публичное и частное право. – 2012. – № II (XIV). – С. 172–179.

913. *Ляхов Е.Г., Ляхов Д.Е.* Понятие и место транснациональной преступности среди международных и национальных преступлений / Е. Г. Ляхов, Д. Е. Ляхов. // Публичное и частное право. – 2011. – № III (XI). – С. 35–45.

914. *Линдэ А.О., Ляхов Е.Г.* Транснациональные преступления и угрозы объектам безопасности / А. О. Линдэ, Е. Г. Ляхов. // Публичное и частное право. – 2011. – № IV (XII). – С. 97–119.

915. *Малахов И.С.* Международное гуманитарное право: дефиниция и содержание (политологический аспект) / И. С. Малахов. // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2012. – № 3(51). – С. 162–169.

916. *Малиновский А.А.* Система международного уголовного права / А. А. Малиновский. // Московский журнал международного права. –2004. – № 4. – С. 246–255.

917. *Малиновский А.А.* Система международного уголовного права / А. А. Малиновский. // Международное уголовное правосудие: современные проблемы. – Москва: Институт права и публичной политики, 2009. – С. 47–55.

918. *Мазов В.А.* Международная уголовная ответственность физических лиц за преступления против международного права / В. А. Мазов. // Актуальные

проблемы современного международного права. Сборник научных трудов. – Москва: Изд-во МГИМО, 1977. – Вып. 7. – С. 77–83.

919. *Мазов В.А.* Ответственность в международном праве. Проблемы кодификации и прогрессивного развития норм и принципов международно-правовой ответственности / В. А. Мазов. – Москва: Юридическая литература, 1979. – 152 с.

920. *Марусин И.С.* Основания и порядок привлечения к ответственности за преступления против правосудия в международных судебных учреждениях / Игорь Сергеевич Марусин. // Российский ежегодник международного права. 2002. – СПб.: Россия – Нева, 2010. – С. 114–127.

921. *Миргородский Е.Д. Amicus curiae* в международном праве: история и современность / Е. Д. Миргородский. // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2019. – № 10. – С. 199–204.

922. *Митрофанов М.В.* XXII ежегодное собрание Советской Ассоциации международного права / М. В. Митрофанов. // Советский ежегодник международного права. – Москва: Наука, 1981. – С. 290–293.

923. *Мелешников А.В.* Процессуальные вопросы международной ответственности / А. В. Мелешников. // Актуальные проблемы юридического процесса в общенародном государстве. Сборник научных трудов. – Ярославль: Изд-во Яросл. ун-та, 1980. – С. 88–93.

924. *Моджорян Л.А.* Субъекты международно-правовой ответственности / Л. А. Моджорян. // Советское государство и право. – 1969. – № 12. – С. 122–126.

925. *Моджорян Л.А.* Ответственность в современном международном праве / Л. А. Моджорян. // Советский ежегодник международного права. – Москва: Наука, 1972. – С. 143–153.

926. *Мюллерсон Р.А.* Международная уголовная ответственность физических лиц / Р. А. Мюллерсон. // Международное право и современность. – Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1984. – С. 138–151.

927. *Ображиев К.В.* Международные договоры как юридические (формальные) источники российского уголовного права / К.В. Ображиев // Международное уголовное правосудие: современные проблемы. – М.: Институт права и публичной политики, 2009. – С. 613–627.

928. *Перетерский И.С.* Значение международного договора для третьего (не заключившего этот договор) государства / И. С. Перетерский. // Советское государство и право. – 1957. – № 4. – С. 71–80.

929. *Потеева А.В., Корюкаева Т.Г.* Изобличение подделки / А. В. Потеева, Т. Г. Корюкаева. // ЭЖ-Юрист. – 2008. – № 34. – С. 23–26.

930. *Расторопов С.В.* Преступления против правосудия в уголовном праве Беларуси и России: сравнительно-правовой анализ // С.В. Расторопов, О.В.

Расторопова, А.А. Трефилов // Вестник Самарского юридического института. – 2025. – № 5(66). – С. 48-53.

931. *Ромашкин П.С.* К вопросу о понятии и источниках международного уголовного права / П. С. Ромашкин. // Советское государство и право. – 1948. – № 3. – С. 21–30.

932. *Рыбина Е.О.* Некоторые проблемные аспекты уголовно-правовой защиты деловой репутации юридических лиц / Е. О. Рыбина. // Бизнес в законе. – 2007. – № 4. – С. 171–172.

933. *Синякин И.И., Копылова Е.А.* Римский статут Международного уголовного суда и правовой статус Российской Федерации / И. И. Синякин, Е. А. Копылова. // Московский журнал международного права. – 2017. – № 4. – С. 96–106.

934. *Синякин И.И.* Терроризм как международное преступление / И. И. Синякин. // Московский журнал международного права. –2009. – № 3. – С. 121–145.

935. *Скакунов Э.И.* Классификация международных правонарушений / Э. И. Скакунов. // Правоведение. 1975. – № 5. – С. 70–79.

936. *Сперанская Л.В.* Проблема позитивной ответственности и охрана морской среды / Л. В. Сперанская. редственный // Деятельность государств в мировом океане. Международно-правовые аспекты. – Москва: Изд-во ИГиП АН СССР, 1983. – С. 89–102.

937. *Спиридонов А.П.* Понятие преступления в международном уголовном праве / А. П. Спиридонов. // Вопросы правовой теории и практики: Сборник научных трудов. – Омск: Изд-во Омск. акад. МВД России, 2011. – Вып. 6. – С. 33–44.

938. *Спиридонов А.П.* Понятие транснационального преступления в современном праве / А. П. Спиридонов. // «Черные дыры» в Российском Законодательстве. Юридический журнал. 2005. – № 1. – С. 171–174.

939. *Спиридонов А.П.* Понятие и признаки транснационального преступления / А. П. Спиридонов. // Проблемы противодействия организованной преступности в экономической сфере. Материалы научно-практической конференции. – Ростов-на-Дону: Изд-во РГЭУ, 2003. – С. 49–58.

940. *Сунцов А.Е., Трунцевский Ю.В.* Теоретические проблемы имплементации норм международного уголовного права в России / А. Е. Сунцов, Ю. В. Трунцевский. // Московский журнал международного права. – 1997. – № 2. – С. 92–99.

941. *Тиунов О.И.* Об основании юридической силы международного договора: Ученые записки № 284 / О. И. Тиунов. // Государство, право, законность: Ученые записки № 284. – Пермь, 1973. – Вып. 4. – С. 175–195.

942. *Тиунов О.И.* Об особенностях общепризнанных принципов и норм международного права / О. И. Тиунов. // Международное право XXI века (к 80-летию профессора И. И. Лукашука). – Киев, 2006. – С. 146–147.

943. *Толстых В.Л.* Формирование системы международного правосудия и ее основные характеристики / В. Л. Толстых. // Российский юридический журнал. –2011. – № 1 (76). – С. 62–70.

944. *Трикоз Е.Н.* Преступления против отправления правосудия в международном уголовном праве / Е.Н. Трикоз. // Международное уголовное правосудие: современные проблемы. – М.: Институт права и публичной политики, 2009. – С. 227–236.

945. *Трунцевский Ю.В.* Понятие и виды преступлений в международном уголовном праве / Ю. В. Трунцевский. // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. Материалы 6-й международной научно-практической конференции 29–30 января 2009 г. – М.: Проспект, 2009. – С. 483–486.

946. *Трунцевский Ю.В.* Понятие транснационального преступления / Ю. В. Трунцевский. // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2014. – № 3. – С. 9–12.

947. *Тункин Г.И.* Проблема международно-правовой ответственности государства в Комиссии международного права ООН / Г. И. Тункин. // Советский ежегодник международного права. – Москва: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 92–104.

948. *Усенко Е.Т.* Совет экономической взаимопомощи – субъект международного права / Е. Т. Усенко. // Советский ежегодник международного права. 1979. – М.: Наука, 1980. – С. 11-44.

949. *Фарукшин М.Х.* Вопросы общей теории юридической ответственности / М. Х. Фарукшин. // Правоведение. – 1969. – № 4. – С. 16–35.

950. *Хохрякова Э.А.* Компенсация репутационного вреда, как способ защиты деловой репутации юридического лица в уголовном судопроизводстве Российской Федерации / Э. А. Хохрякова. // Актуальные проблемы борьбы с преступностью. Сборник статей Международной научно-практической конференции студентов и молодых ученых, проводимой в честь почетного работника органов прокуратуры, Заслуженного юриста РСФСР, доцента кафедры прокурорского надзора и организации правоохранительной деятельности Челябинского государственного университета Роберта Валентиновича Голубева, 20–21 декабря 2012 года. – Челябинск: Полиграф-Мастер, 2013. – С.99-101.

951. *Цыбульски С.* «*Amicus curiae*» как инструмент усовершенствования правовой системы: материалы Третьей Международной конференции «Доступ к правосудию. Практика *Amicus curiae*» // Российский журнал международного права. – 2005. – Вып. 2. – С. 31–45.

952. *Черниченко С.В.* Международные преступления и преступления против международного права в свете Нюрнбергских принципов / С. В. Черниченко. // Государство и право. – 2016. – № 11. – С. 68-76.

953. *Черниченко С.В.* Ответственность в современном международном праве (некоторые вопросы теории и договорной практики) / С. В. Черниченко. // Советский Союз и международные договоры. Сборник статей. – Москва, 1980. – Вып. 8. – С. 138–151.

954. *Шаршембиев А.О.* Уголовно-процессуальная защита деловой репутации юридических лиц: сравнительно-правовое исследование / А.О. Шаршембиев. // Подходы к решению проблем законотворчества и правоприменения: Сборник научных трудов адъюнктов и соискателей. – Омск: Омск. акад. МВД России, 2011. – Вып. 18.

955. *Шинкарецкая Г.Г.* Смешанные уголовные трибуналы: новый вид правосудия? / Г.Г. Шинкарецкая // Международное право и международные организации. – 2014. – №2. – С. 249-303.

956. *Эриашвили Н.Д., Лобанов С.А., Каламкарян Р.А., Анянова Е.С.* Международно-правовой вклад органов международной уголовной юстиции в процесс укрепления современного правопорядка / Н. Д. Эриашвили, С. А. Лобанов, Р. А. Каламкарян, Е. С. Анянова. // Международный журнал гражданского и торгового права. – 2022. – № 1. – С. 93–99.

957. *Эриашвили Н.Д., Лобанов С.А., Каламкарян Р.А., Анянова Е.С.* Международно-правовая включенность Российской Федерации в систему органов международного уголовного правосудия как созидательный посыл мирового сообщества по обеспечению международной законности и правопорядка / Н. Д. Эриашвили, С. А. Лобанов, Р. А. Каламкарян, Е. С. Анянова. // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. – 2022. – № 2. – С. 83–89.

Зарубежные научные статьи

958. *Akande D.* The Competence of International Organizations and the Advisory Jurisdiction of the International Court of Justice / Dapo Akande. // European Journal of International Law. – 1998. – Vol. 9, No 3. – P. 347-467.

959. *Akehurst M.* Jurisdiction in International Law / Michael Burton Akehurst. // British Yearbook of International Law. – 1975. – Vol. 46. – P. 145-257.

960. *Akehurst M.* Reprisals by Third States / Michael Burton Akehurst. // The British Yearbook of International Law. – 1970. – Vol. 44. – P. 1-18.

961. *Alderman S.* Background and Highlights of the Nuernberg Trial / Sidney Alderman. // ICC Practitioners' Journal. – 1946. – Vol. 99, Issue 14. – P. 99-113.

962. *Alderman S.* Negotiating the Nuremberg Trial Agreements / Sidney Alderman. // Negotiating with the Russians. – Boston, World Peace Foundation, 1951. – P. 49-98.

963. An International Criminal Court and the Resolutions of the Committee of Jurists. // British Yearbook of International Law. – 1922–1923. – Vol. III. – P.79-87.

964. *Angell E.* The *Amicus curiae*: American Development of English Institutions / Ernest Angell // International and Comparative Law Quarterly. 1967. Vol. 16, No. 4. P. 1017–1044;

965. *Arnull A.* Does the Court of Justice Have Inherent Jurisdiction? / Anthony Arnull. // Common Market Law Review. – 1990. – Vol. 28. – P. 683-708.

966. *Ascensio H.* La notion de juridiction internationale en question / Hervé Ascensio. // Société Française pour le Droit International, Colloque de Lille: La juridictionnalisation du droit international. – Pedone, 2003. – P. 192–195.

967. *Baker T.E.* The Impropriety of Expert Witness Testimony on the Law / Thomas Baker. // Florida International University College of Law. – 1992. – Vol. 40. – URL: http://ecollections.law.fiu.edu/ (дата обращения: 26.01.2025).

968. *Barcelo L.* Aux origines de la cour pénale internationale: le projet français de chambre criminelle internationale (hiver 1946 – printemps 1947) / Laurent Barcelo. // Guerre mondiale et conflits contemporains. – 2006. – № 2. – P.103-109.

969. *Bartholomeusz L.* The *Amicus curiae* before International Courts and Tribunals / Lance Bartholomeusz. // Non-State Actors and International Law. – 2005. – Vol. 5. – P. 209-286.

970. *Bassiouni Ch.* Negotiating the Treaty of Rome on the Establishment of an International Criminal Court / Cherif Bassiouni. ктронный // Cornell International Law Journal. – 1999. – Vol. 32. – P.443-469. – URL: https://scholarship.law.cornell.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1449&context=cilj (дата обращения: 09.03.2025).

971. *Bassiouni Ch.* Perspectives on International Criminal Justice / Cherif Bassiouni. // Vancouver Journal of International Law. – 2010. – Vol. 50. – P. 269–324.

972. *Bassiouni Ch.* The History of Universal Jurisdiction and its Place in International Law / Cherif Bassiouni. // Universal Jurisdiction and the National Prosecution of Serious Crimes Under International Law. – University of Pennsylvania Press, 2004.

973. *Bassiouni Ch.* The Making of the International Criminal Court / Cherif Bassiouni. // International Criminal Law: International Enforcement. – Brill, 2008. – P.117-154.

974. *Becker S.* The Presumption of Impartiality and Other Errors in the International Criminal Court's Plenary Decision Concerning Judicial Disqualification of the President of the Court in *The Prosecutor v. Thomas Lubanga Dyilo* / Steven W. Becker. // The Global Community: Yearbook of International Law and Jurisprudence 2013. – 2014. – Vol. 1. – P. 111-124.

975. *Bellhouse J., Lavers A.* The Modern *Amicus curiae*: A Role in Arbitration? / John Bellhouse, Anthony Lavers // Civil Justice Quarterly. 2004. Vol. 23. P. 187–206.

976. *Bellot H.* La Cour permanente internationale criminelle / Hugh Bellot. // Revue internationale de droit penal. – 1926. – Vol. 3. – P. 333–337.

977. *Benzing M.* Evidentiary Issues / Markus Benzing. // The Statute of the International Court of Justice: A Commentary. – Oxford University Press, 2012. – P. 1234–1275.

978. *Benzing M.* The Complementarity Regime of the International Criminal Court: International Criminal Justice between State Sovereignty and the Fight against Impunity / Markus Benzing. // Max Planck Yearbook of United Nations Law. – 2003. – Vol. 7. – P. 592-632.

979. *Bernaz, N.* Corporate Criminal Liability under International Law. The New TV S.A.L. and Akhbar Beirut S.A.L. Cases at the Special Tribunal for Lebanon / Nadia Bernaz. // Journal of International Criminal Justice. – 2015. – Vol. 13 (2). – P. 313–330.

980. *Biddle F.* Le procès de Nuremberg / Francis Biddle. // Revue internationale de droit pénal. – 1948. – Vol. 19-20 (1). – P. 1-19.

981. *Blishchenko I.P.* International Violence as a Special Problem of the Fight Against Crime / Igor Blishchenko. // International Review of Criminal Policy. – 1976. – Vol. 32. – P. 8–20.

982. *Boas G.* International Criminal Law Practitioner Library: Volume 3: International Criminal Procedure (The International Criminal Law Practitioner) / Gideon Boas. – Cambridge University Press, 2013. – 578 p.

983. *Bohlander M.* International Criminal Tribunals and Their Power to Punish Contempt and False Testimony / Michael Bohlander. – Текст: непосредственный // Criminal Law Forum. – 2001. – Vol. 12 (1). – P. 91–118.

984. *Bracken P.* An Explanation at Nürnberg / John P. Bracken // Naval History Magazine. - 1990. - Vol. 4, Iss. 4. - P. 9-17.

985. *Brierly J.* Do We Need an International Criminal Court? / James L. Brierly. осредственный // British Yearbook of International Law. – 1927. – Vol. 8. – P. 81-88.

986. *Briggs H.* The Incidental Jurisdiction of the International Court of Justice as Compulsory Jurisdiction / Herbert Whittaker Brigg. // Völkerrecht und Rechtliches Weltbild: Festschrift für Alfred Verdross. – Springer-Verlag, 1960. – P. 91-95.

987. *Brower C.H.* Book Review and Note: The International Law Character of the Iran-United States Claims Tribunal by Moshen Mohebi / Charles H. Brower. // American Journal of International Law. – 2000. – Vol. 94 (4). – P. 813-815.

988. *Brown C.* The Inherent Powers of International Courts and Tribunals / Chester Brown. // The British Yearbook of International Law. – 2005. – Vol. 76 (1). – P. 195-224.

989. *Brudno W.* The Nuremberg Experience / Walter W. Brudno. // Texas International Law Journal. – 1984. – Vol. 19(3). – P. 633-642.

990. *Bry K.* An Overview of Illinois Contempt Law: A Court's Inherent Power and the Appropriate Procedures and Sanctions / Kevin E. Bry. // Marshall Law Review. – 1993. – Vol. 26. – P. 223-256.

991. *Bush J.A.* Essay: “The Supreme ... Crime” and Its Origins: The Lost Legislative History of the Crime of Aggressive War / Jonathan A. Bush. // Columbia Law Review. – 2002. – Vol. 102. – P. 2324 et seq.

992. *Buteau M., Oosthuizen, G.* When the Statutes and Rules are Silent: The Inherent Powers of the Tribunal / Michèle Buteau, Gabriël Oosthuizen. // Essays on ICTY Procedure and Evidence in Honour of Gabrielle Kirk McDonald. – Springer Netherlands, 2001. – P.65-81.

993. *Caloyanni M.* La cour criminelle internationale / Mégalos A. Caloyanni. // Revue internationale de droit pénal. – 1928. – Vol. 5. – P. 261-264.

994. *Caloyanni M.* The Permanent International Court of Criminal Justice / Mégalos A. Caloyanni. // Revue internationale de droit penal. – 1925. – Vol. 2. – P. 326-354.

995. *Caron D.* The ILC Articles on State Responsibility: The Paradoxical Relationship between Form and Authority / David D. Caron. // The American Journal of International Law. – 2002. – Vol. 96, No. 4 (Oct.). – P. 857–873.

996. *Carrillo-Salcedo, J.A.* The Inherent Powers of the International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia to Issue «Subpoena Duces Tecum» to a Sovereign State / Juan-Antonio Carrillo-Salcedo. // Mélanges en l’honneur de Nicolas Valticos: Droit et Justice. – Pedone, 1999. – 705 p.

997. *Chimimba T.* Establishing an Enforcement Regime / Trevor Pascal Chimimba. // The International Criminal Court: The Making of the Rome Statute. – Brill, 1999. – P.345-356.

998. *Chinkin C., Mackenzie R.* International Organizations as Friends of Court / Christine Chinkin, Ruth Mackenzie. // International Organizations and International Dispute Settlement: Trends and Prospects. – Ardsley, N.Y. Transnational Publishers Inc., 2002. – P.135–162.

999. *Cichowski R.* The European Court of Human Rights, *Amicus curiae*, and Violence against Women / Rachel Cichowski. // Law & Society Review. – 2016. – Vol. 50, Issue 4. – P.890-919.

1000. *Clapham A.* The Question of Jurisdiction under International Criminal Law over Legal Persons: Lessons from the Rome Conference on an International Criminal Court / Andrew Clapham. // Liability of Multinational Corporations under International Law. – Springer Netherlands, 2000. – P.139-195.

1001. *Clark R.* The International League for Human Rights and South West Africa 1947-1957: The Human Rights NGO as Catalyst in the International Legal Process / Roger S. Clark. // Human Rights Quarterly. – 1981. – Vol. 3, Issue 4. – P.101-136.

1002. Comment. The *Amicus curiae* / [без указания автора] // Northwestern University Law Review. 1960–1961. Vol. 55. P. 469–492;

1003. Commission on the Responsibility of the Authors of the War and on Enforcement of Penalties: Report Presented to the Preliminary Peace Conference. // The American Journal of International Law. – 1920. – Vol. 14., Issue 1-2. – P.95-154.

1004. Convention pour la création d'une cour pénale internationale (Genève, le 16 novembre 1937). – Série de publications de la Société des Nations, 1937. – Vol. 11. – 8 p.

1005. *Covey F.M. Amicus Curiae:* Friend of the Court / Franck M. Covey Jr. // DePaul Law Review. 1959. Vol. 8, No. 1. P. 30-37.

1006. *Cowles W.* Trials of War Criminals (Non-Nuremberg) / Willard B. Cowles. // The American Journal of International Law. – 1948. – Vol. 42, Issue 2. – P. 299-319.

1007. *Crema L.* Testing *Amici curiae* in International Law: Rules and Practice / Luigi Crema. // The Italian Yearbook of International Law. – 2013. – Vol. 22, Issue 1. – P. 91–132.

1008. *De Bertodano S.* Current Developments in Internationalized Courts / Sylvia de Bertodano. // Journal of International Criminal Justice. – 2003. – Vol. 1. – P. 226-244.

1009. *De Brouwer A.-M.* The Problem of Witness Interference before International Criminal Tribunals / Anne-Marie de Brouwer. // International Criminal Law Review. – 2015. – Vol. 15 (4). – P. 700-732.

1010. *De Visscher C.* Coutume et traité en droit international public / Charles De Visscher. // Revue générale de droit international public. – 1955. – № 3. – С. 353–369.

1011. *Deschênes J.* Toward International Criminal Justice / Jules Deschênes. // The Prosecution of International Crimes: A Critical Study of the International Tribunal for the Former Yugoslavia. – Routledge, 2003.

1012. *Dickinson L.A.* The Promise of Hybrid Courts / Laura A. Dickinson. // American Journal of International Law. – 2003. – Vol. 97. – P. 295-310.

1013. *Dickinson L.A.* The Relationship between Hybrid Courts and International Courts: The Case of Kosovo / Laura A. Dickinson. // New England Law Review. – 2003. – Vol. 37(4). – P. 1059-1072.

1014. *Dickinson L.A.* Transitional Justice in Afghanistan: The Promise of Mixed Tribunals / Laura A. Dickinson. // Denver Journal of International Law and Policy. – 2002. – Vol. 31. – P. 23-42.

1015. *Doman N.* Political Consequences of the Nuremberg Trial / Nicholas Doman. // Annals of the American Academy of Political and Social Science. – 1946. – Vol. 246. – P. 81-90.

1016. *Donnedieu de Vabres H.* La cour permanente de justice internationale et sa vocation en matiere criminelle / Henri Donnedieu de Vabres. // Revue internationale de droit penal. – 1924. – Vol. 1. – P. 175-201.

1017. *Donnedieu de Vabres H.* Le procès de Nuremberg devant les principes modernes du droit pénal international / Henri Donnedieu de Vabres. // Recueil des cours de l'Académie de droit international de La Haye. – Paris, Sirey, 1947. – Vol. 70.

1018. *Dörr O.* Article 33 / Oliver Dörr. – Текст: непосредственный // Vienna Convention on the Law of Treaties. A Commentary. – Springer, 2021. – P.635-651.

1019. Draft Articles on the Responsibility of International Organizations, with commentaries. // Yearbook of the International Law Commission. – 2011. – Vol. II. Part Two (Draft Articles on International Organizations). – P.46-105.

1020. Draft Code of Offences against the Peace and Security of Mankind. // Yearbook of the International Law Commission, with commentaries. – 1954. – Vol. II. – P. 112-122.

1021. Draft Statute for an International Criminal Court with commentaries 1994. // Yearbook of the International Law Commission. – 1994. – Vol. II, Iss. 2. – P.26-74.

1022. *Eagleton C.* International Organization and the Law of Responsibility / Charles Eagleton. // Recueil des Cours. – 1950. – Vol. 76. – P. 319–423.

1023. *Editors.* Introduction to Volume 3, Year 2000 / editors. // Journal of International Economic Law. – 2000. – Vol. 3, Issue 1. – P.1-2.

1024. *Fassbender B.* Volkerrecht und Machtpolitik: Georg Schwarzenberger (1908-1991) / Bardo Fassbender. // American Journal of International Law. – Vol. 97. – 2003. – P.1019-1022.

1025. *Fauchald O., Stigen J.* Corporate Responsibility before International Institutions / Ole Kristian Fauchald, Jo Stigen. // George Washington International Law Review. – 2009. – Vol. 40 (4). – P. 1025-1100.

1026. *Ferencz B.* International Criminal Courts: The Legacy of Nuremberg / Benjamin Ferencz // Pace International Law Review. – 1998. – Vol. 10, No. 1. – P.203-235.

1027. *Ferrere M.R.* The Inherent Jurisdiction and its Limits / Marcelo B.Rodriguez Ferrere. // Otago Law Review. – 2013. – Vol. 13 (1). – P. 107-144.

1028. *Fitzmaurice G.* Hersch Lauterpacht "The Scholar as Judge" / Gerald Fitzmaurice. // The British Yearbook of International Law. – 1961. – Vol. 37. – P. 1-72.

1029. *Ford C.* What are Friends For? In NAFTA Chapter 11 Disputes, accepting amici would help lift the curtain of secrecy surrounding investor-state arbitrations / Chris Ford. // Southwestern Journal of Law and Trade in Americas. – 2005. – Vol. 11. – Pp. 65-97.

1030. *Fouchard I.* De l'utilité de la distinction entre les crimes supranationaux et transnationaux: traduire les processus d'incrimination complexes alliant droit international et droits pénaux internes / Isabelle Fouchard. // Revue interdisciplinaire d'études juridiques. – Université Saint Louis de Bruxelles, 2013. – Vol. 71. – P.49-81.

1031. *Freeman A.V.* War Crimes by Enemy Nationals Administering Justice in Occupied Territory / Alwyn V. Freeman. // American Journal of International Law. – 1947. – Vol. 41 (3). – P. 579-610.

1032. *Gaeta P.* The Inherent Powers of International Courts and Tribunals / Paolo Gaeta. // Man's Inhumanity to Man: Essays on International Law in Honour of Antonio Cassese. – Martinus Nijhoff Publishers, 2003. – P.353–372.

1033. *Gautier Ph.* NGOs and Law of the Sea Disputes / Philippe Gautier. // Civil Society, International Courts and Compliance Bodies. – T.M.C. Asser Press, 2005. – P.233-242.

1034. *Gomez K.F.* Rethinking the Role of *Amicus curiae* in International Investment Arbitration: How to Draw the Line Favorably for the Public Interest / Katia Fach Gómez. // Fordham International Law Journal. – 2012. – Vol. 35, Issue 2. – P.513-564.

1035. *Hall C.K.* The First Proposal for a Permanent International Criminal Court / Christopher Keith Hall. // International Review of the Red Cross. – 1997. – P.57-74.

1036. *Harper F.V., Etherington E.D.* Lobbyists before the Court / Fowler Vincent Harper, Edwin Dexter Etherington // University of Pennsylvania Law Review. 1952–1953. Vol. 101. P. 1172–1203;

1037. *Harris M.J. Amicus curiae*: Friend or Foe? The Limits of Friendship in American Jurisprudence / Michael J. Harris // Suffolk Journal of Trial and Appellate Advocacy. 2000. Vol. 5, No. 1. P. 1–37;

1038. Harvard Research on International Law "Draft Convention on Jurisdiction with Respect to Crime". // American Journal of International Law. – 1935. – Vol. 29. – P. 439-442.

1039. *Heimpel H.* Das Verfahren gegen Peter von Hagenbach zu Breisach (1474) / Hermann Heimpel. // Zeitschrift fur Geschichte des Oberrheins. – Vol. 55. – 1942. – S.331-357.

1040. *Hiéramente M., Müller Ph., Ferguson E.* Barasa, Bribery and Beyond: Offences against the Administration of Justice at the International Criminal Court / Mayeul Hiéramente, Philipp Müller, Emma Ferguson. // International Criminal Law Review. – 2014. – Vol. 14 (6). – P. 1123-1149.

1041. *Hudson M.O.* The Proposed International Criminal Court / Manley O. Hudson. // The American Journal of International Law. – 1938. – Vol. 32, Issue 3. – P. 549-554.

1042. Ier Congrès International de droit pénal (Bruxelles, 26-29 juillet 1926) // Revue internationale de droit pénal. – 2015. – Vol. 86, Issue 1. – P.27-31.

1043. *Jaari S., Maier J.* These Were the Supermen / Sender Jaari, Joseph B. Maier. // Art and Action. – 1948. – P. 137-156.

1044. *Jacob I.H.* The Inherent Jurisdiction of the Court / Isaac Hai Jacob // Current Legal Problems. – 1970. – Vol. 23, Issue 1. – P. 23-52.

1045. *Jiménez de Aréchaga, E.* Custom as a Source of International Law / Eduardo Jiménez de Aréchaga. // Collected Courses of the Hague Academy of International Law. – Brill, 1978. – Vol. 159. – P.9-34.

1046. *Katzenstein S.* Hybrid Tribunals: Searching for Justice in East Timor / Suzanne Katzenstein // Harvard Human Rights Journal. – 2003. – Vol. 16. – P. 258-259.

1047. *Kelsen H.* On the Theory of Interpretation / Hans Kelsen. // Legal Studies. – 1990. – Vol. 10. – P.127-135.

1048. *Kempner R.M.W.* Das Dritte Reich im Kreuzverhör: Aus den unveröffentlichten Vernehmungsprotokollen des Anklägers in den Nürnberger Prozessen / Robert M.W. Kempner. – Munich, Bechtle Verlag, 1969. – 335 s.

1049. *Kopylova E.A.* The Offence of Giving False Testimony in the Rome Statute / Ekaterina Kopylova // Criminal Law Forum. – 2017. – № 28(4). – P. 669–708.

1050. *Kopylova E.A.* The Prosecutor *Amicus Curiae* at the International Criminal Tribunals / Ekaterina Kopylova // Journal of International Criminal Justice. – 2021. – № 19(5). – P. 1099–1131.

1051. *Koskenniemi M.* Theory: Implications for the Practitioner / Martti Koskenniemi. // Theory and International Law: An Introduction. – The British Institute of International and Comparative Law, 1991. – P.1-46.

1052. *Kremnitzer M.* A Possible Case for Imposing Criminal Liability on Corporations in International Criminal Law / Mordechai Kremnitzer. // Journal of International Criminal Justice. – 2010. – Vol. 8 (3). – P. 909-918.

1053. *Krislov S.* The *Amicus curiae* Brief: From Friendship to Advocacy / Stuart Krislov // Yale Law Journal. 1963. Vol. 72. P. 694–721.

1054. *Kyriakakis J.* Corporations and the International Criminal Court: the Complementarity Objection Stripped Bare / Joanna Kyriakakis. // Criminal Law Forum. – 2008. – Vol. 19 (1). – P. 115-151.

1055. *Lauterpacht E.* 'Partial' Judgments and the Inherent Jurisdiction of the International Court of Justice / Elihu Lauterpacht. // Fifty Years of the International Court of Justice: Essays in Honour of Sir Robert Jennings. – Cambridge University Press, 1996. – P. 465-486.

1056. *Lawrence G*. The Nuremberg Trial / Geoffrey Lawrence. // Perspectives on the Nuremberg Trial. – Oxford University Press, 2008. – P. 290-298.

1057. *Lennon H.* A Witness to Atrocity: Film as Evidence in International War Crimes Tribunals / Helen Lennon. // Holocaust and the Moving Image: Representations in Film and Television Since 1933. – Wallflower Press, 2005. – P.65-75.

1058. *Lévitt A.* A Proposed Code of International Criminal Law / Albert Lévitt. // Revue internationale de droit penal. – 1929. – Vol. 6. – P. 18-32.

1059. *Liang J.* The Inherent Jurisdiction and Inherent Powers of International Criminal Courts and Tribunals: An Appraisal of Their Application / Jessica Liang. // New Criminal Law Review. – Vol. 15 (3). – 2012. – P. 375-413.

1060. *Lillich R.* The Element of Materiality in the Federal Crime of Perjury / Richard B. Lillich. // Indiana Law Journal. – 1959. – Vol. 35(1). – P.1-16.

1061. *Linton S.* Cambodia, East Timor and Sierra Leone: Experiments in International Justice / Suzannah Linton. // Criminal Law Forum. – 2001. – Vol. 12. – P. 185-246.

1062. *Linton S.* New Approaches to International Justice in Cambodia and East Timor / Suzannah Linton. // International Review of the Red Cross. – 2002. – Vol. 845. – P. 93-119.

1063. *Linton S.* Prosecuting Atrocities at the District Court of Dili / Suzannah Linton. // Melbourne Journal of International Law. – 2001. – Vol. 2. – P. 414-458.

1064. *Linton S.* Rising from the Ashes: The Creation of a Viable Criminal Justice System in East Timor / Suzannah Linton. // Melbourne University Law Review. – 2001. – Vol. 25. – P. 122-180.

1065. *Lipscomb R.* Restructuring the ICC Framework to Advance Transitional Justice: A Search for a Permanent Solution in Sudan / Rosanna Lipscomb. // Columbia Law Review. – 2006. – Vol. 106 (1). – P. 182-212.

1066. *Lord Philimore.* An International Criminal Court and the Resolutions of the Committee of Jurists / Lord Philimore. // British Yearbook of International Law. – 1922–1923. – Vol. 3. – P. 79-86.

1067. *Lowman J.* The Litigating *Amicus curiae* / John Lowman // American University Law Review. 1992. Vol. 41. P. 1243–1288;

1068. *Marburg T.* The Washington Meeting of the American Society for the Judicial Settlement of International Disputes / Theodore Marburg. // The American Political Science Review. – 1911. – Vol. 5 (2). – P. 181-193.

1069. *Marrus M.* A Jewish Lobby at Nuremberg: Jacob Robinson and the Institute of Jewish Affairs, 1945-46 / Michael R. Marrus. // The Nuremberg Trials: International Criminal Law since 1945. – Walter de Gruyter, 2011. – P.63-71.

1070. *McCormack T.* From Sun Tzu to the Sixth Committee: The Evolution of an International Criminal Law Regime / Timothy L.H. McCormack. // The Law of War Crimes: National and International Approaches. – Kluwer Law International. – 1997. – P.31–64.

1071. *McCormack T.* Selective Reaction to Atrocity: War Crimes and the Development of International Criminal Law / Timothy L.H. McCormack. // Albany Law Review. – 1997. – Vol. 50.– P.681-732.

1072. *Mendelson M.H.* The Formation of Customary International Law / Maurice H. Mendelson. // Collected Courses of the Hague Academy of International Law. – Brill, 1998. – Vol. 272.

1073. *Miller J.T.* Intervention in Proceedings before the International Court of Justice / John T. Miller. // The Future of the International Court of Justice. – Vol. II. – Oceana Publications, Inc., Dobbs Ferry, New-York, 1976.

1074. *Monge A.S.* The Expert Testimony before the Inter-American Court of Human Rights / Auxiliadora Solano Monge. // ILSA Journal of International and Comparative Law. – 2016. – Vol. 5, Issue 3. – P. 567-581.

1075. *Mouralis G.* Le procès de Nuremberg: retour sur soixante-dix ans de recherche / Guillaume Mouralis. // Critique internationale. – 2016. – Vol. 73. – P.159-175.

1076. *Müllerson R.* The Interplay of Objective and Subjective Elements in Customary Law / Rein Müllerson. // International Law: Theory and Practice: Essays in Honour of Eric Suy. – Martinus Nijhoff Publishers, 1998. – P.161–178.

1077. *Murray C.B.* Nuremberg: Its Justification and Lessons / Murray C. Bernays. // West Virginia Bar Association Journal. – 1946. – Vol. 62. – P. 68-83.

1078. *Murray Ch.* Litigating in the Public Interest: Intervention and the *Amicus curiae* / Christina Murray. // South African Journal on Human Rights. – 1994. – Vol. 10. – P.240-259.

1079. *Nouwen S.* Hybrid Courts. The Hybrid Category of a New Type of International Criminal Courts / Sarah M.H. Nouwen. // Utrecht Law Review. – 2006. – 5 дек. – URL: https://utrechtlawreview.org/articles/10.18352/ulr.32 (дата обращения: 26.01.2025).

1080. *Oliver C.* The Attorney-General of the Government of Israel v. Eichmann / Covey Oliver. // The American Journal of International Law. – 1962. – Vol. 56, Issue 3. – P. 805-845.

1081. *Oosthuizen G.* Of Misconduct, Contempt, False Testimony, Rule Mutations and other Interesting Powers: A Potpourri of Questions and Notes / Gabriel Oosthuizen. // Essays on ICTY Procedure and Evidence. In Honour of Gabrielle Kirk McDonald. – Springer Netherlands, 2000. – P.387–402.

1082. *Orakhelashvili A.* Judicial Competence and Judicial Remedies in the Avena Case / Alexander Orakhelashvili. // Leiden Journal of International Law. – 2005. – Vol. 18. – P.31-48.

1083. *Orakhelashvili A.* Questions of International Judicial Jurisdiction in the LaGrand Case / Alexander Orakhelashvili. // Leiden Journal of International Law. – 2002. – Vol. 15. – P.105-130.

1084. *Orakhelashvili A.* The Concept of International Judicial Jurisdiction: A Reappraisal / Alexander Orakhelashvili. // Law and Practice of International Courts and Tribunals. – 2003. – Vol. 3. – P.501-550.

1085. *Padilla D.* The Inter-American Commission on Human Rights of the Organisation of American States: a case study / David J. Padilla. // American University Journal of International Law and Policy. – 1993. – Vol. 9, Iss. 1. – P.95-115.

1086. *Paust J.* Comparative Analysis of International and National Tribunals / Jordan J. Paust. // New York Law School Journal. – Vol. 12. – 1995.

1087. *Pella V.* Rapport sur un projet de statut d'une Cour criminelle internationale présenté au Conseil de direction de l'Association internationale de droit pénal / Vespasien Pella. // Revue internationale de droit penal. – 1928. – Vol. 5. – P. 265-292.

1088. *Pella V.* Towards an International Criminal Court / Vespasien Pella. // The American Journal of International Law. – 1950. – Vol. 44. – P. 37-68.

1089. *Pendas D.* Orientation: War Crimes Trials in Theory and Practice from the Middle Ages to the Present / Devin O. Pendas. // War Crimes Trials and Investigations: A Multi-Disciplinary Introduction. – St Antony's Series. – 2018. – P. 23–58.

1090. *Politis N.* Rapport sur l'institution d'une juridiction criminelle internationale / Nikolaos Sokrates Politis. [Электронный ресурс]. // Acts of the First International Congress of Penal Law (Brussels, 26-29 July 1926). – URL: https://www.penal.org/ (дата обращения: 16.03.2025).

1091. Principles of International Law recognized in the Charter of the Nürnberg Tribunal and in the Judgment of the Tribunal, with commentaries. [Электронный ресурс]. // Yearbook of the International Law Commission. – 1950. – Vol. II. – URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/draft_articles/7_1_1950.pdf (дата обращения: 16.03.2025).

1092. *Redgwell C.* Universality or Integrity? Some Reflections on Reservations to General Multilateral Treaties / Catherine Redgwell. // The British Yearbook of International Law. – 1993. – Vol. 64, Issue 1. – P.245–282.

1093. *Reinisch A., Irgel C.* The Participation of Non-Governmental Organisations (NGOs) in the WTO Dispute Settlement System / August Reinisch, Christina Irgel. // Non-State Actors and International Law. – 2001. – Vol. 1(2). – P. 127-151.

1094. Report of the International Law Commission on its Second Session «Ways and Means for Making the Evidence of Customary International Law More Readily Available» // Yearbook of the International Law Commission. – 1950. – Vol. II. – P. 367-374.

1095. *Rheinstein M.* The Legal Status of Occupied Germany / Max Rheinstein // Michigan Law Review. – 1948. – Vol. 47. – P. 28-31.

1096. *Romano C.* The Proliferation of International Judicial Bodies: The Pieces of the Puzzle / Cesare Romano. // New York University Journal of International Law and Politics. – 1999. – Vol. 31. – P. 709-751.

1097. *Roux J.* A propos d'une Cour de cassation internationale / Jean-André Roux. // Revue internationale de droit penal. – 1929. – Vol. 6. – P. 12-17.

1098. *Roux J.* L'entraide des états dans la lutte contre la criminalité / Jean-André Roux. // Académie de droit international, Recueil des cours. – 1931. – Vol. 36. – P. 77-181.

1099. *Ryngaert C.* The International Criminal Court and Universal Jurisdiction: A Fraught Relationship? / Cedric Ryngaert. // New Criminal Law Review: An International and Interdisciplinary Journal. – 2009. – Vol. 12, Issue 4. – P. 498–512.

1100. *Saldaña Q.* La justice pénale internationale / Quintiliano Saldaña. – Текст: непосредственный // Revue de droit international, de sciences diplomatiques et politiques. – 1927. – Vol. 5. – P. 274-279.

1101. *Sands Ph., Mackenzie R.* International Courts and Tribunals, *Amicus curiae* / Philippe Sands, Ruth Mackenzie. [Электронный ресурс]. // Max Planck Encyclopedia of Public International Law. – 2008. – URL: https://opil.ouplaw.com/ (дата обращения: 05.06.2025).

1102. *Sarooshi D.* The Powers of the United Nations International Criminal Tribunals / Danesh Sarooshi. // Max Planck Yearbook of United Nations Law. – 1998. – Vol. 2. – P. 141-167.

1103. *Schmidt W.W.* History, Purpose and Philosophy of *Amicus* Advocacy: The AELE *Amicus* Program [Электронный ресурс] / Wayne W. Schmidt. 21 Sept. 2008. URL: http://www.aele.org/history.html (дата обращения: 25.01.2025);

1104. *Schomburg W.* The Role of International Criminal Tribunals in Promoting Respect for Fair Trial Rights / Wolfgang Schomburg. // Northwestern University Journal of International Human Rights. – 2009. – Vol. 8. – P.1-29.

1105. *Schwarzenberger G.* A Forerunner of Nuremberg: the Breisach War Crime Trial of 1474 // The Manchester Guardian. – 1946. – Sept. 28. – P. 4. et seq.

1106. *Segesser D.M.* Die historischen Wurzeln des Begriffs “Verbrechen gegen die Menschlichkeit” / Daniel Marc Segesser. // Jahrbuch der Juristischen Zeitgeschichte. – 2007. – Vol. 8. – P. 75-101.

1107. *Shelton D.* The Participation of Nongovernmental Organizations in International Judicial Proceedings / Dinah Shelton. // The American Journal of International Law. – 1994. – Vol. 88, Issue 4. – P. 611-642.

1108. *Simon D.J.* The constitutionality of the special prosecutor law / Donald J. Simon // University of Michigan Journal of Law Reform. – 1982. Vol. 16, Iss. 1. – Pp. 45-78.

1109. *Skubiszewski K.* Elements of Custom and The Hague Court / Krzysztof Skubiszewski. // Zeitschrift fur Auslandisches und Offentlisches Recht und Völkerrecht. – 1971. – Vol. 31. – P.810-854.

1110. *Sluiter G.* The ICTY and Offences against the Administration of Justice / Goran Sluiter. // Journal of International Criminal Justice. – 2004. – Vol. 2 (2). – P. 631-641.

1111. *Slye R.* Corporations, Veils, and International Criminal Liability / Ronald C. Slye. // Brooklyn Journal of International Law. – 2008. – Vol. 33. – P. 955-973.

1112. *Smaltz D.C.* The Independent Counsel: A View from Inside / Donald C. Smaltz // Georgetown Law Journal. – 1998. – Vol. 86, Iss. 6. – P. 2307–2350.

1113. *Smith B.F.* The American Road to Nuremberg: The Documentary Record. 1944-1945 / Bradley F. Smith. – Stanford. – 1982. – 270 p.

1114. *Swinehart M.* Reliability of Expert Evidence in International Disputes / Matthew W Swinehart. // Michigan Journal of International Law. – 2017. – Vol. 38, Issue 2. – P. 287-347.

1115. *Tams C., Zoellner C.-S. Amici curiae* im internationalen Investitionsschutzrecht / Christian J. Tams, Carl-Sebastian Zoellner. // Archiv des Volkerrechts. – 2007. – Vol. 45. – P. 217-243.

1116. The Permanent International Criminal Court. // International Law Association Reports of Conferences. – 1926. – Vol.34. – P. 130-142.

1117. *Thirlway H.* Dilemma or Chimera? – Admissibility of Illegally Obtained Evidence in International Adjudication / Hugh Thirlway. // The American Journal of International Law. – 1984. – Vol. 78, Issue 3. – P. 622-641.

1118. *Thirlway H.* The Law and Procedure of the International Court of Justice 1960–1989: Parts Nine and Ten / Hugh Thirlway. // The British Yearbook of International Law. – 2010. – Vol. 81, Issue 1. – P. 13-170.

1119. *Tochilovsky V.* Defence Access to the Prosecution Material / Vladimir Tochilovsky. // International Criminal Procedure. Principles and Rules. – OUP Oxford, 2013. – P.2-19.

1120. *Tomka P., Wordsworth S.* The First Site Visit of the International Court of Justice in Fulfillment of its Judicial Function / Peter Tomka, Samuel S. Wordsworth. // The American Journal of International Law. – 1998. – Vol. 91(1). – P.133-140.

1121. *Totani Y.* The Case against the Accused / Yuna Totani. // Beyond Victor's Justice? The Tokyo War Crimes Trial Revisited. – Leiden, 2010. – P.145–161.

1122. *Van den Eynde L. Amicus curiae:* European Court of Human Rights (ECtHR) / Laura Van den Eynde. [Электронный ресурс]. // Max Planck Encyclopedia of International Procedural Law. – 2019. – URL: https://opil.ouplaw.com/ (дата обращения: 26.01.2025).

1123. *Van Schaak B.* Justice without Borders: Universal Civil Jurisdiction / Beth Van Schaak. // Proceedings of the Annual Meeting – American Society of International Law. – 2005. – Vol. 99. – P. 120-122.

1124. *Viljoen F., Abebe A.* «*Amicus curiae*» Participation Before Regional Human Rights Bodies in Africa / Frans Viljoen, Adem Kassie Abebe. // Journal of African Law. – 2014. – Vol. 58, Issue 1. – P.22-44.

1125. *Von Laun K.* The Legal Status of Germany / Kurt Von Laun. // American Journal of International Law. – 1951. – Vol. 45 (2). – P. 267-285.

1126. *Wald P.* Accountability for War Crimes: What Roles for National, International, and Hybrid Tribunals? / Patricia M. Wald // American Society of International Law Proceedings. – 2004. – Vol. 98. – P. 181-182.

1127. *Williams G.* The *Amicus curiae* and Intervener in the High Court of Australia: A Comparative Analysis / George Williams // Federal Law Review. 2000. Vol. 28, No. 3. P. 365–402;

1128. *Williams S., Woolaver H.* The Role of State *Amici curiae* in the Article 19(3) ICC Statute Proceedings // Journal of International Criminal Justice. – 2020. – Vol. 18. – Pp. 891–904.

1129. *Williams S., Woolaver H.* The Role of the *Amicus curiae* Before International Criminal Tribunals // International Criminal Law Review. – 2006. – Vol. 6, No. 2. – Pp. 151–171.

1130. *Xiao M.* The Function of *Amicus curiae* Participation by Legal Scholars: The Al-Bashir Appeal Case at the International Criminal Court as an Illustration / Mao Xiao. // Chinese Journal of International Law. – 2019. – Vol. 18, No. 2. – P. 393–424.

1131. *Zappalà S.* Do Heads of State in Office Enjoy Immunity from Jurisdiction for International Crimes? The Gaddafi Case before the French Cour de Cassation / Salvatore Zappalà. // European Journal of International Law. – 2001. – P.595-612.

Сборники документов

1132. Premier Congrès International de Droit Pénal: Bruxelles (26-29 juillet 1926): Actes du Congrès / publiés sous la direction du Comte Carton de Wiart par J.-A. Roux. – Paris: Librairie des Juris-Classeurs, 1927. – 690 p.

1133. Annotated Leading Cases of International Criminal Tribunals. The International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia 2001: in 42 vol. Vol. 7 / ed. by André Klip, Goran Sluiter. – Antwerp: Intersentia, 2005. – 810 p.

1134. Collected Courses of The Hague Academy of International Law / Hague Academy of International Law. – Brill.– Vol. 111: 1964. – 690 p.; Vol. 152: 1976. – 478 p.; Vol. 159: 1978. – 463 p.; Vol. 186: 1984. – 397 p.; Vol. 272: 1998. – 416 p.

1135. Law Reports of Trials of War Criminals / Published for the United Nations War Crimes Commission by His Majesty's Stationery Office. – London. – Vol. I: 1947. – 532 p.; Vol. III: 1948. – 1267 p.; Vol. IV: 1948. – 636 p.; Vol. V: 1948. – 600 p.; Vol. VI: 1948. – 644 p.; Vol. VII: 1948. – 97 p.; Vol. VIII: 1948. – 849 p.; Vol. XI: 1949. – 930 p.; Vol. XIII: 1949. – 1210 p.; Vol. XIV: 1949. – 948 p.

Интернет-источники

1136. *Andersen S.* English version: Murderers are being allowed to go free (13 June 2013). [Электронный ресурс]. // BT. – URL: http://www.bt.dk/udland/english-version-murderers-are-being-allowed-to-go-free (дата обращения: 26.01.2025).

1137. *Anderson C.* Swedish Court Sentences Man to Life in Prison for Role in Rwanda Genocide / Christina Anderson. [Электронный ресурс]. // The New York Times. – 2016. – 16 май. –URL: http://www.nytimes.com/2016/05/17/world/europe/sweden-rwanda-claverberinkindi.html?_r=0 (дата обращения: 26.01.2025).

1138. Appointment of a Special Counsel: Press Release [Электронный ресурс]. // Министерство юстиции США: официальный сайт. – 2022. – 18 ноя. – URL: https://www.justice.gov/archives/opa/pr/appointment-special-counsel-0 (дата обращения: 05.09.2025).

1139. Appointment of Special Counsel by the Prosecutor: Press Release [Электронный ресурс]. // IRMCT: сайт.– 2005. – 12 июл. – URL: https://unictr.irmct.org/en/news/appointment-special-counsel-prosecutor (дата обращения: 19.05.2025).

1140. Barbie on trial / Memorial Izieu: сайт. [Электронный ресурс]. – 2024. –7 ноя. – URL: http://www.memorializieu.eu/souscription/?page_id=1899 (дата обращения: 16.05.2025).

1141. Call for Expressions of Interest for *Amici curiae* Investigators or Prosecutors // United Nations International Residual Mechanism for Criminal Tribunals: сайт. [Электронный ресурс]. – 2004. – 31 янв.– URL: https://www.irmct.org/ (дата обращения: 26.01.2025).

1142. Congressional Research Service Document «Special Counsel Investigations: History, Authority, Appointment and Removal». [Электронный ресурс]. – 2019. – 13 мар. –URL: https://fas.org/sgp/crs/misc/R44857.pdf (дата обращения: 26.01.2025).

1143. Dans les affaires politiques, le manque d'indépendance du parquet pose problème [Электронный ресурс]. // Le Figaro: официальный сайт.– 2019. – 7 фев. – URL: https://www.lefigaro.fr/vox/politique/2019/02/07/31001-20190207ARTFIG00206-dans-les-affaires-politiques-le-manque-d-independance-du-parquet-pose-probleme.php (дата обращения: 10.09.2025).

1144. Executive Order on Blocking Property of Certain Persons Associated with The International Criminal Court. [Электронный ресурс]. – 2020. – 11 июн. – URL: https://www.whitehouse.gov/ (дата обращения: 26.01.2025).

1145. Génocide au Rwanda: deuxième procès historique en France [Электронный ресурс]. // Paris Match. – 2016. – 10 май. – URL: http://www.parismatch.com/Actu/International/Genocide-au-Rwanda-deuxieme-proceshistorique-en-France-965545 (дата обращения: 26.01.2025).

1146. German court sentences man to life in Rwanda genocide case. [Электронный ресурс]. // Reuters. – 2015. – 29 дек. – URL: http://www.reuters.com/article/us-germany-rwanda-court-idUSKBN0UC11R20151229 (дата обращения: 26.01.2025).

1147. *Harhoff F.* ICTY Judge Frederik Harhoff's Email to 56 Contacts (2013). [Электронный ресурс]. // BT: сайт. – URL: http://www.bt.dk/sites/default/files-dk/node-files/511/6/6511917-letter-english.pdf (дата обращения: 26.01.2025).

1148. How a Faithless Agent Sought to Put the United States in the Wrong in the Bering Sea Arbitration. [Электронный ресурс]. // San Francisco Call. – 1892. – Vol.

72 (167). – 14 ноя. – URL: http://cdnc.ucr.edu/cgi-bin/cdnc?a=d&d=SFC18921114.2.2 (дата обращения: 26.01.2025).

1149. Imposing Sanctions on the International Criminal Court. Executive Order // White House: сайт. [Электронный ресурс]. – 2025. – 6 фев. – URL: https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/02/imposing-sanctions-on-the-international-criminal-court/ (дата обращения - 08.02.2025).

1150. KBS News. [속보] 윤석열 대통령 '구속 기소'...검찰 고심 끝 결론 / 2025년 1월 26일 [Видео] // YouTube: официальный канал KBS News. – 2025. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=svC-BqnrqYk (дата обращения: 11.09.2025).

1151. *Kopylova E.* Everybody Has Friends, Why Not the ICC: on the Court's Power to Appoint *Amicus curiae* Prosecutors / Ekaterina Kopylova. [Электронный ресурс]. – 2016. – 12 май. – URL: http://opiniojuris.org/2016/05/12/everybody-has-friends-why-not-the-icc-on-the-courts-power-to-appoint-amicus-curiae-prosecutors/ (дата обращения: 26.01.2025).

1152. *Mabanga Gh.* Mise en œuvre des compétences répressives subsidiaires de la Cour pénale internationale / Ghislain Mabanga. [Электронный ресурс]. // Lettre «Actualités Droits-Libertés» du CREDOF. – 2013. – 6 дек. – URL: https://revdh.files.wordpress.com/2013/12/lettre-adl-du-credof-6-decembre-2013.pdf (дата обращения – 26.01.2025).

1153. *Maupas S.* Procès Gbagbo: la bourde du témoin P547 et les soupçons du juge // Le Monde: сайт. – [Электронный ресурс]. – 2016. – 4 фев. – URL: http://www.lemonde.fr/afrique/article/2016/02/04/proces-gbagbo-la-bourde-du-temoin-p547-et-les-soupcons-du-juge_4859285_3212.html#DOOqYKTA9cuvlKmx.99 (дата обращения: 26.01.2025).

1154. *Mulvey C.* Ooops, Forgot Something / Crowe Mulvey Blog: сайт. [Электронный ресурс]. – 2018. – 23 янв. – URL: https://www.croweandharris.com/blog/2018/january/ooops-forgot-something/ (дата обращения: 22.05.2025).

1155. Office of the Prosecutor // International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia: сайт. [Электронный ресурс]. – 1996. – 30 сен. – URL: http://www.icty.org/en/about/office-of-the-prosecutor (дата обращения: 26.01.2025).

1156. *Ribeiro C.* Intervention at the International Bar Association Round table discussion 'Witnesses Under Threat? Part 2: The International Criminal Court and managing/protecting witnesses' / Cristina Ribeiro. [Электронный ресурс]. – 2013. – 15 июл. – URL: http://www.ibanet.org/Article/Detail.aspx?ArticleUid=EDFE91E7-ED49-4CB1-B125-528EB35C35B9 (дата обращения: 26.01.2025).

1157. Rwandan Gets Life Sentence for War Crimes // NBC News: сайт. – [Электронный ресурс]. – 2009. – 29 дек. – URL:

http://www.nbcnews.com/id/33536894/ns/world_newsafrica/t/rwandan-gets-life-sentence-war-crimes/#.V4nfSLiLSUk (дата обращения: 26.01.2025).

1158. Simbikangwa condamné à 25 ans de prison au procès historique du génocide rwandais // Le Monde: сайт. [Электронный ресурс]. – 2014. – 14 мар. – URL: http://www.lemonde.fr/afrique/article/2014/03/14/simbikangwa-condamne-a-25-ans-deprison-au-proces-historique-du-genocide-rwandais_4383555_3212.html (дата обращения: 26.01.2025).

1159. *Simons M.* Belgian Jury Convicts 4 of 1994 War Crimes in Rwanda. [Электронный ресурс]. // The New York Times. – 2001. – 9 июн. – URL: http://www.nytimes.com/2001/06/09/world/09RWAN.html (дата обращения: 26.01.2025).

1160. *Spijkers O.* District Court in The Hague makes use of right to exercise universal jurisdiction / Otto Spijkers. [Электронный ресурс]. – 2009. – 5 июн. – URL: https://invisiblecollege.weblog.leidenuniv.nl/2009/06/05/universal-jurisdiction-indutch-courts/ (дата обращения: 26.01.2025).

1161. Stanford’s David Sklansky on Special Prosecutor Jack Smith’s Case Against Trump [Электронный ресурс]. // Stanford Law School: сайт. – 2024. – 7 окт. – URL: https://law.stanford.edu/2024/10/07/stanfords-david-sklansky-on-special-prosecutor-jack-smiths-case-against-trump/ (дата обращения: 10.09.2025&

1162. *Whiting A.* Lenient Sentences in Int’l Criminal Court Obstruction Case Undermine Court’s Authority / Alex Whiting. [Электронный ресурс]. – 2017. – 27 мар. – URL: https://www.justsecurity.org/39258/lenient-sentences-intl-criminal-courtobstruction-case-undermine-courts-authority/ (дата обращения: 26.01.2025).

1163. Бастрыкин призвал готовить международный суд над киевскими преступниками // РИА Новости: сайт. [Электронный ресурс]. – 2023. – 17 мар. – URL: https://ria.ru/20230317/sud-1858610030.html (дата обращения - 01.02.2025).

1164. В МУС направили более 500 исков о преступлениях киевского режима // РИА Новости: сайт. [Электронный ресурс]. – 2023. – 26 сен. – URL: https://ria.ru/20230926/ukraina-1898821722.html (дата обращения - 01.02.2025).

1165. Военные покидают парламент Южной Кореи после отмены военного положения // ТАСС: официальный сайт. [Электронный ресурс]. – 2024. – 3 дек. – URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/22565093 (дата обращения: 11.09.2025).

1166. Комсомольская правда: «Бастрыкин предложил собрать международный трибунал над украинскими националистами» // Следственный комитет Российской Федерации: сайт. [Электронный ресурс]. – 2022. – 25 июл. – URL: http://sledcom.ru/press/smi/item/1709442/ (дата обращения - 01.02.2025).

1167. Миссия РФ при ООН прокомментировала решение подтвердить пожизненный приговор Младичу // ТАСС: сайт. [Электронный ресурс]. – 2021. – 9 июн. – URL: https://tass.ru/politika/11601365 (дата обращения - 01.02.2025).

1168. Правящая партия Японии решила ужесточить устав из-за коррупционного скандала // ТАСС: официальный сайт. [Электронный ресурс]. – 2023. – 17 мар. – URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/20255549 (дата обращения: 11.09.2025).

1169. Президент Южной Кореи объявил о введении военного положения // РИА Новости: официальный сайт. [Электронный ресурс]. – 2024. – 3 дек. – URL: https://ria.ru/20241203/koreya-1987128091.html (дата обращения: 11.09.2025).

1170. Проблемы правомерности деятельности Международного уголовного суда (заключение Международно-правового совета при МИД России) // МИД России: сайт. [Электронный ресурс]. – 2024. – 8 май. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/aktual_nyye_voprosy_mezhdunarodnogo_prava_pozitsiya_rossii/1949021/ (дата обращения - 01.02.2025).

1171. *Ратнер С.* Категории военных преступлений / Стивен Ратнер. [Электронный ресурс]. // Военные преступления. Это надо знать всем. – URL: http://www.index.org.ru/crimesofwar/cowc.html (дата обращения: 26.01.2025).

1172. *Синякин И.И.* Выступление на панели «Будущее международного права» в рамках научно-фантастического симпозиума «Создавая будущее». – 2024. – 6 ноя. – URL: https://future.russia.ru/program/budushhee-mezdunarodnogo-prava (дата обращения - 01.02.2025).

1173. Спецпрокурор Южной Кореи предъявил обвинение бывшим премьеру и первой леди // Интерфакс: официальный сайт. [Электронный ресурс]. – 2025. – 28 авг. – URL: https://www.interfax.ru/world/1044607 (дата обращения: 11.09.2025).

1174. Трамп ввел санкции против МУС // РБК: сайт. [Электронный ресурс]. – 2025. – 7 фев. – URL: https://www.rbc.ru (дата обращения - 08.02.2025).

1175. Larousse.fr: encyclopédie et dictionnaires gratuits en ligne: сайт. [Электронный ресурс]. – Paris. – URL: http://www.larousse.fr/ (дата обращения: 26.01.2025).

1176. Unites Nations Treaty Collection: сайт. – United Nations. [Электронный ресурс]. – URL: https://treaties.un.org/ (дата обращения: 26.01.2025).

1177. Официальный интернет-портал правовой информации: сайт. [Электронный ресурс]. – Москва. –. URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 26.01.2025).

1178. Большой юридический словарь: сайт. [Электронный ресурс]. – «Петролекс», 1996 – 2025. – URL: http://petroleks.ru/dictionaries/ (дата обращения: 26.01.2025).

1179. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка: сайт. [Электронный ресурс]. – Москва, 2000. – URL: https://efremova.slovaronline.com/ (дата обращения: 26.01.2025).

1180. Словарь Ожегова: Толковый словарь русского языка: сайт. [Электронный ресурс]. – С.И. Ожегов. 2008-2024. URL: https://slovarozhegova.ru/ (дата обращения: 26.01.2025).

Приложение

Элементы преступлений против отправления международного уголовного правосудия, составляющих предмет субсидиарной подсудности органам международной уголовной юстиции

A. Дача ложных показаний под присягой либо на стадии предварительного расследования

(*ч. «B» и «H» правила 91 ППД МТБЮ; ч. «B» и «H» правила 91 ППД МТР; ч. «B» и «H» правила 108 ППД МОМУТ; п. «i» ч. «A» правила 60bis, ч. «A» и «H» правила 152 ППД СТЛ; ч. «B» и «d» правила 91 ППД СССЛ; ч. «B» и «d» правила 91 ППД ОССЛ; п. «a» ч. 1 ст. 70 Римского статута МУС 1998 г.***)**

	Русский	English	Français
1.	Лицо приняло присягу говорить правду или было освобождено от присяги, но предупреждено о наступлении уголовной ответственности за дачу ложных показаний.	The perpetrator made a solemn undertaking to tell the truth or was allowed to testify without such solemn undertaking, but was duly informed of the criminal liability attached to the false testimony.	L'auteur a pris un engagement solennel de dire la vérité ou a été autorisé à temoigner sans prendre cet engagement, à condition qu'il ait été dûment informé de la responsabilité pénale encourue en cas de faux témoignage.
2.	Лицо дало показания.	The perpetrator testified.	L'auteur a fait un témoignage.
3.	Показания, данные лицом, не соответствовали действительности.	That testimony was false.	Ce témoignage était faux.
4.	Лицо намеревалось дать ложные показания.	The perpetrator meant to testify falsely.	L'auteur entendait faire un faux témoignage.
5.	Лицо знало, что данные им показания не соответствуют действительности.	The perpetrator knew that the testimony was false.	L'auteur était conscient que son temoignage était faux.
6.	Лицо знало, что оно находится под присягой или что за дачу ложных показаний ему грозит уголовная ответственность.	The perpetrator knew that they were under an obligation to tell the truth or that falsely testifying is a punishable offence.	L'auteur était conscient qu'il était sous l'engagement de dire la vérité ou que faire un faux témoignage était passible d'une peine criminelle.

	Español	中文文本	العربية
1.	La persona prestó juramento de decir la verdad o fue eximida de jurarlo, pero fue debidamente advertida sobre la responsabilidad penal por prestar falso testimonio.	当事人已宣誓讲真话，或被免于宣誓，但已被正式告知作伪证将承担刑事责任。	أدّى الشخص القسم بأن يقول الحق أو أُعفي من أداء القسم، ولكنه أُبلغ بشكل رسمي بمسؤوليته الجنائية عن الإدلاء بشهادة زور.
2.	La persona prestó testimonio.	当事人作证。	أدلى الشخص بشهادته.
3.	Los testimonios prestados por la persona no se correspondían con la verdad.	当事人所作的证言不符合事实。	لم تتطابق الشهادات التي أدلى بها الشخص مع الحقيقة.
4.	La persona tenía la intención de prestar falso testimonio.	当事人有意作伪证。	كان لدى الشخص نية الإدلاء بشهادة زور.
5.	La persona sabía que su testimonio era falso.	当事人知道其证言是虚假的。	كان الشخص يعلم أن شهادته كانت خاطئة.
6.	La persona sabía que estaba bajo juramento de decir la verdad o que prestar falso testimonio constituye un delito punible.	当事人知道其处于宣誓讲真话的义务之下，或知道作伪证属于可处罚的犯罪行为。	كان الشخص يعلم بأنه ملزم بالقسم لقول الحق أو أن الإدلاء بشهادة زور يشكل جريمة يعاقب عليها القانون.

Б. **Представление заведомо ложных или сфальсифицированных доказательств**
(п. «b» ч. 1 ст. 70 Римского статута МУС)

	Русский	English	Français
1.	Лицо представило доказательство.	The perpetrator presented evidence.	L’auteur a présenté un élément de preuve.
2.	Доказательство было ложное или сфальсифицированное.	That evidence was false or forged.	Cet élément de preuve était faux ou falsifié.
3.	Лицо намеревалось представить ложное или сфальсифицированное	The perpetrator meant to present evidence that was false or forged.	L’auteur entendait présenter un élément de preuve faux ou falsifié.

	доказательство.		
4.	Лицо знало, что представляемое им доказательство являлось ложным или сфальсифицированным.	The perpetrator knew that the evidence they presented was false or forged.	L'auteur était conscient que l'élément de preuve par lui présenté était faux ou falsifié.
	Español	**中文文本**	**العربية**
1.	La persona presentó una prueba.	当事人提交了证据。	قدّم الشخصُ أدلةً.
2.	La prueba presentada era falsa o falsificada.	提交的证据是虚假的或被伪造的。	كانت الأدلة المقدمةُ كاذبةً أو مزوّرةً.
3.	La persona tenía la intención de presentar una prueba falsa o falsificada.	当事人打算提交虚假或伪造的证据。	كانَ الشخصُ ينوي تقديمَ أدلةٍ كاذبةٍ أو مزوّرةٍ.
4.	La persona sabía que la prueba que presentó era falsa o falsificada.	当事人知道他提交的证据是虚假或伪造的。	كانَ الشخصُ يعلم أن الأدلة التي قدّمها كانت كاذبةً أو مزوّرةً.

B. Противоправное оказание воздействия на свидетеля

(п. «iv» ч. «A» правила 77 ППД МТБЮ, п. «iv» ч. «A» правила 77 ППД МТР, п. «iv» ч. «A» правила 77 ППД СССЛ, п. «iv» ч. «A» правила 77 ППД ОССЛ, п. «iv» ч. «A» правила 90 ППД МОМУТ; п. «c» ч. 1 ст. 70 Римского статута МУС 1998 г.)

	Русский	**English**	**Français**
1.	Лицо действовало способом, нарушающим нормы права, либо правомерным, но преследующим противоправную цель, и направленным на оказание влияния на свидетеля или потенциального свидетеля в международном уголовном процессе.	The perpetrator acted through illegal means or through legal means, but in pursuit of an illegal goal, to influence a witness or a potential witness before an international criminal tribunal.	L'auteur a agi en usant des moyens illégaux, ou légaux, mais dans un but illégal, en vue d'influencer un témoin ou un témoin potentiel devant une juridiction pénale internationale.
2.	Лицо намеревалось оказать влияние на свидетеля или потенциального	The perpetrator meant to influence a witness or a potential witness before an international criminal	L'auteur entendait influencer un témoin ou un témoin potentiel devant une juridiction pénale

	свидетеля в международном уголовном процессе.	tribunal.	internationale.
3.	Лицо знало, что объектом его влияния является свидетель или потенциальный свидетель в международном уголовном процессе.	The perpetrator knew that the person they were trying to influence was a witness or a potential witness before an international criminal tribunal.	L'auteur était conscient que la personne qu'il tentait d'influencer était un témoin ou un témoin potentiel devant une juridiction pénale internationale.
	Español	**中文文本**	**العربية**
1.	La persona actuó mediante medios ilegales o mediante medios legales, pero con un fin ilícito, con el propósito de influir en un testigo o posible testigo ante un tribunal penal internacional.	当事人通过非法手段，或通过合法但具有非法目的的手段， 意图影响国际刑事法庭的证人或潜在证人。	تصرف الشخص بوسائل غير قانونية أو بوسائل قانونية ولكن لهدف غير قانوني، بهدف التأثير على شاهد أو شاهد محتمل أمام محكمة جنائية دولية.
2.	La persona tenía la intención de influir en un testigo o posible testigo ante un tribunal penal internacional.	当事人意图影响国际刑事法庭的证人或潜在证人。	كان لدى الشخص نية التأثير على شاهد أو شاهد محتمل أمام محكمة جنائية دولية.
3.	La persona sabía que la persona sobre la cual intentaba influir era un testigo o posible testigo ante un tribunal penal internacional.	当事人知道其试图影响的人是国际刑事法庭的证人或潜在证人。	كان الشخص يعلم أن الشخص الذي حاول التأثير عليه هو شاهد أو شاهد محتمل أمام محكمة جنائية دولية.

Г. Создание препятствий, устрашение или противоправное воздействие на должностное лицо суда с целью принудить или убедить должностное лицо не выполнять или выполнять ненадлежащим образом свои обязанности

(п. «v» ч. «A» правила 77 ППД МТБЮ, п. «v» ч. «A» правила 77 ППД МТР, п. «v» ч. «A» правила 77 ППД СССЛ, п. «v» ч. «A» правила 77 ППД ОССЛ, п. «v» ч. «A» правила 90 ППД МОМУТ; п. «vi» ч. «A» правила 60bis ППД СТЛ; п. «d» ч. 1 ст. 70 Римского статута МУС 1998 г.)

	Русский	**English**	**Français**
1.	Лицо действовало способом,	The perpetrator acted through illegal means or	L'auteur a agi en usant des moyens illégaux,

	нарушающим нормы права, либо правомерным, но преследующим противоправную цель, и направленным на оказание влияния на должностное лицо международного уголовного трибунала, с тем чтобы принудить или убедить его не исполнять или исполнять недолжным образом свои обязанности.	through legal means, but in pursuit of an illegal goal, to influence an official of an international criminal tribunal by forcing or persuading them not to perform, or to perform improperly, their functions.	ou légaux, mais dans un but illégal, en vue d'influencer un fonctionnaire d'une juridiction pénale internationale afin de l'amener, par la contrainte ou la persuasion, à ne pas accomplir ses fonctions ou à ne pas les accomplir comme il faut.
2.	Лицо намеревалось оказать влияние на должностное лицо международного уголовного трибунала.	The perpetrator meant to influence an official of an international criminal tribunal.	L'auteur entendait agir en vue d'influencer un fonctionnaire d'une juridiction pénale internationale.
3.	Лицо намеревалось принудить или убедить должностное лицо международного уголовного трибунала не исполнять или исполнять недолжным образом свои обязанности.	The perpetrator meant to force or to persuade an official not to perform, or to perform improperly, their functions	L'auteur entendait amener le fonctionnaire à ne pas accomplir ses fonctions ou à ne pas les accomplir comme il faut
4.	Лицо знало, что объектом его воздействия является должностное лицо международного уголовного трибунала.	The perpetrator knew that the person they were trying to influence was an official of an international criminal tribunal.	L'auteur était conscient que la personne qu'il tentait d'influencer était un fonctionnaire d'une juridiction pénale internationale.
	Español	**中文文本**	**العربية**
1.	La persona actuó mediante medios ilegales o mediante medios legales, pero con un fin ilícito, con el propósito de influir en un funcionario de un tribunal penal internacional, forzándolo o persuadiéndolo para que no cumpla sus funciones o para que las cumpla indebidamente.	当事人通过非法手段，或通过合法但具有非法目的的手段，旨在影响国际刑事法庭的官员，通过强迫或说服其不履行或不正当履行职责。	تصرف الشخص بواسطة وسائل غير قانونية أو عبر وسائل قانونية ولكن بهدف غير قانوني، وذلك للتأثير على موظف في محكمة جنائية دولية من خلال إجباره أو إقناعه بعدم أداء مهامه أو بأداء غير صحيح لها.
2.	La persona tenía la intención de influir en un funcionario de un tribunal penal internacional.	当事人意图影响国际刑事法庭的官员。	كان لدى الشخص نية التأثير على موظف في محكمة جنائية دولية.
3.	La persona tenía la intención de forzar o	当事人意图强迫或说服该官员不履行或不正当	كان لدى الشخص نية إجبار أو إقناع الموظف بعدم أداء

	persuadir a un funcionario para que no cumpla sus funciones o para que las cumpla indebidamente.	履行职责。	مهامه أو بأداء غير صحيح لها.
4.	La persona sabía que la persona sobre la cual intentaba influir era un funcionario de un tribunal penal internacional.	当事人知道其试图影响的人是国际刑事法庭的官员。	كان الشخص يعلم أن الشخص الذي حاول التأثير عليه هو موظف في محكمة جنائية دولية.

Д. **Воспрепятствование или создание помех присутствию свидетеля или даче им показаний**

(п. «c» ч. 1 ст. 70 Римского статута МУС)

	Русский	**English**	**Français**
	Лицо действовало с целью не допустить присутствие либо дачу показаний свидетелем в международном уголовном процессе.	The perpetrator acted to prevent the appearance or testimony of a witness before an international criminal tribunal.	L’auteur a agi en vue d’empêcher un témoin de comparaître ou de déposer librement devant une juridiction pénale internationale.
2.	Лицо намеревалось действовать с этой целью.	The perpetrator meant to act in such way.	L’auteur entendait agir de la sorte.
3.	Лицо знало, что объектом его воздействия является свидетель.	The perpetrator knew that the person whose appearance or testimony they were trying to prevent was a witness before an international criminal tribunal.	L’auteur était conscient que la personne dont il tentait d’empêcher la comparution ou le libre temoignage était un témoin devant une juridiction pénale internationale.
	Español	**中文文本**	**العربية**
	La persona actuó con el propósito de impedir la comparecencia o la declaración de un testigo ante un tribunal penal internacional.	当事人采取行动旨在阻止国际刑事法庭的证人出庭或作证。	تصرف الشخص بهدف منع حضور شاهد أو الإدلاء بشهادة أمام محكمة جنائية دولية.
2.	La persona tuvo la intención de actuar con	当事人意图采取此类行动。	كان لدى الشخص نية التصرف بهذا الهدف.

	ese propósito.		
3.	La persona sabía que el objeto de su influjo era un testigo ante un tribunal penal internacional.	当事人知道其试图阻止出庭或作证的人是国际刑事法庭的证人。	كان الشخص يعلم أن الشخص الذي حاول منعه من الحضور أو الإدلاء بشهادته هو شاهد أمام محكمة جنائية دولية.

E. **Действия в отношении свидетеля из мести за дачу им показаний или в отношении должностного лица суда из мести за исполнение этим или иным должностным лицом своих обязанностей**

(пп. «c» и «e» ч. 1 ст. 70 Римского статута МУС 1998 г.)

	Русский	**English**	**Français**
	Лицо совершило деяние, направленное на существенное ухудшение положения свидетеля или должностного лица по сравнению с тем, что предшествовало его совершению.	The perpetrator acted to significantly worsen the position of a witness or an official of an international criminal tribunal as compared to before.	L’auteur a agi en vue de faire empirer de manière significative la situation d’un témoin ou d’un fonctionnaire d’une juridiction pénale internationale comparé à sa situation d’avant.
2.	Деяние было противоправным.	The perpetrator acted unlawfully.	L’auteur a agi de façon illégale.
3.	Имелась причинно-следственная связь между правомерной деятельностью свидетеля, этого или другого должностного лица и противоправным деянием лица.	There was a causal relationship between the correct performance of their duties by the witness, this or another official of the tribunal and the perpetrator’s act.	Une relation de causalité éxistait entre l’acquittement légal par le témoin, le fonctionnaire ou un autre fonctionnaire de leurs obligations et les agissements de l’auteur.
4.	Лицо действовало умышленно.	The perpetrator acted intentionally.	L’auteur a agi avec intention.
5.	Лицо знало, что в результате совершения им деяния положение свидетеля или должностного лица может существенно ухудшиться.	The perpetrator knew that their act may have significantly worsen the position of a witness or an official of an international criminal tribunal.	L’auteur était conscient que ses agissements étaient susceptibles de faire empirer de manière significative la situation d’un témoin ou d’un fonctionnaire d’une juridiction pénale internationale.
	Español	**中文文本**	**العربية**

	La persona cometió un acto dirigido a empeorar significativamente la situación de un testigo o funcionario de un tribunal penal internacional en comparación con la situación anterior a la comisión de dicho acto.	当事人实施了旨在使证人或国际刑事法庭官员的处境相比其行为发生前显著恶化的行为。	ارتكب الشخص فعلاً يهدف إلى الإضرار بشكل كبير بوضع شاهد أو موظف في محكمة جنائية دولية مقارنة بما كان عليه الوضع قبل ارتكاب هذا الفعل.
2.	El acto fue ilícito.	该行为是非法的。	كان الفعل غير قانوني.
3.	Existía una relación causal entre el cumplimiento legítimo de sus deberes por parte del testigo, este u otro funcionario y el acto ilícito de la persona.	证人、该官员或另一官员合法履行职责与当事人实施的非法行为之间存在因果关系。	كانت هناك علاقة سببية بين الأداء القانوني للواجبات من قبل الشاهد أو هذا الموظف أو موظف آخر والفعل غير القانوني الذي ارتكبه الشخص.
4.	La persona actuó con intención.	当事人是故意为之。	تصرف الشخص عن عمد.
5.	La persona sabía que, como resultado de su acto, la situación del testigo o funcionario podría empeorar significativamente.	当事人知道其行为可能会使证人或国际刑事法庭官员的处境显著恶化。	كان الشخص يعلم أن فعله قد يؤدي إلى تدهور كبير في وضع الشاهد أو الموظف في محكمة جنائية دولية.

Ж. **Уничтожение доказательств**

(п. «с» ч. 1 ст. 70 Римского статута МУС)

	Русский	**English**	**Français**
	Лицо физически устранило материалы или информацию, которые могут иметь значение для международного уголовного разбирательства.	The perpetrator physically destroyed materials or information that might have been relevant to the adjudication of issues in the international criminal proceedings.	L’auteur a détruit matériel ou données qui auraient pu être pertinents pour une procédure pénale internationale.
2.	Лицо намеревалось устранить такие материалы или информацию.	The perpetrator meant to destroy such materials or information.	L’auteur entendait détruire ce matériel ou données.
3.	Лицо знало или должно было знать, что такие материалы или информация могут	The perpetrator knew or should have known that such materials or information might have been	L’auteur était conscient ou aurait dû être conscient que ce matériel ou données auraient

	иметь значение для международного уголовного разбирательства.	relevant to the adjudication of issues in the international criminal proceedings.	pu être pertinents pour une procedure pénale internationale.
	Español	**中文文本**	**العربية**
	La persona destruyó físicamente materiales o información que podrían haber sido relevantes para la resolución de cuestiones en un proceso penal internacional.	当事人故意破坏了可能与国际刑事诉讼程序中问题的裁决相关的材料或信息。	قام الشخص بتدمير مادي للمواد أو المعلومات التي قد تكون ذات صلة بالفصل في القضايا المنظورة في الإجراءات الجنائية الدولية.
2.	La persona tuvo la intención de destruir dichos materiales o información.	当事人有意破坏该等材料或信息。	كان لدى الشخص نية لتدمير هذه المواد أو المعلومات.
3.	La persona sabía o debió haber sabido que dichos materiales o información podrían haber sido relevantes para la resolución de cuestiones en un proceso penal internacional.	当事人知道或应当知道该等材料或信息可能与国际刑事诉讼程序中问题的裁决相关。	كان الشخص يعلم أو كان ينبغي أن يعلم أن هذه المواد أو المعلومات قد تكون ذات صلة بالفصل في القضايا المنظورة في الإجراءات الجنائية الدولية.

3. Фальсификация доказательств

(п. «c» ч. 1 ст. 70 Римского статута МУС)

	Русский	**English**	**Français**
	Лицо совершило подлог доказательства.	The perpetrator falsified evidence.	L’auteur a falsifié un élément de prevue.
2.	Лицо намеревалось совершить подлог доказательства.	The perpetrator meant to falsify evidence.	L’auteur entendait falsifier un élément de preuve.
3.	Лицо знало или должно было знать, что совершаемый им подлог касается доказательства в международном уголовном процессе.	The perpetrator knew or should have known that the falsification concerned evidence in an international criminal procedure.	L’auteur était conscient ou aurait dû être conscient qu’il falsifait un élément de preuve dans une procédure pénale internationale.
		中文文本	**العربية**

	Español		
	El autor falsificó una prueba.	行为人伪造了证据。	ارتكب الشخص تزويرًا في الأدلة.
2.	El autor tuvo la intención de falsificar una prueba.	行为人有意伪造证据。	كان لدى الشخص نية لارتكاب تزوير في الأدلة.
3.	El autor sabía o debía haber sabido que la falsificación concernía a una prueba en un procedimiento penal internacional.	行为人知道或应当知道其伪造的证据涉及国际刑事诉讼程序中的证据。	كان الشخص يعلم أو كان ينبغي أن يعلم أن التزوير يتعلق بأدلة في إجراء جنائي دولي.

И. Препятствование сбору доказательств

(п. «c» ч. 1 ст. 70 Римского статута МУС)

	Русский	English	Français
	Лицо препятствовало сбору доказательств в международном уголовном процессе.	The perpetrator interfered with the collection of evidence in the international criminal proceedings.	L'auteur a entravé la collecte des éléments de preuve dans une procédure pénale internationale.
2.	Лицо намеревалось препятствовать сбору доказательств международном уголовном процессе.	The perpetrator meant to interfere with the collection of evidence in the international criminal proceedings.	L'auteur entendait entraver la collecte des éléments de preuve dans une procédure pénale internationale.
3.	Лицо знало, что оно препятствует сбору доказательств в международном уголовном процессе.	The perpetrator knew that they were interfering with the collection of evidence in the international criminal proceedings.	L'auteur était conscient qu'il entravait la collecte des éléments de preuve dans une procédure pénale internationale.
	Español	**中文文本**	**العربية**
	La persona entorpeció la recopilación de pruebas en el proceso penal internacional.	个人妨碍了国际刑事诉讼程序中的证据收集。	اعترض الشخص على جمع الأدلة في إجراءات جنائية دولية.
2.	La persona tuvo la intención de entorpecer	个人意图妨碍国际刑事诉讼程序中的证据收集	كان لدى الشخص نية اعتراض جمع الأدلة في إجراءات

	la recopilación de pruebas en el proceso penal internacional.	。	جنائية دولية.
3.	La persona sabía que estaba entorpeciendo la recopilación de pruebas en el proceso penal internacional.	个人知道其妨碍了国际刑事诉讼程序中的证据收集。	كان الشخص يعلم أنه يعترض على جمع الأدلة في إجراءات جنائية دولية.

К. **Вымогательство взятки должностным лицом международного уголовного суда**

(п. «f» ч. 1 ст. 70 Римского статута МУС; п. «viii» ч. «A» правила 77 ППД ОССЛ)

	Русский	**English**	**Français**
	Лицо выдвинуло требование о предоставлении ему «неправомерного преимущества» в любой форме.	The perpetrator solicited an undue advantage in any form.	L’auteur a sollicité un quelconque avantage indû.
2.	Лицо являлось должностным лицом международного уголовного суда.	The perpetrator was an official of an international criminal tribunal.	L’auteur était un fonctionnaire d’une juridiction pénale internationale.
3.	Требование лица было обусловлено совершением либо воздержанием лица от совершения какого-либо действия в связи с выполнением им своих служебных обязанностей.	The perpetrator solicited the undue advantage in exchange for performing or not performing an action in relation to their duties as official of an international criminal tribunal.	L’auteur a sollicité cet avantage en contrepartie d’une performance ou non-performance d’une action en lien avec ses fonctions en tant que fonctionaire d’une juridiction pénale internationale.
4.	Должностное лицо намеревалось требовать предоставления ему «неправомерного преимущества» в обмен на совершение либо воздержание от совершения какого-либо действия в связи с выполнением им своих служебных обязанностей.	The perpetrator meant to solicit an undue advantage in exchange for performing or not performing an action in relation to their duties as official of an international criminal tribunal.	L’auteur entendait solliciter cet avantage en contrepartie d’une performance ou non-performance d’une action en lien avec ses fonctions en tant que fonctionaire d’une juridiction pénale internationale.
	Español	中文文本	**العربية**

1.	La persona solicitó una ventaja indebida en cualquier forma.	个人以任何形式索取不当利益。	طلب الشخص ميزة غير مشروعة بأي شكل من الأشكال.
2.	La persona era funcionario de un tribunal penal internacional.	个人是国际刑事法庭的官员。	كان الشخص موظفًا في محكمة جنائية دولية.
3.	La solicitud de la persona estaba condicionada a la realización o abstención de realizar algún acto en relación con sus funciones como funcionario de un tribunal penal internacional.	该个人索取不当利益是以履行或不履行其作为国际刑事法庭官员的职务相关行为为条件的。	كان طلب الشخص مشروطًا بأداء أو الامتناع عن أداء أي فعل فيما يتعلق بواجباته كموظف في محكمة جنائية دولية.
4.	El funcionario tuvo la intención de solicitar una ventaja indebida a cambio de realizar o abstenerse de realizar un acto en relación con sus funciones como funcionario de un tribunal penal internacional.	该官员意图为了履行或不履行其作为国际刑事法庭官员的职务相关行为而索取不当利益。	كان الموظف يعتزم طلب ميزة غير مشروعة مقابل أداء أو الامتناع عن أداء أي فعل فيما يتعلق بواجباته كموظف في محكمة جنائية دولية.

Л. **Получение взятки должностным лицом международного уголовного суда**

(п. «f» ч. 1 ст. 70 Римского статута МУС; п. «viii» ч. «A» правила 77 ППД ОССЛ)

	Русский	**English**	**Français**
	Лицо приняло «неправомерное преимущество» в любой форме.	The perpetrator accepted an undue advantage in any form.	L’auteur a accepté un quelconque avantage indû.
2.	Лицо являлось должностным лицом международного уголовного суда.	The perpetrator was an official of an international criminal tribunal.	L’auteur était un fonctionnaire d’une juridiction pénale internationale.
3.	Принятие «неправомерного преимущества» было обусловлено совершением либо воздержанием должностного лица от совершения какого-либо действия в связи с выполнением им своих служебных	The perpetrator accepted the undue advantage in exchange for performing or not performing an action in relation to their duties as official of an international criminal tribunal.	L’auteur a accepté cet avantage en contrepartie d’une performance ou non-performance d’une action en lien avec ses fonctions en tant que fonctionaire d’une juridiction pénale internationale.

	обязанностей.		
4.	Должностное лицо намеревалось принять «неправомерное преимущество» в обмен на совершение либо воздержание от совершения какого-либо действия в связи с выполнением им своих служебных обязанностей.	The perpetrator meant to accept the undue advantage in exchange for performing or not performing an action in relation to their duties as official of an international criminal tribunal.	L'auteur entendait accepter cet avantage en contrepartie d'une performance ou non-performance d'une action en lien avec ses fonctions en tant que fonctionaire d'une juridiction pénale internationale.
	Español	**中文文本**	**العربية**
	La persona aceptó una ventaja indebida en cualquier forma.	个人以任何形式接受不当利益。	قبل الشخص ميزة غير مشروعة بأي شكل من الأشكال.
2.	La persona era un funcionario de un tribunal penal internacional.	个人是国际刑事法庭的官员。	كان الشخص موظفاً في محكمة جنائية دولية.
3.	La aceptación de la ventaja indebida estuvo condicionada a la realización o abstención de realizar algún acto en relación con sus funciones como funcionario de un tribunal penal internacional.	接受不当利益是以履行或不履行其作为国际刑事法庭官员的职务相关行为为条件。	كان قبول الشخص للميزة غير المشروعة مشروطاً بأداء أو الامتناع عن أداء أي فعل يتعلق بواجباته كموظف في محكمة جنائية دولية.
4.	El funcionario tuvo la intención de aceptar una ventaja indebida a cambio de realizar o abstenerse de realizar algún acto en relación con sus funciones como funcionario de un tribunal penal internacional.	该官员意图为了履行或不履行其作为国际刑事法庭官员的职务相关行为而接受不当利益。	كان الموظف يعتزم قبول ميزة غير مشروعة مقابل أداء أو الامتناع عن أداء أي فعل يتعلق بواجباته كموظف في محكمة جنائية دولية.

M. **Разглашение сведений, составляющих судебную тайну либо тайну следствия**

(П. «ii» ч. «A» правила 77 ППД МТБЮ, п. «ii» ч. «A» правила 77 ППД МТР, п. «ii» ч. «A» правила 77 ППД СССЛ, п. «ii» ч. «A» правила 77 ППД ОССЛ, п. «iii» ч. «A» правила 60bis ППД СТЛ, п. «ii» ч. «A» правила 90 ППД МОМУТ)

	Русский	English	Français
	Лицо предало огласке сведения, составляющие судебную тайну либо тайну следствия.	The perpetrator disclosed information constituting judicial secret or secret of the investigations.	L’auteur a divulgué des informations classées secret judiciaire ou secret de l’instruction.
2.	Лицо намеревалось предать огласке сведения, составляющие судебную тайну либо тайну следствия.	The perpetrator meant to disclose such information.	L’auteur entendait divulguer de telles informations.
3.	Лицо: а) знало, что разглашаемая им информация является тайной следствия либо судебной тайной; б) подозревало, что разглашаемая им информация является тайной следствия либо судебной тайной, или знало, что вероятность этого крайне высока, однако не предприняло никаких действий, направленных на выяснение этого, потому что желало иметь возможность впоследствии отрицать свое знание о конфиденциальном режиме этой информации либо просто не желало обнаружить ее подпадание под этот режим; или в) знало о наличии значительного и неоправданного риска нарушения им конфиденциального режима разглашаемой информации и сознательно его проигнорировало.	The perpetrator: a) knew that the information they disclosed constituted judicial secret or secret of the investigations; b) suspected that the information they disclosed constituted judicial secret or secret of the investigations or was aware that its this was highly probable but refrained from finding out whether this was the case because they wished to be able to deny knowledge of it or merely did not want to find out that it did exist; c) knew thatthere was a substantial and unjustifiable risk of them violating the confidentiality of this information and deliberately ignored it.	L’auteur: a) était conscient que les informations par lui divulguées étaient classées secret judiciaire ou secret de l’instruction; b) soupçonnait que les informations par lui divulguées était classées secret judiciaire ou secret de l’instruction ou savait que c’était fortement probable, mais s'est abstenu de vérifier si c’était le cas pour pouvoir le nier ou parce qu'il préférait l'ignorer; c) était conscient de l’existence d’un risque substantiel et injustifiable qu’il pourra violer la confidentialité de ces informations et a sciemment ignoré ce risque.
	Español	中文文本	**العربية**

	La persona difundió información que constituye secreto judicial o secreto de la instrucción.	个人泄露构成司法机密或侦查秘密的信息。	قام الشخص بالكشف عن معلومات تشكل سرية قضائية أو سرية التحقيقات.
2.	La persona tenía la intención de divulgar dicha información.	个人有意泄露该等信息。	كانت لدى الشخص نية الكشف عن تلك المعلومات.
3.	La persona: a) sabía que la información divulgada constituía secreto judicial o secreto de la instrucción; b) sospechaba que la información divulgada constituía secreto judicial o secreto de la instrucción o estaba al tanto de que era muy probable que así fuera, pero se abstuvo de comprobarlo porque deseaba poder negar tal conocimiento o simplemente no quería descubrir que dicha información estaba protegida por secreto; c) sabía que existía un riesgo sustancial e injustificado de violar la confidencialidad de dicha información y deliberadamente ignoró ese riesgo.	个人： a) 知道其泄露的信息构成侦查秘密或司法机密； b) 怀疑其泄露的信息构成侦查秘密或司法机密，或知道这种可能性极大，但为了能够否认知道该信息的机密性质或只是希望避免确认该信息的机密状态，选择不加核实； c) 明知其泄露的信息存在重大且不合理的违反保密义务的风险，且故意忽视该风险。	الشخص: أ) كان يعلم أن المعلومات التي كشف عنها تشكل سرية قضائية أو سرية التحقيقات؛ ب) كان يشتبه في أن المعلومات التي كشف عنها تشكل سرية قضائية أو سرية التحقيقات أو كان على علم بأنه من المحتمل جداً ذلك، ولكنه امتنع عن التحقق من ذلك لأنه رغب في أن يكون بإمكانه إنكار معرفته بحالة السرية هذه أو لأنه لم يرغب ببساطة في اكتشاف أن المعلومات تخضع لهذا النظام؛ ج) كان يعلم بوجود خطر كبير وغير مبرر بانتهاكه للسرية المتعلقة بهذه المعلومات وتجاهل هذا الخطر عن عمد.

H. **Содействие заведомо обвиняемому лицу в покидании пределов юрисдикции органа международной уголовной юстиции**

(п. «vi» ч. «A» Правила 77 ППД СССЛ, п. «vi» ч. «A» Правила 77 ППД ОССЛ)

	Русский	**English**	**Français**
	Лицо оказало помощь другому лицу в покидании пределов юрисдикции международного уголовного суда.	The perpetrator assisted another person in leaving the jurisdiction of an international criminal tribunal.	L’auteur a aidé une autre personne à quitter la juridiction d’un tribunal pénal international.
2.	В отношении лица, которому была оказана помощь, имеется либо имелась	The international criminal tribunal designated this person as a suspect or an accused in an active case	Ce tribunal pénal international a désigné cette autre personne en tant que suspect ou accusé

	на момент оказания помощи активная процедура в международном уголовном суде.	before it.	dans une procédure en cours.
3.	Лицо, которому была оказана помощь, покинуло либо попыталось покинуть пределы юрисдикции международного уголовного суда, однако не смогло это сделать по не зависящим от него обстоятельствам.	This person left, or attempted to leave the jurisdiction of the international criminal tribunal, but failed to do so due to circumstances beyond their control.	Cette autre personne a quitté ou tenté de quitter la juridiction de ce tribunal pénal international, mais cette tentative a échoué pour des raisons indépendantes de sa volonté.
4.	Лицо, оказывавшее помощь, действовало умышленно.	The perpetrator acted internationally.	L’auteur a agi avec intention.
5.	Лицо, оказывавшее помощь, знало, что в отношении другого лица имеется либо имелась на момент оказания помощи активная процедура в международном уголовном суде.	The perpetrator knew that the international criminal tribunal designated person whom they assisted as a suspect or an accused in an active case before it.	L’auteur était conscient que le tribunal pénal international avait désigné la personne qu’il aidait en tant que suspect ou accusé dans une procédure en cours.
	Español	**中文文本**	**العربية**
	La persona ayudó a otra persona a salir del territorio bajo la jurisdicción de un tribunal penal internacional.	个人协助他人离开国际刑事法庭的辖区。	قام الشخص بمساعدة شخص آخر على مغادرة نطاق اختصاص المحكمة الجنائية الدولية.
2.	La persona asistida fue designada por el tribunal penal internacional como sospechoso o acusado en un caso activo ante este tribunal.	该协助对象被国际刑事法庭指定为活跃案件中的嫌疑人或被告。	تم تعيين الشخص الذي تم تقديم المساعدة له من قبل المحكمة الجنائية الدولية كمشتبه به أو متهم في قضية جارية.
3.	La persona asistida salió o intentó salir del territorio bajo la jurisdicción del tribunal penal internacional, pero no pudo hacerlo por circunstancias ajenas a su voluntad.	该协助对象已离开或试图离开国际刑事法庭的辖区，但因超出其控制范围的情况未能成功。	غادر الشخص الذي تم تقديم المساعدة له أو حاول مغادرة نطاق اختصاص المحكمة الجنائية الدولية، لكنه فشل بسبب ظروف خارجة عن إرادته.
4.	La persona que brindó ayuda actuó con intención.	提供协助的个人是故意为之。	تصرف الشخص الذي قدم المساعدة بقصد متعمد.

5.	La persona que brindó ayuda sabía que el tribunal penal internacional había designado a la persona asistida como sospechoso o acusado en un caso activo ante dicho tribunal.	提供协助的个人知道国际刑事法庭已将其协助对象指定为活跃案件中的嫌疑人或被告。	كان الشخص الذي قدم المساعدة على علم بأن المحكمة الجنائية الدولية قامت بتعيين الشخص الذي ساعده كمشتبه به أو متهم في قضية جارية أمامها.

O. Клевета в отношении судьи или другого должностного лица международного уголовного суда

(п. «vii» ч. «A» правила 60bis ППД СТЛ)

	Русский	English	Français
	Лицо распространило сведения, умаляющие честь и достоинство либо репутацию судьи или другого должностного лица международного уголовного суда.	The perpetrator made a communication harming a reputation of a judge or other official of an international criminal tribunal or their dignity, or decreasing the respect in which they are held.	L'auteur a tenu des propos portant atteinte à l'honneur, la dignité ou la réputation d'un juge ou d'un autre fonctionnaire d'une juridiction pénale internationale.
2.	Эти сведения не соответствовали действительности.	This communication was false.	Ces propos étaient faux.
3.	Лицо имело намерение распространить такие сведения.	The perpetrator meant to make such a communication.	L'auteur entendait tenir ces propos.
4.	Лицо знало, что эти сведения являются ложными.	The perpetrator knew that their communication was false.	L'auteur était conscient que ces propos étaient faux.
	Español	**中文文本**	**العربية**
	La persona difundió información que menoscaba el honor, la dignidad o la reputación de un juez u otro funcionario de un tribunal penal internacional.	个人散布损害国际刑事法庭法官或其他官员的荣誉、尊严或声誉的信息。	قام الشخص بنشر معلومات تضر بشرف وكرامة أو بسمعة قاضٍ أو موظف آخر في محكمة جنائية دولية.
2.	Esta información era falsa.	该信息不属实。	كانت هذه المعلومات غير صحيحة.

3.	La persona tenía la intención de difundir dicha información.	个人有意散布该等信息。	كان لدى الشخص نية نشر هذه المعلومات.
4.	La persona sabía que esta información era falsa.	个人知道该等信息是不真实的。	كان الشخص يعلم أن هذه المعلومات غير صحيحة.

П. Отказ или уклонение свидетеля от дачи показаний в нарушение предписания суда

(пп. «i» и «iii» ч. «A» правила 77 ППД МТБЮ, пп. «i» и «iii» ч. «A» правила 77 ППД МТР, пп. «i» и «iii» ч. «A» правила 77 ППД СССЛ, пп. «i» и «iii» ч. «A» правила 90 ППД МОМУТ, пп. «i» и «iii» ч. «A» правила 77 ППД ОССССЛ, пп. «ii» и «iv» ч. «A» правила 60 bis ППД СТЛ)

	Русский	**English**	**Français**
	Лицу было вынесено предписание о необходимости давать показания либо явиться в суд для дачи показаний.	The Chamber ordered the perpetrator to give evidence or to appear to give evidence.	La Chambre a enjoint à l'auteur de témoigner ou de comparaître pour témoigner.
2.	Лицо отказалось либо уклонилось от дачи показаний.	The perpetrator refuses or fails to comply with this order.	L'auteur refuse ou manque de se plier à cette injonction.
3.	Лицо намеревалось отказаться либо уклониться от дачи показаний.	The perpetrator meant not to comply with this order.	L'auteur entendait ne pas se plier à cette injonction.
4.	Лицо знало о существовании предписания.	The perpetrator knew that the order existed.	L'auteur était conscient de l'existence de l'injonction.
	Español	**中文文本**	**العربية**
	La Cámara ordenó al imputado prestar testimonio o comparecer para hacerlo.	合议庭已下令证人出庭作证或出庭说明。	أمرت الدائرة للشاهد الإدلاء بشهادته أو الحضور للإدلاء بالشهادة.
2.	El imputado se negó o evadió cumplir con esta orden.	证人拒绝或逃避出庭作证。	رفض الشاهد أو امتنع عن الامتثال لهذا الأمر.
3.	El imputado tenía la intención de negarse o evadir prestar testimonio.	证人有意拒绝或逃避遵守该命令。	كان لدى الشاهد نية رفض أو الامتناع عن الامتثال لهذا الأمر.

4.	El imputado sabía de la existencia de la orden.	证人知道该命令的存在。	كان الشاهد على علم بوجود هذا الأمر.

P. Злостное уклонение от исполнения наказания в виде уплаты штрафа
(ч. 5 правила 166 ППД МУС)

	Русский	English	Français
	Лицо было приговорено к уплате штрафа либо осуществлению любой другой денежной выплаты.	The Chamber sentenced the perpetrator to a fine or any other payment.	La Chambre a condamné l'auteur à payer une amende ou à effectuer tout autre paiement.
2.	Приговор вступил в законную силу.	The sentence has become enforceable.	La condamnation est devenue exécutable.
3.	Лицо не осуществило положенных выплат в установленном порядке и сроки либо осуществило их частично.	The perpetrator did not make the payment in the time and under the terms specified or made it partially.	L'auteur ne s'est pas acquitté du paiement dans le temps et dans le respect des modalités imposés ou ne s'en est acquitté que partiellement.
4.	Лицо имело реальную возможность осуществить положенные выплаты.	The perpetrator had the means to make the payment.	L'auteur disposait des moyens lui permettant de s'acquitter du paiement.
5.	Лицо намеревалось не осуществлять выплаты либо осуществлять их частично.	The perpetrator meant not to make the payment or to make it partially.	L'auteur entendait ne pas s'acquitter du paiement ou s'en acquitter partiellement.
6.	Лицо знало о существовании и содержании приговора.	The perpetrator was aware of the sentence and its content.	L'auteur était conscient de l'existence et du contenu de la condamnation.
	Español	**中文文本**	**العربية**
	La Cámara condenó al acusado al pago de una multa o cualquier otra prestación pecuniaria.	合议庭判处犯罪实施者缴纳罚款或支付其他款项。	قضت الدائرة بإلزام الفاعل بدفع غرامة أو أي مستحقات مالية أخرى.
2.	La sentencia ha adquirido firmeza.	判决已生效。	أصبحت الحكم نافذاً وملزماً.

3.	El acusado no efectuó el pago en el plazo y bajo las condiciones establecidas o lo hizo parcialmente.	犯罪实施者未按规定期限和条件履行全部或部分支付义务。	لم يقم الفاعل بالسداد في المواعيد والشروط المحددة أو قام بالسداد جزئياً.
4.	El acusado tenía la capacidad real para efectuar el pago.	犯罪实施者有实际能力履行支付义务。	كان الفاعل يملك القدرة الفعلية على السداد.
5.	El acusado tuvo la intención de no efectuar el pago o de hacerlo parcialmente.	犯罪实施者有意不履行或部分履行支付义务。	قصد الفاعل عدم السداد أو السداد الجزئي.
6.	El acusado conocía la existencia y contenido de la sentencia.	犯罪实施者知道判决的存在及其内容。	كان الفاعل على علم بوجود الحكم ومضمونه.